

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXV-й.

І Ю Л Ь.

1894 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. За полстолѣтія. 1841 — 1892. Воспоминанія о пережитомъ. Доктора А. И. Ильинскаго. Часть вторая (1854 — 1864). Гл. VIII.....	1—43	IV. Адаевскій бунтъ на полуостровѣ Мангышлакъ въ 1870 году. П. Л. Юдина..	135—156
II. Записки М. Я. Ольшескаго. Кавказъ съ 1841 — 1866 г. Часть вторая. Гл. III—VIII.	44—108	V. Баронъ Николай Александровичъ Корфъ, въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ. IV. М. Л. Песковскаго.	157—194
III. За много лѣтъ. Воспоминанія Неизвѣстнаго (1844 — 1884).	109—134	VI. Автобіографія Юрьевскаго архимандрита Фотія. Книга вторая. Гл. I.	195—230
		VII. Библиограф. лист. (на оберт.)	

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ А. И. Ильинскаго. Грав. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1894 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по средамъ отъ 11 до часа по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъячская, 39.
1894.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го июля 1894 г.

Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова.

VI.

Ө. Г. Волковъ (основатель русскаго театра), его жизнь въ связи съ исторіей театральной старины. Биографическій очеркъ А. А. Ирцева. Съ портретами Ө. Г. Волкова, Дмитревскаго, Яковлева, Шавильщикова и Семеновой. Спб. 1891.

Очеркъ А. А. Ирцева состоитъ изъ двѣнадцати главъ. Въ первой главѣ (Театръ въ Россіи до Волкова) говорится о началѣ театра въ Западной Европѣ, о театрѣ въ Россіи, духовной драмѣ; затѣмъ объ иноземномъ театрѣ въ Россіи при Алексѣѣ Михайловичѣ и Петрѣ Великомъ, о спектакляхъ кадетовъ Сухопутнаго Шляхетскаго корпуса, которые разыгрывали трагедіи Сумарокова, и о волжикоенціи русскаго театра. Изъ второй главы (Волковъ до зарожденія въ немъ любви къ театру) мы узнаемъ о дѣтствѣ Өдора Григорьевича Волкова, его первоначальномъ образованіи. Возвратившись изъ Заиконоспасской академіи, гдѣ онъ пробылъ около трехъ лѣтъ, Волковъ приписанъ дѣятельное участіе въ торговнѣ дѣлахъ отчима Полушкина. Посѣщеніе оперы въ Петербургѣ, куда онъ пріѣхалъ по торговымъ дѣламъ, — было главнымъ толчкомъ въ развитіи его страсти къ сценѣ; онъ усердно посѣщаетъ пѣмецкіе, французскіе и особенно итальянскіе спектакли, знакомится съ устройствомъ сцены, срисовываетъ декорации, дѣлаетъ чертежи, изучаетъ теорію сценическаго искусства и въ два года, проведенныя въ Петербургѣ, онъ успѣваетъ много узнать, увидѣть и изучить.

Въ слѣдующей главѣ (Волковъ — основатель русскаго театра) говорится о дѣятельности его по возвращеніи изъ Петербурга въ Ярославль: сначала онъ разыгрываетъ съ своими братьями и товарищами разныя пьесы въ своей комнатѣ, затѣмъ устраиваетъ театръ въ кожевномъ амбарѣ. Спектакли заинтересовали ярославцевъ. Восвода Мусинъ-Пушкинъ и помѣщикъ Майковъ уговорили нѣкоторыхъ ярославскихъ купцовъ и дворянъ сдѣлать пожертвованія на устройство болѣе удобнаго театра, который и былъ построенъ. Волковъ самъ былъ архитекторомъ, машинистомъ и директоромъ въ своемъ театрѣ, самъ былъ авторомъ пьесъ, композиторомъ, режиссеромъ и первымъ актеромъ въ своей труппѣ. Черезъ два года послѣ открытія театра, по повелѣнію императрицы Елисаветы Петровны, Волковъ со своею труппою разыгрывалъ въ Царскомъ Селѣ трагедіи Сумарокова. Спектакли понравились, и Волковъ съ труппою оставленъ былъ при дворѣ и отданъ въ первую роту кадетскаго корпуса, гдѣ и обучался наукамъ, иностраннымъ языкамъ, гимнастикѣ и декламации.

Въ четвертой главѣ (Волковъ — придворный актеръ) говорится объ учрежденіи русскаго театра (30-го августа 1766 г.) и дѣятельности Волкова, получившаго званіе „пер-

ваго придворнаго актера“, — при востшествіи на престолъ Екатерины II. На коронаціонныя празднества, въ 1763 г., была отправлена въ Москву придворная труппа съ Волковымъ во главѣ. Устройство грандіознаго маскарада — «Торжествующая Минерва» было невольною причиною его смерти. Увлеченный желаніемъ выполнить какъ можно добросовѣстнѣе программу маскарада, Өдоръ Григорьевичъ самъ, раздѣжая по улицамъ, слѣдилъ за точностію и порядкомъ трехдневнаго шествія; при этомъ онъ простудился и умеръ въ молодыхъ годахъ, — 34-хъ лѣтъ отъ роду.

Въ пятой главѣ авторъ дѣлаетъ довольно обстоятельную характеристику Ө. Г. Волкова, какъ человѣка, артиста и общественнаго дѣятеля, и выясняетъ его значеніе въ исторіи русскаго театра.

Въ слѣдующихъ главахъ говорится о первыхъ русскихъ актерахъ: въ шестой — о Иванѣ Аванасьевичѣ Дмитревскомъ; въ седьмой — о Петрѣ Алексѣевичѣ Шавильниковѣ, его сочиненіяхъ и значеніи въ литературѣ; въ восьмой — о Яковѣ Емельяновичѣ Шушеринѣ; въ девятой — о Алексѣѣ Семеновичѣ Яковлевѣ, о трагедіяхъ Озерова и игрѣ въ нихъ Яковлева. Въ главѣ десятой говорится о первыхъ русскихъ актрисахъ, — о жизни и сценической дѣятельности Татьяны Михайловны Троспольской; въ одиннадцатой — о Сандуновыхъ, причѣмъ авторъ подробно останавливается на очень интересномъ эпизодѣ въ закулисныхъ хроникахъ — на событіяхъ, сопровождавшихъ бракъ Лизавьны Урановой съ Силою Николаевичемъ Сандуновымъ, — бракъ, послѣ пятнадцати лѣтъ нѣтъвѣстной грубо-прозаической развязки. Въ послѣдней, двѣнадцатой, главѣ авторъ говоритъ о Екатеринѣ Семеновнѣ Семеновою и ея дѣятельности.

Вотъ въ краткомъ перекладѣ содержаніе интереснаго очерка А. А. Ирцева. Въ заключеніи онъ говоритъ: «Дѣятельность актера такого, что не оставляетъ послѣ его смерти вещественныхъ слѣдовъ въ памяти и поученіе грядущимъ поколѣніямъ, но она благотѣльно отражается въ умахъ и сердцахъ его современниковъ и чрезъ это невидимо приноситъ благіе плоды и ихъ отдаленнымъ потомкамъ».

Архивъ князя Ө. А. Куракина. Книга четвертая, изданная почетнымъ членомъ Археологическаго института, княземъ Ө. А. Куракинымъ, подъ редакціею В. Н. Смольянинова. Саратовъ. 1893 г. 478 + XXII. Цѣна 4 руб.

Въ четвертую книгу «Архива князя Ө. А. Куракина», кромѣ документовъ Петровской эпохи, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ и охватывающихъ собою время по 1711 г. включительно, вошли еще нѣкоторые изъ древнихъ столбцовъ, принадлежащихъ Надеждинскому архиву, изъ которыхъ большая часть трактуеть о родѣ князей Одоевскихъ, къ которому принадлежала Феодосія Алексѣевна, мать князя Б. И. Куракина.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1894.

ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИ

ВЪ 1753 Г.

ДОКТОРЪ МЕДИЦИНЫ
А. И. ИЛЬИНСКІИ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1894 г.

И Ю Л Ъ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39
1894.

ЗА ПОЛСТОЛѢТІЯ.

1841 — 1892.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ.

Доктора А. И. Ильинскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(1854 — 1864).

ГЛАВА VIII ¹⁾.

Послѣ коронаціи.—Новая встрѣча съ Шерингомъ.—Хлопоты о новомъ назначеніи.—Реформы въ медицинскомъ мирѣ.—Евюхинъ.—Служба въ Александровскомъ корпусѣ.

Послѣ коронаціи императора Александра Николаевича, совершившейся въ Москвѣ 26-го августа 1856 года, дворъ оставался въ Москвѣ до начала октября. 1-го октября государь возвратился изъ Москвы и проѣхалъ прямо въ Царское Село. 2-го октября послѣдовалъ торжественный въѣздъ императора въ Петербургъ. Еще съ самаго утра замѣчалось громадное движеніе и одушевленіе въ столицѣ, народъ стремился къ царскосельскому вокзалу и покрылъ всю площадь противъ вокзала (она была тогда довольно пустынна: сквера предъ Семеновскимъ госпиталемъ не было), а равно и весь путь слѣдованія императора отъ вокзала по Загородному проспекту, Владимірской улицѣ, по Невскому проспекту и Адмиралтейской площади, вплоть до Зимняго дворца, былъ усѣянъ тысячами народа; по пути предстоящаго шествія были разставлены войска, артиллерія помѣстилась, кажется, на Семеновскомъ плацу. Все ждало съ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1894 года, июнь.

напряженнымъ вниманіемъ. Я смотрѣлъ церемонію изъ оконъ церкви Семеновскаго госпиталя. Наконецъ въ 1 часъ дня наступила торжественная минута, когда императоръ, прибывшій изъ Царскаго Села, показался на крыльцѣ вокзала. Трудно описать этотъ моментъ: толпа заколыхалась, оглушительные крики «ура!», смѣшанные съ пушечной пальбой и колокольнымъ звономъ, наполнили воздухъ; тысячи шапокъ взвились вверхъ, и неумолкаемые крики, пушечная пальба и колокольный звонъ слились въ одинъ гулъ и не прекращались, пока шествіе, по направленію къ Загородному проспекту, не скрылось изъ виду. Трудно, повторяю, описать эту торжественную минуту: нужно видѣть и слышать все, что тогда происходило и нужно чувствовать тотъ восторгъ, который въ подобныя, столь рѣдкія и торжественныя, минуты наполняетъ сердце русскаго челоука!

Вскорѣ послѣ коронаціи императора, когда дѣйствующій Семеновскій полкъ возвратился изъ Москвы, началось расформированіе гвардейскихъ резервныхъ полковъ, и вотъ тутъ-то наступили для меня новыя опасенія, чтобы не остаться за штатомъ. Все, конечно, зависѣло отъ Шеринга. Однако, крымская война значительно уменьшила число врачей, и притомъ многіе изъ нихъ, служившихъ въ дѣйствующемъ Семеновскомъ полку, получили другое назначеніе. Вслѣдствіе этого, изъ резервнаго я былъ перечисленъ въ дѣйствующій Семеновскій полкъ и теперь, повидимому, надолго укрѣпился въ гвардіи. Владиміровъ сдѣлался опять, какъ прежде было, полковымъ штабъ-лѣкаремъ и старшимъ врачомъ госпиталя. Настали болѣе спокойныя времена, хотя служба была все-таки не легкая. Дежурить по госпиталю приходилось черезъ 2—3 дня, смотря по тому, сколько было врачей. Я завѣдывалъ различными отдѣленіями, смотря по тому, какое назначалъ мнѣ старшій врачъ, а перемѣны эти были нерѣдки, потому что тасовка врачей и прикомандированія ихъ къ различнымъ гвардейскимъ госпиталямъ—Измайловскому, Преображенскому и Финляндскому—были часты, а поэтому и случалось такъ, что сегодня я завѣдую внутреннимъ отдѣленіемъ, а завтра глазнымъ; дня черезъ три опять внутреннимъ, а спустя нѣсколько дней хирургическимъ или сифилитическимъ. Въ то же время въ Петербургѣ свирѣпствовала и злая гостья—азиатская хо-

лера, а потому приходилось завѣдывать и холернымъ отдѣленіемъ, смотря по тому, изъ какого отдѣленія убывалъ врачъ. Точно такъ же перемѣщали изъ отдѣленія въ отдѣленіе и другихъ врачей, бывшихъ въ госпиталѣ. Кромѣ госпиталя, необходимо было присутствовать на полковыхъ ученіяхъ, на смотрахъ и парадахъ, куда врачи назначались по очереди. Были также непрерывныя командировки по причинѣ вскрытія тѣлъ скоропостижно умершихъ въ другихъ гвардейскихъ полкахъ. Все это требовало времени и издержекъ, а между тѣмъ на всѣ эти разъѣзды ничего не отпускалось, а потому приходилось часто ходить пѣшкомъ на большія разстоянія. Человѣкъ, однимъ словомъ, никогда не былъ спокоенъ, имѣлъ массу начальства: кромѣ полковаго врача и генераль-штабъ доктора, помощникъ послѣдняго и докторъ гвардейской пѣхоты (въ то время имъ былъ Франкъ), полковой и батальонный командиры, не говоря уже о другихъ высшихъ военныхъ и медицинскихъ начальникахъ, простирали свою власть на младшихъ врачей. Всѣ начальствующіе были люди съ характеромъ, своеобразными привычками и требованіями, и угодить всѣмъ рѣшительно не было никакой возможности. Младшій врачъ тогда находился въ какомъ-то заколдованномъ кругу и, принимая во вниманіе, что онъ былъ обязанъ лѣчить всѣхъ чиновъ полка, которые вовсе не церемонились дѣлать частыя приглашенія младшихъ врачей, послѣднимъ рѣшительно не было отдыха. Было, однимъ словомъ, такое состояніе, которое характеризуется, какъ я замѣтилъ выше, русской мѣткою пословицей: «не довернешься—бьютъ, и перевернешься—бьютъ».

Я завѣдывалъ еще фельдшерскими учениками при госпиталѣ, т. е. обучалъ ихъ теоретически и практически, и былъ какъ-то особенно несчастливъ на всѣ непріятности, неразлучныя въ то время съ званіемъ младшаго врача въ полку и не зависѣвшія отъ служебныхъ упущеній.

Былъ я, однажды, дежурнымъ по госпиталю. Въ Петербургѣ въ то время свирѣпствовала холера, и въ госпиталь поступало довольно холерныхъ больныхъ. Дежурю я спокойно и только кончилъ вечернюю визитацію, какъ ко мнѣ явилась женщина, жена писаря. Женщина эта заявила, что мужъ ея, писарь, заболѣлъ холерою и требовала, чтобы я немедленно шелъ подать ему пособіе.

По уставу, изъ госпиталя дежурный врачъ не имѣеть права отлучаться, а съ другой стороны, по закону, писарь, какъ нижній чинъ, въ случаѣ заболѣванія, особенно заразною болѣзнію, долженъ быть немедленно доставленъ въ госпиталь. Я отказалъ той женщинѣ и сказалъ ей, чтобы она немедленно доставила мужа въ госпиталь. Больной однако не былъ доставленъ. Спустя дня два, вдругъ я получаю записку изъ штаба гвардейскаго корпуса, чтобы на другой день я немедленно явился къ начальнику штаба. Я началъ обдумывать — зачѣмъ могъ бы меня потребовать начальникъ штаба, и почему требуетъ меня прямо, а не черезъ начальство? Мнѣ и въ голову не приходило, что причиною была болѣзнь писаря, потому что я считалъ себя законно-поступившимъ въ дѣлѣ отказа послѣдовать за его женою на квартиру, тѣмъ болѣе, что жилъ въ казармѣ, почти противъ госпиталя. Итакъ, я надѣлъ полную форму и отправился къ начальнику штаба.

— На какомъ основаніи вы, милостивый государь, не пошли для поданія пособія заболѣвшему писарю такому-то? спросилъ меня начальникъ штаба.

— Я, ваше превосходительство, былъ дежурнымъ по госпиталю и не имѣлъ права отлучиться по закону, и притомъ заболѣвшіе нижніе чины, особенно заразною болѣзнію, должны быть немедленно доставлены въ госпиталь.

— Нѣтъ, милостивый государь! Причина вовсе не та, а вотъ чтò: вы знали, что писарь не можетъ заплатить вамъ нѣсколько рублей... Если бы заболѣлъ богатый человѣкъ, вы бросили бы все и пошли бы, и онъ не умеръ бы отъ холеры... А знаете ли вы, что этотъ писарь умеръ и именно потому, что вы не пошли. Это стыдно! Это корыстолюбіе. Идите прочь!

Я хотѣлъ еще возражать и доказать, что поступалъ законно, но генераль замѣтилъ:

— Безъ всякихъ оправданій!

Я вышелъ отъ него, какъ ошпаренный. Сходя съ лѣстницы, я встрѣтилъ генераль-штабъ доктора Шеринга, идущаго къ начальнику штаба съ утреннимъ докладомъ.

— Вы чтò тутъ дѣлаете? — спросилъ онъ меня.

Я объявилъ ему все и передалъ то, что сказалъ мнѣ начальникъ штаба.

— Отправляйтесь спокойно... Я сейчасъ буду тамъ. Вы имѣли полное право не ходить къ этому писарю... Вотъ я сейчасъ пойду и скажу имъ, что они по пустякамъ беспокоятъ моихъ врачей во время утренней визитаціи въ госпиталь... Отправляйтесь въ госпиталь: уже время дѣлать визитацію...

Какъ камень спалъ съ сердца у меня послѣ такой случайной встрѣчи съ Шерингомъ и особенно послѣ того, какъ онъ принялъ мою сторону. Я отправился въ госпиталь и началъ визитацію. Не прошло и часу, какъ звонокъ возвѣстилъ о прибытіи Шеринга, который немедленно вызвалъ меня.

— Какъ вы смѣли не пойти къ этому писарю?... Онъ умираетъ отъ холеры по вашей винѣ (подлинныя слова)!

— Я уже докладывалъ вашему превосходительству, что я былъ дежурнымъ и не имѣлъ права отлучиться...

— Стыдно, милостивый государь! Вы знали, что писарь вамъ не платитъ и не пошли... Вотъ я не таковъ, какъ вы... Я иду къ бѣдному безъ денегъ... Я еще въ Дерптѣ былъ такимъ... Такъ рано вы не хотите ходить къ больнымъ, если они не платятъ!.. Что же будетъ дальше?

— Я повторяю, ваше превосходительство, что былъ дежурнымъ...

— Вздоръ! вы не можете служить въ гвардіи... Начальникъ штаба требуетъ васъ перевести изъ гвардіи въ Кавказскую армію... Такое корыстолюбіе въ гвардіи невозможно!

— Вы сами же, ваше превосходительство, сказали мнѣ, на лѣстницѣ въ штабѣ, что я имѣлъ право не идти къ писарю по причинѣ дежурства...

— Я думалъ, что вы не желали получить съ него деньги... Начальникъ штаба сказалъ, что вы ходили бы, если бы знали, что онъ платитъ вамъ.

— Я не требовалъ денегъ... Если будетъ доказано, что желалъ взять деньги и требовалъ ихъ, то я согласенъ идти не только въ Кавказскую армію, но куда угодно: даже въ крѣпость или въ тюрьму...

— Зачѣмъ такъ далеко ходить, любезный? Мы это посмотримъ...

Съ этими словами Шерингъ направился къ выходу и уѣхалъ.

Непріятное событіе это надолго отравило мое спокойствіе. Прошло нѣсколько дней, и все было тихо. Вдругъ я получаю предписаніе отъ Шеринга, чтобы донести ему — почему я не пошелъ къ писарю для поданія ему пособія, по случаю заболѣванія холерою.

Я донесъ, что не могъ отлучиться, такъ какъ былъ дежурнымъ по госпиталю и для одного, не имѣвшаго права лѣчиться на дому писаря, даже и трудно-заболѣвшаго, не могъ оставить болѣе сотни другихъ трудныхъ больныхъ, изъ которыхъ болѣе 20 одержимы также холерою и требуютъ неотступнаго нахожденія врача.

Шерингъ не удовлетворился этимъ отвѣтомъ и далъ мнѣ новое предписаніе, — почему я не спросилъ разрѣшенія отлучиться изъ госпиталя у старшаго врача, для поданія пособія трудно заболѣвшему холерой писарю. На это я донесъ, что для меня обязательны только постановленія по военно-медицинской части, воспреещающія какъ отлучку дежурнаго врача изъ госпиталя, такъ и лѣченіе на дому нижнихъ чиновъ, особенно одержимыхъ заразительными болѣзнями, которыя могутъ при домашнемъ лѣченіи распространяться и на другихъ лицъ, живущихъ въ казармахъ, а такъ какъ писарь жилъ именно въ казармѣ, то я и не счелъ нужнымъ обращаться къ старшему врачу за разрѣшеніемъ, зная, что онъ меня не отпуститъ; при томъ же, директоръ медицинскаго департамента, посѣтивъ однажды госпиталь и не найдя дежурнаго (котораго не было вслѣдствіе недостатка врачей), приказалъ, чтобы дежурство въ госпиталѣ совершалось неупустительно.

Послѣ этого я не получалъ уже никакихъ запросовъ, и дѣло, по видимому, не получило дальнѣйшаго хода, но тѣмъ не менѣе неудовольствіе Шеринга на меня возростало и выражалось различными придирками при каждомъ удобномъ случаѣ.

Одинъ изъ баталіоновъ Семеновскаго полка долженъ былъ выступить изъ Петербурга на зимнія квартиры въ деревню, отстоявшую отъ города въ 16 верстахъ, неподалеку отъ села Пулково.

Шерингъ назначилъ меня идти съ этимъ баталіономъ, на всю осень и зиму 1856—1857 года. Въ предписаніи по этому предмету, къ старшему врачу, было сказано, что я всю Крымскую

кампанію находилъся въ Петербургѣ и успѣлъ выдержать экзаменъ на доктора, а другіе врачи несли усиленную службу въ дѣйствующихъ полкахъ, и потому имѣютъ болѣе правъ на оставленіе въ Петербургѣ... Вслѣдствіе этого я, хотя и не числящійся въ выступающемъ баталіонѣ, долженъ быть перечисленъ въ него и обязанъ выступить съ нимъ въ деревню.

Я не считалъ нужнымъ протестовать противъ такого распоряженія и отправился съ баталіономъ въ деревню, но просилъ у старшаго врача Владимірова разрѣшить мнѣ, изрѣдка, по собственнымъ дѣламъ, на короткое время, отлучаться въ Петербургъ. Я получилъ это разрѣшеніе. Пока баталіонъ собирался въ деревню, прошло около недѣли. Въ теченіе этого времени я еще дежурилъ по госпиталю. Однажды, въ день моего дежурства, часовъ въ 10 вечера меня потребовали на квартиру командира полка, генерала Бистрома.

Помня случай съ писаремъ, я отправился къ старшему врачу, чтобы попросить его разрѣшенія на отлучку съ дежурства. Его не было дома, а между тѣмъ новый посланный требовалъ меня немедленно къ командиру полка. Я отправился безъ всякаго разрѣшенія.

Генералъ Бистромъ встрѣтилъ меня очень ласково и просилъ осмотрѣть его больную дочь, у которой появилась рвота, поносъ, легкія судороги и проч. (Время было холерное). Бистромъ меня предупредилъ, что послано за Шерингомъ, что послѣдній домашній врачъ ихъ и чтобы я до прибытія Шеринга подаль больной необходимое пособіе. Признаюсь, положеніе мое было критическое. Шерингъ долженъ пріѣхать, а онъ гомеопать... Какъ мнѣ лѣчить больную? Если назначу аллопатическое лѣченіе, въ случаѣ смерти больной, Шерингъ скажетъ, что я виноватъ въ этомъ исходѣ, потому что не вѣрно лѣчилъ. Если назначу гомеопатическое лѣченіе, то поступлю противъ совѣсти моей и могу навредить больной этимъ негативнымъ лѣченіемъ. А лѣчить нужно: болѣзнь не ждетъ, больную рветъ и слабитъ, судороги сводятъ ноги; Шерингъ же, какъ на-зло, замѣшкался. Сталъ я припоминать шеринговскую методу лѣченія. Она состояла въ растираніи тѣла фланелью и щетками, въ назначеніи камфарнаго спирта (*spiritus camphorae*) внутрь

по 1—2 капли, каждыя $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ часа и фосфорнаго спирта (spiritus phosphori) по 1 капль каждыя $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ часа. Я подумалъ, что если сдѣлаю больной растираніе и назначу камфару, по методѣ Шеринга, то не поврежу этимъ, потому что растиранія очень полезны, а камфара возбуждающее и полезное средство въ холерѣ. Я привелъ все это въ исполненіе, а съ фосфорнымъ спиртомъ (spiritus phosphori) рѣшился повременить. Едва я окончилъ растиранія тѣла и далъ больной два приема камфарнаго спирта, какъ пріѣхалъ Шерингъ. Я встрѣтилъ его и изложилъ ему состояніе больной.

— Что вы дали больной? спросилъ онъ меня.

Я отвѣчалъ, что сдѣлалъ ей растиранія тѣла и далъ камфарный спиртъ по 2 капли черезъ 15 минутъ, два приема.

— Это вы хорошо сдѣлали... Но дайте же ей фосфорный спиртъ (spiritus phosphori) тоже по 2 капли черезъ $\frac{1}{2}$ часа. Впрочемъ, теперь я буду ее лѣчить.

Какъ гора спала у меня съ плечъ, лишь только я услышалъ эти слова. Шерингъ началъ прописывать лѣкарство и, окончивъ это дѣло, онъ сказалъ мнѣ:

— Тутъ вы приходили, потому что это не писарь, а командиръ полка.

— А вы хотите, чтобы докторъ не пришелъ на мое приглашеніе? спросилъ Бистромъ и продолжалъ: — я бы его отдалъ подъ судъ...

— Нѣтъ! мы имѣемъ свои счеты, отвѣтилъ Шерингъ и замолчалъ.

Затѣмъ онъ уѣхалъ, поручивъ мнѣ наблюсти еще состояніе больной, что я и исполнилъ, оставшись еще часа на два. Въ это время я ходилъ посмотрѣть, что дѣлается въ госпиталѣ, и опять возвратился. Лѣченіе продолжалъ Шерингъ, и больная, какъ я узналъ впоследствии, выздоровѣла.

Вскорѣ послѣ этого, я отправился съ батальономъ въ деревню, жилъ тамъ безвыѣздно болѣе мѣсяца. Дѣлать было нечего: больныхъ не было; они если и случались, отправлялись въ Царскосельскій военный госпиталь; тоска была смертельная. Командиръ батальона былъ полковникъ князь Барятинскій (родственникъ фельд-маршала), ротный командиръ стрѣлковой роты былъ Энгельгардтъ.

Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ я не былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и не имѣлъ способности понравиться имъ.

Соскучившись въ деревнѣ и имѣя дѣло въ Петербургѣ, я однажды отправился въ городъ. Въ мое отсутствіе произвели ученіе стрѣлковой ротѣ Энгельгардта, и именно упражненія въ стрѣльбѣ. На этомъ ученіи былъ раненъ одинъ рядовой. Раненаго слѣдовало отправить въ ближайшій Царскосельскій госпиталь, но его отправили въ Петербургъ, въ Семеновскій госпиталь, и даже не наложили настоящей перевязки, чтобы хорошо унять кровотеченіе. Не зная ничего объ этомъ, я зашелъ въ полковой госпиталь, гдѣ встрѣтилъ старшаго врача, Владимірова, блѣднаго и весьма разстроеннаго.

— Плохо дѣло! сказалъ онъ и продолжалъ: вы уѣхали изъ деревни, безъ васъ сочинили стрѣльбу, ранили солдата и привезли его сюда... Всю дорогу у него было кровотеченіе... Хоть бы догадались отправить его въ Царскосельскій госпиталь... Я не знаю, что теперь будетъ...

— Василій Дмитріевичъ! Я не виноватъ... Они никогда не приглашали меня на стрѣльбу и не давали мнѣ знать—когда назначено ученіе... Я не поѣхалъ бы въ Петербургъ... Я пріѣхалъ сюда, пользуясь вашимъ разрѣшеніемъ... Защитите меня...

— Нѣтъ! Раздѣлывайтесь сами... Я разрѣшилъ вамъ отлучки частнымъ образомъ, не въ тѣ дни, когда есть ученіе со стрѣльбою, и вдобавокъ я не принималъ на себя никакой отвѣтственности.

— Что же будетъ?

— Я не знаю... Какъ взглянуть на это... Вы знаете, что о подобныхъ происшествіяхъ доносятъ на Высочайшее имя...

Я струсилъ не на шутку, и дѣйствительно, при нерасположеніи ко мнѣ Шеринга, дѣло могло кончиться дурно.

Вечеромъ я получилъ приказаніе явиться на другой день къ командиру полка, а между тѣмъ въ тотъ же вечеръ въ госпиталь къ раненому прибыли: генераль штабъ-докторъ Шерингъ, его помощникъ Пржесмыцкій, докторъ гвардейской пѣхоты Франкъ, начальникъ штаба гвардіи и командиръ полка, генераль Бистромъ. Дѣло шло о томъ—отнять ли руку раненому или лѣчить его безъ операціи? Всѣ врачи настаивали на операціи, но Шерингъ воспротивилъ-

ся, а такъ какъ мнѣніе начальника въ то время было рѣшающимъ, даже и въ дѣлѣ лѣченія, то и рѣшили лѣчить раненаго безъ операціи. Вопросъ о томъ—какъ это все случилось и кто виновенъ, а равно, былъ ли на стрѣльбѣ врачъ или нѣтъ?—не былъ поднимаемъ. Когда всѣ развѣхались, Владиміровъ сказалъ мнѣ:

— Ну, счастливы вы, что никому не пришло на мысль спросить—какъ все было и почему раненый привезенъ сюда? Я пойду теперь къ командиру полка и поговорю съ нимъ.

На другой день я представился командиру полка.

— Какъ вы рѣшились отлучиться отъ батальона и оставить его на произволъ судьбы?

— Мнѣ крайне было нужно быть здѣсь... Я воспользовался частнымъ разрѣшеніемъ полковаго врача.

Извольте немедленно отправиться къ батальону и не выѣзжать оттуда безъ моего разрѣшенія.

Итакъ, гроза миновала, благодаря Владимірову и командиру полка, генералу Бистрому.

Тяжелая служба въ госпиталѣ и въ полку, постоянныя командировки, лѣтомъ—лагерная жизнь, зимою—стоянка въ деревнѣ, а главное постоянное безпокойство и третированіе младшаго врача свысока всѣми начальствующими лицами, привыкшими считать его какою-то безчувственною машиною, заставили меня искать возможности устроиться иначе. Въ Семеновскомъ полку служили со мною двое сыновей главнаго доктора военно-учебныхъ заведеній Елеазара Никитича Смѣльского. Оба они были молодыми офицерами и часто дежурили со мною въ Семеновскомъ госпиталѣ. Они сообщили мнѣ, что въ Пажескомъ корпусѣ открывается вакансія младшаго врача, и совѣтовали обратиться къ ихъ отцу, который былъ не прочь назначить меня на это мѣсто. Вслѣдствіе этого я представился Е. Н. Смѣльскому. Онъ принялъ меня милостиво и посоветовалъ побывать у директора Пажескаго корпуса, генерала Желтухина. Послѣдній также былъ согласенъ на назначеніе меня въ корпусъ. Оба они Смѣльскій и Желтухинъ—совѣтовали мнѣ представиться лейбъ-медику Ивану Васильевичу Енохину, который тогда, оставивъ мѣсто главнаго доктора военно-учебныхъ заведеній, назначался директоромъ военно-медицинскаго департамента. Я исполнилъ этотъ совѣтъ.

Енохинъ принялъ меня хорошо и обѣщаль исполнить мою просьбу. Я вышелъ отъ него обнадеженный и довольный. Однако, назначеніе мое въ Пажескій корпусъ не состоялось, потому что въ дѣло вмѣшалась жена Енохина. У нея былъ племянникъ, лѣкарь З., служившій въ Царскомъ Селѣ, въ Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ младшимъ врачомъ, и вотъ жена Енохина пожелала, чтобы ея племянникъ былъ переведенъ въ Пажескій корпусъ. Енохинъ былъ человекъ безхарактерный, слѣпо повиновавшійся своей женѣ, и потому не могъ ей отказать. З. былъ переведенъ изъ Александровскаго малолѣтняго корпуса въ Пажескій. Здѣсь къ чести З. я долженъ замѣтить, что онъ былъ весьма дѣльный и подававшій большія надежды врачъ. Я сталъ тогда просить о назначеніи меня на мѣсто З. въ Александровскій корпусъ, куда я былъ назначенъ въ началѣ іюня 1857 года. Нужно замѣтить, что я былъ докторъ медицины, и ученая степень давала мнѣ преимущество предъ З., какъ лѣкаремъ; но въ подобныхъ случаяхъ всѣ ученныя степени отодвигаются на задній планъ.

Прежде, нежели скажу о службѣ моей въ Александровскомъ малолѣтнемъ корпусѣ, считаю обязанностію упомянуть о важныхъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ это время въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ и въ медико-хирургической академіи.

Директоромъ военно-медицинскаго департамента и президентомъ академіи, какъ читатель уже знаетъ, былъ Венцеславъ Венцеславовичъ Пеликанъ. Въ Крымскую кампанію, какъ также извѣстно, былъ громадный недостатокъ врачей въ арміи, что побудило дѣлать усиленные выпуски врачей изъ академіи и изъ университетовъ. Эти недостатки не могли не отразиться дурно на санитарномъ состояніи въ дѣйствующей арміи. Въ военно-временныхъ и полевыхъ госпиталяхъ и лазаретахъ также была большая неурядица. Наконецъ, и медико-хирургическая академія въ то время не могла похвалиться особыми порядками. Были дѣльные профессора, но хозяйственная часть, которою завѣдывалъ вице-президентъ Бальбіони, была далеко не въ блестящемъ состояніи. Случилось, между прочимъ, весьма непріятное событіе: нѣсколько студентовъ академіи, недовольныхъ порядками, въ ней царившими, и, кажется, всего больше пищей, улучили возможность на Дворцовой набережной подойти къ прогу-

ливавшемуся по набережной императору Александру Николаевичу и принесли жалобу на порядки, существующіе въ академіи. Государь, выслушавъ ихъ, повелѣлъ имъ отъ его имени явиться къ военному министру Сухозанету, чтò они и исполнили. Сухозанеть арестоваль студентовъ на военной гауптвахтѣ и назначилъ слѣдствіе по академіи. Результатомъ было — паденіе Пеликана. Онъ былъ уволенъ отъ должности директора военно-медицинскаго департамента и президента академіи. На мѣсто Пеликана директоромъ военно-медицинскаго департамента былъ назначенъ лейбъ-медикъ государя, Иванъ Васильевичъ Енохинъ, а президентомъ академіи вскорѣ сдѣлался бывший профессоръ Казанскаго университета, Петръ Александровичъ Дубовицкій. Слѣдствіе въ академіи повлекло и разслѣдованіе порядковъ въ причисленномъ къ академіи 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ. Военный министръ Сухозанеть, посѣтивъ однажды упомянутый госпиталь, остался имъ очень недоволенъ. Главный докторъ госпиталя и профессоръ академіи Рклицкій былъ смѣненъ, а равно и смотритель госпиталя, полковникъ Линденеръ, былъ удаленъ отъ должности и переведенъ въ Варшаву, въ Александровскій госпиталь смотрителемъ же. На мѣсто Рклицкаго былъ назначенъ по рекомендаціи командира лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка Яшвиля, приходившагося родственникомъ Сухозанету, старшій врачъ л.-гв. Гусарскаго полка, надворный совѣтникъ Гребскій. Всѣ болѣе старшіе и заслуженные кандидаты потерпѣли неудачу, ибо такова была воля военнаго министра Сухозанета... И такъ, — въ академіи, и въ госпиталѣ при ней, произошли непредвидѣнныя и никѣмъ не ожидавшіяся перемѣны, которыя, впрочемъ, послужили, благодаря горячей дѣятельности П. А. Дубовицкаго, къ совершенному обновленію медико-хирургической академіи.

Говорять, что Енохину было предложено и мѣсто президента академіи, но онъ отклонилъ эту честь и согласился быть только директоромъ военно-медицинскаго департамента.

Возвышеніе Енохина восходитъ еще къ началу царствованія императора Николая Павловича. Отправляясь на турецкую войну 1828 года, государь просилъ своего лейбъ-медика Вилліе назначить ему хорошаго врача, который бы сопровождалъ его на театръ военныхъ дѣйствій и впослѣдствіи могъ бы быть назначенъ докто-

ромъ къ подроставшему наслѣднику престола Александру Николаевичу. Заботясь о своемъ царственномъ сынѣ, государь хотѣлъ прежде самъ и на себѣ самомъ испытать этого доктора. Енохинъ въ то время служилъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку. Онъ былъ высокаго роста, строенъ, красивъ и подавалъ блестящія надежды, что сдѣлается со временемъ хорошимъ врачомъ. Выборъ Вилліе палъ на Енохина, который кончилъ курсъ въ медико-хирургической академіи въ 1819 году и былъ товарищемъ Е. Н. Смѣльскаго, слѣдовательно былъ на службѣ менѣе 10 лѣтъ. Такимъ образомъ, Енохинъ отправился вмѣстѣ съ государемъ на театръ военныхъ дѣйствій. Въ то время происходила осада Силистріи. Перемѣна климата и вредныя мѣстныя условія повліяли на государя, и онъ заболѣлъ перемежающею лихорадкой, которая въ тѣхъ мѣстностяхъ свирѣпствуетъ эпидемически. Призвавъ Енохина и желая испытать его прежде въ томъ—до какой степени онъ можетъ оправдать довѣріе къ нему, государь объявилъ ему о своей болѣзни и приказалъ держать это въ тайнѣ, такъ какъ онъ не желалъ, чтобы осаждавшія Силистрію войска, узнавъ о болѣзни государя, упали духомъ. Сказавъ, что открываетъ свою болѣзнь только одному Енохину, государь повелѣлъ ему лѣчить себя.

Дѣйствительно, никто въ арміи и даже самыя приближенныя къ государю лица и не подозрѣвали, что государь нездоровъ. Енохинъ свято сохранилъ ввѣренную ему тайну и, оправдавъ довѣріе императора, вылѣчилъ его отъ болѣзни.

По окончаніи турецкой войны и по возвращеніи въ Петербургъ, Енохинъ вскорѣ былъ назначенъ докторомъ къ наслѣднику престола. Онъ заслужилъ и довѣріе своего державнаго паціента, сопровождая его вмѣстѣ съ поэтомъ В. А. Жуковскимъ и другими лицами, сначала въ путешествіи по Россіи, а потомъ и заграницей. Вскорѣ Енохинъ былъ назначенъ лейбъ-медикомъ и при вступленіи на престолъ императора Александра Николаевича пользовался его довѣріемъ и имѣлъ въ медицинскомъ мірѣ громадное значеніе. Говорятъ, что государь, послѣ раскрытія неурядицъ въ академіи и въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ, просилъ Енохина принять эти учрежденія въ свое вѣдѣніе и исправить то, что подлежало исправленію. Енохинъ принялъ мѣсто директора военно-медицинскаго департамента,

а такъ какъ онъ состоялъ еще главнымъ докторомъ военно-учебныхъ заведеній, то эта должность сдѣлалась вакантною и ее занялъ старшій врачъ Пажескаго корпуса, Е. Н. Смѣльскій, товарищъ Енохина по академіи. Управление Енохина военно-медицинскимъ департаментомъ ознаменовано нѣкоторыми реформами въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ.

Нужно замѣтить, что форма, которую носили военные врачи въ предшествовавшее царствованіе, отличалась большою скромностію. Форма младшаго врача мало отличалась отъ фельдшерской. Только красная выпушка на воротникѣ и на фалдахъ, да двѣ пуговицы на обшлагахъ, окаймленныхъ краснымъ кантомъ, отличали врача отъ фельдшера. Въ штабъ-офицерскихъ чинахъ на воротникѣ были шитыя серебромъ петлицы. Когда была введена атомистическая система лѣченія Мандта, въ послѣдніе годы царствованія императора Николая, то возникъ вопросъ о томъ, чтобы военные врачи имѣли на ученьяхъ и смотрахъ при себѣ нѣкоторыя атомистическія лѣкарства, для подавія первоначальной помощи заболѣвающимъ нижнимъ чинамъ. Тогда дали младшимъ врачамъ сумки на лакированной черезъ плечо носимой перевязи; но такъ какъ неудобно было носить сумку черезъ плечо, не имѣя никакой поддержки для нея, то дали жгуты: для младшихъ врачей тонкіе, для старшихъ—потолще изъ мишурной посеребренной канители, а на сюртукахъ погоны съ поперечнымъ галуномъ. Нарядъ младшаго врача дополняла каска и шпага. Въ 1855 году форма эта была измѣнена: мундиры съ фалдами уничтожены, даны съ полами и съ галунами на воротникѣ, а жгуты и погоны (поперечные) на плечахъ остались. Только статскіе совѣтники и выше имѣли особое платье на воротникѣ, обшлагахъ и у кармановъ, генеральскіе толстые жгуты на плечахъ и вообще довольно благообразную форму. Въ 1861 году, при управленіи департаментомъ Енохина, врачамъ пожалованы эполеты на прусскій образецъ, которые существуютъ и по сіе время. Пожалованіе эполетъ совершилось, кажется, безъ участія бывшаго въ то время военнымъ министромъ Сухозанета, который вообще не отличался благоволеніемъ къ военнымъ врачамъ. Енохину, на праздникъ Пасхи, въ 1861 году, эполеты съ вензелями императора (какъ лейбъ-медику) были присланы прямо отъ государя, предъ

заутреней, такъ что онъ во время пасхальной заутрени былъ въ церкви Зимняго дворца уже въ эполетахъ. Когда, въ день св. Пасхи, врачи явились поздравить Енохина съ праздникомъ, онъ вышелъ къ нимъ въ эполетахъ, что крайне изумило многихъ, не знавшихъ о пожалованіи эполетъ врачамъ. Тутъ-то Енохинъ объявилъ врачамъ о Высочайшей милости — пожалованіи эполетъ, и разъяснилъ недоразумѣніе, возникшее у многихъ при видѣ его въ эполетахъ.

Великіе князья, говорятъ, также прислали къ пасхальной заутренѣ эполеты своимъ врачамъ. Все это указываетъ на то, что пожалованіе эполетъ врачамъ совершилось безъ участія военнаго министра Сухозанета. Извѣстно, что черезъ 4 года службы военные врачи производятся въ чинъ IX класса (титулярнаго совѣтника) и со дня вступленія въ службу пользуются всѣми правами этого класса. Вслѣдствіе этого всѣ молодые врачи надѣли капитанскія эполеты, ибо чинъ IX класса соотвѣтствуетъ капитанскому. Черезъ 4 года службы врачъ, при производствѣ въ титулярнаго совѣтника, получаетъ 4 года старшинства на чинъ коллежскаго ассесора, къ которому поэтому тотчасъ же и представляется. Когда были пожалованы эполеты, то многіе гвардейскіе молодые врачи, слѣдовательно, надѣли штабъ-офицерскія эполеты, потому что чинъ коллежскаго ассесора соотвѣтствовалъ маіорскому чину. Врачи обязаны быть на смотрахъ, парадахъ и ученьяхъ, и тогда надѣвалась обыкновенно полная форма. Однажды, на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ, говорятъ, государь замѣтилъ, что большинство врачей въ густыхъ эполетахъ, и спросилъ Енохина: «почему такъ много врачей въ густыхъ эполетахъ». Енохинъ разъяснилъ причины и добавилъ, что, можетъ быть, Его Императорскому Величеству благоудно будетъ повелѣть, «чтобы эполеты присвоились врачамъ не по чинамъ, а по должностямъ»; но императоръ сказалъ: «если уже разъ даны эполеты, то слѣдуетъ ихъ носить по чинамъ, но наблюдать, чтобы чины давались по достоинству». Такимъ образомъ ношеніе эполетъ врачами по чинамъ, а не по должностямъ, было спасено, но, какъ видитъ читатель, благодаря означенному заявленію Енохина висѣло на волоскѣ. Только правильный взглядъ на дѣло императора и его безмѣрная доброта сохранили врачамъ то право, которое такъ недавно было имъ дано. Военные всегда

завидовали врачамъ, или вѣрнѣе ихъ правамъ, приобретаемымъ экзаменами на степень доктора или лѣкаря, и этимъ только объясняется тотъ тормазъ, который всегда подставляли врачамъ военныя власти относительно формы обмундированія, а потому улучшение формы врачей и пожалованіе эполетъ исходили единственно отъ Высочайшей воли.

Въ 1859 году, при Енохинѣ, пересмотрѣны росписанія окладовъ жалованья, и впервые назначены военнымъ врачамъ столовыя деньги. Прибавка жалованья всего болѣе была сдѣлана младшимъ врачамъ, а именно, вмѣсто 250 руб. въ годъ, они стали получать 333 р. жалованья и 129 рублей столовыхъ, за вычетомъ 6% въ эмеритуру, пенсіонный и инвалидный капиталы. Старшимъ врачамъ и вообще всѣмъ на высшихъ должностяхъ прибавка къ окладамъ жалованья сдѣлана весьма незначительная, но всѣмъ назначены столовыя деньги. Вслѣдствіе этого самыя высшіе медицинскіе чины стали получать (1 классъ росписанія окладовъ и столовыхъ денегъ № 17. 1859 года) по 846 рублей жалованья и столько же столовыхъ. Прибавка за выслугу пятилѣтій ($\frac{1}{4}$ оклада за каждыя 5 лѣтъ и полный окладъ за 20 лѣтъ) оставлены, такъ что по 1-му разряду (высшія должности — генераль-штабъ-доктора и проч.) по прослуженіи 20 лѣтъ получали $846 \times 3 = 2.538$ р. Пенсіи по службѣ (за 20 лѣтъ половину, за 30 лѣтъ полный окладъ) въ то же время отняты, но сохранены врачамъ, получавшимъ уже эти пенсіи. По расчету оказывается, что средняя должность (помощника главнаго врача или дивизионнаго доктора) подвергалась чрезъ отнятіе пенсій по службѣ, въ теченіе 35 лѣтъ, потери въ 11 тысячъ рублей.

Такимъ образомъ, несмотря на кажущуюся прибавку жалованья и назначеніе столовыхъ, въ матеріальномъ отношеніи, положеніе врачей ухудшилось, и этимъ военная медицина обязана военному министру Сухозанету, не любившему военныхъ врачей. Собственно говоря и не слѣдовало затрогивать этого вопроса. Тогда положеніе врачей было бы лучше, нежели теперь. Непрактичность означенной выше мѣры была причиною новыхъ прибавокъ жалованья и столовыхъ врачамъ, такъ что теперь высшіе военно-медицинскіе чины, а именно военно-медицинскіе инспектора получаютъ

уже не 846 руб. столовыхъ, а 2,000 рублей. Еслибы были оставлены пенсіи на службѣ, то не пришлось бы прибѣгать къ этимъ прибавкамъ, тѣмъ болѣе, что число врачей, получавшихъ пенсіи на службѣ, всегда было относительно небольшое, а прибавка столовыхъ денегъ всѣмъ врачамъ вполнѣдствіи очень обременила казну и гораздо больше, нежели пенсіи на службѣ. Выиграли, конечно, младшіе военные врачи, которые стали получать порядочное содержаніе, но все-таки, при постоянно-возрастающей дороговизнѣ, не вполнѣ ихъ обезпечивающее, а именно младшій врачъ теперь получаетъ 333 руб. жалованья и 265 — рублей столовыхъ, съ прибавками каждыя 5 лѣтъ $\frac{1}{4}$ оклада (изъ 333 рублей), а всего слѣдовательно онъ получаетъ черезъ 20 лѣтъ службы 931 рубль.

При Енохинѣ получило широкое развитіе и примѣненіе правило о прикомандированіи военныхъ врачей къ клиникамъ академіи, для усовершенствованія въ практической медицинѣ. Вскорѣ начали врачей прикомандировывать и къ клиникамъ университетовъ. Это дало возможность многимъ усовершенствоваться, выдержавъ экзаменъ на доктора и вообще обогатить себя какъ теоретическими, такъ и практическими знаніями. Посылка врачей за границу, на два года, на казенный счетъ, при Енохинѣ, также стала приводиться въ исполненіе, а именно каждые 2 года избирали по 8 человекъ изъ врачей, заявившихъ себя литературными трудами и имѣвшихъ ученую степень доктора, и отправляли ихъ для дальнѣйшаго усовершенствованія за границу, съ сохраненіемъ получаемого содержанія на службѣ, съ выдачею кромѣ того, каждому, по 1.200 рублей въ годъ, и съ правами, присвоенными государственной службѣ, т. е. съ зачетомъ этихъ двухъ лѣтъ въ службу по военно-медицинскому вѣдомству. Содержаніе отпускалось золотомъ. Это способствовало ознакомленію врачей съ новѣйшими открытіями и усовершенствованіями въ медицинѣ, а равно появленію многихъ самостоятельныхъ работъ, значительно подвинуло уровень практическихъ познаній и дало военно-медицинскому вѣдомству хорошихъ руководителей для молодыхъ врачей. Вообще время директорства Енохина, съ 1856 по 1862 годъ, послѣ бывшаго до Крымской кампаніи застоя въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ, ознаменовано многими реформами и улучшеніями быта и научной подго-

*

товки врачей. Необходимо замѣтить, что Енохинъ во многихъ благихъ начинаніяхъ встрѣчалъ сильное противодѣйствіе со стороны тогдашняго военнаго министра Сухозанета, который, опасаясь того, чтобы Енохинъ, какъ лейбъ-медикъ государя, не провелъ бы какой-либо реформы помимо его, Сухозанета, воспретилъ Енохину докладывать лично что-либо помимо военнаго министра, какъ непосредственнаго начальника директора военно-медицинскаго департамента; самъ же военный министръ, Сухозанеть, тормазилъ всѣ благія начинанія Енохина. Конечно, Сухозанеть дѣлалъ это для того, чтобы Енохинъ не могъ своимъ вліяніемъ парализовать дѣйствій Сухозанета, направленныхъ къ угнетенію военныхъ врачей.

Енохинъ, состоя лейбъ-медикомъ государя и цѣня Высочайшія къ нему милости и благоволеніе монарха, однажды обратился къ императору съ просьбой: дозволить приготовить достойнаго доктора для подроставшаго наслѣдника престола Николая Александровича. При этомъ Енохинъ просилъ, какъ милости, разрѣшить ему послать избраннаго имъ доктора на три года за границу для усовершенствованія на собственный его, Енохина, счетъ. Государь былъ весьма тронутъ этимъ участіемъ Енохина въ столь важномъ дѣлѣ и, выполнѣ полагаясь на своего лейбъ-медика, изъявилъ свое согласіе. Между тѣмъ, противная Енохину партія (нѣмецкая) еще прежде начала работать въ томъ же смыслѣ, т. е. желая приготовить наслѣднику престола доктора, но только изъ нѣмцевъ.

Енохинъ имѣлъ въ виду приготовить не только доктора для наслѣдника престола, но вмѣстѣ и достойнаго себѣ преемника изъ русскихъ врачей, съ тѣмъ чтобы избранное имъ лицо могло бы впоследствии имѣть значительное вліяніе, могущее послужить къ благу всей медицины. Онъ искалъ, поэтому, молодаго, дѣльнаго, холостаго и красиваго собою врача, имѣя въ виду, чтобы наружная представительность, при прочихъ равныхъ условіяхъ, дала бы впоследствии возможность этому врачу жениться на какой-нибудь вліятельной особѣ. Енохинъ поручилъ дѣло отысканія врача профессору медико-хирургической академіи Нороновичу и ученому секретарю той же академіи и профессору химіи — Зинину. Послѣ долгихъ, якобы, исканій, эти лица доложили Енохину, что не обрѣли очень молодаго и холостаго врача, выполнѣ соответствующаго цѣли,

а найденъ ими отличный врачъ, который, однако, женатъ. Врачъ этотъ былъ Шестовъ. Онъ приходился родственникомъ, кажется своякомъ, Зинину, который, будучи химикомъ, по аналогіи химическаго сродства, не могъ пренебрегать и кровнымъ сродствомъ. Шестовъ представился Енохину, понравился ему и получилъ миссію—ѣхать за границу на три года, на счетъ Енохина, съ тѣмъ, что по возвращеніи будетъ назначенъ докторомъ къ наслѣднику престола. Но нѣмецкая партія начала дѣйствовать противъ него...

Медико-хирургическая академія, съ назначеніемъ президентомъ ея Петра Александровича Дубовицкаго, зажила новою жизнію, потому что новый президентъ задался мыслию произвести полное обновленіе и возрожденіе этого высшаго заведенія для изученія медицины въ Россіи. Связи Дубовицкаго, покровительство Сухозанета, а впослѣдствіи просвѣщенное и въ высшей степени гуманное отношеніе къ дѣлу возрожденія академіи заступавшаго мѣсто Сухозанета, военнаго министра Дмитрія Алексѣевича Милютина дали возможность выхлопотать для академіи такія прерогативы, которыя были немислимы при прежнихъ президентахъ.

Нужно здѣсь сказать, что Дубовицкій былъ весьма богатъ: ежегодный доходъ его былъ, говорятъ, болѣе 200.000 рублей. Вслѣдствіе этого, у правящихъ лицъ не могло быть и мысли, чтобы Дубовицкій, выхлопывая кредиты на перестройку клиникакаго (2-го сухопутнаго) госпиталя и академіи, а равно о кредитѣ по улучшенію быта академіи, могъ имѣть въ виду что-либо иное, кромѣ истинной пользы академіи, а потому всѣ представленія Дубовицкаго были уважены, и медико-хирургическая академія вскорѣ стала обладать такими пособіями и средствами къ практическому изученію медицины, о которыхъ не рѣшался мечтать и всесильный въ два предъидущихъ царствованія лейбъ-медикъ Я. В. Вишле. 2-й сухопутный госпиталь, какъ академическій, былъ капитально перестроенъ, явились новыя, небывалыя дотолѣ аудиторіи и лабораторія, а равно и всѣ научныя средства и пособія. Правительство, при Дубовицкомъ, не жалѣло ничего, чтобы сдѣлать медико-хирургическую академію истиннымъ разсадникомъ медицинскаго образованія въ Россіи, и всѣмъ этимъ Дубовицкій воздвигъ себѣ несокрушимый памятникъ. Всѣмъ, чѣмъ и теперь академія богата, она обя-

зана единственно Дубовицкому. Онъ, какъ богатый человѣкъ, отказался отъ жалованья президента и отдалъ его, кажется, на нужды бѣдныхъ студентовъ. Вслѣдъ затѣмъ, онъ занялся обновленіемъ профессорскаго персонала. Въ академіи появились такіе профессора, какъ Сѣченовъ, Боткинъ, Юнге и другіи. Академія постоянно обновлялась новыми научными дѣятелями и силами. Всѣ молодыя и способныя научныя силы устремились въ академію и внесли въ нее новые жизненные и научные элементы. Эта эпоха была въ полномъ смыслѣ слова — эпохой возрожденія медико-хирургической академіи. Впослѣдствіи Дубовицкій, оставаясь президентомъ академіи, былъ назначенъ и главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ, когда была учреждена эта должность, взаменъ прежней — директора военно-медицинскаго департамента. Къ этой дѣятельности Дубовицкаго я возвращусь еще впослѣдствіи въ хронологическомъ порядкѣ.

Теперь, по порядку событій, я долженъ упомянуть о службѣ моей въ Александровскомъ малолѣтнемъ кадетскомъ корпусѣ, въ Царскомъ Селѣ.

Въ корпусъ принимались малолѣтніе и оставались въ немъ до десятилѣтняго возраста, а по окончаніи курса ученія здѣсь — переводились въ другіе корпуса для дальнѣйшаго образованія. Директоромъ корпуса въ то время былъ генераль Фѣдоръ Фѣдоровичъ Мецъ. Такъ какъ для ближайшаго присмотра за кадетами были классныя дамы, а мужскаго персонала (офицеровъ), кромѣ учителей и преподавателей, не было вовсе, то, не взирая на то, что корпусомъ управлялъ директоръ, существовала еще начальница корпуса, завѣдывавшая упомянутыми классными дамами. Начальницей въ то время была Голубцова. По учебной части, для надзора собственно за преподаваніемъ, былъ инспекторъ классовъ. Должность эту занималъ полковникъ Рудольфъ Карловичъ Лелонгъ. За тѣмъ, шелъ рядъ учителей и преподавателей по закону Божію, русскому, нѣмецкому и французскому языкамъ, по ариѳметикѣ и рисованію. Весь курсъ ученія равнялся, кажется, приготовительнымъ курсамъ среднихъ учебныхъ заведеній. Классныя дамы надзирали за кадетами, водили ихъ на прогулки, наблюдали за ихъ поведеніемъ, говорили съ ними по-французски и по-нѣмецки,

присутствовали при приготовленіи уроковъ и укладывали ихъ спать, а утромъ наблюдали за своевременнымъ вставаніемъ, одѣваніемъ и проч., и вели каждая свое отдѣленіе въ столовую, а оттуда въ классы, гдѣ и присутствовали на урокахъ. Главной начальницей заведенія, устроеннаго собственно для сиротъ, была вдовствующая императрица Александра Ѳеодоровна. Прежде принимались въ корпусъ и грудныя дѣти, которыхъ кормили мамки и пеленали няньки, но въ мое время этого уже не было, и вся прислуга состояла изъ мужскаго персонала. Каждая рота имѣла дядьку изъ выслуженныхъ отставныхъ нижнихъ чиновъ, обучавшихъ кадетъ начальнымъ правиламъ строеваго ученія. При корпусѣ была церковь и при ней священникъ (онъ же преподаватель закона Божія). Корпусная больница была хорошо устроена и снабжена всѣмъ необходимымъ. Старшій врачъ и двое младшихъ, ему подчиненныхъ врачей, пеклись о здоровьѣ кадетъ, правильномъ гигиеническомъ содержаніи и лѣченіи возникавшихъ болѣзней. Всѣ врачи были въ полной подчиненности у директора корпуса. Младшіе врачи, по очереди, т. е. черезъ день, считались дежурными по корпусу и не имѣли права отлучаться изъ заведенія. Больныхъ кадетъ обыкновенно было мало, но весной, осенью и зимою часто возникали эпидеміи кори, скарлатины и господствовали простудныя и воспалительныя болѣзни.

Директоръ корпуса, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Мецъ, былъ человекъ образованный, просвѣщенный, въ высшей степени гуманный, съ свѣтлымъ взглядомъ на вещи и на дѣло воспитанія вѣранныхъ кадетъ. Корпусъ былъ вообще очень благодѣтельнымъ учрежденіемъ, дававшимъ первоначальное и очень солидное воспитаніе и образованіе тѣмъ малолѣтнимъ, которые волею судебъ были лишены родительскихъ попеченій.

Служба моя, какъ младшаго врача корпуса, текла тихо, мирно, плавно. Я избавился отъ той суматохи, неурядицы и фальши въ лѣченіи больныхъ, которыя царили въ то время, подѣ начальствомъ Шеринга, въ гвардейскихъ госпиталяхъ. Самое мѣсто нахождения корпуса—Царское Село—одинъ изъ лучшихъ уголковъ подѣ Петербургомъ, гдѣ можно жить съ истиннымъ наслажденіемъ. Вообще,

о службѣ моей въ корпусѣ и о жизни въ Царскомъ Селѣ я сохранилъ лучшія воспоминанія.

Покойный императоръ Николаевичъ очень любилъ Царское Село. Съ самой ранней весны дворъ обыкновенно переезжалъ сюда. Государь любилъ посѣщать нашъ корпусъ и вмѣстѣ съ нимъ иногда приходили и его малолѣтнія дѣти— великіе князья. Къ кадетамъ государь относился весьма милостиво, лучшіе изъ нихъ, по выбору начальства корпуса, были водимы во дворецъ, гдѣ, въ присутствіи Высочайшей фамиліи, забавлялись съ малолѣтними великими князьями. Во время службы моей въ корпусѣ я былъ свидѣтелемъ нѣсколькихъ посѣщеній корпуса императоромъ Александромъ Николаевичемъ и приведу здѣсь то, что удержалъ въ памяти.

Однажды императоръ посѣтилъ корпусъ, во 2-й годъ своего царствованія, весною 1857 года. Государь быстро прошелъ по залу, гдѣ были собраны кадеты, поздоровался съ ними словами: «здравствуйте, дѣти». Отвѣтомъ было: «здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество». Когда дѣтямъ разрѣшено было держать себя вольно, то они окружили государя и съ неподдѣльною радостію провожали его до столовой, откуда шелъ путь на кухню, гдѣ государь пробовалъ пищу. Затѣмъ онъ посѣтилъ лазаретъ. Больныхъ было семь человѣкъ. Императоръ остановился у постели одного больного, на доскѣ у котораго было написано: «*febris intermittens*» (перемежающаяся лихорадка). Онъ, прочитавъ эту надпись, спросилъ больного:

— Хининъ тебѣ давали? Лѣкарство горькое?

— Точно такъ: горькое, Ваше Императорское Величество, отвѣчалъ кадетъ.

— Не бѣда, что горькое... За то лихорадка пройдетъ... Пей аккуратно, добавилъ государь.

— Слушаю-съ, Ваше Императорское Величество!

Другихъ больныхъ обошелъ государь, не спрашивая ихъ ни о чемъ, а только старшій врачъ называлъ болѣзни.

Изъ лазарета государь направился къ выходу. Всѣ мы сопровождали его. Столь близко видѣлъ я государя въ первый разъ: высокій ростъ, атлетическое сложеніе, пропорціональность всѣхъ ча-

стей тѣла, красота и, можно сказать, картинность всѣхъ очертаній, въ высшей степени симпатичное и величавое лицо, доброта, сіявшая въ очахъ, и гусарскій, какъ нельзя больше идущій къ нему мундиръ—приковывали мое вниманіе. Смотра на величественную фигуру императора и ловя каждое слово его, произносимое мягко, симпатично и съ истинно царскимъ достоинствомъ, я проникался тогда какимъ-то особеннымъ, радостнымъ и дотолю невѣдомымъ чувствомъ.

Когда государь сошелъ съ лѣстницы и вступилъ въ швейцарскую комнату, то, поблагодаривъ за найденный порядокъ, сталъ надѣвать шинель, которую держалъ швейцаръ, съ украшенной многими медалями грудью. Надѣвъ шинель, императоръ окинулъ взоромъ грудь швейцара и спросилъ его:

— Гдѣ ты служилъ въ Крымскую кампанію?

Швейцаръ назвалъ мѣсто службы.

— Ему, оборотаясь къ директору, сказалъ государь, слѣдуетъ медаль не на георгіевской, а на андреевской лентѣ.

При этомъ государь пояснилъ директору: кому слѣдуетъ медаль за Крымскую кампанію на георгіевской и кому на андреевской лентѣ, и добавилъ:

— Справиться и узнать—почему ему дана медаль на георгіевской лентѣ... заключилъ государь.

Затѣмъ, государь уѣхалъ.

Швейцара тутъ же стали спрашивать и немедленно навели справки, не давшія желаемыхъ указаній, а между тѣмъ директоръ приказалъ швейцару немедленно надѣть медаль на андреевской лентѣ, что крайне опечалило швейцара, дорожившаго георгіевской лентою.

Другой разъ императоръ пріѣхалъ въ корпусъ послѣ какого-то ученья, вмѣстѣ съ малолѣтними великими князьями. Это было въ іюль 1858 года. День былъ довольно холодный и сырой. Государь направился прямо на кухню и пробовалъ пищу кадетъ. Онъ отвѣдалъ щи и гречневую кашу, а потомъ, отрѣзавъ кусочекъ жаренаго мяса и попробовавъ его, замѣтилъ:

— Здѣсь масло не совсѣмъ свѣжее...

Нужно было видѣть фізіономію директора, старшаго врача,

всѣхъ стоявшихъ тутъ начальствующихъ лицъ и особенно эконома: въ одинъ моментъ лица ихъ исказились страхомъ, лицо эконома покрылось смертельною блѣдностію, нижняя губа отвисла и судорожно двигалась по временамъ... Не берусь подробно описать эту картину. Такія вещи не поддаются описанію, нужно ихъ видѣть, чтобы судить о томъ, какое страшное и быстрое вліяніе обнаруживаетъ царское слово, царское замѣчаніе. По быстротѣ движенія сравнить это можно развѣ съ дѣйствіемъ электрическаго тока, пробѣгающаго нѣсколько сотъ тысячъ миль въ секунду.

Всѣ молчали и не дерзнули представить никакихъ оправданій. Государь не сказалъ больше ни слова. Великодушный монархъ, какъ вполсѣдствіи оказалось, не имѣлъ въ виду никакихъ взысканій за это упущеніе. Изъ кухни государь приказалъ вести себя въ лазаретъ. Всѣ сопровождали его. Когда вошли въ корридоръ, отдѣляющій зданіе корпуса отъ лазарета, то старшій врачъ бросился опрометью, впередъ государя, чтобы предупредить въ лазаретѣ о прибытіи Его Величества. Императоръ, обратясь къ директору, спросилъ:

— Кто это побѣжалъ впередъ?

— Старшій врачъ, Ваше Императорское Величество!

— Какъ фамилія?

Директоръ назвалъ фамилію.

Государь вступилъ въ лазаретъ и, осмотрѣвъ его, остался доволенъ порядкомъ и благодарилъ старшаго врача, въ милостивыхъ выраженіяхъ: ясно было видно, что государю не только не казалась неумѣстною его поспѣшность, вслѣдствіе которой онъ побѣжалъ впередъ, но что государь видѣлъ въ этомъ только усердіе къ службѣ, зная хорошо, что въ лазаретѣ можетъ произойти иногда и внезапный беспорядокъ, не зависящій отъ плохаго досмотра, но, во всякомъ случаѣ, не желательный въ виду столь высокаго посѣщенія, какова напримѣръ нечистота у постели больнаго, зависящая отъ его болѣзни и т. п. На это многіе начальники не обращаютъ вниманія и бичуютъ врачей за то, что они посылаютъ предупрежденія о ихъ посѣщеніи. Слѣдовало бы имъ брать примѣръ съ того, кто самъ есть источникъ закона.

Заключеніе государя о томъ, что «масло не совсѣмъ свѣ-

жее», хотя онъ больше ничего не сказалъ, не могло быть скрыто и вызвало цѣлую бурю.

Въ силу существующихъ узаконеній, директоръ обязанъ былъ объ этомъ донести главному начальнику военно-учебныхъ заведеній.

Главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній былъ въ то время извѣстный генераль-адъютантъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ.

Получивъ донесеніе, Ростовцевъ назначилъ разслѣдованіе — почему масло было не свѣжее?

Стали доискиваться причины, потянули къ отвѣтственности эконома, старшаго и дежурнаго врачей. Перваго спрашивали: когда масло принято, вторыхъ — осматривали они масло при приѣмѣ и при поступленіи въ кухню, или не осматривали. Экономъ, датчанинъ Гейнъ, плохо говорившій по-русски, увѣрялъ, что жаркое было поджарено съ зеленымъ лукомъ и масло поэтому казалось не свѣжимъ, но въ сущности масло было свѣжее, что онъ не дерзнулъ доложить объ этомъ государю; врачи показали, что свидѣтельствовали масло и что оно показалось имъ свѣжимъ, а потому и было допущено къ употребленію. Все масло, бывшее въ кладовой, было представлено для освидѣтельствованія и главному начальнику донесено обо всемъ подробно.

Въ результатъ получилось предписаніе, чтобы впредь не повторялось такихъ прискорбныхъ явленій и чтобы жаркое никогда не жарить съ свѣжимъ лукомъ.

Считаю излишнимъ говорить здѣсь что-нибудь о генераль-адъютантѣ Яковѣ Ивановичѣ Ростовцевѣ, личность котораго столь извѣстна и такъ подробно описана, что мнѣ трудно что-нибудь добавить. Скажу только, что власть и сила Ростовцева по управленію военно-учебными заведеніями были почти неограниченными, что онъ былъ въ высшей степени гуманный и дѣльный начальникъ, что скончался слишкомъ рано и что, въ виду еще не оконченныхъ тогда работъ по освобожденію крестьянъ, къ которымъ, въ качествѣ предсѣдателя, онъ былъ призванъ довѣріемъ императора Александра Николаевича, кончина его была большою потерею. И, странное дѣло! Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ былъ боленъ карбункуломъ. При лѣченіи карбункула лучшее пособіе — своевременный разрѣзь для предупрежденія гноянаго зараженія. Ростовцевъ принадлежалъ къ здо-

ровымъ натурамъ и, конечно, перенесъ бы болѣзнь, еслибы ему былъ сдѣланъ своевременный разрѣзъ карбункула. Къ несчастію, этого не было сдѣлано. Его лѣчилъ гомеопатъ Обломіевскій, а гомеопаты — враги операцій, надѣющіеся на свои крупинки. Итакъ, удобный моментъ для операціи былъ пропущенъ и въ результатѣ — гнойное зараженіе и смерть! Кстати здѣсь спросить — сколько полезныхъ дѣятелей сошло въ могилу, благодаря гомеопатіи, которую поддерживаетъ самая изысканная, высшая и аристократическая публика и платится за это довѣріе столь дорогою цѣною. Что же смотрѣли и смотрять всѣ наши медицинскіе совѣты и ученые комитеты? Правда, борьба ихъ съ высшимъ кругомъ, поддерживающимъ гомеопатію, не легка, но была бы въ высшей степени плодотворна, еслибы велась безъ усталости, не покладывая рукъ. Дѣло вѣроятно было бы когда-нибудь доведено до желаемого результата, и гомеопатія когда-нибудь была бы изгнана изъ предѣловъ Русскаго государства, какъ нежеланная гостья, занесенная въ Россію съ береговъ Шпрее. И гдѣ же логика? Наши медицинскія учрежденія налагаютъ свое veto на какую-нибудь публикацію смиреннаго провизора о какомъ-нибудь мыслѣ для вывода веснушекъ или о какой-нибудь водѣ противъ перхоти, и въ то же время терпятъ гомеопатическую методу лѣченія, признанную всѣми медицинскими авторитетами абсурдною и вредною, въ смыслѣ негативности приѣмовъ лѣченія и запущенія болѣзни! Не значить ли это быть послушными орудіями стаи гомеопатовъ, свившихъ себѣ, подобно паразитамъ, гнѣздо по преимуществу въ главныхъ центрахъ Руси, на почвѣ рациональной медации? Будемъ ждать, что такое состояніе не можетъ долго оставаться и что наконецъ многіе воскликнутъ: Quousque, tandem Homeopathia? подобно тому, какъ Цицеронъ, грома Катилину, провозгласилъ: «Quousque tandem, Catilina»?

Въ то самое время, когда я служилъ въ кадетскомъ корпусѣ, младшій братъ мой Владиміръ (теперь уже умершій) воспитывался въ Петербургѣ въ кадетскомъ корпусѣ (бывшій Дворянскій полкъ). Онъ учился превосходно и былъ весьма способный юноша. Ему захотѣлось изъ корпуса перейти въ артиллерійское училище, хотя по существовавшимъ узаконеніямъ этого никакъ нельзя было сдѣлать. Молодому, не опытному юношѣ пришла въ голову дикая

мысль—просить объ этомъ лично государя, когда онъ прїѣдетъ въ корпусъ. О своемъ намѣреніи братъ сообщилъ мнѣ. Я объявилъ ему, что подобная просьба будетъ сочтена дерзостію, что никто не имѣетъ права лично обращаться съ просьбами къ государю императору и что результатомъ будетъ совершенная потеря карьеры и большое наказаніе.

Братъ, однако, меня не послушалъ.

Случилось, что государь прїѣхалъ въ кадетскіе лагеря, осмотрѣлъ ихъ и остался вполнѣ доволенъ. Онъ, отъѣзжая изъ лагерей, разрѣшилъ кадетамъ сопровождать его. Кадеты, и въ числѣ ихъ мой братъ, облѣпили коляску государя: кто ухватился за заднюю ось, кто влѣвъ на козла, а кто вагромоздился и на самыя крылья экипажа. Наконецъ государь приказалъ оставить всѣмъ экипажъ и отъѣхалъ. Мой братъ, возвратившись въ лагерь, сочинилъ слѣдующую исторію: надѣясь, что его переведутъ въ артиллерійское училище, безъ доклада о томъ государю, онъ донесъ о томъ директору корпуса, генералу Воронцу, что когда бѣжалъ за коляскою государя, то онъ спросилъ его: «не желаетъ ли быть переведеннымъ въ артиллерійское училище»? Генераль Воронецъ усумнился въ этомъ и сдѣлалъ моему брату строгій допросъ, при чемъ убѣждалъ сознаться во лжи, но братъ упорно стоялъ на томъ, что государь сдѣлалъ ему означенное выше предложеніе. Опросили бывшихъ съ братомъ товарищей его: одни дали отрицательный отвѣтъ, а другіе, вѣроятно поддерживая товарища, отозвались, что не знаютъ—говорилъ ли съ нимъ государь. Директору корпуса не оставалось другаго исхода, и онъ доложилъ объ этомъ главному начальнику Ростовцеву. Послѣдній также усумнился въ истинности заявленія моего брата и приказалъ ему сказать, что если будетъ уличенъ во лжи, то подвергнется большому наказанію, но братъ мой стоялъ на своемъ. Ростовцевъ рѣшился доложить объ этомъ императору, представилъ рапортъ директора корпуса, на которомъ Его Величество начерталъ собственноручно слѣдующую резолюцію. «Все это ложь, а подобная ложь заслуживаетъ строгаго наказанія». Братъ былъ посаженъ въ карцеръ, я былъ вызванъ къ директору корпуса, который, заявивъ мнѣ объ этомъ событіи, совѣтовалъ просить о немедленномъ увольненіи брата изъ корпуса. Я отвѣчалъ, что пока

это преждевременно, что у насъ есть отецъ, что я напишу къ нему, и онъ, уже отъ себя, заявить объ увольненіи брата изъ корпуса, если это будетъ нужно.

Можно себѣ представить — какъ я и мой престарѣлый отецъ были поражены такою выходкою брата. Я служилъ тогда въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній, и это могло невыгодно отозваться и на мнѣ.

Начальство корпуса объявило мнѣ, что въ исполненіе резолюціи государя, самое меньшее, что ожидаетъ брата, это — исключеніе изъ корпуса безъ права поступленія въ другія учебныя заведенія, а можетъ быть и публичное наказаніе розгами.

О такомъ рѣшеніи корпуснаго начальства главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній Ростовцевымъ было доложено государю.

Каково же было изумленіе всѣхъ, когда государь написалъ на докладѣ: «оставить его въ корпусѣ съ тѣмъ, чтобы впредь не выдумывалъ».

Такое рѣшеніе можно назвать именно великою царскою милостью, истекавшею изъ высшей степени великодушнаго и добраго сердца императора, не желавшаго, чтобы 15-ти-лѣтній юноша погибъ на всегда отъ своего глупаго, необдуманнаго, хотя и дерзкаго, поступка. Точно такъ же на это дѣло взглянулъ и Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, дѣлавшій докладъ государю; но не таковы были вершители монаршей воли — директоръ корпуса, генералъ Воронецъ, и батальонный командиръ, гдѣ числился братъ, полковникъ Чекмаревъ. Они вызвали меня въ корпусъ и заявили мнѣ, что я, какъ старшій братъ и заступающій отца, если желаю облегчить участь брата, долженъ его, вмѣсто публичнаго наказанія, наказывать розгами въ карцерѣ, гдѣ онъ сидитъ. Конечно, я долженъ былъ на это согласиться. Меня ввелъ въ карцеръ полковникъ Чекмаревъ, позвалъ служителей, разложили брата, и дали ему 25-тъ болѣзненныхъ ударовъ. Затѣмъ объявили мнѣ, что братъ остается въ корпусѣ, и начали его тѣснить всевозможнымъ образомъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать на его воспитательнымъ, нравственнымъ путемъ и тѣмъ исполнить резолюцію монарха: «чтобы впредь не выдумывалъ». Она была лаконическая, но тонкое и дальное-

видное начальство должно было ее понять и исполнить. Не штука вести дѣло воспитанія зауряднымъ образомъ. Воспитатель и долженъ блеснуть свсими способностями въ такихъ и исключительныхъ обстоятельствахъ, какъ исправленіе заблуждающагося. Брата допекали и старались сбыть съ рукъ, чтобы опять не повторилась подобная исторія. Дѣло кончилось тѣмъ, что отецъ взялъ его изъ корпуса. Итакъ существовала великая царская милость, но не было ни милости, ни жалости въ ближайшихъ исполнителяхъ.

Судьбѣ, однако, было угодно, чтобы братъ мой былъ артиллеристомъ. Впослѣдствіи онъ поступилъ въ артиллерійское училище и былъ произведенъ въ офицеры въ одну изъ артиллерійскихъ батарей, расположенныхъ въ Саратовской губерніи; но вскорѣ онъ заболѣлъ, вышелъ въ отставку и скончался на пути ко мнѣ, въ Петербургъ, въ Орловской городской больницѣ.

Почти въ это же время случился очень подходящій къ описанному сейчасъ случай съ однимъ кадетомъ, по фамиліи Аршеневскимъ, во второмъ кадетскомъ корпусѣ. Онъ, желая сдѣлаться извѣстнымъ государю, также сочинилъ что-то, но что именно не знаю. По разъясненіи дѣла, повелѣно было и его «оставить въ корпусѣ». Но начальство корпуса не пожелало имѣть въ своихъ стѣнахъ такую обузу, грозившую новымъ безпокойствомъ. Кончили тѣмъ, что написали родителямъ, жившимъ въ Сибири, чтобы они послѣшили взять изъ корпуса ихъ больнаго сына, одержимаго чахоткой въ послѣднемъ періодѣ. Несчастливая мать, въ глубокой горести, прибыла изъ Сибири въ Петербургъ и немедленно отправилась въ кадетскій корпусъ. Ей объявили, что сынъ въ больницѣ, но ничего не сказали о выдуманной имъ исторіи.

— Возьмите сына изъ корпуса, везите его домой и лѣчите, а какъ поправится, привезите его опять сюда и отдадите въ корпусъ.

Убитая болѣзнію сына мать, не предчувствуя никакой махинаціи, подала прошеніе объ увольненіи сына изъ корпуса и бережно перевезла его въ свою квартиру.

Дома она уложила сына въ постель и послала за мною, желая, чтобы я пользовалъ ея сына. Нужно замѣтить, что это были мои давнишніе и короткіе знакомые Я вошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ больной, котораго питали бульономъ съ яйцомъ и молокомъ, и да-

вали лѣкарство, какъ оказалось, какіе-то легкіе порошки изъ золотистой сюръмы, отъ чахотки, якобы.

Взорамъ моимъ представился юноша лѣтъ 12 или 13, довольно упитанный и краснощекій... Я изслѣдовалъ тщательно его грудь и другіе органы.

Трепетно ждавшей меня въ другой комнатѣ матери я сообщилъ:

— Не нахожу никакой болѣзни у вашего сына... Не только нѣтъ чахотки, даже легкаго катарра... Онъ совершенно здоровъ.

— Какъ же корпусный врачъ Саренко сказалъ мнѣ, что у него самая злая чахотка... отвѣчала мать.

— Я сказалъ вамъ мое мнѣніе, а остальнаго не знаю... Помоему, повторяю, не только нѣтъ чахотки, даже никакой болѣзни... конечно, я узналъ бы, еслибы у вашего сына была чахотка...

— Что же это значитъ? воскликнула мать и залилась слезами.

— Что же вы плачете? вѣдь, у сына нѣтъ чахотки—сказалъ я.

— Да! Это хорошо! Я рада! Но плачу о томъ, что послѣднія средства убила, чтобы прѣхать сюда...

хлопоты объ обратномъ принятіи сына въ корпусъ не удались.

Сказали, что молодой докторъ (т. е. я) не могъ узнать чахотки, нашъ, молъ, старый, опытный, да къ тому же чуть не генераль. И мать повезла сына домой на послѣднія средства, а на другой годъ опять привезла его въ Петербургъ. Я осматривалъ больнаго, якобы, и не нашелъ опять ничего, кромѣ того, что онъ пополнилъ и возмужалъ. Повезли въ корпусъ, но тамъ объявили, что у насъ, молъ, ужъ такъ заведено, что если разъ взяли кадета, то вакансія пропала... Теперь онъ къ намъ не можетъ поступить, а въ другое заведеніе не угодно ли?...

— Почему же онъ не можетъ попасть къ вамъ?

— Да, намъ, сударыня, такихъ не нужно... Онъ очень шалить, выдумываетъ и сочиняетъ, а такіе, молъ, кадеты, сударыня, причиняютъ много безпокойства... Мы любимъ тишь да гладь, да Божью благодать.

И бѣдная мать со слезами отправилась во-свояси. Нужно было видѣть ея отчаяніе и рыданія... Тутъ, по истинѣ, вспоминалась русская поговорка: «кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки».

По смерти Ростовцева главнымъ начальникомъ военно-учеб-

ныхъ заведеній былъ назначенъ его императорское высочество великій князь генераль-фельдцейхмейстеръ Михайль Николаевичъ. Онъ, вскорѣ послѣ своего назначенія, посѣтилъ и нашъ Александровскій малолѣтній кадетскій корпусъ.

Всѣ чины корпуса представлялись ему директоромъ, генераломъ Мецомъ, который называлъ чинъ и фамилію каждаго. Представляя меня, онъ сказалъ:

— Коллежскій ассесоръ докторъ Бѣловъ.

Я изумился, потому, что это была не моя фамилія, но фамилія старшаго врача Бѣлова, который хотя былъ и почетнымъ членомъ, но я, имѣя въ виду, что такія представленія случаются иногда разъ въ жизни, не желалъ остаться въ памяти великаго князя подъ чужой фамиліей.

Я поправилъ ошибку директора и назвалъ свою фамилію.

По лицу великаго князя скользнула какая-то дума, произошла маленькая остановка въ представленіи слѣдующихъ чиновъ, и наконецъ великій князь спросилъ меня:

— Не родственникъ ли вамъ кадетъ Ильинскій?

— Это мой братъ, ваше императорское высочество.

— Хорошо молодецъ! Прекрасно сочиняетъ! Скажите ему, что не всегда дѣло кончается такъ, какъ окончено теперь.

Этимъ кончилось мое представленіе.

Такъ какъ въ корпусѣ воспитывались только малолѣтніе, до 10 лѣтняго возраста, то часто возникали эпидеміи кори, скарлатины, гриппа и простудныхъ болѣзней, особливо же въ раннее весеннее и осеннее время. Тогда корпусъ подвергался изолированію (карантину): чины госпиталя лишались права выходить изъ стѣнъ заведенія, и даже прогулка по прекрасному царскосельскому парку воспрещалась, чтобы болѣзнь не могла быть занесена во дворецъ, гдѣ пребывала царская фамилія съ малолѣтними дѣтьми. Не проходило ни одной весны, ни одной осени, чтобы въ корпусѣ не было карантина. Иногда случалось 2—3 больныхъ корью или 1 больной скарлатиной, и карантинъ немедленно вступалъ въ силу. Такое неудобство въ мѣстѣ лѣтней царской резиденціи было весьма чувствительно, а для служащихъ, которые подвергались неволь-

ному аресту, представлялось просто наказаніемъ. Съ другой стороны, заведеніе съ назначеніемъ—приготовлять для поступленія въ другіе кадетскіе корпуса, и не выше какъ въ первый классъ, не выдерживало критики и не оправдывало значительныхъ на него расходовъ. Урѣзывать штаты и сокращать расходы—значило бы лишить заведеніе всякаго значенія. Вслѣдствіе всего этого, было рѣшено закрыть корпусъ, употребивъ освободившіяся суммы на пособіе для первоначальнаго воспитанія тѣхъ дѣтей, которыя по уставу имѣли право поступать въ корпусъ. Это пособіе и рѣшено было, съ закрытіемъ корпуса, выдавать родителямъ, воспитателямъ и опекунамъ малолѣтнихъ дѣтей, до 10 лѣтняго возраста, т. е. до тѣхъ поръ, пока малолѣтніе не поступали въ обыкновенные корпуса. Закрытіе корпуса состоялось къ 1-му января 1860 года. Вслѣдствіе этого, я остался за штатомъ и переданъ въ распоряженіе военно-медицинскаго департамента.

Меня назначили сверхъ-комплектнымъ врачомъ Кавказской арміи, съ прикомандированіемъ къ 1-му сухопутному С.-Петербуржскому госпиталю, хотя директоръ департамента, Енохинъ, обѣщалъ меня прикомандировать къ клиникамъ академіи, но такъ какъ онъ былъ тогда въ отсутствіи и департаментомъ управлялъ вице-директоръ, Ковловъ, то, по нерасположенію послѣдняго ко мнѣ, прикомандированіе къ клиникамъ и не состоялось. Я оставался при 1-мъ сухопутномъ госпиталѣ до конца января 1861 года, т. е. до возвращенія Енохина изъ Крыма, гдѣ онъ находился при Высочайшей фамиліи.

Главнымъ докторомъ 1-го сухопутнаго госпиталя былъ Христіанъ Богдановичъ Риттеръ. Онъ былъ дѣльнымъ, высокообразованнымъ врачомъ и отличнымъ въ свое время хирургомъ; но величайшая слабость его состояла въ томъ, что онъ былъ величайшимъ германофиломъ, а потому русскихъ врачей не любилъ. Меня онъ также не взлюбилъ. Хотя я былъ прикомандированъ для практическихъ занятій, онъ, съ первыхъ же дней моего появленія въ госпиталѣ, сталъ назначать меня въ различныя командировки, въ родѣ поѣздки въ кр. Шлиссельбургъ, по случаю ледохода. Какія же могли быть послѣдствія отъ такого прикомандированія къ

госпиталю, гдѣ я долженъ былъ практически совершенствоваться въ медицинѣ?

По возвращеніи Енохина изъ Крыма, я представился ему и напомнилъ объ его обѣщаніи. Онъ немедленно приказалъ прикомандировать меня къ клиникамъ академіи.

Президентомъ академіи былъ П. А. Дубовицкій, о которомъ упомянуто уже выше. Я началъ посѣщать хирургическую клинику профессора Заблоцкаго, глазную—Юнге и внутреннихъ болѣзней—Здекауера. Въ это время я перевелъ съ нѣмецкаго языка «Оперативную хирургию Агаца» и представилъ ее Дубовицкому. Предъ началомъ лѣта Дубовицкій представилъ меня въ департаментъ, въ числѣ другихъ, для заграничной командировки, на два года, на казенный счетъ. Енохинъ также далъ обѣщаніе отправить меня за границу для дальнѣйшаго усовершенствованія, но здѣсь долженъ я замѣтить, что вице-директоръ Козловъ сильно контрировалъ съ Енохинымъ и находилъ ревностную поддержку въ тогдашнемъ военномъ министрѣ Сухозанетѣ, почему-то не любившемъ Енохина. Шла, однимъ словомъ, игра: Енохина хотѣли ссадить съ мѣста и замѣнить Козловымъ, находя, что первому достаточно быть только лейбъ-медикомъ. Дѣло дошло, говорятъ, до того, что однажды государь выразилъ Енохину сожалѣніе, что онъ отказывается отъ департамента. Енохинъ объявилъ государю, что онъ и не думалъ отказываться. Конечно, Енохинъ утвердился послѣ этого еще крѣпче, но, будучи безхарактернымъ, не рѣшился свергнуть Козлова, который, понятно, оставшись вице-директоромъ, продолжалъ свои ковы противъ Енохина. Итакъ наступило время назначать врачей за границу. Дѣло это должно было обсуждаться въ военно-медицинскомъ ученomъ комитетѣ въ половинѣ сентября. Но прежде этого времени Енохинъ долженъ былъ ѣхать въ Крымъ съ Высочайшей фамліей. Не желая погубить своихъ кандидатовъ для поѣздки за границу, Енохинъ назначилъ экстренное засѣданіе по поводу командированія врачей за границу, чтобы не дать возможности Козлову, вступавшему въ его должность по случаю отъѣзда, провести своихъ кандидатовъ. Началось обсужденіе этого дѣла въ военно-медицинскомъ ученomъ комитетѣ. Козловъ выбивался изъ силъ провести своихъ кандидатовъ, большею частію

нѣмецевъ ¹⁾). Возникъ споръ, когда Козловъ началъ сильно настаивать и оттирать кандидатовъ Енохина и еще другихъ, представленныхъ къ заграничной поѣздкѣ, въ томъ числѣ и меня. Все дѣло, однако, рѣшили директоръ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ (онъ считается также членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета) Отсолигъ. Онъ заявилъ, что ему мало извѣстны всѣ представленные кандидаты; столь же мало они извѣстны и другимъ членамъ. Большинство членовъ согласилось съ нимъ. Вслѣдствіе этого, продолжалъ Отсолигъ, мы должны положиться на директора военно-медицинскаго департамента, которому, какъ главному начальнику военно-медицинской части, лучше всего извѣстны всѣ военные врачи, представляемые къ заграничной командировкѣ. Затѣмъ онъ предложилъ закрытую баллотировку. Она была принята. Когда баллотировка кончилась, то оказалось, что по большинству голосовъ избраны для посылки за границу большею частію кандидаты, представленные Енохинымъ, какъ директоромъ военно-медицинскаго департамента. Въ числѣ этихъ кандидатовъ былъ и я.

Подробности этого дѣла рассказывалъ мнѣ Іосифъ Антоновичъ Пржесмыцкій, при чемъ онъ добавилъ, что каждому члену была дана записка о кандидатахъ, и онъ былъ обязанъ противъ назначаемого за границу ставить +, противъ отвергаемаго кандидата 0. Пржесмыцкій даже показалъ мнѣ и ту записку, которая была дана ему, и указалъ, что онъ мнѣ поставилъ +, несмотря на то, что Козловъ предъ засѣданіемъ просилъ поставить мнѣ 0, — а другому кандидату, котораго онъ предлагалъ, +.

— «Я сказалъ ему, сообщалъ мнѣ Пржесмыцкій, — посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло и что будутъ говорить... Я вамъ ничего не обещаю».

Итакъ я, благодаря представленію Дубовицкаго и предложенію Енохина, былъ командированъ за границу. Енохинъ на другой же день уѣхалъ съ царской фамиліей въ Крымъ. На его мѣсто вступилъ временно Козловъ. Предъ отъѣздомъ за границу, я пред-

¹⁾ Нужно замѣтить, что Козловъ окончилъ свое медицинское образованіе въ Дерптѣ, и этимъ объясняется его пристрастіе ко всему нѣмецкому.

ставлялся уже Козлову. Онъ принялъ меня сухо и сказалъ мнѣ еще суше только:

— Очень радъ!

Въ началѣ октября 1861 года я отправился за границу, прямо въ Берлинъ, гдѣ оставался 4 мѣсяца и посѣщалъ клиники: хирургическую—профессора Лангенбека, терапевтическую—профессора Траубе, глазную—профессора Грефе, курсы патологической анатоміи и микроскопіи—профессора Вирхова. Слѣдующіе 4 мѣсяца я провелъ въ Вѣнѣ, посѣщая терапевтическую клинику—профессора Оппольцера, глазныя—Арльта, Егера и Штельвага фонъ-Коріонъ, клинику накожныхъ болѣзней—профессора Гебры; курсы—физиологіи, — профессора Брюкке и Людвига, курсы патологической анатоміи—профессора Рокитанскаго и курсы внутреннихъ болѣзней—профессора Шкоды. Изъ Вѣны я, осенью 1862 года, отправился въ Парижъ, гдѣ провелъ 10 мѣсяцевъ, посѣщая: хирургическія клиники: Нелятона, Шоссельяка, Вельпо, Меринѣва. У Жюбера де-Ламбалль я посѣщалъ курсъ операцій и его клиническое отдѣленіе. Кромѣ того я посѣщалъ въ Парижѣ терапевтическую клинику Труссо, глазную—Доморра и накожныхъ болѣзней—Казенова. Наконецъ я слушалъ курсъ сифилитическихъ болѣзней—Ланглебера. Изъ Парижа на одинъ мѣсяць я ѣздилъ въ Лондонъ, гдѣ посѣтилъ лучшіе и извѣстнѣйшіе госпитали и былъ на лекціяхъ тогдашнихъ знаменитостей—Фергюссона, Спенсеръ-Венцеля и друг. Изъ Парижа, когда я возвратился изъ Лондона, пришлось мнѣ, въ маѣ 1863 года, снова отправиться въ Берлинъ, гдѣ я пробылъ еще 3 мѣсяца и снова посѣщалъ клинику глазныхъ болѣзней Грефе, хирургическую Лангенбека и курсъ болѣзней печени—профессора Фрерихса. Кромѣ того, всюду я осматривалъ военные госпитали и лазареты и ознакомился съ ихъ устройствомъ и съ тогдашнимъ состояніемъ военной гігіены.

Подробные отчеты о путешествіи моемъ за границу представлены въ военно-медицинскій департаментъ, почему считаю излишнимъ здѣсь распространяться объ этомъ предметѣ.

Въ сентябрѣ 1863 года, послѣ двухлѣтняго пребыванія за границей, я возвратился въ Петербургъ. Во время моего отсутствія произошли большія перемѣны. И. В. Енохинъ, вслѣдствіе болѣзни,

оставилъ департаментъ и уѣхалъ за границу для возстановленія здоровья. На его мѣсто директоромъ департамента былъ назначенъ Ѳеодоръ Степановичъ Цыцуринъ, бывшій профессоръ Кіевскаго университета и ректоръ Варшавской медицинской главной школы, учрежденной уже при императорѣ Александрѣ II-мъ и впоследствии преобразованной въ Варшавскій университетъ.

Говорять, что И. В. Енохинъ, оставляя директорство и желая устранить Козлова, просилъ государя императора Александра Николаевича назначить преемникомъ ему Ѳ. С. Цыцурина, что и было исполнено. Такимъ образомъ Козловъ былъ устраненъ, а такъ какъ въ то же время и военный министръ Сухозанетъ былъ замѣненъ новымъ министромъ Дмитр. Алекс. Милютинымъ, то Козлову не оставалось другаго выхода, какъ отказаться отъ вице-директорства и остаться только членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета, что онъ и сдѣлалъ.

Такимъ образомъ, по возвращеніи изъ за границы, я представлялся уже новому директору Ѳ. С. Цыцурину, который объявилъ мнѣ, что читалъ мой отчетъ о заграничномъ путешествіи и нашель, что командировку за границу я исполнилъ добросовѣстно.

Въ ожиданіи новаго, высшаго назначенія, на которое давала мнѣ право заграничная поѣздка, я и другіе возвратившіеся изъ за границы врачи, за исключеніемъ Н. А. Виноградова, назначеннаго профессоромъ въ Казанскій университетъ, были прикомандированы къ 1-му С.-Петербургскому военно-сухопутному (нынѣ Николаевскому) госпиталю.

Въ этомъ госпиталѣ, въ послѣдніе два года, произошли также перемѣны: бывшій главный докторъ Х. Б. Риттеръ, о которомъ упомянуто выше, занялъ мѣсто Шеринга, зачисленнаго въ члены военно-медицинскаго ученаго комитета (по случаю 50-ти-лѣтняго юбилея его службы), а главнымъ докторомъ госпиталя сдѣлался Николай Александровичъ Вильчковскій.

Юбилей Шеринга совершился, кажется, въ 1862 году. Онъ, говорятъ, былъ очень скупенъ и мраченъ въ день своего 50-ти-лѣтняго юбилея. Дѣйствительно, ни ему, ни подчиненнымъ, которыхъ онъ держалъ подъ гнетомъ гомеопатіи, нечему было радоваться. Юбиляръ, однако, былъ удостоенъ еще новой награды—пожало-

ванія слѣдующей по очереди звѣзды, которую вручилъ ему главнокомандующій войсками гвардіи его императорское высочество, великій князь Николай Николаевичъ Старшій. Это, кажется, было сдѣлано больше для поддержанія престижа той высокой должности, которую онъ занималъ, нежели въ уваженіе его личныхъ заслугъ. Былъ, говорятъ, и обѣдъ, данный ему его приверженцами и гомеопатами, на который все медицинское сословіе очень не охотно откликнулось. Даже не было произнесено никакихъ особыхъ рѣчей и привѣтствій, за неизмѣнимъ истинно-научныхъ заслугъ. Справедливость требуетъ сказать, что сколь ни односторонній систематикъ и врачъ съ узкимъ взглядомъ на вещи былъ Шерингъ, все-таки онъ былъ добрый человѣкъ, который, сколько умѣлъ и могъ, лѣчилъ больныхъ, и бѣдныхъ своихъ пациентовъ не оставлялъ безъ призрѣнія и матеріальнаго даже пособія. Часто можно было его видѣть развозящимъ бульонъ, вино, курицу и другіе питательные матеріалы своимъ бѣднымъ пациентамъ, которымъ онъ, кромѣ того, пособлялъ деньгами, снабженіемъ бѣльемъ, перевязочными матеріалами и лѣкарствами. И въ этомъ главная заслуга Шеринга, за которую и были ему благодарны и признательны его пациенты. Вообще, въ Шерингѣ замѣчалась какая-то смѣсь суровости, доброты, упрямства, самонадѣянности и предвзятости. Еслибы натура не избаловала его быстрыми повышеніями по службѣ, то изъ него могъ бы выработаться очень хорошій человѣкъ, а дѣльный врачъ только въ томъ случаѣ, еслибы онъ не имѣлъ несчастія увлечься гомеопатіей.

Въ январѣ мѣсяцѣ я и другіе бывшіе въ прикомандированіи къ 1-му военно-сухопутному госпиталю врачи, возвратившіеся изъ за границы, а именно доктора Заборовскій, Деньковскій и Лотинъ получили предложеніе явиться въ департаментъ, гдѣ директоръ Ѡ. С. Цыцуринъ заявилъ намъ, что мы должны оставить центръ (Петербургъ) и отправиться въ периферію (въ провинціальные города), чтобы принести пользу службѣ; что военный министръ Д. А. Милютинъ находитъ, что поѣздка за границу обяываетъ насъ ѣхать въ госпитали, расположенные въ провинціи, и тамъ принести пользу распространеніемъ усвоенныхъ нами заграницею познаній. При этомъ намъ были предложены мѣста старшихъ ординаторовъ въ различныхъ военныхъ госпиталяхъ (Оренбургскомъ, Новогор-

гівскомъ и т. д.), съ предупреденіемъ, что если добровольно не изъявимъ желанія отправиться туда, то будемъ назначены по распоряженію департамента. Обдумать это дѣло намъ былъ данъ срокъ въ три дня.

Нужно замѣтить, что между нами, бывшими за границую врачами, былъ нѣкто Селинъ, эстонецъ по происхожденію, пользовавшійся протекціею Козлова и лейбъ-медика Карелля. Селина въ департаментъ не вызывали, и онъ былъ увѣренъ, что останется въ Петербургѣ.

Итакъ я, Заборовскій, Деньковскій и Лотинъ чрезъ три дня предстали съ отвѣтомъ къ директору департамента Θ . С. Цыцурину.

Всѣ мы заявили, что не желаемъ ѣхать на предложенныя намъ мѣста, и изложили причины.

— Если вы не желаете добровольно ѣхать на эти мѣста, то я назначу васъ туда, какъ обязанныхъ двухлѣтнею службою заграничную поѣздку, сказалъ Θ . С. Цыцуринъ и началъ удаляться въ свою директорскую комнату.

Я выступилъ впередъ и сказалъ:

— Ваше превосходительство! Вы изволили сказать мнѣ, что читали мой отчетъ и нашли, что я выполнилъ добросовѣстно заграничную командировку, а по положенію объ этихъ командировкахъ мы всѣ имѣемъ право на высшія мѣста.

— Я и даю вамъ высшія мѣста... Вы младшій врачъ; я предлагаю вамъ старшаго ординатора... Не могу же я сдѣлать васъ всѣхъ главными врачами... Нѣтъ мѣсть! сказалъ Θ . С. Цыцуринъ.

— Мы не просимъ мѣсть главныхъ врачей; но, ваше превосходительство, назначьте насъ по крайней мѣрѣ въ университетскіе города, чтобы мы могли продолжать слѣдить за современнымъ состояніемъ медицины.

— Этого нельзя! Вы для того и посылались за границу, чтобы приносить пользу въ глуши... А въ университетскихъ городахъ есть много врачей и профессоровъ и безъ васъ... Я назначу васъ туда, куда предназначилъ.

— Но, ваше превосходительство, позвольте сказать—почему же дѣлаются нѣкоторыя исключенія?—сказалъ я.

— Какія же исключенія?

— Напримѣръ докторъ Селинъ остается въ Петербургѣ...

— А вы почему это знаете?

— Потому что его не вызывали въ департаментъ, и ему не предложено уѣзжать на мѣсто, въ Петербурга, опять сказалъ я.

— Это не ваше дѣло!... Нужно будетъ, я вызову Селина и назначу, куда слѣдуетъ, сказалъ Цыпуринъ съ сердцемъ и, сильно захлопнувъ дверь, какъ видно было, гнѣвный, вошелъ въ свою директорскую комнату.

Дня черезъ два я отправился въ департаментъ. Мнѣ сказали, что директоръ Ѳ. С. Цыпуринъ положилъ резолюцію о назначеніи меня въ Новогеоргіевскій военный госпиталь, въ крѣпость Новогеоргіевскъ, старшимъ ординаторомъ. Я вышелъ изъ департамента, сильно озабоченный, и думалъ уже примириться съ совершившимся фактомъ. Выйдя на улицу, я встрѣтилъ директора, идущаго въ департаментъ съ портфелемъ подъ мышкою. Я приложился къ козырьку. Онъ отвѣтилъ мнѣ тѣмъ же и сказалъ:

— Вернитесь въ департаментъ!

Я вернулся назадъ въ департаментъ, меня позвали къ директору въ его комнату; я раскланялся и ожидалъ, что онъ распечетъ меня за то, что я рѣшился упомянуть о докторѣ Селинѣ; но вмѣсто того я услышалъ совершенно неожиданно слѣдующее, притомъ произнесенное тихимъ, мягкимъ и ласковымъ тономъ:

— Еслибы вы знали, какъ я васъ люблю и желаю вамъ добра! сказанъ Ѳ. С. Цыпуринъ, положи объ свои руки на мои плечи.

Я поблагодарилъ и поклонился.

— Все, что я могу сдѣлать для васъ это—назначеніе васъ главнымъ лѣкаремъ въ Кѣлецкій военно-временный госпиталь... Согласны ли вы ѣхать въ Царство Польское?

— Приношу мою благодарность... Я согласенъ; но...

— Что же еще за но?...

— Очень далеко, ваше превосходительство! Я бѣдный и семейный человѣкъ... Сובлаговолите дать подъемныя деньги, или пособіе...

— Ну, вотъ еще и пособіе! Вамъ дѣлаешь добро, а вы просите еще пособія! А сколько бы вы желали получить?

— Хотя 300 рублей...

— Ну, это еще можно устроить... Подайте докладную записку о пособіи.

Мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, было неловко; но что же было дѣлать? Безъ пособія съ семействомъ я не могъ двинуться въ столь дальній путь.

Недѣли черезъ двѣ, послѣ поданой докладной записки о пособіи, я зашелъ въ департаментъ узнать — въ какомъ положеніи мое дѣло? Объяснилось, что я назначенъ въ Кѣльцы, главнымъ лѣкаремъ, и что мнѣ вышло 200 рублей пособія. Я самъ видѣлъ представленіе директора объ этомъ. На поляхъ бумаги было написано: «Высочайше разрѣшено выдать доктору Ильинскому въ пособіе 200 рублей. Военный министръ Милютинъ». Я развернулъ бумагу. Внутри ея была вложена записка, писанная на $\frac{1}{2}$ листъ почтовой бумаги рукою директора. Эта записка гласила: «Полагаю выдать доктору Ильинскому въ пособіе 200 рублей. Директоръ Цыцуринъ». Мнѣ объявили, что такова форма представленій о пособіи: дають столько, сколько назначить директоръ.

Я тутъ же, по прибытіи директора въ департаментъ, представился ему.

— Ну-съ, поздравляю васъ! Вамъ вышло пособіе—200 рублей... Я просилъ 300 рублей, но министръ не согласился: говорить, что много, что денегъ нѣтъ...

Я уже не хотѣлъ доказывать Ѳ. С. Цыцурину, что потому мнѣ дано только 200 рублей, что онъ представлялъ меня къ этой суммѣ и что мнѣ все извѣстно. Оставалось, слѣдовательно, поблагодарить, что я и поспѣшилъ сдѣлать.

Скоро я получилъ предписаніе и отправился къ новому мѣсту службы въ г. Кѣльцы, Радомской губерніи (тогда Кѣльцы былъ еще уѣзднымъ городомъ), куда и прибылъ къ 25-го мая 1864 года. Хотя польское возстаніе приходило уже къ концу, но все-таки въ окрестностяхъ Кѣльць бродили еще въ лѣсахъ банды мятежниковъ, и городъ былъ на военномъ положеніи. Многіе интересные факты, касающіеся того времени, будутъ мною представлены въ слѣдующей третьей и послѣдней части моихъ воспоминаній.

Въ августъ мѣсяцъ 1863 года изъ Парижа въ Петербургъ было привезено тѣло умершаго въ Парижѣ лейбъ-медикаѣ вана

Васильевича Енохина, скончавшагося тамъ отъ хронической болѣзни печени. Погребеніе его состоялось въ Петербургѣ: послѣ отпѣванія, происходившаго въ Преображенскомъ всей гвардіи соборѣ, въ присутствіи Его Величества государя императора Александра Николаевича, тѣло предано землѣ на кладбищѣ Ново-Дѣвичьяго монастыря. Я посѣтилъ могилу И. В. Енохина въ 1872 году. На могилѣ былъ поставленъ скромный памятникъ. *Sic transit gloria mundi!*

Необыкновенное счастье было постояннымъ спутникомъ И. В. Енохина. Онъ обладалъ громаднымъ тактомъ и, въ молодыхъ лѣтахъ попавъ ко двору, изучилъ прекрасно всё условія, обычаи и извилины придворной жизни. До конца жизни онъ остался большимъ дипломатомъ, преданнымъ и вѣрнымъ слугою своихъ пациентовъ-благодѣтелей, Высочайшихъ особъ, императоровъ Николая I и Александра II, ведшихъ его отъ отличія къ отличію, отъ одной ступени повышенія къ другой. Нужно, однако, сказать, что И. В. Енохинъ, несмотря на все это, не достигнулъ тѣхъ отличій и наградъ, которыхъ достигли впоследствии другіе менѣе его извѣстные и выдающіеся врачи. И. В. Енохинъ умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника, между тѣмъ какъ теперь есть между врачами дѣйствительные тайные совѣтники—награда, въ то время недосыгаемая для врача. Кажется, что только всеильный въ свое время Вилліе кончилъ карьеру дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ ¹⁾. Правда, Енохинъ былъ на службѣ около 44 лѣтъ и не достигъ 50-ти-лѣтняго юбилея. Потомства Енохинъ не оставилъ. Какъ врачъ, Енохинъ не отличался выдающимися способностями и не обогатилъ медицину никакими научными и литературными трудами. Да и времени не было ему заняться всѣмъ этимъ. Какъ человекъ, онъ былъ прекраснаго характера и въ этомъ отношеніи можетъ быть помянутъ однимъ только добромъ. Несмотря на то, что судьба его вознесла надъ прочими врачами, онъ всегда оставался хорошимъ товарищемъ и не гордился своими отличіями и своимъ выдающимся положеніемъ. Этимъ онъ заслужилъ всеобщее уваженіе врачей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Если не считать еще Лестока, получившаго и графское достоинство при вѣдраніи императрицы Елисаветы Петровны.

Записки М. Я. Ольшевскаго¹⁾.

Кавказъ съ 1841 по 1866 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

III.

Дорога отъ Тифлиса до Гуріи. Проѣздъ съ княземъ Бебутовымъ по турецкой границѣ отъ Кутаиса до Александрополя.

Послѣ шести-дневнаго дѣятельнаго, пріятнаго, веселаго пребыванія моего въ Тифлисѣ, я отправился на перекладной съ огромнымъ пакетомъ и съ 60 т. въ полунимперіалахъ и серебряныхъ рубляхъ къ князю Бебутову въ Гурію.

Никогда я не везъ и ни разу мнѣ не вручалось такой огромной суммы, тѣмъ болѣе, что она заключалась въ звонкой монетѣ, для которой былъ назначенъ отдѣльный чемоданъ. Каждый пойметъ, какъ велики были мое безпокойство и забота о сохраненіи столь огромнаго для меня казеннаго сокровища.

Ни нѣжная мать, ни любящая жена не ухаживали съ такимъ безпокойствомъ и заботой за своимъ любимымъ дѣтищемъ и супругомъ, какъ я ухаживалъ за этимъ дорогимъ чемоданомъ. Онъ всегда бережно переносился съ одной повозки на другую, съ осторожностію укладывался впереди моего сидѣнья, мои глаза неусыпно слѣдили за нимъ, и я безпрестанно удостовѣрялся въ его цѣлости моими руками. Если же утомленный долгой ѣздой неволью погружался въ минутную дремоту, то и тогда дорогой чемоданъ не оставлялъ меня въ покоѣ, и не разъ случалось, что я, пробужденный толчкомъ повозки, держалъ его въ своихъ объятіяхъ. Столь страшна и тяжела была для меня ответствен-

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1894 г., іюнь.

ность за сохраненіе чемодана въ цѣлости и неприкосновенности къ нему, кромѣ меня, никого другаго.

Путь отъ Тифлиса до Гори пролегалъ, въ 1853 году, до Мцхета по правому, а отъ этого пункта по лѣвому берегу Куры; тогда какъ теперь и отъ Мцхета дорога идетъ по правому берегу этой рѣки.

До Гартискарской станціи дорога уже описана. Отъ Гартискара же до Гори три перегона и считалось до пятидесяти верстъ. Мѣстность ровная и населенная исключительно грузинами, входящими въ составъ Горійскаго уѣзда.

Поля, желтѣющія зрѣлой кукурузой и просомъ, перемежанныя съ тучными пастбищами и нивами сжатой пшеницы, а также частые виноградники, фруктовыя деревья и развѣсистые грѣцкіе орѣхи тянулись непрерывною и разнообразною цѣпью по обѣимъ сторонамъ дороги.

Ксанъ и Чала со многими канавами орошаютъ это пространство. Переѣзжая Ксанъ, я невольно перенесся къ событіямъ, совершившимся болѣе тридцати вѣковъ. Мое воображеніе рисовало героевъ Иліады съ ихъ безсмертными подвигами, тѣмъ болѣе, что и природа уподобляется во многомъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ совершали свои подвиги герои Гомера. Хотя, правда, горійскій Ксанъ не походилъ на быстротечный и все сокрушающій по велѣнію олимпійскихъ боговъ Скамандръ, но за то уподобляется ему въ этомъ другая рѣка, текущая возлѣ Гори. Это быстрая и разрушающая Ліагва, на которой, несмотря на усилія инженеровъ, долго не могъ осуществиться мостъ.

Гори, уѣздный городъ Тифлисской губерніи, не великъ и некрасивъ. Въ немъ нѣтъ ничего замѣчательнаго. Только развалины крѣпости и дворца, возвышающагося надъ Ліагвой, на скалѣ, невольно обращаютъ на себя вниманіе.

Отъ Сурама, отстоящаго отъ Гори въ сорока верстахъ и гдѣ развѣтвляются дороги на Кутаисъ и черезъ Боржомское ущелье на Ахалцыхъ, начинается Сурамскій переваль. Онъ образуется изъ отроговъ, отходящихъ въ Рачинскомъ округѣ отъ главнаго хребта.

Сурамскій переваль тянется на разстояніи болѣе пятидесяти верстъ, преимущественно по глинистой и черноземной почвѣ, поросшей почти сплошнымъ листовымъ лѣсомъ. Это путь, изрѣзанный горами и оврагами, всегда не легкій для переѣзда, въ особенности труденъ во время дождливой погоды и осенняго ненастья; къ тому же случаются частыя земляныя обвалы.

Вотъ эти обстоятельства вмѣстѣ взятыя составляли важныя препятствія для проведенія надежнаго сообщенія. Впрочемъ такія же затрудненія въ проложеніи дорогъ существуютъ и въ остальной Имеретіи, а также Мингреліи и Гуріи.

Сурамскій переваль не высокъ, а потому на немъ не прекращается

даже растительность винограда. Населеніе на этомъ хребтѣ довольно рѣдко, но только не по суровости климата, а потому, что очень мало мѣсть открытыхъ и не поросшихъ лѣсомъ.

Грузинъ, имеретинъ, мингрелецъ, гуріецъ по лѣности рѣдко когда займется очисткой и разработкой лѣса для своихъ полей. Каждый изъ нихъ селится тамъ, гдѣ есть открытое мѣсто, тѣмъ болѣе, что для пропитанія его немного нужно. Клочекъ земли въ нѣсколько квадратныхъ саженъ, засѣваемый кукурузой, просомъ или гоміей, достаточны для прокормленія съ семействомъ. Такой же клочекъ, покрытый травой, а если и этого нѣтъ, то стебель отъ кукурузы, чалы или солома проса и гомія достаточны для прокормленія его козъ и барановъ; лошади же и рогатый скотъ въ той мѣстности рѣдки. Притомъ подмогой служатъ и древесные листья, почти вѣчно зеленѣющіеся. По той же лѣности и безпечности мало заботливости о садахъ и виноградникахъ. По преимуществу все произрастаетъ въ естественномъ дикомъ состояніи.

По этимъ причинамъ на Сурамскомъ перевалѣ, какъ и во всей Имеретіи, а равно въ Мингреліи и Гуріи, населеніе не группируется въ селенія, а разбросано и раскинуто. Селенія, состоящія изъ десятка дворовъ, уже считаются большими. Да и что такое эти дворы? Это деревянные сараи безъ оконъ, потолка и пола, въ которыхъ свободный разгулъ для вѣтра и нѣтъ защиты отъ ненастья. Отъ стужи нечего укрываться, потому что морозы невелики и непродолжительны.

Несмотря на такую бѣдность населенія, нельзя не восхищаться живописностію тѣхъ мѣсть, по которымъ проѣзжаешь. Мѣстность въ особенности становится живописною отъ Бѣлогорской станціи.

Рѣка Кварилла много краситъ и оживляетъ путь своего теченія. Однако сколь эта рѣка живительна весною и въ началѣ лѣта, столь она убійственна въ августѣ и сентябрѣ по своимъ лихорадкамъ. Не только человекъ, но животныя и даже птицы сильно страдаютъ и гибнутъ отъ этой страшной миазмы, гнѣздящейся въ тѣхъ болотахъ, отъ гвіющихъ и быстро разлагающихся органическихъ веществъ, которыя образуются послѣ разлитія этой рѣки. А потому все живущее и движущееся бѣжитъ отъ этихъ мѣсть въ началѣ лѣта въ горы и скрывается тамъ до сентября; такъ что почти половину года берега Квариллы, за исключеніемъ почтовой станціи, бываютъ пустынно и необитаемы.

Такой же страшный бичъ отъ лихорадокъ существуетъ и на Ріонѣ, въ особенности въ нижнихъ его частяхъ, а также на Цивѣ и Хопи. Здѣсь все живущее не можетъ спастись отъ миазмы даже въ горахъ, потому что ихъ нѣтъ по близости. Болѣе прочихъ страдаютъ отъ этой миазмы жители Поти, Озургеть и Редуть-Кале. Страшно смотрѣтъ на ихъ желтыя, изнуренныя лица, раздутыя брюшныя полости и претерпѣваемыя страданія отъ раздраженія печени.

Жители Кутаиса, главнаго мѣста военной и гражданской администраціи этого края, уже менѣе подвергаются лихорадкамъ, несмотря на то, что и этотъ городъ тоже расположенъ на Ріонѣ, и что эта быстрая и сердитая рѣка протекаетъ по срединѣ во всю его широту. Спасеніе жителей Кутаиса заключается въ томъ, что Ріонъ, протекая черезъ городъ, въ возвышенныхъ берегахъ не разливадается и не образуетъ болотистыхъ мѣстъ, порождающихъ миазму, отъ которой происходятъ лихорадки.

Кутаисъ хотя красивъ мѣстностію, на которой отъ построень, однако нельзя сказать того же про его постройки. За исключеніемъ дома губернатора, монастыря, присутственныхъ мѣстъ, бульвара и общественного сада, все остальное не обращаетъ на себя ни малѣйшаго вниманія. Даже нѣтъ ни одной порядочной гостиницы.

Такъ было по крайней мѣрѣ въ 1853 году. Говорятъ, въ настоящее время, этотъ городъ значительно украсился; на Ріонѣ же выстроень каменный красивый мостъ.

Изъ Кутаиса я отправился отыскивать князя Бебутова по направлению къ Поти. На Цхенись-Цхале (Конскія воды), откуда въ настоящее время производится по Ріону пароходное сообщеніе, видѣлъ поселеніе маранскихъ скопцовъ,—эту нравственную заразу и аномалію въ военной организаціи, образовавшуюся въ 1825 году.

Генераль Ермоловъ, желая пресѣчь вредное ученіе, появившееся въ нѣкоторыхъ частяхъ Кавказскаго корпуса, приказалъ собрать всѣхъ скопцовъ изъ нижнихъ чиновъ и, образовавъ изъ нихъ особую команду, поселилъ у с. Марани. Команда эта составила болѣе чѣмъ изъ 300 человекъ и названа была Каюшною, по той причинѣ, что она обязана была перевозить провіантъ на каюкахъ изъ нашей черноморской пристани Редутъ-Кале вверхъ по Цивѣ и Ріону до Кутаиса. Величайшіе труды, всякаго рода лишенія, скудное содержаніе, болѣзни отъ дурнаго климата и миазмическихъ болотъ, хотя повлекли за собою значительную смертность въ каюшной командѣ, но были спасительной мѣрой для удержанія другихъ отъ пагубныхъ заблужденій. Такую тяжелую службу маранскіе скопцы отбывали до 1840 года, когда изъ каюшной команды была образована 96-я инвалидная рота и когда они были избавлены отъ обязанности транспортировать провіантъ по Ріону.

Во время проѣзда моего эта инвалидная рота скопцовъ состояла человекъ изъ полутораста и кромѣ содержанія карауловъ въ мѣстѣ ихъ расположенія, Марани, она занималась перевозкой черезъ Цхенись-Цхале на паромѣ. Находясь нѣсколько лѣтъ подъ управленіемъ своего ротнаго командира, подполковника Гогидзе, грузина по рожденію, добраго и кроткаго по характеру, они не только забыли о прежней трудной ихъ жизни, но между ними проявилось и довольствіе.

Еслибы не блѣдныя, безкровныя, морщинистыя и совершенно безбородыя лица скопцовъ, а также отсутствіе женщинъ и дѣтей, то вамъ и въ голову не пришло бы, что вы находитесь не въ русскомъ православномъ селеніи. Даже храмъ Божій есть, который въ праздничные дни наполняется прихожанами; только это дѣлается не по своей охотѣ, да и молитвы возносятся къ Всевышнему неискреннія. Чистосердечное моленіе ихъ видно въ тайныхъ богослуженіяхъ, отправляемыхъ по ночамъ, по правиламъ своей секты. Пожалуй, если хотите, то и въ Марани есть женщины и дѣти, потому что не только ротный командиръ имѣлъ большое семейство, но изъ числа одиннадцати унтеръ-офицеровъ и двухъ барабанщиковъ половина была женатыхъ, у которыхъ, какъ бы въ укоръ и на смущеніе скопцовъ, имѣлось по нѣскольку дѣтей.

Такимъ образомъ, тихая, невозмутимая и безстрастная жизнь маранскихъ скопцовъ, ежегодно умалявшихся въ своей числительности, по причинѣ большей смертности, нежели пополненіе ихъ новыми жертвами заблужденія и невѣжества, продолжалась 36 лѣтъ. Въ 1862 году 96-я инвалидная рота была упразднена, и всѣ оставшіеся въ живыхъ скопцы были переселены въ Туруханскій край, а жилища ихъ переданы въ гражданское вѣдомство. вмѣстѣ съ переселеніемъ маранскихъ скопцовъ въ Западную Сибирь, прошу слѣдовать читателя датѣ за мной.

За Цхенись-Цхале я встрѣтилъ Виленскій и Литовскій полки, высадившіеся въ Сухумъ и направленные первый въ Ахалцыхъ, а послѣдній въ Озургеты—уѣздный городъ и главное мѣсто въ Гуріи. Велъ ихъ командиръ бригады, генералъ Ковалевскій, мой старый знакомый, тотъ самый, котораго я очертилъ во время построенія въ 1844 году крѣпости Воздвиженской. Здѣсь же добавлю, что на Кавказѣ онъ составилъ о себѣ хорошую военную репутацію. Былъ начальникомъ правого фланга Кавказской линіи; участвовалъ въ сраженіи подъ Ахалцыхомъ; съ честію совершилъ кампанію въ 1855 году, какъ начальникъ 13-й пѣхотной дивизіи, и умеръ отъ раны, полученной имъ при отбитіи штурма Карса.

На Тихурской станціи я узналъ, что князь Бебутовъ поцуетъ въ нѣсколькихъ верстахъ въ имѣніи одной княгини, фамиліи которой не помню, куда я немедленно и отправился.

Князь Василій Осиповичъ, котораго я видѣлъ до того одинъ только разъ, принялъ меня весьма ласково и привѣтливо, не потому только, что я ему былъ рекомендованъ княземъ Бяратинскимъ и привезъ 60 т.звонкой монеты, а по врожденной его добротѣ, привѣтливости и любезности. Онъ былъ высокъ, худощавъ и строенъ, несмотря на то, что переживалъ седьмой десятокъ. Сѣдые волосы, по обычаю Востока, красилъ до 1854-го года, когда послѣ шуточного разговора со мною о напрасномъ трудѣ пересталъ это дѣлать. Черты лица его были умныя и выразительныя; осо-

беннаго вниманія заслуживалъ его носъ, выходящій, по своей величинѣ, изъ разряда даже грузинскихъ и армянскихъ носовъ. Не могу не разсказать анекдота о величинѣ носа князя Бебутова. Въ бытность свою въ Петербургѣ, передъ назначеніемъ его государемъ командиромъ войсками на турецкой границѣ, онъ встрѣтился въ одномъ домѣ въ самыхъ дверяхъ съ двумя дамами.

— *Regardez, ma chère, quel grand nez! comment nous passerons?* сказала одна изъ нихъ, повидимому тихо; но слова были разслышаны княземъ.

— *Passez, je vous en pris, mesdames, s'il vous plait,* отвѣтилъ онъ, вѣжливо кланаясь и поворачивая пальцемъ свой носъ въ противную отъ нихъ сторону.

Князь Бебутовъ принадлежалъ къ числу немногихъ почетнѣйшихъ фамилій, вышедшихъ изъ Арменіи и занявшихъ видное мѣсто въ ряду княжескихъ родовъ Грузіи. Предки его занимали знатныя должности при дворѣ царей грузинскихъ и ознаменовали себя военными доблестями. Князь Василій Осиповичъ, младшій изъ четырехъ братьевъ, былъ первый изъ грузинскихъ князей, получившій воспитаніе въ Петербургѣ.

Выпущенный изъ 1-го кадетскаго корпуса, онъ, по прибытіи въ 1809 году въ Тифлисъ, пользовался расположеніемъ Торماسова и маркиза Паулуччи и былъ адъютантомъ Ермолова. Въ 1821 году назначенъ командиромъ Мингрельскаго полка. Послѣ взятія Ахалцыха былъ начальникомъ пашалыка, а потомъ управлялъ армянскою областью и за разные безпорядки, оказавшіеся въ его управленіе этою областію, былъ нѣкоторое время въ опалѣ. При князѣ Воронцовѣ былъ вначалѣ командующимъ войсками въ Дагестанѣ и за разбитіе полчищъ Шамиля на Кутиминскихъ высотахъ, въ 1846 году, удостоился получить орденъ св. Георгія 3-й степени, а вслѣдъ затѣмъ былъ назначенъ начальникомъ гражданскаго управленія. Выборъ княземъ Воронцовымъ Бебутова на этотъ важный въ то время постъ, когда предстояли большія перемѣны на Кавказѣ, доказывалъ полное довѣріе къ нему намѣстника, какъ умному, способному понять его предназначенія и вполне знающему край администратору.

Такъ какъ о князѣ Бебутовѣ будетъ долгая рѣчь, то здѣсь ограничиваюсь только описаніемъ его наружности, а также краткимъ перечнемъ его службы, до назначенія его командующимъ войсками на турецкой границѣ и перехожу къ лицамъ, его сопровождавшимъ.

Изъ нихъ былъ мнѣ знакомъ только Лорисъ-Меликовъ, тогда полковникъ, въ 1865-мъ же году, когда я простился съ Кавказомъ, былъ уже генераль-адъютантомъ и начальникомъ Терской обласи. Армянинъ по рожденію, не знатнаго рода по происхожденію, но умный отъ

природы и получившій хорошее образованіе, при томъ весьма ловкій и вкрадчивый, онъ въ продолженіе турецкой кампаніи считался приближеннымъ и довереннымъ лицомъ не только князя Бебутова, но и главнокомандующаго Муравьева. Зная хорошо грузинскій, армянскій и турецкій языки, онъ завѣдывалъ лазутчиками и былъ въ качествѣ капитана надъ вожатыми, а потому зналъ всѣ секреты и тайны. По паденіи Карса, былъ назначенъ комендантомъ этой крѣпости и начальникомъ Карскаго пашалыка или области, которымъ онъ оставался до обратной сдачи Карса туркамъ. Тутъ же я познакомился съ домашнимъ докторомъ князя—Соколовымъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и чиновникомъ особыхъ порученій, и съ адъютантомъ его, Александровскимъ, застрѣлившимся, вскорѣ послѣ назначенія его флигель-адъютантомъ за извѣстіе о Кюрюкъ-даринской побѣдѣ.

Мое представленіе князю Бебутову и знакомство съ лицами, его сопровождавшими, а равно съ хозяйкой дома и ея родственниками, происходило въ огромной залѣ, хорошо освѣщенной, и гдѣ только кончился обѣдъ. Меня стали угощать остатками обѣда, и хотя мнѣ хотѣлось болѣе спать, нежели ѣсть, но изъ приличія я долженъ былъ перепробовать нѣсколько невкусныхъ туземныхъ кушаньевъ, слушать раздарающую душу зурну и хлопать въ ладоши танцующимъ лезгинку.

Только около полуночи я мертвецки заснулъ на тахтѣ, имѣя подъ головами чемоданъ съ 60 тыс. полумперіаловъ и серебряныхъ рублей, о которомъ я не переставалъ думать въ продолженіе обѣда и пляски. Что тѣ же самыя думы не оставляли преслѣдовать меня и во время крѣпкаго сна доказательствомъ служить го, что когда я проснулся, то уже лежалъ не на подушкѣ, а прикинувшись лицомъ къ дорогому, но безпкойному чемодану, обвивъ его крѣпко руками. На другой день я поѣхалъ въ Кутаисъ уже не на тряской почтовой телѣгѣ, а въ тарантасѣ съ Александровскимъ и Соколовымъ. Князь же Бебутовъ отправился посѣтить свою родственницу или знакомую и долженъ былъ на другой день тоже пріѣхать въ Кутаисъ. Разговоръ былъ о предстоящей войнѣ, вторженіяхъ курдовъ и башибузукровъ въ наши предѣлы и о новостяхъ тифлискихъ, которыя были для моихъ спутниковъ интересны, потому что они болѣе недѣли какъ находились въ разъѣздахъ. Съ Соколовымъ, какъ добрымъ и веселымъ, я скоро сблизился, въ холодномъ и задумчивомъ Александровскомъ я видѣлъ что-то недоброе и мерасполагающее. И я не ошибся въ своемъ предположеніи, потому что онъ былъ таковымъ въ дѣйствительности.

По пріѣздѣ въ Кутаисъ, я представился тамошнему губернатору князю Гагарину, тому самому, который подъ Карсомъ командовалъ 18 пѣхотною дивизіей и которой вскорѣ послѣ назначенія кутаисскимъ генераломъ-губернаторомъ былъ убитъ владѣтелемъ Сванетіи, княземъ

Дедашкаліаномъ. Онъ былъ добръ, обходителенъ и вѣжливъ. Не знаю, какимъ онъ былъ администраторомъ и губернаторомъ, но въ начальники отряда не годился, какъ по мягкости характера, такъ и по слабости здоровья. Будучи мало свѣдущъ въ военной администраціи, князь Гагаринъ по необходимости вѣрялся такимъ людямъ, которые не заслуживали его довѣрія, а по мягкости своего характера не могъ оставивать ихъ въ злоупотребленіяхъ и направлять на истинный путь ихъ вредныя дѣйствія.

Изъ Кутаиса я выѣхалъ въ одной коляскѣ съ княземъ Бебутовымъ, и до Сурама путь пролегалъ по описанной уже мною дорогѣ. Отъ Сурама начинается живописное Боржомское ущелье, обставленное довольно высокими песчано-глинистыми и известковыми горами, поросшими лиственнымъ и хвойнымъ лѣсомъ. Шумящая здѣсь Кура течетъ быстро и преимущественно узкимъ ложемъ, не образуя ни острововъ, ни отмелей. Широкая и хорошо проложенная дорога проходитъ по лѣвому берегу Куры.

Боржомъ, славящійся не столько цѣлительностью своихъ сѣрныхъ и желѣзныхъ минеральныхъ источниковъ, сколько живописнымъ мѣстоположеніемъ, приятнымъ и здоровымъ климатомъ, былъ избранъ княземъ Воронцовымъ мѣстомъ лѣтняго въ немъ пребыванія. Поэтому, кромѣ заведенія тамъ небольшого поселенія, были устроены красивый домъ со многими службами и садомъ собственно для жилья князя и хорошія ванны съ вокзаломъ. Сверхъ того построили тамъ дома нѣкоторые изъ приближенныхъ князя Воронцова. Хотя по суровости зимы и сырости воздуха осенью, поселеніе не особенно процвѣтаетъ, но Боржомъ, отстоящій отъ Тифлиса въ 120 верстахъ, охотно посѣщается лѣтомъ и въ настоящее время, тѣмъ болѣе, что проведенный туда телеграфъ облегчаетъ и ускоряетъ сношенія съ Тифлисомъ и для правительственныхъ лицъ.

Переночевавъ въ Боржомѣ въ домѣ князя Воронцова, мы отправились черезъ Ацхуръ въ Ахалцыхъ, по продолженной здѣсь дорогѣ между глинистыми, песчано-известковыми и каменными горами. Населеніе этой части Кутаисской губерніи, входящей въ составъ Ахалцыхскаго уѣзда и известной въ исторіи Грузинскаго царства подъ именемъ Са-Абатаго или Самхетія, состоитъ по преимуществу изъ мусульманъ суннитскаго толка; но есть грузины и армяне. Селенія здѣсь большія и хорошо выстроенныя; много садовъ. По суровости зимы дома здѣсь строятся болѣе прочными и теплыми.

Почти на половинѣ разстоянія между Боржомомъ и Ахалцыхомъ находится Ацхуръ, въ древности большой населенный городъ Ацкури, въ которомъ апостолъ Андрей совершилъ первое водвореніе христіанства между картвелами. Выстроенная въ то время во имя Божіей

Матери обширная церковь существует до нынѣ. Въ настоящее время Ацхуръ небольшое мѣстечко съ полуразрушенной каменной цитаделью, населенное армянами, мусульманами и жидами.

Кура большею частію катитъ свои шумящія воды въ сторонѣ отъ дороги между крутыми берегами; только возлѣ Ахалцыха она протекаетъ по довольно широкой долинѣ, на которой соединяется съ Поцховъ-чаемъ. Эта послѣдняя рѣка, раздѣляющая городъ на двѣ части, течетъ въ возвышенныхъ берегахъ. Скала, на которой находится Ахалцыхская крѣпость, командуетъ городомъ. Въ этой древней крѣпости сохранилась мечеть, обращенная въ православную церковь. Всѣ постройки, помость двора и самая мечеть сложены изъ тесанныхъ квадратныхъ плитъ, а колонны изъ цѣльнаго камня съ бронзовыми фризами и поясами. Посрединѣ двора бьетъ фонтанъ.

Самый городъ не замѣчательнъ своими постройками. Улицы узкія и кривыя, площади небольшія и неправильныя, дома большею частію низкіе, съ плоскими крышами и окнами, обращенными въ дворы; только нѣсколько мечетей съ минаретами, да если не ошибаюсь двѣ армянскія церкви высоко возвышаются надъ всѣми прочими строеніями. Ахалцыхская крѣпость, столь памятная намъ по штурму въ 1829 году, хотя по оборонѣ своей и слабому вооруженію, имѣя не болѣе 40 орудій, находилась въ плохомъ состояніи и хотя гарнизонъ ея состоялъ изъ одного линейнаго баталіона, численность котораго не превышала 500 штыковъ, но она все-таки могла считаться надежнымъ оплотомъ. Нельзя было предполагать, чтобы турки, даже еслибы они появились въ значительномъ числѣ, рѣшились вести правильную атаку, а тѣмъ болѣе штурмовать ее. Но форштадты открыты со всѣхъ сторонъ и, ничѣмъ не обороненные, могли сильно пострадать. А потому до прибытія Виленскаго полка необходимо было выдвинуть впередъ Ахалцыха по направленію къ Суплису тѣ части, которыя находились подъ этою крѣпостью. Князь Бебутовъ приказалъ полковнику Шликевичу съ двумя баталіонами, тремя сотнями осетинской милиціи и шестью орудіями, расположиться впереди Ахалцыха, на Поцховъ-чаѣ.

Въ это время вся пограничная полоса впереди Ахалцыха находилась въ тревожномъ состояніи. Аджарцы, курды, каракалпаки, еще въ началѣ августа начавшіе дѣлать нападенія на скотъ пограничныхъ селеній, а одиночныхъ жителей уводить въ плѣнъ, въ октябрѣ уже открыто грабили селенія, жгли посты и даже нападали на разъѣзды. Тревоги были частыя и не только на пограничной линіи, но и въ тылу. Сельское населеніе было сильно встревожено и или стекалось подъ защиту Ахалцыха и собранныхъ подъ нимъ войскъ, или уходило назадъ въ лѣса. Кордонная наша линія была снята; посты же и карантинны сожжены непріателемъ. Были также сожжены казенныя постройки

на Абасъ-Туманъ и Уравелъ, гдѣ находятся минеральныя воды. Положеніе Ахалцхскаго уѣзда не улучшилось даже и съ прибытіемъ генерала Ковалевскаго съ Виленскимъ полкомъ и батареей 13-й артиллерійской бригады, во второй половинѣ октября.

Послѣ всѣхъ возможныхъ распоряженій, сдѣланныхъ къ оборонѣ Ахалцыха и успокоенію жителей не только этого города, но и пограничнаго края, князь Бебутовъ отправился далѣе. Переѣздъ отъ Ахалцыха до Аспинзы болѣе двадцати верстъ былъ совершенъ верхомъ прямымъ путемъ черезъ горы, тогда какъ экипажи поѣхали въ объѣздъ по царской дорогѣ, называемой такъ потому, что она была сдѣлана въ 1837 году для проѣзда покойнаго государя.

Начиная отъ Ахалцыха, весь Хертвискій участокъ, черезъ который мы проѣзжали, изрѣзанъ горами,—въ особенности высокъ Чебуреть-чайскій хребетъ. Въ то время, когда окрестности еще зеленѣли, на немъ лежалъ толстымъ слоемъ снѣгъ и было весьма морозно. Несмотря на то, что отъ Ахалцыха до Чебуреть-чая считается около сорока верстъ, и что мы выѣхали довольно рано и половину дороги совершили въ экипажѣ, однако прибыли на мѣсто ночлега, — штабъ-квартиру Донскаго полка, занимавшаго пограничный кордонъ, около девяти часовъ вечера. Такая медленность въ переѣздѣ происходила не столько отъ дурнаго состоянія дороги, сколько отъ частыхъ крутыхъ подъемовъ и спусковъ.

По причинѣ такой возвышенной и суровой мѣстности доступъ непріятельскимъ партіямъ былъ затруднителенъ; а потому, какъ во время нашего проѣзда, такъ и впослѣдствіи, эта часть пограничной линіи, а равно пространство между Чебуреть-чаемъ и Ахалкалаками, почти не подвергалось непріятельскимъ вторженіямъ. Населеніе этихъ мѣстъ состоитъ преимущественно изъ армянъ. Селенія хотя рѣдкія, небольшія, но хорошо обстроеныя, что иначе и не можетъ быть по причинѣ суровости климата. На этомъ пространствѣ, въ глубокой котловинѣ надъ Курою, находится селеніе Хертвисъ, извѣстное своими вкусными фруктами.

Слѣдующій ночлегъ, несмотря на небольшой переѣздъ, былъ въ Ахалкалакахъ. Здѣсь кромѣ осмотра укрѣпленія необходимо было сдѣлать нѣкоторыя распоряженія по успокоенію впереди находящагося пограничнаго пространства, тоже тревожимаго непріятелемъ, тѣмъ болѣе, что князь Бебутовъ на другой день уѣзжалъ въ Тифлисъ. Небольшое ахалкалакское укрѣпленіе, построенное турками и состоящее изъ хорошо сохранившихся каменныхъ стѣнъ, фланкируемыхъ башнями, было вооружено 19-ю разныхъ калибровъ орудіями. Гарнизонъ его не превышалъ двухъ слабыхъ ротъ. Форшадтъ, состоящій изъ нѣсколькихъ десятковъ небольшихъ домовъ, былъ безъ всякой обороны.

Еще въ началѣ августа курды и каракалпаки, живущіе въ Чалдыр-

скомъ и Ардаганскомъ санджакахъ, начали тревожить пограничныхъ жителей, въ особенности духоборскія селенія, ближе другихъ отстоящія отъ границы, отгонять скотъ и брать въ плѣнъ одиночныхъ жителей. Въ первыхъ же числахъ октября, во время нашего проѣзда, когда кордонъ съ большей части линіи былъ снятъ, непріятель началъ жечь оставленные посты. Здѣсь, какъ и подъ Ахалцыхомъ, былъ составленъ особый летучій отрядъ, преимущественно изъ казаковъ и милиціи, который и былъ выдвинутъ впередъ Ахалкалакъ къ Карзаху.

Одновременно съ отѣздомъ въ Тифлисъ князя Бебутова, искренно привязавшаго меня къ нему своей простотой и ласковымъ обращеніемъ, я съ Лорисъ-Меликовымъ отправился изъ Ахалкалакъ въ Александрополь. Отъ князя я получилъ приказаніе дѣйствовать по моему усмотрѣнію по продовольствію и снабженію войскъ на правахъ начальника штаба. Лорисъ-Меликовъ же долженъ былъ собрать свѣдѣнія о краѣ и непріятелѣ.

Переѣздъ до Александрополя былъ болѣе опасенъ, нежели путь отъ Ахалкалакъ до Ахалцыха, потому что дорога пролегаетъ не въ дальнемъ разстояніи отъ пограничной черты. Эта опасность тѣмъ болѣе увеличивалась собственно для меня въ настоящую минуту, что на моей отвѣтственности лежало сбереженіе 60 тыс. рублей. А курды и башибузуки особенно падки на наши полуимперіалы и серебряные рубли. Они иногда появлялись значительными партіями, тогда какъ конвой нашъ не превышалъ десяти казаковъ. Одно средство оставалось умереть, защищая столь дорогой чемоданъ.

Въ 40 верстахъ отъ Ахалкалакъ и почти въ такомъ же разстояніи отъ Александрополя находится русское поселеніе изъ духоборцевъ. Оно состояло изъ деревень: Богдановки, Спасской или Дубовки, Орловки, Горѣловой, Ефремовки, Родіоновки и Троицкой. Все это поселеніе доходило до 1.500 дворовъ или до 5 тыс. душъ. Дѣды и отцы описываемыхъ мною духоборцевъ появились въ концѣ прошлаго столѣтія первоначально на окраинахъ нашей имперіи, а потомъ зашли во внутрь Россіи и даже заглянули въ Сибирь.

Собранные изъ разныхъ мѣстъ, какъ вредные сектаторы, они, вмѣстѣ съ молоканами, около двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, составили огромное и полезное поселеніе на Молочныхъ водахъ, что въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи. Но и тамъ подозрѣваемые нашей губернской и духовной администраціей въ распространеніи вредныхъ религіозныхъ идей, несмотря на видимую пользу отъ заселенія ими пустынныхъ степей, въ 1841 году съ Молочныхъ водъ были переведены въ Закавказскій край. Духоборцы поселились въ означенныхъ семи деревняхъ; молокане же водворились въ Эриванской губерніи въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ селеніяхъ.

Раздѣленіе молоканъ отъ духоборцевъ произошло отъ различія ихъ ученій, которыхъ я не берусь разбирать. Скажу только, что различіе между ними такое же незначительное, какъ и между другими раскольничьими сектами, напримѣръ: прыгунами, хлыстами.

Сколько мнѣ извѣстно, духоборцы отвергаютъ всю обрядную часть, принятую въ православіи, не имѣютъ священниковъ, храмовъ и иконъ; богослуженія же отправляютъ въ самыхъ простыхъ формахъ, состоящихъ въ пѣніи различныхъ пѣсенъ, ими же самими составленныхъ. У духоборцевъ не соблюдается строгости семейной жизни и допускается свальный грѣхъ. Если не ошибаюсь—мужья называютъ своихъ женъ—сестрами; причемъ дозволяется разводъ. Родительская власть не имѣетъ большой силы, и дѣти называютъ своихъ родителей стариками. Несмотря на это, духоборцы, какъ и молokane, нравственны въ другихъ отношеніяхъ. Такъ напримѣръ, они уважаютъ права собственности, и между ними нѣтъ воровства и мошенничества, чуждаются праздности и уважаютъ трудъ.

Несмотря на суровость зимы и продолжительность морозовъ,—къ которымъ русскому человѣку не привыкать—стать,—по причинѣ возвышенныхъ мѣстъ, на которыхъ духоборцы были поселены, они жили въ довольствіи, потому что земля было много и хорошаго качества. Урожай ржи, озимой пшеницы и ячменя былъ хорошъ; въ травѣ и пастбищахъ недостатка не было, а потому водились и рогатый скотъ, и лошади. Избы, по преимуществу деревянные, были теплыя и просторныя, не чета армянскимъ или татарскимъ безъ печей, въ которыхъ не только можно замерзнуть отъ холода, но и задохнуться отъ спертаго и тяжелаго воздуха, наполненнаго испареніями отъ скотины, помѣщаемой въ одномъ мѣстѣ съ человѣкомъ. У духоборцевъ для помѣщенія скотины и лошадей имѣлись отдѣльные сараи. Послѣ этого неудивительно, что курды и башибузукки прежде всего обратили свое вниманіе на духоборское поселеніе и вскорѣ послѣ моего проѣзда разграбили и сожгли нѣкоторыя изъ ихъ деревень. Не только хорошая пожива манила ихъ къ этому поселенію, но и потому еще, что тамъ жили русскіе. Мусульманъ они старались не трогать, какъ своихъ одновѣрцевъ, на армянъ же не нападали потому, что не видѣли большой добычи; или щадили ихъ по заступничеству армянъ, живущихъ въ Турціи.

Нападеніе непріятеля на духоборскія селенія могло производиться тѣмъ легче и удобнѣе, что нашихъ войскъ тамъ не было, а граница отъ того мѣста, гдѣ перерѣзываетъ ее Кура (что не много сѣвернѣе Хозапинскаго каравтина), и до Мадатапинскаго поста совершенно была открыта и не защищена естественнымъ препятствіемъ. По той же причинѣ и кордонная линія на этомъ пространствѣ была снята равнѣ другихъ мѣстъ.

Изъ этого описанія можно убѣдиться, сколько опасенъ былъ для меня съ Лорисъ-Меликовымъ этотъ переѣздъ и какъ мы были рады, когда, благополучно проѣхавъ Мадатапинскій постъ, увидѣли Арпачай, текущій въ крутыхъ скалистыхъ берегахъ и составляющій границу до впаденія его въ Араксъ, а также наши посты, занимаемые еще казаками. Тутъ же встрѣтили 2-й баталіонъ Эриванскаго карабинернаго полка, форсированно слѣдующій изъ Манглиса—штабъ-квартиры полка—въ Александрополь, ведомый княземъ Тарханъ Мауравовымъ, который не разъ показалъ мужественную храбрость и неустрашимость въ описываемую Турецкую кампанію ¹⁾.

Съ сумерками мы прибыли въ Александрополь, — базисъ нашихъ военныхъ дѣйствій, въ которомъ мнѣ пришлось провести три суровыя зимы. Въ немъ пережито много пріятнаго, опаснаго и труднаго.

IV.

Описаніе турецкой границы въ топографическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ.

Въ этой главѣ я считаю необходимымъ описать пограничное пространство съ азиатской Турціей, въ топографическомъ отношеніи, и указать на болѣе правильныя оборонительныя и наступательныя наши дѣйствія. Можетъ быть мой взглядъ, мысли и разсужденія будутъ полезны въ будущемъ. При томъ этотъ обзоръ уяснить во многомъ читателю мой разсказъ о предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ и облегчить меня въ ихъ изложеніи.

Пограничное пространство Кавказа съ азиатской Турціей отъ Чернаго моря до Арарата, на протяженіи болѣе пятихъ сотъ верстъ, столь пересѣчено и изрѣзано большими хребтами и глубокими пропастями, что движенія и продолжительныя дѣйствія отрядовъ или корпусовъ, составленныхъ изъ трехъ родовъ оружія, могутъ производиться только по извѣстнымъ направленіямъ и дорогамъ.

При наступательныхъ дѣйствіяхъ съ нашей стороны такими путями могутъ быть:

---

¹⁾ Князь Тарханъ-Мауравовъ умеръ въ 187* году въ званіи генералъ-адъютанта, будучи начальникомъ Кавказской гренадерской дивизіи, въ которой онъ командовалъ Грузинскимъ гренадерскимъ полкомъ.

1) Изъ А х а л ц х а: черезъ Вале, Джагисманъ, хребеть Унгаръ, селеніе Пикелевъ въ Ардаганъ; откуда черезъ Байрамъ-Оглы и Меликой въ Карсъ или Дадашенъ, Ольту, Нариманъ въ Эрзерумъ.

2) Изъ А х а л к а л а к ъ: а) черезъ Карзахъ, Зурзуне и Галюверды въ Ардаганъ и далѣе черезъ Ольту, Нариманъ въ Эрзерумъ и б) черезъ Гендеру, Чалдыръ-Керпи, Кюмбетъ, Займъ въ Карсъ.

3) Изъ Александрополя въ Карсъ двумя дорогами: а) на Тахнисъ, Кизиль-Чахчахъ, Джамушли и Мешко и б) на Тахнисъ, Пирвали, Угузлы, Ялы и Визанкевъ. Изъ Карса въ Эрзерумъ двумя же дорогами: а) черезъ Узунъ-Килису, Катанлы, Кизиль-Килису, Загинъ, Зевинъ, Хоросанъ и Гассанъ-Калу и в) на Узунъ-Килису, Катанлы, Дели-муса, Мелидоузъ, Меджингертъ, Хоросанъ и Гассанъ-Калу.

и 4) Изъ Сурамалинскаго участка черезъ Орговскій постъ, Агридагскій хребеть, Чингильскія высоты въ Баязетъ; откуда: а) на Діадинъ, Сурбъ-Оганесъ, Караклиса, Топрахъ-Кале, Дали-баба въ Гассанъ-Кале и б) на Тапарисъ, Чубухлы, Бергеры въ Ванъ.

Въ свою очередь и непріятель, если пожелаетъ дѣйствовать наступательно въ значительныхъ массахъ и въ составѣ всѣхъ родовъ оружія, то свои вторженія въ наши предѣлы будетъ производить только по этимъ же направленіямъ.

Правда, у турокъ есть еще одинъ путь,—это изъ Батума по берегу Чернаго моря, по которому они и наступали въ 1854 до пораженія своего подъ Чолокомъ. Но этотъ путь для нашихъ наступательныхъ дѣйствій не удобенъ и даже невозможенъ, пока не будетъ полного содѣйствія надежной эскадрой со стороны моря.

Затѣмъ всѣ прочія движенія и дѣйствія по другимъ путямъ и направленіямъ, какъ отъ непріятеля, такъ и со стороны нашей, не могутъ быть продолжительны и упорны. Они будутъ заключаться въ кратковременныхъ движеніяхъ, на подобіе набѣговъ, производившихся противъ горцевъ и партизанскихъ дѣйствій, или такихъ хищническихъ нападений, которыми аджарцы, курды и каракалпаки тревожили нашу пограничную линію въ 1853 году.

На этомъ основаніи все пограничное пространство должно быть раздѣлено въ стратегическомъ отношеніи на четыре отдѣльныя части:

На Гурію и Мингрелію, включая побережье Чернаго моря до Ингура съ Кобулетскимъ санджакомъ.

Ахалцхскій уѣздъ, съ Аджарскимъ, Ардаганскимъ и Чалдырскимъ санджаками.

Александропольскій уѣздъ съ Карсскимъ пашалыкомъ.

Эриванскую губернію по правую сторону Аракса съ Баязетскимъ и Ванскимъ пашалыками.

Въ Гуріи и Мингреліи мы положительно должны дѣйствовать оборонительно и, только при вторженіи непріятеля въ наши предѣлы, стараться нанести ему пораженіе на удобной и крѣпкой позиціи, какъ это сдѣлано было на Чолокѣ.

Наступательныя дѣйствія по Батумской дорогѣ и вообще въ Кобулетскій санджакъ по слишкомъ гористой мѣстности и притомъ укрѣпленной дорогѣ для насъ неудобны, даже въ томъ случаѣ, если мы будемъ владѣть Чернымъ моремъ и имѣть на немъ сильный флотъ.

Примѣромъ тому служатъ дѣйствія генерала Гессе въ 1829 году, который съ отрядомъ изъ 2.400 человекъ пѣхоты, 7 орудій, сотни казаковъ и 3 т. милиціи, въ продолженіе трехъ дней пытался взять укрѣпленіе Цихисджиріи, находящееся на половинѣ разстоянія между нашей границей и Батумомъ и несмотря на блистательную храбрость нашихъ войскъ, долженъ былъ отказаться отъ предпріятія, потерявъ въ перестрѣлкахъ и на отбитомъ штурмѣ болѣе шестисотъ человекъ убитыми и ранеными.

Непріятель не можетъ быть для насъ опасенъ, если онъ, высадившись на пространствѣ между постомъ св. Николая и Сухумъ-Кале, двинется подобно Омеру-пашѣ черезъ Мингрелію или по Ріону на Кутаисъ. Милости просимъ, на его же погибель.

Если онъ высадится весною или лѣтомъ, его корпусъ разстроится отъ лихорадокъ—этого страшнаго бича, гнѣздящагося въ болотахъ прибрежья моря. Да и разлившіяся рѣки будутъ его безпрестанно останавливать. Если высадится осенью, то, кромѣ лихорадокъ, засядетъ и погубитъ всѣ свои перевозочныя средства въ непроходимой грязи.

Въ такомъ случаѣ не нужно жалѣть оставить прибрежные пункты и бояться отступленія за Тихуръ и даже Цхенись-Цхале. Не нужно только торопиться отступленіемъ, какъ это было сдѣлано въ 1855 году. Напротивъ, слѣдуетъ отступать медленно и стараться дѣйствовать милиціей партизански, преимущественно со стороны горъ, на его сообщенія и при удобномъ случаѣ нанести пораженіе главнымъ силамъ.

При такихъ оборонительныхъ дѣйствіяхъ достаточно имѣть въ Гуріи и Мингреліи то число войскъ, которое съ прибытіемъ туда Литовскаго полка съ легкой батареей находилось тамъ къ концу октября 1853 года.

Регулярныя войска слѣдуетъ расположить первоначально такимъ образомъ: по два баталіона съ четырьмя орудіями въ Озургетахъ и Зугдидахъ и одинъ баталіонъ въ Наджахеви, пять баталіоновъ при шести орудіяхъ въ резервѣ впереди Цхенись-Цхале, напрямѣръ, у Илори.

Съ наступленіемъ непріятеля весь резервъ или часть двигается въ Озургеты, Зугдиды и Наджахеви, или наоборотъ войска изъ Озургеть,

Зугдидъ и Наджахеви отступаютъ къ резерву, что будетъ завистью отъ обстоятельствъ.

Милиція и казаки занимаютъ передовые посты, охраняютъ край отъ хищническихъ покушеній непріятеля и дѣйствуютъ партизански при его наступленіи.

Дѣйствія отряда въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ, сообразно съ обстоятельствами, могутъ быть оборонительныя и наступательныя. Базисомъ долженъ быть Ахалцыхъ. Предметомъ дѣйствія—Ардаганъ или Карсъ.

Наступательныя дѣйствія могутъ быть или независимыя отъ Александропольскаго корпуса, или должны сообразоваться съ дѣйствіями этого корпуса и быть въ связи съ нимъ. Численность отряда для такихъ дѣйствій будетъ достаточна, до шести баталіоновъ, двѣнадцати орудій и десяти сотенъ милиціи и казаковъ, если принять во вниманіе, что побѣда подъ Суплисомъ 14-го ноября была одержана съ немого большими силами и что занятіе Ардагана и движеніе къ Карсу генерала Ковалевскаго въ 1855 году было совершено съ такимъ же числомъ войскъ.

Собственно при оборонѣ лежащаго передъ Ахалцыхомъ пограничнаго пространства должно руководствоваться тѣмъ, что всю пѣхоту съ артиллеріей имѣть въ совокупности впереди этой крѣпости, кавалерію же располагать въ нѣсколькихъ пунктахъ на самой пограничной чертѣ.

Эта послѣдняя должна производить частые разѣзды и передвигаться съ одного пункта на другой и по временамъ поддерживаться пѣхотой.

Ахалкалакскій отрядъ долженъ состоять преимущественно изъ кавалеріи. Одинъ или два баталіона съ нѣсколькими орудіями назначить только въ такомъ случаѣ, если могутъ быть удѣлены съ другихъ пунктовъ.

Пѣхоту можно располагать впереди Ахалкалакь, напримѣръ у Ваційнъ или Карзаха, или держать ее въ центральномъ мѣстѣ между духоборскими деревнями, какъ болѣе подверженными непріятельскому нападенію. Кавалерію, напротивъ, не слѣдуетъ держать въ совокупности, а располагать сотнями въ нѣсколькихъ пунктахъ, передвигая ее сколько возможно чаще съ одного мѣста на другое.

Въ Сурамѣ можно имѣть для Гурійскаго и Ахалцыхскаго отрядовъ центральный подвижной резервъ, состоящій изъ 2—3 баталіоновъ пѣхоты съ дивизиономъ артиллеріи. Онъ двигается въ Кутаисъ, отстоящій отъ этого пункта въ пяти переходахъ, въ томъ только случаѣ, когда непріятель будетъ сильно тѣснить войска, дѣйствующія въ Гуріи и Мингреліи. Слѣдуя форсированно въ Кутаисъ, онъ можетъ прибыть

туда на третья сутки. Для Ахалцыхскаго же отряда этотъ резервъ во всякое время можетъ быть полезенъ. Доказательствомъ этому служить Ацхурское дѣло генерала Бруннера, который во-время туда прибылъ съ полутора баталіонами командуемаго имъ Брестскаго полка и одержалъ побѣду надъ непріателемъ, появившимся на сообщеніяхъ нашихъ позади Ахалцыха въ первыхъ числахъ ноября.

Войска, собранныя у Александрополя и имѣющія предметомъ дѣйствія сначала Карсъ, а потомъ Эрзерумъ, уже подлежатъ болѣе сложнымъ соображеніямъ, тѣмъ болѣе, что съ дѣйствіями этого корпуса должны сообразоваться дѣйствія Ахалцыхскаго и Эриванскаго отрядовъ.

По этому направленію, какъ въ кампанію 1828 и 29 гг., такъ въ войну съ 1853 по 1856 годъ, совершались главныя военныя дѣйствія. На этомъ же пути безъ всякаго сомнѣнія будутъ производиться такія же военныя дѣйствія и въ будущія наши войны съ Турціей.

Причины, побуждающія противниковъ дѣйствовать по этому направленію столь настойчиво, очень ясны. Мы избираемъ базисомъ Александрополь для главныхъ дѣйствій, какъ сильную крѣпость, операционный же путь направляемъ черезъ Карсъ къ Эрзеруму, какъ удобный и ближайшій въ сердцѣ Анатолиі. Турки же для наступательныхъ и оборонительныхъ дѣйствій сосредоточиваютъ главныя свои силы подъ Карсомъ, потому что эта крѣпость служитъ для нихъ въ свою очередь хорошимъ базисомъ, надежнымъ опорнымъ пунктомъ и защитой въ случаѣ пораженія.

Послѣдняя кампанія служитъ тому самымъ убѣдительнымъ примѣромъ. Анатолійская армія, дважды претерпѣвавшая сильное пораженіе, за укрѣпленіями Карса не только находила надежное убѣжище, но и дала хорошій урокъ въ нашей самонадѣянности, отбивши штурмъ нашихъ войскъ съ большимъ урономъ отъ стѣнъ Карса въ 1855 году.

Числительность Александропольскаго корпуса будетъ зависѣть отъ того, какими мы соображеніями будемъ руководствоваться при наступательныхъ дѣйствіяхъ, потому что въ оборонительномъ положеніи, какъ бы мы слабы ни были, не должны оставаться.

Если бы князь Бебутовъ перешелъ Арпачай съ тѣми силами, которыя подъ его начальствомъ были собраны подъ Александрополемъ къ первому ноября и, расположась подъ Тахнисомъ или Башъ-Шурагелемъ, гдѣ онъ простоялъ съ отрядомъ болѣе недѣли послѣ Бояндурскаго сраженія, то мы не только не имѣли бы потерь, понесенныхъ въ этомъ сраженіи, но избавили бы пограничныя селенія отъ грабежей и разореній, нанесенныхъ имъ курдами. Побѣда же подъ Башъ-Кадыкларомъ была бы еще болѣе несомнѣнна, потому что мы вступили бы

въ бой съ турками, съ войсками, не понесшими столь большихъ потерьъ подъ Бояндуромъ.

Извѣстно изъ опыта прошлыхъ войнъ, что побѣждать турокъ въ открытомъ полѣ легче, нежели за укрѣпленіями и искусственными преградами. Тамъ они стойко и мужественно держатся и отчаяно защищаются. А потому, во всякомъ случаѣ, а тѣмъ болѣе, если наши силы будутъ такъ незначительны, какъ напримѣръ это было въ 1853 и 1854 годахъ, намъ слѣдуетъ вызвать турокъ въ открытое поле, гдѣ и сразиться съ ними. Можно быть увѣреннымъ, что, несмотря на то, что турки и будутъ въ нѣсколько разъ насъ сильнѣе, а все-таки побѣда останется на нашей сторонѣ. Башъ-Кадыкларъ, Кюрюкь-Дара, Чингиль, Суплись, Чолокъ служатъ тому явными доказательствами.

Если же мы намѣрены взять Карсъ, или оставивши у этой крѣпости блокадныя или осадныя войска, двинуться къ Эрзеруму, то такое предпріятіе не иначе можетъ быть совершено, какъ съ тѣми силами, которыя были собраны подъ Карсомъ въ 1855 году. При томъ нужно побить непріятеля хорошеенько, хотя одинъ разъ въ полевомъ сраженіи. Въ противномъ же случаѣ мы можемъ потерять наши сообщенія или подвергнуться опасности быть разбитыми по частямъ. Опасаясь же и того и другаго, будемъ дѣйствовать нерѣшительно.

Есть другой путь достигнуть Эрзерума, а съ нимъ и самыхъ рѣшительныхъ результатовъ въ азіатской Турціи. Этотъ путь пролегаетъ черезъ Баязетъ, Діадинъ, Топрахъ-Кале, Дали-бабу и Гассанъ-Калу.

Въ такомъ случаѣ Эриванскій отрядъ долженъ быть если не болѣе, то вдвое сильнѣе противъ того, въ какомъ составѣ онъ дѣйствовалъ въ прошлую кампанію. Онъ долженъ состоять по меньшей мѣрѣ изъ восьми баталіоновъ пѣхоты, шестнадцати орудій и кромѣ милиціи (которая вообще мало полезна), полка драгунъ и десяти или двѣнадцати сотенъ казаковъ.

Въ продовольствіи этихъ войскъ, судя по прекраснымъ запискамъ генерала Лихутина, не можетъ встрѣтиться затрудненія, потому что этотъ путь богатъ пшеницей, ячменемъ и травою. Однако для лучшаго обезпеченія отряда продовольствіемъ необходимо имѣть при немъ подвижной транспортъ, состоящій изъ такого числа арбъ и черводарскихъ лошадей, чтобы на немъ могли перевозиться мѣсячное продовольствіе для отряда и подвижной лазаретъ.

Войска для Эриванскаго отряда удѣлять изъ главнаго Александропольскаго, что легче будетъ сдѣлать, если дѣйствія этого послѣдняго ограничить блокаднымъ наблюденіемъ за Карсомъ и не пропускать турецкихъ войскъ, въ немъ засѣвшихъ, черезъ Саганлугскій хребетъ на помощь къ Эрзеруму.

Такое измѣненіе плана военныхъ дѣйствій противъ прошлыхъ

двухъ кампаній озадачить и совершенно собьетъ съ толку турокъ; а это-то и поведетъ къ самымъ рѣшительнымъ результатамъ.

Притомъ же при такихъ дѣйствіяхъ Эриванскаго отряда не будетъ надобности назначать особую сумму на подкупъ и склоненіе на нашу сторону курдовъ, въ дѣйствительности не столь страшныхъ, какъ намъ казалось, а можетъ быть будетъ казаться. Если баязетскіе и ванскіе курды держались въ страхѣ и повиновеніи Эриванскимъ отрядомъ при томъ составѣ, въ которомъ онъ находился въ 1854 и 1855 годахъ, то тѣмъ скорѣе этого можно будетъ ожидать, если численность его удвоится.

Но если на Эриванскій отрядъ и не будетъ возложено столь рѣшительныхъ дѣйствій, а именно наступательное движеніе къ Эрзеруму, то все-таки полезно будетъ его имѣть сильнѣе противъ прошлой войны. Онъ можетъ дѣйствовать не только съ большою самостоятельностью въ долинѣ Ефрата, но и перенести свои дѣйствія за Алладагъ въ Ванскій пашалыкъ. А это заставитъ курдовъ съ большею точностію повиноваться намъ и исполнять всѣ наши приказанія.

Если Эриванскій отрядъ нанесетъ Баязетскому корпусу такое же пораженіе, какое нанесено ему было на Чингильскихъ высотахъ въ 1854 году, то по занятіи Баязета онъ долженъ дѣйствовать по двумъ направленіямъ: четыре баталіона, восемь орудій и полкъ казаковъ двигаются на Діадинъ и дѣйствуютъ въ долинѣ Ефрата, не далѣе впрочемъ Караклисса или Хамура. Остальныя затѣмъ войска двигаются черезъ Тапарисъ, Бергеры къ Вану.

Дѣйствуя такимъ образомъ по разнымъ направленіямъ и повидимому разобщенно, Эриванскій отрядъ не можетъ опасаться за свои сообщенія, пока онъ владѣетъ Баязетомъ, гдѣ въ крайнемъ случаѣ обѣ части отряда могутъ всегда соединиться для совокупныхъ дѣйствій. Да и не можетъ представиться такой крайній случай. Если этого случая не было въ прошлую кампанію, то тѣмъ болѣе нельзя предполагать въ то время, когда Эриванскій отрядъ будетъ вдвое сильнѣе.

Непріятеля нельзя ожидать черезъ Кагыманъ, потому что этотъ путь весьма труденъ для прохода войскъ. Притомъ и Александропольскій корпусъ не дозволитъ совершить непріятелю это трудное движеніе.

Если же турки двинутся отъ Гассанъ-Кале на Дали-бабу и спустятся съ Драмъ-дага въ долину Шаріара (притокъ Ефрата), то послѣ пораженія имъ угрожаетъ совершенное истребленіе. А потому положительно можно сказать, что они на такое опасное предпріятіе не рѣшатся. Можно ручаться, что крайнимъ пунктомъ ихъ наступленія отъ Гассанъ-Кале будетъ Дали-баба.

Изъ всего этого оказывается, какъ полезно и необходимо имѣть

Эриванскій отрядъ сильнѣе противъ прошлыхъ кампаній, тѣмъ болѣе, что и операционный путь дѣйствій лучше другихъ путей. На немъ меньше естественныхъ препятствій; только переваль черезъ Агридагъ между Орговымъ и озеромъ Чингиль, да переходъ черезъ Драмъ-дагъ у Дали-баба требуютъ предварительной разработки для прохода орудій и колеснаго обоза, тогда какъ переваль черезъ Саганлугскій хребтъ между Карсомъ и Гассанъ-Кале на разстояннн пятидесяти верствъ представляетъ много трудностей.

О дорогѣ же отъ Ахалцыха или Ахалкалакъ черезъ Ардагавъ въ Карсъ, а тѣмъ болѣе черезъ Ольгу и Нариманъ нечего и говорить.

На Баязетской дорогѣ имѣются хорошая вода и въ изобилнн пастбища, въ чемъ не встрѣчается впрочемъ недостатка и на двухъ упомянаемыхъ мною путяхъ. За то тутъ нѣтъ недостатка въ топливѣ, въ которомъ большой недостатокъ между Александрополемъ и Карсомъ по неимѣнню вовсе лѣса и гдѣ дрова для варенія пищи добываются изъ разрушаемыхъ строеннй непрятельскихъ деревень.

Несмотря на положительное мое убѣжденне въ пользѣ усилення Эриванскаго отряда, если и въ будущую войну онъ останется въ томъ же составѣ, въ которомъ дѣйствовалъ въ прошлую кампанню, ѣ будетъ ограничиваться одними вспомогательными второстепенными дѣйствнями главному Александропольскому корпусу, то вотъ мой взглядъ на дѣйствня этого послѣдняго.

Если турецкнй корпусъ будетъ разбитъ подъ Карсомъ или на пути къ нему, то въ такомъ случаѣ, оставивъ блокадный или наблюдательный отрядъ подъ этою крѣпостью, съ главными силами слѣдуетъ двинуться безъ промедлення черезъ Катанлы къ Меджингерту или Зевину и, такимъ образомъ овладѣвъ Саганлугскимъ хребтомъ, какъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ, расположиться тамъ на выгодной позицнн.

Вмѣстѣ съ этимъ Ахалцыхскнй отрядъ, если овладѣетъ Ардаганомъ, оставивъ въ немъ необходимый гарнизонъ, двигается къ Дадашену, гдѣ и располагается.

Цѣль такого расположення тройкая: а) содѣйствовать главному отряду, расположенному на Саганлугскомъ хребтѣ, быстрымъ движеннемъ на Бардусъ, Загинъ и Меджингертъ; б) вспомоществовать наблюдательному или блокадному отряду, оставленному подъ Карсомъ, такимъ же быстрымъ движеннемъ на Бердыхъ и Чамерлы и в) наблюдать за лазами и аджарцами, а вмѣстѣ съ тѣмъ за Ардаганомъ и окрестнымъ населеннемъ.

Въ то время Эриванскому отряду, въ томъ случаѣ, когда онъ овладѣетъ Баязетомъ, двинуться если не къ Топрахъ-Кале, то къ Діадину, гдѣ расположившись производить движення впередъ, также къ Хашуру и Мелизгерду верствъ на 30 или 40. Если же Баязетъ не бу-

детъ взять, то, оставаясь у этого города, стараться безпокоить подобными же его движеніями окрестное населеніе.

По утвержденіи главнаго отряда на Саганлугскомъ хребтѣ, Ахалцхскій отрядъ двигается къ Карсу на соединеніе съ блокаднымъ отрядомъ, съ которымъ и приступаетъ къ самой дѣятельной осадѣ.

Между тѣмъ главный отрядъ высылаетъ къ Катанлы колонну для принятія тамъ отъ эшелона, высланнаго изъ Карса, транспорта съ продовольствіемъ, съ которымъ и слѣдуетъ на Саганлугскую позицію. Войска же, прибывшія изъ Карса, расположившись у Катанлы, кавалеріей производятъ развѣзды по Меджингертской и Зевинской дорогамъ, соединяясь съ развѣздами, посылаемыми съ главной позиціи.

Дальнѣйшее движеніе съ Саганлуга къ Эрзеруму будетъ уже зависѣть отъ паденія Карса.

Для совершенія всего этого нужно слѣдующее число дѣйствующихъ войскъ:

Въ главномъ Александропольскомъ корпусѣ, выступающемъ изъ Александрополя: — двадцать баталіоновъ пѣхоты, два полка драгунъ, три полка казаковъ и сорокъ орудій, не включая осаднаго парка.

Въ Ахалцхскомъ отрядѣ, двигающемся на Ардаганъ изъ Ахалцыха: — шесть баталіоновъ, два полка кавалеріи и двѣнадцать орудій преимущественно легкихъ.

Въ Эриванскомъ отрядѣ, выступающемъ изъ Сурмалинскаго участка: — шесть баталіоновъ, два полка кавалеріи и десять орудій.

Во время движенія на Саганлугскій хребетъ остается въ блокадномъ отрядѣ подъ Карсомъ: въ первое время до присоединенія Ахалцхскаго отряда: восемь баталіоновъ, полкъ драгунъ и два полка казаковъ, шестнадцать орудій полевыхъ, весь осадный паркъ и вагенбургъ. Съ присоединеніемъ же Ахалцхскаго отряда: двѣнадцать баталіоновъ, полкъ драгунъ, три полка казаковъ и восемнадцать полевыхъ орудій, не считая осадныхъ. Два баталіона пѣхоты, полкъ казаковъ и четыре орудія выступаютъ съ вагенбургомъ и располагаются у Катанлы для связи Саганлугскаго съ Карскимъ отрядомъ.

Если же Эриванскій отрядъ усилится до такой степени, что будетъ дѣйствовать самостоятельно на Эрзерумъ, то Карскій отрядъ можетъ быть уменьшенъ до четырнадцати баталіоновъ. Когда же, по соединеніи съ Ахалцхскимъ отрядомъ, силы его возвысятся до той степени, что будетъ съ успѣхомъ дѣйствовать противъ Карса, — онъ обязанъ содѣйствовать Эриванскому отряду наступательными движеніями на Саганлугскій хребетъ до того времени, пока не развяжетъ себѣ руки, взятіемъ Карса штурмомъ или правильной осадой.

Съ того времени онъ переходитъ къ положительнымъ наступательнымъ дѣйствіямъ въ полномъ своемъ составѣ.

V.

Пребываніе въ Александрополѣ съ начала октября до перехода черезъ Арпачай. — Боандурское сраженіе. — Наши милиціонеры. — Турецкіе башибузуки и курды.

По прибытіи въ Александрополь, я остановился вмѣстѣ съ Лорисъ-Меликовымъ въ заблаговременно приготовленной квартирѣ у Векилова, первостатейнаго и богатаго горожанина, домъ котораго находился на лучшей улицѣ и почти въ центрѣ города.

Александрополь, уѣздный городъ Эриванской губерніи, хотя большею частью имѣетъ улицы прямыя и площади правильныя, но, будучи построенъ на мѣстности песчано-каменистой, изрѣзанной частыми оврагами, кажется неправильнымъ и разбросаннымъ. Сообщение по его улицамъ по причинѣ такой неровной мѣстности не всегда безопасно и въ сухое время. Весною же и лѣтомъ, когда журчащіе на двѣ глубокихъ овраговъ ничтожныя ручейки отъ таянія снѣга и сильныхъ дождей обращаются въ стремительные потоки, то сообщеніе дѣлается весьма затруднительнымъ. Не менѣе затруднительнымъ бываетъ сообщеніе и осенью, по причинѣ сильно разгрязненныхъ дорогъ, пролегающихъ по такой пересѣченной и неровной мѣстности.

Населеніе Александрополя состоитъ преимущественно изъ армянъ, грегоріанцевъ и мусульманъ, суннитскаго толка. Былъ также цѣлый кварталъ, заселенный греками; но когда и откуда они сюда переселились — не знаю. Русскихъ обывателей было весьма не много, даже чиновники, служащіе въ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ, и офицеры мѣстнаго линейнаго баталіона были большею частію туземцы. Повтому наружный видъ Александрополя вполнѣ азіатскій. Всѣ дома исключительно каменные, одноэтажныя, съ плоскими земляными крышами, съ окнами, обращенными по преимуществу на дворы и притомъ закрытыми толстыми желѣзными рѣшетками. Садовъ не много, да и тѣ по суровости климата и бесплодности почвы бѣдны фруктовыми деревьями.

Гостинный дворъ и караванъ-сарай хотя довольно большіе, но торговцы въ немъ исключительно армяне, а товары, продаваемые ими, большею частію азіатскіе. Въ Александрополѣ три армянскихъ церкви, изъ коихъ одна довольно большая, и одна греческая.

Таковъ былъ городъ, въ которомъ имѣлъ свое зимнее пребываніе

штабъ главнаго дѣйствующаго корпуса въ продолженіе всей войны съ Турціей, и который былъ базисомъ и складочнымъ пунктомъ для нашихъ военныхъ дѣйствій.

Крѣпость Александропольская, заложенная вскорѣ по заключеніи Адрианопольскаго мира, но не оконченная и не вполне вооруженная при началѣ войны въ 1853 году, возвышается надъ самымъ Арпачаемъ. Она отдѣлялась отъ города, болѣе чѣмъ на версту, глубокимъ оврагомъ, на днѣ котораго струилась небольшая рѣчка. Нѣсколько небольшихъ прудовъ, образовавшихся посредствомъ плотинъ, составляли главный резервуаръ воды. Поэтому, несмотря на крутые каменистые берега, тутъ находились прачешная госпиталя, огороды и мастерскія гарнизона. Тутъ же были устроены пекарни для печенія хлѣба и сушенія сухарей, потребныхъ въ огромномъ количествѣ для дѣйствующихъ войскъ, а потому дѣятельность въ этомъ оврагѣ не прекращалась даже въ ночное время.

Александропольская крѣпость съ двумя фортами, возвышающимися на отдѣльныхъ высотахъ, и красной башней, обстрѣливающей дно оврага, построена изъ крѣпкаго тесанаго камня и принадлежитъ къ весьма красивымъ и прочнымъ сооружениямъ. Жаль только, что огромныя казармы и госпиталь мрачны и сыры. Внутри крѣпости, кромѣ очень красивой церкви, дома коменданта и другихъ помѣщеній, выстроенныхъ изъ того же камня, имѣются большіе магазины, въ которыхъ удобно могутъ храниться продовольственные и военные запасы.

Несмотря на то, что на вооруженіи крѣпости находилось до 120 орудій, однако этого было недостаточно, потому что до полнаго вооруженія недоставало еще до 180 орудій. Гарнизонъ состоялъ изъ линейнаго баталіона; комендантомъ былъ генералъ-маіоръ Шульцъ, весьма эксцентричный, но увлекающійся и храбрый человекъ, тотъ самый, который, служа въ генеральномъ штабѣ, былъ сильно раненъ подъ Ахульго, потомъ сражался при оборонѣ Севастополя и комендантствовалъ въ Динамидѣ, а потомъ отставнымъ генераломъ отъ кавалеріи жившій въ Лифляндіи.

Александрополь съ крѣпостью возвышается надъ поверхностію моря болѣе, чѣмъ на 5 т. футовъ, а потому климатъ тамъ весьма суровъ. Зима начинается съ ноября и продолжается до конца марта. Холода бывають большіе, и морозы въ декабрѣ и январѣ доходятъ до 20 градусовъ по Реомюру, а иногда и болѣе. Снѣгъ выпадаетъ большой, а вьюги и метели бывають столь сильны, что по нѣскольку дней городъ не сообщается съ крѣпостью. Иногда бывають и сильныя туманы, тоже препятствующіе свободному сообщенію.

Несмотря на такое возвышенное мѣсто Александрополя, куда ни обратите вашъ взоръ, вездѣ горы. Поверните на западъ къ Карсу, — пе-

редъ вами возвышенный правый берегъ Арпачая, изъ-за котораго вы увидите горы между Суботаномъ и Огузлы, если изойдете на крѣпостную стѣну или на одну изъ башенъ. Обернетесь на сѣверъ и къ дорогѣ, ведущей въ Тифлисъ, — передъ вами отроги того хребта, за которымъ находится Лорійская степь. Только на юго-востокъ виднѣется волнистое пространство на нѣсколько десятковъ верстъ, съ находящимися на немъ нѣкоторыми армянскими селеніями.

Съ этой стороны вашъ взоръ поражается величественнымъ Аллагеомъ, который отдѣльной горой возвышается болѣе, чѣмъ на 13 т. футъ надъ поверхностью моря. Онъ въ особенности поразителенъ, когда его остроконечной серебристой шапкой играютъ солнечные лучи. Сколь вершины Аллагеа безжизненны, скалисты и недоступны, столь отлоги подножія богаты пастбищами и полями. На покатосяхъ Аллагеа не только находится много армянскихъ деревень, но на нихъ имѣютъ свои кочевья эриванскіе курды. Какъ бы ни было жарко лѣто, но трава на нихъ всегда зеленѣетъ; а потому курды, въ нашихъ предѣлахъ живущіе, съ особенною любовію говорятъ объ этой горѣ.

Если смотрѣть съ Александропольской крѣпости, или съ холмовъ, находящихся между карантиномъ и городомъ внизъ по Арпачаю, то лѣвый его берегъ тоже виденъ на нѣсколько десятковъ верстъ, а именно до Кизиль-Калису, гдѣ отроги отъ Аллагеа закрываютъ дальнѣйшее его теченіе.

Находящіеся здѣсь по Арпачаю селенія, преимущественно населенныя армянами, прежде всего подверглись нападенію непріятеля, и курды начали тревожить ихъ въ началѣ августа. Поэтому удаленныя отъ крѣпости селенія совершенно были брошены. Большая часть жителей переселилась въ болѣе отдаленныя отъ границы деревни, а нѣкоторые изъ мусульманъ перешли въ Турцію. Остались только жители Бояндур и Дагарлы, какъ ближайшихъ къ Александрополю собственно потому, что въ первомъ изъ нихъ, отстоящемъ отъ этого города на двѣнадцатой верстѣ, былъ расположенъ нашъ отрядъ подъ начальствомъ командира Грузинскаго гренадерскаго полка, князя Орбеліани, состоящій изъ трехъ съ половиною баталіоновъ, нѣсколькихъ орудій и небольшого числа казаковъ, снятыхъ съ кордонной линіи.

На другой день по моемъ прибытіи въ Александрополь, я съ Лорисъ-Меликовымъ отправился въ Бояндуръ, чтобы тамъ явиться князю Орбеліани. Къ этому селенію ведутъ двѣ дороги: одна по верхнему уступу, другая нижняя почти по самому Арпачаю. Верхняя хотя дальняя, но весьма хорошая для колеснаго сообщенія; по ней можно проѣхать въ Хорумъ и далѣе въ Сардаръ-Абадъ и Эривань. На нижней же дорогѣ кромѣ канавъ, проведенныхъ для орошенія огородовъ и дѣйствія мельницъ, имѣются и топкія мѣста. На седьмой верстѣ отъ Александрополя

*

находится небольшое селеніе Дагарлы. Чтобы проѣхать съ верхней дороги въ Бояндуръ, нужно у Караглиса переѣхать топкій ручей и подняться на возвышенность.

Князь Орбеліани принадлежалъ хотя не къ богатой, но знатной грузинской фамиліи. Онъ былъ высокъ ростомъ, плечистъ, силенъ, красивъ лицомъ и, подобно другимъ грузинамъ, былъ безотчетно храбръ. Получа воспитаніе, какъ и большинство грузинъ, самое простое, началъ службу въ милиціи и до полковаго командира не занималъ ни строевой, ни административной должности. Возвышеніе князя Орбеліани было очень быстрое, по причинѣ неограниченнаго довѣрія и безпредѣльной, можно сказать отеческой, любви къ нему князя Воронцова, послѣ происшествія, случившагося въ 1845 году у Шуани, во время беспорядочнаго отступленія отъ Дарго; когда онъ съ обнаженною пашкою первый бросился впередъ на толпу чеченцевъ, неожиданно появившуюся на томъ мѣстѣ, гдѣ находился главнокомандующій. Князь Илья Дмитріевичъ былъ добръ и привѣтливъ, но быстрое его возвышеніе сдѣлало его самонадѣяннымъ и приобрѣло ему враговъ.

Дѣятельность моя въ Александрополѣ, въ первые дни послѣ прибытія моего туда, была огромная. Я въ своемъ лицѣ сосредоточивалъ начальника штаба, оберъ-квартирмейстера, дежурнаго штабъ-офицера, казначея и старшаго адъютанта. Канцелярія моя, состоящая всего изъ двухъ писарей, помѣщалась тамъ же, гдѣ я жилъ. Между тѣмъ прибывающія части нужно было размѣстить и снабдить всѣмъ необходимымъ. Нужно было осмотрѣть пекарни, и какъ успѣшно производится въ нихъ приготовленіе сухарей; достаточно ли заготовлено дровъ и распорядиться въ заготовленіи матеріаловъ для устройства переправы черезъ Арпачай.

Дрова и лѣсные матеріалы для переправы въ особенности безпокоили князя Бебутова, и весьма естественно, потому что доставка ихъ должна была производиться за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Александрополя и обходилась слишкомъ дорого. Сажень дровъ съ доставкой стоила не дешевле 20 рублей; но дровъ на первое время оказалось достаточно; а потому нужно было сдѣлать распоряженіе о заготовленіи ихъ на будущее. Что же касается лѣсныхъ матеріаловъ для моста, то нужно было сначала доставить лѣсъ къ переправѣ, назначить рабочихъ для устройства козелъ и приготовить доски для настлани.

Такъ какъ князь Бебутовъ, по пріѣздѣ въ Тифлисъ, заболѣлъ, то до выздоровленія его управленіе корпусомъ было возложено на князя Барятинскаго, который и прибылъ въ Александрополь около 20-го октября, а вслѣдъ за нимъ было получено увѣдомленіе о вѣроломномъ взятіи турками на берегу Чернаго моря поста св. Николая.

Миръ былъ окончательно нарушенъ, но мы не могли не только дѣйствовать наступательно ни на одномъ пунктѣ, но и защитить пограничный край, потому что вездѣ были слабы. Большая часть войскъ, назначенныхъ для дѣйствій, еще находилась въ движеніи и не могла ранѣе ноября окончательно сосредоточиться.

Между тѣмъ непріятельская иррегулярная кавалерія открыла наступательныя дѣйствія по всей пограничной линіи, а изъ Ардагана, Карса и Баязета двигалась къ Ахалцыху, Александрополю и Оргову¹⁾ регулярная пѣхота съ артиллеріей. Но, къ счастью нашему, непріятель дѣйствовалъ медленно и нерѣшительно.

Али-паша съ 10 т. пѣхоты и 13 орудіями провелъ весь октябрь и начало ноября въ движеніи отъ Ардагана къ Ахалцыху и въ укрѣпленіи занятой имъ подъ Суплисомъ позиціи, ограничиваясь нерѣшительными дѣйствіями противъ Ахалцыхской крѣпости и кавалерійскими набѣгами на наши пограничныя селенія. Только 6-го ноября Али-паша послалъ значительный отрядъ для нападенія на наши четыре роты, занимавшія Ацхуръ, какъ важный пунктъ, находящійся на сообщеніи черезъ Боржомское ущелье съ Горы. Но подоспѣвшій во-время на другой день изъ Боржома генераль Бруннеръ съ тремя ротами ввѣреннаго ему Брестскаго полка разбилъ на-голову непріятеля, овладѣвъ однимъ орудіемъ. Спустя же семь дней, а именно 14-го числа тифлисскій военный губернаторъ князь Андрониковъ съ 7½ баталіонами, 17 орудіями и 14 сотнями казаковъ и милиціи совершенно разбилъ подъ Суплисомъ самого Али-пашу, гдѣ кромѣ другихъ трофеевъ отбито было 11 орудій.

Такимъ образомъ турецкій корпусъ, собранный у Баязета въ числѣ 4 т. пѣхоты и кавалеріи при 6 орудіяхъ, только въ началѣ ноября перешелъ Агридагскій хребетъ и вторгнулся въ Сурмалинскій участокъ; но послѣ нерѣшительнаго дѣла 13-го ноября подъ Игдыромъ, несмотря на значительный перевѣсъ въ силахъ, поспѣшилъ отступить къ Баязету.

Дѣйствія Карскаго корпуса, подъ начальствомъ Абди-паши и состоящаго кромѣ курдовъ и башибузукковъ изъ 20 т. регулярной пѣхоты и кавалеріи при 40 орудіяхъ, начались ранѣе и были сравнительно рѣшительнѣе отрядовъ Ардаганскаго и Баязетскаго. Одновременно съ взятіемъ турками на берегу Чернаго моря укрѣпленія св. Николая, на высотахъ между Суботаномъ и Огузлы забѣлѣлись палатки непріятельскаго лагеря, который, увеличиваясь или уменьшаясь числомъ палатокъ, оставался въ этомъ положеніи до конца октября. 28-го числа непріа-

¹⁾ Селеніе и пограничный постъ Сурмалинскаго уѣзда, Эриванской губерніи.

тельскаго лагеря уже не было видно, а 29-го числа было получено свѣдѣніе черезъ лазутчиковъ, что Абди-паша расположился на Арпачаѣ между Ани и Бояндуромъ.

За нѣсколько дней до этого нашъ отрядъ, занимавшій позицію у Бояндур, былъ расположенъ лагеремъ подъ выстрѣлами Александропольской крѣпости. Это хотя было противно видамъ князя Орбеліани, желавшаго дѣйствовать отдѣльно и самоотдельно, но не противорѣчило благоразумію. Имѣя на лицо подъ Александрополемъ всего шесть баталіоновъ, двадцать орудій и восемьсотъ казаковъ и милиціи, ни подъ какимъ видомъ не слѣдовало держать войска раздѣльно, и притомъ нужно было оберегать тотъ путь, по которому слѣдовали къ намъ подкрѣпленія; а этотъ путь находился въ сторонѣ отъ Бояндурской позиціи. Слѣдовательно, распоряженія князя Барятинскаго были вполне правильны и благоразумны.

Около полудня 30-го октября разѣзды наши, посланные къ Бояндур, встрѣтились съ большими толпами курдовъ и башибузуковъ и, несмотря на своевременное подкрѣпленіе ихъ двумя сотнями казаковъ, подъ начальствомъ полковника Камкова, принуждены были съ потерей отступить къ Александрополу, гдѣ на избранной позиціи наши войска готовы были принять бой съ регулярными турецкими войсками. Однако до этого не дошло, потому что Абди-паша не рѣшался переправить черезъ Арпачай всѣ свои войска, а тѣмъ болѣе двигаться впередъ отъ мѣста переправы. Курды же и башибузуки жаждали не боя, а грабежа, и этому подвергнулись не только Бояндуръ и Дегарлы, но Хорумъ, Башъ-Абаранъ и другія селенія, находящіяся у подножія Аллагеа.

Первая встрѣча съ непріателемъ стоила намъ довольно дорого: было убито и ранено 77 казаковъ. Этого не случилось бы, если бы генеральнаго штаба подполковникъ Свѣчинъ, вскорѣ умершій отъ сильнаго ушиба при паденіи съ лошади, не увлекся челоуѣколюбіемъ спасать бояндурскихъ жителей отъ напавшихъ на нихъ курдовъ и, тѣмъ замедливъ отступление казаковъ, дозволил ихъ окружить въ десять разъ превосходному непріателю.

На другой день пріѣхалъ въ Александрополь князь Бебутовъ, а князь Барятинскій отправился въ Тифлисъ.

Василій Осиповичъ, скорбя о разореніяхъ, претерпѣваемыхъ его соотчичами армянами и желая унять какими бы то ни было мѣрами грабежи и пожары, производимые курдами, поддался неблагоразумнымъ совѣтамъ князя Орбеліани занять снова Бояндуръ. Хотя призванные княземъ Бебутовымъ на совѣщаніе нѣкоторые изъ частныхъ начальниковъ не всѣ соглашались съ этимъ предложеніемъ, но Василій Осиповичъ, не желая вооружить противъ себя Орбеліани, дабы тѣмъ

не навлечь неудовольствіе главнокомандующаго, согласился на вторичное занятіе Бояндуръ.

Такое рѣшеніе послѣдовало утромъ 2-го ноября, а въ полдень князь Орбеліани съ 7-ю баталіонами, 2-мя дивизіонами нижегородскихъ драгунъ, 9-ю сотнями казаковъ и милиціи при 28 орудіяхъ, выступилъ изъ Александрополя ¹⁾. Самонадѣянность, безпечность и презрѣніе къ непріятелю были столь велики въ князѣ Орбеліани, что онъ, несмотря на грабежи курдовъ и башибузуконъ въ нашихъ предѣлахъ и нахождение самого Абди-паши съ главными силами по близости отъ нашей границы, выступилъ въ Бояндуръ безъ надлежащихъ мѣръ предосторожности. Отрядъ слѣдовалъ не только безъ передовыхъ и боковыхъ развѣздовъ, но огромный обозъ (котораго не слѣдовало брать съ собою въ такомъ большомъ числѣ), принадлежащій частямъ, не былъ надлежащимъ образомъ прикрытъ, потому что въ аррьергардѣ оставалась только Елисаветпольская милиція. Притомъ во время поворота съ Хорумской дороги къ Бояндуръ и переправы у селенія Караклисы черезъ топкій ручей не было обращено вниманіе на растянutosть отряда ²⁾.

Въ третьемъ часу, когда пѣхота съ артиллеріей въ походныхъ колоннахъ начала выходить на высоты передъ Бояндуромъ, а растянутый обозъ совершалъ переправу черезъ упомянутый топкій ручей, турецкая артиллерія открыла сильный огонь изъ своихъ орудій съ фронта, а скрывшіеся въ оврагъ курды и башибузуки сдѣлали неожиданное нападеніе съ фланга и тыла.

Отъ нападенія курдовъ и башибузуконъ, кромѣ страха деншиковъ, фурлейтовъ и милиціи, изъ которыхъ нѣсколько было раненыхъ, другихъ послѣдствій не было. Полковникъ Тихоцкій съ нижегородцами и казаками хотя защитилъ обозъ отъ разграбленія, отбросилъ непріятеля

¹⁾ Поименуемъ части: а) пѣхота: 2-й и 3-й бат. и три роты 4-го баталіона Эриванскаго Карабинернаго наслѣдника цесаревича полка, подъ начальствомъ старшаго изъ баталіонныхъ командировъ подполковника князя Тарханъ-Маураова; 1-й бат. и 3 роты 4-го баталіона Гренадерскаго великаго князя Константина Николаевича полка. Старшій подполковникъ Ниродовъ; 1-й баталіонъ Куринскаго егерскаго князя Воронцова полка—подполковникъ Оклобжіо; Кавказскій стрѣлковый баталіонъ—подполковникъ Лувановъ; двѣ роты саперъ—старшій капитанъ Лутонинъ. б) Кавалерія: два дивизіона Нижегородскаго драгунскаго полка—полковникъ Тихоцкій, сотня донскаго № 2-й полка и двѣ дружины Елисаветпольской милиціи. в) Артиллерія: Кавказской гренадерской бригады № 1-й батарея—полковникъ Лагода; № 2-й—полковникъ Брыскорнъ и легкой № 1-й батарея—полковникъ Десаже; дивизіонъ донской № 1-й батареи—подполковникъ Долотинъ.

²⁾ Кто изъ читателей пожелаетъ прослѣдить движенія и дѣйствія отряда по картѣ, то пусть развернетъ планъ Бояндурскаго сраженія, находящійся въ сочиненіи М. И. Богдановича «Восточная война 1853—1856 гг.».

съ потерю, но не могъ остановить обратившихся въ бѣгство объятыхъ ужасомъ милиціонеровъ. Елисаветпольцы опомнились отъ паническаго страха и увидѣли, что за ними не гонятся курды только тогда, когда были въ Александрополѣ. И здѣсь-то перешли они отъ одной позорной крайности къ другой.

Милиціонеры предались грабежу. Однако жители не дозволили себя безнаказанно грабить и отместили смертію тѣмъ изъ нихъ, которые осмѣлились ругаться надъ ихъ женами и дочерьми. Болѣе десятка елисаветпольцевъ, убоявшихся курдовъ, было убито и изранено мирными гражданами армянами, а можетъ быть и одновѣрцами мусульманами.

Совсѣмъ другое происходило съ нашей пѣхотой и артиллеріей. Эриванцы, грузинцы, куришцы, стрѣлки и гренадеры-артиллеристы безропотно и съ мужественною стойкію болѣе двухъ часовъ безцѣльно подвергались убійственному непріятельскому огню. Много пало смертію; еще болѣе было тяжело раненыхъ отъ турецкихъ ядеръ и гранатъ; большія поврежденія и порчи потерпѣла и наша артиллерія.

Виною всему этому опять былъ князь Орбеліани. Ему слѣдовало если не отвести немедленно пѣхоту съ артиллеріей назадъ, то атаковать Бояндуръ, а не держать безцѣльно ее подъ убійственнымъ непріятельскимъ огнемъ. Произошло же это отъ неумѣстнаго упрямства и излишней гордости начальника отряда. Какимъ образомъ отступить передъ пренебрегаемымъ непріателемъ, хотя временно, только для того, чтобы устроиться и устранить безпорядки, происшедшіе отъ несоблюденія тактическихъ правилъ во время движенія вблизи отъ непріятеля?

Между тѣмъ князь Бебутовъ, слѣдившій съ высоты, сдѣлавшейся впослѣдствіи общей могилой для убитыхъ и названной «холмомъ чести», за дѣйствіями подъ Бояндуромъ по первымъ выстрѣламъ, самъ двинулся съ остальными войсками изъ Александрополя на выручку самонадѣяннаго и оплошнаго князя Орбеліани. Войска эти состояли: изъ двухъ баталіоновъ Ширванскаго и одного баталіона Бѣлостокскаго полковъ, только наканунѣ прибывшихъ изъ дальнаго и труднаго похода, остальныхъ трехъ дивизіоновъ нижегородскихъ драгунъ и 12 орудій.

Слѣдованіе пѣхоты, ввѣренной начальству генераль-маіора Кишинскаго, было столь быстрое, что она не отставала отъ князя Бебутова и его свиты, ѣхавшихъ рысью съ драгунами. И только такая быстрота спасла эриванцевъ, грузинцевъ и куришцевъ отъ дальнѣйшаго погрома и напрасныхъ потерь.

Абди-паша, увидя спѣшившую изъ Александрополя помощь и опасаясь за свои сообщенія, еще до солнечнаго заката, приказалъ начать переправу за Арпачай, такъ что, когда князь Бебутовъ прибылъ къ Бояндурѣ, то въ этомъ разрушенномъ селеніи уже не было непріятеля. Та-

кимъ образомъ хотя обогренное нашею кровью поле битвы осталось за нами, но оно стоило намъ непомерно дорого. Оказалось 125 человекъ павшихъ смертію и болѣе 300 раненыхъ, преимущественно съ разбитыми костями и разможенными членами.

Независимо потери людьми, которая не могла считаться огромною сравнительно съ числомъ сражавшихся войскъ, мы были и матеріально разстроены. Батарейныя № 1 и 2 батареи Кавказской гренадерской артиллерійской бригады, которыми командовали полковники Лагода и Брискорнъ, бывшія болѣе двухъ часовъ подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, почти на половину лишились упряжныхъ лошадей, сбруя была перепорчена и даже оказалось нѣсколько поврежденныхъ лафетовъ. А при такомъ большомъ числѣ раненыхъ и матеріальномъ разстройствѣ, нельзя было оставаться долѣе подъ Бояндуромъ, а тѣмъ болѣе думать о преслѣдованіи быстро уходящаго непріятели.

Около полуночи отрядъ возвратился въ Александрополь, гдѣ убитые были преданы землѣ, а для успокоенія раненыхъ были приняты всевозможныя мѣры. Однако изъ нихъ мало кто остался способенъ къ продолженію службъ.

Описывая Бояндурское сраженіе, воснѣтое турками за совершенную побѣду и полное наше пораженіе, я коснулся постыднаго бѣгства съ поля битвы никѣмъ не преслѣдуемыхъ милиціонеровъ и, вмѣсто защиты,—грабежа беззащитныхъ александропольскихъ жителей. Повторяю, этого не случилось бы, если бы отрядъ двигался съ нѣкотораго рода предосторожносцію. Имѣй отрядъ развѣдды хотя изъ тѣхъ же милиціонеровъ, въ особенности по Арпачаю, курды, устроивши засаду, были бы заблаговременно открыты. Не послѣдовало бы такого скандала и тогда, если бы въ арріергардѣ находилась одна-другая рота пѣхоты.

Всякая милиція вообще, а въ особенности мусульманская для боя негодна, если она не видитъ за собою регулярныхъ войскъ, которыя могли бы ее не столько поддержать, сколько укрыть. Ея дѣло поджигивать, пострѣлять, покричать и наругаться на аванпостахъ, или до начала сраженія съ башибузуками, то-есть съ турецкими милиціонерами; Курдовъ же наши милиціонеры побаиваются. У курдовъ быстрѣе лошади, они лучше вооружены и стрѣляютъ, а главное они пугаютъ своими длинными тростниковыми дротиками, которыми съ искусствомъ владѣютъ.

Милиціонеровъ можно употреблять для развѣдыванія о непріятелѣ и для развѣдыванія, но и тутъ слѣдуетъ остерегаться посылать ихъ однихъ. По нерадѣнію, лѣности и пожалуй трусости они доставятъ свѣдѣнія преувеличенныя и невѣрныя. Они мало способны для содержанія аванпостовъ. Отрядъ не можетъ довѣряться имъ и спать спокойно. Если ихъ поставить однихъ, то можно быть увѣрену, что они оставятъ постъ и скроются въ безопасное мѣсто, въ особенности во время ненастья.

Вотъ для преслѣдованія разбитаго непріятеля милиціонеры большіе мастера. Ради добычи они не щадятъ ни годовѣрцевъ, ни соплеменниковъ. Они съ быстротой раздѣваютъ мертвыхъ и обираютъ плѣнныхъ. Такъ дѣйствуютъ не только наши милиціонеры, но и турецкіе башибузуки, и въ особенности курды.

По этимъ причинамъ имѣть пользы въ милиціонерахъ, а для насъ, русскихъ, имѣть въ нихъ и надобности, потому что для аванпостной службы и развѣдковъ мы имѣемъ казаковъ, весьма способныхъ вообще для малой войны.

Между тѣмъ у насъ милиціонеры въ большомъ ходу. Милиція какъ постоянная, такъ и временная, существовала не только во время войны съ кавказскими горцами, но ими были переполнены всѣ отряды, дѣйствующіе въ Восточную войну въ азиатской Турціи. Въ то время формировались плшія дружины и конныя сотни не только изъ грузинъ, имеретинъ, мингрельцевъ, гурійцевъ, армянъ и мусульманъ провинцій, входящихъ въ составъ Кавказскаго намѣстничества, но составлялись полки изъ турецкихъ курдовъ.

Содержаніе милиціи для правительства обходится дороже казаковъ. Имъ кромѣ жалованья, раздѣленнаго на нѣсколько категорій, несравненно высшаго противъ нашей кавалеріи, отпускались деньги по справочнымъ цѣнамъ на говядину, муку и фуражъ.

Партизаны милиціи, къ которымъ принадлежатъ всѣ начальствующие лица изъ туземцевъ, то-есть грузинъ, армянъ и мусульманъ, желая доказать необходимость милиціи, говорятъ, что временная польза заключается въ томъ, что въ нее отвлекаются изъ народонаселенія безпкойные люди, пріучаютъ жителей къ службѣ и дѣлаютъ ихъ воинственными. Но едва-ли такія доказательства справедливы, и я не берусь опровергать бѣрность взгляда партизановъ милиціи.

Принимая во вниманіе, что намъ не разъ придется встрѣчаться и имѣть дѣло съ башибузуками и въ особенности съ курдами, а потому здѣсь кстати коснусь нѣкоторыхъ о нихъ подробностей.

Турецкіе башибузуки не что иное, какъ наши милиціонеры, но только не получающіе, какъ они, опредѣленнаго отъ казны жалованья и другаго содержанія. Пожалуй, башибузуки соотвѣтствуютъ нашему народному ополченію, но только безъ всякой организаціи и подраздѣленія на сотни, или дружины, по санджакамъ, папалыкамъ или народностямъ. Между башибузуками, находившимися въ составѣ Карсскаго корпуса, были и каракалпаки, и курды, и жители Эрзерума, Карса, Ардагана, Кагызмана и другихъ городовъ и мѣстечекъ; были жители и селеній исключительно турецкихъ.

Башибузуки, какъ и наши милиціонеры, въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ имъ не можетъ угрожать явная опасность, большіе мастера

поскакать, пострѣлять и поругаться. Смотря на нихъ, подумаешь, что это неустрашимо-храбрые наездники. Судя по такимъ ихъ дѣйствіямъ, предположишь, что это отчаянныя и безпардонныя головы, вполне соотвѣтствующія своему названію.

То же самое можно сказать и о курдахъ, которыхъ, увидя въ первый разъ и не зная о ихъ способѣ сражаться, подумаешь, что это отчаянныя храбрецы и головорѣзы.

Да и какъ не подумать этого, когда они, вооруженные двумя, тремя пистолетами, потрясая своими тростниковыми дротиками, оканчивающимися желѣзными остріями, украшенными шарами изъ конской шерсти, съ неистовымъ крикомъ мчатся стрѣлой на васъ на небольшихъ быстрыхъ лошадакахъ, тѣмъ болѣе, что по высокому своему головному убору кажутся великанами.

Впрочемъ, такими храбрецами представляются курды и башибузуки издали, всѣ явной опасности и по преимуществу джигитыя противъ нашихъ милиціонеровъ. Дѣйствуя же противъ казаковъ, они становятся осторожнѣе, съ появленіемъ драгунъ совершенно стихаютъ, а отъ ядеръ и гранатъ совсѣмъ исчезаютъ.

Однако если курды и башибузуки такъ животолюбивы во время серьезнаго боя, то они являются страшными грабителями и головорѣзами во время преслѣдованія, когда они не даютъ пощады ни чужимъ, ни своимъ.

Разительнымъ примѣромъ служитъ Башкадыкларское сраженіе, въ которомъ курды и башибузуки, несмотря на то, что ихъ было выше 15 т. и что мы были окружены ими съ фланговъ и тыла, не принимали въ бою никакого участія, изъ опасенія имѣть дѣло съ казаками и подвергнуться огню изъ орудій легкой № 1 батареи, противъ нихъ направленныхъ. Когда же турки побѣжали, тогда курды и башибузуки прежде насъ начали ихъ преслѣдовать, и болѣе всего досталось отъ нихъ пашамъ и муралаямъ, то-есть полковымъ командирамъ. Говорятъ, что самому Рейсъ-пашѣ сильно досталось отъ нихъ.

Обращаюсь собственно къ курдамъ или древнимъ курдукамъ.

Курды говорятъ особымъ языкомъ, не похожимъ на языки османовъ, татаръ, аравитянъ, персіянъ и другихъ сосѣднихъ народовъ. Они живутъ въ гористомъ пространствѣ, лежащемъ въ Россіи, Персіи и Турціи; а потому есть турецкіе, персидскіе и русскіе курды. Самые многочисленныя—первыя, самыя малочисленныя—последніе. Турецкіе курды занимаютъ по преимуществу Баязетскій и Ванскій пашалыки, но есть также въ Карсскомъ и Эрзерумскомъ пашалыкахъ.

Русскіе курды живутъ въ Эриванской губерніи—преимущественно же на покатосяхъ Аллагеза.

Курды подраздѣляются на многія отдѣльныя общества или роды, го-

ворящие однимъ языкомъ и управляющіеся, независимо другъ отъ друга, старшими въ родѣ или родоначальниками. У нихъ нѣтъ централизаціи и единства собственной власти. Всѣ родоначальники независимы другъ отъ друга, а это даетъ турецкому правительству возможность сѣять между ними раздоры и легче справляться съ ними.

Всѣ курды, за исключеніемъ небольшого общества изедовъ, магометанскаго исповѣданія, секты Омаровой, и хотя одной религіи съ турками, но раздѣленные отъ нихъ языкомъ, происхожденіемъ и интересами, враждебны турецкому правительству. Изеды не имѣютъ никакой религіи и говорятъ, что они поклоняются чорту.

Курды занимаются преимущественно скотоводствомъ и очень мало хлѣбопашествомъ. Они ведутъ полукочевой образъ жизни и съ ранней весны до поздней осени, а если обстоятельства заставятъ, то и всю зиму, живутъ въ такихъ же войлочныхъ кибиткахъ, въ которыхъ помѣщаются ногайцы и киргизы. Поэтому переселеніе съ одного мѣста на другое для нихъ не сложно. Нѣсколько вьючныхъ лошадей или арба достаточны для перевозки ихъ жилья и имущества.

Такъ какъ у курдовъ большія стада скота въ особенности барановъ, то они преимущественно заботятся о приисканіи хорошихъ и обширныхъ пастбищъ. По этой причинѣ избираютъ для своего кочевья возвышенныя мѣста, какъ богатая травой, и только въ холодныя и продолжительныя зимы спускаются на низменности.

Курды по преимуществу всадники; ихъ рѣдко увидишь пѣшкомъ и никогда безъ оружія. Они вооружены длинною пикою, парю или болѣе пистолетовъ, заткнутыхъ за широкій поясъ изъ яркихъ цвѣтныхъ шалей, кривою саблею и небольшимъ круглымъ щитомъ, сдѣланнымъ изъ толстой кожи, натянутой на металлическомъ кругѣ. Ружей не употребляютъ. Одѣты въ куртку изъ краснаго или другихъ яркихъ цвѣтовъ сукна, съ разръзными рукавами, расшитую золотыми или шелковыми шнурами, въ такія же вышитыя шаровары, высокую чалму, обернутую разноцвѣтными шальями и платками, и въ сафьяныя краснаго или желтаго цвѣта сапоги.

Въ заключеніе добавлю, что курды, какъ издревле извѣстные за страшныхъ разбойниковъ, кажется, и названіе свое получили отъ своихъ сосѣдей за склонность къ хищничеству и грабежу, потому что курды по-турецки значить «волкъ» и по-картвельски или на настоящемъ грузинскомъ языкѣ «воръ, разбойникъ».

VI.

Переходъ черезъ Арпачай. Башкадыкларское сраженіе.

Бояндурское сраженіе, стоившее намъ, сравнительно съ числительностію участвовавшихъ въ немъ войскъ, большой потери въ людяхъ и разстроившее матеріальную часть артиллеріи, невольно имѣло шліаніе на наши будущія соображенія и наступательныя дѣйствія.

Если бы не было Бояндурскаго сраженія, то съ прибытіемъ, 30-го октября, Нижегородскаго драгунскаго полка съ донской № 7 батареей, а 1 ноября двухъ баталіоновъ Ширванскаго и одного баталіона Бѣлостокскаго полковъ, у насъ было бы болѣе двумя баталіонами противъ тѣхъ силъ, съ которыми мы предприняли наступательное движеніе за Арпачай, позже двѣнадцатью днями, и одержали побѣду подъ Башкадыкларомъ.

Тѣ же доводы, которыми старались оправдать князя Орбеліани, были неумѣстны. Такъ, между прочимъ, говорили, что еслибы и не было Бояндурскаго сраженія, то все-таки мы прежде 10 ноября не перешли бы Арпачай, потому что ранѣе этого времени не былъ готовъ мостъ на этой рѣкѣ. Такое доказательство совершенно неосновательно, потому что Арпачай не только у Александрополя, но и ниже у Бояндурѣ былъ проходимъ въ бродъ, чему служить примѣромъ турецкій корпусъ, дѣйствовавшій на нашей сторонѣ. Вотъ если бы обвинили князя Орбеліани въ томъ, почему онъ держалъ подъ убійственнымъ огнемъ въ продолженіе двухъ часовъ первую линію, а не отвелъ ее назадъ при первыхъ выстрѣлахъ, противъ этого я не возражалъ бы.

Впрочемъ, по истинѣ нужно сказать, что и самъ князь Бебутовъ долго не рѣшался дѣйствовать наступательно, а тѣмъ болѣе вступить въ рѣшительный бой съ непріателемъ, силы котораго превышали наши слишкомъ въ пять разъ. Нѣсколько разъ я разсуждалъ объ этомъ съ нѣкоторыми изъ моихъ товарищей и даже разъ высказался самому Василю Осиповичу.

— Развѣ ты не знаешь, братецъ ¹⁾, что турки въ нѣсколько разъ сильнѣе насъ и притомъ стоятъ несравненно выше въ военномъ образованіи противъ прошлыхъ войскъ, — отвѣчалъ мнѣ старикъ съ своимъ собственнымъ ему хладнокровіемъ.

— Совершенно согласенъ съ мнѣніемъ вашего сіятельства, отвѣ-

¹⁾ Князь Бебутовъ въ разговорахъ съ большинствомъ изъ своихъ близкихъ и штабныхъ подчиненныхъ былъ „на ты“, прибавляя зачастую слова „братецъ, любезный, дорогой“. Меня же, какъ воспитывавшагося въ 1 кадетскомъ корпусѣ, называлъ пной разъ и „однокашникомъ“. М. О.

чалъ я почтительно. — Согласитесь, однако, чтобы успокоить наших жителей и прекратить неистовые грабежи курдовъ и башибузуковъ не остается другого средства, какъ перейти Арпачай и, дѣйствуя наступательно, искать боя съ непріателемъ, или отгѣснить его до Карса.

— И противъ этого не буду спорить съ тобою, мой другъ, — сказалъ князь Бебутовъ, ласково обнимая меня. Окончится мость на Арпачай, и я немедленно двинусь въ турецкіе предѣлы, — прибавилъ онъ.

Изъ этого разговора видно, что и у князя Бебутова, несмотря на лежащую на немъ большую отвѣтственность, въ случаѣ неудачи. была общая мысль на умѣ — искать боя съ непріателемъ; но только старикъ колебался перешагнуть Арпачай, который былъ для него Рубикомомъ. И, дѣйствительно, Василій Осиповичъ въ этомъ случаѣ долженъ былъ дѣйствовать, какъ отчаянный понтеръ, который, однимъ ударомъ желая сорвать банкъ, ставить на карту все свое достояніе, или произнести Гамлетовское «быть или не быть», умереть или жить.

Наконецъ, 8-го ноября, не только мость на козлахъ, но и тетъ-депонъ, по правую сторону Арпачая, были совершенно окончены; между тѣмъ приказанія о выступленіи не отдавалось, и только 14 числа мы двинулись черезъ Тахнисъ на Пирвали. Отрядъ былъ невеликъ. Онъ состоялъ изъ десяти баталіоновъ Нижегородскаго драгунскаго полка, 15 сотенъ казаковъ и милиціи при 32 орудіяхъ; но каждый солдатъ былъ воодушевленъ и горѣлъ нетерпѣніемъ сразиться съ непріателемъ.

День былъ пасмурный и довольно холодный, то пойдетъ дождь, то перепадетъ снѣгъ; однако дорога была не грязная. Къ вечеру пришли къ Пирвали, отстоящему отъ Александрополя въ шестнадцать верстахъ, и расположились по Карсъ-чаю бивуакомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, потому что выступили безъ повозокъ и съ самымъ ограниченнымъ числомъ вьючнаго обоза. Палатки ни одной, а все расположилось подъ открытымъ небомъ, и только князь Бебутовъ со штабомъ пріютился въ нѣсколькихъ сакляхъ небольшого армянскаго селенія Пирвали. Даже костровъ нельзя было развести, потому что не только окрестности бивуака, но и все пространство между Александрополемъ и Карсомъ совершенно бездѣсно. Какъ было бы пріятно погрѣться, а въ особенности обсушиться возлѣ костровъ, потому что было не столько холодно, сколько сыро; притомъ дулъ пронзительный вѣтеръ и крутилъ хлопья снѣга.

О непріателѣ не было ни слуху, ни духу. Лазутчики говорили, что Абди-паша, отвѣдя войска въ Карсъ, самъ поѣхалъ въ Эрзерумъ доложить муширу объ одержанной имъ побѣдѣ подъ Бояндуромъ, предоставивъ въ свое отсутствіе дѣйствовать Рейсъ-Ахмету-пашѣ, своему начальнику штаба, по его усмотрѣнію.

На другой день свѣдѣнія эти подтвердились посланными княземъ Бебутовымъ надежными лазутчиками. Между тѣмъ шедшій ночью свѣгъ разгрязнилъ дорогу. А потому, вмѣсто наступательнаго движенія впередъ за Карсъ-чай, было совершено фланговое движеніе влѣво на Башъ-Шурагель, гдѣ отрядъ, по доставленіи изъ Александрополя обо-за, расположился лагеремъ.

Пятидневная стоянка при этомъ, оставленномъ жителями, турецкомъ селеніи ничѣмъ не ознаменовалась, кромѣ перестрѣлокъ и отчаянной джигитовки курдовъ и башибузукровъ, въ то время, когда наши колонны ходили разорять окрестныя селенія, чтобы добыть изъ домовъ дровъ для варенія пищи и для костровъ.

Между тѣмъ, на третій день нашей стоянки подъ Башъ-Шурагелемъ, лазутчики дали знать, что Рейсъ-Ахметъ-паша, узнавъ о нашемъ переходѣ черезъ Арпачай, воспыла гнѣвомъ за такую нашу дерзость и немедленно выступилъ со всѣмъ корпусомъ изъ Карса. Однако, по мѣрѣ сближенія съ нами, гнѣвъ Рейсъ-паши стихалъ, потому что онъ, 17-го ноября, вновь расположившись лагеремъ между Суботаномъ и Огузлы, далѣе не двигался. Можетъ быть, его озадачила побѣда, одержанная ахалцхскимъ отрядомъ подъ Суплисомъ, надъ его собратомъ Али-пашою. Но если побѣда подъ Суплисомъ дѣйствительно смутила Рейсъ-пашу, то она возбудила энергію и у князя Бебутова, потому что Василій Осиповичъ, послѣ полученія извѣстія объ этой побѣдѣ, рѣшился во что бы ни стало сразиться съ своимъ противникомъ.

18-го ноября, въ десять часовъ свѣтлаго морознаго вечера, отдано было приказаніе объ отправленіи со всѣми тяжестями колеснаго обоза въ Александрополь и о выступленіи отряда съ разсвѣтомъ по дорогѣ на Пирвали.

Лагерь оживился, все заговорило о предстоящемъ сраженіи. Начали сниматься палатки и вмѣстѣ съ другими тяжестями укладываться на повозки. Денщики и вообще офицерская прислуга суетились надъ вьючными чемоданами. Шхотинцы укладывали свои немногія вещи и четырехдневное сухарное довольствіе въ ранцы, пробовали, остры ли штыки, исправны ли ружья и патроны. Кавалеристы, кромѣ заботы о своихъ вещахъ, приготовляли саквы съ овсомъ, осматривали сѣдла и своего ратнаго говарища. Артиллеристы, кромѣ заботы о лошадяхъ, осматривали своя орудія, зарядные ящики и конскую сбрую. Даже беззаботные милиціонеры не оставались въ бездѣйствіи, и вмѣстѣ съ прочими суетились и хлопотали возлѣ своихъ лошадей и переметныхъ сумъ. И все это совершалось при свѣтѣ пылающихъ костровъ, которые были разложены чаще и огромнѣе противъ другихъ ночей, что очень естественно, потому что истреблялся весь запасъ дровъ и разный хламъ.

О снѣ и успокоеніи, начиная съ князя Бебутова и до послѣдняго солдата, никто не думалъ, хотя, если строго разсуждать, онъ былъ очень полезенъ. Но можно ли думать о снѣ въ такія минуты, когда приготовляешься къ бою, и когда одного беспокоятъ заботы и распоряженія, другаго занимаютъ слава и подвиги, третьяго тревожатъ разнаго рода предчувствія.

За два часа до разсвѣта отдано было приказаніе сѣдлатъ лошадей, запрягать артиллерію и обозъ. Спусти же часъ, отрядъ началъ сниматься съ лагернаго расположенія подъ Башь-Шурагелемъ и на разсвѣтѣ, предвѣщавшемъ хорошій осенній день, двѣ движущіяся черныя полосы обозначали направленіе нашихъ войскъ.

10 баталіоновъ, Нижегородскій драгунскій полкъ въ полномъ составѣ, 15 сотенъ казаковъ при 32-хъ орудіяхъ двигались по дорогѣ на Пирвали ¹⁾. Весь же обозъ этихъ войскъ, подъ прикрытіемъ трехъ сотенъ донскаго № 20-й и баталіона Бѣлостокскаго полка, прибывшаго изъ Александрополя, по переправѣ черезъ Арпачай у Боявдура, слѣдовалъ въ этотъ городъ.

Около десяти часовъ началась переправа отряда у селенія Пирвали черезъ Карсъ-чай. Не успѣли еще наши линейные казаки, подъ начальствомъ полковника Камкова, поддержанные кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ, подняться по крутому подъему на правый берегъ этой рѣки, какъ огромныя массы курдовъ и башибузуковъ появились съ лѣвой стороны. Но во все время движенія нашего отряда, продолжавшагося около часа, они оставались въ бездѣйствіи. Не могу сказать, были ли они озадачены мѣткими выстрѣлами нашихъ стрѣлковъ, отъ

¹⁾ Поименуемъ части съ означеніемъ числительнаго состава каждой: а) Пѣхота. 1-й и 4-й баталіоны Грузинскаго гренадерскаго великаго князя Константина Николаевича полка подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Орбелиани—1.320 штыковъ; 1-й, 2-й 3-й бат. и двѣ роты 4-го баталіона Эриванскаго карабинернаго наслѣдника цесаревича полка—полковникъ Моллеръ—2.310 штыковъ; 1-й и 2-й баталіоны Ширванскаго полка—полковникъ Алтуховъ—1.430 штыковъ; 1-й баталіонъ Куринскаго князя Воронцова полка—подполковникъ Оклобжіо—650 человекъ; Кавказскій стрѣлковый баталіонъ—полковникъ Лузановъ—750 штуцеровъ; двѣ роты Кавказскаго сапернаго баталіона—полковникъ Ковалевскій—250 человекъ. б) Кавалерія. Нижегородскій драгунскій полкъ—генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе—1.100 сабель; 9 сотенъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска—полковникъ Камковъ—1.100 шашекъ; Донской № 4-й полкъ—полковникъ Калининъ—600 шашекъ. в) Артиллерія. Кавказской гренадерской бригады батарейная № 1-й батарея—полковникъ Лагода—и легкая № 1-й—полковникъ Десаже; 21-й артилерійской бригады батарейная № 5-й—полковникъ Москолевъ; Донская № 7-й батарея полковникъ Долотинъ. Всего 10 баталіоновъ—до 6.500 штыковъ; 10 эскадроновъ и 15 сотенъ—до 3.000 сабель и шашекъ и 32 пѣшихъ и конныхъ орудій.

которыхъ нѣсколько всадниковъ попадало съ лошадей, или это произошло отъ другихъ неизвѣстныхъ мнѣ причинъ.

Не думаю, чтобы наше появленіе было неожиданно для Рейс-паши, однако въ то время, когда наши войска начали выстраиваться противъ Огузлы, на непріятельской позиціи, занятой на возвышеніяхъ позади этого селенія и рѣчки Маврякъ, здѣсь протекающей, происходили суета и передвиженіе частей ¹⁾.

Нельзя сказать, чтобы при этомъ и со стороны князя Вебутова не выразилась свойственная ему нерѣшительность. Вмѣсто того, чтобы безъ промедленія и въ томъ боевомъ порядкѣ, въ которомъ войска были построены, атаковать непріятеля съ одного изъ фланговъ и преимущественно съ лѣваго, гдѣ мѣстность была болѣе доступная, — начались совѣщанія и перестроенія. Вмѣсто того, чтобы по малочисленности нашего отряда, состоящаго съ небольшимъ изъ 9.000 штыковъ и сабель, при 3½-хъ орудіяхъ, держаться въ совокупности, мы, во избѣжаніе обхода, растянулись версты на двѣ.

Думать о сохраненіи нашего сообщенія на Пирвали было уже поздно, потому что тѣ же огромныя массы курдовъ и башибузуковъ, которыя при движеніи отъ Карсъ-чая находились съ лѣвой стороны, теперь очутились у насъ въ тылу, такъ что въ случаѣ нашего пораженія, если бы мы не успѣли пробиться на Мусса-Мулла, то ни одинъ изъ насъ не избѣгнулъ бы смерти или плѣна. Не даромъ же Рейс-паша, увидя нашу малочисленность и то, что мы окружены со всѣхъ сторонъ, воскликнулъ съ надменностію окружавшимъ его:

— «Побольше веревокъ и аркановъ; сначала перепившихся и сумасшедшихъ гяуровъ перевяжемъ, а потомъ плѣнными поведемъ въ Карсъ» ²⁾.

Но судьбы Господа неисповѣдимы. Храбрость и мужество наши восторжествовали. Надменные и превышавшіе насъ въ четыре раза турки были разбиты на-голову и бѣжали безъ оглядки до самаго Карса.

Опишу въ общихъ чертахъ славное Башкадыкларское сраженіе. Первая линія боеваго порядка, въ которомъ мы слѣдовали отъ Карсъ-чая, состоявшая изъ двухъ баталіоновъ Ширванскаго и одного Куринскаго полковъ, гренадерскаго стрѣлковаго баталіона и двухъ ротъ саперъ, была выдвинута подъ начальствомъ генераль-маіора Кишинскаго противъ центра непріятельской позиціи. Находившіяся при этихъ войскахъ батареинныя батареи, № 2-я гренадерской и № 5-я — 21-й

1) Вѣрный и подробный планъ Башкадыкларскаго сраженія читатель найдеть въ сочиненіи „Восточная война 1853 — 1856 годовъ“ генерала М. И. Богдановича.

2) Со словъ плѣнныхъ и лазутчиковъ.

артиллерійскихъ бригадъ, руководимыя начальникомъ артиллеріи, генералъ-маіоромъ Бримеромъ, немедленно открыли пальбу изъ орудій противъ непріятельскихъ батарей, уже стрѣлявшихъ по нашимъ войскамъ, и нашими первыми выстрѣлами были взорваны два турецкихъ зарядныхъ ящика.

Два дивизиона нижегородскихъ драгунъ и шесть сотенъ линейныхъ казаковъ при дивизионѣ донской № 7-й батареи, подъ начальствомъ генерала Багговута, были двинуты влѣво на высоты для удержанія курдовъ и башибузуковъ. Князь Чавчавадзе съ остальными тремя дивизионами нижегородскихъ драгунъ, тремя сотнями линейныхъ казаковъ и съ другимъ дивизиономъ донской № 7-й батареи съ тою же цѣлю былъ направленъ вправо.

Вторая линія нашего боеваго порядка, состоявшая изъ двухъ баталіоновъ Эриванскаго и двухъ баталіоновъ Грузинскаго полковъ, начала сдвигаться къ колоніи генерала Багговута. Эти четыре баталіона гренадеръ, ввѣренные начальству ихъ бригаднаго командира князя Багратіона-Мухранскаго, съ помощію кавалеріи генерала Багговута, предназначались произвести рѣшительную атаку противъ праваго непріятельскаго фланга.

Наконецъ, шесть ротъ эриванцевъ, донской № 4-й полкъ съ легкой № 1-й батареей гренадерской бригады, составляя резервъ, должны были оберегать нашъ тылъ отъ огромныхъ массъ курдовъ и башибузуковъ. И если, въ продолженіе трехчасоваго боя, кудры и башибузуки не осмѣлились сдѣлать не только наступленія, а держались въ отдаленіи, то именно потому, что орудія, снятыя съ передковъ, были направлены противъ нихъ, а казаки готовы были понестись на нихъ въ атаку.

Таково было первоначальное распредѣленіе войскъ, не соответствующее ни нашимъ силамъ, ни тому положенію, въ которое мы были поставлены при самомъ началѣ.

Пока располагались наши войска на указанныхъ имъ мѣстахъ и сдвигались четыре баталіона гренадеръ для производства атаки на нашемъ лѣвомъ флангѣ, непріятель открылъ сильную канонаду изъ своихъ тридцати орудій. Его батареи, занимая возвышенный берегъ рѣчки Маврякъ, обстрѣливали сильнымъ огнемъ все пространство, на которомъ дѣйствовали наши войска. Его ядра и гранаты долетали до нашего резерва, падали и разрывались между парковыми ящиками и транспортными повозками, взятыми съ перевязочными припасами, и другими крайне необходимыми предметами. Даже перевязочный пунктъ не былъ укрытъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, доказательствомъ чему служить то, что были ранены лѣкарь Борковскій и одинъ фельдшеръ, а подносимый къ перевязочному пункту раненый командиръ 2-го

Ширванскаго баталіона, маіоръ Дьяконовъ, былъ добить осколкомъ гранаты.

Ранѣе и долѣе прочихъ подвергался непріятельскимъ выстрѣламъ нашъ центръ, войска котораго, стоя неподвижно, около часа находилась подъ огнемъ 20 орудій. Между куринцами, пострадавшими отъ артиллерійскаго огня подъ Вояндуромъ, слышался ропотъ:

«Зачѣмъ насъ держать подъ ядрами, а не ведутъ въ штыки. Вѣдь намъ не впервые бить татарина», говорили они, не зная того, что генералу Кишинскому ранѣе гренадеръ не приказано было наступать.

Впрочемъ, въ такомъ же затруднительномъ и опасномъ положеніи находился и князь Чавчавадзе. Кромѣ большихъ массъ башибузуковъ, угрожавшихъ драгунамъ и казакамъ съ фланга и тыла, четыре баталіона съ шестью орудіями сильно напирала и вредила имъ огнемъ съ фронта. Несмотря на смѣлое и отличное дѣйствіе полковника Дологина съ дивизиономъ вѣренной ему батареи и на отчаянно храбрыя атаки нижегородскихъ драгунъ, непріятель сильно тѣснилъ нашъ правый флангъ. Много храбрыхъ пало смертію или вышло изъ фронта, какъ тяжело раненые.

Наконецъ, гренадеры пошли въ атаку по крутой возвышенности, а генераль Багвугъ съ кавалеріей понесся во флангъ и тылъ непріятеля. Предводительствуемые генералами Бримеромъ и Кишинскимъ, двинулись впередъ и войска, составляющія центръ. Артиллерійскій огонь слился съ сильнымъ ружейнымъ.

Трудна была атака эриванцевъ и грузинцевъ, построенныхъ въ двѣ полковыя колонны. Имъ нужно было подняться въ гору и совершить это не только подъ картечью изъ восьми орудій, но и сильнымъ штуцернымъ огнемъ трехъ баталіоновъ. У эриванцевъ уже выбыли изъ строя оба баталіонные командира: маіоръ Турчановскій былъ убитъ, а баронъ Врангель сильно раненъ, не досчитывалось уже нѣсколькихъ ротныхъ командировъ; десятками падали нижніе чины; но они, дойдя до гребня высоты, съ крикомъ «ура!» бросились на врага и штыками обратили его въ бѣгство, овладѣвъ четырьмя орудіями.

Съ такимъ же мужествомъ и храбростію лѣвѣе ихъ поднимались грузинцы; но разстроенные сильнымъ огнемъ двухъ штуцерныхъ баталіоновъ и поколебленные смертельною ранюю своего полковаго командира, князя Орбеліани, въ ихъ рядахъ произошло замѣшательство, и они начали отступать. Однако, воодушевленные княземъ Бебутовымъ и вовремя подкрѣпленные двумя ротами съ двумя орудіями, взятыми изъ резерва, грузинцы скоро оправились и отмстили за смерть своего полковаго командира и другихъ своихъ начальниковъ. Преслѣдовавшіе ихъ два непріятельскіе баталіона, попавшіе между двухъ огней, были

*

уничтожены и трупами своими завалили глубокий оврагъ, находившійся между высотами, откуда началась атака и гдѣ теперь стояли побѣдителями эриванцы.

Одновременно съ тѣмъ, какъ гренадеры атаковали съ фронта правый флангъ непріятеля, генераль Багговуть съ драгунами, казаками и четырьмя орудіями, пронесшись вихремъ между изумленными курдами и башибузками, бросился въ шашки съ фланга. Отбросивъ однимъ ударомъ суварі или регулярную турецкую кавалерію, онъ налетѣлъ на пѣхоту, и тогда какъ драгуны и казаки крошили ее саблями и шашками, есауль Кульгачовъ, начальникъ дивизиона донской № 7 батареи, съ самаго ближайшаго разстоянія громилъ ряды низама ¹⁾ картечью. Много и здѣсь оказано было храбрости, мужества и самоотверженія. Много и здѣсь не досчитывалось въ рядахъ павшихъ смертію, или бывшихъ изъ строя ранеными. И турецкая пѣхота, пошатнувшаяся съ фронта отъ дружнаго удара гренадеръ въ штыки, а также приведенная въ ужасъ молодецкой кавалерійской атакой и поражаемая картечью съ фланга и тыла, дрогнула и побѣжала, оставивъ въ нашихъ рукахъ свои орудія, облитыя кровью артиллеристовъ.

Но въ то время, когда полная побѣда была на нашемъ лѣвомъ флангѣ, въ центрѣ у генерала Кишинскаго и на правомъ флангѣ у князя Чавчавадзе шла страшная упорная рѣзня. Ширванцы, куринцы, стрѣлки и саперы или штурмовали сакли селенія Огузлы, или дрались съ непріятелемъ, засѣвшимъ за каменьями, расположенными террасами за этимъ селеніемъ.

Истомленные драгуны и линейные казаки князя Чавчавадзе, несмотря на отчаянныя атаки, которыми они удерживали насѣдающаго на нихъ въ десять разъ сильнѣйшаго непріятеля, были оттѣснены за Огузлы, такъ что они съ пѣхотой, дѣйствующей въ центрѣ, составляли острый внутренній уголъ, или, чтобы яснѣе выразиться, нашъ правый флангъ былъ обращенъ къ нашему центру спиною, находясь одинъ отъ другаго почти на версту.

Однако побѣдные клики и громогласное неумолкаемое «ура!» на Башкадыларской возвышенности мгновенно измѣнили ходъ дѣла внизу, у Огузлы. Турки, видимо осиливавшіе здѣсь насъ, начали быстро отступать по слѣдамъ разбитыхъ и бѣгущихъ своихъ товарищей праваго фланга. Въ преслѣдованіе отступающаго непріятеля былъ посланъ донской № 4 полкъ, находившійся до того въ арріергардѣ.

Преслѣдованіе продолжалось только до непріятельскаго лагеря, находившагося верстахъ въ двухъ отъ поля битвы и брошеннаго турками со всѣмъ багажемъ; далѣе же не могло продолжаться, потому

¹⁾ Турецкая регулярная пѣхота.

что войска были сильно истомлены и понесли огромныя потери. При томъ и солнце было на закатъ. Да и зачѣмъ намъ было заботиться о преслѣдованіи турокъ, когда курды помогали намъ въ этомъ, если не убивая, то обирая ихъ на славу. Въ особенности они поживились хорошо въ обозѣ пашей и даже самого Рейсъ-паши, какъ бы въ отместку за то, что они прежде другихъ, оставивъ поле битвы, уходили безъ оглядки въ Карсъ.

Побѣда была полная, блистательная, 26 пушекъ, единороговъ и гаубицъ разныхъ калибровъ съ 68 упряжными лошадьми, десять зарядныхъ ящиковъ, частью поврежденныхъ нашими выстрѣлами, одно полковое знамя, десять значковъ и множество разнаго оружія, оставленные непріателемъ на полѣ сраженія, были трофеями этого славнаго дня насъ дня.

Плѣнныхъ было только: 1 штабъ-офицеръ и 1 оберъ-офицеръ, оба раненые и 10 нижнихъ чиновъ. Да и не могло быть иначе, потому что турки держались на позиціи съ упорствомъ; когда же послѣ штыковаго дѣла нѣхоты и сабельныхъ ударовъ кавалеріи дрогнули и побѣжали, то первоначальное исчезновеніе ихъ было очень быстрое. Преслѣдовать же на дальнемъ разстояніи, какъ я уже сказалъ, мы не имѣли средствъ и возможности.

Сверхъ того намъ достались два лагеря, расположенные не въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго и состояще по меньшей мѣрѣ изъ 500 конусообразныхъ новыхъ палатокъ, зеленыхъ и бѣлыхъ. Но были палатки разноцвѣтныя, большихъ размѣровъ и весьма красивыя, по своему устройству, принадлежавшія, безъ сомнѣнія, пашамъ и полковымъ командирамъ. Въ палаткахъ были оставлены ранцы, плащи, сухари, котелки и другая посуда. Лагерь со всѣми находящимися въ немъ вещами большею частію достался жителямъ окрестныхъ деревень и курдамъ, потому что доходившая до лагеря кавалерія могла взять съ собою незначительное число палатокъ.

Башкадыкларское сраженіе хотя стоило намъ большихъ потерь, но, судя по упорности боя, продолжавшагося болѣе трехъ часовъ, и силѣ непріятельскаго огня, эти потери не были столь огромны, какъ можно было предполагать. Убиты маіоры Турчановскій и Дьяконовъ, 9 офицеровъ и 308 нижнихъ чиновъ. Ранены, большею частію тяжело (изъ которыхъ нѣкоторые померли), 8 штабъ-офицеровъ ¹⁾, 24 оберъ-офи-

---

¹⁾ Грузинскаго гренадерскаго: маіоры князь Шаликовъ, князь Орбеліани и Чуятювъ; Эриванскаго карабинернаго: маіоры—баронъ Врангель и князь Шаликовъ; командиръ стрѣлковаго баталіона, подполковникъ Лузановъ; командиръ сапернаго баталіона, полковникъ Ковалевскій; командиръ 21-й артиллерійской бригады, полковникъ Журавскій.

цера и 762 нижнихъ чина. Сверхъ того оказалось контуженныхъ, преимущественно артиллерійскими снарядами, 180 человекъ.

Собрать съ поля сраженія убитыхъ для преданія ихъ съ подобающею почестью землѣ, приютить и успокоить раненыхъ, хотя было первой заботой каждаго, но это не такъ легко было сдѣлать. Убитые свезены и снесены къ Огузлинскому храму Вожю, жители котораго были, какъ и другихъ окрестныхъ селеній, армяне-григоріанцы, и уложены въ десятки рядовъ, съ тѣмъ, чтобы на другой день, послѣ общей панихиды, предать ихъ погребенію. Что же касается раненыхъ, то успокоеніе ихъ было не такъ легко. Хотя для размѣщенія ихъ были избраны лучшіе дома жителей, но удобнаго помѣщенія оказалось не достаточно.

Изъ тяжело раненыхъ болѣе, чѣмъ 40 человекамъ, нужно было сдѣлать немедленныя ампутаціи, а это, при всемъ искусствѣ и усердіи медиковъ, не могло быть исполнено надлежащимъ образомъ, по неимѣнію даже самыхъ необходимыхъ для этого средствъ. А потому рѣшено было тяжело раненыхъ отправить въ Александрополь съ двумя баталіонами завтра утромъ, неся ихъ преимущественно на носилкахъ. Для перевозки же всѣхъ прочихъ раненыхъ, а равно отбитыхъ орудій, зарядныхъ ящичковъ, оружія и другихъ трофеевъ, немедленно потребованы изъ Александрополя перевозочныя средства.

По расположеніи побѣдителей частію подъ открытымъ морознымъ небомъ, а частію въ палаткахъ, взятыхъ изъ неприятельскаго лагеря, начались ликованія и рассказы о совершенныхъ подвигахъ вокругъ слабо горящихъ костровъ, которые дѣйствительно были рѣдки и малы по недостатку дровъ.

Несмотря на то, что прошлая ночь была проведена безъ сна, что весь день прошелъ въ сильномъ напряженіи физическихъ и нравственныхъ силъ, громкіе крики и возгласы пирующихъ не унимались далеко за полночь. За то мертвая тишина царила въ отрядѣ на разсвѣтѣ; только часовые, медики и ухаживающіе за ранеными бодрствовали, да раздавались стоны раненыхъ.

Участники славнаго Башкадыкларскаго сраженія были щедро награждены своимъ великимъ императоромъ. Князь Бебутовъ получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени. Произведенный въ генераль-лейтенанты, Багговуть, а также генераль-маіоры князя Багратіонъ-Мухранскій и Чавчавадзе были награждены тѣмъ же орденомъ 3-й степени. Св. Георгія 4-й степени удостоились: полковники Москолевъ и Камковъ, подполковники Нижегородскаго драгунскаго полка Петровъ ¹⁾ и Борковскій, маіоры: князь Орбеліани, баронъ Врангель и князь Ша-

¹⁾ Нынѣ генераль-лейтенантъ и командиръ армейскаго корпуса. М. О.

ликовъ, съ производствомъ потомъ въ слѣдующіе чины, и капитанъ князь Чавчавадзе. Нижнимъ чинамъ пожаловано по десяти знаковъ военнаго ордена на роту и батарею и по пяти знаковъ на эскадронъ и сотню. Независимо этого, кромѣ другихъ наградъ, офицерамъ назначено не въ зачетъ полугодовое жалованье, а каждый нижній чинъ получилъ по два рубля серебромъ.

VII.

Возвращеніе въ Александрополь и зимнее пребываніе въ этомъ городѣ.

Простоявъ еще одиѣ сутки бивуакомъ подь Огузлы, совершивъ кавалерійское движеніе по направленію къ Карсу и покончивъ погребеніе, при помощи жителей, убитыхъ турокъ, отрядъ двинулся въ Александрополь.

Вылъ мрачный осенній день, но городъ казался праздничнымъ. Все населеніе, отъ старца до ребенка, могущаго передвигать ноги, вышло привѣтствовать побѣдителей съ хоругвями и образами, и расположилось по возвышенностямъ и холмамъ передь Арпачаемъ. Пушечная пальба съ крѣпости, а вслѣдъ затѣмъ колокольный звонъ, возвѣстили приближеніе отряда, и толпы съ образами и хоругвями двинулись впередъ и встрѣтили князя Бебутова по переходѣ черезъ мостъ. Одни, падая на колѣни, возсылали теплыя молитвы къ Творцу Небесному, другіе, припадая къ стремени и коню, на которомъ ѣхалъ князь, добывали его руки и ноги.

Изъ этого оказывается, какимъ высокимъ, безпредѣльнымъ чувствомъ благодарности проникнуты были жители Александрополя и окрестныхъ деревень къ побѣдителю Башкадыклара и какъ высоко они ставили и цѣнили эту побѣду. И дѣйствительно, она была въ особенности велика и важна для поселянъ, потому что однимъ этимъ ударомъ успокоивался пограничный край. Послѣ Башкадыklarскаго сраженія, уже ни одинъ курдь, а тѣмъ болѣе башибузукъ, не являлся въ нашихъ предѣлахъ для грабежа, въ продолженіе всей зимы.

Войска, расположенныя по армянскимъ селеніямъ, хотя ни разу не были тревожимы, но нельзя сказать, чтобы они довольствовались удобствами зимняго квартированія. Чтобы выразилось это удобопонятнѣе и рельефнѣе, нужно обратить вниманіе на образъ жизни и постройку жилищъ какъ жителями Кавказа, такъ и живущими въ азіатской Турціи. Обитатель Кавказа, кто бы онъ ни былъ — грузинъ, армянинъ, мусуль-

маняиъ суннитскаго или шитскаго толка, мало заботится объ удобномъ и тепломъ для себя помѣщеніи. Приписать это нужно ихъ беззаботности, а отчасти привычкѣ жить на открытомъ воздухѣ.

До появленія русскихъ, на Кавказѣ не имѣлось понятія о печахъ. Каминны же ихъ, какъ устраиваемыя безъ заслонокъ и вьюшекъ, согрѣваютъ жилища, только тогда, когда въ нихъ есть огонь. Такой способъ устройства жилищъ еще пригоденъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ зима непродолжительна и не бываетъ большихъ морозовъ. Но жить въ такого рода постройкахъ на возвышенныхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ Ахалцхскій и Александропольскій уѣзды или Карсскій пашалыкъ, гдѣ зима продолжается 4—5 мѣсяцевъ и морозы достигаютъ до 20 градусовъ, вовсе неудобно. Это тѣмъ болѣе не по нраву русскому челоуѣку, привыкшему погрѣться на печи и расправить на ней свои кости и члены.

По такой важной причинѣ земнее расположеніе въ армянскихъ селеніяхъ болно не нравилось нашему солдату,—и онъ сильно грустилъ о своей родной избѣ и вспоминалъ о Духоборьѣ и молочанскихъ селеніяхъ, если привелось ему стоять въ нихъ зимою.

Нашъ солдатъ о жильѣ армянина отзовется съ презрѣніемъ и назоветъ его не иначе, какъ «буйволятней». И онъ правъ, давши такое названіе, потому что подъ одной крышей съ жильемъ челоуѣка помѣщаются буйволы, лошади и разныя другія животныя, и это дѣлается не только въ армянскихъ, но и въ мусульманскихъ селеніяхъ, какъ нашихъ, такъ и турецкихъ.

Въ Карсѣ очень много такихъ домовъ, гдѣ внизу помѣщаются лошади, буйволы и другія животныя, а надъ ними живетъ со своимъ гаремомъ зажиточный турокъ, а пожалуй и паша. Испаренія, исходящія изъ навоза и кала животныхъ, а равно ихъ дыханіе, согрѣвая жилье, заражаютъ его неприятнымъ вонючимъ запахомъ. Но пограничныя наши армяне и мусульмане, а равно турки, по неимѣнію дровъ, и вообще по недостатку топлива, согрѣваясь теплотою животныхъ, ни мало не гнушаются такимъ спертымъ воздухомъ, а напротивъ находятъ его весьма здоровымъ.

Но если войска наши, квартировавшія по армянскимъ селеніямъ, подвергались неудобствамъ, то нельзя было этого сказать о баталіонахъ, расположенныхъ въ Александрополѣ. Несмотря на огромность карауловъ и большія работы по заготовленію сухарей для будущаго довольствія, болѣзненность между людьми была умѣренная, потому что обращалось полное вниманіе на лучшее ихъ размѣщеніе и содержаніе.

Жилось удобно, хорошо и притомъ весело и штабу Александропольскаго корпуса. Даже и на мою долю, несмотря на огромность занятій, перепадали удовольствія и развлечения. Правда, что послѣ Башкадыкларскаго сраженія моя дѣятельность приняла болѣе правильное на-

правление, потому что были уже и начальникъ штаба и оберъ-квартирмейстеръ, и старшіе адъютанты и казначей.

Коснусь нѣкоторыхъ подробностей нашей зимней александропольской жизни.

Кому не извѣстно, что въ военное время карты и вино составляютъ главное удовольствіе и развлеченіе. Въ періодъ же бездѣйствія, располагаются ли войска лагеремъ или на тѣсныхъ квартирахъ, становятся преобладающимъ удовольствіемъ, и азартная игра достигаетъ огромныхъ размѣровъ, часто весьма пагубныхъ, если являются страстные личности.

Въ Александрополѣ къ такимъ личностямъ кромѣ нѣкоторыхъ другихъ принадлежали Лагода и Шостакъ. Они были по истинѣ страстные игроки, но разныхъ характеровъ, а потому управляли игрою различно, несмотря на то, что были болѣе или менѣе денежные люди. Полковникъ Лагода мой одноклассникъ, вышедшій изъ 1 корпуса въ артиллерію, годомъ раньше меня, въ то время, когда прибылъ на турецкую границу, былъ командиромъ батареи. Онъ былъ одинаково спокоенъ и невозмутимъ какъ въ обыкновенной вседневной своей жизни, такъ и въ критическія боевыя минуты. Онъ былъ одинаково хладнокровенъ, стрѣляютъ ли его орудія на самомъ дальнемъ разстояніи или дѣйствуютъ на самый ближайшій пушечный выстрѣлъ, какъ это было подъ Кюрюндара, или подвезены, такъ сказать, подъ носъ неприятелю, какъ это было въ 1844 году въ Дагестанѣ подъ Какашурой, гдѣ начальствовалъ извѣстный Пассекъ. Даже къ тяжелымъ ранамъ своимъ, полученнымъ подъ Какашурой и Хунзахомъ, онъ былъ равнодушенъ.

Полковникъ Шостакъ, какъ алчный и жадный къ деньгамъ, далеко былъ не спокойнымъ игрокомъ. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ спокойнѣе Лагоды и въ другихъ случаяхъ вседневной жизни. Сравнить же ихъ въ мужествѣ и неустрашимости во время боя нельзя, потому что Шостакъ, не командуя до того частью, не могъ показать свою хладнокровную распорядительность.

Судя болѣе или менѣе по такимъ различнымъ темпераментамъ, можно было предположить, что перевѣсъ въ игрѣ будетъ на сторонѣ Лагоды; между тѣмъ на дѣлѣ выходило противное. Лагода былъ постояннымъ данникомъ Шостака, несмотря на то, что и на его долю перепали счастливые вечера, или, правильнѣе сказать, ночи. Случалось, что Лагода и другіе понтеры срывали у Шостака по нѣскольку банковъ. Но какъ онъ никогда не понтировалъ, то игра кончалась хотя съ большими для него внутренними волненіями и съ пролитіемъ не одной капли холоднаго пота, однако въ его пользу, и онъ вставалъ изъ-за зеленаго стола всегда побѣдителемъ. Не помогали ни спокойствіе, ни

равнодушіе Лагоды въ этомъ случаѣ. Да можетъ быть излишнее равнодушіе и было причиною постояннаго проигрыша.

Всѣ душевно сожалѣли Лагodu, какъ человѣка добраго и радушнаго и всѣ искренно желали проиграться Шостаку, какъ негостепріимному и скупому. Я же былъ въ числѣ самыхъ рьяныхъ партизановъ Лагоды, и моя искренняя привязанность къ нему обходилась мнѣ же во вредъ, потому что я частенько не только просиживалъ ночи на-пролетъ, но и проигрывался. Хотя мой проигрышъ сравнительно съ суммой, обращающейся во время игры, бывалъ весьма незначителенъ, но въ общей сложности былъ для меня чувствителенъ, въ особенности послѣ потери денегъ въ Башкадыкларскомъ сраженіи.

Вотъ какъ случилось со мною это непріятное происшествіе. По непрібытію чиновника, назначеннаго походнымъ казначеемъ, продолжая вѣдать и расходовать привезенные мною изъ Тифлиса 60.000 рублей, передъ выступленіемъ изъ Александрополя было взято по приказанію князя Бебутова сто полуимперіаловъ на непредвидѣнные расходы. Въ день Башкадыкларскаго сраженія оставалось неизрасходованныхъ восемьдесятъ полуимперіаловъ, которые находились въ кожаной сумкѣ вмѣстѣ съ моими собственными деньгами. На переправѣ черезъ Карсъчай, когда я выдалъ Лорисъ-Меликову 20 полуимперіаловъ, то кошель, носимый мною по обыкновенію въ боковомъ карманѣ походнаго сюртука, положенъ былъ второпяхъ въ карманъ пальто. Въ то время, когда турки дрогнувъ побѣжали, я подѣхалъ къ отбитымъ орудіямъ, чтобы сдѣлать распоряженіе объ отвозѣ ихъ къ легкой № 1 батарее, бывшей въ резервѣ, и какъ было жарко, то, сбросивъ съ себя пальто, кинулъ его на одинъ изъ лафетовъ. Вѣроятно звонъ брякнувшаго золота искуслилъ кого-либо изъ присутствующихъ, тѣмъ болѣе, что толпа была смѣшанная; она состояла изъ эриванцевъ, драгунъ и казаковъ. Одни берегли взятые ими съ боя трофеи, другіе толпились изъ любопытства. Хотя я, черезъ нѣсколько минутъ вспомнивъ о деньгахъ, приказалъ подать пальто, но кошель въ немъ уже не оказалось. Несмотря на всѣ мои старанія, воровство не было раскрыто.

По поводу пропажи у меня денегъ, — о чемъ между прочимъ скажу, что я не заявлялъ моему начальству, обращаюсь къ другому препровожденію времени, хотя нелѣпому, но бывшему во всеобщемъ употребленіи, — это къ вертящимся и пишущимъ столамъ. Кто не поддавался въ свое время разнымъ нелѣпостямъ и суевѣрнымъ предрассудкамъ; такъ было и со мною.

Захожу къ Ф. хорошему моему знакому, и вижу, что онъ держитъ руки надъ небольшимъ столикомъ, карандашомъ, вставленнымъ въ одну изъ его трехъ ножекъ, царапаетъ на листѣ бумаги, подъ нимъ положенномъ, разныя слова.

— Что вы дѣлаете, мой дорогой философъ?

— А развѣ не видите, что, повѣряя прошедшее, желаю знать будущее, отвѣчалъ мнѣ пресерьезно мой знакомый.

— Отъ этого куска дерева?

— Да, которое я оживляю концами моихъ пальцевъ. Посмотрите.

И столикъ началъ двигаться, а карандашъ писать, сначала каракули, а потомъ буквы, и я прочелъ: «Завтра будетъ дождь».

— Ну, вотъ и навралъ. Александрополь не Петербургъ, чтобы въ одинъ сутки совершился переходъ отъ восьми градусовъ мороза къ оттепели,—отвѣчалъ я.

— А вотъ посмотримъ. Гдѣ мы были 19-го ноября?

— Подъ Башкадыкларомъ—написалъ столъ.

— Что дѣлали?

— Били турокъ, повторилъ онъ.

— Садитесь и столъ вамъ будетъ отвѣчать на ваши вопросы,—проговорилъ Ф. съ полною увѣренностію.

Я сѣлъ и положилъ руки на столикъ, но онъ не двигался.

— Да вы слишкомъ нажимаете, едва касайтесь. Да больше вѣры въ то, что дѣлаете.

И столикъ дѣйствительно началъ двигаться и чертить разныя каракули. Это меня заняло, и я попросилъ столикъ взять съ собою.

Но Ф. мнѣ не далъ его, говоря, что онъ придетъ самъ ко мнѣ завтра и принесетъ столикъ, если будетъ дождь.

На другой день Ф. вошелъ торжествующимъ, потому что предсказаніе столика исполнилось. Была оттепель, и моросилъ мелкій дождь.

Чтобы угодить Ф. и удовлетворить моему любопытству, я началъ спрашивать столикъ: кто укралъ у меня деньги и что со мною будетъ?

На первый вопросъ столикъ написалъ фамилію казака и полкъ, въ которомъ служилъ, но по справкѣ оказалось, что такого казака вовсе не было.

На второй же вопросъ отвѣтилъ: что я буду убитъ ядромъ въ голову подъ Джамушли 22-го мая. Но, какъ видите, я живу по сіе время и пишу эти записки. При томъ же подъ селеніемъ Джамушли, черезъ которое мы дѣйствительно проходили, только не 22 мая, а 20 июня, хотя и летали ядра, но только не непріятельскія, а наши.

Можетъ быть, предсказаніе столика на мой счетъ исполнится въ будущую войну съ Турціей, потому что о годѣ не было спрошено.

Коснусь нѣкоторыхъ подробностей зимней александропольской жизни.

По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ были въ крѣпости собранія въ комендантскомъ домѣ, который былъ свободенъ, по случаю отъѣзда генерала Шульца въ отпускъ.

Помѣщеніе было большое и удобное, два хора музыки, кавалеровъ

бездна, а въ дамахъ не было недостатка, притомъ между ними были и хорошенькія, напримѣръ П. и Ш. Первая была жена инженернаго подполковника, до крайности ревниваго, что было поводомъ съ разнымъ смѣшнымъ, но не скандальнымъ сценамъ. Ш. былъ полиціймейстеромъ Александрополя, георгіевскій кавалеръ, добрый и простой армянинъ.

Если не было метели и вьюги, что, какъ я уже упоминалъ, случалось въ Александрополѣ довольно часто, собранія были полны и шумны. Князь Бебутовъ тоже не упускалъ случая бывать въ собраніи, и тѣмъ въ общемъ мнѣніи придавалось ему еще болѣе значенія. Говоря вообще о Василіи Осиповичѣ, нужно сказать, что онъ любилъ общественную жизнь и не отказывался отъ такихъ удовольствій и приглашеній, на которыхъ въ кругу своихъ подчиненныхъ могъ провести и сыграть нѣсколько ролей въ винтъ или ерадашъ. Онъ также любилъ полюбезничать съ дамами.

У князя Бебутова ежедневно къ двумъ часамъ собирався къ обѣду весь штабъ и приглашенные имъ лица, такъ что за столъ менѣе 20-ти человекъ не садилось. Обѣдъ былъ вкусный, и менѣе четырехъ блюдъ не подавалось; вино было исключительно кахетинское и всегда хорошее. Разговоръ былъ самый оживленный, потому что не только самъ князь любилъ поразсказать, но и слушать веселые и смѣшные анекдоты и происшествія. Часто раздавался самый задушевный и громкій хохотъ всѣхъ обѣдающихъ. Никто не стѣснялся присутствіемъ добраго, пріятливаго начальника и гостепріимнаго хозяина, но никто не позволялъ себѣ сказать что-нибудь лишнее или неумѣстное.

Такъ жилось въ Александрополѣ въ продолженіе всей зимы, и миръ и спокойствіе царяли въ немъ и его окрестностяхъ. Къ чести войскъ нужно сказать, что ни одно скандальное обстоятельство не помрачило ихъ и не встревожило начальства.

Такимъ же мирнымъ путемъ шли дѣла и за Арпачаемъ. Непрiятеля какъ будто не существовало. Только черезъ лазутчиковъ получались свѣдѣнія, что въ Карсѣ сосредоточиваются войска, дѣлаются огромныя заготовленія продовольственныхъ и военныхъ запасовъ, а самая крѣпость приводится въ сильное оборонительное состояніе.

И, судя по разсказамъ лазутчиковъ, въ Карсѣ находилось до 30 тыс. съ 60-ю орудіями, сдвинутыхъ послѣ сраженія подъ Вашкадыкларомъ изъ-за Саганлуга и съ другихъ мѣстъ. Извѣстно также было, что въ эту крѣпость съ венгерскимъ ренегатомъ Хуршидъ-нашею прибыло много иностранныхъ офицеровъ и разныхъ другихъ авантюристовъ и искаателей приключеній.

Въ Ахалпыхскомъ уѣздѣ тоже было совершенно покойно: только на оконечностяхъ нашей границы, а именно въ Сурамалинскомъ участкѣ, курды, а въ Гуріи—аджарцы и кабулетцы производили по временамъ

тревоги. Въ особенности же частыя тревоги съ упорными перестрѣлками совершались въ Гуріи у Чахатскаго моста.

Между тѣмъ приближалась весна. Толстымъ слоемъ лежавшій снѣгъ началъ быстро таять. Ничтожныя ручейки, текущіе въ частыхъ и глубокихъ оврагахъ, вздулись и затрудняли сообщенія. Вода въ Арпачаѣ тоже поднялась, и мостъ нѣсколько разъ портило и угрожало совершеннымъ снесеніемъ.

По причинѣ дурной стоянки, по армянскимъ селеніямъ усилилась болѣзненность въ войскахъ, такъ что госпиталь въ крѣпости переполнился и нужно было больныхъ располагать въ городѣ. Однако все это было предусмотрено и своимъ чередомъ миновалось безъ всякихъ послѣдствій.

Наконецъ начали подходить полки 18-й пѣхотной дивизіи, начальникомъ которой былъ генераль-лейтенантъ Бѣлявскій, и сводно-драгунская бригада подъ начальствомъ красиваго, рыцарски храбраго и высокой честиности генераль-маіора графа Нирода. Начались торжественныя встрѣчи желанныхъ гостей. Князь Бебутовъ встрѣчалъ всѣ эти части за нѣсколько верстъ до Александрополя съ лаской и привѣтомъ, на что онъ былъ такой мастеръ. Намъ радовалъ стройный молодецкій ихъ видъ и малое число больныхъ, несмотря на огромный и трудный походъ, совершенный ими въ продолженіе зимы. Тверской и Новороссійскій драгунскіе полки удивляли насъ притомъ сохраненіемъ своихъ лошадей въ отличномъ тѣлѣ. Каски же придавали красу и воинственность.

Въ началѣ мая, по обѣ стороны Александропольской крѣпости раскинули два огромные лагера. Я съ цѣлью подчеркнуть слово огромный, потому что до сихъ поръ не сосредоточивалось на Арпачаѣ такого большого числа войскъ. По сѣверную ея сторону, по направленію къ Ахалкалакамъ расположились: драгунскіе полки: Тверской—полковникъ Куколевскій, Новороссійскій — генераль-маіоръ Тануторовъ, Нижегородскій—генераль-маіоръ князь Чавчавадзе, девять сотенъ Кавказскаго линейнаго казачьяго — полковники Камковъ и Скобелевъ; три батареи: Донская № 6 — полковникъ Двухженовъ, Донская № 7 — полковникъ Дозотинъ и Кавказская линейная № 15 — полковникъ Верекинъ.

По другую сторону крѣпости по направленію къ Аллагеу были расположены: полки 18-й дивизіи Рязскій—полковникъ Гангутъ, Бѣлевскій—полковникъ Нееловъ и Тульскій—генераль-маіоръ Фетисовъ съ тремя батареями 18-й артиллерійской бригады ¹⁾; три съ половиной ба-

¹⁾ Командиры батарей: полковникъ Воронковъ, подполковникъ Рудаковъ и капитанъ Григорьевъ.

Въ «Русской Старинѣ» были помѣщены записки П. Д. Рудакова, въ которыхъ описываются, поверхностно и не вполне вѣрно, дѣйствія Александропольскаго отряда въ азіатской Турціи, въ 1853—54 гг.

таліона эриванцевъ—полковникъ Моллеръ, три баталіона грузинцевъ—полковникъ князь Тарханъ-Мауравовъ, Гренадерскій стрѣлковый—полковникъ Лузановъ и Саперный баталіонъ -- полковникъ фонъ-Кауфманъ съ батарейными № 1 и 2 и легкою № 1 батареями гренадерской артиллерійской бригады ¹⁾).

Такое огромное сосредоточіе войскъ подъ Александрополемъ хотя значительно усложнило мои занятія, но не лишило меня удовольствія проводить вечера въ кругу моихъ товарищей, гдѣ карты по-прежнему преобладали. Былъ также участникомъ пировъ и обѣдовъ, которые давались кавказцами прибывшимъ къ нимъ гостямъ и наоборотъ.

На Кавказѣ съ давнихъ поръ укоренился обычай гостепріимства. Не только офицеры, но и солдаты слѣдовали ему. Прибывала ли въ штабъ-квартиру другая посторонняя часть, какъ офицеры, такъ и нижніе чины старались пріютить и угостить прибывшихъ своихъ товарищей, зная, что въ свою очередь и имъ будетъ отплачено тѣмъ же. Это врожденное качество русскаго человѣка еще болѣе окрѣпло на Кавказѣ отъ примѣра горцевъ, отличавшихся гостепріимствомъ, и невозможности всегда и вездѣ достать за деньги самыхъ первыхъ предметовъ потребности, для утоленія голода и жажды.

Поэтому неудивительно, что по прибытіи 18-й пѣхотной дивизіи и сводной драгунской бригады, первыя привѣтствія были заявлены со стороны кавказскихъ войскъ, которыя впрочемъ выразились только наружными знаками гостепріимства; полнаго же сближенія и сочувствія не было. Да иначе и не могло быть. Не только кавказскіе офицеры, но и солдаты всегда смотрѣли на «россійскія войска» съ высококомѣріемъ. Первые считали себя во всѣхъ отношеніяхъ выше послѣднихъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что кавказцы были смѣтливѣе, расторопнѣе, ловчѣе, находчивѣе въ войнѣ съ горами. Нельзя отвергать и того, что они были привычнѣе къ совершенію большихъ походовъ, въ особенности по горамъ, и перенесенію трудовъ и лишеній. Но нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы кавказскій солдатъ былъ мужественнѣе, неустрашимѣе, храбрѣе. Если же случалось, напримѣръ, попадать въ просакъ люблинцу или бѣлевцу чаще куринца или ширванца, то это приписать нужно неопытности, нерасторопности и нераспорядительности офицеровъ первыхъ.

Слѣдуетъ отчасти винить въ этомъ и кавказское начальство, которое не всегда умѣло направлять, надлежащимъ образомъ, войска, прибывающія изъ внутри имперіи, а иногда не поощряло ихъ наградами по заслугамъ. А это возбуждало ропотъ и неудовольствія, доводившія

¹⁾ Командиры батарей, прежніе полковники: Лагода, Брискорнъ и Десаже.

иной разъ до вредныхъ послѣдствій въ общемъ дѣлѣ. Часто вредили общему дѣлу зависть и интриги.

Однако къ чести Александропольскаго отряда долженъ сказать, что въ немъ отъ такого антагонизма не случилось ничего вреднаго вообще и скандальнаго въ частности. Все жило дружно, весело и спокойно по крайней мѣрѣ по наружности.

VIII.

Снаряженіе Александропольскаго отряда и выступленіе за-границу. — Наши дѣйствія со времени перехода черезъ Арначай до 24-го іюня. — Буржкдарринское сраженіе и послѣдствія этого сраженія.

Извѣстно болѣе или менѣе каждому, что успѣхъ не только арміи, но отдѣльно дѣйствующаго корпуса или отряда, зависитъ сколько отъ своего состава и надлежащаго направленія дѣйствій, клонящихся къ нанесенію возможно большаго вреда непріятелю, столько и отъ своевременнаго снабженія и обезпеченія солдата всѣмъ необходимымъ. Пусть будутъ и самыя блестящія стратегическія соображенія главнаго начальника и его штаба, но если упущены изъ виду надлежащія распоряженія, положимъ, по продовольственной части, и солдатъ остается вѣскольکو дней безъ пищи, то такія блестящія предположенія поневолѣ остаются недостигнутыми. Такимъ же образомъ могутъ быть не достигнуты и превосходныя тактическія распоряженія собственно потому, что оказался недостатокъ въ зарядахъ и патронахъ во время самаго боя по той причинѣ, что запасный паркъ не успѣлъ поспѣть во-время на мѣсто сраженія.

Въ европейской войнѣ недостатокъ въ продовольствіи, систематически заготовленномъ, но несвоевременно доставленномъ, можетъ быть устраненъ реквизиціями. Въ азіятской же войнѣ наступающій лишенъ и этого тяжелаго, разорительнаго для жителей, способа продовольствія солдатъ. Тамъ не только не встрѣчается городовъ и богатыхъ селеній, въ которыхъ войска могли бы съ удобствомъ расположиться и удовлетворить себя всѣмъ необходимымъ, если не по доброй волѣ жителей, то хотя силой, но вы проходите по мѣстамъ или пустыннымъ, или малонаселеннымъ. Тамъ даже въ топливѣ, потребномъ на вареніе пищи и обогрѣваніе, встрѣчается недостатокъ.

Къ такимъ малонаселеннымъ мѣстностямъ принадлежитъ пограничное пространство Азіатской Турціи, двигаются ли наши войска на Карсъ, Ардаганъ или Баязеть. Поэтому начальникъ долженъ озаботиться обезпечить отрядъ всѣмъ необходимымъ и, по возможности, на большее время, потому что излишнія транспортировки въ тамошней войнѣ бывають трудны по дурнымъ дорогамъ и опасны по образу веденія партизанской войны.

Руководствуясь кампаніей 1828—1829 годовъ и соображаясь съ предполагаемыми военными дѣйствіями, опредѣлено было: взять съ собою сухарей, крупъ, спирту и соли по числу людей, состоявшихъ на продовольствіи, на двадцать дней, такъ что съ тѣмъ довольствіемъ, которое войска должны были имѣть при себѣ, составляло мѣсячную порцію. Зерноваго фуража, по числу кавалерійскихъ и артиллерійскихъ лошадей, бралось на десять дней, и то только на непредвидимый случай, потому что это довольствіе лежало на попеченіи и заботливости начальниковъ частей. Для пріюта, продовольствія и содержанія больныхъ и раненыхъ назначалось госпитальныхъ палатокъ, бѣлья, посуды, кроватей, столовъ, продуктовъ и медикаментовъ по числу 200 человекъ.

Все это должно было быть поднято на 400 двухъ-парныхъ грузинскихъ арбахъ, 200 молочанскихъ троечныхъ повозкахъ и 500 черводарскихъ лошадяхъ. Для перевозки втораго комплекта боевыхъ зарядовъ и патроновъ, по числу орудій и людей, имѣлся запасный паркъ.

Снаряженный такимъ образомъ отрядъ, въ составѣ 17-ти баталіоновъ пѣхоты, считая въ томъ числѣ стрѣлковъ и саперъ, 26 эскадроновъ драгунъ, 14 сотенъ линейныхъ и донскихъ казаковъ и 14 сотенъ милиціи, при 72 орудіяхъ, переправился 15-го іюня черезъ Арпачай и двинулся черезъ Мулла-Мусса, Кизиль-Чахчахъ и Джамушлю къ Кюрюкдара.

Князь Бebutовъ, вмѣсто прямого направленія на Пирвали и Суботанъ избралъ этотъ кружной путь для наступательныхъ дѣйствій, по врожденной своей осторожности. Ему извѣстно было, что непріятель въ значительныхъ силахъ, занимаетъ крѣпкую позицію у Хадживали, изъ которой онъ можетъ угрожать нашему лѣвому флангу въ то время, когда мы, подойдя къ Суботану, можемъ быть атакованы съ фронта войсками, наступающими изъ Карса. Будучи же отброшены къ Карсъ-чаю, очутимся въ безвыходномъ положеніи; тогда какъ, двигаясь на Кизиль-Чахчахъ, этого случиться не могло.

Соображаясь съ намѣреніями и дѣйствіями непріятеля, отъ насъ будетъ зависѣть перейти Карсъ-чай у Джамушлю, дѣйствовать фронтально противъ Хадживали и Карса, или, не переходя Карсъ-чай, наступать по лѣвому берегу этой рѣки. Притомъ, дѣйствуя этимъ пу-

темъ, легче было заставить принять бой въ полѣ непріятеля, находившагося какъ въ Хадживали, такъ и въ Карсѣ. А такъ какъ единственно отъ разбитія турокъ въ полѣ зависѣлъ дальнѣйшій наплъ успѣхъ, то, послѣ трехъ-дневной стоянки на Караханъ-чай, у Кизиль-Чахчаха, князь Бебутовъ рѣшился перейти Карсъ-чай и занять позицію впереди этой рѣки.

Послѣ осмогра Карсъ-чая, текущаго здѣсь въ крутыхъ, возвышенныхъ берегахъ, и исправленія дороги на пятиверстномъ разстояніи, 22-го іюня мы выступили изъ лагеря на Караханъ. Пока совершалась переправа главной колонны съ обозомъ, хотя по удобному броду, но медленно, по причинѣ крутыхъ спуска и подъема, князь Бебутовъ съ Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ, пятью сотнями казаковъ и тремя баталіонами при шести орудіяхъ, составлявшими авангардъ, предпринялъ рекогноспировку.

Пройдя селеніе Джамушлю, намъ представилось довольно обширное поле, окаймленное спереди и съ правой стороны горами. Впереди были Огузлинскія и Башкадыкларскія высоты, тѣ самыя, на которыхъ 19-го ноября прошлаго года происходилъ славный кровавый бой эриванцевъ, грузинцевъ, ширванцевъ, куринцевъ, нижегородскихъ драгунъ и линейскихъ казаковъ, и на которыхъ раздались побѣдные наши крики въ догонку дрогнувшихъ и побѣжавшихъ турокъ. Съ правой стороны возвышался Караялъ, у сѣверо-восточной сторбны котораго происходило въ тотъ же славный день, 19-го ноября, упорное сопротивленіе князя Чавчавадзе съ половиною храбраго, командуемаго имъ, Нижегородскаго полка отъ нападавшихъ на нихъ четырехъ турецкихъ баталіоновъ и гдѣ полковникъ Долотинъ на славу озадачивалъ непріятеля картечью изъ своихъ четырехъ орудій¹⁾.

Да, это было то славное поле, на которомъ валялись куски заряженнаго чугуна, разорванныхъ гранатъ и коническихъ свинцовыя пули, сразившія сотни людей. На этомъ же полѣ видѣлись тѣ насыпи съ крестами, подъ которыми покоится прахъ павшихъ смертію храбрыхъ. Можетъ быть, это поле породило бы много другихъ воспоминаній, еслибы наше вниманіе не было развлечено внезапно показавшейся изъ-за Караяла кавалеріей, которая, постоявъ нѣсколько минутъ на мѣстѣ, быстро понеслась назадъ, по направленію на Суботанъ.

Это былъ кавалерійскій отрядъ подъ начальствомъ Гассанъ-Язычи, высланный изъ Хадживали для наблюденія за нами. Онъ занималъ армянскія деревни Пальдерванъ и Кюрюкдара, съ которыми я сейчасъ познакомлю читателя. Пущенныя въ догонку за улетающими, въ

¹⁾ За Башкадыкларъ Долотинъ тоже получилъ св. Георгія 4-ой степени
М. О.

полномъ смыслѣ этого слова, непріятелемъ съ десятокъ ядеръ и гранатъ, отъ которыхъ попадало нѣсколько всадниковъ, были первые въ этомъ году наши выстрѣлы.

Послѣ остратки, заданной Гассанъ-Язичи съ братіей, мы повернули отъ Джамушлю направо, по торной дорогѣ. Обогнувъ песчаную гору Карагузи, составляющую продолженіе Караяла, мы очутились надъ глубокой, каменистой котловиной. Тутъ были въ безпорядкѣ разбросанные разной величины черно-сѣрые камни и уложенныя въ порядкѣ, одна надъ другою, того же цвѣта плиты. Эти послѣднія и составляли стѣны и крыши сакель двухъ армянскихъ селеній Кюрюкдара и Пальдервана, гдѣ имѣла свое пребываніе непріятельская кавалерія, такъ успѣшно скрывшаяся съ нашихъ глазъ.

Большія поля, засѣянные пшеницей и просомъ, необозримое пространство зеленой, душистой травы, мѣстами скошенной, холодная родниковая вода—заявляли о благосостояніи жителей. На самомъ же дѣлѣ, они оказались испитыми, запуганными, нищими. Не столько болѣзни, сколько непрошенные гости, турки довели ихъ до такого печальнаго состоянія. Много труда стоило успокоить и увѣрить ихъ, что они не потерпятъ отъ насъ никакого зла, тѣмъ болѣе, что сама природа хотѣла вооружить ихъ противъ насъ и поразить суевѣрныхъ ужасомъ отъ небывалаго явленія.

Не успѣлъ князь Бебутовъ осмотрѣть занимаемой позиціи, а начальникъ штаба, полковникъ Невѣровскій, сдѣлать окончательнаго распоряженія по расположенію войскъ, какъ началъ падать изъ черныхъ тучъ, потемнившихъ небо и разверзавшихся только молніей, такой огромный градъ и неправильные куски льда, что все было поражено невольнымъ страхомъ. Этотъ страхъ выразился не столько на челоуѣкѣ, сколько на животныхъ. Драгунскія и артиллерійскія лошади, поражаемыя огромными градинами и кусками льда, падающими съ безпредѣльнаго пространства, начали биться и становиться на дыбы, но потомъ, вдругъ, опустивши головы, сдѣлались неподвижны, какъ истуканы. А такое, по общему отзыву, физическое явленіе продолжалось если не четверть часа, то минутъ десять. Многимъ это явленіе осталось памятнымъ не только сильными ушибами, но и кровавыми ударами, если градины задѣвали лицо или руки. Памятна была и буря съ частымъ мелкимъ градомъ, во время трехъ-дневной стоянки подъ Кизиль-Чахчахомъ, когда всѣ палатки штаба, расположеннаго на возвышенности, были сорваны и со всѣмъ находившимся въ нихъ снесены внизъ подъ гору.

Расположеніе Александропольскаго отряда на позиціи у Кюрюкдара, на которой мы простояли болѣе мѣсяца, было слѣдующее. Переднія двѣ линіи занимала пѣхота съ своей артиллеріей. На правомъ флангѣ,

примыкающемъ къ оврагу, находились эриванцы, грузинцы, кавказскіе саперы и стрѣлки. На лѣвомъ флангѣ, примыкающемъ къ Караюлу, были расположены Бѣлевскій, поступившій по болѣзни полковника Невѣровскаго въ мое командованіе ¹⁾, и Тульскій полки. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ пѣхоты были расположены съ конной артиллеріей: Тверской, Новороссійскій и Нижегородскій драгунскіе полки. Затѣмъ слѣдовалъ вагенбургъ, состоявшій изъ запаснаго парка, молочнокавказскихъ повозокъ, грузинскихъ арбъ и черводаровъ. Наконецъ, въ аррьергардѣ и по флангамъ пѣхоты, собственно для производства развѣдочныхъ и содержанія пикетовъ, были расположены линейные казаки и конно-мусульманская бригада.

Александропольскій отрядъ, въ первые дни своего расположенія подъ Кюрюкдара, оказывается въ совершенной безопасности, потому что муширь Зарифъ-Мустафа-паша, опасаясь ли быть разбитымъ по частямъ, или желая заманить насъ къ Карсу, стягиваетъ всѣ свои войска къ этой крѣпости, оставивъ въ Хадживали и Халивъ-оглу самыя небольшія наблюдательныя части.

Но съ 29-го іюня карскій корпусъ измѣняетъ систему своихъ дѣйствій и переходитъ въ наступленіе, хотя, правда, нерѣшительное и неопредѣленное. Не могу сказать, произошло ли это отъ обнаруженія неприяженныхъ противъ насъ замысловъ Австріи, слѣдствіемъ чего было отступленіе нашей дунайской арміи за Сереть, или руководили этимъ другія причины. Можетъ быть, наше бездѣйствіе побудило турокъ перейти въ наступленіе?

Сначала Зарифъ-Мустафа-паша двигается къ Займу, какъ бы съ намѣреніемъ угрожать нашимъ сообщеніямъ съ болѣею половиною корпуса, а потомъ быстро переходитъ къ Хадживали, гдѣ расположившись начинаетъ и безъ того крѣпкую позицію приводить въ лучшее оборонительное состояніе. Князь Бебутовъ не препятствуетъ этому, но, желая выманить изъ Карса остальные войска, продолжаетъ бездѣйствовать и, въ свою очередь, въ видѣ предохранительной мѣры, приказываетъ устроить за правымъ флангомъ укрѣпленный вагенбургъ.

Выборъ мѣста и устройство укрѣпленнаго вагенбурга возложено было на командира Кавказскаго сапернаго баталіона, полковника фонъ-Кауфмана, того самаго, который былъ директоромъ канцеляріи военнаго министерства, генераль-адъютантомъ, генераль-губернаторомъ и командующимъ войсками Виленскаго и Туркестанскаго округовъ. Цѣль этого вагенбурга состояла не въ томъ только, чтобы въ немъ помѣщались походный госпиталь, провіантскіе и военные запасы, но чтобы въ

---

¹⁾ Мѣсто дежурнаго штабъ-офицера занялъ Новороссійскаго драгунскаго полка полковникъ Коваленскій.

случаѣ движенія отряда противъ непріятеля, онъ могъ бы принять всѣ лишнія перевозочныя средства и тяжести войскъ. Нельзя было сомнѣваться въ пользу устройства такого вагенбурга, а избранное для того мѣсто, окруженное скалистыми оврагами, какъ крѣпкое по природѣ, было укрѣплено притомъ и искусствомъ.

По лагерному расположенію отряда Бѣлевскій полкъ, находясь на лѣвомъ флангѣ, примыкалъ къ Караялу. Съ этой продолговатой горы, съ довольно отлогими въ нѣсколькихъ мѣстахъ покатосями, были видны не только Огузлы и Башкадыкларское поле сраженія, но и все пространство между Хадживали и Карсомъ, а потому эта гора днемъ занималась кавалерійскими наблюдательными постами, на ночь же располагалось на ней, въ двухъ укрѣпленіяхъ, по нѣскольку ротъ пѣхоты. Это дѣлалось на тотъ случай, если непріятель обойдетъ нашу позицію черезъ Огузлы, то чтобы онъ не могъ занять Караялъ неожиданно и съ этой горы дѣйствовать по лагерю.

Мнѣ эта гора съ окрестностями была очень хорошо извѣстна, потому что большую часть свободнаго времени я проводилъ на ней, изучая не только ближайшія окрестности, но любуясь Аллагезомъ и даже отдаленнымъ Араратомъ, серебристая шалка котораго проглядывала между горами, обращенными къ Кагызману.

Между тѣмъ, непріятельскій лагерь мало-по-малу усиливался войсками, передвигаемыми изъ Карса, и Зарифъ-Мустафа-паша, ободряемый нашимъ бездѣйствіемъ и подстрекаемый начальникомъ штаба Хуршидъ-пашею (Гюйонъ), Изманлъ-пашею (Кмети) и другими авантюристами, бывшими у него въ лагерь, дѣлался смѣлѣе и предпримчивѣе, но только до тѣхъ поръ, пока былъ вдали отъ нашихъ войскъ.

Съ другой стороны, князь Бебутовъ, по мѣрѣ того, чѣмъ болѣе прибывало войскъ изъ Карса въ Хадживалинскій лагерь и чѣмъ сильнѣе послѣдній укрѣплялся, становился нервнѣе въ томъ смыслѣ, чтобы атаковать въ немъ турокъ. На этотъ укрѣпленный лагерь князь Бебутовъ смотрѣлъ какъ на другой Карсъ, а потому снова поджидалъ того времени, когда мушаръ съ своимъ корпусомъ выйдетъ изъ своего укрѣпленнаго лагеря. Поэтому, до сраженія подъ Кюрюкдара, происходили вотъ какого рода дѣйствія. 30-го іюня, въ день полковаго праздника Новороссійскаго драгунскаго полка, когда мы пировали у генераль-маіора Тануторова, было дано знать съ аванпостовъ о движеніи непріятеля изъ Хадживали. Мгновенно весь отрядъ построился въ боевой порядокъ впереди лагеря. Эта ли причина или разразившаяся гроза съ проливнымъ дождемъ умѣрила на этотъ разъ порывъ турокъ. Повторенное ими черезъ двое сутокъ наступательное движеніе ограничилось отдаленной канонадой и преслѣдованіемъ непріятеля, успѣшно отступившаго въ свой лагерь. Наконецъ, на разсвѣтъ 19-го

юля Кмети съ кавалеріей, сдѣлавъ обходное движеніе черезъ Огузлы, появился на Карагль, вѣроятно съ тою цѣлю, чтобы обозрѣть нашъ лагерь, но, встрѣченный залпами пѣхоты, находившейся въ укрѣпленіяхъ, послѣшилъ съ потерей оставить эту гору и, подъ прикрытіемъ своей пѣхоты, отступилъ черезъ Огузлы.

Такого рода предюдіи были передъ той кровавой драмой, которая разыгралась столь печально для турокъ 24-го іюля. Но прежде чѣмъ приступлю къ описанію этого славнаго для насъ дня, коснусь состава карскаго корпуса и состоянія турецкихъ войскъ, въ него входившихъ.

Этотъ корпусъ, начавшій пополняться и усиливаться разными частями, двинутыми изъ Эрзерума и другихъ мѣстъ, немедленно послѣ сраженія подъ Башкадыкларомъ, во время открытія съ нашей стороны наступательныхъ дѣйствій, состоялъ изъ 44 баталіоновъ низама или регулярной пѣхоты, 6 полковъ суварі или регулярной кавалеріи и 78 разныхъ калибровъ и конструкцій пушекъ, единороговъ и гаубицъ. По штату полагалось: въ баталіонахъ по 1.000, а въ кавалерійскихъ полкахъ по 1.600 человекъ.

Несмотря на частыя пополненія рекрутами, по причинѣ огромной болѣзненности и смертности, наличная численность не превышала въ баталіонахъ 700 пштыковъ, а въ кавалерійскомъ полку 1.000 сабель. 3 арабистанскихъ баталіоновъ, недавно прибывшихъ подъ начальствомъ Аслана-паши (графа Быстрановскаго) и потому менѣе изнуренныхъ болѣзнями, и притомъ лучше обученныхъ, вооруженныхъ и одѣтыхъ, считались лучшими. Сверхъ того, въ карскомъ корпусѣ находилось около 14.000 башибузукъ и курдовъ, преимущественно прибывшихъ изъ Муша и Дярбекира, а также до 8.000 редифа или пѣшей милиціи, на которыхъ исключительно лежала обязанность охраненія Карса, во время отбытія изъ этой крѣпости низама.

Такимъ образомъ, подъ начальствомъ мушира Зарифа-Мустафы-паши считалось регулярныхъ и нерегулярныхъ дѣйствующихъ войскъ около 60.000 при 70 орудіяхъ; въ такомъ составѣ и содержался этотъ корпусъ въ Хадживали, если не съ первыхъ чиселъ, то, навѣрное, съ половины іюля.

Хадживалинская позиція, окруженная съ трехъ сторонъ горами, а съ четвертой, обращенной къ Кюрюкдара, прикрытая полевыми укрѣпленіями, была слишкомъ тѣсна для такого большаго числа войскъ, собственно въ гигиеническомъ отношеніи, а потому болѣзненность и смертность были велики здѣсь, какъ и въ Карсѣ. Для кавалеріи же вскорѣ оказался недостатокъ въ подножномъ кормѣ, такъ что добывать траву нужно было въ виду нашего лагеря, а это требовало назначенія большихъ колоннъ, иногда тревожившихъ и наши войска. Притомъ не только башибузуки и курды, но низамъ и суварі не получали своевре-

менно опредѣленнаго содержанія, сколько отъ недобросовѣстности пашей и миралаевъ (полковыхъ командировъ), столько отъ неисправности администраціи и дурнаго состоянія финансовъ.

Между тѣмъ, служба для солдатъ была тяжела, какъ въ прямомъ военномъ смыслѣ, такъ и по причинѣ частыхъ ученій, чего, въ особенности, требовали Гюйонъ, Кмети, Быстрановскій и другіе эмигранты, желавшіе обучить эволюціямъ и дисциплинѣ не столько солдатъ, сколько офицеровъ, что было необходимо, но не своевременно. Офицеры были, дѣйствительно, дурны и въ строевомъ, и въ нравственномъ отношеніи. Подъ Башкадыкларомъ и въ другихъ одержанныхъ нами побѣдахъ кто, какъ не они, оставляли первые поле сраженія? Были также, сравнительно съ пѣхотой и артиллеріей, весьма дурны сувары, замѣнявшіе собою превосходныхъ делибашей. Эта регулярная кавалерія, уподоблявшаяся нашимъ уланамъ, не умѣя ни сидѣть на англійскомъ сѣдлѣ, ни владѣть даннымъ имъ оружіемъ, была дурно одѣта. Изъ числа убитыхъ подъ Башкадыкларомъ кавалеристовъ много было такихъ, у которыхъ шаравары и рукава на кафтаныхъ были на четверть короче противъ того, какъ бы слѣдовало по росту. Хотя нельзя сдѣлать такого же невыгоднаго отзыва о турецкой пѣхотѣ и артиллеріи, умѣвшихъ владѣть своимъ оружіемъ и съ достоинствомъ защищать свою честь, въ особенности же артиллеристы, которые, напримѣръ, подъ Башкадыкларомъ умерли на своихъ орудіяхъ, взятыхъ нами съ боя,—но все-таки и въ этихъ родахъ оружія офицеры не отличались стойкостью и мужествомъ.

Изъ этого оказывается, что состояніе карскаго корпуса было весьма незавидное. Относительно же своего расположенія подъ Хадживали, онъ далеко не пользовался тѣми удобствами, которыми пользовался нашъ отрядъ. Офицеры получали своевременно слѣдуемое имъ содержаніе, а солдаты, будучи хорошо одѣты и довольствуясь исправно, находились въ самомъ хорошемъ состояніи, что выражалось весьма умереннымъ числомъ больныхъ:

По свѣдѣніямъ, получаемымъ изъ Хадживалинскаго лагеря съ 22-го іюля, нужно было предполагать, что непріятель замышляетъ что-нибудь особенное: или онъ оставляетъ Хадживали, чтобы переселиться въ Карсъ, или со всѣми силами нападетъ на насъ. Предположенія эти, основанныя на томъ, что турки начали свозить въ Карсъ всѣ свои тяжести, въ полдень 23 числа подтвердились еще тѣмъ, что они отправили туда же всѣ свои палатки.

Основываясь на этихъ свѣдѣніяхъ, въ тотъ же день къ вечеру весь нашъ лагерь былъ на ногахъ. Отдано было приказаніе съ наступленіемъ темноты снимать палатки и свозить, вмѣстѣ съ другими тяжестями, въ вагенбургъ, гдѣ и складывать на мѣстахъ, заблаговременно ука-

занныхъ для каждой части. А вслѣдъ за тѣмъ отдана была такого рода диспозиція.

Отрядъ выстраивается, по особому приказанію, для движенія впередъ, по направленію на гору Ягны. Авангардъ составляютъ: 2 сотни охотниковъ милиціонеровъ полковника Лорисъ-Меликова, 3 сотни линейныхъ казаковъ полковника Скобелева, Кавказскій стрѣлковый баталіонъ и двѣ дворянскія грузинскія дружины ¹⁾. За авангардомъ послѣдовательно выстраиваются: въ правой колоннѣ, подъ начальствомъ генераль-маіора Кишинскаго: Бѣлевскій егерскій полкъ (подъ моимъ начальствомъ), 3¹/₂ баталіона эриванцевъ (полковникъ Моллеръ), батарея № 4 (полковникъ Воронковъ) и легкая № 7 батареи (капитанъ Григорьевъ) 18-й артиллерійской бригады и батарея № 2 батареи Кавказской гренадерской бригады (полковникъ Брискорнъ), запасный паркъ и фербантъ, два баталіона Рязскаго пѣхотнаго полка (полковникъ Ганецкій), со своднымъ дивизиономъ 18-й артиллерійской бригады ²⁾. Въ лѣвой колоннѣ, подъ начальствомъ командира Тульского полка генераль-маіора Фетисова: 3¹/₂ баталіона Грузинскаго гренадерскаго полка (полковникъ князь Тарханъ-Мауравовъ), Тульскій егерскій полкъ, батарея № 1 (полковникъ Лагода) и легкая № 1 (полковникъ Десаже) батареи Кавказской гренадерской артиллерійской бригады. По обѣ стороны пѣхоты располагаются: сводно-линейный казачій полкъ полковника Камкова по правую, а конно-мусульманская бригада полковника князя Андроникова—по лѣвую сторону, имѣя впереди себя развѣзды. Драгунскіе полки: Тверской (полковникъ Куколевскій), Новороссійскій (генераль-маіоръ Тануторовъ), Нижегородскій (генераль-маіоръ князь Чавчавадзе) съ донскими № 6 и 7 батареями (полковники Двухжоновъ и Долотинъ) и дивизиономъ № 15 Кавказской линейной батареи, а равно 5 сотенъ донскихъ № 4 и 20 съ ракетными командами полковъ, подъ начальствомъ начальника кавалеріи генераль-лейтенанта Багговута, находятся позади пѣхоты въ аррьергардѣ ³⁾.

¹⁾ Эти конныя дружины, бывшія подъ начальствомъ предводителя дворянства князя Орбелиани, составляли конвой князя Бебутова, и были расположены лагеремъ позади штаба. Сражались съ турками на правомъ нашемъ крылѣ.

²⁾ Съ движеніемъ Александропольскаго отряда за Арпачай Рязскій пѣхотный полкъ съ батареями подполковника Рудакова былъ оставленъ, какъ для охраненія пограничнаго пространства, такъ и для конвоированія въ отрядъ транспортовъ съ боевыми и продовольственными припасами. Два баталіона Рязскаго полка, съ дивизиономъ артиллеріи, стойко сражавшіеся съ турками на правомъ нашемъ флангѣ, прибыли изъ Александрополя 22 іюля съ большимъ транспортомъ.

³⁾ Хорошій планъ этого сраженія находится при второмъ томѣ „Восточная война 1853—1856 годовъ“, сочиненіе М. И. Богдановича. М. О.

Составленная такимъ образомъ диспозиція и указанная для направленія войскъ гора Ягны, находящаяся между Хадживали и Карсомъ, вполне соответствовали тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя были получены о намѣреніяхъ непріятеля. Если онъ двинется на Кюрюндара, то, поворотомъ лѣво, у насъ готовъ боевой порядокъ. Если онъ отступаетъ въ Карсъ, то, оставивъ пѣхоту безъ перестроенія, или развернувъ ее по головнымъ баталіонамъ вправо и влѣво, двинуть кавалерію съ конной артиллеріей впередъ для преслѣдованія по направленію къ Карсу.

На самомъ же дѣлѣ оказалось, что мы были не тверды въ своемъ предположеніи и что такъ хорошо составленная диспозиція подверглась въ самомъ началѣ измѣненіямъ. Для насъ какъ будто бы было неожиданною новостью, сильно насъ озадачившею, когда на разсвѣтѣ обнаружилось, что турки двигаются на нашъ лагерь, отъ котораго мы отошли версты на три, и что Караялъ уже занятъ ими. Явилось желаніе сбить турокъ съ Караяла, и Бѣлевскій полкъ съ Кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ и легкой № 7 батареей 18-й артиллерійской бригады, подъ моимъ начальствомъ, были назначены первоначально для этой цѣли.

Но не было пройдено этими войсками и половины разстоянія, какъ получено приказаніе—Караяла не штурмовать, а удерживать непріятеля до тѣхъ поръ, пока устраиваемые въ центрѣ семь баталіоновъ эриванцевъ и грузинцевъ, съ тремя батарейными батареями, не перейдутъ въ наступленіе. А для того, чтобы наше лѣвое крыло могло держаться противъ турокъ, занимавшихъ крѣпкую позицію и несравненно превосходившихъ численностью, назначено было въ подкрѣпленіе два тульскихъ баталіона, Тверской и Нижегородскій полки съ донской № 7 батареей.

Одновременно съ устройствомъ для боя центра и лѣваго фланга, отчасти подъ артиллерійскимъ непріятельскимъ огнемъ, были двинуты вправо противъ турецкихъ войскъ, обходившихъ правый флангъ нашей боевой позиціи и вагенбургъ, Новороссійскій драгунскій полкъ съ донской № 6 батареей, линейные казаки съ своими орудіями и конно-мусульманская бригада, подъ начальствомъ одного изъ героевъ Башкадыкларскаго сраженія—генералъ-лейтенанта Багговута¹⁾). Но такъ какъ этихъ войскъ оказалось недостаточно, а главное тамъ не было опоры — пѣхоты, то и были двинуты изъ резерва два ряжскихъ баталіона съ дивизиономъ орудій, подъ начальствомъ полковника Ганецкаго. Въ резервѣ остались два тульскихъ баталіона съ своднымъ дивизиономъ ору-

---

¹⁾ Бывшаго по-прежнему начальникомъ кавалеріи Александропольскаго отряда. М. О.

дѣй и донскіе казаки. Но и этимъ войскамъ не долго оставалось быть безъ дѣла.

Такимъ образомъ, наша боевая линія оказалась слишкомъ растянутою и тонкою; она занимала болѣе четырехъ верстъ, и были мѣста, вовсе не занятые войсками.

Перестраивая же наши войска, мы дали возможность устроиться и непріятелю. Вотъ какъ были расположены турецкія войска передъ началомъ боя. Зарифъ-Мустафа-паша съ тремя стрѣлковыми баталіонами и 4 орудіями занималъ Караялъ, у подошвы котораго стояло два полка суварн. Около 12 баталіоновъ съ 18 орудіями были расположены полукругомъ влѣво отъ Караяла. Въ центрѣ, противъ гренадеръ, считая и резервы, находилось до 24 баталіоновъ, 2 полка кавалеріи съ 30 или 40 орудіями. Остальныя, затѣмъ, войска, а именно: до 10 баталіоновъ, два полка суварн, съ 12 орудіями, и большая часть баши-бузуконъ и курдонъ были посланы въ обходъ нашего праваго фланга.

Мѣстность, на которой бой долженъ былъ рѣшиться, кто будетъ владѣть ею, за исключеніемъ Караяла и широкой ложбины, отъ этой горы отходящей дугообразно вправо, — была совершенно открытая и ровная: ни деревца — даже куста на ней не было. Ни для насъ, ни для непріятеля не существовало опорныхъ пунктовъ, кромѣ горы Караяла, на которой, по крутизнамъ ея склоновъ, можно было стоять, но не маневрировать. Мы занимали сѣверную, турки южную окраину ложбины. На ней-то и происходилъ тотъ упорный кровавый бой, длившійся четыре часа и который, наконецъ, рѣшилъ быть намъ побѣдителями.

Не буду излагать хода боя во всѣхъ подробностяхъ и описывать подвиги отдѣльныхъ частей, а тѣмъ болѣе личностей, которыхъ было такъ много, что потребовались бы для описанія десятки страницъ, но изложу его въ справедливыхъ общихъ чертахъ.

Бой начался около 6 часовъ утра на нашемъ лѣвомъ флангѣ, и движеніе нашихъ войскъ впередъ совершалось подъ сильнымъ огнемъ непріятеля. Турецкія ядра и гранаты поражали насъ не только съ фронта и фланговъ, но четыре орудія, находившіяся на Караялѣ, стрѣляли намъ въ тылъ.

Нужно было дѣйствовать въ самомъ началѣ рѣшительно, и Тверской драгунскій полкъ открылъ эти дѣйствія блистательною атакой. Драгуны, предводительствуемые своимъ бригаднымъ командиромъ, графомъ Ниродомъ, и во-время поддержанные бѣлевцами, орлами налетѣли на главную батарею, сильно вредившую намъ, смяли прикрытіе и изрубили прислугу и построики.

Отъ такого неожиданнаго и молодецкаго натиска хотя произошло замѣшательство въ рядахъ непріятеля, но этого было недостаточно для полного разстройства турокъ. Нужно было повтореніе такой же смѣлой

и рѣшительной атаки, — и нижегородцы, одновременно съ пѣхотой, произведя дружное наступленіе, порѣшили дѣло съ непріателемъ, дѣйствовавшимъ въ превосходныхъ силахъ противъ нашего лѣваго фланга.

Турки дрогнули и начали отступать отъ Караяла въ то время, какъ гренадеры, послѣ огромныхъ потерь и неимовѣрныхъ усилій, осилили непріятельскій центръ. Эриванцы и грузинцы, съ тремя батареинными батареями, двинулись, впередъ, почти одновременно съ блестящей атакой тверцовъ. Имѣя передъ собой въ четыре раза, если не болѣе, сильнѣйшаго непріателя, они прокладывали себѣ путь не только подъ градомъ ядеръ, гранатъ, картечи и штуцерныхъ пуль, а на каждомъ шагу должны были отбиваться штыками отъ нападающаго на нихъ низама и кавалерійскихъ атакъ суварі. Но испытанная храбрость и стойкость взяли верхъ надъ многочисленностью турокъ. Они не устояли и побѣжали.

Оставался еще несмятымъ лѣвый непріятельскій флангъ. На немъ тоже шелъ неравный бой, потому что и тамъ турки были значительно сильнѣе насъ, а между тѣмъ дралась преимущественно кавалерія, и при томъ, за исключеніемъ Новороссійскаго драгунскаго полка, все иррегулярная. Пѣхоты же, какъ опоры въ бою, было сначала только два ряжскихъ баталіона и только по крайней необходимости были призваны туда два тульскихъ баталіона съ батареей полковника Десаже. Это былъ послѣдній нашъ пѣхотный резервъ, но, къ счастью нашему, онъ былъ призванъ на бой въ то время, когда нашъ центръ и лѣвый флангъ осиливали непріателя.

Около полудня обратился въ бѣгство и лѣвый непріятельскій флангъ, и тутъ-то показала свое удалство конно-мусульманская бригада, хватая плѣнныхъ во время преслѣдованія. Въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ ихъ не могло быть, потому что тамъ бой шелъ на смерть и что непріатель, уступая намъ поле битвы, не бѣжалъ, а отступалъ въ порядкѣ.

Изъ этого описанія въ общихъ чертахъ Кюрюкдаринскаго сраженія оказывается, что на нашемъ центрѣ лежала вся тяжесть боя и надежда на побѣду. Слони его турки, и славная побѣда обратилась бы для насъ въ полное пораженіе, потому что въ тылу нашемъ былъ Карсъ-чай, черезъ который не было отступленія. Однако штыки эриванцевъ и грузинцевъ, а также картечь гренадеръ-артиллеристовъ, предводимыхъ княземъ Барятинскимъ и Бриммеромъ, сломли непріателя. И дѣйствительно, эти генералы, по своей непоколебимой стойкости и мужественной распорядительности, были главными героями этого славнаго для насъ дня. Я называю ихъ главными, потому что съ ними въ рядъ слѣдовало бы поставить еще многихъ другихъ.

Изъ этого же описанія видно, что бой подъ Кюрюкдара имѣетъ нѣ-

которое сходство съ сраженіемъ Башкадыкларскимъ. Въ обоихъ этихъ сраженіяхъ бой начался на лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ, а окончился на правомъ флангѣ, и участь боя рѣшена пораженіемъ праваго фланга и центра непріятельскаго. Турки, будучи сильнѣе насъ втрое, вознамѣрились обойти насъ съ фланговъ и съ тыла, а потому растагнули свою боевую линію болѣе, чѣмъ на 8 верстъ; для противодѣйствія же имъ, заставили и насъ дѣйствовать разобщенно. При томъ, мы безъ надобности перестраивались въ виду непріятеля и даже подъ огнемъ его батарей. Тѣ же разобщенія и тѣ же перестроенія были и подъ Башкадыкларомъ. Турецкая регулярная кавалерія, сувары, дѣйствовала одинаково плохо, не поддерживая своевременно своими атаками прочія войска. Непріятельская пѣхота подъ Кюрюкдара дралась съ большою неустрашимостью; особенную же стойкость показали арабистанскіе баталіоны. Артиллеристы въ обоихъ этихъ сраженіяхъ одинаково были храбры и умирали при своихъ орудіяхъ, но не покидали ихъ.

Кюрюкдарское сраженіе и по результатамъ, и по потерямъ своимъ соотвѣтственно числу сражавшихся, имѣло сходство съ Башкадыкларскимъ. Въ нашихъ рукахъ осталось 15 орудій съ 16 зарядными ящиками, 2 знамя, 4 штандарта, 20 значковъ, множество оружія, барабановъ, музыкальныхъ инструментовъ и 2.018 плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ 2 штабъ-офицера и 84 оберъ-офицера. На полѣ сраженія осталось до 3.000 турокъ; общая же потеря ихъ простиралась до 10.000 человекъ; кромѣ того болѣе 12.000 башибузуковъ и курдовъ разбѣжались.

Наша потеря состояла изъ 4 штабъ-офицеровъ, 18 оберъ-офицеровъ и 578 нижнихъ чиновъ убитыхъ; генераль-маіора Кишинскаго, 9 штабъ-офицеровъ, 70 оберъ-офицеровъ и 1.879 нижнихъ чиновъ раненыхъ; сверхъ того болѣе 500 контуженныхъ. Потеря огромная, принимаемая во вниманіе, что съ нашей стороны дралось не болѣе 18.000 человекъ, что, по числу сражавшихся, какъ и подъ Башкадыкларомъ, составляетъ четвертую часть.

Несмотря на столь славную побѣду, она все-таки осталась безъ послѣдствій, потому что, по слабости нашихъ силъ, нельзя было двинуться къ Карсу.

Непріятельскій корпусъ, хотя потерпѣлъ поражение, однако не былъ до того разстроены, чтобъ не могъ оказать намъ сопротивленіе, укрѣпившись подъ стѣнами этой крѣпости и высотами, сильно укрѣпленными отдѣльными фортами и вооруженными орудіями большихъ калибровъ, какъ Карадахъ, Шорахъ и Чакмахъ. Если турки, изнуренные продолжительной блокадой и голодомъ, оказали мужественное сопротивленіе годъ спустя, когда мы были вдвое сильнѣе, то тѣмъ болѣе они могли дать намъ отпоръ послѣ Кюрюкдаринскаго сраженія, когда были все-

таки сильнѣ насъ. А потому нельзя порицать князя Бебутова въ томъ, что онъ не воспользовался побѣдой подъ Кюрюкдара и не двинулся по слѣдамъ непріятеля къ Карсу. Напротивъ, его нужно благодарить за то, что онъ былъ настолько благоразумно остороженъ и не увлекся побѣдой.

Между тѣмъ, нельзя было долѣе оставаться и на кюрюкдарской позиціи. Отъ множества разлагавшихся труповъ, не столько человѣческихъ, преданныхъ надлежащему погребенію, сколько лошадиныхъ, павшихъ тоже на полѣ брани, воздухъ былъ сильно зараженъ и тяжелъ. Въ окрестностяхъ же не было ни травы для фуражировокъ, ни дровъ для варенія пищи, потому что первая была выкошена, а изъ ближайшихъ селеній все дерево было вывезено и употреблено нами же для варенія пищи.

Замѣченныя опечатки въ статьѣ доктора Ильинскаго.

	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ.</i>
Февраль	Вертиловскій	Верниковскій.
Мартъ	Фотерь	Фатерь.
Апрѣль	Комбекъ	Камбекъ.

ЗА МНОГО ЛѢТЪ.

Воспоминанія неизвѣстнаго ¹⁾).

(1844—1884 г.).

Въ концѣ лѣта 1852 года, въ окрестностяхъ города Вознесенска (Херсонской губ.), состоялся Высочайшій смотръ войскъ. Это былъ послѣднй смотръ, произведенный императоромъ Николаемъ на югъ Россіи, и являлся какъ бы предвѣстникомъ близости войны.

Со всѣхъ концовъ обширнаго Новороссійскаго края были стянуты къ Вознесенску войска 5-го пѣхотнаго корпуса, который назывался тогда наблюдательнымъ корпусомъ. Въ то время во всей Новороссіи не существовало не только желѣзныхъ, но даже шоссеиныхъ дорогъ, а потому сосредоточеніе въ одномъ пунктѣ большой массы войскъ требовало не мало времени и было сопряжено съ значительными для казны расходами. Уже въ концѣ мая полки оставляли свои кантонирь-квартиры, при чемъ, направляясь въ Вознесенскъ иными частями войскъ приходилось для этого сдѣлать по нѣскольку сотъ верстъ.

На обширной равнинѣ, прилегающей къ Вознесенску, раскинулся громаднхъ размѣровъ лагерь; на протяженіи нѣсколькихъ верстъ тянулись стройныя линіи палатокъ, а позади ихъ въ строгой симметріи были устроены красивые досчатые, выбѣленные известью домики, въ которыхъ помѣщались кухни и цейхгаузы. Въ томъ же ряду, по указанному военнымъ начальствомъ плану, частные предприниматели воздвигали красивые досчатые дома, въ которыхъ устроились кофейни,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1894 г. февраль.

чайныя и рестораны для офицеровъ (полковыхъ офицерскихъ столовыхъ тогда не существовало). Въ этомъ лагерѣ, въ ожиданіяхъ и приготовленіяхъ къ царскому смотру, прожило почти все лѣто нѣсколько десятковъ тысячъ войска, и понятно, что какъ продовольствіе ихъ, такъ и устройство шеголеватаго лагеря стоило немалыхъ денегъ.

Въ Вознесенскѣ императоръ Николай Павловичъ пробылъ нѣсколько дней, посвящая все время осмотрамъ войскъ. Несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, государь выглядѣлъ вполне бодро, по нѣсколькимъ часамъ сряду не сходилъ съ коня, и тогда трудно было допустить, что черезъ какихъ-нибудь два съ половиною года онъ окончитъ свое земное поприще.

Смотръ былъ вполне удачный, хотя не обошелся безъ инцидента, о которомъ тогда много говорили. Когда полки проходили церемониальнымъ маршемъ предъ государемъ и очередь въ концѣ дошла до 5-го стрѣлковаго батальона, то изъ рядовъ его вышелъ одинъ солдатъ и, остановившись передъ императоромъ, очевидно хотѣлъ принести какую-то жалобу. Государь былъ изумленъ и разгнѣванъ при видѣ такого неслыханнаго нарушенія общепринятаго порядка и даже дисциплины. Гнѣвъ свой императоръ сперва излилъ на батальонномъ командирѣ, которому сдѣлалъ энергическій выговоръ за слабую дисциплину, а потомъ на виновномъ солдатѣ, котораго приказалъ арестовать и затѣмъ прогнать «сквозь строй» чрезъ три тысячи шпирютеновъ. Въ настоящее время это жестокое наказаніе не существуетъ въ войскахъ и отошло въ область преданій. Поэтому скажу нѣсколько словъ какъ о шпирютенахъ, такъ и вообще о тѣлесныхъ наказаніяхъ, примѣнявшихся въ то время въ войскахъ.

Учить и бить, бить и учить были тогда синонимами. Если говорили: поучи его хорошенько—это значило: задай ему хорошую трепку. Для ученія пускали въ ходъ кулаки, ножны, барабанныя палки и т. п. Сѣченіе розгами практиковалось сравнительно рѣже, ибо для этого требовалось болѣе времени и церемоній, тогда какъ кулакъ, барабанная палка и т. п. были всегда подъ руками. Били солдатъ прежде всего ихъ ближайшее начальство: унтеръ-офицеры и фельдфебеля, били также и офицеры. Капралы и фельдфебеля «дрались», такъ сказать, преемственно, по традиціи. Вѣдь ихъ тоже били несчетное число разъ, прежде чѣмъ они научились уму-разуму, и вотъ, когда наступала ихъ очередь учить другихъ, они практиковали надъ своими подчиненными приемы той же суровой школы, которую прошли сами.

Большинство офицеровъ того времени тоже бывали биты дома и въ школѣ, а потому били солдатъ изъ принципа и по убѣжденію, что иначе нельзя и что того требуетъ порядокъ вещей и дисциплина.

Особенно сурово и безсердечно обращались съ своими подчинен-

ними унтеръ-офицеры и фельдфебеля, предварительно прошедшіе курсъ ученія въ «палочной академіи», какъ тогда называли въ арміи учебныя кантонистскіе батальоны.

Вдоль выстроенной во фронтъ роты проходитъ такой «академистъ-фельдфебель» и останавливается передъ молодымъ солдатомъ.

— Ты чего насупился? Сколько разъ учить васъ, что начальству слѣдуетъ весело смотрѣть въ глаза!—кричитъ фельдфебель, сопровождая слова свои увѣсистою пощечиною.

Получивъ такое внушеніе, молодой солдатъ какъ-то жалостно щурить глаза, но это вовсе не удовлетворяетъ грознаго учителя.

— Веселѣй смотри! Веселѣй смотри, тебѣ говорятъ, истуканъ ты этакій! приказываетъ фельдфебель, продолжая наносить удары немѣющему «смотрѣть весело». Поучаемый солдатикъ таращитъ глаза на свое сердитое начальство, и губы его складываются въ какую-то болѣзненную гримасу, долженствующую изображать улыбку.

Довольный своимъ «ученьемъ» фельдфебель удаляется, а старый ветеранъ, съ тремя нашивками на рукавѣ, въ утѣшеніе своему молодому товарищу и сосѣду, говоритъ:

— Вотъ чтò значить, братъ, настоящая служба: бьютъ и плакать не дадутъ!...

Такія сцены были тогда явленіемъ обыденнымъ въ нашихъ армейскихъ полкахъ. Наказаніе шпицрутенами было самою суровою мѣрою взыскапія и допускалось не иначе, какъ по суду. Уже самое слово *шпицрутена* говорить, что этотъ родъ военной казни позаимствованъ нами отъ нашихъ сосѣдей культуртрегеровъ. Осужденнаго къ шпицрутенамъ выводили передъ строй, обнажали ему верхнюю часть тѣла до пояса, привязывали руки къ стволу ружья и, держа за его концы, вели осужденнаго *сквозь строй*, т. е. мимо выстроенныхъ по обѣимъ сторонамъ шествія солдатъ, вооруженныхъ шпицрутенами (изъ лозы). По мѣрѣ прохожденія осужденнаго вдоль рядовъ, каждый солдатъ ударялъ его съ розмаха шпицрутенюмъ по обнаженной спинѣ. Это и называлось «прогнать сквозь строй» или, какъ выражались тогда, «прогуляться по зеленой улицѣ». Меньше 250 ударовъ шпицрутенами, сколько я помню, не назначалось и нерѣдко гнали сквозь строй чрезъ 500, 750 и 1.000 шпицрутенювъ, а такъ какъ «зеленая улица» съ такимъ числомъ солдатъ оказывалась слишкомъ длинною, то обыкновенно для прогнанья сквозь строй наряжали 250 человекъ, и осужденному нерѣдко приходилось по нѣскольку разъ проходить вдоль «зеленой улицы», чтобы сполна получить назначенное число ударовъ. При исполненіи экзекуціи, кромѣ военнаго начальства, присутствовалъ и врачъ, и если онъ признавалъ опаснымъ для жизни осужденнаго продолженіе экзекуціи, то ее прекращали, и избитый поступалъ на излѣченіе въ ла-

заретъ, а затѣмъ, по выздоровленіи, надъ нимъ продолжали экзекуцію, пока осужденный не получалъ сполна назначенное ему по суду число ударовъ.

Прогнать сквозь строй черезъ три тысячи было почти равносильно осужденію на смерть, а потому въ умѣ читателя невольно возникаетъ вопросъ, чтоъ случилось съ приговореннымъ къ такому наказанію солдатомъ, провинившимся во время царскаго смотра подъ Вознесенскомъ. Онъ дѣйствительно былъ прогнанъ сквозь строй чрезъ 3 тысячи, но остался не только живъ, но и въ добромъ здоровьѣ. Дѣло въ томъ, что государь повелѣлъ смягчить наказаніе и прогнать сквозь строй лишь при иѣрво. Осужденнаго хотя и провели по «зеленой улицѣ», но шпирутены не били его, а только прикасались. Затѣмъ рядовой этотъ былъ переведенъ тѣмъ же званіемъ въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ 15-й дивизіи.

Вскорѣ, послѣ смотра подъ Вознесенскомъ распространились слухи о предстоящей войнѣ съ Турціей, а когда полкъ нашъ, возвратясь изъ Бессарабіи, расположился на зимнія квартиры, то у насъ было получено приказаніе сформировать команды хлѣбопековъ и приступить къ заготовленію большихъ запасовъ сухарей. Это распоряженіе было равносильно приказу готовиться къ войнѣ. Всю зиму полкъ нашъ былъ занятъ заготовленіемъ провіанта для себя и для провіантскаго вѣдомства, весною былъ уже поставленъ на военную ногу, а лѣтомъ 1853 года мы уже перешли рѣку Прутъ и вступили въ Придунайскія княжества.

Въ 1853 году Валахія и Молдавія не составляли одного цѣлаго, а были отдѣльными княжествами, управлялись своими господами и, считаясь вассальнымъ владѣніемъ Турціи, находились въ то же время подъ протекторатомъ Россіи. Поэтому оккупанція княжествъ нашими войсками не считалась еще фактомъ равносильнымъ объявленію войны, а была только угрозой Турціи. Пока сражались дипломаты и подготавливали грозу, мы цѣлые три мѣсяца мирно и спокойно прожили въ княжествахъ; наконецъ, громъ пушекъ подъ Исакчей возвѣстилъ начало военныхъ дѣйствій... Въ то время мы и не думали, что эти выстрѣлы были предвѣстниками продолжительной и тяжелой для насъ восточной войны. Не предвидѣли мы, что намъ придется имѣть дѣло не съ одними турками, но и съ французами, англичанами и итальянцами и что на придачу подгадить намъ другъ вашъ и союзникъ «австріакъ».

Во все время стоянки нашей въ княжествахъ жилось намъ хорошо и привольно. Цѣны на всѣ предметы потребленія были много ниже существовавшихъ тогда у насъ въ Россіи, а румыны, или какъ тогда обыкновенно называли, «молдоване» встрѣчали и обходились съ нами дружески. Я долженъ однако замѣтить, что этому обстоятельству много содѣйствовалъ презрѣнный медаль. За все мы платили довольно

щедро и при томъ не иначе, какъ звонкою монетою - золотомъ и серебромъ. Не такъ поступали впоследствии добрые австрійцы, когда, вытѣснивъ насъ изъ княжествъ, оккупировали ихъ своими войсками. Они рассчитывались съ населеніемъ австрійскими бумажными деньгами и наводнили ими княжества, несмотря на неудовольствіе и протестъ румынъ.

Уже въ то время общественная жизнь въ городскихъ поселеніяхъ княжествъ была очень развита. Огромное большинство горожанъ жило, можно сказать, на улицѣ. Многочисленныя таверны, кофейни, локанды, рестораны, трактиры, простыя кабаčky и казино были переполнены народомъ, проводившимъ въ нихъ часы своего досуга, а у румынъ (замѣчу кстати) этого досуга въ запасѣ всегда было съ избыткомъ. Здѣсь обсуждались общественныя дѣла, узнавались городскія и политическія новости, толковали о политикѣ и о всѣхъ вопросахъ дня.

Румынскія газеты расходились въ публикѣ весьма вяло, ибо мѣстная пресса существовала тогда въ зародышѣ. Но не поставимъ этого обстоятельства въ упрекъ румынамъ и вспомнимъ, что въ то время у нихъ великой протекторши, то-есть у насъ на Русіи-матушкѣ, число русскихъ газетъ можно было счесть по пальцамъ, да и какія это были газеты... Казино было центромъ, куда собирались болѣе достаточные и интеллигентные горожане. Тутъ между прочимъ можно было почитать иностранныя газеты: нѣмецкія, французскія, англійскія и проч. безъ всякихъ цензурныхъ выкроекъ и помарокъ. Впрочемъ, такое свободное обращеніе иностранныхъ газетъ продолжалось не долго, первые два-три мѣсяца, пока высшее управленіе княжествами не перешло на время въ наши руки. Тогда иностранныя газеты исчезли—ихъ замѣнили слухи, не рѣдко нелѣпыя и болѣею частью не въ пользу нашу. Замѣчательно, что тѣ же постоянные посѣтители разныхъ казино, люди спокойные и разсудительные, вѣрили этимъ слухамъ, тогда какъ еще недавно они не рѣдко весьма скептически относились къ разнымъ неблагоприятнымъ для насъ, русскихъ, свѣдѣніямъ, сообщаемымъ иностранными газетами. Но видно ужъ такова судьба репрессивныхъ мѣръ, что онѣ въ концѣ концовъ даютъ результаты противоположныя тѣмъ, какихъ ожидаютъ ихъ инициаторы.

Большая склонность румынъ къ публичной жизни служила къ сближенію и объединенію разныхъ слоевъ населенія, приучала его близко интересоваться общественными дѣлами и вопросами, а этимъ путемъ вырабатывалось въ обществѣ сознание въ необходимости самостоятельности и самопомощи; но эта склонность румынъ проводить свой досугъ внѣ дома и семьи имѣла и свою отрицательную сторону. Тратя много времени въ кофейняхъ, тавернахъ и казино, румыны посвящали свой досугъ не однимъ только общественнымъ дѣламъ и политикѣ, и тамъ

же съ большою страстью предавались азартнымъ играмъ. Едва-ли въ то время во всей Европѣ можно было найти страну, гдѣ страсть къ азартнымъ играмъ была бы такъ сильно развита, какъ въ городахъ Придунайскихъ княжествъ. Не мало и русскаго золота обращалось на игорныхъ столахъ, ибо среди нашихъ офицеровъ не было недостатка въ любителяхъ сильныхъ ощущенийъ.

Игорною лихорадкою заразились и наши нижніе чины, хотя среди нихъ азартныя игры строго преслѣдовались начальствомъ, но примѣръ старшихъ всегда заразителенъ!..

Народное образованіе въ княжествахъ находилось въ то время на очень низкомъ уровнѣ. Даже въ городахъ школъ было мало, а массы сельскаго люда, почти совершенно лашенныя школъ, прозябали въ полномъ невѣжествѣ, не въ меньшей степенѣ, какъ это было у насъ на Руси.

Румынское духовенство далеко не стояло на высотѣ своего призванія, и вліяніе его на своихъ прихожанъ было слабое. Не только въ городахъ, но и въ румынской деревнѣ невольно обращать на себя вниманіе индифферентизмъ прихожанъ къ религіи и интересамъ церкви. Многія деревенскія церкви поражали своей бѣдной обстановкой близкой къ убожеству. Какъ невѣжественно было сельское духовенство и какъ исполняло оно свою просвѣтительную миссію, можно было, между прочимъ, наглядно убѣдиться, встрѣчая въ иныхъ деревенскихъ церквахъ на стѣнѣ, близко отъ входныхъ дверей, картину, изображавшую адъ и писанную или, вѣрнѣе сказать, намалеванную масляными красками. Адъ переполненъ грѣшницами и грѣшниками, которыхъ мучать хозяева пекла — черти, примѣняя къ своимъ жертвамъ самыя безобразныя казни: жгутъ на огнѣ, кипятятъ въ смолѣ и вѣшаютъ за члены тѣла, наиболѣе грѣшившіе на земной юдоли. Само собою разумѣется, что въ такомъ жаркомъ помѣщеніи, какъ пекло, всѣ грѣшники и грѣшницы изображены въ одеждѣ Адама и Евы.

Вообще на картинѣ встрѣчалось не мало сценъ непристойнаго содержанія. И такую безобразную пачкотню румынское духовенство признавало полезнымъ помѣщать въ церкви для назиданія и устрашенія прихожанъ. Въ рядахъ нашихъ солдатъ было не мало людей глубоко-религіозныхъ и набожныхъ, и они никакъ не могли простить «молдованамъ» ихъ равнодушія къ религіи. Мнѣ не разъ приходилось слышать изъ устъ инаго ветерана разсужденіе въ родѣ слѣдующаго:

— И что онъ за человекъ есть, если свою, значить, бисеріку (церковь) не уважаетъ, парентія (священника) въ грошъ не ставитъ... а чуть въ сердцахъ, такъ ругаетъ такъ скверно, куда хуже нашего, сейчасъ вѣру и крестъ позорить.

О свободѣ румынскихъ женщинъ случалось мнѣ читать и слышать

много разсказовъ. По моему мнѣнію, общій недостатокъ ихъ — преувеличеніе. Среди городского населенія распущенность нравовъ дѣйствительно обращала на себя вниманіе наблюдателя, но въ массѣ сельскаго населенія (а Румынія была тогда, да и теперь остается, исключительно земледѣльческою страной) недостатокъ этотъ проявлялся въ несравненно меньшей степени, едва-ли въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ у другихъ народностей романской расы. Не слѣдуетъ также забывать, что въ первой половинѣ настоящаго вѣка Придунайскія княжества не разъ и при томъ на продолжительное время были наводняемы нашими войсками и что, кромѣ насъ, побывали тамъ турецкія и австрійскія войска, а такой наплывъ военнаго люда, обыкновенно не отличающагося строгой нравственностью, не могъ благопріятно вліять на нравы мѣстнаго населенія.

Во время стоянки нашихъ войскъ въ княжествахъ было не мало случаевъ, когда наши офицеры женились на румынкахъ, и онѣ оказывались хорошими женами и матерями. Приведу здѣсь случай, лучше другихъ сохранившійся въ моей памяти.

Полковникъ Гордъ—въ квартировалъ въ домѣ румынскаго бояра (дворянина), женатаго на молодой румынкѣ; она была настолько моложе своего мужа, человѣка преклонныхъ лѣтъ, что по своимъ лѣтамъ могла быть его дочерью. Г. познакомился съ хозяйкой дома, вскорѣ знакомство это перешло въ дружбу и окончилось тѣмъ, что румынка потребовала развода, а въ ожиданіи окончанія процесса покинула свой домъ и послѣдовала за Г. въ другой городъ, куда перешелъ полкъ, въ которомъ Г. былъ командиромъ баталіона. За тѣмъ когда начались военныя дѣйствія, подруга Г. раздѣляла съ нимъ неудобства лагерной и бивуачной жизни. Переодѣтая въ мужской костюмъ пажъ, эта женщина, привыкшая къ удобствамъ жизни и даже роскоши, довольствовалась бивуачной обстановкой и въ зимнее время порой ютилась въ камышовомъ балаганѣ, наскоро устроенномъ солдатами, доказывая не на словахъ, а на дѣлѣ, что съ милымъ рай и въ шалашѣ.

Начальство смотрѣло сквозь пальцы на присутствіе въ военномъ лагерѣ и бивуакахъ сомнительнаго пажъ, но начальство мирволило ужъ, конечно, не ради сочувствія и покровительства двумъ влюбленнымъ, а потому что Г. былъ родственникомъ высокопоставленнаго лица — одного изъ высшихъ начальниковъ войскъ, расположенныхъ въ княжествахъ, а потомъ дѣйствовавшихъ за Дунаемъ.

Случилось однажды, что кавалькада изъ десятка офицеровъ, въ числѣ которыхъ находился полковникъ Г., сопровождаемый своимъ нажемъ, проѣзжая вдоль берега Дуная, противъ турецкихъ береговыхъ укрѣпленій, была встрѣчена пушечными и ружейными выстрѣлами. Всадники подвигали лошадей въ галопъ, но, бывшій въ главѣ кавали-

*

кады, полковой командиръ спокойно продолжалъ ѣхать шагомъ, и всѣ должны были послѣдовать его примѣру и медленно проѣхать мимо турецкихъ батарей подъ выстрѣлами непріятельской артиллеріи и стрѣлковъ.

Полагали, что этотъ опасный променадь былъ устроенъ командиромъ изъ желанія припугнуть «смѣлую даму», но я долженъ сказать, что она вышла съ честью изъ этого испытанія, оставаясь также спокойною и безстрашною, какъ и ея спутникъ.

Полковникъ Г. былъ человекъ молодой и считался однимъ изъ выдающихся и способныхъ штабъ-офицеровъ, смѣло смотрѣвшихъ въ глаза смерти. Послѣ окончанія Силистрійской кампаніи, онъ перешелъ въ Крымскую армію, гдѣ командовалъ полкомъ, а потомъ въ чинѣ генерала—отдѣльнымъ отрядомъ и отличался въ битвахъ подъ Инкерманомъ и на Черной рѣчкѣ. И въ Крыму вѣрный пажъ не оставлялъ Г. и жилъ въ одной палаткѣ съ нимъ. Послѣ заключенія мира, Г. вышелъ въ отставку, женился на своей спутницѣ и, поселившись въ своемъ имѣніи, посвятилъ себя всецѣло сельской жизни и сельскому хозяйству, но жилъ онъ не долго.

Теперь скажу нѣсколько словъ о возрѣвнѣхъ тогдашнихъ представителей румынской интеллигенціи на оккупанію ихъ страны нашими войсками и на отношеніе въ будущемъ Россіи къ княжествамъ. Посѣщая разныя казино, чтобы почитать газеты и поиграть въ шахматы, я познакомился съ нѣсколькими молодыми румынами. Это были люди вполне интеллигентные, получившіе основательное образованіе у себя дома или же за границей; иные же изъ нихъ учились и въ нашихъ университетахъ. Мнѣ часто случалось бесѣдовать съ ними по разнымъ вопросамъ вообще и въ особенности объ отношеніяхъ нашихъ къ Придунайскимъ княжествамъ. Ихъ мнѣнія объ этихъ отношеніяхъ можно формулировать въ слѣдующемъ общемъ выводѣ. «Вселите въ насъ вашими дѣйствіями твердое убѣжденіе, что, занявъ вашими войскомъ княжества, вы не имѣете въ виду обратить ихъ при благоприятныхъ для васъ обстоятельствахъ въ вашу провинцію, гарантируйте намъ полную независимость и политическую самостоятельность, и мы, румыны, будемъ преданнѣйшими вашими друзьями, а въ случаѣ общности интересовъ и вѣрными союзниками».

Теперь Румынія достигла желаемой цѣли и стала самостоятельнымъ королевствомъ, и я полагаю, что въ этой странѣ найдется не мало интеллигентныхъ и вліятельныхъ людей, которые предпочтутъ дружбу Россіи опасному сближенію съ тройственнымъ союзомъ.

Въ моихъ воспоминаніяхъ я не имѣю въ виду описывать подробный и постепенный ходъ военныхъ событій, это дѣло историка, а я коснусь лишь нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ Силистрійской и Крымской кампаній, а теперь сдѣлаю оцѣнку качествъ солдатъ того времени.

Контингентъ полковъ дѣйствующей арміи вообще, а въ особенности 5 го пѣхотнаго корпуса, въ которомъ я служилъ, составляли старые служивые. Въ полкахъ состояло отъ 60 до 70 процентовъ солдатъ, прослужившихъ десять, пятнадцать, двадцать и двадцать пять лѣтъ. Все это былъ народъ крѣпко обстрѣлянный, побывавшій въ военныхъ экспедиціяхъ на Кавказѣ, испытавшій всѣ трудности и опасности горной войны, а потомъ сражавшійся на поляхъ Венгрии и Трансильваніи. Изъ своей продолжительной боевой жизни эти ветераны вынесли громадный опытъ къ перенесенію трудовъ. И теперь, при сокращенномъ срокѣ службы, русскій солдатъ при своей выносливости и нетребовательности стоитъ выше солдата любой арміи, но въ то время это первостепенное качество воина проявлялось въ высшей степени, особенно, если принять во вниманіе тогдашнія условія и обстановку. Вѣдь тогда у насъ не существовало желѣзныхъ дорогъ, пароходныхъ сообщеній, не было галетъ, консервовъ, составныхъ бивуачныхъ палатокъ, не было вообще тѣхъ удобствъ, которыя облегчаютъ теперь солдату перенесеніе трудовъ въ военное время.

Не разъ я былъ очевидцемъ и удивлялся способности стараго солдата приспособляться въ борьбѣ съ неудобствами бивуачной и походной жизни. Баталіоны нашего полка провели всю зиму 1853—1854 года на бивуакахъ, смѣняя поочередно другъ друга. Мѣсто бивуачной стоянки былъ островъ, образуемый Дунаемъ и его рукавами. Во время весеннихъ половодій островъ покрывался водой, а потому онъ густо поросъ высокимъ камышомъ, а въ иныхъ мѣстахъ и лѣсомъ; солдаты отлично воспользовались бывшимъ у нихъ подъ рукою матеріаломъ. Въ первый же день бивуака были устроены десятки балагановъ изъ камыша, представлявшихъ сносное убѣжище отъ стужи, вѣтра и непогоды; солдаты также сумѣли воспользоваться мхомъ, толстымъ слоемъ котораго были окутаны стволы деревьевъ, достигавшихъ нерѣдко 10 вершковъ въ діаметрѣ. Мохъ осторожно отдѣляли отъ деревьевъ цѣльными, большими кусками, и онъ замѣнялъ собою одѣяла и тулупы, а мелкій мохъ и сухія водяныя травы шли на подстилку.

Помню такой случай. Мнѣ поручена была команда—человѣкъ двадцать, съ которой я долженъ былъ занять ночной постъ у опушки лѣса надъ самой рѣкой. Намъ предстояло пробыть всю ночь на одномъ мѣстѣ, выставивъ часовыхъ на берегъ рѣки, для наблюденія за противоположнымъ берегомъ, гдѣ турки строили тогда укрѣпленіе. Погода была холодная, дулъ рѣзкій сѣверный вѣтеръ, а морозъ достигалъ нѣсколькихъ градусовъ; при такой погодѣ было не легко провести долгую зимнюю ночь, оставаясь на одномъ мѣстѣ. Но нашъ небольшой отрядъ состоялъ почти весь изъ ветерановъ, и они сумѣли устроиться, если не съ комфортомъ, то все же довольно удобно. Изъ снятаго съ деревьевъ мха

устроили они большое «гнѣздо», въ которомъ и улеглись головами къ центру; мохъ служилъ намъ и покрывкой. Часовыхъ, смѣняемыхъ поочередно, нарядили въ тулупы изъ того же матеріала, закутавъ имъ также и ноги. Ночь была ясная, ярко свѣтила луна, но даже самый зоркій и опытный глазъ не могъ бы замѣтить нашихъ часовыхъ, окутанныхъ съ головы до ногъ мхомъ и прислоненныхъ къ деревьямъ, съ которыми они составляли какъ бы одно цѣлое. О составныхъ бивуачныхъ палаткахъ, которыя теперь носить на себѣ солдаты, тогда и не мечтали, а когда въ мартѣ 1854 года войска наши перешли Дунай и двинулись форсированнымъ маршемъ вдоль берега, по направленію къ Силистріи, то во все время похода нашему отряду приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ, и только подъ Силистріей былъ устроенъ лагерь. Мы снимались съ бивуаковъ на разсвѣтѣ и только поздно ночью приходили къ мѣсту почлега, дѣлая переходъ отъ 30 до 35 верстъ. Усталыя послѣ продолжительнаго марша, проходя на позиціи, войска не находили даже топлива для костровъ. Приходилось себѣ устраивать ночлегъ на сырой землѣ, подъ открытымъ небомъ, а на дворѣ стоялъ мартъ довольно холодный и бурный. Однако опытные солдаты сьумѣли и тутъ кое-какъ приспособиться: они копали квадратныя ямы глубиной до двухъ аршинъ, клали туда бурьянъ и зажигали его, а затѣмъ выбрасывали золу и укладывались въ нагрѣтой ямѣ на ночлегъ. Но не всегда хватало силъ и охоты, послѣ тридцати-верстнаго перехода, копать ямы и собирать бурьянъ.

— Нынче постели грѣть не будемъ, — иронизировали солдаты, барская это затѣя, а станемъ мы спать по походному положенію: ложись, ребята, на животъ, спиной накройся и спи!....

Отсутствіе лагерныхъ палатокъ можно объяснить нежеланіемъ затруднять форсированный маршъ отряда присутствіемъ большаго обоза. Но трудно оправдать скудость пищи, какою должны были довольствоваться войска отряда генерала Лидерса во время форсированнаго марша до селенія Гроба-Чабанъ. На обѣдъ во время привала кашлица, скудно сдобренная свинымъ саломъ, а на ужинъ — похлебка изъ крупы съ запахомъ сала, а то и тюря изъ толченыхъ сухарей; и это послѣ тридцати-верстнаго перехода! Велика была выносливость и нетребовательность нашего стараго солдата; но и эксплуатировали это качество слишкомъ широко. Отъ казны требовалось все сполна, а если нѣкоторая часть сбережений, образовавшихся отъ такого скуднаго продовольствія, и поступала въ ротныя кормовыя суммы, то солдату отъ этого было не легче, ибо не даромъ говорить мудрость народная, что ложка нужна къ обѣду...

Вынужденный почти всю жизнь тянуть тяжелую ямку, солдатъ николаевскихъ временъ навсегда почти отрѣшался отъ своей семьи и роднаго села и жилъ казарменною жизнью. Неудобно одѣтый, часто

плохо накормленный, онъ выше всего ставилъ улучшение своего материальнаго быта. Старый солдатъ, хотя и распѣвалъ пѣсни, которыя ему сулили нереальныя блага, какъ наприимѣръ: «Богу храбрые угодны, — имъ награда въ небесахъ», на самомъ же дѣлѣ солдатъ всегда предпочиталъ, чтобы ему не сулили журавли въ небѣ, а дали бы синицу въ руки.

На одномъ переходѣ (это было у насъ на родинѣ, въ Крымскую войну) баталіонъ нашъ былъ встрѣченъ въ одной болгарской колоніи народомъ во главѣ съ духовенствомъ, которое окропило св. водою проходившіе мимо его ряды войска. Солдаты снимали шапки и набожно крестились, а когда баталіонъ миновалъ колонію, остановился недалеко на короткій отдыхъ, я слышалъ, какъ солдаты говорили: «Кремень этотъ народъ болгаре! Вѣдь такіе богатѣи и село преобладающее и что бы, кажись, имъ значило нашему брату, походному человѣку, какое ни на есть угощенье преподнести, а святую воду мы и у своего полковаго батюшки имѣть можемъ».

На другомъ переходѣ нѣмцы-колонисты добродушно вызвались везти ранцы на своихъ фургонахъ, и благодаря этой услугѣ, солдаты сдѣлали двадцати-верстный переходъ налегкѣ и, разумѣется, крѣпко благодарили колонистовъ.

— «Спасибо вамъ, говорили солдаты, что вы нашего брата добрымъ дѣломъ, а не одними поклонами провожаете»...

Старый солдатъ безропотно переносилъ труды и опасности, мирился съ самымъ требовательнымъ и строгимъ начальствомъ, лишь бы оно заботилось объ улучшеніи его быта. Въ этомъ отношеніи особенно добрую память оставилъ по себѣ бывший главнокомандующій войсками въ Крыму, покойный князь Горчаковъ. Благодаря его неотступнымъ заботамъ, войска, защищавшія Севастополь и его окрестности, получали такую хорошую пищу, о какой солдаты и не помышляли въ Силистріи-скомъ походѣ, когда подчасъ приходилось довольствоваться тюрей изъ сухарей, сомнительной доброкачественности. Я помню два куплета стиховъ, посвященныхъ этимъ сухарямъ и главному интенданту Затлеру:

А Затлеръ генералъ
 Сухарики доставлялъ
 Больно хороши! больно хороши!
 Онъ изволилъ приказать
 Намъ, чтобъ діету соблюдать.
 Брюхо заболить, брюхо заболить!...

Впослѣдствіи въ Крыму, главнокомандующій князь Горчаковъ распорядился, чтобы при приѣмѣ сухарей въ войска не стѣсняться въ браковкѣ ихъ, и полки широко пользовались этимъ правомъ.

Если солдатъ въ то время былъ одѣтъ неудобно, то вооруженіе его было еще хуже. На головѣ носили каску, которая на парадахъ и разводахъ способна была производить эффектъ на зрителя, но въ военномъ отношеніи оказывалась совершенно непрактичною. Сдѣланная изъ лакированной кожи въ формѣ котелка, съ гербомъ, шишакомъ и чешуей изъ желтой мѣди, каска эта въ жаркое время года сжимала голову, точно въ горячихъ тискахъ, а зимою не представляла защиты отъ стужи. Аммуниція была тяжелая, а ружье было пригодно лишь для рукопашнаго боя, а какъ огнестрѣльное оружіе оказывалось безсильнымъ противъ нарѣзныхъ ружей и являлось главною причиною нашихъ неудачъ въ битвахъ съ союзниками, которые безнаказанно разстрѣливали ряды нашихъ солдатъ, прежде чѣмъ допустить ихъ на близкое разстояніе, когда огонь и нашихъ гладкоствольныхъ ружей могъ быть дѣйствительнымъ. Французскіе офицеры такъ выражались объ атакахъ нашихъ солдатъ: «Они шли неудержимо впередъ, съ силою и быстротою все ниспровергающей на пути своемъ снѣжной лавины»...

Но что въ томъ толку, если эта лавина, прежде чѣмъ достигнуть конечной цѣли, такъ быстро таяла подъ огнемъ дальнестрѣльныхъ ружей, какъ таетъ снѣгъ на іюльскомъ солнцѣ...

Вооруженный сквернымъ ружьемъ, тогдашній солдатъ сражался мужественно и стойко и, если не достигалъ желаемаго результата, то онъ по совѣсти могъ сказать: «не моя въ томъ вина».

Въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятихъ годовъ, главный контингентъ офицеровъ въ арміи составляли дворяне потомственные, затѣмъ уже слѣдовали личные дворяне или, какъ ихъ тогда называли, оберъ-офицерскія дѣти, причѣмъ потомственныхъ дворянъ насчитывалось приблизительно до 50, а личныхъ до 35 процентовъ, а остальные 15% составляли офицеры, выслужившіеся изъ нижнихъ чиновъ, податныхъ сословій (или, какъ говорили тогда официально, изъ «сдаточныхъ»), а на приватномъ языкѣ у офицеровъ въ общезитіи они были извѣстны подъ названіемъ «бурбонскъ»,—оскорбительная кличка, характеризующая нравы того времени, когда сословная обособленность была еще такъ велика.

По образовательному цензу, офицеровъ въ армейскихъ полкахъ можно было приблизительно распределить на три категоріи, а именно: 1) 10 процентовъ окончившихъ университетъ, лицей и спеціальные курсы кадетскаго корпуса. 2) До 30 проц. окончившихъ общеобразовательный курсъ наукъ въ кадетскихъ корпусахъ и гражданскихъ гимназіяхъ. 3) 60 процентовъ недоучекъ разныхъ средне-учебныхъ заведеній, окончившихъ уѣзное училище, кантонистскую школу, частный пансіонъ, съ домашнимъ образованіемъ и проч. Замѣчу при этомъ, что въ многихъ полкахъ процентное отношеніе между первыми двумя кате-

горіями и третьей было еще менѣе выгодно, и число офицеровъ съ низкимъ образовательнымъ цензомъ достигало до 80%. Общая сумма требованій, предъявляемая въ то время къ офицерамъ арміи, была невелика и обыкновенно не шла далѣе хорошаго знанія строевыхъ уставовъ и всякой муштры. Съ этимъ знаніемъ, усердіемъ къ службѣ и умѣніемъ приспособляться ко всякому начальству можно было съ успѣхомъ подвигаться впередъ по служебной лѣстницѣ и дослужиться даже до генеральскаго чина, не обременивъ предварительно въ школѣ свой умъ разными хитрыми науками. Впрочемъ, я долженъ замѣтить, что императоръ Николай весьма поощрялъ молодыхъ людей, окончившихъ университетъ или лицей и желавшихъ посвятить себя военному дѣлу. Всѣ они пользовались правомъ производства въ первый офицерскій чинъ чрезъ шесть мѣсяцевъ со дня поступления на службу,—привилегія не слыханная въ наше время.

Во времена императора Николая практиковался довольно оригинальный родъ наказанія для проштрафившихся гвардейскихъ офицеровъ: ихъ ссылали въ армейскіе полки тѣмъ же чиномъ. Такимъ образомъ, служба въ арміи какъ бы принижалась, между тѣмъ назначеніе какъ гвардіи, такъ и арміи, одно и то же — защита государства. Предъ началомъ Силістрійской кампаніи были высланы въ войска, расположенныя въ княжествахъ, нѣсколько десятковъ гвардейскихъ офицеровъ, но не въ наказаніе, а въ видѣ почетной командировки для усиленія контингента офицеровъ въ арміи. Одни изъ этихъ офицеровъ поступили въ полкъ и тамъ усердно тянули военно-походную лямку армейскихъ офицеровъ, какъ напримѣръ нынѣшній военный министръ Ванновскій, бывшій въ нашемъ полку ротнымъ, а потомъ баталіоннымъ командиромъ, а другіе прикомандировывались къ разнымъ штабамъ и вообще пристраивались тамъ, гдѣ скорѣе и удобнѣе можно было выдвинуться впередъ по службѣ и отличиться. Впрочемъ, не однихъ только этихъ гвардейскихъ офицеровъ можно было упрекнуть въ слишкомъ усердной погонѣ за отличіями. Вообще въ арміи среди офицеровъ всѣхъ родовъ оружія встрѣчались субъекты больные «маніей отличій». Этого рода маніаки готовы были при первой возможности сами создать случай для удовлетворенія своей страсти къ отличіямъ. Подкрѣплю мои слова примѣромъ. Нашъ баталіонъ назначенъ былъ по устройству береговыхъ батарей на мѣстѣ, гдѣ предполагалась переправа нашего войска чрезъ Дунай. Работы производились нашими солдатами подъ руководствомъ саперныхъ офицеровъ и ближайшимъ надзоромъ десятка нижнихъ чиновъ саперъ. Густой камышъ скрывалъ наши работы отъ глазъ непріятеля и, благодаря этому обстоятельству, возведеніе укрѣпленія шло очень успѣшно и безъ малѣйшей потери съ нашей стороны. Когда оставалось очень не много, чтобы закончить работы, саперный офи-

церъ предложилъ командиру баталіона разставить впереди стрѣлковъ (штуцерныхъ) и открыть огонь по непріятельскому укрѣпленію на противоположномъ берегу рѣки. Командиръ возразилъ, что эта бесполезная перестрѣлка откроетъ наше присутствіе непріятелю, который выстрѣлами своихъ орудій и стрѣлковъ можетъ причинить вредъ людямъ, оканчивающимъ работы батарей.

— Но за то мы окончимъ укрѣпленіе подъ огнемъ и будемъ имѣть право на отличіе, возразилъ старшій саперный офицеръ.

Но командиръ баталіона имѣлъ совершенно иной взглядъ на подобнаго рода подвиги. Онъ отказался наотрѣзъ исполнить желаніе сапернаго офицера и отказъ свой высказалъ, какъ и слѣдовало, въ рѣзкой формѣ протеста, общій смыслъ котораго былъ таковъ. что хотя слава и бьетъ въ голову не хуже шампанскаго (саперъ этотъ частенько бывалъ въ куражѣ, иначе «съ мухой»), но жизнь людей не то, что деньги, которыя иные привыкли бросать на вино. Приводя этотъ фактъ, я не имѣлъ въ виду обличенія, а потому не называю ни имени, ни мѣста дѣйствій, но тѣмъ, не, менѣе фактъ безусловно вѣрный. Такимъ образомъ на этотъ разъ погоня за отличіемъ ограничилась только лишь скандаломъ, а случилось, что эта манія оканчивалась кровавой развязкой съ сотнями жертвъ.

Когда въ апрѣлѣ нашъ отрядъ подъ начальствомъ Лидерса прибылъ къ Гирсову, то здѣсь былъ наведенъ наливной мостъ, соединившій оба берега Дуная. Подъ Гирсовымъ осматривалъ нашъ отрядъ главнокомандующій свѣтлѣйшій князь Паскевичъ. Войско стояло развернутымъ фронтомъ безъ ружей и аммуниціи, въ одѣхъ шинеляхъ. Нашъ баталіонъ стоялъ въ концѣ линіи фронта, и я своей особой замыкалъ его ряды, то-есть былъ послѣднимъ съ краю. Главнокомандующій, пройдя по фронту, остановился подлѣ меня и оперся на мое плечо, положивъ на него обѣ руки, затѣмъ обратился къ генералу Лидерсу съ нѣсколькими незначущими вопросами, наконецъ спросилъ:

— Гдѣ генералъ Непокойчицкій.

— Онъ занятъ въ обозѣ, ваша свѣтлость, — отвѣтилъ Лидерсъ. Князь Паскевичъ сдвинулъ брови, и съ устъ его сорвалось презрительно и протяжно сказанное слово: «М-а-ль-чиш-ка!»

Замѣчу, что въ то время этому «м а л ь ч и ш к ѣ» было около 35 лѣтъ; онъ состоялъ начальникомъ штаба 5-го пѣхотнаго корпуса въ чинѣ генераль-лейтенанта и въ званіи генераль-адъютанта. Паскевичъ питалъ нерасположеніе къ Непокойчицкому еще со времени венгерской войны, когда составленный этимъ генераломъ планъ кампаніи былъ одобренъ государемъ предпочтительно предъ планомъ, составленнымъ въ штабѣ Паскевича генераломъ Фрейтагомъ.

Вообще свѣтлѣйшій не стѣснялся высказывать въ рѣзкихъ выра-

женіяхъ свое неудовольствіе разнымъ высокопоставленнымъ военно-начальникамъ. Такъ, при осмотрѣ наплывнаго моста у Гирсова, онъ отозвался о немъ неодобрительно и въ заключеніе выразилъ свое неудовольствіе въ слѣдующей лаконической фразѣ:

— «За этотъ мостъ—ядро на шею и подъ мостъ!..»

Говоря о покойномъ фельдмаршалѣ Паскевичѣ, бывшемъ въ такой великой силѣ и милости у императора Николая, кстати приведу здѣсь рассказъ князя Ур—ва о случившемся съ нимъ инцидентѣ въ Варшавѣ.

Полковникъ князь У. командовалъ нашимъ небольшимъ отрядомъ, расположеннымъ близъ города Браилова на островѣ Дуная; отрядъ этотъ охранялъ прибрежныя укрѣпленія и находившуюся на нихъ левую и осадную артиллерію.

Былъ канунъ дня, назначеннаго для форсированной переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай, и на охраняемыхъ нами укрѣпленіяхъ все было уже готово, чтобы съ наступленіемъ дня открыть усиленную канонаду по турецкимъ укрѣпленіямъ. Темная мартовская ночь давно уже опустилась на землю, но, въ ожиданіи важныхъ событій завтрашняго дня, намъ не спалось... Офицерскій костеръ не потухалъ, на огнѣ шипѣли походные чайники, офицеры пили чай, и шла оживленная беседа, въ которой принималъ участіе и князь У. Говорили о минувшихъ и предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ, объ угрозахъ западныхъ державъ и наконецъ перешли къ оцѣнкѣ главныхъ военныхъ начальниковъ. Когда зашла рѣчь о фельдмаршалѣ Паскевичѣ, князь У. для характеристики свѣтлѣйшаго рассказалъ слѣдующій случай.

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я былъ посланъ государемъ императоромъ изъ Петербурга въ Варшаву съ важной депешей на имя намѣстника. Немедленно по прибытіи въ Варшаву, я отправился во дворецъ, гдѣ и потребовалъ, чтобы обо мнѣ доложили свѣтлѣйшему, какъ о посланномъ государя. Это происходило днемъ. Старый слуга камердинеръ, которому было передано мое желаніе, сказалъ мнѣ, что свѣтлѣйшій теперь отдыхаетъ и что въ это время беспокоить его нельзя.

Я указывалъ на необходимость быть принятымъ немедленно, и камердинеръ, видимо недовольный моею настойчивостью, сказалъ:

— Я не стану беспокоить теперь свѣтлѣйшаго, пробуйте сдѣлать это сами!..

Тонъ, какимъ были сказаны эти слова, подзадорилъ меня, и я, зная важность даннаго мнѣ порученія, направился въ кабинетъ намѣстника. Онъ лежалъ на софѣ, и едва я показался въ дверяхъ, фельдмаршалъ оглянулся и, приподнявшись, сталъ торопливо осматриваться вокругъ себя, какъ бы ища чего-то.

— Гдѣ мой костыль? Костыль гдѣ? Какъ смѣлъ явиться безъ доклада! Прочь отсюда!..

Озадаченный такимъ приемомъ, я поспѣшно ретировался, а въ догонку мнѣ полетѣлъ сапогъ со шпорой и посыпался цѣлый градъ ругательствъ. Мнѣ оставалось только поскорѣе оставить дворецъ, чтó я и сдѣлалъ. Вскорѣ по прибытіи моемъ въ гостиницу, въ которой я остановился, пріѣхалъ ко мнѣ начальникъ штаба князь Горчаковъ, принялъ отъ меня по приказанію намѣстника депеши и тутъ сообщилъ мнѣ, что по распоряженію свѣтлѣйшаго, я долженъ немедленно выѣхать обратно въ Петербургъ; затѣмъ меня усадили въ повозку и, подъ конвоемъ двухъ жандармовъ, вывели за заставу. Едва я успѣлъ вернуться въ столицу, какъ немедленно былъ посаженъ на гауптвахту на двѣ недѣли.

Оказалось, что еще до возвращенія моего, государь получилъ отъ намѣстника депешу, въ которой было сказано:

«Посланный Вашимъ Императорскимъ Величествомъ съ депешами ко мнѣ князь У., въ единственный часъ дня, когда я даю покой усталымъ на службѣ Вашего Величества косямъ моимъ, позволилъ себѣ войти безъ доклада и потревожить меня».

Фельдмаршалъ князь Варшавскій, графъ Паскевичъ-Эриванскій началъ свою военную карьеру еще при Павлѣ Петровичѣ, а ко времени Силистрійской кампаніи 1854 года былъ уже близокъ къ концу своего земнаго поприща. Будучи весьма преклонныхъ лѣтъ, фельдмаршалъ не могъ уже проявлять той энергіи и рѣшительности, которая требуется отъ главнокомандующаго. Этимъ обстоятельствомъ, а также неблагоприятнымъ ходомъ для насъ политическихъ событій объясняются колебаніе, медленность и нерѣшительность въ военныхъ операціяхъ нашихъ за Дунаемъ и при осадѣ Силистріи. Въ арміи ходили тогда слухи, что свѣтлѣйшій въ принципѣ былъ противникомъ начавшейся войны, признавая ее неблагоприятной.

Послѣ Гирсова я видѣлъ свѣтлѣйшаго только одинъ разъ во время рекогносцировки къ селенію Килипетри подъ Силистріей. Это была грандіозныхъ размѣровъ рекогносцировка, въ которой участвовали до 32 баталіоновъ пѣхоты, столько же эскадроновъ кавалеріи съ соответствующимъ числомъ артиллеріи, подъ личнымъ предводительствомъ фельдмаршала. Пока войска дѣлали фланговые движенія, фельдмаршалъ ѣхалъ въ своихъ старосвѣтскихъ дрожкахъ, запряженныхъ четверкой лошадей, но, когда завязалась перестрѣлка съ непріателемъ, главнокомандующій сѣлъ на коня и, сопровождаемый своимъ конно-мусульманскимъ конвоемъ, проѣхалъ по линіи войскъ. Вскорѣ онъ остановился на одномъ возвышеніи, откуда видны были укрѣпленія Силистріи. Надъ полкъ стоялъ тутъ же на склонѣ этой возвышенности, а баталіонъ, въ которомъ я служилъ, прикрывалъ батарею, которая снялась съ передковъ и открыла огонь по укрѣпленіямъ. Нѣсколько правѣе и не далѣе

двадцати-пяти шаговъ отъ насъ сидѣлъ на конѣ фельдмаршалъ и не перемѣнялъ мѣста, хотя непріятельскія ядра пролетали надъ нами въ отвѣтъ на выстрѣлы нашей артиллеріи. Впереди происходила кавалерійская стычка, и вскорѣ къ фельдмаршалу подѣхалъ кавалерійскій вахмистръ, держа въ рукахъ турецкое знамя, взятое имъ съ бою. Паскевичъ потребовалъ солдатскій георгіевскій крестъ и собственноручно надѣлъ его на браваго вахмистра. Между тѣмъ выстрѣлы все учащались, а такъ какъ мѣстность была пересѣченная, то непріятель бросалъ свои снаряды навѣсно. Вдругъ одно изъ брошенныхъ такимъ образомъ турецкихъ ядеръ упало возлѣ главнокомандующаго. Въ свѣтъ произошло смятеніе, послышались голоса: «свѣтлѣйшіи контужень! Доктора, доктора скорѣе!»

Фельдмаршала ссадили съ коня. Первымъ на помощь явился нашъ баталіонный врачъ, еще молодой человѣкъ, недавно выпущенный изъ академіи. Послѣ перваго осмотра, онъ началъ успокаивать фельдмаршала, что это «н и чего»; въ отвѣтъ на это получилъ «дурака» и требованіе прислать болѣе опытнаго врача. Опытные врачи не замедлили явиться, констатировали серьезную контузію, предписали абсолютное спокойствіе и, усадивъ фельдмаршала въ дрожки, увезли его въ главную квартиру. Почти вслѣдъ затѣмъ и войска возвратились въ лагерь.

Таковъ былъ послѣдній дебютъ на боевомъ поприщѣ фельдмаршала князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго, одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ полководцевъ первой половины XIX вѣка, вождя весьма талантливаго и еще болѣе счастливаго. Вскорѣ послѣ описанной мной рекогносцировки фельдмаршалъ сдалъ командованіе арміей князю Горчакову, а затѣмъ, спустя нѣкоторое время, выѣхалъ въ предѣлы Россіи и уже болѣе не принималъ активнаго участія въ восточной войнѣ.

Послѣ долгихъ остановокъ отрядъ нашъ наконецъ приблизился къ Силистріи. На одномъ изъ послѣднихъ переходовъ происходила стычка съ непріятельской кавалеріей, которая вскорѣ отступила, оставивъ на мѣстѣ битвы до 20 убитыхъ. Нашему полку первому пришлось проходить поле, гдѣ происходила стычка, и старые солдаты, замѣтивъ, что почти всѣ убитые турки лежали, обращенные къ намъ лицомъ, говорили, что это недобрый знакъ и что намъ придется отступать. Когда я спросилъ одного ветерана, на чемъ основано такое повѣрье, онъ сказалъ:

— Знаменіе такое есть издавна и идетъ оно не отъ насъ грѣшныхъ. Дѣды и прадѣды наши въ это вѣрили и намъ приказали.

Когда мы отступили отъ Силистріи, я вспоминалъ слова ветерана, но его уже не было въ нашихъ рядахъ, онъ сложилъ свою посѣдѣвшую въ бояхъ голову на несчастномъ штурмѣ Арабъ-Табіи....

Подъ Силистрію мы подступали въ боевомъ порядкѣ. Былъ прекрасный майскій день, ярко свѣтило солнце, зеленѣли поля и нивы и съ нашего высокаго берега далеко виднѣлась долина Дуная. Но намъ было не до пейзажей, такъ какъ въ тотъ же день предполагалась возможность штурма передовыхъ укрѣпленій Силистріи. Мы приблизились къ укрѣпленіямъ и вошли въ ливію ихъ огня, были готовы на всякій случай и штурмовыя команды, но вскорѣ къ генералу Лидерсу прибылъ посланный отъ главнокомандующаго съ приказаніемъ отступить и расположиться на бивуачныхъ позиціяхъ.

Въ началѣ закладка первой параллели какъ-то намъ не давалась: то турки помѣшаютъ, то свои своихъ не узнаютъ и открываютъ пальбу—убиваютъ своихъ, всполошатъ непріятеля. Наконецъ закладка параллели была поручена генералу П. Е. Коцебу, который выбралъ нашъ полкъ для прикрытія первыхъ осадныхъ работъ. Какъ только стемнѣло, мы осторожно стали подступать къ турецкимъ укрѣпленіямъ. Безшумно подвигались мы небольшими колоннами, не стучали колеса орудій, не слышно была топота лошадей, хотя артиллерія шла съ нами рядомъ въ интервалахъ между колоннами. Вотъ мы идемъ, идемъ все впередъ въ темное пространство, и этотъ маршъ кажется намъ безконечнымъ. Мы останавливаемся на короткое время и узнаемъ, что на мѣстѣ нашей остановки начнутся осадныя работы, и мы, какъ прикрытіе, идемъ далѣе и удваиваемъ осторожность. Тамъ внизу, на островѣ Дуная, виденъ огонь костровъ; это сигнальные огни, и на ихъ параллели мы останавливаемся.

Тысячи людей ложатся на землю, чтобы провести здѣсь всю ночь, въ ежеминутномъ ожиданіи встрѣчи съ непріятелемъ, противъ котораго намъ приказано дѣйствовать только холоднымъ оружіемъ...

На турецкихъ укрѣпленіяхъ изрѣдка мерцали огоньки, слышался порой лошадиный топотъ, а потомъ опять наступала полная тишина; только съ нашихъ батарей, устроенныхъ на островѣ Дуная, происходила бомбардировка Силистріи. Ночь эта, казалось намъ, длилась безъ конца. Предъ разсвѣтомъ взошла луна, и мы думали, что присутствіе наше будетъ замѣчено турками, но мертвая тишина царила кругомъ, а сѣрую массу нашихъ солдатъ трудно было отличить, даже при лунномъ свѣтѣ, отъ земли, на которой они лежали. Но луна не безпокоила насъ долго, она спряталась за тучи, и все погрузилось въ прежній мракъ. Къ нашему ротному командиру не слышно подползаетъ солдатъ и докладываетъ, изъ секретнаго нашего поста, залегшаго впереди, что не вдалекѣ оттуда видна пара турецкихъ часовыхъ, одинъ изъ нихъ спитъ, а другой куритъ трубку, а ружье въ сторонѣ лежитъ—можно его захватить. Солдатъ получаетъ строжайшее внушеніе отнюдь не без-

поконть турокъ, и съ наступленіемъ разсвѣта секретный постъ обязанъ присоединиться къ ротѣ.

Съ первымъ проблескомъ зари мы начали отступать и вскорѣ остановились въ готовыхъ уже траншеяхъ. Совсѣмъ разсвѣло, и на турецкихъ укрѣпленіяхъ была замѣтна суматоха. Очевидно, турки были удивлены, видя предъ собой длинный рядъ траншей, точно изъ-подъ земли выросшихъ въ одну ночь. Наша артиллерія открыла огонь, завязалась канонада, но мы уже возвращались въ лагерь на отдыхъ, который вполне заслужили: первая параллель была заложена безъ выстрѣла, безъ малѣйшихъ потерь съ нашей стороны.

Такъ началась осада Силистріи, длившаяся слишкомъ долго, окончившаяся безрезультатно по причинамъ, отъ арміи не зависящимъ.

Самымъ выдающимся эпизодомъ въ этой осадѣ былъ штурмъ укрѣпленія Арабъ-Табія, а потому я поговорю объ этомъ эпизодѣ подробнѣе.

Въ ночь съ 16 на 17 мая турки сдѣлали вылазку и произвели нападеніе на правый флангъ нашихъ осадныхъ работъ, но были отбиты съ урономъ. Дежурный по траншеямъ дивизіонный генералъ Сельванъ, предполагая, что турки, сдѣлавъ нападеніе на нашъ правый флангъ, могли ослабить свои силы, расположенныя противъ нашего лѣваго фланга, гдѣ находилась Арабъ-Табія, рѣшилъ атаковать это турецкое укрѣпленіе и взять его штурмомъ. Такое рѣшеніе являлось не только неожиданнымъ для нашихъ войскъ, расположенныхъ въ траншеяхъ, но и для самого главнокомандующаго князя Паскевича. Въ арміи, осаждавшей Силистрію, сложилось убѣжденіе, что инициатива этого штурма принадлежитъ не Сельвану, а его совѣтникамъ. Но какъ бы то ни было, штурмъ состоялся и окончился весьма печально. Первый баталіонъ нашего полка стоялъ въ эту памятную ночь въ дежурномъ резервѣ, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы прикрывать лѣвый флангъ нашихъ траншей и охранять ихъ отъ внезапнаго нападенія непріятеля. Часть ночи нашъ баталіонъ провелъ спокойно, но вдругъ къ баталіонному командиру явился артиллерійскій офицеръ и передалъ приказаніе дежурнаго по траншеямъ генерала Сельвана немедленно вести баталіонъ на штурмъ Арабъ-Табіи. Какъ ни казалось неожиданнымъ это приказаніе, оно было исполнено съ точностью и хладнокровіемъ, присущимъ испытанному въ бояхъ войску. Ночь была темная, и подъ ея прикрытіемъ баталіонъ нашъ въ ротныхъ колоннахъ быстро направился къ Арабъ-Табіи и вскорѣ былъ на краю его контръ-эскарпа. Ровъ оказался глубокимъ, а за нимъ подымался высокій валъ; штурмовыхъ лѣстницъ при баталіонѣ не было, по той простой причинѣ, что онъ имѣлъ свое специальное назначеніе охранять лѣвый флангъ траншей и потому вовсе не готовился къ штурму. Тѣмъ не менѣе солдаты, предводимые своими офицерами, бодро лѣзли на приступъ, имѣя во главѣ баталіоннаго

командира подполковника Гладыша. Онъ первый показался на неприятельскомъ валу, но, получивъ по головѣ ударъ баникомъ, былъ сброшенъ въ ровъ, но уже нѣсколько десятковъ нашихъ храбрецовъ вскочили въ укрѣпленіе и начали тѣснить турокъ отъ орудій, и завязался рукопашный бой.... Опомнившись отъ удара, подполковникъ Гладышъ, не имѣя силъ подняться на верхъ, поощрялъ солдатъ, приказывая имъ копать лѣсенки штыками и слѣзить на помощь товарищамъ. Еще десять минутъ, и большая часть баталіона была бы въ Арабъ-Табіи. Однако вышло иначе.

Почти одновременно съ появленіемъ нашихъ первыхъ рядовъ на вершинѣ бруствера Арабъ-Табіи послышался съ правой стороны этого укрѣпленія страшный шумъ и крики «ура!». Это другой отрядъ нашъ атаковалъ Арабъ-Табію, и тогда же по всей линіи осадныхъ работъ началась сильнѣйшая и безтолковѣйшая пальба. Вскорѣ съ нашей стороны послышались звуки рожковъ, взывающихъ къ отступленію. Трудно было разобраться въ этомъ хаосѣ, но горнисты все чаще и чаще повторяли сигналъ отступленія, наконецъ со стороны нашихъ траншей явственно послышались голоса: «назадъ! назадъ!» Тогда подполковникъ Гладышъ отдалъ приказаніе отступать. Бывшіе въ укрѣпленіи солдаты бросились внизъ и всѣ слѣзили отступать. Ободренные нашимъ внезапнымъ отступленіемъ, турки бросились къ брустверу и открыли сильнѣйшій ружейный и пушечный огонь по отступающимъ нашимъ ротамъ, которыя вмѣсто того, чтобы спастись, вразсыпную, отступали сплошнымъ строемъ и несли чрезъ то большія потери. Много тутъ легло нашихъ солдатъ, и былъ смертельно раненъ пулями подполковникъ Гладышъ. Еще худшая участь постигла отрядъ штурмовавшихъ другую часть Арабъ-Табіи. Какой тамъ царствовалъ хаосъ и сумятица, можно судить ужъ изъ того, что даже трупъ убитаго генерала Сельвана остался на мѣстѣ отступленія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что генералъ Сельванъ не долженъ былъ безъ вѣдома главнокомандующаго рѣшать вопросъ о штурмѣ. Однако, я долженъ сказать, что моментъ для штурма былъ выбранъ удачно: ночь была благоприятна для этого и, при появленіи передовыхъ рядовъ нашего баталіона, Арабъ-Табія не казалась сильна гарнизономъ и, разъ штурмъ былъ начатъ, его слѣдовало поддержать. Очень вѣроятно, что одинъ нашъ баталіонъ, часть котораго проникла въ Арабъ-Табію, могъ бы овладѣть ею, если бы не получилъ приказаніе отступать. Общая потеря нашего баталіона въ эту ночь убитыми, ранеными и контуженными составляла до 25 процентовъ всего наличнаго состава и простиралась до двухсотъ человекъ, но изъ этого числа только одна десятая часть потеряна при наступленіи и штурмѣ, а вся остальная убыль произошла во время отступленія. Допустимъ, что, продолжая

штурмъ, мы понесли бы не меньшія потери, но за то результатъ получился бы иной: Арабъ-Табія была бы въ нашихъ рукахъ... На другой день состоялось перемиріе для уборки раненыхъ, а нашъ полкъ опустилъ въ могилу одного изъ храбрѣйшихъ офицеровъ — подполковника Гладыша; его смерть была тяжелой потерей для сослуживцевъ и подчиненныхъ. Покойный являлся однимъ изъ достойнѣйшихъ представителей нашей арміи, прекраснымъ товарищемъ и человѣкомъ. Въ тотъ вѣкъ суровой и безпощадной дисциплины онъ умѣлъ быть истинно гуманнымъ, и солдаты любили его, какъ отца-командира. Похороны были очень печальны, точно всё лишилось близкаго роднаго и лучшаго друга. Въ оградѣ бѣдной болгарской церкви опустили мы въ могилу прахъ дорогаго сослуживца и товарища, далеко отъ родины на чужой землѣ пришлось покоиться ему, но въ могилу провожали его истинно братскія чувства товарищей. Невольно вспомнился мнѣ стихъ Байрона:

О, нѣтъ, не коснется въ таинственномъ снѣ
 До храбраго дума печали.
 Твой одръ одинокій въ чужой стѣновѣ
 Родимыи руки копали.

Всѣми нашими осадными работами завѣдывалъ генераль-инженеръ Шильдеръ. Несмотря на свои преклонныя лѣта, онъ проявлялъ необыкновенную дѣятельность и энергію; его мы привыкли встрѣчать всегда тамъ, гдѣ была наибольшая опасность. Онъ шумѣлъ, суетился, ободрялъ солдатъ, удивляя ихъ своей энергіей и полнѣйшимъ презрѣніемъ къ опасности.

Приведу здѣсь случай, но замѣчу, что онъ далеко не единичный. Генераль Шильдеръ наблюдалъ за работами на вновь воздвигаемой батарее и приказалъ одному изъ солдатъ нашихъ поставить туръ на батарею. Едва солдатъ поднялся на верхъ насыпи, чтобы исполнить приказаніе, какъ упалъ, сраженный неприятельскою пулею, въ траншейный ровъ. Съ нимъ покотился туда же и туръ. Никто изъ солдатъ не спѣшилъ оставить туръ на указанное мѣсто. Замѣтивъ это колебаніе солдатъ, Шильдеръ сказалъ:

— Ну, чего вы стали? Его убили, потому что онъ струсливъ, а вотъ меня не убьютъ!

Говоря это, Шильдеръ поднялся на верхъ насыпи и оставался тамъ, пока туръ не былъ установленъ и насыпанъ землею.

Всегда принимавшій близко къ сердцу все, что относилось къ успѣху осадныхъ работъ, генераль Шильдеръ приказалъ разбить свою палатку у самыхъ траншей, не заботясь о томъ, что въ этомъ мѣстѣ перекрещивались неприятельскіе выстрѣлы. Одинъ изъ такихъ выстрѣ-

ловъ тяжело ранилъ Шильдера, ему была сдѣлана ампутація, но онъ не перенесъ ея и вскорѣ умеръ.

Осада продолжалась болѣе мѣсяца, а мы все еще не одолѣли даже передовыхъ турецкихъ укрѣпленій, къ которымъ наши осадныя работы придвинулись довольно близко. Наконецъ, въ первыхъ числахъ іюня (не помню хорошо—8-го или 9-го числа) былъ рѣшенъ общій штурмъ передовыхъ укрѣпленій. За день до штурма генераль Лидерсъ посѣтилъ войска, долженствовавшія принять въ немъ участіе, и отдавалъ приказаніе, какъ должно дѣйствовать на предстоящемъ штурмѣ—слушать только устной команды своихъ офицеровъ, такъ какъ трубныхъ сигналовъ и боя барабановъ не будетъ при штурмѣ; при штурмѣ дѣйствовать только холоднымъ оружіемъ и, только занявъ укрѣпленіе, открывать ружейный огонь. Назначенныя для штурма войска должны были занять указанныя имъ мѣста ночью, а по третьей ракетѣ идти на штурмъ.

Весь этотъ и слѣдующій день солдаты готовились къ штурму, осматривали ружья, точили штыки и сабли, надѣли чистое бѣлье и проч. Нашъ полкъ былъ назначенъ для штурма Арабъ-Табіи и прилегающихъ къ ней траншей, а если обстоятельства будутъ благопріятны, то и вести атаку на фортъ Абдуль-Меджидъ. Съ наступленіемъ ночи, мы уже заняли назначенныя намъ мѣста. Въ ожиданіи сигнальной ракеты, мы улеглись на землю, но, разумѣется, никто не смѣкалъ глазъ, всѣ считали часы и минуты, которые для многихъ изъ насъ могли быть послѣдними въ жизни... Ахъ, какъ не сносно длится время въ ожиданіи рѣшительнаго момента. Теперь десятки тысячъ людей ждали этого момента, ждали съ одинаковымъ нетерпѣніемъ генералы, офицеры и солдаты... Вотъ, вотъ, высоко прорѣжетъ ночной мракъ давножданная ракета, за ней другая, третья, послышится краткая, но теплая молитва солдатъ: «Господи! спаси и помидуй насъ грѣшныхъ», и начнется кровавый бой. Но часы проходили за часами, уже было далеко за полночь, а сигнальной ракеты нѣтъ, какъ нѣтъ. Кто-то изъ старшихъ офицеровъ, взглянувъ на часы, выражаетъ увѣренность, что послѣдній моментъ для штурма наступилъ. Что-то блеснуло на темномъ фонѣ неба, но нѣтъ—это не ракета, а бомба.

Прошелъ еще часъ въ томительномъ ожиданіи, и вдругъ быстро, какъ электрическій токъ, распространилась вѣсть, что штурмъ отложенъ. Среди солдатъ послышался глухой ропотъ: «Опять, значить, жди, приговаривайся, что бѣ ужъ сразу покончить!»

Было еще темно, когда мы оставили мѣста, занятые для штурма, и потянулись обратно въ лагерь. Всѣ шли хмурые, сосредоточенные въ себѣ и крайне недовольные, не было слышно обычныхъ разговоровъ, шутокъ и остротъ. Но вотъ къ намъ подѣхалъ кто-то изъ штабныхъ и сообщилъ, что штурма вовсе не будетъ и что приказано

снимать осаду. Это извѣстіе очень скоро разнеслось по полку, и вдругъ у всѣхъ развязались языки, послышались разговоры, шутки, смѣхъ и остроты...

Въ шкурномъ вопросѣ человекъ всегда остается человекомъ и невольно вздохнетъ съ облегченіемъ, узнавъ, что опасность миновала.

Иной лѣтописецъ или даже историкъ въ родѣ Михайловскаго-Данилевскаго не упустилъ бы случая написать нѣсколько поэтическихъ фразъ по поводу нашего отступленія отъ Силистріи и несостоявшагося штурма, въ такомъ напримѣръ тонѣ. Съ грустью покидали мы наши позиціи подъ Силистріей, тяжело было при мысли, что на этотъ разъ наши знамена не будутъ развѣваться надъ древнимъ Доростоломъ, а наши богатыри солдаты глубоко сожалѣли, что не могли отомстить за смерть своихъ храбрыхъ товарищей и проч. въ этомъ родѣ... Но я не пишу поэзію-исторію, а лишь воспоминаніе о томъ, что было въ дѣйствительности, и руковожусь не воображеніемъ, а моими походными записками и памятью.

Уже совсѣмъ разсвѣло, до лагеря оставалось не болѣе четверти версты, и среди солдатъ слышались веселые разговоры.

— Значить, братцы, шабашъ! Ходить подъ «Стуковъ монастырь» не будемъ—говорить кто-то. (Стуковымъ монастыремъ солдаты называли хожденіе на дежурство въ траншеи).

— Слышно, замиренье будетъ,—замѣчаетъ старый ветеранъ.

— Вамъ, дядюшка, хорошо, вамъ давно чистая слѣдуетъ (чистая означала полную отставку)—говоритъ молодой ефрейторъ.

— А тебѣ худо будетъ, коли замиреніе послѣдуетъ.

— Сейчасъ въ побывку (краткій отпускъ) пойду.

— То-то въ побывку... значить, и тебѣ хорошо будетъ, поучительнымъ тономъ замѣчаетъ ветеранъ.

Со стороны Силистріи слышна усиленная пушечная пальба.

— Стрѣляй, турка, стрѣляй, да насъ поминай!—шутитъ коренастый блондинъ, извѣстный ротный весельчакъ. Приходи уже къ намъ въ Орловскую губернію, мы тебя попотчуетъ, своихъ не узнаешь и въ свою туретчину не воротисься...

— Онь, братцы, въ своей Орловской станеть турка поджидать подъ мостикомъ, съ дубинкой, острить кто-то.

Раздается веселый смѣхъ, и бесѣда продолжалась въ томъ же тонѣ до самаго лагеря.

Съ 10 іюня приступили къ снятію осады; войска постепенно переправлялись черезъ Дунай въ Валахію, а нашъ полкъ отступалъ послѣднимъ. Отступали мы точно на маневрахъ, турки не осмѣливались преслѣдовать насъ, притомъ они были слишкомъ озадачены и удивлены внезапной переменною декораціей. Медленно отступая, шагъ за шагомъ,

*

достигли мы Дуная и заняли предместное укрѣпленіе, а наша рота расположена вокругъ палатки главнокомандующаго князя Горчакова, какъ его прикрытіе. Наступилъ послѣдній день пребыванія нашего на турецкой территоріи. Отступленіе замедлялось тѣмъ, что вмѣстѣ съ нами покидали свою родину многія болгарскія семейства; это были жители окрестныхъ съ Силистріей болгарскихъ селеній. Боясь мщенія турокъ, болгаре уходили вслѣдъ за нами со всѣмъ своимъ домашнимъ скарбомъ и скотомъ. Уже третій день безконечной вереницей тянулись по наплывному мосту болгарскіе обозы, и князь Горчаковъ былъ серьезно озабоченъ этой безконечной переправой болгарскихъ бѣглецовъ. Князь находилъ нужнымъ къ вечеру прекратить дальнѣйшее движеніе къ мосту болгарскихъ обозовъ, чтобы дать остальнымъ войскамъ оставить турецкій берегъ до разсвѣта. Если болгаре не были покинуты и предоставлены своей участи, то этимъ они обязаны бывшему начальнику штаба генералу Коцебу. Лежа у самой ставки главнокомандующаго, я отлично слышалъ, какъ князь Горчаковъ выражалъ опасеніе, что дальнѣйшая переправа болгарскихъ обозовъ способна причинить намъ затрудненія, что турки могутъ этимъ воспользоваться и напасть на нашъ аррьергардъ. Генералъ Коцебу успокаивалъ главнокомандующаго увѣреніемъ, что турки не рискнутъ напасть на насъ и что всѣ успѣютъ переправиться вполне благополучно. Послѣдствія вполне оправдали эти предположенія. Уже стемнѣло, у самаго моста надъ рѣкой пылалъ большой костеръ. Тутъ виднѣлась группа, довольно многочисленная изъ нѣсколькихъ десятковъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ всѣхъ родовъ войскъ. Раздѣлившись на кружки, они вели оживленную бесѣду, причемъ главной темой разговоровъ была только-что снятая осада Силистріи, оцѣнка нашихъ военныхъ операцій, австрійцы и нѣкоторыя соображенія о будущемъ. Если бы была какая нибудь возможность составить точный рефератъ этихъ бесѣдъ, то получился бы весьма интересный матеріалъ для историка. Но изъ слышанныхъ отрывочныхъ разговоровъ можно было вывести заключеніе, что иные уже предвидѣли возможность войны въ предѣлахъ родины, а о минувшей Силистрійской кампаніи говорили въ шутовомъ ироническомъ тонѣ. Это настроеніе впоследствии довольно удачно было высказано въ слѣдующихъ стихахъ, обращавшихся въ рукописи въ офицерскихъ кружкахъ:

Подъ Силистрію мы ходили,
 Долго турка сторожили,
 Нѣмецъ помѣшалъ, нѣмецъ помѣшалъ!
 Тамъ фельдмаршала подбили,
 Ядромъ ногу зацѣпили,
 Некѣмъ замѣнить, некѣмъ замѣнить!

Палатка главнокомандующаго давно уже была снята, все высшее начальство переѣхало на валахскій берегъ Дуная, переправились и обозы болгарь, на мостъ спѣшили остальные войска, но нашъ полкъ еще занималъ предмостное укрѣпленіе и сосѣдніе редуты. Начало свѣтать, наши баталіоны и бывшая съ нами артиллерія вступили на мостъ, осталась только одна наша рота, вотъ и послѣдній казачій развѣздъ вѣхалъ на мостъ, тогда двинулись и мы, а за нами понтонеры спѣшили разобрать мостъ.

Уже совсѣмъ разсвѣло, треть моста была убрана, какъ вдругъ на высококомъ турецкомъ берегу показалась непріятельская артиллерія изъ двухъ орудій и открыла огонь по мосту, но не успѣла она сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, какъ съ парохода «Прутъ» загремѣли его крупныя пушки, и турецкая артиллерія сейчасъ замолчала. Силестрійская кампанія окончилась. Мы опять вступили въ предѣлы Придунайскихъ княжествъ, но обстановка была ужъ иная. Турки собирались перейти въ наступленіе, австрійцы угрожали намъ съ тыла и фланга, союзники грозили съ моря, даже румыны косились на насъ и при случаѣ не скрывали своего неудовольствія.

— Вы пришли, заняли нашу страну, а теперь бросаете на произволь туркамъ, говорили румыны.

— За это поблагодарите австрійцевъ, а мы тутъ ни причемъ, объясняли мы.

— Но если бы не приходили вы, не было бы у насъ ни турокъ, ни австрійцевъ.

— Если бы не мы, сидѣли бы у васъ на шеѣ турки и хозяйничали бы какъ въ старину.

При нашемъ отрядѣ состояла валахская батарея; какъ только стало извѣстно, что наши войска отступаютъ въ предѣлы Россіи, съ батареи начались побѣги солдатъ; побѣги румынъ дотогу усилились, что по просьбѣ батарейнаго командира назначалась на ночь одна рота, для предупрежденія дезертирства, обязанная караулить всю ночь артиллерійскую прислугу валахской батареи, — тогда побѣги совершались днемъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Валахскія и молдавскія войска рѣшено было обезоружить, и это подало поводъ нашимъ врагамъ разжигать среди румынъ неудовольствіе противъ насъ. Этому обстоятельству способствовала и обстановка, къ какой сочли у насъ почему-то нужнымъ прибѣгнуть. Въмѣсто того, чтобы распустить мѣстныя войска княжествъ (ихъ было всего нѣсколько тысячъ), приказавъ оставить оружіе въ казармахъ, признали нужнымъ произвести обезоруженіе съ извѣстной церемоніей. Я лично участвовалъ въ этой церемоніи въ г. Браиловъ, а потому передаю этотъ фактъ, какъ очевидецъ. Двумъ румынскимъ ротамъ съ утра было назначено ученіе съ ружьями въ боевой аммуниціи, тутъ же на плацу

для той же цѣли были выведены и роты нашего полка. Прибыло высшее начальство и, подѣхавъ къ румынамъ, освѣдомилось, желаютъ ли они послѣдовать въ Россію вмѣстѣ съ нами. Отвѣтъ послѣдовалъ отрицательный. Тогда приказано было румынскимъ ротамъ составить ружья въ козлы, снять аммуницію и повѣсить на ружейныхъ козлахъ, что и было выполнено ими. Затѣмъ румынамъ скомандовали: «Стройся впередъ!» а нашимъ ротамъ приказано приблизиться и забрать вооруженіе румынъ, которыхъ и распустили по домамъ.

Все это было продѣлано на плацу, такъ сказать, въ глазахъ населенія всего города, и являлось дѣломъ вовсе не политичнымъ и для насъ не полезнымъ, а скорѣе вреднымъ, оскорбляя національное чувство и затрогивая самолюбіе румынъ. А извѣстно, что маленькія государства и націи крайне чувствительны въ дѣлѣ самолюбія. Добрые австрійцы вытѣснили насъ изъ княжествъ самымъ деликатнымъ образомъ. Узнавъ отъ лазутчиковъ, что наши послѣдніе развѣзды отступили, австрійцы занимали наши мѣста и тщательно избѣгали встрѣчи съ нами. Крѣпко намъ хотѣлось посчитаться съ имперцами, но гроза надвигалась на насъ со всѣхъ сторонъ и, скрѣпя сердце, пришлось проглотить горькую пилюлю, поднесенную нашими недавними друзьями и союзниками, какъ бы въ назиданіе и поученіе, что «политика сердца» никуда не годится. Но мы тогда еще не совсѣмъ прозрѣли и сѣтовали на Австрію за ея черную неблагодарность. Какъ будто въ политикѣ существуетъ безкорыстная дружба и любовь, а не одинъ только холодный расчетъ и выгода.

Къ 22 августа 1854 г. мы уже были въ предѣлахъ Россіи, пробывъ въ княжествахъ еще два слишкомъ мѣсяца послѣ снятія осады Силистріи.

Неизвѣстный.

Адаевскій бунтъ на полуостровѣ Мангышлакѣ въ 1870 г.

лучайно какъ-то мнѣ попалась въ руки книжка «Военнаго Сборника» за мартъ 1872 года, гдѣ, между прочимъ, помѣнена статья «Подавленіе безпорядковъ на Мангышлакѣ въ 1870 году». Соображаясь съ архивными данными и имѣющимися подъ руками записками ¹⁾ очевидца этого дѣла, подполковника корпуса топографовъ Зеленина (нынѣ уже умершаго), невольно задаюсь мыслию дополнить ихъ, такъ какъ многое почему-то опущено. Въ настоящее же время за смертію многихъ участниковъ этого кроваваго дѣла представляется возможнымъ въ некоторые неизвѣстные еще эпизоды освѣтить путемъ печати.

I.

Полуостровъ Мангышлакъ лежитъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, занимая довольно обширное пространство отъ морскаго берега до предѣловъ хивинскихъ владѣній, большею частію безплодной и трудно-проходимой степи, удобной лишь для киргизскаго кочеванія. Постоянные обитатели его — киргизы адаевского рода, числен-

¹⁾ Записки эти любезно переданы мнѣ по смерти Зеленина его пріателемъ, членомъ Оренбургской ученой архивной комиссіи Н. Г. Ивановымъ, которому приношу искреннюю благодарность.

ностію около 40 тысячъ кибитокъ, которые, не имѣя никакой осѣдлости, круглый годъ проводятъ въ степяхъ съ своими стадами: зиму они кочуютъ на Мангышлакъ, ближе къ текинскимъ границамъ, по урочищамъ Огры, Менгли-Холжа, Курбанъ и Дали, а на лѣто уходятъ за вершину р. Эмбы, къ границамъ Уральской области, дабы тѣмъ сохранить кормы въ мѣстностяхъ ихъ зимняго кочеванія, ибо по всему Каспійскому побережью до залива Кара-Бугасъ очень и очень скудная растительность, почти полнѣйшая безкормица, особенно лѣтомъ, во время тропическихъ жаровъ.

До начала настоящаго столѣтія полуостровъ Мангышлакъ со всею прилегающею къ нему мѣстностью принадлежалъ «Трухменскому» владѣльцу Пиръ-Гали-хану. Но еще при покойномъ императорѣ Павлѣ I, туркменскій народъ, стѣсняемый со всѣхъ сторонъ безпокойными сосѣдями, просилъ покровительства Россіи и для защиты ихъ отъ вторженія въ ихъ владѣнія разбойническихъ шаекъ хивинцевъ и киргизъ желалъ, чтобы на ихъ землѣ была построена русскими крѣпость.

Прибывшая уже послѣ смерти императора Павла I отъ этого народа въ Петербургъ депутація была принята и обласкана молодымъ монархомъ и на подданство Россіи имъ были даны двѣ грамоты ¹⁾ въ такихъ ласковыхъ и общающихъ для нихъ выраженіяхъ:

«Божіею милостію мы Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему любезновѣрноподданному „Трухменскому“ владѣльцу высокостепенному Пиръ-Гали-Хану.

Стѣсненное состояніе трухменъ Абдальскаго отдѣленія, занимающихъ при Мангышлакъ пространства мѣстъ Огры, Менгли-Ходжа, Курбанъ и Дали, извѣты ихъ разнаго виду и жалобы на безпокойство и непріязненность, оказываемую имъ отъ киргизвайсакъ, вамъ подвластныхъ, до насъ достигшіе, обратили всемиловѣйшее ваше къ нимъ вниманіе, а неотступная просьба ихъ и то положеніе, въ какое они доведены, убѣдили Насъ принять ихъ въ то Императорское наше покровительство, къ коему обязуетъ право великаго государя и къ коему гласъ человѣчества призываетъ cadaго,—почему всемиловѣйше давая вамъ знать о томъ, надѣмся, что оное отдѣленіе трухменъ, находясь нынѣ подъ высокими нашимъ покровительствомъ, воспользуется отъ сего времени въ предвѣщаею безопасностію и не ощутитъ ни малѣйшей со стороны подвластныхъ вамъ непріязненности, что по долгу учиненной вами въ вѣрности присяги и поручаемъ вамъ блюсти, какъ подданному, благопрістойно есть и надлежитъ; впротчемъ пребываемъ вамъ нашею императорскою милостію благосклонны. Александръ. Данъ въ С.-Петербургѣ, апрѣля 16-го дня 1803 года.

Божіею милостію мы Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій и проч., и проч., и проч.

¹⁾ Копіи съ этихъ грамотъ можно видѣть въ дѣлахъ упраздненной канцеляріи Оренбургскаго генералъ-губернаторства. См. сочиненія министерскія за это время; грамоты еще нигдѣ не напечатаны.

Вѣрноусерднымъ Абдальскаго при Мангышлакѣ отдѣленія трухменъ—бекамъ, біямъ, батырамъ и всѣму ихъ обществу, занимающему съ народомъ своимъ пространства мѣстъ—Огры, Менгли-Ходжа, Курбанъ и Далл, наше Императорскаго Величества поздравленіе. Присланные отъ васъ и онаго народа къ Императорскому престолу нашему почтеннѣйшіе депутаты: Мулла Довлетъ-Мурадъ-Ниязъ Багадуровъ, Бегенджи-Мурадъ Беевъ, Тугулла-Кара Багадуровъ и Ирали-Дорди Муратовъ, подавшимъ отъ имени всего вѣрноусерднаго общества вашего и народа министерству нашему прошеніемъ, донесъ о совокупномъ желаніи вашемъ и народа вступить въ высокое Имперіи Всероссийской покровительство съ принятіемъ васъ въ оное, построить крѣпость при Мангышлакѣ, для защиты каравановъ вашихъ отъ нападений непріятелей и позволить по-прежнему производить ловъ тюленей при урочищѣ Гедикъ, близъ Караганской гавани, а на покровительство снабдить васъ грамотою. А какъ не безвѣстно намъ великому государю о томъ искреннемъ вашемъ къ престолу нашему усердіи и преданности, и о всегдашнемъ тѣнаніи вашемъ заслуживаютъ высокое наше благоволеніе и покровительство, о семъ какъ отъ помянутыхъ депутатовъ, такъ и отъ пограничнаго начальства и отъ министерства нашего, намъ великому государю донесено и засвидѣтельствовано, то мы, снисходя на такое общее ваше, почтенные беки, бии, батыры и подвластный вамъ народъ, прошеніе, и всемилостивѣйше удостоивая по желанію принятіемъ васъ въ высокое наше покровительство, не оставили въ томъ же случаѣ и защитѣ вашей и къ пользѣ обоюднаго купечества повелѣть нашему генералъ-лейтенанту и Астраханскому военному губернатору князю Циціанову сообразить строеніе просимой вами крѣпости, которая по соображенію мѣстной удобности и роду, какого ей быть слѣдуетъ, и по полученіи отъ него начертаніямъ оной, немедленно съ утвержденія нашего сооружена будетъ и снабдится потребнымъ числомъ людей къ содержанію ея и къ защищенію васъ и купечества, о чемъ и дается тогда жъ повелѣніе. Прошеніе же ваше о ловѣ при Гедикѣ мы предписали удовлетворить.

О каковомъ Высочайшемъ нашемъ соизволеніи и покровительствѣ симъ вамъ объявляя, надѣемся отъ усердія вашего и преданности къ Императорскому престолу нашему, что вы, пользуясь таковою высокомонаршею милостію и, признавая въ лицѣ помянутаго нашего генералъ-лейтенанта новаго о безопасности вашей почитателя и ходатая, не оставите почитать его таковымъ и должное съ вашей стороны въ чемъ нужно по тамошнему краю и обстоятельствамъ свѣдѣніе и пособіе ему доставлять, оказывая послушаніе во всемъ, что къ благу народа и пользѣ и къ долгу нашего Императорскаго служенія относиться можетъ. По другому жъ прошенію вашему, нынѣ изъ Мангышлака полученному, мы повелѣли вамъ отвѣтствовать Государственному канцлеру графу Воронцову. Впрочемъ, Мы великій государь, Ваше Императорское Величество, отправляя къ вамъ вышеказанныхъ депутатовъ и изъявляя высокомонаршее наше всѣмъ вамъ, вѣрноподавнымъ беки, бии, батыры и всѣму подвластному вамъ Абдальскаго отдѣленія народу благоволеніе, увѣряемъ, что сверхъ покровительства нашего, по мѣрѣ добраго и спокойнаго вашего пребыванія и послушанія помянутому генералъ-лейтенанту всегда въ насъ найдете особую Императорскую къ вамъ милость, пребываемъ благосклонны. Дана въ Санктпетербургѣ, нашей столицѣ, апрѣля 16-го дня отъ Рождества Христова 1803 года и государствованія нашего третьяго года. Александръ.

Однако постройка укрѣпленія началась не скоро, а только въ 1834 году, когда Мангышлакскій полуостровъ изъ вѣдѣнія астраханскаго гу-

бернатора перешелъ въ подчиненіе начальнику Оренбургскаго края, генераль-адъютанту Василю Алексѣевичу Перовскому (впослѣдствіи графъ), и окончена лишь въ 1846 году при генераль-губернаторѣ Обручевѣ. Въ немъ были устроены три казармы, провіантскій магазинъ на 1.200 кулей, лазаретъ, цейхаузъ и пороховой погребъ, аманатная, домъ для коменданта и начальника укрѣпленія, особые дома для офицеровъ, священника и причта, лѣкаря и аптеки, провіантскаго чиновника и вахтера, различныя приспособленія для гарнизона: дворъ для верблюдовъ, лошадей и порціонныхъ барановъ, баня, кузница и проч.

Сначала укрѣпленіе было солидныхъ размѣровъ. На стѣнахъ (земляныхъ) его стояло 24 крѣпостныхъ орудія съ необходимымъ числомъ при нихъ артиллеристовъ, и гарнизонъ его составляли полубаталіонъ ливейныхъ солдатъ и три сотни уральскихъ казаковъ. На двухъ горахъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ укрѣпленія, были еще возведены батареи. На одной изъ нихъ флаштокъ или такъ называемая дозорная башня, на которой выставлялся флагъ. Укрѣпленіе носило названіе Ново-Петровское. Потомъ, когда оренбургскій генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ Безакъ ¹⁾ побывалъ въ этомъ фортѣ, нашелъ его слишкомъ большимъ и уменьшилъ, оставивъ на стѣнахъ только 8 орудій, на горахъ батареи были уничтожены и самое укрѣпленіе переименовано въ фортъ Александровскій.

Съ постройкой укрѣпленія грабежи по степи и особенно по прибрежьямъ Каспійскаго моря, гдѣ въ густыхъ камышахъ прятались киргизы, подкарауливая добычу—русскихъ рыбопромышленниковъ, немного уменьшились, но окончательно не прекратились. Адаевцы—это былъ такой народъ, который не признавалъ надъ собой никакой власти. Живя особнякомъ отъ прочихъ киргизскихъ родовъ и не соединяясь съ ними даже узами родства, эти воинственные сыны степи, любившіе пожить на чужой счетъ и поживиться чужимъ добромъ, не только грабили русскихъ, но нападали и на киргизъ, и на хивинцевъ, и на туркменъ и текинцевъ. Послѣдніе были такіе же разбойники, какъ и адаевцы, и между ними часто происходили побоища изъ-за угона лошадей и скота. Не задолго передъ бунтомъ ихъ противъ русскаго правительства былъ такой характерный случай.

Адаевцы въ числѣ 500 человекъ отправились къ текинцамъ и хотѣли напасть на ихъ аулы врасплохъ. Между тѣмъ текинцы какимъ-то образомъ пронюхали объ этомъ и встрѣтили непрощенныхъ гостей еще большей толпой. Началась битва не на животь, а на смерть. На этотъ разъ текинцы одолѣли своихъ враговъ и захватили нѣсколько человекъ въ плѣнъ.

¹⁾ Ген-ад. Безакъ былъ начальникомъ Оренбургскаго края съ 1860 по 1864 годъ.

Потерпѣвъ тутъ полную неудачу и оставивъ на полѣ брани много изъ своихъ убитыми и тяжело ранеными, адаевцы, чтобы хоть съ кого-нибудь сорвать злобу, на обратномъ пути разбили три мирныхъ туркменскихъ аула изъ рода юмудовъ, платившихъ кибиточный сборъ русскому правительству, и скрылись безслѣдно въ свои степи.

Потерпѣвшіе, конечно, обратились съ жалобой къ начальству Александровскаго форта, но что же можно было сдѣлать съ такими грабителями. Однако воинскій начальникъ предписалъ дистанчнымъ начальникамъ ¹⁾ адаевского рода отобрать награбленное имущество и возвратить потерпѣвшимъ, а виновниковъ доставить въ фортъ. Хотя дистанчные начальники были преданы правительству, но ничего не могли сдѣлать съ этой буйной шайкой, которая не задумываясь, наносила вредъ даже вооруженнымъ партіямъ, посылаемымъ изъ форта въ степь.

Лѣтомъ 1863 года изъ Оренбурга былъ посланъ отрядъ въ пятьдесятъ человекъ уральскихъ казаковъ при четырехъ урядникахъ и одномъ офицерѣ подъ начальствомъ штабсъ-капитана Зеленина, чтобы избрать мѣсто для укрѣпленія, гдѣ бы могла быть расположена ставка правителя западной части малой киргизской орды. Когда отрядъ проходилъ по р. Эмбѣ, на ключѣ Сыры-Булакъ адаевцы вздумали напасть на него и отбить лошадей. Дѣло было къ вечеру. Отрядъ остановился на ночлегъ, соорилъ каре и помѣстился уже въ немъ, какъ вдругъ изъ камышей выскочили нѣсколько десятковъ этихъ отчаянныхъ головорѣзовъ на своихъ лихихъ коняхъ ²⁾ и бросились на отрядъ. Но благо у казаковъ ружья были всегда заряжены, и защитники каре пустили отчаянную дробь по нападающимъ, и толпа отхлынула.

Этимъ адаевцы однако не удовольствовались и провожали отрядъ до мѣста его назначенія до урочища Исень-Берды, выжидая момента, когда казаки какъ-нибудь оплошаютъ.

Передъ выступленіемъ отряда изъ Оренбурга, султану-правителю, въ распоряженіи коего для охраненія его, особы постоянно находился конвой изъ 200 казаковъ, было предписано генераль-губернаторомъ, чтобы онъ шелъ на встрѣчу отряда. Но онъ какъ нарочно въ этотъ годъ вздумалъ жениться и откочевалъ дальше въ глубь степи, оставивъ мѣсто Исень-Берды совершенно незащищеннымъ.

Прибывъ сюда за день до Преображенія Господня, отрядъ, не зная мѣстопребыванія султана, принужденъ былъ остановиться тутъ и ждать, когда его степенству заблагоразсудится пожаловать, хотя начальникомъ отряда штабсъ-капитаномъ Зелениномъ для розыска его былъ

¹⁾ Ихъ было два: верхней и нижней дистанціи. Назначались они русскимъ правительствомъ изъ знатныхъ киргизъ.

²⁾ Лошади адаевской орды считаются самими лучшими изъ породы киргизской. Онѣ высоки, стройны, легки и выносливы.

командированъ посланный съ донесеніемъ, что отрядъ прибылъ и что его преслѣдуютъ адаевцы.

Выбравъ крѣпкую позицію, окруженную со всѣхъ сторонъ водой, — лишь одна изъ сторонъ была открыта къ степи, — отрядъ разбилъ тутъ свой лагерь, построившись, конечно, въ каре.

Здѣсь надо замѣтить, между прочимъ, что степное каре устраивается немного иначе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Сначала по линіи четырехугольника уставляются одинъ на другой кули съ овсомъ, крупой и сухарями, отчего образуется стѣна въ полроста человѣка, а иногда и выше. Въ средину каре помѣщаются защитники, а кругомъ, впереди его, отступя шага на три, укладываются одинъ за однимъ рядомъ верблюды.

Отрядъ штабсъ-капитана Зеленина былъ снабженъ трех-мѣсячнымъ продовольствіемъ. Въ немъ было 96 верблюдовъ. Каре было устроено такимъ образомъ крѣпкое, которое трудно было взять киргизамъ приступомъ, но они употребили въ дѣло хитрость, зная особенно казачьи «распорядки» и халатность.

Въ день Преображенія—6 августа, не видя около лагеря полчищъ адаевцевъ и успокоившись относительно своей безопасности, Зеленинъ приказалъ выдать казакамъ винную порцію. До этого времени около двухъ недѣль вслѣдствіе сильныхъ жаровъ, да и по той причинѣ, что кругомъ рыскали киргизы, водка не выдавалась. Казаки, конечно, съ голодухи были рады выпить и, по обыкновенію выпивъ лишнее, уже не такъ внимательно стали относиться къ охранѣ лагеря. Пообѣдали сытно, затѣмъ нѣкоторые принялись отъ нечего дѣлать за чистку оружія, другіе затаили свои любимыя пѣсни, а третьи просто завалились спать. Даже самъ начальникъ отряда удалился въ кибитку, чтобы соснуть «малую толику».

Было около двухъ часовъ дня. Лагерь дремалъ. Табунъ казачьихъ коней пасся на лужайкѣ недалеко отъ бивуака подъ присмотромъ 12-ти казаковъ, которые должно быть также прикурнули, какъ и ихъ лагерные товарищи. Вдругъ точно изъ земли выросли адаевцы и съ гикомъ такъ стремительно бросились на табунъ, что изъ часовыхъ только нѣкоторые успѣли дать выстрѣлъ. Съ испугу отъ шума лошади шарахнулись въ сторону и были мигомъ окружены киргизами. Несмотря на то, что кони были стреножены, грабители повуждали ихъ ногайками, козоли пиками. Лошади падали и рвали треноги. Казаки гнались за киргизами, стрѣляли въ нихъ, но они ухомъ не вели, спокойно продолжая свое дѣло.

Больше версты адаевцы отогнали казачьихъ коней отъ лагеря, еще немного оставалось до р. Эмбы, а тамъ пища пропало, лишь бы перегнать рѣку, гдѣ у нихъ была подмога. Отрядъ, оставшись такимъ образомъ безъ лошадей, могъ погибнуть въ степи, ибо до ближайшей ураль-

ской линіи было 450 верстъ. Пѣшкомъ немислимо было до нея добраться по безводной, знойной пустынѣ, а на верблюдовъ разсчитывать было нельзя. Волосы становились дыбомъ, морозъ пробѣгалъ по кожѣ при одной мысли объ этомъ.

Начальникъ отряда, чувствуя всю безпомощность такой перспективы, всѣхъ казаковъ разогналъ за утекающими и остался въ лагерѣ только съ шестью человекѣми, когда съ противоположной стороны показалась еще толпа киргизъ. Но эти не рѣшались напасть на бивуакъ и только слѣдили, чѣмъ кончится борьба казаковъ съ угнавшими табуны адаевцами.

Томительно тянулись часы напряженнаго ожиданія. Наконецъ, вся масса убѣгавшихъ стала приближаться; начали показываться одиночные кони, скакавшіе впереди табуна и уже близко, а за ними торопились казаки. Куча киргизъ, стоявшая на пригоркѣ, только того и ждала. Съ дикимъ крикомъ хищники бросились впередъ, чтобы перенять табуны и направить его въ противоположную сторону, но это имъ не удалось. Казаки встрѣтили ихъ залпомъ, и противники разсыпались во всѣ стороны.

Уральцы, народъ также горячій, не привыкли сносить обиды. Какъ только табуны загнали въ каре, они мигомъ осѣдали коней и хотѣли было пуститься за разбойниками въ погоню, но тѣхъ уже слѣдъ простылъ.

По засѣдковѣ лошадей въ табуны одна оказалась лишней. Когда эту лошадь показали жокакамъ-киргизамъ, они сказали, что она принадлежитъ адаевскому предводителю Утень-Октау, который былъ убитъ въ этой схваткѣ. За то и въ отрядѣ не обошлось безъ потери. Былъ тяжело раненъ пикомъ въ спину одинъ казакъ, который черезъ пять дней умеръ.

Такъ ознаменовался для отряда день великаго двенадесятаго праздника. На другой день объ этомъ событіи Зеленинъ хотѣлъ послать донесенія въ Оренбургъ и къ султану-правителю. Сдѣлать это однако было не такъ легко, когда кругомъ все еще рыскали враждебныя шайки. Если бы послать кого-нибудь изъ киргизовъ-верблюдовожатыхъ отряда, то ихъ въ одинъ мигъ перехватили бы и отравили къ праотцамъ. Зеленинъ придумалъ заманить какого-нибудь изъ адаевцевъ. Такіе примѣры были часто. За деньги все можно было сдѣлать. А адаевцы такъ падки на презрѣнный металлъ, что за деньги готовы продать отца роднаго, только дай побольше.

Исполнить порученіе начальника русскаго отряда скоро нашелся одинъ изъ недавнихъ враговъ. Зеленинъ, показавъ горсть мелкаго серебра, все двугривенными, сказалъ ему:

— Вотъ тебѣ акча (деньги), если ты доставишь мой пакетъ къ сул-

тану-правителю и привезешь обратно отвѣтъ, то получишь еще двѣ такихъ горсти.

У киргиза глаза разгорѣлись, какъ у волка. Онъ никогда не видалъ такой кучи денегъ.

— Якши, бачка! якши! мы все дѣлаемъ,— отвѣтилъ онъ и дѣйствительно въ точности выполнилъ порученіе.

Событія, между тѣмъ, шли своимъ чередомъ. На другой день по отпращиваніи съ донесеніями киргиза, въ лагерь казачій явился знакомый Зеленину одинъ изъ адаевскихъ (мирныхъ) биевъ съ поздравленіемъ, что онъ избѣжалъ такой опасности и избавился отъ такого неугомоннаго разбойника—Утеня-Октау. Зеленинъ, конечно, принялъ его и первымъ долгомъ спросилъ—зналъ ли онъ раньше объ этомъ нападеніи.

— Какъ же, мы все знаемъ, сказалъ бій.

— Ты преданъ русскому правительству, 'вскипѣлъ на него Зеленинъ,—имѣешь отъ него награду—золотую медаль; почему же ты не предупредилъ меня?

— Ай, бачка! зачѣмъ сердиться. Намъ никакъ нельзя такой дѣла дѣлать.

— Да почему?

— Меня бы тогда, какъ сукинъ сынъ, за измѣну башка мой кончалъ.

Между прочимъ бій этотъ рассказывалъ, что наканунѣ нападенія Утеня на отрядъ онъ былъ въ его аулѣ и молился тамъ съ своими приближенными о дарованіи ему побѣды надъ русскими.

Напившись тутъ чаю, бій уѣхалъ, давъ слово Зеленину извѣщать его о всякомъ сборищѣ киргизъ, благо аулъ его отстоялъ отъ казачьяго лагеря всего въ 10 верстахъ.

Не прошло дня, какъ отъ него получилось извѣщеніе, что адаевцы подъ предводительствомъ брата убитаго снова собираются напасть на отрядъ. Зная ложность киргизскихъ донесеній, Зеленинъ не повѣрилъ этому и послалъ трехъ своихъ киргизъ разузнать о томъ подробнѣе. Посланные, къ вечеру того же дня возвратившись въ лагерь, подтвердили извѣстіе. Адаевцы собирались въ значительныхъ силахъ и думали напасть на лагерь на разсвѣтѣ, какъ это принято у всѣхъ азіатовъ, ибо утромъ люди спятъ крѣпче и, воспользовавшись распыхомъ, вѣрнѣе получить добычу, безъ ущерба для нападающихъ.

Эта ночь для казаковъ прошла тревожно. Почти никто не спалъ. Но, къ счастью, нападенія не было.

Отряду на этомъ мѣстѣ надлежало простоять до октября мѣсяца, чтобы изслѣдовать климатъ и избрать по р. Эмбѣ мѣсто, которое было бы удобно для возведенія укрѣпленія, для удержанія адаевцевъ отъ набѣговъ на мирныхъ киргизъ. Но, видя окруженнымъ отрядъ непріязненными племенами, отъ которыхъ можно было каждый день ожидать на-

паденія, а обороняться нечѣмъ, такъ какъ у казаковъ изъ 40 выданныхъ при выступленіи патроновъ при двухъ стычкахъ было израсходовано у кого 10, у кого 15, 20, капитанъ Зеленинъ рѣшился тотчасъ же уйти ближе къ Уральской линіи.

Въ первый день было сдѣлано тридцать верстъ, и отрядъ остановился у колодцевъ Дамбоякъ, гдѣ встрѣтилъ посланнаго къ султану-правителю адаевца. Съ нимъ были присланы отъ правителя 30 казаковъ подъ командой офицера и одинъ изъ адаевскихъ биевъ Маяевъ, рекомендованный султаномъ, какъ вліятельное лицо во всей ордѣ. Кромѣ того въ своемъ отвѣтѣ правитель обѣщаль на подмогу отряду Зеленина выслать еще 150 казаковъ при одномъ трехфунтовомъ орудіи.

Бій Маяевъ сослужилъ великую службу отряду. Пользуясь его популярностью, Зеленинъ выслалъ его впередъ на пути слѣдованія, чтобы повліять на адаевцевъ. Послѣдніе должно быть дѣйствительно сильно уважали этого бія, ибо, когда черезъ два дня отрядъ прибылъ къ урочищамъ Исенъ-Берды, ни одной адаевской кибитки уже не было тамъ. Всѣ они убрались на Усть Уртъ. Въ дальнѣйшемъ пути до Уральской линіи, хотя иногда и встрѣчались толпы адаевцевъ, но они не имѣли ни малѣйшаго поползновенія нападать на отрядъ. А прибывъ въ Эмбенское укрѣпленіе, Зеленинъ оставилъ тутъ всѣхъ своихъ казаковъ и поѣхалъ до Оренбурга одинъ въ сопровожденіи только Маяева и его приближенныхъ.

Въ Оренбургѣ Маяевъ былъ представленъ генераль-лейтенанту Лодыженскому, предсѣдателю пограничной комиссіи ¹⁾, который обласкалъ его и, какъ важную особу, приказалъ помѣстить на казенную квартиру и отпускать ему суточные по 2¹/₂ руб. каждодневно, что давалось только султанамъ-правителямъ. Бій былъ, конечно, въ восторгѣ. Когда же Зеленинъ, доложивши Лодыженскому о его защитѣ отряда, предложилъ ему за его заслугу на выборъ награду, онъ не зналъ, что говорить.

Сначала Маяеву хотѣли дать золотую медаль на шею, но, разсудивъ, что къ такимъ наградамъ киргизы не особенно охочи, потому что «медаль кто видитъ»,—рѣшили пожаловать его халатомъ изъ зеленого (священный цвѣтъ магометанъ), бархата, воротникъ, полы и обшлага коего были обшиты золотыми генеральскими галунами. Восторгу почтеннаго киргиза не было конца.

«Когда,—говоритъ въ своихъ запискахъ Зеленинъ,—послѣ представленія генераль-губернатору Маяевъ явился ко мнѣ въ этомъ халатѣ, лицо его просто сіяло отъ удовольствія».

---

¹⁾ Зауральные киргизы до 1868 года были подъ особымъ управленіемъ Оренбургской пограничной комиссіи съ предсѣдателемъ во главѣ, и вся зауральная степь поэтому носила названіе „Степь Оренбургскаго вѣдомства“.

— Теперь меня всё будутъ знать—говорилъ онъ. Всякій будетъ видѣть на мнѣ царскій подарокъ. Я отдамъ все свое имущество, всёхъ жедъ, весь скотъ за одинъ этотъ халатъ. Теперь я умру за русскихъ и до смерти вѣрно буду служить царю.

Такова была радость этого защитника. И дѣйствительно онъ былъ истинно преданъ русскому правительству. Во время адаевского бунта, отстаивая интересы Россіи, онъ палъ костью за своихъ покровителей.

II.

Съ упраздненіемъ въ 1868 году управленія степью Оренбургскаго вѣдомства и раздѣленіемъ ея на двѣ области: Тургайскую и Уральскую, въ слѣдующемъ году начало вводиться въ степи новое положеніе по управленію ею, по которому вмѣсто султановъ-правителей и дистаночныхъ начальниковъ должны занять мѣста уѣздные начальники изъ русскихъ и затѣмъ кибиточный сборъ вмѣсто полутора руб. съ кибитки былъ увеличенъ до трехъ руб. По этому распредѣленію вся Адаевская орда причислена была къ Уральской области.

Киргизамъ, конечно, это было очень непріятно, особенно были недовольны ихъ правители, лишившіеся послѣ этого власти надъ своими родичами.

Въ началѣ 1869 года возмутились прежде всего киргизы Малой орды, но бунтъ, благодаря во-время принятымъ энергичнымъ мѣрамъ, скоро, къ концу года, былъ подавленъ. На Мангышлакъ же въ это время, несмотря на буйный характеръ адаевцевъ, все было спокойно. Военскимъ начальникамъ Александровскаго форта тогда былъ капитанъ Зеленинъ, умѣвшій ладить съ адаевцами и имѣвшій подъ руками ихъ дистаночныхъ своими «кунаками»—въ верхней—заурядъ-хорунжаго Маяева и въ нижней—заурядъ-хорунжаго Колбина, дѣйствительно преданныхъ ему неограниченно. Когда по всей степи вспыхнуло возстаніе, эти два бія съумѣли повліять на своихъ родичей такъ, что они не принимали участія въ бунтѣ.

Но вотъ въ концѣ 1869 года, приставомъ на Мангышлакъ уральскимъ военнымъ губернаторомъ генераломъ Вережкинымъ былъ назначенъ подполковникъ Рукинъ, который тотчасъ же по пріѣздѣ потребовалъ, чтобы адаевцы немедленно внесли кибиточный сборъ по 3 р. 50 коп. за 1869 годъ. Между тѣмъ не задолго до его назначенія генераль-маіоръ Вережкинъ вызывалъ обоихъ дистаночныхъ начальниковъ Адаевскаго рода въ Уральскъ, гдѣ, объявивъ имъ новое положеніе,

просилъ начать сборъ кибиточный по 3 руб. 50 коп. съ 1870 года. Когда же подполковникъ Рукинъ уѣзжалъ изъ Уральска къ мѣсту своего назначенія, ему было предписано взыскать сборъ и за 1869 годъ въ томъ же размѣрѣ.

Такая двойственность, конечно, не могла не породить сомнѣнй какъ со стороны дистанционныхъ начальниковъ, такъ и со стороны самихъ киргизъ. Несмотря на то, что Рукинъ требовалъ потомъ къ себѣ всѣхъ адаевскихъ сардарей (управляюще отдѣленіями), отъ которыхъ отобралъ подписки въ исправной доставкѣ подати, киргизы отказались платить сборъ, и между ними началось броженіе, увеличивавшееся съ каждымъ днемъ.

Не имѣя опытности въ дѣлахъ по управленію киргизами, не познакомившись съ адаевцами и не зная, какъ приступить къ тому, чтобы привести въ извѣстность число кибитокъ, подполковникъ Рукинъ вскорѣ по приѣздѣ своемъ въ фортъ Александровскій, поѣхалъ въ степь вводить новое положеніе.

Предполагая, должно быть, что имѣеть дѣло съ смиренными подданными, онъ въ началѣ марта 1870 года выступилъ изъ форта въ сопровожденіи только 40 конныхъ казаковъ при двухъ урядникахъ и одномъ офицерѣ, захвативъ лишь на полтора мѣсяца продовольствія.

При отрядѣ Рукина былъ также бій Маяевъ, какъ знавшій всю степь и притомъ человекъ вліятельный.

Адаевцы слѣдили, когда выступить отрядъ. Дорога отъ форта въ степь шла между горами и, какъ только отрядъ показался изъ крѣпостныхъ воротъ, сторожившіе на горахъ киргизы стремглавъ полетѣли извѣщать своихъ. Отойдя верстъ на 60 отъ укрѣпленія на мѣстности ровной, отрядъ сталъ замѣчать, что со всѣхъ сторонъ подвигались къ нему разрозненныя толпы киргизъ. Не замедляя шага, Рукинъ все-таки послалъ впередъ двухъ киргизъ узнать зачѣмъ такое сборище. Адаевцы прямо отвѣтили, что не желаютъ пустить Рукина далѣе въ степь. Несмотря на это предупрежденіе, Рукинъ подвинулся еще на нѣсколько верстъ впередъ и остановился на ночлегъ у колодцевъ.

На другой день толпа тысячъ въ десять человекъ окружила стоянку отряда и требовала, чтобы Рукинъ возвратился въ фортъ. Отвѣтомъ на это былъ залпъ изъ казачьихъ винтовокъ, но адаевцы не испугались и также открыли огонь. Началась перестрѣлка, которая, къ счастью, на этотъ разъ окончилась ничѣмъ. Ни съ той, ни съ другой стороны убитыхъ не было.

Отрядъ провелъ здѣсь и другую ночь. Отсюда, видя, что дѣло плохо, Рукинъ отправилъ въ фортъ къ Зеленину съ запиской киргиза, прося прислать подкрѣпленіе, фельдшера съ медикаментами и три ведра

лодки для порцій казакамъ и сверхъ того второй комплектъ патроновъ по 40 на каждого человѣка.

Записка была получена въ фортѣ 24 марта въ 5 час. вечера, и немедленно было сдѣлано распоряженіе для сбора новаго отряда.

Здѣсь между прочимъ надо замѣтить, что гарнизонъ форта состоялъ всего изъ 200 казаковъ, изъ коихъ часть была съ Рукинымъ. Слѣдовательно, въ укрѣпленіи оставалось только 150 человѣкъ и то пѣшихъ. На лицо лошадей было лишь 24 казенныхъ, изъ нихъ 6 возили постоянно воду для гарнизона, 6 всегда имѣлись въ запасъ на разныя непредвидѣнныя потребности и только 12 лошадей были свободными.

Чтобы составить отрядъ, пришлось отбирать лошадей у торгующихъ въ фортѣ армянъ. Однако къ 10 часамъ вечера того же дня былъ собранъ отрядъ изъ 20 казаковъ; 1 урядникъ, 1 офицеръ, 1 фельдшеръ, 2 лошади подъ орудіе и двѣ лошади были отданы подъ фуры, нагруженныя всѣмъ необходимымъ и 1.600 патронами втораго комплекта.

Передъ выступленіемъ былъ отслуженъ молебенъ. Священникъ отъ себя благословилъ казаковъ образомъ святителя Николая чудотворца. Казаки-уральцы, хотя большею частію старовѣры, но съ усердіемъ молились и съ благоговѣніемъ приняли икону.

Отрядъ выступилъ подъ командой есаула К., одного изъ опытныхъ въ степныхъ дѣлахъ офицера. Вожакомъ при отрядѣ пошелъ сынъ бѣя Маяева.

Всю ночь шли казаки и къ утру, только не успѣли дойти до стоянки Рукина всего 10 верстъ, но услыжавъ отъ встрѣчныхъ киргизъ скорбную вѣсть, что отрядъ Рукина взятъ въ плѣнъ и самъ онъ убитъ, а навстрѣчу казакамъ везли тѣло убитаго же бѣя Маяева, отрядъ заблагоразсудилъ вернуться назадъ.

Между тѣмъ послѣ послышки въ фортъ записки, отрядъ Рукина проведъ спокойно ночь съ 24 на 25 марта. Утромъ киргизы отхлынули отъ его становища и разбрелись по горамъ. Видя, что адаевцы какъ будто отказались отъ нападенія вновь, Рукинъ поспѣшилъ сняться и выступилъ по направленію къ форту. Но не успѣлъ онъ отойти и двухъ верстъ отъ своего лагеря, какъ со всѣхъ сторонъ снова былъ окруженъ толпами киргизъ. Началась перестрѣлка. Адаевцы отбили всѣхъ верблюдовъ съ продовольствіемъ. Толпы ихъ почти не давали ходу отряду, и въ этотъ день отрядъ могъ пройти не болѣе десяти верстъ.

На пути къ форту близъ Каспійскаго моря тянулся громадный оврагъ. Рукинъ направился къ нему, рассчитывая на помощь рыбопромышленниковъ, которые постоянно ютятся тутъ. Онъ думалъ воспользоваться ихъ лодками и уплыть моремъ въ фортъ. Но киргизы предупредили его. Они всей своей громадной толпой заняли оврагъ этотъ и окончательно преградили отряду путь отступленія.

Оцѣпленный въ засадѣ съ казаками, да еще безъ воды и продовольствія, Рукинъ сначала думалъ уговорить адаевцевъ и съ этою цѣлю послалъ къ нимъ бѣя Маяева. Киргизы однако были противъ всякихъ уступокъ. Не успѣлъ Маяевъ отдѣлаться отъ отряда и начать переговоры, зловѣщая пуля его же родичей положила его на мѣстѣ.

Дѣло было плохо; помощи нѣтъ, до форта было 120 верстъ. Всѣ приготовились къ смерти. Ночь прошла все-таки благополучно. Киргизы, разложивъ кругомъ огни, только зорко слѣдили, чтобы какъ-нибудь не ушли казаки.

На разсвѣтѣ къ отряду подѣхали трое адаевцевъ (два бѣя и одинъ старшина), невооруженные и потребовали къ себѣ для переговоровъ киргиза Косынку, приближеннаго Рукина, котораго наканунѣ онъ отправилъ изъ отряда. Когда имъ сказали, что его нѣтъ, они попросили подойти къ нимъ Рукина съ переводчикомъ. Есаулъ Логиновъ (уралецъ) зналъ по-киргизски и вмѣстѣ съ нимъ Рукинъ отправился къ киргизскимъ бѣямъ.

Переговоры велись не долго. Адаевцы категорически заявили, что они до тѣхъ поръ не выпустятъ отрядъ изъ засады, пока казаки не положатъ оружіе. Зная однако хорошо вѣроломство киргизъ, ес. Логиновъ къ несчастію приказалъ казакамъ обезоружиться. Тѣ сначала было не соглашались, но когда имъ пригрозили, что ихъ отдадутъ подъ судъ за такое ослушаніе, они молча сложили свои ружья въ кучу.

Киргизы прикрыли ружья попоной и сѣли на нихъ кружкомъ, посадивъ рядомъ съ собой и Логинова. Въ стоячемъ положеніи остался только одинъ Рукинъ. Онъ былъ одѣтъ въ дубленый некрытый полушубокъ. Въ карманѣ у него находился шестиствольный револьверъ, заряженный еще мѣсяца три тому назадъ.

Не прошло и двухъ минутъ, киргизы крикнули «Алла!», соскочили съ мѣста и бросились на казаковъ. На Логинова накинута веревку на шею и привязали его къ верблюду. На Рукина тоже бросились нѣсколько человекъ, но онъ выхватилъ револьверъ и въ упоръ навелъ на киргизъ: увы! осѣчка! Недолго думая, онъ повернулъ револьверъ къ себѣ въ ротъ, спустилъ курокъ, и выстрѣлъ грянулъ. Безъ стога, безъ крика замертво упалъ Рукинъ.

Тутъ началась «кутерма»,—какъ рассказывалъ потомъ киргизъ Косынка,—все время слѣдившій за отрядомъ съ ближайшей горы. Казаки, хотя съ пустыми руками, долго все-таки отстаивали свою независимость, но въ концѣ концовъ принуждены были сдаться. 17 человекъ легли костями, а остальныхъ увели въ плѣнъ. Съ головы же Рукина скальпировали волосы и вмѣстѣ съ его лошадыю отправили къ хивинскому хану, у котораго просили себѣ подкрѣпленія для дальнѣйшихъ дѣйствій противъ русскихъ.

*

Послѣ такой звѣрской расправы, адаевцы, не удовольствовавшись этимъ, всюю массою набросились на рыбопромышленниковъ въ заливѣ Сарташъ, гдѣ стояли лодки поселенцевъ Николаевской станицы ¹⁾, приписанной къ форту Александровскому. Потомъ пошли грабить всѣ рыболовныя суда по каспійскому побережью. Работы для адаевцевъ было много, потому что рыбопромышленники дорого отдавали свою жизнь.

Цѣль киргизъ была уничтожить этихъ слабыхъ защитниковъ прежде, чтобы они не могли чѣмъ-нибудь помочь форту Александровскому, а потомъ напасть на укрѣпленіе, ибо знали хорошо, какъ незначителенъ въ немъ гарнизонъ, а подмоги скоро ждать нельзя было, такъ какъ до ближайшаго русскаго населеннаго пункта — Гурьева городка, отъ форта было 400 верстъ, сами же они составляли довольно громадную силу въ 30 тыс. кибитокъ и къ тому же ожидалось подкрѣпленіе изъ Хивы.

Но, занявшись истребленіемъ рыбацкихъ лодокъ, они тѣмъ дали возможность приготовиться форту къ оборонѣ.

III.

Получивъ отъ возвратившагося отряда извѣстіе о гибели Рукина и его казаковъ и подробности дѣла отъ Косынки, прибывшаго въ фортъ черезъ три дня послѣ этого событія, капитанъ Зеленинъ, какъ старшій въ фортѣ, сообразивъ, что адаевская орда возстала поголовно, поспѣшили приготовить фортъ къ оборонѣ, а между тѣмъ 27-го марта на казенной кусовой лодкѣ отравилъ командиру войсками Уральской области донесеніе, на Гурьевъ, и кромѣ того была послана еще одна поселенческая лодка на Астрахань. Послѣдней посчастливилось добраться до мѣста въ три дня, такъ что уже 1-го апрѣля оренбургскій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Крыжановскій зналъ подробности этого возмущенія.

Въ ночь послѣ получения извѣстія, всѣ кочевавшіе около форта киргизы ушли въ степь. Разбѣжались даже изъ укрѣпленія всѣ прикащики у торгующихъ тамъ армянъ и ихъ работники-киргизы. Остался только одинъ киргизъ вмѣстѣ съ престарѣлымъ своимъ отцомъ и семействомъ, который согласился лучше умереть съ русскими и просилъ взять его въ крѣпость.

¹⁾ Николаевская ст. отстояла въ пяти верстахъ отъ форта. Поселенцы имѣли 60 ударныхъ гладкоствольныхъ пѣхотныхъ ружей со штыками и по 40 патроновъ на каждое.

Чтобы имѣть больше боевыхъ запасовъ, Зеленинъ распорядился дѣлать скорѣе снаряды и ружейные патроны. Шитьемъ мѣшковъ для снарядовъ были заняты всѣ находившіяся въ фортѣ женщины. Весь мужской элементъ занялся поправкой крѣпостныхъ стѣнъ, очисткой валоу и всѣми необходимыми для обороны работами.

Между тѣмъ адаевцы, узнавъ о слѣдующихъ приготовленияхъ въ укрѣпленіи, чтобы также обмануть Зеленина, какъ и Рукина, послали къ нему отъ имени ему хорошо знакомаго бѣя письмо, съ родственникомъ этого киргизскаго вельможи, въ которомъ бѣя, какъ будто не причастный возмущенію адаевцевъ, пишетъ, что, такъ какъ Рукинъ не поладилъ съ народомъ, а адаевцевъ въ то время было 5 тыс. человекъ, то они захватили и его, и казаковъ въ плѣнъ; теперь же хотятъ привести Рукина въ фортъ, пусть Зеленинъ выѣдетъ встрѣтить его.

Зная, для чего была сдѣлана такая уловка, капитанъ Зеленинъ приказалъ задержать посланнаго бѣемъ родственника, а ему послалъ письмо, что если бѣя приведетъ Рукина въ укрѣпленіе, то ему будетъ выхлопотана Высочайшая награда, на встрѣчу будетъ выслано приличное число казаковъ, но онъ, Зеленинъ, считая себя начальникомъ надъ киргизами, не дойдетъ до такого униженія, чтобы выѣзжать на встрѣчу подчиненнаго ему бѣя.

Письмо было отправлено съ самымъ бѣднѣйшимъ киргизомъ (какіе у киргизъ называются «игинчей») и на самой худшей лошаденкѣ.

Бѣя обидѣлся такимъ отвѣтомъ и снова писалъ Зеленину, упрекая его въ задержаніи родственника, чѣмъ, молъ, остались недовольны и всѣ остальные адаевцы. На это Зеленинъ также послалъ отвѣтъ, гдѣ говорилъ, что киргизъ онъ не боится, и въ фортѣ для ихъ угощенія припасено 10 пушекъ. А самъ тѣмъ временемъ, подъ угрозой «повѣсить», допросилъ его родственника, который показалъ, что у адаевцевъ рѣшено напасть на фортъ въ Вербное воскресенье.

Дѣйствительно такъ и случилось. Часа въ четыре вечера въ этотъ день, громадная толпа, тысячъ въ десять киргизъ, показалась съ восточной стороны форта, подвигаясь безформенною массою все ближе и ближе къ стѣнамъ укрѣпленія.

Какъ только они вступили въ сферу огня, изъ крѣпости по нимъ былъ открытъ сильный ружейный и пушечный огонь. Киргизы отшатнулись и тотчасъ же разсыпались въ разныя стороны.

Недалеко отъ форта, саженьяхъ въ двухстахъ, была гора ¹⁾, довольно высокая, командовавшая надъ окружающею мѣстностью и надъ укрѣпленіемъ. Киргизы бросились занять ее и, если бы успѣли, то могли бы бить въ фортъ людей на выборъ; но Зеленинъ предупредилъ ихъ, вы-

¹⁾ Та самая, на которой раньше былъ флаштокъ.

звалъ 12 чел. охотниковъ и послалъ на эту гору, въ обходъ, съ противоположной стороны такъ, чтобы киргизы не замѣтили этой вылазки.

Не успѣли киргизы влѣзть и до половины горы, какъ уже казаки были на вершинѣ и оттуда «батальнымъ» огнемъ приняли ихъ. Адаевцы, конечно, не ожидали такой встрѣчи. Подобравъ убитыхъ и раненыхъ, они отступили.

Въ первый день нападенія киргизъ, для устрашенія ихъ, былъ пущенъ, можно сказать, усиленно-адскій огонь, для того именно, чтобы не дать подумать имъ, что въ фортѣ такой незначительный гарнизонъ. Пальба продолжалась до 8 час. вечера. Киргизы разсыпались по всей степи. Всю ночь пришлось быть насторожѣ.

Но скоро киргизы перемѣнили тактику и стали затѣмъ нападать на фортъ по ночамъ. Была страстная недѣля, ночи темныя, зги не видать. У подошвы горы, на которой стоялъ фортъ, на западной его сторонѣ, было разбросано поселеніе, гдѣ жили армяне, торговавшіе разными азіатскими товарами въ маленькихъ лавченкахъ при своихъ домахъ. Тутъ же былъ и базаръ, гдѣ производилась мѣна большею частью ржаного хлѣба на барановъ.

Какъ только киргизы сдѣлали нападеніе на фортъ, всѣ армяне, побросавъ свои домишки и товары, перебрались въ укрѣпленіе. Киргизы же воспользовались этимъ случаемъ и по ночамъ стали грабить армянское предмѣстье, рубили со злости двери домовъ, ломали окна. У армянъ, глядя на это, сердце обливалось кровью и они просили Зеленина хоть какъ-нибудь спасти ихъ имущество, просили стрѣлять въ киргизъ. Зеленинъ сначала не согласился, боясь сжечь предмѣстье, но потомъ, по усиленной просьбѣ армянъ, когда они сказали ему: «пусть лучше ядра сожгутъ наши дома, лишь бы имущество не доставалось киргизамъ»,—онъ приказалъ стрѣлять картечью. Киргизы перестали грабить, но лишь орудія прекращали огонь, они снова начинали ломать двери и окна.

Наконецъ въ четвергъ на страстной недѣлѣ съ Кавказа ¹⁾ прибыло давно ожидаемое первое подкрѣпленіе: двѣ роты пѣхоты съ двумя различными орудіями подъ командой маіора Архангельскаго. Въ первый же день св. Пасхи, ночью, въ то время, какъ шла великая утренняя, пришли къ форту еще двѣ роты стрѣлковъ и 140 дагестанцевъ подъ главнымъ начальствомъ графа К—сова.

Здѣсь для общей характеристики дѣла нельзя не привести эпизодъ встрѣчи послѣдняго подкрѣпленія, съ которымъ прибывалъ графъ, на-

¹⁾ Полуостровъ Мангышлакъ въ 1870 г. былъ переданъ изъ вѣдомства оренбургскаго генераль-губернатора въ вѣдѣніе Кавказскаго намѣстничества. Зеленинъ, посылая донесеніе въ Уральскъ, не зналъ еще этого.

значенный главнымъ начальникомъ всего посланнаго для подкрѣпленія отряда.

Гарнизонъ, отслушавъ пасхальную литургію, разошелся по домамъ отдохнуть. Какъ разъ въ это время къ пароходной пристани прибыли ожидаемые дагестанцы. Хотя для встрѣчи графа заранѣе были отданы распоряженія, но караульные прозѣвали и не успѣли дать знать въ фортъ, такъ что графу шесть верстъ отъ пристани пришлось промаршировать пѣшкомъ.

Это было первое для него неудовольствіе. Второе случилось въ самомъ фортѣ; это то—что Зеленинъ вышелъ встрѣтить его, просто въ сюртукѣ, а не въ мундирѣ, который второпяхъ забылъ надѣть, ибо, проведя подъ-рядъ нѣсколько бессонныхъ ночей, онъ потерялъ совсѣмъ голову. Но графу это ужасно не понравилось, и онъ, чтобы сорвать на комъ-нибудь свой гнѣвъ, обрушился понятно сначала на Зеленина, а затѣмъ, онъ назначилъ въ 10 час. утра въ первый пасхальный день смотръ всему гарнизону. Найдя вездѣ скверно, не чисто, людей заморенными, графъ еще разъ сдѣлалъ нотацию Зеленину въ канцеляріи, пригрозивъ смѣнить его съ должности воинскаго начальника.

Такъ прошелъ первый день Пасхи. Дальнѣйшія дѣйствія графа принудили его помириться и стать въ дружескія отношенія къ Зеленину, такъ какъ онъ не зналъ, какъ начинать дѣйствія противъ киргизъ, а объяснить это могъ ему только Зеленинъ. Но впоследствии онъ все-таки отомстил своему подчиненному очень жестоко.

Когда прибыло подкрѣпленіе въ фортъ, около него уже не было ни одного киргиза. Они отхлынули въ глубь степи, хотя кочевали не далѣе 60—70 верстъ отъ укрѣпленія. Чтобы уничтожить бунтъ въ зародышѣ, пока киргизы не убрались дальше въ степь, гдѣ за ними трудно угоняться, капитанъ Зеленинъ предложилъ графу тотчасъ же преслѣдовать ихъ.

— У меня нѣтъ перевозочныхъ средствъ, — сказалъ графъ, — какъ же я пойду до степи безо всего.

— Разстояніе, ваше сіятельство такъ незначительно, что для перевозки вещей не надо верблюдовъ, когда каждый солдатъ можетъ имѣть съ собой сухарей на три дня, а дагестанцы могутъ захватить овса сколько угодно. Вѣдь до киргизъ ходу не больше двухъ дней. На мясную порцію барановъ отбить можно у тѣхъ же киргизъ.

— Что же, мои дагестанцы безъ сѣна на одномъ овсѣ будутъ лошадей морить?

— Помиляйте! Наши отряды никогда сѣна съ собой не берутъ, а между тѣмъ ходятъ по степи цѣлые мѣсяцы, на то трава есть.

Графъ не соглашался ни на какіе доводы и началъ дѣйствовать по-своему. Узнавъ отъ Зеленина, что въ 250 верстахъ отъ форта, къ югу,

по берегу Каспійскаго моря, ближе къ Красноводску, на урочищѣ Александръ-Бай кочуютъ мирные туркмены, онъ послалъ туда за верблюдами всѣхъ дагестанцевъ (140 чел.), прибывшихъ съ нимъ, подъ начальствомъ капитана князя Багратіона-Мухранскаго.

Это было первое неудачное распоряженіе. То безъ сѣна двухъ дней не могли пребыть дагестанцы, когда нужно было сдѣлать натискъ на киргизъ; а тутъ 250 верстъ пройти усиленнымъ маршемъ по крайней мѣрѣ не менѣе пяти дней оказалось возможнымъ безъ сѣна. Мало того, черезъ два дня по отправкѣ отряда князя Мухранскаго, графъ самъ выступилъ въ степь, взявъ съ собою всѣ четыре роты пѣхоты и одно нарѣзное орудіе, оставивъ только, для охраненія ранцевъ и другихъ ротныхъ принадлежностей, 70 солдатъ при одномъ орудіи, подъ командой маіора Архангельскаго, которые были расположены по квартирамъ въ армянскомъ предмѣстьи.

Уходя въ степь, графъ строго приказалъ Архангельскому, что бы ни случилось, не переходить въ фортъ. Но графъ, отдавая приказанія, упустилъ изъ виду, что солдаты эти, оставаясь неприкрытыми въ домахъ армянъ, при первомъ же нападеніи киргизъ, должны будутъ неминуемо погибнуть, такъ какъ форту не представлялась никакой человѣческой возможности защищать ихъ. Чтобы отбить на нихъ нападеніе, пришлось бы прежде всего бить своихъ. Это приблизительно такъ и случилось.

Когда графъ ушелъ и увелъ съ собою все присланное для форта подкрѣпленіе, то фортъ остался при прежнихъ своихъ силахъ—170 казакахъ, изъ коихъ только 70 чел. имѣли нарѣзные ружья, а остальные кремневые и 8-мъ мѣдныхъ шестифунтовыхъ орудій стараго образца, вылитыхъ еще въ 1809 году. На другой день, утромъ, киргизы окружили его со всѣхъ сторонъ, точно знали о незавидномъ положеніи гарнизона.

Такое неожиданное обстоятельство всѣхъ привело въ сильное уныніе. Какъ отстаивать укрѣпленіе отъ полчищъ непріятеля съ такими силами. Маіоръ Архангельскій, къ которому Зеленинъ обратился за помощію, на-отрѣзъ отказался присоединить своихъ солдатъ къ гарнизону, потому что ему не приказано было это графомъ. Пришлось ограничиться тѣмъ, что было въ фортѣ. Много армянъ вооружили ружьями, даже лазаретную команду разставили по стѣнамъ, словомъ сказать, кто только могъ владѣть оружіемъ, всѣ были вооружены. Всѣ точно передъ смертью молились и прощались другъ съ другомъ.

Цѣлый день прошелъ въ томительномъ напряженіи. Киргизы, зная, что ихъ хорошо угостятъ изъ орудій, расположившись на горахъ и занявъ всѣ проѣзды, дожидались лишь ночи, чтобы напасть на укрѣпленіе.

День близился къ вечеру. Весь наличный составъ гарнизона

быль на стѣнахъ. Вѣтхія главныя ворота были заложены камнями на случай сильнаго нападенія врага.

Еще не успѣло солнце склониться къ западу, какъ маіоръ Архангельскій прислалъ въ фортъ посланнаго заявить, что онъ желаетъ присоединиться къ гарнизону. Дѣлать было нечего—надо было принять его. Несмотря на то, что киргизы въ это время стали собираться въ одну кучу, Зеленинъ послалъ въ предмѣстье 25 казаковъ помочь перевезти оставшееся тамъ у Архангельскаго орудіе. Везти его прямо по причинѣ гористой мѣстности было нельзя и надо было обвезти кругомъ форта версты на двѣ.

Какъ ни опасно было это въ виду непріятели, однако все сошло благополучно; киргизы, занятые сборомъ разрозненныхъ своихъ партій, даже не замѣтили такого маневра. Наконецъ орудіе было ввезено, солдаты предмѣстья вступили въ фортъ, и ворота крѣпостныя снова завалили камнями.

Солнце почти сѣло за горизонтомъ и только лишь одинъ едва замѣтный край его багроваго заката разбрасывалъ по голубому небу свои лучи, образуя величественную звѣзду, кровавистые отблески которой длинными линиями ложились по землѣ, окрашивая въ какой-то своеобразный цвѣтъ и травы степи, и вершины горъ, и всю видимую окрестность. Вся громада киргизъ поднялась со сборнаго мѣста и бѣшеннымъ галопомъ кинулась вдоль горы по направленію къ форту. Въ укрѣпленіи уже все было приготовлено, чтобы встрѣтить гостей хорошей картечью.

Прошло довольно много времени. Солнце сѣло, и наступила полная темнота (ибо въ этихъ странахъ тотчасъ же послѣ захода солнца наступаетъ ночь). Вдругъ на склонѣ горы показались едва замѣтные силуэты. У орудій приготовили пальники. Но слышно, что кто-то кричитъ по-русски. Изъ форта напрягли вниманіе. Двое какихъ-то людей кричали: «кавалерію! кавалерію!»—Оказалось, что это были князь Мухранскій и съ нимъ уральскій урядникъ, взятый графомъ изъ гарнизона. Понятно, ихъ сейчасъ же впустили въ фортъ, и отъ нихъ узнали, что вся громада киргизъ, которая окружала фортъ, обрушилась на отрядъ графа, возвращавшагося съ поѣздки за верблюдами.

Дѣло было такимъ образомъ. Когда графъ выступилъ слѣдомъ за княземъ Мухранскимъ, посланнымъ къ туркменамъ, недалеко, въ двухъ переходахъ отъ форта, онъ встрѣтилъ его возвращающимся, при чемъ князь Багратіонъ доложилъ графу, что у него была стычка съ адаевцами и нѣсколько дагестанцевъ было ранено. Не долго думая, графъ рѣшилъ ѣхать обратно въ укрѣпленіе, чтобы написать объ этомъ дѣлѣ реляцію, захвативъ съ собою князя и лишь 50 человекъ дагестанцевъ въ конвой. Весь остальной отрядъ остался въ 40 верстахъ отъ форта.

На-рысахъ къ вечеру того же дня графъ и князь были уже въ 9

верстахъ отъ укрѣпленія. Киргизы, замѣтивъ такую маленькую кучу всадниковъ, всей ватагой бросились ей на-перерѣзъ, чтобы не дать соединиться съ крѣпостью. Въ 6 верстахъ произошло столкновение. Князь Багратионъ съ своимъ вѣстовымъ, будучи впереди дагестанцевъ, кое-какъ, пользуясь темнотою, успѣлъ уйти и дать знать форту, чтобы туда послали выручку.

Хотя отъ мизернаго состава укрѣпленія рискованно было посылать подкрѣпленіе въ виду опасности со стороны непріятеля, однако Зеленинъ рискнулъ и выслалъ впередъ 60 солдатъ и 25 верховыхъ казаковъ при нарѣзномъ орудіи подъ командой маіора Аргангельскаго.

Чтобы поддерживать связь съ фортомъ и знать, достигъ ли отрядъ цѣли, Зеленинъ далъ отправляющимся наставленіе, чтобы горнисть, бывшій въ этомъ отрядѣ, подавалъ сигналъ безпрестанно и прислушивался бы къ отвѣтнымъ выстрѣламъ изъ форта. Отряду приказано было идти какъ можно осмотрительнѣе, ружья имѣть на-готовѣ и, если придется столкнуться съ киргизами, то передней шеренгѣ дать по нимъ сначала залпъ, а потомъ дѣйствовать, смотря по ходу дѣла.

Сигналы горниста нѣсколько времени шли учашенно, но потомъ вдругъ замолкли. Долго ничего не было слышно. Наконецъ, такъ приблизительно черезъ часъ, послышался отдаленный отвѣтный сигналъ и затѣмъ орудійный громъ. Въ фортѣ всѣ вдохнули свободно и многіе перекрестились. Укрѣпленіе было спасено.

Но что произошло съ конвоемъ графа? Графъ спасся только благодаря отчаянной и чрезмѣрной храбрости дагестанцевъ. Когда на нихъ напали киргизы и вся толпа ихъ растянулась версты на три по дорогѣ, графъ вызвалъ изъ дагестанцевъ десять человекъ охотниковъ. Они дали залпъ по киргизамъ, такъ сказать, сначала ошеломили ихъ, потомъ схватили шашки и бросились на нихъ въ рукопашную, черезъ что въ толпѣ киргизъ произошло замѣшательство. Задніе напирали на переднихъ, а передніе, не ожидая такого отпора, подавались невольно назадъ.

Десять первыхъ дагестанцевъ легли костью. За ними были высланы еще 10 человекъ, изъ которыхъ нѣкоторые были убиты и ранены. Въ это время съ форта раздались орудійные выстрѣлы. Затѣмъ вскорѣ послѣ того начались сигналы горниста посланнаго на выручку отряда, и это спасло графа. Киргизы, думая, что идетъ большое подкрѣпленіе, сразу отхлынули во всѣ стороны.

Часовъ въ десять вечера графъ благополучно прибылъ въ фортъ и прямо проѣхалъ на квартиру Зеленина благодарить его за выручку и тутъ за чаемъ и доброй чаркой водки они примирились.

— Ну, какъ вамъ понравились наши адаевцы? — между прочимъ спросилъ Зеленинъ графа, который по пріѣздѣ въ фортъ съ Кавказа

выразился, что для такой дряни, какъ адаевцы, совѣстно шапки вынимать.

— Да, чортъ возьми, — промолвилъ графъ, — это хоть дагестанцамъ въ пору съ ними состязаться. — Народъ дикій, отчаянный.

Во время нападенія, киргизы отбили у графа вьючную лошадь, на которой въ чемоданѣ были всѣ его вещи: бумаги, деньги, портретъ его жены, а изъ рукъ у него выдернули двухствольную винтовку.

О бывшемъ дѣлѣ, конечно, тотчасъ же было донесено на Кавказъ, и оттуда вскорѣ было прислано еще подкрѣпленіе: пять сотенъ дагестанцевъ, стрѣлковый батальонъ въ полномъ составѣ и два нарѣзныхъ орудія черноморскаго войска.

Когда прибыли эти войска въ фортъ, графъ забралъ всѣ ихъ и снова ушелъ въ степь къ заливу Сарыташъ, оставивъ укрѣпленіе опять съ его незначительнымъ гарнизономъ, — цѣль его похода была наказать киргизъ, но они, какъ нарочно, ушли въ это время на Усть-Уртъ ближе къ Хивѣ, въ непроходимыя, безводныя степи, куда трудно было добраться непривычнымъ отрядамъ. Но до пріѣзда новаго начальника всего Мангышлакскаго полуострова полковника Ломакина ¹⁾, назначеннаго на мѣсто убитаго Рукина, графъ ровно ничего не сдѣлалъ.

Преслѣдованіе киргизъ было возложено на него, и Ломакину въ одну изъ такихъ командировокъ удалось захватить враждебный аулъ со всѣмъ скотомъ: 20 тыс. барановъ, 2 тыс. лошадей и 600 верблюдовъ. Но съ этимъ скотомъ опять-таки произошелъ казусъ.

Какъ главный начальникъ всего отряда, графъ, получивъ объ этомъ донесеніе, сейчасъ поѣхалъ въ фортъ, чтобы отсюда послать донесеніе князю Меликову, и захватилъ съ собой Ломакина, весь же скотъ приказалъ направить въ укрѣпленіе, но безъ всякаго прикрытія. Конечно, по дорогѣ, киргизы весь скотъ расхватили во всѣ стороны. Нужно было видѣть, въ какомъ положеніи оказался графъ. Дѣлать нечего. Пришлось доносить другой разъ князю о пропажѣ захваченнаго скота.

Видя, что дѣла творятся неладныя, князь Меликовъ поспѣшилъ пріѣхать самъ въ лагерь. Но, конечно, не могъ уже помочь дѣлу. Киргизы всѣ ушли въ хивинскіе предѣлы и оттуда не возвращались.

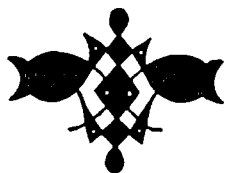
Этимъ кончилось возстаніе адаевцевъ и больше не возобновлялось. Войска русскія были хорошо награждены, особенно дагестанцы, бывшіе въ дѣлѣ съ графомъ и получившіе по георгіевскому кресту каждый и, кромѣ того, денежныя награды отъ своего начальства. Почти забыты

¹⁾ Участникъ Хивинскаго похода и герой Геодъ-Тепе. Впоследствии за ваятіе Хивы былъ произведенъ въ генераль-майоры. Зеленинъ отзыввается о немъ, какъ о человѣкѣ чрезвычайныхъ способностей. Онъ былъ очень уважаемъ княземъ Меликовымъ.

были только защитники форта, ибо о нихъ никто не хотѣлъ и позаботиться, такъ что Зеленинъ вынужденъ былъ доложить объ этомъ лично князю Меликову, и защитники потомъ награждены были по-царски. Но самой величайшей наградой для гарнизона былъ прїездъ въ фортъ его высочества великаго князя намѣстника, передавшаго имъ «царское спасибо» за вѣрную службу.

П. Юдинъ.

Баронъ Николай Александровичъ Корфъ

въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ.

IV ¹⁾.

Заслуги барона Корфа въ дѣлѣ народнаго образованія.

Имѣющаяся въ нашемъ распоряженіи переписка съ барономъ Н. А. Корфомъ собственно о народномъ образованіи такъ обширна и разнообразна, что мы не въ состояніи даже полностью воспользоваться ею и вынуждены, къ сожалѣнію, ограничиться лишь наиболѣе существенными и характерными сторонами этой замѣчательной переписки. Какъ увидимъ изъ приведенныхъ ниже писемъ, переписка эта—строго дѣловаго характера: она требовала отъ барона Н. А. Корфа не простаго только обмѣна мнѣніями, но въ значительномъ большинствѣ случаевъ—совѣтовъ, указаній, разъясненій и пр. Само собою понятно, какъ много труда уходило на веденіе серьезной переписки такого рода съ сотнями лицъ. Но это дѣлалось во имя идеи народнаго образованія,—и баронъ Корфъ не щадилъ своихъ силъ для пропаганды дѣла, которому онъ былъ преданъ по истинѣ беззавѣтно. Онъ поддерживалъ однихъ, увлекалъ другихъ, руководилъ третьими.

Своими многочисленными письмами, журнальными и газетными статьями, цѣлымъ рядомъ специальныхъ научно-педагогическихъ трудовъ, наконецъ, своею практическою школьною дѣятельностію—онъ будилъ общественное вниманіе къ народному образованію во всей Россіи, заставляя думать о немъ, интересоваться имъ и, худо ли, хорошо ли, безостановочно подвигать его впередъ. Въ общественномъ сознаніи ясно чувствовалась пульсація идеи народнаго образованія, а образованная часть общества съ замѣтною жадностію воспринимала это новое въ ту пору дѣло у насъ, усиливаясь въ деталяхъ изучить его и прочно

¹⁾ См. „Русск. Старину“, іюнь 1894 г.

насадить въ Россіи, справедливо довѣряясь въ этомъ барону Н. А. Корфу, какъ иниціатору, съ увлеченіемъ слѣдую его примѣру и руководству.

Все это—повторяемъ—внушительно и рельефно отразилось въ той именно перепискѣ, къ обзору которой мы и приступаемъ теперь. Для удобства обзора, чтобы не потеряться въ массѣ корреспондентовъ и чрезвычайно сложныхъ мотивахъ ихъ переписки, попытаемся рассмотреть послѣднюю, распредѣливъ ее на слѣдующія отдѣльныя группы: 1) письма частныхъ лицъ, не занимавшихъ никакого officialнаго положенія въ учебномъ мѣрѣ; 2) письма лицъ, искавшихъ мѣста народнаго учителя или занимавшихъ уже эту должность; 3) переписка съ разнаго рода должностными лицами учебнаго вѣдомства; 4) сношенія съ губернскими и уѣздными земскими учрежденіями, и 5) письма, относящіяся къ забаллотированію барона Н. А. Корфа на выборахъ землевладѣльцевъ Александровскаго уѣзда.

Указанное подраздѣленіе тѣмъ болѣе необходимо, что, не имѣя возможности цѣликомъ обнять всѣхъ писемъ къ барону Корфу, нужно, по крайней мѣрѣ, отнѣять удивительное разнообразіе и лицъ, бывшихъ замѣчательно усердными корреспондентами его, и мотивовъ этой горячей, какъ боевая перестрѣлка, переписки по самымъ разнообразнымъ и животрепещущимъ мотивамъ. Въ виду этого, рассматриваемый отдѣлъ переписки съ барономъ Корфомъ довольно вѣрно отражаетъ въ себѣ, можно сказать, почти всю сложную фізіономію тогдашняго общества, съ его желаніями и надеждами, порывами и стремленіями.

1.—Письма частныхъ лицъ.

Въ числѣ корреспондентовъ этой категоріи есть и совершенно неизвѣстныя лица, и лица высокопоставленныя. Для тѣхъ и другихъ баронъ Корфъ былъ одинаково привлекателемъ своею горячею любовью и преданностью дѣлу народнаго образованія. Письма ихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія по безкорыстности, искренности, безупречной чистотѣ побужденій, которыми руководствовались вступившіе въ переписку съ барономъ Корфомъ. Пропуская множество писемъ, весьма интересныхъ по своимъ высокимъ нравственнымъ мотивамъ съ общей точки зрѣнія, мы остановимся лишь на тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ преобладаетъ собственно общественный и государственный интересъ; все же личное совершенно отходить на задній планъ.

Вотъ, напримѣръ, письма княгини Наталіи Николаевны Друцкой-Соколинской, извѣстной дѣятельницы по народному образованію, о соб-

ственной элементарной школѣ которой въ Смоленскѣ было сказано въ одномъ изъ писемъ Н. О. Бувакова къ барону Корфу, приведенныхъ еще въ первомъ очеркѣ.

Какъ мнѣ жаль, многоуважаемый Николай Александровичъ, что до сихъ поръ не могла выслать Вамъ требуемая книга, но вина не во мнѣ, а въ здѣшней земской управѣ и предсѣдателѣ земства. Вообразите, сколько разъ я у него ни спрашивалась, отвѣтъ былъ одинъ: что печатныхъ брошюръ нѣтъ, а письменные доклады есть, которые мнѣ и дадутъ; однако — не давали. Наконецъ, едва-едва добыла я докладъ земству о народныхъ училищахъ за 1867 г., который я переписала и высылаю Вамъ вмѣстѣ съ журналами за 1866-й годъ и 1867-й годъ. Думаю, что это для Васъ не такъ существенно; можетъ быть Вамъ нужнѣе были бы журналы и доклады за нынѣшній годъ, но во всякомъ случаѣ лучше что-нибудь, чѣмъ ничего. Впрочемъ, я на этомъ не останавлиюсь, а по возможности вытребую все, что только пишется и печатается, и въ скорѣйшемъ времени вышлю Вамъ.

Благодарю за присланный отчетъ и за желаніе выслать мнѣ азбуку (Послѣдняя у меня имѣется). Чтеніе отчета производятъ двойное впечатлѣніе на читателя. Тяжелое — потому, что картина безобразій, раскрываемая Вами — повсемѣстна. я что только одинъ исходъ — съ увлеченіемъ и энергично ваяться за дѣло: раскрыть болѣзнь и потрѣбу уже излѣчить ее. Пріятное — потому что даетъ хорошее понятіе о Вашей личности. Честь и слава Вашей энергіи и труду!

Вы спрашиваете въ своемъ письмѣ: сильна ли партія „Вѣсти“ здѣсь и проклинаются ли здѣсь Ваши статьи? Нѣтъ, не сильна, болѣе фигурируютъ „Голосъ“, „Московскія Вѣдомости“ и др. Васъ же, по правдѣ сказать, здѣсь мало знаютъ; нѣсколько болѣе знакомы съ Вами здѣшніе педагоги.

О моей школѣ пока Вамъ ничего не сообщу, такъ какъ она въ зародышномъ состояніи еще. Когда же весь ходъ дѣла выяснится, то я Вамъ сообщу объ ней болѣе подробныя извѣстія.

Кн. Н. Друцкая-Соколинская.

3-го сентября 1868 года.
Смоленскъ.

Слѣдующее письмо княгини Друцкой-Соколинской не лишено характерности въ томъ отношеніи, что можетъ служить нѣкоторою иллюстраціею царившей въ ту пору удивительной туманности, сбивчивости и запутанности понятій и воззрѣній по основнымъ педагогическимъ вопросамъ. Именно въ томъ, въ чемъ уважаемая княгиня «не совѣмъ ть согласна» съ барономъ Корфомъ, правда — безусловно на сторонѣ послѣдняго. И ему приходилось безъ отдыха разъяснять, разъяснять и разъяснять...

Милостивый Государь,

Николай Александровичъ!

Какое отрадное впечатлѣніе произвелъ на меня Вашъ отчетъ!.. Особенно потому, что онъ представляетъ яркое противорѣчіе существующимъ толкамъ,

что наше земство такъ связано по рукамъ въ своей дѣятельности, что ничего путнаго невозможно сдѣлать!

Отчетъ Вашъ я прочитала отъ доски до доски: съ нѣкоторыми пунктами я несомнѣнно согласна, на нѣкоторые попрошу у Васъ разъясненія, нѣкоторые подали мнѣ новыя мысли. Начну шагъ за шагомъ излагать Вамъ свои мысли. Мнѣ кажется не рациональнымъ, при обученіи по звуковому методу, заставлять дѣтей писать печатнымъ шрифтомъ, такъ какъ это безполезная трата времени. Дѣти точно также научаются хорошо читать, начиная звуковой методъ обыкновеннымъ, письменнымъ шрифтомъ. Къ печатному же перейти такъ легко, что въ три, четыре дня дѣти уже начинаютъ читать по книгѣ. Это я говорю потому такъ утвердительно, что у меня въ школахъ это дѣло ведется такимъ образомъ—и недурно.

Относительно чтенія „Роднаго Слова“, какъ оно у васъ ведется, я тоже несомнѣнно согласна. Я нахожу весьма рискованнымъ заставить дѣтей прочесть всю книгу механически, не вникая въ смыслъ. Въ этомъ случаѣ у насъ принятъ такой методъ: когда читается маленькій рассказецъ, смыслъ котораго дѣти легко сами могутъ уловить, то, во время чтенія, они отгадываютъ отчетъ, что они прочли; если же берется рассказъ побольше, то онъ сначала читается дѣтямъ вслухъ, чтобы они знали, о чемъ будетъ рѣчь, и тогда уже они читаютъ бевостановочно. Относительно же того, что у Васъ въ школахъ ведутъ упражненія отдѣльно отъ чтенія,—это почти невозможно, такъ какъ самыя чтенія закрѣпляютъ въ ребенкѣ упражненія. Мы хлопочемъ о томъ, чтобы давать ребенку по возможности ясное, отчетливое представленіе о разныхъ предметахъ, закрѣпленное въ его умѣ и нагляднымъ обученіемъ, и чтеніемъ. Что же будетъ, если и чтеніе, и наглядное обученіе, и упражненія „Роднаго Слова“ будутъ разрознены! Развѣ можно тогда дать полное понятіе о предметахъ? Другихъ же рассказовъ, не относящихся къ упражненіямъ „Роднаго Слова“, весьма немного.

Далѣе: скоропись понимаю совершенно иначе, чѣмъ Вы. Скорописью я называю упражненія руки, потомъ главныхъ элементовъ буквъ и, наконецъ, цѣлыхъ словъ, веденныя подъ тактъ. Это дѣло идетъ очень живо и удивительно какъ исправляетъ почеркъ.

Теперь будутъ слѣдовать вопросы. Отчего не принято у Васъ въ школахъ рисованія и черченія плана? Мнѣ кажется, для крестьянъ это было бы весьма полезно, да оно и не особенно трудно; у насъ 7-ми-лѣтнія дѣти очень недурно чертятъ планы. Отчего въ младшемъ классѣ у Васъ не бываетъ 3. Божія и подготовительныхъ уроковъ къ ариѳметикѣ, т. е. упражненій въ счисленіи? Отчего у Васъ не назначено отдыха между занятіями? Въ чемъ состоитъ у Васъ мировѣдѣніе?

Далѣе: для меня совершенно новъ Вашъ методъ выпрашиванія упражненій „Роднаго Слова“; я его приняла въ свѣдѣнію и буду имъ руководствоваться. Мнѣ нравится еще, что у Васъ въ школахъ приняты описанія. Сколько я могла замѣтить, этотъ родъ письменныхъ упражненій болѣе свойственъ дѣтямъ (чѣмъ переложенія стиховъ, что лучше оставить до большаго возраста), да и гораздо полезнѣе имъ, такъ какъ здѣсь болѣе участвуетъ ихъ самостоятельность.—Вообще большое спасибо Вамъ, Николай Александровичъ, что Вы вдумали присылать мнѣ свои отчеты; право, они возбуждаютъ многихъ къ дѣятельности, которые бы руки сложили при первой неудачѣ, не имѣя предъ собой яркаго примѣра. Въ скоромъ времени надѣюсь и я выслать Вамъ свой отчетъ, и буду просить Васъ строго критиковать его, такъ какъ

цѣль нашей переписки должна состоять въ томъ, чтобы сообщать другъ другу добытыя опытомъ мнѣнія и тѣмъ помогать другъ другу. Изъ Вашего отчета видно, что Вы очень нуждаетесь въ учителяхъ. Этому горю пособить можно. Въ настоящее время въ Смоленскѣ правительствомъ устроены педагогическіе курсы для приготовления сельскихъ учителей. Эти курсы были сначала въ Москвѣ, но очень дурно шли тамъ, и, по договорившія тамошняго содержанія, переведены въ Смоленскъ. Здѣшній директоръ—человѣкъ въ высшей степени дѣятельный, энергичный, живо принялся за эти курсы, читаетъ тамъ педагогику; ученики подъ руководствомъ его и учителей ходятъ на практическіе уроки, и вообще можно надѣяться, что изъ этихъ учителей выйдутъ толковые люди, дѣльные. Въ маѣ старшій классъ кончить курсъ, и потому, если Вы сдѣлаете запросъ, то они къ Вамъ явятся. Если же, наконецъ, Вамъ нужны учителя или учительницы немедленно, то у меня есть въ Петербургѣ знакомыя дѣвушки, которыя воспитывались въ женской семинаріи, гдѣ приготавливали сельскихъ учительницъ. Вы можете адресоваться ко мнѣ, и я Вамъ устрою это дѣло.

Затѣмъ остаюсь уважающая Васъ

Кн. Н. Друцкая-Соколинская.

27-го ноября 1868 г.
Смоленскъ.

Слѣдующія коротенькія письма представляютъ внушительное доказательство, какъ горячо княгиня Друцкая-Соколинская принимала къ сердцу интересы народной школы и ея скромныхъ дѣятелей.

Посылаю Вамъ, Николай Александровичъ, мой отчетъ, который, хотя и былъ посланъ въ редакцію еще въ началѣ января, только недавно вышелъ.

Теперь я, съ своей стороны, обращаюсь къ Вамъ съ просьбой сообщить мнѣ свой критическій взглядъ на мою школу, за чтѣ я Вамъ буду очень благодарна, такъ какъ Вы въ этомъ дѣлѣ уже человѣкъ опытный, а я только еще начинаю свою дѣятельность.

Что касается Вашего вопроса о гарантіи и платѣ учителямъ, то это намъ приходится у Васъ спрашивать, какія школы нуждаются въ учителяхъ и какое тамъ полагается вознагражденіе? Гарантіи никакой болѣе не требуется, какъ отправка на казенный (земскій) счетъ.

Если у Васъ окажется необходимость въ учителяхъ, то въ іюнѣ нѣкоторые здѣсь кончатъ курсъ и будутъ готовы къ Вашимъ услугамъ.

Есть изъ нихъ нѣкоторые весьма порядочные, которые довольно удачно ведутъ обученіе. Такъ, напр., по наглядному обученію (по звуковому методу), по арифметикѣ и нѣкоторымъ другимъ предметамъ, они давали практическіе уроки въ нашей школѣ—и недурно; одинъ изъ педагоговъ отлично поетъ, чтѣ также весьма важно для школы.

Готовая къ услугамъ,

Н. Друцкая-Соколинская.

10-го апрѣля 1869 г.
Смоленскъ.

Спѣшу отвѣтить Вамъ на Ваше письмо, многуважаемый Николай Александровичъ!

Во 1-хъ, нужно сообщить Вамъ, что ученики педагогическихъ курсовъ въ настоящее время держатъ экзамены и кончатъ ихъ только къ 15-му іюня; во 2-хъ, послѣ окончанія экзаменовъ, имъ необходимо съѣздить къ роднымъ, такъ что они будутъ свободны не ранѣе 15-го іюля. Нынче Вамъ можно предложить только 2-хъ учениковъ: Архангельскаго, который можетъ быть прекраснымъ регентомъ, такъ какъ онъ исполнялъ эту же должность еще въ Москвѣ, и Торонгрицкаго. Послѣдній развитѣе и свѣдущѣе перваго, ибо онъ былъ въ гимназій и вышелъ оттуда уже изъ 6-го класса. Но, впрочемъ, судя по Вашимъ отчетамъ, у Васъ явтъ школы собственно трехклассныхъ, а есть одноклассныя съ тремя отдѣленіями, такъ что для подобныхъ школъ и свѣдѣнія Архангельскаго окажутся достаточными.

Оба они малые честные и, кажется, способные работать. Что же касается до ихъ педагогическихъ способностей, то и здѣсь Торонгрицкій стоитъ выше Архангельскаго: онъ систематичнѣе ведетъ дѣло, ловчѣе предлагаетъ вопросы. Въ пользу же Архангельскаго можно сказать, что онъ любитъ дѣтей и довольно живо ведетъ преподаваніе. Удостоверенія я Вамъ теперь не посылаю, потому что педагоги не знаютъ, согласитесь ли Вы еще на ихъ пріѣздъ только къ 15-му іюля, а не ранѣе. Если это условіе не будетъ Вамъ служить помѣхой, то дѣло можно устроить такимъ образомъ: Вы пришлите деньги на проѣздъ, здѣсь же мы напишемъ обязательство, что они пріѣдутъ въ Александровскъ къ назначенному Вами сроку; они же, взявъ эти деньги, уѣдутъ недѣлю на двѣ домой, а всѣ бумаги ихъ вышлются прямо Вамъ. Однимъ словомъ, рѣшайте какъ хотите, только принимайте во вниманіе, что ранѣе 15-го іюля имъ нельзя быть къ Вамъ.

Будущимъ учителямъ Вашимъ я сообщила, что въ педагогическомъ отношеніи они должны подчиняться совѣту, и давала имъ читать Ваши отчеты для того, чтобы познакомиться ихъ съ положеніемъ школъ Вашего вѣдомства. Они очень хорошо знаютъ, что будутъ подлежать строгому контролю, но вѣдь контроль не страшенъ тому, кто исполняетъ дѣло какъ слѣдуетъ; а въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, на нихъ можно положиться.

Уважающая Васъ

Н. Друцкая-Соколинская.

25-го мая 1869 г.

Не знаю, получили ли Вы, Николай Александровичъ, мое письмо, отправленное въ концѣ мая, въ которомъ я Вамъ писала о большой готовности нашихъ педагоговъ поступить въ Ваши школы. Въ настоящее время представилось затрудненіе, а именно: неизвѣстно (по новымъ правиламъ какимъ-то), позволятъ ли попечитель служить этимъ степендіатамъ въ другомъ округѣ, кромѣ Московскаго; если да, — Вамъ тотчасъ же будутъ телеграфировать.

Если вы не получили того письма, то я снова сообщу Вамъ его содержаніе.

Вамъ можно рекомендовать въ настоящее время 3-хъ учителей: одного — который можетъ отлично исполнять и должность регента, и 2-хъ другихъ, которые могутъ быть только учителями. У нихъ одно условіе: чтобы Вы дали имъ время съѣздить домой; если Вы на это согласны, то дѣло будетъ улажено. Деньги на проѣздъ вышлите теперь, а всѣ бумаги ихъ, для Вашего обезпеченія, отправятся къ Вамъ.

Если Васъ не затруднитъ, то будьте такъ добры увѣдомить поскорѣ обо всемъ, такъ какъ имъ нужно ѣхать домой и прискивать себѣ другія мѣста.

Остаюсь уважающая Васъ

Н. Друцкая-Соколинская.

21-го іюня 1869 г.

21-го іюля 1869 г.

Вчера, т. е. 20-го іюля, получила я Ваше письмо, Николай Александровичъ, и деньги. Вы немного опоздали извѣщеніемъ объ Архангельскомъ: недѣлю тому назадъ онъ уѣхалъ изъ Смоленска, но впрочемъ его бумаги остались у директора, который имѣетъ и его адресъ, такъ что я напишу Архангельскому, чтобы онъ поскорѣ пріѣхалъ въ Смоленскъ. Во всякомъ случаѣ, Николай Александровичъ, невозможно ему поспѣть къ 3-му августа во Гуляй-Поле, хотя мы и постараемся какъ можно поскорѣ выпроводить его отсюда.

Попечителю опять послали отношеніе о позволеніи педагогамъ принимать мѣста въ другихъ губерніяхъ; нѣтъ сомнѣній, что онъ разрѣшитъ, но только, какъ обыкновенно, медлитъ отвѣтомъ.

Кстати напишу Архангельскому, чтобы онъ изъ Москвы побольше потъ привезъ.

Затѣмъ благодарю за общаніе прислать мнѣ отчетъ и остаюсь уважающая Васъ

Н. Друцкая-Соколинская.

Серьезнаго вниманія заслуживаютъ замѣчательно дѣльныя во всѣхъ отношеніяхъ письма графини Прасковьи Сергѣевны Уваровой. Энергическая просвѣтительная дѣятельность графини благотворнѣйшимъ образомъ непосредственно отражалась въ уѣздахъ двухъ губерній: Московской и Смоленской. Кромѣ того, графиня П. С. Уварова имѣетъ очень почтенное имя и въ археологической наукѣ, блестяще продолжая ученныя работы своего мужа въ этомъ направленіи и занимая одно изъ самыхъ видныхъ и вліятельныхъ мѣстъ среди извѣстнѣйшихъ ученыхъ археологовъ, не только русскихъ, но и заграничныхъ. Короче говоря, графиня П. С. Уварова—одна изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ женщинъ по энергіи, уму и обширности образованія. Поэтому письма ея представляютъ особенный интересъ, въ смыслѣ оцѣнки общественнаго вліянія барона Корфа. Даже для такой исключительной личности, какъ графиня Уварова, дѣятельность барона Корфа представляла выдающійся интересъ и не чужда была назидательности. Но, заимствуя отъ барона Корфа очень многое въ дѣлѣ образованія, высоко цѣня его, какъ общественнаго дѣятеля вообще и въ области народнаго образованія въ частности, графиня Уварова, тѣмъ не менѣе, была вполне

*

свободною, самостоятельною и независимою въ практическомъ примѣненіи этихъ позаимствованій,—едва-ли не самостоятельною всѣхъ другихъ корреспондентовъ барона Корфа. Просвѣтительной дѣятельности графини совершенно чуждъ духъ слѣпаго подражанія.

Село Порѣчье, 7 января 1868 г.

Баронъ!

Уже давно слѣжу я по газетамъ за Вашею неутомимою дѣятельностію по дѣлу народнаго образованія въ далекомъ уголкѣ нашей еще мало грамотной Россіи. Теперь же, по прочтеніи Вашего отчета „о первыхъ школахъ Алекс. уѣзднаго училищнаго совѣта“, я рѣшилась обратиться къ Вамъ съ низжайшею просьбою, въ которой Вы, какъ ревнитель просвѣщенія, не имѣете почти права мнѣ отказать. Дѣло въ томъ, что мнѣ бы очень хотѣлось получить: Ваше руководство къ грамотности, Ваши училищные журналы, объявленія совѣта, инструкцію для попечителей и Вашъ отчетъ объ училищахъ. Я Вамъ буду очень благодарна, еслибы оказалась возможность выслать мнѣ эти изданія, тѣмъ болѣе, что я не одна интересуюсь трудами Вашими, а что весь уѣздъ нашъ тоже дѣятельно принялся за развитіе грамотности въ народѣ, который вполнѣ сталъ понимать ея необходимость и много ожидаетъ отъ земства. Если пересылка этихъ брошюръ окажется возможной, то нельзя ли будетъ присоединить къ нимъ и журналы Вашихъ, какъ уѣздныхъ, такъ и губервскихъ собраній, ибо всѣ эти земскія изданія, столь дорогія для всякаго русскаго, составляютъ до сихъ поръ достойные отдѣльныхъ губерній и извѣстны остальнымъ смертнымъ по весьма краткимъ и вполнѣ неудовлетворительнымъ журнальнымъ отчетамъ.

Воспользуюсь симъ случаемъ, чтобы сдѣлать Вамъ нѣсколько замѣчаній, или лучше—подѣлиться съ Вами нѣсколькими мыслями, родившимися въ моей головѣ, по прочтеніи Вашихъ послѣднихъ отчетовъ. Говоря о трудности пріисканія достойныхъ учителей для Вашихъ сельскихъ школъ, Вамъ нигдѣ не случилось упомянуть объ учительницахъ. Не думаете ли Вы, милостивый государь, что занятія въ первоначальныхъ народныхъ училищахъ, гдѣ прежде всего приходится развивать сердце и нравственность ребенка, скорѣе занятія для женщины, чѣмъ для нашихъ сухихъ и строгихъ педагоговъ? Не думаете ли Вы, что эта работа болѣе по силамъ той, которая родилась, чтобы быть матерью, сестрою, подругой жизни всякаго общественнаго дѣятеля, и которая тѣмъ самымъ должна съ малолѣтства приучаться къ терпѣнію, къ борьбѣ, къ наученію сердца человѣческаго, чтобы имѣть довольно ума поддерживать сына, брата, мужа, и довольно самопожертванія, чтобы никогда не выказываться, чтобы довольствоваться однимъ блескомъ, однимъ именемъ любимаго человѣка. Въ народныхъ училищахъ нашихъ приходится будить не только умъ, но и сердце каждаго отлѣзлаго ребенка; это—трудъ, достойный сестры милосердія, а врядъ-ли наши теперешніе грамотеи, священники и семинаристы, приготовлялись когда-либо на это званіе.

Но, можетъ статься, Вы у меня спросите, гдѣ же брать этихъ учительницъ, этихъ вторыхъ сестеръ милосердія, которыя должны воспитать намъ будущее поколѣніе новыхъ, свѣжихъ земскихъ дѣятелей? На это покуда отвѣтить довольно трудно, но мнѣ кажется, что намъ необходимо въ этомъ случаѣ обратить вниманіе на тѣхъ мелкопомѣстныхъ дворянокъ, которыхъ обыкновенно довольно много по уѣздамъ и изъ которыхъ многія, получивъ поря-

дочное образованіе и не имѣя случая приложить его къ дѣлу, гибнуть гдѣ-нибудь въ глуши. Не заключите изъ этого, что я — поклонница „Вѣсти“ и, подобно ей, заражена дворянскою спѣсью. Нѣтъ, — сумасбродный журналъ этотъ никогда не пользовался моимъ сочувствіемъ, но, несмотря на это, я твердо стою на томъ, что вышеупомянутыя личности могли бы принести пользу въ народныхъ училищахъ, въ особенности при томъ попеченіи, которымъ окружены училища Вашего уѣзда.

У насъ въ имѣніи, въ которомъ мы постоянно живемъ, есть школа, которая основана нами уже шестой годъ; въ ней никогда не преподавалъ учитель; одна учительница справляется въ ней съ 80-ю живущими учениками, и даже уроки ариметики идутъ очень удовлетворительно. Лучшимъ доказательствомъ успѣшнаго ученія въ нашей школѣ служитъ то, что всѣ сосѣднія поповскія и др. школы съ тѣхъ поръ закрылись и ко мнѣ приводятъ очень часто учениковъ изъ тѣхъ имѣній, гдѣ существовали прежнія удѣльные школы, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ нихъ дѣти балуются, а изъ нашей школы выходятъ разумѣе и грамотнѣе. Правда, мнѣ часто приходилось мѣнять учительницъ: у насъ были и воспитанницы казенныхъ приютовъ, и частныхъ пансіоновъ; теперь съ 1-го января хочу попробовать одну Можайскую мелкопомѣстную дворянку, воспитанную частью дома, частью въ частномъ пансіонѣ. Такая же личность занимается удачно въ Можайскомъ приходскомъ училищѣ.

Еще одно замѣчаніе: Вы превозносите „Родное Слово“ Ушинскаго; позвольте мнѣ не согласиться съ Вами въ этомъ отношеніи. Книга эта, весьма наглядно наложенная, не развиваетъ народъ въ томъ направленіи, которое, мнѣ кажется, желательно ему дать. Доброе сердце, честность и добронамѣренность нашего крестьянина скрываются обыкновенно подъ такой грубой оболочкой, что нужно много мягкости, много теплоты, чтобы ее пробить, а этого-то именно и нѣтъ у Ушинскаго. Его поговорки, прибаутки, сказки очень понятны каждому ребенку, но онѣ не способны расшевелить его сердца, возбудить его любовь и смягчить его дикіе нравы. Намъ нужны учебники, понятные и развивающіе нашу нравственность, располагающіе нашихъ дѣтей къ любви къ ближнему, къ природѣ, ко всему его окружающему. Къ такому учебнику болѣе всего подходитъ по-моему недавно отпечатанный въ Москвѣ „Маленькій грамотея“ (дѣна 10 к.), составитель котораго общается въ скоромъ времени и руководство для учителей, болѣе доступное, чѣмъ руководство Ушинскаго. Если Вамъ угодно будетъ, Милостивый Государь, то я съ величайшимъ удовольствіемъ возьмусь переслать Вамъ нужное количество этого изданія. Предлагаю Вамъ тоже услуги мужа, если московскіе журналы, какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ собраній, могутъ Васъ интересовать. Оканчивая, чувствую необходимость просить у Васъ извиненія за столь длинное письмо. Надѣюсь, однакожь, что оно не останется безъ отвѣта и что Вы, во всякомъ случаѣ, не откажетесь, Милостивый Государь, принять увѣреніе въ совершеннѣйшемъ и искрениѣйшемъ къ Вамъ уваженіи.

Графиня Уварова.

Адресъ мой: Московская губернія, городъ Можайскъ. — Вы не откажетесь, Милостивый Государь, сказать мнѣ въ Вашемъ письмѣ, что я буду Вамъ должна за тѣ изданія, о которыхъ я Васъ прошу.

Порѣчье, 18 апрѣля ¹⁾).

Милостивый Государь,

Николай Александровичъ!

Давно, очень давно слѣдовало бы мнѣ отвѣтить на Ваше любезное письмо и благодарить Васъ за то искреннее удовольствіе, которое Вы доставили мнѣ присылкой Вашего Отчета объ училищахъ, Вашихъ инструкцій, Вашего „Руководства“ ²⁾ и журналовъ Вашего земства. Желательно, чтобы всѣ училищныя совѣты относились къ дѣлу такъ усердно и имѣли подъ рукой такихъ честныхъ и добросовѣстныхъ дѣятелей, какъ Вы! Хорошо бы пошло наше дѣло, хорошо и скоро образовался бы и воспитался нашъ народъ, еслибы всякій уѣздъ влялся такъ скоро за дѣло, какъ Александровскій! Но нѣтъ, это—пустая мечта и мечта, которая невозможна, если проживешь, какъ мы, подалше въ деревнѣ и присмотришься къ окружающему люду. Вы, въ Вашемъ захолустѣ, съ Вашими свѣгами и разбросанными поселками, Вы успѣли устроить или направить 25 школъ, а мы, за 100 верстъ отъ Москвы, не имѣемъ ни одной земской школы и ожидаемъ со страхомъ со дня на день, что закроютъ единственныя наши крестьянскія школы — бывшія государственныхъ имуществъ. Но не думайте, пожалуйста, что народъ не расположенъ къ ученію, или что наше уѣздное Можайское земство такъ бѣдно, что не могло ничего отдѣлать на этотъ предметъ. Нѣтъ, все нашлось: и желаніе народа, и 3.000 руб., назначенныхъ можайскимъ собраніемъ, но нѣтъ того, чѣмъ бѣдна наша Русь, нѣтъ того, чѣмъ мы всегда и вездѣ страдали: нѣтъ людей, способныхъ и желающихъ поставить дѣло на ноги и руководить имъ. Управя наша состоитъ изъ старика, кульмскаго героя, и юваго лѣнтяя; училищный совѣтъ—изъ бывшаго директора гимназій, шестидесяти-лѣтняго рутинера-чиновника, да изъ весьма мягкой личности, не достаивающей уѣзда своимъ посѣщеніемъ. Очевидно, что при такой обстановкѣ дѣло не идетъ, да и не можетъ идти. Вы въ Вашемъ Отчетѣ волагаете всю надежду на попечителей училищъ, и мы (какъ Вы увидите изъ прилагаемаго „Доклада“ графа) были того же мнѣнія, но, къ несчастію, у васъ некому идти въ попечители и попечительницы, если личности эти должны будутъ совѣтами своими руководить учителей. И снова скажу я: слава Александровскому уѣзду, что въ немъ нашлись желанныя личности! слава Вамъ, баронъ, что Вы сумѣли соединить и воодушевить всѣхъ этихъ новыхъ земскихъ дѣятелей! Ваша правда, что единственная надежда на попечителей, ибо этимъ способомъ удалимъ мы изъ школъ рутинерство и прежнее водотолченіе; но, чтобы достигнуть этого, намъ нужны люди серьезные, образованные и преданные дѣлу, а не тѣ полуграмотные дворяне-помѣщики, которые и собственныхъ-то дѣтей не воспитываютъ, и сами-то ничего не любятъ, ничѣмъ не интересуются.

При сравненіи и сопоставленіи всѣхъ этихъ фактовъ, рождается странное чувство: становится жаль, что Россія такъ велика, что лучшіе люди ея не могутъ видѣться, не могутъ совокуно дѣйствовать и тѣмъ самымъ послѣдовательно и дружно встать во главѣ движенія, во главѣ необразованной и лѣ-

¹⁾ На этомъ письмѣ не означено года, но оно несомнѣнно относится къ 1869 году.

²⁾ Здѣсь говорится о „Руководствѣ къ обученію грамотѣ“. М. П.

нивой массы ¹⁾, которая, можетъ быть, еще и годилась бы на что-нибудь, еслибы имѣла руководителей.

Много мѣшаетъ намъ и то тайное недоброжелательство къ чужой дѣятельности, которое, къ несчастію, часто проглядываетъ въ нашей общественной дѣятельности.

Мужъ мечтаетъ о земскомъ журналѣ, который могъ бы соединить и вдохновиться всѣми нашими отдѣльными земскими дѣятелями. Онъ надѣется и рассчитываетъ на всѣхъ, и Вы—душа екатеринославскаго и александровскаго земства—вѣроятно, не откажетесь ему помочь. Если пойдетъ этотъ журналъ, если счумѣютъ подчинить (земское дѣло) его правильному взгляду и дать ему честное, прямое направленіе, то онъ соединитъ въ себѣ всѣ интересы, сплотитъ все великое руссійское земство — и печатное слово замѣнитъ намъ желѣзныя дороги.

Сегодня отправляю вамъ „Докладъ“ графа о народномъ образованіи и 10 экземпляровъ „Маленькаго Грамотея“. Земскіе журналы, какъ губернскіе, такъ и уѣздные, вышлются Вамъ изъ Москвы нашей конторой, ибо здѣсь въ деревнѣ мужъ не имѣетъ лишняго экземпляра этихъ изданій.

Присылая Вамъ „Маленькаго Грамотея“, позвоьте мнѣ оговориться. Я не предполагала замѣнить однимъ этимъ руководствомъ „Родное Слово“ Ушинскаго—это невозможно по многимъ причинамъ. Мнѣ казалось бы только, что „Маленькій Грамотей“ можетъ служить хорошимъ первоначальнымъ руководствомъ, въ которомъ болѣе мягкости, болѣе сердца, чѣмъ въ „Родномъ Словѣ“. Ниже упомяну я, чѣмъ мы пополняемъ недостающія въ немъ свѣдѣнія и уроки.

Ваше руководство хорошо и обдуманно; оно—необходимое подспорье ко всякому другому учебнику для обученія дѣтей по звуковому методу. Вы выражаете надежду, что оно примется у насъ, — и я съ удовольствіемъ могу Вамъ сказать, что по подобному руководству, хотя и не напечатанному, обучаются дѣти нашей школы (въ селѣ Порѣчьѣ, Можайскаго уѣзда) уже почти два года, и что результаты этого очень удовлетворительны.

Школа наша существуетъ съ давнихъ лѣтъ, но, пріѣхавши сюда, послѣ нашей свадьбы, мы сейчасъ же принялись за передѣлку ея, ибо до того времени она была простою школою грамотности, съ полуграмотнымъ учителемъ. Часто мѣняли мы учителей и, наконецъ, остановились на учительницѣ, которая болѣе удовлетворяетъ моимъ требованіямъ, хотя ничтожное женское образованіе, получаемое нами до сихъ поръ, много тормазитъ дѣло. Такъ же часто приходилось намъ мѣнять и руководство въ школѣ, до тѣхъ поръ, пока (съ помощью молодой, образованной русской дѣвicy, поступившей въ наши дѣтскіе) намъ не удалось примѣнить звуковой методъ, который, къ сожалѣнію, еще не извѣстенъ ни одной изъ учительницъ и не вводится еще ни въ какомъ изъ образовательныхъ заведеній. Такимъ образомъ выработалось у насъ слѣдующее послѣдовательное обученіе: 1-й классъ (предполагается годъ или менѣе, смотря по ученику)—„Маленькій Грамотей“; 2-й классъ—первые два отдѣла по „Руководству въ наглядному обученію“, Вурсма, и чтеніе (по требованію этого руководства) изъ „Дѣтскаго Міра“, Ушинскаго; 3-й классъ—третій отдѣлъ по Вурсму и чтеніе по „Дѣтскому Міру“. Правда, что по „Дѣтскому Міру“ недостаетъ многого, требуемаго Вурсмомъ, но этотъ не-

¹⁾ Рѣчь идетъ, очевидно, о „полуграмотныхъ дворянахъ-помѣщикахъ“.

достатокъ пополняется расказами, записками и другими книгами. Дѣло идетъ такимъ образомъ довольно хорошо, и ученики (мальчики и дѣвочки) очень скоро и одновременно учатся читать и писать. Мѣстность наша довольно населена, и недостатка въ ученикахъ нѣтъ. Число ихъ доходитъ до 100, но преимущественно между мальчиками, ибо у насъ родители считаютъ ненужнымъ обучать дѣвочекъ. Эту зиму, напримѣръ, у меня было 81 челов. учащихся, и изъ нихъ только 11 дѣвочекъ. Уроки начинаются 1-го октября и кончаются 11-го мая послѣ экзамена, который нарочно назначенъ въ день празднованія памяти св. Кирилла и Меѳодія. Тогда расходятся старшіе ученики; младшіе въ числѣ 30 или 40 остаются на все лѣто. Вы въ Отчетѣ говорите, что ребенокъ у крестьянъ—уже работникъ, безъ котораго трудно иногда обойтись; это совершенная правда... Очень часто, однакожь, случается, что дѣти, поступаая въ школу, ходятъ неаккуратно и пропускаютъ уроки, то я съ моихъ учениковъ беру росписку (засвидѣтельствованную въ волостномъ правленіи), что за каждый прогульный день они должны мнѣ 2 коп. серебр. Впрочемъ, и Вы на стр. 70 Вашего Отчета упоминаете о подобной мѣрѣ. Мысль о воскресныхъ чтеніяхъ проведена и въ „Докладѣ“ мужа, но я только въ это лѣто хочу привести ее въ исполненіе. Зданіе нашей школы довольно обширно, такъ что 50 дѣтей находятъ себѣ въ ней постоянное жилье, что очень нравится крестьянамъ, которые говорятъ, что ученики наши, послѣ посѣщенія школы, дѣлаются и учтивѣе, и ласковѣе, и послушнѣе. Въ свободные часы, т. е. отъ 6 до 9 часовъ вечера, ученики наши обучаются (по собственному выбору) сапожному ремеслу въ самой школѣ, слесарному, кузнечному, столярному—на квартирѣ у мѣстныхъ мастеровъ. Дѣвочки обучаются шитью и кройкѣ. Кромѣ того, новое помѣщеніе школы окружено большимъ садомъ и огородомъ, которые будутъ обработаны самими учениками, подъ руководствомъ хорошаго садовника. Я намѣрена даже завести при школѣ двѣ коровы, лошадь и мелкую скотину, чтобы дѣти могли на дѣлѣ привыкнуть къ рациональному и аккуратному хозяйству.

Кромѣ вышеупомянутыхъ пяти школъ государственныхъ имуществъ, школа наша—единственная въ уѣздѣ, и потому часто приходится мнѣ отказывать желающимъ, по неимѣнію мѣста. Желаніе помочь этому безпомощному состоянію нашихъ безграмотныхъ крестьянъ выразилось въ состоявшемся рѣшеніи всѣхъ вашихъ господъ-помѣщиковъ соединиться въ общество (благотворительное уѣздное Можайское), цѣлью котораго будетъ устройство школъ и пріютовъ. Общество это составилось въ октябрѣ прошлаго года, и хотя не получило еще благословенія г. министра, но на дняхъ открываетъ уже пріютъ дѣтскій въ самомъ городѣ и большую школу въ одномъ изъ вѣдшихъ селеній. На лѣто же я предлагаю устроить повсемѣстно дневные пріюты для дѣтей, куда бы матери, уходя на работы, могли приносить своихъ дѣтей. Наше благотворительное общество еще не богато, и потому пріюты эти не должны много стоить. Мнѣ бы хотѣлось устроить слѣдующимъ образомъ. Въ каждой деревнѣ найдется свободная женщина, которая возьмется ходить за дѣтми; къ осени всѣ крестьяне, у которыхъ дѣти бывали въ пріютѣ, благодарятъ ее чѣмъ могутъ; Общество могло бы ей приплатить 5 руб. Для обученія грамотѣ въ каждый подобный пріютъ помѣщаютъ грамотную дѣвочку или мальчика изъ сосѣдней школы, которые въ концѣ лѣта получаютъ какое-нибудь вознагражденіе отъ Общества. Всѣ дѣти деревни дѣлятся на кучки, поручаемая болѣе взрослымъ дѣтямъ, которыя обязаны присматривать за чистотой, поведеніемъ и занятіями своей кучки. Этими взрослыми дѣтми

занимаются отдѣльно нѣсколько разъ въ недѣлю объѣздные инспекторы (изъ насъ помѣщиковъ) и указываютъ имъ тѣ упражненія, которыми они должны занимать въ остальное время свою кучку. Тѣ же инспекторы экзаменуютъ отдѣльныя кучки и повѣряютъ молодыхъ менторовъ. Менторы, исполнявшіе добросовѣстно свои обязанности въ продолженіе лѣта, получаютъ вознагражденіе отъ Общества. Такая мѣра можетъ, во-первыхъ, развить грамотность, ибо, при звуковомъ методѣ, возможно выучиться читать и писать за лѣто; во-вторыхъ, оно приготовитъ изъ дѣвочекъ-менторовъ лучшихъ матерей; въ третьихъ, укротитъ, хоть на время, мальчиковъ-менторовъ.

Извините меня, Милостивый Государь, если я слишкомъ долго заняла вниманіе Ваше нашими уѣздными мелкими вопросами. Но любовь Ваша къ земству и народу, которая высказывается во всѣхъ Вашихъ статьяхъ, поможетъ мнѣ испросить у Васъ прощенія за столь длинное письмо.

Теперь, окончивая, мнѣ остается только пожелать Вамъ, баронъ, успѣха во всѣхъ Вашихъ счастливыхъ начинаньяхъ и, обращаясь къ Вамъ со словами Гидина, сказать Вамъ: „Любите и лелейте наше новорожденное дѣтище — земство, воспитайте его въ духъ христіанской любви, справедливости, честности и трудолюбія, дабы малютка нашъ скоро выросъ въ большаго человека“, и оставайтесь еще надолго его слугою, его бадовнемъ.

Если Вамъ угодно будетъ выписать „Маленькій Грамотей“, то обратитесь къ его составительницѣ, Прасковѣ Ильинишѣ Ченелевской, въ Москву, на Молчановку, напротивъ церкви Николая на Курьихъ пожвахъ, въ Женское училище (назначенное для приготовленія сельскихъ учительницъ). Я писала ей о Вашемъ запросѣ и вотъ ея отвѣтъ: „Руководство для учителей“ стоитъ 30 коп. сер., самую же „Азбуку“, при большемъ требованіи, она можетъ уступить по 7 коп. сер. Въ эту минуту у ней остается только 500 экземпляровъ, но въ самомъ короткомъ времени она могла бы доставить Вамъ и остальные. Недавно вышли изъ печати новое руководство и книга для чтенія — Семенова, и я съ нетерпѣніемъ ожидаю ея высылки сюда. Кто знаетъ, не можетъ ли она быть намъ полезной?

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершеннѣйшемъ уваженіи
Гр. Уларова.

Не желая потерять хорошаго мнѣнія въ глазахъ земскаго дѣятеля, я прибавлю, что только болѣзнь мужа и дѣтей могла помѣшать мнѣ отвѣчать Вамъ скорѣе.

Порѣчье, 17 января 1870 г.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Не знаю, съ чего и какъ начать мое письмо, и очень боюсь, что Вы, пожалуй, не станете и читать его, ибо увѣрена, что Вы принимаете меня или за сумасшедшую, или за сумасбродную, капризную барыню. Смѣю увѣрить Васъ, что я и не то, и не другое, но что только обстоятельства, болѣе или менѣе грустныя и подавляющія, заставили меня такъ долго молчать и пропустить даже какъ-будто безъ вниманія и письмо Ваше, и присылку въ высшей степени любопытныхъ Вашихъ докладовъ, за которые я Вамъ приношу мою искреннѣйшую благодарность. Дѣло въ томъ, что истекшій 69 годъ

прошелъ для насъ весьма грустно: мы всё поголовно перехворали — мужъ, дѣти и я; я же къ тому почти цѣлый годъ. Къ этому присоединились работы о здѣшнемъ школьномъ дѣлѣ, которымъ я (несмотря на невыгодное мнѣніе, которое Вы имѣете полное право составить обо мнѣ) продолжала заниматься и надъ которымъ пришлось много поработать, какъ только я стала поправляться.

Теперь, послѣ этого приличнаго введенія, не стану спрашивать у Васъ, чтѣ Вы дѣлали за этотъ годъ, ибо „Докладъ“ Вашъ краснорѣчиво говоритъ за Вашу дѣятельность, но обращусь къ Вамъ только съ однимъ вопросомъ: отчего не обратили Вы въ Вашемъ уѣздѣ большаго вниманія на привлеченіе въ училища Ваши женщинъ на мѣсто учителей? Чтѣ заставляеть Васъ какъ бы устранять женщинъ отъ этихъ мѣстъ? И не думаете ли Вы, что женщина есть самая первая и лучшая воспитательница уже тѣмъ однимъ, что она съумѣетъ ввести въ наши народныя школы тотъ семейный элементъ, котораго такъ недостаетъ нашему народу

Съ нетерпѣніемъ буду ожидать отвѣта Вашего по этому предмету, а пока постараюсь передать Вамъ то, чтѣ сдѣлано у насъ въ уѣздѣ и въ Московской губерніи по народному образованію.

Въ Можайскомъ уѣздѣ до сихъ поръ существовало всего только два училища, теперь же у насъ ихъ 12, изъ которыхъ 7—въ вѣдѣніи учительницъ и, говоря безъ пристрастія, они идутъ несравненно лучше остальныхъ. Въ нихъ дѣти не только обучаются, но и воспитываются; въ нихъ дѣти находятся подъ постояннымъ нравственнымъ вліяніемъ, безъ котораго, по-моему, школа и немислима; изъ нихъ дѣти выходятъ и развитѣе, и мягче, и обузданнѣе, и съ болѣе вѣрнымъ взглядомъ на жизнь и на свои обязанности; въ нихъ обучаетъ не простой учитель, а мать, которая съумѣетъ легче достигъ до сердца ребенка и разбудитъ въ немъ живую струнку. Учительница, мнѣ кажется, уже потому полезна въ народной русской школѣ, что она своимъ служеніемъ дѣлу, своимъ вліяніемъ на учениковъ можетъ привести ту огромную пользу, что подниметъ въ народѣ мнѣніе о женщинѣ-матери, о женщинѣ-супругѣ. Къ тому же учительницы наши имѣютъ всё уже нѣкоторую педагогическую подготовку, безъ которой трудно и жутко приходится учителю. Учительницы наши — почти всё гимназистки московскихъ гимназій, окончившія курсъ и не претендующія выше, по невнанію иностранныхъ языковъ. Къ деревенской жизни привыкли онѣ скоро; съ лишеніями всякаго рода онѣ видно давно знакомы, и потому бѣднѣйшая обстановка ихъ не пугаетъ. Дѣла онѣ не боится, и общества не занскиваютъ и живутъ инма въ очень и очень бѣдныхъ помѣщеніяхъ. Не зная языковъ довольно хорошо, чтобы идти въ губервантея, онѣ не только хорошо читаютъ по-французски, а инма даже и по-нѣмецки, что есть возможность читать и толковать съ ними о многихъ педагогическихъ наданіяхъ, о разныхъ методахъ и книгахъ. Всё училища наши очень многолюдны, и народъ вообще относится къ нимъ съ благодарностью и съ сочувствіемъ. Учимъ мы почти по тѣмъ же руководствамъ, которыя приняты и у Васъ, но развитіе нашихъ учительницъ позволяетъ намъ многое прибавить и развить. Такъ, напримѣръ, у насъ очень хорошо идетъ Исторія и Географія. Впрочемъ, о книгахъ, методахъ и Вашемъ докладѣ—до будущаго раза.

Школы Можайскаго уѣзда идутъ до такой степени хорошо, что сосѣдній Гжатскій уѣздъ (Смоленской губерніи) тоже пожелалъ имѣть школы съ учительницами, и я стала настоящей конторой, которая рекомендуетъ, выписываетъ, выбираетъ, бракуетъ и поставляетъ учительницъ. Первая ихъ станція

бываетъ всегда наше Порѣчье. Сюда онѣ обязаны явиться, пожить съ нами хотя недѣлю, присмотрѣться къ дѣлу въ нашей школѣ; тогда только дѣлается распредѣленіе, куда послать какую, а какія вовсе не годятся — изгоняются совершенно. Везу на мѣсто я ихъ сама и, проживъ съ ними дня два въ школѣ, оставляю ихъ летать своими собственными крыльями; собственный ихъ полетъ повѣряется мною довольно часто, такъ что онѣ никогда не упускаются изъ виду. Впрочемъ, надо сознаться, что онѣ вовсе не дичатся моей опеки, а, напротивъ, относятся ко мнѣ вполне дружелюбно, такъ что наше имѣнье бываетъ по праздникамъ мѣстомъ сборища всѣхъ учительницъ.

Вы какъ-то просили у меня позволенія заявить печатно о нашей Порѣдской школѣ. Не имѣя противъ этого ничего, я присылаю Вамъ два равнорѣчивыхъ отчета, писанныхъ почти въ одно и то же время двумя членами отъ земства Можайскаго уѣзднаго училищнаго совѣта. Изъ нихъ одинъ — сочувствующій школѣ, предсѣдатель совѣта — старый чиновникъ, который мало занимается, по школамъ не ѣздитъ и воображаетъ, что знакомъ съ ними, такъ какъ является на экзамены. Другой — несочувствующій, english-men помѣщикъ, котораго шестнадцатилѣтніе сыновья не умѣютъ еще читать. Все это не судыи, скажете Вы, но такъ какъ мы принуждены съ ними вѣдаться, а Вы сами также членъ совѣта, то я и присылаю копію съ ихъ отчетовъ Вамъ на поученіе. Присылаю Вамъ также два учебныхъ плана, докладъ смоленскому земству о состояніи смоленскихъ школъ, писанные нашимъ же предсѣдателемъ, который въ одно и то же время — губернской смоленскій гласный, предсѣдатель училищныхъ совѣтовъ въ Можайскѣ и Гжатскѣ, и 6 томовъ докладовъ и журналовъ московскаго губернскаго собранія. Очень сожалею, что отсутствіе мужа лишаетъ меня удовольствія прислать Вамъ школьные доклады нынѣшней декабрьской сессіи; впрочемъ, при первой возможности, я перешлю Вамъ ихъ съ большимъ удовольствіемъ.

Возвращаясь снова къ школамъ, скажу Вамъ, что много труда стоила мнѣ все это время моя собственная школа. Много труда, много настойчивости нужно было, чтобы поставить ее такъ, какъ я желала, и, наконецъ, мнѣ кажется теперь, что я достигла своей цѣли и впадала на очень хорошую учительницу, которая съумѣетъ вести дѣло по прямой дорогѣ, послѣдовательно и честно. При школѣ устроились также и мастера: сапожное и юлярное — для мальчиковъ, швейное — для дѣвочекъ, которыхъ учатъ также прясть и вышивать. Много возни съ мастерами, которые должны учить дѣтей: они вовсе не умѣютъ показать, научить учениковъ, такъ что иной выбьется изъ силъ, а дѣла не сдѣлаетъ, и ученики его ничего не поймутъ. Къ тому же они всѣ почти народъ испорченный и ненадежный. Все это заставляетъ меня приготовить себѣ мастеровыхъ изъ собственныхъ учениковъ, по для этого я должна отдать ихъ въ ученіе въ Москву, а, отдавая, могу только надѣяться, что они тамъ не попортятся, что очень сомнительно. Къ тому же вокругъ ремесленной школы образуются даже аферисты: находятъ личности, которые переманиваютъ немного подготовленныхъ учениковъ къ себѣ, такъ что приходится употреблять силу и всемогущее русское самоуправство, чтобы отъ нихъ отдѣлаться и задержать въ своей власти соблазненныхъ мальчиковъ. Соблазнъ со всѣхъ сторонъ, такъ что даже дѣвочекъ-подростковъ и тѣхъ переманиваютъ сосѣди-помѣщики къ себѣ въ услуженіе, такъ что главная мысль моя — приготовить хорошихъ крестьянокъ-матерей и хозяекъ — становится вовсе невозможной. Не знаю, какъ Ваше объ этомъ мнѣніе, но мнѣ кажется,

что цѣль нашихъ школъ состоитъ именно въ томъ, чтобъ воспитать изъ учениковъ хорошихъ земледѣльцевъ, хорошихъ хозяевъ, которые, ведя свое хозяйство раціонально, помогутъ Россіи выйти изъ теперешняго критическаго положенія. Ремесла въ нашихъ школахъ (опять по моему мнѣнію) должны уступать предъ этой главною цѣлью и преподаваться настолько, какъ они нужны земледѣльцу, ибо не дѣло народныхъ училищъ воспитывать ремесленниковъ. Если Вы, Николай Александровичъ, согласны съ моимъ мнѣніемъ, то постарайтесь прописать мнѣ вѣрный рецептъ противъ окружающаго мою школу соблазна.

Къ чести моей школы скажу, что въ прошломъ году я помѣстила изъ нея мальчика (изъ воспитанниковъ Воспитательнаго дома) во вторую Московскую гимназію; поступилъ онъ прямо во второй классъ шестымъ ученикомъ, теперь же онъ въ третьемъ классѣ, первымъ ученикомъ, на золотой доскѣ. Ведетъ себя отлично, знаетъ больше, чѣмъ требуется въ классѣ, самъ приготовился за дѣто изъ греческаго языка и очень хорошо сталъ говорить по-нѣмецки. Другой ученикъ (изъ дворовыхъ) очень хорошо учится въ Земледѣльческой школѣ и общается выйти человекомъ; другіе, понавшіе въ учение къ ремесленникамъ, отличаются доброуравіемъ и скромностью. Кругомъ школы устроенъ большой огородъ, въ которомъ воспитываются не только овощи, нужны для школы, но и всѣ медицинскія растенія, растущія подъ нашими небомъ, дабы приучить дѣтей заботиться также о своемъ здравіи и имѣть подъ рукою самыя нужныя травы и корни. Хотѣлось бы также устроить питомникъ фруктовыхъ деревьевъ, но не знаю удастся ли.

Но, однакожъ, довольно; три листа уже наполнились, а мнѣ еще о многомъ и многомъ нужно бы поговорить съ Вами. Но лучше оставить до будущаго, чтобы не слишкомъ запугать Васъ съ перваго раза; къ тому же и не годится: мнѣ слѣдовало бы отнестись къ Вамъ съ повинной головой, а я, какъ ни въ чемъ не бывало, принялась за прежнее. Однакожъ, оканчивая, позвольте еще одинъ вопросъ: я знаю, что при Вашихъ школахъ есть попечители платящіе, есть и не платящіе, но есть ли между ними попечители, занимающіеся дѣломъ и вполнѣ добросовѣстно завѣдующіе врученными имъ школами?—Наши ничего не хотятъ дѣлать и меньше всей остальной публики интересуются школьнымъ дѣломъ; другихъ же нѣтъ и не изъ кого выбрать по бевлюдюю.

Въ концѣ концовъ покорная просьба—выслать, если возможно, журналы уѣздныя и губернскія Вашихъ земскихъ собраній, чѣмъ очень обяжете и такъ благодарную и кающуюся въ своей долгой неучтивости

Графиню Уварову.

Замѣтимъ кстати, что съ мотивомъ о необходимости рѣшительнаго преобладанія женщинъ въ педагогическомъ персоналѣ народной школы намъ придется встрѣчаться до конца переписки съ барономъ Н. А. Корфомъ, притомъ не въ письмахъ только женщинъ, но и въ солидныхъ земскихъ проектахъ, относящихся къ разнымъ періодамъ земской дѣятельности, до 1882 года включительно.

Порѣчье, 18 марта ¹⁾

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Посылаю Вамъ по сегодняшней почтѣ 54 книги, которыя прошу принять для Времьевской школы и Михайловской читальни. Очень сожалѣю, что не могу присоединить къ нимъ теперь же нѣсколько народно-дѣтскихъ рассказовъ, которыхъ у насъ, къ несчастію, такъ еще мало въ литературѣ. Но что отложено, то не забыто, а какъ только брошюрки эти получатся у насъ въ Можайскомъ складѣ, то нѣкоторыя изъ нихъ отправятся въ Ваши далекія страны. Изъ рассказовъ посылаю Вамъ сегодня „Дѣлатель Золота“, рассказъ, любимый между здѣшней молодежью, которому удалось даже отучить отъ пьянства пятерыхъ плотниковъ. Многое хотѣлось бы мнѣ Вамъ передать сегодня, но, зная по себѣ, какъ дорого Вамъ весеннее время, оканчиваю, прося Васъ, Милостивый Государь, принять увѣреніе въ совершеннѣйшемъ уваженіи

Гр. Прасковьи Сергѣевны Уваровой.

P. S. Если возможно и не затруднительно, то не откажитесь прислать мнѣ по 3 экземпляра Вашихъ отчетовъ за 1868 и 1869 г., отчетъ Буницкаго и Гибдина. Я устраиваю въ столицѣ моей, Можайскѣ, читальню, которой пользоваться будутъ наши учительницы; отчеты же Ваши—необходимое имъ руководство. Хотѣлось бы мнѣ также рекомендовать Вамъ одно руководство по Новому Завету, но оставляю это до будущаго болѣе обстоятельнаго письма. Сегодня же пишу слишкомъ отрывочно, несвязно.

Москва, 1-го мая 1870 г.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Извините меня, если я не стану отвѣчать Вамъ сегодня на всѣ тѣ вопросы, которые Вы дѣлали въ послѣднемъ Вашемъ письмѣ, но грустныя обстоятельства, заставившія меня посѣтить Москву (болѣзнь и смерть брата), отнимаютъ у меня сегодня всякую возможность бесѣдовать съ Вами.

Я пишу вамъ только, чтобы переслать Вамъ еще нѣкоторыя книги, которыя примѣняются вѣроятно съ прежнимъ успѣхомъ въ Вашихъ школахъ.

Книжки: „На досугѣ“, „Деревенскіе рассказы“, „Шесть рассказовъ“ и пр. принадлежатъ къ тѣмъ нравственнымъ рассказамъ, которыхъ такъ еще мало въ нашей литературѣ, несмотря на всю пользу, которую они приносятъ нашимъ дѣтямъ „Рассказы изъ жизни Спасителя“—лучшее сочиненіе въ этомъ родѣ; „Рассказы изъ исторіи христіанской церкви“—удобопримѣнимы, какъ чтеніе для учениковъ старшихъ классовъ и полезно даже, какъ руководство нашему духовенству. Насчетъ просьбы Вашей рекомендовать Вамъ машиниста, которому возможно было бы поручить воспитаніе одного изъ Вашихъ учениковъ, скажу слѣдующее. Трудно, почти невозможно отвѣчать, чтобы мальчишъ, отдавній теперь, не свихнулся съ истиннаго пути; всѣ ховлева, къ которымъ я обращалась, говорятъ одно и то же, я жалуется на невозмож-

¹⁾ Письмо относится къ 1870 г.

ность спасти учениковъ своихъ отъ общей заразы. Есть въ Москвѣ Коммиссаровская школа, изъ которой ученики выходятъ отличными механиками и мастеровыми, но школа эта имѣетъ спеціальность готовить все нужное для желѣзно-дорожнаго дѣла, да къ тому же она переполнена учениками и кандидатами, которыхъ насчитываютъ до 150 человекъ.

Отецъ мой, постоянный житель Москвы и человекъ любящій помѣщать мальчиковъ въ ученіе и слѣдить за ихъ успѣхами, совѣтуетъ Вамъ помѣстить Вашего ученика къ машинному мастеру Вильсону, на Малой Полянкѣ, въ собст. домѣ. Вильсонъ—англичанинъ очень честный и благородный; приметъ онъ мальчика съ удовольствіемъ (такъ какъ онъ грамотный) на 5 лѣтъ, на условіяхъ, которыя будутъ вамъ стоить 7 р. с. Если супруга Ваша сама привезетъ мальчика, то ей необходимо запастись довѣренностію отъ родителей, писанной на 2-хъ р. гербовой бумагѣ; иначе контрактъ не можетъ быть сдѣланъ и засвидѣтельствованъ у нотаріуса.

Очень жаль мнѣ, что буду лишена удовольствія познакомиться съ супругой Вашей, но мужа моего посылаютъ въ началѣ іюня въ Кисингенъ, и я думаю сопутствовать ему.

Примите увѣреніе въ искреннѣйшемъ моемъ уваженіи

Гр. Уварова.

Мой адресъ: въ гор. Можайскѣ.

Какъ было уже разъяснено выше и какъ увидимъ въ послѣдующемъ изложеніи, въ началѣ 70 хъ годовъ, баронъ Н. А. Корфъ посѣтилъ Москву и Петербургъ. Приводимое ниже письмо графини П. С. Уваровой служить характернымъ подтвержденіемъ, что личное знакомство съ барономъ Корфомъ способствовало еще большому упроченію тѣхъ добрыхъ отношеній, въ которыхъ онъ находился съ такою массою лицъ посредствомъ переписки. Замѣчательно то нравственное чутье, съ которымъ графиня Уварова закликала барона Корфа, забывъ о своей личности, о своемъ самолюбіи, не покидать земской дѣятельности на мѣстѣ, несмотря ни на какія ухудшенія условій. Какъ было уже разъяснено раньше, именно въ 1872 году баронъ Корфъ навсегда покинулъ земскую дѣятельность въ Александровскомъ уѣздѣ.

Порѣчье, 5 января 1872 г.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Вотъ ужъ и пятое января, а Вашей статьи объ училищныхъ совѣтахъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Что случилось съ ней и что ее затормозило? Хотѣла было я, находясь еще въ Петербургѣ, написать къ Коршу, узнать объ ней, да не посмѣла. Теперь же съ нетерпѣніемъ ожидаю каждую почту, сейчасъ же, развертываю „Петербургскія Вѣдомости“, — но все напрасно. Неужели же Коршъ побоялся напечатать статью, относительно мѣркую и совершенно учтивую? А пока дѣло все портятъ и портятъ далѣе. Читали ли Вы въ № 354 „Петер. Вѣд.“ новый проектъ измѣненій училищныхъ совѣтовъ, по которому впредь предсѣдателя этихъ совѣтовъ будутъ назначаться правительствомъ?.. Эта мѣра

въ состояніи убить всякую мѣстную инициативу, и я очень боюсь, что Вы всё, господа, споряча откажетесь отъ своей дѣятельности. Вы на это ужь намекали въ Петербургѣ, какъ помнится, и говорили, что эта мѣра могла бы принести нѣкоторую пользу. Я и тогда оспаривала мысль эту, ибо не думаю, чтобы въ Россіи общественное мнѣніе настолько бы сложилось, чтобы быть въ состояніи приостановить правительственную мѣру; теперь же я готова (если имѣла бы на это право) умолять Васъ и всякаго дѣятеля, подобнаго Вамъ, оставить эту мѣру безъ вниманія и остаться на стражѣ при своемъ дѣлѣ, при Вашихъ школахъ, которыя погибли бы безъ Васъ, какъ тѣло безъ души. Я очень хорошо понимаю, что самолюбіе всякаго можетъ отъ этого пострадать, но что же дѣлать,—похоронимъ самолюбіе поглубже и постараемся продолжать дѣлать добро, воруя его.. Пусть назначаютъ намъ председателей; этимъ господамъ все-таки съ нами не справиться и, если мы только захотимъ, они всегда будутъ къ нашимъ услугамъ, ибо, находясь на мѣстѣ, они поймутъ, что ничего не могутъ сдѣлать безъ частной и мѣстной силы. Вѣрнѣе всего, что всё эти предписанія, всё эти правила останутся мертвою буквою для тѣхъ мѣстностей, гдѣ прежнія лица захотятъ остаться при своемъ дѣлѣ. Я же надѣюсь услышать и увидѣть это на дѣлѣ, хотя эта настойчивость и не будетъ въ русскомъ характерѣ.

Не знаю, вспоминаете ли Вы о насъ, намъ же часто приходится думать и говорить о тѣхъ приятныхъ минутахъ, которыя провели вмѣстѣ въ Петербургѣ. Когда-то придется снова свидѣться?

Посылаю Вамъ съ сегодняшнимъ почтаремъ тѣ два листа Отчета перваго археологическаго съѣзда, которые Вы не могли захватить съ собою.

Въ Петербургѣ, послѣ Вашего отъѣзда, была у Цесаревны, говорила и о школахъ....

Вернувшись въ свое родное гнѣздышко и начавъ снова свои занятія и чтенія съ дѣтьми, я вспомнила о вопросѣ, заданномъ мнѣ Вами, насчетъ дѣтской французской литературы. Вотъ то, что есть у дѣтей и что я могу Вамъ рекомендовать:

Histoire et leçons des choses pour les enfants par M-me Pape-Carpentier.

Causeries populaires publiées sous la direction de la Baronne de Crombrugge à Bruxelles.

Petit traité de connaissances à l'usage de tous par Boichot.

Histoires instructives pour enfants par Berard. Lausanne.

Разныя сочиненія de M-me Presensé.

Сии послѣднія изданы въ Парижѣ, всё первыя издавія брусельскія и швейцарскія; ихъ-то и можно въ особенности рекомендовать ради ихъ высоко-нравственнаго и строго-религознаго характера. Если соблазнитесь выписать хоть единственное изъ этихъ сочиненій, то не забудьте сказать, что Вы о немъ думаете.

Января 10.

Письмо оставалось не оконченнымъ, ибо маленькій мой, пятилѣтній, сынъ сильно захворалъ. Къ счастью, оказался только катаръ, теперь онъ совершенно хорошъ, и я спѣшу въ Москву, на дворянскіе выборы. А статьи Вашей все нѣтъ, какъ нѣтъ!..

Въ надеждѣ, что Вы меня отрекомендовали своей жевѣ, позвольте мнѣ

просить Васъ передать ей поклонъ отъ меня. Вамъ же жму искренно руку за себя и за мужа.

Желая Вамъ и Вашимъ школамъ всего лучшаго, остаюсь
готовая къ услугамъ

Гр. Уварова.

Какъ видно изъ многочисленныхъ писемъ къ барону Корфу, частныя лица, встрѣчая какія-либо затрудненія въ веденіи имѣвшихся у нихъ школъ, не задумываясь обращались къ нему за совѣтами, указаніями и содѣйствіемъ, — и немедленно, конечно, получали желаемое. Изъ весьма обширной коллекціи писемъ этой категоріи, остановимся, въ видѣ примѣра, лишь на слѣдующихъ.

Вотъ, напримѣръ, два письма мирового судьи Кобелякского уѣзда, Полтавской губерніи, В. М. Остроградскаго. Первое изъ его писемъ (безъ означенія года и числа) относится повидимому, къ концу 60-хъ годовъ.

Милостивый Государь

баронъ Николай Александровичъ!

Имѣя собственное училище и будучи членомъ кобелякского уѣзднаго совѣта, я желалъ бы попасть на предполагаемый у Васъ съѣздъ учителей вмѣстѣ со своимъ учителемъ. Поэтому рѣшаюсь беспокоить Васъ своей просьбой — увѣдомить меня, когда предполагается у Васъ съѣздъ, и, если можно, сообщить о программѣ занятій на съѣздѣ, а также и маршрутъ дороги къ Вамъ.

Вашъ, Милостивый Государь,

покорнѣйшій слуга

Викторъ Остроградскій.

1871 г., сентября 27.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Имѣю честь покорнѣе просить извинить меня за мою смѣлость опять беспокоить Васъ своимъ письмомъ. Но общая наша цѣль, я думаю, навинить меня въ Вашихъ глазахъ. Въ настоящее время я крайне затрудненъ присканіемъ 2-хъ учителей для школъ: одной — открываемой при моей помощи вновь и другой — общественной, гдѣ учитель уволился. Поэтому я рѣшаюсь беспокоить Васъ просьбой рекомендовать мнѣ учителей, если Вы ихъ имѣете въ виду. Содержаніе учителю, кромѣ квартиры, отопленія и освѣщенія, можетъ быть назначено отъ 120 руб. сер. до 240. Занятія въ школахъ съ 1-го октября, а въ этомъ году — съ того времени, когда пріѣдетъ учитель, до 10 мая. Число учениковъ впередъ не можетъ быть опредѣлено. Программу занятій я могу прислать, если Вы увѣдомите, что есть кандидаты; тогда увѣдомлю подробнѣе и о содержаніи. Прошу Васъ очень не оставить меня своимъ отвѣтомъ. Хотя я еще недавно занимаюсь школой и потому не могу быть судьей Вашего руководства „Нашъ Другъ“, но, откровенно говоря, я ему очень обра-

дованъ, тѣмъ болѣе, что я и самъ не зналъ, что дать дѣтямъ послѣ „Роднаго Слова“. Теперь же, я думаю, поступать такъ: 1-й годъ—Ваша „Азбука“ и „Родное Слово“, 1-я ч.; 2-й годъ—„Родное Слово“, 2-я часть, и „Нашъ Другъ“; 3-й годъ—„Дѣтскій Миръ“ Ушинскаго. Одна бѣда, что времени мало. У меня начались уроки съ 10 сент., но изъ 37 учен. ходятъ пока 12, а остальные не могутъ, ибо некому пасти овецъ и погонять въ плугъ. Дождливая осень отъзывается и на школѣ моей. Можно ли имѣть „Нашъ Другъ“ прямо отъ Васъ, ибо я пока имѣю 10 экз.? Извините, что я надоѣдаю Вамъ, но рассчитываю на Вашу любовь къ народу и что Вы не откажете подать своими совѣтами руку помощи моей неопытности въ школьной дѣятельности.

Съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь Вашъ покорный слуга

В. Остроградскій.

Еще большаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія четыре письма В. В. Лесевича, извѣстнаго литератора, имѣвшаго собственную начальную школу въ с. Денисовкѣ, Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Въ надеждѣ, что дѣло, по поводу котораго я теперь къ Вамъ обращаюсь, извѣстно Вамъ и что Вы относитесь къ нему не безучастно, я рѣшаюсь беспокоить Васъ моею покорнѣйшею просьбою, исполненіемъ которой Вы столько же обяжете меня лично, сколько и повліяете на успѣхи народнаго образованія въ Лубенскомъ уѣздѣ, поспособствовавъ мнѣ въ устройствѣ тамъ хорошей школы.

Сенатское рѣшеніе по жалобѣ моей на полтавскій учиващій совѣтъ даетъ мнѣ возможность вновь открыть школу мою въ с. Денисовкѣ въ весьма непродолжительномъ времени. Къ несчастью, у меня нѣтъ учителя, такъ какъ бывшій—Д. Безуглый—отказался отъ преподаванія, а тотъ, котораго я имѣлъ до настоящаго времени въ виду, самымъ печальнымъ образомъ не оправдалъ моихъ надеждъ. Зная, что Вы имѣете полную возможность снабдить меня хорошимъ учителемъ, изъ числа приготовленныхъ Вами, я убѣдительно прошу Васъ сообщить мнѣ, по прилагаемому ниже адресу, могу ли я рассчитывать на такого учителя при слѣдующихъ условіяхъ:

- 1) Жалованья въ годъ—150 р. с.
- 2) Комната рядомъ съ классомъ.
- 3) Отопленіе, освѣщеніе, столъ (кромѣ сахара и чая) отъ Денисовской экономіи.
- 4) Пріѣздъ на мѣсто, считая прогоны на двѣ лошади по числу верстъ отъ мѣста до мѣста,—на мой счетъ.
- 5) Обратный отъѣздъ, въ томъ случаѣ, если онъ произойдетъ помимо желанія самого учителя,—также на мой счетъ по тому же расчету съ присокупленіемъ жалованья за два мѣсяца впередъ.

Если только желаніе мое имѣть учителя на такихъ условіяхъ исполнимо, то я, тотчасъ по полученіи о томъ отъ Васъ извѣстія, увѣдомлю Васъ о времени, въ которое желательно было бы, чтобы учитель прибылъ въ Денисовку. Если же условія мои могутъ быть приняты только съ перемѣнами или дополненіями, то прошу Васъ также сообщить и о нихъ, такъ какъ я, съ

своей стороны, сдѣлаю все, что могу для того, чтобы приобрести учителя съ такою рекомендаціею, какъ Ваша.

Зная о Вашемъ сочувствіи всякому работающему на пользу народнаго образованія и смѣя думать, что мои посильные труды дозволяютъ мнѣ разсчитывать на частицу этого сочувствія, я остаюсь въ надеждѣ на благіе результаты моего письма и вмѣю честь быть

Вашимъ покоряѣйшимъ слугою

В. Лесевичъ.

Петербургъ.

октября 2-го, 1869 г.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Много и много благодарю Васъ за Ваше вниманіе къ моей школѣ и ко мнѣ, выраженное въ Вашемъ письмѣ. Школа моя, какъ извѣстно Вамъ изъ моего перваго письма, переживаетъ въ настоящее время трудныя минуты, созданныя всѣми предшествующими дѣйствіями ея недоброжелателей. Дѣло, возникшее благодаря ихъ просвѣтительной ревности, тянулось долго и, — что всего хуже, — не позволяло мнѣ приблизительно даже опредѣлить время, къ которому я долженъ былъ приготовить учителя. Теперь, по всей вѣроятности, зима пройдетъ, какъ и дѣя предшествовавшая: уроковъ не будетъ. Какъ это ни грустно, но я буду утѣшенъ, если съ будущаго учебнаго года возможно будетъ положить дѣлу прочное основаніе. Въ этихъ видахъ, я не задумаюсь изъяснить согласіе на условія, о конихъ Вы пишете, г. е. на ассигнованіе 250 руб. на жалованье, 25 руб. на подъемъ и, по расчету, на прогоны для двухъ лошадей, и питаю теперь надежду, что участіе, выказываемое Вами, выручитъ школу изъ бѣды. Согласно письму Вашему, я сообщу Вамъ въ апрѣлѣ о мѣстѣ, куда надо будетъ адресоваться ко мнѣ лѣтомъ, и буду ждать затѣмъ извѣщенія Вашего.

Я не писалъ Вамъ цѣлый мѣсяцъ потому, что дѣлалъ послѣднія попытки къ отысканію учителя здѣсь и хотѣлъ писать Вамъ только тогда, когда буду знать что-либо навѣрное. Это вѣрное и заключается теперь въ томъ, что учителя отыскать здѣсь я не могъ и что единственная надежда мнѣ на Васъ.

Объ „Отчетѣ“ Вашемъ, который Вы сдѣлали мнѣ честь прислать, буду непремѣнно писать Вамъ немедленно, по окончаніи нѣкоторыхъ срочныхъ занятій. Вы не примете, конечно, за лесть, однакоже, если я скажу Вамъ, что болѣе склоненъ учиться изъ Вашего „Отчета“, чѣмъ критиковать его.

Позвольте, въ заключеніе, просить Васъ благодарить отъ меня супругу Вашу за ея письмо, полученное мною какъ разъ въ то время, когда я начиналъ уже думать, что письмо мое къ Вамъ пропало, благодаря нашимъ прекраснымъ почтамъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности

Вашего покорнаго слуги

В. Лесевича.

10-го января 1870 г.

Спб.

9-го мая 1870 г.
Москва.

Милостивый Государь
Николай Александрович!

Въ письмѣ Вашемъ по поводу просьбы моей объ учителя, Вы изъявили желаніе знать, гдѣ я буду находиться въ теченіи лѣта, чтобы имѣть возможность написать мнѣ, когда будетъ нужно. Исполняя желаніе Ваше, извѣщаю Васъ, что я отправляюсь теперь на все лѣто въ Денисовку (Лубенскаго уѣзда), куда и прошу обращаться ко мнѣ до сентября. Надѣясь на Ваше любезное вниманіе, я буду ожидать письма Вашего; теперь же пользуюсь случаемъ, чтобы еще разъ благодарить Васъ за Ваше обязательное согласіе исполнить просьбу, имѣющую для меня въ высшей степени важное значеніе.

Въ настоящее время я читаю Вашу новую книгу и несказанно радъ, что она вышла именно въ то время, когда я за-ново открываю мою школу и собираюсь строить для нея новый домъ. Весьма и весьма много имѣваю въ прежнихъ предположеніяхъ, согласно съ Вашими указаніями, и много разъ, читая и обдумывая Ваши совѣты, посылаю Вамъ мысленно самое искреннее, сердечное спасибо.

Въ ожиданіи извѣстія отъ Васъ на счетъ учителя, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью

Вашъ покорный слуга

Вл. Лесевичъ.

30-го мая 1870 г.
Село Денисовка.

Милостивый Государь
Николай Александрович!

Рѣшаюсь еще разъ безпокоить Васъ относительно дѣла, о которомъ я уже Вамъ писалъ. Прибывъ сюда, я встрѣтилъ нѣкоторые затрудненія, которыхъ не ожидалъ: между крестьянами распространень слухъ, что школа открыта не будетъ, ибо разогнали ее попъ. Кто распускаетъ этотъ слухъ — не знаю; быть можетъ, и самъ священникъ. Какъ бы то ни было, но я нахожу необходимымъ по возможности скорѣе фактически опровергнуть этотъ слухъ и показать, что сенатскій указъ не есть одна только мертвая буква. Прибытіе учителя заблаговременно и начало практическихъ приготовленій къ ученію было бы, по моему убѣжденію, всего важнѣе для внушенія сельскому обществу вѣрнаго взгляда на положеніе дѣла, установленное сенатскимъ указомъ, что имѣетъ большое значеніе для будущаго успѣха школы и, прежде всего, положить конецъ вреднымъ для нея слухамъ.

Въ виду всего этого, я рѣшаюсь просить Васъ оказать мнѣ еще одно великое одолженіе, которымъ Вы закончите оказываемое Вами школѣ моей благодареніе, а именно: не можете ли Вы прислать учителя въ теченіе іюня и теперь же написать, сколько мнѣ выслать для него денегъ. Еслибы это было возможно, то не только школа моя оттого выиграла, но это было бы полезно и самому учителю. Я могъ бы помочь ему узнать здѣшнихъ людей и здѣшнія обстоятельства, могъ бы ознакомиться съ его нуждами и своевременно озаботиться о ихъ удовлетвореніи и, наконецъ, стовориться съ нимъ о предстоящемъ ученіи, начинающемся у насъ обыкновенно около 15-го сентября.

*

Исполненіемъ настоящей просьбы Вы крайне меня обяжете и окажете важную услугу мѣстному земству, которому я уже заявилъ о Вашемъ обѣщаніи доставить въ школу мою учителя и которое, какъ Вамъ извѣстно, не безучастно относится къ моимъ стараніямъ. Для него школа съ учителемъ, присланнымъ Вами, будетъ не только образцовой, но и возбуждающею къ учебной дѣятельности.

Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть покорнымъ слугой

В. Лесевичъ.

Вниманіе со стороны барона Н. А. Корфа къ разнаго рода частнымъ и общественнымъ учебнымъ заведеніямъ въ другихъ мѣстностяхъ, а тѣмъ болѣе личное его посвѣщеніе и осмотръ имъ учебныхъ заведеній, признавалось своего рода событіемъ. Такъ, значитъ, великъ былъ авторитетъ барона Корфа. Особенно выразительны въ этомъ отношеніи письма директора черноморскихъ и азовскихъ маяковъ, В. И. Заруднаго, по поводу вниманія барона Корфа къ находившейся въ Николаевѣ (Херсонской губерніи) частной элементарной школѣ Ильинныхъ (*belle-soeurs* г. Заруднаго), состоявшей подъ руководствомъ г. Заруднаго. Изъ девяти писемъ, относящихся къ этому предмету, остановимся лишь на четырехъ слѣдующихъ.

Милостивый Государь

баронъ Николай Александровичъ!

Письмо Ваше отъ 25-го ноября, съ приложеніемъ, пріятно удивило меня. Я никогда не думалъ, что слабые педагогическіе труды мои, въ свободныя отъ служебныхъ занятій минуты, могутъ вызвать столь драгоцѣнное вниманіе энергическаго дѣятеля народнаго просвѣщенія. Къ величайшему сожалѣнію, присылка Ваша застала меня врасплохъ, въ тяжкое для меня время. Занимая въ теченіе восьми лѣтъ обязанность директора Черноморскихъ и Азовскихъ маяковъ, я употребляю нѣсколько мѣсяцевъ въ году на служебные разъѣзды и, по возвращеніи въ Николаевъ, всегда застаю огромное количество матеріаловъ для письменнаго труда. Два года тому назадъ, черноморскую флотилію постигло такъ-называемое *с о к р а щ е н і е*, вслѣдствіе котораго я лишился двухъ помощниковъ, дѣлопроизводителя, двухъ чертежниковъ и болѣе половины писцовъ. Необыкновенная обстановка потребовала и необыкновеннаго труда.

Чтобы не повредить дѣлу, необходимо было пожертвовать всѣми занятіями, не входящими въ кругъ прямыхъ моихъ служебныхъ обязанностей. Вотъ почему теперь я не имѣю возможности даже перелистывать журналы и газеты; несмотря на то, я съ величайшимъ наслажденіемъ прочелъ нѣсколько страницъ изъ Вашего интереснаго и въ высшей степени поучительнаго „Отчета“. Я отдалъ полученныя отъ Васъ книги въ переплетъ; по полученіи прочту все и сообщу Вамъ свои впечатлѣнія; надѣюсь, что Вы снисходительно выслушаете мнѣніе чловѣка, вовсе не заслужившаго и малой доли той репутаціи, которою надѣлили его слишкомъ добрые люди.

Прошу принять увѣреніе въ глубокомъ уваженіи, съ которымъ имѣю честь быть

Вашимъ,
Милостивый Государь,
покорнѣйшимъ слугою

В. Зарудный.

14-декабря 1868 г.

Николаевъ.

Р. S. Письма ко мнѣ весьма часто остаются по три мѣсяца безъ отвѣта, вслѣдствіе продолжительности моихъ служебныхъ разъѣздовъ.

Многоуважаемый

баронъ Николай Александровичъ!

Послѣ вынесенной мною недавно нервной горячки, докторъ запрещаетъ мнѣ до сихъ поръ читать и писать. Несмотря на то, я рѣшаюсь написать Вамъ нѣсколько строкъ.

Болѣзнь моя произошла отъ чрезмѣрныхъ умственныхъ работъ и неосторожнаго употребленія слишкомъ холодной воды.

Общанія своего относительно отъѣзда о географическомъ хотѣ я, въ сожалѣнію, выполнить не могу, потому что это пособіе, не бывъ еще въ употребленіи, уже приведено въ расстройство.

Организація школы Ильинныхъ, благодаря Бога, не разрушается. Служебныя заботы лишаютъ меня до сихъ поръ возможности заняться педагогическимъ дѣломъ, какъ въ прежніе годы.

Мы всѣ льстимъ себя надеждою, что Вы посѣтите школу Ильинныхъ, въ маѣ текущаго года.

Просимъ остановиться подъ крышей того же дома, въ которомъ заведенъ общими нашими силами не дешевый педагогическій механизмъ, работающій уже около 8-ми лѣтъ, безъ капитальныхъ передѣлокъ, несмотря на интриги и старанія добрыхъ людей повредить дѣлу. Для Васъ всегда будетъ готова отдѣльная комната.

Болѣзнь моя мѣшала до сихъ поръ возможности отвѣтить на письмо, полученное мною изъ Александровска, по поводу правилъ ремесленныхъ школъ. Постараюсь сообщить свое мнѣніе, какъ только буду въ силахъ трудиться по-прежнему.

Народное образованіе у насъ по-прежнему похоже на зданіе, построенное на пескѣ, безъ фундамента.

Чтобы низшій слой общества имѣлъ возможность учиться, насъ заставляютъ одѣваться чуть не ежедневно въ порфиру и виссонъ, чтобы пировать и ликовать. Всѣ мы пляшемъ безъ усталы и занимаемся безъ мѣры драматическимъ искусствомъ для того, чтобы меньшіе братья наши могли учиться грамотѣ!..

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностью

В. И. Зарудный.

13 февраля, Николаевъ.

Николаевъ, 15 мая 1871 г.

Двѣ недѣли шло письмо Ваше, многоуважаемый Николай Александровичъ, отправленное изъ Нескучнаго 1 марта; и только сегодня получилъ я

его и спѣшу сообщить Вамъ, что прїѣздъ Вашъ въ Николаевъ, въ школу Ильинныхъ, вмѣстѣ съ сочленомъ Вашимъ, г. Шабельскимъ, будетъ для всѣхъ насъ истиннымъ праздникомъ и торжествомъ. Для Васъ и Вашего спутника мы изготовимъ отдѣльный маленькій флигель, соединяющійся съ моею квартирой посредствомъ корридора. Ямщику или извозчику прикажите везти на Католическую улицу, домъ № 3 (рядомъ съ почтовой станціей). Въ маѣ я буду Васъ ожидать въ Николаевѣ во что бы то ни стало. Поздравляю Васъ и все молодое поколѣніе Россіи съ окончаніемъ Вашей книги для чтенія ¹⁾. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ буду ждать выхода этого капитальнаго труда въ свѣтъ.

До сихъ поръ я еще не совсѣмъ поправился послѣ опасной болѣзни, которая вѣроятно имѣетъ связь съ сильнымъ ушибомъ головы. Однажды я, идя вверхъ по лѣстницѣ маяка, получилъ неожиданно жестокой ударъ въ голову неудачно вновь приспособленнымъ желѣзнымъ болтомъ. Со мною едва тогда не сдѣлался обморокъ. Дня три послѣ того я подвергся болѣзненнымъ припадкамъ, которые исчезли подъ влияніемъ морскихъ купаній и лѣтнихъ морскихъ вѣтровъ. Теперь же холодныя сырыя вѣтры и усиленныя занятія возобновляютъ знакомыя болѣзненные припадки: шумъ въ ушахъ, головокруженіе, безпокойство, затрудненное глотаніе и стягиваніе головы. Огромное облегченіе доставляетъ мнѣ согрѣваніе головы и компрессы, размоченныя слѣдующей примочкой: одна столовая ложка селитры, одна ложка (стол.) нашатырю—растворены въ полустаканѣ воды и смѣшаны съ бутылкой уксуса.

Нѣсколько дней тому назадъ я возобновилъ свои служебныя занятія, прекративъ ихъ на пѣкоторое время, и чувствую себя хорошо. Возвратились веселость, бодрость и энергія, — но шипящій свистъ въ ушахъ не прекращается.

Статью Вашу въ январьской книгѣ „Вѣстника Европы“ непременно прочту въ скоромъ времени и сообщу Вамъ о своихъ впечатлѣніяхъ. Мнѣ кажется, что въ журналѣ „Учитель“ никогда ничего не было сказано о школѣ Ильинныхъ,— было кое-что въ разныхъ газетахъ и въ „Морскомъ Сборникѣ“ (статья купца Самокишина), лѣтъ 7 тому назадъ. Въ этой школѣ будетъ крѣпнись. Наша „Естественная Исторія“ (учительница) выходитъ замужъ и оставляетъ занятія. Впрочемъ, если не случится ничего особеннаго,—дастъ Богъ застанете школу въ маѣ въ полномъ составѣ. Помогите совѣтомъ!..

Искренне преданный Вамъ и семейству Вашему, глубоко уважающій
В. Зарудный.

Во время посѣщенія барономъ Н. А. Корфомъ школы Ильинныхъ, В. И. Заруднаго не было въ это время въ Николаевѣ, такъ какъ онъ уѣзжалъ въ Петербургъ по дѣламъ службы. По возвращеніи же изъ Петербурга г. В. Зарудный написалъ барону Корфу слѣдующее знаменательное письмо.

Многоуважаемый

баронъ Николай Александровичъ!

Ни въ какомъ лексиконѣ не найдется словъ и ни въ какой риторикѣ не найдется образцовъ выраженій, чтобы формулировать что-нибудь близкое къ признательности, которую я чувствую къ Вамъ за посѣщеніе Ваше школы

¹⁾ Здѣсь говорится о „Нашемъ Другѣ“.

М. П.

Ильиныхъ и въ особенности за участіе, принятое Вами въ рѣшеніи трудной задачи, предпринятой на русской почвѣ для пользы русской семьи. Всѣ Ваши одобрительныя заявленія и всѣ замѣчанія о недостаткахъ учебной машины приняты дамами нашими и мною, какъ выраженіе не только дружескаго желанія успѣха, но какъ признакъ доблестнаго труженничества друга чело-вѣчества и русскаго патриота.

Къ величайшему сожалѣнію, усложнившіяся служебныя занятія мон лишаютъ меня всякой возможности не только принимать участіе въ рѣшеніи педагогическихъ вопросовъ, но даже думать о нихъ. Всѣ силы мои и всѣ способности должны быть сосредоточены на служебномъ дѣлѣ, простирающемся за границы моего умственнаго могущества... Меня изумилъ Вашъ каталогъ учебныхъ пособій, составленный Вами въ школѣ Ильиныхъ, послѣ утомительнаго путешествія, въ нѣсколько часовъ. Я нѣсколько лѣтъ собирался составить этотъ каталогъ и до сихъ поръ не успѣлъ еще прочесть составленный Вами.

Завтра или послѣ завтра вышлю Вамъ замѣтку о школѣ Ильиныхъ, если успѣю.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и искренно преданный Вамъ

В. Зарудный.

Николаевъ.

3 іюня 1871 года.

И не по однимъ только собственно школьнымъ дѣламъ обращались за совѣтомъ и содѣйствіемъ къ барону Корфу. Для характеристики разнообразія мотивовъ, по которымъ утруждали барона Корфа изъ разныхъ мѣстностей, нерѣдко весьма отдаленныхъ, остановимся лишь на нѣкоторыхъ письмахъ, касающихся наиболѣе крупныхъ вопросовъ, сторонъ общественной жизни и дѣятельности.

Большаго, напримѣръ, вниманія заслуживаютъ слѣдующія письма президента Императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства, Іосифа Николаевича Шатилова, къ барону Корфу.

Милостивый Государь,

Николай Александровичъ!

Императорское Московское общество сельскаго хозяйства въ нынѣшнемъ году празднуетъ 50-ти-лѣтній юбилей своего существованія. По поводу этого празднованія разрѣшенъ съѣздъ сельскихъ хозяевъ, который будетъ продолжаться съ 19-го декабря по 3-е января. На обсужденіе этого съѣзда предложены равными учеными обществами и корпораціями многіе вопросы, списокъ которымъ, равно какъ и программу занятій съѣзда, при семъ прилагаю. Изъ этого списка Вы усмотрите, что цѣлый рядъ вопросовъ (отдѣленія IX-го) посвященъ народному образованію. Кромѣ того, уже послѣ напечатанія вопросовъ, ученымъ комитетомъ министерства государственныхъ имуществъ предложены на обсужденіе съѣзда еще 3 вопроса, тоже прилагаемые въ копіи.

Второй изъ этихъ вопросовъ, затрогивая самыя существенныя стороны народнаго образованія, даетъ возможность заняться серьезно столь извѣстными Вамъ нуждами нашей народной школы на предстоящемъ съѣздѣ. Такое со-

знаніе и вызвало уже со стороны многихъ изъ усердѣйшихъ школьныхъ дѣятелей, какъ-то: Д. Д. Дашкова, П. А. Васильчикова, кн. В. И. Васильчикова, П. М. Цейдлера и пр. заявленіе о желаніи участвовать въ этомъ отдѣлѣ сѣзда. Но всѣ эти лица, а равно и комиссія, выбранная обществомъ для устройства юбилея и сѣзда, единогласно пришли къ убѣжденію, что въ предстоящемъ публичномъ обсужденіи нужды и пользы народной школы окажется не восполнимый пробѣлъ, если Вы не примете въ немъ участія. Вслѣдствіе этого, отъ лица комиссіи по юбилею и Московскаго комитета грамотности, имѣю честь обратиться къ Вамъ съ просьбою участвовать на предстоящемъ сѣздѣ. Смѣю надѣяться, что Вы вполне оцѣните съ одной стороны ту пользу, которую Вашъ, столь заслуженный, авторитетъ и Ваше участіе въ публичномъ обсужденіи вопроса, предложеннаго министерствомъ, принесутъ школьному дѣлу, а съ другой стороны и то, насколько желательно и полезно такое сближеніе и живой обмѣнъ мыслей для лицъ, посвящающихъ себя служенію народнаго образованія.

Заключаю просьбою почтить черезъ меня комиссію по юбилею и комитетъ грамотности увѣдомленіемъ о томъ, можемъ ли мы ожидать прибытія Вашего въ Москву къ 19-му декабря, и высказываю Вамъ искренно не мою только, а всѣхъ лицъ, участвующихъ въ сѣздѣ народнаго образованія, надежду, что отвѣтъ Вашъ не будетъ отрицательнымъ. Въ бывшемъ 27-го октября засѣданіи комитета грамотности (первое засѣданіе настоящей зимы) нашъ сочленъ, В. С. Кашина, заявилъ въ краткихъ словахъ о сдѣланномъ Вами ему радушномъ приѣмѣ, а въ слѣдующемъ засѣданіи онъ долженъ представить комитету свой подробный отчетъ о поѣздкѣ въ Александровскій уѣздъ. Въ ожиданіи отвѣта остаюсь

съ глубокимъ уваженіемъ и совершенно преданный Вашъ покорный слуга
И. Шатиловъ.

Москва.

4-го ноября 1870 г.

P. S. Прошу Васъ принять отъ меня прилагаемые отчеты Новосильскаго училищнаго совѣта о лѣтнихъ курсахъ.

Извлеченія изъ писемъ, касающихся поѣздки В. С. Кашина къ барону Н. А. Корфу, для ознакомленія на мѣстѣ съ его школами, будутъ приведены нѣсколько ниже, а потому мы и не останавливаемся здѣсь болѣе на этомъ предметѣ.

Милостивый Государь,

Николай Александровичъ!

Третьяго дня возвратился я изъ деревни, куда ѣздили послѣ засѣданія комитета грамотности, и первой моей заботой было конечно освѣдомиться о ходѣ составленія нашего пространнаго протокола, который долженъ былъ быть полученнымъ отъ стенографа и пересланъ въ мое отсутствіе. Но я нашелъ нагихъ секретарей, Горбунова и Чупрова, въ великомъ уныніи. Стенографъ (единственный, котораго мы могли найти, за отсутствіемъ нашего прежняго стенографа, и рекомендованный окружнымъ судомъ) сдалъ свою работу въ самомъ безобразномъ видѣ, самъ уѣхалъ на сессію какаго-то провинціального суда и прислалъ свой манускриптъ съ ховлякою своей квартиры, взявъ за

него непомѣрную плату 50 р. Оказывается, что онъ большинство преній исказилъ, и въ его стенографіи встрѣчаются такіа мѣста: „Послѣ обмѣна мнѣній между нѣкоторыми членами, пришли къ слѣдующему заключенію.“ Но хуже всего, что Ваше заявленіе о значеніи лѣтнихъ курсовъ и мнѣніе о томъ, какъ они должны быть ведены, скопьяно до-недѣля и, какъ все прочее, записано сумбурно. Не можете ли Вы, хоть въ главныхъ чертахъ, сообщить намъ сказанное Вами о курсахъ? Это заявленіе для насъ весьма дорого, а возстановлять его изъ отрывковъ трудно. Конечно, еслибы я смѣлъ просить Васъ набросать все Вами сказанное на бумагу,—было бы всего желательнѣе, но боюсь, что это Васъ можетъ затруднить. А. И. Чупрову предстоитъ много работы по возстановленію протокола, и мы положительно въ отчаяніи отъ недобросовѣстности этого господина. Ваше заявленіе о пользѣ краткосрочныхъ сѣздовъ для меня лично тѣмъ необходимѣе, что въ засѣданіи 2-го декабря, я хочу, при обсужденіи пресловутыхъ программъ, провести мысль Д. Д. Дашкова, къ которой вполне пристаю, что гораздо полезнѣе будетъ для дѣла, вмѣсто 6-ти-недѣльныхъ курсовъ, просто читать лекціи по учебнымъ пособіямъ музея военнаго вѣдомства, какъ это дѣлалось на выставкѣ, въ Петербургѣ. Такое 2-хъ-недѣльное чтеніе, приуроченное къ музею, будетъ и болѣе доступно въ денежномъ отношеніи для земствъ и будетъ имѣть болѣе связи съ самой выставкой. Вчера мы много толковали объ этомъ съ Сокольниковымъ, который заявляетъ готовность быть въ числѣ лекторовъ и съ которыми мы мечтали, что и Вы не откажетесь принять участіе въ этомъ дѣлѣ. 2-го декабря программы будутъ конечно подвергнуты такому разбору, что отъ нихъ останется немного, но я надѣюсь не допустить слишкомъ обиднаго для составителей разбора, въ принципѣ перестроивъ 6-ти-недѣльные курсы въ 2-хъ-недѣльные, по мысли Дашкова и Коховскаго, съ которыми онъ объ этомъ дѣлѣ говорилъ. Мысль эта имѣетъ уже много сторонниковъ. Осуществленіе ея привлекательно еще и тѣмъ, что изъ 4.000 р., ассигнованныхъ комитетомъ выставки, останется тогда экономія, и экономія эта можетъ послужить на приобрѣтеніе первыхъ предметовъ для основанія здѣсь, въ Москвѣ, музея учебныхъ пособій, подобнаго Петербургскому, который здѣсь гораздо нужнѣе, ибо опытъ уже доказывалъ, что, имѣя мы здѣсь образцы подъ рукою,—мы много можемъ проанализировать сами, по здѣшнимъ деревнямъ. Но обо всемъ этомъ надѣюсь еще много переговорить съ Вами при пріѣздѣ Вашемъ, а пока остаюсь въ надеждѣ на отвѣтъ.

Глубоко уважающій и душевно преданный

И. Шатиловъ.

Москва.

26-мая 1871 г.

Милостивый Государь,

Николай Александровичъ!

Комиссія по устройству курсовъ на политехнической выставкѣ, въ своемъ третьяго дня засѣданіи, наконецъ, пришла къ вождѣльному и окончательному результату. Цѣль и весь планъ этихъ курсовъ подвергнуты были коренному измѣненію, вслѣдствіе заявленія Д. Д. Дашкова, принятаго комитетомъ и положеннаго въ основу послѣднихъ работъ комиссіи. Препровождаю Вамъ въ копіи мнѣніе Дашкова¹⁾, дабы Вы изъ него могли ознако-

¹⁾ Мнѣніе г. Д. Дашкова мы вынуждены пройти молчаніемъ, въ виду недостатка мѣста. М. П.

миться съ тѣмъ направленіемъ, которое комитетъ и комиссія намѣрены дать курсамъ. Кромѣ того, препровождаю Вамъ и копію съ постановленія послѣдняго засѣданія комиссіи. Изъ постановленія Вы усмотрите, что мы позволяемъ себѣ разсчитывать и на Ваше въ этомъ дѣлѣ сочувственное содѣйствіе. Почему отъ лица комиссіи позволяю себѣ передать Вамъ ея просьбу—принять на себя чтеніе по русской исторіи. Н. А. Соковинякъ былъ въ новинкомъ того, что выборъ лектора по этому предмету палъ на Васъ—и даже обнадежилъ насъ въ томъ, что Вы не откажетесь отъ сочувствія этому дѣлу. Участіе Ваше тѣмъ болѣе представляется важнымъ, что этотъ предметъ совершенно новый, и только человекъ знакомый не съ однимъ предметомъ, но и со школою и съ вѣшними отношеніями къ практикѣ—можетъ съ успѣхомъ вести это чтеніе. Вслѣдствіе всего этого, прошу Васъ только объ одномъ: по возможности въ скоромъ времени увѣдомить насъ о Вашемъ согласіи и сообщить программу чтенія. Комиссія, какъ вы увидите изъ копій ея журнала, только намѣтила въ крупныхъ чертахъ заголовки и дѣлы, такъ сказать, предметовъ, предоставляя вполне (какъ и Вами было высказано) составленіе программы лектору. Покрытіе издержекъ пріѣзда и вообще вознагражденіе лекторовъ будетъ рѣшено въ слѣдующемъ засѣданіи по полученіи отъ Ф. И. Королева (который теперь въ Петербургѣ и которому поручено войти въ соглашеніе съ тамошними лекторами) надлежащихъ свѣдѣній о требованіяхъ этихъ господъ. По полученіи этихъ свѣдѣній и опредѣленіи условій матеріальныхъ, я немедленно сообщу Вамъ оныя, а между тѣмъ позволю себѣ просить Васъ и до полученія этихъ свѣдѣній извѣстить, какъ я сказалъ выше, о согласіи или несогласіи Вашемъ на это чтеніе а также о составленіи программы, которая нужна единственно для испрошенія разрѣшенія на лекціи. Подвергать же программу разработкѣ или какой-либо ломкѣ—въ комитетѣ и комиссіи рѣшено не допускать. Убѣдительно прошу Васъ въ заключеніе и отъ себя, и отъ лица сочувствующихъ Вамъ членовъ комитета не отказать намъ въ нашей просьбѣ и принести эту жертву на пользу русской народной школы.

Забылъ сказать Вамъ, что съѣздъ положили сдѣлать 3-хъ-недѣльный, такъ чтобы было всего максимумъ 48 часовъ чтеній утреннихъ. На каждый предметъ положено 6 чтеній (по многимъ будетъ 3 и 4). Послѣобѣденные часы будутъ посвящены на бесѣды учителей и совѣщанія, съ цѣлью дать имъ возможность разъяснить то или другое въ живомъ обмѣнѣ мыслей съ лекторами. Между тѣмъ въ надеждѣ на скорый и утѣшительный отвѣтъ остаюсь, какъ всегда, глубоко уважающій и душевно преданный

И. Шатиловъ.

Москва.

15-го января 1872 г.

По поводу приведеннаго выше обращенія къ барону Н. А. Корфу отъ Московскаго общества сельскаго хозяйства, необходимо замѣтить, что онъ вообще считался большимъ знатокомъ всѣхъ вообще бытовыхъ и народно-хозяйственныхъ условій, что и вызывало многочисленныя обращенія къ нему за совѣтами, указаніями и содѣйствіемъ въ вопросахъ и дѣлахъ широкаго общественнаго значенія. Изъ многочисленныхъ писемъ по этому поводу остановимся лишь на двухъ.

Вотъ что, напримѣръ, писалъ барону Корфу С. П. Щепкинъ, какъ чиновникъ министерства государственныхъ имуществъ, по поводу возложеннаго на него официальнаго порученія:

Милостивый Государь,
баронъ Николай Александровичъ!

Г. министръ государственныхъ имуществъ возложилъ на меня собраніе въ южномъ краѣ свѣдѣній по сельскому хозяйству, обращааясь за ними преимущественно къ самимъ хозяевамъ.

Глубокое знакомство Ваше съ краемъ и оказанное Вами мнѣ въ 1867 г. просвѣщенное вниманіе даютъ мнѣ смѣлость обратиться къ Вамъ, Милостивый Государь, съ покорнѣйшею просьбою,—оказать мнѣ содѣйствіе въ исполненіи даннаго мнѣ порученія сообщеніемъ тѣхъ изъ свѣдѣній по прилагаемой программѣ, которыя Вы признаете возможнымъ.

Я былъ бы весьма признателенъ, еслибъ Вы нашли возможнымъ переслать мнѣ Ваше сообщеніе въ г. Елизаветградъ, какъ центръ моего района, а также сообщить, могу ли я найти Васъ въ августѣ въ Вашемъ имѣніи и какимъ образомъ удобнѣе проѣхать въ Нескучное отъ азовской дороги.

Позволяю себѣ надѣяться, что Вы, Милостивый Государь, найдете возможнымъ исполнить мою просьбу, покорно прошу Васъ принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

11-го іюня 1872 г.
Елизаветградъ.

С. Щепкинъ.

Не меньшаго вниманія заслуживаютъ также и письма къ барону Корфу Н. П. Баллина. Имѣя свой магазинъ въ Харьковѣ, Баллинъ фанатически увлекся идеею о «потребительныхъ товариществахъ» или обществахъ. Въ порывахъ смѣлой фантазіи, онъ намѣревался обнять кооперативнымъ началомъ всѣ отрасли отечественной промышленности, распространивъ при томъ это начало во всѣхъ главнѣйшихъ нашихъ промышленныхъ центрахъ. Мечта очень характерная для конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ. Баллинъ очень усиленно дожималъ барона Корфа своими письмами, инстинктивно чувствуя его силу въ дѣлахъ житейскаго свойства, сознавая необходимость его содѣйствія и поддержки,—и всячески старался привлечь его къ участію въ дѣлахъ потребительныхъ товариществъ, какъ перомъ, такъ и практическимъ починомъ. Изъ шести писемъ Баллина ограничимся лишь слѣдующимъ:

Милостивый Государь,
Николай Александровичъ!

Посылаю Вамъ мою брошюру, уставъ и отчетъ нашего „Товарищества“ (потребительнаго). Прошу Васъ обратить вниманіе—что мы сдѣлали. Начали мы, четыре года тому назадъ, съ 2.000 р., открытіемъ маленькой бакалейной лавки; теперь у насъ: три большихъ и одна маленькая бакалейная лавка, торгующая не хуже большихъ; контора и свое зало для общихъ собраний;

квартира для служащихъ съ кухмистерской; хлѣбная и кондитерская; двѣ кофейни (съ газетами и телеграммами); заводъ минеральныхъ водъ; агенство въ Петербургѣ; продажа иногородными товариществами, независимо отъ того, что продаетъ наше агенство на 30.000 р. въ годъ; агенство швейныхъ машинъ, при этомъ модная швейная, которая вмѣстѣ съ тѣмъ еще и ремесленная школа. Кромѣ того, вслѣдствіе учрежденія „Товарищества“, открылось здѣсь другое потребительное Общество съ пятью тысячами капитала, которое надняхъ открываетъ двѣ лавки. Открывается еще нами особая кухмистерская. Мало того, наше „Товарищество“ постоянно заботилось о народномъ образованіи. Оно вызвало открытіе склада книгъ обществомъ грамотности; предполагаемая мною кооперативная изданія инициативой своей объявы „Товариществу“, само собою и помощь будетъ отъ него; по инициативѣ „Товарищества“ откроется въ Харьковѣ отдѣленіе Московскаго общества распространенія техническихъ знаній, а можетъ быть и что-нибудь еще. По инициативѣ „Товарищества потребителей“ устроили и съѣздъ учителей Харьковскаго уѣзда. Наши кооператоры, Брильянтовъ и Вѣлевскій, работали на этомъ съѣздѣ усердиѣ, чѣмъ члены правленія общества грамотности и члены специальной комиссіи съѣзда.

Вы видите, что кооперація у васъ не враждуетъ съ образованіемъ, — напротивъ. Если мы не открываемъ школы, то потому, что встрѣчаемъ для открытія школъ и библиотекъ препятствія, или, по крайней мѣрѣ, опасаемся этихъ препятствій, могущихъ повредить дѣлу. Въ настоящее время председателемъ училищнаго совѣта, вмѣсто Деларю, назначенъ извѣстный Вамъ Неклюдовъ. Онъ затруднился, въ противность существовавшему до сихъ поръ обычаю, выдать свидѣтельство на обученіе въ воскресной школѣ двумъ кандидатамъ университета, безъ засвидѣтельствованія ихъ благонадежности полиціей. Это передавалъ намъ вчера Бекетовъ.

Кстати. Мнѣ пришло въ голову, что Вамъ удобно было бы устроить заведеніе для приготовленія дешевыхъ учебныхъ пособій. Это могло бы доставить средства къ существованію Вашимъ школамъ, понизило бы цѣну учебныхъ пособій и содѣйствовало бы распространенію хорошихъ учебныхъ пособій. Я думаю, что прежде устройства такихъ заведеній, необходимо было бы списаться съ Коховскимъ (въ музеѣ учебныхъ пособій при военномъ министерствѣ). Онъ человекъ весьма хорошій и дѣятельно работаетъ, говорятъ. Я съ удовольствіемъ возьму на себя организацію при складѣ Общества грамотности или при потребительныхъ лавкахъ склада тѣхъ учебныхъ пособій для народныхъ школъ, которыя нельзя готовить, а нужно выписывать, или удобнѣе готовить въ Харьковѣ, а не у Васъ.

Съ глубокимъ почтеніемъ имѣю честь быть

Николай Балляпъ.

Съ только-что приведенными письмами по вопросамъ чисто практическаго характера очень назидательно сопоставить письмо А. Л. Ливева, человека извѣстнаго въ литературѣ, жившаго, по неволѣ, въ захолустѣ Вологодской губерніи. Невольно бросается въ глаза, что — какъ мы видѣли въ приведенныхъ выше письмахъ — люди высокопросвѣщенные обращались къ барону Корфу по самымъ разнообразнымъ вопросамъ: одни — по училищамъ въ дѣлѣ, въ области собственно

народнаго образованія и шире; другіе—изъ области хозяйства-вѣдѣнія вообще; третьи, наконецъ, — какъ увидимъ сейчасъ, — изъ области даже небовѣдѣнія. И въ отношеніи каждой изъ этихъ, обширныхъ и совершенно различныхъ, сферъ знанія къ барону Корфу обращались, какъ къ лицу компетентному, свѣдущему, на голосъ котораго можно вполне положиться. Вотъ какъ, напримѣръ, писалъ ему г. Лиевѣ въ отношеніи «небовѣдѣнія»:

Никольскъ, 4 августа 70 г.

Милостивый Государь,

Николай Александрович!

Ваши неустанные труды на пользу развитія народнаго образованія даютъ мнѣ смѣлость надѣяться, что Вы снисходительно отнесетесь къ моей настоящей просьбѣ.

Въ началѣ мая текущаго года я получилъ изъ Петербурга нѣсколько (последнихъ) листовъ сочиненія извѣстнаго германскаго педагога Дистервега „Himmelskunde“, съ порученіемъ послѣпшить переводомъ высланныхъ листовъ.

Отсылая свою оконченную работу по назначенію, я счелъ удобнымъ высказать издателю свой, хотя и далеко не полный, взглядъ на ту часть оригинала, которая была въ моихъ рукахъ (Высланы были только тѣ листы, которые надлежало переводить; съ книгой я не былъ раньше знакомъ). Какъ на грѣхъ, послѣднія главы трактуютъ о физическомъ устройствѣ солнца, о кометахъ, падающихъ и неподвижныхъ звѣздахъ и т. п. Но именно этотъ отдѣлъ астрономическихъ свѣдѣній подвергся, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, самой коренной переработкѣ, благодаря открытію гейдельбергскаго профессора Кирхгофа; я разумію спектральный анализъ. Въ какихъ-нибудь 5—6 лѣтъ, открытія слѣдовали другъ за другомъ такъ быстро, что теорія не успѣвала обобщать факты и наблюденія. Въ особенности 1868 годъ, съ его продолжительнымъ, полнымъ солнечнымъ затменіемъ, послужилъ къ утверженію кирхгофской гипотезы о физическомъ устройствѣ солнца; въ то же время блестящія работы Чиापарелли и Вейса, въ связи съ изслѣдованіями патера Секки въ Римѣ, пролили яркій свѣтъ на тождество падающихъ звѣздъ съ кометами.

Сочиненіе Дистервега, несмотря на выставленный на оберткѣ послѣдняго изданія 1868 годъ, сильно отстало отъ хода современныхъ астрономическихъ ученій. По теоріи солнца, Дистервегъ все еще пробавляется воронкообразною теоріею Араго; по падающимъ звѣздамъ — старыми гипотезами Эрмана. Немудрено поэтому, что первоначальный отзывъ мой о книгѣ (послѣднихъ главахъ) былъ не слишкомъ въ ея пользу.

Въ началѣ іюня мѣсяца я получилъ отъ издателя весь переводъ Дистервега и оригиналъ, съ просьбою заняться окончательною редакціею этого сочиненія и въ то же время сдѣлать всѣ тѣ прибавленія и измѣненія, которыя я сочту полезными.

Ближайшее знакомство съ книгой если не вполне измѣнило мой взглядъ на нее, то по крайней мѣрѣ заставило посмотреть съ иной точки зрѣнія. Только прочитавъ „Небовѣдѣніе“ Дистервега, что называется „отъ доски до доски“, я поваялъ всю педагогическую силу этого нѣмца, все неоцѣнимое достоинство книги. Своей строгой методикой, послѣдовательностью изложенія

(на видъ очень небрежнаго), своимъ умѣнемъ заставитъ наблюдать и разсуждать, авторъ съ каждой послѣдующей главой забираетъ читателя все крѣпче и крѣпче въ руки. Не можетъ быть сомнѣнiя, что каждый поставившiй, на какой бы низкой ступени знанiя онъ ни стоялъ, почувствуетъ небывалую въ немъ охоту къ научнымъ занятiямъ, къ наблюдению, изслѣдованiю. Сочиненiе Дистервега есть превосходный образецъ методическаго преподаванiя, потому что оно учитъ читателя, какъ послѣдовательно и постепенно эти свѣдѣнiя должны приобрѣтаться имъ самимъ. Оно—образецъ нравственнаго ученiя, такъ какъ учитъ уважать разумъ, свободу изслѣдованiя и безкорыстно любить истину. Все сочиненiе, помимо педагогическихъ цѣлей, проникнуто одною общей идеей: познать величiе Творца въ безконечномъ разнообразiи Его творенiй, уразумѣть ихъ съ помощiю точнаго критическаго изслѣдованiя окружающихъ насъ явленiй, въ противоположность тому мутному, расплывающемуся созерцанiю, которымъ довольствуется невѣжество и ортодоксальная нетерпимость.

Просматривая русскiе учебники по физической и математической географiи, не трудно замѣтить, что, при составленiи ихъ, сочиненiе Дистервега играло немаловажную роль. Такъ, руководству Воленса было бы приличнѣе называться въ державѣ и изъ „Небовѣдѣнiя“ германскаго педагога, чѣмъ самостоятельнымъ трудомъ; Малининъ и Буренинъ точно также черпали полною рукою изъ указаннаго источника. Но, пользуясь фактами, порядкомъ изложенiя и подчасъ блестящими примѣрами Дистервега, они опускали то, что придаетъ его руководству наибольшую цѣну: методику Дистервега, его мастерство въ изложенiи техники преподаванiя. Къ несчастiю, въ Россiи, какъ въ литературѣ, такъ и въ жизни, существуетъ чрезвычайная симпатiя къ казовымъ концамъ, къ наружному лоску и опрятности—и большая охота скрывать будничную, болѣе существенную сторону дѣла. Я помню теперь, почему г. Ушинскiй въ своемъ превосходномъ руководствѣ „Родное Слово“, въ 3-й части (для учащихся), находитъ нужнымъ оговориться и чуть не извиняется передъ читателемъ за тѣ техническiя подробности, которыя онъ помѣщаетъ въ своей книгѣ.

Составители „по Дистервегу“ далеко не дѣлаютъ исключенiя изъ этого распространеннаго у насъ обычая. Выхвативъ у своего оригинала только вышнiе приемы и факты, они упустили изъ виду (конечно, сознательно, въ силу нежеланiя знакомить читателя со скучными приемами техники преподаванiя) все, чѣмъ долженъ наиболѣе интересоваться читатель-педагогъ. т. е. тѣ лица, для которыхъ Дистервегъ въ сущности и писалъ свою книгу.

Все сказанное, я полагаю, достаточно оправдываетъ своевременность выхода оригинала, издавнаго не въ формѣ „выкройки“ и „купюры“, которыя имѣютъ обыкновенiе выдавать за „небовѣдѣнiя“ Дистервега.

Крайняя популярность изложенiя этой книги позволяетъ надѣяться, что она придется по плечу и учителямъ народныхъ школъ. Имѣя въ виду главнѣйшимъ образомъ эту мысль, я рѣшаюсь обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою снабдить меня совѣтомъ и указанiемъ: какимъ путемъ лучше достигнуть означенной цѣли; какiя измѣненiя будутъ, по Вашему мнѣнiю, необходимы, дабы сдѣлать книгу Дистервега вполнѣ доступною для пониманiя наставника народной школы? Я приму съ величайшею благодарностiю всякое указанiе съ Вашей стороны. Совѣтъ такого знатока народной русской школы будетъ безъ сомнѣнiя въ высшей степени полезенъ для дѣла.

При этомъ я перечислю тѣ измѣненія и дополненія, которыя мнѣ показались необходимыми сдѣлать въ оригиналѣ:

1) Совершенно или частію передѣлать главы о солнцѣ, кометахъ и падающихъ звѣздахъ, сообразно результатамъ послѣднихъ астрономическихъ работъ.

2) Перечертить большую часть фигуръ въ атласѣ, сдѣлать ихъ монодиометрическими, т. е. перспективными. Это, конечно, не касается тѣхъ фигуръ, которыя чертятся учащимися; тамъ, чѣмъ проще — тѣмъ лучше, и перспектива можетъ только запутать начинающаго.

3) Составить таблицу всѣхъ русскихъ городовъ (губ. и уѣзд.), въ которой должны быть означены: а) географическія широты и долготы; б) долгота отъ Пулковскаго меридіана; с) мѣстное время въ моментъ петербургскаго полудня; д) уравненіе времени; е) продолжительность должайшаго и кратчайшаго дня; ф) утреннія и вечернія амплитуды солнца для 4-хъ временъ года — однимъ словомъ, всѣ тѣ данныя, которыя дадутъ возможность учителю каждый встрѣчаемый въ книгѣ примѣръ (для Спб. горизонта) передѣлать для горизонта своего мѣстожительства. Такимъ образомъ „Небовѣдѣніе“ соединится съ изученіемъ „родиновѣдѣнія“

4) Замянить всѣ встрѣчающіеся мѣры русскими.

5) Всѣ вопросы и задачи помѣстить въ концѣ книги подъ особой нумераціей съ сносками на соответствующій § текста и обратно. Какъ видите, дѣлаю маленькую уступку дурному обычаю; но больше — ни пяди.

Затѣмъ, не найдете ли Вы необходимымъ всѣ иностранныя буквы чертжей замѣнить русскими?

Не составить ли небольшой алфавитный списокъ менѣе употребительныхъ научныхъ терминовъ, попадающихся въ книгѣ?

Въ надеждѣ, что Вы снисходительно отнесетесь къ моей просьбѣ, съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

А. Линева.

Имѣя въ виду всѣ приведенные факты, можно съ полнымъ уваженіемъ и сочувствіемъ къ личности барона Н. А. Корфа и его разностороннимъ заслугамъ на пользу русской культурности прочитать слѣдующее письмо г. В. Назарьева, какъ голосъ человека-практика, чуждаго узкой кружковщины, партійности и какихъ бы то ни было предвзятыхъ заднихъ цѣлей и плановъ, а просто оцѣнивающаго общественное и государственное значеніе дѣятельности барона Корфа въ такомъ именно ея видѣ и свѣтѣ, какъ она была въ натурѣ, — какъ она понималась и чувствовалась въ свое время тамъ, на мѣстѣ, въ жизни.

1872 г. февраля 9.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ.

Спѣшу отвѣчать Вамъ и прежде всего благодарить за память и высоко цѣнимое вниманіе Ваше. Затѣмъ сообщая, по желанію Вашему, о томъ, какъ идетъ дѣло въ моей школѣ, я позволяю себѣ вкратцѣ передать ея исторію, вмѣстѣ съ наблюденіями, собранными мною въ послѣднее время. Не болѣе 10

дѣть тому назадъ, въ нашей мѣстности на каждого, заговорившаго о сельскихъ школахъ, смотрѣли, какъ на блаженнаго или опаснаго человѣка, и положеніе его становилось въ одно и то же время мучительно-тяжелымъ и невообразимо-комичнымъ. Въ это трудное время, я въ первый разъ, безъ всякой подготовки и руководства, собралъ 8 крестьянскихъ мальчиковъ, училъ ихъ, какъ умѣлъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что мои воспитанники, въ непродолжительномъ времени, сдѣлались членами семьи моей, стали какими-то отщепенцами и раскольниками между своими и только на ночь уходили домой. Тогда еще не было и помину о звуковой методѣ, и потому я бродилъ, какъ во тьмѣ, ломая себѣ голову надъ тѣмъ, какъ вести дѣло преподаванія. Потомъ средства мои улучшились, я перебрался въ Сибирскій уѣздъ. Селеніе, близъ котораго я поселился, представлялось русскимъ селомъ въ томъ патриархальномъ, первобытномъ видѣ, въ которомъ могутъ обожать его только славянофилы, питомцы Некрасовскихъ завываній, и люди, отыскивавшіе въ крестьянскомъ быту какой-то источникъ живой воды, отъ котораго должны мы ожидать нашего обновленія. Однимъ изъ главныхъ препятствій къ просвѣтлѣнію темнаго люда считалъ я замкнутость передоваго сословія, болѣе или менѣе образованныхъ людей, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ на положеніи какихъ-то иностранцевъ. И потому я прежде всего позаботился о томъ, чтобы привлечь къ себѣ приходскаго священника и все, что было лучшаго между мѣстными обывателями. Вскорѣ въ домѣ священника открылась школа, собрано было до 90 мальчиковъ, и жена моя, заручившись только-что появившимся руководствомъ Вашнимъ, принялась обучать по звуковому методу.

Тутъ появилось Ваше наставленіе сельскимъ учителямъ; мракъ, окружавшій людей, раздѣлявшихъ Ваши стремленія, мгновенно рассѣялся; каждый изъ насъ увидѣлъ дорогу, по которой ему слѣдовало идти. И съ этого времени Ваше имя проносилось въ с. Ново-Никулинѣ, за 2.000 верстъ отъ Васъ, съ такимъ уваженіемъ, которое выпадаетъ на долю немногихъ дѣятелей. Такъ какъ жена моя была болѣе меня подготовлена, несравненно энергичнѣе и способнѣе, то дѣло преподаванія пошло очень успѣшно. Къ веснѣ мальчики уже умѣли читать и писать, а съ тѣхъ поръ, какъ я почти насильно втерся въ председатели попечительства, дѣло пошло еще успѣшнѣе. Безъ всякихъ сборовъ съ крестьянъ, мы нашли возможность выстроить удобное помѣщеніе на 40 мальчиковъ; составить капиталъ, принадлежащій школѣ и простирающійся въ настоящее время до 500 р. сер.; приобрѣли всѣ необходимыя и даже довольно цѣнныя книги для училищной бібліотеки; самое попечительство перестало существовать только на бумагѣ, и вотъ уже 2 раза оказало существенную помощь своимъ прихожанамъ, пострадавшимъ отъ пожара; священникъ, сдѣлавшійся нашимъ домашнимъ человѣкомъ и такимъ образомъ навлеченный изъ вѣчнаго одиночества, безъ книги и общества, оказался человѣкомъ умнымъ, дѣятельнымъ и до крайности преданнымъ школѣ. Но самое отрадное явленіе изъ всего окружающаго меня представляетъ нашъ школьный учитель Шиддаевъ. Явился онъ изъ Москвы въ 69 г. навѣстить своихъ родителей (до того времени занимался живописью), сталъ бывать у меня, почтывать, а осенью уже выдержалъ экзаменъ на учителя и скорѣ сдѣлался лучшимъ, если не единственнымъ преподавателемъ въ уѣздѣ. Такой мягкости въ обращеніи съ дѣтьми, такой нравственной чистоты и неутомимаго стремленія къ знанію я еще не встрѣчалъ.

Въ два съ небольшимъ года достигнуты были слѣдующіе результаты: дѣти правильно и красиво пишутъ, сознательно читаютъ, имѣютъ понятіе о грам-

матикѣ, дѣлають на счетахъ первыя 4 правила ариѳметики, хорошо знакомы съ священною исторіей, весьма ясно полагають на бумагѣ только-что прочтенный расказъ. А главнымъ образомъ радуется меня то, что, уходя изъ школы, каждый изъ учениковъ вырываетъ книгу и уноситъ ее домой, чтобы почитать вечеромъ въ семьѣ. Желая привлечь къ школѣ расположеніе мѣстнаго населенія, я назначилъ для каждаго общества особаго мальчика, на обязанность котораго возложилъ писать крестьянамъ письма и вообще замѣнять бывшихъ сельскихъ писарей; кромѣ того, желая знать въ малѣйшихъ подробностяхъ положеніе крестьянскаго хозяйства, я обязывалъ нѣкоторыхъ учениковъ постоянно вести приходо-расходную книгу домашняго хозяйства ихъ родителей. Невыразимо радовали меня эти скромные результаты моихъ заботъ, но въ то же время радость эта сильно омрачалась отношеніемъ сельскаго общества къ школѣ.—отношеніемъ крайне неблагопріятнымъ, не смотря на то, что содержаніе школы ничего не стоило обществу. Образовалась дѣлая партія противниковъ грамотности, состоявшая изъ такъ-называемыхъ „мироѣдовъ“, людей пьяныхъ и бездѣльных, смотрѣвшихъ на успѣхи школы не только съ равнодушіемъ, но съ какой-то, свойственной русскому человѣку, насмѣшкой, такъ близко сводящей эту дикую толпу съ Новорезскими изъ нашей интеллигенціи, которые съ той же наглостью проповѣдывають невадобность школы, въ виду безвыходной бѣдности крестьянъ,—которые знаютъ Русь только по окрестностямъ Петербурга и не имѣють понятія о томъ видимомъ благосостояніи, которымъ въ большинствѣ случаевъ пользуются крестьяне нашей черноземной полосы.

Въ 71 году, мое до крайности разстроенное здоровье потребовало поѣздки въ Петербургъ. Свелъ я знакомство съ нѣкоторыми педагогами (между прочимъ съ Бѣловымъ, самымъ рельефнымъ типомъ кабинетнаго, желчнаго, фразистаго, заѣдннаго мелкимъ самолюбіемъ, чиновника-педагога), регулярно посѣщалъ педагогическое собраніе и комитетъ грамотности. Въ это время меня поражало слѣдующее противорѣчіе: съ одной стороны, презрѣніе петербургскихъ педагоговъ къ провинціи, за исключеніемъ бѣднаго, замученнаго мужика, рядомъ съ какими-то недостижимыми, фантастическими предположеніями на счетъ школъ и фразами безъ конца; съ другой стороны -- почти каждая почта доставляла мнѣ жалобы священника и учителя на то, что, вмѣстѣ съ моимъ отсутствіемъ, противники школы, во главѣ которыхъ стоялъ волостной писарь, дошли до неистовства, воспретили отдавать нашихъ учениковъ бывать на сельскихъ сходкахъ, отняли сторожа и т. д.

Наступилъ день Вашего диспута ¹⁾. Я уже читалъ наглые отзывы о „Нашемъ Другѣ“, зналъ направленіе педагоговъ-чиновниковъ и потому, понятно, въ какомъ настроеніи духа присутствовалъ на диспутѣ. Никогда еще такъ близко не сталкивалась фраза и ложь—съ правдой, фантазія—съ дѣйствительностью, самообольщеніе и ходули—съ здравымъ смысломъ; но едва-ли когда-нибудь побѣда правды и честнаго отношенія къ дѣлу была такъ блистательна, какъ въ настоящемъ случаѣ. Мнѣ, замѣшавшемуся въ толиѣ, возможное оцѣнить, какъ мало была подготовлена петербургская публика къ торжеству Вашему и какимъ коломъ оно стало поперекъ горла петербургскихъ педаго-

¹⁾ Здѣсь говорится о рефератѣ г. Миропольскаго въ педагогическомъ обществѣ, по поводу книги барона Корфа — „Нашъ Другъ“, и о блестящей отвѣтной рѣчи барона Н. А. Корфа на этотъ рефератъ.

говъ. Воспоминанія о диспутѣ, о знакомствѣ съ Вами неизгладимо легли въ моей памяти, и потому понятно, съ какой чуткостью прислушивался я ко всему, что касалось Васъ, когда вернулся на свой уединенный хуторъ и предался своимъ обычнымъ занятиямъ. Замѣтилъ я, что петербургскіе педагоги тотчасъ же вооружились перьями и подняли походъ противъ „Друга“... Но, съ другой стороны, поразило меня другое, болѣе отрадное, явленіе, а именно, что, вслѣдъ за Вашимъ диспутомъ, за тѣмъ одушевленіемъ, которое Вы внесли въ кабинетную петербургскую жизнь, именно вслѣдъ за этимъ, точно по телеграфу, прилетѣла въ глушь мысль о необходимости народнаго образованія. Все зашевелилось, школы на ямѣхъ у каждаго; начальники губерній и тотъ ораторствуетъ о школахъ,—и я твердо убѣжденъ, что это внезапное движеніе, охватившее глушь, находится въ тѣсной связи съ Вашей поѣздкой въ Петербургъ и вызвано Вами. Вы—самый популярный человекъ нашего времени; Вами брошены первыя здоровыя сѣмена на русскую почву, но на Васъ же неминуемо должна обрушиться злоба, зависть педагоговъ-чиновниковъ, вмѣстѣ съ грошевымъ остроуміемъ журнальныхъ клоуновъ, вызывающихъ одно лишь презрѣніе всего, что есть честнаго на Руси. Примите же выраженіе моего безграничнаго уваженія и помогите Вамъ, Боже, продолжать Ваше святое дѣло.

Валеріанъ Назарьевъ.

Р. S. Замѣтку въ „Петерб. Вѣдом.“ постараюсь написать. Въ февральской книгѣ „Вѣстника Европы“ помѣщена первая часть моей статьи „Современная глушь“ Я все боленъ. Вообще здоровье неожиданно рухнуло.

Авторъ приведеннаго письма нисколько не ошибся, что именно баронъ Н. А. Корфъ привелъ въ движеніе вопросъ о народномъ образованіи во всей Россіи; но не ошибся, къ сожалѣнію, г. В. Назарьевъ также и въ томъ, что «зависть» и «злоба» не могли простить барону Корфу столь славнаго, блестящаго, безпримѣрно громкаго его успѣха. Какъ будетъ разъяснено въ концѣ этого именно (IV-го) отдѣла нашей статьи, мѣсяца черезъ три послѣ письма г. Назарьева, барону Н. А. Корфу, прямо подъ вліяніемъ блестящихъ успѣховъ его общественнаго служенія и дѣятельности, было нанесено возмутительно грубое и несправедливое оскорбленіе на выборахъ гласныхъ александровскаго уѣзднаго земства отъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ: мѣстное дворянство забаллотировало этого замѣчательно даровитаго, самоотверженнаго и заслуженнаго уже передъ всей Россіей общественнаго дѣятеля. Болѣе безобразнаго, возмутительнаго факта невозможно даже представить!...

М. Песковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АВТОБІОГРАФІЯ

Юрьевскаго архимандрита Фотія.

Книга вторая.

ПОВѢСТВОВАНІЕ

священно-архимандрита отца Фотія

о горькомъ житіи, бытіи его во вся лѣта Ангельскаго жительства, дѣвственнаго, иноческаго, въ санѣ священства, законоучительства, начальника, священно-игумена, священно-архимандрита, о всѣхъ происшествіяхъ вѣры и Церкви, бывшихъ въ тѣ лѣта, о дѣлахъ, подвигахъ, бывшихъ за православіе предъ владыками и царями, о паденіи владычества зловѣрныхъ и торжествѣ православія.

ГЛАВА I ¹⁾.

О горькомъ житіи, бытіи его въ жительствѣ Ангельскомъ и ужасныхъ происшествіяхъ церковныхъ, бывшихъ въ лѣта его законоучительства въ царствующемъ градѣ Святаго Петра.

ЛѢТО 1817-го.

О постриженіи въ монашество.

Вольный искусъ къ монашеству; приуготовленіе свыше вдохновенное. — Званіе въ монашество и приуготовленіе скорое, нечаянное къ постриженію. — Постриженіе въ монашество и посвященіе въ іеро-діакона и іеромонаха. — Утѣшеніе по трапезѣ въ день посвященія въ іеромонаха. — Начатки священнослуженія. Начатки искушенія отъ діавола въ монашествѣ. — Вступленіе въ корпусъ законоучителемъ. — Начатки житія въ корпусѣ, когда былъ сдѣланъ законоучителемъ. — Начатки строгаго житія и подвига по вѣрности. — Начатки обученія Закону Божию. — Начатки брани бѣсовскія, нападенія вражія и первая борьба съ нимъ. — Первое видѣніе бѣсовъ и нападеніе ихъ явное. — Начальная ненависть за слово и дѣло истиннаго ученія. — Испытаніе отъ Физарета, его защита, благоволеніе и успѣваніе въ ученія явное. — Видѣніе бѣсовское явное страшное, якоже возможно было видѣть случилось видѣть за невѣріе.

Судьбы Господни неиспытанны и путіе Его неизслѣдимы (Римл. XI 33) въ званіи человѣка ко спасенію, хотящаго спастися.

Прежде нежели отъ человѣкъ званъ былъ, свыше онъ призванъ искутиться и уготоваться къ монашескому жительству Петръ Спасскій учитель.

Наступаетъ святый постъ Рождества Христова, онъ непремѣнное желаніе въ сердцѣ положилъ себя испытать, способенъ ли къ монаше-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1894 г., май.

ству. Слышавъ, что въ монашествѣ особенно нужны добродѣтели: воздержаніе и молитва, началъ искусь свой по волѣ съ поста, слагалъ все на сердцѣ доброе, како Богу угодить и спастися. Сказывали ему, что въ иночествѣ паче всего брань бываетъ плоти но отчасти видѣвъ оную, помышлялъ, ужели можетъ быть впредь брань паче бывшія съ нимъ? Вѣровалъ твердо, что безъ содѣйствія его вольнаго брань плоти содѣяться къ паденію не можетъ. Человѣкъ же свободенъ на добро и зло; Богъ же уповающимъ на него всегда близъ есть помощникъ. Итакъ сказалъ онъ въ себѣ: испытаю самъ себя нынѣ, могу ли быть я хотя послѣднѣйшій изъ всѣхъ монахъ? Пламень огня, пожиравшаго мѣсто рожденія его, страхъ, сожалѣніе его такъ поразили что слезы съ очей втайнѣ рѣдко когда обсыхали на его лавитахъ. Съ начала поста онъ во дни постился и въ ночи молился Богу по силѣ. Проходить постъ весь, онъ чувствуетъ себя слабѣе, но живѣе, здоровѣе. Чѣмъ же болѣе постился, тѣмъ болѣе сладости, усердія внутрь себя къ Богу имѣлъ. Въ свободныя же часы онъ не упускалъ бывать при церковныхъ служеніяхъ въ Лаврѣ. Приходитъ мясоястіе, запретилъ совершенно готовить себѣ не токмо мясо, но всякую иную пищу отъ млека и масла. Когда же въ слабость тѣлесную приходилъ, то иногда повелѣвалъ приносить себѣ масло, млека и тѣмъ отраду дѣлалъ тѣлу своему грѣшному. Тако совершилъ все время мясоястія. Наступилъ святый и великій постъ. Съ перваго дня Иннокентій ректоръ и архимандритъ, и учителя, съ ними же онъ вмѣстѣ и ученики говѣли и готовились всѣ къ исповѣди и приобщенію св. Тайнъ. Онъ рѣшился самъ себя испытать въ пощеніи еще вышше: удаляясь даже иногда сухоядвія, не принималъ даже воды холодныя. Постился онъ, ни ядый, ни пійя почти ничего и приступилъ въ субботу къ принятію св. Тайнъ отъ рукъ блаженнаго Иннокентія. Послѣ тайныя вечера Спасовы, званъ онъ всѣхъ и его учителя къ себѣ ко утѣшенію; чувствуя Петръ слабость велію въ ногахъ, радъ былъ, что совершилъ подвигъ говѣнія своего; но желалъ себя еще болѣе испытать впредь. Всѣ видятъ, что онъ спалъ съ лица; мнѣютъ, что онъ боленъ; онъ же всѣхъ увѣрялъ, что здоровъ есть; но ему вѣры не имѣють. Дивятся знающіе его; но не вѣдаютъ вины его худости; онъ же отъ всѣхъ тайлъ все. Блаженный же Иннокентій, провидѣвъ все, учителю Петру сказалъ: у меня болятъ ноги; то я знаю, отъ чего ты слабъ: Богъ да благословитъ твою немощь ¹⁾.

¹⁾ О. Иннокентій отъ усиленныхъ молитвенныхъ подвиговъ, соединенныхъ съ усидчивыми учеными занятіями, также страдалъ слабостью въ ногахъ. Иннокентій любилъ заниматься стоя у аналая (конторки) и отъ усталости засыпалъ иногда на каменномъ полу своей кельи, тутъ же около аналая, чѣмъ много вредилъ своему здоровью. „Иннокентій еп. пензенскій и саратовскій“, 117.

Открывается въ оное время мѣсто законоучителя въ первомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ недѣлю православія митрополитъ Амвросій и архимандриты и ректоры: Филаретъ и Иннокентій съ нимъ ѣдутъ вмѣстѣ въ Казанскій соборъ на совершеніе чина православія. Начинается у нихъ рѣчь, кого въ законоучителя послать. Филаретъ проситъ Петра послать; Иннокентій, радъ будучи сему, настаиваетъ, дабы его же сдѣлать. Митрополитъ же Амвросій нмѣлъ къ нему благоволеніе; и когда бывалъ праздникъ и для многихъ столъ у него, тогда и Петра приглашалъ, и всегда бывалъ онъ у него съ прочими, хотя былъ послѣдній изъ всѣхъ учителей; ибо изъ всѣхъ даже при училищѣ учителей онъ былъ по степени классовъ послѣдній. Иннокентій объявляетъ архипастырю, что онъ всегда въ монашество готовился и нынѣ готовится, хотя отъ всѣхъ все скрытно. Итакъ положено ему объявить, дабы онъ подалъ прошеніе въ монашество прежде, а о законоучительствѣ скрыть отъ него понятіе. Въ вечеръ, какъ уже сумракъ былъ, Иннокентій присылаетъ объявить ему, дабы подалъ прошеніе въ монашество ему; самъ же по недосугамъ въ городъ отозванъ будучи, не можетъ нынѣ видѣть его и объявить. Поликарпъ инспекторъ семинаріи волю его объявляетъ; Петръ удивляется званію въ монашество печальному. Ибо желалъ весьма Ангельскаго образа; даже никому о монашествѣ не говорилъ. А посему обрадовался званію своему въ монашество такъ, что, воздѣвъ руки свои въ восторгѣ радости, воззвалъ: «Сердцевѣдче Господи! Ты вѣси вся моя и задняя и предняя; Ты зриши и животъ мой и скончаніе мое. Слышу гласъ Твой! Свыше Ты ми зовешаи чрезъ челоуѣковъ, людей Твоихъ». Обращаясь же къ Поликарпу, говорилъ: Отче, не прельщаешь ли ты меня и не искушаешь ли? Ужели я удостоенъ званія въ монашество? Ужели радость моя нынѣ ко мнѣ сама приближается? Ужели блаженство святыхъ меня предвѣщаетъ? И паки обращаюсь горѣ, говорилъ: «Боже мой! Ты самъ предвѣщаешь меня, являешь мнѣ явственно, яко Ты со мною еси отъ чрева матери моея; Богъ мой еси Ты! Прииде часъ мой мнѣ. Се гряду и въ слѣдъ Тебя, Живодавца и Господа моего». Отъ радости и сладости не могутъ руки мои писать прошеніе мое о постриженіи въ монашество. Радость отняла весь мой умъ, я не знаю, что, какъ писать прошеніе по обычаю; а посему написалъ ему Поликарпъ прошеніе, онъ подписалъ оное; ему 24 года съ половиною было, а написано 30. Февраля 12-го въ понедѣльникъ вторыхъ недѣли святаго и великаго поста принесъ Иннокентію свое прошеніе. Онъ 32 года написалъ ему въ прошеніи и, снова самъ переписавъ, далъ подписать оное; отнести же онъ посылаетъ Петра самого лично къ митрополиту по его благословенію. Онъ приноситъ прошеніе владыкѣ, вручаетъ лично; онъ же, читая, вопрошаетъ: хочешь ли въ монашество? Онъ отвѣчалъ: хочу, владыко святыи! Ви-

дѣвъ его, что весьма блѣденъ, сухъ лицомъ, говоритъ: Ахъ! какъ ты немощенъ; я хочу послать тебя на великіе труды, а ты силъ тѣлесныхъ мало имѣешь: боюсь, дабы ты вскорѣ не умеръ; повѣдай мнѣ чадо мое, отчего ты худъ? чѣмъ ты боленъ? Онъ сперва не хотѣлъ повѣдать, но какъ онъ паче, приблизивъ его отечески испытуя, говорилъ: скажи мнѣ, не бойся, я грѣхъ твой никому не объявлю, аще ты отъ грѣха коего боленъ. Видѣвъ, что настоятъ пастырь добрый о Петрѣ-овцѣ своей испытать, палъ тогда онъ ему въ ноги и открываясь говорилъ: я отъ юности, какъ началъ мыслить, живя въ слезахъ, желалъ всегда быть монахомъ и Богу служить. Со дня печали отца моего, какъ Господь огнемъ всего лишилъ его, я уже втайнѣ положилъ совершенно себя готовить къ пріятію Ангельскаго образа, и три мѣсяца, какъ я непрестаннымъ постомъ себя удручаю; и не зналъ доселѣ, что такъ скоро предварить меня званіе въ монашество. Нѣсколько дней уже, какъ я не употреблялъ ни ястія, ни питія крайне нужнаго. И отъ сего-то я худъ, немощенъ, но веселъ, здоровъ, труды всякіе нести могу. Святитель Амвросій, зная его прежде и любя его, сказалъ: не повѣдай же ты сего никому. Благое есть твое намѣреніе. Ты втайнѣ взывалъ ко Господу, и Той явно тебя воззвалъ, предваривъ тебя и услышавъ моленіе твое. И тако, благословивъ, отпустилъ его въ свое мѣсто. Февраля 15-го дня, въ четвертокъ, объявляетъ ему Иннокентій, что указъ послѣдовалъ пострижи его въ монашество, и сказалъ, дабы онъ готовъ былъ 16-го въ пятокъ принять на себя образъ Ангельскій. Что дѣлать? Онъ говоритъ ему: Отче! я бѣденъ; у меня пять рублей всѣхъ денегъ, а одѣянія, что на мнѣ, по внѣшности не готовъ; вещей нужныхъ не имѣю. Но вотъ его зоветъ къ себѣ Филаретъ и Амвросій благословляютъ: Филаретъ милостивый даетъ ему клобукъ, рясу добрую, камилавку, митрополитъ же даетъ ему рясу, подрясникъ бархатный, сто рублей, молитвенникъ и четки ¹⁾). Ему вельно было отъ Инноке-

¹⁾ Этотъ самый простой и обыкновенный рассказъ Фотія подаль поводъ одному изъ его біографовъ сдѣлать слѣдующій о немъ выводъ: „поступивъ въ монахи, Фотій не пренебрегъ облачиться въ рясу добрую и подрясникъ бархатный, хотя и съ архіерейскаго плеча, скоро засимъ онъ промѣнилъ и скромную службу на видный постъ очевидно не ради спасенія душевнаго, причѣмъ выказалъ такое самомиѣвіе, которое Фотію было совсѣмъ не къ лицу“. „Вѣстникъ Европы“ 1878 г. ноябрь, 37. Изъ того, что Фотій, не имѣя собственныхъ средствъ на устройство монашескаго одѣянія, съ благодарностію принялъ даримое ему такими почтенными лицами, какъ митрополитъ и ректоръ академіи, готовое одѣяніе,—положительно нельзя выводить тѣхъ несправедливыхъ и обидныхъ сужденій, къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые изъ его біографовъ, отыскивая матеріалъ для осужденія несимпатичнаго имъ Фотія даже и тамъ и тогда, когда не представляется къ этому основательнаго повода.

тія р'вчъ сказати ему; почему прїявъ даръ, благословеніе и наставленіе ко вступленію въ новоє Ангельское житіе во плоти, говорилъ ему: «Владыко святыи! Отець и архипастырь! не им'ю ни смысла, ни разума на сей часъ Теб' слово благодарности сказати; я сынъ твой; «разв' Отцу небесному моленіе мое пролеть малое сіе: Отче небесе и земли! да святится имя Твое на мн', да будетъ воля Твоя во мн' нын' и присно и во в'ки в'ковъ. Аминь. Ты же, святителю Божій, «меня благословляя, благослови во имя Господне на новый подвиг!» Святитель сей, благословивъ его Божиимъ благословеніемъ, отпустилъ съ миромъ. Иннокентію онъ все пов'далъ и сказаль, что митрополитъ спрашиваль, какое имя онъ самъ жадаеть избрать; а онъ сказаль: въ знаменіе отс'ченія моеи воли, отс'каю помысль себ' самое имя избрать; какое имя ему будетъ дано, то будетъ имя свыше, а не отъ человекъ: сердцев'децъ Господъ в'даеть, какое имя даровать: нын' имя ему Петръ, а Богъ даеть новое, какое в'даеть по своему смотр'нію, а не по е'о пристрастію. Иннокентій дариль также его вещами, нужными къ монашеству: поясъ далъ ему новъ высокой красоты и доброты, златотканный, теплое од'яніе, и иное кое-что. Онъ испов'дался по вечеру у отца духовнаго. Ему отъ Иннокентія самому предложено избрать наставника и отца въ монашеств'в'. Онъ же отв'щаль ему: отче святыи! кто меня любить, о Господ'в', тотъ самъ благовольт мн'в' быти отецъ о Господ'в'. По плоти не я избраль отца родити меня, а отецъ прежде бытія моего и зачатія моего восхот'влъ самъ меня родити; и по смотр'нію Божию родилъ отъ матери моеи. И такъ, аще Богъ избираеть тя родити меня во Христ'в', и ты хочешь родити мя въ новую жизнь, то буди ты по Боз'в' отецъ мой. Когда же ты родишь меня, воспитаешь, благо теб'в' будетъ. Сказаль же Иннокентій: по в'р'в' твоеи Господъ в'даеть, кого дать теб'в' во отца. Благословиль его, сказуя, что завтра будетъ облеченъ онъ во образъ Ангельскій. Отъ него онъ прїшель въ келью свою, и се видить, неизв'стная ему рука многая од'янія, вся нужная собрала во-едино, на стол'в' добр'в' все положила и ему прїуготовила. Помоляся Богу, возлегъ онъ отъ умиленія хотя мало почить на одр'в' свой. Зд'в'сь конецъ е'о житія въ мїр'в', конецъ имени ему и всему в'в'шнему, по обычаю мїра. Бысть во время оно отъ рожденія Петру 24 года, 8 м'сяцевъ, 8 дней и 16 часовъ.

Л'та отъ Рождества Христова 1817-го февраля 16 дня завтра прїходитъ къ двери кельи Петра н'кто и толкая вошееть: «востани, се женихъ грядеть!» И тотчасъ онъ, отворяя дверь, видить смиреннаго и добраго своего начальника, одинаго изъ монашествующихъ ¹⁾. Онъ

¹⁾ Инспекторъ семинаріи іеромонахъ Поликарпъ.

емлетъ его съ собою, ведетъ въ крестовую церковь къ митрополиту Амвросію къ утрени; день же сей былъ пятокъ вторыя седмицы святаго и великаго поста. Поставилъ его въ дверяхъ церкви; началась утрени; приходитъ часъ ему внити въ новое званіе; возмутилося его сердце и душа его возмутилась зѣло; слезы лились изъ очей его; ждалъ часа своего постриженія. Кончается утрени: приходитъ къ нему Иннокентій и другій съ нимъ іеромонахъ; поемлютъ его съ мѣста, гдѣ онъ стоялъ, изводятъ въ холодныя сѣни, снимаютъ все одѣяніе съ него; онъ остался во единомъ хитонѣ бѣломъ, безъ обуви, въ однихъ чулкахъ; двери входа отверзаются: и се слышится гласъ воспѣвшихъ Ангельски, сущихъ во плоти, черноризцевъ-ангеловъ: объятія отча отверсти ми потщися и проч.: отъ смятенія души, сердца,—отъ страха его объемлющаго Петръ не вѣдалъ, что дѣлать. Священно-архимандритъ Иннокентій, стоя одесную его, велитъ ему творить поклоны со умиленіемъ до земли, онъ кланялся; вводятъ его въ церковь, онъ покланяется папѣ, его ведутъ; онъ кланяется посредѣ церкви; и пришедъ на мѣсто постриженія, падаетъ на землю крестообразно; лежитъ, яко блудный сынъ, прося втайнѣ духа благодати на подвигъ въ новомъ образѣ. Воставъ по слову воззавшаго отъ земли, видитъ, что благоговѣйшій Филаретъ предстоитъ, хотая постригать его; а отецъ ему есть одесную его стояй, держай его и наставляющій блаженный Иннокентій; съ лѣвой же стороны смиренный инокъ Поликарпъ содѣйствуетъ при постриженіи его. Внимаетъ постригаемый болѣе всего, какое ему будетъ имя новое, въ новомъ званіи его равно-ангельскомъ; и слушаетъ, дабы ему свое имя знать и памятовать, и се возглашаетъ Филаретъ: братъ нашъ Фотій постригаетъ власы своя и проч. Никогда же доселѣ не слыхалъ самъ человѣка, называемаго Фотій, и не случалось ему читать во святыхъ житія, гдѣ и кто былъ св. Фотій. Старался скорѣе запомнить новое свое имя Фотій, боясь, дабы не забыть отвѣчать тому, кто его вопросятъ, како имя его святое новое. Кончается постриженіе его; вопрошаютъ его объ имени новомъ, и онъ едва могъ уста отворять, сказывая, что имя ему дано Фотій, ему оно показалось необыкновенно, весьма странно; не знаетъ, что значить и кто есть св. Фотій, во имя коего онъ нареченъ. Въ смущеніи своемъ онъ самъ себя утѣшалъ, глаголя тако: внемли, неискусный иноче! не ты избралъ имя твое; не твоя воля; но Божія и твоихъ начальниковъ; не смущайся; возлюби имя твое новое! Единъ Богъ вѣсть, что оно тебѣ паче всѣхъ прилично есть. Дабы смущеніе въ себѣ истребить ему, знаменалъ себя чаще знаменіемъ Крестѣ Господня, творилъ втайнѣ молитву. Приводятъ его Филаретъ и Иннокентій къ святителю Амвросію: той вопрошаетъ его: како имя твое святое, брате? Онъ отвѣщаль: Фотій. Лобзаетъ его, глаголя: спасайся во Ангельскомъ образѣ. Паки во-

прошаєть: знаєшь ли ты, почему тебѣ оное имя наречено? Тогда онъ сказалъ ему: не вѣдаю, владыко святыи, не знаю даже, кто есть Фотій во святыхъ; знаю токмо по исторіи одной то, что нѣкто Фотій патріархъ былъ Цареградскій; онъ въ три дня возведенъ былъ во святѣйшій санъ свой; нѣсколько же разъ возводимъ былъ и низводимъ съ онаго сана за православіе. Былъ мужъ онъ премудрый, столпъ церкви Христовой. Тогда лобызавъ его, святитель повелѣлъ отцу его наставнику Иннокентію его вести къ себѣ. Той его въ келью свою вводитъ, въ безмолвіи держитъ его подъ кровомъ своимъ, учитъ, како зрѣть, како глаголатъ, како ходитъ и како подобаєть быть по всему иноку. Онъ же, пребывая въ его кельи, и самъ себя не узнавалъ: внималъ себѣ, чувствуя, что весь новъ, обновился чудно въ немъ умъ, сердце и душа его вся; видѣть, въ немъ нѣтъ даже тѣни смущенія; радуется, веселится, въ душѣ Бога благодаритъ, что сподобилъ его видѣть свою радость, облещися во образъ иноческій, во плоти Ангельскій. Приходитъ вечеръ, ему отъ отца своего Иннокентія приказано готовиться къ посвященію въ іеродіакона: во утрій день въ церкви св. Іоанна Златоуста 17-го февраля въ субботу архієпископъ Ириній посвящаєть его во іеродіакона. Дивится, радуется, что предворяєть его прошеніе званіе въ іеродіаконскій санъ: но какъ дѣлалось все скоро, не вѣдаєть; веселится духомъ отъ благодарности; втайнѣ таяло его сердце предъ Богомъ, и глагодалъ самъ въ себѣ: что воздамъ Тебѣ, Господи, за вся, яже воздалъ еси мнѣ (псал. СХV, 3—4)? Проходитъ день, и приходитъ вечеръ, и ему повелѣно было быть готовымъ во утрій день недѣльный въ соборѣ Казанскомъ къ посвященію въ іеромонаха. Онъ же отъ удивленія въ удивленіе приходитъ; посылаетъ милостыню идти раздать нищимъ довольную, дабы молили Бога о немъ, да Той благодать свою святую сугубо ему подасть. Настаєть вторая недѣля святаго и великаго поста 18-й день февраля; онъ слышитъ, что архимандрита Павла ¹⁾ во епископа будутъ посвящать. Начинаєтся божественная служба, на ней же Павла во архіерея и отца Фотія во іеромонаха хиротонисують. Весь въ восхищеніе пришедъ, не помнитъ даже, кто вѣнчалъ его около престола — Филаретъ или Иннокентій; покланяясь все творилъ къ сѣдѣщему святителю Амвросію; возложивъ же руки на него новохиротонисанныи архіерей Павелъ, той его хиротонисуетъ, и ставятъ его подлѣ Филарета. Иннокентій же маніємъ своимъ даєть ему знать, дабы къ нему шелъ: но онъ отъ страха славы Божіей не смѣлъ даже сдвинуться съ мѣста самъ о себѣ. Приходитъ время преподать ему святыи агнецъ, вземлетъ святитель Амвросій самъ агнецъ, а не Павелъ; сказуєть отцу Фотію святительское наставленіе подробно тако на память, а не по

¹⁾ Впослѣдствіи архієпископъ астраханскій

книгѣ: «се вручаю тебѣ залогъ! сохрани его вѣрно до послѣдняго твоего издыханія: се тебѣ, чадо, Господь поручилъ освѣщеніе и служеніе «святыя тайны, рукоположеніемъ моего смиренія и послушествомъ разумныхъ силъ,—въ няже желаютъ самыя и тѣя Ангели приикнуть. «Дѣло же твое буди, еже учиться закону Господню день и ночь, и «заповѣдямъ прехвальныхъ апостолъ, и вселенскихъ седми соборъ по- «слѣдовать и помѣстныхъ святыхъ отецъ правиламъ; составленіе бо «святительства, Божія писанія, истинныя мудрости, еже часто читать «ихъ, и тако возможно спасти себя и прочихъ; святъ бо и во святыхъ «почиваетъ: судъ разуменъ и въ разумныхъ глубинахъ обрѣтается. И «рече пророкомъ Богъ: дахъ законъ мой въ сердце твое и словеса моя «во уста твоя, и глаголеши,—якоже ти заповѣдахъ. Се избра тя Богъ «отъ братія твоя и поставилъ тебе пророка въ людѣхъ своихъ. Не о «себе бо кто честь приемлетъ, но нареченный отъ Бога; и твори волю «пославшаго тебя, правя евангелія Божія истинное слово, а не превра- «щай по хотѣнію сердца своего на плотское. Се пріялъ еси отъ выш- «няго промысла не только себя пользоваться, но и ближнихъ въ показа- «віи духа и силы; дѣла бо и вѣру совершаютъ. Долженъ еси показать «добрѣ за сія святительское подобіе, стяжать любовь, цѣлость, цѣло- «мудріе, пощеніе, трезвеніе и удержаніе всѣхъ сластей. Не читай воз- «браненныхъ книгъ; тецы путемъ заповѣдей Божіихъ; не суть бо тяжки «заповѣди Божіи, но изволенія наша зла, внимай ученію,—буди терпѣ- «ливъ въ молитвѣ, но разумно отъ сердца по силѣ. Имѣй усердіе къ олта- «рю Божію безъ лѣности; въ олтарь входи съ опасеніемъ, въ чистой со- «вѣсти; а простымъ возбраняй. Въ дѣлѣ Божіемъ не устыдися и не убой- «ся никакого человѣка на грѣхъ себѣ. Помни заповѣдь Владыки и Гос- «пода и св. Его апостоловъ: не дадите, рече, святая псомъ, «ни бисеръ вашихъ и не мечите предъ свиньями (Мѣ. VII, «6). Блюдися псовъ, и аже по сихъ, да не съ сими осудишися; буди, яко «добрѣ стражъ въ домѣ Божіемъ; не убойся за святую вѣру и святую «церковь постояти до пролитія крови и самыя смерти; сердцемъ вѣруй «въ правоту; умомъ же во спасеніе; испытуй; не убойся никого отъ че- «ловѣкъ; и не убойтєся, что и какъ возглаголете, рече Гос- «подь, дастся вамъ вся въ той часъ, что возглаголете. Не «вы бо будете глаголющии, но Духъ Отца вашего 'будеть «глаголати въ васъ. (Мѣ. X, 19—20). И явися во всемъ по имени «твоему свѣтъ міру: имена бо твоя многа и велика, по Господню сло- «веси и святыхъ Его: свѣтъ міру, соль земли (Мѣ. V, 13—14), врачъ «больныхъ, вождь слѣпыхъ, наставникъ заблудшимъ, учитель и свѣ- «тильникъ; око тѣлу церковному, путь и дверникъ, дѣлатель и строи- «тель, стражъ и пастырь; таинственный домъ, столпъ мудрости, уста «Божія, Ангелъ Господень; миръ давай міру, труба небесная, отецъ бра-

«тія твоей, къ Богу нудитель, подражатель Господень и апостольный подобникъ. Се тебѣ, брате и сыне, сказалъ я дѣла твоя. Аще сія сохраниши, живѣ будешь и блаженъ во вѣки. Богъ же и Господь Вседержитель да устроитъ ты на великое дѣло благо не совратно, яко «Его есть царство и сила и слава Отца и Сына и Святаго Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь». Что съ нимъ бысть въ слушаніи наставленія сего у престола славы Божіей на земли, не можно изъяснить. Видѣвъ глаголющаго себѣ святителя сквозь слезы сіе наставленіе, при врученіи пречистаго и несквернаго Агнца, ангелоподобно прямо въ лице ему онъ зрѣлъ. Какъ онъ изрекъ ему: «не убойся за вѣру и церковь святую постояти, даже до крови и смерти»; онъ возвелъ очи свои горѣ и рекъ самъ въ себѣ въ той часъ ко Господу: даждь ми, Господи, благодать и силу, и о имени Твоемъ, се исповѣдаюся Тебѣ у величества славы Твоея, вся терпѣть до смерти Тебе ради. Когда же пріялъ онъ святая святыхъ на мѣстѣ святѣ, гдѣ подобаетъ, у престола поставленъ былъ и повехѣно читать непрестанно: помилуй мя Боже (псал. 50). Здѣсь пріялъ онъ нѣкоторое извѣщеніе, каково будетъ житіе его, како востануть на него враги его, и како Господь дастъ ему побѣдить всю силу вражію, смерти и ада, и искоренитъ ересь противу св. вѣры. Но сіе откровеніе николиже никому не повѣдалъ, но втайнѣ держалъ на сердцѣ все слагая. Здѣсь въ онъ часъ у престола славы Божіей провидѣлъ, како тайна беззаконія дѣлается (2 Сол. II, 7) въ людяхъ вѣка сего, и на гласъ, въ чинѣ наставленія сущій, воззвалъ глаголя: се азъ, Господи, послы ма: и пойду посредѣ сѣни смертныя (псал. 22, ст. 4), и наступлю на аспида и василиска (псал. 90, ст. 13).

Когда совершилось служеніе литургіи и весь чинъ посвященія во архіерея, всѣ отпразднись въ домъ святителя, на трапезу новаго святителя утѣшитися утѣшеніемъ велимъ. Званъ же и онъ былъ; послѣдшая послѣди всѣхъ, едва приспѣлъ онъ ко времени; уже три краты вопрошалъ его святитель Амвросій: гдѣ онъ остался? Когда онъ вошелъ въ домъ, гдѣ всѣ предстояли, и онъ хотѣлъ, тайно прошедши, стать посредѣ своихъ сверстниковъ монашествующихъ, то увидѣвъ его, Амвросій митрополитъ, зоветъ къ себѣ и говоритъ князю ¹⁾ и нѣкіимъ прочимъ: «Нынѣ два мы архіерея посвящали во священный савъ отца Фотія, что бываетъ весьма рѣдко; итакъ на немъ сугубая благодать и сугубъ духъ священства!» И по семъ обратившись, рече Фотію: «буди по имени твоему житіе твое». И повелѣлъ ему святитель взять поднось велий въ руки свои, дабы онъ всѣмъ самъ поднесъ вино пить. Отъ слабости же онъ едва могъ, идя, держать поднось сей, а посему и ему поддерживать помогали его люди. Кончилась у него трапеза; къ

¹⁾ Голицыну.

нему тайно подошелъ новопосвященный архіерей Павелъ и сказалъ: отче Фотіе! ты на мое мѣсто въ законоучителя въ первый кадетскій корпусъ поступишь. Радуюсь! Иди съ Богомъ. Посемъ приѣмши благословеніе, всѣ пошли въ свои мѣста, а Фотій въ келью отца своего, отъ него же въ убогую свою келью, въ коей двери заключилъ за собою, дабы никто не видѣлъ его, ниже онъ кого-либо могъ видѣть; желалъ же пребыть дни свои втайнѣ и безмолвіи, благое начало съ Богомъ полагая изъ словъ во имя Отца и Сына и св. Духа.

Первые дни житія своего провелъ въ образѣ ангельскомъ, сидя въ кельи, никуда не исходилъ, а въ молитвѣ и постѣ пребывалъ, вкушая внутрь миръ и радость: духъ благодати Христовы веселилъ его въ хожденіи, возлежави, во снѣ и бдѣніи. Всюду окрестъ себя видѣлъ совершенно, какъ бы новъ инъ свѣтъ и міръ: видѣлъ то, чего око не видѣло, ухо не слышало и на сердцѣ доселѣ не восходило (1 Кор. II, 9); онъ мнѣлся быть предъ Богомъ. На землѣ видѣлъ яко рай, и готовъ былъ переселиться отъ земли на небо; почему моляся въ духѣ къ Богу взывалъ: Господи! добро есть здѣ быти монашествующимъ съ Тобою. Очами не зрѣлъ никуда въ церкви нигдѣ въ сторону и безъ нужды: зрѣлъ всегда долу. Навѣшивалъ на самыя очи свои клубукъ, дабы не зрѣть все очами. Связуя молчаніемъ уста, учился по всему навѣкъ имѣть въ иночествѣ. Во едину ношь, какъ онъ возлегъ на одрѣ, тако ему сладко и весело было на сердцѣ, что онъ взявъ суцій крестъ свой на персяхъ своихъ, который ему возложенъ былъ въ постриженіи, многократно лобызалъ: такую радость, такое блаженство, такую сладость онъ ощущалъ внутрь, что отъ сладости духа весь таялъ предъ Богомъ, къ Нему взывая: «Ей, Господи! вѣруж, яко иго иночества благо, и бремя «его легко есть. О! если Ты духомъ Своимъ тако веселишь нынѣ Тебя «ради подвизающихся; какое же веселіе уготовано отъ Тебя на небесахъ всѣмъ трудникамъ, побѣдившимъ плоть, міръ и діавола?»

Не хочу таить здѣсь и Божіихъ благодѣяній въ первые дни службы отца Фотія, когда учился служить Божественную литургію. Служилъ онъ какъ бы не на землѣ, а на небеси стояи, и что бысть съ нимъ, самъ не вѣдалъ; едино же вѣдалъ, что когда св. Тайнъ приобщился, увидѣлъ себя въ теплотѣ духа, въ духѣ радости, и яко отъ вина восхищенна, и сказалъ учащему его епископу въ Лаврѣ Израилію: «Отче, что сдѣлалось со мною? Видишь ли яко отъ вина піянь «есмы? Зри теплоту во мнѣ, во всѣхъ составахъ и въ лицѣ: духъ теплоты и восхищенія таковъ, каковаго я доселѣ николи не ощущалъ, «ниже слышалъ, ниже на сердцѣ мнѣ восходилъ. Я на земли, но стою «яко бы не на земли, а гдѣ-то въ иномъ селеніи, добрѣйшемъ всея «земли». Тогда онъ ему сказалъ: «что ты глаголешь, отче Фотіе? Благодать Святаго Духа дѣйствуетъ и исполняетъ тебя: содержи въ тайнѣ

Его благодать Царствія Божія: Духъ, идѣже хоцетъ, дышетъ» (Іоанн. III, 8). Тако три краты было чувство въ немъ, и послѣ же нѣсколько лѣтъ не было даже и подобія сладкаго восхищенія сего въ духъ.

Не утаю здѣсь искушенія, бывшаго въ первые дни его иночества. Во единъ день пришелъ къ нему отъ сродникъ ближайшій дядя, видитъ его совершенно въ безмолвіи сидяща; и тотъ нѣчто началъ говорить съ горестію и уныніемъ о санѣ монашескомъ и внушать, какъ трудно и скорбно оно. Слыша все, яко не слышалъ и очи свои вовсе не обращалъ на него. Какъ вскорѣ онъ ушелъ отъ Фотія, онъ двери заключилъ, дабы никому входа не давать къ себѣ. Послѣ нападалъ на него духъ унынія лютой, отъемлющій въ мгновеніе ока всѣ силы его душевныя и тѣлесныя, расслабивъ его всего: отъ нашедшія скуки смутилось его сердце, и душа его весьма смутилась, и слезы вдругъ градомъ полились изъ очей его; а ему токмо около седми дней прошло по принятіи сана монашескаго священнаго. Страхъ велиій объялъ его. Увидѣвъ же и нѣчто страшное въ себѣ вопреки воли своей; помышляя плакалъ, отъ чего ему уныніе сдѣлалось, откуда прииде ему бѣда. Не зная еще, что сіе отъ духа злобы, говорилъ самъ въ себѣ: горѣ мнѣ въ иночествѣ, когда часто тако діаволъ будетъ нападать на меня, что тогда сотворю? Когда тако напалъ на него духъ, онъ, падши на колѣни предъ святою иконою, простеръ руки своя, вопія на небо: «Господи! не удали щедротъ Твоихъ отъ меня; и не введи во искушеніе, но избави мя «отъ лукаваго (Мѣ. VI, 13). Виждь слезы моя и печаль мою: несодѣянная моя видятъ очи Твои. Вонми въ помощь мою (псал. 37, ст. 23), «изми мя отъ врагъ моихъ, Боже (псал. 58, ст. 2), и отъ востающихъ «на мя избави мя. Къ Тебѣ привержень есмь отъ чрева матери моея: Богъ мой еси Ты (псал. 21, ст. 11), да не отступиши «отъ меня! Боже, Спасителю мой! прииди и спаси мя», и тотчасъ входитъ свѣтъ въ него и веселіе исполнило сердце его, и духъ радости объялъ его. Онъ восталъ, радуясь, яко Господь услышалъ его вскорѣ: и слагая все сіе на сердце своемъ, аще тако лютъ духъ отчаянія прииде къ нему, и малымъ моленіемъ и упованіемъ на Вышняго отражалъ отъ себя. Тако, сказалъ Фотій, буду всегда творить, борясь съ бѣсомъ, вдыхающимъ смерть злую въ меня. Двукратно еще послѣ случалось ему подобное отчаяніе въ иночествѣ самое горькое.

Вскорѣ послѣ сего онъ назначенъ въ первый кадетскій корпусъ въ законоучителя; призываетъ его къ себѣ отецъ блаженный Иннокентій; и пришедъ видитъ, что сидитъ у него нѣкто изъ монашествующихъ со златымъ крестомъ. Отецъ его Фотію говорить: сей есть сынъ мой о Господѣ, онъ хоцетъ перемѣнить мѣсто свое и вмѣсто втораго кадетскаго корпуса въ первомъ кадетскомъ завять; ибо его весьма не возлюбилъ въ своемъ мѣстѣ; то не будешь ли во гнѣвъ на него, сына

моего, и меня отца твоего, если переменна какая будетъ? Фотій сказалъ: отче святыи! почто ты меня вопрошаешь о семъ? Горестъ мнѣ слышать, что ради тщеславія буду я гнѣваться. Бѣда мнѣ воля моя, отсѣченіе же ея спасеніе мое мнѣ. Я въ избраніи имени отрекся даже воли моея, то что же ино мнѣ быть можетъ дороже сего? Твори, яко отецъ, ты волю твою во мнѣ, а я буду то творить, что будетъ не мое, а воля твоя отчая. Что ты мнѣ сотворишь, то едино мнѣ благо, и въ томъ да будетъ воля Божія, святая, угодная. Тако сдѣлана измѣна о мѣстѣ. Фотій опредѣленъ во второй кадетскій корпусъ въ законоучителя и настоятеля; Теофиль же іеромонахъ ¹⁾ съ крестомъ наперснымъ златымъ въ первый корпусъ. Фотій пріѣхалъ въ оное мѣсто, сперва явился ко властямъ, а потомъ поселился и вступилъ въ должность свою и дѣла свои всѣ по корпусу и церкви.

Житіе въ монашествѣ и званіи законоучителя и настоятеля втораго кадетскаго корпуса.

Съ Богомъ пріѣхалъ отецъ Фотій въ корпусъ, явился начальнику корпуса: принять былъ отъ гордаго генерала у порога прихожей кельи. Онъ судить по виду, что Фотій младъ, безъ браны и усовъ, и монашескій санъ не былъ уваженъ по-надлежащему имъ. На сіе принятіе во время оно о. Фотій не умѣлъ даже вниманіе дѣлать: думалъ же, что такъ слѣдуетъ его и подобныхъ ему принимать. Кельи ему отведены были въ деревянномъ домѣ особомъ ²⁾. Учить Закону Божию ему поручено было кадетъ высшихъ классовъ шесть, дворянскій полкъ и особенно первый баталіонъ, а всѣхъ было около 4.000 человекъ, и кавалерійскій эскадронъ около 400 человекъ.

Вступивъ въ подвигъ монашескій среди всего міра, всѣхъ суеть и соблазновъ, онъ старался служить въ каждое воскресенье, каждый праздникъ божественную литургію самъ, все вниманіе прилагалъ, дабы церковная служба была сколько возможно точна по уставу. Изъ келій своихъ никуда почти не выходилъ. Во градъ вовсе никуда не ходилъ ни къ кому. Ходилъ тоемо въ церковь и къ должности. Въ келью къ себѣ женскаго пола никого ниже родныхъ не принималъ ³⁾. Стараясь безмолвіе наблю-

¹⁾ Онъ пользовался благоволеніемъ князя Голицына, съ паденіемъ котораго, по Высочайшему повелѣнію былъ уволенъ отъ должности законоучителя Ришельевскаго лицея, гдѣ онъ былъ послѣ корпуса. Изъ воспитанниковъ лицея онъ учредилъ въ 1818 году „Дѣтское библейское сотоварищество“, за что получилъ признательность министра народнаго просвѣщенія, князя Голицына.

²⁾ Въ одномъ изъ самыхъ глухихъ переулковъ Петербургской стороны „Р. Ст.“ 1875 г., июль.

³⁾ Фотій и впоследствии также строго относился къ посѣщенію его женщинами. Въ письмѣ къ брату въ 1821 году онъ писалъ: „ты гнѣваешься, что тебя съ женою не ласково принялъ; я съ тобою поступилъ, какъ монахъ. Когда я и

дать, соблюдалъ себя отъ гласованія, слышанія и видѣнія. Пребывалъ постоянно въ воздержаніи и постѣ¹⁾. Посвящалъ нѣкіе часы на молитву и чтеніе слова Божія.

Чтобы юность не была въ соблазнъ и претыканіе, всегда въ воздержаніи и постѣ пребывая, отъ труда къ трудамъ и отъ подвига къ подвигамъ устремлялся. Облекшись во власяницу, кромѣ ея почти ничего не носилъ; а какъ сего мало ему показалось къ удрученію тѣла своего, сдѣлалъ вериги, самъ надѣвалъ и носилъ на себѣ по нагому тѣлу и тако плоть свою удручалъ; терпѣлъ во всемъ всегда недостатокъ; не имѣлъ въ лютые морозы теплаго одѣянія; какъ въ лѣтнее, такъ и зимнее время едино было одѣяніе ему для прикрытія тѣла. Обычнаго питія, чая сквернаго, сего поганаго идоложертвеннаго общенія не имѣлъ, и сосудовъ даже для теплоты не имѣлъ въ кельи, все отвергалъ приносимое, когда бывало гдѣ внѣ кельи кто предлагалъ во утѣшеніе пріяти въ питіе.

По званію законоучителя ходилъ къ дѣтямъ благороднымъ; со всякимъ уваженіемъ съ ними имѣлъ обращеніе; въ классахъ кадетамъ преподавалъ²⁾ всегда стоя законъ Божій, просто, часто сказывалъ имъ язы-

---

мать свою по лѣту не принялъ, то жену твою принимать и впредь не буду. Она тожко въ прихожей кельѣ была и то тяжело было мнѣ". „Русскій Архивъ“ 1871 г., стр. 239.

¹⁾ По свидѣтельству сослуживцевъ Фотія по корпусу, онъ былъ очень воздерженъ; говорили, что онъ питался только чаемъ и даже только липовымъ цвѣтомъ съ медомъ „Р. Стар.“ 1875, іюль; „Истор. Вѣстникъ“ 1888, іюль.

²⁾ Поповъ (Труды Киев. дух. акад. 1875 г., іюнь 709) и Миропольскій („Вѣстникъ Европы“ 1878 г. ноябрь, 44) обвиняють Фотія въ пренебреженіи имъ обязанностями законоучителя и свою мысль основываютъ на отзывѣ директора корпуса, который, какъ видно будетъ ниже, имѣлъ свои особенныя причины, побуждавшія его хлопотать объ удаленіи Фотія изъ корпуса. Что Фотій серьезно относился къ законоучительству и что преподаваніе закона Божія его очень интересовало—это видно изъ того уже, что онъ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ законоучительства въ корпусѣ составилъ особое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Огласительное Богословіе Каѳолическія и Апостольскія вѣры восточной церкви“, которое было троекратно разсматриваемо митрополитомъ Михаиломъ и заслужило его одобреніе. „Описаніе Новгород. Юрєва монастыря“, архимандрита Макарія, изд. 2, стр. 71. Это сочиненіе Фотія въ настоящее время находится въ числѣ рукописей бібліотеки Черниговской духовной семинаріи. Г-нъ Миропольскій („Вѣстникъ Европы“ 1878, ноябрь, 51) „Огласительное богословіе“ Фотія называетъ ничтожнымъ въ научномъ отношеніи, совершенно упуская изъ виду то обстоятельство, что Фотій и не брался составлять какое-нибудь научное богословское сочиненіе, онъ писалъ только учебникъ по закону Божію и предназначалъ его для пособія своимъ же ученикамъ, людямъ свѣтскимъ, совершенно незнакомымъ съ богословскою наукою. Очень вѣроятно, что ко времени законоучительства Фотія во II корпусѣ относится сочиненіе его подъ заглавіемъ: „Душевное врачество отъ божеств. писанія и отъ св. отецъ душею страж-

комъ самымъ понятнымъ, истинно; благочестіе внушалъ имъ въ различныхъ повѣстяхъ святыхъ отецъ и ученіяхъ. Дворянамъ въ церкви съ отверстыми царскими вратами съ аналоя возвѣщалъ законъ Божій, вѣру, житіе и благочестіе. Къ нему всѣ стекались добровольно и усердно на послушаніе слова Божія; а онъ всѣмъ старался влить въ сердца благочестіе на все полезное.

Когда находился въ подвигахъ монашескихъ и занятіяхъ по должности законоучителя-настоятеля, день отъ дня всачески старался преуспѣвать въ духовной жизни. Тогда и діаволъ наводилъ ему не токмо мечты, но являлся при случаяхъ ощутительно, и особенно являлся при его дреманіяхъ въ нощи и сражался съ нимъ. Въ первый разъ явился врагъ напалъ на него; казалось Фотію, долго онъ боролся съ нимъ; врагъ всѣ его силы отнялъ къ борьбѣ, такъ съ нимъ сильно сразился. Онъ же вооружался тогда молитвою: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго, частымъ усиленнымъ знаменіемъ креста, рукою благословящею, и тако едва, поражая его, врага и супостата своего одолѣлъ; и весьма былъ радъ, что одолѣлъ благодатію Христовою. Вотъ первое его сраженіе съ діаволомъ. Онъ былъ остороженъ съ сего времени касательно ученія о бѣсахъ; ибо сначала мудрованіе о существованіи бѣсовъ по мірской своей неопытности имѣя, почиталъ не все писанное отъ святыхъ за истину, что можно всякому явно видѣть, за истину имѣтъ несомнѣнную. Даже сумнѣнія на истинны Евангельскія приходили, особенно гдѣ сказано о бѣсахъ. Когда же случилось ему сіе видѣніе первое бѣсовское, онъ былъ недоволенъ онымъ: время отъ времени смущаемъ будучи, думалъ, что мечта ему была первое явленіе вражіе, и пребылъ въ мысли своей непрестанно, желая лучше видѣть лукаваго, и говорилъ онъ: когда узрю его, тогда я буду лучше вѣровать ученію Евангелія о бѣсахъ.

Въ лѣтнее время нѣкогда около мѣсяца августа, послѣ часа девятого сѣлъ во власяномъ хитонѣ на стулъ, гдѣ было мѣсто моленія, подъ образами, хотѣлъ встать и молиться Господу по обычаю. Но вдругъ что съ нимъ сдѣлалось, и въ какомъ состояніи былъ, но токмо въ забытіи, увидѣлъ себя въ непонятномъ нѣкоемъ состояніи, не во снѣ и не на яву: увидѣлъ явно четырехъ бѣсовъ, челоукообразно пришедшихъ, безобразныхъ въ сѣромъ видѣ, не великихъ по виду, и они бѣгая было все хотятъ его бить, но опасаются имянно власянаго хитона на немъ, и говорятъ они между собою: сей есть врагъ нашъ! схватимъ его и будемъ бить; старались всячески бить, но ни одинъ особо не смѣлъ приступить

лучшимъ собранное". Спб. 1860 г., изд. 2. Сочиненіе состоитъ изъ одиннадцати бесѣдъ о злыхъ страстяхъ (самолюбіи, чревоугодія и под.), наложенныхъ въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ.

къ нему и бить его. Наконецъ сіи четыре согласились бѣса съ четырьмя сторонамъ на него напасть, одинъ спереди, другій сзади, третій съ праваго бока, а четвертый съ лѣваго. И тако вдругъ нечаянно наскочили на него, какъ волки быстро, и одинъ его такъ ощутительно ударилъ въ грудь, что онъ, вскочивъ на ноги, отъ боли и страха испугался, и забывъ молитву читать, вскорѣ на одръ свой возлегъ и окрылся весь одѣяніемъ, дабы не видѣть никого и ничего, и тако молитву лежа втайнѣ сотворивъ вмалѣ, весь трепеталъ отъ ужаса вражія. Вотъ какое другое явленіе вражіе было! Время по времени на сердцѣ лукавое слагая, Фотій говорилъ себѣ тако: тогда существованію бѣсовъ извѣстно буду вѣрвать, когда я увижу не въ образѣ человѣческомъ, и не въ привидѣніяхъ, а якоже подобаетъ видѣть бѣсовъ.

Во время оно было первое испытаніе по его должности въ законѣ Божіемъ на публичномъ экзаменѣ дѣтей кадетъ, выходящихъ въ чины оберъ-офицерскіе. На семъ экзаменѣ ректоръ Филаретъ академіи былъ, и нелюбящимъ Фотіа начальникамъ похвалами вознесъ, привелъ въ любовь у начальства корпуснаго, и митрополиту Амвросію весьма похвалилъ его успѣхи въ законоучительствѣ, между тѣмъ какъ его доселѣ, яко неспособнаго къ должности и малоумнаго отрѣшить усиливался директоръ корпуса Андрей Ивановичъ Маркевичъ и объ томъ представить, куда слѣдуетъ. Но Божіею милостію онъ съ сего времени укрѣпился въ должности и званіи своемъ: ненависть иныхъ была къ нему потому, что противъ мерзостей грѣха и беззаконія, а особенно противъ содомства, ересей, всякаго лукавства, всякихъ злыхъ обычаевъ, явныхъ грѣховъ и нарушенія постовъ, явно училъ, явно обличеніе дѣлалъ, какъ отецъ духовный, законоучитель и настоятель корпуса, и старался всѣхъ отвратить отъ мерзостей блудныхъ содомскихъ, и исправить ¹⁾. Съ Божіею помощію вскорѣ успѣхъ видѣлъ ясно въ своемъ дѣлѣ. Дѣти очевидно исправлялись, и мерзости уменьшились. Видѣвъ успѣхъ въ семъ, и на другія дѣла благая подвизался.

Теперь я здѣсь повѣдаю о видѣніи страшномъ и весьма ужасномъ бѣсовскомъ. 1817-го года декабря на 6-ое число возлегъ Фотій въ нощи почить. Въ сіе время былъ у него родитель: онъ возлегъ покоиться въ малой кѣлтѣ за перегородкою, а въ кельи родителя положилъ. Вотъ видѣть явленіе бѣсовское: духъ грядетъ къ нему, якоже духъ злый, и говоритъ ему: ты желалъ меня видѣть, яко же я есмь, прииди ко мнѣ и виждь меня, когда любезно и желательно тебѣ видѣніе

¹⁾ По словамъ Н. Елагина, Фотій „дѣйствовалъ на сердца своихъ воспитанниковъ не столько въ качествѣ учителя, сколько въ качествѣ духовнаго ихъ отца, стараясь слѣдить за учащимися неуспыннымъ окомъ заботливаго наставника“. „Жизнь графини А. А. Орловой“, 1853 г. 31 стр.

мое. Фотій тогда пришелъ въ ужасъ велий, всячески отъ мѣста явленія и присутствія бѣса усиливался отъйти, а бѣсъ силою яко духъ влекъ къ себѣ его; всѣ силы душевныя и тѣлесныя его ослабѣваютъ, бѣсъ хоцетъ его къ себѣ увлечь; а посему Фотій схватился съ нимъ бороться: хотя въ себѣ силы еще чувствовалъ, но бѣсъ началъ его душить; брань и борьба началась у него съ нимъ, не вспоминая ни Бога, ни Божія Матери, ни святыхъ, ни молитвъ, Фотій самъ по себѣ хотѣя побѣдить врага лютаго, то его одолеваетъ, то врагъ его пакъ; отъ чего въ такое состояніе приведенъ, что не было духа дано призывать имя Господне. Сражаясь своими естественными человѣческими силами, душевными и тѣлесными, отъ помощи Божіей и Ангела Хранителя оставленный, ни откуда ни единыя помощи не видѣлъ себѣ. Наконецъ, когда смерть приходила ему горькая отъ удушенія за горло, откуда-то явилась явная Божественная сила, свыше пала на Фотія и восхитила его отъ нападенія дѣвольскаго въ то мгновеніе, какъ хотѣлъ бѣсъ совсѣмъ удавить его; сила благодати восхитила его, привела въ чувство; и въ ужасѣ и трепетѣ какъ отъ бѣды, или отъ гроба, или отъ сна смерти воставъ ощутилъ себя въ клѣтѣ своей, и возопилъ сильнымъ ревомъ ко отцу своему: Отче! отче! спаси мя; бѣсъ давить и едва не давилъ. И тотчасъ исчезъ духъ лукавый. О! какъ онъ радъ былъ, что избавился отъ рукъ демонскихъ. Отецъ же его былъ въ ужасѣ многомъ и началъ творить молитву; а Фотій сынъ ему повѣдалъ, какое было нападеніе вражіе. Послѣ сего не давалъ себѣ ни въ чемъ сомнѣваться отецъ Фотій касательно бѣсовъ, а укрѣплялся духомъ и силою во Господѣ, преуспѣвалъ день и ночь въ подвигахъ духовныхъ, и помышлялъ, како спасти себя и слушающихъ всѣхъ. Усугублялъ подвиги свои въ воздержаніи, постахъ и молитвахъ, во всякой скудости, терпѣлъ во всемъ бѣдность, отдавалъ трудами жалованье заслуженное бѣднымъ и нищимъ. Все прилежаніе старался имѣть въ чтеніи церковныхъ книгъ Святыхъ отеческихъ, отъ Святѣйшаго Синода изданныхъ ¹⁾. И тако исполняясь духомъ святыхъ отецъ возрасталъ возрастомъ духовнымъ и силою, и совершилъ едино лѣто въ должности и званіи законоучителя,

---

¹⁾ Оговорка Фотія о томъ, что онъ читалъ только книги, изданныя по благословенію Св. Синода, получаетъ свое особенное значеніе въ виду того, что въ рассматриваемое время (въ 1817 году) въ Россіи появилось очень много сочиненій религиовнонравственнаго характера, которыя отличались крайне мистическимъ направленіемъ и издавались съ разрѣшенія не духовной, подчиненной Синоду, цензуры, а свѣтской, болѣе склонной къ потворству мистическимъ наклонностямъ министра народнаго просвѣщенія—князя Голицына.

настоятеля, духовника, цензора и благочиннаго ¹⁾, преуспѣвая предъ челоуѣками словомъ и дѣломъ.

ЛѢТО 1818 г.

Начатки скорбей и трудовъ за православіе, и явные успѣхи незаконныхъ тайныхъ обществъ въ С.-Петербурѣ.—Прелесть многихъ къ лукавому всему, невниманіе, и о. Фотія возстаніе противу зловѣрія. — Сказаніе о ревности блаженнаго Иннокентія за православіе.—Сказаніе о Филаретѣ, многоученѣйшемъ мужѣ и славномъ писателѣ, ораторѣ 19-го вѣка.—Возстаніе и исповѣдничество о. Фотія противу Лабанна и его „Сіонскаго Вѣстника“.—Сказаніе о законоучителѣ Теофілѣ и Іовѣ, и о ихъ отступничествѣ отъ вѣры и церкви.—Богъ пріѣбъище и все упованіе въ напастяхъ до смерти.—Видѣніе царствія Божія первое, како бысть о. Фотію для ободренія въ брани за вѣру.—Богоотступленіе Іова законоучителя и сверженіе имъ сана всего волею отъ бѣса муки и жизнь развратная.—Нападеніе бѣса на богоотступника Іова и дѣйствіе зла лукаваго наспльное на хулу Богу.—Вопль о. Фотія противу тайныхъ беззаконій и всѣхъ вольнодумовъ.—Явное предательство Христа на поруганіе святяни, вѣры и благочестія въ столицѣ, и гласъ о. Фотія въ слухъ всѣмъ о тайнѣ беззаконія.—Искушеніе о. Фотія отъ діавола, молва вражія, великая скорбь и предательство его отъ духовныхъ.—Искушеніе явное отъ митрополита Михаила о. Фотію и присмотръ надъ нимъ.—Любовь Иннокентія отеческая къ о. Фотію.—Како благодатію Христовою все искушеніе просто миновалось.—Сказаніе о слѣдѣ, подъ видомъ благочестія вредъ творящемъ.

Сіе лѣто житія его начинается трудами и скорбями, ими же сущій по Бозѣ животъ начертывается. Услышалъ Фотій, что тайныя общества франкъ-масоновъ и прочихъ нечестивыхъ и вольнодумныхъ людей умножаются. Многіе за честь и славу почитаютъ входить въ богомерзскія ихъ скопища, противныя Богу и царю, церкви и отечеству, вредныя роду челоуѣческому и всякой власти законной. Начиваютъ приходить къ нему отступники тайные, соглашаютъ его вступить въ содружество съ незаконными и нечестивыми: духовныя дѣти, изъ кадетъ и дворянъ выпешія въ чицы военные и статскіе, попадаютъ въ сѣти ихъ тайныя; приходятъ же къ нему яко дѣти, заклывшіеся иные тайтъ

¹⁾ Фотій опредѣленъ былъ 21 февраля 1817 г. законоучителемъ, настоятелемъ, благочиннымъ надъ 2 кадетскимъ корпусомъ и цензоромъ поученій, сказываемыхъ въ церкви корпуса (Макарій „Истор. описаніе Юрьева монастыря,“ изд. 2, стр. 137). Для объясненія названій Фотія благочиннымъ и цензоромъ нужно приваить къ свѣдѣнію, что при многочисленности учащихся въ корпусѣ въ помощь главному законоучителю назначался еще священникъ для преподаванія Закона Божія въ младшихъ классахъ и для совершенія богослуженія въ корпусной церкви назначался особый причтъ, состоявшій подъ начальствомъ и надзоромъ главнаго законоучителя.

тайну беззаконія до смерти, и раскрываютъ тайны нечестія и богоотступленія. Книги въ множествѣ всякаго рода выходятъ въ свѣтъ противу Бога, вѣры, церкви Божіей, всякія святыни и истины. Нѣкоторые, сожженные своею совѣстію, люди изъ духовенства монашескаго и бѣлаго подѣлались сообщниками въ тайныхъ безбожныхъ скопищахъ членами въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и другихъ мѣстахъ. Литераторъ—мірскій человѣкъ, по имени Александръ Лабзинъ ¹⁾, яко Корей, Дафанъ и Авиронъ, дерзаетъ все дѣлать явно противу олтара Божія. Восхищаетъ санъ учителя церкви; выходитъ на кафедру учительскую посреди столицы и яко оракулъ кричитъ объ ученіи лжи, яко о истинѣ. Издаетъ онъ вторично Сіонскій Вѣстникъ снова. Издаетъ разныя книги, всякими недѣлостями и заблужденіями о духовныхъ вещахъ исполненныя, подъ названіями духовными. Языкъ его изощренъ, какъ бритва. Онъ обрѣтаетъ себѣ покровительство у престола ²⁾. Министертво духовныхъ дѣлъ ³⁾ и просвѣщенія его слушаетъ. Кочубей и князь Голицынъ содѣйствуютъ ему; пастыри и учителя церкви, правящіе слово истины въ славнѣйшее время, просвѣщеннѣйшіе синодальные митрополиты Амвросій ⁴⁾ и Михаилъ ⁵⁾ по учительству, уму и разуму, Филаретъ, Иннокентій, всѣ монашествующія и бѣлыя духовныя лица безмолвствуютъ, или иные удивляются языку зловѣрія и силѣ нечестія, иные же почитаютъ враговъ вѣры, слушаютъ, общеніе имѣютъ съ ними, или ищутъ ихъ содружества ради мірскихъ видовъ. Библейское общество ⁶⁾ гордо выступаетъ на попріще мірскія славы, дѣйствуетъ; Лабзинъ и Поповъ ⁷⁾, люди совершенно не имѣющіе никакого понятія о духѣ и

¹⁾ Извѣстный мистикъ, издававшій мистич. журналъ „Сіонскій Вѣстникъ“.

²⁾ По ходатайству князя Голицына, Лабзинъ 12-го декабря 1816 года получилъ орденъ св. Владимира 2-го класса при очень лестномъ Высочайшемъ рескриптѣ, въ которомъ говорилось между прочимъ, что орденъ жалуются Лабзину „за изданіе на отечественномъ языкѣ духовныхъ книгъ“. Рескриптъ Лабзину написанъ былъ въ такихъ милостивыхъ выраженіяхъ, что многіе говорили по его поводу: „такихъ грамотъ никогда и къ архіереямъ не было“. «Русскій Архивъ» 1892 г., вып. 12, 356.

³⁾ Министерство духовныхъ дѣлъ образовано было въ 1817 году, во главѣ котораго былъ поставленъ князь Голицынъ. Сторонники его называли его патріархомъ. Это учрежденіе вооружило противъ себя все духовенство.

⁴⁾ Сначала Амвросій не противодѣйствовалъ князю Голицыну, но когда мистицизмъ перешелъ извѣстный предѣлъ, онъ высказался противъ князя и за это полатился удаленіемъ на покой въ Новгородъ.

⁵⁾ Михаилъ также сначала не противодѣйствовалъ мистицизму, но впоследствии выступилъ противъ него.

⁶⁾ Открыто въ 1812 году и закрыто въ 1826.

⁷⁾ Директоръ департамента народнаго просвѣщенія—послѣдователь секты квакеровъ и методистовъ; въ его же рукахъ была и цензура. Въ 1836 году онъ, за насильственное склоненіе своей дочерп къ поступленію въ секту Татариновой, былъ сосланъ въ монастырь, гдѣ и умеръ.

истинѣ вѣры Христовой, въ переводѣ священныхъ писаній засѣдаютъ, яко богодухновенные, а вещь суть уста лжи, чада клятвы и діавола, направляютъ, гдѣ можно, исказать по-своему священное писаніе новаго завѣта. Во время же сего прославляется подъ именемъ христіанки женка нѣкая Хвостова ¹⁾, яко богодухновенная: какъ посланія апостольскія, письма ея, исполненныя бабьихъ мудрованій, чествуются отъ первыхъ духовныхъ и ученыхъ. Восхваляется иностранка женка безумная, нѣкто Криднеръ ²⁾ до того, что надъ главою ея парящаго Св. Духа изображаютъ сыны міра, въ картинахъ представляютъ и почитаютъ. Во дворцѣ Михайловскомъ, яко богинѣ языческой, поклоненіе Татариновой ³⁾ дѣлается, и она съ шайкою своихъ бѣснующихъ лжепророковъ покровительствуется явно отъ высшій власти и князя Голицына. Столица исполняется масонскими ложами и тайными обществами. Лабзинъ начальствуетъ надъ ложею въ домѣ купца Антонова на Васильевскомъ островѣ. Законоучитель Теофилъ въ его ложѣ витією состоитъ. Принимаютъ въ оную мірскихъ и духовныхъ людей; въ корпусахъ и учебныхъ заведеніяхъ замѣщаются многія и лучшія мѣста по вліянію тайныхъ обществъ людьми, которые въ обществахъ тайныхъ засѣдаютъ. Все сіе отъ очей монарха скрывается большею частію. Едино нечестіе всюду и богоотступленіе ублажается и зло успѣваетъ. Вотъ въ какое время Фотій жилъ въ корпусѣ законоучителемъ и настоятелемъ! Во второмъ кадетскомъ корпусѣ съ нимъ служить преклонныхъ лѣтъ начальнигъ ложи нѣмецъ, инспекторъ корпуса генералъ Беберъ. Его сынъ въ одной же ложѣ съ нимъ. Подъ-инспекторъ Стефанинъ также изъ числа тайныхъ обществъ, агентъ, чиновники военные большею частію таковыя же. Одинъ директоръ Андрей Ивановичъ Маркевичъ, чистъ будучи отъ всякія тоя масонскія примѣси, хотя былъ не противникъ, но не былъ истинный сынъ церкви. Въ началѣ еще 1817 года въ корпусѣ было нарушено спокойствіе по вліянію тайныхъ обществъ чрезъ законоучителя Теофила, который, вскруживъ голову нѣкому юному шалуну кадету, внушилъ проповѣдовать о себѣ, что онъ духовидецъ есть; отъ того директоръ корпуса весьма не благоволилъ ко всѣмъ находящимся въ тайныхъ обществахъ, и за воспита-

---

¹⁾ Извѣстная послѣдовательница масонства, написавшая нѣсколько мистическихъ книгъ.

²⁾ Проповѣдывала особаго рода мистицизмъ, выдавала себя за пророчицу.

³⁾ Сначала лютеранка, а съ 1817 года православная. Была въ близкихъ сношеніяхъ съ хлыстами и скопцами; выдавала себя также за пророчицу. Собранія у нея происходили сначала въ Михайловскомъ замкѣ, потомъ у Московской заставы. Общество закрыто въ 1837 году, а сама отправлена въ монастырь на покаяніе. Послѣ раскаянія вернулась въ Москву, гдѣ и умерла въ 1856 году.

ніємъ и ученіємъ кадеть неусыпно назиралъ. А посему Фотію удобнѣе было имѣть подвигъ противу тайныхъ обществъ, живя въ корпусѣ, какъ на учениковъ въ церкви, такъ внѣ ея въ классахъ, и внѣ корпуса на весь градъ Санктъ-Петербургъ.

Въ сіе благопріятное время Фотій получаетъ извѣщеніе свыше во снѣ и разныхъ откровеніяхъ, что подобаеть ему изыти на подвигъ противу тайныхъ всѣхъ обществъ, вопить, учить и прежде всего возвысить гласъ противу устъ вражихъ, коими былъ во время оное паче всѣхъ Лабзинъ. Во едину ноць видитъ онъ видѣніе таковое во снѣ: казалось мнѣ, повѣдалъ отецъ Фотій, служу я всенощное бдѣніе въ своей корпусной церкви; былъ вечеръ и мракъ былъ, а свѣтъ сокрывался весьма, не было никого въ церкви со мною; но я одинъ былъ; царскія врата были отверсты. Я стоялъ въ облаченіи всемъ священномъ предъ святымъ престоломъ, служай Богу и молитву дѣя. Се вижу въ крестьянскомъ простомъ рубищѣ сѣромъ, спереди раздранномъ, т. е. съ лапачи, въ мірскомъ кафтанѣ, малъ ростомъ, Лабзинъ входитъ въ церковь и хочеть вбѣжать въ царскія врата прямо, и не видя себѣ противящихся, вбѣжалъ въ оныя, и какъ приблизился ко мнѣ, я обратився вспять, схватилъ его за оба плеча, повернулъ лицемъ, и взадъ въ шею вытолкнулъ его изъ святаго алтари, говоря ему тако: не подобаеть тебѣ, нечестиве, враже, внити во врата святаго царскія, и быть во св. олтареѣ, мірянину сушу и скверному челоуѣку. Послѣ я вижу инъ сонъ: также Лабзинъ чая насмѣяться надо мною, что онъ хотя знаетъ меня, слышитъ гласъ мой, но не боится меня, вбѣгаетъ смѣло во св. церковь и прямо въ царскія врата, я же утаився былъ въ олтареѣ, и казался, что, не видя его, давалъ волю ему дѣлать, что хочеть, и какъ допустилъ его до престола добѣжать, то схвативъ, вытолкалъ его изъ олтаря и церкви навсегда вонъ. Отъ сихъ и иныхъ откровеній бывшихъ многихъ Фотію сложилъ на сердцѣ, что Господь ему дастъ силу врага Лабзина изъ св. олтаря и церкви Божіей выгнать, гдѣ онъ хочеть служить своимъ злымъ ученіемъ отъ себя. Почему отселъ явно онъ началъ говорить въ св. церкви, въ классахъ, на дорогахъ, въ кельи своей и гдѣ случай былъ ему противу тайныхъ обществъ, книгъ еретическихъ безбожныхъ, нечестивыхъ, всѣхъ злыхъ обычаевъ и властей воодушевлять сталъ противу врага и супостата діавола и его аггеловъ. Господь же, побораая самъ, поборалъ Фотію на враговъ видимыхъ и невидимыхъ и отселъ Божією благодатію Христовою необязненно гласъ свой яко трубу возвысилъ онъ на сѣдалищѣ законоучителя въ церкви своей посредѣ великаго града С.-Петербурга въ слухъ о томъ, дабы огласить враговъ тайны беззаконія, вразумить царя, властей и всѣхъ къ покаянію. Вотъ первое, что

началъ творить и учить явно, по православію ревнуня и подвизаяся отецъ Фотій во имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь.

Во время оно тайные дѣлопроизводители тайныхъ обществъ съ лицами первѣйшими духовнаго званія были въ такомъ сообщеніи, что гдѣ одни, тамъ и другіе бывали. Супостатъ діаволь помрачилъ премудрыхъ и разумныхъ архіереевъ ¹⁾ и учителей до того, что или вовсе не видѣли, или не хотѣли видѣть злобы вражіей на св. церковь и вѣру; враги такъ между духовными пресмыкалися въ коварствѣ лести, что старались казаться благомыслящими, дабы не сомнѣваясь суще въ мірѣ удобіе въ сѣти ихъ попадали. Между тѣмъ многіе изъ духовныхъ, исполненные духа терпимости, были таковы вѣрою, духомъ, словомъ и дѣломъ, что не были истинно православные, но не были совершенно и еретики; духъ вольномыслія, духъ иновѣрный и духъ отступленія отъ истины обладали ими. Правдѣ слово истины не видѣли, не слышали, не говорили истины и не творили пути правого и дѣлъ Божіихъ; тайно и явно всюду подкапывалось отъ враговъ основаніе вѣры и церкви. Все стремилось по всѣмъ частямъ къ преобразованію и мятежу на худшее. Духовные пастыри и учителя на все слабо смотрѣли, и дѣлали то, что какъ бы сами къ тому способствовать хотѣли. Ни въ чемъ не видно было ни слова Божія, ни дѣла; частями міръ ослѣпилъ ихъ очи мысленныя и сердечныя. Филаретъ и Иннокентій ²⁾ молчали совершенно, чувствовали великодушно издаваемыхъ противу-христіанскіи сочиненія. Что дѣлать было? Живя отецъ Фотій въ самомъ городѣ, въ столицѣ, отсюду видѣлъ бѣды вражія: враги вѣры и церкви именемъ самыхъ духовныхъ первѣйшихъ архіереевъ, что они съ ними едино суть, что они въ тайныхъ сихъ обществахъ членами, осмѣливаются влечь его въ сѣти свои. Но Фотій говорилъ явно всѣмъ такъ: что аще и весь міръ пойдетъ въ слѣдъ врага и супостата и поклонится аггеламъ его, но ему воспротивится онъ всею силою своею до смерти. Господи Іисусе Христе, Боже мой, не даждь мнѣ искустись отъ врага въ вѣрѣ, и спаси мя отъ прелести вражія, да не уклонюся ни на десно, ни на шее, но прямо догряду путемъ св. отецъ къ Тебѣ, Богу моему и Спасителю! Тако Фотій молился. посему непрестанно воздыхалъ онъ ко Господу Богу, да не оставитъ св. церковь свою, да сокрушитъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ; да изведетъ во время свое вскорѣ избранныхъ своихъ потребити вся тай-

¹⁾ По мнѣнію профессора Казанскаго, многіе изъ лучшихъ духовныхъ лицъ свисходительно смотрѣли на мистицизмъ, дорожа, что послѣ невѣрія безбожія начало проявляться религіозное чувство.

²⁾ Объясняется тѣмъ, что они не хотѣли вооружить противъ себя князя Голицына.

ная и явная злая сооруженія на хулу церкви Божіей и всякой власти. И въ помыслъ ему пришло сперва прервать союзъ между властями духовными первѣйшими, и врагами духовенства и православія: весь воспламенившись духомъ, противостать захотѣлъ тайнымъ и явнымъ врагамъ всѣмъ, дѣйствующимъ противу вѣры Христовой православной. Ближе всѣхъ былъ къ нему по сердцу блаженный Иннокентій; не рѣдко изъ корпуса своего въ праздники приходилъ Фотій къ нему; онъ же, какъ отецъ и наставникъ въ духовной жизни, принималъ его и имѣлъ какъ сына во Господѣ. Не рѣдко изъ своихъ рукъ за столомъ его кормилъ, разгорѣвшись велию любовію къ нему, сыну своему присному и вѣрному. Фотій же, послушая его наставленій, между прочимъ успѣвалъ повѣсти говорить о живыхъ людяхъ, кто и какіе суть враги церкви, чьи и какія книги исполнены духа лести и коварства. Слушая почасту наставленія отъ отца своего во Господѣ Иннокентія, вонистину ангела Божія во плоти, внушалъ ему Фотій ¹⁾ и самъ то, чего въ немъ недостаетъ, и что еще ему начать нужно творить и учить, и что не дѣлать касательно вѣры и церкви. Онъ же, внушая Фотію, сказалъ нѣкогда такъ: говори смѣло, отче Фотіе; истину ты говоришь; дѣло Божіе дѣлаешь ты; Богъ тебя благословилъ на дѣло свое, и я благословляя благословляю тебя на вѣщшіе подвиги за вѣру; твори, служи, якоже Богъ тебя наставитъ. Фотій же, уходя въ корпусъ на дѣла своя, исполненъ былъ духомъ отъ святаго ученія его; по времени приходилъ къ Иннокентію съ новыми повѣстями и донесеніями о врагахъ вѣры, како подвизаются они и успѣвають въ нечестіи своемъ и беззаконіи. Свыше, а не отъ человѣка научаемъ Иннокентій, по сердцу совершенно воодушевляемъ и тайно противу враговъ вѣры и церкви, вскорѣ началъ не благоволить въ пользу Библейскаго общества; скорбѣлъ о злой дерзости Лабзина, франкъ-масоновъ, Татариновой, Криднеръ; увидѣвъ вредъ самъ отъ книгъ мнимо-духовныхъ, но вещь бѣсовскихъ, оглашалъ, что книги Штилинга, Эккартсгаузена, Гюнъ ²⁾, Бема, и прочихъ сочине-

¹⁾ С. И. Миропольскій („Вѣстникъ Европы“ 1878 г., ноябрь, 54—55) проводитъ особый взглядъ на сущность отношеній Фотія къ Иннокентію. Онъ утверждаетъ, что на Фотія особенно сильное вліяніе оказалъ архимандритъ Иннокентій, человѣкъ по его отзыву, съ фанатической закваской, и онъ-то, Иннокентій, и вселилъ въ Фотія ту нетерпимость, какою онъ заявилъ себя впоследствии. Что этотъ взглядъ невѣрный — это можно видѣть со всею ясностію изъ печатаемой здѣсь же автобіографіи Фотія. Уже если кто могъ навдывать свои воззрѣнія, то это скорѣе всего Фотій Иннокентію а никакъ не наоборотъ. Подробности см. „Иннокентій, еп. пензенскій“, 54—58.

²⁾ Француженка, послѣдовательница квіетизма. За ложное ученіе была въ Бастиліи. Присвоивала себѣ даръ чудотворенія, апостольскую власть вѣзати и рѣшити, считала себя святою и Христовою супругою. Многія сочиненія ея были переведены на русскій языкъ.

нія подобныя, безъ числа во множествѣ издаваемыя, суть духа вражія, на единое зло, и отъ единыхъ обществъ, и есть дѣйство тайны беззаконія.

Большой во время оно подвижникъ человекъ Божій, праведникъ, мужъ избранный, свыше званъ, а не отъ человекъ, когда земная тма оуждала очи тѣлесныя многихъ архіереевъ, блаженный Иннокентій, великій даръ имѣя учить, началъ творить и учить съ духомъ и силою. Житія онъ былъ строгаго: ревность по Бозѣ имѣлъ велику: онъ былъ чтимъ много отъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода князя Петра Мещерскаго ¹⁾. Велики же любила его княгиня Софія Сергѣевна Мещерская ²⁾; во свое время была она также велика жена и богомудрая. Въ сіе время были ревнители вѣрные и истинные Божіи разныхъ званій, но немногіе извѣстны: князь Петръ Мещерскій, человекъ благочестивый и кроткій; князь Сергій Шахматовъ (во иноцѣхъ Аникитъ) ³⁾; сенаторъ Матѣей Штеръ; Михаилъ митрополитъ; архіепископъ тверскій Серафимъ ⁴⁾; но всѣ они втайнѣ скорбѣли, а явно устъ не отверзали. Вотъ все стадо, съ коими нужно было исходить на брань противу сатаны и аггеловъ его. Но изъ нихъ никто не соглашался за единое ни въ чемъ быть по православію, а токмо казались сами лучшими изъ всѣхъ къ дѣлу. Вотъ сколько было извѣстныхъ, но не надежныхъ рукъ во всей столицѣ, съ коими нужно было опереться на стѣну Вавилонскую, дабы обрушить ее до основанія. Объ Иннокентіи я не буду здѣсь много говорить. Хотяй все знать, пусть чтетъ книгу подъ названіемъ: «Житіе и подвиги блаженнаго Иннокентія» Книга сія писана ученикомъ его Фотіемъ ⁵⁾.

Небезмѣстно же здѣсь сказать нѣчто о Филаретѣ, многоученнѣйшемъ мужѣ своего времени и образователѣ всѣхъ отличныхъ ученыхъ духовныхъ заведеній. Отцу Фотію всѣхъ извѣстнѣе могъ быть и былъ по всѣмъ частямъ славный сей витія писатель, учитель, въ ученомъ свѣтѣ и предъ человекѣми—въ мірѣ. Филаретъ былъ сотоварищъ и сослужитель Иннокентію; а Иннокентій былъ Фотію наставникъ и отецъ, и все объ немъ повѣдалъ отъ юности, что зналъ самъ и замѣчалъ. Фотій самъ

¹⁾ Оберъ-прокуроръ при Синодѣ.

²⁾ Издательница многихъ книгъ и брошюръ; славилась умомъ, образованіемъ и благочестіемъ, имѣла нравственное вліяніе на императора Александра I.

³⁾ Воспитатель въ морскомъ корпусѣ, въ 1828 г. постригся въ монахи, былъ въ ерусалимѣ и на Аѳонской горѣ, настоятель посольской церкви въ Аѳонахъ. Умеръ въ 1837 году.

⁴⁾ Бывшій петербургскій митрополитъ съ 1821 по 1843 г.

⁵⁾ Это сочиненіе Фотія и до настоящаго времени находится въ рукописи. Большая часть содержанія житія Иннокентія вошла въ книгу Жмакина. „Иннокентій, еп. пензенскій и саратовскій“. Сиб. 1865.

у Филарета былъ ученикомъ въ академіи; учителемъ бывъ, близъ Филарета жилъ, зналъ его всѣ связи, ходы и выходы; что Филаретъ скажетъ кому хотя слово тайно, оное выходило явно; іеромонахомъ когда былъ онъ, Филаретъ жилъ въ столицѣ, въ очахъ его былъ ректоромъ академіи и архимандритомъ, потомъ викаріемъ ревельскимъ. послѣ архієпископомъ тверскимъ, ярославскимъ и, наконецъ, сдѣлался митрополитомъ московскимъ. До сего времени Фотію образъ жизни его, дѣланій паче всѣхъ извѣстенъ: безумное было бы дѣло, еслибы онъ безъ вниманія оставилъ того человѣка и не замѣчалъ за нимъ ничего, коему дивились сонмы ученыхъ, и коего славою оглашалось все государство. Фотій близъ всегда Филарета жилъ, или должности и званія проходилъ. Не часто къ нему приходилъ, но и не рѣдко. Онъ, будучи ректоромъ и викаріемъ, принималъ Фотія такъ, какъ невозможно на его мѣстѣ лучше принимать. Филаретъ ему являлъ пріязнь, а Фотій къ нему уваженіе не малое имѣлъ: онъ всегда ухо приклонялъ къ услышанію моленія. Фотій отъ устъ его никогда ни единого слова не слыхалъ ни противу вѣры православной, ни противу церкви Христовой восточной; онъ молчаливъ былъ, кротокъ, тихъ, каждое слово его имѣло вѣсь и силу. Человѣкъ былъ исполненъ многого ученія: какъ начнешь, повѣдалъ отецъ Фотій, судить объ немъ отъ его словъ, его бесѣдъ, его образа житія, то не можно почесть его великимъ свѣтильникомъ учености; но какъ объ немъ многіе молвятъ святители духовные и мірскія лица, православные ревнители вѣры и церкви защитники; то жаль просвѣщеннаго сего мужа, просвѣтителя учебныхъ заведеній, коль объ немъ невыгодная молва всегда была и всегда есть. Онъ самъ виною помраченія славы земныя предъ Богомъ и славы сіянія въ мірѣ. Онъ засѣдалъ въ дѣлѣ перевода священныхъ писаній на простое нарѣчіе русское: дѣло же перевода Новаго Завѣта на простое нарѣчіе русское вѣчное и неизгладимое пятно на него наложило ¹⁾. Не можно думать, чтобы онъ не могъ усмотрѣть важ

¹⁾ Здѣсь Фотій впадаетъ въ большую крайность. Переводъ священнаго писанія на русскій языкъ, для котораго болѣе всѣхъ потрудился Филаретъ, составляетъ славу и украшеніе его имени. Но отрицательный взглядъ на переводъ священнаго писанія на русскій языкъ далеко не былъ единичнымъ взглядомъ только Фотія. Самыя просвѣщенные лица того времени — какъ напримеръ Сперанскій („Русскій Архивъ“ 1868 года, стр. 1701), князь Сергій Ширинскій-Шихматовъ („Книга матеріала для исторіи русской богословской мысли въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія“, стр. 2) и тѣ не особенно сочувственно относились къ переводу свящ. писанія на русскій языкъ. Киевскій митрополитъ Филаретъ заявлялъ, что библейское общество своимъ переводомъ способствовало усиленію раскола („Собраніе мнѣній м. Филарета“, томъ IV, 255, пунктъ XIX); одинъ полтавскій помѣщикъ подалъ всеподданнѣйшую просьбу о неправильномъ переводѣ нѣкоторыхъ выраженій

ныхъ заблужденій, помѣщенныхъ и совершенно противныхъ греческому подлиннику и славянскому переводу, церковію принятому, совершенно исправленному вѣками. Если кто подумаетъ, что Лабзинъ и Поповъ, правители, члены и сотрудники, вмѣстѣ въ томъ дѣлѣ содѣйствовали къ тому злу, то какъ можно было Филарету склониться на мнѣніе и дѣло людей мірскихъ, недостойныхъ сапога у него снимать, мужей явно враговъ вѣры и Бога. Подписавшіе переводъ Новаго Завѣта всѣ, кромѣ Филарета, преосвященные не искусны были въ знаніяхъ языковъ, слабы вѣрою и житіемъ, и сдѣлать могли все по невниманію своему; но Филаретъ не могъ того сдѣлать: у него каждое слово имѣетъ вѣсь и силу въ простой бесѣдѣ. Иннокентій, говоря нѣкогда о переводѣ семъ съ Фотіемъ, сказалъ: плохое дѣло, Новаго Завѣта новый переводъ на простое русское нарѣчіе болѣе вреда принесетъ, нежели пользы ¹⁾, что и на самомъ дѣлѣ сбылось вскорѣ.

Едино воистину отецъ Фотій вѣдалъ то, что ко благу церкви Божіей въ преумноженіи вѣры православной и къ благочестію, и къ истинной пользѣ душеспасительной, при своемъ великомъ просвѣщеніи, Филаретъ ничего не сдѣлалъ, и дѣйствующимъ ни въ чемъ не содѣйствовалъ. Можетъ быть онъ втайнѣ и чаялъ дѣлать, что благо ²⁾, но вещь никогда не успѣлъ явить. Благо спасенія и слава Божія не есть еще единое ученіе, ибо отъ ученія вовсе царствіе Божіе не можетъ быть постигаемо, а отъ благодати искусомъ можетъ быть пріято, говоритъ св. Исаакъ Суринъ.

въ Новомъ Завѣтѣ, изданномъ Россійск. библейскимъ обществомъ. М. Филаретъ самъ признавалъ, что переводъ Новаго Завѣта, изданный библейскимъ обществомъ, сдѣланъ поспѣшно, и потому онъ требовалъ его пересмотра („Собраніе мнѣній м. Филарета“, томъ дополнительный, № 112, стр. 413—415; „Письма м. Филарета къ Высочайшимъ особамъ“, Тверь, 1888 г., часть II, стр. 29). Переводы свящ. книгъ на ивродческіе языки дѣлались съ большими ошибками. „Русск. Стар.“ 1876. Февр. 282.

¹⁾ Архимандритъ Иннокентій принималъ участіе въ переводѣ Новаго Завѣта на русскій языкъ, какой приготавлило библейское общество („Русская Старина“ 1883 г. томъ XXXVIII, 38, 59), но затѣмъ отказался даже отъ званія члена библейскаго общества. (Знаменскій, „Чтенія по исторіи русской церкви“, 54).

²⁾ Филаретъ дѣйствовалъ противъ мистиковъ и сектантовъ, но очень осторожно и дипломатично. Такъ, въ бытность его архіепископомъ ярославскимъ (въ 1820 году), однимъ изъ членовъ татаринскаго общества была задана книга о скопцахъ, въ которой говорилось о внутреннемъ живомъ словѣ, коего надлежало искать только въ ихъ обществѣ. Князь Голицынъ прислалъ архіепископу Филарету десять экземпляровъ этой книги для распространенія по епархіи. Филаретъ заплатилъ деньги, но отказался распространять книгу, явно одобряющую скопчество. „Изъ воспоминаній м. Филарета“, „Прав. Обозрѣніе“. 1868, августъ.

Въ лютое время охладѣнія и невниманія многихъ о вѣрѣ истинной и ученій Божіемъ, нужда подвигла отца Фотія мало-по-малу противустать изданію «Сіонскаго Вѣстника», ученію Лабзина, гдѣ онъ писалъ о магнетизмѣ, магіи и разныя бредни, недѣлости и статьи изъ еретическихъ сочиненій почерпалъ, и обаяніемъ своимъ, вспомошествоемъ будучи отъ врага, кого могъ уловлять, въ сѣти свои уловлялъ. Гдѣ могъ онъ и имѣлъ случай, всюду объявлялъ злую цѣль «Сіонскаго Вѣстника», заблужденіе ученія въ немъ и явный вредъ, вопіялъ явно предъ чело-вѣками всѣхъ званій, что не подобаеъ учить Лабзину, яко мирянину, тамъ, гдѣ сонмъ просвѣщенныхъ пастырей, учителей, благочестивыхъ іереевъ Божіихъ и святыхъ ликій, имъ же ввѣрено стадо Христово. Лабзинъ, видя вредъ, наносимый ему отъ обличенія, гнѣвался, Фотію разныя козни строилъ, вооружилъ нѣкоторыхъ противу его духовныхъ особъ. Самый Иннокентій даже былъ противу его вооруженъ. Но какъ Иннокентій былъ простъ умомъ и сердцемъ, чело-вѣкъ благъ и духовенъ, то имѣлъ обычай откровенно со всѣми бесѣдовать о пользѣ духовной. Въ своихъ кельяхъ держалъ нерѣдко странныхъ духовныхъ людей; между тѣмъ и изъ тайныхъ обществъ былъ къ нему подсылаемъ, для узнанія всѣхъ рѣчей, нѣкто прослывшій духовнымъ чело-вѣкомъ, слѣпецъ, который все переносилъ, что узнавалъ у Иннокентія въ кельяхъ, Лабзину, въ секты Хвостовой, и прочимъ врагамъ вѣры. Къ чести Филарета скажу здѣсь то, что онъ на спросъ Иннокентія, взять ли въ кельи слѣпца, сказалъ, чтобы онъ не бралъ и опасался его весьма; изъ всего видно, что Филаретъ не былъ одинаго духа съ лукавыми.

Тайные агенты хотѣли всячески держать Иннокентія такъ, чтобы имъ онъ споспѣшествовалъ во всемъ, или молчалъ, и не могъ бы дѣйствовать онъ по внушенію Фотія и собственному своему усмотрѣнію на Михаила митрополита и прочихъ. Въ оное время былъ союзъ любви, повидимому, между Филаретомъ и Иннокентіемъ, и яко друзи были, ближніе, искренніе, свѣтлыяники, подававшіе надежду собою во благо церкви. Всѣ такъ о нихъ думали, и отъ нихъ ожидали одного добраго, по православію, противу котораго явно брань была словомъ, дѣломъ, писаніемъ и всякими образами. и готовили враги новую какую-то біблейскую религію ввести, смѣсь вѣрѣ сдѣлать и православную вѣру Христову утѣснить. И все шло скорымъ шагомъ отъ успѣха къ успѣху, и уста зловѣрія брали верхъ предъ чело-вѣками.

Когда законоучитель перваго кадетскаго корпуса Теофилъ, ревностный сообщникъ всѣхъ масонскихъ ложъ, читатель, членъ явный ложи Лабзина во всемъ Лабзину помогавшій, изъ Санктъ-Петербурга въ Одессу въ лицей отправился законоучителемъ, оставилъ вмѣсто себя въ Санктъ-Петербургѣ изъ духовныхъ преемника всему заблужденію, законоучителя морскаго корпуса іеромонаха Іова. Сего Теофилъ неиз-

вѣстно какъ перельстилъ и склонилъ до того, что онъ по отъѣздѣ его былъ въ ложу Лабзина введенъ и принятъ весною маія 7-го дня. По невѣдѣнію своему Фотій Іова избралъ вмѣсто Теофила духовникомъ своимъ, и любя его за скромность и трезвость, жилъ не опасаясь ничего и ни въ чемъ его не зазирая. Вездѣ, гдѣ случалось, предъ лицомъ духовныхъ, пастырей и учителей, предъ военными, статскими чинами и властями, онъ не упускалъ обличать злую цѣль всѣхъ тайныхъ обществъ и возставать противу книгъ и распространенія, гдѣ можно, лжи.

Много предлежало труда, много подвиговъ, много скорбей, то Фотій непрестанно молился Господу Богу, дабы Онъ Самъ его наставилъ, что творить и дѣлать ему, Самъ помогъ ему Своею силою, велию и богатою милостію. Часто онъ, отовсюду будучи окруженъ трудными обстоятельствами, плакалъ во дни и въ нощи. Не мало его смущало гоненіе, могущее быть, и помышленіе, что за истинное ученіе о Господѣ и исповѣдничество Христово, яко за дерзость, удобно можетъ лишиться званія, сидѣть въ темницѣ, быть даже въ заточеніи гдѣ-либо. Замѣчалъ, что нѣкіе изъ сообщниковъ тайны беззаконія масонскія явно грозили ему лишеніемъ жизни, гордяся о себѣ и уповая на вражескую силу, говорили ему, что во всемъ свѣтѣ не можно спастися ему и никому отъ силы и могущества масоновъ, имѣющихъ вліяніе на всѣ европейскія державы. Таковыя человѣческіе страхи и видимыя напасти не разслабили Фотія и не устранили онъ ихъ, но до того его воспламенили болѣе противустать всякому обществу тайному, противному церкви святой, отечеству; всякой законной власти, что онъ, поминая мучениковъ святыхъ, которые многими потами и безчисленными кровями и смертями стяжали животь вѣчный, положили крѣпко подвизаться одинъ, никого не бояться, заранѣ себя приуготовлялъ къ терпѣнію, когда нечаянно постигнетъ его гоненіе до креста и самыя смерти или сосланъ будетъ въ заточеніе. А посему, съ начала монашества, будучи облеченъ во власяницу и вериги, онъ удручалъ непрестанно тѣло свое всячески. Всегда молился Господу Богу, дабы Онъ былъ съ нимъ и утѣшеніе всюду подавалъ въ скорбяхъ, гдѣ токмо будетъ. Скорбная память, память гоненія, память темницы, память насильной смерти, память горькія работы, муки отъ тайныхъ и явныхъ враговъ Христа Господа Исуса, не отходила отъ него, а ревность по Бозѣ въ немъ болѣе и болѣе, часъ отъ часу и день ото дня, усиливалась; онъ дѣйствовалъ явно и тайно, и положилъ крѣпко на сердца — не бояться убивающихъ тѣло, души же убить не могущихъ (Мѡ. X, 28). Страхъ стяжалъ онъ къ Богу, могущему погубить и душу, и тѣло въ гееннѣ огненной, и у Него же вся возможна суть (Лук. XVIII, 27), и аще Онъ благоволитъ, то дастъ ему единому одолѣть всю силу вражію.

Отъ трудовъ во время оно, онъ какъ возлегъ почить, помышляя, колико скорбей ему предлежитъ на пути Божіемъ, и что нѣтъ ему ни единыя отрады. Вотъ видитъ себя въ такомъ состояніи, коего не можно изъяснить: онъ, казалось ему, — было лѣто и день прекрасный, — солнца нигдѣ не видѣлъ на небесахъ, а видѣлъ необозримую равнину, всякими цвѣтами и травами исполненную и благоухающую; на ней путь не великъ, а малъ, тѣсень. Видѣлъ себя стоящаго близъ сего пути; и является ангелъ Господень, имѣяй два крыла во образѣ чловѣка, юноши свѣтла, восхитилъ его, взявъ за плеча позади, на высоту и во мгновеніе ока вознесъ туда, гдѣ, казалось, былъ край небесный, яко сводъ, и далѣе мѣсто за тѣмъ, гдѣ что несказанное благое есть. Той, держай его на высотѣ сей, сказалъ ему: «Тебѣ много предлежитъ скорбей имѣть въ семь мѣрѣ; дабы ты не воскорбѣлъ отъ унынія, вкуса мало сладости рая Божія». Съ симъ словомъ въ сердцѣ своемъ онъ ощутилъ несказанное услажденіе, веселіе, радованіе. Сказалъ же ангелъ Господень ему: «довольно сего будетъ тебѣ». Было же на высотѣ въ небесахъ на воздухѣхъ его восхищеніе, въ мѣстѣ рая Божія кратко, яко три мгновенія ока; но показалось довольно ему самому. Посемъ возрѣвъ, видѣлъ подъ собою долу море великое-океанъ, яко кожу овчю, и всю землю, яко малый шаръ; и убоился весьма, и возопилъ къ держащему его ангелу: «Боюся, Господи, дабы не упасть въ бездну морскую»; и тотчасъ той его ангелъ поставилъ на прежней долині прекрасной, гдѣ увидѣлъ себя стояща на ней на колѣняхъ, съ воздѣваніемъ рукъ молящаяся и глаголюща сіи едины глаголы: «О, колѣ благъ Господь!» и многократно повторилъ едино и то же. Радость же и сладость пріятная въ сердцѣ горѣ на высотѣ всего его исполняла. По семъ ему казалось, кто-то за нимъ есть: обратився, увидѣлъ, что стоятъ на колѣняхъ же Филаретъ и Иннокентій; и Филарету Иннокентій указываетъ перстомъ на Фотія, тихо говоря: «Зри, вотъ что Фотій дѣлаеть»; а Филаретъ, быстро очи устремивъ, зреть въ безмолвіи на него; Фотій же какъ увидѣлъ сіе, желалъ, дабы никто не вѣдалъ, что онъ втайнѣ предъ Богомъ съ воздѣваніемъ рукъ молился; престалъ отъ молитвы и явился имъ, яко буй есть и будто не примѣчаетъ ихъ, уклонился въ путь свой. По семъ возбудився, ощутилъ сердце свое исполненно несказанной радости и сладости, такъ въ сердцѣ глубоко впилося небесное услажденіе оное, что отселѣ, гдѣ бы онъ ни былъ, не оставляло его внутрь сіе небесное благо, превосходящее всякъ умъ и всяко чувство. Всюду ощущалъ, что оное кто-то держитъ въ себѣ: во всѣхъ горестяхъ, напастяхъ было все ему сладко. О семъ онъ много лѣтъ никому не повѣдалъ; нѣкімъ отъ чадъ своихъ духовныхъ повѣдалъ, яко о посторонней вещи.

Тайныя общества въ сіе время весьма умножались. Честолюбіе даже и духовныхъ лицъ прельщало входить въ оныя и предаваться въ шайку

духовныхъ татей и убійць. Іовъ, законоучитель морскаго корпуса, чловѣкъ жизни воздержной, былъ введенъ въ ложу Лабзина; вскорѣ напалъ на него бѣсъ и свель его съ ума. Обстоятельства сего событія таковыя были. Въ корпусѣ морскомъ, за нѣсколько дней, кадеть видитъ сонъ, что Іовъ, ихъ духовникъ, законоучитель, посредѣ корпуса сдѣлался безумнымъ болваномъ и былъ поставленъ всѣмъ на позоръ. Сіе сбылось вскорѣ: въ нѣкій день мѣсяца маія Іовъ потребовалъ себѣ церковника корпусной церкви, солдата, велѣлъ ему отворить церковь; какъ настоятель, Іовъ вошелъ въ оную, пришелъ въ олтарь святыи къ престолу Господню; поставилъ чернильницу и положилъ ножъ на престолъ святыи; растворилъ святыя царскія врата; стоялъ нѣсколько у престола Христова, бѣсъ его одолѣлъ, осквернилъ, и онъ испустилъ урину. Сила Господня, оставивъ сего богоотступника, предала въ руки вражія. Іовъ сей былъ объятъ духомъ злымъ, осквернилъ мѣсто свято долу. Никто сего не зналъ, самъ Іовъ, пришедъ въ себя, все сіе увидѣлъ, онъ сіе сказывалъ, послѣ бывъ въ разумѣ; исповѣдуя все, что дѣлалъ, помнитъ весьма. Но такая сила вражія напала на него, что онъ не могъ противиться, и что влекла его дѣлать, то онъ дѣлалъ, зная, что зло все будетъ; потому онъ, изшедъ въ царскія врата, какъ всѣ образа на холстинѣ были писаны, то образъ Божіей Матери, мѣрою въ ростъ чловѣка невелика, съ верха до низа ножемъ разрѣзалъ. Такъ благодати и милости источникъ явно поругалъ онъ, увидѣвъ явно церковникъ злая дѣла Іова, бѣжалъ скоро и возвѣстилъ въ корпусѣ начальству. Когда приближали въ церковь, въ рублищѣ, т. е. въ подрясникѣ Іова, обрѣтша дѣйствующа разныя ужасныя безчинства, тогда его бѣснаго взяли и повели въ келью его. Куда пришедъ, онъ бросался скочить въ окно съ четвертаго этажа на улицу и, разбивая для того стекла, обрѣзалъ себѣ руки, но былъ удержанъ силою людей и изъ корпуса отведенъ въ Алексавдро-Невскую лавру къ своему начальству подѣ присмотрѣ стройжайшій.

Вскорѣ узнавъ сіе происшествіе объ Іовѣ, Фотій поспѣшилъ въ морскій корпусъ видѣть Іова, но не нашелъ его тамъ; узнавъ происшествіе, пошелъ онъ въ лавру, гдѣ обрѣлъ Іова въ кельи заключенаго и два монашествующихъ и два служителя приставлены къ нему были для караула. Здѣсь онъ съ нимъ ночевалъ, ходилъ по саду, бесѣдовалъ, и вотъ тогда онъ, самъ приходя въ умъ, что повѣдалъ: «не упомню, какъ я сошелъ въ корпусную церковь, говорилъ онъ; но мнѣ внушено было послѣ вступленія въ ложу Лабзина 7-го маія 1818-го года, гдѣ я былъ принятъ и облеченъ въ нарядъ масонскій обычный, а верхъ покрытъ рублищемъ, т. е. подрясникомъ; отъ чего не упомню, но ослабѣли мои силы, и я испустилъ скверну на мѣстѣ святѣ, когда ввели меня въ келью мою изъ церкви; тогда, представъ мнѣ въ образѣ

ангела человекъ, говорилъ: воззри въ окно и виждь корабль на рѣкѣ Невѣ; это есть бѣдствующая церковь наша въ мірѣ; вскочи изъ окна сего внизъ, и убѣжимъ въ безвѣстныя страны; въ корпусѣ же хотятъ тебя сожести за поступки сдѣланные; когда я, говорилъ Іовъ, боялся въ окно выскочить изъ четвертаго этажа, тогда предстоящій въ образѣ ангела бѣсъ говорилъ: виждь, послушай меня, я ангелъ есть посланъ возвѣститъ тебѣ, како спастися; верзися долу и убѣжишь отсюда; казнь тебѣ готовится; что ты не вѣришь мнѣ, маловѣре? писано бо есть, яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ сохранитися во всѣхъ путѣхъ твоихъ, да не когда преткнеши о камень ногу твою (псал. 90, 11—12) и проч.; выскочи изъ окна токмо, и ты тогда увидишь чудо, что цѣль ты будешь и ничтоже тя вредить. Почему порывался я выскочить изъ окна, но спасенъ былъ людьми. А когда вошелъ въ лавру я, тогда увидѣлъ полкъ странныхъ воиновъ черныхъ, въ нѣмецкихъ нарядахъ противу меня идущихъ по воздуху, слышу же внутри меня ясно, что кто-то меня противу воли учить дѣлать все зло, что я дѣлаю моими руками, но какъ бы не я самъ: мнѣ всего болѣе желательно скорѣе себя умертвить отъ своихъ рукъ, дабы скорѣе избавиться отъ міра и развязаться съ жизнію горькою здѣсь; но мнѣ не даютъ воли люди».

Все испытавъ довольно, Фотій донесъ наставнику своему и отцу Иннокентію. Послѣ вскорѣ присланъ былъ отъ митрополита Михаила Іовъ къ Фотію на три дня, гдѣ онъ обратився какаяся и раскрылъ всѣ тайны свои ему, когда, како, гдѣ вступилъ въ ложу, кому былъ врученъ, коему злу былъ наученъ отъ Лабзина и враговъ вѣры; что непрестанно втайнѣ приходятъ въ лавру къ нему, его смущаютъ изъ тайныхъ обществъ, дабы онъ Іовъ не говорилъ тайнъ сихъ, крѣпко пребывалъ въ тайнѣ нечестія и беззаконія масонскаго, вся терпя ради ихъ любви. Приведенъ былъ послѣ отъ него въ лавру, гдѣ онъ жилъ, и по времени, когда нападалъ на него бѣсъ, онъ терялъ умъ, и послѣ паки приходилъ въ оный. Спустя много времени, по ходатайству тайныхъ враговъ вѣры, посылаемыхъ изъ обществъ тайныхъ, дано было мѣсто Іову учителя въ новгородскомъ архіерейскомъ училищѣ; здѣсь онъ не могъ совершенно освободиться отъ заразы духовныя, явно училъ злу, ѣлъ явно мясо, худилъ вѣру; почему уволенъ изъ онаго; послѣ будучи въ Архангельскѣ, онъ по собственному желанію лишенъ сана священства и монашества ¹⁾. Вотъ плоды тайныхъ обществъ. Не достанетъ ни

¹⁾ Исторія законоучителя морскаго корпуса іеромонаха Іова (Смирнова), изложенная здѣсь Фотіемъ, подтверждается свидѣтельствами другихъ современниковъ и даже сослуживцевъ и учениковъ Іова. Воспоминанія А. Ш. Бѣльева. „Русск. Старина“ 1880 г. Сентябрь, 40—41. Письмо князя С. Шихматова въ книгѣ: „Иннокентій, еп. пензенскій“, въ приложеніи. Свидѣтельство А. С. Стурды — „Русск. Старина“ 1876 г. Февраль и др.

книгъ, ни времени описывать всё замыслы и злая дѣла тайныхъ всёхъ обществъ, сколько оныя извѣстны. Сіе происшествіе постыдное для законоучителя, настоятеля, іеромонаха, — ученаго, весьма было прискорбно видѣть, слышать, сперва въ столицѣ посередѣ ея, а потомъ извѣстное на соблазнъ повсюду. Отъ чего Фотій крѣпко возревновалъ по Бозѣ, усиливался возстать противу тайныхъ обществъ храбро всею силою, дабы ослабить и истребить по возможности возрастшіе плевы злобы адскія и при семъ случаѣ возвысилъ гласъ свой и вопль свой яко трубу, и яко юродъ ходилъ и всюду предъ челоуѣками владыкамъ и властямъ изывалъ, что вѣра масонская есть антихристова, и ученіе есть все и писаніе отъ діавола, единое вольнодумство, и всё преданные лжи, вольнодумы, чада антихриста, ученики діавола, отца лжи, рожденія ехиднова.

Во время оно бысть лѣто и мѣсяць августъ, общества тайныя дѣйствовали противъ церкви св. и вѣры, имѣли вліяніе на всё начальства духовныя, враги срамъ и позоръ явно дѣлали надъ святынею, о духовенствѣ писались объявленія самыя постыдныя и всёмъ во извѣстіе давались, отъ чего духовенство презрѣннымъ дѣлалось, всякая немоощь публиковалась. Въ морскомъ корпусѣ церковь была осквернена явно, Пресвятая Богородица была поругана, въ образѣ своемъ явно изрѣзана, и столица отъ ужаса содрогнулась въ то время. Начальство же духовное какъ бы не видѣло и соблазна не знало, на все смотрѣло хладнокровно; не нарядило сдѣлать ни слѣдствія, ни розыска по сему важному происшествію о хулѣ на Бога и святыню; иные, шая себя, молчали, иные, водимые честолюбіемъ, всякою святынею готовы были псѣмъ жертвовать, лишь бы на пути ихъ ничто не препяало съ престола святительскаго на высшій престолъ перелетать. Вотъ въ какомъ состояніи было духовенство сего времени. Что дѣлать было? Фотій видѣлъ очами своими крамолы, явно и тайно дѣлаемыя прямо противу св. церкви, вѣры, всякой законной власти; слышалъ объ ударахъ, которые готовятся престолу, отечеству, всему духовенству; не могъ терпѣть дерзости діавольской въ царствѣ вѣры: ревнуя ревновалъ по Бозѣ. На сей случай катихизисъ масонскій ему данъ былъ въ руки отъ чиновника военнаго, бывшаго его духовнаго сына; то надъ онымъ о. Фотій сдѣлалъ надпись сію: «Катихизисъ масоновъ, вѣрующихъ во антихриста, діавола и сатану»; и далъ кадетамъ оный читать на время втайнѣ, дабы знали, что есть тайна беззаконія. Но забывъ о семъ, чрезъ нѣсколько дней услышалъ, что нѣсколько списковъ сдѣлано съ сего масонскаго катихизиса и надписи, и по столицѣ отъ учениковъ разнесено въ дома знатныхъ родныхъ. Молва оглушила всю столицу, во что вѣрують масоны; страхъ молвы о покушеніи на жизнь Фотія проникалъ всю душу. Онъ же не могъ удержать духа ревности во время

оно; напада на него, духъ ревности по Бозѣ разожегъ его, и онъ гласомъ великимъ вопіялъ всѣмъ, всюду противъ сектъ и тайныхъ обществъ злыхъ, и, яко штурмомъ, своимъ буйствомъ хотѣлъ взять крѣпость вражію.

Вооружился на него инспекторъ корпуса, генераль Беберъ, начальникъ нѣкоей ложи подѣ названіемъ квакерской, посредѣ корпуса въ дежурной каморѣ. Но данною свыше властію законоучителя, настоятеля вооружился самъ противу его и заградилъ ему уста. Весьма трудно было время оное для Фотія по службѣ. Нѣскольکو мѣсяцевъ сатана, подсылалъ къ нему духа злаго, который стоялъ по правую сторону, внушалъ тайно, явно прельщалъ его, что онъ Ілія пророкъ новый, внушалъ же, дабы при семъ случаѣ онъ, ревнуя по вѣрѣ правой за дѣло Божіе, восхотѣлъ явить всѣмъ силу Божію, а посему нѣкое бы чудо сотворилъ, или хотя перешедъ по водѣ яко по суху противу самаго дворца чрезъ рѣку Неву; всячески онъ отбивался отъ сего врага лютаго: единое крестное знаменіе защищало отъ его жала, и онъ явно въ слухъ принужденъ былъ возглашать сатанѣ: отъ иди отъ мене сатана: не послушаю тебя, не поклонюся тебѣ. Въ нѣкое время, какъ онъ о. Фотій въздыхалъ, моляся и зря ко Господу и просилъ помощи свыше на одолѣніе врага, вдругъ увидѣлъ себя въ кельѣ своей, но не яко въ кельѣ. Единъ образъ нерукотворенный съ возженнымъ елеемъ зря, а среди дня не видѣлъ кельи своеі; видѣлъ, что весь потолокъ верхъ кельи снялся съ кельи его, онъ увидѣлъ очами своими нѣкій свѣтъ, но не совсѣмъ сіятеленъ. весь, какъ утренній туманъ въ немъ, онъ стоятъ. Отъ сего видѣнія, какъ онъ помнитъ, что онъ въ кельи есть, но не видитъ себя въ кельи своей, что въ кельи видитъ, что умъ его восхищенъ отъ него, нападаетъ на него страшный ужасъ, весь вострепеталъ, къ нему нѣкто предстаеть миль и сердцу сладокъ, сказываетъ втайнѣ, яко Сый съ нимъ; тогда прелестъ отъ сатаны онъ увидѣлъ; духъ вражіи искушаетъ его; тогда онъ тотчасъ, не думая много, палъ на колѣни и возопилъ ко Господу, моляся: Господи, спаси мя, да не погибну: и се въ тотъ часъ исчезло привидѣніе. Фотій былъ радъ сему, но врагъ, желая искусить его болѣе и уловить въ сѣти своя, не преставалъ козни ему дѣлать. Во единъ день, мѣсяца августа, какъ Фотій подвизался за слово и дѣло Божіе, сатана, смущая его, смущалъ и иныхъ: онъ восхотѣлъ ѣхать въ лавру къ наставнику отцу своему Иннокентію, съ нимъ поѣхалъ діаконь его Василій старецъ. Пріѣхалъ лишь отецъ Фотій въ лавру къ нему, вошелъ въ келью отца, діаконь успѣлъ тайно внушить возлюбленному его отцу, что онъ съ ума сошелъ; отецъ, сіе скрывая отъ него, молчалъ и какъ бы за разными причинами задерживалъ его у себя, никуда его не выпускалъ: вскорѣ онъ тайно внушилъ митрополиту Михаилу объ томъ же. Отецъ Фотій, послѣ сего проникая, уразумѣлъ, что его, яко не въ пол-

номъ умѣ сушаго, задерживаютъ. Между тѣмъ въ корпусѣ священникъ Іоаннъ слабого житія, едино бывшій нѣкогда съ масонами, и діаконъ Василій огласили его, какъ сумасшедшаго. Сатана возвеселился, корпусъ смутился; знаеміи Фотія удивились, враги возвеселились, сродники ужаснулись. По столицѣ молва о семъ пронеслась, лавра вся знала, что съ ума сошелъ; многіе приходятъ къ нему въ келью отца, слезы льютъ о немъ, смотрятъ на него какъ на безумнаго, его остерегаются. Отецъ Фотій, сіе видя, молчитъ, не смѣетъ, что отвѣщать, единъ, вздыхая ко Господу втайнѣ сердца; прохаживаясь въ саду въ лаврѣ, вопрошающимъ его о здравіи говорилъ: время покажетъ, здоровъ ли я, или не здоровъ; кто имѣетъ здравый свой умъ, тотъ увидитъ, въ какомъ я умѣ и здравіи былъ, есмь и буду. Въ тайнѣ же сердца своего за такое злое соглашеніе поносное, пагубное родилось дерзновеніе въ немъ до пролитія крови и самыя смерти, пока живъ будетъ на земли, бороться со всѣми тайными обществами, стоять будетъ противу ихъ за вѣру и церковь и власть всю законную, будетъ отвергать, опираться всѣ дѣла сатанинскія, всякое ихъ служеніе и всю гордыню ихъ, и не бояться отъ темъ окрестъ нападающихъ на него и всѣхъ ненавидящихъ его.

Митрополитъ Михайлъ четырежды отца Фотія къ себѣ призывалъ на испытаніе, въ умѣ ли онъ: въ первый разъ полтора часа подъ видомъ разговора бесѣдовалъ съ нимъ и внушалъ, чтобы онъ противу масоновъ молчалъ, не вооружался; а онъ ему между прочимъ говорилъ тако: что говорилъ, буду говорить противу всѣхъ враговъ церкви, отечества, Бога и царя; ибо чадъ моихъ духовныхъ въ свои скопища увлекаютъ, отъ Бога, отъ церкви отторгаютъ. Продержалъ онъ Фотія около шести дней подъ присмотромъ. Но какъ онъ просился въ корпусъ, то потребовалъ его митрополитъ Михайлъ къ себѣ на лице. Бога ради, молю тебя, Иннокентій, отпуская его, говорилъ ему, скажи владыкѣ, что ты будешь молчать впредь; Фотій же не соглашался, но Иннокентій увѣщевалъ его согласиться. Что ему дѣлать оставалось съ отцемъ своимъ? Сердце его кипѣло ревностію противу тайныхъ злыхъ обществъ и всякаго зла явнаго и тайнаго; но, видя, видѣлъ, что отецъ его не хочетъ отпустить его къ владыкѣ митрополиту Михайлу, если онъ и согласится молчать, тогда онъ отцу, между прочимъ, сказалъ: «Какъ Богъ внушитъ мнѣ, такъ я и сдѣлаю; если Богъ языкъ мой удержитъ отъ дерзновеній противу масоновъ говорить, то удержусь и умолчу, и тако далъ слово молчать». Обрадовавшись сему, отецъ его благословилъ идти ко владыкѣ. Онъ вошелъ къ нему, позванъ имъ былъ въ гостиную большую; началась рѣчь о духовныхъ вещахъ; онъ стоялъ и митрополитъ самъ предъ нимъ стоялъ; митрополитъ сперва возражалъ ему, а онъ ему отвѣчалъ; ни въ чемъ не могъ оспорить пастырь добрый его. Онъ говорилъ митрополиту, что враги церкви и власти, Бога и

*

царя—вопіють всѣ, то намъ ли молчать должно, когда намъ дано свыше вопіять объ истинѣ и правдѣ? Митрополитъ спросилъ его, глаголя тако: «Будешь ли ты молчать противу масоновъ?» Фотій сказаль ему: «Говорилъ, говорю и буду говорить, пока живъ буду, всегда противу масоновъ, всѣхъ враговъ и обществъ вредныхъ благу св. церкви, царству и всякой власти законной: не ты ли, владыко святыи, поставилъ меня въ моему мѣстѣ, яко стража дому Божію? Что я говорилъ и говорю, дѣло благое мое дѣлалъ и дѣлаю». Тогда митрополитъ Михаилъ сказаль ему: «Что же будетъ, когда министръ духовныхъ дѣлъ, князь Голицынъ, тебя велитъ взять изъ корпуса и послать въ Сибирь, ежели ты будешь говорить?» Фотію ему на сіе сказаль: «За дѣло Божіе, за дѣло вѣры и истины я не боюсь ссылки, слушаю я моего архіерея, а князь мнѣ сынъ, ученикъ; мнѣ дана власть творить и учить во всякой истинѣ; я давно готовъ до смерти терпѣть вся ради Бога; не хочу думать о боязни мірской. Кто можетъ душу мою погубить? Я служу Богу моему, могущему душу и тѣло погубить въ гееннѣ огненной. Не боюсь ни князя, ни царя. Буду всѣхъ обличать не о грѣхахъ, а о нечестіи, неправдѣ и нераскаяніи, что отступили отъ вѣры святыхъ отецъ и уклонились многіе въ стези сопротивныя и лукавыя». Прошло два часа бесѣды у о. Фотія съ Михаиломъ, той, смотря на него, яко ангель Господень, лицемъ свѣтлымъ, сказаль, наконецъ, отпуская въ корпусъ: «Богъ да благословить тебя въ семь умѣ и разумѣ быть всегда и да поможетъ благимъ твоимъ трудамъ». Отецъ же вопрошалъ его, когда онъ, радуясь, пришелъ къ отцу своему и наставнику, что ему говорилъ владыка, а онъ ему сказаль: «Иди самъ къ нему и что онъ о мнѣ скажетъ, тому и вѣруй». Бывъ и возвратився отъ митрополита Михаила, Иннокентій сказаль Фотію: «Владыка тебя дѣйствительно отпускаеть вѣхать въ корпусъ къ дѣлу своему и сказаль мнѣ о тебѣ такъ: я желаю, дабы и вы (Филаретъ и Иннокентій и прочіе) были въ такомъ умѣ и разумѣ, какъ отецъ Фотій. Онъ Божій слуга, съ Богомъ пусть подвизается».

Нѣкогда съ Иннокентіемъ о. Фотій, говоря объ искушеніяхъ, сказаль ему: «Отче святыи, что, если со мною въ дѣлѣ Божіемъ случится быти искушенію, оставишь ли ты меня, или не оставишь?» Иннокентію сказаль: «Не оставлю тебя и не усомнюся въ тебѣ». Тогда Фотій сказаль: «О, отче мой, радости ты моя! Я же думаю, что ты смутнишия о мнѣ и усумнишися. Богъ иногда въ присныхъ самыхъ отрады нерѣдко лишаетъ тѣхъ, ихъ же ведетъ тѣснымъ путемъ къ себѣ». Симъ слушаемъ Фотій ему напоянуль, что онъ, смутився о немъ, доложилъ владыкѣ яко о не сущемъ во умѣ. Отецъ же Иннокентій, яко мужъ святыи и праведенъ, сказаль: «Помню и вижу событіе». Позвавъ его къ себѣ ближе, повелъ въ садъ владыки и тамо ягоды собираль своими руками

и его оными кормилъ, перстами своими во уста ему влагая. Фотій же, видя презельную его любовь къ себѣ, сказалъ: «Отче святыи, я помнитъ буду всегда твои нынѣ пресладкія ягоды, ими же ты меня кормишь. Я не хочу ясти ягоды, но любве ради твоея я угодное тебѣ творю, вкушаю мало оныхъ отъ тебѣ».

У Фотія денегъ ни единыя полушки не имѣлось, а посему Иннокентій далъ на проѣздъ денегъ своихъ, и онъ, заутра, рано вставъ, ѣхалъ въ корпусъ. Кадеты были всѣ тогда въ классахъ; Фотій, подъѣзжая къ св. церкви въ корпусъ, восталъ съ дрожекъ и, предстоя, трижды поклонился низко, благодаря Бога, что искушеніе миновалось все. Прямо въ классы входитъ, гдѣ ему слѣдуетъ быть въ законѣ Божиємъ. Всѣ, вставъ, кадеты, какъ любили премного, то заплакали видѣвшіе его отъ жалости, и отецъ Фотій прослезился самъ, вопрошалъ ихъ: «Отъ чего вы, чада возлюбленная въ Дусѣ Святѣ, слезно зрите на меня?» Они ему говорили: «Отче, намъ сказали, что уже тебя въ Сибирь сослали, и мы горько жалѣли всѣ о тебѣ». Фотій имъ за любовь сію поклонился низко и велѣлъ сѣсть. Также они сказали: «Слухъ пронесся, что будто, Отче, ты виѣ ума въ темницѣ». Тогда Фотій сказалъ: «Чада, вы имѣете очи, то видите, вотъ я предъ вами, видите, въ умѣ ли я и разумѣ? За то, что я противу волковъ хищныхъ возстаю, дабы васъ, яко овецъ, не расхитили, то сатана навелъ на меня искушеніе великое». Молва тотчасъ пронеслась въ корпусъ, что Фотій живъ, здоровъ, въ умѣ и такъовъ же, каковъ былъ; въ слѣдующій день служилъ божественную службу, какъ прежде всегда. Видятъ всѣ, что онъ въ умѣ, разумѣ, кротокъ, тихъ; когда же приобщался съ Фотіемъ святыхъ таинъ священникъ Іоаннъ, виновникъ смущеній, лишь пріялъ святая, весь задрожалъ и палъ подлѣ св. престола: духъ на него лукавый напалъ. Клевета была явная, но Богъ его соблюлъ своею единою благодатію отъ пагубы. Спасеніе во время оное Фотій за великое чудо почиталъ всегда въ житіи своемъ, болѣе всѣхъ чудесъ и за благодѣяніе болѣе всѣхъ благодѣяній.

Спустя недѣлю послѣ происшествія съ Фотіемъ поноснаго, случившагося по внушенію митрополита Михаила для узнавія о его здравіи, требуетъ Иннокентій его къ себѣ. Вотъ онъ приѣхалъ тотчасъ; видѣвъ его онъ совершенно здрава, радовался. Въ сіе время, какъ съ Іовомъ бѣснованіе было, съ Фотіемъ же тяжкое искушеніе, онъ, пришедъ къ Иннокентію, увидѣлъ сѣдящаго слѣпца у него и узналъ, что онъ живеть у Иннокентія; общества тайныя прославили его за святаго, дабы Иннокентій, въ кельи его привявъ свои, держалъ и не остерегался ничего его, все при немъ говорилъ съ Фотіемъ о тайныхъ обществахъ. Оный слѣпецъ приобщался святыхъ таинъ. Сей слѣпецъ зналъ много отъ Священнаго Писанія и сказывалъ. Въ одно время Иннокентій шелъ

изъ церкви, слѣпецъ позади его, а Фотій позади слѣпца и еще коневскій пустынникъ вѣкто. Слѣпецъ, поднимаясь на крыльце, закричалъ: «Ахъ, что это? Кто меня палицею ударилъ по головѣ жестоко?» Сямъ слѣпецъ хитрый далъ знать, что акибы во отцѣ Фотіѣ духъ противный ему, и той ударилъ его. Фотій возопилъ къ своему отцу: «Отче! слѣпецъ сей есть тайный врагъ, яко Іуда предатель, тайный переносникъ рѣчей въ тайныя общества и для того живетъ у тебя, чрезъ хожденіе въ Божию церковь и, подъ видомъ святини, тебя и всѣхъ хочетъ прельстить; а посему, какъ онъ шель посредѣ тебя и меня, то бѣсъ его ударилъ, не могшій стерпѣть силы Господней, съ нами сущей; но онъ хочетъ оклеветать насъ, что аки бы мы его ударили. Когда же въ келью пришелъ слѣпецъ, вачалъ учить Фотія смиренію, Фотій ему сказалъ: «Слѣпъ ты душевно и тѣлесно; кто тебя поставилъ меня учить?» и обличилъ слѣпца предъ отцемъ, что онъ не Бога ради живетъ, а подосланъ къ нему въ кельи всѣ тайны увѣдывать для открытія послѣ Лабзину и инымъ. Отъ обличенія Фотіева онъ онѣмѣлъ; Иннокентій же тотчасъ удалилъ его отъ себя и впредь его болѣе не принималъ къ себѣ. Иннокентій, будучи человекъ Божій, учитель церкви, просвѣтитель, былъ страннoлюбивъ, готовъ былъ, несмотря на крайнюю нищету, принимать даже нищихъ и убогихъ въ кельи къ себѣ жить, дабы дѣломъ чему-нибудь научиться во благое.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТОВАРИЩЕСТВО „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“
 ПРИОБРѢЛО ПРАВО НА ИЗДАНИЕ И
 ВЫПУСТИЛО 1 И 2 КНИГИ ВЪ 5-ТИ ТОМАХЪ БАЗЕДА
ИСТОРИИ РОССИИ
 съ
ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Михайловича Соловьева.

Стоить при подпискѣ 15 руб., съ перес. 18 руб.

Полное сочиненіе безъ всякихъ сокращеній и измѣненій въ 20 томахъ къ нимъ будетъ приложенъ указатель и гравированный на деревѣ портретъ автора съ факсимиле (чего до сихъ поръ при изданіи не было).

Всѣ 20 томовъ и указатель около 5000 страницъ или до 10000 столбцовъ будутъ помѣщены въ 6-ти книгахъ четкой убористой, большого формата въ два столбца, печати, въ каждой книгѣ по шати томовъ, въ послѣдней книгѣ четыре тома и указатель.

Всѣ 20 томовъ и указатель по подпискѣ стоить 15 руб., съ пересылкою 18 руб. (вмѣсто нынѣ существующей цѣны за 20 томовъ 58 р. безъ пересылки). По выходѣ же въ свѣтъ всего изданія подписка прекратится и въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить 24 руб.

Подписка принимается только на все изданіе, которое выйдетъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ.

Подписывающіеся на полученіе всего изданія 20 томовъ въ 6-ти книгахъ при подпискѣ высылаютъ 3 р., при высылкѣ каждой книги будетъ наложенъ платежъ на 1-ю, 2-ю, 3-ю, 4-ю и 5-ю по 3 р. и за наложенный платежъ, и за заказъ по 20 к., а 6-я книга будетъ выслана бесплатно. Высылающіе же при подпискѣ 18 руб. сполна, при полученіи книгъ, какъ за наложенный платежъ, такъ и за заказъ ничего не платятъ.

Чтобы еще болѣе облегчить каждому приобрести знаменитое сочиненіе исторіи России съ древнѣйшихъ временъ Серг. Михайл. Соловьева въ 20 т., Товарищество допускаетъ также подписку и съ меньшими взносами, а именно: можно подписываться на полученіе всего изданія выпусками въ каждомъ выпускѣ будетъ до 15 печатныхъ листовъ. При подпискѣ на полученіе выпусками вносить 1 р. 50 к.; при высылкѣ первыхъ одиннадцати выпусковъ будетъ наложенъ платежъ по 1 р. 50 к. и за наложенный платежъ, а также и за заказъ по 15 к. на выпускъ, а остальные выпуски и указатель будутъ высланы бесплатно.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ исключительно въ Товариществѣ „Общественная Польза“, СПб., Б. Подъяч., 39.

Будутъ изготовлены прочные переплеты и крышки на всѣ 6-ть книгъ одинаковаго вида; за каждую книгу приплачиваютъ по 1 р., съ пересыл. по 1 р. 25 к., кромѣ Азіатской Россіи и заграничн. подписч., каковымъ пересылка производится за ихъ счетъ.

Вышли и разосланы подписчикамъ I—IV выпуски шестаго тома
И ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА СЛѢДУЮЩИЕ ТОМЫ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО РОСКОШНАГО ИЗДАНІЯ:

„ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ“ БРЭМА.

Переводъ подъ редакціею магистра зоологіи К. Н. Сентъ-Илера.
Изданіе Товарищества „Общественная Польза“.

Съ хромолитографированными рисунками отъ 15 до 20 красокъ и со множествомъ полтиннажей въ текстѣ. Вновь переработано профессоромъ Пехуваль-Леше при содѣйствіи доктора Гааке.

— ПЕРЕВОДЪ ПОЛНЫЙ безъ всякихъ пропусковъ или произвольныхъ сокращеній и сдѣланъ съ новаго третьяго вѣмечеваго изданія.

На ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ, ТРЕТИЙ, ЧЕТВЕРТЫЙ и ПЯТЫЙ ТОМЫ подписка прекращена, а продаются по 6 р., съ перес. 6 р. 50 к. каждый томъ.

Все изданіе будетъ въ ДЕСЯТИ ТОМАХЪ, и подписка принимается на каждый томъ отдѣльно.

Лица, желающія подписаться на получение ШЕСТАГО тома, который будетъ разосланъ въ Іюль 1894 года, высылаютъ нынѣ же 5 руб., съ пересылкой 6 руб. 50 коп. Въ отдѣльной продажѣ ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ, ТРЕТИЙ, ЧЕТВЕРТЫЙ и ПЯТЫЙ ТОМЫ стоятъ 6 руб., съ пересылкою 6 руб. 50 коп.

— Чтобы дать возможность каждому приобрести это капитальное сочиненіе, не затрачивая разомъ значительной суммы, издатели предлагаютъ подписчикамъ шестой томъ получать и выпусками, не ожидая выхода полнаго тома, а потому:

1) При подпискѣ вносится 1 руб. — 2) При высылкѣ 1, 2, 3, 4 и 5 выпусковъ на каждый изъ нихъ будетъ наложенъ платежъ по 1 р., а послѣдній ШЕСТОЙ выпускъ будетъ разосланъ **БЕЗПЛАТНО.** —

Для служащихъ допускается разсрочка, со взносомъ 1 руб. въ мѣсяцъ, за поручительствомъ казначеивъ.

На тѣхъ же условіяхъ будетъ открыта подписка и на слѣдующіе томы.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА въ С.-Петербургѣ въ Товариществѣ „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39 и въ Москвѣ, въ магазинѣ Картографическаго заведенія А. Ильина, Петровскія лпніи № 17.

— Подписывающіеся на VI ТОМЪ изъ склада Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39, на полученіе полнаго тома, за пересылку не платятъ, по выпускамъ же никакихъ уступокъ не дѣлается. Подписавшіеся на полученіе тома выпускамъ не получаютъ —

— Подписывающіеся теперь же на шестой томъ могутъ подписаться и на первые пять томовъ, при чемъ какъ за первый, такъ за второй, третій, четвертый и пятый томы высылаютъ по 5 руб. 50 коп. съ пересылкою.

— Желающіе получать томы въ одинаковыхъ прочныхъ переплеткахъ съ кожанымъ корешкомъ и углами прилачиваютъ: городскіе по 1 р. за каждый томъ, иногородные по 1 р. 25 к., высылающіе же изъ Азіатской Россіи прилачиваютъ по почтовому тарифу за 5 фун.

Книга состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) «Дипломатическіе мемуары князя Бориса Ивановича Куракина. 1711 года января 2-ое—декабря 17-ое» и 2) «Грамоты, фамильные столбцы, статьи по разнымъ предметамъ, записки, переписка и др. бумаги князя Б. И. Куракина. 1661—1711 гг.».

Всѣ материалы, помѣщенные въ настоящей книгѣ, — говорится, между прочимъ, въ предисловіи, — переписывались дословно, а двѣ подлинныя грамоты: Жалованная грамота царя Алексѣя Михайловича князю Г. С. Куракину (отъ 14-го марта 1668 г.) и Жалованная грамота царей Іоанна и Петра Алексѣевичей — столбнику князю М. И. Куракину (отъ 31-го апрѣля 1685 г.) — воспроизведены буквально, съ сохраненіемъ старинной орфографіи; дословно же представлены и документы иностранные.

Побывавъ во многихъ европейскихъ странахъ, князь Б. И. Куракинъ нестрить свою рѣчь всевозможными иноязычными словами и выраженіями, такъ что для правльнаго воспроизведенія его затѣйливаго текста необходимо было вдумываться въ происхожденіе каждого иностраннаго слова. Однообразіе и ирравильность орфографіи, весьма желательныя для облегченія читателя и представляющія главнѣйшую задачу археографа, требуютъ, какъ извѣстно, особой осторожности въ своемъ примѣненіи, чтобы не нанести ущерба колориту языка, свойственному каждой эпохѣ. Вотъ поэтому мы встрѣчаемъ на страницахъ этой книги различное начертаніе одного и того же слова. Впрочемъ, относительно словъ иностранныхъ — изъ нѣсколькихъ начертаній, какъ видно, выбиралось то которое казалось болѣе правильнымъ.

Въ концѣ книги помѣщены: Алфавитный указатель личныя яменъ, съ необходимыми объясненіями и біографическими данными, нѣсколько страницъ примѣчаній и перечень словъ: а) областныхъ или древнерусскихъ, нивѣ вышедшихъ изъ употребленія, б) тѣхъ иностранныхъ, отъ которыхъ языкъ свободенъ въ настоящее время, или которыя произносятся иначе, и в) географическихъ терминовъ, своеобразно звучавшихъ въ языкѣ Петровскаго времени.

Съ внѣшней стороны книга издача изящно: на хорошей бумагѣ и четкимъ шрифтомъ.

К. А. Ивановъ. Средневѣковый замокъ и его обитатели въ эпоху процвѣтанія рыцарства. Съ рисунками. Изданіе «Учебнаго магазина». Спб. 1894 г. 80 стр. Цѣна 50 к.

Наиболѣе характерной эпохою въ исторіи рыцарства, какъ извѣстно, являются XII—XIII в.в., — какъ періодъ его процвѣтанія.

Нигдѣ рыцарство не выразилось въ такой полной и яркой формѣ, какъ во Франціи.

К. А. Ивановъ взялъ на себя не легкую задачу изобразить въ небольшихъ и болѣе или менѣе интересныя очеркахъ бытъ средневѣковаго общества. Съ этою цѣлю авторъ сгруппировалъ весь обширный матеріалъ по этому вопросу въ нѣсколько отдѣловъ: средневѣковый замокъ, средневѣковый городъ, средневѣковый монастырь, деревня и др.

Книга, заглавіе которой приведено нами выше, — знакомить насъ съ средневѣковымъ замкомъ и его обитателями. Начинаетъ авторъ свое изложеніе съ описанія внѣшняго вида замка. „При всемъ несходствѣ, существующемъ между ними (замками), — замѣчаетъ, между прочимъ, К. А. Ивановъ, — не трудно найти и черты сходима, не трудно въ первоначальномъ замкѣ увидѣть намекъ на позднѣйшія сооруженія“. Сказавъ о посвященіи въ рыцарство, авторъ переходитъ къ описанію внутренности замка, затѣмъ изображаетъ картину пира. Далѣе описывается оота на кабана, рыцарское вооруженіе (оружіе наступательное и оборонительное).

Послѣ описанія вооруженія, вполнѣ естественно перейти къ примѣненію оружія, — такъ и дѣлаетъ авторъ: онъ описываетъ турниръ и судебные поединки (которые были распространены не только среди рыцарей, но и среди городского населенія). „Кромѣ личной борьбы, на судебныхъ поединкахъ допускалось еще выставять за себя бойца“. Такимъ правомъ пользовались женщины, духовныя лица, больные люди, наконецъ, — лица, имѣвшія менѣе 21 года и болѣе 60 лѣтъ отъ роду“.

Ознакомивъ читателя съ привычками и образомъ жизни обитателей замка, а также и съ духовною стороною, — авторъ въ заключеніи, между прочимъ, говоритъ: „тогдашніе обитатели замковъ заключали въ себѣ смѣсь достоинствъ съ недостатками. Такъ, напр., обитатель средневѣковаго замка былъ отваженъ и въ то же время суевѣренъ, а слѣдовательно и нугавъ; онъ горячо вѣровалъ, сомнѣніе еще не коснулось его, а между тѣмъ въ любое время онъ не прочь былъ сопоставить требованія вѣры съ предѣлами настоящей жизни и отдать предпочтеніе послѣднимъ; клялся исполнять идеальныя требованія рыцарства и въ то же время былъ способенъ на самыя жестокия, самыя несправедливыя поступки“.

Въ общемъ, — работа г. Иванова отличается строгой систематичностью: каждая глава, сама собою, вытекаетъ изъ предыдущей. По внѣшности книга издача изящно; только не высока ли назначенная для книги цѣна — 50 коп.?

Н. Н-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА
 1894 г.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портре-
 тами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **ГОРОДСКИХЪ** подписчиковъ: въ С.-Петер-
 бургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка д. № 145, въ книжномъ ма-
 газинѣ **А. О. ЦИЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К°). Невскій просп.,
 д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ:
Н. П. Карбасникова (Моговая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова**
 (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книж.
 магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный
 дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова**
 (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ,
 въ Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и
 разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, пре-
 имущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ
 біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ,
 ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художни-
 ковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка,
 автобіографія, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. От-
 зывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и пре-
 данія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго обще-
 ства прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1876 г., второе изд. (40 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1877 г., 12 книгъ (22 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1878 г., 12 книгъ (20 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1879 г., второе изд. (3 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1880 г., 12 книгъ (40 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1881 г., 12 кн., изд. второе (14 экз.),	съ портр.,	9 руб.
«Русская Старина»	1884 г., 12 книгъ (40 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1885 г., 12 книгъ (32 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1886 г., 12 книгъ (3 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1888 г., 12 книгъ (41 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1889 г., двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1890 г., двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1891 г., 12 книгъ (30 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1892 и 1893 гг., 12 книгъ,	съ портретами,	9 руб.

Редакторъ-издатель: **С. Зыковъ**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXV-й.

АВГУСТЪ.

1894 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. За полстолѣтія. 1841 — 1892. Воспоминанія о пережитомъ. Доктора А. И. Ильинскаго. Часть третья (1864 — 1892). Гл. IX—X. 1—53	VII. Изъ воспоминаній о крымской войнѣ. Н. Богдановскаго. 187—198
II. Зачати единотрія на Уралѣ. П. Л. Юдина. 54—83	VIII. Польскіе повстанцы 1863 года въ Оренбургскомъ краѣ (къ исторіи польскаго мятежа 1863 г.). П. Л. Юдина. 194—200
III. Баронъ Николай Александровичъ Корфъ, въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ. IV. М. Л. Песковскаго. 84—96	IX. Матеріалы и замѣтки. I. Кладъ царя Александра Македонскаго. А. Голомбiovскаго. II. Записка трехъ товарищей министровъ императору Александру Первому. Сообщилъ А. М. Квяжевичъ 201—216
IV. Нѣкоторые эпизоды изъ времени воссоединенія униатовъ въ концѣ прошлаго вѣка. В. Храповича. 97—135	X. Обзорніе историческихъ журналовъ и статей. Н. О. Д—ина. 217—286
V. Самозванецъ Янъ-Фаустинъ Луба. Г. Воробьева 136—167	XI. Библиографическій списокъ (на оберткѣ).
VI. За Австрію и противъ нея (изъ военныхъ воспоминаній). В. Назарьева. 168—186	

Принимается подписка на „Русскую Старину“ надъ 1894 г.

Можно получить журналъ за истекшіе годъ, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по средамъ отъ 11 до часа по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъячская. 39.
1894.

VIII-я книжка „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1894 г.

Сочиненія В. Д. Спасовича. Томъ VII.
Судебныя рѣчи (1883—1892). Спб. 1894 г.
320 стр. Цѣна 2 руб.

Въ седьмой томъ вошли рѣчи, произнесенныя В. Д. Спасовичемъ за періодъ времени съ 24-го января 1883 г. по 17-ое марта 1892 г. Начинается этотъ томъ дѣломъ Островлеву, надѣлавшимъ, въ свое время, много шума и въ печати, и въ обществѣ. Сущность этого громкаго дѣла состоитъ въ слѣдующемъ: дочь титулярнаго совѣтника Юлія Всеволожскаго Островлева и крестьянина Антоны Худини была предана суду по обвиненію въ томъ, что въ ночь на 30-ое августа 1881 г. на проѣздѣ дорогѣ между Старой Деревней и Лахтой, по взаимному между собою предварительному уговору, напали на легковаго извозчика Данила Савина съ цѣлю открытаго похищенія его имущества, для чего нанесли ему ранъ на голову какими-то, заранее приготовленными для того, острымъ и тѣлеснымъ орудіемъ; повалили на землю и, нанеся побои, выражали намѣреніе избить Савина до смерти, а затѣмъ сняли съ него платье и похитили вмѣстѣ съ его лошадыю и пролеткою. По показаніямъ Савина и обвиняемыхъ, дѣло было такъ: въ теплую августовскій вечеръ, на углу Большой Садовой и Невскаго стоялъ извозчикъ Савинъ, ожидая сѣдоковъ. Къ нему подошли два сѣдока—мужчина, одѣтый купеческимъ прикащикомъ, и женщина въ тепломъ платьѣ, повязанная платкомъ, и подрядили Савина свезти ихъ въ Троицкому мосту; затѣмъ подрядили его до Старой Деревни, гдѣ хотѣли нанять въ Лахту чухонца. Въ Старой Деревнѣ чухонца не оказалось, и они подрядили того же Савина съ обратнымъ путемъ на Невскій. На пути въ Лахту близъ моста Савинъ получилъ отъ мужчины сильный ударъ по затылку,—ударъ былъ неожиданный,—Савина ослѣпило, — „точно искры появились въ глазахъ“. Получивъ ударъ, онъ струснулъ и прикинулся умершимъ, притаивъ духъ и зажмурилъ глаза. Съ момента, когда Савинъ притворился убитымъ, мужчина возится около него одинъ, распоясываетъ его, снимаетъ армякъ, отаскиваетъ его за ногу отъ дороги къ канавѣ. Произнесла слово „издохъ“, этотъ мужчина самъ нарядился извозчикомъ и ускакалъ, усадивъ въ пролетку женщину. Когда они исчезли, Савинъ кое-какъ добрелъ до Лахты, тамъ переночевалъ, и, послѣ осмотра его ранъ въ полиціи, его усадили на конку и отправили къ его хозяйну—крестьянину Елисѣеву. Елисѣевъ думалъ объявить полицію о случившемся, направивъ на мѣсто сбыта всякихъ лошадей—Конную площадь, когда вдругъ съ нимъ приключился одинъ изъ рѣдкихъ счастливыхъ случаевъ: его лошадь ведетъ цыганъ, кушавшій ее отъ барышника, который заявилъ, что кушилъ ее у Островлеву. Подъ вымыш-

леннымъ предлогомъ Островлеву вызвали въ полицейскій участокъ; она была разговорчива и весела, но, когда на дворѣ участка увидѣла лошадей и возгвѣ нея раненаго Савина, то растерялась, заплакала и сказала: „я пропаду“; общала Савину и деньги на лѣченіе, и поддержку, просила прощенія за то, что его избилъ, предупредила, что все похищенное дѣло, повела потерпѣвшихъ и полицію въ свое помѣщеніе, гдѣ въ конюшнѣ найдена пролетка Елисѣева, армякъ, дуга и извозничья шляпа. Островлева была тотчасъ же арестована, а ея работникъ, Антоны Худинъ, отысканъ только 3-го сентября за городомъ. Таковъ былъ приступъ къ слѣдствію: обнаруженіе полиціаго и поимка виновныхъ. Разборъ этого дѣла происходилъ въ 1-мъ отдѣленіи С.-Петербургскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, которымъ на разрѣшеніе предложено было пять вопросовъ; на одинъ изъ вопросовъ они не дали никакого отвѣта, а потому были возвращены предсѣдателемъ вновь для совѣщанія, и вторично вынесли вердиктъ, которымъ фактъ приписываемаго подсудимымъ преступленія признали недоказаннымъ, а потому судъ постановилъ: подсудимыхъ Островлеву и Худина признать оправданными. По кассационному протесту прокурора С.-Петербургскаго окружнаго суда, дѣло это разбиралось въ 3-мъ отдѣленіи у оловнаго департамента Правительствующаго Сената, который опредѣлилъ: рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ С.-Петербургскаго окружнаго суда отменить и дѣло передать, для новаго разсмотрѣнія, въ другое отдѣленіе того же суда, а С.-Петербургскому окружному суду, въ составѣ присутствія по этому дѣлу, за неправильныя дѣйствія сдѣлать замѣчаніе. Вторичный разборъ дѣла происходилъ во 2-мъ отдѣленіи суда, который опредѣлилъ: Островлеву признать по суду оправданною, а Худина—лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и отдать въ исправительное арестантское отдѣленіе на два года.

Къ 1884 году относится рѣчь по дѣлу Мельницкихъ и др. въ защиту одного изъ подсудимыхъ, и Сенатъ отменилъ рѣшеніе, кассационный же протестъ прокурора оставилъ безъ послѣдствій, а Московскому окружному суду сдѣлалъ замѣчаніе.

Въ чиншевыхъ дѣлахъ, которыя разсматривались въ гражданскомъ кассационномъ департаментѣ Правительствующаго Сената по кассационной жалобѣ г. Спасовича, онъ высказалъ столь основательныя соображенія, что Сенатъ не только принялъ ихъ при разрѣшеніи этихъ дѣлъ, но они легли въ основаніе всей послѣдующей затѣмъ кассационной практикѣ, измѣнивъ ее въ корнѣ.

Къ 1889 году относятся три рѣчи: 1) по дѣлу о политическихъ административно-ссылныхъ Теселкинѣ, Смирновѣ и Чумаев-

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1894 г.

АВГУСТЪ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39.
1894.

ЗА ПОЛСТОЛѢТІЯ. 1841—1892.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ.

Доктора А. И. Ильинскаго.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(1864—1892).

ГЛАВА IX ¹⁾.

Служба въ Привислянскомъ краѣ. — Ченгеры. — Врачъ Вернеръ. — Осмотръ Кѣлецкаго госпиталѣ — Назначеніе въ Новогеоргіевскъ — Сухозанетъ и Лиденеръ. — Вьггоретъ. — Жуковскій. — Князь Масальскій. — Перемѣны въ медицинскои администраціи. — Цицуриивъ. — Дубовицкій. — Докторъ Шестовъ. — Быковъ.

25-го мая 1864 года я прибылъ изъ Петербурга на службу въ г. Кѣльце, Радомской губерніи, куда я былъ назначенъ главнымъ лѣкаремъ кѣлецкаго военно-временнаго госпиталя. Въ это время польское возстаніе 1861—1863 гг. было еще не вполне окончено, и г. Кѣльце находился на военномъ положеніи. Такъ какъ въ городѣ стояли два полка: одинъ пѣхотной (25 Смоленскій) и одинъ кавалерійскій (драгунскій), съ ихъ штабами, то число войскъ было довольно значительное, особенно для сравнительно-малаго города, каковымъ въ то время былъ Кѣльце, съ своимъ 4 т. населеніемъ. Поэтому, квартиры брались, такъ сказать, съ бою. Мнѣ полагалась квартира отъ города, и я обратился въ магистратъ. Сначала, съ большимъ трудомъ, была мнѣ отведена одна комната въ домѣ ка-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1894 г. июль.

кого-то обывателя. Не успѣлъ я еще распаковать вещей, какъ ко мнѣ явился самъ хозяинъ, съ женою, взрослыми дочерьми и сыномъ. Все это пало предо мною на колѣни, прося очистить квартиру. При всемъ желаніи исполнить просьбу хозяевъ, я не могъ удовлетворить ихъ желанія, такъ что въ противномъ случаѣ мнѣ пришлось бы ночевать на улицѣ. На другой день, хозяева не дали мнѣ воды для самовара, говоря, что они не обязаны снабжать меня водою изъ ихъ собственнаго колодца. Эта прижимка была результатомъ того стѣсненія, которое они на самомъ дѣлѣ испытывали въ своемъ маленькомъ помѣщеніи, а потому я самъ началъ хлопотать объ отводѣ мнѣ другаго помѣщенія. Наконецъ, магистратъ нашелъ возможнымъ отвести мнѣ двѣ большихъ комнаты въ домѣ мѣстнаго кредитнаго общества. Эти двѣ огромныя комнаты были совершенно пусты: въ первой стоялъ огромный, покрытый кожей, столъ, служившій для засѣданій общества, а на стѣнѣ висѣлъ портретъ императора Николая I-го. Другая комната была совершенно пуста. Пришлось временно довольствоваться казенными госпитальными кроватями и госпитальными табуретами, но такъ какъ мебель полагалась мнѣ при квартирѣ, то вскорѣ магистратъ отпустилъ мнѣ 55 рублей на покупку мебели, которой въ городѣ нельзя было купить. Пришлось довольствоваться и этимъ.

Скажу прежде о фізіономіи города.

Кѣльце въ это время былъ еще уѣзднымъ городомъ Радомской губерніи, съ населеніемъ въ 4 т. душъ. Городъ прежде принадлежалъ архіепископу (во времена Рѣчи Посполитой), а потому евреи не могли селиться въ немъ. Когда городъ пересталъ быть архіепископскимъ, еще долго продолжалось упомянутое сейчасъ запрещеніе, которое было отмѣнено въ концѣ 50-хъ годовъ. Само собою разумѣется, что, съ отмѣной запрещенія, населеніе города еврейскимъ элементомъ стало быстро увеличиваться, и городъ принялъ обычный типъ городовъ Царства Польскаго съ смѣшаннымъ населеніемъ.

Кѣльце расположенъ въ живописной мѣстности, прорѣзанной отпрысками Карпатовъ, надвигающихся сюда съ австрійской границы. Растительность здѣсь богатая: гигантскіе каштаны и пирамидальные тополи составляютъ здѣсь главное украшеніе. Городъ

лежить на 860 футовъ выше уровня моря (Балтійскаго), воздухъ чистый, благорастворенный, свойственный умѣреннымъ гористымъ мѣстностямъ. Весна здѣсь начинается весьма рано, а именно въ концѣ февраля. Въ 1865 году, 20-го марта, въ полдень, температура достигала 25° R. Такъ продолжалось около недѣли, а потомъ завернули холода, при значительномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, и продолжались болѣе трехъ недѣль, сопровождаясь дождемъ, а нерѣдко и снѣгомъ. Мѣстное населеніе эти холода несмотря на то, что они зависяютъ отъ мѣстныхъ чисто-теллурическихъ и атмосферическихъ условій, а именно отъ очень высокаго положенія надъ уровнемъ моря, таянія снѣговъ въ Карпатахъ и т. п., приписываетъ вліянію трехъ католическихъ святыхъ: Бонифація, Панкратія и Сервація. Точно такъ же, какъ и случающіеся въ началѣ лѣта продолжительные дожди приписываются опять таки вліянію католическихъ святыхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ семи спящихъ братьевъ (*siedm braci spiacuch*). Лѣто здѣсь стоитъ умѣренное, съ средней температурой + 15° R.; случающіеся лѣтніе жары умѣряются сѣверо-восточными вѣтрами, такъ какъ доступъ южныхъ теплыхъ вѣтровъ затрудняется здѣсь горами (Карпаты и ихъ отпрыски), которыя окаймляютъ Кѣльце съ южной и юго-западной сторонъ, дѣлая городъ вполне открытымъ для вѣтровъ съ сѣверной и сѣверо-восточной сторонъ. Въ Кѣльцахъ существуетъ общественный садъ, съ густою аллеею старыхъ каштановъ, гдѣ собирается мѣстное общество. Городъ построенъ давно, а потому дома не отличаются замысловатой архитектурой. Даже, бывший архіепископскій дворецъ, считающійся лучшимъ зданіемъ въ городѣ, имѣетъ какую-то вычурную, средневѣковую архитектуру. Построенъ онъ въ полуготическомъ стилѣ, съ лѣпными украшеніями снаружи. Фигуры эти, говорятъ, представляютъ русскихъ пословъ (имена ихъ неизвѣстны), пріѣзжавшихъ къ владѣвшему во время оно городомъ архіепископу, съ которыми онъ заключилъ какой-то выгодный для него трактатъ. Внутри дворца имѣется громаднѣйшій залъ, въ которомъ, говорятъ, можетъ обернуться запряженная шестеркой лошадей карета. Стѣны зала расположены и представляются какъ бы увѣшанными въ рамкахъ портретами архіепископовъ, владѣвшихъ городомъ. Боковыя комнаты дворца очень маленькія и не пред-

ставляютъ ничего особеннаго, или сколько-нибудь замѣчательнаго. Противъ дворца находится мѣстный соборный, весьма богатый католическій костелъ. Русской православной церкви въ то время не было (теперь же, кажется, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, построена довольно обширная православная церковь). Другія болѣе или менѣе замѣчательныя зданія въ мое время были: католическая семинарія, зданіе Леонарда и частный домъ Смоленскаго. Магистратъ, какъ во всѣхъ городахъ бывшей Польши, находится на площади, отъ которой идутъ по всѣмъ направленіямъ улицы, не представляющія ничего особеннаго. Въ описываемое время магистратъ былъ занятъ квартирою командующаго войсками Кѣлецкаго, Опатовскаго и Сандоміровскаго уѣздовъ. Зданіе Леонарда было занято военнымъ госпиталемъ, а домъ Смоленскаго канцелярію, квартирами офицеровъ, полковымъ собраніемъ и полковою церковью 25-го пѣхотнаго Смоленскаго полка. Несмотря на то, что православной церкви въ то время не было, лютеранская церковь давно уже существовала въ городѣ, хотя нѣмецкое населеніе города было весьма незначительно.

Въ городѣ все можно было найти. Въ базарные дни (два раза въ недѣлю и наканунѣ большихъ католическихъ праздниковъ, окрестные жители привозили провизію: масло, молоко, сметану, мясо, птицу, яйца, сѣно, овесъ и дрова. Все это въ то время было очень дешево, хотя, какъ говорили тогда, цѣны съ начала возстанія, по мѣрѣ прибытія войскъ, поднялись почти вдвое. Особенно много и дешево продавалось на базарахъ мѣстной съѣдобной птицы, извѣстной подъ названіемъ кви чёл ы. Мѣшокъ этой птицы, содержащій болѣе 100 штукъ, стоилъ, по временамъ, всего 10 золотыхъ (1 р. 50 к.). Въ городѣ было нѣсколько галантерейныхъ и гастрономическихъ магазиновъ, называвшихся склепами (sklep), гдѣ продавались привезенные изъ Варшавы товары, по нѣсколько возвышенной, но довольно умѣренной, цѣнѣ Жизнь въ Кѣльце, въ то время, вообще была не дорога, несмотря на военное положеніе, въ которомъ находился городъ до окончанія польскаго возстанія. Въсто мелкой монеты циркулировали печатныя квитки мѣстныхъ купцовъ и богачей, по 5, 10, 15, 20 грошей, и болѣе крупныя — по 10, 15 и 20 золотыхъ, которые принимались охотно. Причиною

этою былъ недостатокъ въ мелкой размѣнной монетѣ, которая въ большинствѣ ушла въ лагерь повстанцевъ. Вскорѣ, обращеніе упомянутыхъ квитковъ, однако, было воспрещено.

Командующій войсками Кѣлецкаго, Опатовскаго и Сандомирскаго уѣздовъ, генераль-маіоръ Ченгеры, извѣстенъ тѣмъ, что онъ упустилъ диктатора народоваго жонда Лангевича. Ченгеры былъ уже человѣкъ старый, но добрый, человѣкъ съ знаніемъ своего достоинства и напускавшій на себя большую важность. Говорили тогда (насколько это справедливо, не знаю и передаю, какъ слухъ), что шкатулка Лансевича (бѣжавшаго въ Австрію) досталась въ руки Ченгеры и, несмотря на то, что заключала важные документы, не была препровождена по принадлежности. Насколько все это справедливо, не берусь судить, но не умалчиваю потому, что тогда слухи эти и въ войскахъ, и въ обществѣ сильно были распространены. Говорили даже, что Ченгеры неоднократно былъ по поводу этого вызываемъ въ Петербургъ. Дѣйствительно, во время моего короткаго пребыванія въ Кѣльце (въ теченіе 1¹/₄ года) онъ два раза ѣздилъ въ Варшаву и въ Петербургъ оправдываться, будто бы, вслѣдствіе сдѣланныхъ на него доносовъ, но такъ какъ, дескать, не было явныхъ уликъ, то дѣло было прекращено. Очень можетъ быть, что все это были только сплетни и выдумки лицъ, не расположенныхъ къ Ченгеры, но, во всякомъ случаѣ, не считаю себя въ правѣ умолчать о такихъ слухахъ, которые, легко можетъ быть, исходили отъ лицъ, считавшихъ себя обдѣленными, обиженными, обойденными наградами и т. п., а все это въ военное время случается нерѣдко. Какъ бы то ни было, однако, необходимо придти къ заключенію, что, при встрѣчѣ съ Лангевичемъ командуемыхъ генераломъ Ченгеры войскъ, были допущены не маловажныя ошибки, результатомъ которыхъ было бѣгство Лангевича, поведшее къ преувеличеннымъ рассказамъ и догадкамъ о дѣйствіяхъ Ченгеры, которые подхватывала и распространяла съ жадностью стоустая молва разноплеменнаго населенія города.

Вотъ этому-то генералу, какъ командующему войсками, представился я по прибытіи моемъ въ Кѣльце.

Онъ принялъ меня хорошо и сказалъ мнѣ, что въ госпиталѣ

большіе безпорядки, а потому онъ нашель нужнымъ назначить подполковника Карпинскаго для надзора за госпиталемъ, особенно же за продовольствіемъ больныхъ, съ тѣмъ, чтобы Карпинскій докладывавалъ ему ежедневно о состояніи госпиталя.

— Теперь, въ виду вашего прибытія, я отмѣню это распоряженіе и надѣюсь, что вы обратите должное вниманіе на порядокъ въ госпиталѣ, сказалъ генераль.

Я поблагодарилъ генерала за довѣріе и увѣрилъ его, что приму всѣ мѣры къ тому, чтобы госпиталь во всѣхъ отношеніяхъ соответствовалъ своему назначенію.

Роспростившись съ генераломъ, я отправился прямо въ госпиталь. Бывшій до меня и. д. главнаго врача, Вернеръ, заявилъ мнѣ, что просить меня обождать съ пріемомъ госпиталя и со вступленіемъ въ должность до 5-го іюня.

Не видя никакой законной причины къ такому замедленію въ пріемѣ мною госпиталя, я сказалъ ему:

— Нахожу ваше желаніе довольно страннымъ и даже противузаконнымъ... Я прибылъ къ мѣсту моего служенія и долженъ немедленно вступить въ должность, а иначе: что же я буду здѣсь дѣлать? Притомъ я долженъ донести начальству о прибытіи моемъ и о вступленіи въ должность...

— Какъ вамъ угодно, отвѣтилъ Вернеръ, а сдать госпиталь теперь я не могу.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ канцеляріи и отправился визитировать больныхъ госпиталя, какъ главный врачъ.

Подумавъ немного и не желая дѣлать неприятностей моему коллегѣ, донесеніемъ о такомъ требованіи его, что могло бы ему очень повредить, я потребовалъ книгу приказовъ по госпиталю и собственноручно написалъ приказъ о моемъ прибытіи въ госпиталь и о вступленіи въ должность главнаго врача. Затѣмъ я приказалъ нести книгу по госпиталю, съ тѣмъ, чтобы ординаторы прочли приказъ и росписались въ чтеніи его. Кромѣ того, я приказалъ отнести книгу съ приказомъ для прочтенія и къ Вернеру. Последній, послѣ прочтенія приказа, явился въ госпиталь съ весьма недовольнымъ расположеніемъ духа и приступилъ къ сдачѣ. Вслѣдствіе этого, съ первыхъ же дней, между мною и имъ возникли

недоразумѣнія, но я не обращалъ вниманія на то, что онъ пересталъ мнѣ кланяться при встрѣчѣ. Вскорѣ его откомандировали въ другое мѣсто.

Кѣлецкій военно-временный госпиталь, какъ уже сказано, въ то время помѣщался въ зданіи Леонарда, совершенно не приспособленномъ для госпитального помѣщенія. Часть больныхъ помѣщалась въ частныхъ домахъ. Никакихъ приспособленій для вентиляціи палатъ, для водоснабженія, для заразныхъ больныхъ, для производства операций и т. п. не было. Нижній этажъ зданія и корридоры были, вмѣсто пола, вымощены булыжнымъ камнемъ. Кухня была маленькая, плохо устроенная и вымощена булыжникомъ. Вступивъ въ управленіе госпиталемъ, я сдѣлалъ все, что могъ, для улучшенія помѣщенія и при пособіи начальника госпиталя впоследствии генерала Шульмана (тогда онъ былъ полковникомъ и командиромъ 25-го пѣхотнаго Смоленскаго полка), отъ магистрата былъ вытребованъ довольно порядочный ремонтъ. Медицинскую часть госпиталя я также улучшилъ, сколько было возможно. Въ госпиталѣ стали производиться большія операціи и ввелся мало-по-малу порядокъ, составляющій принадлежность каждаго благоустроеннаго заведенія для лѣченія и призрѣнія больныхъ. Въ концѣ лѣта 1864 года госпиталь былъ осматриваемъ командированнымъ по Высочайшему повелѣнію генераль-адъютантомъ барономъ Врангелемъ, котораго сопровождалъ начальникъ мѣстныхъ войскъ Варшавскаго военнаго округа, генераль-маіоръ Василій Львовичъ Соболевскій. Хотя госпиталь былъ приведенъ мною въ короткое время въ весьма приличный видъ, но, тѣмъ не менѣе, были прорѣхи, и потому осмотръ генерала Врангеля кончился не совсѣмъ благополучно. Сначала осмотръ госпиталя шелъ весьма хорошо. Въ палатахъ все было найдено въ порядкѣ, и больные на вопросы генерала не заявили никакихъ претензій. Перешли въ кухню, для пробы пищи. Видъ кухни и ея булыжная мостовая поразили генерала. Пища оказалась недурною, но оставлявшею желать лучшаго. На это было представлено объясненіе, что мяса черкасскихъ воловъ въ городѣ нѣтъ, а потому приходится довольствоваться туземнымъ. Хлѣбъ, по мнѣнію генерала, не хорошо выпеченъ и имѣетъ закалъ. Привели, было, въ оправданіе, что печь

для хлѣба выстроена дурно, но генераль не принялъ этого оправданія и записалъ въ памятную книжку о дурномъ качествѣ хлѣба. Направились въ покой для мертвыхъ тѣлъ. Генераль Врангель только заглянулъ въ этотъ покой и сказалъ:

— Вотъ и здѣсь безпорядокъ! Нѣтъ лампадки предъ образомъ, а лампадка въ покой для мертвыхъ тѣлъ должна быть не угасима я... Это безпорядокъ и дурной примѣръ со стороны госпитальнаго начальства, которое, какъ видно, вовсе не заботится о поддержаніи религіознаго чувства въ больныхъ... Да и какъ могутъ нижніе чины быть усердными къ службѣ, если видятъ, что послѣ смерти ихъ даже лампадки не теплятъ въ покой для мертвыхъ тѣлъ?.. Да, господа, это не хорошо! Пусть солдатъ видить, что о немъ заботятся не только тогда, когда онъ намъ нуженъ живой, но и тогда, когда онъ умеръ...

— Ваше высокопревосходительство! сказалъ я, позвольте доложить, что теплить лампадку въ покой для мертвыхъ тѣлъ не полагается по госпитальному уставу...

— Вы хотите сказать, замѣтилъ генераль, что я не знаю госпитальнаго устава?

— Я не сказалъ этого ваше высокопревосходительство! былъ мой отвѣтъ.

— Идемте дальше, сказалъ генераль, который, какъ видно былъ недоволенъ моимъ заявленіемъ.

Направились въ частный домъ, гдѣ помѣщалась часть больныхъ. Отхожее мѣсто было здѣсь дурное, тѣсное и зловонное.

— Почему вы не обратили на это должнаго вниманія? спросилъ меня генераль и добавилъ: это часть чисто медицинская...

Я отвѣтилъ, что нѣсколько разъ писалъ въ магистратъ, но онъ не принимаетъ мѣръ...

— Допустимъ, сказалъ генераль, что вы на войнѣ и завѣдуете военно-временнымъ госпиталемъ... Отхожаго мѣста вовсе нѣтъ... Что вы будете дѣлать?

— Я приказалъ бы вырыть яму для отхожаго мѣста,—въ отдаленіи отъ госпиталя...

— Почему же вы не сдѣлали этого здѣсь?

— Здѣсь, ваше высокопревосходительство, городъ, и это не зависитъ отъ меня...

— Такъ требуйте, настаивайте... Дитя не плачетъ — мать не разумѣетъ... Довольно, сказалъ генераль и направился къ экипажу.

Я направился за генераломъ и, когда онъ сидѣлъ уже въ коляскѣ, спросилъ его: «какъ прикажетъ онъ донести объ осмотрѣ?» (госпитали обязаны доносить объ осмотрѣ военному и медицинскому начальству).

— Нечего грѣха таить, сказалъ генераль и продолжалъ: такъ и донесите, что все: мерзко, скверно и гадко! Хлѣбъ сырой, наваръ супа слабый, покой для мертвыхъ тѣлъ въ безпорядкѣ, отхожія мѣста зловонны. Затѣмъ, генераль уѣхалъ.

Признаюсь, что такое заявленіе ревизора было весьма непріятно. Тутъ я увидѣлъ, какъ много еще нужно сдѣлать для того, чтобы госпиталь представлялся въ благообразномъ видѣ, и какъ нужно быть осторожнымъ въ отвѣтахъ начальству, или, лучше сказать, вовсе не отвѣчать. Было очевидно, что мое заявленіе о томъ, что для покоя, гдѣ помѣщались умершіе, не полагается лампадки по уставу, очень дурно повліяло на расположеніе духа генерала. Да и всѣ чины госпиталя, во главѣ съ полковникомъ Шульманомъ, повѣсили, какъ говорится, носы.

Однако дѣлать было нечего: я донесъ генераль-штабъ-доктору Агафонову о томъ, какъ отзывался генераль Врангель о госпиталѣ, и ждалъ, конечно, или взысканія или выговора. Каково же было мое удивленіе, когда на донесеніе мое получился отвѣтъ: «По докладу его сіятельству главнокомандующему (графу Бергу), его сіятельство приказать изволилъ: препроводить въ госпиталь наставленіе хозяйственнымъ чинамъ для правильнаго и цѣлесообразнаго печенія хлѣба». На остальные пункты заявленія Врангеля приказано было обратить должное вниманіе и устранить безпорядки, а о лампадкѣ, въ покоѣ для мертвыхъ тѣлъ, вовсе не упоминалось.

Вскорѣ послѣ приѣзда моего въ Кѣльце, у меня появилась довольно хорошая практика, но жизнь въ маленькомъ городкѣ, на окраинахъ Царства Польскаго, въ городкѣ, который не имѣлъ даже хорошаго сообщенія съ Варшавой, необходимость плыть по теченію

того общества, которое тогда населяло г. Кѣльце и гдѣ большая часть времени убивалась на карточную игру и другія, тому подобныя, забавы, и главное, совершенный недостатокъ умственной и духовной пищи, и даже тоска по родинѣ, — скоро вынудили меня хлопотать о переводѣ на службу въ одинъ изъ русскихъ городовъ. На просьбу мою я получилъ отъ директора военно-медицинскаго департамента *Θ. С. Цыцурина* далеко не благопріятный отвѣтъ, гласившій, что: «я еще такъ недавно получилъ высшее и почетное назначеніе, между тѣмъ, какъ другіе, бывшіе со мною за границей, врачи по сіе время лишены такого назначенія, а потому желаніе мое не можетъ быть удовлетворено въ настоящее время».

Оставалось терпѣливо выжидать.

Почти въ это же самое время прѣхалъ осматривать госпиталь генераль-штабъ-докторъ *Иванъ Панкратьевичъ Агафоновъ*.

Осмотрѣвъ госпиталь, онъ нашелъ его въ полномъ порядкѣ какъ по медицинской, такъ и по хозяйственной частямъ.

Каково же было мое удивленіе, когда, прощаясь со мною, онъ предложилъ мнѣ занять мѣсто помощника главнаго доктора въ госпиталѣ *Александровской* цидатели, въ *Варшавѣ* (мѣсто равное главному врачу *Кѣлецкаго* госпиталя). Конечно, я, какъ желавшій уѣхать изъ *Кѣльцъ*, согласился на его предложеніе. По крайней мѣрѣ приходилось жить въ большемъ городѣ, гдѣ могъ удобнѣе устроиться, имѣть болѣе случаевъ къ общенію съ врачами и начать воспитаніе моихъ, уже значительно подросшихъ, дѣтей.

Однако, на сдѣланное *И. П. Агафоновымъ* предложеніе, изъ медицинскаго департамента, несмотря на то, что я, вмѣстѣ съ представленіемъ, самъ поѣхалъ въ *Петербургъ*, долго не получалось никакого отвѣта.

Въ бытность мою въ *Петербургѣ*, директоръ департамента *Θ. С. Цыцуринъ* обнадѣжилъ меня, что я буду назначенъ въ *Варшаву*, и я спокойно возвратился въ *Кѣльце* и ждалъ приказа. Прошло двѣ, три недѣли и мѣсяць, а назначенія нѣтъ и нѣтъ. Я посылаю телеграмму и жду отвѣта, наступившую ночь провожу тревожно и предъ утромъ вижу во снѣ, что получилъ отвѣтъ на телеграмму, которая гласитъ, что «я не буду назначенъ въ *Александровскій* госпиталь, а что туда назначенъ д-ръ *Деньковскій*». Сно-

видѣніе не успѣло еще окончиться, какъ меня будятъ и вручаютъ телеграмму. Она гласила слово въ слово то, что я прочелъ въ телеграммѣ во время сновидѣнія. Противъ невозможности плыть нельзя, подумалъ я, и смирился съ мыслью, что долженъ остаться въ Къльце. Между тѣмъ я былъ обрадованъ письмомъ ко мнѣ И. П. Агафонова, въ которомъ онъ выражалъ свое сожалѣніе по поводу неуспѣшности его представленія о моемъ новомъ назначеніи. Это письмо утѣшило меня и возбудило опять надежду, что я останусь недолго въ Къльце.

Наступила страстная недѣля 1865 года. Въ среду на этой недѣлѣ я вдругъ получилъ телеграмму отъ директора департамента Ѳ. С. Цыцурина, въ которой онъ предложилъ мнѣ занять мѣсто главнаго доктора въ Симферопольскомъ (3 класса) госпиталѣ — мѣсто, выше занимаемаго мною въ Къльце. Такимъ образомъ желаніе мое служить въ русскомъ городѣ исполнялось; служба въ Крыму, на югѣ Россіи, привлекала меня и обѣщала много хорошаго во всѣхъ отношеніяхъ, а потому я отвѣчалъ на телеграмму, что принимаю съ благодарностью предложенное мѣсто.

Между тѣмъ я отправился въ Варшаву и представился И. П. Агафонову, которому доложилъ о полученной мною телеграммѣ и объ изъявленномъ мною согласіи на назначеніе меня въ Симферопольскій госпиталь.

— Я васъ не пущу туда, сказалъ Иванъ Панкратьевичъ, потому, что я имѣю для васъ мѣсто здѣсь: въ крѣпости Новогеоргіевскѣ открывается мѣсто главнаго доктора, въ маѣ мѣсяцѣ, и я предлагаю вамъ это мѣсто.

— Но какъ же будетъ, ваше превосходительство, я даль согласіе ѣхать въ Симферополь. Если отказать — потерю это мѣсто и можетъ случиться, что опять и въ Новогеоргіевскѣ назначать другога?

— Нѣтъ! этого не случится: я докладывалъ уже графу Бергу, и онъ согласенъ на ваше назначеніе... Я пошлю представленіе въ департаментъ вмѣстѣ съ его резолюціей по этому предмету, и теперь тамъ уже не переимѣнятъ вашего назначенія.

Я поблагодарилъ И. П. Агафонова за вниманіе и возвратился въ Къльце.

Въ іюнѣ 1865 года я былъ назначенъ главнымъ докторомъ Новогеоргіевскаго военнаго госпиталя (3 класса) и въ половинѣ августа отправился къ новому мѣсту службы. Новогеоргіевскій военный госпиталь (3 класса, на 600 челов.) построенъ по барачной системѣ и помѣщается въ большой крѣпости. Предмѣстникъ мой, главный докторъ Шлегель, выѣхалъ изъ крѣпости прежде моего пріѣзда, сдавъ госпиталь помощнику своему Алышевскому, отъ котораго я и принялъ госпиталь. Шлегель не былъ любимъ въ госпиталѣ, потому что принадлежалъ къ довольно устарѣвшимъ врачамъ и съ врачами обходился грубо и деспотично. Онъ былъ эгоистомъ въ полномъ смыслѣ слова, а потому врачи госпиталя не испытывали ничего, кромѣ тяготы службы и не видѣли никакихъ поощреній. Недовольство Шлегелемъ было полное и общее. Однако, Шлегель, несмотря на все это, былъ весьма ловкимъ и увертливымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это было нужно. Смотрителемъ госпиталя при Шлегелѣ, и въ мое время, былъ старый полковникъ Линденеръ, о которомъ нельзя умолчать, потому что это былъ въ своемъ родѣ весьма замѣчательный человекъ. Прежде онъ былъ смотрителемъ 2-го С.-Петербургскаго сухопутнаго госпиталя. Однажды военный министръ Сухозанетъ посѣтилъ упомянутый госпиталь и нашелъ безпорядки, вслѣдствіе чего переименовалъ Линденера въ Варшаву, смотрителемъ Александровскаго госпиталя въ цитадели. Во время возстанія въ Польшѣ, когда Сухозанетъ одно время исполнялъ обязанности намѣстника, случилось ему посѣтить Александровскій госпиталь, гдѣ онъ и встрѣтилъ Линденера, извѣстнаго ему по безпорядкамъ во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ, вслѣдствіе чего Сухозанетъ особенно недолюбливалъ Линденера. Къ несчастію послѣдняго, въ Александровскомъ госпиталѣ Сухозанетъ нашелъ также безпорядки и перевелъ Линденера смотрителемъ въ Новогеоргіевскій госпиталь. Старожилы-ординаторы послѣдняго госпиталя рассказывали мнѣ, что однажды Сухозанетъ пріѣхалъ въ Новогеоргіевскъ. Посѣтивъ госпиталь и принявъ рапортъ отъ Линденера, онъ сказалъ:

— Ба! Линденеръ, опять ты здѣсь!... Странное дѣло: куда и въ какой госпиталь ни пріѣду, Линденеръ меня преслѣдуетъ... Ну, посмотрю, посмотрю, каковъ здѣшній госпиталь!... Затѣмъ, начался

осмотръ госпиталя, и наконецъ Сухозанеть отправился на кухню пробовать пищу больныхъ. Его сопровождали главный докторъ Шлегель, смотритель Линденеръ и всѣ ординаторы. Отвѣдавъ супъ, Сухозанеть нашель наваръ въ немъ слабымъ.

— Супъ безъ навару, сказалъ онъ грозно и взглянулъ на Линденера.

Главный докторъ Шлегель при этомъ, защищая и самого себя (онъ также былъ отвѣтственнымъ лицомъ за пищу больныхъ), замѣтилъ:

— Имѣю честь доложить вашему высокопревосходительству, что наваръ супа не можетъ быть крѣпкимъ, потому что съ супа снимается жиръ для каши 1-й ординарной порціи, который раздается больнымъ вмѣсто масла, не положеннаго по табели.

— Прекрасно! возразилъ Сухозанеть и продолжалъ: и въ Уяздовскомъ госпиталѣ, и въ петербургскихъ госпиталяхъ, и всюду снимаютъ жиръ для каши, но супъ вездѣ лучше, чѣмъ здѣсь... На это должны быть другія причины...

При этихъ словахъ Сухозанеть опять грозно сверкнулъ очами и посмотрѣлъ на Линденера, какъ бы давая ему понять, что дурной наваръ супа зависитъ отъ него.

Наступило безмолвіе. Линденеръ измѣнился въ лицѣ, предвидя, что его опять могутъ смѣстить и съ этого мѣста, но Шлегель, также опасаясь отвѣтственности, вдругъ заявилъ:

— Наваръ супа, ваше высокопревосходительство, и потому еще не можетъ быть крѣпкимъ, что вмѣстѣ съ жиромъ снимается и осмазомъ.

— Осмазомъ! сказалъ Сухозанеть... Это еще что такое? Бъ первый разъ слышу! Осмазомъ!

Обратившись къ своему адъютанту, генералъ опять сказалъ:

— Запишите: осмазомъ!... Справлюсь!... Увижу, что это за осмазомъ...

Всѣ молчали. Шлегель былъ доволенъ, что озадачилъ Сухозанета...

Между ординаторами былъ слышанъ легкій говоръ, перемѣшанный съ тихимъ смѣхомъ.

Сухозанеть, обращаясь къ Шлегелю, опять заговорилъ:

— Какъ вы сказали? оставомъ?

— Осмазомъ, ваше высокопревосходительство, отвѣчалъ Шлегель.

— Осмазомъ! повторилъ Сухозанетъ... Прекрасно! Осмазомъ! Да, вѣдь, если онъ дѣйствительно снимается съ жиромъ, то и въ другихъ госпиталяхъ его снимаютъ. а супъ тамъ лучше!.. Справлюсь!.. Увижу!..

Загѣмъ, обратившись къ Линденеру, Сухозанетъ сказалъ въ заключеніе:

— Ну, счастливъ ты, Линденерь!.. На этотъ разъ я не нашель ничего такого!.. Наваръ супа долженъ быть лучше!.. Но помни, что надъ тобою виситъ Дамокловъ мечъ!

Теперь, въ дополненіе къ сказанному, необходимо сдѣлать полную характеристику Линденера.

Это былъ старый полковникъ, перешедшій изъ военной службы въ комиссаріатское вѣдомство и усвоившій всѣ старыя порядки комиссаріата. Онъ отличался, между прочимъ, слѣдующими выдающимися качествами: 1) лгалъ немилосердно; 2) былъ страстный охотникъ до картежной игры и 3) любилъ выпить и покушать хорошо. Ложь Линденера не имѣла границъ. Такимъ образомъ, онъ рассказывалъ мнѣ, что дѣдъ его былъ заслуженный генералъ, который, въ царствованіе императора Павла I, командовалъ линденерскимъ полкомъ (тогда полки назывались по фамиліи командира ихъ), что когда онъ, въ преклонныхъ уже лѣтахъ, вышелъ въ отставку, то поселился въ Берлинѣ, потому что прусскій король чрезвычайно любилъ его и просилъ переѣхать въ Берлинъ, съ тѣмъ, чтобы онъ помогалъ ему пещись о благоустройствѣ прусской арміи. Вслѣдствіе этого, дѣдушка Линденера бывалъ на всѣхъ смотрахъ и парадахъ прусскихъ войскъ, а такъ какъ они дѣлались по утрамъ и очень рано, то, чтобы генералъ не могъ проспять назначенное время, король подарилъ ему кровать, въ которой былъ скрытъ будильникъ. звонившій въ извѣстный часъ утра; кровать же была устроена такъ, что генералъ не только просыпался въ извѣстный часъ отъ звона будильника, но посредствомъ особаго механизма, скрытаго въ кровати, можно было сдѣлать, подавявъ извѣстную пружину, что кровать садилась его и сдвигала съ себя его

ноги, такъ что, волей-неволей, онъ долженъ былъ начать одѣваться. Будто-бы эта кровать стоила 200 т. талеровъ! Другая небылца, которую рассказывалъ Линденеръ всѣмъ и каждому, состояла въ томъ, что онъ, будучи еще молодымъ офицеромъ, участвовалъ въ представленіи государю императору Николаю Павловичу икры, привезенной съ Урала, что государь полюбопытствовалъ узнать—откуда взялся обычай подносить ему икру съ Урала? и что поручилъ Линденеру разработать исторически этотъ вопросъ. Линденеръ, будто-бы, рылся съ архивахъ и составилъ подробную записку объ этомъ предметѣ. Представивъ ее государю, будто-бы, онъ получилъ въ награду брильянтовый перстень. Въ послужномъ спискѣ его, однако, не значилось этой награды. Поѣхавъ однажды въ отпускъ въ Петербургъ, уже въ то время, когда я служилъ въ Новогеоргіевскѣ, Линденеръ, по возвращеніи, рассказывалъ мнѣ и всѣмъ, кто имѣлъ охоту его слушать, что онъ, будучи въ Петербургѣ, опять участвовалъ въ представленіи доставленной съ Урала икры государю Александру Николаевичу, которому и представилъ записку объ этомъ предметѣ, составленную имъ еще для императора Николая I, но будто бы императоръ Александръ Николаевичъ пожелалъ, чтобы эта историческая записка была подробнѣе разработана, и поэтому Линденеръ опять рылся въ архивахъ и составилъ другую записку и т. п.

Все это говорилось, не моргнувъ глазомъ, и выдавалось за чистую монету, такъ что и самъ Линденеръ, кажется, вѣрилъ самому себѣ.

Линденеръ корчилъ изъ себя знатока госпитальной части и всѣхъ военныхъ постановленій, а если случалось его спрашивать о чемъ-нибудь, то, сдѣлавъ важную мину, онъ говорилъ:

— Вы найдете это въ такой-то статьѣ свода военныхъ постановленій II ч., II книги, и въ примѣчаніи такомъ-то къ этой статьѣ, по 3-му продолженію.

Вы принимаете это за правду и ищете означенную Линденеромъ статью... Однако, къ изумленію вашему, находите, что указанная статья, вмѣсто госпиталя, относится къ какому-нибудь другому предмету и что о госпиталѣ въ ней даже и помину нѣтъ!

Линденеръ очень любилъ писать проекты объ улучшеніи госпитальной части. При этомъ онъ сидѣлъ важно въ канцеляріи госпи-

таля, обыкновенно съ пенсне на носу и безъ конца писалъ что-то. Нужно было имѣть терпѣніе прочесть эту галиматью, занимавшую 3 — 4 листа убористаго письма, но заключавшую въ себѣ съ начала до конца одинъ періодъ, безъ знаковъ препинанія и безъ всякаго смысла. Однажды возникъ вопросъ объ устройствѣ при госпиталѣ паровой прачешной. Линденеръ взялся написать проектъ и потомъ передалъ его мнѣ для прочтенія. Въ виду образцовой галиматѣи я тогда же списалъ его произведеніе, изъ котораго привожу здѣсь нѣсколько словъ, сохраняя орфографію Линденера: «Прачешныя военныхъ гошпиталей и стирка бѣлья подрядчиками до сихъ поръ были пользуемы незавидной репутаціей въ виду многосложности стирки бѣлья съ различными мыльными и другими приспособленіями стесняемыми зловоніемъ извѣрженій преимущественно тифозныхъ и вереническихъ больныхъ и пропитанною извѣрженіями соломою тюфяковъ сообщающая и воздуху прачешныхъ тяжелую обремененную гнилымъ запахомъ атмосферу которая вредно дѣйствуетъ и на высушиваемое бѣлье пропитывается промзглымъ запахомъ съ мыльнымъ отзывомъ что приписывается дурному гошпитальному хозяйству и недосмотру смотрителей госпиталя вовсе невиновныхъ въ означенной промзглости бѣлья и сопряженной съ нею порчи вентиляціи въ палатахъ»... и т. д.

Приведенныхъ строкъ, полагаю, достаточно, чтобы показать — какъ писалъ проекты Линденеръ объ улучшеніи госпитальной части.

Карточная игра была любимѣйшимъ занятіемъ Линденера. Онъ готовъ былъ играть въ карты въ каждое время дня и ночи, и для него было безразлично въ какую игру: въ проферансъ, въ винтъ, во всѣ азартныя игры онъ представлялъ изъ себя великаго мастера дѣла. Многіе, труня надъ нимъ, сожалѣли, что въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не имѣется кафедръ картологіи, но если бы такая имѣлась, то онъ по праву могъ бы занять ее. Необходимо замѣтить здѣсь, что искусство его играть въ карты было такъ поразительно, что онъ всегда оставался въ выигрышѣ.

Вѣроисповѣданія Линденеръ былъ лютеранскаго, но въ лютеранскую церковь онъ ходилъ одинъ разъ въ годъ, для причащенія. Въ остальное время года онъ не пропускалъ ни одной службы въ православной церкви, гдѣ молился усерднѣе и прилежнѣе всякаго

православнаго, стоя часто на колѣняхъ и кладя усердные земные поклоны. Онъ зналъ всѣ молитвы православной церкви и любилъ пѣть на клиросѣ и читалъ за псаломщика, причемъ, не зная славянскаго языка и употребляемыхъ въ немъ титловъ, произносилъ слова такъ, какъ они написаны, на примѣръ, вмѣсто «Господи», читалъ Гди, и т. п. Вообще это былъ странный человѣкъ: полулютеранинъ, полуправославный, самообольщенный познаніями въ госпитальной части и въ отношеніи узаконеній и не знавшій ни той, ни другихъ, никогда не говорившій правды и не выработавшій себѣ никакихъ прочныхъ основъ ни въ жизни, ни въ своей служебной дѣятельности. И вотъ, съ этимъ человѣкомъ приходилось служить и наружно ладить, хотя зачастую это рѣшительно было невозможно.

Начальникомъ госпиталя былъ Александръ Петровичъ Викгорсть, командиръ крѣпостной артиллеріи. Это былъ очень умный, но въ высшей степени безхарактерный человѣкъ, бонвиванъ въ полномъ смыслѣ слова, отличавшійся въ высшей степени тѣмъ качествомъ, которое слыветъ въ обществѣ подъ названіемъ широкій натуръ. Впрочемъ, въ немъ было много хорошихъ сторонъ и, что касается госпиталя, онъ не можетъ быть помянутъ ничѣмъ дурнымъ. Впослѣдствіи Викгорсть перешелъ на службу по интендантству и кончилъ свою карьеру окружнымъ интендантомъ Виленскаго округа, гдѣ, говорятъ, ему не посчастливилось.

Комендантъ Новогеоргіевской крѣпости былъ генераль-лейтенантъ Евгений Михайловичъ Жуковскій. Онъ былъ большимъ патриотомъ руссофиломъ и весьма религіознымъ человѣкомъ. Любимѣйшимъ литературнымъ органомъ его были «Московскія Вѣдомости», издававшіяся тогда подъ редакціей Каткова. Въ молодости, какъ самъ рассказывалъ мнѣ, онъ, начитавшись философскихъ сочиненій, впалъ въ многія религіозныя сомнѣнія; но полная приключеній жизнь его, служба въ Сибири, семейныя невзгоды и несчастія произвели въ немъ переворотъ и сдѣлали его глубоко вѣрующимъ. Онъ любилъ читать всѣ новѣйшія произведенія литературы и высказывать о нихъ свои мнѣнія, сильно критикуя то, что ему не нравилось, но при этомъ очень бросалось въ глаза пристрастіе его къ «Домашней бесѣдѣ Аскоченскаго», въ которой онъ находилъ всегда что-то особенное, чрезвычайно ему правившееся, и былъ весьма

*

недоволенъ тѣми, кто рѣшался высказывать свое порицаніе относительно взглядовъ редактора «Домашней бесѣды». Евгений Михайловичъ очень любилъ благолѣпіе при богослуженіи, постоянно ходилъ въ соборную церковь крѣпости, въ торжественные дни любилъ устраивать церковные парады или крестные ходы, въ которыхъ участвовалъ самъ и обыкновенно несъ какой-либо священный предметъ, заставляя и своихъ подчиненныхъ дѣлать то же самое. Но вообще, несмотря на многія странности, Евгений Михайловичъ былъ человѣкъ образованный, добрый, сострадательный къ бѣднымъ и несчастнымъ, обращавшимся къ нему за помощію, вслѣдствіе чего можно сказать, что онъ своею добротою и пособіемъ бѣднымъ осушилъ многія слезы и долженъ быть помянутъ, какъ истинно добрый, гуманный человѣкъ и христіанинъ въ полномъ смыслѣ слова. Что касается его специальности, то онъ былъ артиллеристомъ. Новогеоргіевскій госпиталь всегда былъ въ образцовомъ порядкѣ, а по устройству своему, не оставлявшему желать лучшаго, соперничалъ со многими госпиталями. Подборъ врачей въ мое время былъ весьма хорошій и удачный, и поэтому госпитальное дѣло велось съ большимъ успѣхомъ. Однажды госпиталь былъ осматриваемъ директоромъ медицинскаго департамента Ѳ. С. Цыцуринымъ, который нашелъ его во всѣхъ отношеніяхъ въ образцовомъ порядкѣ. Также не могу забыть, что начальникъ артиллеріи Варшавскаго округа князь Масальскій, посѣтивъ однажды госпиталь, засталъ меня въ библиотечной комнатѣ, гдѣ я показывалъ врачамъ госпиталя дно глаза въ большой офтальмоскопъ Либрейха. Князь Масальскій полюбопытствовалъ также видѣть дно глаза, и когда я показалъ ему мѣсто вхожденія въ глазъ зрительнаго нерва, желтое пятно и сосуды сѣтчатки, то онъ изъявилъ свое удовольствіе по поводу всего видѣннаго, сказалъ, что видитъ все это въ первый разъ, и очень благодарилъ меня. Часа черезъ два, когда я возвратился изъ госпиталя домой, вдругъ раздался въ моей квартирѣ звонокъ, и къ изумленію я увидѣлъ, что меня посѣтилъ князь Масальскій. Послѣ короткой бесѣды съ мною, когда князь собирался уходить, я принесъ ему благодарность за оказанную имъ мнѣ честь. На это князь Масальскій сказалъ, что онъ считалъ обязанностію быть у меня потому, что я показалъ ему такія дивныя вещи, и что онъ

всегда преклоняется предъ наукой. Я, дѣйствительно, былъ пораженъ любезностію князя и тѣмъ болѣе, что намъ, военнымъ врачамъ, весьма рѣдко приходилось сталкиваться съ такою любезностію высокопоставленныхъ военныхъ начальниковъ.

Въ Новогоріевскомъ военномъ госпиталѣ я прослужилъ три года и въ началѣ 1868 года былъ назначенъ главнымъ докторомъ Варшавскаго Уяздовскаго военнаго госпиталя (5 класса, на 1.500 мѣсть), когда бывшій главный докторъ Уяздовскаго госпиталя Андрей Алексѣевичъ Боголюбовъ занялъ мѣсто умершаго окружнаго военно-медицинскаго инспектора И. П. Агафопова.

Въ это же время Ѳ. С. Цыцуричь пересталъ быть директоромъ военно-медицинскаго департамента, который былъ превращенъ въ главное военно-медицинское управленіе, и мѣсто Цыцурина, съ званіемъ главнаго военно-медицинскаго инспектора и начальника этого управленія, занялъ президентъ медико-хирургической академіи П. А. Дубовицкій, съ сохраненіемъ должности президента академіи.

Считаю необходимымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этихъ лицахъ.

Окружной военно-медицинскій инспекторъ Варшавскаго округа Ив. Панкратѣевичъ Агафоновъ былъ хорошій, честный человекъ и дѣльный администраторъ, но не игралъ выдающейся роли, хотя и пользовался расположеніемъ своего непосредственнаго начальника графа Берга. Такъ какъ онъ очень короткое время, всего три съ небольшимъ года, занималъ мѣсто окружнаго инспектора и дѣятельность его въ это время не проявилась ничѣмъ выдающимся, то и не нахожу нужнымъ здѣсь распространяться о немъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе два года онъ былъ постоянно боленъ хроническою болѣзнію печени, отъ которой и скончался въ мартѣ 1868 года.

Нѣсколько ранѣе этого времени и Ѳ. С. Цыцуричь оставилъ медицинскій департаментъ.

Ѳ. С. Цыцуричь держалъ себя весьма гордо, но все-таки былъ доступенъ для врачей. Нельзя отрицать того, что онъ заботился объ улучшеніи военно-медицинской части, но особыхъ реформъ по этой части въ его время не произошло. Неожиданно назначенный директоромъ департамента, какъ говорили тогда, въ силу предсмертнаго желанія И. В. Енохина, Ѳ. С. столь же неожиданно уступилъ

свое мѣсто П. А. Дубовицкому и сдѣлался членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета.

Дѣятельность П. А. Дубовицкаго; когда президента медико-хирургической академіи, очерчена уже выше (см. 2-ю часть). Не менѣе плодотворною и многообъщавшею была и дѣятельность его по военно-медицинскому вѣдомству. Имъ задуманы были многія реформы, которыя осуществились уже послѣ смерти его. Здѣсь нужно замѣтить, что еще до назначенія на должность главнаго военно-медицинскаго инспектора, П. А. Дубовицкій страдалъ хроническою болѣзнію. Извѣстнѣйшіе петербургскіе врачи, и во главѣ ихъ профессоръ Боткинъ, приняли болѣзнь Дубовицкаго за плевритъ. Больной отправился за границу, въ Вѣнѣ его изслѣдовалъ Опольцеръ и другія знаменитости и подтвердили петербургскій діагнозъ, т. е., что у него хроническій выпоть въ грудной полости. Вѣнскіе врачи предписали поѣздку въ Карлсбадъ и пользованіе шпруделемъ, причемъ совѣтовали много ходить, чтобы помогать дѣйствию водъ и всасыванію выпота. Все это было исполнено больнымъ въ точности: онъ пилъ Шпрудель (самый крѣпкій источникъ), ходилъ до изнеможенія, взбирался на окружающія Карлсбадъ возвышенности и какъ будто лучше себя чувствовалъ; но вдругъ неожиданно наступило ухудшеніе, сдѣлался большой упадокъ силъ, и больного съ трудомъ привезли въ Петербургъ. Здѣсь рѣшили, что необходимо сдѣлать проколъ и выпустить экссудатъ. Самъ больной не только согласился на операцію, но, говорятъ, и ожидалъ отъ нея облегченій. Когда была сдѣлана операція, то, къ изумленію, послѣ прокола показалось только немного гноя, смѣшаннаго съ кровью. Дѣйствительно, былъ плевритъ, но только послѣдовательный. Вскорѣ Дубовицкій скончался. При вскрытіи оказалось, что онъ страдалъ огромною раковою опухолью въ груди, начало которой было въ грудной перегородкѣ (mediastinum), и, вслѣдствіе роста опухоли и давленія на плевру, она осложнилась плевритомъ. Слѣдовательно, болѣзнь не была распознана при жизни, да едва-ли и можно было распознать эту болѣзнь, составляющую весьма рѣдкое явленіе и легко симулирующую плевритическіе выпоты. Поэтому и лѣченіе болѣзни было неправильное: Шпрудель и усиленные движенія не только не помо-

гали, но, ослабляя питаніе тѣла, надрывали силы больного и способствовали быстрому исходу въ смерть.

Кончина Дубовицкаго произвела большое впечатлѣніе на всѣхъ, и особенно на военно-медицинское сословіе, и тѣмъ болѣе, что достойнаго преемника ему, какъ въ академіи, такъ и въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ, не предвидѣлось.

Петръ Александровичъ Дубовицкій былъ весьма дѣльный и честный человѣкъ. Главная заслуга его состояла въ томъ, что онъ умѣлъ выбирать людей, которые могли приносить дѣйствительную пользу и, если бы судьбѣ угодно было продлить дни Дубовицкаго, то на этомъ очень выиграло бы военно-медицинское вѣдомство.

Не могу здѣсь пройти молчаніемъ одного событія, въ которомъ Дубовицкій явился заступникомъ одного высокопоставленнаго и пострадавшаго вслѣдствіе своего легкомыслія врача. Выше (см. 2 часть) я уже сказалъ, что докторомъ къ покойному наслѣднику престола Николаю Александровичу, Енохинымъ былъ избранъ Шестовъ. Было также упомянуто о томъ, какъ не легко удалось Шестову занять мѣсто доктора при наслѣдникѣ, вслѣдствіе противодѣйствія нѣмецкой и гомеопатической партій, и какъ это, наконецъ, почти случайно удалось. Когда здоровье наслѣдника престола пошатнулось, то, послѣ нѣкотораго лѣченія въ Россіи, онъ отправился за границу, въ сопровожденіи своей августѣйшей матери, доктора Шестова и другихъ лицъ. Разумѣется, за границей на консультаціи къ больному неоднократно были приглашаемы лучшіе врачи и медицинскія свѣтила. Какъ оказалось впослѣдствіи, у наслѣдника престола, кромѣ другихъ болѣзней, были найдены и туберкулѣзные отложенія въ спинномъ мозгу — болѣзнь неизлѣчимая. Во время пребыванія въ Ниццѣ, незадолго до печальнаго исхода, къ больному былъ приглашенъ извѣстный хирургъ изъ Парижа — Нелятонъ. Онъ пришелъ къ заключенію, что болѣзнь наслѣдника престола неизлѣчима, но этого роковаго извѣстія Нелятонъ не объявилъ матери больного, императрицѣ Маріи Александровнѣ. Шестовъ, не считая себя въ правѣ скрывать безнадежное положеніе больного, неоднократно порывался сдѣлать донесеніе объ этомъ, но придворные, окружавшіе больного и императрицу, всѣми силами отклоняли Шестова отъ означеннаго намѣренія, опасаясь, что подобное извѣ-

стіе повліяетъ очень вредно на мать больнаго — императрицу Марію Александровну, которая сама не пользовалась хорошимъ здоровьемъ. Вдругъ наступаетъ громадная перемяна къ худшему въ состояніи здоровья наслѣдника престола, перемяна, не дающая никакой надежды на выздоровленіе. Вслѣдствіе этого, летятъ изъ Ниццы телеграммы въ Петербургъ, одна другой печальнѣе. Вънценосный отецъ, убитый роковою вѣстью, взявъ съ собою профессоровъ Пирогова и Здекауера, ѣдетъ день и ночь безъ отдыха въ Ниццу и, пріѣхавъ туда, находитъ своего сына умирающимъ. Кромѣ Пирогова и Здекауера въ Ниццу приглашается еще докторъ Опіольцеръ, профессоръ Вѣнскаго университета, но въ мірѣ уже не находится силъ, которыя могли бы урочевать больнаго. Вскорѣ наслѣдника русскаго престола не стало.

По пріѣздѣ въ Россію, отдается приказъ по придворному вѣдомству, которымъ Шестовъ отчисляется отъ двора. Вслѣдствіе этого онъ остается ни съ чѣмъ. Правда, легкомысліе Шестова велико—скрывать опасность для жизни не простаго смертнаго, но того, на котораго устремлены взоры не только всей Россіи, но, можно сказать, всего міра, и онъ виноватъ кругомъ, но виноватъ не въ томъ, что не предусмотрѣлъ и не предупредилъ болѣзни своего высокаго пациента, а въ томъ, что, щадя горячо-любящую сына мать, медлилъ печальнымъ донесеніемъ; а слѣдовательно для вины его существуютъ и въ высшей степени смягчающія обстоятельства. И вотъ, въ то время, когда Шестовъ находился въ безвыходномъ положеніи, когда всѣ отъ него отвернулись, какъ это бываетъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, одинъ П. А. Дубовицкій простираетъ руку помощи Шестову и находитъ возможность устроить Шестова на мѣстѣ профессора медико-хирургической академіи. Недолго, однако, продолжалось профессорство Шестова. Скоро его не стало: тревоги, перенесенныя имъ во время болѣзни наслѣдника престола, бессонныя ночи и нравственныя потрясенія и страданія, а особенно постоянно мучившее его воспоминаніе о своемъ страшномъ легкомысліи развило у него болѣзнь сердца, которая и низвела его въ могилу! По смерти наслѣдника престола, со всѣхъ сторонъ посылались упреки и обвиненія на покойнаго лейбъ-медика Ив. Васильевича Енохина, за выборъ имъ Шестова докторомъ къ почив-

шему наслѣднику престола. Но эти упреки и обвиненія были въ высшей степени несправедливы. Не подлежитъ сомнѣнію, что И. В. Енохинъ искренно и нелицемѣрно былъ преданъ своему благодѣтелю императору Александру Николаевичу, и, слѣдовательно, сознательно онъ не могъ сдѣлать дурнаго выбора, назначая Шестова докторомъ къ наслѣднику престола. Ив. Вас. Енохинъ самъ былъ введенъ въ заблужденіе другими, да и нельзя еще утверждать, что Шестовъ, по своимъ познаніямъ, не соотвѣтствовалъ назначенію. Нужно, прежде обвиненій Енохина, принять во вниманіе и свойство болѣзни покойнаго наслѣдника: она, какъ извѣстно, и по сію пору признается неизлѣчимою. Во всемъ, слѣдовательно, необходимо искать другую причину, и причина эта очевидна—это воля небеснаго Промысла, предъ которою только остается преклониться каждому изъ насъ.

По смерти П. А. Дубовицкаго, какъ медико-хирургическая академія, такъ и главное военно-медицинское управленіе испытали многія перемѣны, пока наконецъ въ преобразованную изъ медико-хирургической военно-медицинскую академію былъ назначенъ начальникомъ академіи Александръ Михайловичъ Быковъ. Не входя здѣсь въ причины, вызвавшія преобразование медико-хирургической академіи въ военно-медицинскую, такъ какъ причины эти могутъ быть разобраны и ясно изложены лицомъ, которое возьметъ на себя трудъ составить исторію академіи за послѣднія 50 лѣтъ, скажу только, что съ назначеніемъ А. М. Быкова, который съ честью и достоинствомъ долгое время оставался начальникомъ академіи и сумѣлъ прекратить раздоры партій, существовавшіе при Козловѣ и Чистовичѣ, изъ которыхъ оба были начальниками академіи и должны были ступеваться,—для академіи началась новая, болѣе счастливая эра.

Перейду теперь къ нѣскольکو прерванному повѣствованію о службѣ моей въ Варшавскомъ округѣ.

ГЛАВА X.

Назначеніе въ Уздовскій госпиталь.—Боголюбовъ.—Медицинскій персоналъ госпиталя.—Андреевъ и Бродовскій Вражда между ними.—Паскевичъ, Четиркинъ и Боголюбовъ.—Разговоръ императрицы съ Четиркиннмъ.—Паскевичъ и Опольцеръ.—Разказъ Боголюбова объ императорѣ Николаѣ I.—Характеристика Боголюбова

По смерти И. П. Агафонова на должность военно-медицинскаго инспектора Варшавскаго округа былъ назначенъ главный докторъ Варшавскаго Уздовскаго госпиталя, Андрей Алексѣевичъ Боголюбовъ. Его лично зналъ главнокомандующій графъ Бергъ, возведенный въ фельдмаршалы въ день бракосочетанія наслѣдника престола, нынѣ благополучно царствующаго государя императора. Когда скончался Агафоновъ, Бергъ находился въ Петербургѣ и по полученіи извѣстія о смерти Агафонова телеграфировалъ заступавшему его мѣсто помощнику своему, генераль-адъютанту барону Рамзаю, что онъ желаетъ, чтобы преемникомъ Агафонова былъ лично ему извѣстный главный докторъ Уздовскаго госпиталя Боголюбовъ. Генераль-адъютантъ Рамзай, какъ это я слышалъ лично отъ А. А. Боголюбова, пригласилъ послѣдняго къ себѣ и объявилъ ему волю фельдмаршала. Въ то же время былъ приглашенъ къ Рамзаю и окружной инспекторъ госпиталей, генераль Соболевскій. Между этими тремя лицами произошло совѣщаніе о томъ, кто можетъ быть преемникомъ Боголюбова въ Уздовскомъ госпиталѣ.

По случаю смерти Агафонова, я пріѣхалъ изъ Новогеоргіевска въ Варшаву и отправился на паннихиду въ его квартиру. Тутъ я встрѣтилъ Боголюбова. Послѣ паннихиды онъ отозвалъ меня въ сторону и сообщилъ мнѣ, что я избираюсь преемникомъ ему по Уздовскому госпиталю. Было много кандидатовъ кромѣ меня, долго уже служившихъ и ждавшихъ этой вакансіи. Таковыми были, напри- мѣръ, главный докторъ Брестъ-Литовскаго госпиталя Цитовичъ и Александровскаго—Володуцкій. Всѣ они хлопотали и ждали назначенія въ Уздовскій госпиталь; я же, согласно приказанію Боголюбова, держалъ въ секретѣ предположеніе о моемъ назначеніи. Здѣсь нужно еще сказать, что и молодой врачъ, помощникъ Боголюбова, Н. А. Андреевъ, имѣвшій связи въ Петербургѣ и протекцію со сто-

роны помощника начальника академіи Глѣбова, и старшій служака помощникъ покойнаго Агафонова, Е. Ф. Бѣлинскій надѣялись получить первый—мѣсто главнаго доктора въ Узловѣ, второй—мѣсто медицинскаго инспектора. Никому, однако, кромѣ меня и Боголюбова не было извѣстно, что мы съ нимъ предназначены: онъ—на мѣсто военно-медицинскаго инспектора, а я—на мѣсто главнаго доктора въ Узловѣ. Поэтому, каждый изъ имѣвшихъ претензіи на означенныя должности, само собою разумѣется, питалъ себя надеждою, что ожидаемое назначеніе скоро совершится. Разговорамъ, пересудамъ и предположеніямъ не было конца. Генераль Рамзай, за отсутствіемъ графа Берга, сдѣлалъ, съ согласія послѣдняго, представленіе въ главное военно-медицинское управленіе о Боголюбовѣ и о мнѣ. Дѣло о нашемъ назначеніи тянулось приблизительно около мѣсяца.

Рамзай меня вовсе не зналъ и никогда не видалъ. Съ Боголюбовымъ я былъ очень мало знакомъ: я былъ у него раза два, или три. Правда, онъ мнѣ говаривалъ: «скоро хочу бросить службу, а вы займете мое мѣсто». Я отвѣчалъ на это, что едва-ли можетъ такъ случиться, потому что я молодъ по службѣ и чинъ у меня еще небольшой (я былъ тогда коллежскимъ совѣтникомъ). Онъ увѣрялъ меня, что препятствія эти ничего не значатъ. Генераль Соболевскій, какъ инспекторъ госпиталей, зналъ меня хорошо, потому что часто пріѣзжалъ въ Кѣльце и Новогеоргіевскъ инспектировать госпитали. Изъ того же, что генераль Рамзай меня не зналъ, слѣдуетъ заключить, что я обязанъ выборомъ меня на должность главнаго доктора Узловскаго госпиталя соглашенію Боголюбова и Соболевскаго, рекомендовавшихъ меня Рамзаю. Почему выборъ палъ именно на меня, я и до сихъ поръ не могу хорошо объяснить себѣ это.

На сдѣланное генераломъ Рамзаемъ, съ согласія графа Берга, представленіе въ главное военно-медицинское управленіе (которое шло чрезъ военнаго министра), со стороны послѣдняго не встрѣтилось препятствія. Въ это время, вслѣдствіе болѣзни Дубовицкаго, главнымъ управленіемъ завѣдывалъ помощникъ его, Александръ Михайловичъ Быковъ. Онъ впоследствии рассказывалъ мнѣ слѣдующее: когда уже послѣдовало распоряженіе о внесеніи въ Высо-

чайшій приказъ назначенія моего въ Уяздовскій госпиталь, то къ фельдмаршалу Бергу, бывшему еще въ Петербургѣ, явился какой-то врачъ-нѣмецъ, статскій совѣтникъ, знакомый Бергу еще изъ остзейскихъ провинцій, и просилъ его о назначеніи въ Уяздовскій госпиталь. Бергъ сказалъ ему, что хотя онъ далъ свое согласіе на мое назначеніе, но это можно исправить, и приказалъ ему отправиться къ А. М. Быкову и передать отъ имени Берга, чтобы вмѣсто меня назначили этого врача въ Уяздовскій госпиталь главнымъ докторомъ. А. М. Быковъ объявилъ этому врачу, чтобы онъ передалъ фельдмаршалу, что обо мнѣ уже отданъ Высочайшій приказъ и что назначенія перемѣнить нельзя.

Около половины марта 1868 года послѣдовало назначеніе Боголюбова, а 24 марта состоялся приказъ и о моемъ назначеніи на его мѣсто. Всѣ были удивлены, и я сразу приобрѣлъ въ Варшавѣ много враговъ изъ лицъ, добивавшихся мѣста главнаго доктора Уяздовскаго госпиталя, и другихъ врачей, хотя не искавшихъ этого назначенія, но завидовавшихъ моему быстрому повышенію по службѣ, всего только на 15 году этой службы. Главнѣйшимъ завистникомъ, сразу ставшимъ въ непріязненныя ко мнѣ отношенія, былъ Н. А. Андреевъ, помощникъ Боголюбова по должности главнаго доктора въ Уяздовѣ. Другой ярый завистникъ былъ клиническій профессоръ того же госпиталя Шмидтъ, также мечтавшій о занятю мною мѣстѣ; затѣмъ третій—главный лѣкаръ Александровскаго госпиталя въ цитадели—Володуцкій. Такимъ образомъ, не считая еще многихъ другихъ завистниковъ изъ провинціальныхъ врачей, я сразу очутился между врагами, которыхъ до того не имѣлъ и съ которыми приходилось теперь бороться. Излишне здѣсь добавлять о томъ, что всѣ эти господа въ скоромъ времени пустили свои интриги въ ходъ.

Въ первыхъ числахъ мая 1868 года я принялъ Уяздовскій госпиталь и явился всѣмъ начальствующимъ лицамъ, а потомъ вмѣстѣ съ Боголюбовымъ мы отправились въ замокъ, и я представился возвратившемуся изъ Петербурга фельдмаршалу Бергу. Онъ зналъ меня немного по Новогеоргіевскому госпиталю и принялъ ласково, прося обратить особое вниманіе на госпиталь, а въ заключеніе при прощаніи подалъ мнѣ руку.

Варшавскій Уяздовскій госпиталь весьма обширенъ и, будучи устроенъ на 1.500 больнхъ, представляетъ обширное поле для административной и научно-медицинской дѣятельности. Ординаторовъ, съ прикомандированными, было тогда не менѣе 50 человекъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько профессоровъ изъ Варшавской главной школы (преобразованной впоследствии въ Варшавскій университетъ). Составъ ординаторовъ былъ самый разнохарактерный: русскіе, нѣмцы, поляки и евреи. Управлять такой массой врачей, ладить съ ними, имѣть подъ своимъ наблюденіемъ такую массу больныхъ, нести многосложныя обязанности по медицинской и по хозяйственной частямъ, надзирать за нижними медицинскими чинами и за бывшей при госпиталѣ фельдшерской школой— требовало огромныхъ усилій и постоянной работы. А. А. Боголюбовъ, старожилъ Уяздовскаго госпиталя, служившій въ немъ съ 1829 года и послѣдовательно несшій обязанности: младшаго и старшаго ординатора, помощника главнаго доктора и главнаго доктора, часто говаривалъ, что всѣ главные доктора, по трудности управленія, называли Уяздовскій госпиталь «маленькимъ адомъ» и «чистилищемъ за грѣхи». Дѣйствительно, когда я вникнулъ въ мои обязанности, я увидѣлъ, что предстоящій мнѣ трудъ, по управленію такимъ обширнымъ учрежденіемъ, громаденъ, да къ тому же присоединялась и громадная отвѣтственность за дѣйствія не только медицинскихъ, но и хозяйственныхъ чиновъ госпиталя. Тутъ я увидѣлъ, что долженъ согласиться съ мнѣніемъ моихъ предшественниковъ, что Уяздовскій госпиталь есть — маленький адъ и чистилище за грѣхи, такъ какъ лицо, облеченное званіемъ главнаго доктора госпиталя, для того, чтобы послѣдній, не говоря уже, былъ бы въ образцовомъ порядкѣ (какъ того требуетъ служба и законъ), а только въ удовлетворительномъ состояніи, должно буквально выбиваться изъ силъ, не имѣть покоя ни днемъ, ни ночью. Хотя у главнаго доктора было двое помощниковъ, но это облегчало весьма мало трудъ его. Необходимо замѣтить, что главный докторъ являлся отвѣтственнымъ лицомъ за хозяйственную часть, хотя для управленія ею были особые чины хозяйственнаго разряда, подчиненные начальнику госпиталя.

Съ 1870 года былъ введенъ новый госпитальный уставъ, кото-

рыи двухъ помощниковъ главнаго доктора замѣнили двумя консультантами и учредилъ комитетъ госпиталя, гдѣ сосредоточились дѣла по хозяйственной и медицинской частямъ, съ медицинскомъ совѣщаніемъ для рѣшенія врачебныхъ вопросовъ и научныхъ сообщеній врачей. Все это нисколько не уменьшало круга дѣйствія, обязанностей и труда главнаго доктора, но еще болѣе отяготило его и заботами, и отвѣтственностію, потому что онъ, по смыслу новаго устава, дѣлался председателемъ и госпитальнаго комитета, и медицинскаго совѣщанія. Трудность управления госпиталемъ возростала еще отъ разнообразія народностей, къ которымъ принадлежали ординаторы, и по странному стеченію обстоятельствъ—врачи русскаго происхожденія были ниже врачей другихъ народностей, что было причиною нескончаемыхъ жалобъ, интригъ и дрягъ. Для каждаго начальника, изъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ, тотъ лучше и заслуживаетъ большаго поощренія, кто лучше знаетъ дѣло и усерднѣе несетъ службу, а слѣдовательно, волей-неволей приходилось отдавать предпочтеніе ординаторамъ не русской національности, и потому со всѣхъ сторонъ сыпались обвиненія въ полонизмъ, германизмъ и т. п. Болѣе выгодное и болѣе полезное для службы положеніе не русскихъ ординаторовъ зависѣло не отъ главнаго доктора, а объяснялось случайными явленіями, главнымъ изъ которыхъ было слишкомъ мизерное жалованье и неимѣніе практики врачами русскаго происхожденія, между тѣмъ какъ врачи другихъ народностей, и особенно поляки, имѣли практику, а многіе и родныхъ въ самой Варшавѣ, отчего были зажиточнѣе русскихъ. Недостатокъ же матеріальныхъ средствъ кладезь на челоуѣка какую-то печать унынія и меланхолію, не располагающихъ къ научнымъ занятіямъ и даже отнимающихъ охоту къ несенію служебныхъ обязанностей, особенно если все это, какъ результатъ постоянной нужды и нерѣдко безвыходнаго положенія, кончается еще пристрастіемъ къ спиртнымъ напиткамъ, въ которыхъ ищутъ утѣшенія всѣ тѣ, кому не везетъ тѣмъ или другимъ образомъ. Какъ я сказалъ уже выше, при самомъ вступленіи въ должность главнаго доктора Уяздовскаго госпиталя, я имѣлъ много враговъ и завистниковъ, изъ которыхъ въ самомъ госпиталѣ самымъ яркимъ противникомъ былъ помощникъ мой, Н. А. Андреевъ, долженствовавшій по смыслу госпиталь-

наго устава помогать мнѣ при управленіи госпиталемъ. Въмѣсто того, онъ первый открылъ походъ противъ меня.

Н. А. Андреевъ, полный сознанія своихъ научныхъ достоинствъ, которыхъ у него никто не оспаривалъ, враждовалъ съ врачами госпиталя поляками, особенно же съ бывшимъ ординаторомъ госпиталя, ординарнымъ профессоромъ главной школы по кафедрѣ патологической анатоміи, В. Л. Бродовскимъ. Онъ неоднократно заявлялъ мнѣ, что Бродовскій завѣдуетъ отдѣленіемъ внутреннихъ болѣзней и не знаетъ хорошо своего дѣла. Однажды, во время визитаціи, для подтвержденія своихъ словъ, Андреевъ представилъ мнѣ больного, который, по мнѣнію Бродовскаго, былъ одержимъ злокачественною опухолью въ груди (подобною той, которая была найдена при аутопсіи у П. А. Дубовицкаго), но, по мнѣнію Андреева, у больного была аневризма аорты. Бродовскій основывалъ свой діагнозъ на томъ, что спереди и сзади груди при перкуссіи на огромномъ пространствѣ получался тупой тонъ. Случилось такъ, что въ это время посѣтилъ госпиталь лейбъ-медикъ Карелль, бывший въ Варшавѣ по случаю приѣзда государя императора Александра II-го. Въ присутствіи Карелля, Бродовскій и Андреевъ спорили: первый доказывалъ, что больной одержимъ опухолью въ груди, второй, что аневризмою аорты. Карелль, изслѣдовавъ больного, сказалъ, что въ этомъ случаѣ съ вѣроятностію нельзя опредѣлить болѣзнь, потому что большой аневризматическій мѣшокъ, набитый сгустками крови, можетъ симулировать опухоль, почему, какъ и при опухоли, можетъ получиться притупленіе перкуторнаго тона на большомъ пространствѣ. Короче, Карелль выразился, что въ данномъ случаѣ можно подозрѣвать и ту, и другую болѣзнь. Вскорѣ посѣтилъ госпиталь директоръ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, Евгений Венцеславовичъ Пеликанъ. Упомянутый больной, въ виду труднаго діагноза, былъ представленъ и Пеликану, какъ случай весьма замѣчательный. Н. А. Андреевъ отстаивалъ свое мнѣніе и привелъ въ подтвержденіе новый аргументъ, что онъ замѣтилъ замедленіе пульса въ бедренной артеріи. На это Пеликанъ замѣтилъ, что при обширныхъ опухоляхъ въ груди, какъ и при обширныхъ аневризмахъ, можетъ быть и замедленіе пульса въ лучевыхъ и бедрен-

ныхъ артеріяхъ, и что поэтому, такъ какъ причина замедленія пульса состоитъ въ давленіи на сосѣдніе органы и въ препятствіяхъ къ кровообращенію (что бываетъ въ той и въ другой изъ предполагаемыхъ болѣзней), то точнаго діагноза въ данномъ случаѣ установить нельзя, а можно только отгадать, съ чѣмъ имѣется дѣло, такъ какъ только аутопсія можетъ съ точностью рѣшить дѣло.

По отъѣздѣ Пеликана, Бродовскій и Андреевъ поспорили еще разъ во время визитаціи, въ моемъ присутствіи, и поддержали пари на шесть бутылокъ шампанскаго: Андреевъ утверждалъ, что имѣется дѣло съ аневризмой аорты, Бродовскій, что съ опухолью въ груди. Я рознялъ ихъ руки. Дня черезъ три послѣ этого больной умеръ скоропостижно. Въ виду скоропостижной смерти и интереснаго спора, я назначилъ судебно-медицинское вскрытіе тѣла. На вскрытіе это собрались всѣ врачи госпиталя, пріѣхало много постороннихъ врачей, заинтересованныхъ научнымъ споромъ. Бродовскій, какъ профессоръ патологической анатоміи, приступилъ къ вскрытію. Каково же было изумленіе всѣхъ присутствовавшихъ, когда по вскрытіи груди у покойнаго былъ найденъ огромный, величиною съ голову взрослога человѣка аневризматическій мѣшокъ, набитый сгустками крови, съ каналомъ, пробитымъ въ немъ кровью, обращеніе которой, несмотря на такое страшное препятствіе, все еще могло совершаться и очень долгое время не нарушать жизненныхъ отравленій; притомъ и смерть больного послѣдовала не отъ разрыва аневризматическаго мѣшка, но отъ закупорки слуховъ въ основаніи мозга! Бродовскій сконфузился нѣсколько, но тотчасъ же сказалъ: «этой аневризмы нельзя было распознать: данныя при изслѣдованіи и всѣ прижизненные явленія одинаковы съ тѣми, которыя наблюдаются и при большихъ опухоляхъ въ груди... Вы (обращаясь къ Андрееву) не распознали, а угадали, что имѣется дѣло съ аневризмой». Андреевъ отвѣчалъ, что онъ «распозналъ болѣзнь, а не угадалъ, и что ошибаться въ этомъ случаѣ могутъ только плохіе терапевты, а такъ какъ вы (обращаясь къ Бродовскому) не терапевтъ, а анато-мопатологъ, то не могли точно распознать болѣзнь при жизни, а только при вскрытіи». Тутъ они поспорили еще немного, и Бродовскій заявилъ, что

онъ признаетъ себя проигравшимъ пари и пришлетъ шампанское.

На другой день, какъ только я пришелъ въ госпиталь, Андреевъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Вы теперь убѣдились въ томъ, что Бродовскій плохой терапевтъ.

— Этого нельзя сказать, отвѣчалъ я и продолжалъ: мнѣ кажется, что онъ очень увлекся недавнимъ случаемъ съ Дубовицкимъ, гдѣ ошиблись всѣ врачи, даже и вѣнскія знаменитости... Такіе случаи весьма трудны для діагноза, и врачъ всегда лучше сдѣлаетъ, если въ подобныхъ обстоятельствахъ не выскажетъ рѣшительнаго мнѣнія... Въ этомъ, по-моему, ошибка Бродовскаго...

Затѣмъ Андреевъ началъ приглашать меня на другой день къ себѣ, чтобы распить выигранное у Бродовскаго шампанское, въ присутствіи госпитальныхъ и постороннихъ врачей.

Случилось такъ, что и А. А. Боголюбовъ въ этотъ день посѣтилъ госпиталь. Андреевъ и его пригласилъ къ себѣ на распивку шампанскаго; но Боголюбовъ отвѣчалъ ему: «не знаю; вы выиграли шампанское и распивайте его».

На слѣдующій день Андреевъ повторилъ мнѣ просьбу—быть у него непременно. Я сказалъ, что приду, но только съ условіемъ, чтобы онъ пригласилъ и Бродовскаго, потому что въ отсутствіе послѣдняго неловко распивать шампанское.

— Вѣдь, онъ все-таки нашъ collega, да вдобавокъ еще профессоръ и деканъ; можетъ подумать, что мы собрались для того, чтобы, въ отсутствіе его, говорить о немъ дурно, замѣтилъ я еще.

Андреевъ согласился пригласить Бродовскаго, но послѣдній отвѣчалъ, что не придетъ, потому что Андреевъ, прибывъ въ Варшаву послѣ него, не нашелъ нужнымъ быть у него и т. д.

На усиленную просьбу Андреева быть у него непременно, несмотря на отказъ Бродовскаго, я обѣщалъ придти, но съ условіемъ, чтобы шампанское не распивалось и чтобы о Бродовскомъ не было рѣчи, и особенно спичей, направленныхъ противъ Бродовскаго. Андреевъ все это обѣщалъ мнѣ.

Каждый согласится, что поступить иначе я не могъ.

Обходя затѣмъ больныхъ, я замѣтилъ, что по палатамъ носятъ

какую-то бумагу, которую читаютъ врачи и росписываются въ прочтеніи. Я спросилъ: «что это такое». Мнѣ подали бумагу, и я прочелъ слѣдующее: «Господа русскіе врачи Узядовскаго госпиталя приглашаются сего числа, въ 8 часовъ вечера, въ квартиру помощника главнаго доктора Андреева для торжества русской науки и для распитія шампанскаго, выиграннаго имъ у профессора и декана медицинскаго факультета Бродовскаго, въ извѣстномъ гг. врачамъ научномъ спорѣ». Эта бумага была подписана Андреевымъ. Мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ воспретить дальнѣйшую разноску этой записки, что я и сдѣлалъ. Между тѣмъ Андреевъ явился ко мнѣ съ претензіей—почему я воспретилъ разносить упомянутую записку. Я поставилъ ему на видъ всю неумѣстность подобной выходки и добавилъ, что безъ моего разрѣшенія, какъ непосредственнаго начальника госпиталя по медицинской части, никто не имѣетъ права разсылать по госпиталю для прочтенія врачамъ какихъ-либо записокъ и объявленій. Андреевъ сконфузился. Оказалось, что онъ не зналъ этого правила, но просилъ меня настойчиво извинить его и не отказать придти къ нему вечеромъ. Я считалъ даже моею обязанностию быть у него, чтобы воочію убѣдиться—какъ будетъ происходить дѣло. Вечеромъ, много приглашенныхъ Андреевымъ врачей госпиталя и постороннихъ собралось въ квартиру Андреева, пришелъ и я; но Боголюбова не было. Послѣ проведеннаго вечера, на которомъ не было затронуто никакихъ «научныхъ вопросовъ объ извѣстномъ спорѣ», съли ужинать. Ужинъ прошелъ обыкновеннымъ порядкомъ, но Андреевъ видимо волновался. Вдругъ, одинъ изъ незначительныхъ врачей сказалъ Андрееву: «а гдѣ же выигранное вами у Бродовскаго шампанское? Когда же мы будемъ распивать его?» Андреевъ отвѣчалъ: «шампанское прислано Бродовскимъ, но распивать его нельзя: начальство не желаетъ, а поэтому я съ женою, приготовивъ было рябчиковъ на жаркое, раздумали подать ихъ и дали телятину... безъ шампанскаго и она сойдетъ». Вскорѣ всѣ разошлись. Однако, инцидентъ съ «научнымъ споромъ» не окончился этимъ.

Еще при Боголюбовѣ было заведено, что, разъ въ недѣлю, врачи госпиталя собирались, подъ предѣлательствомъ главнаго

врача, и дѣлали научныя сообщенія о замѣчательныхъ наблюдавшихся въ госпиталѣ случаяхъ болѣзней, или о произведенныхъ операціяхъ. Этотъ порядокъ продолжался и при мнѣ. Въ первое же, послѣ всего означеннаго, собраніе врачей, причѣмъ присутствовало много постороннихъ лицъ изъ врачей Варшавскаго гарнизона, Андреевъ попросилъ слова. Когда слово было ему дано, онъ сказалъ слѣдующее:

— Я давно хотѣлъ обратить вниманіе гг. врачей, здѣсь присутствующихъ, на то, что въ госпиталѣ нашемъ исторіи болѣзней ведутся поверхностно и даже дурно, распознаваніе болѣзней неправильно, чему доказательствомъ служитъ недавній случай, гдѣ была опредѣлена опухоль въ груди, а при вскрытіи оказалась аневризма аорты... Это еще не все: часто случается, что и лѣченіе неправильно: тамъ, гдѣ нужно дать слабительное, даютъ крѣпительное и наоборотъ... Вотъ на это я хотѣлъ обратить вниманіе, заключилъ онъ.

Я отвѣчалъ ему:

— Вы, вѣроятно, хотите намъ сообщить интересныя свѣдѣнія о томъ, какими данными слѣдуетъ руководствоваться для распознаванія такихъ трудныхъ случаевъ, какой представился намъ у извѣстнаго больнаго и былъ причиною извѣстнаго научнаго спора?

— Нѣтъ! отвѣчалъ Андреевъ и продолжалъ: я хотѣлъ только поставить на видъ — какія допускаются у насъ въ госпиталѣ неправильности...

На это я опять отвѣчалъ:

— Вы, поставляя на видъ то, о чемъ заявили, забыли, что здѣсь присутствуетъ вашъ прямой начальникъ, а ему поставляютъ на видъ — вамъ не предоставлено закономъ... Вы, какъ помощникъ главнаго врача, обязаны докладывать мнѣ объ этомъ у постели больнаго, во время визитаціи, но не здѣсь, гдѣ мы собрались для научныхъ сообщеній... Здѣсь не мѣсто для подобныхъ заявленій и тѣмъ болѣе, что врачи госпиталя и посторонніе врачи собрались здѣсь, чтобы слышать что-либо научное, а не критику госпитальныхъ дѣйствій. Если эти дѣйствія неправильны, то вы, какъ помощникъ главнаго врача, по уставу, должны помогать главному врачу, и притомъ вы отвѣтственны за означенныя неправильности.

*

Но повторяю, что мы собрались сюда не для этих препирательствъ, а для научныхъ сообщеній. Итакъ, если имѣете сообщить что-либо научное, то приступите къ дѣлу.

Онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Никто не можетъ воспретить мнѣ говорить то, что я нахожу нужнымъ и умѣстнымъ. Мы стоимъ здѣсь на почвѣ науки и всѣ равны; да притомъ же васъ никто не избиралъ предсѣдателемъ этихъ собраний.

— Вы ошибаетесь! отвѣчалъ я и продолжалъ: говорить здѣсь все, что вздумается, нельзя, а что касается предсѣдательства, то я силою самого закона, какъ главный докторъ госпиталя, предсѣдатель научныхъ совѣщаній, что ясно и выражено въ законѣ, если онъ вамъ извѣстенъ. Поэтому еще разъ предлагаю вамъ начать научныя сообщенія, если таковыя вы намѣрены сдѣлать.

— Я желалъ бы подробнѣе развить то, о чемъ я началъ говорить, отвѣчалъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ, я объявляю засѣданіе закрытымъ, потому что помощникъ мой г. Андреевъ выступилъ изъ рамки научныхъ сообщеній и не признаетъ меня предсѣдателемъ этихъ совѣщаній.

Послѣ этихъ словъ моихъ я всталъ, и за мною встали всѣ врачи и разошлись. На лицѣ Андреева я замѣтилъ блѣдность и саркастическую улыбку.

Дѣло этимъ, разумѣется, не кончилось.

Я сообщилъ о случившемся военно-медицинскому инспектору А. А. Боголюбову. Онъ сказалъ мнѣ, что за эту незаконную выходку Андреева представить его къ переводу изъ Уздовскаго госпиталя въ Новогеоргіевскій. Обдумавъ хорошо все случившееся и видя въ этомъ нежеланіе Андреева подчиняться мнѣ, какъ своему начальнику, я, чтобы разъ навсегда положить конецъ подобнымъ выходкамъ и самому не подвергнуться обвиненію въ бездѣйствіи власти, рѣшился объявить Андрееву строгій выговоръ въ приказѣ по госпиталю. Написавъ въ книгѣ приказовъ все собственноручно, приказалъ я разнести приказъ по госпиталю для прочтенія всѣмъ врачамъ, съ тѣмъ, чтобы они росписались въ чтеніи приказа. На другой день, книгу съ приказомъ носили уже по госпи-

талю, я же былъ въ канцеляріи. Вошелъ Андреевъ и, тщательно притворивъ двери, повелъ такую рѣчь:

— Отчасти по собственному побужденію, отчасти по настоянію военно-медицинскаго инспектора, я пришелъ извиниться предъ вами въ возникшемъ между нами недоразумѣніи.

— Недоразумѣнія никакого нѣтъ и не можетъ быть... Ясно только, что вы не намѣрены подчиняться мнѣ, какъ вашему начальнику... Это не можетъ быть терпимо на службѣ, а потому объявляю вамъ, что еслибы вы и не опоздали съ извиненіемъ, я не могъ бы васъ освободить отъ взысканія за вашъ поступокъ.

Лицо Андреева нѣсколько вытянулось, губы задрожали и вообще было видно, что онъ не ожидалъ такого оборота дѣла. Сбравшись съ силами, онъ спросилъ:

— Какое же взысканіе вы сдѣлаете?

— Прочитайте приказъ по госпиталю... Вамъ его принесутъ для прочтенія и роспишутся въ чтеніи... Изъ приказа вы узнаете — въ чемъ состоитъ взысканіе.

Онъ замолчалъ и немного, какъ говорится, опѣшилъ.

Вскорѣ, тутъ же, подали ему приказъ для прочтенія и для росписки.

Прочитавъ приказъ, онъ сказалъ:

— Я сомнѣваюсь, чтобы вы имѣли право объявить мнѣ строгій выговоръ... Позвольте списать копію съ приказа...

— Вы сомнѣваетесь потому, что не знаете узаконеній... Списать же копію съ приказа вы можете.

Списываніе приказа имѣло цѣлю напугать меня; но я остался совершенно хладнокровенъ къ его косвенной угрозѣ, потому что сознавалъ свое право и стоялъ на почвѣ закона.

Излишне добавлять, что всѣ послѣдующія дѣйствія Андреева клонились только къ тому, чтобы отомстить мнѣ, а потому онъ пускалъ различные неблаговидные слухи о госпиталѣ, клеветалъ и всѣми силами старался мнѣ вредить. Конечно, онъ успѣвалъ въ этомъ.

Когда главная школа была переименована въ Варшавскій университетъ, то по ходатайству А. А. Боголюбова, адресованному прямо къ попечителю Варшавскаго учебнаго округа О. О. Витте,

Андреевъ былъ назначенъ профессоромъ университета по кафедрѣ частной терапіи.

Профессура Андреева также не удалась. Въ немъ было много тщеславія и самолюбія, но мало истинныхъ знаній. Теоретическія лекціи его были очень сухи, а въ послѣдствіи, когда онъ сдѣлался клиническимъ профессоромъ, ознаменовалъ себя чрезвычайно странными выходками, доказавшими не только поверхностныя познанія, но и безтактность. Достаточно упомянуть здѣсь о его странныхъ понятіяхъ о колту нѣ, который, въ противность всѣмъ научнымъ даннымъ, онъ принималъ за какой-то «трофическій неврозъ волосяныхъ луковицъ», и въ концѣ концовъ совершенно провалился съ своими странными взглядами. Вскорѣ, однако, онъ скончался отъ какой-то хронической болѣзни, развившейся, кажется, на туберкулезной почвѣ.

Много было въ то время подобныхъ Андрееву завистниковъ и недоброжелателей, не могшихъ мнѣ простить того, что я сдѣлался главнымъ докторомъ Уяздовскаго госпиталя. Изъ нихъ еще многіе живутъ и теперь. Говорить о нихъ считаю преждевременнымъ.

Теперь упомяну о лицѣ, съ которымъ я, по должности моей, имѣлъ непосредственныя, ближайшія и весьма частыя отношенія. Это—военно-медицинскій инспекторъ Варшавскаго округа Андрей Алексѣевичъ Боголюбовъ.

Андрей Алексѣевичъ Боголюбовъ, можно сказать, началъ и кончилъ свою службу въ Уяздовскомъ госпиталѣ, который онъ, несмотря на то, что сдѣлался военно-медицинскимъ инспекторомъ, посѣщалъ и послѣ оставленія должности главнаго доктора, чуть ли не ежедневно.

Андрей Алексѣевичъ, вскорѣ послѣ окончанія курса въ бывшей медико-хирургической академіи въ Москвѣ, въ 1829 году прибылъ въ Варшаву и былъ опредѣленъ младшимъ ординаторомъ Уяздовскаго госпиталя, причемъ онъ до этого назначенія прослужилъ весьма короткое время въ войскахъ, такъ что появленіе его въ Варшавѣ совпадаетъ съ 1829 годомъ. Онъ былъ уроженцемъ Рязанской губерніи, происходилъ изъ духовнаго званія и первоначальное образованіе получилъ въ Рязанской духовной семинаріи. Профессоръ Казанскаго университета Евменій Филипповичъ Арпстовъ (см.

1 ч. воспоминаній) и покойный главный военно-медицинскій инспекторъ Рудинскій были однокашниками А. А. Боголюбова и по семинаріи, и по Московской медицинской академіи.

А. А. Боголюбовъ особенно замѣчательнъ тѣмъ, что имѣлъ особую способность къ изученію хирургіи, производилъ отлично хирургическія операціи и въ Уздовскомъ госпиталѣ усовершенствовалъ свои познанія въ хирургіи до той степени, что въ свое время былъ однимъ изъ лучшихъ хирурговъ въ Варшавѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ и въ высшей степени замѣчательнымъ и дѣльнымъ практическимъ врачомъ. Должности младшаго ординатора, затѣмъ старшаго ординатора, помощника главнаго доктора и главнаго доктора Уздовскаго госпиталя онъ занималъ послѣдовательно съ 1832 по 1868 годъ, т. е. 36 лѣтъ (въ военно-медицинской службѣ онъ состоялъ съ 1829 года). Обиліе хирургическаго матеріала въ Уздовскомъ госпиталѣ, разнообразіе болѣзненныхъ формъ, при огромномъ числѣ больныхъ, дали ему возможность усовершенствоваться практически не только въ хирургіи, но и во многихъ другихъ отрасляхъ медицины. Во время венгерской войны онъ былъ главнымъ хирургомъ дѣйствующей арміи и находился подъ начальствомъ главнокомандующаго генераль-фельдмаршала Паскевича, который зналъ его еще по должности старшаго ординатора госпиталя и всегда, въ случаяхъ заболѣванія, пользовался у Боголюбова. Медицинскимъ начальникомъ его былъ генераль штабъ-докторъ дѣйствующей арміи Р. С. Четыркинъ, относившійся къ Боголюбову недружелюбно, по причинѣ особаго расположенія фельдмаршала Паскевича къ послѣднему. Вслѣдствіе этого, Четыркинъ, всѣми зависящими отъ него мѣрами, старался задержать служебные успѣхи Боголюбова, и если бы не расположеніе и не довѣріе фельдмаршала, то Четыркину удалось бы задержать карьеру Боголюбова, но предъ такою силою, какъ фельдмаршалъ, Четыркину оставалось только смириться.

Занесу здѣсь многое изъ того, что я слышалъ изъ устъ самого А. А. Боголюбова.

Во время извѣстныхъ маневровъ подъ Калишемъ, въ присутствіи императора Николая Павловича и короля прусскаго, уже по окончаніи маневровъ, фельдмаршалъ Паскевичъ, садясь на лошадь, ушибъ себя погу (голень). Къ нему былъ приглашенъ Четыркинъ.

(Боголюбова тогда не было при фельдмаршалѣ, и онъ оставался въ Варшавѣ, занимая мѣсто старшаго ординатора Уяздовскаго госпиталя). Четыркинъ назначилъ фельдмаршалу положить на ушибенное мѣсто пузырь со льдомъ. Держали этотъ пузырь болѣе 4-хъ сутокъ, боль не унималась и выводила фельдмаршала изъ терпѣнія. Онъ приказалъ немедленно вызвать Боголюбова изъ Варшавы, въ виду того, что послѣдній былъ ему извѣстенъ по одному прежнему весьма удачному поданію пособія тому же фельдмаршалу. Когда Боголюбовъ явился къ фельдмаршалу, то нашелъ необходимымъ для предупрежденія глубокаго пораненія и нагноенія въ ушибленномъ мѣстѣ сдѣлать разрѣзъ. Фельдмаршалъ спросилъ Боголюбова: «не повредило ли ему то, что Четыркинъ такъ долго держалъ пузырь со льдомъ и не приступалъ къ разрѣзу?» Боголюбовъ говорилъ, что положеніе его въ это время было критическое: съ одной стороны Четыркинъ, его начальникъ, присутствуетъ тутъ же, а съ другой было ясно, что вмѣсто долгаго держанія пузыря со льдомъ слѣдовало приступить къ разрѣзу, особенно потому, что подъ кожей, на самой кости, было порядочное, величиною съ грецкій орѣхъ, кровоизліяніе, на всасываніе котораго въ виду начавшагося нагноенія разсчитывать нельзя было. Однако, Боголюбовъ нашелся отвѣтить такъ, что «отъ пузыря со льдомъ болѣзнь не ухудшилась, но что только теперь наступило время сдѣлать разрѣзъ». Послѣ разрѣза боли быстро исчезли, и больной началъ поправляться. Само собою, что быстрое улучшеніе болѣзни фельдмаршалъ приписалъ Боголюбову, чѣмъ не могъ быть доволенъ Четыркинъ.

Во всю Венгерскую кампанію, Боголюбовъ безотлучно находился при фельдмаршалѣ, занимая высшую должность главнаго хирурга дѣйствующей арміи. По окончаніи кампаніи, фельдмаршалъ приказалъ Четыркину представить Боголюбова къ награждѣ. У послѣдняго не было еще ни одного ордена. Ему былъ пожалованъ тогда орденъ св. Анны 3-й степени. Когда лица, получившія ордена, представлялись въ замкѣ фельдмаршалу, принося благодарность за пожалованныя награды, то, увидавъ на груди Боголюбова орденъ св. Анны 3-й степени, фельдмаршалъ сказалъ:

— Четыркинъ! Это что такое?

Четыркинъ смутился и отвѣчалъ:

— Орденъ св. Анны 3-й степени, ваша свѣтлость!

— Это я вижу... но я спрашиваю—что это значитъ?

Четыркинъ замялся.

— Чтобы я не видѣлъ на груди Боголюбова Анны 3-й степени. Немедленно сдѣлать представленіе, что я прошу замѣнить ему этотъ орденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени, сказалъ фельдмаршалъ.

— Слушаю, ваша свѣтлость!—отвѣчалъ Четыркинъ.

Немедленно было сдѣлано представленіе, и орденъ св. Анны 3-й степени былъ замѣненъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени, который и былъ первою наградой, полученною Боголюбовымъ.

Четыркинъ, занимая высокую должность генераль-штабъ доктора дѣйствующей арміи и будучи холостымъ, влюбился въ одну весьма красивую дѣвушку, служившую въ ресторанѣ Олеа, за Вольской заставой, въ Варшавѣ. Онъ прежде далъ ей солидное образованіе, а потомъ задумалъ на ней жениться. Фельдмаршалъ очень смѣялся надъ этой страстной любовью своего генераль-штабъ доктора, но разрѣшилъ ему жениться на предметѣ его страсти. Въ бытность въ Варшавѣ императора Николая Павловича вмѣстѣ съ императрицей Александрой Феодоровной, Паскевичъ разсказалъ имъ объ этомъ романѣ. Спустя нѣкоторое время Четыркинъ представлялся императрицѣ, причемъ нужно замѣтить, что онъ, кромѣ русскаго, не зналъ другаго языка, между тѣмъ какъ императрица обратилась къ нему по-французски и сказала:

— J'ai entendu de votre roman.

Такъ какъ Четыркина звали Романомъ Сергѣевичемъ и онъ не понималъ словъ императрицы, то полагалъ, что она называетъ его по имени, почему онъ раскланялся и отвѣчалъ:

— Точно такъ, Ваше Императорское Величество, Романъ Сергѣевичъ.

Впослѣдствіи Четыркинъ очень тщеславился тѣмъ, что императрица назвала его по имени. Нечего добавлять, что всѣ присутствовавшіе при упомянутомъ представленіи лица очень смѣялись надъ этимъ qui pro quo.

О болѣзни фельдмаршала, сведшей его въ могилу, Боголюбовъ,

какъ врачъ и очевидецъ, не покидавшій больнаго до самой кончины, рассказывалъ мнѣ слѣдующее:

Паскевичъ страдалъ ракомъ желудка. Болѣзнь эта обнаружилась у него еще въ концѣ сороковыхъ годовъ. Кромѣ особаго расположенія и многія другія причины вызвали и поддерживали болѣзнь, которая въ началѣ принималась за хроническій катарръ желудка. Въ послѣдніе годы фельдмаршалъ чувствовалъ сильныя боли, лишавшія его аппетита и сна, а потому началъ постепенно худѣть и ослабѣвать. Боли унимались наркотическими средствами, изъ которыхъ главнѣйшими были — опій и морфій. Вскорѣ присоединилась постоянная рвота, такъ что малѣйшій глотокъ питья или малѣйшая частица твердой и жидкой пищи вызвали рвоту, боли въ области желудка (въ надчревной области) достигли высшей степени. Вслѣдствіе этого неоднократно были созываемы консиліумы изъ выдающихся варшавскихъ врачей. Врачи осматривали больнаго, предписывали ему извѣстную діету, минеральныя воды и опіятныя средства, но все это не только не приносило никакой пользы, но и самыя боли нисколько не облегчались. Наступила совершенная невозможность принимать какую бы то ни было пищу, рвота сдѣлалась очень частою и мучительною, боли съ каждымъ днемъ, вслѣдствіе изъязвленія рака желудка, сдѣлались нестерпимыми. Поэтому было рѣшено выписать изъ Вѣны профессора Оппольцера.

Оппольцеръ согласился ѣхать въ Варшаву только за громадное вознагражденіе, а именно онъ потребовалъ 100 австрійскихъ гульденовъ въ часъ. Прибывъ въ Варшаву, профессоръ осмотрѣлъ больнаго, возлагавшаго всѣ надежды на вѣнскую знаменитость. Однако, подтвердивъ распознаваніе болѣзни, сдѣланное варшавскими врачами, Оппольцеръ не могъ предпринять ничего особеннаго для облегченія болѣзни фельдмаршала и долженъ былъ ограничиться симптоматическимъ лѣченіемъ, т. е. обратить все вниманіе на уменьшеніе страшныхъ болей, происходящихъ отъ изъязвленнаго рака желудка. Онъ усилилъ пріемъ болеутоляющихъ средствъ, и особенно самаго сильнаго изъ нихъ — морфія, который назначался больному въ постепенно восходящихъ пріемахъ. Больной скоро привыкъ къ морфію и для полученія эффекта, т. е. болеутоляющаго и снотворнаго дѣйствія, необходимо было увеличивать дозу лѣкарства.

Боголюбовъ почти безотлучно находился при больномъ. Однажды, проснувшись ночью отъ жестокой боли въ области желудка, фельдмаршалъ, подозвавъ Боголюбова, сказалъ ему:

— Болить здѣсь, жестоко!.. Такая сильная боль, что какъ будто ножомъ рѣжетъ!.. Гдѣ Оппольцеръ?

— Онъ спитъ, былъ отвѣтъ Боголюбова.

— Разбуди ты этого нѣмца... Вѣдь беретъ страшныя деньги! Пусть придумаетъ что-нибудь для облегченія боли... Онъ меня мучить... Сейчасъ же позвать его!..

Боголюбовъ исполнилъ желаніе больного и разбудилъ Оппольцера, который жилъ тутъ же, въ замкѣ, въ отведенныхъ ему комнатахъ. Нужно замѣтить, что Оппольцеръ говорилъ только по-нѣмецки, а фельдмаршалъ не зналъ этого языка. Нѣмецкаго языка не зналъ и Боголюбовъ, и объяснялся съ Оппольцеромъ по-латыни.

Когда явился Оппольцеръ, то посоветовалъ только увеличить пріемъ морфія. Фельдмаршалъ приказалъ Боголюбову перевести на русскій языкъ слова профессора, сказанныя по-латыни. Боголюбовъ повиновался и сказалъ, что Оппольцеръ совѣтуетъ увеличить пріемъ морфія.

— Скажи ему, что я уже много принялъ этого лѣкарства... Оно не облегчаетъ боли... Пусть придумаетъ что-нибудь другое, болѣе дѣйствительное...

Боголюбовъ передалъ слова больного Оппольцеру по-латыни.

Онъ отвѣтилъ, что другихъ средствъ нѣтъ.

— Что сказалъ онъ? опять спросилъ больной.

— Говорить, что другихъ средствъ не имѣется, отвѣтилъ Боголюбовъ.

Фельдмаршалъ вспылилъ и съ негодованіемъ сказалъ:

— Скажи ему, что онъ дуракъ!.. Такъ прямо и скажи ему, что онъ дуракъ! Да непременно скажи... Я приказываю тебѣ сказать ему, что онъ дуракъ!

Боголюбовъ замаялся.

— Приказываю тебѣ сказать ему, что онъ дуракъ! въ третій разъ повторилъ фельдмаршалъ и добавилъ: я не шучу! приказываю тебѣ: такъ прямо и скажи ему, что онъ дуракъ!

Между тѣмъ, Оппольцеръ, видя разгнѣваннаго фельдмаршала,

въ свою очередь настоятельно сталъ спрашивать—что говорить фельдмаршалъ.

Боголюбовъ отвѣтилъ Оппольцеру по-латыни, что морфій не утоляетъ болей и что фельдмаршалъ просить во что бы то ни стало облегчить боли. Оппольцеръ задумался, а между тѣмъ фельдмаршалъ, обратясь къ Боголюбову, опять спросилъ:

— Ты сказалъ ему, что онъ дуракъ?

Зная настойчивый характеръ фельдмаршала и понимая, что онъ не шутить, отдавая подобное приказаніе, Боголюбовъ, сообразивъ и то, что больной не понимаетъ по латыни, а профессоръ не знаетъ по-русски, отвѣтилъ, что передалъ Оппольцеру слова фельдмаршала.

Профессоръ, видя нетерпѣніе фельдмаршала и догадываясь по тону словъ его, что онъ сердится, сказалъ Боголюбову по-латыни:

— Попробуемъ дать больному морфій же, но съ хлороформомъ, въ капляхъ... Онъ еще не принималъ хлороформа и подумаетъ, что это новое лѣкарство...

На вопросъ фельдмаршала, что говоритъ Оппольцеръ, Боголюбовъ отвѣчалъ, что назначаетъ новое лѣкарство — хлороформъ.

— Такъ что же онъ думалъ и дожидался дурака! Нашелъ-таки, что дать! Скажи ему, что я извиняюсь, что назвалъ его дуракомъ... Пусть назначить хлороформъ.

Боголюбовъ передалъ извиненіе въ томъ, что фельдмаршалъ будто бы сердился, и то, что больной просить о назначеніи хлороформа.

Само собою разумѣется, что и эта новая комбинація морфія съ хлороформомъ не помогла больному. Боли не унимались и сонъ былъ коротокъ и тревоженъ; малѣйшій пріемъ пищи и питья вызывалъ рвоту. Гидратъ хлорала, которымъ было бы легче унять боли и доставить сонъ больному, къ сожалѣнію, въ то время не знали.

Такіе взрывы негодованія и подобныя описаннымъ сцены повторялись очень часто въ теченіе болѣзни фельдмаршала, и все это, конечно, зависѣло отъ нестерпимыхъ болей, которыя зависѣли въ свою очередь отъ изъязвленнаго рака желудка.

Положеніе Боголюбова было трудное: съ одной стороны нужно было угождать больному, а съ другой невозможно было пере-

давать Оппольцеру всего, что больной высказывалъ въ своемъ годованіи на профессора.

Оппольцеръ пробылъ въ Варшавѣ 6 недѣль, т. е. 42 дня или 1.008 часовъ и получилъ слѣдовательно 100.800 гульденовъ (австрійскихъ), кромѣ путевыхъ издержекъ и полного содержанія!

Послѣ смерти фельдмаршала Боголюбовъ получилъ за все время лѣченія—1.600 рублей съ чѣмъ-то, и Боголюбовъ никакъ не могъ объяснить себѣ, какимъ образомъ оцѣнивали его трудъ и какими руководствовались соображеніями при назначеніи ему гонорара.

Весьма интересныя подробности рассказывалъ мнѣ А. А. Боголюбовъ о посѣщеніяхъ Уяздовскаго госпиталя императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Нужно замѣтить, что императоръ заботился о больномъ солдатѣ столько же, какъ и о здоровомъ, если еще не больше. Посѣщая Уяздовскій госпиталь, государь говорилъ: больной солдатъ достоинъ бдльшаго вниманія, нежели здоровый, и если мы не будемъ пецись о немъ, то и онъ не будетъ служить намъ съ охотою и преданностію, какъ увидить, что онъ намъ нуженъ только здоровый.

Императоръ весьма часто пріѣзжалъ въ Варшаву, и первымъ дѣломъ его было побывать въ госпиталѣ. Не было ни одного посѣщенія Варшавы, чтобы государь не посѣтилъ госпиталя, а если оставался долго, то посѣщалъ госпиталь по два и по три раза. Останавливаясь или въ Лазенковскомъ, или въ Бельведерскомъ дворцѣ, (близко отъ Уяздовскаго госпиталя), государь рано выходилъ на прогулку и заходилъ въ госпиталь весьма рано. При этомъ онъ любилъ проходить въ госпиталь незамѣченнымъ, и часто не съ параднаго входа, гдѣ поднималась тревога, но съ боковыхъ или съ заднихъ входовъ, приказывая, чтобы дежурные у входовъ не давали знать госпитальному начальству о его прибытіи.

Нерѣдко случалось такъ, что ни врачей, ни другихъ чиновъ въ госпиталѣ еще не было, а государь уже давно ходилъ по палатамъ между больными и разспрашивалъ ихъ объ уходѣ, пищѣ и содержаніи въ госпиталѣ. Однажды, когда А. А. Боголюбовъ былъ еще ординаторомъ и завѣдывалъ хирургическимъ отдѣленіемъ, императоръ вошелъ въ госпиталь никѣмъ незамѣченный, въ началѣ 8-го

часа утра, прошелъ нѣсколько палатъ, и никто изъ больныхъ и служителей не узналъ его, полагая, что по госпиталю ходитъ генераль. Боголюбовъ завѣдывалъ тогда хирургическимъ отдѣленіемъ и любилъ ходить на службу очень рано, а особенно въ этотъ день онъ пришелъ раньше обыкновеннаго, потому что предстояло наложить гипсовую повязку больному съ переломомъ бедра. Приступивъ къ этой сложной и довольно грязной работѣ, онъ снялъ сюртукъ, надѣлъ фартукъ и принялся накладывать повязку. Окончивъ наложеніе повязки и значительно утомившись (по той причинѣ, что долго былъ въ наклонномъ положеніи), А. А. Боголюбовъ подался немного назадъ и выпрямился, чтобы расправить уставшіе члены. Въ это время онъ толкнулъ кого-то, стоявшаго сзади и, оглянувшись, къ изумленію, увидѣлъ за собою стоявшаго императора. Какъ оказалось, государь уже давно стоялъ позади и наблюдалъ за наложеніемъ повязки. Боголюбовъ обомлѣлъ и схватилъ сюртукъ, чтобы надѣть его, но государь остановилъ его и сказалъ:

— Продолжай твое дѣло и не придавай никакого значенія моему присутствію и тому, что ты безъ сюртука... Ты трудишься въ потѣ лица и имѣешь полное право продолжать работу безъ сюртука.

Окончивъ наложеніе повязки, Боголюбовъ умылъ руки и надѣлъ сюртукъ, а императоръ стоялъ тутъ же и, когда все было готово, сказалъ:

— Благодарю за усердную службу! Ну, теперь веди меня по госпиталю.

И они пошли вмѣстѣ по палатамъ хирургическаго отдѣленія. Вдругъ государь прочиталъ на доскѣ у одного больнаго: «*fractura clavicolae*» (переломъ ключицы) и остановился.

— У него переломъ ключицы? спросилъ онъ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, продолжалъ:

— А знаешь ли, что у меня былъ также переломъ ключицы? Какая повязка у этого больнаго?

— Повязка Ваше Императорское Величество, самая простая: треугольная подушка подъ мышкой, слегка укрѣпленная, и косышка для поддержанія больной руки...

— А знаешь ли, какую наложили мнѣ повязку? И вспомнить

не могу, что я претерпѣлъ... Мнѣ стянули всю грудь и захватили часть живота, я дышать не могъ, потерялъ аппетитъ и сонъ... Меня мучили такъ въ продолженіе 6 недѣль! и оказалось, что вовсе не слѣдовало этого дѣлать! Да! я никогда не забуду этого мученія.

Государь говорилъ о переломѣ ключицы, который случился у него въ дорогѣ, когда лошади понесли экипажъ съ горы во время путешествія его по Россіи, не далеко отъ г. Чембара (Пензенской губерніи). Государя сопровождалъ тогда лейбъ-медикъ Арендтъ и наложилъ ему тяжелую крахмальную повязку, сильно сдавившую грудь и даже верхнюю часть живота, а такъ какъ императоръ былъ крѣпкаго, атлетическаго сложенія, то сдавленіе груди и живота вызвало тяжкіе припадки—стѣсненіе дыханія и нарушеніе пищеваренія. Арендтъ былъ невиновать, потому что тогда лѣчили переломы ключицы сложными, тяжелыми повязками, и вполнѣ правильно, почему и оставили прежнія многосложныя повязки. Однако, Арендтъ, вслѣдствіе всего сказаннаго, уже не пользовался довѣріемъ императора.

Само собою разумѣется, что такое событіе, какъ внезапное посѣщеніе госпиталя императоромъ, не могло остаться незамѣченнымъ и въ то время, когда онъ ходилъ по госпиталю съ Боголюбовымъ, начали прибывать госпитальные чины. Сначала явился смотритель, за нимъ главный докторъ. Принявъ отъ нихъ рапорты, государь сдѣлалъ имъ нѣкоторыя замѣчанія, и хорошее расположеніе духа его замѣтно стало ухудшаться, замѣнившись наконецъ строгимъ взглядомъ, наводившимъ трепетъ на госпитальныхъ чиновъ. Вдругъ, государь подошелъ къ одному больному и спросилъ его—на какой онъ порціи?

Больной оказался на 1-й ординарной порціи и получалъ хлѣбъ. Государь взялъ хлѣбъ въ руки, посмотрѣлъ его, а потомъ, отломивъ небольшой кусочекъ и попробовавъ, обратился къ смотрителю и главному доктору и сказалъ:

— Хлѣбъ дурно выпеченъ и съ закаломъ! Такъ вотъ какимъ хлѣбомъ кормите вы больныхъ!

Смотритель и главный докторъ перепугались и не могли отвѣтить ни слова.

Императоръ, держа хлѣбъ въ рукѣ, пошелъ дальше, останавливался у многихъ больныхъ и смотрѣлъ хлѣбъ. Вездѣ оказалось, что хлѣбъ дурно выпеченъ. Такъ какъ о посѣщеніи госпиталя императоромъ дали знать въ штабъ, то въ госпиталь прибыли вскорѣ инспекторъ госпиталей генераль Заболоцкій и начальникъ штаба князь Горчаковъ (впослѣдствіи главнокомандующій въ Севастополь). Досталось и обоимъ этимъ лицамъ за дурно-выпеченный хлѣбъ, кусокъ котораго императоръ не выпускалъ изъ рукъ. Затѣмъ, онъ направился къ выходу, и въ это время къ госпиталю подѣхалъ фельдмаршалъ Паскевичъ.

— Посмотри, отецъ-командиръ, сказалъ государь, какимъ хлѣбомъ кормятъ больныхъ въ Уздовскомъ госпиталѣ! Фельдмаршалъ бросилъ бѣглый, суровый взглядъ на всю плеяду начальствующихъ лицъ, тутъ же стоявшихъ съ вытянутыми фізіономіями. Государь и фельдмаршалъ сѣли въ экипажъ и отѣхали по направленію къ Вейской улицѣ. На этой улицѣ въ то время былъ небольшой домикъ вычурной архитектуры, именно съ какими-то башенками на крышѣ. Государь пожелалъ узнать — чей это домъ? Остановили экипажъ и узнали, что домъ принадлежитъ комиссару госпиталя, заведующему продовольственной частью въ немъ. Это, разумѣется, навело на мысль, что комиссаръ, получающій очень малое жалованье, приобрѣлъ домъ на доходы съ госпиталя. Говорили тогда, что на комиссара былъ сдѣланъ доносъ, въ которомъ упоминалось о томъ, что онъ дурно кормитъ больныхъ, а между тѣмъ завелся собственнымъ домомъ. А. А. Боголюбовъ отвергаетъ это мнѣніе и объявляетъ все дѣло случайнымъ совпаденіемъ обстоятельствъ: хлѣбъ оказался дурнымъ, архитектура дома комиссара была очень вычурная, бросавшаяся въ глаза, и потому обратила вниманіе государя. Все, слѣдовательно, способствовало заключенію о томъ, что комиссаръ имѣетъ доходы съ госпиталя, и поэтому хлѣбъ дурно выпекается и проч. Дѣло кончилось тѣмъ, что всѣ чины получили строгіе выговоры и внушенія, а именно инспек-

торъ госпиталей и главный докторъ; смотритель же былъ арестованъ на гауптвахтѣ. Но всего болѣе досталось комиссару, который былъ уволенъ отъ службы. Оказалось, однако, что комиссаръ купилъ домъ въ долгъ, на занятія у евреевъ деньги, и какъ только былъ уволенъ отъ службы, тѣ же евреи разнесли его достояніе.

Въ другой разъ, по разказу А. А. Боголюбова, императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ Уяздовскій госпиталь по причинѣ значительной смертности въ госпиталѣ отъ тифа и чахотки легкихъ. Государь остался опять недоволенъ госпитальными порядками, и, выразивъ строгое порицаніе за неуспѣшное лѣченіе больныхъ, повелѣлъ врачамъ госпиталя вмѣсто серебрянаго оклада, который они получали, назначить внутренней, ассигнаціонный окладъ жалованья, который былъ присвоенъ всѣмъ врачамъ въ имперіи. Необходимо здѣсь пояснить, что врачи въ Царствѣ Польскомъ получали вмѣсто рубля ассигнаціями рубль серебромъ, вслѣдствіе чего окладъ ихъ жалованья въ $3\frac{1}{2}$ раза превышалъ тотъ же окладъ врачей, служившихъ въ имперіи, такъ что если врачъ въ Имперіи получалъ 1.000 руб. ассигнаціями, то въ Царствѣ Польскомъ его жалованье было—3.500 руб. ассигнаціями, или 1.000 руб. сер. Вотъ, этого-то серебрянаго оклада и лишились врачи Уяздовскаго госпиталя за неуспѣшное лѣченіе больныхъ. Это лишеніе продолжалось болѣе года, и только по особому ходатайству фельдмаршала врачамъ госпиталя былъ возвращенъ серебряный окладъ, но безъ выдачи за прошедшее время. Серебряный окладъ получали всѣ военные врачи въ Царствѣ Польскомъ до 1859 года, когда, уже въ царствованіе императора Александра II-го, были введены, при директорѣ военно-медицинскаго департамента Енохинѣ (росписаніе окладовъ 17-го апрѣля 1859 года), одинаковые для всѣхъ врачей оклады. Весьма интересенъ разказъ А. А. Боголюбова о кончинѣ въ Варшавѣ великаго князя Михаила Павловича, въ 1849 году. Былъ назначенъ смотръ войскамъ, на который прибылъ великій князь. Сѣвъ на коня, онъ началъ объѣздъ войскъ и вдругъ зашатался и сталъ падать съ коня. Съ нимъ сдѣбался апоплексическій ударъ. А. А. Боголюбовъ, въ числѣ другихъ врачей, участвовалъ въ подаваніи пособій заболѣвшему великому князю. Къ сожалѣ-

нію, пособія эти остались напрасными, и великій князь вскорѣ скончался отъ апоплексіи.

А. А. Боголюбовъ былъ также свидѣтелемъ того, какъ, послѣ Венгерской кампаніи, фельдмаршалу Паскевичу была оказана великая почестъ императоромъ Николаемъ Первымъ. Эта почестъ состояла въ отданіи фельдмаршалу царскихъ почестей. Все это происходило на Уяздовскомъ плацу, гдѣ были собраны войска. Фельдмаршалъ находился въ домѣ придворнаго вѣдомства, извѣстномъ подъ названіемъ: «Раздрожья». Императоръ прибылъ къ войскамъ прежде фельдмаршала. По отданіи войсками царскихъ почестей императору, онъ принялъ команду надъ ними. Въ это время показался фельдмаршалъ, — идущій изъ Раздрожья пѣшкомъ. Императоръ скомандовалъ, и войска преклонили знамена предъ фельдмаршаломъ, который былъ растроганъ этою великою почестію до глубины души, и въ тотъ моментъ, когда фельдмаршалъ въ знакъ благодарности хотѣлъ преклонить колѣно предъ императоромъ, послѣдній не допустилъ его до этого и облобызалъ фельдмаршала. Зрѣлище это, какъ выраженіе того, какъ монархъ высоко цѣнитъ заслуги своего подданнаго, въ присутствіи войскъ и всего генералитета, было, по истинѣ, умиленнымъ и потрясающимъ, но вмѣстѣ и поощряющимъ войска и всѣхъ присутствовавшихъ военныхъ чиновъ къ рвенію по службѣ и къ военнымъ подвигамъ.

О дуэли, бывшей между намѣстникомъ Царства Польскаго графомъ Ламбертомъ и генераломъ Герштенцвейгомъ, Боголюбовъ, лѣчившій послѣдняго, сообщалъ мнѣ слѣдующее, но не касался поводовъ къ дуэли. Генераль Герштенцвейгъ вытянулъ узелокъ (дуэль была американская) и долженъ былъ застрѣлиться. Онъ выстрѣлилъ себѣ въ ротъ, причемъ пуля пробила твердое небо и зашла, какъ полагали, въ верхней челюстной кости. Удалить пулю не удалось, и впослѣдствіи догадки о мѣстѣ нахождения пули, основанныя на томъ, что смерть Герштенцвейга не послѣдовала мгновенно, рушились, потому что вскорѣ появились мозговые явленія, завившія отъ давленія на мозгъ, почему и необходимо допустить, что пуля зашла гдѣ-нибудь близъ основанія мозга и вслѣдствіе развившагося воспаленія обусловила воспаленіе мозговыхъ оболочекъ, поведшее къ смертельному исходу.

Вотъ все, что я слышалъ интереснаго отъ А. А. Боголюбова, и тогда же старался записать все. Не будучи очевидцемъ описанныхъ событій, сообщаю о нихъ, какъ слышалъ, и, еслибы вкрались какія-либо неточности въ приведенныхъ разсказахъ, заранѣе прошу меня извинить.

Къ тому, что сказано уже выше, добавлю еще нѣсколько словъ о личности Андрея Алексѣвича Боголюбова. Отличаясь превосходнымъ знаніемъ хирургіи и медицины вообще, А. А. Боголюбовъ вмѣстѣ былъ и чрезвычайно опытнымъ практическимъ врачомъ, а потому въ свое время имѣлъ большую частную практику въ Варшавѣ, особенно между русскими. Онъ былъ домашнимъ врачомъ при всѣхъ намѣстникахъ, начиная съ Паскевича. Только при генералъ-губернаторѣ Коцебу, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, Боголюбовъ пересталъ заниматься частною практикой, но принималъ весьма часто консультативное участіе въ лѣченіи больныхъ, поражая всѣхъ своею опытностію и даже знаніемъ современнаго состоянія медицинскихъ наукъ, за успѣхами которыхъ, несмотря на преклонный возрастъ, онъ слѣдилъ съ юлешескимъ пыломъ. Вѣнцомъ медицинскихъ познаній его была хирургія, съ превосходнымъ знаніемъ анатоміи и огромнымъ практическимъ навыкомъ къ производству труднѣйшихъ хирургическихъ операцій, тѣмъ онъ обязанъ былъ своей долготѣней и обширной практикѣ въ Уяздовскомъ госпиталѣ, въ которомъ провелъ лучшія лѣта жизни, а именно съ 1832 по 1868 годъ. Дѣятельность его, какъ военно-медицинскаго инспектора, можетъ быть характеризована немногими словами: это былъ одинъ изъ превосходнѣйшихъ администраторовъ и неутомимыхъ тружениковъ, знавшій и умѣвшій цѣнить каждаго врача своего округа. Ему были извѣстны и степень познаній каждаго врача, и то, къ чему каждый былъ способенъ по своимъ познаніямъ, какимъ кто обладалъ характеромъ и какими качествами, кто къ чему способенъ по образу своихъ мыслей и взглядовъ, по аккуратности исполненія служебныхъ обязанностей и порученій и т. д. Однимъ словомъ, въ этомъ отношеніи, т. е. въ отношеніи оцѣнки и знанія врачей, едва-ли кто могъ бы сравниться съ Боголюбовымъ. Будучи медицинскимъ инспекторомъ, онъ посѣщалъ весьма часто Уяздовскій госпиталь. Ипогда не проходило и двухъ дней, чтобы онъ не

*

заглянулъ въ госпиталь — это дѣтище его, въ которомъ онъ самъ учился, совершенствовался и созрѣлъ для многообразной и обширной дѣятельности. Чаше всего онъ приходилъ въ госпиталь въ утренніе часы, во время визитаціи, обходилъ палаты, знакомился съ врачами, давалъ совѣты и принималъ консультативное участіе въ распознаваніи и лѣченіи трудныхъ болѣзненныхъ случаевъ, но особенно онъ любилъ присутствовать при производствѣ хирургическихкихъ операций. Все это было не только результатомъ его глубокой заботливости по занимаемой имъ должности, но и результатомъ его любви къ наукѣ, къ госпиталю, въ которомъ провелъ столь плодотворно лучшіе годы жизни и выросъ въ знаменитость своего времени.

На долю мою выпало завидное счастье—прослужить подъ начальствомъ А. А. Боголюбова, въ должности главнаго доктора Уяздовскаго госпиталя, почти 12 лѣтъ. Во все это время я не могъ ощущать ничего инаго, какъ особаго и безграничнаго почти уваженія къ нему. Каждаго обласкать, воздать каждому должное, утѣшить, успокоить, облегчить бремя врача, вывести его изъ затрудненій и сколько возможно прикрыть его недостатки, сгладить проступки и защитить—для А. А. Боголюбова было привычное дѣло. Но чѣмъ выше поставленъ человѣкъ, тѣмъ болѣе у него является завистниковъ, и тѣмъ сильнѣе дѣлается языкъ и острѣе рѣчь клеветника. И А. А. Боголюбовъ не избѣгнулъ этой участи, которая, къ сожалѣнію, есть достояніе cadaго человѣка, призваннаго къ болѣе или менѣе высокому служенію. Говоря это, я вовсе не утверждаю, что А. А. Боголюбовъ, какъ человѣкъ, по закону: *«homo sum et nihil humanum me alienatum esse puto»*, — не имѣлъ слабостей, но не мнѣ судить объ нихъ. Я сопоставляю эти слабости съ его великими качествами и вижу, что послѣднія берутъ перевѣсъ, а, по словамъ Горация, человѣкъ будетъ уже хорошимъ, если итогъ его хорошихъ качествъ превышаетъ сумму дурныхъ. Притомъ, нужно замѣтить, что, вслѣдствіе любви своей къ медицинскому сословію, А. А. Боголюбовъ былъ добръ даже для многихъ недостойныхъ личностей, пользовавшихся его доброю, и отсюда происходило то, что ему приписывалось иногда многое, что было несомнѣнно съ его доброю душою. Итакъ, пусть говорятъ о слабостяхъ

что тѣ, которые ихъ знали, а я не могу здѣсь ничего больше сказать, исключая того, что А. А. Боголюбовъ, какъ врачъ, былъ на высотѣ своего призванія, крѣпко держалъ въ рукахъ своихъ знамя науки и, какъ человѣкъ, сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать хорошаго.

Какъ сказано уже выше, на должность военно-медицинскаго инспектора онъ назначенъ въ 1868 году, и самъ тогда говорилъ мнѣ, что ему было 64 года отъ рожденія, а слѣдовательно онъ родился къ 1804 г. Въ должности военно-медицинскаго инспектора онъ оставался около 15 лѣтъ и скончался въ 1888-мъ году. Въ 1879 году праздновался 50-ти лѣтній юбилей его военно-медицинской службы. А. А. Боголюбовъ имѣлъ всѣ ордена до Бѣлаго орла включительно, а по случаю юбилея получилъ золотую, осыпанную брильянтами табакерку. Врачи Варшавскаго военнаго округа чествовали его въ день юбилея обѣдомъ, на которомъ было прочитано множество поздравительныхъ телеграммъ и писемъ, а равно поздравленій отъ главнаго военно-медицинскаго управленія и военно-медицинскаго ученаго комитета. Кромѣ того, врачи собрали по подпискѣ около 6 тысячъ рублей, на проценты съ которыхъ учреждена стипендія при медицинскомъ факультетѣ императорскаго Московскаго университета. Скончался А. А. Боголюбовъ тихо, сидя въ своемъ кабинетѣ, послѣ возвращенія съ вечерней прогулки. Нужно полагать, что онъ страдалъ атероматознымъ процессомъ въ сосудистой системѣ, или аневризмой аорты, потому что въ послѣднее время моего знакомства съ нимъ онъ часто жаловался на одышку, сухой кашель и на хрипоту. Эти припадки могли зависѣть отъ давленія аневризмы на бронхи, а можетъ быть, слѣдствіе атеромы, произошла закупорка въ сосудахъ мозга, чтѣ и было причиною мгновенной смерти. Онъ погребенъ въ Варшавѣ, на Вольскомъ православномъ кладбищѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАЧАТКИ ЕДИНОВѢРІЯ НА УРАЛѢ¹⁾

I.

асколь, какъ мы его называемъ, т. е. уклоненіе отъ святой православной церкви, всегда и всюду былъ и есть до сихъ поръ одно изъ величайшихъ золъ въ дѣлѣ просвѣщенія народа и особенно развитія нравственныхъ началъ въ духѣ высшихъ предназначеній. Несмотря ни на преслѣдованіе послѣдователей старой вѣры, несмотря ни на увѣщанія, льготы и различныя преимущества, которыя давались раскольникамъ, число ихъ почти не убавляется.

Распространители раскола, вообще люди мало развитые, конечно, съ заранѣе предвзятою цѣлію, не ограничивались сѣять сѣмена раздора или поддерживать свое ученіе тамъ, гдѣ оно уже привилось раньше и сильно укрѣпилось. Они, большею частію, уходили на далекія окраины государства, гдѣ, не преслѣдуемые никѣмъ, удобно скрываясь отъ глазъ правительства, разными общаніями вербовали больше и больше себѣ послѣдователей.

Удобными мѣстами для раскольнической пропаганды въ былое время были Стародубье и Вѣтка, иргизскіе лѣса и весь Приволжскій край, затѣмъ Сибирь, Оренбургскій край и Приуралье.

Что въ Оренбургскомъ краѣ расколъ не есть мѣстное явленіе, это подтверждается тѣмъ, что по характеру своему край этотъ

¹⁾ Изъ дѣлъ Оренбургскаго центральнаго архива за 1858 годъ.

былъ всегда и даже до сихъ поръ мѣстомъ постоянной русской колонизаціи. Поэтому причины появленія и распространенія раскола здѣсь заключаются, во-первыхъ, въ томъ, что вмѣстѣ съ совершавшимся и совершающимся переселеніемъ сюда изъ средне-русскихъ губерній были заносимы и сѣмена раскола, производившія въ послѣдствіи свой гибельный плодъ; во-вторыхъ, въ томъ значеніи, какое имѣлъ Оренбургскій край въ общемъ составѣ русскихъ областей, какъ мѣсто ссылки гражданскихъ преступниковъ, и наконецъ—въ той связи, какую край этотъ имѣетъ по своему географическому положенію съ другими губерніями, болѣе или менѣе зараженными расколомъ.

Глушь и отдаленность его отъ Москвы, центра государственной жизни и дѣятельности, приволье мѣстъ прекрасныхъ, лѣса, относительная свобода дѣйствій—привлекали сюда, конечно, массу переселенцевъ и особенно на мѣста, занятыя казаками, впервые появившимися на Уралѣ и основавшими здѣсь первыя поселенія, и пользовавшимися особенными льготами передъ прочими поселенцами, какъ охранители восточныхъ границъ Россіи отъ набѣговъ туземныхъ племенъ Средней Азіи.

Казачество вездѣ и всегда, гдѣ бы только ни появлялось, большею частію, оставалось при тѣхъ формахъ раскола, какія явились въ XVII вѣкѣ. Заносимыя сюда искавшими приволья удалцами сѣмена раздора укрѣплялись скорѣе, ибо некому было направить этихъ воякъ по стезямъ истиннаго вѣроученія и вразумить гибельное уклоненія отъ православной церкви, если религія составляла для нихъ не что иное, какъ звено для соединенія ихъ братства и поддержанія между собой нѣкоторой дисциплины.

Въ другихъ мѣстахъ имперіи раскольники перемѣшаны съ православнымъ населеніемъ, и мѣры строгости или снисходительности, принимаемыя правительствомъ для ослабленія раскола, не отзывались и не могли отзываться такъ на всю массу населенія. На Уралѣ же, или скорѣе сказать въ Уральскомъ войскѣ, расколъ чрезвычайно трудно было ослабить, такъ какъ казаки всѣ придерживались старины и даже такіе, кои видимо слѣдовали ученію православной церкви, и эти послѣдніе, чтобы не отстать отъ другихъ, исполняли всѣ раскольническіе обычаи.

До 1780 года почти все войско принадлежало къ церкви единовѣрческой, но какъ только въ этомъ году послѣдовало разрѣшеніе принимать бѣглыхъ поповъ и строить часовни, казаки перешли въ старообрядчество. Особенно былъ значителенъ переходъ къ расколу въ 1810 году по случаю большаго количества бѣглыхъ изъ Россіи ¹⁾.

Расколъ въ Оренбургскомъ краѣ открылся сначала на берегахъ р. Волги, въ нынѣшней Самарской губерніи ²⁾.

Населеніе здѣсь въ то время было очень рѣдкое и притомъ по берегамъ большихъ рѣкъ; остальное же пространство представляло непроходимыя лѣса, извѣстныя подъ именемъ Иргизскихъ, и дикія необъятныя степи — Приволжскія, — мѣста отдаленныя и удобныя для убѣжища бродягъ и преступниковъ.

Многіе изъ нихъ, избѣгая за свои преступленія кары закона, убѣгали сюда—въ эти пустынные мѣстности, и основывали тутъ постоянныя жилища вдали отъ не всегда дремлющаго ока властей. Уже въ XVIII столѣтіи сюда являются такіе, коихъ правительство преслѣдовало за содержаніе и распространеніе раскола, какъ, на примѣръ, вѣтковцы, бѣжавшіе изъ Польши и проникнувшіе на Иргизъ въ концѣ царствованія императрицы Елизаветы Петровны и въ началѣ царствованія Екатерины II.

Когда же императрица Екатерина Алексѣевна, по восшествіи на престолъ, манифестомъ 4-го декабря 1762 года объявила всѣмъ, бѣжавшимъ въ Польшу, раскольникамъ прощеніе и призывала ихъ возвратиться обратно въ Россію, назначая имъ привольныя мѣста близъ Иргиза, 120 старообрядческихъ семействъ возвратились изъ Польши и не далеко отъ р. Иргиза, близъ Волги въ нынѣшнемъ Николаевскомъ уѣздѣ, основали первыя поселенія: Криволучье, Балаково, Каменку и Мечетное (нынѣ г. Николаевскъ). Скоро къ нимъ присоединились другіе выходцы, а потомъ потекли еще и еще поселенцы, съ каждымъ днемъ увеличивая число селъ и деревень.

Въ каждомъ селеніи старовѣры устраивали особую избу, въ

¹⁾ См. дѣло Оренб. центр. арх. № 188 (начало 5-го января 1858 г.), листъ 19.

²⁾ Тамъ же, дѣло № 193, за 1837 г., листъ 20.

которую собирались по праздничнымъ днямъ на богомоленіе подъ «началомъ» своихъ начетчиковъ и наставниковъ, избранныхъ изъ своей же среды грамотныхъ и знавшихъ служеніе по правиламъ церковнымъ.

Около селеній этихъ вскорѣ образовались скиты, по образцу стародубскихъ скитовъ. Первымъ былъ скитъ Абрамievъ, устроенный въ 1762 году близъ села Криволучье, переименованный потомъ въ Нижне-Воскресенскій монастырь; за нимъ Исакиевъ, — противъ села Каменки, носившій впослѣдствіи названіе Верхне-Преображенскій монастырь; — оба мужскіе. Лѣтъ на десять позднѣе одинъ за другимъ выросли еще три скита: одинъ мужскій — Средне-Никольскій, именованшійся еще по устройтелю его Филаретовскимъ, и два женскихъ: Верхній — Спасопреображенскій и Покровскій.

Молва объ устройствѣ скитовъ стала собирать сюда еще больше новыхъ обитателей. И особенно расколъ вошелъ въ силу между 1776 и 1826 годами, когда на Иргизѣ появился выходецъ изъ Вѣтки, инокъ Сергій, сынъ московскаго купца Юршева, одинъ изъ главныхъ виновниковъ убіенія архіепископа Амвросія.

Воспользовавшись милостивымъ манифестомъ Екатерины II, онъ прибылъ сюда съ походной церковью и необходимой при ней утварью и общимъ голосомъ скитниковъ былъ избранъ настоятелемъ Верхне-Преображенскаго скита.

Взявъ въ свои руки управленіе иноками, онъ скоро счумѣлъ возвысить значеніе Иргиза во всей поповщинѣ. Большему успѣху способствовало его происхожденіе, извѣстное старообрядцамъ, и особенно его начитанность, трезвость и практическій умъ.

Имѣя даръ краснорѣчія, онъ вскорѣ сошелся съ богатымъ купечествомъ вольскимъ и саратовскимъ, и при помощи ихъ богатыхъ вкладовъ построилъ нѣсколько церквей. Имя его стало извѣстно и на Дону, и на Уралѣ, и по всему протяженію Волги, и слава о благочестіи Иргиза росла съ каждымъ днемъ.

Преемникъ Сергія, инокъ Прохоръ, управлявшій тридцать лѣтъ иргизскими скитами, успѣлъ еще больше увеличить значеніе Иргиза для окружныхъ раскольниковъ. Для привлеченія большаго числа послѣдователей, настоятели монастырей посылали въ раз-

ныя мѣста особыхъ способныхъ людей. Сѣмена раздора коснулись уральскихъ предѣловъ и стали разноситься по всему Приуралью, увеличивая ревнителей благочестія. Посылаемые съ Иргиза попы открыто совершали служеніе въ старообрядческихъ часовняхъ на Уралѣ и исполняли всѣ нужныя требы.

Съ паденіемъ въ 1829—1841 годахъ Иргиза, когда скиты были преобразованы въ единовѣрческіе монастыри, расколъ въ Уральскомъ войскѣ еще больше усилился, ибо туда потекло большинство тѣхъ, которые не хотѣли принять благословенное священство.

Тутъ бѣглые попы не только совершали служеніе всенощныхъ, часовъ и литургія, они вѣнчали браки, записывая ихъ въ свои, особо заведенныя, книги, и даже выдавали бракосочетавшимся свидѣтельства за своими подписями. Свидѣтельства эти такъ курьезны, такъ написаны безсмысленно, съ явной претензіей обмрачивать темный народъ, что одно изъ нихъ слѣдуетъ, какъ образецъ, привести здѣсь въ подлинникѣ:

«Свидѣтельство,

Данное мною при сочетаніи брака Уральскаго казачьяго войска Аршавскаго форпоста казаку Мокею Чапурину въ томъ, что онъ Чапуринъ не подлежитъ къ великороссійской и единовѣрческимъ церквамъ, а издревле отъ предковъ рода своего, именуется старообрядцы, кои пользуются принадлежащими потребамъ по христіанскому долгу, отъ бѣглыхъ священниковъ, а хотя Его Императорское Величество Государь Императоръ и публиковалъ гг. губернаторамъ, что бѣглые священники кои не учинили уголовнаго преступленія, таковыхъ съ мѣстовъ не истреблять, а пусть священнодѣйствуютъ, въ нарекаемыхъ старообрядцахъ, по изданному указу въ 26 день марта мѣсяца 1822 года, но сего указа не исполняютъ, а бѣглыхъ священниковъ безпощади искореняютъ, а поэтому и ни въ какомъ мѣстѣ постоянно дѣйствовать невозможно, по крайней мѣрѣ я смиренный священникъ Михайло по возложенный на мя отъ Вышняго Творца Господа Иисуса Христа и Вседержителя всей вселенной, пасти словесное Христово стадо, и подтвердивъ намъ Истинный Владыко Своими Пречистыми устами,

чтобы имѣть строжайшее и усердное наблюденіе, и не допустить до гибели единой души, угрожая за упущеніе хочеть взыскати за каждую душу, а потому и страшно оставить, чтобы не дѣйствовать о преданныхъ мнѣ единовѣрныхъ о Христѣ словесныхъ овецъ, 22 числа сего іюля мѣсяца, встрѣтившись мнѣ на пути вышепрописанный казакъ Чапуринъ, который позналъ по гласу своего пастыря и съ неизрѣченнымъ убѣжденіемъ просилъ меня сочестся бракомъ, по согласію государственнаго крестьянина Симбирской губерніи, Бузулукскаго уѣзда, Романовской волости, Тихаповской сельской расправы, деревни Антоновки, Василя Иванова и жены его Дары Михайловой Котельвиковыхъ, которые предали родную свою дочь дѣвицу Степаниду Васильеву для сочетанія законнымъ бракомъ, коихъ я повѣнчалъ страха ради въ пустомъ мѣстѣ, а для истиннаго спасенія отъ притѣсняющихъ вручилъ имъ сіе свидѣтельство и покорнѣйше прошу исправляющихъ праведно Государя Императора Высочайшее установленіе, сихъ двухъ лицъ казака Мокея Чапурина и Степаниду Васильеву мною повѣнчанныхъ не сотворить имъ никакого притѣсненія, въ противномъ же случаѣ не допустить и меня за обиду и притѣсненіе врученной мнѣ отъ Бога паствы словеснаго стада принести жалобу «пріемымъ» наблюдателямъ Всемилостивѣйшаго всероссійскаго монарха, правилы; а для совершеннаго удостовѣренія прилагаю подпись и именную съ восьмиконечнымъ крестомъ печать. 1857 года, іюля 22 дня. Скитающійся въ тайнѣ истинный о Христѣ Господѣ нашемъ священникъ и вѣрный служитель отецъ Михайло Павловъ. Причетникъ Василій Чернобровинъ».

Уральцы бѣльшую частью придерживаются бѣглопоповщины или, какъ они себя именуютъ, «пріемлющіе священство». Безпоповцевъ, т. е. не признающихъ священства, очень мало, и то только въ Илекѣ и на Верхней дистанціи, ближе къ предѣламъ нынѣшнихъ губерній—Оренбургской и Самарской. Изрѣдка встрѣчаются и перекрестенцы, и поморы, появившіеся съ своими вѣроученіями въ началѣ текущаго столѣтія. Въ пятидесятыхъ же годахъ изъ села Александровъ-Гаи, Самарской губерніи, стали заноситься сѣмена сектантскихъ ученій духоборовъ и молоканъ. Раскольники поповщинскаго толка (бѣглопоповщинцы) охотно принимаютъ и по-

новъ австрійскаго согласія, такъ что можно приблизительно сказать, что половина бѣглопоповцевъ признають священство бѣлокрилицкаго посвященія за истинное; къ этой половинѣ принадлежали и скиты: Сергіевскій (мужской) и Садовой (женскій).

Въ пятидесятыхъ годахъ особенно выдѣлялись попы австрійскаго толка Аркадій, разбѣзжавшій внизъ по Уралу и по хуторамъ; Ѳедотъ или Ѳедоръ, «понившій», начиная отъ Уральска, по верхней линіи, и затѣмъ Сильвестръ, находившійся постоянно въ Уральскѣ, изрѣдка только наѣзжая къ богатымъ раскольникамъ въ окрестности, и выдавалъ себя за епископа.

«Поймать этихъ поповъ не трудно было бы», — какъ пишетъ въ апрѣлѣ 1858 года атаманъ Уральскаго войска, флигель-адъютантъ Столыпинъ, въ своей докладной запискѣ на имя оренбургскаго генераль-губернатора¹⁾, — «но ни къ чему не послужитъ это; у нихъ правильные паспорта, производятъ они богослуженія такъ тайно, что уличить ихъ трудно, и съ собой никогда не возятъ вещей, которыя могли бы ихъ компрометтировать». Затѣмъ главными факторами распространенія раскола въ войскѣ были еще иногородніе торговцы. Они поставляли раскольникамъ поповъ изъ Москвы; они же привозили разныя духовныя книги и распространяли между сектантами и такія, которыя были запрещены. Выдающимися дѣятелями такого распространенія были купецъ Мальцевъ, снимавшій въ предѣлахъ уральскихъ участки подѣ хлѣбопашество, и мелкій торговецъ въ городѣ Уральскѣ, Сямаковъ. Послѣдній прежде принадлежалъ къ церкви, но потомъ, ради наживы, перекувырнулся въ старую вѣру.

Расколъ въ войскѣ поддерживался исключительно старыми служащими и отставными чиновниками и ихъ женами; этимъ они приобращали всѣхъ въ рядахъ оппозиціи. Молодое поколѣніе, служившее главною опорою власти, почти все держалось противоположныхъ убѣжденій, и скорѣе отстаеетъ отъ старины. Несмотря на это, когда, въ 1842 году, послѣ смерти послѣдняго, явнаго раскольническаго попа, существовавшая въ Уральскѣ старообрядческая часовня была преобразована въ Успенскую церковь, мало кто присоединился къ

---

¹⁾ См. въ дѣлѣ Оренб. деп. арх., № 183, листы 17—21.

единовѣрію. До этого времени въ старообрядческой часовнѣ, напр., крестилось ежегодно отъ 1.360 до 1.460 младенцевъ. Съ переименованіемъ же ея въ церковь, въ ней стало креститься только 230—270 рождавшихся; въ другихъ же церквахъ около 230 чел. въ годъ. Такимъ образомъ, некрещеныхъ, по правиламъ церкви, оставалось ежегодно свыше 920 младенцевъ. Такимъ образомъ, за исключеніемъ третьей части умершихъ, съ 1842 по 1858 годъ въ войскѣ Уральскомъ насчитывалось некрещеными до 9.200 дѣтей; цифра довольно внушительная.

Ясно, что сектантство приобрѣло такое деморализующее вліяніе, что бороться съ нимъ съ каждымъ днемъ становилось труднѣе и труднѣе. Невозможно было дальше откладывать вопросъ о расколѣ, когда ежегодно, ежедневно рождаются и умираютъ дѣти, не принятія въ нѣдра церкви. «Каждый день промедленія», говоритъ Столыпинъ ¹⁾, «есть тяжкій грѣхъ на душѣ тѣхъ, которымъ Государь Императоръ поручилъ разборъ этого вопроса, тяжкій грѣхъ на душѣ есеологовъ-схоластиковъ, которые буквѣ придаютъ болѣе важности, чѣмъ духу, которые вливаютъ желчь въ ученіе христіанское, въ ученіе любви, и тѣмъ превращаютъ вопросъ о расколѣ въ вопросъ безъисходный, въ государственную язву...

II.

По пріѣздѣ осенью 1857 года въ Уральскъ, Аркадій Дмитріевичъ Столыпинъ, замѣтивъ, что расколъ есть главное препятствіе какъ къ образованію, такъ и къ дисциплинѣ, «безъ коей ни на одно войско въ мірѣ правительство не можетъ надѣяться», со всѣмъ усердіемъ занялся этимъ вопросомъ, чтобы найти способъ для искорененія зла, и дѣйствительно достигъ этого, какъ видно изъ составленнаго имъ описанія подъ названіемъ «Подробный ходъ дѣла по обращенію уральскихъ раскольниковъ» ²⁾. Записка эта за-

¹⁾ См. вышепоказанную докладную записку его.

²⁾ См. дѣло № 188, стр. 94—102.

ключаетъ въ себѣ такъ много положительныхъ свѣдѣній вообще о расколѣ, мѣткихъ выраженій и глубокихъ мыслей, которыя нельзя передать своими словами, что ее необходимо привести цѣликомъ:

„Для прекращенія раскола“, говоритъ А. Д., „строгія полицейскія мѣры, равно какъ и кроткія увѣщанія не образованаго духовенства, уже испытанныя прежде меня въ войскѣ, были также испытаны въ цѣлой Россіи; однакоже, какъ въ войскѣ, такъ и въ Россіи, они не привели къ желаемому результату: расколъ вездѣ увеличивается въ громаднѣхъ размѣрахъ, вмѣсто того, чтобы уничтожиться. Частые случаи обращенія, которыми нѣкоторые хвалятся, ничего не показываютъ, ибо отъ нихъ польза, какъ отъ всякой частности, только частная; общей пользы въ нихъ нѣтъ. Слѣдовательно, мнѣ надо было придумать что-нибудь новое, чтобы по мѣрѣ способностей моихъ привести „не частную, а общую“ пользу не одному только войску, а цѣлой Россіи.

„Такъ какъ я имѣю дѣло въ войскѣ съ раскольниками часто поповщинской ереси (другихъ толковъ очень малое количество), я началъ изучать эту ересь и пришелъ къ убѣжденію, во-первыхъ, что препятствіе перейти въ едино-вѣрческую церковь, всѣ догматы и обряды которой раскольники уважаютъ, состоитъ въ томъ, что они не хотятъ быть подъ духовнымъ православнымъ начальствомъ по той логической причинѣ, что нельзя быть подъ начальствомъ тѣхъ, которые насъ проклинаютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ,—что покажется страннымъ и нелогичнымъ,—они принимаютъ священника, рукоположеннаго проклинающимъ ихъ епископомъ, отъ него же принимаютъ мѣро и антиминсы, хотя старые, по все-таки служившіе въ благословенныхъ этимъ епископомъ церквахъ. Во-вторыхъ, что раскольники поповщинской ереси тяготятся быть безъ церкви, понимаютъ нѣкоторыя несообразности своихъ доводовъ и многіе не обращаются только изъ ложнаго стыда, считая малодушіемъ въ дѣлахъ вѣры покоряться полицейской власти,—но очень охотно обратились бы, еслибы начальство нашло средство снзойти къ ихъ изувѣріямъ или, лучше сказать, обойти ихъ; въ третьихъ, многіе изъ раскольниковъ, видя безысходное свое положеніе, начали массами обращаться въ австрійскую ересь, другіе, отвыкнувъ отъ церкви, безсознательно перешли въ безпоповщинскій толкъ.

„Убѣдившись окончательно во всемъ вышесказанномъ, я началъ соображать: какія можетъ церковь сдѣлать уступки раскольникамъ? Во-первыхъ, опытъ доказалъ, что единовѣріе сдѣлало больше зла, чѣмъ добра; во-вторыхъ, подчинить церковь совершенно гражданскому начальству—чего только и хотятъ раскольники,—также невозможно, ибо церковь безъ епископа будетъ противъ догматовъ православія.

„Признаюсь, что, послѣ такихъ выводовъ, вопросъ этотъ мнѣ представился совершенно безысходнымъ: новаго, казалось, ничего выдумать нельзя, предоставить развѣ все времени и уповать на Бога.

„Однако, днемъ и ночью мысль объ обращеніи раскольниковъ тревожила меня.

„Постоянныя умственные напряженія никогда не бываютъ безполезны; въ головѣ моей родилась и начала обрабатываться мысль, показавшаяся мнѣ совершенно практичною, именно: нельзя ли употребить въ дѣлѣ вѣры гражданское начальство, какъ переходную инстанцію (у насъ такъ много въ

Россіи переходныхъ инстанцій, которыя хотя и затягиваютъ дѣла, однакожь не совершенно портятъ ихъ).

„Священникъ старообрядческой церкви, рукоположенный русскимъ епископомъ, будетъ относиться къ своему епархіальному начальству въ пакетѣ на имя гражданскаго начальства, которое будетъ отсылать этотъ пакетъ начальнику епархіи; наконецъ, даже ничего нѣтъ противъ догматическаго, чтобы священникъ адресовался къ гражданскому начальству, а соей послѣдній въ тѣхъ же словахъ къ епископу; отвѣтъ же епископа священнику долженъ идти тѣмъ же путемъ.

„Этимъ средствомъ, казалось мнѣ, раскольники должны были бы быть совершенно удовлетворены въ своихъ требованіяхъ, ибо, обращая только вниманіе на внѣшность, по внѣшней формѣ они будутъ подчинены совершенно гражданскому начальству, къ тому же, какъ я выше сказалъ, всѣ раскольники поповщинской ереси только и желаютъ найти благовидную причину принять церковь. Духовное же начальство, по-моему, не должно было бы стоять за пустую формальность, ибо въ сущности вновь дозволяемая церковь будетъ подъ его началомъ, а въ дѣлахъ вѣры слѣдуетъ обращать вниманіе не на внѣшность, а на сущность, тѣмъ болѣе, что единовѣрческіе обряды допущены въ православной церкви.

„Сначала я передалъ свои мысли г-ну генералъ-губернатору; получивъ отъ него разрѣшеніе, поѣхалъ въ Уфу ¹⁾, чтобы лично подвергнуть ихъ разсмотрѣнію оренбургскаго епископа. Къ душевному моему удовольствію, онъ одобрилъ мой взглядъ на расколъ и благословилъ меня дѣйствовать въ такомъ духѣ.

„Возвратясь въ Уральскъ, я собралъ вожаконъ, которые сначала были въ восторгѣ отъ условій, мною имъ предложенныхъ; но когда дѣло имъ было дано на обсужденіе, возродилась тѣма мелкихъ препятствій. Тутъ я только ясно увидѣлъ все невѣжество ихъ, какъ и все, у нихъ основано на словахъ, а не на сущности, какъ однимъ выраженіемъ или какимъ-нибудь оборотомъ рѣчи можно все испортить. Поэтому, я съелъ полезнѣйшимъ, чтобы не впасть въ какую-нибудь ошибку, которая могла бы все дѣло испортить, позволить имъ собираться для толкованія и для обсужденій, ничуть не торопя ихъ, съ своей же стороны имѣть на этихъ сборищахъ агента, который былъ бы посредникомъ между ими и мной, потому что мнѣ лично казаки, разумѣется, стѣснялись бы разъяснить велѣнія свои убѣжденія.

„Разрѣшеніе мое собираться казакамъ для совѣщаній оказалось совершенно полезнымъ. На этихъ совѣщаніяхъ многіе изъ раскольниковъ ясно увидѣли глупость нѣкоторыхъ своихъ убѣжденій; разные толки слились въ одинъ общій, что уже само по себѣ есть въ некоторомъ приобрѣтеніе для церкви, и я съ своей стороны научился, какъ должно дѣйствовать съ ними.

„Я считаю полезнымъ для будущихъ дѣателей представить тутъ отчетъ раскольническихъ собраній.

„Въ первомъ собраніи раскольники и слышать не хотѣли о церкви, но хотѣли часовню по примѣру бывшей у нихъ до 1842 года ²⁾. Узнавъ объ

¹⁾ До 1865 г. центръ управленія епархіей Уфимской и Оренбургской былъ въ г. Уфѣ.

²⁾ Ясное доказательство тому, что раскольники поповщинской ереси безсознательно почти переходятъ въ безпоповщинскую, думая, что часовня можетъ замѣнить церковь; это происходитъ также и въ Россіи.

этомъ, я приказалъ агенту внушить имъ, что хотя часовня та была неправильная, но нѣкоторымъ образомъ въ ней былъ смыслъ, потому что для богослуженія сви могли получать дары отъ Иргизскихъ монастырей. Теперь же, по несуществованію Иргизскихъ монастырей, откуда имъ брать дары? Казаки обдумали это обстоятельство и рѣшили просить церковь.

„Во второмъ собраніи они начали говорить о исправленіи священника, но по моему убѣжденію и эту мысль оставили. Въ третьемъ собраніи они начали показывать недовѣріе къ вожакамъ, которые прежде со мной говорили, и пожелалъ сами меня видѣть лично, чтобы изъ устъ моихъ слышать то, что имъ будетъ разрѣшено. Я согласился на это и сказалъ имъ слѣдующее: „Вы можете войти съ просьбою о церкви (на правахъ благословенной) съ тѣмъ, что священникъ будетъ по вашему выбору и рукоположенъ русскимъ епископомъ, и чтобы дѣла духовныя пошли черезъ мою канцелярію къ епископу“,—въ чемъ и далъ имъ своей руки записку.

„Въ четвертомъ собраніи они обсуждали эту записку и были довольны ею, только просили въ просьбѣ своей, которую они подадутъ, вмѣсто фразы: „дѣла духовныя будутъ идти къ его преосвященству черезъ атамана“ написать „и состоятъ (т. е. священникъ) подъ веденіемъ наказанаго атамана, а не подъ духовнымъ“. Я долго отстаивалъ первую фразу и говорилъ имъ: „равнѣ не все равно, я все-таки буду относиться къ преосвященному“ Но они отвѣчали: „ты, батюшка, относись къ преосвященному, мы на это согласны, но ужъ позволь намъ написать, какъ мы желаемъ“. Такъ какъ я разсчелъ, что эта равнина только въ словахъ, а не въ дѣлѣ, я согласился и просилъ его преосвященство синодита къ этому невѣжеству полудинскихъ людей, тѣмъ болѣе, что они принjali эту записку, гдѣ я говорю, что буду относиться къ его преосвященству.

„Въ пятомъ собраніи раскольники, къ величайшему моему утѣшенію и безъ всякаго съ моей стороны предложенія, рѣшили, чтобы молиться въ жтвеніяхъ за благочестиваго государя и за преосвященнаго, ибо, какъ учены изъ нихъ сказали: „безъ этого обѣдня будетъ неправильная“.

„По окончаніи пятаго собранія, своевременнымъ я счелъ послать въ Уфу, къ преосвященному владыкѣ, есаула Акутина, которому, какъ присутствовавшему при всѣхъ совѣщаніяхъ раскольниковъ, поручено было изложить на словахъ его преосвященству все, что было говорено; также съ нимъ было послано письмо, въ которомъ, послѣ отчетовъ о собраніяхъ раскольниковъ, было еще добавлено:

„Изъ всего вышесказаннаго ваше преосвященство усмотрите, что церковь не будетъ ничѣмъ различествовать отъ единовѣрческой, лишь моя канцелярія будетъ одна лишняя инстанція; чрезъ это все войско, за исключеніемъ немногихъ, перейдетъ въ церковь, тогда какъ теперь, за малыми исключеніями, тѣ, которые принадлежатъ къ ней, принадлежатъ фальшиво. Если же церковь не будетъ разрѣшена, произойдетъ огромное зло: во-первыхъ, почти все войско изъ поповщинской ереси перейдетъ въ безпоповщинскую, лишась послѣдней надежды; во-вторыхъ, съ каждымъ днемъ вліяніе лжепоповъ австрійскаго посвященія усиливается, — вліяніе это уже было замѣтно въ словахъ нѣкоторыхъ казаковъ при совѣщаніяхъ, они говорили: „не лучше ли взять намъ католическаго священника“. Эти слова многозначительны и приводятъ меня на мысль, что чрезъ лжепоповъ австрійскаго посвященія не дѣйствуютъ ли западные католики и иезуиты? Я только умоляю ваше преосвященство о скорѣйшемъ разрѣшеніи этого важнаго вопроса

и о томъ, чтобы въ отвѣтъ на просьбу раскольниковъ было написано одно слово: „разрѣшаю“, ибо они такъ глупы, что во всякой риторической фразѣ видятъ обманъ. Они сами говорятъ, что, еслибы митрополитъ Платонъ въ своемъ разрѣшеніи не написалъ бы словъ, подобныхъ этимъ—„съ немощными—быть немощнымъ...“ они бы всѣ пошли въ единовѣрческую церковь. „Но это“, говорятъ они, „крайне обидно“. Разумѣется, кромѣ слова „разрѣшаю“, необходимо вамъ будетъ дать разъясненія и наставленія. Но это прошу васъ сдѣлать на особенной секретной бумагѣ на мое имя, а не самимъ раскольникамъ. “

„Въ отвѣтъ на письмо“, пишетъ далѣе Столыпинъ, „преосвященный синодально согласился на мою просьбу и прислалъ мнѣ письмо, гдѣ онъ по пунктамъ, какъ я просилъ его, разрѣшилъ церковь уральскимъ старообрядцамъ (при этомъ письмѣ ко мнѣ было приложено особенное—секретное, гдѣ были вложены мои обязанности, какъ переходной и встанціи). Я былъ въ восторгѣ и думалъ, что все уже рѣшено, позволилъ для чтенія этого письма собраться шестому собранію. Вдругъ мнѣ доносятъ, что всѣ опять разошлись во мнѣніяхъ. Изъ-за чего же все это произошло?

„Преосвященный въ своемъ разрѣшеніи называлъ церковь, просимую старообрядцами, благословенною. Это выраженіе, хотя сущность была разрѣшена архипастыремъ, крайне обидѣло старообрядцевъ. „Наша церковь“, говорятъ они, „есть восточно-каеолическо-соборно-апостольская, а не благословенная. Этимъ васъ опять отдѣляютъ отъ церкви, и мы чувствуемъ ту же обиду, которую намъ сдѣлалъ митрополитъ Платонъ, назвавъ греко-россійскую церковь единовѣрческой“. Напрасно старался я ихъ увѣрить, что дѣло только въ словахъ, а что все имъ разрѣшено, но ничѣмъ не могъ убѣдить ихъ и рѣшился, чтобы не испортить всего дѣла, взять обратно отъ нихъ письмо архипастыря ко мнѣ и дать отъ себя предложеніе, въ которомъ, уведомляя ихъ о полученіи мною письма съ разрѣшеніемъ архипастыря, пропустивъ въ этомъ предложеніи слово „благословенная“.

„Старообрядцы немного успокоились и приступили къ избранію священника, но все-таки просятъ, чтобы я, вмѣстѣ съ ихъ приговоромъ объ избранномъ священникѣ, просилъ преосвященнаго не называть церковь ихъ „благословенною“, а назвать „восточно-каеолическо-соборно-апостольскою“.

„Если преосвященный согласится на это, въ чемъ я не сомнѣваюсь, то главные вожакъ раскольниковъ увѣрятъ меня, что всѣ уральскіе старообрядцы, почти безъ исключенія, обратятся къ церкви.“

„Мнѣ кажется, что ходъ дѣла ясно доказываетъ, что весь русскій расколъ основанъ лишь на однихъ словахъ, и въ дѣлѣ обращенія важное мѣсто занимаетъ редакция разрѣшенія и, прежде чѣмъ дать его, необходимо всегда предварительно условиться съ раскольниками въ этой редакціи, и что хотя главная ихъ просьба—не состоять подъ духовнымъ начальствомъ, однакожь разрѣшеніе гражданскаго начальства они считаютъ ни во что; такъ, несмотря на то, что я имъ далъ оное, они все-таки находятъ необходимымъ, чтобы преосвященный благословилъ церковь называть восточно-каеолическо-соборно-апостольскою

„Наконецъ, нѣкоторые изъ самыхъ закоренѣлыхъ раскольниковъ сказали мнѣ, что впоследствии они увидятъ необходимость прямо, помимо меня, обращаться къ епископу въ духовныхъ дѣлахъ, которыя не подлежатъ моему разрѣшенію, какъ-то: въ бракахъ, въ поставленіи новыхъ священниковъ, въ сваженіи себя муромъ и пр.“

Въ заключеніе своей записки Столыпинъ приводитъ послѣднюю мѣру, которую ему пришлось взять, чтобы не разстроить дѣла.

Въ сосѣднихъ губерніяхъ разошелся слухъ объ обращеніи уральскихъ раскольниковъ и возбудилъ большое сочувствіе со стороны раскольниковъ Оренбургской, Самарской и Саратовской губерній, которые къ нему, какъ къ флигель-адъютанту, хотѣли приступить съ прошеніями. Чтобы избѣгнуть этого и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы самарскіе и саратовскіе старовѣры, имѣвшіе вліяніе на уральскихъ, не могли бы испортить дѣла, Аркадій Дмитріевичъ, подъ видомъ отпуска, командировалъ въ Самару и Саратовъ чиновника Охлебинина, дабы онъ передалъ на словахъ начальникамъ этихъ губерній образъ его дѣйствій, чтобы и они, по своему благому смотрѣнію, могли дѣйствовать съ нимъ единодушно.

III.

До настоящаго столѣтія, даже въ первой четверти его, на всей ширинѣ уральской территоріи, простирающейся до 7.000.000 десятинъ земли, всего было только семь единовѣрческихъ церквей. Трудами и усердіемъ архипастырей оренбургскихъ въ 1837 году образовалось еще три, изъ коихъ, впрочемъ, одна въ самомъ Уральскѣ переименована въ православную, во имя благовѣрнаго князя Александра Невскаго ¹⁾, и это была первая православная церковь по всему Уралу.

Основаніе ея было вызвано крайнею необходимостью и при очень трудныхъ обстоятельствахъ.

Въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія преосвященный Аркадій, епископъ оренбургскій и уральскій, обозрѣвая свою обширную епархію и, посѣтивъ, между прочимъ, Уральскъ, съ прискорбіемъ замѣтилъ, что находившіеся въ самомъ городѣ сыны православной церкви не имѣли куда обратиться для удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ, и были поставлены въ необходимость

---

¹⁾ Изъ дѣлъ оренбургской консисторіи.

ѣздить для этого за 150—200 верстъ, въ предѣлы другихъ губерній. Два раза, по этому случаю, преосвященный входилъ въ Святѣйшій Синодъ съ ходатайствомъ «о необходимости устройства въ Уральскѣ хотя одной православной церкви, на ряду съ единовѣрческими церквами». И только указомъ 10-го ноября 1830 года было разрѣшено устроить православную церковь въ гор. Уральскѣ, «въ удобномъ для сего зданіи, съ подвижнымъ антиминсомъ»; или, другими словами говоря, допустить совершеніе богослуженія по православному уставу въ частномъ домѣ, а не устраивая для того специально отдѣльнаго храма.

Опредѣленіе Св. Синода было приведено въ исполненіе, а, между тѣмъ, нѣкоторые изъ вліятельныхъ уральцевъ, движимые благочестивымъ чувствомъ, начали ходатайствовать предъ преосвященнымъ о переименованіи въ православную одной изъ единовѣрческихъ церквей, разрѣшенныхъ къ постройкѣ въ слѣдующемъ 1831 году. Желаніе это было уважено, и въ 1837 году 16-го іюня въ присутствіи покойнаго государя Александра Николаевича, когда онъ, будучи еще наслѣдникомъ русскаго престола, путешествовалъ по Россіи—была произведена закладка новаго собора во имя благовѣрнаго князя Алексабра Невскаго. Его высочество—первымъ положилъ въ основаніе этого храма камень съ надписью времени заложенія.

Черезъ тринадцать лѣтъ церковь эта была построена, и въ 1850 году лѣтомъ освящена преосвященнымъ оренбургскимъ Іосифомъ. На торжество этого освященія собрались всѣ казаки изъ ближнихъ и дальнихъ станицъ и форпостовъ.

Дня пріѣзда его преосвященства въ Уральскъ народъ ждалъ съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ и съ радостью привѣтствовалъ архипастыря, прибывшаго изъ Уфы, черезъ Оренбургъ. Радости не было конца, когда владыка объявилъ, что, помимо освященія храма, онъ совершитъ всенощное моленіе и священную литургію по стариннымъ книгамъ и древнимъ обычаямъ.

Время, предшествовавшее этому событію, благочестивые изъ уральцевъ посвятили на поклоненіе архипастырю и на принятіе отъ него благословенія. Наплывъ народа около квартиры преосвященнаго былъ небывалый, и горожане, и жители сосѣднихъ и даль-

нихъ селеній стекались сюда толпами, чтобы взглянуть на владыку и возблагодарить его какъ за поставленіе имъ въ единовѣрческіе священники одного изъ служилыхъ казаковъ, такъ и за духовное торжество, совершенія котораго всѣ ожидали.

Въ старомъ соборѣ (единовѣрческомъ) во имя архистратига Михаила наканунѣ дня освященія была совершена всенощная. Народу собралась такая масса, что церковь, паперть, вся ограда и часть прилегающей улицы кишѣли толпами богомольцевъ, занятыхъ и новизною зрѣлища, и великолѣпіемъ архіерейскаго служенія, и продолжительностію церковной службы, которая, начавшись въ 6 час. вечера, едва была окончена къ полуночи ¹⁾.

На массу народа эта продолжительность имѣла огромное нравственное вліяніе, особенно сильно подѣйствовала она на вѣрныхъ преданіямъ старины матерей семействъ, значеніе которыхъ на молодое поколѣніе было весьма важно. Дай Богъ, чтобы это впечатлѣніе подвинуло ихъ къ полному соединенію съ православной церковью. Между тѣмъ залогомъ такого соединенія можетъ служить еще и замѣченное за послѣднее время стремленіе уральцевъ къ распространенію среди себя образованія и просвѣщенія. Хотя многое въ ихъ обычаяхъ еще дышетъ семнадцативѣковою Русью, но, несмотря на это, требованія вѣка и времени не остаются безъ вліянія и на нихъ. Во многихъ уже семействахъ замѣтна склонность къ усвоенію себѣ плодовъ современной образованности. Конечно, попытки эти еще очень незначительны, но и малое въ началѣ, современемъ, въ будущемъ, можетъ разростись въ великое.

До 1842 года успѣхи единовѣрія на Уралѣ ограничивались только присоединеніемъ отдѣльныхъ лицъ или частныхъ семействъ. Но съ уничтоженіемъ старообрядческой часовни въ Уральскѣ и обращеніемъ Иргизскихъ скитовъ, этой поповщицкой митрополии, служившей поставщикомъ поповъ для старообрядцевъ, особенно когда бѣглыхъ поповъ трудно было достать, и когда, такимъ образомъ, раскольники были поставлены въ тяжелое положеніе жить безъ священства, число единовѣрцевъ стало замѣтно увеличиваться.

---

¹⁾ По запискѣ преосвященнаго Антонія, составленной въ 1857 году, см. дѣло Оренб. цент. архива, № 193, листъ 58.

Положимъ, официальные свѣдѣнія о числѣ присоединившихся къ единовѣрью раскольниковъ были далеки отъ истины, ибо многіе изъ старовѣровъ посѣщали церкви по необходимости, по службѣ, другіе принимали таинства, вѣнчались въ церкви исключительно для того, чтобы узаконить своихъ дѣтей, и вписывались по этой причинѣ въ церковныя книги, какъ присоединившіеся; нѣкоторые же, и большее число, были вписаны въ метрическія книги «для пущей важности» за большія деньги. По свѣдѣніямъ, напримѣръ, Оренбургской духовной консисторіи за соотвѣтствующіе годы видно что въ 1842 году присоединилось къ единовѣрью раскольниковъ въ одномъ только Уральскѣ 800 челов., а всего по всему войску 5.396 душъ обоого пола. Въ 1843 г. вновь обратилось 241 ч., въ 1844 г. — 2.617 ч., за 1846, 1847, 1848 и 1849 гг. оставили заблужденіе еще 672 ч., такъ что къ концу 1850 г. единовѣрцевъ въ войскѣ насчитывалось 19.000 чел. Въ 1857 году на всемъ протяженіи Уральской территоріи было 16 единовѣрческихъ церквей и при нихъ прихожанъ 26.417 мужескаго пола и 27.891 женскаго. Между тѣмъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ полковникомъ Столыпинымъ въ слѣдующемъ 1858 году, число единовѣрцевъ не превышало 6.500 челов., а раскольниковъ было 53.500 душъ. Клировыя же вѣдомости уральскихъ церквей за тотъ же годъ показывали: единовѣрцевъ — 19.224 души и раскольниковъ 37.300 человекъ. Очевидно, считали такъ, какъ Богъ на душу пошлетъ и какъ у насъ всюду считаютъ до сихъ поръ, не зная точной цифры населенія.

Ничуть не довѣряя сбивчивымъ даннымъ церковныхъ вѣдомостей, Аркадій Дмитріевичъ самъ елико возможно старался узнать точно, какое количество душъ христіанскихъ погибаетъ во мракѣ невѣжества. Соображаясь съ добытыми его агентами свѣдѣніями, онъ, конечно, пришелъ къ довольно плачевному выводу, что единовѣріе на Уралѣ, хотя и развивается, но очень, очень туго. Надо было дѣйствовать болѣе энергично и умѣло, чтобы привлечь въ лоно церкви больше погибающихъ.

Имѣя въ виду, что всякое распоряженіе правительства противъ раскола принимается сектаторами за угнетеніе, онъ, «по принятому имъ правилу никогда предъ народомъ не вмѣшиваться въ дѣла ре-

лигіозныхъ убѣжденій», лично самъ не дѣйствовалъ, а началъ чрезъ священника Успенской единовѣрческой церкви о. Савву Севрюгина и нѣкоторыхъ вліятельныхъ старичковъ, перешедшихъ изъ раскола въ церковь.

Убѣжденія Севрюгина были настолько вѣски, что нѣсколько человѣкъ изъ очень состоятельныхъ казаковъ во главѣ съ старцами Сергіевскаго скита, что въ Общемъ Сырту на границѣ Самарской губерніи, служившемъ ранѣе разсадникомъ раскольническихъ вѣроученій—обратились къ Столыпину съ прошеніемъ объ ходатайствованіи имъ построить на мѣстѣ Сергіевскаго скита единовѣрческой монастырь, ибо, какъ выражались они: «мы признаемъ за спасительное и богоугодное имѣть въ Уральскомъ Сергіевскомъ скиту законное священство и церковь для совершенія божественнаго страшнаго таинства, въ жертвѣ приносимаго на очищеніе грѣховъ за живыхъ и мертвыхъ».

Представляя вслѣдъ затѣмъ 24-го апрѣля 1858 г. ходатайство это на благоусмотрѣніе оренбургскаго генераль-губернатора, генераль-адъютанта Александра Андреевича Катенина, Столыпинъ находилъ крайне необходимымъ уважить желаніе уральцевъ, ибо сосѣдство единовѣрческаго монастыря «будетъ надъ скитами лучшей полиціей», и во избѣжаніе канцелярскихъ проволочекъ учредить хоть временную единовѣрческую общину.

Такъ какъ по управленію Оренбургскимъ краемъ прежде этого еще не производилось подобнаго рода дѣлъ, то канцелярія генераль-губернатора за разрѣшеніемъ такого вопроса обратилась въ Оренбургскую духовную консисторію, прося сообщить: кто имѣетъ право разрѣшать учрежденіе временной общины, съ припискою къ ней временной же церкви и какія должны быть представлены свѣдѣнія для этого разрѣшенія; какимъ путемъ направить ходатайство объ учрежденіи постоянного монастыря и отъ кого это ходатайство должно первоначально быть сдѣлано.

Консисторія не замедлила дать отвѣтъ (19-го іюня 1858 г.) съ разъясненіемъ, какъ учреждаются и возводятся подобныя зданія, т. е. съ представленіемъ плана и смѣты на постройку, съ показаніемъ, кто эту общину будетъ содержать, какъ и т. под. все въ этомъ духѣ, предварительно испросивъ согласіе мѣстнаго архіерея.

Конечно, такія условія невозможно было выполнить скоро, и дѣло потянулось канцелярскимъ шагомъ на долгіе годы; а между тѣмъ, безъ шума и безъ всякой огласки Столыпинъ потихоньку «вершилъ великое дѣло».

17-го іюля о. Савва Севрюгинъ донесъ ему, что старцы Сергіевскаго скита, будучи не въ состояніи по преклонности лѣтъ своихъ поддерживать существующую у нихъ старообрядческую часовню, просятъ принять ее въ единовѣрческое вѣдѣніе.

Слѣдовательно, рушилось еще одно изъ гнѣздъ русскаго раскола. Кромѣ этого важнаго результата, такимъ образомъ, вопросъ о единовѣрческомъ монастырѣ разрѣшался самъ собою: постройка церкви и келій уже болѣе до поры до времени были не нужны, оставалось лишь поселить единовѣрческихъ монаховъ на мѣстѣ раскольническихъ старцевъ и освятить церковь. Развѣ бы понадобилось на нѣкоторыя поправки не больше тысячи рублей, такъ такая сумма была ужъ въ распоряженіи уральскаго наказнаго атамана, и онъ, не дожидаясь формальныхъ разрѣшеній, приступилъ къ исправленію скитскихъ зданій, заполучивъ раньше лично согласіе А. А. Катенина дѣйствовать по собственному усмотрѣнію.

Донося объ этомъ исправляющему должность начальника Оренбургскаго края, генераль-маіору Балкашину, Аркадію Дмитриевичу, письмомъ отъ 17-го іюля, просилъ «ради Бога» не медлить формальнымъ разрѣшеніемъ, ибо «если дѣло огласится, не только изъ Уральска, но даже изъ Москвы могутъ быть присланы огромныя суммы денегъ раскольническимъ старцамъ, чтобы они отказались отъ первоначальнаго намѣренія — отдать церковь въ единовѣрческое вѣдѣніе».

Генераль Балкашинъ немедленно, по полученіи письма, адресовался къ оберъ-прокурору, Св. Синода графу Александру Петровичу Толстому, прося его содѣйствія для скорѣйшаго окончанія дѣла.

Письмо графу было послано 27-го іюля 1858 г., и черезъ два мѣсяца уже вышло разрѣшеніе Св. Синода. Послѣ незначительныхъ поправокъ въ Скитской часовнѣ, она была 18-го сентября освящена въ церковь, и нѣкоторые изъ старцевъ скита присоединились къ единовѣрчію.

Едва только успѣло закончиться это великое дѣло, какъ старцы

Бударинскаго скита, что на р. Уралѣ, близъ Бударинскаго форпоста, въ началѣ октября обратились къ Столыпину съ просьбой принять и ихъ часовню въ единовѣрческoe вѣдѣніе, и изъявили всѣ готовность присоединиться къ церкви, если имъ дадутъ священника по ихъ выбору.

Послѣ долгихъ колебаній и пререканій между собой, наконецъ 11-го января 1859 года изъявили согласіе присоединиться къ единовѣрью и уральскіе казаки и составили приговоры: первый объ избраніи своимъ духовнымъ пастыремъ священника единовѣрческой церкви Александра Паленова — приговоръ этотъ былъ подписанъ 32 человѣками, и второй приговоръ объ избраніи изъ среды себя довѣренныхъ за наблюденіемъ благолѣпія въ церкви казаковъ: Феодота Ширявскова, Ананія Хохлачева и Михаила Чувилева. Подъ этимъ приговоромъ подписалось 30 человѣкъ.

Въ то же самое время, того же числа, по чудному какому-то сочувствію и илецкіе казаки пожелали имѣть церковь и составили три приговора: 1) объ избраніи къ своей церкви единовѣрческаго священника Александра Дорошина (этотъ приговоръ подписало 111 человѣкъ); 2) объ избраніи дьякона Косьмы Данилова (104-мя голосами) и 3) объ избраніи попечителей для сбора и расходованія суммъ на устройство и для поддержанія въ церкви благолѣпія, наблюденія за работами въ ней и за всѣми по церкви отчетами. Статрѣмя голосами были избраны отставные урядникъ Семень Егоровъ Горбачевъ и братъ его, казакъ, такъ же по имени Семень, и войсковой казакъ Леонтій Ѳедоровъ Варгановъ.

Вмѣстѣ съ этимъ Столыпину скоро пришлось просить преосвященнаго о постройкѣ для вновь обращающихся двухъ церквей въ городѣ Уральскѣ и въ Садовскомъ женскомъ скитѣ обратить и освятить въ церковь существовавшую тамъ часовню. А. Д. просилъ также епископа высылки книжекъ для сбора пожертвованій по войску Уральскому на построеніе церквей, нѣсколько экземпляровъ книгъ метрическихъ, старинныхъ антиминсовъ и книгъ старопечатныхъ.

Несмотря на то, что уральцы поставили непремѣннымъ условіемъ не именовать разрѣшаемую церковь «благословенною», а «восточно-каеолическо-соборно-апостольскою, какъ отъ древле-

православныхъ христіанъ ей наименованіе быша», преосвященный Антоній, епископъ оренбургскій и уфимскій, «опасаясь, съ одной стороны, опустить многія тысячи вновь въ тьму невѣжества и, съ другой— боясь отвѣтственности за погибель ихъ предъ истиннымъ и святымъ судомъ ея, не дожидаясь позволенія Св. Синода, чтобы не затягивать дѣла, и тѣмъ, и другимъ и то, и другое разрѣшилъ, донеся только объ этомъ митрополиту московскому Григорію 20-го января 1859 г. съ подробнымъ изложеніемъ всего дѣла.

Вскорѣ послѣ этого разрѣшенная Илецкимъ казакамъ церковь 16-го февраля 1859 г. была освящена во имя св. пророка Иліи, и на торжество освященія собралось около 300 человекъ старообрядцевъ. Освященіе же церкви во имя св. славнаго пророка и Предтечи Іоанна въ Бударинскомъ скитѣ совершилось немного раньше 11-го февраля и еще съ большей торжественностію.

«Сейчасъ (11¹/₂ часовъ утра) кончилась божественная литургія», — пишетъ очевидецъ, сотникъ Мартыновъ, командированный на это торжество полковникомъ Столыпнымъ, — «и сейчасъ собравшійся народъ цѣловалъ крестъ и принималъ окропленіе святой водой. Стеченіе народа для здѣшняго мѣста огромное. Болѣе двухъ тысячъ человекъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей присутствовали при торжественномъ этомъ событіи. Церковь вмѣщала въ себя лишь самую незначительную часть людей, а остальные молились внѣ церкви и тамъ же цѣловали всѣ крестъ и окроплялись святою водою. Отъ тѣсноты въ церкви невозможно было поднять руки для крестнаго себя знаменованія; многіе изъ присутствовавшихъ прибыли изъ дальнихъ мѣстъ Войска верстъ за 150 и 200. Монахи Бударинскаго скита (изъ казачьяго происхожденія) присутствовали при литургіи вмѣстѣ съ прочими и вполне раздѣляютъ съ ними духовную радость. Умилительно было смотрѣть на маститыхъ стариковъ и глубокихъ старухъ, плакавшихъ отъ радости. При возгласѣ священника во время освященія церкви: «Возьмите врата князя вашего» и пр., — плакали всѣ безъ исключенія. Я самъ не въ состояніи былъ удержать слезы умиленія, смотря на людей, обратившихся изъ тьмы заблужденія къ св. церкви».

Мало того, съ зачатками этими единовѣрія на Уралѣ и образованіе юношества пошло успѣшнѣе. Сами уральскіе чиновники

откликнулись на это доброе дѣло и организовали изъ среды себя общество «поощренія грамотности», и на первое время подъ своимъ попечительствомъ открыли «партикулярно» четыре школы, въ коихъ число учащихся въ первый разъ оказалось болѣе ста человекъ.

Вѣкъ прогресса такимъ образомъ наступилъ и для Уральскаго войска, и дѣло просвѣщенія наравнѣ съ присоединеніемъ къ церкви раскольниковъ стало подвигаться скорѣе и скорѣе къ желаемой цѣли.

Какъ только направилось по стезямъ истины дѣло присоединенія уральцевъ къ св. церкви, съ подробными отчетами объ этомъ и «чтобы не писать по почтѣ, такъ какъ часто невозможно включить полныя свѣдѣнія въ узкую рамку письма», А. Д. командировалъ въ Петербургъ полковника Бизянова, а въ Оренбургъ и Уфу есаула Акутина, для доклада сначала генераль-губернатору, а потомъ епископу. Цѣль этой посылки была еще та, что лица эти могли тѣ нужныя свѣдѣнія, которыя пельзя и неудобно было включить въ отчетъ, передать на словахъ. Къ тому же Столыпину необходимо было получить дополнительную инструкцію какъ изъ Петербурга, такъ и изъ Уфы, «чтобы разрѣшить нѣкоторыя сомнѣнія совѣсти».

Посылая Бизянова, А. Д. на имя оберъ-прокура Св. Синода вручилъ ему письмо (отъ 26-го февраля 1859 г.), письмо ¹⁾ очень знаменательное, проливающее еще большій свѣтъ на закорузлость нашего раскола и на наше отношеніе къ нему.

„Милостивый Государь,

графъ Александръ Петровичъ!

„Господинъ Граве передаетъ мнѣ въ письмѣ своемъ совѣтъ Вашего Сіятельства: не быть слишкомъ довѣрчивымъ и опасаться хитрости принявшихъ церковь старообрядцевъ. Опасеніе Вашего Сіятельства вполне основательно; я убѣжденъ въ этомъ опытомъ прежнихъ частыхъ сношеній моихъ съ раскольниками; потому я теперь крайне остороженъ и руководствуюсь не однимъ своимъ слабымъ знаніемъ дѣла, но и просвѣщенными совѣтами преосвященнаго Автоія.

„Хотя я о вѣхъ дѣйствіяхъ своихъ постоянно давалъ отчетъ какъ г. генераль-губернатору, такъ и преосвященному, чтобы выставить фактъ присоединенія къ церкви уральскихъ раскольниковъ въ настоящемъ его свѣтѣ, но мнѣ все-таки рождается сомнѣніе, что мою услугу православію ставятъ

¹⁾ Копія съ письма была послана также Катенину, который въ это время былъ въ Петербургѣ.

слишкомъ высоко (ваши лестныя письма и отзывы тому главною причиною). Я боюсь, что меня считаютъ лучшимъ слугою церкви, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ есмь. Вотъ причины, заставляющія меня теперь высказать Вамъ свои убѣжденія, которыя я желаю, чтобы не были тайной ни для кого, даже если чрезъ это я понижусь въ драгоцѣнныхъ для меня мнѣніяхъ.

„Въ расколѣ и вижу двѣ стороны: духовную и гражданскую. О вредѣ, наносимомъ расколомъ православію, я не буду говорить. Вамъ это повѣстивѣ, чѣмъ мнѣ. Вы лучше знаете, какъ оградить православіе отъ злыхъ дѣлствій раскольниковъ. Вредъ же, приносимый Россіи въ гражданскомъ отношеніи, огромный. По моему мнѣнію, послѣ крѣпостнаго состоянія, это злѣйшая язва нашего отечества. Вообразите себѣ пятнадцать милліоновъ недовольныхъ, косо-смотрящихъ на нововведенія и ожидающихъ только предводителя, чтобы возстать противъ дѣлствій правительства. Вообразите себѣ пятнадцать милліоновъ людей отсталыхъ, враговъ просвѣщенія, отвергающихъ всѣ нравственныя приобрѣтенія эпохи Романовыхъ и желающихъ возвратиться въ до-Петровскія времена.

„Многіе говорили и говорятъ еще, что время и просвѣщеніе уничтожатъ расколъ, потому что расколъ есть религіозный фанатизмъ, происходящій отъ невѣжества, и что, поэтому, всякія энергичныя мѣры неумѣстны. Съ этимъ мнѣніемъ до нѣкоторой степени можно было согласиться въ былыя времена когда раскольники были наущаемы дѣйствительно только одними невѣжественными паставниками; но и тогда люди, выражающіе эту мысль, забывали часто политическую исторію раскола и наввно предпологали въ сектаторахъ лишь упрямыхъ приверженцевъ: неправильнаго престоложенія, старыхъ книгъ и т. д. Теперь же можно ли предположить, что просвѣщеніе уничтожитъ расколъ, когда во главѣ его стоитъ общество славянофиловъ¹⁾, уродливое но къ несчастію просвѣщенное и очень сильное въ Москвѣ, въ центрѣ раскола и отсталыхъ идей? Я, впрочемъ, готовъ отвѣтить утвердительно: „Да, расколъ уничтожится!“ Но только въ духовномъ отношеніи, а отнюдь не въ гражданскомъ: пятнадцать милліоновъ глухихъ религіозныхъ суевѣровъ обратятся въ пятнадцать милліоновъ членовъ оппозиціи просвѣщеннаго правительства и поборниковъ гнилой старины.

„Изъ всего вышесказаннаго Вы, вѣроятно, уже угадали, что я дѣйствовала противъ раскола болѣе какъ гражданинъ, пропитанный, въ отношеніи къ современной Россіи, монархическими началами, чѣмъ какъ сынъ церкви, воодушевленный православіемъ. Я долгомъ поставлю сознаться въ этомъ, хотя считаю себя истиннымъ православнымъ христианиномъ. Причину же моихъ убѣжденій основываю на томъ, что расколъ не такъ вреденъ Россіи православною, какъ Россіи монархической, потому что расколъ основанъ на демагогическихъ началахъ.

„Многіе изъ раскольниковъ этого не понимаютъ, — скажу болѣе: почти всѣ дѣйствуютъ безсознательно; но славянофилы усердно стараются вывести

¹⁾ Что славянофилы стоятъ во главѣ раскола, не требуетъ доказательствъ. Приведу лишь въ подтвержденіе моихъ словъ то, что послѣдніи прошенія московскихъ старообрядцевъ (о дачѣ имъ отдѣльнаго епископа П. Ю.) редижированы представителями партіи славянофиловъ.

Замѣтка Столыпина.

Хорошо должно быть понималъ Столыпинъ славянофильство и славянофиловъ.

Ред.

ихъ изъ этого безсознательнаго положенія. Вслѣдствіе этого должно ли правительство спокойно ожидать будущаго, предоставляя времени и просвѣщенію уничтожить язву, которая его гложеть? Нѣтъ! И вотъ почему я всей силой воли и души моей, всѣмъ напряженіемъ ума моего принялся дѣйствовать противъ раскола во вѣренномъ мнѣ войскѣ. Результатъ моихъ дѣйствій слѣдующій: 1-е — старообрядцы приняли священника, рукоположеннаго православнымъ епископомъ, — безъ исправленія; 2-е — приняли святой муръ; но чрезъ это многіе, желавшіе сперва присоединиться, перемѣнили свое намѣреніе. Нѣкоторые, какъ до меня дошли слухи, присоединились, не зная, что святой муръ присланъ епископомъ. Вожаки же хорошо знаютъ, что муръ — настоящій, потому что я призывалъ ихъ нарочито къ себѣ, чтобы имъ это объявить, и для того, чтобы не вводить народъ въ заблужденіе. 3-е — согласились поминать на эктеняхъ благовѣрнаго царя и епископа нашего, какъ значится въ служебникѣ.

„Рождаются вопросы: велико ли приобрѣтеніе православія въ этомъ обращеніи? По-моему не такъ велико, какъ кажется съ перваго взгляда; потому что старообрядцы въ душѣ остались старообрядцами, все, что они приняли, — приняли они не по сознанію ошибочныхъ своихъ мнѣній, а частію изъ необходимости, потому что сознаютъ невозможность жить безъ священства, а своего уже нѣтъ; частію потому, что вычитали въ своихъ же книгахъ возможность, въ крайнемъ случаѣ, принять священника на предлагаемыхъ условіяхъ. Слѣдовательно, дѣйствительное приобрѣтеніе для православія произойдетъ только въ послѣдующемъ поколѣніи, которое не останется некрещенное. Велико ли приобрѣтеніе для христіанства вообще? Приобрѣтеніе немаловажное, потому что раскольники толпами начали переходить изъ поповщинской ереси въ безоповщинскую, большая часть изъ нихъ сдѣлалась совершенно индифферентистами, не имѣя понятія ни о какомъ божьемъ служеніи. Теперь разные толки соединяются; религіозныя пренія видимо ищупаютъ нѣтъ общества индифферентизмъ. Благодать Божія неоспоримо спсходитъ на людей, почувствовавшихъ необходимость церкви! Гордость ихъ, какъ и ненависть къ ближнимъ, значительно укрощается.

„Велико ли приобрѣтеніе въ гражданскомъ отношеніи? Громадно! Гражданская сторона раскола состояла въ отлученіи государя императора отъ церкви. Слѣдовательно, въ отлученіи отъ церкви всего какъ духовнаго, такъ и гражданского начальства. Это доходило до того, что, напримѣръ, государственная печать называлась печатью антихриста; повиновеніе начальству не считалось обязанностію для раскольника, а необходимостію повиноваться сильнѣйшему.

„Такой расколъ въ казачествѣ, въ народонаселеніи военномъ и пограничномъ, есть такая страшная аномалія, которая не требуетъ объясненій; впрочемъ, вся исторія Уральскаго войска свидѣтельствуетъ о ней краснорѣчивѣе, чѣмъ я бы могъ это сдѣлать.

„Согласіе казаковъ-раскольниковъ поминать государя императора „благовѣрнымъ“, какъ и епископа нашего на эктеняхъ, совершенно уничтожаютъ гражданскую сторону раскола. Ясно начали даже обовначаться благодѣтельные дѣйствія смягченія этого раскола, вслѣдствіе однихъ лишь предварительныхъ дѣйствій для уничтоженія оного: заведеніе школъ не только не встрѣтило препятствія, но даже въ иныхъ мѣстностяхъ войска вызвало сильное сочувствіе, точно также относительно фронта, порядка въ хлѣбоба-

шествѣ, садоводствѣ и скотоводствѣ и т. д., хотя все это считалось дѣломъ аянтихриста.

„Представивъ фактъ обращенія къ церкви уральскихъ раскольниковъ въ настоящемъ его свѣтѣ, также какъ и духъ моихъ бѣдствій, и исполнивъ свой долгъ. Надѣюсь, что и Ваше Сіятельство откровенно выведете меня изъ заблужденія, если мое возвращеніе на предметъ противно духу православія или правительству. Я такъ твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ, что никогда не бываю въ нихъ упрямымъ и съ душевною благодарностію принимаю все, что можетъ просвѣтить меня.

„По этой причинѣ не лишнимъ считаю передать Вашему Сіятельству еще нѣкоторыя мысли мои насчетъ дѣйствій противъ раскола вообще въ Россіи. Я сказалъ выше, что дѣйствія эти не должны быть предоставлены времени, а должны быть энергичны; разумѣется, подъ энергичными мѣрами я не подразумѣваю говеній. Энергически дѣйствовать значитъ, по-моему, не дѣйствовать полумѣрами, не приносящими никакой пользы православію, но все болѣе и болѣе востановляющими раскольниковъ противъ правительства, на-примѣръ: секретное циркулярное предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 15-го октября 1858 года, за № 184, по-моему крайне не политично, потому что имъ освящаются тайныя общества. При составленіи этого циркуляра имѣлось въ виду одно лишь охраненіе православія въ ущербъ дѣлу правительственнаго Снисхожденія раскольниковъ, слѣдующее одно за другимъ, снисхожденія, вырванныя, такъ сказать, у духовной власти, ожесточаютъ сектаторовъ и заставляютъ ихъ думать, что они опасны для правительства вообще правило: „съ немощными — быть помощнымъ“, Богъ знаетъ до какихъ предѣловъ можетъ довести и православіе, и правительство. Не слѣдуетъ ли скорѣе православію разсмотрѣть свои уставы, измѣнить тѣ жестокія правила, которыя введены въ нихъ не духомъ христіанскимъ, а людскими страстями, и тогда уже не снисходить мало по малу въ раскольниковъ, а даровать имъ разомъ тѣ права, которыя могутъ быть имъ дарованы, безъ ущерба для церкви. Я увѣренъ, что такимъ образомъ большая часть раскольниковъ приметъ церковь, остальные должны поступить въ разрядъ иновѣрцевъ, вредныя затѣмы для общества секты слѣдуетъ истребить по всѣмъ строгостямъ закона. Расколъ гражданскій, такимъ образомъ, если не совсѣмъ уничтожится въ Россіи, то приведется въ безвредное положеніе для правительства; миссіонерамъ же откроется поле для уничтоженія его въ догматическомъ отношеніи.

„Въ заключеніе повторяю опять мою завѣтную мысль, что дѣятель противъ раскола, имѣя въ виду дѣло православія, не долженъ забывать, что упрямствомъ и нетерпимостію онъ вооружаетъ противъ правительства янадцать милліоновъ недовольныхъ.

„Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и совершенной преданности, честь имѣю быть Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга

Аркадій Столыпинъ“.

Въ то же самое время оренбургскій генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ Катенинъ, будучи въ Петербургѣ, самъ лично ходатайствовалъ передъ Св. Синодомъ и затѣмъ предъ государемъ о скорѣйшемъ разрѣшеніи казакамъ тѣхъ правъ, какія они просили въ дѣлѣ религіи.

Вмѣстѣ съ письмомъ графу Толстому, генераль-майоръ ¹⁾ Столыпинъ подробно сообщалъ и ему. Когда рапортъ объ освященіи церкви въ Бударинскомъ скиту былъ полученъ Катенинымъ, онъ тотчасъ же сообщилъ его митрополиту Григорію. «Его Высокопреосвященство былъ тронуть до слезъ чтеніемъ этого рапорта» ²⁾. По докладѣ же 2-го марта 1859 г. военнымъ министромъ генераль-адъютантомъ Сухозанетомъ дѣла о присоединеніи уральцевъ къ церкви Его Величеству, государь изволилъ изъявить свое удовольствіе и сочувствіе этому дѣлу и собственноручно карандашемъ начерталъ: «Весьма любопытно и утѣшительно, лишь бы теперь не испортить дѣла настояніемъ высшаго духовенства».

Государыня же Марія Александровна благоволила вновь присоединившимся послать икону Божіей Матери съ письмомъ къ нимъ, полнымъ любви и материнской ласки.

Радости уральцевъ не было конца при полученіи такой монаршей милости. Былъ тронуть такимъ знакомъ вниманія и А. Д. Все видимо предвѣщало лучшей исходъ дѣла, если бы не знаменитое циркулярное предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 17-го октября 1858 года за № 1661 ³⁾, омрачавшее умы еще неукрѣпившихся въ вѣрѣ старообрядцевъ. Генераль-майоръ Столыпинъ не утерпѣлъ, чтобы не сказать по этому поводу еще нѣсколько словъ А. А. Катенину, письмомъ отъ 8-го марта 1859 г.

„Если что-нибудь можетъ сравниться съ душевнымъ удовольствіемъ, которое я испыталъ при передачѣ казакамъ иконы, дарованной благочестивой государыней, то это горестное чувство, при чтеніи секретной бумаги министра внутреннихъ дѣлъ отъ 17-го окт. за № 1661.

¹⁾ Въ началѣ 1859 г. полковникъ Столыпинъ былъ произведенъ въ генералы за успѣхи по присоединенію старообрядцевъ.

²⁾ См. письмо Катенина Столыпину 5-го марта 1859 г.

³⁾ Въ дѣлахъ Оренбур. генераль-губернаторства, къ сожалѣнію, не сохранилось почему-то этого циркуляра; однако изъ приводимыхъ ниже двухъ писемъ Столыпина можно составить понятіе, какія идеи проводилъ министръ внут. дѣлъ, можно до нѣкоторой степени уразумѣть, о чемъ говорилось въ этомъ циркулярѣ изъ указа Св. Свода отъ 17-го ноября 1858 г., съ препровожденіемъ наставленія для дѣйствія съ раскольниками, согласно полученнаго отъ министра внутреннихъ дѣлъ тайн. сов. Ланскаго „циркулярнаго предложенія начальникамъ губерній, и приложенное при ономъ Высочайше одобренное наставленіе, для руководства при исполнительныхъ дѣйствіяхъ и совѣщаніяхъ по дѣламъ, до раскола относящимся“, съ измѣненіемъ примѣчанія къ § 5-му этого проекта.

„Живя въ раскольническомъ центрѣ, я на дѣлѣ испыталъ вредное вліаніе ложныхъ взглядовъ на уничтоженіе раскола близорукихъ совѣтниковъ возлюбленнаго царя нашего въ этомъ дѣлѣ, а именно: дѣло обращенія къ церкви, начавшее такъ блистательно въ войскѣ, хотя не совсѣмъ испорчено, значительно умалилось въ размѣрахъ; многіе присоединившіеся опять отпали и какъ бы вы думали, по большей части, отчего?

„Копія съ секретной бумаги, мною полученной, уже въ несколько дней ходила тутъ по рукамъ, прежде чѣмъ я ее получилъ, и разумѣется искаженная; также точно и первое предписаніе министра.

„Какъ можно заставить дѣйствовать государя такъ не откровенно? Слѣдуетъ или разрѣшать, или запрещать, или наконецъ (что всего современнѣе), не принимая раскольниковъ въ шѣдра православія, подчинить ихъ гражданскому началству, какъ иновѣрцевъ, дать имъ консисторію, какъ лютеранамъ, или какое-либо другое правленіе. тогда будетъ надъ ними контроль. Какъ же можно въ монархическомъ неограниченномъ правленіи освящать тайныя общества, допускать официально эмисаріевъ и оставлять ихъ безъ надзора? (какой можетъ быть надзоръ въ дѣлѣ, которое приказываютъ исполнять лишь въ тайнѣ. Не все ли равно допустить послѣ этого эмисаріевъ отъ Герцена и ком.?

„Такую аномалію я рѣшительно не понимаю и ожидаю съ нетерпѣніемъ пріѣзда вашего превосходительства, чтобы объяснить мнѣ взгляды правительства, теперь же мои личныя убѣжденія такъ діаметрально противоположны этимъ взглядамъ, что я считаю долгомъ прекратить дѣйствія мои противъ раскола, чтобы не впасть въ противорѣчія; буду же единственно соображаться съ буквою предписаній до того времени.

„Въ заключеніе письма моего считаю долгомъ присовокупить, что дѣло идетъ гораздо успѣшнѣе въ Илецкѣ, чѣмъ въ Уральскѣ; тамъ я имѣю пламеннаго помощника въ есаулѣ Сладковѣ; здѣсь же главные сановники принадлежать къ австрійскому толку“.

Еще это письмо не успѣло дойти по назначенію, между тѣмъ, генераль адъютантъ Катенинъ, письмомъ отъ 5-го марта 1859 г. изъ Петербурга, на мысли, изложенныя Столыпинымъ въ письмѣ къ графу Толстому (и Катенину также) отвѣчалъ ему:

„Я съ живѣйшимъ удовольствіемъ прочелъ письмо ваше отъ 17 февраля, въ которомъ вы, между прочимъ, извѣщаете меня объ освященіи Илецкой церкви, объ отстраненіи, отчасти, затрудненной касательно наименованій церковей благословенными и наставляете на необходимости предоставленія вамъ права удаленія изъ Уральска лицъ, мѣшающихъ успѣху востоящаго важнаго дѣла. На это письмо долгомъ считаю васъ увѣдомить, что какъ вы увидите изъ оффиціального моего предложенія отъ 5-го сего марта № 171, желаемое вами право высочайше вамъ даровано не какъ наказному атаману, а по особенной къ вамъ довѣренности государя императора.

„Относительно же самой высылки помянутыхъ вредныхъ лицъ обязуюсь присовокупить, что, предоставляя эту мѣру вашему усмотрѣнію, я тѣмъ не менѣе не могу не обратить вниманія вашего превосходительства на то, что вы можете отправлять ихъ только въ Оренбургъ. Проживаніе же ихъ въ семь городѣ и не могу не считать столь же предосудительнымъ, какъ и въ

самомъ Уральскѣ, а высылка ихъ есть дѣло, предоставленное мнѣ лично, а не по званію генераль-губернатора, почему до прибытія моего въ Оренбургъ употребленіе вашимъ превосходительствомъ высочайше даруемой вамъ власти нельзя не признать сопряженнымъ съ немалыми затрудненіями; но какъ самую эту власть вы желали получить въ видахъ утрашенія неблагонамѣренныхъ, то я, вполне раздѣляя ваше убѣжденіе въ его необходимости, и увѣренный въ испытанной осторожности вашей, вполне убѣжденъ, что можно будетъ избѣгнуть сказанныхъ затрудненій до моего возвращенія въ Оренбургъ, ибо тогда эти затрудненія устранятся сами собою, а теперь пока мѣсть довольно будетъ секретной угрозы тѣмъ, коихъ вы признаете вредными.

На письмо это А. Д. 26-го марта снова высказалъ Катенину свои убѣжденія и на этотъ разъ уже на французскомъ языкѣ въ такихъ пылкихъ выраженіяхъ:

«Votre Excellence! Pour ôter toute teinte officielle à cette lettre, je prends la liberté de l'écrire en français; je le fais aussi, pour vous parler plus franchement: une lettre écrite en français, comme vous le savez, équivaut à une dépêche chiffrée, dans nos parages anti-européens.

«Je vous remercie chaleureusement, pour le droit, que vous m'avez fait concéder, de me défaire des gens que je croirai nuisibles à la cause de l'église; c'est une marque de confiance que je saurai apprécier et dont je n'abuserai, certainement, pas: je sais sur que je ne me trouverai pas dans la nécessité d'en user, je me bornerai à frédonner aux oreilles de quelques uns: l'Amour que c'est que ça!..

«Depuis quelque temps, je n'ai qu'à me louer de la noblesse d'ici: presque toutes les demoiselles de la pension ont été à confesse; M-lle Karmanoff ne manque pas une messe (sic!); l'église orthodoxe est toujours pleine d'officiers supérieurs, qui appartenaient autre fois à une toute autre paroisse... etc. Est-ce changement de conviction, ou l'effet du talisman qui vous m'avez envoyé?... Je vous le donne à deviner!

«Mon système d'agir sur la masse, comme vous le savez, est diametralement opposé à celui que j'emploie contre l'aristocratie: ici, je laisse liberté entière aux convictions! Le resultat n'en est pas moins bon: depuis la première semaine du carême il y a eu, à l'église nouvellement concédée, jusqu' à 1200 baptêmes (je ne parle pas d'Ilék, d'où je n'ai pas reçu encore de chiffre exact); il y en aurait eu plus, s'il

était humainement possible au prêtre de suffire à toutes les exigences de sa nombreuse paroisse: il a eu jusqu'à 230 baptêmes par jour.

«Mais tout de même, je ne répons pas de l'avenir! Je vois le moment où le schisme prendra de nouveau le dessus: la dernière circulaire secrète du ministre de l'intérieur portera ses fruits! Croyez le moi ¹⁾...

Votre très humble et dévoué serviteur

Arcadi Stolipine».

26 Mars
Ouralsk.

Очевидно, Столыпинъ желалъ, чтобы это письмо было прочитано въ Петербургѣ со вниманіемъ. И не только оно было прочитано,

---

¹⁾ Переводъ. „Ваше превосходительство! Чтобы настоящее письмо не имѣло officialнаго характера, я беру смѣлость писать его по-французски; въ то же время это даетъ мнѣ возможность высказаться болѣе откровенно, ибо, въ нашемъ полу-азиатскомъ краѣ, письмо, написанное на французскомъ языкѣ, равносильно, какъ вамъ извѣстно, шифрованной дѣлешѣ.

„Горючо благодарю васъ за дарованное мнѣ, по ходатайству вашему, право, удалять тѣхъ лицъ, кои будутъ мною признаны вредными дѣлу церкви; я съумѣю оцѣнить этотъ знакъ довѣрія и ужъ, конечно, не злоупотреблю имъ; да я увѣренъ, что мнѣ и не придется имъ воспользоваться и что достаточно будетъ пропѣть кое-кому на ушко: Лю бо въ, что такое?..

„Съ нѣкоторыхъ поръ я не нахваляюсь здѣшнимъ дворянствомъ; чуть ли не всѣ воспитанницы пансіона были у исповѣди, дѣвица Карманова не пропускаетъ ни одной обѣдни (sic), православная церковь всегда переполнена высшими военными чинами, которые недавно еще числились совсѣмъ въ иноузъ приходѣ. и т. д. Свидѣтельствуетъ ли это о перемѣнѣ убѣжденій или есть слѣдствіе талисмана, вами мнѣ присланнаго? Предоставляю вамъ объ этомъ судить!

„Я держусь, какъ вамъ извѣстно, правила дѣйствовать на массу совершенно противоположнымъ способомъ, нежели на аристократію: тутъ я предоставляю полную свободу убѣжденіямъ! Тѣмъ не менѣе результатъ получается вполне удовлетворительный: съ первой недѣли поста во вновь разрѣшенной церкви окрещено до 1.200 человекъ (я не говорю объ Илецкѣ, откуда еще не получено мною точныхъ свѣдѣній); число окрещенныхъ было бы еще больше, еслибы священникъ имѣлъ физическую возможность удовлетворить всѣмъ требованіямъ своихъ многочисленныхъ прихожанъ! Иной разъ приходилось крестить до 250 чел. въ день!

„И, однако, я не ручаюсь за будущее! Я предвижу моментъ, когда расколъ возьметъ свое: послѣдній секретный циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, повѣрьте мнѣ, принесетъ плоды!

..

но вмѣстѣ съ секретнымъ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ (№ 1661), въ 18-й день апрѣля того же года, доложено было военнымъ министромъ государю императору.

Настойчивость, съ которою Аркадій Дмитріевичъ хлопоталъ за своихъ казаковъ, не пропала даромъ. По крайней мѣрѣ вскорѣ послѣ этихъ его «горячихъ» писемъ 30 марта (7 апрѣля) 1859 г. вышелъ указъ Св. Синода, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Принимая на видъ, что уральскіе казаки душевно и единодушно желаютъ быть сынами церкви, и, вслѣдствіе убѣжденія ихъ, что истинная церковь есть одна восточно-каѳолическая соборная апостольская греко-россійскаго вѣроисповѣданія, просятъ особаго названія ихъ церкви не давать; съ другой же стороны, усматривая изъ указовъ 1796 г. мая 8-го и 1798 г. марта 12-го, что и прежде не было даваемо особаго названія церквамъ, получившимъ разрѣшеніе совершать богослуженіе по книгамъ и обрядамъ первыхъ пяти патріарховъ россійскихъ», Св. Синодъ призналъ вполне возможнымъ удовлетворить желаніе уральскихъ казаковъ, а потому положилъ: «объявить обратившимся къ св. церкви, что Св. Синодъ, получивъ о семъ радостномъ событіи донесеніе, преподаетъ имъ, какъ чадамъ восточно-каѳолической, соборной, апостольской греко-россійскаго вѣроисповѣданія церкви, благословеніе».

Такимъ образомъ, благодаря уму и энергіи А. Д. Столыпина, началось просвѣщеніе Уральскаго войска въ духѣ вѣры и благихъ предначертаній.

Несмотря на массу интригъ со стороны старообрядческихъ начетчиковъ, благое дѣло пошло успѣшно, хотя, какъ говоритъ Столыпинъ, было чрезвычайно «трудно бороться съ дикарями, у которыхъ все дѣло въ словахъ, а не въ сущности мысли», приходилось прибѣгать «и къ увѣщаніямъ (относительно казаковъ), и къ угрозамъ (относительно чиновниковъ и офицеровъ)».

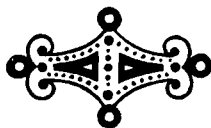
Энергичными дѣйствіями А. Д. въ теченіе 1858 и 1859 гг. присоединилось такимъ образомъ къ церкви болѣе 10.000 раскольниковъ.

Сѣмена, посѣянные твердой рукой, стали прививаться лучше, благодаря еще тому, что съ каждымъ годомъ въ станицахъ и фор-

постахъ стали заводить мужскія и женскія школы. Учась тамъ, молодое поколѣніе, конечно, при развитіи въ немъ нравственно-религіозныхъ началъ, подготавливается не въ обратную сторону вѣры, а направляется по истиннымъ стезямъ ея.

Можетъ быть, не далеко то время, когда среди уральцевъ совсѣмъ не останется раскольниковъ, особенно, если епархіальное духовенство и мѣстная администрація будутъ совмѣстно дѣйствовать противъ раскола, какъ прежніе дѣятели. По послѣднимъ статистическимъ даннымъ ¹⁾, въ войскѣ Уральскомъ насчитывается 6 православныхъ церквей (изъ нихъ три, впрочемъ, по укрѣпленіямъ) и 47 единовѣрческихъ. Прихожанъ при нихъ: православныхъ—8.679 и единовѣрцевъ 53.986. Раскольниковъ же 50.489 душъ.

П. Юдинъ.

---

¹⁾ Цифры заимствованы изъ отчета оренбургской духовной консисторіи за 1890 годъ.

Баронъ Николай Александровичъ Корфъ

въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ.

IV ¹⁾.

Заслуги барона Корфа въ дѣлѣ народнаго образованія.

2.—Переписка съ нимъ народныхъ учителей.

Даже въ настоящее время, когда нормальная наша народная школа имѣетъ уже давность около 30-ти лѣтъ, подборъ хорошаго состава преподавателей для народныхъ школъ представляетъ не мало затрудненій. Откуда же, спрашивается, баронъ Н. А. Корфъ могъ брать народныхъ учителей, если въ то время не было ни учительскихъ семинарій, ни другихъ какихъ бы то ни было учебныхъ заведеній для приготовленія учителей; не было, наконецъ, хотя бы приблизительно установлено даже и тѣхъ требованій, которымъ народные учителя должны удовлетворять по своей подготовкѣ. Ему помогала въ этомъ отношеніи та широкая гласность, съ какою онъ велъ у себя на мѣстѣ школьное дѣло, какъ-то: изданіе извѣстныхъ уже намъ школьныхъ отчетовъ, получившихъ, какъ мы знаемъ, повсемѣстное распространеніе въ Имперіи; дѣятельное сотрудничество его въ періодическихъ изданіяхъ общей и педагогической печати; полная доступность каждому желающему не только школъ, которыми руководилъ баронъ Корфъ, но также его самого и его дома. Это именно и притягивало къ нему буквально со всей Россіи охотниковъ работать съ нимъ. Баронъ Корфъ не имѣлъ недостатка въ учителяхъ для школъ своего уѣзда, но всегда располагалъ даже болѣе или менѣе значительнымъ резервомъ, изъ котораго и снабжалъ обращающихся къ нему и частныхъ лицъ, и земства.

Кто были эти стремившіеся къ барону Корфу и какія именно побужденія заставляли ихъ стремиться къ нему, нерѣдко весьма издалека, могутъ дать нѣкоторое понятіе свѣдующія выдержки изъ писемъ значительнаго круга людей разныхъ половъ, знаній, уровня развитія и степени образованія, буквально равнявшихся въ Александровскій уѣздъ, бывшій для весьма многихъ своего рода «обѣтованной» землей.

„Имѣя свѣдѣнія о Вашихъ стараніяхъ въ дѣлѣ народнаго образованія, — пишутъ окончившіе курсъ Вологодскихъ педагогическихъ курсовъ: Фалинъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1894 г., июль.

Кедровскій и Яхлаковъ,—заявляемъ о своемъ желаніи поступить подъ личное Ваше вѣдомство или подъ вѣдомство Вашего соговарица по службѣ г-на Гнѣдина. Надѣмся на Вашу доброту и на Ваши заботы о народномъ образованіи“ (26-го марта 1869 г.).

„Читая Ваши корреспонденціи въ „С.-Петербур. Вѣдомостяхъ“,—пишетъ Шатиловъ изъ Москвы,—я достаточно познакомился съ дѣятельностью Александровскаго училищнаго совѣта. Служить подъ руководствомъ людей, честно относящихся къ народному образованію, было давно моимъ горячимъ желаніемъ. Почтительнѣйше прошу у Васъ, Николай Александровичъ, мѣсто сельскаго учителя“ (7 авг. 1870 г.).

„Зная,—пишетъ Рейнгардтъ изъ Петрозаводска,—что дѣло, на служеніе которому Вы посвятили себя, такъ благотворно, такъ необходимо въ настоящее время, я бы желалъ быть посильнымъ участникомъ въ немъ. Понимая всю важность подобной обязанности, зная, что трудно исполнять ее безъ толковаго руководства, обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою принять меня въ одну изъ школъ завѣдуемаго Вами участка, чтобы имѣть возможность практически усвоить методу Вашего преподаванія“ (8 сент. 1870 г.).

„Цѣль моего письма,—пишетъ изъ Самары бывший сельскій учитель Перовъ,—выразить Вамъ мое горячее желаніе поучительствовать въ одной изъ сельскихъ школъ, подвѣдомственныхъ Вашему педагогическому контролю. Я знаю Васъ, баронъ, по Вашимъ руководствамъ, практикуемымъ въ народныхъ школахъ, и по немногимъ статьямъ, написаннымъ Вами въ „Недѣль“ Если у Васъ есть въ селахъ свободныя учительскія мѣста и Вы не прочь удовлетворить моему желанію навѣсти подходящую обстановку для своей дѣятельности, то прошу Васъ увѣдомить меня объ этомъ въ непродолжительномъ времени“ (1871 г.).

„Хотя я,—говоритъ домашній учитель Н. Кашинъ,—и не имѣю удовольствіе знать Васъ лично, по газетные толки о Васъ и Вашей полезной дѣятельности такъ велики, что поневолѣ обращаютъ на себя вниманіе великаго сколько-нибудь образованнаго человѣка. И потому прежде всего позвольте прінести Вамъ искреннее и глубокое уваженіе за Ваши неутомимые труды по части образованія русскаго народа, а затѣмъ—перейти къ моей личной просьбѣ... Зная, что Вы заботитесь о пріисканіи хорошихъ учителей въ подвѣдомственныя Вамъ училища, я рѣшаюсь предложить Вамъ свои услуги для этого дѣла... При этомъ, признаюсь Вамъ откровенно, что хотѣлось бы помѣститься поближе къ Вамъ, чтобы имѣть возможность хотя нарѣдка бывать въ обществѣ умнаго и образованнаго человѣка... Время впрочемъ терпится, ибо я не могу оставить Орель раньше осени—по случаю даннаго слова окончить воспитаніе нѣкоторыхъ дѣтей“ (Орель, 22 янв. 71 г.).

Не лишне прівести письмо К. М. Филатовой, изъ Вяземскаго уѣзда:

Слѣдя постоянно за ходомъ народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ и за дѣятельностью немногихъ лицъ, посвятившихъ свой трудъ, время и знаніе на это святое дѣло и желая всѣми средствами содѣйствовать по мѣрѣ своихъ силъ этому дѣлу, я давно—пишетъ изъ Смоленской губерніи Филатова,—желѣла мысль поступить преподавательницей въ одну изъ сельскихъ школъ. Но прівести въ исполненіе мое желаніе оказалось на дѣлѣ весьма нелегко. Кромѣ неудобствъ жизни въ нравственномъ одиночествѣ въ средѣ неразвитыхъ крестьянъ, кромѣ грубой обстановки, окружающей сельскую учительницу, обстановки, всегда тяжелой для дѣвушки, пріученной воспита-

нѣмъ въ жизни болѣе роскошной, — существуютъ другія препятствія, несравненно труднѣе устранимыя, именно: гдѣ тѣ школы, гдѣ бы учительница получала хотя бы сносное содержаніе, гдѣ бы она могла найти совѣтъ и помощь въ вопросахъ, касающихся преподаванія (а такіе совѣты необходимы даже и не для начинающей), наконецъ — гдѣ можетъ она найти поддержку въ необходимой, неуставной борьбѣ съ окружающимъ невѣжествомъ? По крайней мѣрѣ въ мѣстности, гдѣ я живу, наставники немногихъ, существующихъ тамъ, учящихся далеко не въ хорошемъ положеніи.

Зная изъ статей нашихъ журналовъ и по отзывамъ лицъ, болѣе или менѣе знакомыхъ съ Александровскимъ уѣздомъ, о блестящихъ успѣхахъ, достигнутыхъ Вами въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія въ уѣздѣ, слыша, что Вамъ удалось поставить учителей подвѣдомственныхъ Вамъ школъ въ положеніе во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительное, я беру смѣлость безпокоить Васъ прежде, чѣмъ прямо просить училищный совѣтъ опредѣлить меня наставницей въ одну изъ школъ уѣзда, почтить отвѣтомъ — могу ли я рассчитывать на полученіе вышесказаннаго мѣста и, занявъ его, быть полезной дѣлу при томъ образованіи, которымъ я владѣю Образование — обыкновенно получаемое дѣвушкой средняго помѣщичьяго круга. Располагая собою и своимъ временемъ, я не имѣю другихъ средствъ къ жизни, кромѣ тѣхъ, которыя могу получить за мой личный трудъ.

29 апр. 1872 г.

Еще большаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія два письма учителя З. И. Ахаткина изъ далекаго сѣвернаго захолустья:

Милостивый Государь,

Николай Александровичъ!

Межень, гдѣ я живу, одинъ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ Россіи, гдѣ преподавателю приходится дѣйствовать почти совершенно одному, полагаясь только на свое собственное знаніе и опытъ. Но народному учителю, не приготовленному спеціально, даже и довольно опытному, часто въ своей педагогической дѣятельности приходится встрѣчаться лицомъ къ лицу съ такими затрудненіями, которыя трудно преодолѣть безъ посторонней помощи людей болѣе опытныхъ и свѣдущихъ.

Ваша дѣятельность, посвященная благу народа, и сочувствіе ко всякому добросовѣстному трудящемуся для просвѣщенія народа даетъ мнѣ смѣлость утруждать Васъ моею покорнѣйшею просьбою

Я — учитель, служу уже не первый годъ, но часто встрѣчаю такія затрудненія, которыя уже разрѣшены другими. Прочитавъ случайно Вашъ отчетъ по обзорнѣю училищъ Александровскаго уѣзда, я вашею въ немъ разрѣшеніе многихъ моихъ сомнѣній, но при этомъ еще больше указаній на отчетъ за 1868 годъ.

Позвольте надѣяться, баронъ, что Вы не откажете приходскому учителю въ его низжайшей просьбѣ — подѣлиться плодами Вашихъ трудовъ и снабдите его отчетами Вашими за 1868 и 1869 г., а равно и книгой отца Анавія Агапіева „Новая школа“. Кромѣ Васъ, я не знаю, куда обратиться, потому что не знаю, существуютъ ли поименованныя книги въ продажѣ.

Вашъ покорнѣйшій слуга

Межень.

З. Ахаткинъ

8-го іюня 1870 года.

Милостивый Государь,

Николай Александровичъ!

Получивъ пріятнѣйшее письмо Ваше отъ 10-го іюля и вслѣдъ за симъ отчетъ Вашъ за 1869 г., я не осмѣлился безпокоить Васъ изъявленіемъ своей благодарности; но когда Вы съ неожиданною для меня любезностью удостоили прислать мнѣ и новый отчетъ Вашъ за 1870 годъ, могу ли я умолчать, чтобъ не высказать Вамъ глубочайшей моей признательности, тѣмъ болѣе, что отчетами своими и книгою „Русская начальная школа“ Вы принесли мнѣ такую пользу, которая можетъ быть понята только тѣмъ, кто коротко знакомъ съ положеніемъ приходскихъ учителей.

Прошу Васъ представить себѣ молодаго человѣка, который прямо съ гимназической скамейки поступилъ учителемъ въ многолюдное училище, человѣка, не имѣющаго никакой подготовки къ тому святому дѣлу, которому взялся служить, и не имѣющаго никого, кто бы помогъ ему разрѣшить его недоумѣнія. Въ такомъ положеніи былъ я при поступленіи на службу, мнѣ нужно было и учиться, и учить, но учиться приходилось только по педагогическимъ журналамъ, дѣятельность которыхъ въ то время была обращена главнымъ образомъ на разработку общихъ вопросовъ по педагогикѣ, тогда какъ начинающему учителю гораздо важнѣ частныя приложенія педагогическихъ требованій; и такъ оставалось только учиться изъ собственнаго опыта, а кому не извѣстно, что такой путь ведетъ ко множеству ошибокъ и промаховъ и въ счастливыхъ только случаяхъ выводитъ на прямую дорогу. Въ теченіе семилѣтней службы моей мнѣ, конечно, удалось кое-что выработать себѣ, кое-чего достигнуть; но развѣ это кое-что—все, да и кто мнѣ разрѣшитъ сомнѣнія, на прямой ли дорогѣ я стою или бреду въ сторону?

Вотъ почему Ваши сочиненія особенно для меня дороги: они многому меня научили, многое неданное до сихъ поръ выяснили, во многомъ меня утвердили, а что главное—возбудили во мнѣ новую энергію къ дѣятельности, которая неминуемо должна была начать ослабѣвать въ борьбѣ съ обстоятельствами, не встрѣчая часто сочувствія въ тѣхъ, на кого можно бы было разсчитывать.

Судите послѣ этого сами, могъ ли я молчать и не заявить Вамъ еще разъ глубочайшей моей благодарности за все добро, которое Вы мнѣ сдѣлали. Это даетъ мнѣ право надѣяться, что Вы простите меня, если я рѣшился утруждать Васъ своимъ письмомъ, отнимая драгоценное время Ваше, посвященное всецѣло святому дѣлу просвѣщенія младшихъ братьевъ нашихъ.

Глубокоуважающій Васъ

Вашъ покорный слуга

З. Ахаткинъ.

Межень.

9-го ноября 1870 года.

Въ смыслѣ характеристики барона Корфа, какъ притягательнаго центра для всѣхъ интересующихся дѣломъ народнаго образованія, большаго вниманія заслуживаютъ письма къ нему И. П. Деркачева, человѣка, искренно увлекающагося нововведеніями въ первоначальномъ образованіи и быстро стяжавшаго себѣ почтенное имя въ педагогической области.

Симферополь.

15-го ноября 1869 года.

Глубокоуважаемый

Николай Александровичъ.

Привѣтствую Васъ, баронъ, въ Вашихъ громаднхъ успѣхахъ въ дѣлѣ народнаго просвѣтлѣнія! Съ благотворною дѣятельностью Вашею и давно ужъ знакомъ по Вашимъ отчетамъ и по тѣмъ завиднымъ отзывамъ, которые были сдѣланы разными лицами о Вашихъ талантахъ и непомятыхъ заботахъ. Самъ я нѣсколько разъ печатнымъ словомъ указывалъ на Ваши труды, а еще больше устно ратовалъ изъ-за Васъ передъ Таврическимъ земствомъ. Быть можетъ, что дѣятельность Ваша немало помогла и устройству такого приготовительнаго класса при гимназiи, съ программой котораго Вы ознакомились изъ отчета о сѣздѣ народныхъ учителей въ Симферополѣ. Но приготовительный классъ съ такой программой нагляднаго обученiя—чуть ли не одиночное явленiе въ Таврической губернiи; да и тотъ стоитъ въ настоящее время въ очень сомнительномъ положенiи относительно своего существованiя. При прежнемъ директорѣ, Марковѣ, еще можно было бороться реальному направленiю класса съ классически-глупыми требованiями классическихъ учителей. Настоящiй же управляющiй дирекцiей, изъ личнаго недовольства къ бывшему директору, старается разрушить то, что такъ заботливо имъ создано и можетъ служить памятникомъ его благородной дѣятельности. Въ несчастный часъ зародился этотъ классъ и приобрѣлъ много враговъ... Клеветы и наговоры доходили до высокопоставленныхъ лицъ... Посѣщенiе класса архiereемъ имѣло нѣкоторое успокоительное дѣйствiе на однихъ и крайне раздражительное дѣйствiе на другихъ. Архiereй, оставаясь въ классѣ болѣе двухъ часовъ, успѣлъ познакомиться со всѣми предметами первоначальнаго обученiя. Результатъ посѣщенiя былъ таковъ, что архiereй сталъ требовать, чтобы и учителя духовныхъ училищъ занимались такимъ же образомъ. Для знакомства же съ методами нагляднаго обученiя, приказано ходить въ приготовительный классъ. Можете себѣ представить озлобленiе старья и озлобленiе личное противъ меня. Не будь меня—никто бы не потревожилъ ихъ дремоты и умственной лѣни. А то тутъ надо учиться да перечиваться заново. Нѣтъ, ужъ лучше извести меня изъ города—это будетъ поспокойнѣе. Снова наговоры и подкобы зачались со всѣхъ сторонъ. Усиленная бдительность съ моей стороны дошла до болѣзненнаго состоянiя. Самая большая бѣда въ томъ, что приготовительное учрежденiе, находящееся въ зданiи гимназiи, не находитъ достаточной защиты въ педагогическомъ совѣтѣ. Раздраженiе мое выходитъ изъ границъ. Я бьюсь изъ-за программы, которую не хочу измѣнить, между тѣмъ какъ педагогическiй совѣтъ (подъ влiянiемъ управляющаго дирекцiей) указываетъ мнѣ на иную программу, по которой готовятся въ гимназiю на сторонѣ. Въ послѣдней программѣ, также утвержденной попечителемъ Од. округа, царитъ полный механизмъ, губительный, стародавнiй нашъ врагъ. Эта двойственность программъ сгубитъ классъ, если мнѣ не удастся отбиться, если не встрѣчу счастливой подмоги... Теперь я невдоровъ и не выхожу изъ квартиры. Классъ гуляетъ. Жду съ нетерпѣнiемъ губ. зем. собранiя, на которое возлагаю нѣкоторыя надежды. Надо бы отдѣлиться отъ гимназiи и построить самостоятельную школу. Усилю—буду продолжать свои занятiя надъ выработкой чего-нибудь хорошаго на этомъ поприщѣ; не успѣю—перейду въ Царство Польское и въ другое вѣдомство. Жаль, что мое долгое знакомство съ предметами начальнаго обученiя въ за-

граничныхъ школахъ, да и собственная практика должны будутъ заглухнуть, или, по крайней мѣрѣ, замолкнуть на нѣкоторое время. Придется выжидать болѣе благоприятныхъ условий, при которыхъ бы можно было начать нилое дѣло. Какъ только оправлюсь, сдѣлаюсь менѣ раздражителемъ,—тотчасъ же займусь обстоятельнымъ объѣмомъ мыслей съ Вами по части практической дидактики.—Есть люди, которые сильно дѣйствуютъ на меня своими физиолого-психологическими выводами и порождаютъ во мнѣ тоскливое недовольство той системой, которой я держался и по которой доходилъ къ извѣстнымъ цѣлямъ. Я понимаю всю справедливость ихъ доводовъ, чувствую собственное безсиліе—и готовъ даже отказаться отъ дѣла народнаго образованія по самымъ лучшимъ дрессировкамъ... Если бы это было малодушіе съ моей стороны, то я, припоминая прошлое моей жизни, пашель бы въ себѣ еще силы побороть такую слабость; но мысль, мысль моя молчитъ: она-то не находитъ противныхъ доводовъ, слабнеть внутренняя способность духа. Съ этой точки зрѣнія я останусь, пожалуй, недоволенъ и всѣми Вашими дѣлами и, быть можетъ, буду крайне несправедливъ... Дайте умолкнуть моимъ забунтованнымъ чувствамъ, придти въ спокойное созерцаніе, которое такъ необходимо въ такомъ дѣлѣ, каково дѣло нар. образованія. Я теперь злобенъ; а зло—темнота, способная спутать лучшія пожеланія и стремленія человѣческаго духа.

Много благодаренъ за брошюры, присланныя Вами. Быть можетъ, что Вы скоро познакомитесь съ печальнымъ состояніемъ народнаго образованія въ Таврической губ: изъ отчета, составленнаго мною для печати. Мой отчетъ, къ сожалѣнію, долженъ еще выдержатъ небольшой карантинъ. Многія работы, заготовленныя мною, также не скоро еще увидятъ свѣтъ. Быть можетъ, что скорѣй другихъ выйдетъ руководство къ чтенію и письму, составленному по Бейсту (*Der wirkliche Anschauungs-Unterricht. aust das Schreiben und Lesen*). Курсъ наглядной геометріи и азбуку вышло при первой возможности.

Извините, если я для перваго раза, быть можетъ, что-нибудь ужъ очень расписалъ.—Ваше письмо невольно вызвало меня на такую бесѣду.

Весь Вашъ

Илья Деркачевъ.

Симферополь.

14 іюня 1870 года.

Глубокоуважаемый

Николай Александровичъ!

„Русская Начальная Школа“—эта прекрасная и единственная въ своемъ родѣ книга получена мною отъ Васъ. Сердечно благодарю за Ваше вниманіе ко мнѣ. Читаемъ мы Вашу книгу цѣлымъ составомъ народныхъ учителей Таврической губерніи, призванныхъ ко 2-му сѣзду. По моему указанію, къ этому сѣзду была выписана управою Вама книга въ количествѣ 35 экземпляровъ. Учителя читаютъ Вашу книгу съ большимъ вниманіемъ. Разобравъ по частямъ, они рассказываютъ, въ общемъ собраніи, содержаніе прочитаннаго и затѣмъ идутъ оживленные споры. Всѣ несогласія и выводы записываются мною въ протоколъ и затѣмъ, вѣроятно, войдутъ также заглавія народныхъ учителей въ мой отчетъ о 2-мъ сѣздѣ.—Одинъ экземпляръ Вашей книги вручилъ г. Ушинскому, который живетъ здѣсь и раза три ужъ

присутствовали въ моей школѣ при моихъ занятіяхъ. Г. Ушинскій очень заинтересованъ Вашей книгой, прочелъ уже около половины, дѣлаетъ помѣтки и готовится къ разбору, который намѣренъ напечатать въ „Народной Школѣ“. Сообщу Вамъ пока общій выводъ народн. учителей, относящійся къ Вашей книгѣ. „Книга эта, по ихъ замѣчанію, очень полезна въ своихъ частяхъ, но въ цѣломъ она не должна служить руководствомъ ни для гласныхъ, ни для народныхъ учителей“. Если гласные, взявъ на вѣру и цѣликомъ Ваши слова, станутъ требовать отъ школъ тѣхъ успѣховъ, какихъ достигли Вы въ Вашихъ школахъ, то Таврическая губ. можетъ остаться безъ учителей. Поэтому, книжка Ваша должна подвергнуться строгой и серьезной критикѣ. Такой трудъ беретъ на себя извѣстный нашъ педагогъ К. Д. Ушинскій.

Ваша книга вызвала даже нѣкоторый скандалъ въ нашемъ сѣвѣ. Одинъ учитель ожесточенно бранилъ и Вашу азбуку, и повый Вашъ трудъ. А такъ какъ доказательствъ убѣдительныхъ не представилъ, то браня его была принята всѣми учителями за оскорбленіе всему сѣвѣду. Подана была мнѣ записка за подписью всѣхъ учителей и учительницъ, въ которой требовалось удаленія такого буяна со сѣва. Это было вчера. Чѣмъ кончится это дѣло — не знаю. Признаюсь, я сильно подовѣваю въ его словахъ личное недоброжелательство къ Вамъ. Не встрѣчались ли Вы съ нимъ гдѣ-нибудь? Для меня это крайне необходимо знать. Сообщите, пожалуйста, если Вы знаете что-нибудь о такомъ буянѣ. Фамилія его Раушеръ. Учителемъ онъ теперь на Голой Пристанн. Днѣпровскаго уѣзда.

Весь Вашъ

Илья Деркачевъ.

Служа приближаемъ для лицъ, желавшихъ посвятить себя скромной дѣятельности народнаго учителя, баронъ Корфъ вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ точно также приближеннымъ и для всѣхъ, желавшихъ практически изучить всю вообще организацію народнаго образованія, до преподаванія въ народной школѣ включительно. И такихъ лицъ перебывало у него очень много: одни по собственному почину, другіе — въ качествѣ командированныхъ лицъ. Въ письмахъ, приведенныхъ выше, мы видѣли уже, какъ много лицъ свосились съ барономъ Корфомъ именно для того, чтобы побывать у него, поучиться школьному дѣлу практически. Ниже намъ придется еще говорить о лицахъ, официально командированныхъ къ барону Корфу; здѣсь же мы остановимся лишь на командировкѣ московскимъ комитетомъ грамотности г. В. С. Кашина, о которой было уже упомянуто выше въ письмѣ І. Н. Шатилова. Вотъ наиболѣе характерныя выдержки изъ объемистой коллекціи писемъ Кашина къ барону Корфу:

„Московскій комитетъ грамотности при Императорскомъ обществѣ сельскаго хозяйства предложилъ мнѣ въ своемъ засѣданіи 28 минувшаго апрѣля (1870 г.) осмотрѣть Ваши школы, приобрѣвшія столь заслуженную, почетную пѣвѣстность. Теперь позвольте обратиться къ Вамъ съ моею всепокорнѣйшею просьбою: будьте столь добры потрудитесь сообщить мнѣ: продолжаютъ ли занятія въ Вашихъ школахъ въ теченіе всего лѣта или прекращаются на

нѣкоторое время, такъ какъ сообразно съ Вашимъ отвѣтомъ я долженъ буду расположить свою поѣздку...“ (8-го мая 1870 г.).

„Грустно мнѣ было,—говорить Кашинъ въ слѣдующемъ письмѣ,—прочитать Вашъ отказъ ¹⁾, хотя вполне понимаю всю его неотразимость. Что касается до Вашего любезнаго приглашенія—посѣтить Ваши школы въ октябрѣ, то, къ несчастію, мнѣ исполнить это невозможно, такъ какъ съ конца августа у меня начнутся правильныя и непрерывныя казенныя занятія. Но все-таки мнѣ бы очень хотѣлось познакомиться съ Вами и лично отблагодарить Васъ за лестное Ваше приглашеніе, почему я и хочу попросить у Васъ позволенія заѣхать къ Вамъ выпѣшнимъ дѣтомъ...“ (29 іюня 1870 г.).

„Кромѣ цѣли осмотра я имѣлъ въ виду обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою, которую теперь отчасти и излагаю. Близъ Москвы состоятъ подъ моимъ завѣдываніемъ двѣ огромныя школы (до 600 учениковъ), въ которыя нужно человѣка четыре учителей. Вотъ я и хотѣлъ обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою уступить намъ нѣсколькихъ Вашихъ наставниковъ, на знаніе и опытность которыхъ можно бы было положиться... Конечно, я держусь той мысли, что у Васъ есть нѣсколько хорошихъ преподавателей, которымъ Вы желали бы дать лучшей ходъ, но при ограниченнхъ земскихъ средствахъ и полнѣйшемъ равнодушіи къ занятіямъ учителей трудно лучшаго достигнуть имъ...“

...„Сегодня читалъ докладъ свой о Вашихъ школахъ. Докладъ произвелъ большое впечатлѣніе... Сочувственныя восклицанія... Вы набравъ, по предложенію предсѣдателя, единогласно въ почетныя члены комитета грамотности“ (17 ноября 1870 г.).

„Когда 12 января Вы будете читать это письмо, тогда въ актовомъ залѣ Московскаго университета прогремѣтъ имя вновь избраннаго почетнаго члена университета, барона Николая Александровича Корфа, котораго отъ души съ этимъ набраніемъ поздравляю...“

„Я былъ до нельзя обрадованъ Вашимъ набраніемъ въ почетныя члены университета. Отъ души поздравляю. Какъ для Васъ, вѣроятно, интересныи документъ, прилагаю самое предложеніе, копію съ котораго, по моей просьбѣ, прислалъ профессоръ Юркевичъ. Что касается до прочихъ профессоровъ, то самая горячая рѣчь была со стороны Леонтьева“.

«Копія», о которой упоминается въ письмѣ Кашина, слѣдующая:

Въ совѣтъ Императорскаго Московскаго университета профессора Юркевича.

Въ поясненіе къ сдѣланному мною въ прошедшемъ засѣданіи Совѣту предложенію объ избраніи въ почетныя члены университета барона Н. А. Корфа, имѣю честь указать на несомнѣнныя заслуги барона Корфа въ великомъ дѣлѣ водворенія въ Россіи народной школы и распространенія образованія въ средѣ простаго народа. Полезная дѣятельность барона Корфа по учрежденію народныхъ школъ и по приготовленію народныхъ учителей обратила на себя вниманіе всѣхъ, кто проникнуть сознаніемъ важности и неотложной нужды народнаго образованія, а сочиненія барона Корфа, относящіяся къ методикѣ народныхъ школъ, каково напримѣръ его сочиненіе „Русская Начальная Школа“, имѣютъ такія бесспорныя достоинства, что они могли бы получить высокую оцѣнку и въ средѣ европейской педагогической

¹⁾ Отказъ этотъ, однако, заключался въ простомъ увѣдомленіи, что дѣтомъ не бываетъ занятій въ народныхъ школахъ.

литературы. Зная, что Московскій университетъ особенно сочувствуетъ дѣтелямъ, ревностно содѣйствующимъ отечественному просвѣщенію, имѣю честь повторить мое предложеніе объ избраніи барона Корфа въ почетные члены университета.

12-го января, въ день основанія Московскаго университета, на торжественномъ актѣ, имя новопозбраннаго члена, барона Корфа, было провозглашено на-ряду съ именами двухъ вновь избранныхъ членовъ: вел. кн. Константина Николаевича и сербскаго митрополита Михаила.

Въ другихъ письмахъ Кашинъ обращается за разными совѣтами, какъ-то: по поводу рекомендаціи учителей, на счетъ чтеній для взрослыхъ рабочихъ, системы этихъ чтеній, программъ ихъ и проч.

Въ письмѣ же изъ Ялты отъ 8-го іюля 1871 г. онъ, между прочимъ, говоритъ:

„При этомъ прибавлю одно, что умоляю Васъ высказаться какъ можно подробнѣе, помочь мнѣ всѣмъ запасомъ Вашего знанія, опыта и яснымъ, вѣрнымъ взглядомъ на вещи, ибо рѣдко чье-либо мнѣніе и совѣтъ я ставлю такъ высоко, какъ Ваше“.

Письма В. С. Кашина представляютъ очень внушительный примѣръ—какъ сильно располагалъ и привязывалъ къ себѣ баронъ Корфъ лицъ, имѣвшихъ случай войти съ нимъ въ личныя, непосредственныя отношенія. Среди однихъ только народныхъ учителей такихъ лицъ, горячо-преданныхъ ему и высоко-цѣнившихъ его авторитетъ, искренно-любившихъ и уважавшихъ его, какъ человѣка, можно насчитать тысячи. Помимо народныхъ учителей, работавшихъ подъ непосредственнымъ его руководствомъ въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринбургской губерніи, къ барону Корфу въ м. Нескучное пріѣзжала еще масса молодыхъ людей обоего пола—и оучиться. Здѣсь они подвергались добровольнымъ испытаніямъ изъ предметовъ общеобразовательнаго курса и, въ случаѣ надобности, получали указаніе и руководства къ дополнительной подготовкѣ; кромѣ того, знакомились съ веденіемъ школьнаго дѣла, продолжая безмездно жить въ домѣ барона Корфа не только въ теченіе нѣсколькихъ дней, но даже недѣль и мѣсяцевъ. Получивъ же, наконецъ, удостовѣреніе отъ барона Н. А. Корфа, что они могутъ быть народными учителями, лица эти нарасхватъ разбирались земствами и разными другими учрежденіями, причемъ частному удостовѣренію барона Корфа придавалось несравненно больше значенія, чѣмъ какимъ бы то ни было педагогическимъ дипломамъ.

Кромѣ этого круга народныхъ учителей, лично знавшихъ барона Корфа и даже болѣе или менѣе обязанныхъ ему, есть еще громаднѣйшій контингентъ учителей, разбросанныхъ по многочисленнымъ губерніямъ, которыхъ также приходилось въ большей или меньшей мѣрѣ

просвѣщать барону Корфу на сѣздахъ народныхъ учителей, происходившихъ подъ его руководствомъ въ разныхъ городахъ Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерній. Число народныхъ учителей, обыкновенно являвшихся на эти сѣзды, не рѣдко изъ отдаленныхъ губерній, въ 5—6 разъ превышало количество лицъ, приглашенныхъ земствомъ, учреждавшимъ сѣздъ. Этотъ наплывъ добровольныхъ участниковъ сѣзда, тратившихъ нерѣдко послѣднія средства, свидѣтельствуесть о той популярности, которою пользовался баронъ Корфъ среди народныхъ учителей.

Онъ искренно любилъ этихъ скромныхъ дѣятелей, умѣлъ вдохновлять ихъ, поддерживать и направлять къ разумной производительной дѣятельности. Его отношенія къ педагогическому персоналу народной школы отличались большою задушевностью. У себя ли въ домѣ, во время ли сѣздовъ, баронъ Корфъ, заботясь о производительности занятій, вмѣстѣ съ тѣмъ не оставлялъ безъ вниманія и вопроса о доставленіи народнымъ педагогамъ средствъ къ развлеченію. Искренно держась съ ними на равной ногѣ, баронъ Корфъ заставлялъ ихъ забывать хоть на время, что они—не признанные члены общества. Въ его домѣ народные педагоги чувствовали себя, какъ въ родной семьѣ; литературно-музыкальные и танцевальные вечера, устраиваемые имъ во время сѣздовъ, способствуя облагороженію нравовъ, въ то же время придавали сѣздамъ до нѣкоторой степени семейный характеръ и способствовали наилучшему сближенію учителей и оживленію всей дѣятельности сѣзда.

Въ виду этого, каждый изъ народныхъ учителей, познакомившійся съ барономъ Корфомъ хотя бы только на сѣздѣ, на всю жизнь уже сохранялъ самое отрадное воспоминаніе не только о просвѣщенномъ его руководствѣ, но и о той сердечности, задушевности, съ которыми относился къ нимъ баронъ Корфъ. Вотъ почему такъ обильна переписка барона Н. А. Корфа съ народными учителями разныхъ губерній, которые съ гордостью называли его своимъ «наставникомъ» и, не задумываясь, обращались къ нему за разрѣшеніемъ всѣхъ своихъ недоразумѣній. Изъ обширной коллекціи этого рода писемъ образчикомъ ихъ можетъ служить слѣдующее письмо г. Зозуленко, народнаго учителя Херсонской губерніи.

Глубокоуважаемый наставникъ

Николай Александровичъ!

Позвольте, прежде всего, засвидѣтельствовать Вамъ, уважаемый учитель мой, мою искреннюю признательность и пожеланіе Вамъ счастья.

Позволю сказать нѣсколько словъ о себѣ. Послѣ неудачной попытки попасть учителемъ въ Одессу, я остался въ своей прежней школѣ, въ м. Святотроицкомъ, Анапьевскаго уѣзда. Послѣ сѣзда, я имѣлъ получить мѣсто, и теперь мнѣ его предлагаютъ, это—помощникомъ класснаго наставника въ

г. Анапьевъ; но, оставаясь вѣрнѣе своей идеѣ, я отказался,—отказался потому, что мнѣ пришлось бы не учить дѣтей, а исполнять и слѣдить за выполненіемъ учениками школьной дисциплины. Не мое поприще: 10 лѣтъ уже прошло, какъ я живу съ сельскими дѣтьми, и грустно разставаться, сознавая, что за эти 10 лѣтъ еще не успѣлъ принести народу столько блага, чтобы послѣ себя оставить память въ народѣ честнаго труженика. Школа, гдѣ я учу, еще нова, еще младенецъ: три года, какъ открыта, и широко поприще, большое поле дѣятельности—не будь постороннихъ тормазовъ—хладнокровнаго взгляда вообще нашего начальствующаго люда. Можете представить себѣ, Николай Александровичъ, у меня въ школѣ 84 учащихся, есть даже помощникъ; изъ учащихся 27 учениковъ—„звуконикъ“, а только 7 книгъ Ушинскаго 1-й годъ. Приятно вспоминаю время съѣзда, когда мы съ восторгомъ вводили въ школу (желали) и „наглядно-звуковыя прописи“ и „чтеніе по картинкамъ“; но все это—лишь на съѣздѣ, а въ школахъ пришлось довольствоваться пожеланіемъ. Вѣра въ лучшее будущее и надежда, что школы народныя, какъ бы онѣ ни были обставлены, дадутъ хорошій результатъ, если этого захочетъ учитель,—закрываютъ всѣ пробѣлы нашей русской народной школы.

Недавно я прочелъ Вашу статью о томъ, что въ народныхъ школахъ оканчиваютъ курсъ дѣти 10—12 лѣтъ. Совершенно справедливо: у меня на прошломъ экзаменѣ окончили 4 ученика и старшему изъ нихъ только 12 лѣтъ. Что дѣлать? Два изъ нихъ желали бы поступить въ семинарію (учительскую) или фельдшерскіе классы; но не поступать—очень молоды, а продолжать ученіе не охотно желаютъ,—окончили курсъ. Что это окончаніе курса не принесетъ имъ никакой пользы—несомнѣнно, но что же дѣлать? У меня въ настоящее время въ старшей группѣ есть 18 душъ и только 2 изъ нихъ 16 лѣтъ. О постановленіяхъ съѣзда не имѣю никакихъ свѣдѣній, хотя уже земское собраніе окончилось. Крайне обидно, если не устроится наша учительская касса; пока въ печати о ней ничего ровно не появлялось.

У меня школа—смѣющаяся и кричащая, что не особенно нравится моему соучителю-священнику. „Ужъ больно рѣзвы—мало толку“—часто повторяетъ онъ. И часто у насъ ссоры изъ-за учениковъ: онъ наказываетъ дѣтей, я отстаиваю, но всегда получаю напоминаніе, что въ дѣла законоучителя учитель не долженъ вмѣшиваться, о чемъ есть и циркуляръ училищнаго совѣта. Доводы мои не помогаютъ—больно упрямя.

Надѣюсь, Николай Александровичъ, что Вы не забыли меня и поможете мнѣ совѣтомъ. Это будетъ еще счастливый мигъ,—еще разъ и выслушаю Вашъ совѣтъ хотя и письменный, но такой же дорогой для меня, какъ и то время, когда я былъ вблизи Васъ, въ Херсонѣ¹⁾. Пролетитъ время, проживемъ и испытаемъ много впечатлѣній, много поборемся за школу, много и горячо отстаивать буду свою школу съ увѣренностью, что у меня есть человекъ,

¹⁾ Авторъ письма говоритъ, очевидно, о херсонскомъ съѣздѣ народныхъ учителей и учительницъ, происходившемъ лѣтомъ 1881 года, на которомъ, кромѣ приглашенныхъ губернской земскою управою 70 учителей и учительницъ Херсонской губерніи, было еще 180 человекъ изъ Черниговской, Полтавской, Харьковской, Таврической, Подольской и Бессарабской губерній.

изображающій собою всеяльную идеальную школу. Дай Богъ, Николай Александровичъ, Вамъ здоровья и долго жить, чтобы еще разъ, хотя одинъ разъ, намъ собраться и слышать Ваши желанія и совѣты, ставшіе намъ на подмогу при нашемъ дѣлѣ.

До свиданія, уважаемый учитель. Желаю Вамъ и Вашему семейству счастья. Передаю душевное привѣтствие баронессѣ, также любящей народъ и народную школу.

Глубокоуважающій Васъ народный учитель

Семень Захаровъ Зоуленко.

18 ноября 1881 г.

Аванъевъ (Херс. губ.), м. Святотроицкое.

Заканчивая рѣчь о благотворномъ, высоко-культурномъ вліяніи барона Н. А. Корфа на дѣятелей, непосредственно причастныхъ народной школѣ, необходимо еще упомянуть о попечителяхъ народныхъ школъ изъ крестьянъ. Привлекая къ активному участию въ дѣлѣ народнаго образованія привилегированные и состоятельные слои населенія, баронъ Корфъ не забылъ при этомъ и крестьянъ, какъ грамотныхъ, такъ и безграмотныхъ. Нѣкоторые изъ безграмотныхъ попечителей-крестьянъ начинали съ того, что вмѣстѣ съ своими дѣтьми садились за школьную скамью, выучивались грамотѣ и достигали даже такого значительнаго развитія, что были недурными помощниками учителей въ своихъ школахъ. Попечители же изъ полуграмотныхъ крестьянъ, благодаря той интеллигентной средѣ, въ которую они попадали черезъ попечительство, воспринимали, такъ сказать, полировку болѣе или менѣе образованныхъ людей. Вотъ для примѣра образчикъ письма одного изъ такихъ попечителей-крестьянъ.

Высокоуважаемый

баронъ Николай Александровичъ!

Такъ какъ бывшій въ селеніи Темрюкѣ домъ, въ которомъ помѣщается сельская школа, за постепеннымъ прибавленіемъ ежегодно учениковъ, оказался неудобопомѣстнымъ, то, вслѣдствіе такого неудобства, начать постройкою, иждивеніемъ мѣстнаго общества, новый каменный домъ, который къ настоящему времени, со всѣми внутренними для школы принадлежностями, оконченъ. Обрядъ освященія этого новаго дома назначенъ на 13-е число предстоящаго іюля мѣсяца. Состоя въ качествѣ попечителя произведенной постройки, по совѣщанію съ мѣстнымъ сельскимъ обществомъ, признаемъ справедливымъ покорнѣйше Васъ просить, какъ истиннаго благодѣтеля дѣлу народнаго образованія, не откажитесь пожаловать ко времени освященія

училищнаго дома на означенное 13-е число іюля въ селеніе Темрюкъ, и
принять участіе въ этомъ торжественномъ для насъ праздникѣ.

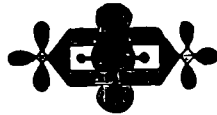
При истинномъ моемъ къ Вамъ почитаніи
имѣю честь быть Вашъ
покорнѣйшій слуга
Корнелій Петренко.

Іюня 27 дня 1871 года
С. Темрюкъ.

Очевидно такимъ образомъ, что не только люди болѣе или менѣе
интеллигентные, но и простой сѣрый людъ, подъ вліяніемъ личнаго
примѣра барона Корфа, быстро привыкалъ съ уваженіемъ думать и
говорить о народной школѣ и внимательно относиться къ ея нуждамъ.

М. Песковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

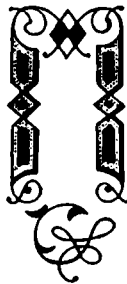
.

НѢКОТОРЫЕ ЭПИЗОДЫ,

изъ времени воссоединенія униатовъ

въ концѣ прошлаго вѣка.

Воссоединеніе Рѣчи Посполитой было сигналомъ къ поголовному и массовому воссоединенію униатовъ, ибо политическое присоединеніе къ Россіи извѣстныхъ областей неизбѣжно и неминуемо должно было повести за собою и религіозную реформу. Какъ всякое крупное, незаурядное, большое дѣло, реформа эта не могла пройти ровно, безъ колебаній, безъ промаховъ. И здѣсь, какъ и во всякой картинѣ, замѣчается полное разнообразіе красокъ; сплошнаго свѣта нѣтъ, а есть и свѣтъ, и тѣни, и плачущіе, и смѣющіеся, и торжествующіе побѣду, и молящіе о пощадѣ. Пестрота эта зависитъ не только отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ иномъ мѣстѣ слишкомъ сгущавшихъ краски, но вызывается по временамъ сущностью самаго дѣла. Поэтому панегирической тонъ здѣсь менѣе всего нуженъ и умѣстенъ. Дѣло говоритъ само за себя: никакія прикрасы, ни преувеличенія не возвысятъ его, такъ же какъ никакія огульныя порицанія не могли бы умалить присущаго ему значенія. Руководствуясь этими принципами, попробуемъ взглянуть на нѣкоторые детали изъ времени воссоединенія униатовъ въ концѣ прошлаго вѣка и прежде всего обратимъ вниманіе на самыя ближайшія препятствія, мѣшавшія успѣшному ходу воссоединенія.

Наличныя силы тогдашняго униатскаго духовенства, взятая *in concreto*, разсматривались, какъ элементъ слишкомъ ненадежный.

чтобы на него всецѣло можно было положиться. Такой взглядъ высшей духовной власти нельзя не признать во многихъ отношеніяхъ весьма раціональнымъ. Какъ это ни обидно должно было представляться самому этому духовенству, но несомнѣнно, что оно мало было пригодно для предстоявшей реформаторской миссіи, тѣмъ болѣе, что и вообще въ нравственномъ отношеніи оно представляло собою стихію довольно неустойчивую. Для подтвержденія послѣдняго положенія мы не будемъ ссылаться на факты, уже извѣстные въ печати. Нѣсколько такихъ фактовъ опубликовано въ статьѣ почтеннаго о. И. Л., напечатанной въ волинскомъ епархіальномъ органѣ въ 1880 году. Здѣсь, между прочимъ, нѣкоторыя лица уніатскаго духовенства уличаются въ такихъ порокахъ, какъ воровство въ самой грубѣйшей его формѣ и т. п. Для опредѣленія нравственной фізіономіи того же духовенства мы обратимся къ находящимся у насъ, еще не изслѣдованнымъ матеріаламъ, имѣющимъ притомъ очень существенное отношеніе къ дѣлу воссоединенія. Тогда само собою станетъ ясно, что это духовенство дѣйствительно во многомъ не соотвѣтствовало тѣмъ задачамъ, какія въ то время были намѣчены.

Вотъ два благочинныхъ — Княжинскій и Башуцкій, которые недавно присоединены къ православію. Облеченіе ихъ особымъ довѣріемъ начальства и вознесеніе какъ бы на нѣкій пьедесталь по сравненію съ прочимъ рядовымъ духовенствомъ свидѣлствуетъ о томъ, что они и въ самомъ дѣлѣ выдвигались чѣмъ-нибудь изъ остальной среды. Какова же ихъ дѣятельность и въ чемъ она проявлялась? Оказывается, что, вмѣсто какой-либо дѣятельности, они занимались бесплодными и пустыми спорами о томъ, кто изъ нихъ старше. Споръ, разумѣется, шель не о лѣтахъ, а имѣлъ характеръ препирательствъ, напоминающихъ извѣстные бессмысленные споры о мѣстничествѣ. Княжинскій говоритъ о себѣ, что онъ старше, такъ какъ и прежде, въ эпоху господства уніи, былъ дзеканомъ, а Башуцкій, не имѣя за собой подобнаго прецедента и связанныхъ съ нимъ выгодъ, старается укрѣпить свою позицію на другихъ основаніяхъ. Прежде всего онъ скрываетъ то обстоятельство, что до воссоединенія занималъ очень невидное и не завидное положеніе викарнаго священника; вмѣсто того онъ выдвигаетъ на первый

планъ свои преимущества, какъ бывшаго консисторскаго чиновника. Въ глазахъ многихъ это было нѣчто весьма импонирующее, и потому онъ всѣмъ и каждому съ достоинствомъ заявлялъ, что онъ старше, такъ какъ онъ — «Konsystorz», а Кпяжинскій всего только «Dziekan». Такъ доносилъ въ іюнь 1795 года архіепископу Виктору Садковскому священникъ Леневиць, усвоивающій себѣ титулъ «Paroch Iziaslawiensis»¹⁾. Тутъ же онъ заявляетъ о Башуцкомъ, что хотя прошелъ уже годъ съ тѣхъ поръ, какъ тотъ воссоединился, но и по сіе время бреетъ бороду и носить уніатскую «сукню».

Если взять приведенное донесеніе цѣликомъ, то оно интересно не для одной лишь характеристики тѣхъ двухъ благочинныхъ, самовозвеличиваніе которыхъ послужило къ нему поводомъ; оно, между прочимъ, намекаетъ еще и на другую сторону дѣла. Предъ нами вырисовывается личность самого доносчика, а одновременно съ этимъ получаетъ опредѣленность довольно типичная черта въ настроеніи всего уніатскаго духовенства. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, не обратить вниманія на то, что о. Леневиць считаетъ особенно тяжкимъ преступленіемъ со стороны воссоединившагося — бритье бороды и ношеніе платья извѣстнаго покроя. Очевидно, что на эти внѣшнія, къ существу православія не относящіяся, вещи онъ смотрѣлъ, какъ на весьма важную статью, если счелъ умѣстнымъ сообщить о нихъ такому ревностному поборнику воссоединенія, какъ архіепископъ Викторъ.

По странной игрѣ случая, бородѣ посчастливилось въ русской исторіи, какъ нигдѣ. Сіе достолюбезнѣйшее украшеніе человѣческой фізіономіи, приближающее этого «царя природы» къ нѣкоторымъ одушевленнымъ существамъ совсѣмъ не аристократическаго происхожденія, имѣетъ на ея страницахъ свое мѣсто, да пожалуй и свою замѣчательную судьбу. Бороду то возносятъ на недостижимую высоту и восторженно благоговѣютъ предъ нею, какъ предъ выраже-

---

¹⁾ Вотъ его подлинныя слова: X. Kniezyński powiada o sobie że on starszy bo iako dawniey był Dziekanem. Drugi Kapłan Baszucki, chcąc pokryć, że był w Unij Wicarym tylko, y nie Parochem,—odpowiada swemu współnikowi y wszystkim, że on sam starszy, mówiąc:—Ja iestem Konsystorz, a Kniezynski tylko Dziekan.—Rok iuz się kończy, iak przyiął Baszucki prawosławiie, a brade,czysto wygala y w uniackich chodzi sukniach“ Арх. волын. дух. конс. № 79.

ніемъ образа и подобія Божія; то низвергаютъ въ самую пучину и выставляютъ какъ бы патентомъ непроходимой тупости и закоснѣлости, какъ это дѣлаетъ Котошихинъ въ разсказѣ о боярахъ, которые сидятъ въ думѣ, «устава брады своя». Въ одно время создается чуть ли не культъ бороды, и предпринимаются мѣры къ ея сохраненію, а тамъ Петръ Великій безпощадно истребляетъ и уничтожаетъ всякое воспоминаніе о ней. И въ документахъ, относящихся къ эпохѣ воссоединенія, мы также не разъ встрѣчаемся съ бородой. Ошибочно было бы думать, чтобы ей придавалось здѣсь значеніе предмета самодовлѣющаго, но все же она имѣла смыслъ, какъ довольно характеристическій символъ извѣстнаго рода убѣжденій. Понятно, что людямъ, не слишкомъ глубоко сочувствовавшимъ такому складу убѣжденій, и самый этотъ символъ долженъ былъ мало нравиться. Тѣмъ болѣе антипатичнымъ онъ долженъ былъ казаться имъ, если мы примемъ во вниманіе, что эти люди привыкли съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ соединять въ своемъ умѣ представленіе о соотвѣтствующемъ внѣшнемъ обликѣ. Поэтому, уніатъ не могъ болѣе кровно обидѣть православнаго, какъ непочтительно и презрительно отозвавшись объ его бородѣ. Во время одного интереснаго судебного процесса, о которомъ мы разскажемъ послѣ, православный шляхтичъ, Петръ Сингаевскій, жаловался, что уніатскій попъ Божкевичъ говорилъ: «ты благочестивый будешь нечестивый и старій побѣлѣлъ уже якъ голубъ, а борода растетъ какъ на собакѣ». Съ другой стороны, неодобрительные отзывы о бородѣ, высказанные представителемъ православнаго духовенства, считались тогда чѣмъ-то ужаснымъ. Это было большое и тяжкое преступленіе, достойное самаго строгаго наказанія. Такіе взгляды были господствующими не только въ самое время воссоединенія, но значительно долго спустя послѣ него. Такъ, въ 1799 году одинъ изъ благочинныхъ Дубенскаго уѣзда доносилъ епархіальной власти, что священникъ Ильницкій, будучи у своего сосѣда въ гостяхъ, въ присутствіи многихъ лицъ, заявилъ: «уже бороды православныхъ священниковъ пропали, бо въ дубенской округи всѣ церкви православныя отобраны на унію» ¹⁾). Вы-

¹⁾ Арх. волын. дух. конс. № 447.

раженія самыя обыденныя и ничего грознаго въ себѣ не заключающія, но передаются они въ донесеніи такимъ тономъ, какъ-будто это чутъ ли не политическое преступленіе. Когда священника потребовали на допросъ, то онъ даже испугался и сталъ отрицать приписанныя ему слова о бородахъ. Онъ не отказывался только отъ второй половины этихъ рѣчей, гдѣ находилось сообщеніе объ обращеніи многихъ церквей въ унию, такъ какъ въ Дубенскомъ уѣздѣ одно время дѣйствительно была замѣтна сильная реакція на этотъ счетъ.

Такимъ образомъ, во время воссоединенія, бросаются въ глаза многія мелочи, которымъ придавали больше значенія, чѣмъ онѣ стоили; между тѣмъ какъ онѣ только запутывали дѣло и являлись значительнымъ тормазомъ для его успѣха. Но на ряду съ мелочами предъ нами выдвигаются и весьма важныя вещи, на которыя должно обратить самое серьезное вниманіе. Таково именно утвержденіе того же священника Ильницкаго о реакціи, наблюдавшейся въ Дубенскомъ уѣздѣ. Реакція эта была вызвана указомъ императора Павла, отъ 28-го февраля 1798 года, которымъ вновь утверждалась власть полоцкаго униатскаго архіепископа и возстановлялись униатскія епископіи брестская и луцкая ¹⁾). Униаты теперь подняли голову, и въ Дубенскомъ уѣздѣ въ 1798 году дѣйствительно была масса обращеній изъ православія въ унию. Благодѣтельный Бохановскій разослалъ тогда по этимъ дѣламъ болѣе тридцати бумагъ въ земскій судъ и другія правительственныя мѣста. Столь неожиданный оборотъ дѣлъ онъ объясняетъ «рвеніемъ, безъ всякаго основанія, униатскаго епископа Левинскаго» ²⁾), который, по его мнѣнію, желаетъ расширить свою епархію «противъ воли Божьей и монаршей». Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что униатское духовенство, какъ показываютъ современныя извѣстія, проявляло тогда много рвенія; гораздо удивительнѣе, что это рвеніе было не всеѣмъ, какъ полагаетъ благодѣтельный Бохановскій, безосновательнымъ.

¹⁾ Кояловничъ М. О. „Исторія воссоедин. униат. старыхъ временъ“. Слб. 1873 г., стр. 393.

²⁾ Онъ именно и былъ назначенъ тогда епископомъ луцкимъ.

Онъ же самъ дальше заявляетъ, что «умножается, Дубенскаго повѣта разныхъ сель, между жителями бунтъ, отъ ступленіемъ отъ благочестивой веры». Для усмиренія его потребовалось участие нижняго земскаго суда, и тогда только онъ былъ прекращенъ, а церкви вновь возвращены въ православіе ¹⁾. Отсюда можно бы заключить, что униатское духовенство искало прочнаго основанія для своихъ дѣйствій. Тѣмъ или другимъ путемъ, естественно или искусственно, но оно успѣвало возбудить къ себѣ симпатію въ массахъ народныхъ, привлечь ихъ на свою сторону, внушить имъ почтеніе и уваженіе къ своимъ религиознымъ убѣжденіямъ. Но развѣ этого мало? Развѣ нужно еще болѣе твердой почвы для дѣятельности, чѣмъ сочувствіе народныхъ массъ? И гдѣ же въ такомъ случаѣ искать такой почвы, какъ не здѣсь? Весьма возможно, что униатское духовенство, для достиженія своей цѣли, не брезгало никакими средствами; быть можетъ, ему не разъ пришлось и душой покривить, но все это одни предположенія, а фактъ тѣмъ не менѣе остается на лицо.

Интересно было бы прослѣдить самый процессъ зарожденія и осуществленія тѣхъ явленій, которыя въ донесенія благочиннаго обозначены характернымъ именемъ «бунтовъ», но за недостаткомъ необходимыхъ данныхъ, мы должны отказаться отъ этой мысли. Мы можемъ представить лишь нѣкоторые, не лишеныя своего значенія, отрывки на этотъ счетъ. Извѣстно, напр., что принадлежавшій священнику Ильницкому приходъ въ с. Лавровѣ Дубенскаго уѣзда былъ отобранъ у него вмѣстѣ съ церковью униатскимъ священникомъ Прокоповичемъ и обращенъ въ унию, такъ что православный пастыръ оставилъ свою паству и уѣхалъ. Его обвинили въ самовольной отлучкѣ отъ прихода и наказали 70-ю поклонами, которые онъ долженъ былъ положить въ соборѣ, во время пѣнія канона, подъ «смотрѣніемъ» одного изъ соборныхъ священниковъ ²⁾. Извѣстно далѣе изъ донесенія благочиннаго Бохановскаго, что въ нѣкоторыхъ селахъ Дубенскаго уѣзда, какъ напр., Бокоймѣ, Дублянахъ и Подлужья, земскій исправникъ «отдалъ самъ собою

¹⁾ Арх. волын. дух. конс. № 447.

²⁾ Ibidem.

на унію присоединенныя церкви». Не беремса судить, насколько справедливо это сообщеніе, но очевидно, что столь смѣлыя дѣйствія исправника были основаны на какихъ-нибудь данныхъ. Какого рода могли быть эти данныя,—выясняется изъ дальнѣйшихъ словъ того же благочиннаго. Въ с. Руднѣ, напр., ему вмѣстѣ съ исправникомъ пришлось заняться разслѣдованіемъ по поводу прошенія помѣщика, будто его крестьяне насильственно присоединены къ православію. Съ подобнымъ же заявленіемъ они встрѣтились и въ с. Пиратинѣ. Благочинный съ исправникомъ пріѣхали сюда собственно для провѣрки документовъ на церковную землю. Настала ночь. Благочинный нашель пріютъ у уніатскаго попа, а исправникъ отправился ночевать къ помѣщику. Послѣдній, по увѣренію благочиннаго, убѣдилъ крестьянъ сдѣлать исправнику заявленіе относительно уніи, и въ результатѣ явилась на другой день отъ имени цѣлой громады просьба о томъ, что «они на благочестіе не приставали, а церковь въ нихъ взята насильнымъ образомъ»¹⁾. Вотъ нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній, имѣющихъ отношеніе къ реакціи противъ воссоединенія въ Дубенскомъ уѣздѣ. Оказывается, что здѣсь не совсѣмъ умѣстно и прилично слово «бунтъ», какимъ угодно было благочинному окрестить это явленіе, такъ какъ оно отнюдь не отличалось тѣмъ грознымъ, мрачнымъ, зловѣщимъ характеромъ, какой мы привыкли соединять съ этимъ словомъ. Здѣсь, наоборотъ, наблюдается самая мирная оппозиція, выражающаяся въ формѣ подачи прошеній. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что инициатива этой затѣи всецѣло должна быть приписана уніатскому духовенству. Значительную поддержку себѣ оно находило въ средѣ помѣщиковъ, а также со стороны нѣкоторыхъ свѣтскихъ властей. Отсюда же выясняется отчасти привлеченіе къ этому дѣлу и народныхъ массъ, которыя въ иныхъ случаяхъ могли дѣлать свои заявленія не только не добровольно, а даже подъ вліяніемъ принужденія. Благодаря этому, значительно сокращается широта предполагаемыхъ симпатій, какія могло возбуждать къ себѣ уніатское духовенство въ средѣ народа.

Но при всемъ томъ, въ другихъ случаяхъ, симпатіи эти без-

---

¹⁾ Арх. волын. дух. конс. № 627.

спорны и несомнѣнны. Если мы и не можемъ документально подтвердить это положеніе относительно Дубенскаго уѣзда, то у насъ есть весьма любопытный по данному вопросу фактъ, происшедшій на территоріи Волынской, но уже въ другомъ ея уѣздѣ, именно Овручскомъ. Мѣсто дѣйствія—село Сингаи. 28-го августа 1796 года предъ нами поднимается занавѣсъ, и начинается разыгрываться религиозно-бытовая драма. Въ этотъ именно день приходская церковь была воссоединена въ православіе, и въ этомъ состоялъ первый актъ. Послѣ мы будемъ имѣть возможность ближе познакомиться съ нѣкоторыми подробностями, при какихъ онъ прошелъ, а теперь прямо перейдемъ ко второму акту, который не заставилъ себя долго ждать и случился почти ровно чрезъ мѣсяць. 27-го сентября священникъ Домничъ отправился въ церковь на литургію и приступилъ къ совершенію службы. Еще онъ не кончилъ проскомидіи, какъ является толпа прихожанъ - шляхтичей, которые, по выраженію благочиннаго Луцкевича, «сдѣлали шумъ, ругали и поносили греческую вѣру, хулили святыню и священника Домнича, бывшаго въ священномъ одѣяніи при совершеніи проскомидіи, взявши отъ жертвенника, вывели изъ церкви, подтверждая, чтобы болѣе ни онъ, ни другой благочестивый священникъ въ той церкви богослуженія не имѣли». Ругательства и хулы состояли въ томъ, что священника и дьячка называли кацапами, пилипонами, схизматиками. Нѣкоторые, обращаясь къ первому, говорили: «Ступай вонъ, не будешь въ нашей церкви служить!» Другіе заявляли такое требованіе: «Поѣжь дары». А дьячку сдѣлали слѣдующее предостереженіе: «Ты, Логгине, не важся нечого въ нашей церкви дѣлать и тебѣ то будетъ, что священнику». Въ жалобѣ священника звучитъ одна интересная нотка. Ему было особенно обидно, что въ изгнаніи его большую ревность и немалое усердіе проявили, на ряду съ мужчинами, и бабы. Онъ былъ въ ризахъ и держалъ въ рукахъ чашу, а онѣ взяли за ризы и вывели его изъ церкви. На прощанье нѣкоторые «чинили похвалки священника и фундаментора убить въ смерть, когда они впредь коснутся церкви». Вслѣдъ затѣмъ былъ приглашенъ изъ сосѣдняго села Немировка униатскій священникъ Рыбчинскій и, хотя церковь была заперта на замокъ, но униаты все-таки проникли сюда и начали отправлять свою службу. Тѣмъ же

порядкомъ уніатское богослуженіе было совершаемо здѣсь еще нѣсколько разъ.

Обо всѣхъ этихъ происшествіяхъ благочинный Луцкевичъ сообщилъ въ овручскій нижній земскій судъ и тогда же не пріминулъ дать знать и своему непосредственному начальству. Главнымъ и единственнымъ виновникомъ, возбудившимъ шляхту къ такому поступку, онъ выставляетъ того самаго уніатскаго священника, который потомъ совершалъ здѣсь службу по своему обряду. Въ этомъ утвержденіи благочиннаго есть, конечно, своя, весьма внушительная, доля правды. Но на слѣдствіи, начавшемся въ нижнемъ земскомъ судѣ 1 февраля 1797 года, выяснилось, что подобный взглядъ былъ бы одностороннимъ и не охватывалъ бы всѣхъ подробностей, всѣхъ оттѣнковъ событія. Къ слѣдствію, въ качествѣ обвиняемыхъ, было привлечено 7 мужчинъ и 6 женщинъ, которые въ свое оправданіе заявили, что церковь у нихъ «усильнымъ образомъ посвящена на благочестіе». Все это — дѣло рукъ одного изъ шляхтичей Петра Сингаевскаго, — того самаго, что удостоился неодобрительнаго отзыва какъ о себѣ, такъ и о своей бородѣ отъ уніатскаго свящ. Божкевича. Только онъ одинъ, вопреки волѣ всей громады, стоялъ за воссоединеніе, только благодаря его настойчивости оно осуществилось. И онъ нисколько не смущался тѣмъ, что шель наперекоръ общимъ симпатіямъ, напротивъ, онъ считалъ себя въ правѣ сдѣлать это, ибо приписывалъ себѣ честь постройки церкви, признавалъ себя ея фундаторомъ. Громада, впрочемъ, скептически относилась къ такимъ его притязаніямъ и смотрѣла на нихъ, какъ на незаконную узурпацію. Правда, никто не отрицаетъ, что онъ, при постройкѣ церкви, издержалъ своихъ собственныхъ 274 старыхъ рубля и 2 польскихъ злотыхъ, но и громада пожертвовала отъ себя 1.525 злотыхъ, да еще 84 рубля и 1 злотый. Не подлежитъ сомнѣнію, что единоличная воля П. Сингаевскаго имѣла рѣшающее значеніе въ дѣлѣ воссоединенія. Когда 28 августа имѣли приступить къ освященію церкви, то она найдена была наглухо запертою. Ключей нигдѣ не оказалось, и пришлось взломать два замка, что предупредительно и исполнилъ своими собственными руками самъ фундаторъ церкви, ратоборецъ за воссоединеніе. Въ числѣ другихъ показаній на судъ проскользнуло еще заявленіе о

томъ, будто мѣстный войтъ говорилъ:— «я всю ночь не спалъ и гонилъ людей въ Сингаи по приказанію Москаленкова ¹⁾ для защищенія благочестивыхъ священниковъ». Если такъ, то значитъ— заранѣе предполагалось противодѣйствіе со стороны громады, фанатически настроенной въ пользу уніи. Противодѣйствіе ожидалось настолько сильное, что, въ противовѣсъ ему, сочли не излишнимъ созвать изъ окрестныхъ селъ людей.

Замѣчательно, что оба послѣдніе факта не только не опровергаются, а даже косвенно подтверждаются противной стороной. Изъ заявленія священ. Домнича извѣстно, что угрозы шляхтичей направлялись какъ по его адресу, такъ и по адресу «фундатора». Еще болѣе косвенныхъ доказательствъ находятъ себѣ эти факты въ показаніяхъ самого Петра Сингаевского. Онъ не скрываетъ, какую ненависть возбудилъ къ себѣ въ громадѣ послѣ воссоединенія. Ругательства, насмѣшки, упреки сыпались на него со всѣхъ сторонъ. И вездѣ ставится ему въ укоръ то, что онъ «благочестивый».— «Я чрезъ тебе Петре благочестиваго былъ подѣ стражею, но будешь и ты тамъ съ благочестивымъ попомъ и на шею колодки понабываютъ»,— угрожаетъ одинъ.— «Петру благочестивому давно надобно голову отрубить и бросить гдѣ индѣ»,—резонируетъ другой.— «Мы страждемъ черезъ васъ двухъ благочестивыхъ»,— говорятъ третьи, обращаясь собственно къ его брату,— «небойсь будетъ и вамъ съ Петромъ, да еще въ одну колодку забывши, отправимъ въ Житомиръ». Повсюду слышалось глухое возбужденіе; то тамъ, то сямъ раздавался ропоть. Дошло дѣло до того, что громада обратилась съ просьбою къ «духовной командѣ». вмѣстѣ съ тѣмъ еще тогда всѣ подробности происшествій были разъяснены также и земскому исправнику, который распорядился, до окончательнаго рѣшенія по возбужденному ходатайству, прекратить въ церкви совершеніе богослуженія. Но его никто не слушался, его распоряженіямъ духовенство не обязано было подчиняться, а потому все шло по-старому. Вслѣдствіе этого, громада, руководимая немировскимъ уніатскимъ священникомъ, заключила съ П. Сингаевскимъ «сло-

---

¹⁾ Офицеръ, командированный въ помощь духовнымъ лицамъ и для оказанія имъ, на случай надобности, возможнаго содѣйствія.

весный уговоръ, и чтобъ въ ту церковь доколѣ послѣдуетъ расправа ни благочестивыхъ, ни уніатовъ для богослуженія не допускать». Когда и это не помогло, когда договоръ то и дѣло нарушался, когда православный священникъ по-прежнему продолжалъ совершать службу въ церкви, рѣшили наконецъ силою возстановить святость и неприкосновенность нарушеннаго условія. Что дѣйствительно такой уговоръ могъ существовать, косвенно подтверждается приведенными словами изъ показанія свящ. Домнича. Ему и фундатору угрожали смертью именно на тотъ случай, если они впредь коснутся церкви. Какой иной смыслъ имѣла эта угроза, какъ не напоминаніе о нарушенномъ договорѣ? То же самое заключеніе можно вывести и изъ послѣднихъ словъ рапорта благочиннаго Луцкевича. Но сторонники уніи черезъ-чуръ ужъ увлеклись, перешли мѣру, не удержались въ надлежащихъ границахъ. Захвативъ церковь въ свои руки, они забыли про уговоръ и стали распоряжаться въ ней, какъ полноправные хозяева. Съ этой точки зрѣнія вполне должно оправдать обвинительный приговоръ, постигшій нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ. Оконченное слѣдствіемъ въ нижнемъ земскомъ судѣ, дѣло поступило 10-го марта 1797 г. на разсмотрѣніе овручскаго повѣтоваго суда, и здѣсь были назначены весьма строгія наказанія. Но 1-й департаментъ волынскаго главнаго суда, куда оно было отправлено на ревизію, значительно и, конечно, вполне справедливо смягчилъ строгость первоначальнаго приговора. Признано было виновными всего три человека, которые и присуждены на четыре недѣли подѣ стражу; вина ихъ состояла «хотя не въ намѣреніи презрѣть православную вѣру, но по невѣжеству ихъ, по причинѣ вышеупомянутаго условія» въ нанесеніи оскорбленій священнику и въ самоуправствѣ. Уніатскаго же попа Рыбчинскаго постановлено послать на эпитимію на шесть недѣль въ овручскій уніатскій монастырь ¹⁾).

Такъ закончилось это достопамятное дѣло, таковъ финаль его послѣдняго акта. Занавѣсъ опущенъ, но зрители тронуты, и ихъ любознательному уму предоставлено широкое поле для разнообразныхъ размышленій. И прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то

¹⁾ Арх. волын. дух. конс. № 612.

оригинальное явленіе, что контингентъ дѣйствующихъ лицъ состоитъ изъ шляхты. Извѣстно, что вопросъ объ овручской шляхтѣ весьма подробно обслѣдованъ извѣстнымъ кievскимъ профессоромъ В. Б. Антоновичемъ, и невольно рождается мысль, нельзя ли поставить это явленіе въ связь съ данными, заключающимися въ указанномъ изслѣдованіи. Наводимъ справку съ Архивомъ юго-западной Россіи, т. I, часть IV, и оказывается, что село Сингаи издревле принадлежало околичной шляхтѣ и что фамилія Сингаевскихъ, на ряду съ другими, отличалась древностью своего дворянскаго рода. Это не мѣшало шляхтичамъ твердо помнить свою національность, свою вѣру, свои простонародные обычаи. Напротивъ, при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, они мужественно отстаивали эти особенности; самыя жестокія посягательства получали надлежащій отпоръ, такъ что шляхтичи сквозь всѣ препятствія пронесли свое знамя цѣлымъ и невредимымъ. Оно и теперь столь же побѣдно-носно развѣвается въ мѣстахъ ихъ жительства. Поэтому проф. Антоновичъ не безъ основанія возлагаетъ на нихъ свѣтлую надежду, какъ на богатый разсадникъ, откуда, при содѣйствіи образованія, могутъ выйти многочисленныя труженики, полезныя для народа ¹⁾.

Въ частности, что касается фамиліи Сингаевскихъ, то она исторически извѣстна своею непреклонною вѣрностью православію и фанатическою ненавистью къ католичеству. Эти черты съ особенною рѣзкостью проявились въ отношеніи къ іезуитамъ, которые еще въ началѣ второй четверти XVII вѣка прочно утвердились въ овручскомъ повѣтѣ. Получивъ въ даръ большія имѣнія, они основали здѣсь коллегію и всѣми средствами старались перетянуть на свою сторону села, занятая околичной шляхтой ²⁾. Но какъ трудно было рассчитывать на успѣхъ, видно изъ многочисленныхъ жалобъ на притѣсненія, причинявшіяся шляхтичами іезуитамъ. Для насъ особенно интересны два документа этого рода, такъ какъ они касаются личности Михаила Сингаевского, который былъ намѣстни-

¹⁾ Арх. юго-запад. Россіи т. I, ч. IV. Содержаніе актовъ объ овручской шляхтѣ, проф. Антоновича, стр. 62.

²⁾ Ibid., стр. 24.

комъ овручскаго староста. Пользуясь этимъ виднымъ положеніемъ для своихъ цѣлей, онъ собралъ 1-го августа 1719 года толпу людей, напалъ ночью на іезуитскій фольварокъ, находившійся около самаго кляштора, велѣлъ ломать двери, ругалъ и безчестилъ іезуитовъ, грозилъ сжечь ихъ коллегію, говоря: «*że zerewnie zrale u xięzu wyrędze z zamku*» (т. е. что навѣрно сожгу и выгоню ксендзовъ изъ замка). Вскорѣ послѣ этого, именно 14 числа того же мѣсяца, Михайлъ Сингаевскій, идя изъ овручскаго монастыря съ бурмистромъ Иваномъ Хорошимъ, далъ ему свою саблю, говоря: *na weź szable, a idź ludziom, w tym folwarku jezowickim mieszaiącum, szję do progę pousinau*» (т. е. на, возьми саблю и иди поруби шею у порога людямъ, живущимъ въ этомъ іезуитскомъ фольваркѣ). Тотъ пошелъ, но его не пустили. Тогда вмѣстѣ съ Сингаевскимъ они отправились вдоль замка и ругали и позорили іезуитовъ. Не прошло и года съ тѣхъ поръ, какъ 20 іюня 1720 года заявлена іезуитами новая жалоба на того же М. Сингаевскаго. Опять повторяется прежняя исторія, но еще въ болѣе увеличенномъ масштабѣ. Теперь Сингаевскій не только ломалъ двери, окна, печи въ домахъ, но разрушалъ заборы, вытапывалъ засѣянные огороды, билъ людей, а наконецъ стрѣльбою изъ ружей и пальбою изъ пушекъ привелъ въ великое смятеніе все населеніе іезуитской коллегіи. Самихъ іезуитовъ онъ всячески ругалъ и нѣсколько разъ, при большомъ стеченіи народа, называлъ собаками ¹⁾).

Рядомъ съ этими отрицательными проявленіями религіозной ревности есть много такихъ же фактовъ положительнаго характера. Околичная шляхта основала въ с. Невмерицкомъ Левковскій монастырь, бывшій центромъ ея религіозной жизни, строила церкви, дѣлала вклады, вообще твердо держалась основныхъ принциповъ своей народности. «Правда—встрѣчаются исключенія: во второй половинѣ XVIII вѣка, пишетъ проф. Антоновичъ, околицы были обращены въ унию по поводу совершеннаго исчезновенія изъ края православнаго духовенства, вытѣсненнаго мало по малу усиліями польскаго правительства» ²⁾. Какимъ образомъ впослѣдствіи совер-

¹⁾ Арх. юго-зап. Россіи т. I, ч. IV, NСХХIII, стр. 392 и слѣд. NСХХV, стр. 396 и слѣд.

²⁾ Ibid., стр. 61—62.

шался обратный переходъ униатовъ-шляхтичей въ православіе, какъ мучителенъ былъ этотъ процессъ, какъ тяжело давалась, какими потрясеніями сопровождалась подобная метаморфоза—эта сторона вопроса не затронута въ изслѣдованіи проф. Антоновича, такъ какъ для этого не было данныхъ въ напечатанныхъ въ I томѣ IV ч. Архива юго-западной Россіи документахъ. Но изложенное нами сянгаевское дѣло показываетъ, что процессъ воссоединенія сильно тормозился. «Шляхетскихъ сель» (т. е. очевидно, сель, населенныхъ околичною шляхтою), пишетъ 28 апрѣля 1795 года одинъ изъ воссоединителей въ овручскомъ уѣздѣ, «никакъ добровольно пригласить къ присоединенію не можно, а потому и успѣвать вовсе нѣтъ способа»¹⁾. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія другое явленіе, не менѣе важное для нашихъ цѣлей, на которомъ мы и остановимся.

Разсматривая дѣло, даже слѣпой замѣтитъ, что большое участіе въ религіозныхъ волненіяхъ шляхтичей-селянъ принималъ униатскій священникъ. Несомнѣнно, онъ руководилъ громадой и былъ тайной пружиной ея дѣйствій; можно съ увѣренностью утверждать, что онъ укрѣплялъ и поддерживалъ ее въ ея чувствахъ и намѣреніяхъ. При немъ заключается словесный договоръ униатовъ съ православными, не безъ его вѣдома, вѣроятно, происходитъ возстановленіе нарушеннаго договора, онъ же наконецъ пользуется плодами предшествующей борьбы. По суду онъ также признанъ едва-ли не болѣе другихъ виновнымъ; по крайней мѣрѣ объ этомъ свидѣтельствуется назначенное ему наказаніе. И замѣчательно, что во всѣхъ подобнаго рода дѣлахъ мы непремѣнно откроемъ присутствіе униатскаго священника. Даже если реакція противъ православія предпринималась по капризу помѣщика, въ силу его произвола—и тогда униатскій священникъ являлся тутъ-какъ-тутъ. Одинъ изъ благочинныхъ Кременецкаго уѣзда писалъ въ рапортѣ, что помѣщикъ села Башковецъ, Феликсъ Каминскій. «будучи издавна ненавистникомъ греко-восточной релѣгіи» я, узнавъ о случайной отлучкѣ православнаго наблюдающаго священника въ сосѣднее село Тылявку, воспользовался этимъ въ своихъ

¹⁾ Арх. волын. дух. воев. № 26.

видахъ. Онъ свесся съ бывшимъ уніатскимъ настоятелемъ Забавскимъ и, «выдравши у старшаго брата (т. е. церковнаго старосты) ключъ, паки обратили церковь на унію», такъ что въ ней стало совершаться уніатское богослуженіе ¹⁾.

До какихъ широкихъ, почти грандіозныхъ размѣровъ доходило въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возбужденіе въ пользу уніи, — доказываетъ фактъ, происшедшій во Владимірскомъ уѣздѣ. Здѣсь уже, пожалуй, не безъ основанія можно употребить слово бунтъ, такъ понравившееся дубенскому благочинному Бохановскому. Предполагать невѣрность, подозрѣвать преувеличеніе, или допускать искаженіе факта никоимъ образомъ нельзя, такъ какъ объ немъ повѣствуетъ самъ генераль-губернаторъ Тутолминъ въ своемъ отношеніи къ епископу житомирскому Варлааму. Крестьяне безпрестанно атаковывали его жалобами на то, что они только номинально состоятъ православными, что, на самомъ дѣлѣ, они насильно возсоединены. Значить, дѣятели возсоединенія поступали не всегда осмотрительно, иногда не совсѣмъ тактично и, такимъ образомъ, вмѣсто пользы приносили вредъ. Для иллюстраціи этого положенія Тутолминъ указываетъ на весьма плачевныя послѣдствія, которыми окончились попытки благочиннаго Василія Малеванскаго произвести присоединеніе народа къ православію въ мѣстечкѣ Любомлѣ. Предварительно онъ рѣшилъ возсоединить двухъ уніатскихъ священниковъ, а потомъ уже заняться возсоединеніемъ прихожанъ. Съ этою цѣлью онъ послалъ пригласить къ себѣ «старшинъ», чтобы чрезъ нихъ созвать народъ. Въ этотъ день въ мѣстечкѣ какъ разъ была ярмарка. Мѣщане, и безъ того возбужденные вѣстями о предстоящей перемѣнѣ, для куража еще подвыпили, и вотъ — вмѣсто старшинъ вся громада цѣлой толпой, и мужчины, и женщины, валомъ повалили къ церкви. Раздались тревожные удары колокола, забили въ набатъ; вдругъ сдѣлалась невообразимая кутерьма: началась свалка, произошла драка, въ результатѣ чего два оберъ-офицера были жестоко избиты, а бѣдный благочинный едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Когда же окружной смотритель хотѣлъ было произвести слѣдствіе по поводу всего происшедшаго, то его не допустили до этого.

¹⁾ Арх. вол. дух. конв. № 105.

Извѣстно, что раздраженная и возбужденная толпа — это порохъ; достаточно малѣйшей искры, чтобы зажечь и воспламенить ее. Уніатское духовенство и пользовалось такими случаями въ своихъ антиправославныхъ дѣйствіяхъ. Тутолминъ особенно недоумѣваетъ, почему воссоединители сѣются прежде всего привлечь къ православію уніатскихъ священниковъ, въ которыхъ, собственно говоря, нѣтъ никакой надобности. Дѣло воссоединенія должно направляться главнымъ образомъ на простой народъ, чтобы тѣмъ тѣснѣе связать его съ остальной Россіей и тѣмъ прочнѣе установить политическое единство вновь приобрѣтенныхъ отъ Польши областей. Поэтому, изложивъ указанный фактъ въ отношеніи ¹⁾ къ епископу Варлааму, онъ проситъ предписать духовенству, чтобы оно не прежде начинало воссоединеніе, какъ по составленіи списка всѣхъ прихожанъ, заявившихъ объ этомъ желаніе, и чтобы всегда при этомъ присутствовали чиновники градской и земской полиціи. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ указываетъ, что за границей уніатамъ предоставляются всевозможныя выгоды и преимущества; это многихъ прельщаетъ и соблазняетъ; многіе покидаютъ свою родину и бѣгутъ туда, *ubi bene*; тамъ они мечтаютъ обрѣсти себѣ новое отечество. Въ предупрежденіе особенно такихъ случаевъ, Тутолминъ рекомендуетъ употреблять при воссоединеніи мѣры пастырскаго убѣжденія, а вовсе не принужденія.

Вотъ плоды неразумной ревности, какую особенно склонны проявлять неофиты, а благочинный Малеванскій былъ именно изъ такихъ. Онъ однимъ изъ первыхъ присоединился къ православію и потомъ сталъ во главѣ этого дѣла въ своемъ уѣздѣ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное право не исключать его изъ рядовъ уніатскаго духовенства и должны признать какъ его, такъ и лицъ, подобныхъ ему, лучшими въ этой средѣ. Если же, какъ показываетъ опытъ, и такія лица не всегда стояли на высотѣ своего положенія, то что же сказать объ остальной братіи? Чтобы имѣть объ этомъ понятіе, приведемъ фактъ, свидѣтельствующій, какъ далеко ушли уніаты по пути уклоненій отъ строго-церковной практики. Возьмемъ, на примѣръ, священника села Тайкуръ, Острожскаго уѣзда.

¹⁾ Арх. вол. дух. конс. № 463.

Антонія Ясинскаго. Рожденный въ «римскомъ заковѣ», онъ кое-какъ обучился одной только литургіи Іоанна Златоустаго, «да и то еще читаной, а не спѣванной и струдностию воскреснихъ евангелій» — вотъ и весь умственный багажъ, давшій ему права на занятіе іерейской должности. Въ довершеніе этого женатъ онъ былъ на вдовѣ, полькѣ-католичкѣ и «шлюбъ свой имѣлъ въ великопостное время ¹⁾. Неудивительно, что онъ не пожелалъ воссоединиться. Чѣмъ могло привлекать его православіе? Какъ по рожденію и воспитанію, такъ и по семейнымъ связямъ, онъ весь, безъ остатка принадлежалъ католичеству, а потому и не замедлилъ возвратиться въ его нѣдра. Неблагопріятное вліяніе подобныхъ семейныхъ связей на дѣло православія сказывалось и другимъ путемъ. Умеръ въ селѣ Погорѣльцахъ, Дубенскаго уѣзда, одинъ изъ уніатскихъ священниковъ, 92-лѣтній старикъ Бродовичъ. Осталась вдова съ семью дѣтьми. Для поддержанія сиротъ она испросила разрѣшеніе предоставить приходъ за старшимъ ея сыномъ, который былъ уже въ богословскомъ классѣ. Однако, предупредительное вниманіе начальства къ бѣдственному положенію осиротѣлой семьи не достигло предположенной цѣли. Молодой кандидатъ священства отказался не только отъ прихода, но и отъ православія, и принялъ латинство. Что жъ за причина этого? Оказывается, что братъ его отца былъ не послѣдней спицей въ уніатской колесницѣ и изображалъ изъ себя довольно важную персону. Онъ жилъ въ мѣстечкѣ Торговицѣ и состоялъ въ должности «офиціала ордероваго». Епископъ Ираклій Лисовскій поручилъ его вѣдѣнію всѣхъ уніатскія церкви и все духовенство на Волыни. Ему, конечно, было бы весьма неприятно, еслибы его родные принадлежали къ православію. Онъ «гнушался» этого и отсовѣтовалъ имъ приступить къ воссоединенію; подъ его-то воздѣйствіемъ и племянникъ перешелъ въ латинство. Поэтому, когда вдова, послѣ такого инцидента, вторично заявила ходатайство о предоставленіи прихода, на этотъ разъ уже за старшей ея дочерью, благочинный Бохановскій отказалъ ей, мотивируя свой поступокъ тѣмъ, что «сумнительно до взросту ея дѣтей

---

¹⁾ Ibid., № 79.

предоставить приходъ, ибо дѣти, достигши возраста, также, можетъ, захотятъ послѣдовать примѣру вѣры своей родни»¹⁾).

Какъ существенно важно, какъ неотразимо было вліяніе извѣстной семейной настроенности, семейныхъ симпатій и антипатій на дѣло возсоединенія, какъ далеко распространялось это вліяніе, видимъ изъ примѣра священника мѣстечка Берездова, Новоградволинскаго уѣзда, Гунькевича. Вскорѣ по учрежденіи на Волини епархіи, была открыта въ маѣ 1796 года и «епаршеская» семинарія. Мѣстному духовенству тотчасъ же были разосланы чрезъ благочинныхъ указы немедленно и безотлагательно доставлять сюда своихъ дѣтей для обученія. Духовенство не очень набросилось на представившуюся возможность дать дѣтямъ школьное воспитаніе. Но противиться велѣніямъ начальства нельзя было; иной хотя и медлилъ, а все-таки говорилъ: «скоро только приготую харчи для сына, такъ самоскорѣйше представлю его самъ въ консисторію». Не такъ отнесся къ дѣлу священникъ Гунькевичъ. Когда десятиначальникъ Игнатовичъ явился къ нему съ напоминаніемъ объ исполненіи указа, онъ рѣшительно заявилъ, что не повезетъ сына въ семинарію, что его сынъ «обрядокъ латынскій принялъ». Вторій разъ поѣхалъ къ нему Игнатовичъ, но не засталъ дома. Наконецъ, отправился и въ третій разъ, «ажъ минѣ», доносить онъ, «священникъ берездовскій отговоривъ такъ, что мого сына въ дому нѣтъ увойшовъ и не вѣдаю гдѣ, а мнѣ доводится такъ, что онъ предо мною сына крыеть». За столь дерзостное и упорное сопротивленіе корецкое духовное правленіе сейчасъ же отрѣшило его отъ прихода, доходовъ и запретило священнослуженіе. Что же побудило священника не страшиться подобной грозной перспективы? Вѣдь онъ зналъ, что его за это по головѣ не поглядятъ, — и, однако, упорно стоялъ на своемъ. Истинные мотивы его дѣйствій выясняются изъ втораго рапорта того же десятиначальника, гдѣ онъ доноситъ, что жена священника Гунькевича «на набоженство въ костель ходить» и «держитъ съ уніатами обрядъ», а ея примѣру слѣдуютъ и дѣти. Такимъ образомъ, жена здѣсь руководила всѣмъ. Благодаря ея вліянію, семья неизмѣнно была предана уніи. Не-

¹⁾ Ibid., № 625.

удивительно, если этотъ священникъ усмотрѣнъ былъ десятона-
чальникомъ «въ священнослуженіи не только страненъ, но даже
страшенъ».

По этому поводу предписано было отправить ему литургію,
въ присутствіи свѣдущихъ людей, «и каково будетъ дѣйствовать
освидѣтельствовать и засвидѣтельствовать». Экспертиза имѣла для
него роковыя послѣдствія; она подтвердила заявленіе десятона-
чальника и признала священника Гунькевича дѣйствительно весьма
неискуснымъ въ священнослуженіи ¹⁾).

Присматриваясь ближе къ уніатскому духовенству, находимъ
въ средѣ его большую нравственную распатанность. Не будемъ
приводить въ подтвержденіе многихъ примѣровъ, укажемъ только
на священника Сатіевскаго. Вскорѣ послѣ принятія имъ правосла-
вія, благочинный доносилъ, что онъ «лѣгави повороваль собаки,
котори ему способни очень до полюваня и состидомъ онихъ поот-
давать мусиль». Таковъ былъ этотъ іерей, который къ тому же
однажды говорилъ: «бодай тую благочестію дябли взяли» ²⁾).

Въ силу этихъ обстоятельствъ, лицамъ, занимавшимся воссоеди-
неніемъ, приходилось иногда очень жутко. Кругомъ было полное
безлюдье. Не на кого было опереться, потому что въ средѣ уніа-
товъ не видать было дѣльныхъ, умныхъ, честныхъ людей, которымъ
безусловно можно было бы довѣриться, на которыхъ можно было
бы положиться. Всѣ поиски за такими людьми не приводили ни
къ чему. То и дѣло приходилось разочаровываться, оставлять слиш-
комъ смѣлыя мечты, отказываться отъ несбывшихся надеждъ.
Грустной ироніей звучать слова тогдашнихъ дѣятелей воссоеди-
ненія, когда имъ приходилось касаться этого предмета. Правда, они
не отчаявались въ успѣхѣ своего дѣла, они твердо и крѣпко надѣя-
лись на себя, на свои силы, на свою энергію, но все-таки должны
были сознаться въ своемъ одиночествѣ. Стѣгая на безлюдье, огор-
чаясь разочарованіями, пеняя на неожиданно встрѣчавшіяся по
пути препятствія, они, тѣмъ не менѣе, смѣло и бодро шли впередъ;
ихъ мало смущали препятствія, они зорко смотрѣли на сіявшій

¹⁾ Ibid., № 566.

²⁾ Ibid., № 448.

впереди маякъ, шпрокимъ свѣтомъ освѣщавшій имъ дорогу,—и, въ концѣ концовъ, достигли преднамѣченной цѣли. Въ этомъ отношеніи очень интересно письмо архимандрита Варлаама, въ послѣдствіи епископа житомирскаго, а тогда стоявшаго во главѣ воссоединенія волынскихъ униатовъ, къ Виктору Садковскому, архіепископу минскому. Письмо это приложено при официальномъ рапортѣ, которымъ онъ доносилъ о присоединеніи къ православію двухъ монастырей: Головчинскаго (Летичевской округи, теперь Подольской губерніи) и Загаецкаго (Кременецкой округи). Да не посѣтуетъ на насъ читатель, если мы приведемъ его цѣликомъ. Авторъ не былъ стѣсненъ здѣсь условными рамками, онъ могъ свободнѣе выражаться, а потому и самое письмо отличается многими настолько характеристическими чертами, что заслуживаетъ полнаго вниманія. «Оба монастыря, писалъ архимандритъ Варлаамъ, присоединены по большинству монашествующихъ, принявшихъ исповѣданіе наше. Въ Головчинскомъ іеромонаховъ три, а въ Загаецкомъ одинъ и два монаха. Первый г. губернаторомъ мнѣ уже отданъ, а о послѣднемъ еще его базилиане хлопчуть, но и сей нашъ останется. Настоятели съ намѣстниками ихъ не восхотѣли разумѣти. Посему и нужны люди; ибо изъ братіи нѣтъ благонадежныхъ къ правленію. Загаецкій монастырь отцемъ Стрѣхинымъ порученъ былъ новоприсоединенному іеромонаху Гавріилу, но онъ нѣсколько недѣль попивъ, погулявъ, бѣжалъ за границу. Мѣсто его прелялъ остальной іеромонахъ Іакинѣвъ, но и сего старья лѣта и скудныя таланты мало обѣщаваютъ. Я прошу у вашего высокопреосвященства людей, но знаю, что кромѣ о. Германа, изъ іеромонаховъ никого не найдется. Посему я рѣшился просить отцовъ игуменовъ, чтобы они до резолюціи в—го в—ства потрудились». Послѣ подписи и небольшой, неважной приписки архимандритъ Варлаамъ дѣлаетъ другую, краткую, но выразительную приписку такого содержанія: «воплъ противу недостатка въ священникахъ я нѣсколько успокоилъ»¹⁾.

Какъ кажется, всякіе комментаріи здѣсь излишни. Но для насъ съ особенною ясностью выступаетъ та истина, что воссоединеніе монастырей было очень затруднено; они не безъ боя оставляли поле

¹⁾ Ibid., № 21.

сраженія, и дѣло шло туго. Мало того, они представляли изъ себя могучій оплотъ и величественную твердыню униі, о которыя разбивались самыя искреннія попытки. Чего стоила одна Почаевская лавра, бывшая тогда въ рукахъ базилианъ и сдѣлавшаяся ихъ безраздѣльнымъ достояніемъ? Одинъ изъ благочинныхъ Кременецкаго уѣзда представлялъ своему начальству, что 31-го августа 1796 года праздничный проповѣдникъ Дедычевскій говорилъ въ Почаевскомъ монастырѣ на польскомъ языкѣ проповѣдь, гдѣ довольно прозрачно намекалъ на несочувственныя ему тогдашнія обстоятельства. До сихъ поръ, говоритъ онъ, религія оставалась цѣлой и невредимой, а теперь ее тормозатъ и рвутъ во всѣ стороны; нашлись даже такіе, которые ради временныхъ благъ отказались отъ нея и отступили отъ Бога. Конечно, проповѣдникъ могъ всегда объясниться, что онъ разумѣлъ вовсе не то, что ему навязываютъ; онъ могъ сказать, что имѣлъ въ виду вообще невѣріе, широкой волной разливавшееся тогда въ Европѣ, что онъ хотѣлъ поразить философскія попытки отрицательнаго характера; но кто поручится, что искусство читать между строкъ уже тогда не было извѣстно? Быть можетъ, и въ то время оно уже процвѣтало, находило адептовъ и покровителей, и хотя направленіе его было окрашено извѣстнымъ, очень опредѣленнымъ цвѣтомъ, но это не мѣшало ему проявляться. Во всякомъ случаѣ, ревностный сторонникъ возсоединенія, доносившій объ этомъ фактѣ, ходатайствовалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о высылкѣ почаевскихъ базилианъ совсѣмъ изъ губерніи, или, по крайней мѣрѣ, просилъ воспретить имъ принимать православныхъ людей къ исповѣди, ибо чрезъ это никакъ нельзя привести въ порядокъ уѣзда ¹⁾. Вообще жалобы на совершеніе униатскими монахами православнымъ прихожанамъ разныхъ требъ обильны и, можно сказать, нескончаемы. Еще въ 1796 году было заявлено, что базилиане Тригорскаго монастыря этимъ путемъ привлекаютъ къ себѣ православное населеніе села Денешовъ, Житомирскаго уѣзда. Дѣло долго лежало безъ движенія, наконецъ въ 1806 году было разсмотрѣно въ Волянской консисторіи, которая постановила проинформировать разслѣдованіе чрезъ мѣстнаго благочиннаго. Послѣдній

---

¹⁾ Ibid., № 502.

долго молчалъ, но въ 1809 году нѣсколькими рапортами донесъ о новыхъ посягательствахъ базилианъ, имѣвшихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ характеръ настоящихъ совращеній. Епископъ волынской Даниль, видя, что всѣмъ этимъ заявленіямъ конца-краю нѣтъ и они готовы затянуться въ безконечность, безнадежно махнулъ рукой и написалъ резолюцію— «взять въ архивъ, яко давностію покрытое дѣло»¹⁾.

Что дѣйствительно уніатскіе монахи съ трудомъ отказывались отъ скромныхъ благъ монастырскаго житія, это доказывается примѣромъ кременецкихъ базилианъ. До сихъ поръ въ Кременцѣ, Волынской губ., есть Богоявленскій монастырь; несмотря на то, что здѣсь, вотъ уже двадцать лѣтъ, живетъ православный викарный архіерей, этотъ монастырь, въ средѣ мѣстнаго населенія, и по сіе время слыветъ подъ именемъ «базылянъ»,—такъ его всѣ зовутъ и только подъ этимъ именемъ онъ извѣстенъ. А между тѣмъ еще «ордеромъ» подольскаго губернатора Вердеревскаго, отъ 15-го декабря 1795 года, кременецкіе базилиане высланы отсюда въ ближайшее мѣстечко Почаевъ въ тамошній монастырь. Не любо было это распоряженіе бывшему суперіору Сулжинскому; ему не хотѣлось разстаться съ монастыремъ, съ знакомою средой, съ излюбленной обстановкой и идти въ чужіе люди. Онъ попросилъ себѣ разрѣшеніе пожить еще нѣкоторое время въ монастырѣ, а вскорѣ затѣмъ принялъ къ себѣ пять монаховъ, и началось столь милое сердцу суперіора продолженіе прежняго монастырскаго житія. Къ сожалѣнію, это было только жалкое, обманчивое подобіе того, что навсегда осталось однимъ воспоминаніемъ и чему не суждено было повториться. Правда, базилиане пытались даже отправлять на «вышемъ портаментѣ» (т. е. на верхнемъ этажѣ) богослуженіе и принимать людей къ исповѣди, вообще, всячески усиливались по-прежнему утвердиться прочно въ монастырѣ, но, вмѣсто ожидаемаго успѣха, послѣдовало горькое разочарованіе. По жалобѣ представителей православнаго духовенства, келія, гдѣ совершалось богослуженіе, была запечатана съ истребованіемъ соотвѣтствующей

¹⁾ Ibid., № 456.

рописки отъ суперіора, и базиліане должны были прекратить отправление здѣсь церковныхъ службъ ¹⁾).

Если монахи, которыхъ, съ нашей низменной, мірской точки зрѣнія, можно не безъ основанія представлять вольными птицами, иже не сѣють, ни жнутъ, такъ упорно отстаивали свои твердыни, то тѣмъ труднѣе было покидать насиженныя мѣста бѣлому уніатскому духовенству, которое не только сѣяло и жало, но и въ житницы собирало. На первомъ планѣ здѣсь стоятъ интересы матеріальныя. Они желѣзными цѣпями приковывали уніатскихъ священниковъ къ этимъ мѣстамъ. Не говоря уже о подавляющемъ значенія стараго обычая, въ силу котораго приходъ по наслѣдству передавался отъ отца къ сыну или шель въ приданое за дочерью, нужно принять еще и то во вниманіе, что, большею частью, какъ плебанальный домъ, такъ и хозяйственныя постройки были собственностью священника. Все это человѣкъ приспосабливалъ, устраивалъ по своему вкусу, пригонялъ къ извѣстной мѣркѣ, рассчитывалъ на удобства и выгоды, а теперь пришли невѣдомые люди и требуютъ отдать имъ все это, а самому убираться по-добру, по-здорову. Иной насадилъ и выростилъ садъ, и вотъ— не насладившись плодами его, долженъ былъ бросать и забывать объ его существованіи. Разумѣется, такъ было въ томъ случаѣ, если уніатскій священникъ не соглашался присоединиться къ православію, а прихожане не присоединялись и получали новаго священника. Отсюда безконечныя имущественныя споры между вновь назначенными священниками и ихъ предмѣстниками-уніатами. Подобный споръ долго тянулся въ м. Базалія, бывшемъ тогда уѣзднымъ городомъ, а теперь находящемся въ Кременецкомъ уѣздѣ. Новоназначенный въ Преображенскую церковь іерей Николай Ковалевскій, пріѣхавъ на приходъ, долженъ былъ воочію убѣдиться, что ему негдѣ жить, такъ какъ всѣ церковныя постройки принадлежали уніатскому священнику Георгію Струмъискому. Онъ предлагалъ послѣднему вступить въ добровольную денежную сдѣлку и обѣщалъ уплатить стоимость всѣхъ строеній, но тотъ никакихъ сдѣлокъ знать не хотѣлъ.

Пробовалъ священникъ Ковалевскій дѣйствовать судебнымъ

¹⁾ Ibid., № 598.

порядкомъ и этимъ путемъ добиваться своихъ правъ, но заявлявшіяся имъ жалобы никакого успѣха не имѣли. Въ домѣ его соперника Струмѣнскаго квартировали стряпчій и секретарь уѣзднаго суда; «то и видно и стаковымъ обстоятельствомъ, пишеть онъ, что тамошніе господа удержуютъ сторону уніатскую». Наконецъ, онъ просилъ Струмѣнскаго снять свои постройки, убрать ихъ и очистить церковную землю, но тотъ, явившись въ базалійское духовное правленіе, заявилъ, что хотя «по духовенству и есть повелѣніе не пожелавшимъ уніатамъ для благочестивыхъ священниковъ на церковномъ грунтѣ состоящіе свои доми въ продажу пустить, а безъ всякаго препятства оныя мѣста очистить, то какъ Духовная власть надо мною не имѣетъ правленія и покамѣстъ отъ Губерніи не будетъ особливаго на то предписанія, до того времени не уступлю мѣста, и нечего изъ грунтовъ не попушу».

Ко всѣмъ этимъ спорамъ имѣлъ прикосновеніе и другой уніатскій священникъ Гаськевичъ, который ранъше совмѣстно съ Струмѣнскимъ занималъ приходъ Преображенской церкви. Оба они, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали себѣ пользоваться церковной землей и не уступали ее православному священнику. Изъ засѣянаго же ими и собраннаго хлѣба, хранившася у базалійскаго городничаго, ничего не удѣляли, между тѣмъ какъ на этотъ счетъ также были изданы соотвѣтственныя постановленія. Все это происходило въ 1796 году, а въ 1798 г. священникъ Ковалевскій вновь жалуется на своихъ обидчиковъ. Они не только не допускали его пользоваться церковной землей, не только повыкапывали на хуторѣ фруктовыя деревья, но чрезъ вознаго наслали ему позовъ въ повѣтовый судъ, гдѣ предъявили искъ о вознагражденіи понесенныхъ убытковъ. Когда Ковалевскій уклонился отъ суда, то Струмѣнскій, поступившій теперь регистраторомъ въ повѣтовый судъ, прислалъ ему и вторичный позовъ. Споръ грозилъ дойти до геркулесовыхъ столбовъ, еслибы высшая духовная власть своимъ вмѣшательствомъ не прекратила его ¹⁾. Отсюда вытекаетъ, что дѣло возсоединенія иногда превращалось въ имущественныя пререканія

¹⁾ Ibid., № 622.

между православнымъ и уніатскимъ духовенствомъ, сводилось къ постороннимъ вещамъ и оттого терпѣло большой ущербъ.

Подводя итогъ всему предыдущему, едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что совокупностью вышеизложенныхъ фактовъ отчасти подтверждается высказанный раньше взглядъ на уніатское духовенство, какъ на элементъ, не только не могшій способствовать, а скорѣе расположенный противодѣйствовать тѣмъ планамъ и намѣреніямъ, которыя стояли на очереди и ждали своего осуществленія. Уніатское духовенство — по привычкѣ ли, по семейнымъ ли связямъ, или по другимъ причинамъ — во многихъ случаяхъ слишкомъ тяготѣло къ уніи, чтобы ему можно было поручить такое дѣло. Тѣмъ задорнѣе были его стремленія поддержать существующій *status quo*, что оно могло опираться на сильныхъ міра сего или подогрѣвать къ себѣ симпатіи въ народной средѣ. Наконецъ, проявляемое нѣкоторыми лицами неумѣстное рвеніе и отсутствіе у другихъ подобающаго нравственнаго авторитета могли только уронить порученное имъ дѣло. А между тѣмъ дѣло это было неотложное. Возсоединеніе уніатовъ, раньше или позже, тѣмъ или другимъ путемъ, должно было совершиться непременно; это былъ только вопросъ времени. Много тутъ значенія имѣла энергія высшихъ духовныхъ лицъ, заинтересованныхъ этимъ дѣломъ, и нѣкоторыя внѣшнія соображенія. Но все это были обстоятельства случайныя, которыя могли ускорить, либо нѣсколько отдалить исполненіе того, что достаточно назрѣло.

Если же возсоединеніе уніатовъ было неизбѣжнымъ и неотразимымъ послѣдствіемъ тогдашнихъ политическихъ событій, то вопросъ теперь въ томъ: какимъ образомъ можно было привести его къ благополучному концу, когда уніатское духовенство относилось къ нему такъ несочувственно? Тѣ, для кого это дѣло должно было быть самымъ близкимъ, роднымъ, дорогимъ дѣломъ, не только чуждались его, но напротивъ съ ненавистью и ожесточеніемъ противились ему. Ясно, что надо было искать другихъ путей, иныхъ средствъ; необходимо было обратиться къ такимъ лицамъ, которыя стояли внѣ рядовъ уніи, видѣли и знали ее только со стороны, или которые возсоединились уже давно, по искреннему, глубокому убѣжденію и потому не давали повода подозрѣвать ихъ въ опасномъ ша-

таніи изъ стороны въ сторону. Такъ дѣйствительно и было сдѣлано. 16-го мая 1794 года Святѣйшему Синоду объявлено было высочайшее повелѣніе, которымъ требовалось избрать изъ ученыхъ одного архимандрита и потребное число священниковъ изъ сосѣднихъ епархій и безъ замедленія отправить во вновь присоединенный отъ Польши край для содѣйствія лицамъ, занимавшимся воссоединеніемъ. Такимъ архимандритомъ, имѣвшимъ сдѣлаться помощникомъ Виктора Садковскаго, архіепископа минскаго, и дѣйствительно ставшимъ во главѣ воссоединенія на Волыни и Подоліи, былъ назначенъ Варлаамъ. а относительно вызова священниковъ Святѣйшій Синодъ предоставилъ тому же Виктору опредѣлить, сколько ему ихъ нужно, и заявлять свои требованія преосвященнымъ: кievскому, могилевскому, смоленскому, черниговскому и новгородъ-сѣверскому, а тѣ должны были безъ малѣйшей проволочки времени исполнять эти требованія ¹⁾. Какъ Волынская, такъ и Подольская губерніи были раздѣлены на округа, и во главѣ каждой округа стоялъ благочинный, большею частью изъ монашествующей братіи. Онъ имѣлъ одного, двухъ помощниковъ, разъѣзжалъ по селамъ и занимался воссоединеніемъ народа въ своемъ районѣ. Вызванные же священники предназначались собственно для замѣщенія вакансій тамъ, гдѣ уніатскіе настоятели не пожелали бы воссоединиться.

Архіепископъ Викторъ довольно не сочувственно отнесся къ вышеуказанному требованію Синода и неохотно подчинился ему. Онъ предвидѣлъ имѣющія произойти отсюда крайнія неудобства, а потому, исполняя распоряженіе высшей власти, писалъ: «но по моему скудоумію ни одного іерея съ другихъ епархій спровожать сюда не слѣдовало бы» ²⁾. Не всѣ священники съ одинаковою готовностью откликнулись на вызовъ. Многіе изъ назначаемыхъ, какъ утверждаетъ проф. Кояловичъ, отказывались ѣхать и просили совсемъ отставить ихъ отъ приходоу. Это, очевидно, такіе, которымъ и здѣсь удалось хорошо устроиться; имъ и безъ того легко и привольно жилось, а при такихъ условіяхъ было бы дерзостью искать въ чужой сторонѣ обѣтованной земли. Но было не мало и такихъ,

¹⁾ М. О. Кояловичъ, „Ист. возс. ун.“, стр. 359.

²⁾ Ibid, стр. 366.

для которыхъ пригласительное требованіе отправиться на страну далече не осталось гласомъ вопіющаго въ пустынь. Сотни іереевъ изъ кievской, минской, черниговской епархій—одни съ семьями, другіе въ единственномъ числѣ потянулись на Волянъ. И это, какъ намъ кажется, объясняется очень просто. Не видимъ ли мы, не читаемъ ли ежедневно, какія несмѣтныя толпы людей, презрѣвъ всякія привязанности къ роднымъ мѣстамъ и соблазнившись благами далекихъ странъ, идутъ, закрывши глаза, невѣдомо куда. Тѣ жаждутъ вольныхъ земель на Амурѣ, другіе мечтаютъ обрѣсти счастье въ Бразиліи... У насъ, въ провинціи, однажды распространился нелѣпый слухъ, будто прославившійся въ свое время Ашиновъ зоветъ всѣхъ желающихъ ѣхать съ нимъ въ Абиссинію въ качествѣ колонизаторовъ. Многіе съ искреннимъ сожалѣніемъ передавали, что комплектъ счастливецъ-избранниковъ Ашинова уже полонъ, и потому они лишены всякой возможности попасть въ ихъ число. Стало быть, при извѣстныхъ условіяхъ, самыя фантастическіе слухи, самыя дутыя предпріятія могутъ получать степень непреложной достовѣрности. Здѣсь, напротивъ, не было ничего фантастическаго, ничего гадательнаго. Тутъ съ авторитетной высоты возвѣщался призывъ, и неудивительно, что онъ нашелъ себѣ радостный отзвукъ въ сердцахъ многихъ. Не говоря объ авантюристахъ, воображеніе которыхъ сулило имъ въ перспективѣ заманчивыя картины новыхъ походовъ, не говоря о непосидчивыхъ, неугомонныхъ натурахъ, вѣчно куда-то стремящихся, чего-то ищущихъ, предстоявшее дѣло для нѣкоторыхъ священниковъ могло имѣть значеніе спасительнаго подвига. Но представленіе о подвигѣ нисколько не исключало мысли, что и сія вся приложатся, а потому всѣ вообще, какъ кажется, были того убѣжденія, что тутъ-то потекутъ для нихъ молочныя рѣки съ кисельными берегами.

Однако не такъ стало, какъ ожидалось. Причина этого кроется прежде всего, быть можетъ, въ томъ, что не всѣ изъ пришельцевъ стояли на томъ высокомъ уровнѣ, котораго требовала исключительная ихъ миссія и вообще тогдашнее положеніе дѣлъ. Можно ли, напр., считать стоящимъ на высокомъ уровнѣ того священника, о которомъ доносятъ, что онъ не соблюдаетъ правилъ св. отцовъ и ѣсть въ великій постъ мясо? А такое именно донесеніе существуетъ.

о священникѣ Пискуновѣ, вызванномъ изъ черниговской епархіи. Не съ лучшей стороны характеризуетъ того же священника и другой его поступокъ. Однажды онъ обвинчалъ въ среду одного поповича и, несмотря на то, что это былъ постный день, велѣлъ изготавить колбасъ, принести въ «комору, дабы мало кто видѣлъ, и тамъ ѣлъ»¹⁾. Такимъ образомъ у этого священника было полное сознание незаконности своего проступка, если онъ чувствовалъ необходимость всякими хитростями и изворотами замаскировать его. Чтобы въ еще болѣе полномъ свѣтѣ представить личность священ. Пискунова, укажемъ на одинъ фактъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ намъ нить для дальнѣйшихъ разсужденій. Въ ноябрѣ 1796 г. священникъ «латинскаго обряду» Нелиповичъ (очевидно — изъ униатовъ, не пожелавшихъ принять православія и перешедшихъ въ латинство) жаловался, что свящ. Пискуновъ пришелъ въ домъ зятя его Шумскаго, живущаго въ помѣщичьей избѣ, началъ «дѣлать разные привязки и перенесъ къ нимъ свой Екипажъ начальнымъ образомъ». Нелиповичъ заявилъ протестъ и предложилъ Пискунову отправиться въ отведенную для его жительства «выгодную школьную избу». Но Пискуновъ не хотѣлъ слушать никакихъ резоновъ и, «будучи въ напилости, прицѣлясь до меня, пишетъ Нелиповичъ, ударилъ меня такъ сильно въ щеку, что и нынѣ имѣется знакъ»²⁾. Эта необычайная настойчивость свящ. Пискунова, его смѣлость и самонадѣянность, доведшая его до кулачной расправы, служатъ не только для характеристики его личности, но даютъ поводъ для болѣе широкихъ заключеній.

Вызванные изъ другихъ епархій священники хотѣли, чтобы ихъ считали элементомъ привилегированнымъ. Они требовали себѣ главной первенствующей роли и сопряженныхъ съ нею выгодъ. Они считали себя хозяевами положенія и, только какъ снисходительную уступку, соглашались допустить мысль, что и мѣстные священники изъ возсоединенныхъ имѣютъ, на ряду съ ними, нѣкоторое право на существованіе. Такія претензіи и съ психологической, а отчасти и съ юридической стороны были вполнѣ естественны.

¹⁾ Арх. вол. дух. конс. № 618.

²⁾ Ibid., № 613.

Но увы! многіе изъ вызванныхъ на самыхъ первыхъ же порахъ должны были горько и жестоко разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ. Мѣстные священники никакъ не могли помириться съ изложенными взглядами священниковъ иноепархіальныхъ; они ни за что не могли согласиться съ мыслью, что ихъ устранять на второй планъ, а на ихъ мѣсто поставятъ чужихъ людей. Отсюда безчисленныя столкновенія вновь прибывшихъ священниковъ съ мѣстными и въ этомъ—вторая главнѣйшая причина того, почему такъ неудачна была придуманная правительствомъ мѣра для скорѣйшаго болѣе прочнаго и успѣшнаго воссоединенія уніатовъ.

Ища выгоды и особыхъ преимуществъ, стремясь воспользоваться своимъ необычнымъ положеніемъ для достиженія личныхъ цѣлей, выходцы изъ другихъ епархій иногда съ пренебреженіемъ относились къ вѣковымъ народнымъ традиціямъ и издавна установленнымъ приходскимъ порядкамъ. На священника Мажуду изъ черниговской епархіи жаловались, что онъ своихъ сыновей опредѣляетъ противъ воли громады въ пономари и дьячки, а «громадскихъ давнихъ надежныхъ и трудолюбивыхъ людей» отставляетъ. Не заботясь о церковномъ имуществѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ проявляетъ сильное корыстолюбіе: «безъ малѣйшаго милосердія за браки и погребенія до послѣдней рубашки людей разграбляетъ и съ негодованіемъ говорить, что мало умираетъ». У одного крестьянина взялъ за бракъ 2 рубля старыхъ серебряныхъ, 2 злоты, мѣрку пшеницы, 3 кварталы меду и—еще остался недоволенъ. Быть можетъ, не всѣ изъ выставленныхъ противъ священника обвиненій безусловно справедливы, быть можетъ, кое-что и преувеличено, но все-таки необходимо признать, что онъ возбудилъ противъ себя сильное неудовольствіе громады, такъ какъ она заявила, что вовсе не желаетъ этого священника; въ такомъ же смыслѣ сдѣлалъ представленіе и благочинный. Только въ 1800 году, съ переходомъ священника Мажуды обратно въ черниговскую епархію, прекратилось начатое противъ него дѣло ¹⁾.

Борьба между мѣстнымъ и пришлымъ элементомъ оканчивалась скоро и легко, если пришлецъ совсѣмъ не соотвѣтствовалъ своей

¹⁾ Арх. воз. дух. копс. № 427.

цѣля. Таковъ былъ священникъ Стефанъ Квитницкій—изъ черниговской епархіи. Его крайне болѣзненное состояніе, «всегдашній, неспосный кашель» совершенно не позволяли ему заниматься отправленіемъ церковныхъ службъ; вслѣдствіе этого, по просьбѣ прихожанъ, онъ былъ смѣщенъ и оставленъ не у дѣлъ, а на его мѣсто назначенъ другой священникъ ¹⁾. Гораздо ожесточеннѣе велась борьба, гораздо рискованнѣе былъ ея исходъ, а слѣдовательно тѣмъ труднѣе доставалась побѣда тогда, когда выходецъ изъ чужой епархіи не имѣлъ за собой ничего слишкомъ предосудительнаго, когда не было на лицо данныхъ къ его устраненію. Тогда обыкновенно старались дѣйствовать не прямымъ, а косвеннымъ, окольнымъ, но тѣмъ не менѣе вѣрнымъ, путемъ: возбуждали и настраивали враждебно громаду, помѣщика и раньше или позже выживали таки противника. Достаточное право для такого рода заключеній даетъ жалоба священника с. Забороля Никиты Камайдовича, прибывшаго изъ кievской епархіи. «Бывшій прежде на семь приходѣ уніать Стефанъ Малевичъ, пишетъ онъ, которій будучи Благочестію гонитель всѣваетъ между прихожанами такіе плевылы и внушенія рождающія одну не пависть, что прихожане будучи тѣмъ со стороны Его возбуждаемы презырають меня вовсе ругая даже въ глаза по наущенію онаго унпата всякими неблагопріятными словами, говоря что де у насъ будетъ другій священникъ какой-то родственникъ онаго уніатскаго попа Малевича, по чему и нехотятъ оные прихожане на основаніи данной ими мнѣ подписки съ общаго ихъ согласія давать по прежнему положенію роковщны, чрезъ какыя сего уніята возмущенія, я чувствуя для (себя) неспосную обиду, всенижайше прошу ваше Преосвященство дать мнѣ свое покровительство». Епископъ Варлаамъ сдѣлалъ по этой жалобѣ все, что отъ него зависѣло: онъ велѣлъ «Благочинному войти въ сіе дѣло: и если окажется жалоба справедлива, то священника съ прихожаны посредствомъ увѣщаній примирить, а Уніатскаго Попа посредствомъ Земскаго Суда, отозвавса къ нему о чемъ слѣдуетъ письменно, укро-

¹⁾ „Истор. возс. ун“ стр. 367, прим. 5. Не безъ ироніи проф. Колловичъ замѣчаетъ, что свещ. Квитницкій „очевидно ѣхалъ не для настырства, а для поправленія здоровья въ прекрасномъ климатѣ южной Малороссіи“. Ibid., стр. 368.

тять»¹⁾). Вердиктъ въ отношеніи уніатскаго попа въ полной мѣрѣ грозный и, казалось бы, онъ одинъ, самъ по себѣ, могъ усмирить его. Напоминаніе о земскомъ судѣ, повидному, не должно было обѣщать ничего хорошаго, и однако оно нисколько не смутило того изъ борцовъ, противъ котораго было направлено. Напротивъ, оно, быть можетъ лишь задѣло и подзадорило его и тѣмъ еще больше придало ему силы и энергіи, такъ какъ онъ зналъ, что это пустая угроза, которая не встрѣтитъ никакого сочувствія, никакой поддержки въ мѣстной средѣ. Изъ дѣла даже не видно, чтобы въ земскомъ судѣ возбуждалась по этому поводу какая-либо переписка. Въмѣсто того мы имѣемъ послѣдовавшее вскорѣ прошеніе заборольской громады о томъ, что она вовсе не желаетъ священника Калайдовича, а проситъ назначить къ ней священника с. Ставка Малевича.

Къ прошенію приложено 8 обвинительныхъ пунктовъ на польскомъ языкѣ и одинъ настолько не безъинтересенъ для обрисовки нравовъ пришлаго духовнаго элемента, что мы считаемъ не лишнимъ его привести. Когда громада жаловалась на причиняемая ей священникомъ обиды благочинному, то Калайдовичъ тутъ же плевалъ въ глаза людямъ, а однажды на «канонѣ», сидя за обѣдомъ, бросилъ пирогомъ и попалъ въ лицо Алексѣя Бучинскаго. Обвиняемый не отрицалъ послѣдняго факта, но доказывалъ, что произошло это не на обѣдѣ, а на «вечерѣ», и объяснялъ все дѣло тѣмъ, что Бучинскій, «вызывалъ его танцевать, то онъ не моглши благопристойнѣе отвязаться, принужденъ сіе здѣлать»¹⁾). Заявленія прихожанъ о желаніи имѣть того или другаго священника высоко цѣнились въ то время епархіальною властью, и естественно, что свящ. Калайдовичъ былъ переведенъ въ другое мѣсто, а въ с. Забороль назначенъ Малевичъ. Это тѣмъ легче было сдѣлать, что первый считался только наблюдающимъ и получилъ назначеніе въ Забороль чисто административнымъ порядкомъ, помимо желанія прихожанъ, вслѣдствіе только того, что бывший здѣсь уніатъ отказался отъ воссоединенія.

Такихъ блестящихъ результатовъ успѣвали достигнуть лица, не воссоединившіяся съ православіемъ и оставшіяся въ уніи; тѣмъ съ

¹⁾ Арх. вол. дух. конс. № 520.

²⁾ Ibid., № 548.

большимъ сознаниемъ своихъ правъ должны были выступать и дѣйствовать тѣ духовные, которые приняли православіе. Это и замѣчается въ крупныхъ недоразумѣніяхъ, возникшихъ въ 1795 году въ с. Пискахъ Житомирскаго уѣзда между священ. Михайловскимъ—изъ высланныхъ, и бывшимъ здѣсь раньше священ. Величковскимъ—изъ возсоединившихся. Какъ на особенно позорящее послѣдняго обстоятельство, Михайловскій указываетъ на то, что онъ—второженецъ. Это не совсемъ точно, такъ какъ Величковскій не былъ въ собственномъ смыслѣ второженцемъ, а всего только былъ женатъ на вдовѣ, что однако также совершенно противно законамъ. Недовольный назначеніемъ въ его приходъ пришедеа, онъ всѣми мѣрами старался причинять ему непріятности и прежде всего прибѣгнувъ къ обычному въ подобныхъ случаяхъ средству—возбужденію прихожанъ. Одновременно съ этимъ онъ пустилъ въ ходъ прижимки экономическаго характера: не допускалъ священ. Михайловскаго пользоваться церковными землями и помѣщеніями, такъ что тотъ долженъ былъ жить «въ сосѣдяхъ у мужиковъ»; отбивалъ у него заработокъ по части совершенія требъ и однажды, въ противность всѣмъ церковнымъ узаконеніямъ, повѣнчалъ на сырной недѣлѣ у себя въ домѣ одного солдата; забралъ себѣ разныя церковныя вещи, напр., дискосъ, чашу, евангеліе и друг., а также церковныя деньги и «владѣеть ими деньгами, посылаетъ за рибою или куда ему угодно и чумакуеть, а церкви христовой ползи не приноситъ,—пишетъ Михайловскій,—никогда нигдѣ внарочитіе празничніе, воскресніе и торжественіе дни на молебняхъ въ церкви не бываетъ о томъ не радить и власти не повинуется». Помимо всего этого Величковскій не разъ задѣвалъ самолюбіе Михайловскаго и однажды жестоко оскорбилъ его. По должности десятона начальника Михайловскій привезъ указъ въ с. Млиница священ. Топольницкому. Здѣсь онъ засталъ Величковскаго, и между противниками завязалась ссора.—«Ваши дѣла и указы поганые и ты самъ поганный»,—говорилъ Величковскій. Вслѣдъ затѣмъ онъ началъ ругать Михайловскаго бестією, каналією, собакою, невѣрнымъ, волоцюгою, а наконецъ, упрекнувъ, что тотъ его сгубилъ, «ударилъ со всей силы у морду»¹⁾. Хотя Величковскій въ объясненіи отрицалъ приписывае-

¹⁾ Ibid., № 54.

мья ему ругательства и сознавался, что онъ только укорялъ Михайловскаго во взяточничествѣ, относительно же драки сочинилъ фантастическую исторію, будто Михайловскій, будучи пьянъ, самъ побился,—однако можно судить, какими скандальными послѣдствіями разрѣшались столкновенія между мѣстными и пришлыми духовными лицами, какъ пагубно вліяли они на народъ, который бывалъ свидѣтелемъ этого позорища, а иногда принималъ въ немъ и активное участіе, словомъ—какъ губительно отражались на самомъ капитальномъ дѣлѣ, такъ волновавшемъ всѣхъ, на дѣлѣ воссоединенія.

Печальнѣе всего то, что въ средѣ самой администраціи не было единства взглядовъ на этотъ предметъ, постоянства и однообразія дѣйствій, твердости и выдержанности системы. И выходило такъ, что одна рука созидала, а другая, тутъ же и то же самое, разрушала. Здѣсь дѣлалось распоряженіе въ пользу пришлого элемента, а тамъ издавалось другое, совершенно кассировавшее первое и направленное въ угоду элемента мѣстнаго. «Въ корецкой округѣ», пишетъ въ 1795 году въ своемъ представленіи епископу Варлааму одинъ изъ благочинныхъ, игумень Аркадій, «да думаю и въ другихъ дѣлается теперь перемѣна, подобная смѣху или въ поруганіе трудовъ и дѣлъ благочинныхъ, которіе однакожь основывались на повелѣніи архипастырскомъ и что здѣлано, то по справедливости безъ всякаго пристрастія». Раздражительный, оскорбленный тонъ, которымъ написана эта тирада, объясняется слѣдующимъ обстоятельствомъ. Игумень Аркадій, занимавшійся воссоединеніемъ уніатовъ въ корецкой округѣ, присоединилъ, между другими, и с. Самострѣлы, а такъ какъ бывший здѣсь священникомъ уніатъ Яневичъ отказался воссоединиться, то приходъ былъ порученъ священнику Кошицу—изъ иноепархіальныхъ. Тогда уніатъ «по злости» поѣхалъ въ Житомиръ, къ тамошнему благочинному, игумену Давиду, принялъ здѣсь православіе и былъ отправленъ на тотъ же приходъ въ с. Самострѣлы. «Отецъ Давидъ», жалуется игумень Аркадій, «поступилъ на сіе и поступаетъ самъ собсю непозволительно и дерзостно, дѣлая тѣмъ явную поблажку уніатамъ, въ обиду жъ нашихъ священниковъ, ибо сіи съ дальнихъ мѣстъ со

всѣмъ домою своимъ собравшись не прїѣзжали съ женами и дѣтьми изъ Украйны»¹⁾.

Итакъ, положеніе священниковъ, вызванныхъ изъ другихъ епархій, оказывалось довольно неустойчивымъ, шаткимъ и неопредѣленнымъ. Происходившія вокругъ нихъ событія не предвѣщали имъ ничего хорошаго. При такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ не трудно было удариться въ какую-нибудь крайность, какъ это сдѣлалъ прибывшій изъ кievской епархіи священникъ Ляхоцкій. Явившись въ Житомиръ, онъ дотога предался пьянству, что, наконецъ, пропилъ имѣвшіяся у него казенныя бумаги²⁾. Но что еще болѣе угнетающимъ образомъ могло дѣйствовать на впечатлительныя натуры—это разные тревожныя слухи, весьма угрожающаго характера. 21-го мая 1795 года острожское духовное правленіе прислало рапортъ о томъ, что нѣсколько дней назадъ острожскій дзеканъ, Даніилъ Дембровскій, проѣзжалъ, днемъ, со своею дочерью-вдовою попадьей и служителемъ черезъ лѣсъ, и что всѣ эти лица оказались убитыми. Ни тѣлъ ихъ, ни повозки не найдено, и невѣстно, гдѣ они дѣвались; найдена только шапка дзекана и полууставъ (т. е. особаго рода молитвенная книга). «Есть слухъ», добавляется въ рапортѣ, «что то убійство слѣдовало претерпѣть благочинному протоіерею Іоанну Радзимовскому, на коего поляки и униати злоствуютъ за присоединеніе церквей, но вмѣсто благочиннаго, по невѣдѣнію преслѣдовавшими дзеканъ въ видѣ благочиннаго смертію пострадалъ»³⁾. Хотя семья потерпѣвшаго и была пристроена епархіальною властью, но фактъ былъ слишкомъ грозенъ самъ по себѣ, чтобы не отразиться на настроеніи духовенства.

Вслѣдствіе всего сказаннаго, духовенству, вызванному изъ другихъ епархій, ничего больше не предстояло, какъ бѣжать обратно къ своимъ роднымъ пепелищамъ. Многие, дѣйствительно, и стали обнаруживать попытки въ этомъ направленіи, но встрѣтили сильное противодѣйствіе со стороны мѣстной епархіальной власти. Когда священникъ Михайлъ Максимовичъ явился изъ Луцкаго уѣзда въ городъ Острогъ, и 6-го сентября 1796 года вступилъ къ

¹⁾ Ibid., № 104.

²⁾ Ibid., № 430.

³⁾ Ibid., № 24.

мѣстному архіерею съ прошеніемъ о дозволеніи ему возвратиться въ кievскую епархію, то не только не получилъ удовлетворенія, но еще, былъ примѣрно наказанъ. А между тѣмъ, представленныя имъ основанія, вынуждавшія его заявить такое ходатайство, были какъ нельзя болѣе солидны. Во-первыхъ, тамъ, въ кievской епархіи, въ Лубенскомъ уѣздѣ, у него осталась жена съ семействомъ, безъ всякихъ средствъ къ жизни; во-вторыхъ, умеръ недавно его отецъ, имущество котораго захватилъ помѣщикъ, а потому безотлагательно было необходимо заняться этимъ дѣломъ; въ третьихъ, по смерти отца остались сироты, которые настоятельно требовали поддержки. Казалось бы, что все это—весьма почтенные доводы, заслуживающіе самага серьезнаго уваженія. Однако, на нихъ не было обращено никакого вниманія, и епископъ Варлаамъ написалъ слѣдующую резолюцію: «Сего же самага дня отправить священника Максимовича къ луцкому благочинному, повелѣвъ употреблять его къ перепискѣ письменныхъ дѣлъ, буде въ томъ онъ надобность имѣеть; а что сей священникъ дерзнулъ оставить только важный,—Божій и Царскій интересъ заключающій постъ, и безъ вѣдома своего начальства пріѣхалъ въ Острогъ, за то велѣть ему подъ присмотромъ положить 300 поклоновъ»¹⁾.

Это неожиданно-суровое, болѣе, чѣмъ негуманное распоряженіе не было какимъ-нибудь начальственнымъ капризомъ. Напротивъ, оно само основывалось на строго-категорическомъ законѣ. Еще 23-го іюля 1795 года Святѣйшій Синодъ, получивъ свѣдѣніе, что многіе изъ священниковъ, вызванныхъ изъ другихъ епархій, возвращаются назадъ съ билетами, данными имъ благочинными, «объявляя, что они тамъ оставлены безъ всякаго о нихъ разсмотрѣнія и распоряженія, безъ пропитанія и безъ должности», и что, вообще, они дошли до крайняго разоренія, предписалъ потребовать у архіепископа Виктора Садковскаго объясненія и «впредь никого изъ нихъ ни подъ какимъ видомъ и даже по собственнымъ ихъ просьбамъ, не донеся Святѣйшему Синоду и не получа на то указу, въ прежнія епархіи не отпускать». Викторъ и запретилъ благочиннымъ выдавать на будущее время такимъ священникамъ отпускные

¹⁾ Ibid., № 459.

билеты ¹⁾. Можно себѣ представить, какъ грустно и печально, какъ глубоко-безотраднo стало послѣ этого положеніе такихъ священниковъ. Какъ имъ жилось имъ на родинѣ, но тамъ у нихъ былъ свой уголь, тамъ былъ ихъ семейный очагъ, среди котораго они находили отдохновеніе и успокоеніе отъ трудовъ. Такъ или иначе, но они успѣли тамъ устроиться, кой-чѣмъ призапастились. И все это пришлось бросить, все разстроилось, а взамѣнъ не удалось ничего пріобрѣсти вновь. Наоборотъ, неумолимая судьба заставила претерпѣть массу самыхъ разнообразныхъ невзгодъ, тысячи самыхъ неожиданныхъ оскорбленій.

Какъ должны были вліять всѣ эти обстоятельства на людей меланхолическихъ, съ характеромъ сосредоточеннымъ, вообще на такихъ, которые привыкли сознательно и вдумчиво относиться ко всему окружающему? Несомнѣнно, что ихъ беспокоили мрачныя, гнетущія мысли. Они не могли съ холоднымъ, равнодушнымъ спокойствіемъ и безразличіемъ относиться къ переживаемымъ ими тревоженіямъ. Съ другой стороны, то жесткое, суровое отношеніе начальства къ ихъ судьбѣ, примѣръ котораго мы привели выше, отнимало у нихъ послѣднія силы и повергало въ крайнее уныніе. За свои труды и претерпѣнныя бѣды они ждали поощренія, ободренія хотя бы то ласковымъ, привѣтливомъ словомъ, а вмѣсто того имъ доводится слышать горькіе упреки, незаслуженные укоры, высказываемые безстрастнымъ голосомъ. Даже на людяхъ, сильныхъ духомъ, закаленныхъ житейскими невздами, подобныя неблагопріятныя условія не могли не отражаться невыгодно; тѣмъ болѣе удручающее дѣйствіе производили они на натуры слабыя. Потрясающій примѣръ этого представляетъ священникъ Лука Былинскій. Онъ служилъ раньше въ минской епархіи, а по вызовѣ на Волинь былъ отправленъ на помощь къ звенигородскому протоіерею Іоанну Радзимовскому, который состоялъ благочиннымъ острожской округи и занимался здѣсь присоединеніемъ униатовъ. Мало успѣха видѣлъ въ своей дѣятельности священникъ Былинскій. Во многихъ воссоединенныхъ селахъ не было священниковъ, и вслѣдствіе этого народу приходилось испытывать крайнія неудобствъ. «Старые безъ пспо-

¹⁾ Кояловчъ, „Истор. возз. ун.“, стр. 366—367.

вѣди, — заявляетъ онъ, — а младенцы безъ крещенія помирають, и гѣла мертвіе по нѣскольکو сутокъ лежатъ непогребенни». Если же гдѣ и былъ на лицо священникъ, то не оказывалось аптимисовъ и служебниковъ, а оттого многіе возсоединившіеся «внали въ сумнительство». Не мало огорчало и смущало священника Былинскаго то, что мѣстный исправникъ, подполковникъ Фоннагель, не только не оказывалъ ему содѣйствія и поддержки, но еще не допускалъ исполнять существовавшихъ предписаній и говорилъ, что-де «такой-то протопопъ сдѣлалъ бурю, а не основательное дѣло». Въ виду всего этого, Былинскій пришелъ къ убѣжденію, что не для чего больше оставаться ему здѣсь, и рѣшилъ уѣхать, но, на требованіе дать почту изъ полиціи, получая отказъ. Тогда онъ описалъ всѣ обстоятельства въ рапортѣ на имя протоіерея Радзимовскаго и здѣсь мрачнымъ тономъ изобразилъ мучительную скорбь своей души. «Я уповая, — прибавлялъ онъ въ заключеніе, — что тое (т. е. отказъ дать почту) дѣлается изъ наущенія вашего, вопль мой вопль съ женою и дѣтьми вопіять къ всевышнему, а причиною тому ваше высокопревелебіе, болѣе за слезми изнемогая писать пребуду навсегда для вашего высокопревелебія покорнымъ слугою». Неизвѣстно, былъ ли отправленъ этотъ рапортъ по адресу или нѣтъ, такъ какъ найдена лишь черновая его, но зато достовѣрно извѣстно, что въ маѣ 1795 года священникъ Былинскій вмѣстѣ съ благочиннымъ Бакуревичемъ отправился въ г. Житомиръ. Оба они намѣревались просить отпуска въ Минскую губернію, гдѣ оставались ихъ жены и дѣти; они предполагали забрать ихъ теперь съ собою на Вольту. Въ дорогѣ Былинскій «пришелъ въ задумчивость и никакими увѣреніями отъ оной отвесь» его было невозможно. Приѣхавъ въ Житомиръ, онъ еще «въ пущую впалъ задумчивость», такъ что и говорить ни съ кѣмъ не хотѣлъ. Какъ ни «разваживалъ» его разными разговорами Бакуревичъ, пичего не помогало. По предположенію сего послѣдняго, Былинскій впалъ въ «меланхолическую болѣзнь по причинѣ удавившейся печали». На ночлегъ онъ не захотѣлъ спать въ комнатѣ, а легъ на повозкѣ въ корчемныхъ сѣняхъ. Когда Бакуревичъ на другой день всталъ, то «увидѣлъ Былинскаго надъ избою на балкѣ завѣсившагося и сильно того перелѣкаясь», пошелъ и объявилъ соборному діакону и катедральному экзамина-

тору¹⁾. Такъ печально пресѣклась жизнь этого священника, павшаго жертвой тяжелыхъ, крутыхъ обстоятельствъ.

Мы кончили изложеніе тѣхъ немногихъ данныхъ касательно воссоединенія униатовъ въ концѣ прошлаго вѣка, какія были въ нашемъ распоряженіи. Недавно минуло какъ-разъ столѣтіе со времени этого памятнаго событія. Начало его надо относить къ маю 1794 года, къ тому моменту, когда была обнаружена извѣстная пригласительная грамота архіепископа Виктора Садковскаго, въ которой онъ возвѣстилъ, что престали обуреванія, наступаютъ новыя, лучшія времена для вѣры. Голосомъ любящаго пастыря онъ звалъ всѣхъ смятенныхъ духомъ притечь къ нему веселыми ногами и составить одно тѣло.

Въ настоящее время поднимутся, безъ сомнѣнія, толки, воспоминанія, сужденія обо всѣхъ этихъ событіяхъ, и они сдѣлаются предметомъ внимательнаго изученія. Хотя эти событія прошли и прошли безвозвратно, покрывшись тяжелымъ прессомъ въ видѣ цѣлаго вѣка и сдѣлавшись неотъемлемымъ и безспорнымъ достояніемъ исторіи, но отчасти, еще и теперь, они затрогиваютъ живыя струны современности. Не говоря о томъ, что униа до сихъ поръ существуетъ въ Галиціи, какъ самый естественный, твердо установленный фактъ, она не утратила окончательнаго своего обаянія и у насъ въ Западномъ краѣ. Очень и очень недавно въ одномъ духовномъ органѣ (№ 4 «Церк. Вѣстн.») намъ случилось прочесть, что тамъ есть цѣлый разрядъ «такъ называемыхъ упорствующихъ». Это тѣ, которые дали подписки о присоединеніи къ православію, но на дѣлѣ не присоединились. Положеніе ихъ затруднительное и безвыходное: православными быть не желаютъ, а католиками не имѣютъ права. Они сами крестятъ дѣтей, закапываютъ мертвыхъ безъ погребенія, живутъ въ бракѣ безъ церковнаго благословенія и т. д.—словомъ, картина не веселая, и чрезвычайно было бы желательнымъ дать миръ и покой этимъ озлобленнымъ душамъ, влить въ нихъ цѣлительный бальзамъ отрады, возбудить свѣтлую надежду

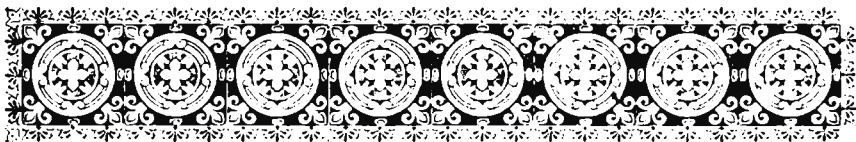
¹⁾ Арх. вол. дух. кон., № 24.

на лучшее будущее. Здѣсь-то и могутъ имѣть значеніе тѣ уроки, которые даетъ намъ прошлое и которые неизгладимыми буквами начертаны на страницахъ исторіи. Такимъ образомъ, воссоединеніе уніатовъ въ прошломъ вѣкѣ достойно изученія не только какъ фактъ прошедшаго, но и какъ событіе, имѣющее близкое отношеніе къ современности, и съ этой стороны представленныя данныя, какъ кажется, не излишни для пополненія матеріаловъ, которые дадутъ основаніе для сужденій, выводовъ, заключеній и объ этомъ событіи, и объ этой эпохѣ.

В. Храневичъ.

САМОЗВАНЕЦЪ

Янъ - Фаустинь Луба ¹⁾.

Предлагаемъ нашимъ читателямъ трудъ, въ коемъ впервые въ исторической наукѣ освѣщена надлежащимъ образомъ личность польскаго дворянина Яна-Фаустина Лубы, котораго современники, въ первой половинѣ XVII ст. считали однимъ изъ претендентовъ на московскій престолъ.

Трудъ этотъ составленъ какъ по польскимъ, такъ и по русскимъ источникамъ, указываемымъ авторомъ во вступленіи. Тѣ и другіе приходилось добывать ему, безъ сомнѣнія, съ великимъ трудомъ.

Существенно важнымъ источникомъ для исторіи Лубы до сего времени оставалась «Исторія Россіи» Соловьева, въ которой, при изложеніи событій царствованій Михаила Феодоровича (г. IX) и Алексѣя Михайловича (г. X), попутно сообщаются и отрывочныя свѣдѣнія объ этомъ лицѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ конституціи варшавскаго генеральнаго сейма, одобренной 5-го декабря 1646 года, находимъ невыясненное до сего времени польскими историками объявленіе «о Лубѣ, дворянинѣ польскомъ» слѣдующаго содержанія:

«На бывшей недавно конференціи съ Панами Радными Нашими заявили Намъ Великіе послы Великаго Царя Московскаго, что являются

¹⁾ Samozwaniec Jan Faustin Łuba. Kartka z dziejów panowania Władysława IV (1643—1646). Авторъ этой монографіи уроженецъ Варшавы, Александръ Краусгаръ, принадлежитъ къ числу выдающихся современныхъ польскихъ историковъ.

такіе неосторожныя люди, которые осмѣливаются принимать на себя имя Московскихъ Царевичей. Того ради Мы, желая съ симъ Народомъ и его Великими Царями поддерживать существующую дружбу вѣчно и венарушимо и не подавать никакого повода къ ея расторженію, съ согласія всѣхъ государственныхъ чиновъ, постановляемъ, чтобы во владѣніяхъ Нашихъ какъ въ Коронѣ ¹⁾, такъ и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, никто никогда не осмѣливался присвоивать себѣ этого имени; а кто дойдетъ до такой смѣлости, тотъ, какъ человекъ безчестный и возмутитель вѣчнаго мира Республики съ Московскимъ Народомъ, долженъ быть пойманъ и казненъ всякими властями и въ Коронѣ и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и того, кто пристанетъ къ нему или вздумаетъ помогать ему совѣтомъ — объявляемъ безчестнымъ. А если онъ соберетъ войска или скопища, то Мы станемъ считать его непріателемъ Нашимъ и Нашего государства и будетъ онъ подлежать истребленію нашими войсками. А такъ какъ глупая чернь Яна-Фаустина Лубу изъ дворянъ называла царевичемъ, тогда какъ онъ таковымъ не есть, — честию просимъ и приказываемъ подъ страхомъ смерти не именовать и не писать его такъ, равно какъ и изъ государства нашего никуда его не выпустимъ». (Vol. leg. IV. 93).

Шайноха въ «Двухъ годахъ» ²⁾ вмѣстѣ съ Кубалой въ «Legzum Ossolińskim» (т. II, 67—102) ³⁾, разсказывая подробно о дѣятельности сейма 1646 года, ни однимъ словомъ не коснулись факта переговоровъ посольства царя Алексѣя Михайловича съ сенаторами и королемъ, переговоровъ, результатомъ которыхъ была, между прочимъ, помянутая сеймовая конституція.

Ни у Квятковскаго, который посвятилъ спеціальнѣйшій трудъ исторіи царствованія Владислава IV ⁴⁾, ни у Кобержицкаго ⁵⁾, ни въ дневникѣ смоленскаго воеводы Филиппа Обуховича ⁶⁾, содержащемъ подробности тогдашнихъ переговоровъ съ послами царей Михаила и Алексѣя (Балинскій «Рам. hist.» 1859), ни въ новыхъ историческихъ компендіяхъ, не исключая весьма богатыхъ фактами

¹⁾ Т. е. въ королевствѣ польскомъ.

²⁾ Шайноха, Кароль „Dwa lata dziejów naszych, 1646—1648“. 1865.

³⁾ Кубала, „Лудовикъ, современный польскій историкъ.“

⁴⁾ „Historja panowania króla Władysława IV przez Kajet Kwiatkowskiego“. Варш. 1825.

⁵⁾ „Historia Vladislai Poloniae et Sveciae principis“ etc. 1636.

⁶⁾ Обуховичъ, Филиппъ († 1657 г.) — польскій дипломатъ въ Россіи и Венедіи. Оставлялъ „Діаріушъ“ или дневникъ, продолженный, послѣ его смерти, его сыновьями. Существуетъ и русскій его переводъ (Кіевъ, 1863).

«Dziejów»¹⁾ Шуйскаго, ни даже въ обильныхъ матеріалахъ главнаго варшавскаго архива — не найдемъ выясненія небывалаго, но во всякомъ случаѣ страннаго, протеста сеймовыхъ представителей противъ распространившейся съ того времени молвы «глупой черщи» о самозванцѣ Янѣ-Фаустинѣ Лубѣ.

Несецкій въ Гербовникѣ (т. III, 156)²⁾, упоминая о Лубахъ, герба Лубичъ изъ Равы и Подляся и приводя имя Яна-Фаустина Лубы, ссылается единственно на постановленіе сейма 1646 года, но ближайшихъ подробностей о личности самозванца не помѣщаетъ.

Шуйскій въ сочиненіи о Маринѣ Мнишекъ и о самозванцахъ (т. I, стр. 375 «Dziel») глухо упоминаетъ о какомъ-то таинственномъ юношѣ, котораго, будто бы защищалъ Владиславъ IV и котораго выдачи тщетно домогался царь Алексѣй Михайловичъ. Изъ дальнѣйшаго однако упоминанія историка о судьбѣ этого самозванца, выданнаго якобы, посредствомъ шведскаго двора и убитаго при Янѣ-Казимирѣ, подъ Кремлемъ, оказывается, что Шуйскій, очевидно, имѣлъ въ виду исторію извѣстнаго Тимошки Анкудинова, мнимаго сына царя Ивана Васильевича Шуйскаго³⁾, о которомъ Лякомбъ, въ переводѣ Григорія Княжевича «Исторія переворотовъ въ государствѣ Россійскомъ» (Варшава 1766, стр. 33) пишетъ подробно, но который никакой связи съ исторіей нашего Лубы не имѣлъ.

Вотъ, что говорится у Княжевича:

«Примѣръ суровости и жестока мученія, отъ которыхъ погибли обманщики, не могъ положить предѣла безумію новаго измѣнника, который, подъ вымышленнымъ именемъ, претендовалъ на царскій престолъ. Правда, что онъ не принялъ на себя личности вымышленныхъ Димитріевъ, но возмнилъ себя сыномъ Ивана Васильевича (?) Шуйскаго. На самомъ же дѣлѣ назывался Тимошкою и былъ сыномъ одного купца изъ Вологды. Епископъ помянутаго го-

¹⁾ „Dzieje Polsk.“ .I. 1862—65, 4 т.

²⁾ Несецкій, Кацперъ, іезуитъ, знаменитый польскій геральдикъ.

³⁾ Здѣсь очевидная обмолвка. Тимошка Анкудиновъ (четвертованъ въ Москвѣ въ 1653 г.) дѣйствительно выдавалъ себя за сына царя Шуйскаго (1606—1610), но послѣдняго авали Василіемъ Ивановичемъ

рода, видя въ юношѣ особенныя качества, пожертвовалъ своею пріязнью и благожелательствомъ къ нему дотого, что выдалъ за него свою вшучку. Человѣкъ этотъ, возвышенный надъ своимъ словіемъ, пресыщался благами, выдумалъ несбыточное государство, подъ вліяніемъ высокихъ своихъ мыслей началъ дѣлать расходы, и въ короткое время промоталъ свое состояніе. Чтò же затѣмъ оставалось дѣлать горделивому нищему? Онъ задушилъ свою жену, заперши въ чрезмѣрно горячей банѣ. Убѣжалъ на Украину, гдѣ употребилъ всѣ силы, чтобы пріобрѣсти расположеніе казацкаго предводителя Хмѣльницкаго. Какъ же въ короткое время онъ достигъ своихъ замысловъ? Собралши довольно сильное войско, онъ направился на Москву и овладѣлъ нѣсколькими значительными городами. Сначала весь народъ принялъ его сторону, но вскорѣ, познавши обманъ, съ поспѣшностью его оставилъ. Потомъ обманщикъ, не имѣя возможности рассчитывать на свои силы, убѣжалъ въ Константинополь и тамъ потурчился. Не долго, однако, тамъ оставался: нѣкоторыя, содѣянные имъ, преступленія снова заставили его искать для себя защиты. Отправился въ Италію, принялъ католическую вѣру, переселился въ Вѣну, потомъ въ Трансильванію, наконецъ, въ Швейцарію. Всю почти Европу привелъ въ негодованіе безпокойнымъ образомъ мыслей и повсюду возбуждаемымъ интригами. Схваченному въ Ревелѣ, въ Лифляндіи, ему удалось убѣжать изъ тюрьмы и достигнуть Брюсселя, а оттуда — Лейпцига, гдѣ онъ присталъ къ сектѣ лютеранской. Наконецъ, голштинскій князь, узнавъ о пребываніи его въ своихъ владѣніяхъ и о замѣшательствѣ, которое онъ замышлялъ, приказалъ его схватить и, связавъ, отослать въ Москву. Безбожникъ этотъ никогда не переставалъ утверждать, что онъ сынъ Шуйскаго; даже передъ своею матерью и близкими родственниками онъ отваживался безстыдно поддерживать свой обманъ, пока уже, уличенный очевидною правдою, онѣмѣлъ и ни одного словечка не вымолвилъ въ жесточайшихъ мученіяхъ. Позорная смерть была заслуженнымъ наказаніемъ безбожнаго плутовства и справедливымъ концомъ его безбожности».

«Вознамѣрившись выяснитъ историческій фактъ, оставленный предшественниками, я рѣшился», говоритъ г-нъ Краусгаръ, «до

тѣхъ поръ рыться въ современныхъ источникахъ, касающихся эпохи Владислава IV, пока не попаду на какой-либо слѣдъ, по тропинкѣ котораго было бы можно добраться до зерна правды и до тѣхъ причинъ, которыя своими послѣдствіями отразились въ извѣстномъ уже намъ сеймовомъ рѣшеніи».

«Въ рукописномъ дневникѣ сейма 1646 г., находящемся въ библиотекѣ ординатовъ Замойскихъ въ Варшавѣ (№ рукоп. 858), не находимъ никакого упоминанія о дѣлѣ Лубы. Пересмотрѣвъ всѣ извѣстные каталоги печати и рукописей польскихъ, я равнымъ образомъ не встрѣтился съ этимъ именемъ, пока лишь въ польскомъ переводѣ «Memoirale» литовскаго канцлера кн. Альбрехта Радзивилла (изд. Рачинскаго, Познань, 1839 г.), во II томѣ, на стр. 149, подъ сентябрь мѣсяцемъ 1644 г., не отыскалъ первый, столь желаемый, слѣдъ переговоровъ по дѣлу Лубы, и слѣдъ этотъ послужилъ для меня въ дальнѣйшемъ путеводною нитью».

«Почти весь мѣсяць», пишетъ авторъ памятника, «съ московскими послами продолжались переговоры, которыхъ едва не прервалъ такой случай:

«Одинъ русскій священникъ ходилъ, будто бы, въ Москву и великаго князя Михаила Ѳеодоровича увѣрилъ, что въ Польшѣ находится какой-то дворянинъ, который считаетъ себя наслѣдникомъ Димитрія и титулуется царемъ. Въ доказательство этого онъ показалъ письмо дворянина, въ коемъ тотъ подписался царемъ. Вслѣдствіе сего князь отправилъ своимъ посламъ указъ, дабы они никакихъ условій не принимали, только, чтобы дворянинъ былъ выданъ».

«Въ Варшавѣ почти уже были закончены переговоры, когда московскіе послы внесли новое предложеніе, домогаясь выдачи помянутаго дворянина. Король, хорошо зная этого дворянина подляскаго и семейство Лубовъ и зная также о его невинности, никакимъ образомъ не хотѣлъ его выдать. Послы, бросивъ переговоры, хотѣли уѣхать, и едва согласились на то, чтобы Луба, съ нашимъ посломъ, брацлавскимъ каштеляномъ, былъ препровожденъ къ царю».

«Начало же этой комедіи было таково:

«Когда король Сигизмундъ воевалъ съ Москвою, канцлеръ ве-

ликаго княжества Литовскаго Сапѣга, съ цѣлью запугать непріятелей, этого Лубу, молодаго человѣка, приказалъ называть царемъ. Это-то обстоятельство, переданное священникомъ царю, и было причиною замѣшательства».

«Такимъ образомъ, нашедши вполне надежный опорный пунктъ, я началъ дальнѣйшіе розыски по мѣстнымъ источникамъ. Но когда они оказались тщетными, мнѣ осталось лишь обратиться къ источникамъ русскимъ, дабы изъ содержанія переговоровъ послѣвъ царя Михайла Ѳеодоровича съ сенаторами Рѣчи Посполитой въ 1614 г. собрать ближайшія свѣдѣнія о судьбѣ Лубы».

Розысканія эти дали вполне удовлетворительный результатъ.

Въ «Исторіи Россіи» за время царствованія Михайла Ѳеодоровича и Алексѣя Мпхайловича, составляющей IX и X томы общей исторіи этого государства, написанной, покойнымъ уже, Сергѣемъ Соловьевымъ (М. 1868 и 1869), я напелъ упоминаніе о судьбѣ мпмаго самозванца Яна-Фаустина Лубы, основанное на рукописныхъ источникахъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ.

Кто знакомъ съ писательскою манерою Соловьева—говорить въ текстѣ языкомъ источниковъ съ приведеніемъ не разъ цѣлыхъ выписокъ и даже разговоровъ и переговоровъ между послами, тщательно переданныхъ секретаремъ посольства и—знаетъ также, что доступъ до самага архива въ Москвѣ не особенно легокъ, тотъ не имѣетъ повода сердиться на русскаго историка, если даже найдетъ въ его исторіи маловажныя подробности, выписанныя изъ манускриптовъ лѣтописнымъ способомъ. Онъ можетъ считать текстъ его исторіи за дѣйствительную лѣтопись, за перепись подлинныхъ источниковъ, но настолько достовѣрную, что, не обращаясь къ повѣркѣ, можетъ пользоваться имъ, какъ источникомъ непосредственнымъ.

Соловьевъ ссылается въ дѣлѣ Лубы на нумера картоновъ (связокъ) дѣлъ польскихъ московскаго архива: 49, 58, 66, 67, на рукопись синодальной библіотеки, Анастасія Филипповича, наставника Лубы, на акты историческіе т. III, №№ 246, 297, и на новый лѣтописецъ, изданный со списка князя Оболенскаго и въ текстѣ приводить содержаніе этого матеріала.

Затѣмъ, въ изданномъ Батюшковымъ, въ 1885 г., въ Петер-

бургѣ, сборникѣ «Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ», г. Сигизмундъ Вольскій указалъ мнѣ ст. г. Алексѣя Станкевича: «Игумень Аѳанасій Филипповичъ и Янь Луба», содержащую, кромѣ свѣдѣній о нашемъ Лубѣ, собранныхъ ранѣе Соловьевымъ, еще одинъ неизвѣстный, чрезвычайно важный, архивный источникъ — родословную Яна-Фаустина Лубы, представленную царю Алексѣю Михайловичу 23-го іюля 1645 г., въ коей заключаются показанія подъ присягою двѣнадцати дворянъ, близкихъ родственниковъ мнимаго самозванца. Этотъ-то собственно документъ, проливая яркій свѣтъ на источникъ возникновенія слуха о самозванствѣ Лубы, спасаетъ въ глазахъ историка чрезвычайно слабый по содержанию и по обработкѣ литературный трудъ г-на Станкевича и дѣлаетъ его для исторіи нашего темнаго героя весьма желательнымъ приобрѣтеніемъ.

Согласно съ вышеизложенными указаніями, дополненными впоследствии рукописными подробностями изъ сборниковъ бібліотекъ Оссолинскихъ во Львовѣ и орд. Замоискихъ въ Варшавѣ, касающимися посольства брацлавскаго каштеляна Габріеля Стемпковскаго въ Москву, въ 1645 г., а также — опредѣленіями Шретскаго сеймика, относящимися къ той же эпохѣ, я представляю любопытный рассказъ о судьбѣ и ходѣ дѣла Яна-Фаустина Лубы, проливающий яркій свѣтъ на конецъ царствованія Владислава IV и на закулисныя дѣла варшавскаго сейма 1646 г., котораго послѣдствіямъ суждено было отразиться, въ непродолжительномъ времени, въ смутныхъ эпизодахъ возстанія Хмѣльницкаго.

I.

Традиція дворянскаго юмора.—Дмитрій Луба.—Сирота Янь-Фаустинь.—Гетманская шутка.—Отголоски о самозванцахъ.—Тимошка Анкудиновъ.—Споръ о Трубчевскѣ.—Донось въ Москву.—Посольство Львова, Пушкина и Волошенинова.—Приѣздъ короля.—Жалобы царскихъ пословъ.—Требованіе выдачи Лубы.—Перерывъ переговоровъ.

Веселый характеръ не оставлялъ дворянскаго сословія даже въ такихъ обстоятельствахъ и дѣлахъ, которыя совсѣмъ не имѣли юмо-

ристического отбѣнка. Тотъ грубый юморъ, какимъ дворянство обыкновенно кончало всякія разсужденія на сеймикахъ, которыя и по нынѣ еще остаются характеристичнымъ отраженіемъ народнаго настроенія, привыкшаго смягчать и сглаживать самыя чувствительныя пораженія хорошо придуманнымъ и остроумно высказаннымъ каламбуромъ, тотъ добрый шляхетскій юморъ, который вызвалъ возникновеніе Бабинской республики ¹⁾ и вывелъ на арену исторіи имя почтеннаго и ни въ чемъ не повиннаго Бандуры Слупскаго, въ качествѣ кандидата на тронъ Ягеллоновъ ²⁾, этотъ же самый дворянскій юморъ сдѣлалъ достояніемъ исторіи и имя Яна-Фаустина Лубы, и этотъ Луба едва не сдѣлался какъ для себя самого, такъ и для республики причиною печальной катастрофы.

Въ рядахъ ополченія, которое вмѣстѣ съ Димитріемъ самозванцемъ и воеводою Мнишкомъ направилось въ Москву, находился дворянинъ по имени Димитръ-Михалъ Луба. Происходилъ онъ изъ Подлясья, гдѣ вмѣстѣ съ своими братьями: Николаемъ-Павломъ Лубою, Маркомъ Лубою, Мартиномъ-Казиміромъ Лубою и Михаиломъ-Константиномъ Лубою, владѣлъ имѣніями Ставы и Сенявы на Бугѣ. Жена его, урожденная Мысловская, носила имя Марипы и тоже происходила изъ Подлясья. Во время происшедшаго въ

¹⁾ Въ 1568 г. владѣлецъ дер. Бабинъ (въ 2 $\frac{1}{2}$ мил. отъ Люблина, по дорогѣ изъ Белжице въ Краковъ) Станиславъ Пшонка, вмѣстѣ съ другомъ своимъ, люблинскимъ судьей, Петромъ Кашовскимъ, образовалъ сатирическое общество, названное «Бабинскою республикою», по примѣру Польской республики, съ дѣлю имѣть вліяніе, посредствомъ тонкихъ шутокъ и насмѣшекъ, на исправленіе нравовъ народа и отдѣльныхъ лицъ. Мѣсто публичныхъ собраній въ Бабинѣ называлось «Геддою» (биржею), и каждое собраніе вело свой протоколъ. Общество имѣло свои уставы, короля и сановниковъ (архіепископовъ, епископовъ, сенаторовъ, гетмановъ, воеводъ и т. д.). Кто отличался болтливостью, того избирали въ капилеры, кто хвастался своимъ мужествомъ, того избирали въ гетмавы, расточительнаго — въ казначей и т. п. Дипломы на подобныя должности рассылались по всей Польшѣ. Передовые люди того времени (какъ-то Янъ Кохаховскій, Николай Рей изъ Нагловицъ, Сенцъ) и самыя высшія чины въ государствѣ (напр., гетманъ Янъ Замоискій) не отказывались принимать ихъ. По смерти основателя, Пшонки поддерживали эту республику до 1677 г. Совершенно она исчезла при Янѣ Собѣскомъ.

²⁾ Слупскій Бандура — смѣшная личность простака, которую избиратели короля, послѣ смерти Сигизмунда-Августа (1572 г.), желали произвести въ короли, ради насмѣшки. Этой личности Юлианъ Бартошевичъ въ X т. своихъ сочиненій посвятилъ отдѣльный этюдъ — «Slupski Bandura kandydat do korony polskiej».

Москвѣ мятежа, Дмитръ-Михалъ Луба былъ убитъ, жена же его, съ малолѣтнимъ сыномъ Яномъ-Фаустиномъ, была заключена въ тюрьму въ Москвѣ, гдѣ и умерла.

Около 1619 г. воевода Вѣлинскій, взявши съ собою сироту Яна-Фаустина, возвратился въ Польшу. Гетманъ Сапѣга, желая почтить память убитаго, опекалъ сироту и, принявъ его на свой дворъ, поручилъ воспитаніе его русину Анастасію Филипповичу.

Извѣстно, что гетманъ, великій покровитель наукъ и филантропъ, былъ отцомъ для своихъ крѣпостныхъ. Въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ на Литвѣ онъ устроилъ для нихъ училища. Занимаясь судьбою Лубы, въ шуткахъ, какъ сына Марины, называлъ его по имени отца Дмитровичемъ. Слыша это, глупая чернь пришла къ заключенію, что этотъ Дмитровичъ — вѣроятно, таинственный сынъ Марины, о которомъ постоянно въ то время ходили слухи, будто бы онъ укрывается въ Польшѣ, у магнатовъ.

Подросши, Янъ-Фаустинъ Луба не оставлялъ своего опекуна и путешествовалъ съ нимъ въ далекую Русь. Не имѣя призванія къ военной службѣ, Луба поступилъ писаремъ въ роту пана Осинскаго. Толкаясь по дворамъ пановъ, молодой Луба постоянно былъ предметомъ насмѣшекъ дворни, которая его часто называла царемъ Дмитровичемъ.

Это было въ то время, когда вѣсти о самозванцахъ еще не прекратились. Въ 1639 г., посланный въ Польшу, царскій гонецъ Иванъ Плаксидинъ, изъ Новгорода доносилъ царю, что слышалъ отъ корреспондента, бывшаго при королевскомъ дворѣ, венгерца Миклаша Георги, будто король очень желаетъ добыть московскій великокняжескій престолъ и отдать его самозванцу, тайно находящемуся у него, что даже при королевскомъ дворѣ укрываются двое самозванцевъ: одинъ именуется сыномъ Василя Шуйскаго, другой же, будто бы, сынъ Гришки Отрепьева и Марины — скрывается въ Брестѣ-Литовскомъ.

Царь Михайлъ Ѳеодоровичъ отправилъ, 1640 г., въ Польшу Ивана Степановича Кадашева, переодѣтаго купцомъ, съ порученіемъ собрать ближайшія свѣдѣнія «о ворахъ». Въ 1642 г. гонецъ возвратился съ новостями, подтверждавшими донесенія Плаксидина, при чемъ сообщилъ, что венгерецъ Миклашъ беретя за 1.000 руб.

доставить одного изъ самозванцевъ въ Ригу, и оттуда въ Псково-Печерскій монастырь, гдѣ его можно будетъ посадить въ тюрьму и умертвить.

Предложеніе венгерца было отвергнуто.

Такими разнообразными извѣстіями задумали воспользоваться люди, которые жаждали снискать благоволеніе московскаго великокняжескаго двора. И, вотъ, во время пребыванія московскихъ пословъ при дворѣ Владислава IV, съ цѣлію окончательнаго установленія границъ и окончанія извѣстнаго трубчевскаго дѣла, королевскіе дворяне, желая оказать на пословъ давленіе, чтобы они были уступчивѣе, пригрозили имъ, въ случаѣ разстройства переговоровъ, поднять дѣло самозванца. Царскіе послы уѣхали въ Москву съ донесеніями о сдѣланныхъ имъ угрозахъ.

За ними поспѣшилъ нѣкій русскій священникъ съ письменными доказательствами, что дѣйствительно въ Польшѣ находятся обманщики, именующіе себя царевичами, и что магнаты обѣщаютъ имъ помощь для возврата великокняжескаго престола.

Во время этихъ интригъ Янъ-Фаустинъ Луба, не проявляя совершенно любви къ приключеніямъ и къ военному дѣлу, а желая лишь поступить въ духовное званіе, проживалъ совершенно спокойно въ Брестъ-Литовскомъ, у пана Осинскаго, писаремъ.

Царь Михайлъ Ѳеодоровичъ, получивъ отъ своихъ пословъ увѣдомленіе о распространившихся въ Польшѣ вѣстяхъ, въ 1643 г., отправилъ къ Владиславу IV посольство: боярина Алексѣя Михайловича Львова, думнаго дворянина Пушкина и дьяка Волошенина, съ инструкціями относительно разграниченія литовскихъ земель отъ великокняжескихъ, равно какъ и относительно выясненія дѣлъ о самозванцахъ.

Сенаторы отрицали, чтобы самозванцы укрывались въ Польшѣ. Когда однакоже послы, сославшись на представленныя имъ въ этомъ дѣлѣ доказательства, начали домогаться производства дознанія, король Владиславъ IV, для котораго много значило поддержаніе добрыхъ сосѣдскихъ отношеній съ царемъ, ради снисканія союза съ нимъ-въ готовившейся въ то время войнѣ противъ татаръ и турокъ, приказалъ удовлетворить желаніе пословъ. И дѣйствительно, спустя нѣкоторое время, сенаторы объявили, что, въ са-

момъ дѣлѣ, когда-то къ подскарбію Даниловичу прибылъ какой-то человекъ, именующій себя Семеномъ Шуйскимъ, но подскарбій, убѣдившись, что это обманщикъ, велѣлъ его высѣчь и прогнать отъ себя.

Что же касается другаго самозванца, то признали, что дѣйствительно въ ротѣ пана Осинскаго служатъ писаремъ какой-то человекъ, котораго, шутя, называютъ царемъ Димитровичемъ, но что человекъ тотъ самъ совершенно не признаетъ этого титула, не виновный, спокойнаго характера и сильно желаетъ одного — поступить въ монастырь.

На это объясненіе московскіе послы отвѣчали:

— Очень насъ удивляетъ, что вы, паны радные, отринувъ страхъ Божій и стыдъ людской, забывъ о святости договора, принимаете у себя такихъ обманщиковъ. Мы знаемъ положительно, что этимъ обманщикамъ, въ силу рѣшенія сейма, выдается содержаніе, и мы сами, ѣдучи сюда, узнали въ Брестѣ-Литовскомъ отъ прислуги нашей, что тамъ укрывается одинъ изъ этихъ обманщиковъ, что онъ не только именуется царевичемъ, но даже подписывается этимъ титуломъ на письмахъ, которыхъ много въ нашихъ рукахъ.

Сенаторы отвѣтили, что немедленно прикажутъ привести того человека изъ Бреста и поставить передъ послами.

Въ это время прибылъ изъ Кракова въ Варшаву король Владиславъ IV. Къ нему явились царскіе послы съ заявленіемъ, что во время ихъ послѣдняго пребыванія въ Краковѣ, придворные грозили имъ, что вскорѣ царевичъ Димитрій вступитъ въ Москву во главѣ «запорожскихъ черкесовъ» и начнетъ войну за престоль.

Вызванный къ королю, панъ Осинскій явился передъ послами съ заявленіемъ, что человекъ, котораго стараются убѣдить — будто онъ царевичъ—всего менѣе обманщикъ, что живетъ онъ у него за писаря, спокойнаго характера, полякъ, ни о какомъ царствѣ не думаетъ, а стремится уйти въ монастырь.

— Если этому не вѣрите, сами допросите его. Онъ нарочно съ этою цѣлью приведенъ въ Варшаву, но выдать его вамъ нельзя, ибо онъ польскій шляхтичъ. Это было бы грѣхъ передъ Богомъ и стыдъ передъ людьми.

Допрошенный въ присутствіи сенаторовъ и царскихъ пословъ, Луба заявилъ: царевичемъ онъ не былъ и не есть, титула такого себѣ не присваиваетъ, зовется Яномъ-Фаустиномъ Дмитріевичемъ Лубою. Отецъ его былъ шляхтичемъ на Подлясьѣ, взявъ его маленькимъ въ Москву. Когда Дмитръ Луба былъ убитъ, сироту Яна-Фаустина взялъ въ опеку панъ Бѣлинскій и въ шутку именовалъ его Дмитровичемъ, сыномъ Марины. Затѣмъ, по приказанію короля Сигизмунда, отдалъ его ко двору гетмана Сапѣги, назначивъ 600 золотыхъ жалованья въ годъ ¹⁾. Сапѣга отдалъ мальчика въ Семеновскій монастырь въ Брестъ-Литовскомъ, игумену Анастасію, учиться по-русски, по-польски и по-латыни. Во время перемирія уменьшена ему субсидія до 100 золотыхъ въ годъ, а когда наступилъ вѣчный миръ, объ немъ совсѣмъ забыли, и онъ скитается по дворянскимъ дворамъ то писаремъ, то учится, но надежда поступить въ духовное званіе, въ монастырь, не покидаетъ его ни на минуту.

Царскіе послы, выслушавъ эти слова, заявили:

— Несмотря на то, что этотъ обманщикъ отрицаетъ, что именуется царевичемъ, мы имѣемъ тутъ его письмо, данное намъ игуменомъ Анастасіемъ, гдѣ онъ подписался царевичемъ.

Канцлеръ Оссолинскій, присутствуя при допросѣ, предъявилъ письмо Лубы, которое тотъ призналъ за свое. Канцлеръ, прочитавъ письмо, сказалъ:

— Мальчикъ этотъ тутъ подписался Яномъ-Фаустиномъ Дмитровичъ, но царевичемъ себя не назвалъ.

Послы отвѣчали:

— Въ письмѣ томъ значитъ, что оно было писано у царевича на обѣдѣ, въ царевичевой квартирѣ. Вотъ, видите, паны рада, вы говорите неправду. Оспариваете то, чтѣ написано. Хитрость ваша ясна. Безъ вашего вѣдома и приказа короля какъ же бы обманщикъ смѣлъ подписаться такимъ высокимъ титуломъ?

На то паны рада отвѣчали:

— Еслибы онъ писался и именовался царевичемъ, то не подписался бы польскимъ именемъ Янъ; если же въ письмѣ говорится

---

¹⁾ У Соловьева („Ист. Рос.“, IX, 1875, 310) ошибочно 6.000 золотыхъ.

о царевскомъ (sagewskim), то часто случается, что мѣстности и деревни называются такимъ именемъ ¹⁾.

— Неужели вамъ не стыдно, господа совѣтники, такъ заступаться за обманщика и не хотѣть выдать его намъ на руки?

— Не считаемъ его за обманщика, отвѣчали сенаторы, — и ничего злаго противъ вашего государя не замышляемъ. Царевичемъ этого человѣка не признаемъ, но выдать его вамъ — не выдадимъ, ибо онъ польскій дворянинъ.

Царскіе послы остались при своемъ, сенаторы — тоже при своемъ. Впрочемъ, послѣдніе согласились на одну уступку — обѣщали помѣстить въ конституціи сейма увѣреніе какъ въ отношеніи Лубы, такъ равно и въ отношеніи кого бы то ни было — никакихъ интригъ противъ Московскаго государства не допускать.

На это царскіе послы возразили:

— Хотя бы со стороны того обманщика ни въ Польшѣ, ни на Литвѣ ничего противъ насъ возбуждено не было, то для выполненія своего разбойническаго замысла онъ готовъ поѣхать куда бы ни было и — оттуда, при помощи разбойниковъ-казаковъ, начать интриги и мятежи, а что же тогда будетъ?

— Дадимъ подписку съ печатями, отвѣтили сенаторы, — что ничего этого не будетъ.

— Этому нельзя вѣрить, сказали послы, — ибо даже и теперь замышляется интрига. Когда мы были въ Краковѣ, то приходили къ намъ придворные съ угрозами, что если мы не будемъ согласны на уступки, то противъ насъ выступитъ Димитровичъ съ черкесами.

— Король, отвѣтили сенаторы, — приказалъ произвести касательно этого разслѣдованіе, и за такія слова виновные будутъ наказаны.

Несмотря на такія увѣренія, послы отъ своего домогательства, чтобы Луба былъ имъ выданъ, отказаться не хотѣли. Сенаторы на выдачу дворянина также никоимъ образомъ не соглашались, и на томъ переговоры прервались.

---

¹⁾ Дѣйствительно находится въ Слуцкомъ уѣздѣ (Минской губ.) деревня Царево (Слов. географ., I, 526.

II.

Тайственный знакъ. — Сенаторская ревизія. — Царскіе послы домогаются казни Лубы. — Переговоры. — Высылка Лубы въ Москву. — Приключенія датскаго королевича. — Неожиданное затрудненіе. — Прибытіе посла Стемпковскаго. — Требованіе выдачи Лубы.

Между доводами противъ Лубы, приводимыми царскими послами, былъ и такой: по донесенію шпионовъ, Луба долженъ былъ имѣть выжженную на шеѣ надпись, которая, будто-бы, свидѣтельствовала о царскомъ его происхожденіи отъ Димитрія-самозванца.

Сенаторы предложили раздѣть Лубу и, убѣдившись въ неосновательности упрека, возобновили съ царскими послами переговоры:

— Вы говорили намъ, — сказали они посламъ, — будто у Лубы на шеѣ выжженное пятно. Если дѣйствительно есть такой знакъ, то онъ будетъ служить доказательствомъ его обмана, и въ такомъ случаѣ мы не будемъ за него заступаться и выдадимъ его вамъ. Имѣеть такое пятно обманщикъ или нѣтъ?

Послы отвѣтили:

— Мы этого не знаемъ. Мы слышали объ этомъ отъ вашихъ людей.

— Вотъ такого-то пятна Луба не имѣеть и никогда не имѣлъ!

На это послы отвѣчали:

— Хотя бы даже и не имѣлъ, однакоже именуеть себя царевичемъ, и за это одно надобно вамъ его казнить!

Паны возразили:

— Богъ свидѣтель, что этотъ дворянинъ царевичемъ себя не называлъ. Если мы неправду говоримъ, пусть насъ Богъ покараетъ душевно и тѣлесно!

— Трудно этому повѣрить, отвѣчали послы, — а вамъ, господа совѣтники, какъ бы то ни было, слѣдуетъ или казнить обманщика, или отослать съ королевскимъ дворяниномъ къ нашему государю.

Послѣ продолжительныхъ хлопотъ остановились на томъ, чтобы

царскіе послы отправили отъ себя гонца въ Москву за указомъ— какъ слѣдуетъ поступить? Причемъ сенаторы упрашивали убѣдить великаго князя въ невинности Лубы, который несомнѣнно уйдетъ въ монастырь и тамъ внимательно будетъ стеречься. На это не хотѣли согласиться послы:

— Намъ этого сдѣлать нельзя уже потому, что хотя бы даже обманщикъ сталъ монахомъ, то никто ему не запретить интриговать далѣе; Гришка Отрепьевъ былъ также постриженъ. Только такіе плуты для нашего государя не страшны, никто имъ въ Московскомъ государствѣ не повѣритъ, а мы лишь для того объ этомъ упоминаемъ, что для злодѣевъ духовный санъ не успокоеніе. Только смерть можетъ его успокоить!

— Король приказалъ, — говорили паны, — этого Лубу отправить съ приставомъ въ Мальборскую (Маріенбургскую) крѣпость. Просидитъ онъ тамъ, въ башнѣ, три или четыре года, или сколько государю вашему будетъ угодно, и какъ онъ отсидитъ извѣстное время и сдѣлается ксендзомъ, тогда уже ни о чемъ зломъ думать не будетъ, и мы вамъ дадимъ въ томъ укрѣпленье за руками и печатами.

И это предложеніе было отвергнуто послами.

Король Владиславъ IV, узнавъ о безуспѣшности переговоровъ, послѣ продолжительнаго совѣщанія съ сенаторами, рѣшилъ отослать Лубу съ ближайшимъ посольствомъ въ Москву, для того чтобы царь, лично убѣдившись въ невинности мнимаго самозванца, дѣло его считалъ оконченнымъ и не тянулъ со спорами объ установленіи границъ.

Польша тогда находилась въ исключительномъ мирномъ положеніи какъ внутри, такъ и извнѣ, со стороны своихъ сосѣдей.

Король былъ заинтересованъ, чтобы установить согласіе съ царемъ Михайломъ Феодоровичемъ. Онъ даже готовъ былъ пожертвовать достоинствомъ Рѣчи Посполитой, лишь бы удовлетворить желаніе царя и такимъ образомъ имѣть его на своей сторонѣ въ предполагаемыхъ военныхъ планахъ противъ турокъ и татаръ.

Тѣмъ болѣе король могъ согласиться на отсылку Лубы въ Москву, что считалъ его за такую ничтожную фигуру, которая самою своею внѣшностію должна была устранить въ глазахъ царя всякое

подозрѣніе и возвратить свободу несчастной жертвѣ дворянской шутки.

Такое условіе отсылки Лубы на Русь король поставилъ, черезъ сенаторовъ, московскимъ посламъ предъ ихъ отъѣздомъ изъ Польши.

Послѣдніе требовали отъ сенаторовъ письменнаго поручительства, что Луба будетъ доставленъ въ Москву безъ замедленія съ польскимъ посольствомъ.

Поручительство это было дано, послѣ чего царскіе послы уѣхали въ Москву. Царь съ удовольствіемъ услышалъ объ успѣшномъ результатѣ переговоровъ и князя Львова, думнаго Пушкина и дьяка Волошенинова одарилъ за ихъ труды драгоценными подарками.

Одновременно съ тѣмъ, когда при царскомъ дворѣ должна была рѣшиться участь злополучнаго Лубы, другая не менѣ несчастная жертва судьбы, изнывая, выжидала въ Москвѣ минуты своего освобожденія.

Въ 1640 г. царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, слѣдуя примѣру царя Бориса Годунова, который стремился выдать замужъ за датскаго королевича дочь свою Ксенію, отправилъ въ Данію Петра Марселиса, датскаго агента, съ предложеніемъ прибытія въ Москву, для обрученія съ царевной Ириной, датскаго королевича Вальдемара, сына Христіана IV отъ морганатическаго брака съ графинею Мункъ. Датскій дворъ охотно согласился на этотъ бракъ съ дочерью могущественнаго сѣвернаго повелителя и, въ октябрѣ 1643 г., королевичъ Вальдемаръ, съ большою свитою, двинулся чрезъ Гданскъ (Данцигъ) и Вильно въ Москву.

Королевскій дворъ въ это время охотился въ Вильнѣ. Въ теченіе двухъ недѣль происходили великолѣпныя празднества, среди которыхъ король, королева, епископъ вроцлавскій (бреславльскій) Карлъ-Фердинандъ, королевичъ и литовскіе магнаты наперерывъ оказывали датскому гостю почтеніе, желая такимъ образомъ не только заслужить расположеніе Христіана IV, но и вступить въ тѣсныя отношенія съ зятемъ могущественнаго повелителя Михайла Ѳеодоровича.

Въ декабрѣ 1643 г. королевичъ Вальдемаръ переѣхалъ русскую границу, встрѣченный въ Псковѣ бояриномъ Юріемъ Сидкимъ съ дьякомъ Шипулинымъ и радостно привѣтствуемый народомъ.

По прибытіи въ Москву, въ январѣ 1644 г., гостя принялъ царевичъ Алексѣй въ Грановитой палатѣ, а за симъ послѣдовалъ пріемъ и у царя Михаила.

Молодой королевичъ очень пришелся по душѣ царю, но, какъ оказалось послѣ, Вальдемаръ ставилъ условіемъ своего брака съ Ириною сохраненіе своей лютеранской вѣры, на что царь Михаилъ не могъ согласиться.

Переговоры по сему предмету продолжались весь 1644 годъ, но не привели къ соглашенію.

Когда королевичъ, не ожидая отвѣта короля Христіана, задумалъ тайно оставить Москву, а свита его даже допустила насилие противъ прислуги, которая была приставлена въ его дворцѣ, разгнѣванный царь Михаилъ приказалъ задержать королевича до тѣхъ поръ, пока придетъ изъ Даніи рѣшительный отвѣтъ.

Среди такихъ обстоятельствъ прибылъ, въ ноябрѣ 1644 г., въ Москву, въ сопровожденіи дворянъ, польскій посоль Габріель Стемпковскій, снабженный королевскою инструкціею какъ по дѣлу Яна-Фаустина Лубы, такъ равно и по дѣлу королевича Вальдемара, за котораго отецъ его Христіанъ IV уже предварительно ходатайствовалъ предъ Владиславомъ IV.

Независимо отъ дѣлъ Лубы и Вальдемара, Стемпковскому поручено было заключить съ царемъ Михаиломъ союзъ противъ татаръ, горячо поддерживаемый канцлеромъ Оссолинскимъ.

Посольская свита была принята въ Москвѣ очень гостеприимно.

Посла помѣстили во дворцѣ князей Петра и Ивана Пожарскихъ, гдѣ въ двухъ избахъ приказано было обить краснымъ сукномъ стѣны и лавки, равно какъ новую же обивку велѣно сдѣлать въ предназначенной для свиты деревянной избѣ при дворцѣ.

Въ своемъ письмѣ къ царю король просилъ освободить невиннаго Лубу, но бояре въ самомъ началѣ потребовали выдачи вора его царскому величеству, который рѣшить его участь.

Стемпковскій объяснилъ, что онъ долженъ держаться королевской инструкціи, которая не соглашается на выдачу Лубы.

Объ этомъ бояре сообщили своему государю, и тотъ приказалъ объявить польскому послу, что если Луба не будетъ немедленно выданъ, то бояре и думные царскіе люди не стануть толковать со

Стемпковскимъ ни о какихъ дѣлахъ и объясненій его не будутъ слушать.

Тогда Стемпковскій, видя, что не только можетъ разстроиться дѣло союза противъ татаръ, но даже можетъ возникнуть вражда противъ Польши, просилъ, чтобы ему позволено было отправить гонца въ Варшаву, на сеймъ, за указаніями. На это царь Михайль согласился и одновременно послалъ Владиславу IV письмо, въ которомъ писалъ, что поляки до сихъ поръ не отдали Трубчевска и другихъ уступленныхъ земель, что посолъ Стемпковскій отказывается выдать Лубу, бьетъ челомъ, чтобы этого вора не казнили. «но намъ, великому государю, безъ выдачи вора некого будетъ ни простить, ни казнить; слѣдуетъ затѣмъ выдать намъ вора, а когда это будетъ сдѣлано, тогда мы исполнимъ вашу просьбу, если признаемъ возможнымъ».

III.

Двѣ грамоты изъ Польши. — Хлопоты посла Стемпковского. — Недораумѣнія между Стемпковскимъ и боярами. — Смерть царя Михаила Феодоровича. — Освобожденіе датскаго принца. — Споръ о титулѣ. — Освобожденіе Лубы.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъѣзда гонца, въ іюнѣ 1645 г., пришли изъ Варшавы два посланія: одно отъ короля къ царю Михаилу, а другое отъ канцлера Оссолинскаго къ послу Стемпковскому. Королевское письмо увѣряло, что безотлагательно будутъ высланы комиссары для сдачи Трубчевска.

«Относительно же шляхетнаго Яна-Фаустина Лубы—писалъ король—объявляемъ, что этотъ человѣкъ ни въ чемъ не виноватъ, ничего дурнаго не совершилъ и совершить не намѣренъ, желаетъ лишь только поступить въ духовное званіе. Не для того мы его отправили съ нашимъ посломъ, чтобы его выдать, но для того, чтобы доказать передъ вашимъ царскимъ величествомъ его невинность и неспособность къ какимъ бы то ни было интригамъ».

«Вамъ, нашему брату, извѣстно, что во владѣніяхъ нашихъ нельзя и не пристойно выдавать природнаго дворянина, а если

такой виновнымъ окажется, то мы его безотлагательно подвергнемъ казни на мѣстѣ. На Лубѣ же никакой вины нѣтъ, и мы надѣемся, что ваше царское величество не оставитъ вмѣстѣ съ нашимъ посломъ отпустить его домой невредимымъ».

Посла Стемпковскаго не удовлетворили свѣдѣнія и наставленія, присланныя ему съ гонцомъ изъ Варшавы.

Письмомъ изъ Москвы, отъ 17-го мая 1645 г., къ канцлеру Оссолинскому, Стемпковскій донесъ о непріятностяхъ со стороны бояръ, которые не довѣряли не только послу, но и королевскому гонцу.

Пока шла переписка между Москвою и Варшавою, положеніе польскаго посольства въ отношеніи бояръ, которые не переставали домогаться выдачи Лубы, становилось безвыходнымъ. Очевидно, искали другихъ предлоговъ для расторженія договоровъ.

Царскій приставъ упрекалъ Стемпковскаго, что въ свитѣ его прибыли литовскіе кушцы, которые продаютъ водку и табакъ, по вечерамъ и по ночамъ шляются пьяными, оскорбляютъ царскихъ людей, бьютъ ихъ саблями плашмя и колютъ шпагами.

Посоль Стемпковскій отговаривался, что въ предварительныхъ переговорахъ о посольствѣ было обусловлено, чтобы посламъ вольно было торговать всякими товарами.

На это приставъ возразилъ:

— Стыдно такіе товары называть товарами и въ договорныхъ записяхъ объ нихъ говорить. Вѣдь литовскіе купцы знаютъ хорошо, что по царскому указу за продажу такихъ товаровъ, какъ табакъ и водка, строго наказываютъ: рѣжутъ носы, бьютъ кнутомъ безъ пощады и сажаютъ въ тюрьму.

— Хорошо у насъ было посламъ его царскаго величества князю Львову съ товарищами—отвѣчалъ на это Стемпковскій. Сенаторы ихъ уважали, приглашали къ себѣ въ гости и дарили подарками. Жили они въ Польшѣ, какъ бы между родными братьями, ѣздили на охоту и у себя дома забавлялись. А мнѣ великому послу, у васъ, тутъ, лишь безчестье и позоръ. Сижу взаперти, какъ въ тюрьмѣ, никуда меня не пускаютъ, а людямъ моимъ воспрещаютъ доступъ къ датскому королевичу.

Приставъ оправдывался, что его царское величество вынужденъ

лежать въ постели, изъ комнатъ своихъ не выходить, что, когда, Богъ дастъ, полегчаетъ, то думный дьякъ обо всемъ доложить своему повелителю.

Однако облегченья не послѣдовало.

Печаль вслѣдствіе неустройившейся судьбы дочери Ирины сильно повліяла на мягкую натуру царя Михаила, и безъ того уже страшно потрясеннаго горестною утратою сыновей Ивана и Василья.

Въ апрѣлѣ 1645 г. врачи Вандалинъ Сибелиста, Иоганнъ Билусъ (Бѣлоу) и Артманъ Граманъ, по цвѣту мочи, заключили, что желудокъ и печень пациента очень повреждены, а кровь водяниста¹⁾. Начали лѣчить ренскимъ виномъ, травами и кореньями, предписали умѣренность въ пищѣ и питьѣ, запретили ужинать, пить холодныя и кислыя напитки.

12-го іюля 1645 г. царь Михаилъ сильно занемогъ въ церкви. Его отнесли во дворецъ въ безсознательномъ состояніи. Подъ вечеръ онъ приказалъ позвать къ себѣ царевича Алексѣя и его дядьку Морозова. Простился съ ними и благословилъ сына на царство.

Ночью на 13-е іюля (ст. с.) испустилъ духъ.

Молодой царь Алексѣй Михайловичъ, тотчасъ по вступленіи на великокняжескій престолъ, занялся окончательнымъ разрѣшеніемъ дѣлъ королевича Вальдемара и Яна-Фаустина Лубы.

Еще при жизни царя Михаила, король Владиславъ IV въ письмахъ своихъ просилъ объ освобожденіи королевича, ручаясь, что по поводу послѣдовавшихъ недоразумѣній король Христіанъ IV не предъявитъ никакихъ претензій. Королевичъ Вальдемаръ, казалось, былъ уже склоненъ къ уступкамъ. Онъ объявилъ послу Стемпковскому о готовности жениться на царевнѣ Иринѣ, подъ условіемъ остаться при своей вѣрѣ, но согласился, чтобы дѣти, какія будутъ отъ этого брака, воспитывались въ вѣрѣ своей матери.

Царь Алексѣй не принялъ этого предложенія. Позволилъ Вальдемару оставить Москву и въ свитѣ польскаго посольства возвратиться въ свое отечество.

Не такъ легко удалось королю Владиславу подвинуть дѣло Лубы. Бояре ни на іоту не хотѣли отступить отъ своихъ требова-

¹⁾ Какъ кажется, царь пораженъ былъ водянною (Hydrops).

ній выдачи заключеннаго и въ отвѣтъ на письмо короля снова начали упреки о неправильности въ (царскомъ) титулѣ, какую нашли въ этомъ письмѣ; такъ: вмѣсто государь псковскій тамъ стояло царь псковскій, вмѣсто «самодержцу» написано «самодержцы», вмѣсто югорскаго написано игорскаго.

— Такая новая обида — сказали бояре — дѣлается со стороны его королевскаго величества, вопреки вѣчному миру, невѣдомо какимъ обычаемъ, какъ бы съ цѣлью нарушенія братской дружбы и любви. Самодержецъ у насъ одинъ, другаго нѣтъ, итакъ писать «самодержцы» не пригоже!

Требовали отъ посла обязательства, что тотъ, кто такъ написалъ, будетъ казненъ. Стемпковскій увѣрилъ, что донесетъ объ этомъ королю, король же, опечаленный тѣмъ, что произошло, накажетъ виновнаго.

Тогда бояре спросили:

— А что, если окажется виновнымъ дворянинъ или другой какой «думный» человекъ — и онъ будетъ наказанъ?

Посоль отвѣтилъ утвердительно.

На это бояре сказали:

— И ты, великій посоль Гаврило, тоже провинился передъ нами: когда ты возвращался отъ датскаго королевича Вальдемара Христіановича, сказалъ въ присутствіи приставовъ непристойныя рѣчи: еще вы не устали и сабли ваши не притупились, чтобы рубить шеи русскихъ людей. Непригоже такъ говорить полномочному послу, ибо сабли ваши русскимъ не страшны.

Посоль отвѣчалъ, что не запирается, что въ сердцахъ сказалъ такія слова, а сказалъ ихъ тогда, когда стрѣльцы избили до крови литовскихъ людей, что онъ видѣлъ собственными глазами. Впрочемъ, онъ сказалъ это не подумавъ, немного выпивши.

На затрунутое дѣло о союзѣ противъ татаръ бояре отвѣта не дали.

23-го іюня 1645 г. (ст. с.) посоль Стемпковскій представился молодому царю и въ рѣчи своей распространился объ измѣнчивости человѣческой жизни.

— «Свѣжій образъ этой измѣнчивости мы видимъ на блаженной и безсмертной памяти царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ, который

32 года счастливо царствовалъ надъ своими подданными, владѣлъ государствомъ своимъ въ святости и праведности, успокоилъ его отъ дальнихъ и ближнихъ сосѣдей: видѣлъ его процвѣтающимъ и умиротвореннымъ и въ мирѣ этомъ надѣялся управлять, какъ внезапно отъ трона своего, отъ славы и богатствъ, сходить подъ землю».

Въ заключеніе посоль прिवѣтствовалъ новаго государя со вступленіемъ на престолъ и заявилъ, что король готовъ всегда оказывать ему братскую дружбу и любовь.

Думный дьякъ отвѣчалъ именованъ царскимъ, что государь его желаетъ жить съ королемъ въ братской дружбѣ и въ союзѣ, какъ постановлено въ «вѣчномъ докончаньи».

Въ доказательство дѣйствительнаго желанія добрыхъ сосѣдскихъ отношеній посоль Стемпковский представилъ царю правительственную декларацию, составленную родными Лубы и 12 дворянами, доказывающую, что обвиняемый Луба на самомъ дѣлѣ польскій дворянинъ, сынъ Дмитрія и Марины, но что это случайное совпаденіе подозрительныхъ именъ не имѣетъ ничего общаго съ подозрѣніями самозванства Яна-Фаустина, навязанными ему людьми злой воли.

Эта декларация гласила слѣдующее:

«Дворянинъ Янъ - Фаустина Луба имѣлъ отцемъ Дмитра-Михала Лубу, нашего роднаго брата, вмѣстѣ съ которымъ мы владѣли въ воеводствѣ подляскомъ, въ уѣздѣ дрогичскомъ, расположенными при Бугѣ, имѣніями Ставы и Сенявы. Мать его была Марина-Анна Мысловская изъ Подлясья. Отецъ его погибъ, служа подъ начальствомъ Александра Гонсѣвскаго, а мать умерла въ Москвѣ, заключенная, вмѣстѣ съ другими поляками, въ тюрьму. Сынъ съ воеводою Бѣлинскимъ отпущенъ въ Польшу во время переговоровъ 1619 г., и потому мы, дяди и близкіе, признаемъ его за дѣйствительнаго нашего родственника и короннаго дворянина, происходящаго отъ древнихъ предковъ въ подляскомъ воеводствѣ, что подъ присягою, по нашей дворянской совѣсти, съ приложеніемъ нашихъ гербовыхъ печатей, свидѣтельствуемъ. Подписи: Николай-Павель Луба, Маркъ Луба, Мартинъ-Казиміръ Луба, Михаль-Константинъ Луба и двѣнадцать дворянъ».

Въ виду этой деклараціи и въ изъявленіе хорошихъ и сосѣдскихъ намѣреній королевскаго двора въ будущемъ царь согласился на свободный выѣздъ Лубы съ посольствомъ Стемпковскаго. Со своей стороны польскій посоль поручился отъ имени короля и пановъ рады, что Янъ-Фаустинъ Луба никогда не будетъ «прицѣпляться» къ Московскому государству и присвоивать себѣ титула царевича, что онъ всю жизнь проведетъ въ большой крѣпости, что изъ Польши и Литвы его не выпустятъ ни въ какое государство, что кто осмѣлится употребить имя его, какъ знамя мятежа, будетъ наказанъ смертию, что всѣ эти поручительства будутъ внесены въ конституцію будущаго сейма и отосланы къ царю за подписью и королевскою печатью, съ утвержденіемъ пановъ-рады и сеймовыхъ пословъ.

Кромѣ того посоль долженъ дать письменное поручительство, что литовскіе купцы не будутъ прѣзжать въ Московское государство для торговли водкою и табакомъ. Посоль Стемпковскій просилъ, чтобы были назначены торговые агенты съ обѣихъ сторонъ и чтобы польскій агентъ въ Москвѣ могъ разбирать судебныя дѣла польскихъ и литовскихъ купцовъ и защищать ихъ отъ обидъ.

Желаніе это не было удовлетворено, на томъ основаніи, что въ вѣчномъ мирѣ ничего подобнаго не предусмтрѣно; но вмѣсто того бояре согласились называть польскаго короля наивяснѣйшимъ.

Въ заключеніе Стемпковскій просилъ, чтобы царь допустилъ его къ своему столу, ибо въ противномъ случаѣ это было бы для посла обидой.

Ему отвѣтили, что этого нельзя сдѣлать вслѣдствіе траура при дворѣ.

Стемпковскій возразилъ, что великіе послы московскіе были въ Польшѣ по смерти королевы Ренаты и, несмотря на то, обѣдали у короля. Отвѣчено, что это двѣ вещи разныя. У царя умеръ отецъ, который одинъ, а жену, по смерти первой, можно имѣть другую и третью. Печаль по смерти жены продолжается только до новой свадьбы...

Посоль увѣдомилъ, что будетъ сжидать конца сорочинъ (40 дней траура) и если царь и на то не согласится, то, по крайней мѣрѣ, пусть соизволитъ написать въ отвѣтъ королю—почему посла

не допустилъ къ своему столу, дабы ему по возвращеніи домой отъ того безчестья не было.

IV.

Приготовленіи къ сейму.—Пріѣздъ Маріи-Гонзаго.—Лабуреръ.—Дѣло Лубы.—Настойчивость пословъ.—Сцена у постели больного короля.—Новые споры о титулѣ.—Оппозиція дворянства.—Письмо Стемпковского къ братьямъ-дворянамъ.—Шретскій сеймикъ.—Кончина Лубы.

Наступилъ 1646 годъ, годъ чрезвычайно важный въ исторіи царствованія Владислава IV, для республики же—рѣшившей перевѣсъ шляхты надъ королемъ. Въ это время король носился съ мыслию о походѣ на татаръ и турокъ, о принятіи участія въ европейской коалиціи противъ бусурманъ, собиралъ безъ вѣдома сейма войска, вооружался, снабжалъ необходимымъ арсеналы и вель съ сосѣдними государствами обширные переговоры, въ которые намѣревался втянуть впервые и союзное вел. княжество Московское. Въмѣстѣ съ общественными дѣлами король былъ занятъ приготовленіями къ торжественному приему вновь помолвленной съ нимъ Маріи-Гонзаго, которая, въ началѣ 1646 года, въ сопровожденіи своей маршалковой (гофмейстерины) г-жи Гебрианъ, секретаря Лабурера, а также многочисленной свиты кавалеровъ и дворянъ, пріѣхала на торжественное бракосочетаніе. Марія-Людвика не могла встрѣтить веселаго приѣма со стороны супруга. Король, больной подагрой, лежалъ въ постели, обложенный подушками, стоналъ отъ боли, но, несмотря на то, усердно занимался государственными дѣлами, преимущественно же своею любимую мыслию о будущей войнѣ. Въ это-то время прибыло изъ Москвы великое посольство, состоявшее изъ царскаго родственника, боярина Вас. Ив. Стрѣшнева и окольного Степана Матв. Проѣстева и многочисленной свиты придворныхъ и слугъ, чтобы поздравить короля съ новымъ супружествомъ и окончательно закрѣпить условія Поляновскаго мира.

Въ путевомъ донесеніи Жана де-Лабурера о прибытіи королевы въ Варшаву (Парижъ, 1647, стр. 195) и въ «Памятни-

кахъ» кн. Альб. Радзивилла (II, 191) находятся любопытныя подробности переговоровъ царскихъ пословъ съ королемъ и сенаторами.

Царское посольство пріѣхало въ Варшаву въ концѣ февраля 1646 г., въ глубокомъ траурѣ, на саняхъ, запряженныхъ мелкими великорусскими конями. Не было даже въ Варшавѣ подходящаго помѣщенія для этихъ коней. Стали они во дворѣ дома великаго посла и тамъ имъ давали связки сѣна. Находившіеся въ посольской свитѣ купцы разложили подлѣ нихъ на продажу драгоценныя мѣха и кѣтки съ такими звѣрями.

Насколько послы были малотребовательны въ отношеніи себя, настолько съ великою мелочностію слѣдили, чтобы со стороны двора не было малѣйшаго нарушенія въ томъ, что касается придворнаго этикета, о особенно же титула ихъ государя.

«Памятники» Радзивилла съ удивительною ловкостью умалчиваютъ о спорахъ, какіе возникли между посольствомъ и сенаторами по поведѣ ошибокъ въ титулѣ грамотъ. Они не даютъ ни одного факта изъ дѣла Лубы, которое окончательно рѣшено, хотя съ великимъ униженіемъ достоинства республики, во время пребыванія царскаго посольства въ Варшавѣ.

Взамѣнъ того изъ донесенія Лабурера видно, что раздраженіе съ обѣихъ сторонъ было большое и что польскіе сенаторы поступили съ большимъ тактомъ, чтобы не раздражать еще больше посольства, а съ другой стороны, чтобы не возбудить противъ себя еще болѣе собратьевъ, шумно готовившихся къ воеводскимъ сеймикамъ.

Переговоры съ царскими послами продолжались почти два мѣсяца—мартъ и апрѣль 1646 г.

Первая встрѣча ихъ съ сильно больнымъ королемъ не обошлась, безъ чувствительныхъ упрековъ со стороны пословъ.

Сердило ихъ то, что король лежалъ въ постели, не одѣтый по праздничному, и что не приподнялся при произнесеніи царскаго имени.

Хотѣли уже прервать всякія дальнѣйшія сдѣлки, какъ король приказалъ попросить пословъ подойти къ его постели и вымолвилъ такія слова:

«Памятуя вѣчный миръ и свое монаршее утверждение съ отцемъ великаго государя вашего, царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, желаю брату своему, царю Алексѣю Михайловичу долгихъ лѣтъ здоровья и благоденствія. Честь вашего государя всегда точно буду наблюдать, даже болѣе, чѣмъ собственную, но встать и подняться не могу, такъ какъ очень изнуренъ болѣзнію, не владѣю ни руками, ни ногами, и не только встать, но даже двинуться съ постели не былъ бы въ состояніи. Богъ видитъ, что это не притворство; если это неправда, то пусть Богъ отниметь у меня руки и ноги. Можете, господа послы, лично убѣдиться, какъ я боленъ»...

Послы этимъ удовлетворились и отправились къ королевѣ, которая, къ ихъ особенному удовольствію, приняла ихъ и стоя спросила о здоровьи царя.

Въ разговорахъ съ панами-рада по дѣлу о союзѣ противъ татаръ царскіе послы снова стали дѣлать упреки относительно неформальности въ титулованіи царя и жаловались на обиду, нанесенную имъ пограничнымъ судьей Абрамовичемъ, который въ своемъ письмѣ не воздалъ должнаго царскому величеству.

Сенаторы отвѣтили:

— Отъ всей души радуемся и просимъ Всемиловивѣйшаго Бога, чтобы черезъ соединеніе обоихъ великихъ монарховъ Онъ даровалъ намъ побѣду надъ бусурманами. Что касается ошибокъ въ титулѣ, то свидѣтельствуемъ отъ чистаго сердца, безъ всякой задней мысли, что ошибки эти невольныя, происходятъ отъ того, что дѣяки переписываютъ грамоты, не зная русскаго языка. Несмотря ни на что, король приказалъ вызвать виновныхъ на сеймъ, а сами знаете, что ни королю, ни намъ не только дворянина, но и простаго человѣка безъ вѣдома сейма наказать нельзя.

Послы сказали, что королю давно уже слѣдовало такъ поступить, при чемъ предъявили сенаторамъ королевскую грамоту, въ которой, въ надписи при титулѣ, вмѣсто «самодержцу» написано «самодержцы».

На это сенаторы отвѣчали:

— Въ нашемъ польскомъ языкѣ «самодержцу» и «самодержцы» — одно и то же. Обиды въ этомъ его царскому величеству нѣтъ и ошибки также нѣтъ.

— Какъ вамъ не стыдно, господа совѣтники, говорить подобное! Не только вамъ судить и понять это легко, но и всякій простой человѣкъ пойметъ, что написать и сказать «самодержцу» значить говорить объ одномъ лицѣ, а написать «самодержцы», значить говорить о многихъ лицахъ... Вѣдь во всѣхъ великихъ владѣніяхъ русской монархіи самодержецъ одинъ, другаго нѣтъ и не будетъ. До времени сейма дѣла этого откладывать не годится, ибо между нами было постановлено, что люди, которые пишутъ титулы противъ посольскаго договору, подлежатъ лишенію имущества и казни согласно царскому указу и конституціи сейма.

— Клянемся Богомъ, что на польскомъ языкѣ «самодержцы» и «самодержцу» одно и то же, а если по-русски это—иначе, станемъ предостерегать, чтобы на будущее время иначе было писано. Взаимно слѣдовало бы его королев. величеству, нашему государю писать въ грамотахъ по-польски, а также и изъ пограничныхъ городовъ письма писать по-польски и ошибокъ не будетъ.

— Давно уже такъ есть, что королевскія грамоты къ великому государю пишутся на бѣлорусскомъ языкѣ, поэтому теперь, вопреки старымъ обычаямъ, писать по-польски не годится, да у пограничныхъ воеводъ и переводчиковъ нѣтъ.

Сенаторы просили царскихъ пословъ о прекращеніи спора, касающагося титула царя Михаила, какъ уже покойнаго, увѣряя, что на будущее время больше не будетъ поводовъ къ такимъ спорамъ.

Затѣмъ перешли къ дѣлу о союзѣ противъ татаръ и, наконецъ, дошла очередь и до дѣла Лубы.

Царскіе послы засвидѣтельствовали, что великій ихъ государь не желаетъ крови, низошелъ къ просьбѣ короля, своего брата, и отпустилъ Лубу въ Польшу, но повсюду по дорогѣ, въ Минскѣ, въ другихъ городахъ, мы слышали, что его называли, по-прежнему, московскимъ царевичемъ, что даже самъ Луба рассказывалъ, что его посылали въ Москву для выясненія его тождественности и что тамъ самъ царь призналъ его за дѣйствительнаго сына Разстриги (лишеннаго монашескаго званія Димитрія). «Вашъ посоль Стемпковскій, говорили далѣе царскіе послы, обязался, что Луба будетъ заключенъ въ большой крѣпости, а онъ

тѣмъ временемъ не только на волѣ, но его король даже назначилъ писаремъ при своей пѣхотѣ и платитъ ему жалованье. Слѣдовало бы вамъ, паны-рада, согласно посольскому договору, казнить Лубу въ нашемъ присутствіи за то, что онъ не перестаетъ называться московскимъ царевичемъ».

— Ежели окажется, что Луба дѣйствительно именуется себя московскимъ царевичемъ, то будетъ казненъ, но правду говоримъ, что Луба отданъ подъ стражу капитану пѣхоты Осинскому, назначены гайдуки стеречь его. Никакого мѣста и жалованья ему не дано.

Тогда царскіе послы потребовали, чтобы сенаторы утвердили договоръ отъ имени сеймовыхъ пословъ.

Отголоскомъ этихъ переговоровъ съ царскими послами служатъ недомолвки замѣтокъ Метогіаі'овъ Радзивилла, въ которыхъ, между прочимъ, читаемъ (II, 194):

«6 апрѣля. Опять переговариваемся съ московскими послами, отъ которыхъ услышали неимовѣрное требованіе, чтобы условія съ Москвою были помѣщены въ конституціи сейма, ибо такія же условія со шведами уже внесены въ конституцію. Мы догадались, что это внушили имъ наши...

«Услышавъ это неожиданное предложеніе, мы обѣщали доложить его королю и завтра дать имъ отвѣтъ.

«9 апрѣля. Король съ королевою были на охотѣ. А мы, черезъ короннаго канцлера, отвѣтили посламъ, что король очень удивляется ихъ просьбѣ, ибо за время короля Сигизмунда столько было мирныхъ договоровъ безъ сеймоваго утвержденія, какъ-то: отъ царствованія короля Стефана, Сигизмунда III и за время нынѣшняго короля. Существуетъ законъ, чтобы ничего не возобновлять...

«11 апрѣля. Московскіе послы потратили съ нами цѣлый день на разграниченіе государствъ; впрочемъ, нѣкоторыя дѣла мы рѣшили миролюбиво.

«18 апрѣля. Было засѣданіе съ московскими послами, на которомъ многіе пункты, особенно касающіеся титула великаго князя, постановили миролюбиво.

«26 апрѣля. Послы, обильно угощенные и одаренные золотыми кубками, захмѣлѣвъ, возвратились на квартиру.

«27 апрѣля. По моему ходатайству они были допущены къ цѣлованію королевской руки и удалились довольные, предполагая вернуться въ Москву».

Тѣмъ временемъ на предшествующихъ сейму сеймикахъ, несмотря на мирныя письма короля Владислава, обсуждалось дѣло о наборѣ войскъ. Собравшееся на шретскомъ сеймикѣ, въ познанскомъ воеводствѣ, подъ предводительствомъ Криштофа Опалинскаго, дворянство вознамѣрилось даже сформировать войско для отпора королевскимъ войскамъ. Не было обращено вниманія на то, что татары, года два тому назадъ, вторгнувшись въ Польшу, увели въ неволю нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ. Опасаясь *absolutum dominium* рижилевскихъ замысловъ канцлера Оссолинскаго, требовали безусловнаго мира.

Посоль Стемпковскій, возвращаясь въ Несвижъ, послѣ успѣшнаго исполненія своей мисси, ожидалъ обѣщаннаго ему черезъ канцлера суражскаго староства. Однако, узнавъ, что другой получилъ его, возвратился на шретскій сеймикъ съ характернымъ письмомъ, рисующимъ шляхетскіе порядки древней Польши. Въ немъ онъ припоминалъ братьямъ-дворянамъ свои заслуги, оплаченныя такою неблагодарностью, и въ заключеніе писалъ:

«По моему мнѣнію, писалъ Стемпковскій, не можетъ быть несчастливѣе той республики, въ которой наступаетъ до извѣстной степени ломка порядка, когда она изъ цвѣтущей, мирной и спокойной обращается въ безпокойную, и начинаются въ ней домашніе пожары, особенно же когда возникаютъ распри между подданнымъ и государемъ...

«Въ каждой республикѣ золотая свобода находится въ рукахъ и подъ охраною Бога, но не зависитъ отъ управленія людей злонамѣренныхъ и отъ интригъ измѣнниковъ. Всемогущій Богъ не оставилъ нашей отчизны, и съ того времени находятся любимѣйшіе оной защитники, стоящіе на стражѣ закона, которые не устаютъ въ своей ревности, зорко охраняя, какъ зѣницу ока, нашу свободу, добытую кровью нашихъ предковъ.

«Да укрѣпить Господь Богъ духомъ Своимъ собраніе сіе въ веденія разсужденій касательно весьма запутаннаго дѣла защиты нашего государства.

«Взирая вмѣстѣ съ вами съ печалію натакія испорченныя времена въ отчизнѣ нашей и тяжело страдая, я, братъ и вашъ слуга, обращаюсь въ горести своей къ вамъ, какъ къ источнику радости, дабы вы мнѣ, какъ челоуѣку обиженному, подали руку помощи. Обманутый словами, надеждою и ожиданіемъ, я и по настоящее время не получаю никакой награды за свои заслуги, какъ прежнія (около 30 лѣтъ не слѣзаль съ коня и по настоящее время, не одыхая, не перестаю заботиться о цѣлости и безопасности родины), такъ и нынѣшнія: съ большою потерею своего ничтожнаго достоянія, на свой собственный счетъ, исполнилъ три Сѣверскія съ Москвою комиссіи, не считая своего личного труда и перенесенныхъ страданій отъ климатическихъ условій.

«Вотъ и теперь я совершилъ новое посольство въ Москву, которое стоило мнѣ годичнаго труда и значительныхъ расходовъ изъ моихъ скудныхъ средствъ, за чтò вмѣсто награды отъ моего милостиваго государя, которой по сущей справедливости и по самому закону я долженъ былъ ожидать, я накормленъ какою-то иллюзіею. Вотъ это я представляю на обсужденіе и разсмотрѣніе ваше, милостивые государи и братья, въ виду того, что люди, заслуженные издавна въ нашемъ отечествѣ, были надѣляемы такими наградами.

«Коронный канцлеръ письмомъ, которое мнѣ было отдано въ столицѣ, увѣрялъ о предоставленіи мнѣ суражскаго старства его королевскимъ величествомъ, за мои заслуги и издержки, кои и представляю передъ вашими глазами. Но едва я началъ ходатайствовать, какъ изъ Москвы послѣдовала другая metamorphosis: мнѣ велѣно довольствоваться письмомъ и обѣщаніемъ, а другому предоставлено старство.

«А что мнѣ, мои милостивые государи, обиднѣе всего, что я уже получилъ отъ его королевскаго величества,—хотя несоразмѣрную и, даже смѣло могу сказать, незначительную въ отношеніи моихъ расходовъ,—бумажную благодарность, на десять слишкомъ тысячъ, до короннаго подскарбія, но наступилъ второй годъ, какъ подскарбій не хочетъ исполнить приказанія его королевскаго величества и отдать мнѣ моей собственности.

«По милости Божіей республика не можетъ въ этомъ отношеніи

краснѣть за мою службу, ибо я привезъ непоколебимый, обеспеченный и вѣчный миръ съ этимъ упрямымъ народомъ.

«Воистину его королевское величество не найдетъ охотниковъ въ ряду будущихъ поколѣній служить республикѣ, когда люди, дѣйствительно заслуженные, будутъ награждаться подобнаго рода благодарностью.

«Будучи увѣренъ въ доброжелательствѣ каждаго изъ васъ въ отдѣльности, господа и братья, я надѣюсь, что вы засвидѣтельствуете на предстоящемъ сеймѣ объ оскорбленіи моихъ заслугъ и изволите напомнить въ инструкціи посламъ своимъ, дабы они на сеймѣ приняли это въ уваженіе»¹⁾.

Дворянство, собравшееся на шретскомъ сеймикѣ, склонилось на просьбы Стемпковского и въ своей инструкціи, сообщенной посламъ, изложило слѣдующее:

«Когда намъ въ кругѣ нашемъ было передано письмо пана брацлавскаго²⁾, человека достойнаго и заслуженнаго въ республикѣ, и копія письма г. короннаго канцлера, содержащая въ себѣ указаніе на то, что онъ, будучи посломъ въ Москвѣ, *in societate magistrom* противъ татаръ, втянулъ Москву, каковое дѣйствіе трактата мы могли видѣть изъ письма его милости г. каштеляна краковскаго³⁾. Это состоялось *sine consensu Reipubl. sergio in facie Reipublicae*. Гг. наши послы будутъ требовать объясненія отъ него, что его милости не слѣдовало принимать на себя верховныхъ правъ республики. А если бы оказалось, что это его милость сдѣлалъ по частному почину, гг. послы требуютъ съ его милости взысканія (*petant*)»⁴⁾.

Какъ видимъ, письмо посла Стемпковского, приправленное желчью въ отношеніи канцлера Оссолинскаго, достигло своей цѣли.

Не забыла однако шляхта и о заслугахъ посла, ибо въ своихъ петиціяхъ на сеймѣ выразила желаніе, чтобы его королевское величество изволилъ обратить вниманіе на заслуги Стемпковского и то,

¹⁾ Рук. библ. орд. Замойскихъ, № 858, стр. 74 и слѣд.

²⁾ Т. е. брацлавскаго каштеляна Габріеля Стемпковского.

³⁾ Разумѣется Николай Потоцкій.

⁴⁾ Рук. библ. Замойскихъ, стр. 59.

что его королевское величество назначилъ, чтобы было ему выдано изъ казны.

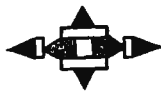
Стемпковскій, обиженный на короля и на канцлера, не пріѣхалъ на сеймъ. Исторія этого памятнаго сейма 1646 г. извѣстна всѣмъ. Онъ принудилъ короля бросить его военные замыслы, поудержалъ нѣсколько стремленія канцлера и предостерегъ, чтобы на будущее время, безъ вѣдома сейма, онъ не входилъ тайно ни въ какія сдѣлки съ государствами. Канцлеръ защищался противъ упрековъ въ присвоеніи власти и указывалъ на опасности, какія угрожали республикѣ, хотя не имѣлъ въ лицѣ Стемпковского истолкователя, который бы обстоятельно разказалъ посламъ свои трудные переговоры съ боярами.

Журналы сейма 1646 года, пересмотрѣнные въ разныхъ редакціяхъ, не заключаютъ никакихъ подробностей разсужденій, происшедшихъ по дѣлу Яна-Фаустина Лубы, но лишь внесеніе деклараціи, — въ началѣ настоящаго очерка приведенной, — въ конституцію сейма свидѣтельствуетъ, что оно послѣдовало съ согласія всѣхъ пословъ, вопреки объявленію гг. сенаторовъ, что они этого не исполнять.

Кажется, только необходимость въ этомъ случаѣ убѣдила дворянство и внушила ему, отринувъ гордость, подчиниться тяжелымъ условіямъ.

Какова была дальнѣйшая судьба Яна-Фаустина Лубы и дѣйствительно ли его заключили въ магдебургскую крѣпость — не извѣстно. Существуетъ предположеніе (Соловьевъ, X, 213), что онъ погибъ въ несчастномъ сраженіи подъ Пилавицами ¹⁾. Имя его исчезло изъ памяти потомковъ, но оставило по себѣ слѣды въ архивныхъ документахъ, теперь лишь выведенныхъ на свѣтъ исторіи.

Г. Воробьевъ.

¹⁾ Поляковъ съ казаками Хмѣльницкаго п татарами, съ 22 на 23 сентября 1648 г.

ЗА АВСТРІЮ И ПРОТИВЪ НЕЯ.

(Изъ военныхъ воспоминаній 1850 и 1858 годовъ).

I.

Передъ войной.

Наступили морозы, изрѣдка порошилъ снѣгъ... Проселочныя дороги застыли во всемъ безобразіи.

— «Ни на саняхъ, ни на телегѣ» — вздыхали помѣщики симбирскаго захолустья, поневолѣ засѣвшіе въ своихъ теплыхъ деревянныхъ хоромахъ.

Только-что окончивъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ, я дѣлливо перечитывалъ «Историческія воспоминанія о Наполеонѣ», переведенныя съ французскаго Ксенофонтомъ Полевымъ, нисколько не интересуясь содержаніемъ ихъ и въ то же время тщетно ломая свою голову надъ вопросомъ о своемъ будущемъ, о томъ, что дѣлать съ самимъ собой.

Мнѣ предстояло одно изъ двухъ: или умножить число молодыхъ людей симбирскаго общества, какъ будто для того только и сотворенныхъ, чтобы дѣлать праздничные визиты, помнить всѣ именины, дни рожденій и усердно выплясывать на вечерахъ и балахъ, или вступить въ ряды губернскаго чиновниковъ. Другаго выбора не было, между тѣмъ какъ при одномъ словѣ «чиновникъ» тотчасъ же являлось представленіе о чемъ-то не только приниженномъ, мизерномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ненасытно хищномъ.

Въ домѣ начались непрерывныя и безплодныя совѣщанія; но прось о моей будущности, о томъ, что дѣлать, запутывался все болѣе и болѣе, и Богъ знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось, если бы не война-

ственное настроеніе, мгновенно охватывшее провинціальное общество, по случаю выступленія нашихъ войскъ въ Венгрію.

Отставные военные, закручивая усы, требовали, чтобы каждый, кто только можетъ, шелъ «за нашимъ варшавскимъ героемъ», какъ говорилось въ заключеніи высочайшаго манифеста о войнѣ.

«Война»—это магическое слово, способное въ одинъ мигъ перевернуть вверхъ дномъ всѣ мысли и намѣренія самаго апатичнаго чело-вѣка, рѣшило судьбу мою, а отецъ, втайнѣ мечтавшій отправить меня въ Петербургъ подъ крыло высокопоставленныхъ родственниковъ, первый подалъ голосъ за мое немедленное поступленіе въ драгуны, которые только-что двинулись къ границѣ изъ Воронежской губерніи.

Какъ только вопросъ о поступленіи моемъ въ военную службу былъ рѣшенъ, такъ всѣ замѣтно оживились, точно какая-то тяжесть свалилась съ плечъ, и для всѣхъ стало ясно, что иначе и не могло быть.

Счастливый и довольный, я далъ полную свободу своимъ мечтамъ о Малороссіи, гдѣ квартировали драгуны, и фантазіямъ, давнымъ давно зародившимся подъ вліяніемъ Марлинскаго, Загоскина и другихъ писателей того блаженнаго времени, когда героями повѣстей и рассказовъ выступили Рославлевы, Гремьины и Бѣлозоры.

Сборы въ полкъ были продолжительные, — денегъ, по обыкновенію, не было, приходилось ждать продажи хлѣба и полученія задатка, а разставаніе съ родными оказалось далеко тяжелѣе, нежели представлялось съ перваго раза.

Наконецъ, все готово, и въ одинъ изъ первыхъ зимнихъ дней, послѣ молебна, въ кабинетъ моего отца произошла тяжелая сцена разставанія, малѣйшія подробности которой помнятся мнѣ съ поразительной ясностью. Благословивши меня складнемъ, принадлежавшимъ моему дѣду, служившему при Суворовѣ во время войны съ французами, отецъ хотѣлъ что-то сказать, но голосъ его оборвался, онъ быстро удалился въ свой уголокъ на диванѣ, уткнулся головой въ подушки и замолкъ, готовый скорѣе умереть, нежели показать свое заплаканное лицо, между тѣмъ какъ тетужки голосили, точно деревенскія бабы, провожающія рекрута. Безсознательно перецѣловавшись съ сотнями, со всѣхъ сторонъ тѣснившихся ко мнѣ, дворовыхъ и крестьянъ, я медленно подвигался къ выходу, опомнившись только тогда, когда холодный воздухъ пахнулъ въ лицо и меня усадили въ сани.

Пеза, Тамбовъ, Воронежъ, Курскъ, быстро смѣняясь, оставались позади, все рѣже и рѣже вспоминались мнѣ—родная Аникѣевна, отецъ въ своемъ уголкѣ съ неизбѣжной книгой въ рукахъ, по обыкновенію, замкнутый и недоступный, любознательный конторщикъ Порфирій, съ моимъ отъѣздомъ потерявшій единственнаго чело-вѣка, съ кото-

рымъ могъ бы подѣлиться своими дѣтски-наивными мыслями и фантазіями, почерпнутыми изъ непрерывнаго чтенія романовъ, которыми изобилвала отцовская бібліотека, сосѣди: обожаемый мною Михайль Петровичъ Соковнинъ на прощаніе таинственно вручившій мнѣ рукописную копію съ записки Карамзина «О древней и новой Россіи», въ то блаженное время, разыгрывавшую ту же роль, какую въ наши дни играютъ брошюры, издаваемые въ Женевѣ, помѣщикъ Мякишевъ съ его гитарой и цыганскими пѣснями, помѣщики Кротковъ и Бестужевъ съ ихъ отчаянными пристяжными, раззолоченными дугами и малиновыми колокольчиками и т. д. и т. д.

Перевалившись за половину пути, я уже думалъ только о томъ, что найду въ Борздиѣ, гдѣ квартировалъ 1-й драгунскій полкъ, пристава съ разспросами—скоро ли начнется Малороссія, при одномъ имени которой въ воображеніи моемъ рисовались уже готовые картины изъ «Вечеровъ на хуторѣ».

Въ глухую полночь попадаю на первую станцію Черниговской губерніи. Кругомъ слышится не совсѣмъ понятный говоръ, движутся невиданныя бритыя, усатыя лица, тощій жидъ съ длинными пейсами, въ качествѣ хозяина станціи; на козлы медленно, точно нехотя, влѣзаетъ неуклюжій хохолъ въ высокой бараньей шапкѣ, съ неизбѣжной люлькой въ зубахъ.

Смотрю во всѣ глаза, сгорая отъ нетерпѣнія, а на багровомъ небѣ, освѣщенномъ первыми лучами солнца, уже обозначились бѣлыя низенькія хатки, едва замѣтныя среди сплошныхъ, покрытыхъ инеемъ садовъ. Передо мной Борздя, уѣздный городъ Черниговской губерніи... Дома какой-то особой конструкціи, съ опрытными камышевыми крышами, узкія улицы съ обмазанными глиной заборами, изъ-за которыхъ ослѣпительно сверкая свѣжными искрами, высоко и гордо поднимаются никогда еще невиданные мною тополи. На базарѣ, противъ старей, низенькой церкви скучились возы, запряженные волами, бабы въ бѣлыхъ свиткахъ торгуютъ бубликами, рядомъ съ жидовками, закутанными въ какіе-то пестрые лохмотья и продающими всякую дрянью... Покупателей ни души. На всемъ печать полнаго застоя и усыпленія. Тихо и лѣниво призываетъ церковный колоколъ къ ранней обѣднѣ, и нехотя, едва-едва переваливаясь, идутъ прихожане.

На другой день я уже входилъ въ квартиру командира перваго драгунскаго полка. Меня встрѣтилъ статный, красивый генераль съ большой просьбю, но съ манерами молодого человѣка изъ числа тѣхъ, что обыкновенно распоряжаются танцами на балахъ и устраиваютъ загородные пикники. Привѣтливо улыбаясь, взявши за обѣ руки и осыпавъ любезностями, онъ раскланялся со мною такъ граціозно, какъ обыкновенно раскланяются ловкіе кавалеры съ своими дамами

въ кадрили. Я уже хожу по Борздя въ солдатской шинели, сшитой съ большимъ шикомъ, и въ сапогахъ со шпорами; бываю въ обществахъ штабныхъ офицеровъ, что вдругъ поднимаетъ меня въ моихъ собственныхъ глазахъ. Вскорѣ меня назначилъ въ 8-й эскадронъ, стоявшій въ 15 верстахъ отъ города, въ селѣ Стрѣльникахъ.

Уже вечерѣло, когда я подъѣхалъ къ большой опрятной хатѣ, забравшейся въ самую глубь покрытаго инеемъ сада. Въ крошечной прихожей возился около кипѣвшаго самовара черный и кудрявый, какъ пудель, денщикъ. Изъ сосѣдней комнаты слышались голоса. Отворяю дверь и въ облакѣ табачнаго дыма, наполнявшаго комнату, различаю фигуры четырехъ офицеровъ и столъ, уставленный бутылками съ наливкой и стаканами.

Одинъ изъ офицеровъ, блондинъ, громаднаго роста, съ русыми, слегка вьющимися, волосами и поразительно ясными голубыми глазами, въ бѣлой рубашкѣ и синихъ, нѣсколько спущенныхъ, рейтузахъ съ краснымъ кантомъ, завидѣвъ меня, стремительно бросился надѣвать сюртукъ съ эполетами. Этотъ самый великанъ и былъ лучшій въ полку эскадронный командиръ, капитаъ Драфановскій, часъ спустя безцеремонно называвшій меня юношей. Также привѣтливо отнесся ко мнѣ поручикъ Бярюковъ, богатый помѣщикъ, имѣвшій отличную тройку и хорошаго повара, добрый малый, съ едва замѣтными усами, гладкой, какъ тарелка, головой. масляными смѣющимися глазами и длиннымъ смѣшнымъ носомъ. Другой офицеръ съ рыжими щетинистыми волосами и узкимъ лбомъ сердито, мутными глазами посмотрѣлъ въ мою сторону и отвернулся. Таковъ былъ поручикъ Джонъ, старый дерптскій буршъ, покрытый ранами, полученными на дуэляхъ, которая подъ пьяную руку охотно показывалъ, рѣзкій, во что бы то ни стало желавшій внушать къ себѣ страхъ и уваженіе, но въ то же время отличный товарищъ, всегда готовый раздѣлить послѣдній грошъ и ни за что, ни про что вызвать на дуэль. Въ самомъ углу помѣстился только-что произведенный прапорщикъ, молчаливый, то и дѣло краснѣвшій до ушей; онъ ежедневно навѣщалъ капитана, вѣжливо раскланивался, садился въ уголокъ, внимательно вслушивался въ то, что говорили товарищи, курилъ, пилъ наливку и чай, а въ 12 часовъ ночи крѣпко пожималъ всѣмъ руки и уходилъ домой. Надъ нимъ постоянно трунили, но въ то же время всѣ любили его какой-то невообразимо нѣжной, отеческой любовью и наперерывъ старались покровительствовать ему.

Капитанъ Драфановскій... но какъ только заговоришь о «Драфѣ», какъ называли его товарищи, такъ сейчасъ же, словно живые, выростаютъ предъ глазами его неизбѣжные атрибуты, безъ которыхъ капитанъ невообразимъ и немыслимъ: денщикъ Прошка, исправлявшій

всѣ должности, чумазый, кудрявый, похожій на чернаго пуделя, вѣчно недовольный и ворчливый, державшій въ нѣкоторомъ подчиненіи своего хозяина и въ то же время преданный ему на жизнь и на смерть; великолѣпный, кровный караковый конь «Эргардъ», казалось, насквозь проникнутый чувствомъ собственного достоинства и сознаніемъ превосходства надъ остальными строевыми лошадьми 8-го эскадрона, и огромная, издали похожая на бѣлаго медвѣдя, овчарка «Норма», во время похода ни на шагъ не отстававшая отъ стремена капитана и всегда находившаяся у его ногъ и ни на минуту не спускавшая съ него своихъ умныхъ глазъ.

Первый драгунскій полкъ, куда 20 лѣтъ тому назадъ неотесаннымъ, почти безграмотнымъ мальчикомъ поступилъ Драфановскій, прямо съ бѣднаго хутора Пирятинскаго уѣзда, славившагося только замѣчательной сливянкой; этотъ полкъ по-своему сформировалъ его, многому научилъ, надѣливъ нѣкоторыми; правда, не мудреными, житейскими правилами и привычками, отъ которыхъ онъ, если бы даже и хотѣлъ, то уже не могъ отступить въ теченіе всей своей жизни. Такимъ образомъ въ немъ вкоренилась привычка ставить выше всего на свѣтѣ мнѣніе товарищей, почти всегда безошибочное, такъ какъ каждому представлялась полная возможность узнать другъ друга во всѣхъ отношеніяхъ, считать 8-й эскадронъ, которымъ онъ уже командовалъ въ теченіе 9-ти лѣтъ, поглощавшій всѣ его мысли, лучшимъ въ полку, а самый полкъ—первымъ во всей арміи. На репутацію своего полка онъ смотрѣлъ, какъ на что-то священное и, не взирая на свой невозмутимый характеръ, скорѣе далъ бы отрубить себѣ голову прежде, чѣмъ позволить кому бы то ни было словомъ или намекомъ оскорбить родной полкъ. Честолюбіе давнымъ-давно уже замерло въ немъ, и онъ безропотно сроднился съ мыслию оставаться вѣчнымъ капитаномъ,—онъ даже боялся думать, что когда-нибудь сдать 8-й эскадронъ и разстанется съ вахмистромъ Дейнекой. Жизнь онъ велъ самую разнообразную; то по полугодю сидѣлъ въ глухой деревушкѣ, гдѣ единственнымъ развлеченіемъ его были эскадронные пѣсельники, да какой-нибудь посессоръ панъ Абрамовичъ, ежеминутно ловившій удобный моментъ, чтобы униженно цѣловать капитана въ плечо, то попадалъ въ раззолоченную гостиную настоящаго магната, вездѣ и всюду сохраняя полное самообладаніе и свой обычный добродушно насмѣшливый видъ. Скуки онъ не зналъ, не взирая на то, что ничего не читалъ, да и читать было нечего, а въ то время, когда молодые офицеры его эскадрона сходили съ ума отъ тоски, онъ каждую минуту готовъ былъ разсмѣшить пригнывшую компанію своимъ неистощимымъ и неподдѣльнымъ юморомъ, выпить по чаркѣ, по другой, никогда не пьянѣя, даже во время бурныхъ кутежей по случаю производства любимаго юнкера, объявленія

похода или проводовъ стараго товарища, оставляющаго полкъ, когда мгновенно оживало, казалось, не пробуднымъ сномъ заснувшее, жидовское мѣстечко, дни и ночи напролетъ неумолкаемо гремѣли трубачи, шампанскимъ только что не поливали пыльные улицы, а сухопарые мишуресы, подобравъ длинныя полы своихъ хламидъ, вихремъ носились взадъ и впередъ, разыскивая и созывая запоздавшихъ офицеровъ. Въ крайнемъ случаѣ, когда скука переходила предѣлы возможнаго, капитанъ могъ цѣлый день спать, какъ убитый, и, такимъ образомъ, бороться съ какой хотите тоской. Товарищи то и дѣло осаждали его и шли то за совѣтомъ, то съ надеждой занять денегъ; совѣтами надѣлялъ онъ охотно, и всегда полезными, но деньги давалъ съ большими затрудненіями. Никогда не выходя изъ круга разъ и уже навсегда усвоенныхъ правилъ, онъ отличался непоколебимою вѣрностью данному слову, рѣдкой прямою, въ то же время не считая предосудительнымъ пользоваться доходами отъ эскадрона, даже надуть новичка лошадыю и съ самымъ невиннымъ лицомъ заломить за нее тройную цѣну. Его единственною слабостью былъ хорошій чай, онъ могъ переносить всевозможныя лишения, но безъ хорошаго чаю обойтись не могъ, съ годами достигнувъ замѣчательнаго искусства въ его приготовленіи. По вечерамъ, когда обыкновенно собирались къ нему офицеры, все вниманіе его сосредоточивалось на чайникѣ, покрытомъ чистымъ бѣлымъ полотенцемъ, между тѣмъ какъ проворныя руки двадцать разъ перемывали дорогіе, и безъ того прозрачныя, какъ воздухъ, хрустальные стаканы. Ко всему сказанному остается добавить, что во всей громадной фигурѣ капитана не было ничего воинственнаго, а между тѣмъ никто бы не усомнился въ томъ, что онъ такъ же спокойно стоялъ бы подъ огнемъ, какъ предъ своимъ чайнымъ приборомъ, въ чемъ и имѣлъ случай убѣдиться его полковые товарищи во время штурма Евпаторіи, затѣяннаго генераломъ Хрулевымъ.

Такъ вотъ каковъ бытъ Драфановскій, и если я позволилъ себѣ остановиться на немъ и, можетъ быть, вошелъ въ излишнія подробности, то только потому, что считаю его однимъ изъ самыхъ типичныхъ представителей старыхъ, уже сошедшихъ со сцены, офицеровъ.

Обращаясь къ первому драгунскому полку, прежде всего слѣдуетъ сказать, что онъ, какъ и каждый полкъ въ отдѣльности, имѣлъ свою особенную своеобразную фizioномію и свой особенный полковой духъ. Ни нѣмецкой, ни польской и никакихъ другихъ партій въ полку не было; общество офицеровъ и юнкеровъ по большей части состояло изъ богатыхъ дворянъ Воронежской, Тамбовской и Курской губерній, между тѣмъ какъ солдаты уроженцы тѣхъ же губерній, или сосѣднихъ малороссійскихъ, точно были выбраны на подборъ, молодець къ молодцу. Служба въ полку велась спуска рукава... Въ сущности никто ничего

не дѣлалъ, начиная съ полковаго командира, вездѣ и всюду умѣвшаго отыскать хорошевькихъ женщинъ, чтобы потомъ задавать въ честь ихъ балы съ трубачами, за исключеніемъ двухъ-трехъ эскадронныхъ командировъ, такъ уже сотворенныхъ, что жить значило для нихъ маршировать или сидѣть верхомъ на лошади, до невозможности оттягивая каблукъ книзу.

На юнкеровъ никто не обращалъ никакого вниманія, каждый изъ насъ жилъ, какъ хотѣлъ, постоянно вращаясь въ обществѣ офицеровъ. Съ солдатами обращались хорошо, никакихъ обычныхъ въ то время жестокостей и истязаній не допускалось, можетъ быть, благодаря рѣдкому добродушію начальника 1-й драгунской дивизіи барона Врангеля, представлявшаго совершенную противоположность съ начальникомъ 20-й дивизіи Мантрезоромъ. Но при всей видимой распушенности и отсутствіи царившаго въ другихъ полкахъ педантизма, первый полкъ рѣзко отличался отъ остальныхъ полковъ, съ перваго же взгляда подкупая самаго требовательнаго начальника здоровымъ, молодцеватымъ видомъ солдатъ и красотой рослыхъ, выхолощенныхъ коней.

Мнѣ отвели квартиру въ чистой бѣлой хатѣ съ красными полосами вокругъ оконъ и дверей, съ гладкимъ, какъ паркетъ, глинянымъ поломъ и пучками сухихъ, пахучихъ травъ вокругъ иконъ. Затѣмъ, какъ и слѣдовало ожидать, меня надули лошадей, безцеремонно посмѣялись надъ моею оплошностью, недѣлю другую внимательно присматривались ко мнѣ, ожидая съ моей стороны нетерпимыхъ въ военномъ быту претензій на ученость, вынесенную изъ университета или же на излишнее остроуміе насчетъ товарища, чтобы тотчасъ же оборвать и проучить новичка, какъ слѣдуетъ. Потомъ меня перестали дичиться и признали своимъ.

Крѣпко-накрѣпко захлопнулась входная дверь, и я, самъ того не замѣчая, очутился за стѣной, на цѣлыхъ десять лѣтъ, отдѣлившей меня отъ всего остальнаго міра.

За этой высокой, крѣпкой стѣной шла своеобразная, давнымъ давно сложившаяся полковая жизнь, заключающая въ себѣ много страннаго, скучаго и даже дикаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ почти недоступная для того мутнаго омутъ, въ которомъ изо дня въ день кружатся люди. За этой стѣной можно было закрубить, отстать и оказаться смѣшнымъ въ глазахъ интеллигентныхъ людей, но въ же время быть застрахованнымъ отъ многихъ бѣдъ, а главное не знать страшнаго гнета денегъ и богатства.

За стѣной все дѣлалось не такъ, какъ въ обыденной жизни, а точно наизуворотъ: тамъ не было ни аристократовъ, ни демократовъ, ни передовыхъ, ни отсталыхъ, ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ богачи оставались на второмъ планѣ, а первую роль

въ полку всегда играли круглыя бѣдняки. Ихъ мнѣніемъ дорожили, а они съ полнымъ равнодушіемъ смотрѣли на богатыхъ людей, которыми были переполнены кавалерійскіе полки того времени. За стѣной никто не мучился надъ разрѣшеніемъ неразрѣшимыхъ вопросовъ, не искалъ исполнскаго дѣла, не терзался гражданскими скорбями, не бичевалъ ни себя, ни другихъ... Тамъ неизмѣнно царило твердое сознание исполненнаго долга, ограниченнаго непрекословнымъ подчиненіемъ суровой дисциплинѣ и полной готовностью, ни на минуту не задумываясь, идти куда велятъ, хотя бы на вѣрную смерть.

Прошелъ годъ, другой, и я, самъ того не замѣчая, окончательно утонулъ въ мелочахъ военного быта, раздѣлялъ общее заблужденіе относительно долга и вмѣстѣ съ другими интересовался только вопросами полковой жизни, тѣмъ, что «Джальма» первый парадиръ въ полку, купленъ поручикомъ Кошкаровымъ, тѣмъ, что поручикъ Джонъ въ припадкѣ ревности предложилъ юнкеру Глову американскую дуэль, а штабсъ-капитанъ Нарцевъ, въ эскадронѣ котораго числился Гловъ, послѣ ученья такъ отдѣлалъ бретера, что тотъ поджалъ хвостъ и просилъ извиненія, что вмѣсто черныхъ ремней на шашкѣ даютъ бѣлые, а въ первыхъ числахъ мая мѣсяца полкъ навѣрно выступить въ походъ, и такъ далѣе безъ конца.

II.

За Австрію.

Наступила весна, но не та, съ которой я сроднился въ Казанской и Симбирской губерніяхъ, когда на вашихъ глазахъ цѣлыя мѣсяцы тянется какая-то дикая ожесточенная борьба, и суровая зима, точно злой врагъ, нѣсколько разъ возвращается за тѣмъ, чтобы погубить робко появившуюся зелень и снова засыпать сугробами поля. Весна въ Малороссіи наступила такъ быстро, какъ свершается перемѣна декораций: еще вчера все спало подъ бѣлымъ саваномъ, а сегодня, точно чудомъ какимъ, припекаетъ, какъ лѣтомъ, на небѣ хоть бы облачко, бѣлыя хатки уже тонутъ въ яркой зелени садовъ, переполненныхъ прилетѣвшими, поющими птицами. Это не было уже фантастическая Малороссія, навѣянная «Вечерами на хуторѣ», а дѣйствительная очаровательная въ своей дѣйствительности и захватившая меня до такой степени, что долго, очень долго, послѣ возвращенія на Волгу, я втайнѣ только и думалъ о возвращеніи назадъ.

Вмѣстѣ съ весной намъ былъ объявленъ походъ въ Венгрію. «Дивная весна и дальній походъ...» возможно ли выдумать и соединить въ одно что-нибудь до такой степени увлекательное.

Чудное майское утро... Полкъ собрался на лугу за городомъ Борздой и расположился около наоя.

«Каски долой!.. Спаси Господи люди твоя...» далеко разноситъ теплый, ласкающій вѣтерокъ. Молебень конченъ, старый полковой священникъ, въ сопровожденіи полковаго командира обходитъ ряды драгунъ и усердно кропитъ—направо и налѣво; застоившіеся кони храпятъ и пятятся въ сторону. «Садись!»—раздается голосъ полковаго командира.

Полкъ сѣлъ... «Пѣсенники, впередь!»... Запѣвало Буркинъ отчаянно взмахнулъ руками... Дружно подхватилъ хоръ, и восьмой эскадронъ вытянулся вдоль большой кievской дороги, усаженной старыми ветлами.

Эскадронъ, медленно подвигаясь впередъ, то шлепалъ по грязи, то поднималъ облако пыли. На багровомъ небѣ ранняго утра, надъ сплошной зеленой стѣной сосноваго лѣса, тянувшагося отъ станціи Браворы до Кіева, загорѣлись золотыя главы Лавры; вотъ и синій быстрый Днѣпръ, а за нимъ Воынь съ ея дремучими лѣсами, жидовскими мѣстечками, а тамъ и Царство Польское съ своими угрюмыми костелами, шоссированными дорогами, едва ползущими, обтянутыми холстомъ, жидовскими будами и быстро удалявшимися отъ насъ желтыми ветчачками, запряженными поджарыми и долговыми конями въ краковской упряжи. Время бѣжить, полкъ въ полномъ составѣ и въ парадной формѣ собрался на площади пограничнаго города Томашева. Полковой командиръ, сильно жестикуюрируя и вѣроятно желая возбудить въ насъ геройскія чувства, произносить рѣчь, мы ничего не слышимъ, ничего не понимаемъ, но въ порывѣ небывалаго воинственнаго азарта кричимъ «ура!» и выступаемъ къ границѣ.

Лошади вязнутъ въ глубокомъ пескѣ. Сосновая роща замѣтно рѣдѣетъ; показывается невзрачное зданіе австрійской таможни, возлѣ которой выстроилась рота какихъ-то игрушечныхъ солдатиковъ въ бѣлыхъ кучухъ мундирахъ.

Мигомъ разносится вѣсть, что насъ смотритъ начальникъ дивизіи и австрійскій генералъ Шмекъ.

«Подобрать поводья! оттянуть каблуги! Молодцами!» точно не своимъ голосомъ кричитъ капитанъ и въ то же время не знаетъ, что дѣлать съ своей неизмѣнной «Нормой», не отстающей отъ его стремени.

Миновало лихорадочное состояніе, всегда предшествующее той мпнутѣ, когда эскадронъ долженъ поравняться съ начальствомъ. Мы, т. е. офицеры и юнкера, снова ѣдемъ впереди эскадрона и во всѣ глаза смо-

тримъ вокругъ, и кажется намъ, что не только дома и люди, но даже деревья—все это иное—заграничное. Мы всё въ одинаковой степени проникнуты и подавлены сознаниемъ, что вступаемъ въ предѣлы цивилизованной Австріи, къ которой относились съ нѣкоторымъ работливствомъ.

Передъ нами безконечная полоса шоссе, вся горѣвшая на солнцѣ огнемъ безконечнаго потока касокъ, ружей и пикъ. Драгуны—драгуны безъ конца, и вся эта масса двигается впередъ на невидимаго, ни въ чемъ неповиннаго передъ ней врага, съ которымъ гдѣ-то должна столкнуться. Но до непріятеля еще далеко, а между тѣмъ, съ перваго шага въ Галицію, насъ поразила почти непрерывная вереница нищихъ, тянувшаяся по обѣимъ сторонамъ дороги и протягивавшая руки за подаваніемъ.

Изъ рядовъ то и дѣло выѣзжали драгуны и подавали бѣднякамъ деньги. «Все равно пропадать, такъ зачѣмъ же таскать съ собою лишнюю обузу», было на умѣ у каждаго. На шоссе встрѣтили насъ квартирьеры и къ немалому удивленію привели въ настоящую родную, расположенную въ сторонѣ, хохлацкую деревушку: тѣ же хаты, тѣ же вербы вокругъ пруда, тѣ же типы, тотъ же говоръ, точно мы и не покидали Полтавскую губернію. Драгуны тотчасъ почувствовали себя, какъ дома, и въ недоумѣніи спрашивали другъ-друга: «какая же это Австрія?»

Рано утромъ мы снова вышли на шоссе и снова очутились среди нищихъ, слѣпыхъ, калѣкъ, распѣвавшихъ заунывные псалмы и протягивавшихъ руки за подаваніемъ. На далекомъ горизонтѣ блеснула рѣка, если не ошибаюсь Санъ, а за нимъ среди садовъ и тополей все яснѣй выступалъ городъ Перемышль. Еще нѣсколько верстъ, и мы остановились въ предмѣстьи города, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій.

Тутъ произошла слѣдующая, не лишенная комизма, сцена: мимо спѣшившихъ драгунъ проходилъ небольшой отрядъ австрійскихъ солдатъ послѣдняго набора, состоявшій изъ какихъ-то слабыхъ исхудалыхъ дѣтей въ странныхъ вовсе невоинственныхъ костюмахъ изъ сѣраго холста и въ такихъ же колпакахъ, замѣнявшихъ каски. Рослые, широкоплечіе, обросшіе страшными бакенами, драгуны со всѣхъ сторонъ обступили нашихъ братьевъ по оружію и разсматривали ихъ, какъ очень любопытную и рѣдкую вещь. На сцену выступилъ громаднаго роста взводный вахмистръ Шматовъ, первый балагуръ въ эскадронѣ, и для общей потѣхи захватилъ на каждую руку по одному австрійскому солдатику, вмѣстѣ съ ихъ ружьями и аммуниціей, среди общаго хохота принялся нянчить ихъ, какъ дѣтей, онъ уже собирался захватить третьяго, но раздалось «смирно!», и всё бросились къ конямъ.

Нашъ эскадронъ отвели версты за двѣ отъ города и помѣстили въ громадной корчмѣ, одиноко стоявшей на шоссе. Черезъ часъ мы всё,

т. е. офицеры и юнкера 8-го эскадрона, были уже въ городѣ. Жиды и содержатели безчисленныхъ ресторановъ взирали на насъ съ такимъ подобострастіемъ, какъ-будто мы были ихъ господа и благодѣтели. Это было настоящее рабское поклоненіе передъ невиданной шириной русской натуры и еще туго набитымъ кошелькомъ. Ко всему этому нужно добавить странное впечатлѣніе, производимое на насъ австрійскими кредитными бумажками, разрываемыми на четыре части. Какъ только наступили сумерки, къ нашей корчмѣ, переполненной драгунами, со всѣхъ сторонъ устремились цѣлыя полчища погнѣшихъ созданій, и никакія мѣры не могли остановить такого нашествія. Дошло до того, что вокругъ корчмы выставлена была густая цѣпь часовыхъ съ ружьями, заряженными холостыми зарядами.

Итакъ, вотъ они—первыя впечатлѣнія, которыми встрѣтила и ошеломила насъ заграничная жизнь: невиданная масса нищихъ, унижительное, на все готовое поклоненіе передъ нашимъ кошелькомъ, набитымъ золотомъ, клочки желтыхъ кредитныхъ бумажекъ, пущенныхъ въ обращеніе и, наконецъ, отталкивающий, безстыдный, какой-то воинствующій развратъ.

Вскорѣ мы имѣли случай познакомиться съ другими, еще болѣе мрачными, сторонами цивилизованной страны, каковой считали Австрію. На пути намъ не разъ встрѣчались памятники, увѣщанные вѣнками и наскоро воздвигнутые галиційскими крестьянами въ честь освобожденія ихъ отъ повинностей, связанныхъ съ землею. Такимъ образомъ узнали мы, что галиційскій крестьянинъ мгновенно былъ превращенъ въ свободнаго земледѣльца, но никто изъ насъ, въ простотѣ души своей, не имѣлъ понятія о причинахъ, вызвавшихъ такой рѣшительный и симпатичный переворотъ. Занятые мелочами полковой жизни, при полномъ отсутствіи газетъ, мы ничего не знали о движеніи между помѣщиками Австрійской и Прусской Польши, вызванномъ польскими эмигрантами; намъ неизвѣстно было и то, что Пруссія справилась съ инсургентами, не возбуждая внутренней войны, не опираясь на крестьянъ, между тѣмъ какъ коварная, потрясенная возстаніемъ Венгріи, Австрія, не задумываясь, вызвала настоящую рѣзню.

Вскорѣ намъ пришлось ближе познакомиться съ внутренними порядками страны, передъ которой мы еще недавно преклонялись. Въ дождливую, бурную ночь получено предписаніе немедленно выступить въ селеніе, отстоявшее верстахъ въ 30-ти отъ Перемишля, для усмиренія вышедшихъ изъ повиновенія крестьянъ. Это было такъ давно, что многое представляется мнѣ въ какомъ-то смутномъ видѣ, но при всемъ томъ я хорошо помню утомительный переходъ подъ проливнымъ дождемъ, развалины панскаго дома и пьяныя лица крестьянъ, только что совершившихъ звѣрскую расправу съ своимъ помѣщикомъ. Види-

мымъ образомъ смущенные нашимъ внезапнымъ появленіемъ, крестьяне всячески старались услужить намъ, униженно кланяясь до самой земли. Помнится мнѣ другая безпокойная ночь, когда эскадронъ поднялся по тревогѣ, чтобы предупредить новую расправу озлобленныхъ крестьянъ. Итакъ, вотъ какого рода подвиги ожидали насъ на первыхъ порахъ въ предѣлахъ Австріи. Затѣмъ мы перешли въ другое селеніе, раскинувшееся въ двухъ-трехъ верстахъ отъ города Дорогобыча.

Мнѣ отвели квартиру вмѣстѣ съ капитаномъ, въ домѣ сельскаго ксендза.

Послѣ бывшихъ тревогъ и безпокойныхъ ночей, меня такъ и обдало полнымъ затишьемъ, живо напомнившимъ родную глушь. Самая наружность посѣрѣвшаго отъ времени домика, съ опущенными сторами на окнахъ, съ садикомъ, густо заросшимъ яблонями и черешнями, съ древнимъ костеломъ въ углубленіи, покривившимся заборомъ, вѣчнымъ безмолвіемъ, царившимъ вокругъ—все это, вмѣстѣ взятое, располагало къ мирному настроенію духа. Старый ксендзъ и его помощникъ, похожіе на престарѣлыхъ дѣвъ, отказавшихся отъ свѣта, приняли насъ подъ свое крыло и окружили нескончаемыми заботами, упорно отказываясь отъ всякаго вознагражденія. Въ извѣстное время старшій ксендзъ, круглый и налитой, какъ яблоко, съ смиренной и добродушной улыбкой появлялся въ дверяхъ нашей комнаты и приглашалъ на обѣдъ. Мы направлялись въ столовую, гдѣ ожидалъ насъ накрытый столъ и помощникъ хозяина, такой же прозрачный и, казалось, таявшій отъ избытка радужія и любви къ посланнымъ самимъ Богомъ странникамъ. По вечерамъ съ тою же изысканною любезностью насъ приглашали на чай, послѣ котораго, къ довершенію полной идилліи, ксендзы вносили два пюпитра, раскладывали ноты, бережно вынимали почернѣвшія отъ времени скрипки и услаждали насъ великолѣпной музыкой. Вглядываясь въ темную глубь сада, а дѣлые часы мечтательно прислушивался къ плѣнительнымъ сонатамъ Моцарта и Бетховена.

Мы съ капитаномъ окончательно отделись сладости давнымъ-давно не испытаннаго комфорта, точно возвратились домой, подъ родную крышу. Но продолжая смотрѣть намъ въ глаза, изучая наши привычки и вкусы, все болѣе и болѣе сближаясь съ нами, ксендзы съ глубокими вздохами и шипящей злобой передавали намъ возмутительныя подробности все еще продолжавшейся, хотя и въ слабой степени, крестьянской войны, вызванной агентами правительства и поглотившей столько жертвъ среди польскихъ помѣщиковъ. Убѣдившись, наконецъ, въ томъ, что окончательно покорили наши сердца, ксендзы привели къ намъ мальчика лѣтъ 12-ти, единственнаго члена многочисленной дворянской семьи, погибшей во время рѣзни. Съ этой минуты, убитый горемъ и тщательно скрываемый отъ мѣстныхъ обывателей, мальчикъ сталъ пред-

метомъ нашего общаго сочувствія, и мы наперерывъ старались развлечь и чѣмъ-нибудь порадовать его.

Тутъ совершилось вѣчто неожиданное: изъ штаба прискакалъ нарочный и, едва капитанъ прочелъ первыя строки привезенной имъ бумаги, какъ наша мирная жизнь мгновенно перевернулась вверхъ дномъ; эскадронный трубачъ заигралъ тревогу, со всѣхъ сторонъ послышался конскій топотъ собиравшихся взводовъ, передъ крыльцомъ уже стоять осѣдланые кони, и мы едва успѣли поблагодарить нашихъ радушныхъ хозяевъ, растерявшихся отъ волненія. Въ открытомъ окнѣ въ послѣдній разъ мелькнула передъ нами печальная фигура несчастнаго мальчика, махавшаго намъ платкомъ.

Вызванные по тревогѣ безъ всякой видимой причины, мы двинулись во внутрь страны; вѣчные нищія при великолѣпныхъ шоссированныхъ дорогахъ, бѣлыя корчмы съ громадными черепичными крышами, на каждомъ шагу бьющія въ глаза высокіе, зеленые или голубые кресты, аллеи пирамидальныхъ тополей при вѣздахъ въ то и дѣло попадавшіяся мѣстечки, переполненные жидами и жиденятами, древніе двухбашенные костелы, изукрашенные статуями святыхъ въ какихъ-то вычурныхъ, театральныхъ позахъ, кое-гдѣ православныя церкви,— вотъ чѣмъ встрѣчала и провожала насъ Галиція, не имѣвшая ничего общаго съ необъятными полями Симбирской губерніи, рѣдкими соломенными деревушками и непроходимыми дорогами.

Передъ нами городъ Ярославъ, еще издали бросающійся въ глаза своимъ стариннымъ замкомъ, многочисленными башнями костеловъ и красивымъ паркомъ, по которому извиивается рѣка Санъ. Съ музыкой, гиканьемъ эскадронныхъ пѣсенниковъ, звономъ и громомъ тарелокъ и бубновъ, въ праздничный день, всѣмъ полкомъ прошли мы по узкимъ улицамъ города, запруженнымъ возами, панскими нетычанками, мужиками въ бѣлыхъ свиткахъ и мелкой шляхтой въ расшитыхъ венгеркахъ. Вся эта толпа съ любопытствомъ и изумленіемъ провожала, казалось, нескончаемые ряды драгунъ, молодцовато сидѣвшихъ на выхолонныхъ, одномастныхъ гнѣдыхъ коняхъ.

За городомъ снова потянулось гладкое, какъ столъ, шоссе, въ тѣни громадныхъ тополей... Еще три-четыре версты, и мы свернули въ сторону, и вскорѣ выѣстъ съ капитаномъ очутились на широкомъ, обсаженномъ деревьями, дворѣ помѣщицкѣй усадьбы.

Передъ нами низенькій, несоразмѣрно длинный, чисто выбѣленный домъ, съ выдвинувшимся впередъ, по серединѣ, крыльцомъ, на которомъ уже поджидалъ насъ хозяинъ, пожилой, но еще бодрый русинъ, окруженный многочисленнымъ семействомъ. Радушно приглашая войти въ домъ искренняго друга Россіи, хозяинъ ввелъ насъ въ про-

стороню комнату, посреди которой уже протянулся накрытый столъ, заставленный всякими яствами и бутылками.

Знакома намъ съ своимъ семействомъ, хозяинъ подвелъ сына-студента, если не ошибаюсь, Львовскаго университета, поразительно красиваго брюнета, съ закинутыми назадъ густыми волосами и съ такимъ мрачнымъ выраженіемъ блѣднаго лица, что вся эта грустная, чисто гамлетовская фигура до настоящаго времени, какъ живая, стоитъ передъ глазами моими.

Узнавъ, что я бывшій студентъ русскаго университета, Гамлетъ окончателно завладѣлъ мною на все время нашей стоянки. вмѣстѣ бродили мы по окрестностямъ; вдвоемъ цѣлыя ночи, до самой зари просиживали на террасѣ... Студентъ неумолкаемо громилъ Австрію, яростно потрясая сжатыми кулаками въ сторону видѣвшагося вдали Ярослава и посылая страшныя проклятія на головы сидѣвшихъ тамъ австрійскихъ властей. Все существо его, казалось, было пропитано ненавистью къ Австріи, жаждой мести за брата, замѣшаннаго въ раздутый политическій процессъ, и какой-то, въ первый разъ въ жизни встрѣчасмой мною, восторженной, фанатической любовью къ Россіи. Сообщая массу неизвѣстныхъ мнѣ подробностей изъ настоящаго и прошлаго своего ненавистнаго отечества, о формализмѣ Меттерниха, слабоумномъ императорѣ Фердинандѣ, по болѣзненному состоянію своему оказавшемся неспособнымъ заниматься дѣлами правленія (перешедшаго къ такъ-называемой государственной конференціи, состоявшей изъ эрцгерцога Людовика, дяди императора, князя Меттерниха и графа Коловрата), нагломъ графѣ Шварценбергѣ, тщательно замаскированномъ, чисто іезуитскомъ поощреніи звѣрской расправы крестьянъ съ помѣщиками, не знающей границъ свирѣпости австрійскаго главнокомандующаго, барона Гайнау, бездарности Бенедеки, представляя Австрію какимъ-то чудовищемъ, соединявшимъ въ себѣ неумолимую жестокость съ тщательно замаскированнымъ коварствомъ,—львовскій студентъ въ то же время осыпалъ меня вопросами о Россіи вообще, но главнымъ образомъ о Москвѣ и русскомъ народѣ. Москва была для него тѣмъ же, чѣмъ Римъ для католика, Мекка—для мусульманина, а Россія, по его твердому убѣжденію, рано или поздно должна была сплотить и поднять изъ праха забытыхъ и униженныхъ славянъ.

Къ сожалѣнію, я не могъ удовлетворить страстнаго любопытства моего собесѣдника, такъ какъ въ то время о Москвѣ не имѣлъ еще никакого понятія. Что же касается до русской жизни вообще, до народа, то въ моихъ сообщеніяхъ не могло быть ничего интереснаго. Мнѣ оставалось или молчать, или описывать патріархальныя прелести крѣпостнаго права и восхищаться чисто растительною жизнью помѣщи-

ковъ, наполненною крестинами, именинами, приходскими праздниками и отъѣзжими полями.

Вотъ все, что я могъ разказать въ то время страстному энтузіасту Россіи.

Изъ штаба то и дѣло доносились слухи о столкновеніяхъ съ мѣстными властями, вызванныхъ болѣе нежели дружескими отношеніями, тотчасъ же завязавшимися между нашими офицерами и венгерцами, высланными на житье въ Галицію. Вообще, бросалось въ глаза сочувствіе, повсюду возникавшее между нашими военными людьми и венгерцами, рядомъ съ общей антипатіей, проявлявшейся въ отношеніяхъ къ австрійцамъ.

Мы снова двинулись впередъ, а давно уже видѣвшіяся на горизонтѣ неподвижныя, темныя облака приняли ясныя формы Карпатъ.

Началась, полная новизны и прелести, бивуачная жизнь. Сдѣлавши большой переходъ, мы, обыкновенно, сворачивали съ шоссе прямо въ поле, уставленное только-что сжатыми скирдами. Устраивались коновязи, мигомъ возникали бараки для офицеровъ, на скорую руку сложенные изъ сноповъ, и подъ открытымъ небомъ, возлѣ пылавшаго костра завязывалась шумная, оживленная бесѣда. Затѣмъ все затихаетъ въ ночной тиши, слышатся только гелоса часовыхъ, да фырканье уставшихъ коней... Свѣтаетъ... Сквозь сонъ слышатся звуки походной трубы. Бодрый, счастливый поднимаешься съ соломы и прежде всего ищешь глазами рѣзко выступавшія и синѣющія на румяномъ небѣ вершины горъ, и кажется, что вотъ овѣ въ двухъ-трехъ верстахъ отъ насъ, покрытыя сплошнымъ лѣсомъ, тянутся непрерывною цѣпью, отдѣлявшей Галицію отъ Венгріи.

Послѣ нѣсколькихъ дней бивуачной жизни, мы остановились въ нѣмецкой колоніи въ виду города Стрый (Stryj), лежащаго на югѣ, подлѣ обширныхъ лѣсовъ, при выходѣ одной изъ Карпатскихъ долинъ.

Идеальный видъ чистоты и полного благополучія чувствовался во всемъ, что окружало насъ въ колоніи. Изъ оконъ вполне комфортабельнаго дома, въ которомъ мы отвели квартиру, видѣлся рядъ такихъ же чисто выбѣленныхъ домиковъ, вытянувшихся прямою линією и образовавшихъ длинную, широкую улицу, утопавшую въ зелени садовъ и палисадниковъ. Вдали, на площади, красовалась массивная, изящная кирка, съ часами на башнѣ, а рядомъ церковный домъ пастора и зданіе школы. Все это изъ камня, окрашенное въ бѣлую краску. Послѣ русскихъ и малороссійскихъ деревень можно было только изумляться при видѣ такого благоустройства и очевиднаго довольства.

Изъ Стрия мы круто повернули въ горы, къ венгерской крѣпости «Мункачь», полные нелѣпой, но въ то же время неодолимой радости при мысли о близкомъ столкновеніи съ неприятелемъ.

Стояли сѣрые сумрачныя дни... Со всѣхъ сторонъ обступили насъ

неприступныя, изрытыя морщинами, горы, желтые обрывы, чудовищныхъ размѣровъ камни, темныя ущелья, съ синѣвшими въ таинственной глубинѣ ихъ туманами. Шоссе, по которому мы двигались, то пропадало въ облакахъ, то поднималось высоко надъ нами, и тогда-то передъ глазами нашими открывалась причудливая, никогда не виданная нами панорама Карпатъ. Затихали разговоры, умолкали пѣсенники и неутомимые, всегда готовые смѣшнить, эскадронные остряки, и чувство невиданной красоты видимымъ образомъ овладѣвало даже простыми сердцами солдатъ. Вокругъ постоянно кипѣла работа, и масса крестьянъ очищала шоссе, заваленное лѣсомъ, камнями и старательно испорченное венгерцами, приложившими все стараніе, чтобы только затруднить перевалъ черезъ горы.

Какъ разъ въ это время разнеслась вѣсть, что Гергей, предводитель венгерцевъ, предлагаетъ сложить оружіе передъ войсками императора всероссійскаго. Слухъ этотъ, встрѣченный свачала съ недобѣріемъ, скорѣ подтвердился, а по рукамъ уже ходило извѣстное, замѣчательно изложенное, письмо Гергея на имя генерала Ридигера, въ которомъ Гергей писалъ, что, видя невозможность дальнѣйшаго продолженія неравной борьбы и зная возвышенность чувствъ и характера императора русскаго, онъ преклоняетъ передъ нимъ свое оружіе и готовъ сдаться русской арміи, но что онъ и вся армія его скорѣ положить до послѣдняго кости свои, чѣмъ покорятся австрійцамъ.

Читая это письмо, каждый изъ насъ смутно понималъ, что оно жестоко оскорбляетъ самолюбіе австрійцевъ и неминуемымъ образомъ вызоветъ чувство ненависти къ Россіи, которое рано или поздно выразится на дѣлѣ. Послѣдствія показали, что предчувствіе простыхъ, безхитростныхъ военныхъ людей не обмануло ихъ.

Мы поворотили назадъ, на родину, сопровождаемые и изумленные слухами о страшной мести, обрушившейся на голову венгерцевъ, о кровавой расправѣ съ плѣнными. Каждый изъ насъ въ простотѣ души своей спрашивалъ себя, какъ это могло случиться, когда венгерцы такъ довѣрчиво отдались намъ и, не зная, какъ разрѣшить такой неотступный, навязчивый вопросъ, помышляли только о томъ, чтобы какъ можно скорѣ выбраться изъ окружающей насъ душной, давящей атмосферы австрійскихъ порядковъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1850 г. по сыпучимъ пескамъ, подъ палящими лучами солнца, нашъ полкъ въ полномъ составѣ подвигался къ пограничному торговому городу Броды.

На одной изъ главныхъ улицъ насъ ожидала неожиданная, непрощенная награда за ратные подвиги.

Никогда еще не видалъ я такого скопленія пейсовъ, острыхъ, какъ птичій клювъ, носовъ, горѣвшихъ восторгомъ лукавыхъ глазъ. Точно

слетѣлись тысячи вороновъ и воронятъ, и сверху до низу отъ самыхъ крышъ до тротуаровъ, сплошной массой облѣпивши длинную, тѣсную улицу, чествовали насъ оглушительнымъ карканьемъ, осыпая пвѣтами, падавшими изъ оконъ, съ крышъ и балконовъ. Испуганные кони кидались въ сторону, становились на дыбы, едва сдерживаемые растерявшимися драгунами, нисколько не приготовленными къ такой шумной, непрошенной оваціи со стороны сыновъ Израиля.

Наконецъ мы на свободѣ... Вотъ и таможня, а сейчасъ за ней родина, въ эту минуту казавшаяся намъ милѣе, чѣмъ когда бы то ни было.

Все однообразно, безжизненно, скучно вокругъ; бывшаго оживленія, шоссированныхъ дорогъ, прекрасныхъ городовъ, благоустроенныхъ гостиницъ и всякихъ соблазновъ какъ не бывало. Но, не взирая на это, одна мысль, что мы уже не въ Австріи, а у себя дома, радовала насъ до такой степени, что всѣ разомъ повеселѣли; тяжелого, тоскливаго чувства какъ не бывало, и полкъ съ облегченнымъ сердцемъ утонулъ въ темныхъ, молчаливыхъ, застилавшихъ весь горизонтъ, дѣбряхъ волынскихъ лѣсовъ.

III.

Противъ Австріи.

Прошло не болѣе пяти лѣтъ и въ то время, когда Россія пережила страшные дни Севастопольской бойни, Кирасирскій полкъ, въ который я былъ переведенъ, наслаждался красотами Каменецъ-Подольской губерніи, безцѣльно переходя изъ одного живописнаго мѣста въ другое, еще болѣе прекрасное.

Въ одно іюльское утро, когда полкъ учился возлѣ мѣстечка Кирилловцы, на почтовой дорогѣ показалась курьерская тройка съ скакавшимъ на ней адъютантомъ начальника дивизіи. Стоя въ телѣжкѣ, адъютантъ еще издали махалъ намъ фуражкой. Навстрѣчу помчался полковой командиръ, а возвратившись вызвалъ офицеровъ и, едва переведа духъ отъ волненія и неожиданной радости, объявилъ, что Кирасирскій корпусъ съ настоящаго дня переводится на военное положеніе.

Вслѣдъ за тѣмъ мы съ недоумѣніемъ прочли приказъ по корпусу генерала Остенъ-Сакена, подъ начальство котораго поступили вмѣстѣ съ находившейся вблизи пѣхотой и казаками.

Я глубоко сожалѣю, что не сохранилъ копію съ этого приказа, нѣсколько вычурнаго и очевидно отданнаго съ цѣлью подбодрить и поднять духъ Кирасирскаго корпуса, неожиданнымъ образомъ очутившагося лицомъ къ лицу съ австрійцами, выдвинувшими свои войска на границу и угрожавшими намъ вторженіемъ.

Мнѣ смутно помнится, что въ приказѣ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ упоминалось о вѣроломствѣ австрійцевъ, о томъ, чтобы мы не смущались численнымъ превосходствомъ непріятеля, помниди, что австрійцы всегда и всюду терпѣли пораженія и неминуемымъ образомъ будутъ снова побиты.

Восторгъ былъ общій и неописанный... Приказано готовиться, но, сколько мнѣ помнится, солдаты лѣнливо, съ своими обычными шутками, принялись точить пики и палаши, а офицеры, не взирая на строгія предписанія, вовсе не думали о походныхъ вьюкахъ, точно догадывались, что они не понадобятся, и все кончится пустяками.

Мы быстро подвигались къ австрійской границѣ. Полковой командиръ то и дѣло собиралъ эскадронныхъ и вмѣстѣ съ ними, вооружившись громаднымъ биноклемъ, разѣзжалъ по окрестностямъ для изученія мѣстности. Они веселой кавалькадой взбирались на возвышенности, обозрѣвали окрестность, о чемъ-то совѣщались, спускались внизъ, скакали по полямъ, исчезали въ ближайшемъ лѣсу и вообще продѣлывали на нашихъ глазахъ какую-то, можетъ быть, занимательную, но въ то же время до крайности компичную дѣтскую игру въ войну. Передъ нами замелькали пики кирасирскихъ и казачьихъ разѣздовъ, посылаемыхъ впередъ къ синѣвшей вдаль таинственной, завлекательной для насъ границѣ.

Изнывая отъ любопытства, я воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы поѣхать въ ближайшее къ намъ пограничное мѣстечко Гусятинъ. Вотъ она, наконецъ, эта таинственная черта, отдѣлявшая насъ отъ непріятеля, за котораго пять лѣтъ тому назадъ мы готовились положить свои головы. Только-что разсвѣтало, когда я подѣзжалъ къ Гусятину. Внизу подъ горой, по обѣимъ сторонамъ рѣки Збручъ, видѣлась беспорядочно наваленная другъ на друга куча почернѣвшихъ отъ времени черепичныхъ крышъ. Ближе къ рѣкѣ возвышалось зданіе таможни, за которой открывалась небольшая площадь, спускавшаяся къ длинному широкому мосту. На мосту не было ни души, но по обѣимъ сторонамъ его постоянно толпились жида въ длинныхъ хламидахъ, переликаясь между собой, или молча размахивая руками и подавая другъ другу какіе-то таинственные знаки. На возвышенномъ противоположномъ берегу, въ сторонѣ отъ моста, дымилась полковая кухня, окруженная венгерскими гусарами въ голубыхъ венгеркахъ.

Вечеромъ, на площадкѣ передъ таможней собралось все гусятинское общество, къ которому вскорѣ присоединились австрійскіе чиновники съ ихъ семействами. Подѣхали гусарскіе офицеры верхомъ на красивыхъ коняхъ и, поговоривъ съ нами на ломанномъ французскомъ языкѣ, предложили показать намъ ѣзду. Они съ видимымъ наслажденіемъ продѣлали передъ нами всякіе трудные фокусы, возможные толь-

ко въ циркѣ, и въ заключеніе похвалились своими саблями, отточенными, какъ бритва, и испещренными золотыми надписями. Несомнѣнно было, что лихой конь, старинная, всячески разукрашенная сабля, густо нафабранные, звѣрски закрученные кверху усы—все это вмѣстѣ взятое представляло и исчерпывало все содержаніе венгерскаго гусара, и когда впоследствии мнѣ пришлось наблюдать офицеровъ французской, а главнымъ образомъ германской арміи, то для меня все болѣе выяснялась поразительная разница между нашими и иностранными военными людьми. Французъ, венгерецъ, нѣмецъ всею душою отдается своему званію и ремеслу, гордится имъ, такъ сказать, обожаетъ его, дорожитъ каждой мелочью, всячески старается придать своему лицу и всей фигурѣ своей какъ можно болѣе противуестественный, свирѣпый и воинственный видъ, между тѣмъ какъ русскій офицеръ, за ничтожнымъ исключеніемъ, остается все тѣмъ же добродушнымъ человѣкомъ, чуждымъ всякой рисовки, кровожадныхъ поползновеній, страсти къ оружію и всякимъ приспособленіямъ, направленнымъ къ истребленію себѣ подобныхъ. Онъ всегда простъ, нѣсколько мѣшковатъ, геройскаго вида на себя не напускаетъ и уже рѣшительно не способенъ устроить себѣ страшное лицо, какъ это дѣлаютъ французскіе зуавы или прусскіе гренадеры.

Изучая въ теченіе многихъ лѣтъ нашихъ военныхъ, я за ничтожнымъ исключеніемъ мало встрѣчалъ людей, преданныхъ своему дѣлу. О специальныхъ свѣдѣніяхъ въ то время не было и помину, и большинство или ровно ничего не дѣлало. или занималось всѣмъ, чѣмъ хотите: литературой, живописью, картежной игрой, кутежемъ, охотой, но только не военнымъ дѣломъ.

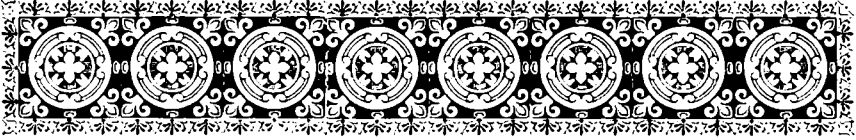
Распростившись съ радушнымъ гусятинскимъ обществомъ и венгерскими офицерами, я поснѣшилъ возвратиться въ полкъ, замирая отъ страха, что, кто знаетъ, можетъ быть, онъ уже выступилъ и гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ перешелъ границу.

Полкъ не двигался. Время проходило въ праздныхъ разговорахъ и нетерпѣливомъ ожиданіи, что вотъ не сегодня, такъ завтра мы двинемся впередъ, навстрѣчу австрійцевъ. Полковой командиръ продолжалъ волноваться, скакалъ по окрестностямъ, обзрѣвалъ мѣстность, писалъ строжайшіе приказы о вьюкахъ, грозилъ сечь офицерскіе экипажи, настаивалъ на томъ, чтобы пики и палаши были какъ можно лучше отточены, а въ ночное время эскадроны были въ постоянномъ ожиданіи тревоги, а затѣмъ нѣсколько дней спустя было получено распоряженіе идти на зимовья квартиры въ мѣстечко Махновку.

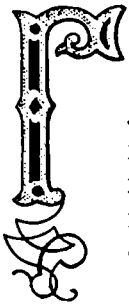
Такимъ образомъ закончились наши воинственные замыслы противъ коварной Австріи.

В. Назарьевъ.

9-го ноября 1892 г.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О КРЫМСКОЙ ВОЙНѢ ¹⁾

Главная наша армія до крымской кампаніи и до объявленія намъ войны Англійей, Франціей и Сардиніей, въ 1854 году, находилась въ предѣлахъ Турціи подъ Силистріей, каковая крѣпость, безъ сомнѣнія, и была бы нами взята, если бы не была объявлена намъ война сказанными союзниками Турціи, что: и заставило насъ снять осаду Силистріи. Въ періодъ этого времени мы, драгуны, вмѣстѣ съ другими войсками, составляли резервъ главной нашей арміи, находясь въ Молдавіи подъ начальствомъ генерала графа Остенъ-Сакена (Дмитрія Ерофеевича, который былъ потомъ начальникомъ Севастопольскаго гарнизона), квартира котораго находилась въ гор. Яссахъ, во дворцѣ господара молдавскаго Гико; въ этомъ же городѣ находились и штабы другихъ частей войскъ, въ числѣ которыхъ и нашъ штабъ 1-й драгунской бригады, въ которой я былъ, какъ и говорилъ прежде, адъютантомъ.

Помню очень хорошо, какъ въ августѣ мѣсяцѣ сдѣлано было распоряженіе о сборѣ войскъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Яссъ. Въ назначенный день, рано утромъ, со всѣхъ сторонъ стали вступать въ городъ полки нашихъ войскъ съ музыкою и пѣсенниками. На большой Дворцовой площади, гдѣ находился дворецъ господара, были поставлены войска: наша драгунская бригада и одинъ баталіонъ какаго-то пѣхотнаго полка, другія же войска разставлены были по улицамъ города.

По срединѣ площади, противъ стоящаго баталіона, былъ поставленъ обвиняемый въ непослушаніи нашему начальству эскадронъ мол-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, 1893 г. январь.

даванскихъ уланъ съ ихъ офицерами, въ числѣ которыхъ находился и какой-то молдаванскій генералъ въ нашей формѣ; по обѣимъ сторонамъ молдаванскаго эскадрона стояло два полка нашихъ драгунъ. Не лишнимъ считаю сказать, что вся молдаванская армія (!), находившаяся въ то время въ составѣ нашихъ войскъ, заключалась: изъ одного баталіона пѣхоты, одной батареи артиллеріи и эскадрона уланъ.

Когда молдаване узнали, что намъ, русскимъ, объявлена война другими государствами и что войска наши должны, отступивъ отъ Силистріи, возвратиться въ Россію, то сказанная молдаванская милиція перестала повиноваться нашимъ распоряженіямъ. Болѣе всѣхъ высказалъ неповиновеніе уланскій эскадронъ, за что и былъ приведенъ въ качествѣ обвиняемаго на площадь.

Часу въ одиннадцатомъ утра пожаловалъ нашъ начальникъ войскъ графъ Остенъ-Сакенъ верхомъ со свитою и, объѣхавъ прежде войска, разставленныя по улицамъ, пріѣхалъ къ намъ на площадь. Поздоровавшись съ частями войскъ, онъ остановился противъ баталіона нашей пѣхоты, построеннаго въ колонну и стоявшаго противъ возмущившагося болѣе другихъ эскадрона. Приказавъ громко первому фасу баталіона зарядить ружья боевыми патронами, графъ Остенъ-Сакенъ, обратясь къ эскадрону молдаванъ, сказалъ: кто не хочетъ слѣдовать съ русскими войсками и повиноваться русскимъ властямъ, тотъ пусть выѣдетъ впередъ. Понятно, что никто не отважился сдѣлать этого, боясь быть разстрѣляннымъ. Затѣмъ графъ приказалъ молдаванскому эскадрону слѣпиться и отдать своихъ лошадей нашимъ драгунамъ, для передачи ихъ въ городскую пожарную команду, людей же приказалъ распределить по частямъ нашихъ войскъ въ качествѣ арестованныхъ, что было сдѣлано и съ другими частями молдаванской милиціи, но только не публично.

Вслѣдъ за симъ послѣдовало освобожденіе молдаванъ изъ-подъ ареста, которые и остались въ ихъ, неблагодарномъ намъ, отечествѣ.

Во время разсказаннаго все населеніе города унижало собою всѣ дома и крыши площади и, когда войска наши, послѣ церемоніальнаго марша, разошлись по квартирамъ, то стали подбрасываться и наклеиваться на столбахъ и домахъ памфлеты, въ которыхъ графа Остенъ-Сакена и русскія войска поздравляли съ побѣдой, одержанной надъ сотней обезоруженныхъ молдаванъ.

Грустно вспоминать о неблагодарности Молдавіи и Валахіи по отношенію къ Россіи, которой онѣ обязаны своимъ избавленіемъ отъ ига и рабства, тяготѣвшаго надъ ними въ продолженіе многихъ вѣковъ.

Но еще грустнѣе вспомнить о единоплеменныхъ намъ болгаряхъ, земля которыхъ обогрѣна русскою кровью въ 1877 году во имя также ихъ свободы и независимости. Понятно, что неразвитый и поработенный

народъ здѣсь непричемъ; все зло заключается въ ихъ вожакахъ-западникахъ, враждебно къ намъ относящихся, несмотря на благодѣянія, оказанныя имъ также въ свое время Россією.

Невольно приходитъ на мысль русская поговорка: «если хочешь нажать себѣ врага, то сдѣлай ему прежде доброе дѣло».

Не бывъ посвященнымъ въ военно-стратегическія соображенія, которыми высшія начальствующія лица руководствовались въ крымской кампаніи, опишу лишь военныя дѣйствія нашей драгунской бригады, въ которой я имѣлъ честь тогда служить.

Послѣдствіемъ объявленія намъ союзниками Турціи войны было то, что мы, оставивъ Молдавію и Валахію, возвратились въ предѣлы своего отечества, такъ какъ англо-французскій десантъ въ 1854 году былъ уже сдѣланъ въ Крыму (въ селеніи Кантуганъ, близъ Евпаторіи, въ имѣніи помѣщика грека Ревильети), почему наша 1-я драгунская бригада и была направлена форсированнымъ маршемъ въ Крымъ, куда мы и прибыли послѣ програннаго нами Альмскаго сраженія, когда непріатели наши уже находились на южной сторонѣ Севастополя.

Не могу понять, почему союзники, разбивъ насъ въ Альмскомъ сраженіи (6-го сентября), не пошли прямо на сѣверную сторону Севастополя и не взяли его, такъ какъ сѣверное укрѣпленіе носило только лишь это названіе, въ дѣйствительности же это былъ полуразрушенный и невооруженный редутъ, оставленный нашими войсками. Если бы англо-французскія войска, располагавшія въ то время Чернымъ моремъ и огромнымъ флотомъ, заняли Севастополь и затѣмъ Перекопскій перешеекъ, то незначительныя и разбитыя въ то время войска наши, отрѣзанныя отъ сообщенія съ Россією, должны были бы сдать, не имѣя опорнаго пункта для сопротивленія, и весь полуостровъ Крыма принадлежалъ бы союзникамъ. Но судьбѣ угодно было распорядиться иначе для составленія нашей исторической славы—защиты Севастополя, подобной защитѣ Трои!

Сказанная бригада наша (Московскій и Каргопольскій драгунскіе полки), подъ начальствомъ генераль-маіора Пляцъ-бекъ-Кокума (бывшаго потомъ военнымъ полицеймейстеромъ при главной квартирѣ), вошла въ составъ нашихъ дѣйствующихъ войскъ въ Крыму 13-го октября вечеромъ, когда трупы уничтоженной въ тотъ день англо-французской кавалеріи не были еще убраны. Войсками нашими въ этой мѣстности командовалъ генераль-лейтенантъ Липранди (командиръ 12-й пѣхотной дивизіи), который 7-го октября взялъ съ болъ Кадыкойскія высоты съ четырьмя редутами, обороняемыми турками. Разсчитывая, что союзныя войска пожелаютъ взять обратно занятую

нами позицію, генераль Липранди просилъ подтвержденія, и вотъ наша драгунская бригада и была ему прислана.

Въ день празднованія англичанами дня англійской королевы Викторіи—13-го октября, англійская и французская кавалерія вздумала атаковать насъ, дабы смыть съ себя пятно, такъ какъ кавалерія ихъ въ Альмскомъ сраженіи не участвовала, застрявъ гдѣ-то въ болотѣ. Кавалерія эта въ составѣ двухъ эскадроновъ—англійскаго и французскаго—предприняла сумасшедшую атаку на наши войска: впереди всѣхъ скакалъ англійскій лордъ Монгомери, какъ должно полагать, начальникъ безумной атаки; опрокинувъ сначала уральскихъ казаковъ, потомъ уланъ седьмой резервной дивизіи и гусаръ Александрійскаго полка, стремительно прискакавъ къ Черной рѣчкѣ, она остановилась въ виду неожиданнаго препятствія. Въ это время наши уланы и гусары обошли ихъ съ фланговъ, и имъ ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ карьеромъ ретироваться подъ перекрестнымъ огнемъ нашей пѣхоты и артиллеріи, усѣявъ поляну своими трупами, такъ что врядъ-ли десятая доля ихъ возвратилась во-свояси. Всѣхъ убитыхъ и раненыхъ насчитывалось до 200 человекъ, которыхъ очень легко можно было различить: французы имѣли красныя шаровары и синіе мундиры, а англичане—наоборотъ. Такъ кончилась безумная атака англо-французской кавалеріи, которая была произведена въ состояніи невмѣняемости, такъ какъ они въ этотъ день, какъ я и сказалъ, пировали по случаю дня Викторіи.

По приходѣ въ этотъ самый день вечеромъ на поле сраженія, мой генераль—Кокумъ, вмѣстѣ со мною, явился къ генералу Липранди за приказаніями, спрашивая—гдѣ расположить бригаду? Генераль Липранди, оставшись очень довольнымъ нашимъ приходомъ, указалъ мѣсто, на которомъ мы и расположились бивуаками, при чемъ сказалъ намъ, что завтра или послѣ завтра мы должны ожидать боя, такъ какъ ге пріятель намѣренъ непременно взять обратно занятую имъ, Липранди, 7-го октября позицію. Но предположеніе его не осуществилось, и мы оставались нѣкоторое время въ бездѣйствіи.

На другой день, т. е. 14-го октября, я былъ посланъ къ тому же генералу Липранди за приказаніями. До моего пріѣзда явились депутаты въ качествѣ парламентаревъ отъ главноначальствующаго англійскими войсками—Роглана, которые просили возвратить имъ трупы павшихъ въ бою 13-го октября ихъ лордовъ—Монгомери и Кардигама, предлагая за нихъ выкупъ, что генерала Липранди очень разсердило, и онъ сказалъ имъ, чтобы они убивались, такъ какъ русскія войска не торгуютъ трупами павшихъ воиновъ, а если англичане желаютъ получить трупы названныхъ лордовъ, то могутъ прислать своихъ рабочихъ для отысканія ихъ въ общей могилѣ. Не знаю, что было потомъ относительно ходатайства англичанъ о полученіи убитыхъ лордовъ.

Когда я исполнилъ приказаніе моего начальника Кокума, то генералъ Липранди послалъ меня отъ себя къ генералу-отъ-инфантеріи Горчакову (командиру бывшаго 6-го корпуса, подъ начальствомъ котораго нами было проиграно Альмское сраженіе; не знаю, почему сказанный корпусный командиръ очутился въ районѣ войскъ, которыми командовалъ Липранди), — поручивъ мнѣ спросить, какое угодно будетъ его высокопревосходительству сдѣлать распоряженіе относительно дальнѣйшихъ дѣйствій его отряда, такъ какъ въ присутствіи его, Горчакова, какъ старшаго, онъ, Липранди, не считаетъ себя въ правѣ распоряжаться самостоятельно. На вопросъ этотъ генералъ Горчаковъ отвѣтилъ, что онъ не беретъ на себя смѣлости распоряжаться героемъ, почему и предоставляетъ Липранди дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Два раза пришлось мнѣ передавать тому и другому взаимныя колкости, редакцію которыхъ я старался сгладить, не раздражая самолюбій.

По поводу сказанной пикировки начальствующихъ лицъ на театрѣ военныхъ дѣйствій могу только сказать: «Было бы смѣшно, еслибъ не было такъ грустно», такъ какъ столкновение самолюбій и служебнаго антагонизма между начальствующими лицами постоянно повторялось въ ущербъ общаго дѣла, что доказывается и Инкерманскимъ сраженіемъ (24 октября), когда Липранди не поддержалъ во-время генерала Соймонова (какъ это говорится и въ запискахъ полковника Лебедева, помѣщенныхъ въ январской книжкѣ «Русской Старины» за 1893 годъ).

Спустя вѣсколько дней стоянки нашей на той же позиціи, въ ожиданіи наступленія непріятеля, второй нашъ полкъ, которымъ командовалъ полковникъ графъ Крейцъ, находился впереди, въ качествѣ авангарда, лошади котораго, за исключеніемъ дежурнаго дивизіона, стояли въ коновязяхъ размуянштученными, но подъ сѣдлами, два же дежурныхъ эскадрона, стоявшихъ впереди, держали коней въ рукахъ, будучи готовыми каждую минуту встрѣтить непріятеля.

Въ одну безлунную ночь я сидѣлъ въ палаткѣ моего генерала и пилъ чай. Въ это время вдругъ мы услышали ружейную и пушечную пальбу. Съѣсть на коней и быть готовыми къ движенію вмѣстѣ съ первымъ драгунскимъ полкомъ было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, такъ какъ лошади были осѣдланы. Недоумѣвая, что случилось и кто кого атакуетъ, генералъ мой послалъ меня разузнать, въ чемъ дѣло, и привезти приказаніе отъ нашего начальника дивизіи барона Врангеля. Не зная, гдѣ отыскать сказаннаго начальника дивизіи въ темную непроглядную ночь, тѣмъ болѣе, что онъ съ третьимъ драгунскимъ полкомъ находился на другой позиціи, я все-таки вмѣстѣ съ казакомъ отпра-

вился исполнить приказаніе начальника, но розыски мои оказались тщетными, такъ какъ никто не могъ мнѣ сказать, гдѣ я могу найти генерала Врангеля. Между тѣмъ выстрѣлы со всѣхъ сторонъ все болѣе и болѣе учащались, каковая канонада продолжалась болѣе получаса и, когда она стихла, то я ни съ чѣмъ возвратился назадъ. У генерала Кокума въ палаткѣ я засталъ командира 2-го полка графа Крейца, который, вручая бригадному командиру свою пашку, сказалъ, что онъ, полковникъ Крейцъ, считаетъ себя арестованнымъ, такъ какъ лошадей полка, которымъ онъ командуеъ, не существуетъ; причемъ объяснилъ, что лошади восьми его эскадроновъ, стоявшія въ коновязяхъ осѣдлан-ными, испуганныя проскакавшимъ всадникомъ, рванулись и, оборвавъ недоуздки и вырвавъ кольца, къ которымъ были прикрѣплены веревки коновязей, понесли въ разныя стороны безъ сѣдоловъ, и у него осталось только два эскадрона, которые стояли въ авангардѣ. Когда лошади сорвались и поскакали, то непріатели наши, предполагая, что мы ихъ атакуемъ ночью, открыли огонь, наши же войска, думая, что насъ атакуютъ, открыли также огонь по направленію къ непріателямъ; всѣхъ сильнѣе высказался огонь съ нашего праваго фланга (съ Кадыкойскихъ высотъ), гдѣ стоялъ нашъ отрядъ подъ начальствомъ генерала Жебокритскаго. Однимъ словомъ, произошла такая кутерьма въ непроглядную крымскую ночь, что трудно даже представить себѣ.

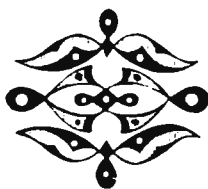
Если лошади нашихъ драгунъ сорвались, то въ этомъ никого нельзя винить, такъ какъ наши лошади не привыкли стоять въ коновязяхъ и весь походъ нашъ изъ Россіи и Молдавіи мы ставили ихъ по конюшнямъ или по дворамъ. Впослѣдствіи, во время перемирія, когда мы были съ графомъ Ржевудцимъ въ гостяхъ у французовъ около Евпаторіи (о чемъ я рассказывалъ въ первой мой статьѣ), то французы показывали намъ двухъ нашихъ сѣрыхъ лошадей, благополучно прискакавшихъ во время разсказаннаго на ихъ позицію подъ Севастополемъ; лошади наши, сравнительно съ ихними, также драгунскими, оказались гораздо крупнѣе и въ очень хорошемъ тѣлѣ, между тѣмъ французскія были мелки и худоконны.

Генераль Кокумъ, успокоивъ сколько было возможно командира полка графа Крейца, сдѣлалъ сейчасъ же распоряженіе: далъ знать всѣмъ частямъ войскъ о случившемся, прося начальниковъ частей съ разсвѣтомъ послать команды во всѣ стороны для отысканія и привода осѣдланыхъ сѣрыхъ лошадей Каргопольскаго полка. Послѣдствіемъ этого распоряженія было то, что сказанный полкъ потерялъ лошадей только около 20%, каковую убыль графъ Крейцъ принялъ на свой счетъ.

Въ заключеніе не могу не сказать о бывшемъ командирѣ полка, графѣ Петрѣ Кириановичѣ Крейцѣ съ самой лучшей стороны, какъ въ

военномъ, такъ и другихъ отношеніяхъ; онъ велъ себя въ крымской кампаніи, какъ рыцарь безъ страха и упрека, что и доказалъ въ несчастномъ для насъ также сраженіи 4-го августа на Черной рѣчкѣ, когда его полку пришлось, прикрывъ отступленіе нашихъ войскъ, встрѣтить непріятеля, который, впрочемъ, не заблагоразсудилъ насъ преслѣдовать, но нужно было видѣть, какъ графъ Крейцъ энергично одушевлялъ полкъ!

Н. Богдановскій.

Польскіе повстанцы 1863 г. въ Оренбургскомъ краѣ ¹⁾

(Къ исторіи польскаго мятежа 1863 г.).

Въ іюльской книжкѣ «Русской Старины» записано два эпизода изъ польскаго возстанія 1863 года, характерно рисующіе направление тогдашняго польскаго общества «высшихъ слоевъ» — пановъ.

Для большей характеристики настроенія умовъ не лишнимъ считаемъ привести здѣсь нѣсколько писемъ, сохранившихся въ дѣлахъ архивовъ прежней Оренбургской губерніи, куда было сослано большинство завязтыхъ польскихъ пропагандистовъ и разселено по крѣпостямъ и городамъ нынѣшнихъ губерній Уфимской и Оренбургской, подъ присмотромъ особыхъ такъ называемыхъ «надзорныхъ командъ».

Дабы по возможности «слѣдить за направлениемъ ихъ мыслей», департаментомъ исполнительной полиціи было сдѣлано распоряженіе, чтобы вся переписка ихъ съ оставшимися на родинѣ родными и знакомыми направлялась черезъ руки ближайшаго полицейскаго начальства и непременно на русскомъ языкѣ, которая, по просмотрѣ, затѣмъ, черезъ генераль-полицеймейстера Царства Польскаго, пересылалась по принадлежности.

Несмотря на принятія мѣры, несмотря на строгое вниманіе, обращенное на отправляемую и получаемую ими корреспонденцію, они все-

---

¹⁾ Изъ дѣлъ Уфимскаго (бывшаго Оренбургскаго) губернскаго правленія за 1863 г.—Нынѣшняя Уфимская губернія до 1865 г. входила въ составъ Оренбургской губ., центръ управленія коей былъ въ г. Уфѣ.

такъ находили лазейки вести переписку съ своей родиной, гдѣ еще не заглохло революціонное движеніе.

Въ Оренбургскомъ краѣ была масса такъ сказать обрусѣвшихъ поляковъ, сосланныхъ туда послѣ возстанія 1831, изъ коихъ многіе уже занимали видныя должности, а нѣкоторые даже были причислены къ сословію мѣстныхъ дворянъ, и люди эти, которымъ Россія простила все, приласкала, обогрѣла ихъ, дала возможность къ безбѣдному существованію, открыла имъ и ихъ дѣтямъ путь къ служебной карьерѣ и образованію, — явились первыми пособниками для поддержанія во вновь сосланныхъ революціоннаго духа. Съ помощію ихъ поляки получали и отправляли письма, такія письма, которыя проливають яркій свѣтъ на ихъ озлобленіе.

Конечно, дѣйствія обрусѣвшихъ поляковъ были вскорѣ замѣчены, и почтовые конторы еще усиленнѣе стали слѣдить за перепиской вновь ссыльныхъ, и скоро выяснилось, о чемъ писали и чего добивались они.

Въ апрѣлѣ 1864 года, Уфимской почтовой конторой были задержаны пять писемъ на польскомъ языкѣ, адресованныя графу Мелю, Эдмунду Страшинскому, ксендзу Августу Липницкому, жившему въ г. Бирскѣ, канонику Мацевичу, проживавшему въ г. Оренбургѣ, и Иосифу Крженецкому; затѣмъ отъ оренбургскаго полицеймейстера оренбургскому губернатору прислано еще письмо на имя каноника Боярскаго.

Пересылая въ Уфу письмо это, оренбургскій полицеймейстеръ, между прочимъ, писалъ, что оно «писано состоящимъ подъ надзоромъ полиціи, высланнымъ изъ Ковно въ 1862 году, уроженцемъ г. Минска, коллежскимъ секретаремъ Фаддеемъ Корзономъ, который во время нахождения въ Оренбургѣ ведетъ себя очень хорошо, въ сужденіяхъ о правительствѣ и дѣлахъ польскихъ, ради страха и самосохраненія, всегда остороженъ; содержаніе письма его отличается болѣе женской болтовней, основанной на слухахъ; нѣкоторыя фразы, имъ высказанныя, не есть собственность задушевной мысли, онъ употребляетъ поляками еще до его рожденія, а имъ употреблены совершенно безсознательно, такъ, для красоты слога. Всѣ сосланные въ Оренбургъ поляки, кои по положенію своему могли бы имѣть какое-либо вліяніе въ дѣлахъ Польши и знать что-либо болѣе, нежели подобныя Корзону, но и тѣ, не скрываясь, сознають невозможность «продолженія безъ народа возстанія».

И дѣйствительно, письмо Корзона къ Боярскому, съ которымъ онъ познакомился, живя въ Уфѣ, не представляетъ ничего выдающагося, за исключеніемъ подчеркнутыхъ самимъ авторомъ строкъ: «У каждаго изъ насъ есть червякъ, который грызетъ насъ; тѣмъ не менѣе мы съ литовскимъ ожесточеніемъ по-

вторяемъ другъ другу, что придетъ время, когда и на нашей улицѣ взойдетъ солнышко».

Болѣе же характерны письма другихъ поляковъ. Особенно выдѣляется письмо, отъ 19 марта 1864 года, адресованное въ Уфу Кржевецкому, но неизвѣстно откуда и подписано только одной буквой F.

«Знаю по опыту, какъ пріятно изгнаннику получить изъ родной стороны хоть нѣскольکو словъ. И такъ въ день твоихъ именинъ я беру перо въ руки».

«Желаю возвращенія твоего, но не прежде, какъ когда къ намъ заглянетъ желаемое всѣми спокойствіе, котораго у насъ нѣтъ и предвидѣть нельзя, скоро ли его дождемся.

«Тебѣ тамъ лучше, чѣмъ намъ. Мы оставшіеся, презираемые, небрегаемые, лишеныя защиты закона, должны бояться своей тѣни, ибо гадины ¹⁾, которыхъ мы были опекунами, которыхъ мы въ голодъ кормили, въ болѣзни лѣчили, отъ нападений охраняли, въ нуждѣ помогали, для которыхъ мы были отцами съ потерей и издержками, въ нихъ-то мы имѣемъ заклятыхъ враговъ, которые готовы содрать съ насъ послѣднюю рубаху,—но этого мало, жаждутъ нашей крови,—а Паканевскій старшина въ цѣломъ уѣздѣ отличается въ ихъ числѣ.

«Уже нѣскольکو мѣсяцевъ, какъ прекратились аресты и батоженіе въ нашемъ уѣздѣ. Едва-ли найдется десять, свободныхъ отъ преслѣдованія. Да арестовать ужь не кого, развѣ стараго Гортевича (но за то его ангельчикъ сидитъ въ Гроднѣ и, говорятъ, посѣтитъ Кострому) и Грыневцакаго. Юліанъ, Мартинъ, Казиміръ Корсакъ и Липницкіе — этихъ Провидѣніе охранило доселѣ.

«Правда, что многихъ отпустили въ домашнюю хату, но начались призывы изъ домовъ и ссылки путемъ административнымъ. На дняхъ выѣзжаетъ Ришардъ Шакишъ, ксендзъ, а говорятъ, что Теофиль будетъ высланъ со своей семьей. Много выслано въ Гродно. Но изъ Гродно еще ни одинъ изъ помѣщиковъ не возвратился; ихъ можно считать далекими путешественниками, но только отдыхающими.

«Я съ дочерью отправилъ трехнедѣльное сидѣніе подъ властью господина Павлова, отъ котораго на первыхъ же порахъ получилъ въ шею, а на представленіе Военному ²⁾ услышалъ: «А ты старое го...» Прости, что такое скверное слово привожу, но таковъ былъ пріемъ. Сижу дома и, лишь залаетъ собака, смотрю, не ратники ли съ отдѣломъ войска, не ст о й к о в ы й ли ³⁾ везетъ повѣстку какой-либо контрибуціи: складки на балъ, обѣдъ, на содержаніе ратниковъ и тому подобное—а

¹⁾ Должно быть намекъ на крестьянъ «панскихъ холопей».

²⁾ Должно быть Муравьеву.

³⁾ Становой.

не разъ повѣстка, чтобъ прибыть въ дождь, въ слякоть, въ становую квартиру на преферансъ. Откажи, не явись—заплатишь вдвое, втрое, чѣмъ еслибы поѣхалъ и проигралъ рублей 10. Я, имѣя долги, въ одни сутки издержалъ 1.500 руб.

«Терроръ, натискъ, строгости, провокація нисколько не уменьшились; напротивъ, кажется, готовятся къ новой и жестокой катастрофѣ.

«Это Рутка, Петковъ (?), эти изящные и красивые палаццы, гдѣ мы не разъ были угощаемы и весело проводили по нѣскольку дней—нынѣ загаженные казарменные помѣщенія для войска. Десять удачныхъ лѣтъ хозяйства не возвратитъ ничего имѣнія въ то состояніе, въ какомъ оно было за годъ. А что всего больнѣе—словіе наше вообще не принимало дѣятельнаго участія въ этой вѣдомой революціи, между тѣмъ какъ мшеніе караетъ только насъ. Никто въ уѣздѣ не формировалъ шайки, а не имѣлъ силы воспретить, когда брали все, что имъ хотѣлось, къ особенности живности: авантюристы, горячія головы, погибли, ушли въ чужія страны,—а мы, что сидѣли спокойно въ домахъ своихъ, строго наказываемые, за все отвѣчать должны. Итакъ скажи, дорогой Осипъ, не счастливѣе ли ты въ своемъ изгнаніи, чѣмъ мы оставшіеся?»

«Увѣдомляю о себѣ, я забылъ написать, что на меня донесъ мой слуга. 35 лѣтъ бывший у меня лакеемъ, Францишекъ, котораго ты вѣрно помнишь. Всего чаще на помѣщиковъ доносили ихъ прежніе подданные».

Далѣе письмо оканчивается различными пожеланіями и домашними обыденными новостями, которыя не интересны даже и съ бытовой точки зрѣнія.

Въ письмѣ какого-то ксендза Оттона къ канонику Мацевичу изъ Петербурга, отъ 25-го февраля, особенно выдаются слѣдующія данныя:

«20-го прошлаго января за № 60, я послалъ тебѣ ж м у д с к у ю с в я т к у (rubricells) и спрашивалъ, какія выписать газеты. Между тѣмъ получилъ я письмо твое отъ 27-го января и не отвѣчалъ тотчасъ, все ожидая отвѣта на мой № 60. Но не могу его дожидаться и опасаясь, получилъ ли ты святку. Поэтому, пишу и увѣдомляю, антиминьсъ (посвященный камень съ мощами) уже имѣю, бѣда только съ чашею (потиръ), не могу дожидаться изъ Уцяны, здѣсь нигдѣ нельзя достать. Какъ только получу чашу, тотчасъ пошлю на руки оренбургскаго приходскаго священника, потому что прямо на твое имя посылать не приходится».

Очень странными кажутся свѣдѣнія въ этомъ письмѣ. Къ чему понадобились Мацевичу антиминьсъ и чаша? Если для оренбургскаго католическаго костела, то, во-первыхъ, они уже были тамъ, а во-вторыхъ, ксендзъ его могъ отъ своего прихода выписать лично самъ. Очевидно, каноникъ этотъ во главѣ другихъ ссыльныхъ преслѣдовалъ какую-нибудь иную цѣль. Очень можетъ быть, что поляки, сосланные и разсе-

ленные по всѣмъ концамъ обширнаго Оренбургскаго края, наполненнаго всевозможными національностями, хотѣли проповѣдывать католическое ученіе среди инородцевъ, благо большинство изъ нихъ еще оставалось во мракѣ язычества.

Хотя объ этомъ нѣтъ положительныхъ данныхъ въ мѣстныхъ архивахъ, но другой случай, бывшій въ 1870 году, до нѣкоторой степени подтверждаетъ такія предположенія.

Въ августѣ этого года, бирскій уѣздный исправникъ доносилъ уфимскому губернатору, что изъ числа политическихъ ссыльныхъ, находящихся въ г. Бирскѣ, ксендзы Горбачевскій, Погоскій, Захарчикъ, Левицкій, Радзишевскій, Жиловичъ, Уздовскій и дворянинъ Францъ Милькевичъ употребляютъ мѣры къ совращенію православныхъ въ католичество. Они обратили жившую въ услуженіи у дворянъ Лукиныхъ мѣщанскую дѣвицу Варвару Николаеву и изъ семейства Лукиныхъ вдову Александру, старушку семидесяти лѣтъ, и дочерей ея: Елизавету, Оектисту и вдову Марію, дочь послѣдней Глафиру и племянницу госпожи Песляковской—Наталью. Кромѣ того Горбачевскій предлагалъ солдатской дочери Натальѣ Колоколовой отдать свой домъ имъ подѣ квартиру съ тѣмъ, чтобы она перешла въ католичество, Францъ же Милькевичъ, имѣя тѣсную связь съ солдаткой Аксиной Сѣдовой, читалъ ей польскія книги и разъяснялъ, что православныя священныя книги неполны, съ большими недостатками, и вѣра ихъ правильнѣе и лучше. А въ бытность въ Бирскѣ ксендза Вивульскаго, пріѣхавшаго изъ Оренбурга, видѣли даже, что во время католическаго служенія, ходили къ полякамъ молиться вдова-солдатка Марія Тимоѣева Ардесова съ дочерью Авдотей, дѣвица Глафира Лукина и племянница Песляка—Наталья.

По важности дѣла губернаторомъ, для производства слѣдствія, былъ тотчасъ же командированъ чиновникъ особыхъ порученій Мухинъ. Но, къ сожалѣнію, слѣдствіемъ не выяснилось ничего. На допросѣ тѣ и другіе обвиняемые не сознались въ возводимыхъ на нихъ обвиненіяхъ. А между тѣмъ молва народная положительно утверждала преступную пропаганду польскихъ ксендзовъ¹⁾.

Что для ксендза польскаго съ точки зрѣнія его убѣжденій такіи дѣйствія не составляютъ преступленія, то это факты неопровержимые, а если нужны еще доказательства, то можно привести болѣе позднѣйшія, какъ наприм. письмо, отъ 28 февраля 1866 года²⁾, какого-то ксендза Доминика къ сосланному въ Томскъ ксендзу Михаилу Скорлупскому, перехваченное Томской почтовой конторой и затѣмъ пересланное начальникомъ Пермской губерніи уфимскому губернатору, въ которомъ авторъ

¹⁾ См. Дѣло Уфимск. губ. правл. 1870 г. св. 156, № 197, л. 1 и 13.

²⁾ См. тамъ же № 1

сообщаетъ, какъ сочувствуютъ ихъ «великому дѣлу» за-границей. какъ приглашаютъ поляковъ на приличное содержаніе въ Швейцарію и Силезію, какъ монахини Царства Польскаго приглашены во Францію и нашли пріютъ въ Версали, гдѣ настоятельницею Базилики на текущее трехлѣтіе избрана даже полька Казимира Раменская, бывшая Тимонь. Далѣе говорится, что ксендзъ настоятель въ Краковѣ далъ намъ свое апостольское благословеніе и поощряетъ къ мужественному перенесенію дурной участи, а отъ св. отца, т. е. папы, получено «*Decretallo pontificienni*» и вмѣстѣ съ тѣмъ Syllabus, который такъ обезпокоивалъ газетчиковъ, гдѣ внушается съ божественнымъ достоинствомъ страшно громить злоупотребленія и пороки, высказывая, какъ далеко мы отступаемъ отъ основаній Бога и религіи; словомъ, какъ отецъ однимъ дѣлаетъ напоминаніе, а другихъ укрѣпляетъ и утѣшаетъ въ борьбѣ, «не пренебрегая мѣрами къ спасенію своей души».

Изъ трехъ послѣднихъ писемъ, перехваченныхъ въ Уфѣ, можно привести слѣдующіе отрывки, обращающіе на себя хотя немного вниманія.

«Богъ знаетъ, что будетъ съ нашимъ отцомъ,—писала Паулина Зенковская къ своему мужу,—до сихъ поръ въ тюрьмѣ. Бѣдныя худъ, но привыкъ къ своей неволѣ, только мы не можемъ привыкнуть къ все большимъ и большимъ издержкамъ и требованіямъ и новымъ притѣсненіямъ.

«Знаешь ли? Я заплатила 50 руб. штрафу—за что? За кусокъ полотна, что будто положила женщина, которую я не видѣла, ибо знай, теперь нельзя ничего давать для костела, ни ѣздить съ колендой, ни на обѣдню давать, развѣ секретно, ни за крестины и свадьбы брать деньги и т. п.—порядокъ неслыханный для меня изъ временъ христіанства¹⁾.

«Не найдешь у людей сердце доброжелательныхъ, словомъ, откровенныхъ. Всѣ онѣмечились и не сдержатъ даннаго слова—это въ обычаѣ у нѣмцевъ. Съ Фидлера спала маска, онъ съ Орловымъ всѣхъ погубили, а именно. тебя, старыхъ и пріятеля своего Северина, котораго присудили въ Пензу.

«Наполеонъ Лещинскій такъ выслужился, что выѣзжаетъ въ русскія губерніи управляющимъ, Илговскій тоже, племянникъ Сорока большой негодяй: не одно семейство погубилъ совершенно невинно»...

Но самое лучшее для характеристики польской націи выраженіе въ письмѣ отъ жены Страшинскому, помѣченное 5 марта.

¹⁾ Это письмо, отъ 20 февраля 1864 г., во многомъ подтверждаетъ воспоминанія г. В. П. Кулина (см. „Русскую Старину“, 1893 г., іюль, стр. 83), когда послѣ сбора въ костелахъ на „добродѣтельность“ въ № 55 „Виленскаго Вѣстника“ появилось объявленіе отъ виленскаго полицеймейстера, маіора Саранцова.

«Ахъ, что тутъ дѣлается теперь: уже все открыто. Ямундъ и Лопицкій были такъ умны, что все открыли. Что дѣлается — ужасъ! Подлецы поляки—и конецъ».

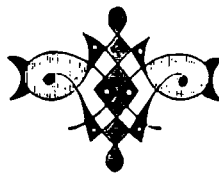
Въ заключеніе нельзя не сказать нѣсколько словъ объ этомъ последнемъ полякѣ.

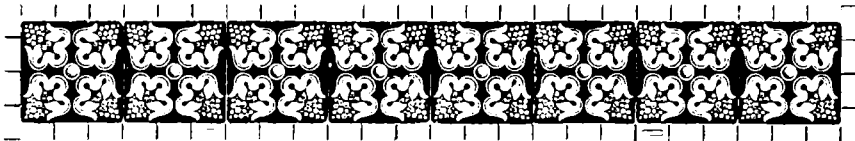
Покойный Эдмундъ Станиславовичъ Страшинскій, поселившійся потомъ въ г. Оренбургѣ, извѣстенъ многимъ старожиламъ этого города, такъ какъ онъ долго, почти до своей смерти, былъ преподавателемъ географіи во многихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Оренбурга, и ни одинъ, надѣюсь, изъ его учениковъ не вспомнитъ его худомъ. Я также учился у него и скажу по справедливости, что онъ былъ человекъ гуманный, честный, добрый; свой предметъ—географію, зналъ какъ свои пять пальцевъ и рассказывалъ такъ понятно, такъ увлекательно, что ни одинъ изъ стѣнъ заведенія не выходилъ незнающимъ.

Можно было замѣтить, что въ немъ была поэтическая, легко увлекающаяся душа. Онъ боготворилъ Мицкевича, увлекался малороссійскою поэзіей и не разъ декламировалъ намъ Котляревскаго, Квитку и Шевченку. Родину свою онъ любилъ сильно и искренно желалъ ей добра, но поляковъ своихъ почему-то сильно не любилъ. И не разъ говаривалъ: «Ничего они добраго не выдумаютъ для Польши».

Должно быть, ужь очень они насолили ему.

Сообщилъ П. Юдинъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Матеріалы и замѣтки.

I.

Кладъ царя Александра Македонскаго ¹⁾.
4 января 206 г. (1698 г.) отъ кievскаго воеводы князя П. И. Хованскаго присланъ былъ въ Москву въ Посольскій приказъ подь карауломъ подполковника московскихъ стрѣльцовъ Матвѣя Неклюдова иноземецъ князь Миклеушъ изъ Седмиградской земли.

13 января «волошанинъ» былъ допрошенъ предъ бояриномъ Львомъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ (за отсутствіемъ государя Петра, онъ участвовалъ въ управленіи государствомъ), «а въ распросѣ сказалъ: уроженецъ онъ Седмиградской земли города Дѣвы, зовутъ его Михайломъ, отецъ-де его въ той же землѣ жилъ въ другомъ городѣ Каврансебешъ и былъ князь и служилъ при Ракоціи Георгии воеводѣ Седмиградскомъ. А въ нынѣшнемъ-де времени, какъ зачалася въ прошлыхъ годахъ война у цесаря съ туркомъ, назадъ тому съ семь лѣтъ, тотъ отецъ его въ томъ городѣ умре, а онъ-де, Михайло, съ женою и съ дѣтьми и со всѣмъ домомъ своимъ пріѣхалъ изъ того города Каврансебешъ и нынѣ живетъ въ городѣ Дѣвѣ, имѣетъ домъ и всякую скотину и промышляетъ всякимъ торговымъ промысломъ, а нынѣ-де у него 6 сыновъ и дочь, и живучи-де въ томъ городѣ, тому нынѣ седьмой годъ, явился ему и женѣ его и большимъ тремъ сыновьямъ его и дочери во снѣ ангель многажды и сказалъ имъ, что отъ того города Дѣвы съ полтретьи мили есть мѣсто подобіемъ горы, именовъ Чокловина, а въ томъ-де мѣстѣ положено сокровище трехъ древнихъ царей и сдѣланъ тамъ межъ двухъ горъ городокъ каменный и накрытъ каменьемъ и землею и лѣсомъ поросло и никому незнаемо то мѣсто отъ человѣкъ и никто не дознается, что въ томъ мѣстѣ тотъ городокъ есть, но гора, и онъ, Михайло, ходилъ въ то мѣсто многажды и копалъ во многихъ мѣстехъ, а никакого знаку сыскати не могъ и оттого-де онъ въ многихъ своихъ трудѣхъ былъ печаленъ. А изъ

¹⁾ Извлечено изъ документовъ Моск. архива мин. юстиціи. Дѣло это интересно по участию въ немъ самого Петра Великаго.

дѣтей его былъ у него сынъ именовъ Петръ 15 лѣтъ, учился грамотѣ, и тому-де его сыну явился во снѣ ангелъ и объявилъ мѣсто, гдѣ вышепомянутаго городка одни ворота, и тотъ-де его сынъ послѣ того явленія взялъ его, Михайла, за руку и привелъ къ одному мѣсту, на которомъ были 2 древа, и онъ-де, Михайло, тѣ древа выкопалъ и ворота нашель, только ворота для иныхъ людей раскрыть не смѣлъ, для того, чтобъ то никому было невѣдомо, а выше-де тѣхъ воротъ нашель онъ окно въ стѣнѣ каменной и на томъ окнѣ была самородная щель и онъ де ту щель пробилъ, чтобъ можно было головѣ вмѣститься, и навязавъ на шесть свѣчу и въ ту щель опустилъ, чтобъ тамъ освѣтить и осмотрѣть внизу, что тамъ есть, и видѣлъ-де онъ своими очми въ томъ мѣстѣ сундуки желѣзные и бочки многія рядомъ положены, гдѣ и идоловъ многихъ розныхъ и змѣевъ дѣланныхъ и литыхъ золотыхъ видѣлъ, а вмѣсто очей вставлены у нихъ каменья драгія, яко свѣчи свѣтящіяся и посмотря-де онъ тамъ, паки ту щель задѣлалъ камнемъ и известью и накрыли землю, чтобъ никто не могъ того знать. А предъ вышепомянутыми того мѣста враты сдѣлана вежа каменная высокая и въ ту вежу сыскалъ онъ входъ круглый каменный и того входа мѣсто разбилъ, а далѣе идти не смѣлъ, а, какъ-де онъ тотъ входъ разбивалъ, и въ то-де время было ему видѣніе, чтобъ онъ того чинити престалъ, потому что тѣмъ мѣстомъ ни нѣмцамъ, ни инымъ не владѣть, а владѣть тѣмъ отъ Бога дано нынѣшнему юношѣ царю Московскому Петру и не токмо тѣмъ, но и отъ востока и до запада повелѣніемъ Божиимъ овладѣетъ и владѣти и то сокровище издревле въ томъ мѣстѣ положенное откровенно и дано ему будетъ. А прежде наитія того мѣста ходилъ онъ наверху той горы и нашель ковчегъ каменный великій и накрытъ лешадми каменными великими и онъ-де въ томъ мѣстѣ началъ копать, когда его одинъ венгринъ Янашъ видѣлъ, что онъ туда часто ходитъ и копаеъ и извѣстилъ о томъ на него, Михаила, капитану Дѣвскому и генералу Ветеранію, что будто онъ тамъ кладъ нашель и капитанъ-де ого велѣлъ поимать и взялъ его на то мѣсто съ собою и хотѣлъ его желѣзами жечь, чтобъ онъ про кладъ сказалъ подлинно; и онъ-де, Михайло, тому капитану того мѣста, гдѣ вышеписанный ковчегъ поставленъ, не объявилъ, а указалъ на иное простое мѣсто и онъ-де, капитанъ, также во многихъ мѣстахъ копалъ, а ничего не нашель, и за то-де, что онъ имъ не объявилъ, посадилъ его въ городѣ Дѣвѣ въ тюрьму и держалъ въ заключеніи и мучилъ разными муками мѣсяца четыре и видя-де онъ, что ничего отъ него не получилъ, продалъ его, Михайла, съ женою и съ дѣтьми тамошнему венгерскому шляхтичу Часки Иштіоану за 100 ефимковъ и тѣмъ-де онъ нынѣ освободился, однакожъ въ подданствѣ съ женою и съ дѣтьми у того шляхтича. А буде великій государь изволитъ подлинно то мѣсто сыскать и провѣдать и чтобъ-де съ

нимъ кого вѣрнаго указаль послать вмѣстѣ, потому что того мѣста, oprичъ его никто не вѣдаетъ, а онъ-де желаетъ ему, в. г., служить во всемъ, ища всякаго добра вѣрно и радѣтельно, потому что онъ и жена и дѣти его благочестивые христіанскіе вѣры Греческаго закона и пра-дѣдъ и дѣдъ и отецъ его были и померли въ той же благочестивой вѣрѣ. А буде-де по его, в. г., указу пославъ съ нимъ кто будетъ и на-добно де ѣхать не тѣмъ путемъ, которыми онъ къ Москвѣ пріѣхаль, но чрезъ Мултянскую землю, а оттуду чрезъ Седмиградскій городъ Бра-шевѣ или чрезъ Спотиня, а отъ Спотина только 2 дня до Дѣвы города и ѣхать бы туда торговымъ обычаемъ съ товаромъ до Дѣвы, а домъ-де его въ Дѣвѣ на самомъ рынку, гдѣ продають всякіе товары, и во время-де того купечества возьметъ того человѣка, который съ нимъ пославъ будетъ на предреченное мѣсто и то мѣсто откроетъ и осмотритъ съ нимъ вмѣстѣ и для подлиннаго свидѣтельства возьмутъ оттуда какіе знаки и привезутъ для вѣрности къ Москвѣ, и чаеть онъ, что тѣмъ тор-говымъ промысломъ ни нѣмцы, ни венгры не дознаются. А изъ Дѣвы города поѣхаль онъ пзъ дому своего съ челядникомъ своимъ къ Москвѣ въ нынѣшнемъ году въ сентябрѣ мѣсяцѣ и ѣхаль чрезъ Польшу на Самбуръ городъ, а въ Самбурѣ-де онъ нашель Кіевскаго казака Луку и тотъ-де казакъ привезъ его съ собою въ Кіевъ на своихъ подводахъ и проторяхъ, а изъ дому онъ взялъ съ собою денегъ небольшое число и тѣ-де деньги дорогою ѣдучи онъ издержаль, потому что въ Самбурѣ городѣ, ища себѣ товарищевъ къ Москвѣ, жилъ недѣль съ шесть. А до поѣзду-де его къ Москвѣ въ Седмиградской землѣ были и нынѣ есть генераль цесарскій Рабутинъ, и по городамъ стояли вездѣ на кварта-рахъ нѣмецкія войска, однакожъ тамошніе жители какъ сасы, такъ и венгры не любятъ цесарцовъ и посылали часто просить о помощи, о избавленіи своемъ изъ подъ ига цесарскаго къ Текелію и къ туркамъ, призывая ихъ тайно на помочь. И генераль-де Рабутинъ донесъ о томъ цесарю, и цесарь всѣхъ Седмиградцкихъ вельможъ забралъ для розыску въ Вѣну, однакожъ нѣмцы не раздражаютъ седмиградчанъ и не смѣють нпчѣмъ ихъ вредить нынѣ до тѣхъ мѣстъ, пока Темежвара у турковъ не возьмутъ, а какъ-де тотъ городъ возьмутъ, и въ то-де время чаеть онъ, что седмиградчанъ будутъ они смирять, потому что-де Темежваръ всей Седмиградской и Венгерской землѣ ключъ и отъ Дѣвы города до того Темежвара только три дни ѣзды и для того-де нѣмцы какъ отъ тур-ковъ, такъ и отъ тамошняго народа всегда опасны.

Да онъ же, Миклеушъ, сказалъ, что того мѣста называемой горы Чокловины нѣмцы и венгры стерегутъ и знаютъ, что есть тамъ поло-женное сокровище и искали, только ничего не нашли и ему-де явнымъ обычаемъ къ тому мѣсту приступить опасно. И буде нѣмцы или венгры поймають и дознаются, что онъ для сысканія того сокровища при-

шелъ, то отсѣкутъ ему голову, а разсуждаетъ онъ такъ: вѣдая между царскимъ величествомъ и цесарскимъ величествомъ братскую дружбу и любовь и противъ непріятелей союзъ, чтобъ лучше для того дѣла обогатиться съ цесарскимъ величествомъ, потому что то дѣло обонимъ странамъ надобно и въ нынѣшнемъ военномъ времени зѣло потребно сокровище, и если такой посылкѣ изволить великій государь быть или его самого или товарища его туда отпустить, и о томъ онъ полагается на его царскаго величества изволеніе, какъ онъ великій государь укажетъ».

Дѣло показалось настолько важнымъ Льву Кирилловичу Нарышкину, что на другой же день (14 января) списокъ «цифирью» съ допроса Миклеуша былъ отправленъ къ великимъ и полномочнымъ посламъ къ Францу Яковлевичу Лефорту съ товарищи, въ свитѣ которыхъ находился самъ царь.

Между тѣмъ «волошанинъ» Михаилъ Ивановъ съ челядникомъ своимъ помѣщенъ на квартиру сначала къ подъячему приказа княжества Смоленскаго Григорью Суровцову, а затѣмъ переведенъ къ подъячему Новгородскаго приказа Федору Кишмутину, и сдѣлано распоряженіе о его продовольствіи и дачѣ другихъ необходимыхъ вещей: такъ памятью 15 генваря приказу Большой Казны предписывалось сдѣлать распоряженія объ отпускѣ съ отдаточнаго двора поденнаго пята волошанину Михаилу по 3 чарки вина, по 3 кружки пива, челяднику же одной чаркой и кружкой меньше; приказъ княжества Смоленскаго долженъ былъ давать кормовыя деньги по 2 алтына въ день и купить «кафтанъ крашенниный стеганный и 2 рубашки съ порты»⁴.

Только три мѣсяца спустя, именно 18 апрѣля, получено было наконецъ распоряженіе по дѣлу о сокровищѣ: «а въ нынѣшнемъ въ 206 1698 году, апрѣля въ 18 день, великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, въ именномъ указѣ изъ Аглинской земли изъ Детфорта февраля въ 16 день 1698 къ боярину ко Льву Кирилловичу Нарышкину писано: «что писалъ о волошанине и о томъ есть ли мочно послать и съ черкасъ [потому что они въ латчикахъ досужи] провѣдать, а когда увидимъ истину, въ ту пору мочно подумать, какъ то дѣлать»¹). Подлинный указъ о томъ у боярина Льва Кирилловича.

Вслѣдствіе этого 16 мая была послана къ гетману Мазепѣ слѣдующая грамота: «Божією Милостію отъ пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея

¹) Письмо это не извѣстно, какъ вообще не сохранилось писемъ Петра Великаго къ Л. К. Нарышкину.

великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника и государя и обладателя нашего царскаго величества подданному войска Запорожскаго обѣихъ сторонъ Днѣпра гетману Ивану Степановичу Мазепѣ и всему войску Запорожскому наше царскаго величества милостивое слово.

Октября въ 13 день нынѣшняго году писали къ намъ в. г. къ нашему царскому величеству изъ Кіева бояринъ нашъ и воевода князь Петръ Ивановичъ Хованскій съ товарищи и прислали волошанина Миклеуша жителя Седмиградской земли съ челядникомъ его Ивашкомъ, которые въ нашемъ государственномъ посольскомъ приказѣ въ распросѣхъ сказали о нѣкоторыхъ въ Седмиградской землѣ мѣстѣхъ, которыя они обыскали, и мы, в. г., указали тѣхъ волошанъ и съ распросныхъ рѣчей списки послать къ тебѣ подданному нашему и по тѣмъ ихъ распроснымъ рѣчамъ для досмотру въ Седмиградской землѣ тѣхъ мѣсть о которыхъ тѣ волохи сказали послать изъ казаковъ [тайнымъ обычаемъ, потому что они въ такихъ посылкамъ знающіи и звычайны] тебѣ кого пристойно вѣрнаго и бывалаго человѣка, а съ нимъ отпустить для указыванія тѣхъ мѣсть изъ тѣхъ волошанъ одного, котораго доведется, приказавъ тому посыльщику своему подлинно, примѣняясь къ тѣмъ распроснымъ рѣчамъ, которыя посланы къ тебѣ подданному нашему съ сею нашею, в. г. грамотою, тамъ о томъ о всемъ въ тѣхъ мѣстахъ провѣдать и досмотрѣть имянно и изъ того сокровища что ни есть знатное и драгое взять и привести къ намъ, в. г., а когда увидимъ мы въ томъ истину, тогда и учнемъ въ томъ поступать, какъ возможно, а съ Москвы посланы къ тебѣ подданному нашему тѣ волохи Посольскаго приказу съ подьячимъ съ Лукою Мазалевскимъ. И какъ тотъ подьячій съ ними въ Батуринъ пріѣдетъ и тебѣ бѣ нашего цар. величества подданному войска Запорожскаго обѣихъ сторонъ Днѣпра гетману Ивану Степановичу по вѣрной своей къ намъ, в. г., службѣ о посылкѣ въ Седмиградскую землю для досмотру вышепомянутыхъ мѣсть и о взятіи изъ тѣхъ сокровищъ чего знатнаго и драгаго, про которыя тѣхъ волошанъ въ распросныхъ рѣчахъ написано вѣрнаго и дѣльнаго и бывалаго въ тамошнихъ странахъ человѣка и съ нимъ изъ тѣхъ волошанъ одного, кого пристойно и о всемъ примѣняясь къ спискамъ съ распросныхъ ихъ рѣчей и какъ Господь Богъ тебя подданнаго нашего въ томъ наставитъ, учинить по сему нашему, в. г., указу, какъ о томъ въ сей нашей цар. вел. грамотѣ писано выше сего и чтобъ то все у тебя, подданнаго нашего, было тайно, а котораго числа тѣ волохи въ Батуринъ привезены будутъ, также въ Седмиградскую землю кого именемъ пошлешь и кого изъ тѣхъ волошанъ отпустишь и тебѣ бѣ, подданному нашему, о томъ о всемъ къ намъ, в. г., писать съ тѣмъ же

подъячимъ, а другого волоха до нашего, в. г., указу и до возвращенія посыльщика твоего и волошанина велѣлъ задержать гдѣ въ пристойномъ мѣстѣ съ карауломъ, а какъ тотъ посыльщикъ и волохъ изъ Седмиградской земли въ Батурина въ возвратятъ и что они тамъ учинятъ, и тебѣ бѣ потому о всемъ о томъ къ намъ в. г. писать подлинно. Писанъ государства нашего во дворѣ въ Царствующемъ велицемъ градѣ Москвѣ лѣта отъ созданіи міра 7206 мѣсяца мая 16 дня государствованія нашего 17 году». (Бѣлая запечатана того жъ числа подъ кустодію малороссійскою печатью и списки съ распросныхъ рѣчей положены обоихъ волошанъ въ тою грамоту, да съ тою жъ грамотою посланъ боярина Льва Кирилловича Нарышкина листъ съ цидулою къ гетману Ивану Степановичу и запечатанъ съ тою грамотою въ особой кобертѣ). Листъ боярина Льва Кирилловича къ гетману. По указу в. г. нашего его царскаго величества посланы съ Москвы къ вашей милости Посольскаго приказу съ подъячимъ съ Лукою Мазолевскимъ прѣзжіе изъ Седмиградской земли волохи Михайло Ивановъ съ челядникомъ его Ивашкомъ. А для какихъ дѣлъ тѣ волохи посланы и о томъ писано къ тебѣ в. г. въ грамотѣ съ тѣмъ же подъячимъ, и какъ тотъ подъячій тѣхъ волошанъ къ вашей милости привезетъ и объ нихъ изволь ваша милость учинить по его в. г. указу и по той грамотѣ, какъ тебя въ томъ дѣлѣ Господь Богъ наставитъ, а посланы тѣ волохи къ вашей милости по именному великаго государя указу, а что ваша милость учинишь, изволь о томъ ко мнѣ отписать, а я за симъ здравіе вашей милости въ милосердіе Божіе вручаю и счастливаго во всемъ поведенія желаю. Мая мѣ. 17 день лѣта 7206 году.

вашей милости всего доброжелательный ближней
бояринъ Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ.

Цидула (писанная повидимому собственноручно Нарышкинымъ и положенная вмѣстѣ съ листомъ) была слѣдующаго содержания: «посылка къ тебѣ тѣхъ волошанъ учинена по указу великаго государя и я пишу о семъ къ вашей милости, чиня довольство тому указу и повелѣнію милостиваго моего государя, его царскаго величества».

Грамота не застала, однако, гетмана Мазепы въ Батурина, и подъячій Мазолевскій, оставивъ здѣсь волошанъ, поспѣшилъ за гетманомъ, котораго и нашелъ «въ таборѣ подъ Новымъ Санжаровомъ надъ Подлужьемъ».

19 іюня въ Москвѣ былъ полученъ листъ гетмана, въ которомъ онъ писалъ, что по отсутствію изъ Батурина онъ не могъ немедленно всего исполнить и вновь распросить волоховъ, но что «п тутъ стоя потщится съ неусыпнымъ прилежаніемъ дѣлываго и въ чужихъ странахъ бывалаго человека обыскать и послать», въ іюлѣ же присланъ второй

листъ (отъ 9 числа) съ приложеніемъ новыхъ распросныхъ рѣчей волошанъ, «которыя распросомъ ихъ на Москвѣ бывшимъ не во всемъ согласуются», въ виду чего и просилъ новаго указа.

Въ распросныхъ рѣчахъ предъ гетманомъ князь Михайлъ Ивановичъ (волошанинъ) говорилъ, что онъ «породы Руменской изъ земли Венгерской державы Ардельской города Дѣвы, который городъ Дѣва стоитъ отъ стольнаго города королевства Венгерскаго отъ Бѣла города 20 версть... Въ томъ году, какъ былъ салтанъ впервые подъ Вѣною, а Вѣны не взялъ, со стыдомъ возвратился и битъ еще гораздо, того-де году зимою спящему ему въ селѣ своемъ Мерулъ называемомъ, которое село маетность егюжъ князя Михаила Ивановича, въ дому своемъ явилося ему такое привидѣніе, будто на яву, во снѣ видѣлъ: и се небо отверсто и свѣтъ облисталъ его зѣло великъ и въ той-де часъ удивился и ужаснулся зѣло и реклъ въ себѣ, что то дѣлается и что то за свѣтлость такова неизреченная, и се увидѣлъ человѣка, яко молнію, бѣлаго, котораго отъ великой бѣлости не могъ видѣти лица его, только голосъ его слышалъ глаголющій таковъ: не дивися, не ужасайся сей такой свѣтлости, понеже вамъ христоименнымъ людямъ являетъ Господь Богъ великую радость, идетъ бо къ вамъ помалу Царь Святый Христіанскій отъ востока и окрестить Константинополь и будетъ обладать всѣмъ свѣтомъ, а бусурманы суть уже побѣждены во вѣки, а ты, княже Михайло, иди къ камени Чокловинѣ и смотри со стороны восточной въ той горѣ дверей и за тѣми дверьми есть богатства великія, положены поганскими царями давно, а нынѣ тѣ богатства открываетъ тобой Господь Богъ царемъ христіанскимъ и всѣ цари вѣдати имуть о семъ, царь святый восточный окрестить Константинополь и то сокровище выметъ, потому что то сокровище будетъ ему надобно на добываніе всего свѣта, а тогда и въ тотъ годъ окрестится, какъ будетъ святаго великомученика и побѣдоносца Георгія праздникъ въ день субботній передъ Пасхою, тогда бо исполнится срокъ его или часъ взятья конечной, въ которой ни есть день въ томъ году... ¹⁾ рассуждати учалъ сонное свое пречудное видѣніе и вѣриваться и не вѣриваться, а затѣмъ вставъ пошелъ самъ на то мѣсто гдѣ ему показана такова гора и камень и лѣсъ и дерева, которыя во снѣ видѣлъ, дубы, букъ, липы, ясень и дернъ, а мѣста-де того не звалъ, отъ людей-де села того Лунканъ близъ той горы лежащаго допытался, а сна своего никому не только женѣ, ни дѣтямъ не сказывалъ, а какъ взошелъ на ту гору и камень, присматривался крѣпко положенію и узналъ, что не порожняя гора и не пустая бывала, знатно, что былъ городъ знатной и замокъ и стѣны старинныя; а такія стѣны крѣпкія, которыхъ невозможно выпѣ-

¹⁾ Нѣсколько строкъ оторвано.

шняго вѣку людемъ дѣлать. Потому-де какъ почаль копать около стѣнъ землю, видѣлъ толь великое каменіе, что нынѣшняго вѣку люди 100 человекъ двинути съ мѣста не могли бѣ, а толь гладкая тѣска и мастеровато кладеное, что невозможно мастероватѣе того дѣлать, а покрывка той стѣнѣ изъ камени досками зѣло углаженными, будто бумага, гладкими и бѣлыми, а толь великими, что одну доску или плиту сихъ вѣковъ не токмо человѣческою поднять рукою, но 2 или 3 лошадыи съ мѣста тронуть невозможно, а извѣсть толь крѣпка какъ камень и по червѣлая отъ давности, а сверхъ тѣхъ стѣнъ лѣсъ предковѣчный— сильные дубья, буки и липы зѣло великія. И тамъ копаль онъ, князь Михайло, многіе дни по многимъ мѣстамъ и не могъ найти тѣхъ дверей къ сокровищу, которыми бѣ могъ взять, какъ ему объявлено, а затѣмъ, и пересталь, потомъ слизнова уже по двухъ лѣтѣхъ отъ того времени, какъ явилося то видѣніе, явилося женѣ его именемъ Оприцѣ, на томъ же мѣстѣ и таковымъ же соннымъ видѣніемъ, какъ и мужу ея: видѣла свѣтъ великъ и небо отверсто надъ горою Чокловиною, а на той горѣ стоитъ человекъ старъ съ бородою бѣлою въ одеждѣ зѣло бѣлой, котораго видѣнія та жена зѣло ужаснулась и сей человекъ молвилъ къ ней: «не пужайся, жено, привидѣнія» и она образумяся спрашивала человекъа того, что то за свѣтлость такая превеликая. Сказаль мужъ старъ: «то есть милость Божія роду христіанскому, понеже приидеть царь святыи христіанскій отъ востока солнца къ вамъ и обладаетъ всѣмъ свѣтомъ и отворить ему Богъ сія сокровища, которыя есть въ семъ камени Чокловинѣ, положенныя поганскими царыи нему, царю восточному, належитъ и отворено будетъ». И та-де жена его присматривалася мѣсту и положенію, на которомъ никогда не бывала и вставъ отъ сна сказала тотъ сонъ мужу, а какъ спрашиваль ее о мѣстѣ и о уподобленіи мѣста, сказала все подробну: дерево и какъ гдѣ стоитъ и потому мужъ ея князь Михайло Ивановичъ позналъ, что въ томъ есть воля Божія, пошелъ на ту гору къ камени Чокловинѣ, взявъ съ собою другаго слугу Януша съ желѣзными снастьми къ копанію земли и къ битю камней приготовленными и копаль многое время, по многимъ подобнымъ мѣстамъ, какъ ему показано и его женѣ и не могъ найдти тѣхъ дверей и въ нѣкоторый день, какъ ходилъ съ тѣмъ слугою Янушемъ по горѣ въ самомъ верху горы увидѣлъ разсѣлину каменную на двѣ сажени вдоль, а въ ширину на кулакъ одинъ и почавъ присматриваться въ ту разсѣлину, увидѣлъ великую глубину въ томъ камени и темноту и высѣкъ дерево сажени въ три и доставаль дна и не досталь и потомъ засвѣтивъ свѣчку и прилѣпивъ къ концу того шеста спустиль въ ту щель и такъ досмотрѣться не могъ, потому что многожды гасла свѣча отъ духа; послѣ того зашло солнце и смерклось, а онъ князь Михайло съ челядникомъ своимъ Янушемъ все сидѣли неотступно надъ тою разсѣ-

линою и Янушъ упустилъ клинъ и молотъ желѣзные, которымъ камень билъ въ ту тамъ разсѣлину и какъ пали незнатно на самое ли дно или гдѣ не видали, только какъ зазвенѣло слышали оба, потомъ какъ ужъ ночь темная стала учали съизнова смотрѣть въ ту разсѣлину и тамъ увидѣли свѣтлость въ разсѣлині зѣло глубокой, будто 4 свѣчки горять и тогда крѣпче почали присматриваться и увидѣли, что при стѣнѣ у одной стороны тамъ стоятъ 2 болвана на подобіе людей, толь видѣлись велики, какъ станы дѣтей 15 лѣтнихъ, а ноги стоятъ на землѣ и руки опущены къ землѣ, а глаза ихъ свѣтятся, и по свѣтлости глазъ ихъ видно въ разсѣлину, что предъ тѣми идолами лежитъ бочекъ съ 5, будто пивныя бочки, только въ днахъ уски и кубоваты, не могли достовѣрно къ нимъ присмотрѣться желѣзныя ли или какія, только черныя посмаглыя, а идолы будто зеленые видѣлись и глаза ихъ зѣло свѣтлые будто алмазы свѣтлые можетъ быть что и больше тамъ есть того, только для малой разсѣлины не могло было присмотрѣться. Потомъ съизнова тотъ князь Михайло Ивановичъ видѣлъ во снѣ будто на яву того же человѣка сидячаго въ одеждѣ бѣлой на кояѣ рыжемъ, на той же горѣ Чокловинѣ стоящаго, и слышалъ такъ глаголющаго: «се, Михайло, видѣлъ еси двухъ идоловъ, больше ихъ тамъ есть и многое множество золотыхъ и серебряныхъ, а глаза ихъ то алмазы предорогіе, тѣмъ то поганскіе давніе цари кланялись и за боги имѣли и перенесены они изо многихъ мѣстъ еще до потопа потому что тѣ поганскіе цари хотяще себя и имѣнія свои соблюсти отъ водянаго потопа искали по всѣмъ землямъ высокихъ мѣстъ, гдѣ бы потопныя воды залить не могли, пришли тутъ въ Чокловину и городъ построили и свои цѣмѣнія великія тутъ положили, которыя имѣнія явлены суть царю святому восточному и вси цари о томъ будутъ вѣдати. Потомъ князь Михайло Иванчъ хотя ту разсѣлину и видѣніе утайтъ, собиралъ мелкое по силѣ своей камень и заложилъ ту разсѣлину и засыпать известью, и внезапно часть горы великая оторвался и засыпала ту разсѣлину, какъ бы ничего тамъ не бывало, такъ заровняло и травомъ и хворостомъ заросло. Потомъ разсуждалъ онъ, князь Михайло, величину того замка, въ которомъ тѣ сокровища лежатъ, что въ длину какъ изъ лука стрѣлить, а въ ширину въ половину того и городъ около замка того былъ знатъ и гдѣ бывали дома и погребы и знатно, что не сего вѣка людей дѣло, развѣ в о л о т о в ѣ до потопа, тѣхъ силою поднимаемы такія тягости. Послѣ засыпки той разсѣлины на ту гору укрываясь отъ людей князь Михайло безпрестанно къ тому камени Чокловинѣ хаживалъ и копалъ много ища дверей сокровищныхъ и найти не могъ съ годъ и больше, а однажды какъ и многократно хаживалъ ночью взѣшелъ на гору и весь день копалъ самъ и съ Янушемъ и увидѣлъ его человѣкъ одинъ венгерскіе породы идущаго долиною Луганскою къ горѣ Чокловинѣ и спрашивалъ: «куда ты

идешь князь Михайло», онъ сказалъ, что идетъ рыбы ловить въ озеряхъ тамъ сущихъ подъ горою, и венгринъ сказалъ ему: «неправда-де то, знаю я, куда ты идешь, идешь-де ты на гору Чокловину сокровища искать, прошу, скажи и мнѣ, пусть и я что возьму отъ того сокровища». Сказалъ князь Михайло, что никакого сокровища онъ не знаетъ нигдѣ. И венгринъ, ложь ему выговаривая, сказалъ, многія-де, мы знаемъ, въ горѣ Чокловинѣ есть сокровища, только дверей къ ней не знаемъ, на которомъ мѣстѣ, а ты знаешь, скажи и мнѣ, пусть-де и я поживлюсь. И князь Михайло не сказалъ ему ничего. И венгринъ разгнѣвался на него, пошелъ въ городъ Дѣву къ комиссару цесарскому и отъ генерала Ветеранія присланному, которому комиссару онъ венгринъ виненъ былъ 100 золотыхъ венгерскаго счету, а по нашему 50 левковъ, и говорилъ комиссару, отпусти-де мнѣ долгъ, что я виненъ, а я-де скажу одного человѣка такова, который сокровище зѣло великое знаетъ на горѣ Чокловинѣ, и сказалъ имя князь Михайлово, и комиссаръ, то имя узнавъ, поймалъ тотчасъ его и велѣлъ бросить въ тюрьму вмѣстѣ съ тѣмъ венгриномъ, который оклеветалъ, Янушъ Доброшинской имя ему. И тотчасъ писалъ къ генералу Ветеранію, объявляя, что венгринъ сказалъ на князь Михайла, будто знаетъ сокровище великое на горѣ Чокловинѣ, а мнѣ, комиссару, сказать не хочетъ, что велишь съ нимъ дѣлать, потому что сидитъ въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, который сказалъ на него. И сидѣли 2 мѣсяца въ тюрьмѣ и больше, и пришелъ указъ допрашиваться правды у князь Михайла, а съ нимъ послать на ту гору къ тому мѣсту одного капитана съ людьми и съ знаменемъ досмотрѣться правды разумно, и буде что будетъ, писать къ Ветеранію, не сходя съ мѣста, и Доммеръ, комиссаръ Дѣвскій, прислалъ въ тюрьму къ князю Михаилу палачей цыгановъ и приказалъ мучить, и мучили его пять дней на всякой день по сту ударовъ въ подошвы и, хотя 500 ударовъ терпѣлъ, однако, не сказалъ...» Дадѣе Михаилъ и предъ гетманомъ повторилъ то же, что говорилъ и въ Москвѣ, только прибавилъ, что заходилъ къ господарю Мутнянскому, но «только знатно, что Богъ не похотѣлъ о томъ господарю вѣдать, что его въ Букарештѣ не застали». На предложеніе же гетмана взять и принести «какой ни есть клейноть, чтобъ было чему вѣрить вашимъ рѣчамъ», волошане сказали, что «никоими мѣрами невозможно для многихъ причинъ: первое—мы-де люди тамъ знатные, познають де насъ вскорѣ и заневолятъ еще больше или замучать; другое—не будемъ вѣры имѣть о взятіи оттуду только одного клейнота, скажутъ, что я оттуду много сокровища выносилъ украдкою и тѣмъ вѣчну себѣ со всѣмъ домомъ моимъ въ вся вѣки по всей Арделѣ получилъ бы хулу, а третья сильнѣйшая причина, что не такъовъ я отъ Бога имѣю указъ, дабы самъ отворити имѣлъ тѣ двери, но будетъ тамъ много царскихъ людей и сторожи и кому то обѣщано, то

благословеніемъ и указомъ явно, ясно, многимъ царствамъ явлено будетъ и тѣ двери тогда отворятся. Развѣ-де восточный царь писалъ къ западному и получилъ бы у западнаго царя листъ къ генералу Ардельскому, а съ тѣмъ листомъ и съ людьми своими вѣры достойными послали бы меня къ генералу, у котораго нынѣ та земля въ дозорѣ, то бы тогда генералъ самъ или кого послалъ со мною и съ людьми присланными отъ восточнаго царя, кому то отъ Бога дано, потому что земля та царя западнаго, а ключи отъ тѣхъ имѣній у царя восточнаго, тогда бы повѣрено и мнѣ, и указъ Божій чинно бы исправился, ибо обѣщаніемъ великимъ души моей обѣщаюсь, что таковъ имѣю отъ Бога указъ: «а се уже очима видишь, но руками твоими не возьмешь, только ты иди къ святому царю восточному и скажи ему, что то отъ Бога дано, и у него ты еси ключемъ къ тѣмъ имѣніямъ и многія царства вѣдати будутъ о всемъ, тотъ царь восточный отворить тѣ двери и возьметъ себѣ данное отъ Бога чѣмъ побѣдить весь свѣтъ и уже то время пришло».

Въ Москвѣ тотчасъ замѣтили «рознь» въ рѣчахъ, выписали всѣ противорѣчія на справку, но тѣмъ не менѣе грамотой отъ 15 іюля 1698 г. гетману Мазепѣ подтверждалось, чтобы онъ немедленно отправилъ какого-нибудь «бывалаго, вѣрнаго и дѣльнаго человѣка съ однимъ изъ волошанъ, челядникомъ Иваномъ и тому своему посыльщику приказалъ бы, чтобы онъ въ той посылкѣ сказывался тамошнимъ жителемъ или торговымъ человѣкомъ и тѣ бы знатныя мѣста осматрѣлъ съ остерегательствомъ, чтобы его тамошніе власть и жители не познали и не поимали и если для знаку ничего взять будетъ невозможно и они бы возвратились съ однимъ тѣхъ мѣстъ досмотромъ». Между тѣмъ до возвращенія посланныхъ самого князя Михаила Ивановича предписывалось гетману держать у себя подъ карауломъ. До полученія этой грамоты, однако И. С. Мазепа распорядился именно такъ, какъ теперь предписывалось.

Въ Москвѣ съ нетерпѣніемъ ожидали разрѣшенія этого дѣла, и оно окончилось такъ, какъ, конечно не ожидали въ Посольскомъ приказѣ. Въ листѣ, полученномъ въ Москвѣ 29 ноября 1698 г., гетманъ сообщалъ, что посланный имѣ батуринскій житель Антонъ Салинскій 12 ноября возвратился изъ Венгерской земли и показалъ, что «молодой волошанинъ» съ нѣсколькими другими мѣстными жителями водилъ его ночью на то мѣсто, гдѣ должны были находиться сокровища; но вмѣсто ожидаемыхъ сокровищъ—здѣсь они неожиданно напали на него, сбили съ коня, били, отобрали деньги до 200 р., которыя были въ сумахъ у сѣдла, такъ что едва ему удалось спастись бѣгствомъ. Относительно князя Михаила И. С. Мазепа писалъ, что онъ заковалъ его въ кандалы и просилъ о немъ указа.

Съ листомъ этимъ, заключавшимъ такія неприятныя вѣсти, предсталъ

въ Посольскомъ приказѣ самъ Антонъ Салинскій, который и долженъ былъ лично разсказать здѣсь случившееся съ нимъ во время поѣздки за мнимымъ, столь заманчивымъ, сокровищемъ...

Дальнѣйшихъ слѣдствій по этому дѣлу у насъ не имѣется. Въ «Рус. Старинѣ» 1872 г. (т. I, стр. 953—956) напечатанъ отрывокъ изъ документа, касающійся того же клада, извлеченный I. В. Есиповымъ изъ Моск. архива мин. иностр. дѣлъ, изъ котораго видно, что въ 1703 г. пресловутый князь Михаилъ Ивановичъ снова являлся въ Москву съ тѣми же заманчивыми предложеніями, объясняя неудачу первой попытки тѣмъ, что посланы были люди небывалые, которые между собой ссорились и бились... Какъ, однако, отнеслись въ Посольскомъ приказѣ къ этому вторичному предложенію, — изъ документа, напечатаннаго г. Есиповымъ, къ сожалѣнію, не видно. Забытъ ли былъ первый урокъ, данный ловкимъ проходивцемъ въ 1698 году?

А. Голомбѣвскій.

II.

Записка трехъ товарищей министровъ императору Александру I.

Всемилостивѣйшій Государь!

Россія въ опасности, въ опасности великой, необыкновенной. Послѣ столѣтнихъ побѣдъ и триумфовъ, предѣлы имперіи угрожаемы близкимъ нападеніемъ сильнаго врага. Горестная истина сія раздираетъ сердце каждаго россіянина, каждаго вѣрноподданнаго Вашего Императорскаго Величества. Она призываетъ насъ къ священному твоему престолу излить съ благоговѣніемъ чувствованіе нашей ревности и приверженности ко благу и славѣ твоего царства.

Со времени кончины несчастнаго Дюка д'Ангена до настоящей критической минуты, Ваше Императорское Величество, при всей склонности къ миру, при всѣхъ усиліяхъ и пожертвованіяхъ для достиженія оваго, принуждены были продолжать войну со дня на день и болѣе гибельную и болѣе необходимую. Властолюбіе единого человѣка, который съ толикою дерзостію и упрямствомъ слѣдуетъ неизмѣнной системѣ хищничества, который употребляетъ на сей конецъ и миръ, и войну, и успѣхъ оружія, и вѣроломство негоціацій, подвигло къ ополченію Ваше Императорское Величество, сперва, дабы возстановить нарушенныя трактаты, исполнить собственныя обязательства и отмстить за оскорбленное достоинство твоей короны; потомъ, дабы зацѣпить

отдаленныя владѣнія и торговлю, вообще же, дабы доставить Европѣ спокойствіе и миръ благонадежный.

Прусская монархія, сія сомнительная и злощастная союзница, близка къ совершенному разрушенію. Французы заняли уже ея провинціи. Король, оставаясь, такъ сказать, съ горстію людей, не имѣетъ ни владѣнія, ни способовъ къ своей оборонѣ. Наполеонъ съ побѣдоноснымъ войнствомъ стремится чрезъ Данцигъ къ Кенигсбергу и Мемелю; Курляндія и Лифляндія, бывъ безъ защиты, подвергаются всѣмъ ужасамъ возмущенія. Одно слово вольности, произнесенное Бонапартомъ въ сихъ провинціяхъ, будетъ сигналомъ отторженія и кровопролитія.

Въ то же время направляетъ онъ многочисленныя силы свои чрезъ Позенъ къ Варшавѣ. Польскіе энтузіасты ихъ сопровождаютъ; возмутительныя прокламаціи предупредили уже ихъ, и легионы, составленные изъ дезертировъ польскихъ, изъ венгерцовъ, далматовъ, однимъ словомъ изъ славянъ, собираемыхъ имъ подъ предлогомъ соединенія единоплеменныхъ, предшествуютъ его арміи.

Новое Вестфальское королевство угрожаетъ опасностію Ганзеатическимъ городамъ и Голштиніи. Закрытіе Зунда будетъ сего послѣдствіемъ.

Прусская Силезія, какъ говорятъ, уступается Австріи съ нѣкоторыми другими нѣмецкими землями, въ замѣну обѣихъ Галицій, которыя Вѣнскій дворъ отдаетъ во власть Франціи.

Общіе слухи возвѣщаютъ близкое возстановленіе Польскаго королевства. Должно ожидать, что Бонапарте возложитъ сію корону на себя или на брата своего Жерома, которому вмѣстѣ отдастъ руку Саксонской принцессы, признанной по конституціи инфантою польскою.

Не безызвѣстно каждому россіянину, что съ 1792 года польская нація не преставала помышлять о своемъ соединеніи и возстановленіи политическаго ея существованія. Французскіе агенты и шпіоны возродили и поддерживали мнѣніе, что Польша ни отъ кого кромѣ Франціи не можетъ надѣяться своего, какъ они называютъ, освобожденія. Успѣхи революціи и побѣды Бонапарте превратили сію надежду въ слѣпую вѣру; а настоящія происшествія преисполнили уже мѣру сего ожиданія; и при малѣйшей, отъ чего Боже сохрани, неудачѣ нашего оружія, одинъ манифестъ Наполеона, сеймъ, имъ собранный, сильныя арміи, имъ предводимыя, зажгутъ пламя, которое неминуемо разольется и по провинціямъ, къ Россіи отъ Польши присоединеннымъ. Одни ополченія, противопоставленныя распространенію онаго, отвратить несчастія имперіи не могутъ. Внутреннія волненія и мятежи присоединятся къ войнѣ съ внѣшними врагами, и одна изъ лучшихъ частей государства учинится жертвою изступленія разныхъ партій и политическаго фанатизма.

Самая экспедиція въ Молдавію и Валахію, которая конечно могла бы обратиться къ величайшей для Россіи пользѣ, сдѣлавъ сильную диверсію и представляя способъ къ вознагражденію, увеличиваетъ только общую опасность, когда по необходимости обращая главнѣйшія усилія наши на Западъ, воспрепятствованы мы будемъ продолжать съ твердостью дѣйствія наши на югѣ, и когда посредствомъ возмущеній и новыхъ побѣдъ Наполеонъ предуслѣветъ утвердиться въ провинціяхъ, на Днѣстрѣ лежащихъ, и оживитъ упавшій духъ оттомановъ, коихъ дерзость устремиться можетъ и на возвращеніе Крыма.

Такое изображеніе угрожающихъ бѣдствій нисколько не увеличено. Оно начертано истиннымъ и чистѣйшимъ усердіемъ къ Вашему Императорскому Величеству и живѣйшею любовью къ отечеству. Каждый преданный августѣйшему дому Вашего Величества и священной особѣ вашей съ ужасомъ взираетъ на оное и, предаваясь пламенному желанію добра, изыскиваетъ средства къ отвращенію толикихъ злощастій.

Впрочемъ, если представить себѣ внутреннія силы и существенное могущество имперіи, вообразить незабвенные подвиги, оказанные сынами отечества въ труднѣйшія времена Россіи, то невозможно усомниться, чтобъ самыя предстоящія опасности не возбудили духа россіянъ и не увѣнчали бы ихъ усилій блистательными успѣхами. Такъ! источники могущества имперіи неисчерпаемы, и духъ Пожарскихъ и Мининыхъ разливается еще въ сердцахъ подданныхъ Вашего Величества.

Но, всемиловѣйшій государь, дозвольте здѣсь съ достоюльнымъ благоговѣніемъ выразить чувствованія вѣрныхъ вашихъ подданныхъ, всегда готовыхъ исполнять велѣнія ваши, жертвовать всѣмъ своимъ имуществомъ и пролить всю кровь свою за священную особу Вашего Императорскаго Величества.

Очевидно, что одни великія и сильныя мѣры, мудро придуманныя и съ невозможною скоростію въ исполненіе приводимыя, могутъ только спасти насъ отъ опасности. Средства обыкновенныя, употребляемыя съ пользою при другихъ обстоятельствахъ, были бы недостаточны и даже пагубны, когда сильный и коварный непріятель нападаетъ уже на самыя предѣлы имперіи.

Не входя въ подробности сихъ мѣръ, дерзаемъ сказать, всемиловѣйшій государь, что нѣтъ ни одного вѣрнаго и истинно преданнаго тебѣ подданнаго, который бы не чувствовалъ, что, не теряя ни единого мгновенія, должно:

1) Привести въ дѣйствіе всѣ способы могущества, которые пространная держава твоя и сильный великодушный народъ россійскій заключаютъ въ самихъ себѣ, воспламеняя духъ народный, руководствуясь любовью къ отечеству и обращая всеобщее мнѣніе на причины, цѣль и

необходимость войны, въ которой правота и умѣренность Вашего Императорскаго Величества всегдашнее противуборство находили въ коварствѣ и гордынѣ Наполеона.

2) Привести въ согласіе и соединить колико возможно всѣ части правленія, опредѣлить центръ всѣхъ дѣйствій, создать единую волю, могущую дать всему правительству единый духъ, единое побужденіе и единое направленіе.

3) Собрать и умножить наши силы присоединеніемъ къ регулярной арміи, движимой воспоминаніемъ ея славы, временныхъ ополченій, одушевляемыхъ самыми драгоценными его выгодами, и расположить ихъ совокупныя дѣйствія на обширномъ пространствѣ, гдѣ Бонапарте, вмѣсто коронъ, которыхъ дерзаетъ онъ ожидать въ Москвѣ и Кіевѣ, обращетъ себѣ Полтаву и раскается навѣки, что отважился учинить нападеніе на страны неприступныя ни для какой власти чужеземной.

4) Посредствомъ операціи простой, но соотвѣтственной настоящимъ политическимъ обстоятельствамъ, которая возвыситъ корону польскую, соединивъ блескъ ея съ лаврами императорскими, умножить знатнымъ образомъ великія средства и силы, которыя представитъ Вашему Императорскому Величеству пламенная любовь и благодарность сего храбраго и чувствительнаго народа, и воспользоваться самыми нашествіями Наполеона для начатія федеративной системы, которая будетъ натуральнѣе и прочнѣе принятой имъ самимъ въ Италиі и Германіи; она возродитъ древнюю связь между народами единомышленными и подвигнетъ ихъ къ существованію въ общей оборонѣ.

5) Усугубить уваженіе къ нашему кабинету въ иностранныхъ державахъ, возобновить ихъ довѣрчивость и доброе расположеніе, утвердить съ ними связи, мгновеннымъ страхомъ разстроенныя, но всегда готовые возобновиться по видамъ важнѣйшихъ и постоянныхъ выгодъ, если только къ духу великихъ начинаній присоединены будутъ чистота намѣреній и искусство въ исполненіи.

Вотъ, всемілостивѣйшій государь, обзорніе средствъ, которыя неизбежная опасность намъ предписываетъ. Прозорливость Вашего Императорскаго Величества взвѣситъ ихъ пользу и важность. Но если признана будетъ необходимость принять оныя, то должно равномерно признать, что дабы обнять ихъ въ цѣлости и присвоить себѣ съ надеждою успѣха, нужны таланты и характеры, если не превосходившіе, то по крайней мѣрѣ равные трудности нашего положенія; надлежитъ, чтобы общее мнѣніе было ихъ подпорою. Теперь съ прискорбіемъ и уныніемъ видимъ мы, что пружины государства и побудительныя силы его могущества слабѣютъ подъ тяжестію происшествій и преодолеваются властію обстоятельствъ. Довѣренность народа уклонилась отъ нихъ. Остается намъ единая любовь къ лицу твоему, единое уваженіе и преданность

къ твоимъ добродѣтелямъ и вмѣстѣ печальное убѣжденіе, что отеческія попеченія твои нимало не подкрѣпляются нужнымъ содѣйствіемъ въ исполненіи.

Въ семъ-то, всемилостивѣйшій государь, заключается самое важнѣйшее зло и источникъ всѣхъ другихъ золъ. Истреби сію гибельную причину, и тогда російскій народъ и всѣ племена твоей имперіи воспрянутъ и подвижутся на общаго врага, котораго гробы останутся единими слѣдами на предѣлахъ нашихъ.

Въ сію рѣшительную минуту всякое уваженіе личности и частныя выгоды должны умолкнуть. Единое чувствованіе нами господствуетъ и насъ соединяетъ: благо имперіи и слава имени твоего.

Съ симъ чистѣйшимъ чувствованіемъ всеподданнѣйше просимъ Ваше Императорское Величество принять съ благодію и уважить общее сіе желаніе, съ коимъ неразрывно соединены всѣ наши надежды. Оно состоитъ въ томъ, чтобъ оба департамента, коимъ предоставлено раскрывать и употреблять главнѣйшія пружины твоего могущества, т. е. иностранныхъ дѣлъ и военныхъ силъ, преобразовать самымъ поспѣвшимъ и существеннымъ образомъ, и управленіе оныхъ ввѣрить министрамъ, коихъ таланты, опытность, знаніе мѣстныхъ обстоятельствъ, равно характеръ, правила и чувствованія могли бы возбудить довѣренность въ народъ, всерить почтеніе и страхъ въ непріятелей и возстановить наши сношенія и уваженіе къ намъ иностранныхъ державъ.

Излагая таковыя чувствованія наши, мы удостовѣрены, что Ваше Императорское Величество удостоите уважить причины, къ тому насъ побуждавшія. Онѣ достойны тебя, всемилостивѣйшій государь, достойны каждаго гордящагося именемъ россиянина, каждаго ошущающаго цѣну счастья жить подъ твоими законами.

Если Ваше Императорское Величество не признаете за благо исполнить сіе прямое и безкорыстное желаніе для службы государственной, тогда съ благоговѣніемъ ограничимся единымъ воспоминаніемъ, что исполнили священный долгъ нашей приверженности. Если же Ваше Императорское Величество удостоите оказать сіе новое благодѣаніе Россіи и внять прошенію нашему, то мы поспѣшимъ представить на прозорливое усмотрѣніе Вашего Величества подробный планъ, объемлющій всѣ вышеприведенныя средства во всемъ ихъ пространствѣ, и чистосердечно возрадуемся, что при наступленіи опасности успѣли мы оказать вѣкоторую услугу нашему монарху и отечеству.

Подписали: Товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, кн. Чарторыйскій. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Строгановъ. Товарищъ министра юстиціи, Н. Новосильцовъ.

Подано 11-го ноября 1806 г.

Сообщилъ А. М. Княжевичъ.

ОБОЗРѢНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ И СТАТЕЙ.

Государственный Совѣтъ и Сенатъ при Павлѣ I и въ первую половину царствованія императора Александра I (Временникъ Демидовскаго юридическаго лицея, книги 61 и 62). — Исторія евреевъ въ Россіи („Русскій Архивъ“ 1894 г. № 5) ¹⁾.

I.

Вступленіе на престолъ императора Павла I было ознаменовано преобразованиемъ почти всей системы управленія, существовавшаго при Екатеринѣ II. Благодаря дѣятельности самого императора личный принципъ въ управленіи получилъ перевѣсъ надъ коллегіальнымъ. Императоръ намѣренъ былъ обратиться Правительствующій Сенатъ исключительно въ судебное мѣсто, въ составѣ двухъ департаментовъ: уголовного и гражданскаго. Все центральное управленіе предполагалось составить изъ семи главныхъ департаментовъ подъ начальствомъ министровъ. Генералъ-прокуроръ, въ качествѣ министра юстиціи, долженъ былъ завѣдывать только юстицъ и вотчинною коллегіями. Всѣ доклады министровъ поступали въ канцелярію государя, которая состояла изъ семи отдѣленій, изъ которыхъ въ каждомъ сосредоточивались дѣла одного департамента. Рѣшенія государя объявлялись той же канцеляріи и, такимъ образомъ, она являлась средоточіемъ высшаго управленія имперіею. Государственный Совѣтъ долженъ былъ состоять лишь изъ министровъ и вице-канцлеровъ и служить единственно для облегченія сношеній между ними. Онъ занимался преимущественно законодательными дѣлами, а Сенатъ сдѣлался судебнымъ учрежденіемъ.

¹⁾ См. „Русскую Стар.“ 1894 г., №№ 2 и 4.

«Этотъ проектъ преобразованія въ высшемъ управленіи,—говоритъ В. Г. Щегловъ ¹⁾,—показываетъ стремленіе Павла Петровича самому вести все управленіе государствомъ; изъ него также видно, что отъ вниманія императора не ускользнуло судебное значеніе Сената, разившееся исторически».

Государственный Совѣтъ при императорѣ Павлѣ назывался «Совѣтомъ Его Императорскаго Величества» и «Высочайшимъ Совѣтомъ» и состоялъ изъ высшихъ сановниковъ имперіи ²⁾. Дѣятельность Совѣта была не одинакова: въ 1796 и 1797 годахъ въ Совѣтѣ обсуждалось и рѣшалось множество вопросовъ, а къ концу царствованія Совѣтъ занимался большею частью цензурою иностранныхъ и русскихъ книгъ.

«Порядокъ рѣшенія дѣлъ во вновь образованныхъ при Павлѣ Петровичѣ министерствахъ былъ чисто бюрократическій. По словамъ А. М. Тургенева, всѣмъ дѣлопроизводствомъ завѣдывали столоначальники отдѣльных департаментовъ въ министерствахъ, которымъ передавалась начальками отдѣленій всѣ докладныя записки, полученныя ими самими отъ директоровъ департаментовъ. Этими же послѣдними всѣ бумаги препровождались министрами. Столоначальникъ, замѣчаетъ Тургеневъ, зналъ дѣло прежде, полиціе и основательнѣе начальника отдѣленія, директора и министра, который никогда и ни о какомъ дѣлѣ никакого яснаго и основательнаго понятія имѣть не могъ. Дѣло отъ столоначальника доходило по посредствующимъ инстанціямъ до министра, который преподносилъ его въ краткомъ извлеченіи государю. Эти же извлеченія и сокращенія разными лицами такъ далеко отходили отъ самаго существа дѣла, изложеннаго въ подлинной докладной запискѣ, что по утвержденіи доклада министра государемъ, не знали, какъ его привести къ исполненію».

Надъ дѣятельностью министерствъ не существовало никакого надзора, и всѣ дѣйствія министровъ являлись разрозненными и не имѣвшими единства направленія. Государственный Совѣтъ точно также не имѣлъ опредѣленнаго устройства и точно опредѣленной программы для своей дѣятельности. «Такимъ образомъ,—говоритъ В. Г. Щегловъ,—послѣдующему царствованію предстояло: дать полную и прочную организацію Государственному Совѣту, какъ органическому учрежденію въ русской монархіи, твердо установить его высшее положеніе въ управленіи, какъ законо-совѣщательнаго учрежденія, централизовать все дѣйствительное управленіе посредствомъ раздѣленія его главныхъ задачъ между мини-

¹⁾ „Государственный Совѣтъ въ Россіи“ Временникъ Демидовскаго юридическаго лица кн. 61, стр. 689.

²⁾ Въ составъ Совѣта входили: князья: Салтыковъ, Безбородко, Куракинъ, Репнинъ, Гагаринъ, Долгоруковъ, графы: Самойловъ, Заваловскій, Румянцовъ, Паленъ и съ 1 декабря 1799 г. наследникъ престола, Александръ Павловичъ.

стерствами, какъ отдѣльными и независимыми другъ отъ друга вѣдомствами, сообщить единство въ дѣятельности всѣхъ министровъ и организовать надзоръ надъ нею и, наконецъ, выдѣлить изъ Сената всѣ административныя дѣла и образовать изъ него высшее судебное учрежденіе въ имперіи».

Рѣшеніе этой задачи выпало на долю преемника Павла I, императора Александра I, восшествіе котораго на престолъ было встрѣчено всѣмъ русскимъ обществомъ съ необыкновеннымъ восторгомъ. Всѣ почувствовали нравственный просторъ, стали смѣлѣе, вдохнули свободнѣе. Благость и кротость души Александра, говорятъ Лунинъ, отвалили камень отъ духа и сердца его подданныхъ. Всѣ ожидали многого отъ молодого императора, одареннаго высокими нравственными и умственными качествами. «Воспитаніе, — пишетъ В. Г. Щегловъ, — и вся обстановка, окружавшая Александра Павловича въ юношескіе годы его жизни, оставили въ крайне впечатлительной и увлекающейся натурѣ Александра самыя разнообразныя и противоположныя слѣды, развили въ ней такія черты, придали характеру Александра такія качества, которыя отразились на всей послѣдующей его дѣятельности. Александръ Павловичъ достигъ до такой высоты нравственнаго и умственнаго своего развитія, на какой только можно было стоять въ его время. Онъ обладалъ возвышенными представленіями о нравственныхъ цѣляхъ жизни человѣка, гражданина и монарха, былъ искренно убѣжденъ въ необходимости обосновать свою будущую дѣятельность на демократическихъ принципахъ равенства, свободы и счастья всѣхъ людей и обнаруживалъ постоянную склонность къ высокимъ нравственнымъ подвигамъ на пользу человѣчества. Но въ то же время эти нравственные и политическіе взгляды Александра имѣли отвлеченный, космополитическій характеръ, были далекими отъ всего общаго склада русской общественной жизни, къ которой онъ желалъ ихъ примѣнять. Сама эта жизнь въ ея разнообразныхъ формахъ была почти незнакома будущему государю, получившему отъ своихъ воспитателей неопредѣленныя, а иногда и превратныя понятія о русскомъ общественномъ устройствѣ».

Видя многіе недостатки въ управленіи и желая устранить ихъ, Александръ не имѣлъ достаточно силы воли, постоянства и рѣшительности для того, чтобы начатое довести до конца. Ему недоставало, — по выраженію барона Штейна, — умственной силы для изслѣдованія истины, твердости для подчиненія своей волѣ противниковъ его идей и начинаній, и онъ нерѣдко прибѣгалъ къ оружію лукавства и хитрости для осуществленія своихъ цѣлей. По словамъ Меттерниха, императоръ Александръ имѣлъ благородный образъ мыслей, твердое слово, но непостоянство въ направленіи своего ума. Илюбленныя идеи всегда одерживали верхъ въ его мнѣніи, и онъ отдавался имъ горячо, но онѣ не сплывались между со-

бою. «Увлекаясь новой, только-что усвоенной системой, онъ безсознательно переходилъ черезъ постепенныя промежуточные ступени въ убѣжденіяхъ, діаметрально противоположныхъ тому, чего онъ держался непосредственно передъ тѣмъ, не сохраняя о нихъ другаго воспоминанія, кромѣ обязательствъ, связывающихъ его съ различными представителями прежнихъ воззрѣній. Отсюда возникла тяжелая какъ для сердца, такъ и для ума государя сѣтъ болѣе или менѣе неразрѣшимыхъ затрудненій, опутывавшихъ его; отсюда частое пристрастіе къ людямъ и предметамъ самаго противоположнаго характера; отсюда уже трудно понять образъ его дѣйствій для каждаго наблюдателя, не имѣвшаго случая открыть настоящую причину такихъ удивительныхъ явленій».

Непостоянство и двойственность въ характерѣ императора Александра были причиною частыхъ перемѣнъ въ управленіи, отсутствія послѣдовательности въ реформахъ и цѣлаго ряда противорѣчій въ преобразовательной его дѣятельности. Въ Александрѣ смѣшались самыя противоположныя качества: христіанское смиреніе и величавость, безпечность и кипучая дѣятельность, доброта и упорство мянѣй на счетъ людей, подвергшихся его неудовольствію. Несмотря на все это, Александръ оставался всегда вѣренъ своему стремленію водворить въ русскомъ управленіи законность и ввести въ ней прочныя учрежденія, исключаяція возможность личнаго произвола. «Я никогда не могу привыкнуть къ идеѣ, — писалъ онъ Лагарпу, — царствовать деспотически и не способенъ поддерживать угнетеніе». Александръ нѣсколько разъ заявлялъ, что законъ выше его власти, и стремился къ тому, чтобы учредить строгій порядокъ въ государственномъ управленіи и уничтожить произволь. Въ манифестѣ, изданномъ по поводу образованія Государственнаго Совѣта, было сказано, что «законы гражданскіе, сколько бы они ни были совершенны, безъ государственныхъ установленій не могутъ быть тверды, что истинный разумъ всѣхъ усовершенствованій русскихъ государственныхъ установленій состоитъ въ томъ, чтобы учреждать постепенно образъ правленія на твердыхъ и не перемѣняемыхъ основаніяхъ закона. Открывая 1-го января 1810 года первое засѣданіе Государственнаго Совѣта, императоръ высказалъ желаніе, «чтобы благосостояніе имперіи утвердилось на законѣ, а законъ былъ неподвиженъ на установленіяхъ».

При вступленіи императора Александра на престолъ существовали двѣ партіи: одна — состоявшая изъ сановниковъ Екатерины II, стремившаяся возстановить разрушенную систему екатерининскаго царствованія; вторая, изъ лицъ сочувствовавшихъ личнымъ убѣжденіямъ молодого государя и черпавшая свои политическіе идеалы не изъ прошлаго Россіи, а изъ современной имъ западно-европейской жизни. Первая партія видѣла осуществленіе своихъ преобразовательныхъ плановъ въ возстановленіи Сената, какъ главнаго управленія страной, и въ возвращеніи

къ петровскому коллегіальному устройству. Во второй партіи были люди, которые «вѣрили уже не въ прошедшее, а въ будущее»; это будущее имъ казалось такъ легко создать по идеалу, составившемуся въ нихъ благородной и воспріимчивой душѣ. Они гордились успѣхами своего вѣка, благоговѣли передъ завоеваніями ума человѣческаго, преклонялись передъ формами жизни европейской, недавно еще выработавшимися въ новыхъ видахъ. «Но, къ сожалѣнію, порицая русскіе законы какъ отсталые и отжившіе, молодые совѣтники императора съ непостижимою несомнѣтельностью подрывали уваженіе ко всѣмъ уставамъ, провозглашая свободу и равенство въ самомъ превратномъ и уродливомъ видѣ. Между тою и другою партіею явилась золотая середина, въ лицѣ либеральнаго чиновничества, середина, примирившая обѣ партіи, принявшая участіе въ реорганизаціи всѣхъ русскихъ административныхъ учреждений и приносящая несомнѣнную пользу. Преобразованія были необходимы въ особенности Сената.

«Сенатъ,—говоритъ Чарторыйскій,—былъ высшимъ судебнымъ и административнымъ учрежденіемъ имперіи. Въ немъ, какъ въ послѣдней инстанціи, разрѣшались гражданскія и уголовныя дѣла всего государства. Сенату было предоставлено право публиковать свои собственные указы, основанные на указахъ императора, и изъяснять и развивать эти послѣдніе. Черезъ Сенатъ шли къ императору разныя донесенія о дѣлахъ мѣстнаго управленія, представляемыя въ него губернаторами. Сенатъ же обладалъ правомъ контроля надъ дѣятельностью всѣхъ учреждений,—руководства и управленія всѣмъ государствомъ... Всея русской администраціи не доставало передъ началомъ реформъ Александра I порядка и связи; все въ ней было хаосъ, все въ смѣшеніи, ничего правильнаго и ясно опредѣленнаго. Существовалъ только одинъ Правительствующій Сенатъ съ равными ему тремя первыми коллегіями (военной, адмиралтейской и иностранной). Президентъ каждой коллегіи представлялъ государю доклады о дѣлахъ коллегіи и сообщалъ ей высочайшія повелѣнія. Сенатъ былъ центромъ всей администраціи, а въ лицѣ генерал-прокурора, управляющаго и надзирающаго за всѣмъ управленіемъ, соединялись званія министра внутреннихъ дѣлъ, полиціи, финансовъ и юстиціи».

Первою реформою императора Александра было упраздненіе 26-го марта 1801 года «Совѣта при Высочайшемъ дворѣ». Черезъ четыре дня послѣ этого былъ учрежденъ (30 марта) Непремѣнный совѣтъ, членами котораго были назначены всѣ важнѣйшіе сановники и всѣ начальники отдѣльныхъ вѣдомствъ. Въ данномъ совѣту наказъ было сказано, что «совѣтъ не входитъ ни въ какія распоряженія по части исполнительной и силы другой въ государственномъ управленіи не имѣтъ, кромѣ силы соображенія. Изъ сего слѣдуетъ, что никакихъ указовъ и

повелѣній отъ себя и отъ имени своего онъ не издаетъ. Поручаемое ему отъ Насъ дѣло относится только къ части законодательной, исполнительная же предоставляется Сенату и мѣстамъ, ему подвластнымъ. Предметъ разсужденій совѣта составляетъ все то, что принадлежитъ до государственныхъ постановленій, временныхъ или коренныхъ и непреложныхъ».

По наказу совѣтъ былъ уполномоченъ пересмотрѣть всѣ законы и постановленія и составить проектъ перемѣнъ и исправленій. Въ этомъ должна была помогать совѣту коммиссія законовъ, учрежденная 5-го іюля 1801 года. Протоколы засѣданій Непремѣннаго совѣта свидѣтельствуютъ, что онъ занимался обсужденіемъ многихъ важныхъ государственныхъ вопросовъ и въ особенности въ первые три года царствованія Александра (1801—1803 г.). Впослѣдствіи, учрежденіе министерствъ и обширная власть, предоставленная министрамъ, значительно уменьшили и ослабили дѣятельность совѣта, и въ концѣ своего существованія онъ обратился въ судебное учрежденіе, въ которомъ дѣла разсматривались безъ связи и порядка. Противъ этого возставалъ графъ С. Р. Воронцовъ, говорившій, что «деспотизмъ министровъ въ тысячу разъ хуже единоличнаго произвола государя». Онъ надѣялся, что при сосредоточеніи дѣлъ въ совѣтъ будутъ достигнуты гармонія и единство во всѣхъ его частяхъ, въ особенности если государь самъ будетъ присутствовать въ совѣтѣ. Императоръ Александръ и его молодые совѣтники раздѣляли это мнѣніе и считали преобразование совѣта необходимымъ. Они находили, что всѣ важнѣйшія государственныйя дѣла должны быть обсуживаемы въ совѣтѣ, состоящемъ изъ всѣхъ министровъ, и указывали на Англію, гдѣ всякая важнѣйшая мѣра обсуждается всѣми министрами вообще, и правительство не можетъ быть введено въ заблужденіе или ошибку.

«По мнѣнію Новосильцева,—пишетъ В. Г. Щегловъ,—займствовавшаго свои доводы изъ Бекона, выгода такого веденія дѣлъ состояла именно въ томъ, что всякая мѣра, будучи плодомъ общей опытности и способностей государя и его министровъ, являлась бы какъ Минерва во всеоружіи изъ головы Юпитера. Впрочемъ,—замѣчаетъ графъ Строгановъ,—неудобства подобной системы не укрылись отъ членовъ комитета. Замѣтили, что въ Англіи всѣ министры, составляющіе кабинетъ, руководятся одною и тою же мыслью, однимъ и тѣмъ же политическимъ взглядомъ. Напротивъ того, у насъ министры весьма часто несогласны между собою въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ. И потому, при отсутствіи единства въ нашемъ кабинетѣ, слѣдуетъ ограничиться тѣмъ, чтобы отнять у министровъ возможность употреблять во зло довѣренность государя; но съ другой стороны надлежитъ избѣгать, чтобы не сочили государя состоящимъ подъ опекой такого совѣта, потому что у насъ не довѣряютъ министрамъ, а вѣрятъ только одному государю».

Несмотря однакоже на то, послѣ долгихъ преній въ неофициальномъ комитетѣ рѣшено было, что, при учрежденіи министерствъ, всѣ министры должны быть членами совѣта. Въ манифестѣ по поводу образованія министерствъ было сказано, что совѣтъ не иначе приступаетъ къ разсмотрѣнію дѣлъ, какъ въ присутствіи не менѣе пяти министровъ и непременно того, по части котораго разсматривается дѣло. Совѣту предложено разсматривать только дѣла особенной важности, а дѣла обыкновенныя передавать на разсмотрѣніе комитета министровъ.

Изъ среды же того же неофициальнаго комитета вышло и преобразование Сената. «Императору было больно,—говоритъ графъ Строгановъ,—видѣть Сенатъ въ томъ униженномъ состояніи, въ какое онъ впалъ въ послѣднее время, и потому Его Величество, считая это учрежденіе необходимымъ противѣсомъ произволу, желалъ прискаты мѣры къ возвращенію ему прежняго значенія, какъ то было при Петрѣ Великомъ, и утвердить его авторитетъ на такомъ прочномъ основаніи, чтобы онъ могъ сохранить его».

Рѣшеніе этой задачи было предложено самому же Сенату, отъ имени котораго графъ Завадовскій вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о правахъ и преимуществахъ Сената. Петръ I,—говорилъ Завадовскій,—удерживая законодательную власть въ своемъ лицѣ, учредилъ Сенатъ и предоставилъ ему всю исполнительную часть, какъ средоточію всѣхъ государственныхъ дѣлъ. Петръ повелѣлъ, чтобы всѣ мѣста были послушны указамъ Сената, какъ самому государю, и чтобы на рѣшеніе Сената не подавалось ему никакихъ жалобъ. На Сенатъ возложена обязанность предохранять «священныя права короны, приводить въ исполненіе всѣ законы, волю государя и дѣйствовать на гражданскія дѣла, какъ верховному мѣсту суда и расправы». Въ царствованіе императора Павла, Сенатъ неоднократно подвергался униженію: его рѣшенія отменялись, вновь перерѣшались, и была допущена апелляція черезъ генераль-рекстмейстера и проч. Графъ Завадовскій, графъ Воронцовъ и Г. Р. Державинъ считали необходимымъ возстановить права Сената, но члены неофициальнаго комитета не раздѣляли вполне этого мнѣнія. Новосильцевъ былъ того мнѣнія, что не слѣдуетъ считать Сенатъ законодательнымъ учрежденіемъ; что, давъ такія права, государь связалъ бы себѣ руки такъ, «что не могъ бы выполнить всего задуманнаго имъ на пользу общую и встрѣтилъ бы въ невѣжествѣ этихъ людей помѣху, которая имѣла бы опасныя послѣдствія въ случаѣ борьбы между верховною властью и правительственными учреждениями. Все это привело Новосильцева къ выводу, что слѣдуетъ ограничить Сенатъ судебною властью, но въ широкомъ размѣрѣ, съ полною независимостью отъ опеки генераль-прокурора и оберъ-прокуроровъ»¹⁾.

¹⁾ Временникъ Демидовскаго юридическаго лица, кн. 62, стр. 763.

Молодые сотрудники государя находили, что предоставленіе Сенату законодательной власти вызвало бы большія затрудненія. Императоръ, соглашаясь съ ними, настаивалъ на необходимости предоставить Сенату власть исполнительную. Тогда члены комитета заговорили объ учрежденіи министерствъ. Они замѣтили, «что не слѣдуетъ связывать себѣ руки и что лучше предоставить какую-либо часть администраціи одному человѣку съ возложеніемъ на него известной доли отвѣтственности, нежели отдать ее въ руки многихъ лицъ. Но на всѣ эти замѣчанія государь отвѣчалъ, что характеръ власти, которую предполагалось предоставить Сенату, состоялъ въ томъ, чтобы онъ могъ получать свѣдѣнія о всемъ происходящемъ и слѣдить за администраціей, а не имѣть на нее вліянія. Когда Александръ продолжалъ настаивать на томъ, чтобы Сенату была вручена охранительная власть, такъ какъ контроль совѣта за дѣятельностью учреждений недостаточенъ, члены комитета замѣтили ему, что такая охранительная власть Сената будетъ призрачна, что истинная охрана заключается въ организаціи политическаго строя и въ общественномъ мнѣніи. Государь отвѣчалъ на это, что все это справедливо, но что предполагаемая имъ мѣра была сближеніемъ къ цѣли».

Вопросу этому члены комитета посвятили нѣсколько засѣданій, въ которыхъ читались проекты графа Строгонова, Новосильцева и князя Чарторыйскаго. Рядомъ съ этимъ работалъ и Непремѣнный совѣтъ, мнѣніе котораго было рассмотрѣно въ неофициальномъ комитетѣ и вскорѣ послѣ того, 8 сентября 1802 года явился указъ о правахъ и обязанностяхъ Сената. Онъ былъ названъ верховнымъ мѣстомъ имперіи, которому подчинялись всѣ правительственныя мѣста, и хранителемъ законовъ, обязаннымъ заботиться о повсемѣстномъ соблюденіи правосудія. Сенату вручена была вся административная и судебная власть и только часть законодательной. Сенатъ получилъ право представлять государю о неудобствахъ въ исполненіи законовъ. Ему же было предоставлено право безапелляціоннаго рѣшенія всѣхъ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ, безъ представленія своихъ приговоровъ на утвержденіе государя, исключая только тѣхъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о лишеніи дворянскаго достоинства и чиновъ. Но Сенату не дано было права устанавливать самому налоги, какъ желала того консервативная партія. Сенатъ сталъ, согласно желанія государя, верховнымъ контролирующимъ мѣстомъ въ государственномъ управленіи и высшимъ судебнымъ учрежденіемъ въ имперіи, какъ желали этого члены комитета. Сверхъ того, Сенату вѣнено въ обязанность наблюдать за государственными доходами и расходами, прискивать средства къ облегченію государственныхъ нуждъ и сохраненію общаго спокойствія и безопасности. Сенатъ былъ поставленъ во главѣ всѣхъ учреждений имперіи,

и его власть ограничивалась единою властью государя, предсѣдательствующаго въ Сенатѣ, и сенатскіе указы приравнивались къ высочайшимъ повелѣніямъ. Но съ послѣдовавшимъ вслѣдъ затѣмъ образованіемъ министерствъ не сказано было ни слова объ отношеніяхъ Сената къ министерствамъ и къ Государственному Совѣту, съ которымъ онъ, относительно законодательства, занималъ почти равное мѣсто.

Скоро Сенатъ лишился права представлять государю о неудобствахъ въ исполненіи законовъ и о противорѣчій новыхъ указовъ со старыми законами. 21-го марта 1803 года послѣдовалъ указъ, которымъ у Сената было отнято право докладывать императору, если встрѣчались какія-либо сомнѣнія въ состоявшихся указахъ, и разъяснено, что поди именемъ законовъ существующихъ, къ которымъ относится это право Сената, должно разумѣть не новые законы, но прежніе.

Рядомъ съ преобразованиемъ Сената разрабатывался вопросъ и объ учрежденіи министерствъ. «Цѣлью этой реформы, — говоритъ Чарторыйскій, — было, по примѣру большинства другихъ европейскихъ государствъ, отдѣлить министерства, опредѣлить ихъ границы, соединить въ каждомъ отдѣльномъ министерствѣ всѣ однородныя дѣла, централизовать руководство ими и такимъ образомъ увеличить отвѣтственность главныхъ органовъ государственной власти. Члены комитета, между прочимъ, надѣялись, что образованіе министерствъ будетъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ безчисленныхъ злоупотребленій, лихоимства и воровства, которыя составляютъ большое зло въ русскомъ управленіи».

Въ манифестѣ объ учрежденіи министерствъ было сказано, что образованіе ихъ вызвано необходимостью раздѣленія государственныхъ дѣлъ на разныя части сообразно естественной ихъ связи. Съ этою цѣлью все управленіе государствомъ было распределено между восемью министерствами: военно-сухопутныхъ и морскихъ силъ, иностранныхъ дѣлъ, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, коммерціи и народнаго просвѣщенія. По Учрежденію о министерствахъ, каждый министръ прежде поднесенія государю своихъ докладовъ долженъ былъ снести съ остальными министрами, для соображенія «со всѣми государственнымими частями, въ вѣдѣніи ихъ находящимися». При несоблюденіи министромъ этого правила, каждый изъ остальныхъ его товарищей имѣлъ право сдѣлать о томъ представленіе императору. Министры обязаны были представлять ежегодно письменные отчеты о своей дѣятельности Сенату, который съ своими замѣчаніями представлялъ ихъ на высочайшее усмотрѣніе. Сенатъ имѣлъ право требовать отъ cadaго министра объясненій въ случаѣ дошедшихъ до него свѣдѣній о злоупотребленіяхъ въ вѣдомствѣ министра.

«Какое мѣсто въ порядкѣ государственныхъ установленій должны были, — спрашивалъ Сперанскій, — занимать министерства? Съ одной сто-

роны, они равнялись Сенату, ибо независимо отъ него управляли и получали высочайшія разрѣшенія, съ другой, они были подчинены Сенату и по отчетамъ, и потому, что Сенатъ яко установленіе правительствующее, оставленъ былъ въ своей силѣ. Если же они были равны Сенату, то они или первый департаментъ Сената были излишни, ибо и въ нихъ и въ семь департаментѣ дѣла были однородныя. Если они были подчинены Сенату, то отъ него или черезъ него должны были получать окончательныя рѣшенія».

Въ самой организаціи министерствъ встрѣчались разнаго рода недоразумѣнія. Министръ не имѣлъ права безъ высочайшаго разрѣшенія дѣлать никакихъ дополненій и измѣненій существующихъ правилъ, а получивъ повелѣніе становился безотвѣтственнымъ. Недостатокъ отвѣтственности, по словамъ Сперанскаго, давая всѣмъ дѣйствіямъ министра видъ произвола, «дѣлаетъ то, что вмѣсто серьезныхъ сужденій, эти дѣйствія встрѣчаютъ только такіе отзывы, которые приводятъ въ заблужденіе публику: въ самомъ дѣлѣ, мнѣніе публики, не находя никакой точки опоры, теряется въ пустыхъ предположеніяхъ, все осмѣивается и вмѣсто того, чтобы содѣйствовать правительству, нападаетъ и клевететь на него. Такое положеніе вещей, дѣйствуя обратно на правительство, производитъ въ немъ робость; оно боится браться за вопросы, требующіе силы, твердости. Оттого его дѣятельность направляется главнымъ образомъ на текуція дѣла, и вся тактика министровъ состоитъ въ томъ, чтобы избѣгать важныхъ вещей, имѣя однако видъ, что они неутомимо дѣйствуютъ и хлопочуть. Сенатъ, передъ которымъ министры были отвѣтственны за свои дѣйствія, не могъ воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ, хотя бы онъ и хотѣлъ этого: всѣ мѣры по управленію принимались министрами съ высочайшаго разрѣшенія, по указамъ государя, на которые Сенатъ, въ силу извѣстнаго указа 1803 года, не могъ дѣлать примѣчаній».

Все это вело къ тому, что въ самомъ началѣ и преобразованный Сенатъ и вновь образованныя министерства не могли въ точности руководствоваться данными имъ положеніями. По замѣчанію Карамзина, министры стали между государемъ и народомъ, заслоняя Сенатъ, отнимая его силу и величіе. Присутствуя въ Сенатѣ и обязанные давать ему отчетъ, министры словами: «я имѣлъ счастье докладывать государю» совершенно заграждали уста сенаторамъ, и мнимая отвѣтственность ихъ была пустымъ обрядомъ. «Указы, законы, предлагаемые министрамъ, одобряемые государемъ, сообщались Сенату только для обнародованія. Выходило, что Россіей правили министры. Отсюда произошли скоропостижныя измѣненія въ законахъ и незрѣлыя мѣры, различныя дѣла стали прикрывать однимъ закономъ или одво дѣло двумъ разнымъ законамъ подвергали». Положеніе было такое, что гр. С. Р. Воронцовъ

въ письмѣ къ графу Кочубею писалъ, что Сенатъ теперь сдѣлался нулемъ и какъ ненужный долженъ быть упраздненъ. Власти министровъ не было положено никакой границы ни наказами, ни частными инструкціями. Сдѣлавшись всецѣльными, министры обратились въ самовластныхъ начальниковъ, распоряжавшихся произвольно, подъ прикрытіемъ личной отвѣтственности передъ государемъ. «Мнѣ всегда были противны,—говорилъ графъ С. Р. Воронцовъ въ представленной имъ запискѣ,—злоупотребленія власти и министерскій деспотизмъ, отъ котораго блекнетъ все въ цвѣтущей странѣ, который оподляетъ людей и бываетъ виновникомъ бѣдствій какъ для подданныхъ, такъ и для самого государя». Державинъ въ своихъ запискахъ говорить, что съ самаго же начала министры стали распоряжаться самовольно, подавали государю доклады о милліонахъ и «зачали тащить казну всякій по своему желанію». По установленію министерствъ большая часть дѣлъ должна была проходить черезъ комитетъ министровъ, но послѣдній,—по словамъ графа Завадовскаго,—«чѣмъ далѣе, меньше воды имѣть на свою мельницу». Отъ этого комитетъ министровъ собирался очень рѣдко. Дѣла въ комитетѣ,—говорить С. Р. Воронцовъ,—предлагаются только для проформы, такъ какъ они заранѣе рѣшены въ присутствіи государя, а Державинъ прибавляетъ, что они докладывались безъ всякихъ справокъ и соображеній, «о которыхъ въ присутствіи императора заводить споры безъ точнаго освѣдомленія было неловко да и непристойно». Карамзинъ сравнивалъ комитетъ министровъ съ совѣтомъ разноземцевъ, «изъ коихъ всякій говорить особеннымъ языкомъ, не понимая другихъ». Здѣсь каждый министръ изъ собственныхъ видовъ берегъ дѣла другаго и, имѣя нужду въ сговорчивости товарищей, былъ сговорчивъ самъ. Несмотря, однако, на это, комитетъ министровъ становился иногда во главѣ управленія государствомъ, какъ напримѣръ въ 1805 и 1808 гг., когда императоръ Александръ уѣзжалъ за границу.

«Таковъ былъ,—говорить В. Г. Щегловъ ¹⁾,—окончательный результатъ административныхъ реформъ перваго періода преобразовательной дѣятельности Александра I. Она началась признаніемъ за Государственнымъ Совѣтомъ законодательныхъ правъ; затѣмъ послѣдовали: порученіе Сенату судебной функціи и правильная организація внутренняго управленія, раздѣленнаго на отдѣльныя отрасли, какъ самостоятельныя вѣдомства, которыми завѣдывали отдѣльныя лица. Различныя части управленія были сгруппированы болѣе прежняго, однородныя административныя дѣла перешли въ руки министровъ, стоявшихъ во главѣ особыхъ, обширныхъ вѣтвей управленія. Но, благодаря неопредѣлен-

¹⁾ Государственный Совѣтъ въ Россіи. Временникъ Демидовскаго юридическаго лица, кв. 62, стр. 813.

ности въ обозначеніи круга вѣдомства cadaго министра, отсутствію дѣйствительной отвѣтственности министровъ и другихъ недостатковъ въ учрежденіи министерствъ и Сената въ 1802 г., также какъ и въ образованіи Государственнаго Совѣта, въ государственномъ управленіи выдвинулось на первый планъ и достигло необыкновеннаго развитія личное его начало, постепенно развивавшееся въ русскомъ высшемъ управленіи... Съ перевѣсомъ бюрократическаго принципа въ управленіи должно было ослабнуть значеніе обоихъ высшихъ учреждений, организованныхъ на коллегіальномъ началѣ, — Государственнаго Совѣта и Сената: оба они лишились важнѣйшихъ изъ своихъ функций — первый правъ законодательныхъ, второй — права высшаго контроля надъ ходомъ администраціи и непосредственнаго въ ней участія. Изъ дѣлъ управленія имъ обомъ остались, подходящія къ ихъ коллегіальной организаціи, одни судебныя дѣла, какъ отличныя по своему характеру отъ остальныхъ дѣлъ внутренняго управленія. Возстановить нарушенное равновѣсіе между высшими учреждениями въ русскомъ управленіи и распределить болѣе точнымъ и правильнымъ образомъ функціи управленія между Государственнымъ Совѣтомъ, Сенатомъ и министерствами было главною задачею преобразовательной дѣятельности Александра Павловича во второй періодъ его реформъ, совершенныхъ имъ при помощи знаменитаго дѣятеля въ исторіи образованія русскаго государственнаго управленія, графа М. М. Сперанскаго».

Оставляя оцѣнку этой дѣятельности до окончанія главы въ высшей степени интереснаго труда г. В. Г. Щеглова, мы скажемъ нѣсколько словъ объ участіи М. Сперанскаго въ разрѣшеніи бывшаго тогда въ полномъ ходу еврейскаго вопроса.

II.

Французская революція 1789 года сравняла права всего населенія, и во Франціи явилось 60 тыс. французовъ Моисеева закона, сохранившихъ присущіе имъ характеръ и особенности быта. Эти особенности скоро заставили французское правительство поднять вопросъ о евреяхъ, чтобы пріискать дѣйствительныя мѣры противъ ажіотажа и правильно организованныхъ обмана и ростовщичества. Въ 1805 году Наполеонъ въ проектѣ о преобразованіи евреевъ писалъ: «Наша дѣль состоитъ въ томъ, чтобы оказать помощь землевладѣльцамъ вообще и спасти нѣкоторые департаменты отъ позорной зависимости; ибо переходъ большей части имѣній департаментовъ къ евреямъ въ залогъ, къ народу, кото-

рый обычаями и законами составляетъ отдѣльную націю среди французскаго народа, есть настоящая зависимость. Въ недавно минувшее время это безполезное общество чуть совсѣмъ не завладѣло этими землями, и крайность заставила правительство противоудѣлывать его успѣхамъ. Такъ какъ господство евреевъ въ часъ отъ часу увеличивается посредствомъ ростовщичества и залоговъ, то необходимо поставить ему преграды» ¹⁾).

Для достиженія этой цѣли Наполеонъ прежде всего позаботился объ увеличеніи власти раввиновъ, считая ихъ еврейскимъ духовенствомъ. Надѣясь при помощи ихъ преобразовать внутренній бытъ евреевъ, Наполеонъ въ 1806 году учредилъ въ Парижѣ Синадріонъ изъ 71 раввина, по образцу древняго Іерусалимскаго, и провинціальныхъ консисторій съ дисциплинированной іерархіею. Все шло удовлетворительно, пока не былъ поднятъ вопросъ о томъ, чтобы изъ трехъ еврейскихъ браковъ былъ одинъ смѣшанный. «Тутъ вдругъ вышло, что признать французовъ братьями и вступать съ ними въ семейное родство дѣло немислимое, невозможное для еврея. Съ точки зрѣнія евреевъ оказалось, что это равносильно принесенію еврейской религіи въ жертву христіанству».

Встрѣтивъ такое сопротивленіе, Наполеонъ въ 1808 году издалъ указъ, которымъ подвергъ ограниченію векселя, находящіеся въ рукахъ евреевъ на христіанъ, запретилъ евреямъ отпускъ денегъ подъ залогъ служащему классу, стѣснилъ переходъ евреямъ съ одного мѣста на другое и проч. Всѣ эти мѣры не помогли дѣлу, и учрежденіе Синадріона имѣло дурныя послѣдствія. Синадріонъ превратился въ центральную консисторію, въ которой объединялись всѣ интересы евреевъ и гдѣ было поднято тахмудическое знамя, призывавшее его послѣдователей къ борьбѣ съ христіанскою цивилизаціею.

Между тѣмъ мѣры, предпринятыя Наполеономъ, сдѣлались извѣстны въ Петербургѣ, гдѣ въ нихъ видѣли образованіе какогочто еврейскаго союза. Подъ вліяніемъ этого извѣстія, императоръ Александръ повелѣлъ учредить новый комитетъ для обсужденія вопроса о переселеніи евреевъ изъ селеній въ города. Переселеніе это было на время остановлено, а затѣмъ 19 октября 1807 года послѣдовалъ указъ, которымъ повелѣвалось въ теченіе 1808 года переселить третью часть, въ 1809 году переселить еще такую же часть и наконецъ въ 1810 году—послѣднюю часть, «такъ чтобы по истеченіи сихъ трехъ лѣтъ никого изъ нихъ въ селахъ и деревняхъ не оставалось». Съ начала 1808 года никому не дозволялось въ селахъ и деревняхъ принимать евреевъ для содержанія

¹⁾ М. Ф. Шугуровъ, Исторія евреевъ въ Россіи. «Русскій Арх.» 1894 г. № 5, стр. 45.

шинковъ и корчемъ, а чтобы облегчить евреямъ переселеніе, правительство еще въ 1807 году освободило ихъ отъ двойныхъ податей. При этомъ признавалось полезнымъ поощрять помѣщиковъ, основывать на своихъ земляхъ колоніи евреевъ и заводить фабрики, на которыхъ работали бы евреи. Кн. Куракинъ не сомнѣвался въ томъ, что евреи сами изъявляютъ желаніе поступить на фабрики, гдѣ вѣрная работа доставитъ имъ тотчасъ и вѣрное пропитаніе.

«Впрочемъ,—говорилъ въ заключеніе своего доклада кн. Куракинъ,—евреи достаточноиѣйшіе могутъ, а вѣроятно и заведутъ сами фабрики. Изданнымъ въ 1804 году Положеніемъ предоставлены тѣмъ изъ нихъ, кои поступятъ въ званіе фабрикантовъ, денежные ссуды и разныя пріимущества. Помѣщикамъ, кои посредствомъ евреевъ заведутъ на земляхъ своихъ суконныя и другія полезнѣйшія фабрики, тѣмъ же Положеніемъ обѣщаны также денежные вспомошествованія. Нужно только теперь отпустить капиталъ для произведенія оныхъ ссудъ; а желающіе заводить фабрики, какъ изъ помѣщиковъ, такъ и изъ евреевъ, безъ сомнѣнія, отыщутся, коль скоро сія мѣра учинится извѣстною».

Не думая поступать на фабрики, евреи не думали и переселяться. Они рѣшились противиться всѣми силами, придерживаясь изреченія Талмуда: «всѣ евреи за одного и одинъ за всѣхъ». Начались ходатайства и представленія отъ мѣстныхъ начальствъ, кончившіяся совершеннымъ торжествомъ евреевъ, тѣмъ болѣе полнымъ, что менѣе чѣмъ черезъ годъ кн. Куракинъ отказался отъ всѣхъ своихъ мнѣній и позорно отступилъ.

«Еврей,—писалъ онъ въ всеподданнѣйшемъ докладѣ 23-го декабря 1808 года,—могли бы быть частію переселяемы въ города и мѣстечки; но великое число сихъ мѣстечекъ носить только одно имя, въ иныхъ изъ нихъ нѣтъ ни промысловъ, ни торговъ и никакихъ другихъ къ пропитанію способовъ, переселяющіеся не могутъ найти въ нихъ никакого убѣжища, а тѣмъ менѣе могутъ по бѣдности сами себѣ выстроить дома. Нѣкоторые города, какъ-то Брестъ-Литовскій и мѣстечки, какъ-то Тепликъ и др., со-всѣмъ выгорѣли. Они были обитаемы евреями. Сіи, лишась домовъ, не только другимъ не могутъ дать пристанища, но и сами должны онаго искать по деревнямъ. Тамъ имъ въ томъ отказывается, такъ что и жившіе прежде по деревнямъ и погорѣвшіе принуждены бродить и скитаться».

Теперь ужъ самъ Куракинъ находилъ, что нѣтъ такихъ фабрикъ, на которыхъ могли бы работать евреи; переселеніе ихъ на помѣщичьи земли также невозможно потому, что необходимо время для хозяйственнаго ихъ устройства; что многіе евреи имѣютъ контракты съ помѣщиками, нарушить которые было бы несправедливо. Переселеніе на казенныя земли признавалось невозможнымъ потому, во-первыхъ, что нѣтъ

свободныхъ земель, а во-вторыхъ, потому, что подобное переселеніе вызвало бы огромные расходы.

«Вообще,—говорилъ князь Куракинъ,—ни сами они (евреи) не могутъ имѣть способовъ, оставивъ нынѣшнія жилища по селамъ, деревнямъ и корчмамъ, найти оныя себѣ въ иныхъ мѣстахъ, ни правительство не можетъ въ томъ подать никакого пособія. Надлежитъ присовокупить къ сему чрезмѣрную дороговизну во многихъ изъ тѣхъ губерній, гдѣ они обитаютъ, двойныя подати, кои они при этомъ платить обязаны, и другія исправляемыя ими повинности».

Послѣ такого доклада министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовалъ указъ 29-го декабря 1808 г., которымъ переселеніе евреевъ въ города и мѣстечки отлагалось на неопредѣленное время. Для рѣшенія же еврейскаго вопроса былъ составленъ новый комитетъ, въ составъ котораго были назначены: предсѣдателемъ дѣйствительный тайный совѣтникъ В. С. Поповъ и членами: И. А. Алексѣевъ, О. П. Козодавлевъ, графъ Северинъ Потоцкій и статскій совѣтникъ Я. А. Дружининъ. Комитету поручалось познакомиться съ дѣятельностью первыхъ двухъ комиссій, съ донесеніями мѣстныхъ властей, рассмотреть мнѣнія депутатовъ отъ еврейскихъ обществъ и затѣмъ изыскать мѣры, чтобы евреи могли быть удалены отъ единственнаго ихъ промысла—продажи вина по селамъ, деревнямъ, постояннымъ дворамъ и шинкамъ и могли бы себѣ доставлять пропитаніе работою.

До 1811 года евреи, принимавшіе христіанство, не пользовались никакими льготами и преимуществами. Указомъ же Сенату 20-го апрѣля 1811 г. они лично освобождались отъ рекрутской повинности съ тѣмъ, чтобы дѣти ихъ несли эту повинность наравнѣ съ христіанскими обществами, къ которымъ они приписались. Въ томъ же году было отиѣнено запрещеніе, послѣдовавшее въ 1805 году, о торговлѣ платьями. Въ виду свирѣпствовавшей въ Малороссіи прилипчивой болѣзни, правительство признало необходимымъ запретить евреямъ торговать какъ старымъ, такъ и новымъ платьемъ. Теперь же продажа разрѣшалась, но только новымъ платьемъ, сшитымъ изъ новыхъ русскихъ суконъ и матерій, не привезенныхъ изъ-за границы.

Между тѣмъ еврейскій комитетъ, работавшій въ теченіе трехъ лѣтъ, 16-го марта 1812 года представилъ всеподданиѣйшій докладъ, въ которомъ изложилъ историческій ходъ судьбы этого народа.

«По испроверженіи Іудейскаго царства, — сказано въ докладѣ,—евреи, разсыпанные повсемѣстно, сдѣлались повсюду странниками. Ненависть враговъ сего злополучнаго народа не угасла съ пламенемъ, обратившимъ въ пепель храмъ Іерусалимскій. Бывъ изгояемы изъ одного государства въ другое и даже изъ одного города въ другой и не имѣвъ ни отечества, ни земель для своего гдѣ-либо окорененія, евреи, сей издревле

просвѣщенный и благоустроенный народъ, не могъ уже ни предаться постоянно нравственному образованію дѣтей своихъ, ни избрать ни одного изъ тѣхъ состояній, кои всѣмъ прочимъ дозволены законными установленіями и, для сохраненія своего существованія, долженъ былъ довольствоваться тѣмъ только, что было предоставляемо ему коренными жителями. Всѣ вѣтви народной промышленности отсѣчены были его трудолюбію: мелочная торговля сдѣлалась единственнымъ его удѣломъ... Евреи накопились наиболѣе въ государствахъ, въ коихъ было болѣе терпимости и свободы, какъ-то: въ Англіи, Голландіи, Германіи, Италіи, Турціи и особливо въ Польшѣ. Въ семъ послѣднемъ краю, гдѣ все почти купечество составлено изъ евреевъ и гдѣ почти всѣ ремесла находятся въ рукахъ евреевъ же, торговля и ремесла сдѣлались недостаточными для доставленія всѣмъ вообще евреямъ прокормленія. Необходимость понудила пришельцевъ сихъ обратиться къ другимъ средствамъ Помѣщики, воспользовавшись ихъ прибытіемъ, пригласили ихъ на свои земли и употребили орудіями хозяйственныхъ своихъ оборотовъ. Внутреннія безпокойства, частые военные раздоры, набѣги татаръ и прочія тому подобныя происшествія были причиною, что польскіе помѣщики не имѣли ни удобности, ни времени заняться устроеніемъ прочаго хозяйства и принуждены были прибѣгнуть къ разнымъ легчайшимъ побочнымъ оборотамъ, какъ на примѣръ къ винокуренію, отдачѣ помѣстьевъ на аренды и проч. Хотя впоследствии польское хозяйство приведено было нѣсколько въ лучшее состояніе, однакоже, не смотря на то, винокуреніе и арендное управленіе остались главнѣйшими отраслями помѣщичьихъ доходовъ. Такимъ образомъ евреи, сдѣлавшись необходимыми для помѣщиковъ, по собственному согласію ихъ занялись арендами въ большей части помѣстій, и бывъ во все время польскаго правленія лишены права пріобрѣтать покупкою земли, наплись принужденными изъ угожденія помѣщикамъ, на земляхъ коихъ они поселены, предаться исключительно продажѣ вина».

Итакъ евреи были ни въ чемъ не повинны, и сами поляки были виноваты, что торговля, помѣщичьи доходы и продажа вина перешли въ руки евреевъ. Отъ такой продажи, по мнѣнію комитета, происходила только польза, потому что не отвлекала крестьянъ отъ земледѣлія? «Неоспоримо,—говорилъ комитетъ—что превращеніемъ земледѣльцевъ въ цѣловальники нельзя уменьшить въ крестьянахъ склонности къ напиткамъ. Превращеніе сіе не принесло бы никакой выгоды ни помѣщику, ни крестьянину, ни государству. Напротивъ, оно уменьшило бы доходъ и помѣщика черезъ лишніе лучшихъ работниковъ, и государства черезъ отнятіе нужныхъ рукъ отъ земледѣлія; а крестьянина, въ пользу котораго мѣра сія признается нужною, не только не поправился бы, но пришелъ (бы) въ вѣдшее оскудѣніе».

Это оскудѣніе комитетъ видѣлъ въ томъ, что крестьянинъ, продававшій теперь на мѣстѣ евреямъ свои произведенія и покупавшій у нихъ косы, посуду, соль и проч., принужденъ будетъ ѣздить въ городъ, терять время и, продавъ свой хлѣбъ, пропить все у тѣхъ же евреевъ. Къ этому комитетъ присовокуплялъ, что запрещеніе евреямъ содержать шинки и постоянные дворы по дорогамъ вредно отзовется на цѣломъ краѣ и лишитъ проѣзжающихъ всѣхъ удобствъ.

Сверхъ того устроить евреевъ отъ торговыхъ оборотовъ, казенныхъ поставокъ и подрядовъ было бы чрезвычайно невыгодно, ибо никакая закупка, отправленіе продуктовъ и даже наемъ фуршиковъ въ польскихъ губерніяхъ не могутъ совершиться безъ содѣйствія евреевъ, и исправнѣйшія почты содержатся евреями-корчмарями.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, комитетъ признавалъ необходимыхъ оставить евреевъ по-прежнему въ селахъ, среди крестьянъ и притомъ съ разрѣшеніемъ продажи вина. Запретить такую продажу комитетъ находилъ невыгоднымъ и даже невозможнымъ потому, что, съ пресѣченіемъ этого промысла, евреи, какъ люди бѣдные, должны поступить на содержаніе казны, или перемереть съ голоду или, наконецъ, «вергнуться въ отчаяніе, могущее произвести послѣдствія, вредныя для общественнаго спокойствія». Комитетъ старался даже доказать, что евреи никогда продажей вина не обогащались, а только снискивали себѣ тѣмъ пропитаніе и уплачивали лежащія на нихъ повинности.

Обратить евреевъ въ хлѣбопашцевъ комитетъ не признавалъ возможнымъ потому, что ремесло это требуетъ силъ и опытности; обратиться въ купцовъ и ремесленниковъ невозможно потому, что города и мѣстечки не въ состояніи вмѣстить всѣхъ евреевъ, и наполненіе городовъ народомъ нищимъ заставило бы настоящихъ купцовъ и ремесленниковъ понести потерю. Что касается до направленія евреевъ на фабричную дѣятельность, то и тутъ встрѣчались немаловажныя затрудненія.

«Еслибы казна,—сказано было въ докладѣ комиссіи,—захотѣла употребить на заведеніе фабрикъ нѣсколько милліоновъ, то и тогда государство не получило бы отъ того никакой пользы: ибо фабрики учреждаются сами собою, постепенно и по мѣрѣ надобности, и капиталы, употребляемые на насильственное устроеніе сего рода заведеній, суть капиталы, брошенные въ воду. Да и возможно ли столь многочисленный классъ народа осудить въ фабричные противъ собственной его воли и безъ всякой вины за то только, что онъ до изданія запрещенія упражнялся въ продажѣ вина, которая дотога дозволена была не только обычаями того края, но и самыми законами? Такое осужденіе не согласно съ самымъ «Положеніемъ», коего между прочимъ въ статьѣ 42-й именно подтверждается, что всѣ евреи, въ Россіи обитающіе, суть

свободны и состоятъ подъ точнымъ покровительствомъ законовъ, наравнѣ со всѣми другими россійскими подданными».

Докладъ комитета, составлявшій, такъ сказать, актъ защиты евреевъ, по мнѣнію М. Ѳ. Шугурова, былъ составленъ не безъ вліянія на него тогдашняго государственнаго секретаря М. М. Сперанскаго. Въ докладѣ видно присутствіе одной руки, двигавшей членовъ комитета по тому пути, который привелъ ихъ къ заключенію о необходимости оставить евреевъ въ прежнемъ положеніи. «Всемогущій государственный секретарь, говоритъ авторъ ¹⁾, принималъ слишкомъ живое участіе ²⁾ въ полученомъ «зломъ» народѣ, чтобы рѣшеніе судьбы его предоставить свободному обсужденію учрежденнаго для того комитета. Вотъ почему въ докладѣ этого комитета менѣе всего можно видѣть выраженіе его собственнаго мнѣнія: здѣсь было скорѣе развитіе темы, данной Сперанскимъ и, вѣроятно, имъ и обработанной въ окончательной формѣ. Письменная производительность его, какъ извѣстно, была изумительна, и, по свидѣтельству его біографа, онъ обыкновенно давалъ подчиненнымъ только «оболванить» дѣло, а потомъ уже къ ихъ произведенію «прикладывалъ свой рѣзель». Есть основаніе думать, что такой же приѣмъ употребленъ былъ имъ и по отношенію къ упомянутому дѣлу, которое хотя и не принадлежало къ его канцеляріи, но не могло миновать его по своей важности. Человѣкъ, стоявшій въ средоточіи дѣла, долженъ былъ все знать, чтобы все направлять ко благу государства, не забывая, разумѣется, при этомъ и собственной пользы, собственнаго прибытка, того внутренняго налога, значеніе котораго въ жизни такъ краснорѣчиво объяснялъ онъ еще на зарѣ своего служебнаго поприща.

¹⁾ „Русскій Арх.“ 1894 г., № 5, стр. 87.

²⁾ И не безкорыстно—прибавили бы его современники. Въ письмѣ графа Лористона къ герцогу Бассано изъ Петербурга отъ 13 апрѣля (нов. ст.), 1812 года, упоминается о томъ, что въ 1811 году графъ Гурьевъ въ полномъ собраніи совѣта бросилъ въ лицо Сперанскому обвиненіе во взяточничествѣ (l'accusation de vénalité). Въ этомъ письмѣ читаемъ: „Магницкій слыветъ за человѣка умнаго; онъ держится тѣхъ же философскихъ мыслей, что и Сперанскій, но честность его столь же подозрительна, какъ и честность этого министра“. Н. М. Лонгиновъ, служившій секретаремъ при императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову отъ 13 сентября 1812 года, говоритъ, что Сперанскій „былъ извѣстный взяточникъ. Полагають, что имѣніе его неисчетно, и кромѣ деревень онъ имѣетъ 11 каменныхъ домовъ здѣсь (въ Петербургѣ) и множество капиталовъ; но навѣрно никто того не знаетъ, и большая часть домовъ, говорятъ, куплена на имя Злобина, купца, коего сынъ ему своякъ и имъ по службѣ получалъ чины, мѣста и жалованье, кромѣ того, что отецъ по торговлѣ и процессамъ своимъ въ Сперанскомъ подпору и защиту, а въ спекуляціяхъ товарища имѣетъ“.

Примѣчаніе М. Ѳ. Шугурова.

«У Сперанскаго были довѣренныя лица въ министерствахъ, черезъ посредство которыхъ онъ не только находился въ руслѣ всѣхъ государственныхъ дѣлъ, но и могъ дѣйствовать на самый ходъ ихъ. Такимъ лицомъ въ еврейскомъ комитетѣ былъ дѣлопроизводитель его, Петръ Сергѣевичъ Кайсаровъ, служившій когда-то подъ начальствомъ Трошинскаго въ канцеляріи Совѣта, вмѣстѣ со Сперанскимъ, и находившійся съ нимъ, по свидѣтельству барона Корфа, въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Несомнѣнно, что онъ былъ и пристроенъ къ комитету Сперанскимъ, который черезъ него могъ усиленно дѣйствовать на его членовъ въ смыслѣ, благоприятномъ для евреевъ. Если бы члены комитета и устояли противъ подкупа, то имъ трудно было бы устоять противъ силы государственнаго секретаря. Много требовалось мужества отъ того изъ нихъ, кто рѣшился бы проводить въ комитетѣ непріятную Сперанскому мысль Державина о необходимости для спасенія крестьянъ отъ разоренія обратить евреевъ отъ винной продажи къ производительному труду. Такого мужества не оказалось у Попова съ товарищами, и они подписали составленный Кайсаровымъ докладъ о возобновеніи старинныхъ привилегій евреевъ на спаваніе крестьянъ. Впрочемъ, судя по особенностямъ слога, надо думать, что Кайсаровъ только оболванилъ этотъ докладъ, предоставивъ отдѣлку его художественному рѣзцу самого Сперанскаго. Государственный секретарь спѣшилъ окончаніемъ еврейскаго дѣла до отъѣзда государя въ Вильну. 17-го марта 1812 года, въ воскресенье, докладъ комитета былъ подписанъ. На другой день—утромъ рассказываетъ баронъ Корфъ,—Кайсаровъ зашелъ къ Сперанскому по какому-то дѣлу. «Куда вы?» спросилъ сидѣвшій въ передней человекъ.—«Къ Михаилу Михайловичу».—«Его уже здѣсь нѣтъ».—«Неужели же онъ такъ рано поѣхалъ къ государю?»—«Поѣхалъ точно, да не къ государю, а въ Сибирь».

«Легко догадаться, по какому дѣлу заходилъ Кайсаровъ къ Сперанскому...»

Съ паденіемъ Сперанскаго докладъ комитета былъ оставленъ безъ исполненія, и правительство время отъ времени принимало частныя мѣры для устройства быта евреевъ. Такъ въ маѣ 1812 года всѣ евреи были обложены податями наравнѣ съ прочими; въ декабрѣ того же года было воспрещено евреямъ не только владѣть помѣщичьими крестьянами, но и распоряжаться ими. Въ виду усилившейся въ Волынской губерніи контрабанды повелѣно было удалить евреевъ отъ границъ.

Въ 1815 году актомъ Вѣнскаго конгресса было присоединено къ Россіи Варшавское герцогство, подъ именемъ Царства Польскаго. Вновь присоединенная страна тяготилась господствомъ евреевъ, и анти-еврейское движеніе охватило все Царство Польское. Современникъ этого движенія, Сташичъ, оставилъ любопытную записку, въ которой

писалъ: «Къ причинамъ великихъ несчастій народа польскаго принадлежать жида. Когда жидовъ, какъ заразу, уничтожающую развитіе народной образованности, выгоняли изъ Испаніи, Франціи, Германіи и иныхъ европейскихъ странъ и подъ страхомъ смертной казни не впускали въ Россію, въ то самое время поляки открыли имъ настежь двери, дали имъ приютъ и больше свободы, чѣмъ природнымъ своимъ мѣщанамъ и земледѣльцамъ. Жида были внутреннею заразою, постоянно ослабляющею и удручающею политическое тѣло. Хотя бы это тѣло не было раздѣлено, хотя бы по раздѣлѣ оно воссоединилось, все же оно, благодаря этой внутренней заразѣ, никогда не можетъ собраться съ собственными силами, ни приобрѣсть свѣжести: оно навсегда должно остаться слабымъ, больнымъ и ничтожнымъ. Царство Подское есть настоящее царство еврейское. Разсѣянные по всей Польшѣ, всюду съ своимъ духомъ исключительности, перемѣшанные съ нашимъ народомъ, жида только грязнятъ весь народъ, мараютъ цѣлый край и, обращая его въ край жидовскій, выставляютъ его въ Европѣ на всеобщее посмѣяніе и презрѣніе».

Еврейскій гнетъ былъ дотога тяжелъ въ Польшѣ, что еще въ 1814 году, когда поляки только узнали, что Царство можетъ быть присоединено къ Россіи, то они тотчасъ же стали просить государя объ освобожденіи ихъ селъ и городовъ отъ вреднаго вліянія жидовъ. Всѣ классы народа, всѣ помѣщики, вопреки собственнымъ выгодамъ, просили объ устраненіи евреевъ отъ продажи вина. Евреи развивали страшное пьянство въ народѣ, ведущее къ совершенному его разоренію. «Несчастный крестьянинъ тащитъ въ жидовскую корчму послѣдній снопъ съ гумна, послѣдняго своего теленка, а крестьянка послѣднюю курицу, послѣднюю горсть муки. Какимъ же образомъ правительство, спрашиваетъ Сташичъ, главною заботою котораго должно быть улучшеніе крестьянскаго быта, можетъ поручать и отдавать жидамъ столь опасный напитокъ, продажа котораго безсовѣстными руками обличаетъ столько плутней и порождаетъ столько бѣдствій? Тотъ ошибся бы, кто сказалъ бы, что въ рукахъ другихъ шинкарей этотъ опасный напитокъ былъ бы столь же вреденъ для крестьянъ. Всюду оказывается, что въ корчмахъ, какъ только овѣ отняты у жидовъ, доходъ значительно уменьшается, и горѣлки выходятъ на половину меньше».

Жаловались на евреевъ не одни землевладѣльцы, но и горожане, купцы и фабриканты, какъ на вредныхъ паразитовъ, истощающихъ страну, гдѣ они поселились. Но историческія ошибки поправлять трудно, и еврейскій вопросъ до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ.

Н. Д-инъ.

Продолжается подписка на 1894 г. (изданія IX г.).

5 руб. за годъ
безъ доставки.
За грав. 10 р.

ЗВѢЗДА

6 р. за годъ
достав. и пер. до
вѣд. Россіи

еженедѣльный художественно-литературный журналъ.

Годовые подписчики въ теченіе 1894 года получаютъ: 52 №№ еженедѣльнаго иллюстрир. худож.-литературн. журнала „ЗВѢЗДА“ 12 КНИГЪ «Ежемес. литературнаго журнала», каждая книжка котор. содерж. болѣе 300 стр. печати. 26 №№ «МОДНАГО ЖУРНАЛА», который составл. по лучш. парижск. журн. и даетъ въ годъ до 500 рис. 26 №№ «РАЗВЛЕЧЕНІЯ», въ которомъ помѣщаются: анекдоты, остроты, юмористич. рассказы, стихотвор., каррикаты и рисунки. 12 №№ «НАУКА и ЗАБАВА», заключ. въ себѣ шахматы и шашечн. задачи, игры, ребусы, шарady, фокусы и пр. 12 №№ «ПОЛЬЗА и ДѢЛО», съ массою практич. указаній по всѣмъ отраслямъ домашн. и сельск. хозяйства. 12 №№ «ЖЕНСКИХЪ РУКОДѢЛІЙ», содержаш. въ себѣ образцы канвов. работъ, вышив., узор. и пр. 6 №№ «МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ». Ноты для фортепіано: романсы, танцы и пр. 6 №№ «ВЫПИЛОВОЧНЫХЪ ЧЕРТЕЖЕЙ», составленнхъ по новѣйш. рисунк. 1 «ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ», отпечатанный въ нѣсколько красокъ.

Въ ежемес. книгахъ иллюстрированнаго журнала «ЗВѢЗДА» печатаются въ 1894 году РОМАНЫ ЭМИЛЯ ЗОЛЯ, составляющіе серію романовъ «Ругоны-Маннаръ». Собранное отдѣльными томами изданіе это обойдется въ 20—25 руб., не считая пересылки.

Въ настоящее время выданы слѣдующіе шесть томовъ знаменитой серіи романовъ Эм. Золя: томъ I-й — «Карьера Ругоновъ»; томъ II-й — «Добыча, брошенная собакамъ»; томъ III-й — «Чрево Парижа»; томъ IV-й — «Завоеваніе Пласанса»; томъ V-й — «Проступокъ аббата Мура»; томъ VI — «Его Превосходительство Эженъ Ругонъ».

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ журнала со всѣми приложениями и романами ЭМИЛЯ ЗОЛЯ.

ОБРАЩАЕМЪ ВНИМАНИЕ

всѣхъ желающихъ имѣть журналъ «ЗВѢЗДА» со всѣми приложениями и романами ЭМИЛЯ ЗОЛЯ, что съ окончаніемъ подписнаго года размыка журнала за этотъ годъ будетъ производиться посылкою, что увеличитъ стоимость журнала НА ТРИ РУБЛЯ, а для нѣкоторыхъ мѣсть НА ПЯТЬ и болѣе. Въ виду чего контора редакціи предлагаетъ ПОСПѢШИТЬ ПОДПИСНОЮ.

По выходѣ же изъ печати послѣдняго тома серіи РУГОНЫ-МАННАРЪ, цѣна этого изданія въ отдѣльной продажѣ будетъ назначена ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала „ЗВѢЗДА“ С.-Петербургъ, Стрѣмянная ул., собств. домъ, № 12.

Поставивъ себѣ задачей знакомить своихъ подписчиковъ съ лучшими представителями современной иностранной литературы, редакція журнала «ЗВѢЗДА» предполагаетъ въ будущемъ 1895 году дать въ приложение къ журналу

полное собраніе сочиненій АЛЬФОНСА ДОДЭ.

ТОВАРИЩЕСТВО „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“
ПРИБОРЪЛО ПРАВО НА ИЗДАНИЕ И
ВЫПУСТИЛО 1, 2 И ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ 3-й КНИГИ, т. е. I—XII Т.

ИСТОРИИ РОССИИ

СЪ
ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНИЕ

Сергѣя Михайловича Соловьева.

Стоитъ при подпискѣ 15 руб., съ перес. 15 руб.

Полное сочиненіе безъ всякихъ сокращеній и намѣненій въ 29 томахъ; въ немъ будетъ приложенъ указатель и гравированный на деревѣ портретъ автора съ факсимиле (чего до сихъ поръ при изданіи не было).

Всѣ 29 томовъ и указатель около 5000 страницъ или до 10000 столбцовъ будутъ помѣщены въ 6-ти книгахъ четкой убористой, большого формата въ два столбца, печати, въ каждой книгѣ по пяти томовъ, въ послѣдней книгѣ четыре тома и указатель.

Всѣ 29 томовъ и указатель по подпискѣ стоятъ 15 руб., съ пересылкою 15 руб. (вмѣсто нынѣ существующей цѣны за 29 томовъ 55 р. безъ пересылки). По выходѣ же въ свѣтъ всего изданія подписка прекратится и въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить 25 руб.

Подписка принимается только на все изданіе, которое выйдетъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ.

Подписывающіеся на полученіе всего изданія 29 томовъ, въ 6-ти книгахъ, при подпискѣ высылаютъ 3 р., при высылкѣ каждой книги будетъ наложенъ платежъ на 1-ю, 2-ю, 3-ю, 4-ю и 5-ю по 3 р. и за наложенный платежъ, и за заказъ по 20 к., а 6-я книга будетъ выслана бесплатно. Высылающіе же при подпискѣ 15 руб. сполна, при полученіи книгъ, какъ за наложенный платежъ, такъ и за заказъ ничего не платятъ.

Чтобы еще болѣе облегчить каждому приобрести знаменитое сочиненіе исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ Серг. Михайл. Соловьева въ 29 т., Товарищество допускаетъ также подписку и съ меньшими взносами, а именно: можно подписываться на полученіе всего изданія выпусками. въ каждомъ выпускѣ будетъ до 25 печатныхъ листовъ. При подпискѣ на полученіе выпусками вносить 1 р. 50 к.; при высылкѣ первыхъ одиннадцати выпусковъ будетъ наложенъ платежъ по 1 р. 50 к. и за наложенный платежъ, а также и за заказъ по 15 к. на выпускъ, а остальные выпуски и указатель будутъ высланы бесплатно.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ исключительно въ Товариществѣ „Общественная Польза“, СПб., Б. Подъяч., 39.

Будутъ изготовлены прочные переплеты и крышки на всѣ 6-ть книгъ одинаковаго вида; за каждую книгу приплачиваютъ по 1 р., съ пересыл. по 1 р. 25 к., кромѣ Азіатской Россіи и заграничн. подписч., каковымъ пересылка производится за ихъ счетъ.

Вышелъ и разсланъ подписчикамъ ШЕСТОЙ томъ

И ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА СЛѢДУЮЩИЕ ТОМЫ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО РОСКОШНАГО ИЗДАНІЯ:

„ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ“ БРЭМА.

Переводъ подъ редакціею магистра зоологіи К. Н. Сентъ-Илера,
Изданіе Товарищества „Общественная Польза“.

Съ хромолитографированными рисунками отъ 15 до 20 красокъ и со множествомъ политипажей въ текстѣ. Вновь переработано профессоромъ Пехуэль-Леше, при содѣйствіи доктора Гааке.

— ПЕРЕВОДЪ ПОЛНЫЙ, безъ всякихъ пропусковъ или произвольныхъ сокращеній и сдѣланъ съ новаго третьяго нѣмецкаго изданія.

На ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ, ТРЕТІЙ, ЧЕТВЕРТЫЙ, ПЯТЫЙ и ШЕСТОЙ ТОМЫ подписка прекращена, а продаются по 6 р., съ перес. 6 р. 50 к. каждый томъ.

Все изданіе будетъ въ ДЕСЯТИ ТОМАХЪ, и подписка принимается на каждый томъ отдѣльно.

Лица, желающія подписаться на полученіе СЕДЬМАГО тома, который будетъ разсланъ въ декабрь 1894 года, высылаютъ нынѣ же 5 руб., съ пересылкой 5 руб. 50 коп. Въ отдѣльной продажѣ ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ, ТРЕТІЙ, ЧЕТВЕРТЫЙ, ПЯТЫЙ и ШЕСТОЙ ТОМЫ стоятъ по 6 руб., съ пересылкой 6 руб. 50 коп.

— Чтобы дать возможность каждому приобрести это капитальное сочиненіе, не втрачивая разомъ значительной суммы, издатель предлагаетъ подписчикамъ седьмой томъ получать и выпусками, не ожидая выхода полнаго тома, а потому:

1) При подпискѣ вносится 1 руб.—2) При высылкѣ 1, 2, 3, 4 и 5 выпусковъ на каждый изъ нихъ будетъ наложенъ платежъ по 1 р., а послѣдній ШЕСТОЙ выпускъ будетъ разсланъ БЕЗПЛАТНО. —

Для служащихъ допускается рассрочка со взводомъ 1 руб. въ мѣсяць, за поручительствомъ кавначеевъ.

На тѣхъ же условіяхъ будетъ открыта подписка и на слѣдующіе томы.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА въ С.-Петербургѣ въ Товариществѣ „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39 и въ Москвѣ, въ магазинѣ Картографическаго заведенія А. Ильина, Петровскія линіи, № 17.

— Подписывающіеся на VII томъ въ складѣ Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39, на полученіе полнаго тома, за пересылку не платятъ, по выпускамъ же никакихъ услугъ не дѣлается. Подписавшіеся на полученіе тома выпускавъ не получаютъ —

— Подписывающіеся теперь же на седьмой томъ могутъ подписаться и на первые шесть томовъ, при чемъ какъ за первый, такъ за второй, третій, четвертый, пятый и шестой томы высылаютъ по 5 руб. 50 коп. съ пересылкою.

— Желающіе получать томы въ одинаковыхъ прочныхъ переплеткахъ съ кожанымъ корешкомъ и углами приплачиваютъ: городскіе по 1 р. за каждый томъ, иногородные по 1 р. 25 к., выписывающіе же изъ Азіатской Россіи уплачиваютъ по почтовому тарифу за 5 фун.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ

РОДА ДВОРЯНЪ

САВЕЛОВЫХЪ.

М. 1894. 8°. XXXVI+215 стр. Цѣна 2 руб. Вып. 1-й.
Дѣла Помѣстнаго Приказа по гг. Ростову и Можайску.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЯ:

Г. Коротоякъ, Воронежской губ., у Леонида Михайловича
САВЕЛОВА и

Москва, Дѣвичье Поле, Архивъ Министерства Юстиціи у
А-дра Ив. ЮШКОВА.

Выписывающіе изъ складовъ за пересылку
не платятъ.

Вышелъ и разсылается подписчикамъ 85 выпускъ

(ПОВѢЖАЛОСТЬ—ПОЛЬША)

«НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ»,

изданіе съ 44 вып. Т-ва А. Гранатъ и К°, бывш. Т-ва А. Гарбель и К°.

Изданіе обнимаетъ всѣ отрасли знанія и стремится содѣйствовать самообразованію и болѣе разностороннему развитію. Съ 6 тома, кромѣ прежняго состава редакціи и сотрудниковъ, въ изданіи принимаютъ участіе: проф. П. Г. Виноградовъ, проф. Ю. С. Гамбаровъ, М. Я. Герценштейнъ, пр.-доц. Г. М. Герценштейнъ, В. А. Гольцевъ, В. Н. Григорьевъ, пр.-доц. А. Г. Гусакъ, Діонео, маг. А. И. Каминка, маг. А. К. Кедровъ, проф. В. Ф. Левитскій, пр.-доц. И. І. Лось, проф. И. В. Лучинскій, проф. И. Н. Миклашевскій, С. А. Муромцевъ, В. А. Мякотинъ, проф. П. А. Некрасовъ, проф. В. М. Нечаевъ, М. І. Песковскій, проф. Э. Ю. Петри, М. Н. Ремезовъ, проф. Э. І. Радловъ, пр.-доц. А. Р. Свирщевскій, А. П. Субботинъ, проф. А. С. Тауберъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, В. В. Чуйко, проф. А. И. Чупровъ и др.

Въ вышедшихъ 85 выпускaxъ (составляющихъ 6 томовъ и 1 вып. 7-го тома), помѣщено 82,835 статей и замѣтокъ, 1,191 портретъ и рисунокъ, 18 географическихъ картъ, хромо- и олеографія, таблицы рисунковъ, 1-я серія снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ.

Все изданіе составитъ 108—115 выпускъ или 8 томовъ и будетъ закончено въ 1894 году. Цѣна тому (14 вып.) на обыкновен. бум. 4 р. 20 к., за лучш. бум. 5 р. 60 к.; тому въ перепл. 4 р. 50 к. и 6 р. За пересылку приплачивается 10%. По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена. Допускается разсрочка на слѣд. условіяхъ: при подпискѣ вносится 5 руб., послѣ чего высылаются первые 6 томъ съ наложеннымъ платежемъ въ 5 р., остальные деньги выплачиваются трехмѣсячными взносами по 5 руб.

Подробные проспекты съ отзывами печати и выдержками изъ текста высылаются по требованію бесплатно.

Главная контора: Москва, Долгоруковскій, 8. Отдѣленія конторы: Одесса, Малий пер., д. Гессена; Саратовъ, Мало-Сергіевская ул., д. Губерн. Земской Управы, Томскъ, при Агентствѣ «Западная Сибирь»; Самара, при редакціи «Самарской Газеты»; Таганрогъ, при редакціи «Таганрогскаго Вѣстника».

скомъ, обвинявшихся въ сопротивленіи вла- сти, 2) по дѣлу принца Кейкубата-Мирзы, обвинявшагося въ фабрикаціи фальшивыхъ монетъ русскаго и персидскаго чекановъ, и 3) по дѣлу о барьерномъ сторожѣ юго-за- падныхъ желѣзныхъ дорогъ, Петрѣ Бачу- ринѣ, обвинявшемся въ томъ, что онъ, по небрежности, не закрылъ пути черезъ линію барьеромъ, вслѣдствіе чего на поселенія Франца Коха налетѣлъ поѣздъ и причинилъ ему тяжкія, а дочери его—легкія поврежде- нія въ здоровьѣ.

Къ 1890 году относятся въ двѣ рѣчи: 1) по дѣлу о бродягѣ Ханнѣ Янкелѣ Си- месѣ, обвинявшемся въ обманѣхъ съ дѣлюю уклоненія отъ воинской повинности и 2) по дѣлу по жалобѣ Правленія С.-Петербургско-Тулскаго поземельнаго банка, въ которой было изложено, что редакторъ газеты «Но- вости» напечаталъ статью, заключающую въ себѣ оскорбительные отзывы и оклеветаніе состава Правленія въ дѣяніяхъ, противныхъ правиламъ чести.

Къ 1892 году относятся три рѣчи: 1) по дѣлу присяжнаго повѣреннаго Дорна съ ге- нералъ-майоромъ Шанавскимъ, которое два раза восходило до Правительствующаго Се- ната (въ первый разъ по этому дѣлу давалъ заключеніе оберъ-прокуроръ, нынѣ министръ юстиціи, Н. В. Муравьевъ), и затѣмъ по прошенію обвинителя и обоюдному со- гласію тяжущихся дѣло было производ- ствомъ прекращено; 2) по дѣлу объ ад- министративно-сосланныхъ Крайфельдѣ и др., обвинявшихся въ государственномъ преступленіи, и 3) по дѣлу объ Яковѣ Грос- манѣ, преданномъ суду за вступленіе въ под- данство Германской имперіи, и этою рѣчью заканчивается седьмой томъ сочиненій В. Д. Спасовича.

Французы и русскіе въ Крыму. Письма французскаго офицера къ своей семьѣ во время восточной войны 1853—1856 гг. генерала Эрбе, бывшаго полковаго адъютанта 95-го пѣхотнаго полка. Перевелъ съ французскаго С. Л. Халютинъ. Минскъ. 1894 г. 328 стр.

Письма Эрбе, писанныя имъ съ мѣста военныхъ дѣйствій въ Крыму въ 1855 и 1856 годахъ къ своимъ родителямъ въ качествѣ субалтернъ-офицера, принадлежавшаго къ штабу, а потому имѣвшаго возмож- ность изучать всѣ перипетіи борьбы на по- луостровѣ, — имѣютъ несомнѣнный интересъ для читателей, и особенно для военного класса, конечно, — не въ качествѣ дѣтскаго матеріала или систематическаго опи- санія событій, но какъ памятникъ чувствъ, существовавшихъ въ ту эпоху между двумя націями, несмотря на соперничество и враж- дебныя дѣйствія одной противъ другой. («Развѣ это непріятель?— Нѣтъ, политикамо- гла сдѣлать ихъ соперниками; они сражаются,

такъ какъ это долсъ ихъ, и бытъся безъ по- щады... но никогда она не можетъ поставить ихъ непріятелями», стр. 217).

Въ настоящее время, послѣ Петергоф- скихъ и Тулонскихъ торжествъ, когда отно- шенія Франціи и Россіи выяснились въ столь очевидной формѣ, — очень интересно прочесть тѣ строки, которыя, не будучи предназначены въ печать, писаны патриотомъ къ своимъ родителямъ съ исключи- тельною дѣлюю — утѣшить ихъ въ тяжелой разлуцѣ съ сыномъ.

Письма Эрбе отличаются простотою и юношескою откровенностью («Мнѣ были вве- дены въ ошибку! Оказалось, что свѣтлѣящая полоса, показавшаяся намъ послѣ 8-хъ ча- совъ, происходила отъ полета граватъ!... Пагубная ошибка!»—стр. 225), не заключа- я въ себѣ никакихъ предвзятыхъ дѣлей, ни политическихъ, ни личныхъ, ни вымысла и преувеличеній (за весьма немногими исклю- ченіями); они являются откликомъ юной, еще не испорченной жизнью природы, кото- рая, безпристрастно оцѣнивая дѣйствія своего противника, нисколько не стѣсняется отда- вать должную дань справедливости хорошимъ сторонамъ соперника. Кромѣ того, письма эти весьма поучительны, такъ какъ содер- жать въ себѣ мѣткія сужденія автора о характерѣ дѣйствій своихъ союзниковъ, — дѣйствій, которыя доводили благородныхъ французовъ до ненависти къ англичанамъ и до презрѣнія къ туркамъ. Въ письмахъ Эрбе иногда встрѣчается критика и нашихъ воен- ныхъ распоряженій и исполнительныхъ дѣй- ствій въ Крымскую войну, но критика эта всегда сдержанна и не имѣетъ злобнаго от- тѣнка сужденій соперника, во представляетъ совершенно безпристрастное и хладнокров- ное, подчасъ серьезное, мнѣніе, на которое иногда чего и возразить.

Въ предисловіи къ своему переводу, С. Л. Халютинъ между прочимъ говоритъ, что переводомъ этихъ писемъ онъ желаетъ «освѣжить заслуги военныхъ распорядите- лей, дѣятелей и исполнителей того времени въ памяти читателей современной Россіи, которая во многомъ за настоящій свой про- грессъ обязана беззавѣтному исполненію долга, героическому самоотверженію и искренности жизнью и кровью интересовъ своего любимаго верховнаго вождя и оте- чества—ея сынами, посвятившими себя свя- тому дѣлу защиты, съ оружіемъ въ рукахъ, чести и достоинства своей страны».

Что касается самаго перевода этихъ въ высшей степени интересныхъ писемъ, то приходится, къ сожалѣнію, отмѣтить, что переводъ, повидному, сдѣланъ г. Халюти- нымъ поспѣшно, безъ надлежащей осмотри- тельности и вдумчивости, иначе не встрѣти- лось бы въ его трудѣ разныхъ погрѣшно- стей и шероховатостей: мѣстами слогъ слиш- комъ тяжелъ и попадаетъ много ошибокъ.

Н. И-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1894 г.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портре-
тами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **ГОРОДСКИХЪ** подписчиковъ: въ С.-Петер-
бургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка д. № 145, и въ книжномъ ма-
газинѣ **А. Э. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Молье и К^о). Невскій просп.,
д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ:
Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова**
(Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн.
магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный
дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова**
(Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ,
въ Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и
разказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, пре-
имущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Живнеописанія и матеріалы къ
біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ,
ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художни-
ковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка,
автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. От-
зывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разказы и пре-
данія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго обще-
ства прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1876 г., второе изд.	(40 экз.), съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1877 г., 12 книгъ	(22 экз.), съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1878 г., 12 книгъ	(20 экз.), съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1879 г., второе изд.	(3 экз.), съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1880 г., 12 книгъ	(40 экз.), съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1881 г., 12 кн., изд. второе	(14 экз.), съ портр.,	9 руб.
«Русская Старина»	1884 г., 12 книгъ	(40 экз.), съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1885 г., 12 книгъ	(32 экз.), съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1886 г., 12 книгъ	(3 экз.), съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1888 г., 12 книгъ	(41 экз.), съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1889 г., двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1890 г., двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1891 г., 12 книгъ	(30 экз.), съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1892 г. и 1893 г., 12 книгъ,	съ портретами,	9 руб.

Редакторъ-владѣтель: **С. Зыковъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXV-й.

СЕНТЯБРЬ

1894 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Записки Д. И. Ростиславова, профессора СПб. духовной академіи. Глава XXXVIII..	1—21	VI. Баронъ Николай Александровичъ Корфъ, въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ. IV. М. Л. Песковскаго.	127—144
II. Записки М. Я. Ольшевскаго. Кавказъ съ 1841—1866 гг. Часть третья. Главы IX—XI.	22—43	VII. Наши мистики-сектанты. А. О. Лабзинъ и его журналъ „Сіонскій Вѣстникъ“. I—II. Н. О. Дубровина	145—203
III. За много лѣтъ. Воспоминанія Невзвѣстнаго (1854—1857).....	44—62	VIII. Автобіографія Юрьевскаго архимандрита Фотія. Книга вторая. Гл. II..	204—239
IV. Воспоминанія Н. А. Тучиной-Огаревой. VII—VIII. 1856—1860 гг..	63—100	IX. Матеріалы и замѣтки. Письма В. Ушакова Н. Н. Сосницкому..	234—241
V. За полстолѣтія. 1841—1892. Воспоминанія о пережитомъ. Доктора А. И. Ильинскаго. Часть третья (1864—1892). Гл. I.....	101—126	X. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).	

Портр. М. Я. Ольшевскаго. Грав. К. Адгъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1894 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по средамъ отъ 11 до часа по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Нодьячская. 39.

1894.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1894

Сборникъ матеріаловъ для исторіи рода Челіщевыхъ. Посмертный трудъ Николая Андреевича Челіщева. Сиб. 1893. 340+XX.

Родъ Челіщевыхъ ведетъ свое происхождение отъ Вядлгедема (во св. крещеніи Леонтія) Люнебургскаго, правнука Оттона, курфюрста Люнебургскаго, который прибылъ въ Россію въ 1237 году.

Три сына Леонтія Люнебургскаго являлись родоначальниками трехъ очень древнихъ родовъ: Карлъ, въ православіи Андрей Леонтьевичъ, по прозванію Челіщевъ—родоначальникомъ Челіщевыхъ; Иванъ Леонтьевичъ, прозваніемъ Цансырь—рода Цансыревыхъ; Юрій Леонтьевичъ, по прозванію Глазатъ,—рода Глазатыхъ. Такимъ образомъ родъ Челіщевыхъ—одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ родовъ, и потому исторія его имѣетъ интересъ не только для представителей самаго рода, но и для людей, занимающихся русской исторіей.

Покойный Николай Андреевичъ Челіщевъ предполагалъ написать полную, обстоятельную исторію своего рода и для этой дѣли въ теченіе долгаго времени собиралъ документы и матеріалы. Внезапная смерть, въ молодыхъ, сравнительно, годахъ (онъ умеръ на 35-мъ году), помѣшала исполнить задуманный трудъ, и въ настоящую книгу вошли лишь собранные имъ матеріалы, извлеченные какъ изъ печатныхъ источниковъ, такъ и изъ разнаго рода архивовъ, и появляющіяся въ печати въ первый разъ. Этотъ богатый матеріалъ, приведенный въ строгую систему, изданъ отцомъ покойнаго А. Н. Челіщевымъ.

Представители рода Челіщевыхъ играли немаловажную роль въ судьбахъ Россіи: мы видимъ Челіщевыхъ на службѣ, на воеводствахъ и на ратномъ полѣ, на дипломатическомъ поприщѣ и общественныхъ дѣятелями. Подтвердимъ сказанное нами имѣющимся въ „Сборникѣ“ данными: такъ, извѣстный каждому, по учебнику русской исторіи, Михаилъ Андреевичъ, по прозванію Бренко или Бряно, Бренковъ (пятое колѣно) былъ убитъ въ 1380 году на Куликовомъ полѣ. „У Андрея сына Михайла, прозвище Бренникъ, и у Великаго Князя Дмитрія Ивановича Донскаго бояринъ былъ и убитъ на Мамасѣ побовщъ вѣсто Великаго Князя Дмитрія Ивановича Донскаго въ лѣто 13⁰/688 г., и о томъ писано въ лѣтописцахъ явно“ (стр. 3). Борисъ Федоровичъ Челіщевъ (восьмое колѣно) „правилъ посольство“ отъ великаго князя Ивана III къ хану Менгли-Гирею и сообщилъ великому князю, что онъ (Менгли-Гирей) „твердо стоитъ въ союзѣ“. Иванъ Шлычъ Челіщевъ (десятое колѣно), воеводствовалъ въ Мещерѣ, ѣздилъ въ качествѣ посланника въ Крымъ, съ извѣщеніемъ о кончинѣ великаго князя Василія III и о вступленіи на престолъ Ивана Васильевича Грознаго. Борисъ Григорьевичъ (двѣнадцатое

колѣно) ѣздилъ съ письмами отъ царя Михаила Феодоровича къ патриарху Филарету Никитичу въ Москву въ 1622 году, былъ посланъ въ Пермь „золотыя руды скупивать“, сопровождалъ царя Алексѣя Михайловича въ Троицкую лавру, ѣздилъ гонимъ въ Швецію, а подлѣ ковецъ жизни былъ полковникомъ воеводою въ Олонцѣ и въ Витебскѣ. Въ срединѣ XVII вѣка, во время финансоваго кризиса въ Московскомъ государствѣ, когда правительствомъ, вставивъ государственную казну постоянными войнами, выпустило мѣдную монету съ номинальной цѣнностью серебра, оказалъ большую услугу отечеству Тимошей Осиповичъ Челіщевъ, бывший воеводою въ Чарондѣ; онъ попалъ на слѣдъ фальшивыхъ монетчиковъ. Въ отпискѣ своей противъ обвиненія его въ вымогательствѣ, онъ, между прочимъ, писалъ: „Возри, государь, своимъ государскимъ милостивымъ разсмотрѣніемъ на мое службишко, что я холопъ твой въ трехъ городѣхъ денежное и разбойное дѣло и ставы сискалъ, не вели, государь, ево воровскому Данилку заводному составному ложному челобитью, безъ очныхъ ставокъ, повѣрить“. Александръ Ивановичъ Челіщевъ былъ начальникомъ гвардейскаго артиллерійскаго департамента Военной коллегии. Онъ усовершенствовалъ пріемы орудій и изобрѣлъ способъ „исправить изъ орудіевъ стрѣльбу, и дойти до того, чтобъ всякой артиллеріи, хотя мало ученой и изъ орудій такого калибра, изъ котораго онъ никогда не стрѣлялъ, стрѣлялъ бы цѣлю: и попалъ на заданныя дистанціи, возвышеніями выстрѣлами изъ пушекъ, гаубицъ и еднороговъ“. Сынъ Александра Ивановича, Николай Александровичъ, началъ свою службу поручикомъ лейбъ-гвардіи Семёновскаго полка, участвовалъ въ отечественной войнѣ и былъ раненъ при Аустерлицѣ и Фридрихсбургѣ. По выходѣ въ отставку былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ въ 1-мъ отдѣленіи III департамента, а затѣмъ—членомъ Государственнаго Совѣта. Въ послѣдней русско-турецкой войнѣ 1877—78 гг. участвовалъ Алексѣй Александровичъ Челіщевъ.

Не безызвѣстно имя Челіщевыхъ и въ литературномъ мірѣ: въ 1886 году были изданы произведенія Петра Ивановича Челіщева: „Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 г.“ и „Посланіе въ Россійскую Академію.“

Эти краткія, взятая на выдержку, упомянанія о разнообразной дѣятельности представителей рода Челіщевыхъ, конечно, не исчерпываютъ богатаго содержаніемъ „Сборника“ матеріаловъ, который, при скудости нашей генеалогической литературы, является солиднымъ въ нее вкладомъ.

Книга снабжена примѣчаніями, алфавитнымъ указателемъ личныхъ именъ и родовословною таблицей. По вѣщему виду „Сборникъ“ изданъ роскошно: на слововой бумагѣ, крупнымъ, четкимъ шрифтомъ. Гербъ рода Челіщевыхъ и портретъ Н. А. Челіщева воспроизведены прекрасно.

ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ ИНФАНТЕРІИ

М. Я. ОЛЬШЕВСКІЙ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1894 г.

СЕНТЯВРЬ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39

1894.

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

профессора Спб. духовной академіи.

ГЛАВА XXXVIII ¹⁾.

Пьянство въ семинаріи происходило, разумѣется, не отъ торговой, ни отъ казенной бани, а отъ всего строя, господствовавшаго въ то время въ духовныхъ училищахъ. Въ описываемое мною время оно достигло въ Рязанской семинаріи громаднхъ размѣровъ. Главныя пьяницы были богословы, а между ними лучшіе ученики, такъ что тогдашнія поговорки: «умный человѣкъ не можетъ не быть пьяницей» или «пьянь да уменъ, два умѣнья въ немъ» находили подтвержденіе въ различныхъ семинаристахъ. Тудоръ мой занималъ и въ этомъ отношеніи очень почетное мѣсто. Только такъ какъ онъ отличался богатырскою силою и необыкновенно крѣпкимъ организмомъ, то его, по обыкновенному выраженію, спить въ лежку почти невозможно было. Сначала въ богословіи онъ было поудерживалъ себя, но мало по малу началъ увлекаться и въ рождественскую треть онъ рѣдкую недѣлю не опаздывалъ возвратиться къ ужину изъ города, гдѣ онъ, не знаю, съ кѣмъ-то кутиль. Начальство терпѣло, снисходило, уговаривало и даже постепенно лишило его должности главнаго старшаго, старшаго и митродержателя, оставивъ за нимъ лекторство и по-прежнему довѣряя ему переписывать разныя его бумаги. Другой старшій митродержатель и лекторъ Ситковскій еще скорѣе моего тудора лишился всѣхъ этихъ почетныхъ званій и даже пониженъ въ спискѣ изъ перваго разряда во второй къ экзаменамъ перваго года. Соотвѣтственное его успѣ-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюль, 1894 г.

*

хамъ мѣсто возвращено, когда чрезъ годъ его послали въ академію. Третій старшій Петръ Ивановичъ Никольскій, добрый и очень умный человекъ, тоже низведенъ въ число рядовыхъ, притомъ такъ же, какъ Ситковскій, за пьянство. Потомъ два ученика Горловъ и Перелетовъ, бывшіе одинъ за другимъ помощниками старшаго въ богословской комнатѣ, смѣнены тоже за пьянство, такъ что въ нашей комнатѣ жило пять разжалованныхъ господъ. Дѣло дошло до того, что на мѣста ихъ помощниками пришлось въ богословской комнатѣ сдѣлать философа. Но и не смѣненные изъ старшихъ богослововъ далеко не всѣ могли принадлежать къ обществу трезвости. Оберъ-шпіонъ Грифцовъ, обучаясь въ семинаріи и дорожа благоволеніемъ начальства, сдерживалъ себя, но потомъ спился. Обновленскій, заступившій мѣсто Вихирева въ богословской комнатѣ, былъ настолько благоразуменъ, что умѣлъ ловко скрывать свою склонность къ пьянству, но въ академіи предался ей, пересталъ заниматься и, несмотря на отличныя способности и обширныя свѣдѣнія, кончилъ курсъ только патріахомъ (?). Посланный наставникомъ въ Казанскую семинарію, онъ былъ отставленъ отъ должности за пьянство, отъ котораго и умеръ вскорѣ. Далѣе продолжать нечего; видно и безъ того, каковы были соколы лучшіе ученики, старшіе и ихъ помощники. Иные хоть пили, такъ сказать съ приличіемъ, но нѣкоторые какъ-будто любили и тутъ отличатся цинизмомъ. Къ числу ихъ особенно принадлежитъ упомянутый выше Перелетовъ. И между семинаристами я мало припомню людей, которые бы имѣли такой же грубый и мужиковатый характеръ, какъ Перелетовъ. Любимымъ предметомъ разговоровъ у него была мечта, какъ онъ, сдѣлавшись попомъ, заживетъ по-мужицки, жену станетъ водить въ панёвѣ и лаптяхъ, заставлятъ снимать съ себя сапоги и въ случаѣ ея неисправности сѣчь ее розгами.

Этотъ дикарь имѣлъ своего рода бѣшеное честолюбіе; когда его лишили должности помощника старшаго, онъ едва было не зарѣзался; насилиу кое-какъ товарищи удержали и образумили безумца. Само начальство послѣ того побаивалось тревожить его и потому показывало, что какъ-будто и не знаетъ о томъ. Въ семинаріи онъ еще сдѣлался извѣстнымъ своими стихами. По тогдашнему обычаю казеннокоштный ученикъ получалъ не иначе казенныя сапоги, какъ

сказавъ о томъ старшему, который докладывалъ уже инспектору. Перелетовъ, котораго звали Тимошеемъ, не желая говорить съ старшимъ, подаль ему записку, написанную слѣдующими стихами:

Охъ! Охъ! Охъ!
 Нѣтъ у Тимохи сапогъ;
 Охи, вохи, елѣхи, трохи,
 Нѣтъ сапогъ у Тимохи.
 Эй, эй, эй!
 Шей поскорѣй!
 Тимошей.

Старшій представилъ записку инспектору въ подлинникѣ, и Тимоха получилъ сапоги. Я нарочно позаговорился объ этомъ чудакѣ, чтобы показать, какіе господа были тогда между семинаристами. Замѣьте, что онъ кончилъ курсъ въ первомъ разрядѣ, получилъ богатое священническое мѣсто, породнился съ касимовскими протопопами Поликарпомъ и Крестовымъ, сдѣланъ былъ благочиннымъ, но, увя! напившись въ Рязани пьянымъ, выѣхалъ изъ нея и верстахъ въ десяти отъ нея найденъ въ саняхъ мертвымъ.

По порядку мнѣ теперь слѣдовало бы сказать о пьянственныхъ наклонностяхъ нашихъ предшественниковъ по классу, тогдашнихъ г.г. философовъ Рязанской семинаріи. Но такъ какъ эти наклонности достигли своего зенита въ богословскомъ классѣ, то я пока помолчу о нихъ; а теперь скажу только о монахоманіи, которая тогда появилась между нашими философами. Первымъ ученикомъ между ними былъ Григорій Виноградовъ, кроткій, миролюбивый и большой человѣкъ; если не по характеру, то уже по слабости здоровья воды не возмутить и слабого огонька не погасить. Это типъ семинариста съ прекраснымъ поведеніемъ. Надоѣло ли его смиренномудрію учиться, или дѣйствительно онъ чувствовалъ слабость физическихъ силъ для окончанія семинарскаго курса, только онъ началъ подумывать покончить дѣло съ наукою и посвятить себя служенію Господу Богу, т. е. поступить въ монахи. Иліодоръ, узнавши о новомъ святомъ юношѣ, взысканномъ благодатію, поспѣшилъ поддержать и укрѣпить его рѣшимость, началъ его приглашать къ себѣ, назидать, настройвать; большаго труда дѣло не стоило; немного нужно было ума и времени ректору уговорить какого-либо семинариста искать спасенія своей души въ монастырѣ; мы тогда всѣ

бредили, даже за стаканомъ водки, о подвигахъ отшельниковъ, восхищались житіями святыхъ, боялись ада и чорта, и очень желали бы вкушать райскія яблоки. Къ Виноградову скоро присоединились еще двое философовъ: Яковъ Гусевъ, бывший мой квартирный титоръ въ Касимовскомъ училищѣ, и еще Алексѣй Воиновъ. Первый, подобно Виноградову, былъ тоже боленъ и думалъ найти въ монастырѣ не только спасеніе души, но и исцѣленіе тѣла. Воиновъ былъ распресвеселая голова, утѣха всѣхъ своихъ товарищей, балагуръ и даже порядочный проказникъ. Но тоже почувствовавъ какую-то болѣзнь или болячку, принялся за постъ и молитву, пересталъ ѣсть мясную пищу и началъ молиться много, много, чуть не до упаду, какъ говорится. Четвертымъ будущимъ аскетомъ былъ Василій Можаровъ, здоровеннѣйшій дѣтина, толстякъ, флегматикъ; ему, кажется, просто не хотѣлось учиться, или поступивъ въ дьяконы, хлопотать о семействѣ; то ли дѣло быть монахомъ! Квартира и столъ готовы, живи, не тужи. Благочестивое наше начальство было въ восторгѣ отъ такого настроенія г.г. философовъ. вмѣсто того чтобы удержать ихъ отъ столь опаснаго званія, каково монашество, они поощряли бѣдняковъ. Сколько мнѣ помнится, едва-ли не всѣ они поступили послушниками въ Рязанскій Троицкій монастырь, гдѣ настоятельствомъ Иліодоръ. Ихъ не заставляли ждать 30-лѣтняго возраста, когда по закону слѣдуетъ постригаться въ монахи. Они, не имѣя еще и 25 лѣтъ, переименовались въ Германа, Іосифа, Агапита и Виталія.

Время теперь коснуться и насъ, риторовъ. Въ тѣхъ семинаріяхъ, при которыхъ въ одномъ корпусѣ не было низшихъ духовныхъ училищъ, положеніе риторовъ было издавна незавидно; на нихъ смотрѣли, какъ на мальчишекъ не только начальники, но и богословы и философы, напр. по рассказамъ моихъ академическихъ товарищей-новгородцевъ, въ ихъ семинаріи сѣкли розгами словарей (такъ звали риторовъ) чуть ли не чаще, нежели въ другихъ мѣстахъ училищныхъ мальчишковъ,—сѣкли и начальники, и профессоры, и даже комнатные старшіе. Въ нашей семинаріи до нашего поступленія въ риторикъ, ученики ея составляли если не аристократію бурсы, то по крайней мѣрѣ среднее сословіе; для плебеевъ, для пролетаріата, надъ которымъ можно было испытывать достоинство розогъ, было

много училищныхъ мальчишекъ. Съ прїѣздомъ Илюдора и Гедеона, дѣла стали мало по малу измѣняться. Я уже говорилъ, что они не очень публично и часто посѣкали нашихъ предшественниковъ риторовъ. Съ нами еще менѣе стали церемониться и поставили насъ съ первыхъ дней нашей семинарской жизни въ положеніе плебеевъ въ глазахъ богослововъ и философовъ.

Первый ударъ нашему самолюбію былъ нанесенъ аудиторствомъ, о которомъ я уже говорилъ. Не говорю уже о томъ, что каждому изъ насъ было очень щекотливо подойти къ своему аудитору, попросить его прослушать урокъ; и когда онъ скажетъ: «погоди», стоишь, дѣлать нечего. Начнетъ слушать, то скажетъ:

— Что ты, какъ мальчишка, торопишься? Читай рѣже.

Начнешь читать рѣдко, — услышишь:

— Э, да ты, братъ, плоховато знаешь урокъ.

А если еще ошибешься въ какомъ-либо словѣ или остановишься на минуту, забывши начало какого-либо параграфа, ну, тогда скажутъ ужъ положительно: «ступай, не знаешь». Такъ и запишутъ незнающимъ, а тамъ чрезъ недѣлю или двѣ потребуютъ къ отчету, который иногда оканчивался очень неприятными ощущеніями. Но главная опасность состояла въ томъ, какъ бы не попасть въ число непослушавшихся: такіе господа, если они принадлежали къ хорошимъ, особенно къ лучшимъ ученикамъ, считались бунтовщиками, не желавшими повиноваться начальству; тутъ еще вѣрнѣе можно было постоять на колѣнахъ и, пожалуй, испытать что-либо почувствительнѣе даже за одинъ разъ неслушанья. А попасть въ число непослушавшихся было очень легко. Подойдешь къ аудитору, скажетъ погоди; заговорится съ кѣмъ-нибудь, а тутъ ударилъ звонокъ, — подойдешь и услышишь:

— Теперь уже нельзя, звонокъ пробилъ.

И вотъ запишутъ непослушавшимся. Подобныя продѣлки дѣлались съ тѣмъ, чтобы вынудить взятку. Аудиторы прямо говоривали:

— Что же ты давно меня не кормилъ пирогами? или: что же ты не сводилъ меня въ трактиръ чаю напиться?

Не накорми, не своди, -- и явишься или незнающимъ, или еще даже непослушавшимся. Поневолѣ и накормишь, и сводишь; своя

рубаха къ тѣлу ближе; не хотѣлось, чтобъ ее противъ воли заворотили на спину. Такимъ образомъ, мы въ своихъ собственныхъ глазахъ мало-по-малу падали и становились тѣми же, чѣмъ были въ училищѣ.

Старшіе братцы и тьюторы наши не преминули воспользоваться нашимъ униженнымъ положеніемъ даже прежде, нежели мы считали себя униженными. Они, услыхавши о нашемъ аудиторствѣ и о томъ положеніи, въ какое оно насъ поставило, сочли нужнымъ требовать отъ насъ отчета, слушать уроки или справляться въ нотатахъ, всегда ли мы знали ихъ; а справки въ нотатахъ дозволены были всѣмъ философамъ и богословамъ. Пока я еще жилъ съ своими товарищами подъ надзоромъ Ситковского, къ намъ ужь стали похаживать тьюторы — квартирные философы и богословы, чтобы прослушать своего братца, или порученнаго его надзору. Скоро, чуть не съ перваго раза, начали и побранивать, и за волосы, и за уши драть, давать пощечины и потасовки. Не болѣе, какъ недѣли черезъ двѣ, одинъ тьюторъ или братецъ вцѣпился-было въ волосы любезнаго нашего товарища, выражая намѣреніе задать отличную задачу. Ситковскій, замѣтивъ это, остановилъ его:

— Да что ты дѣлаешь? Голова-то на что-нибудь еще годится; а ты лучше бы отпоролъ его шельму.

— Да развѣ можно здѣсь? спросилъ тьюторъ.

— А почему жь нѣтъ? Сѣки, сколько хочешь, вотъ они и подержать, заключилъ старшій, указавши на насъ.

Лоза скоро явилась; держать виновнаго насъ не заставили, онъ покорно растянулся, и его отхлестали ужь не какъ мальчишку училищнаго, а какъ ритора взрослога, т. е. гораздо больнѣе. Когда я перешелъ въ богословскую комнату, тамъ я нашелъ другой порядокъ. Туда чуть ли не къ каждому богослову и философу, какъ тьюторамъ или братцамъ, приходило по одному и больше, по два и даже по три моихъ товарища. Начиналось слушанье, — результатъ въ случаѣ замѣчаній неисправности былъ одинъ и тотъ же — розги. А любезные мои товарищи часто оказывались виновными не только въ незнаніи уроковъ, но и въ другихъ болѣе страшныхъ преступленіяхъ. Не выучивши урока, иной изъ насъ показывалъ его тьютору въ меньшемъ видѣ, нежели какъ было на самомъ дѣлѣ. Другому

приказывалось, чтобы онъ непремѣнно сказывалъ, какія ему даны отмѣтки въ нотатѣ; а онъ между тѣмъ рекомендовалъ себя знающимъ, тогда какъ записанъ былъ или незнающимъ, или даже не-прослушавшимся. Такого рода преступленія почти всегда и у всѣхъ наказывались розгами. Отъ этого рѣдкій день въ богословской комнатѣ кого-либо изъ моихъ товарищей не сѣкли; бывали счастливые дни, когда до десяти и болѣе подвергались лозѣ. Лозу ужъ заготовлялъ большею частію служитель; она передавалась отъ одного тьютора къ другому; и когда нужно было поторопиться, то пока одного сѣкутъ, другіе уже лежатъ совсѣмъ приготовленными. Иногда же являлось нѣсколько лозъ, и тогда за одинъ разъ составлялся концертъ изъ двухъ-трехъ человѣкъ, которые кричали отъ боли. Сначала, разумѣется, мы тоже обнаруживали наклонность къ бунтамъ, но, разумѣется, все оканчивалось не въ нашу пользу. Я помню особенно такой бунтъ двухъ моихъ товарищей, одинъ былъ Аманскій изъ Данковскаго училища, сынъ богатаго священника, красивый, уже юноша лѣтъ 16-ти, хорошо одѣтый, въ суконномъ сюртукѣ и панталонахъ, притомъ уже довольно рослый; другой былъ изъ Зарайскаго училища (фамилія не помню). Надзоръ за ними почему-то порученъ былъ Перелетову, хотя у Аманскаго былъ братъ философъ. Перелетовъ очень не любилъ дѣтей богатыхъ отцовъ, особенно если они были красивы, называя ихъ барченками. Я ужъ не одинъ разъ слышалъ, какъ Перелетовъ говаривалъ:

— А надобно мнѣ посмотрѣть ж. у моихъ барченковъ; да нѣтъ, мошенники, славно учатъ уроки, не къ чему придраться.

Но наконецъ нашлась вина. Ни лозы, ни сторожа не было въ комнатѣ. Перелетовъ сказалъ своимъ подчиненнымъ:

— Подите пока посидите вонъ у него (указывая на меня) на кровати; вотъ придетъ сторожъ, я велю принести угощеніе.

Оба сѣли у меня въ большомъ волненіи и испугѣ.

— Неужели онъ меня хочетъ сѣчь? сказалъ Аманскій.— Меня вѣдь и въ училищѣ не сѣкли; я не дамся ни за что.

Другой хоть и сознался, что его сѣкли, но не больно, да и уже года два тому назадъ. Но у этого не было такой храбрости, какъ у Аманскаго; онъ слезами заранѣе хотѣлъ защитить себя.

Сторожъ пришелъ, получилъ приказъ принести лозу и принесть.

— Ну-ка, барченки, идите сюда!

Никто изъ нихъ не трогался.

Перелетовъ подошелъ самъ; схватилъ зарайца за руку и, оттащивши недалеко отъ кровати, велѣлъ ему раздѣваться, да и самъ помогаль. Высѣкъ, но, сверхъ ожиданія, не очень больно. Дѣло дошло до Амапскаго. «Иди», сказали ему. Онъ не шель, и когда его схватили за руку, онъ сталъ упираться. Тогда тудоръ вышелъ изъ себя.

— А! ты еще бунтовать! Ну, я тебя выучу слушаться!

При помощи служителя, Перелетовъ вытащилъ бунтовщика на свободное мѣсто комнаты и связаль ему руки носовымъ платкомъ. Тогда началъ, не торопясь, раздѣвать его, разстегиваль скюртку и жилеть, отстегиваль пуговицы панталонъ и пр., приговаривая:

— Такъ ты, барченокъ, еще бунтовать! Вотъ я же задамъ тебѣ баню; выбью изъ тебя барскую спѣсь, сдѣлаю тебя шелковымъ.

И, покончивъ то, что нужно было, повалилъ его на полъ, заставивъ сторожа и меня держать бунтовщика. Разумѣется, наказаніе было примѣрное; появились на обнаженномъ тѣлѣ не рисунки или блестки, а даже ручейки. Послѣ этого урока Аманскій попри-смирѣлъ, но надобно сказать, что Перелетовъ почему-то не часто его наказываль. Но всѣ вообще тудоры наши особенно стали съ нами поступать, какъ съ малолѣтними, послѣ того, какъ начальство чуть не треть нашего класса заразъ высѣкло. Преступленіе состояло въ томъ, что явившимся не въ срокъ послѣ святокъ не позволено было ѣхать на масляницу, а между тѣмъ классы прекратились еще въ субботу на пестрой недѣлѣ. Полагая, что за исполненіемъ этого приказанія никто не станеть смотрѣть, смѣльчаки съ перваго раза уѣхали; другіе, не видя никакихъ повѣрокъ или черекличекъ, уѣхали уже въ среду и въ четвергъ, какъ въ субботу вдругъ всѣхъ оставшихся въ Рязани насъ собрали и отмѣтили, кто не оказался на лицо. На второй же недѣлѣ поста началась расправа. Какое наказаніе положено было богословамъ и филосоfamъ — не знаю, но моихъ любезныхъ всѣхъ высѣкли очень больно, въ комнатахъ инспекторскихъ.

При моемъ поступленіи въ риторіку, хотя уже 15-ти лѣтъ, былъ я плотный, полный, здоровый мальчикъ, но только небольшого еще роста, такъ что въ сравненіи со многими моими товарищами я казался мальчкомъ. Между тѣмъ въ этомъ нѣсколько толстоватомъ, но не высокомъ мальчикѣ шевелилась своя амбиція; я восхищался мыслию, что я уже теперь важная особа, настоящей семинаристъ, а не бурсакъ. Съ какимъ, бывало, удовольствіемъ подписываешься кстати и не кстати: «ученикъ словесности Дмитрій Ростиславовъ». Главною причиною риторической снѣси, пробудившейся во мнѣ и въ моихъ товарищахъ, была надежда, что мы свои инекспрессибли станемъ снимать только по собственному желанію. Хотя мы и знали, что нѣкоторые тutory нашихъ предшественниковъ-риторовъ не очень съ ними деликатились, но чего сильно желаешь, то всегда надѣешься получить. И я, многосѣченный рабъ Божій, увѣрилъ себя, что наступило для меня время, въ которое мнѣ можно не очень бояться лозы, кромѣ развѣ какихъ-либо экстренныхъ случаевъ, къ которымъ, впрочемъ, я считалъ себя не способнымъ. Авдиторство и меня озадачило, какъ прочихъ моихъ товарищей. Услыхавши о немъ, мой тудоръ сказалъ мнѣ:

— Я слушать тебя не буду, но ты мнѣ всегда сказывай непременно, когда тебя запишутъ или незнающимъ, или неслушавшимся; сказывай также и о томъ, когда тебя за что бы то ни было накажутъ въ классѣ, даже побранятъ; да слышишь, непременно сказывай, иначе, братъ, не пеняй, — прибавилъ онъ еще болѣе серьезнымъ тономъ.

Мнѣ бы очень легко можно было понять значеніе послѣднихъ словъ и слѣдовало оставаться по-прежнему покорнымъ подчиненнымъ. Но ученику словесности нельзя не помечтать о своемъ высокомъ значеніи; нельзя привыкнуть къ мысли, что въ глазахъ своего тудора остаешься такимъ же мальчуганомъ, какимъ былъ въ училищѣ.

Печальный опытъ скоро разсѣялъ мои мечты, мой аудиторъ Гремячовъ,—старичокъ, дѣтина лѣтъ около 20-ти, толстый съ бассистымъ голосомъ чуть не съ перваго раза безъ застѣнчивости сказалъ, чтобы я накормилъ его пирогами съ печонкой, иначе худо будетъ. Учивши почти всегда уроки хорошо, я не обратилъ внима-

ніе на такое предостереженіе, и Гремячовъ умѣлъ такъ устроить дѣло, что я до звонка не прослушался и записанъ въ нотату неслушавшимся и за то поставленъ былъ на колѣни. Объ этомъ я тугору своему ничего не сказалъ. Потомъ 21-го сентября въ день моихъ именинъ, я пригласилъ двухъ своихъ пріятелей напиться чаю въ трактирѣ. Вихоревъ хоть самъ часто ходилъ по трактирамъ, но мнѣ строго запрещалъ это дѣлать: мы и положили въ то время, какъ пойдуть кучею въ церковь, просидѣть въ какомъ-нибудь уголку, а потомъ и отправиться въ трактиръ. Сказано и сдѣлано. Между тѣмъ, всевидящее око или ухо Грифцова провѣдало о нашемъ великомъ преступленіи, которое тотчасъ и сдѣлалось извѣстнымъ инспектору. Гедеонъ, зная, что я состою подъ тугорствомъ Вихорева, призвалъ его къ себѣ и сказалъ:

— Что же ты не смотришь за своимъ Ростиславовымъ. Вотъ онъ въ классѣ ужъ записанъ неслушавшимся и стоялъ за то на колѣняхъ. А нынѣ ушелъ отъ обѣдни въ трактиръ. Смотри за нимъ самъ, а то и я вѣдь распоряжусь.

Часу въ третьемъ, Вихоревъ самъ торопливо пришелъ въ нашу комнату (я еще жилъ у Ситковского) и жестомъ позвалъ меня за собою. Въ корридорѣ сказалъ мнѣ:

— Ступай въ комиссарскую, да жди меня тамъ.

Тамъ я нашелъ Ваську-кота, такъ мы звали одного служителя, бывшаго разсылнымъ у эконома и комиссара и исправлявшимъ часто должность сѣкутора. Онъ былъ или отставной солдатъ, или отпущенный на волю лакей, хорошенько мы не знали, но и исполнялъ должность сѣкутора или держателя; его обыкновенно приглашали тугоры, когда находили нужнымъ имѣть помощника или исполнителя экзекуціи надъ своимъ подчиненнымъ.

Увидавши его въ комиссарской, я почувствовалъ, что мнѣ предстоитъ грозная опасность; какъ утопающій хватается за соломинку, такъ и я подумалъ: можетъ быть, онъ вовсе не для меня здѣсь сидитъ.

— Ты что здѣсь сидишь? спросилъ я его.

— Да вотъ, Алексѣй Ивановичъ послалъ меня сюда, чтобъ вѣрно тебя поугостить вотъ этою березовою кашкою, и показалъ мнѣ приготовленную свѣжую лозу.

Тутъ не то что гордость, или самолюбіе—имъ не давали еще развиться, — а чувство самохраненія во мнѣ пробудилось, и я отвѣчалъ:

— Ну, нѣтъ, стара штука, я уже теперь не мальчикъ, я въ риторикѣ, не позволю себя высѣчь.

— Ну, не позволишь. Экая бѣда! поневолѣ высѣкутъ. Важное дѣло ритористъ, изъ моихъ рукъ не вывернешься.

— Да можетъ быть, это и не на меня, сказалъ я.

— Ну, не знаю, отвѣчалъ Васька-котъ. Алексѣй Ивановичъ велѣлъ мнѣ приготовить получше лозу, пойти съ нею сюда и ждать; я пришлю къ тебѣ моего парня; пусть и онъ подождетъ.

Не было, значитъ, никакого сомнѣнія, что предстояла порка.

— Ну, такъ не бывать же этому—откуда-то взялась у меня храбрость сказать; я повернулся и ушелъ вонъ, или лучше убѣжалъ, потому что Васька-котъ хотѣлъ было схватить меня. Я бросился въ свою комнату, чтобъ взять риторику, изъ которой дапъ былъ урокъ. Товарищи меня остановили, стали спрашивать, зачѣмъ меня звалъ Вихоревъ; нѣкоторые даже намекнули на то, не посѣкълъ ли онъ тебя, ты что-то не въ своей тарелкѣ. Я форсисто отвѣчалъ: вотъ еще вздоръ говорите; но золотое время утекало; наконецъ, взявши риторику, пошелъ вонъ изъ комнаты. Но въ корридорѣ встрѣтилъ тьютора, уже искавшаго меня. Схвативъ меня за руку, онъ молча повелъ меня въ комиссарскую; руки у него дрожали, потому что Васька-котъ успѣлъ передать ему весь мой разговоръ съ нимъ. Вошедши въ комиссарскую, тьюторъ сказалъ ему: «запри дверь» и повелъ меня въ слѣдующую комнату, сѣлъ на кровать, поставивъ меня предъ собою и охвативши ноги мои своими ногами, а лѣвою рукою держа меня за сюртукъ.

— Ну, риторъ,—сказалъ онъ мнѣ дрожащимъ голосомъ, я вѣдь велѣлъ тебѣ здѣсь ждать меня, какъ ты смѣлъ уйти отсюда? А! ну что жъ не говоришь?

Тутъ началъ онъ пересчитывать всѣ мои преступленія. Сбравшись съ духомъ, я сталъ оправдываться, сказалъ даже, что жъ за бѣда ходить въ трактиръ? Вѣдь вы сами ходите.

— Видишь ли что,—заговорилъ мнѣ отвѣтчикъ,—я-то богословъ, а ты еще мальчишка. Ну-ка, Василій, возьми его себѣ, да

разложи-ка, а лозу мнѣ дай, сказалъ мой тудоръ и выпустилъ меня изъ своихъ объятій. Увидавши такъ близко опасность, я не подумавши рѣшился на новую глупость. Окно было открыто, изъ него можно было безъ бѣды спуститься на землю; и я бросился туда, но когда уже забрался на подоконникъ, почувствовалъ, что желѣзныя руки схватили меня за ногу и стащали меня на полъ. Тотчасъ приказано было закрыть окно, потомъ опять охватили меня ногами и руками, и началось руганье.

— Вотъ каковъ ты молодець сталъ; бѣжать въ окно! да куда же бы ты убѣжалъ? и пр. Эй, Василій, принеси-ка другую лозу, одной мало будетъ.

Я понялъ, что спасенья не было никакого, принялся плакать, просить прощенья, давать обѣщанія; меня не слушали, а только держали. Наконецъ Васька-котъ пришелъ, и я ему переданъ...

Ударивъ разъ десять или побольше, тудоръ останавливался и говорилъ мнѣ:

— Ну, вотъ это тебѣ за то, что ты не сказалъ мнѣ, что тебя поставили на колѣна въ классѣ. Потомъ:—а это за то, что ты ходилъ въ трактиръ. А вотъ теперь ужъ я съ тобою рассчитаюсь за твое буйство и за памфленіе убѣжать отъ меня. Послѣ этого ужъ остановки не было до самаго конца экзекуціи. Васька-котъ помогъ мнѣ встать на ноги, медленно развязалъ мнѣ руки, я самъ было наклонился, чтобъ подобрать свои инекспрессибли, но отъ этого движенія боль на высѣченныхъ мѣстахъ усилилась, и я вскрикнулъ. Васька-котъ явился къ услугамъ.

— Не нагибайся, не нагибайся, я самъ тебя одѣну.

Долго я лежалъ на кровати, насилу кое-какъ собрался пойти въ свои комнаты, стараясь впрочемъ принять видъ, какъ будто ничего со мною не было; это тѣмъ лучше мнѣ удалось, что я пришелъ уже вечеромъ, когда еще огня не зажигали. Скоро послѣ этого Вихоревъ упросилъ ректора и инспектора, чтобы меня и его обоихъ братьевъ перевести въ его комнату подъ его непосредственный надзоръ. Нѣсколько дней опъ со мною почти не говорилъ ничего. Потомъ, заведя опять меня въ комиссарскую, спросилъ:

— Ну что, г. риторъ, защитило тебя твое риторство отъ лозы? Ахъ ты, дуракъ! Что это тебѣ вздумалось столько глупостей надѣ-

латъ. Заруби себѣ на носъ, что ты для меня тотъ же самый Митя, котораго я сѣкъ, когда онъ былъ въ высшемъ отдѣленіи. И теперь — будешь ты хорошъ, я тебя стану любить по-прежнему; спрочказничаешь что-нибудь, или окажешься неисправнымъ, извини, не спущу, высѣку. Особенно тебѣ больно досталось за то, что ты хотѣлъ убѣждать. Станешь ли впередъ слушаться?

Разумѣется, я отвѣчалъ: буду, непременно буду.

— А вотъ я посмотрю, — ложись-ка, да сначала самъ раздѣнься, самъ, чтобы мнѣ, ничего не поправляя, можно было тебя сѣчь.

— Да за что же меня сѣчь!

— А хочу посмотрѣть, какъ ты меня слушаешься. Вотъ я напишу десять строкъ; если я потомъ увижу, что ты еще не лежишь на полу, какъ надо, то это значитъ, что ты меня не хочешь слушаться; и началъ писать.

Я было сказалъ, что у меня еще не зажило отъ прежняго сѣченья, но услыхалъ: я уже написалъ три строки. Что дѣлать? Постоялъ и сталъ торопливо раздѣваться, чтобы не пропустить срока, думая, авось удовольствуется моею покорностію, и почти не ошибся. Кончивши свои десять строкъ, таторъ съ лозою подошелъ ко мнѣ, постоялъ нѣсколько секундъ, которыя мнѣ впрочемъ показались очень длинными и сказалъ:

— Послушай, что скажу тебѣ, я хотѣлъ узнать, поумнѣлъ ли ты послѣ послѣдней моей бани; кажется, урокъ мой не пропалъ. Смотри, учись и живи хорошо, слушайся меня во всемъ. Боже сохрани тебя, если станешь бунтоваться противъ меня; риторство твое не спасетъ тебя. А теперь лежи смирно, я тебѣ дамъ пять ударовъ.

Даль, разумѣется, я получилъ, хотъ и не росписался, но они были написаны на моемъ тѣлѣ.

И возобновились вполнѣ прежнія мои отношенія къ татору моему. Съ терпѣніемъ и замѣчательнымъ искусствомъ онъ посвящалъ меня въ тайны словесности, разумѣется, по правиламъ тогдашней риторики; о романтизмѣ тогда въ Рязанской семинаріи и не слышали. Давалъ мнѣ свои предложенія для задачекъ, которыя и исправлялъ самымъ тщательнымъ образомъ. А задачики классическія велѣлъ подавать въ томъ видѣ, въ какомъ я самъ ихъ составляю; мнѣ

вѣлно было ихъ показывать уже послѣ того, какъ онѣ разсмотрѣны были профессоромъ. Тутъ, равно какъ и въ томъ случаѣ, если моя задача отдавалась ему, какъ лектору, подвергалась подробному разбору. О недоумѣніяхъ своихъ по всѣмъ совершенно урокамъ я во всякое время имѣлъ право къ нему обращаться и получалъ самыя удовлетворительныя объясненія. Особенно тудоръ мнѣ помогъ своею собственною библіотекою. Еще въ философскомъ классѣ онъ на деньги, занятія имъ у бурмистра г. Рюмина, крестьянина въ приходѣ его отца, купилъ очень много книгъ послѣ смерти бывшаго учителя Рязанской семинаріи Дмитревскаго, автора книги: «Толкованіе или объясненіе литургіи». Въ библіотекѣ преобладала богословская литература, но было не мало и русскихъ книгъ, особенно по исторіи. Вихоревъ умѣлъ пробудить во мнѣ любознательность; я со страстью взялся за книги; а онъ каждую недѣлю спрашивалъ меня о прочитанномъ и много еще прибавлялъ отъ себя. Онъ же доставилъ мнѣ возможность ознакомиться и съ романами Жанлисъ, Радклифъ, Дюпре-де-Меню и пр., давая только совѣты такъ читать, чтобы начальство не замѣчало того. Словомъ сказать, въ этомъ отношеніи я былъ счастливѣе едва-ли не всѣхъ товарищей; ни одинъ изъ нихъ не пользовался такимъ умнымъ и внимательнымъ надзоромъ.

За то тудоръ мой былъ неумолимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда я оказывался неисправнымъ и виновнымъ въ чемъ-либо. За маловажные проступки мнѣ дѣлались болѣе или менѣе строгія замѣчанія; но за важныя (разумѣется, по мнѣнію тудора) неисправности мнѣ непремѣнно грозила лоза или плетки. А при живомъ и шаловливомъ характерѣ я оказывался очень часто виновнымъ. То заиграешься гдѣ-нибудь на дворѣ, или на чердакѣ въ карты и пропустишь чуть не весь классъ, то украдкой перелѣзешь съ товарищами черезъ стѣну и уйдешь куда-либо въ луга погулять, или въ трактиръ выпить чаю и послушать органъ, то въ классѣ напроказничаешь что-либо, то отколотишь какого-либо бурсака, а то любезнаго своего товарища, то побранишься съ философомъ, или огрызнешься богослову и пр. и пр. За преступленіе считалось, если въ латинской задачкѣ оказывалось по одной грамматической ошибкѣ на 10—15 строкъ. Конечно, за такія провинности даже по тогдашнимъ поня-

тіямъ не стоило каждый разъ брать въ руки лозу, но мнѣ уже потачки не было. Притомъ титоръ по-пустому не мараль рукъ; за что бы онъ меня ни сѣкъ, менѣе 20 ударовъ не даваль, — а сколько болѣе того, — его была воля. О бунтовствѣ, какъ мы говорили, я пересталь думать. Смиренно, когда приказывалось, самъ приносилъ на себя лозу, раздѣвался, ложился и пр., только не всегда могъ улежать смирно. Но противъ этого предпринимались рѣшительныя мѣры. Едва-ли въ какое время моего учеья меня сѣкли такъ часто и больно, какъ тогда. И все-таки скажу, что относительно своихъ успѣховъ и хорошаго поведенія въ семинаріи я одолженъ чуть ли не всѣмъ моему титору. За суровое обращеніе не обвиняю его; ему въ Рязанской семинаріи не откуда было узнать, что можно при воспитаніи обойтись безъ розогъ.

Тогда, впрочемъ, я разсуждалъ иначе; были у меня товарищи, которыхъ сѣкли, можетъ быть, еще больнѣе и чаще, нежели меня, но мнѣ это служило плохимъ утѣшеніемъ, и потому я хотѣлъ какъ-нибудь освободиться изъ-подъ надзора Вихорева, хотя съ другой стороны я не могъ не видѣть, что въ научномъ отношеніи онъ мнѣ очень полезенъ. Я даже не разъ слыхалъ отъ многихъ товарищей своихъ:

— Конечно, тебѣ достается больненько отъ твоего Алексѣя Ивановича, но за то какъ хорошо онъ все тебѣ разясняетъ; безъ него ты былъ бы совсѣмъ другимъ и пожалуй свернулся бы съ пути.

Но воля-матушка нравилась и намъ, тогдашнимъ семинаристамъ. Въ концѣ 1825 года я нашель случай освободиться изъ-подъ неволи. Не знаю изъ-за чего произошло какое-то неудовольствіе между моимъ батюшкою и титоромъ; этимъ я воспользовался. Приѣхавъ домой на Святки, я сначала пожаловался на Вихорева своей матушкѣ; мнѣ удалось убѣдить ее, что онъ на меня нападаетъ, наказываетъ Богъ знаетъ за что и ужъ слишкомъ жестоко, что мнѣ житья нѣтъ отъ него, а между тѣмъ мнѣ ничего вовсе не указываетъ, даже бранить и бьетъ, когда я его спрашиваю о чемъ-нибудь и пр. и пр. Надобно сказать, что я, замѣтивъ участіе ко мнѣ въ моей матушкѣ, навралъ ей множество небылицъ, чтобы вполне расположить ее въ свою пользу. Она передала все батюшкѣ, онъ, будучи занятъ своими хлопотами по приходу и благочинію, не

имѣлъ времени хорошенько разобрать мои хитросплетенія. При отъѣздѣ моемъ въ Рязань, я получилъ отъ него дозволеніе перейти съ казеннаго на квартиру, хотя онъ не разъ мнѣ повторялъ: да смотри, ты не обманываешь ли меня; я, разумѣется, увѣрялъ всѣми святыми, что ничего не лгу, надѣясь, что онъ уже болѣе не сойдется съ Вихоревымъ. Въ Рязани я успѣлъ перебраться на квартиру еще прежде возвращенія Вихорева и зажилъ вольнымъ казакомъ. Бывшій мой тудоръ, отыскавъ меня, спросилъ, почему я сошелъ съ казеннаго, и получилъ въ отвѣтъ, что такъ угодно батюшкѣ, но въ то же время въ доказательство своей свободы успѣлъ высказать ему нѣсколько грубостей.

Бывшій мой тудоръ и виду не показавъ, что онъ обижається, а между тѣмъ, какъ послѣ оказалось, онъ черезъ другихъ обстоятельно узнавалъ все, что я дѣлалъ. Я и въ январѣ 1826 года успѣлъ уже понапроказничать и на меня было два раза донесено ужъ инспектору, и если бы Вихоревъ не вступился за меня, чего впрочемъ я не зналъ, то меня бы, пожалуй, и инспекторъ высѣкъ, но я приписалъ свою ненаказанность милости инспектора и даже вниманію къ моимъ успѣхамъ. Въ концѣ января батюшка пріѣхалъ въ Рязань съ отчетами по благочинію и къ моей бѣдѣ объяснился и вполне помирился съ Вихоревымъ, который отъ него узналъ обо всемъ, что я на него наговорилъ и правды и неправды. Батюшка хотѣлъ было опять перевести меня на казенное, но Вихоревъ отсовѣтовалъ это, потому что въ такомъ случаѣ инспекторъ слишкомъ дурное понятіе обо мнѣ составить. А вмѣсто того обѣщався слѣдить за мною и на квартирѣ при помощи старшаго квартирнаго и стоявшаго со мною философа Любомудрова, о которомъ я буду послѣ говорить. Отъѣзжая 29-го января изъ Рязани, батюшка при Вихоревѣ далъ мнѣ хорошій нагоняй и велѣлъ опять по-прежнему быть покорнѣйшимъ подчиненнымъ его, чѣмъ послѣдній и не преминулъ тотчасъ воспользоваться.

Я и Александръ Миртовъ, мой соквартирантъ, поссорившись съ двумя училищными мальчиками — низшаго отдѣленія, поколотили ихъ. За нихъ вступился Любомудровъ и сказалъ о томъ квартирному старшему, а тотъ Вихореву, который упросилъ его не доносить о томъ инспектору, надѣясь уже самъ со мною разсчитаться.

30-го января, въ праздникъ Трехъ Святителей, квартирный старшій вмѣстѣ съ моимъ таторомъ пришли къ намъ на квартиру разобрать жалобу побитыхъ нами мальчиковъ. Дѣло было ясное. Чтобы не доводить дѣла до инспектора, мальчикамъ предложили, чтобы они сами насъ высѣкли; это имъ очень понравилось, и они сами побѣждали вырѣзать въ саду лозу. Намъ, конечно, было обидно, что насъ станутъ сѣчь мальчишки, но съ другой стороны мы знали, что въ семинаріи служители по приказанію инспектора сѣкутъ ужасно больно, и потому протестовать противъ приговора не рѣшились. Мальчики были добренькіе. Миртова каждый изъ нихъ ударилъ разъ по 15, но ко мнѣ были еще снисходительнѣе, не ударили и по 10 разъ; притомъ удары ихъ были слабы; тутъ мы дешево раздѣлались. Но мнѣ предстояла другая расправа.

На другой день, въ воскресенье, таторъ приказалъ мнѣ явиться къ нему послѣ обѣда. Узнавши, что онъ въ комиссарской, я отправился туда со страхомъ и трепетомъ, но вмѣстѣ и съ надеждою, авось не станутъ вспоминать моихъ старыхъ грѣховъ. Нѣсколько минутъ я простоялъ у дверей комиссарской, не рѣшаясь войти въ эту грозную комнату, отъ которой я уже нѣсколько недѣль считалъ себя свободнымъ. Возшелъ и сталъ передъ грознымъ своимъ судьбою.

— Садись-ка пока, сказали мнѣ.

Замѣтивъ, что я въ тулупѣ и подпоясанъ кушакомъ, таторъ прибавилъ:

— Здѣсь тепло, скинь тулупъ, а то вспотѣешь.

Я раздѣлся и сѣлъ. Наконецъ таторъ кончилъ свое писанье и, уходя вонъ, обѣщался сейчасъ возвратиться. Этимъ промежуткомъ я воспользовался, чтобы заглянуть подъ тюфякъ, не лежитъ ли подъ нимъ, какъ бывало прежде, лоза; ея не было; ея не было только подъ ногами, но подъ головами не сталъ и смотрѣть, потому что туда лозу не клали. Отъ сердца отлегло, но я побаивался, не принесетъ ли онъ гостинца съ собою. Очень скоро возвратился и самъ изнутри заперъ входяюю дверь; это заставило меня вздрогнуть; возшелъ въ комнату, но безъ лозы; онъ сѣлъ на кровать и позвалъ меня къ себѣ. Замѣтивъ, что я въ панталонахъ, онъ похлопалъ рукою по задней части ихъ, сказавъ:

*

— Вотъ это напрасно надѣль, лишнія хлопоты будутъ.

Потомъ, сильно придвинувъ меня къ себѣ, поставилъ между ногъ, охватилъ меня ими и рукою; тутъ ужъ я не сомнѣвался, что мнѣ предстоитъ порка.

— Ну, скажи-ка мнѣ, заговорилъ онъ,—когда я тебя сѣкъ ни за что, ни про что, когда я на тебя нападалъ напрасно? Особенно, когда я билъ за то, что ты спрашивалъ меня о чемъ-нибудь? Ну, говори, когда? Ахъ, ты безсовѣстный лгунишка!

Изъ-за послѣдняго обвиненія и мнѣ стало стыдно; отъ этого ли, или отъ страха у меня на глазахъ явилась слеза. ТUTORЬ, замѣтивъ это, сказалъ:

— Вѣдь вотъ самому стыдно!

Послѣ сталъ онъ мнѣ высчитывать все, что я дѣлалъ на квартирѣ; тутъ я только узналъ, отчего ко мнѣ инспекторъ оказался милостивымъ. Долго продолжалась проповѣдь; къ концу ея я почувствовалъ, какъ руки тУТОРА начали, не торопясь, снимать мои панталоны и инекспрессиблы; вскорѣ тѣ и другія держались только на сапогахъ, а рубаха поднята была на плечи, и я стоялъ почти весь обнаженный. Тогда тУТОРЬ наклонился къ передней части постели и оттуда изъ-подъ тюфяка вытащилъ пару отличныхъ лозъ. Я уже приготовился къ наказанію, но, взглянувъ на лозы, сдѣлалъ движеніе назадъ и вырвался изъ ногъ Вихорева. Бѣжать я вовсе не думалъ и не могъ, весь почти обнаженный; движеніе это было безсознательнымъ, невольнымъ, да и мгновеннымъ, я тутъ же оставился. Но тУТОРЬ, кажется, понялъ иначе, закричавъ:

— А! ты опять хочешь бѣжать, разбудилъ комиссара и пригласилъ его помочь расправиться со мною.

Въ то время, какъ я оправдывался въ своемъ невольномъ движеніи, меня подтащили къ скамьѣ, связали руки, положили меня на нее и ноги мои привязали къ ней моимъ же кушакомъ, а на плечи усѣлся комиссаръ. Послѣдовавшее наказаніе было для меня тѣмъ невыносимѣе, что это продолжалось безъ остановки, пока обѣ лозы обломались, или пока тУТОРЬ не счелъ его достаточнымъ. Послѣ такого наказанія мнѣ опять пришлось сдѣлаться покорнѣйшимъ подчиненнымъ тУТОРА и забыть о своей волошкѣ-матушкѣ; о сопротивленіи нечего было и думать, оно обошлось мнѣ слишкомъ

чувствительно. ТUTORЬ сдѣлался ко мнѣ строже и взыскательнѣе прежняго; я долженъ былъ являться къ нему ежедневно и давать отчетъ въ своихъ занятіяхъ; да и самъ онъ часто и неожиданно приходилъ ко мнѣ на квартиру; сверхъ того, чрезъ квартирнаго старшаго зналъ о малѣйшихъ подробностяхъ моего житья-бытья. И въ случаѣ неисправностей—конечно, не всѣхъ, но тѣхъ, которыя онъ находилъ важными, лоза или плетка поучали меня, какъ мнѣ слѣдовало жить и учиться.

Время шло, и нашъ двухгодичный риторическій курсъ оканчивался; приблизились экзамены для перехода нашего въ философское или въ среднее отдѣленіе семинаріи. Но мнѣ, на такъ называемыхъ частныхъ экзаменахъ, не удалось присутствовать. Въ самомъ началѣ ихъ я заболѣлъ сильною горячкою. Тутъ мой тUTORЬ помогъ мнѣ, какъ нельзя лучше, перевезъ меня въ семинарскую больницу и ухаживалъ съ братьями своими за мною самымъ внимательнымъ образомъ; то же самое дѣлали подлѣкаръ и помощникъ его; даже по его милости и докторъ обращалъ на меня больше вниманія, нежели на другихъ больныхъ. Не будь всего этого и, значить, не будь у меня тУТОРА, мнѣ быть бы тогда на томъ свѣтѣ. Къ публичному экзамену я выздоровѣлъ и, хоть еще нѣсколько слабый, вышелъ на него и былъ спрошенъ. Впрочемъ, по тогдашнимъ обычаямъ, меня бы и безъ того перевели въ философію на основаніи однихъ списковъ наставниковъ. Такимъ образомъ и я сдѣлался философомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки М. Я. Ольшевскаго.

Навназь съ 1841 по 1866 годъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

IX ¹⁾.

Пребываніе Александропольскаго отряда въ Азіатской Турціи послѣ сраженія подъ Кюрюкдара.—Очеркъ дѣйствій Эриванскаго, Ахалцыхскаго и Гурійскаго отрядовъ.

Когда Александропольскій отрядъ исполнилъ совѣстливо свой долгъ по предавію землѣ убитыхъ, какъ своихъ, такъ и турокъ, на что, по огромному числу послѣднихъ, потребовалось не менѣе пяти дней, то оны оставилъ, прославленную боемъ Кюрюкдарскую позицію, послѣ 40 дневнаго на ней пребыванія.

Однако движеніе нашего отряда было не впередъ, какъ бы слѣдовало предполагать, а назадъ. Сначала оны двигается черезъ Пирвали къ Ахъ-Узюму, гдѣ, простоявъ до 15-го августа, переходитъ къ Ахъ-Булаху. Послѣ мѣсячной лагерной стоянки на этомъ пунктѣ, передвигается къ Гюллю-Булаху, откуда въ концѣ октября переходитъ на Арпачай къ разоренному селенію Кара-Клисъ. Наконецъ 29-го ноября въ день годовщины Башкадыкларскаго сраженія, послѣ благодарственнаго молебствія, войска распускаются на зимовья квартиры.

Во время расположенія у Ахъ-Булаха, отрядъ былъ порадованъ перредовыми высокими наградами, въ лицѣ главныхъ героевъ Кюрюкдарскаго сраженія, привезенныхъ фельдъегеремъ изъ Петербурга. Князю Бебутову былъ пожалованъ царемъ, умѣвшимъ цѣнить и награждать заслуги, орденъ Св. Андрея Первозваннаго—небывалая награда въ чи-

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1894 г., июль

нѣ генераль-лейтенанта и притомъ минуя Владиміра 1-й степени. Генераль-адъютантъ князь Барятинскій и генераль-лейтенантъ Бриммеръ удостоились Св. Георгія 3-й степени. Нижнимъ чинамъ на каждую роту, батарею, эскадронъ и сотню было привезено по четыре знака отличія военнаго ордена.

Перемѣщеніе Александропольскаго отряда съ одной лагерной стоянки на другую происходило единственно по той причинѣ, чтобы предоставить болѣе удобствъ въ хозяйственномъ отношеніи. Гдѣ было болѣе травы и неразоренныхъ селеній, изъ домовъ которыхъ можно было добывать топливо, въ особенности въ концѣ октября и въ ноябрѣ, когда наступили холода, тамъ долѣе и оставался отрядъ.

Руководствоваться же стратегическими соображеніями не было никакой надобности, потому что намъ было извѣстно, что турки послѣ пораженія подъ Кюрюкдара ни о чемъ другомъ не думали, какъ о приведеніи въ самое лучшее и надежное состояніе крѣпости Карса. Притомъ положительно было извѣстно, что Карсскій корпусъ страдаетъ не только въ матеріальномъ отношеніи отъ убыли силъ вслѣдствіе пораженія, но что онъ нравственно распадается, отъ болѣзни страха, о которой я здѣсь кстати и намѣренъ поговорить.

Между жителями сѣвера не существуетъ ни тѣхъ понятій, ни тѣхъ послѣдствій, которыя порождаетъ страхъ между жителями юга и востока. Происходитъ ли это отъ климатическихъ или другихъ причинъ,—не берусь разсуждать. Если житель сѣвера струсить во время боя, или панической страхъ овладѣетъ массою войскъ, то пройдетъ часъ, день или болѣе, и онъ готовъ опять драться, или по крайней мѣрѣ остается здоровъ.

На югъ же и на востокъ страхъ имѣетъ гораздо большія и продолжительныя послѣдствія. Весь организмъ человѣка дотого поражается ужасомъ и ослабѣваетъ, что онъ впадаетъ въ болѣзнь и по нѣсколькимъ мѣсяцевъ не можетъ ходить и дѣлать что-нибудь сознательно. Говорятъ, что чувство ужаса выражается еще другимъ особеннымъ явленіемъ: лопаются нижняя губа, и изъ нея такъ сильно течетъ кровь, что ее трудно остановить.

Внутреннія волненія и физическія страданія организма бывають у всѣхъ народовъ, и въ разныхъ климатахъ, но можетъ быть жители юга по своей организаціи подвержены большимъ волненіямъ и сильнѣйшимъ впечатлѣніямъ, можетъ быть и кожа у нихъ нѣжнѣе.

Вотъ что мнѣ говорилъ одинъ милиціонеръ послѣ Башкадыкларскаго сраженія:

— Нѣтъ больше турка. Онъ весь будетъ боленъ—прибавилъ онъ, радостно улыбаясь.

— Да кто раненъ, тотъ и будетъ боленъ.

— Много здоровой будетъ боленъ, будетъ лежать; вотъ здѣсь будетъ боленъ, — сказалъ онъ, громко смѣясь и показывая на животъ.

И дѣйствительно, въ Карсскомъ корпусѣ, какъ послѣ Башкадыклара, такъ и Кюрюкдарской битвы между солдатами главная болѣзнь была разстройство желудка и общій упадокъ силъ, дѣлающихъ ихъ неспособными на къ какому физическому труду въ продолженіе значительнаго времени. Между разбѣжавшимися башибузуками болѣзнь страха дѣйствовала еще сильнѣе, нежели между низамомъ Карскаго горнизона.

Курды же не только Карскаго, но Баязетскаго и Ванскаго пашалыковъ положительно отказывались драться противъ насъ, а въ декабрѣ вспыхнуло въ Большомъ Курдистанѣ явное возмущеніе курдовъ, подъ предводительствомъ Эзданшира, одного изъ вліятельныхъ старшинъ.

Для усмиренія этого возстанія необходимы были для турецкаго правительства войска, которыя и были двинуты туда изъ Эрзерума, Баязета и даже изъ Карса.

Притомъ большіе беспорядки и безначаліе существовали въ Карсскомъ корпусѣ въ административномъ отношеніи. Зарифъ Мустыфа былъ смѣненъ, а новый муширь еще не прибылъ. Гюйонъ, Кмети, Быстровскій и другіе ренегаты, поддерживавшіе между турками до нѣкоторой степени дисциплину и порядокъ, какъ обвиняемые въ неудачахъ сраженія подъ Кюрюкдара, послѣшили по-добру-по-здорову убраться изъ Анатолійской арміи. Но взамѣнъ ихъ прибылъ Вилліамъ съ нѣсколькими англійскими офицерами, который и принялъ въ свое управленіе Карсъ съ гарнизономъ.

Поэтому войска Александропольскаго отряда, какъ во время своихъ прогудокъ по Карсскому пашалыку, такъ по расположеніи своемъ на зимнихъ квартирахъ, были вполне увѣрены, что они не могутъ быть безпокоимы неприятелемъ. Этого тѣмъ болѣе нельзя было ожидать съ наступленіемъ морозовъ и съ покрытіемъ земли толстымъ слоемъ снѣга. Несмотря на это, спокойная зимняя стоянка по армянскимъ селеніямъ, по которымъ преимущественно былъ расположенъ Александропольскій корпусъ, болно не нравилась и приходилась не по нутру нашимъ солдатамъ. И вотъ какъ они между собой о такой стоянкѣ разсуждали.

— Что-за жисть у этихъ нехристей-армянъ, сидишь въ буйволятникахъ, а изъ полушубка не выходишь, а зубы стучать отъ холода точно на часахъ.

— Вотъ Духоборскія или Молоканскія избы ништо, въ нихъ тепло и на печи можно поваляться и поспать.

— Въ армянскихъ же буйволятникахъ вмѣсто печи небольшая грубка, въ которой не дрова, а кизякъ горить.

— Воняетъ и отъ кизяка, и отъ скотины, которая живетъ вмѣстѣ подъ одной крышей съ человѣкомъ.

Но если жизнь въ армянской сторонѣ въ дѣйствительности была такъ неудобна и такъ больно не нравилась нашимъ солдатамъ, то нельзя этого сказать о пребываніи нашемъ въ Александрополь. Жизнь наша въ немъ началась съ прошлогодними удовольствіями. Только для меня было болѣе празднаго времени, чтобы играть въ карты и волочиться.

Наконецъ получились ожидаемыя награды. Изъ лицъ, удостоившихся Св. Георгія 4-й степени, только поименую: генераль-маіора Кишинскаго, полковниковъ: Ганецкаго, князя Дундукова-Корсакова, Скобелева, Воронкова и Брискорна, а также капитана Григорьева. Въ генераль-маіоры вмѣстѣ со мною были произведены: Назимовъ ¹⁾, Куколевскій, Шонертъ ²⁾ и Невѣровскій. Начались пиры. Отпраздновалъ и я свой генеральскій чинъ, который получилъ, бывши полковникомъ съ небольшимъ годъ. Награда огромная и рѣдкая. Нужно было обмундироваться, а потому я отправился въ Тифлисъ, что безрѣшительно могъ исполнить потому, что Бѣлевскій полкъ былъ переданъ мною выздорѣвшему настоящему полковому командиру.

Для полноты моего разсказа мнѣ остается очертить, что дѣлалось въ прочихъ дѣйствующихъ отрядахъ въ Турціи и на границѣ.

Начну съ Эриванскаго отряда, какъ ближайшаго и болѣе оказавшаго пользы; при содѣйствіи Александропольскому отряду.

Этотъ отрядъ, находящійся подъ начальствомъ генераль-лейтенанта барона фонъ Врангеля и состоящій изъ 5^{1/2} баталіоновъ, 6 сотенъ казакъ, 8 сотенъ милиціи и 12 орудій, перейдя хребетъ Агридагъ, 17-го іюля, послѣ продолжительнаго и утомительнаго похода, разбиваетъ на границѣ непріятеля.

Встрѣча произошла съ турками, бывшими подъ начальствомъ Селма-паши на высотахъ, окружающихъ озеро Жанъ-гель или по курдскому произношенію Чангиль. Бой былъ хотя непродолжительный, но кровопролитный и неравный. Съ нашей стороны участвовало въ немъ не болѣе 2 тыс. штыковъ и 1.200 сабель, тогда какъ турокъ было до 20 тыс. низама, курдовъ и башибузукъ.

Предъ сраженіемъ Эриванскій отрядъ былъ построенъ такимъ образомъ: въ 1-й линіи 5-ые баталіоны Тифлискаго и Мингрельскаго полковъ съ легкой № 7 батареей; въ 2-й линіи первые баталіоны Мингрельскаго и Ширванскаго полковъ; резервъ составляли 2-й Ширванской баталіонъ съ дивизиономъ артиллеріи. Кавалерія, состоящая изъ донскихъ казакъ и милиціи, находилась по флангамъ пѣхоты.

Послѣ непродолжительнаго отдыха, необходимаго для утомленныхъ нашихъ войскъ, произведено было наступленіе противъ непріятельскаго

¹⁾ Командиръ 18-й артиллерійской бригады.

²⁾ Старшій штабъ-офицеръ Новороссійскаго драгунскаго полка.

центра по дорогѣ, пролегающей между горами. Несмотря на большую потерю въ людяхъ отъ сильнаго артиллерійскаго огня съ фронта и ружейнаго—съ высотъ, между которыми нужно было проходить нашей пѣхотѣ съ артиллеріей, атака была столь стремительна, а ударъ въ штыки столь рѣшителенъ, что баталіоны непріятельскаго центра не устояли и побѣжали. А съ пораженіемъ турецкой пѣхоты обратилась въ бѣгство и кавалерія, столь сильно поражавшая своимъ огнемъ не только наши фланги, но и угрожавшая тылу.

Побѣда на Чингильскихъ высотахъ была полная. Въ рукахъ Эриванскаго отряда остались 4 орудія, 23 знамени и значка, 400 человѣкъ плѣнныхъ и множество разнаго оружія. Поле сраженія и путь преслѣдованія къ Кара-Булаху на протяженіи 3-хъ верстъ былъ усыянъ трупами убитыхъ и ранеными турками. Главная же болѣе блестящая сторона побѣды состояла въ томъ, что непріятель не только былъ разбитъ, а совершенно разсѣянъ.

Однако и Эриванскому отряду эта побѣда обошлась не дешево, судя по своей числительности. Свыше 400 было убитыхъ и раненыхъ и до 300 человѣкъ пропавшихъ безъ вѣсти, къ числу которыхъ исключительно принадлежали милиціонеры.

Чингильская побѣда, обезпечивъ отъ внутренней и внѣшней опасности Эриванскую губернію, открыла намъ на значительное пространство турецкія области, чѣмъ съ успѣхомъ и пользуется Эриванскій отрядъ.

Онъ снова ищетъ встрѣчи съ непріятелемъ и сначала двигается къ Сурбъ-Оганесу и далѣе по долинѣ Ефрата, а впослѣдствіи производитъ наступательныя движенія за Алладагъ по направленію къ Вану; но нигдѣ не встрѣчаетъ непріятеля. Между тѣмъ по рассказамъ лазутчиковъ Селимъ-паша, командуя вновь сформированнымъ Ванскимъ корпусомъ, храбрится, пока русскіе далеко; но по мѣрѣ сближенія съ нами теряется и отступаетъ.

Движенія Эриванскаго отряда въ долину Ефрата и къ Вану были полезны въ томъ отношеніи, что черезъ это держались въ повиновеніи какъ ближайшіе, такъ и отдаленные курды. Страхъ, внушенный присутствіемъ нашихъ войскъ, болѣе на нихъ дѣйствовалъ, нежели покупъ деньгами и подарками.

Чтобы дѣйствовать противъ нихъ успѣшно, достаточна сила оружія, соединенная съ нашей властію и справедливостію. Можетъ быть, такого рода дѣйствія Эриванскаго отряда побудили къ возстанію Большаго Курдистана подъ начальствомъ Эзданшира. Притомъ этотъ отрядъ, дѣйствуя на главномъ караванномъ сообщеніи Эрзерума, могъ сильно вліять на торговые дѣла Персіи съ Турціей, а пожалуй и всего Востока,—о чемъ въ прошлую кампанію не разъ возбуждалась самая дѣятельная переписка.

Изъ всего этого слѣдуетъ вывести то заключеніе, что чѣмъ Эриванскій отрядъ будетъ самостоятельнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, тѣмъ будетъ это полезнѣе для общаго хода дѣлъ. Мысль моя объ этомъ болѣе опредѣлительно выражена въ 4-й главѣ этой части, при общемъ обзорѣ военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи.

Ахалцыхскій отрядъ, состоящій подъ начальствомъ генерал-лейтенанта Ковалевскаго и почти равняющійся силой Эриванскому отряду, не отличался уже тою дѣятельностію, какъ этотъ послѣдній.

Совершивъ въ концѣ мая движеніе въ Аджарію, для наказанія жителей этой горной страны за хищничества и разбои въ нашихъ предѣлахъ, генералъ Ковалевскій ограничивался наступательными движеніями на самое незначительное разстояніе по направленію къ Ардагану. Непрiятель, дѣйствовавшій противъ Ахалцыхскаго отряда, былъ не великъ числомъ и состоялъ преимущественно изъ башибузукъ и редифа или пѣшаго ополченія; а потому для нашихъ наступательныхъ дѣйствій, кромѣ трудности дороги, не встрѣчалось препятствій: Но генералъ Ковалевскій, не получа приказаній дѣйствовать наступательно, — самъ не добивался этого. Въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ въ продолженіе всего года происходили небольшія хищничества и разбои, производимые преимущественно аджарцами. Даже Боржомское ущелье было небезопасно отъ нихъ.

Гурійскій отрядъ находился въ самомъ неблагопріятномъ положеніи сравнительно съ другими отрядами, дѣйствующими на турецкой границѣ. Его войскамъ угрожала опасность не только отъ непрiятеля со стороны Батума и Кабулетъ, а равно съ моря, наполненнаго англо-французскими и турецкими судами, но и отъ тѣхъ миазмовъ, которые гнѣздяся въ болотахъ, образуемыхъ Риономъ и рѣками, въ него впадающими. Притомъ продовольствіе людей и лошадей было сравнительно затруднительнѣе, по причинѣ дурнаго состоянія дорогъ и малаго числа покосныхъ и пастбищныхъ мѣстъ.

Въ Гуріи и Мингреліи, считая въ томъ числѣ гарнизоны Редута и Поты, до мая находилось 11 баталіоновъ, 5 сотенъ казаковъ, 16 орудій и болѣе 40 сотенъ милиціи. Съ прибытіемъ туда баталіона куринцевъ изъ Александрополя, двухъ баталіоновъ бѣлостокцевъ изъ Ахалцыха и 3 черноморскихъ баталіоновъ съ 4 орудіями изъ Сухума и другихъ абхазскихъ укрѣпленій, оставленныхъ нами, хотя силы значительно увеличились, но положеніе края не улучшилось.

Гурія и Мингрелія были постоянно тревожимы то со стороны Кабулетскаго санджака, то со стороны моря. Даже зимою, когда послѣ сраженій подъ Башкадыкларомъ и Ахалцыхомъ на всей турецкой границѣ было покойно, въ Гуріи происходили частыя тревоги и пере-

стрѣлки,—и доходило до такихъ дѣлъ, какъ въ январѣ мѣсяцѣ у Чухатскаго моста.

Этотъ край не успокоился даже и послѣ пораженія турокъ 27-го мая на Негоитскихъ высотахъ и совершеннаго разбитія 4-го июня главныхъ непріятельскихъ силъ, подъ начальствомъ Селима-паши, въ укрѣпленномъ лагерѣ на Чолокѣ.

Счастливымъ побѣдителемъ турокъ здѣсь, какъ въ прошломъ году подъ Сулисомъ, былъ тотъ же тифлисскій военный губернаторъ князь Андрониковъ, который былъ командующимъ Гурійскимъ и Ахалцхскимъ отрядами, или, правильнѣе сказать, былъ начальникомъ войскъ въ Гуріи, Мингрелии, Имеретіи и Ахалцхскомъ уѣздѣ.

Вотъ нѣкоторыя подробности Чолокскаго сраженія и предшествовавшихъ ему обстоятельствъ.

Селимъ-паша, пользуясь не столько малочисленностію, сколько разобщеннымъ положеніемъ нашихъ войскъ, по причинѣ сильнаго разлитія рѣкъ и испорченности дорогъ, со всѣмъ своимъ корпусомъ вторгается изъ Кабулетскаго санджака въ Гурію и, занявъ уѣздный городъ Озургеты, двигаетъ нѣсколько тысячъ впередъ на селеніе Лачхуты. Но этотъ непріятельскій отрядъ, встрѣтившись на Негоитскихъ высотахъ съ нашими войсками, бывшими подъ начальствомъ подполковника князя Эристова, претерпѣваетъ пораженіе и разсѣивается.

Селимъ-паша, озадаченный разбитіемъ своего авангарда и получивъ свѣдѣніе о наступленіи съ главными силами князя Андроникова, съ поспѣшностію и въ безпорядкѣ оставляетъ Озургеты и занимаетъ укрѣпленную позицію за Чолокомъ. Подъ его начальствомъ находилось 20 баталіоновъ пѣхоты при 12 орудіяхъ и 14 тысячъ кавалеріи и милиціи.

Наши войска атакуютъ непріятеля въ слѣдующемъ порядкѣ:

На правомъ нашемъ флангѣ, гдѣ происходилъ самый упорный и кровавый бой, дѣйствуютъ подъ начальствомъ генералъ-маіоровъ Майдеа и Бруннера: два баталіона куринцевъ, Литовскій полкъ и два баталіона брестцевъ съ горной № 1 батареей кавказской гренадерской бригады.

Противъ центра непріятельской позиціи дѣйствуетъ подъ прикрытіемъ одного баталіона Бѣлостокскаго полка легкая № 1 батарея 13-й артиллерійской бригады. Въ нѣкоторомъ разстояніи за этой батареей находится резервъ, состоящій изъ двухъ баталіоновъ брестцевъ и двухъ горныхъ орудій, введенный въ бой при концѣ сраженія. Тутъ же сосредоточена была Гурійская и Имеретинская конная милиція, оказавшаяся особенно полезною во время преслѣдованія разбитаго непріятеля.

На нашемъ лѣвомъ флангѣ дѣйствовала одна только пѣшая Гурійская милиція. Она первая была послана въ атаку съ цѣлю отвлеченія вниманія непріятеля отъ лѣваго фланга, на который готовилось глав-

ное нападеніе, — что и вполнѣ было достигнуто, потому что, съ пораженіемъ непріятельскаго лѣваго фланга, послѣдовало общее бѣгство турокъ.

Три укрѣпленныхъ лагеря со всѣмъ имуществомъ, 13 орудій, 35 знаменъ и значковъ, а также множество разнаго оружія, — были трофеями побѣдителей.

Несмотря на такую рѣшительную побѣду, Гурія съ Мингреліей не долго оставались въ покоѣ. Съ сентября начались безпокойства какъ отъ аджарцевъ и кабулетцевъ, такъ и со стороны абхазцевъ, волнуемыхъ турецкими эмиссарами и сопредѣленными съ ними горами.

А тутъ примѣшивалась огромная болѣзненность въ войскахъ, что происходило отъ держанія ихъ на мѣстности гнилой, болотистой и переполненной миазмами, тогда какъ беречь эту мѣстность не было никакой надобности и пользы. Съ объявленіемъ войны туркамъ, мы должны были тотчасъ оставить болотистыя прибрежья Чернаго моря и сосредоточить наши силы, если не на Цхенись-Цхале, то не далѣе Тихура.

Между тѣмъ мы не исполнили этого не только въ 1854 году, когда, съ появленіемъ англо-французскаго флота на Черномъ морѣ, утратилось всякое значеніе этого моря для насъ, но ошибочно дѣйствовали въ 1855 году, въ особенности со времени высадки Омера-паша.

Вмѣсто того, чтобы пѣхоту съ артиллеріей Гурійскаго отряда держать сосредоточенно, если не за Цхенись-Цхале, то не далѣе Тихура, она распредѣляется такимъ образомъ: 4 баталіона въ 6 орудіями въ Гуріи на Чахатаурскихъ высотахъ; 2¹/₂ баталіона съ 2 орудіями охраняютъ пути изъ Редуть-Кале; 11 баталіоновъ, и при томъ слабыхъ, располагаются по частямъ по лѣвому берегу Ингура.

Отъ такого раздробленія нашихъ главныхъ силъ произошло то, что мы, не удержавъ непріятеля на Ингурѣ, съ огромной потерей въ людяхъ должны были снѣшиться за Цхенись-Цхале на пунктъ общаго соединенія, бросая и сжигая наши продовольственные и военные запасы и только благодаря разлитію рѣкъ и испорченности дорогъ отъ дождей, начавшихся съ первой половины ноября, были спасены отъ совершеннаго пораженія.

Между тѣмъ если бы начальникъ Гурійскаго отряда, предоставивъ защиту Гуріи и Мингреліи народному ополченію съ прибавленіемъ Имеретинской и другихъ милицій, а съ регулярной пѣхотой и артиллеріей ждалъ бы въ совокупности за Цхенись-Цхале или Тихуромъ, то безъ сомнѣнія Омеръ-паша съ своимъ корпусомъ не вышелъ бы изъ болотъ Мингреліи, погибнувъ въ ней отъ голода, пуль и штыковъ. Тогда и нашимъ войскамъ не пришлось бы по причинѣ уничтоженія магазиновъ нуждаться въ продовольствіи и пріобрѣтать хлѣбъ по неслыханно дорогимъ цѣнамъ.

Надѣюсь, что въ будущемъ мы будемъ болѣе осмотрительны въ нашихъ дѣйствіяхъ въ Гуріи и Мингреліи, и что система веденія тамъ войны будетъ сообразна съ мѣстностію, хотя бы на примѣръ подходящею подь очеркъ, изложенный мною въ 4-й главѣ этой части.

Стараться нужно избѣгать назначенія главныхъ начальниковъ изъ туземцевъ, то-есть грузинъ, имеретинъ, гурійцевъ, которые ради дружбы, родства можетъ быть и ради другихъ причинъ, а можетъ быть и безнамяренно, будутъ дѣйствовать во вредъ общей пользѣ.

X.

Александрополь и Карсская область въ 1856 году.

Встрѣтивъ по-братски Новый годъ въ селеніи Кара-Клнсь, у командира Тверскаго драгунскаго полка, полковника Тихоцкаго, моего стараго знакомаго, я, по прибытіи въ Александрополь, остановился въ томъ домѣ, гдѣ жилъ князь Бебутовъ.

Кажется, въ городѣ и крѣпости не произошло переменъ. Тотъ же огромный снѣгъ и сильные морозы, которые были и въ зимы 1853 и 1854 годовъ; кажется, тѣ же знакомыя лица, только все живеть скромнѣе, выглядываетъ мрачнѣе.

Отправился на ближайшія возвышенія, чтобы посмотреть на Арпачай—и тамъ оставалось все безъ измѣненія. Дошелъ до «Холма Чести», названнаго такъ послѣ Башкадыкларскаго сраженія, потому что тутъ хоронились всѣ, павшіе на полѣ брани, офицеры, и тѣ же тѣхія могилы покрывали его; только число крестовъ и памятниковъ значительно увеличилось. Миръ праху вашему, доблестные воины. Да не коснется стопа врага вашего мирнаго жилища.

На третій сутки послѣ моего приѣзда въ Александрополь, я отправился въ Карсъ. Путь былъ санный и пролегалъ, до горы Игны, по мѣстамъ знакомымъ и нашей славы. Въ Пирвали, Хадживали и Визанкевъ были этапные пункты и переменялись лошади. Снѣгу было достаточно, и онъ хрустѣлъ подь полозьями отъ мороза свыше 15 градусовъ. Дорога была гладкая, и только между Визанкевомъ и Карсомъ, на разстояніи семнадцати верстъ, по причинѣ каменистаго грунта, неровная.

Карсъ лежитъ на возвышенномъ правомъ берегу Карскаго, текущаго здѣсь въ скалистыхъ, высокихъ берегахъ. Эта крѣпость окружена высокою, каменною зубчатою съ башнями стѣною, и въ нее иначе нельзя вѣхать, какъ черезъ сводчатыя ворота. Улицы узкія, кривыя,

грязныя, обставленныя большею частью каменными, двухъ-этажными домиками, съ нависшими надъ вами балконами, съ которыхъ васъ подчасъ и обольютъ разною нечистотою. Нужно было сдѣлать болѣе двухъ десятковъ поворотовъ, пока я добрался до дома, въ которомъ жилъ начальникъ области, полковникъ Лорисъ-Меликовъ.

Въ нижнемъ этажѣ были конюшни или, какъ называли ихъ наши солдаты—«буйволятники», наполненные лошадьми Лорисъ-Меликова, казачьими и милиціонерскими, составляющими его конвой. Чтобы добраться до втораго этажа, нужно было подняться по крутой, узкой лѣстницѣ. Чтобы дойти до жилыхъ комнатъ, въ которыхъ помѣщался правитель области, нужно было пройти нѣсколько холодныхъ, темныхъ дорбазовъ, въ родѣ нашихъ сѣней.

Да и комнаты, занимаемыя правителемъ области, не могли считаться теплыми, свѣтлыми, красивыми. Онѣ были безъ печей, низки, съ высокими порогами, безобразными камнями, съ неровнымъ и дырявымъ поломъ. Огня въ нихъ были тусклы, малы, разной формы и величины; будучи же обращены на небольшіе дворы, застроенные другими постройками, пропускали черезъ себя мало свѣта. А такъ какъ домъ, занимаемый Лорисъ-Меликовымъ, безъ сомнѣнія принадлежалъ къ лучшимъ домамъ Карса, то можете судить объ остальныхъ строенияхъ этого города. А вѣдь въ Карсѣ сосредоточивалось не только военное управленіе столь важною пограничною крѣпостью, но и администрація всего Карскаго пашалыка... При этомъ нужно взять во вниманіе, что въ Карсѣ совершалась значительная торговая дѣятельность.

Отвѣсная скала, въ сажень 10—15 высотой, верхняя плоскость которой, имѣющая съ четверть квадратной версты пространства, увѣчанная стѣною съ казематированными пороховыми погребами, казармами, батареями, вооруженными орудіями, составляла Карскую цитадель. Выходить и вѣзжать верхомъ на эту скалу можно только съ одной южной стороны, да съ противоположной, по каменнымъ ступенямъ, можно спускаться къ Карсчаю за водою.

Цитадель, какъ равно и городъ, окружены высотами: съ сѣверо-востока находящимися по правую сторону Карсчая—Карадагскими; съ сѣверо-запада—возвышающимися по лѣвую сторону этой рѣки Чакмахскими; съ запада или отъ Саганлугскаго хребта—Шарахскими. Всѣ эти высоты сравнительно ниже той скалы, на которой построена цитадель; но Карадахскія высоты выше Чакмахскихъ и Шарахскихъ.

До взятія Карса эти высоты были укрѣплены сильныхъ профилей редутами, люнетами и другими отдѣльными, сомкнутыми укрѣпленіями и были вооружены въ совокупности болѣе чѣмъ ста большихъ калибровъ орудіями, сильно обстрѣливающими перекрестно впереди лежащую мѣстность. Такая система правильно расположенныхъ и сильно

вооруженныхъ укрѣпленій, на которую по безопасности или самонадѣянности, нами не было обращено надлежащаго вниманія, повела къ неудачному штурму, соединенному съ огромною потерей. Безопасность или самонадѣянность наша высказалась тѣмъ, что войска, штурмовавшія Карсъ 17-го сентября 1855 года, не имѣли съ собою ни штурмовыхъ лѣстницъ, ни фашинъ; а потому не могли перейти черезъ рвы и влѣзть на стѣны отдѣльныхъ укрѣпленій, построенныхъ на Шарахскихъ и Чакмахскихъ высотахъ.

Окрестности Карса совершенно безлѣсны, и не только не видно садовъ, но и отдѣльно стоящихъ деревьевъ; есть каменистыя мѣста, въ особенности по берегамъ Карсчая. Несмотря на это, земля весьма плодородна и производитъ огромное количество пшеницы и ячменя. Не только тридцати-тысячный турецкій корпусъ продовольствовался на счетъ Карскаго пашалыка, но не было недостатка въ хлѣбѣ и зерновомъ фуражѣ въ продолженіе всей зимы для нашихъ войскъ, расположенныхъ въ Карсѣ и Владиварсѣ, численность которыхъ доходила до восьми тысячъ человекъ и до двухсотъ лошадей.

Продовольствіе этихъ войскъ и расположенныхъ въ Ардаганѣ лежало на жителяхъ санджаковъ: Кагызманскаго, Пасинскаго, Ольтинскаго, Гельскаго, Ардаганскаго, Чалдырскаго, Заришадскаго. Они обязаны были доставлять, пропорціонально своему населенію, опредѣленное количество хлѣба, ячменя, сѣна, соломы и топлива, а равно давать необходимыя перевозочныя средства. Отъ такой «бахры или подати» были избавлены входившіе въ составъ Карсской области Шурагельскій и Тахтинскій санджаки, какъ сильно пострадавшіе отъ войны, здѣсь производившейся въ продолженіе двухъ лѣтъ. Раскладъ и взиманіе «бахры» производились черезъ санджаковые меджелисы, подъ надзоромъ нашихъ офицеровъ, и ни разу не случилось терпѣть въ чемъ-либо недостатка, или прибѣгать къ понудительнымъ мѣрамъ.

Какъ эти свѣдѣнія, такъ равно о Кагызманѣ и разрушеніи Карсской цитадели, на что (какъ упомянуто выше) главнокомандующій обращалъ особенное вниманіе, я почерпнулъ отъ правителя области и его помощника, надворнаго совѣтника Булатова ¹⁾, съ которымъ я пробесѣдовалъ до глубокой ночи. Лорисъ-Меликовъ сначала недоумѣвалъ, почему главнокомандующій обращаетъ особенное вниманіе на Кагызманъ, но потомъ, какъ бы припоминая, высказался, что, можетъ быть, Николай Николаевичъ опасается вторженія по этому направленію Ванскаго корпуса.

¹⁾ Фокіонъ Евстафьевичъ Булатовъ былъ въ семидесятыхъ годахъ елисаветпольскимъ губернаторомъ. Въ настоящее же время, находясь въ отставкѣ, проживаетъ въ Петербургѣ или въ своемъ имѣніи, близъ Ставрополя. М. О.

— Сколько мнѣ извѣстно, этотъ путь возможенъ только для партизанскаго набѣга, а не для движенія артиллеріи.

— Совершенно согласенъ, но непріятель, если захочетъ, то можетъ потревожить насъ.

— Можетъ, но только нѣ зимою, и во всякомъ случаѣ только небольшимъ числомъ войскъ, въ родѣ того набѣга, которымъ тревожатъ горцы наши станицы и укрѣпленія.

Но все-таки онъ можетъ обезпокоить насъ.

— Да развѣ мы не можемъ подвергаться болѣе сильнѣйшимъ тревогамъ со стороны Саганлуга и Ардагана?

— Еще бы. Отъ Саганлуга и Ардагана мы постоянно ожидаемъ непріятели, а потому находимся во всегдашней готовности принять его... Путь же черезъ Кагызманъ, хотя и трудно доступный, но все-таки возможный для прохода непріятели, а потому главнокомандующій и желаетъ обратить на него наше вниманіе, сказалъ Лорисъ-Меликовъ, смотря исподлобья и хитро улыбаясь.

Его улыбка говорила, что онъ вполне доволенъ приведеннымъ имъ аргументомъ.

На другой день я отправился во Владикарскъ, отстоящій въ верстахъ пяти отъ Карса и состоящій изъ огромныхъ землянокъ, въ которыхъ помѣщались роты, эскадроны, батареи. Во Владикарскъ, построенномъ на мѣстѣ аула Чавтликъ-гая, помѣщались во время блокады Карса главнокомандующій съ главною частью войскъ, а теперь были расположены Бѣлевскій и Тульскій полки, съ двѣнадцатью орудіями и небольшимъ числомъ казаковъ. Этими войсками занимался поочередно гарнизонъ въ Карскѣ и охранялся покоренный край.

Добрый, простой, но большой генераль-маіоръ Фетисовъ былъ командующимъ войсками. Командирами же полковъ были: Бѣлевскаго—полковникъ Неѣловъ, тотъ самый, по болѣзни котораго я командовалъ полкомъ подъ Кюрюкдаромъ; Тульскаго же—только-что назначенный и еще не окончившій приѣмъ полка, полковникъ Булгаковъ. Послѣдній былъ вполне достойный человекъ, и за свою доброту и заботливость о вѣрнопой ему части палъ жертвою тифа.

Помѣщеніе для войскъ хотя было просторное, но нельзя сказать, чтобы теплое, сухое; а потому воздухъ въ землянкахъ былъ густой, спертый... Зародышъ цынги и тифа уже таился въ слабыхъ, сырыхъ организамахъ и для полнаго своего развитія ждалъ только наступленія болѣе теплаго времени. Подвижной госпиталь, хорошо построенный, снабженный съ избыткомъ всѣмъ необходимымъ для содержанія и продовольствія больныхъ, хотя не былъ переполненъ больными, но въ немъ оставалось немного не занятыхъ мѣстъ. Однимъ словомъ, состоя-

ніе войскъ, во Владикарскѣ расположенныхъ, хотя было незавидное, но и не было отчаянное.

Переночевавъ у генерала Фетисова, я рано утромъ отправился въ Ардаганъ на саняхъ съ конвоемъ, состоявшимъ изъ двадцати пяти милиціонеровъ. Путь лежалъ мимо Карса и тѣхъ огромныхъ могилъ, гдѣ схоронены были многія сотни людей, погибшихъ, во время блокады этой крѣпости, отъ голода, цуль, ядеръ, штыковъ; проѣхалъ у подножія Карадаха, черезъ валъ, составлявшій передовою оплотъ Карса, и имѣвшій около трехсотъ верстъ протяженія; перерѣзалъ дорогу, ведущую изъ Визанкева и возлѣ Меликъ-Кева, переправился въ бродъ черезъ Карсчай.

Дорога отъ Меликъ-Кева до Мараги, на разстояніи болѣе тридцати верстъ, незамѣтно поднималась на хребетъ Гедукъ, отдѣляющій притоки Карсчая отъ верхней Куры. Эта дорога проходила между санджаками Зарипадскимъ и Гельскимъ, названнымъ такъ по множеству озеръ, въ немъ находящихся. На пути лежали небольшія селенія: Инджа-су. Джалаусъ и Джалаусъ-Эйляси. Вправо въ санджакѣ Зарипадскомъ не видно было никакого населенія; влѣво же, въ Гельскомъ санджакѣ, напротивъ, видѣлось множество селъ, преимущественно же зимовниковъ курдовъ.

По мѣрѣ приближенія къ Марагѣ и подъема на Гедукъ, становилось холоднѣе, а вѣтеръ крѣпчалъ и поднималъ съ земли легкій снѣгъ, который обратился въ страшную метель. Сопровождавшіе меня милиціонеры кутались въ бурки и, молча окруживъ мои сани, медленно по двигались впередъ; нѣжныя ихъ лошади ежились, вертѣлись; сани вязли въ снѣгу, а упряжныя лошади безпрестанно сбивались съ дороги.

Такое путешествіе продолжалось около получаса, когда сани опрокинулись и я съ двумя милиціонерами, ѣхавшими правѣ меня, исчезъ. Паденіе мое хотя было быстрое, но не опасное и продолжительное, потому что я слышалъ явственно раздававшіеся крики милиціонеровъ и чаще всего повторяемыя слова: «Алла и яманъ». Осмотрѣвшись, оказалось, что я попалъ въ котловину, въ которой было затишье, а потому я предположилъ укрыть въ ней отъ метели сани съ лошадьми и весь мой татарскій эскортъ. Обрекогносцировавъ мѣстность, оказалось, что есть спускъ тамъ, гдѣ дорога дѣлаетъ поворотъ вправо, а потому свести лошадей съ санями не составляло особеннаго труда.

Прождавъ часа полтора въ этой котловинѣ и когда вѣтеръ стихъ, а метель унялась, я съ повеселѣвшими милиціонерами отправился въ дальнѣйшій путь. Дорога отъ Мараги пролегла по болѣе населенной, живописной мѣстности. Кромѣ частыхъ селеній, окруженныхъ небольшими садами, здѣсь начали появляться отдѣльныя рошцы, а возлѣ се-

ленія Гюлюверды зачервѣлся сосновый боръ, раскинутый по обѣимъ сторонамъ дороги.

Въ Ардаганъ я вѣхалъ при лунномъ свѣтѣ и остановился въ квартирѣ подполковника Кульгачева, того самаго, который своей артиллеріей громилъ турокъ въ Башкадыкларскомъ и Кюрюкдарскомъ сраженіяхъ. Онъ былъ начальникомъ Ардаганскаго и Чалдырскаго санджакъовъ и имѣлъ въ своемъ распоряженіи два баталіона, двѣ сотни казаковъ и шесть орудій, размѣщенныхъ въ Ардаганѣ.

Этотъ городъ, расположенный по обѣ стороны Куры, протекающей здѣсь широкою долиною и въ низменныхъ берегахъ, не обращалъ на себя вниманія ни постройками, ни своими укрѣпленіями. Цитадель ничтожна и не представляла особенныхъ препятствій къ овладѣнію ею; городская же ограда, состоявшая изъ отдѣльныхъ каменныхъ стѣнокъ и земляныхъ укрѣпленій, и того менѣе могла служить препятствіемъ.

На другой день я поднялся вверхъ по Курѣ верстъ на пятнадцать и доѣзжалъ до того мѣста, гдѣ она, протекая въ скалистыхъ берегахъ, поворачиваетъ на югъ, въ Гельскій санджакъ, въ которомъ и беретъ свое начало. Огромная долина, находящаяся впереди Ардагана, покрыта многими селеніями и богата своею производительностью.

Отъ Ардагана до Ахалкалакъ путь лежалъ черезъ Зурзане, Чалдырскій хребетъ, Карзахъ и Ваціаны. До селенія Зурзане, болѣе чѣмъ на двадцати-верстномъ разстояніи, дорога пролегла по нагорному правому берегу Куры, гдѣ мѣстность гориста и изрѣзана частыми и глубокими оврагами. На этомъ разстояніи встрѣчаются мѣста, поросшія лѣсомъ, преимущественно лиственнымъ, но есть и сосновыя рощи.

Отъ Зурзане до Карзаха дорога нѣсколько уклоняется отъ Куры и проходитъ между этою рѣкою и Хозяинскимъ озеромъ. Тутъ же, на этомъ свыше двадцати-верстномъ разстояніи, нужно переваливаться черезъ высокій съ крутыми спусками Чалдырскій хребетъ, названный такъ по имени озера. вправо отъ дороги лежащаго пли, наоборотъ, право, не знаю. Здѣсь кстати замѣтить, что почти пятидесяти-верстное пространство, между Ардаганомъ и Карзахомъ, весьма трудно для движенія отрядовъ, при которыхъ будетъ находиться полевая артиллерія или колесный обозъ. По этой дорогѣ слѣдуетъ исключительно двигаться на вьюкахъ. Не менѣе удобна въ этомъ отношеніи и другая дорога отъ Карзаха на Сухару, Чалдыръ-Керпи, Камбетъ и Займъ или Меликъ-Кевъ.

Но за то отъ Карзаха черезъ Ваціаны до Ахалкалакъ дорога совершенно ровная, и я съ быстротою прокатилъ при лунномъ свѣтѣ это двадцати пяти-верстное разстояніе; только свѣгъ хрустѣлъ подъ полозьями отъ сильнаго мороза, да фырканье лошадей и паръ, столбомъ отъ нихъ поднимавшійся, когда я остановился передъ квартирой ба-

*

рона Унгернъ Штериберга, подтверждали быстроту ѣзды. Генераль Унгернъ Штерибергъ, командующій войсками въ Ахалкалакскомъ участкѣ, былъ тотъ самый, имя котораго столь часто повторялось при блокадѣ Карса.

Изъ Ахалкалакъ къ Александрополь я проѣхалъ тоже по прекрасной санный дорогѣ и при морозѣ не менѣе пятнадцати градусовъ. Изъ этого оказывается, что предпринятое мною путешествіе по параллелограмму около четырехъ сотъ верстъ было совершено по пространству, изобильному снѣгомъ, и при холодѣ не менѣе пятнадцати градусовъ по Реомюру. И гдѣ же такая суровая зима? между сорока и сорока двумя градусами сѣверной широты; слѣдовательно, на семь градусовъ южнѣ Одессы и въ два раза ближе къ экватору, нежели Москва.

Незнакомые съ топографическимъ положеніемъ Александрополя и Карскаго пашалыка сомнительно покачаютъ головою и, пожалуй, не повѣрятъ, чтобы зима была тамъ равносильна московской. Но для знакомаго съ космографіей и кому извѣстно, что и подъ экваторомъ, напримѣръ, на Квито, холоднѣе, нежели на Панамѣ, тотъ не будетъ удивляться столь суровой зимѣ въ Александропольскомъ уѣздѣ и Карсскомъ пашалыкѣ, если будетъ знать, что это пространство возвышается надъ поверхностью моря отъ четырехъ до пяти тысячъ футовъ.

XI.

Карсская область до заключенія мира и пребываніе въ Александрополь въ октябрѣ.

По возвращеніи въ Александрополь, я написалъ самое подробное письмо къ начальнику штаба о состояніи войскъ въ Карсской области и свѣдѣніяхъ о непріятелѣ, причѣмъ не могъ не выразить моихъ опасеній на счетъ цынги и тифа. Этимъ моимъ письмомъ главнокомандующій остался очень доволенъ, какъ я узналъ объ этомъ отъ генерала Хрулева, вскорѣ прибывшаго въ Александрополь.

Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ Степана Александровича; каждый желалъ его поскорѣй видѣть, какъ героя при отбитіи штурма отъ Севастополя. Но какъ обыкновенно бываетъ въ такимъ случаяхъ, когда разгоряченное воображеніе, не встрѣчая чего-нибудь особенно поразительнаго, быстро охлаждается, такъ было и съ генераломъ Хрулевымъ.

Наружность Хрулева не была бы лишена нѣкоторой представительности, если бы онъ самъ не уродовалъ себя. Хотя онъ былъ довольно высокаго роста, но, будучи сутуловатъ и ходя всегда въ ста-

ромъ, засаленномъ пальто, не могъ обращать вниманія своею стройностию; манеры же его, по природѣ угловатыя, отъ этого его костюма казались еще болѣе мѣшковатыми. Лицо его, не лишнее нѣкоторой пріятности, безобразилось тѣмъ, что онъ имѣлъ привычку красить волосы и усы. Непонятно, отчего старость такъ часто боится сѣдыхъ волосъ, натуральная бѣлизна котсырыхъ болѣе естественна и подходяща къ лѣтамъ, нежели искусственная чернота.

Не замѣтно было и нравственнаго порядка въ образѣ жизни Хрулева. Онъ окружилъ себя молодыми людьми, съ нимъ прибывшими, съ которыми, живя въ одномъ домѣ, проводилъ время за картами, въ оргіяхъ и вакхическихъ увлеченіяхъ. Жаль, что такой неустрашимый на полѣ брани человекъ, которымъ онъ показалъ себя, напримѣръ, 6 іюня, былъ столь мало энергичный во время мира администраторъ. Впрочемъ на недостатки и слабости такихъ людей, какъ Хрулевъ, слѣдуетъ смотрѣть болѣе снисходительно, и помнить, какую пользу могутъ приносить съ такимъ непоколебимымъ и неустрашимымъ характеромъ люди во время войны.

Но о войнѣ не думали, а говорили о мирѣ, и все вниманіе было обращено на Парижъ и на императора французовъ, который воевалъ въ то время всей дипломатіей.

Мартъ мѣсяцъ приходилъ къ концу; потеплѣло, снѣгъ началъ быстро таять и въ то время, когда подъ Севастополемъ уже готовились празднества о мирѣ, у насъ въ Азіатской Турціи довершалось разрушеніе Карсской цитадели, и выводились изъ Владикарса зимовавшія тамъ войска. Первое совершалось во вредъ непріятеля, съ которымъ мы до сего времени воевали; послѣднее же дѣлалось для спасенія нашихъ войскъ, потому, что предвидѣлось, то и случилось съ ними. Владикарсъ превратился въ мѣсто заразы тифа и цынги.

Еще съ наступленіемъ марта, начались получаться изъ Владикарса самыя неблагопріятныя свѣдѣнія о здоровьи расположенныхъ войскъ, и, несмотря на то, что огромные транспорты больныхъ отправлялись отсюда въ Александрополь въ тамошній подвижной госпиталь, лазареты были переполнены ими.

Такъ какъ, по моему мнѣнію, все заключалось въ землянкахъ, а потому, чтобы искоренить зародышъ болѣзни, необходимо было разрушить Владикарсъ и вывести войска въ палатки. Для приведенія этого въ исполненіе, необходимы были энергическія мѣры. По совѣщаніи съ Степаномъ Александровичемъ я отправился самъ во Владикарсъ, гдѣ тифъ былъ въ полномъ разгулѣ. Кромѣ другихъ, жертвою этой болѣзни сдѣлался Булгаковъ, командиръ Тульского полка; Неѣловъ тоже былъ отвезенъ больнымъ въ Александрополь.

Первымъ моимъ дѣломъ по прибытіи во Владикарсъ было вывести

здоровыхъ людей изъ землянокъ въ палатки и перевести всѣхъ больныхъ въ Александрополь. Но эта послѣдняя забота, несмотря на усиленные перевозочныя средства, не могла быть окончена ранѣе десяти дней, какъ по разстоянію, отдѣляющему Карсъ отъ Александрополя, такъ и огромному числу больныхъ, доходившему до 1.500 человекъ.

Одновременно съ выводомъ войскъ въ палатки было приступлено къ разрушенію Владикарскихъ землянокъ. Это было сдѣлано съ тою цѣлію, чтобы имѣть не только дрова для варенія пищи, но и для костровъ, необходимыхъ для обогрѣванія по ночамъ, которыя были довольно холодны, а на разсвѣтъ морозъ доходилъ до пяти градусовъ.

Пока разрушались землянки и перевозились больные, болѣзненность въ войскахъ значительно уменьшилась. Когда же лагерь былъ переведенъ на возвышенное мѣсто версты на двѣ ближе къ Карсу, то тифъ совершенно прекратился, и нижніе чины ожили, повеселѣли. Слѣдовательно, если бы, согласно моему предложенію, на которое не послѣдовало разрѣшенія изъ Тифлиса, войска, расположенныя во Владикарскѣ, были выведены изъ землянокъ въ палатки хотя мѣсяцемъ ранѣе, то тифъ не успѣлъ бы развиться столь сильно. Мое убѣжденіе, что зимняя стоянка войскъ въ палаткахъ здоровѣе землянокъ, было основано на опытѣ зимнихъ экспедицій въ Чечяѣ, гдѣ отряды проводили по нѣсколькимъ мѣсяцевъ въ палаткахъ, но не болѣли тифомъ.

Въ апрѣлѣ и до насъ дошла вѣсть официальнымъ путемъ о мирѣ. Начались дипломатическія сношенія. Изъ Эрзерума пріѣхалъ въ Тифлисъ Саидъ-паша; отъ насъ поѣхалъ въ Эрзерумъ къ муширу Измаилу-пашѣ, тому самому, который дѣйствовалъ противъ насъ на Дунаѣ, полковникъ Лорисъ-Меликовъ.

Вмѣстѣ съ переговорами о передачѣ Карса и Карсской области, возникли разнаго рода недоразумѣнія. Турецкое правительство выражало свое придирчивое неудовольствіе на разрушеніе Карсской цитадели, и что окончательное ея разрушеніе какъ бы послѣдовало по заключеніи Парижскаго мира. На самомъ же дѣлѣ, послѣдніе взрывы, потрясшіе эту твердыню Азіатской Турціи, были произведены не послѣ заключенія этого мира, но нѣсколькими днями ранѣе, когда получено было объ этомъ извѣстіе у насъ. Къ устраненію возникшихъ недоразумѣній не мало содѣйствовала Ф. Е. Булатовъ разумнымъ, логичнымъ изложеніемъ дѣла, какъ владѣющій хорошо турецкимъ языкомъ, во время пребыванія съ Лорисъ-Меликовымъ въ Эрзерумѣ.

Такія придирки отстрочили отбытіе нашихъ войскъ изъ Карсской области до іюня, когда наконецъ прибылъ въ Карсъ Измаиль-паша съ двумя баталіонами, двумя эскадронами и четырьмя орудіями.

Роскошный обѣдъ въ нашемъ лагерѣ на Карсчаѣ у Меликъ-Ква, на которомъ присутствовалъ Измаиль-паша съ другими пашами и со всѣмъ

штабомъ, и пиръ, продолжавшійся до полуночи, завершилъ наше пребываніе въ Азіатской Турціи. Не знаю, какъ въ душѣ, но на дѣлѣ турки съ нами братски чокались и, несмотря на запретъ Магомета, преисправно поглощали искристое шампанское.

По возвращеніи нашихъ войскъ изъ Карсской области, Тульскій и Бѣлевскій полки примкнули къ прочимъ полкамъ 18-ой пѣхотной дивизіи, уже стоявшимъ лагеромъ возлѣ Александрополя. Сводная драгунская бригада, а именно Тверской и Новороссійскій драгунскіе полки были расположены на Лорійской степи, богатой покосными и пастбищными мѣстами. Всѣ же кавказскія войска, бывшія въ составѣ Александропольскаго корпуса, были спущены въ свои штабъ-квартиры.

Такое расположеніе полковъ 18-ой дивизіи, какъ не имѣющихъ постоянныхъ квартиръ, было выгодно въ томъ отношеніи, что въ Александрополѣ имѣлись значительные продовольственные запасы, тогда какъ во многихъ пунктахъ Закавказскаго края, по несостоятельности подрядчика Тамамшева, оказывался недостатокъ въ продовольствіи. Между тѣмъ расположеніе 18-ой пѣхотной дивизіи возлѣ Александрополя было небезполезно и для самой крѣпости, въ которой нѣкоторые изъ верковъ и разныя постройки далеко не были окончены.

Слѣдовательно, для дѣятельности моей было много занятій, не только по значительному числу наличныхъ войскъ, но и потому, что нужно было заканчивать дѣла и сводить счета за все время прошлой войны. Кромѣ того, приходилось сноситься по разнымъ предметамъ съ турецкими властями. И вся отвѣтственность лежала на мнѣ, потому что генераль Хрулевъ, удалившись сначала въ Гамзачеманъ, для пользованія тамошними минеральными водами, вскорѣ уѣхалъ въ Тифлисъ. Но при помощи такого энергичнаго и дѣятельнаго дежурнаго штабъ-офицера, какимъ былъ подполковникъ Девель ¹⁾, все совершилось безъ промед-

---

¹⁾ Позволяю себѣ очертить славную кавказскую дѣятельность моего глубоко уважаемаго и чтимаго сослуживца, послѣ 1856 года. Во время покоренія Восточнаго Кавказа Федоръ Даниловичъ за устройство моста черезъ Аварское Койсу у Сагритло награждается орденомъ Св. Георгія 4 степени съ производствомъ затѣмъ въ полковника назначается командиромъ Самурскаго пѣхотнаго полка. Въ 1865 году производится въ генераль-майоры, а черезъ девять лѣтъ получаетъ чинъ генераль-лейтенанта и назначается начальникомъ 39 пѣхотной дивизіи. Участвуя съ этой дивизіей въ послѣдней Турецкой войнѣ, онъ украшается Георгіемъ 3 степени и брильянтовой шпагой. Въ послѣдніе же годы своего служенія на Кавказѣ генераль Девель былъ командиромъ 1-го Кавказскаго армейскаго корпуса. Онъ умеръ въ 1866 году членомъ Алекс. комитета о раненыхъ. Несмотря на нѣсколько тяжелыхъ ранъ и 67 лѣтній возрастъ, Федоръ Даниловичъ былъ до конца своей жизни тѣмъ же энергичнымъ дѣятелемъ и громозно увлекательнымъ разскащикомъ, какимъ онъ былъ напримѣръ на пиру, данномъ на Карсѣ чаѣ въ 1856 году.

ленія и успѣшно. Въ октябрѣ, штабъ дѣйствующаго на кавказско-турецкой границѣ корпуса прекратилъ свои дѣйствія.

Въ заключеніе я вмѣняю себѣ въ обязанность упомянуть объ одномъ святомъ дѣлѣ, по моей инициативѣ приведенномъ въ исполненіе.

Въ Александрополѣ, между городомъ и крѣпостью того же названія, находится возвышенность, которая еще до войны была избрана мѣстомъ для кладбища. Но до 1853 года эта возвышенность пестрѣлась преимущественно плоскими, изъ разноцвѣтнаго камня памятниками, съ надписями армянскими или грузинскими, и только изрѣдка возвышались пирамидальные памятники съ русскими надписями, указывавшими на мѣсто вѣчнаго успокоенія военнаго или гражданскаго чиновника, служившаго въ этомъ городѣ. Теперь же, наоборотъ, возвышающіеся на этомъ кладбищѣ разныхъ формъ памятники съ русскими надписями берутъ совершенный перевѣсъ надъ плоскими призматическими памятниками съ армянскими или грузинскими надписями. Отдѣльный же песчаный холмъ, находящійся на южной оконечности кладбища и извѣстный нынѣ подъ именемъ Холма чести, на которомъ до войны не было ни одной могилы, въ 1856 году весь былъ изрытъ ими.

И кто изъ жителей-христіанъ не знаетъ этого холма, а нѣкоторые изъ нихъ даже не расскажутъ любопытному прїѣзжему имена и подвиги покоящихся на немъ? Кому изъ служившихъ въ дѣйствовавшемъ на турецкой границѣ корпусѣ не памятенъ «Холмъ чести», какъ мѣсто вѣчнаго покоя нѣкоторыхъ храбрыхъ начальниковъ, товарищей, а можетъ быть и друзей-сослуживцевъ, павшихъ и запечатлѣвшихъ своею кровію поля Баяндур, Башкадыклара, Кюрюкдара и Карса?

1-го сентября 1856 года въ 9 часовъ утра, по западную сторону «Холма чести» происходило богослуженіе въ присутствіи всѣхъ наличныхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, при извѣстномъ числѣ нижнихъ чиновъ войскъ, бывшихъ въ то время въ Александрополѣ. Это моленіе совершалось по убиеннымъ воинамъ на полѣ чести и славы въ минувшую войну въ Азіатской Турціи.

1-е сентября было избрано не потому, чтобы этотъ день былъ памятенъ какимъ-либо особеннымъ событіемъ, совершившимся во время бывшей войны; но 1-е сентября было послѣднимъ днемъ пребыванія въ Александрополѣ войскъ дѣйствовавшаго на турецкой границѣ корпуса, которые на разставаньи пожелали отдать послѣдній долгъ усопшимъ ихъ братіямъ. На другой день эти войска, послѣ трехлѣтнихъ боевыхъ подвиговъ, должны были разойтись на назначенныя имъ зимовья квартиры.

По окончаніи паннихиды, была заявлена мною слѣдующая мысль: собрать денежную сумму посредствомъ посильнаго со стороны каждаго приношенія, и если такимъ образомъ составившаяся сумма достигнетъ

извѣстной цифры, то тогда главную часть обратить на сооруженіе образа, на которомъ вырѣзать имена и фамиліи всѣхъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ генераловъ и офицеровъ, а изъ процентовъ другой части дѣлать расходы на паннихиды, ежегодно совершаемыя на «Холмѣ чести» въ дни сраженій Баяндурскаго, Башкадыкларскаго, Кюрюкдарскаго, а также штурма Карса. Если же собранная сумма будетъ не велика, то отложить сооруженіе образа и совершать однѣ только паннихиды по всѣмъ убиеннымъ, съ поминаніемъ имени всѣхъ генераловъ и офицеровъ, павшихъ смертію въ означенныхъ сраженіяхъ.

Это предложеніе было изложено въ письмахъ, разосланныхъ отъ меня по всѣмъ отдѣльнымъ начальникамъ частей, участвовавшимъ въ дѣйствовавшемъ на кавказско-турецкой границѣ корпусѣ.

Въ этихъ письмахъ, кромѣ главной прописанной мысли было прибавлено, что цѣнность образа будетъ зависѣть отъ величины суммы, составившейся отъ подписки, что на образѣ будутъ изображенія Николая Чудотворца, Георгія Побѣдовосца и Архангела Михаила; что образъ постоянно будетъ находиться въ крѣпостной Александропольской церкви и только въ дни сраженій 24 іюля, 17 сентября, а также 2 и 19 ноября, при совершеніи паннихидъ, будетъ выноситься на «Холмѣ чести»; что передъ образомъ должна постоянно теплиться лампада, или горѣть свѣча; что всѣ деньги должны препровождаться къ александропольскому коменданту, которому на этотъ предметъ выдана пнуровая книга за подписью наличныхъ генераловъ, бывшихъ въ то время въ Александрополѣ.

Для того же, чтобы при поминаніи во время паннихидъ священникъ Александропольской крѣпости, могъ знать имена генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ убитыхъ или умершихъ отъ ранъ въ сраженіяхъ Баяндурскомъ, Башкадыкларскомъ и Кюрюкдарскомъ, а также при штурмѣ Карса, начальники частей обязаны были доставить именныя списки къ александропольскому коменданту.

Это святое дѣло имѣло самыя благія послѣдствія. Въ короткое время поступило отъ разныхъ мѣстъ и лицъ 748 р. Изъ нихъ 700 рублей отправлено въ приказъ общественнаго призрѣнія, а остальныя деньги оставлены при Александропольской церкви.

Не будетъ лишнимъ и обременительнымъ для читателя, если я представлю нѣсколько краткихъ некрологовъ покоящихся на «Холмѣ чести» моихъ сослуживцевъ и знакомыхъ.

Начну съ старшаго, Петра Петровича Ковалевскаго ¹⁾, начавшаго

¹⁾ Его братья: Евграфъ Петровичъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія, а Егоръ Петровичъ—генераломъ горныхъ инженеровъ, путешественникъ по Востоку и литераторъ.

службу на Кавказѣ въ 1844 году полковникомъ и командиромъ артиллерійской бригады. Съ того времени Петръ Петровичъ въ чинѣ генераль-маіора былъ начальникомъ праваго фланга Кавказской линіи, а по удаленіи съ Кавказа, былъ бригаднымъ командиромъ 13 пѣхотной дивизіи, съ которой высадившись въ Сухумъ-ле Каи по прибытіи съ Виленскимъ полкомъ въ Ахалцыхъ, былъ тамъ командующимъ войсками. Съ производствомъ въ 1854 году въ генераль-лейтенанты, былъ назначенъ начальникомъ 13 пѣхотной дивизіи, съ полками которой и находился въ составѣ главнаго Александропольскаго корпуса подъ начальствомъ главнокомандующаго Муравьева. При штурмѣ Карса. предводительствуя одной изъ главныхъ колоннъ, направленныхъ на укрѣпленія на Шорахскихъ высотахъ, былъ смертельно раненъ.

Командиръ Тверскаго драгунскаго полка, генераль-маіоръ Куколевскій, прибывшій на Кавказъ въ 1854 году, вмѣстѣ съ Новороссійскимъ полкомъ въ составѣ сводно-драгунской бригады подъ начальствомъ графа Нирода. Достигнувъ почетнаго званія командира полка черезъ честную долговременную службу и точное знаніе кавалерійскаго строя, какъ отличный вѣдокъ, и притомъ будучи хорошимъ администраторомъ, а какъ оказалось на дѣлѣ, то и храбрымъ офицеромъ, а потому ввѣренный его командованію полкъ былъ въ хорошемъ состояніи не только въ хсззяствѣнномъ, но и въ боевомъ отношеніи. Лучшимъ доказательствомъ храбрости Куколевскаго служить блистательная атака произведенная Тверскимъ полкомъ въ началѣ Кюрюкдарскаго сраженія. Переживъ эту сланую атаку, подъ градомъ пуль и ядеръ, въ которой многіе изъ подчиненныхъ Куколевскаго были перебиты и переранены, онъ былъ убитъ во время блокады Карса въ такомъ дѣлѣ подъ Чавтликъ-гад, гдѣ было произведено съ десятковъ орудійныхъ изъ крѣпости выстрѣловъ.

Командиръ Виленскаго полка, полковникъ Шликевичъ, храбро павшій впереди охотниковъ ввѣреннаго ему полка, штурмовавшихъ Шорахскія укрѣпленія. Служебная дѣятельность Шликевича, до назначенія его полковымъ командиромъ въ 1853 году, была кавказская борьба.

Командиръ Кавказской гренадерской артиллерійской бригады полковникъ Москалевъ, убитый подъ Карсомъ въ то время, когда принялъ начальство надъ войсками, составлявшими штурмующую колонну генерала Майделя, послѣ того какъ этотъ генераль, полковникъ Серебряковъ (командиръ Мингрельскаго полка) и полковникъ Ганецкій (командиръ Рязскаго полка) должны были за ранами оставить поле сраженія, послѣдовательно передавая одинъ другому начальство надъ колонной.

Командиръ Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, полковникъ Лузановъ, убитый во время штурма Шорахскихъ высотъ. Этотъ штабъ-офи-

церь, пощаженный смертію въ Башкадыкларскомъ и Кюрюкдарскомъ сраженіяхъ былъ, тоже старый кавказскій слуга.

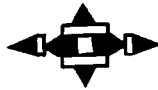
Генеральнаго штаба подполковникъ Свѣчинъ и капитанъ Радичъ — оба мои товарища по мундиру, умершіе отъ ранъ: первый отъ ушиба головы при паденіи съ лошади въ Баяндурскомъ сраженіи; послѣдній — при штурмѣ Карса.

Ширванскаго пѣхотнаго полка, командиръ баталіона, маіоръ Дьяконовъ, умершій послѣ ампутаціи ноги, перебитой ядромъ въ Башкадыкларскомъ сраженіи.

Лейбъ Эриванскаго гренадерскаго полка баталіонный командиръ, маіоръ Турчановскій, убитый тоже въ Башкадыкларскомъ сраженіи, во время штурма высотъ четырьмя баталіонами гренадеръ, на которыхъ былъ расположенъ правый флангъ турокъ, и съ занятіемъ которыхъ, какъ ключа позиціи, рѣшена эта славная побѣда.

Остававливаясь на этомъ некрологѣ потому, что въ такомъ случаѣ пришлось бы еще упомянуть болѣе чѣмъ о двадцати лицахъ, скажу только о братьяхъ Аксеновыхъ, вмѣстѣ съ другими покоящихся на «Холмѣ чести». Аксеновы, ротные командиры Кавказскаго сапернаго баталіона, были убиты при штурмѣ Шорахскихъ укрѣпленій 17 сентября 1855 года, т. е. во время самовадѣяннаго неблагоразумнаго штурма Карса, предпринятаго главнокомандующимъ Муравьевымъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗА МНОГО ЛѢТЪ.

Воспоминанія Неизвѣстнаго ¹⁾.

(1854—1857 г.).

III.

Въ сентябрѣ и октябрѣ 1854 года совершились событія, памятные въ исторіи нашего отечества. Въ эти мѣсяцы произошла высадка союзныхъ войскъ въ Крымъ, несчастныя для насъ битвы подъ Альмой и Инкерманомъ, потопленіе большей части черноморскаго флота, который своими и трупами загородилъ неприятелю входъ въ Севастопольскую бухту; наконецъ въ этотъ періодъ времени началась знаменитая въ лѣтописяхъ исторіи осада Севастополя.

Въ XIX вѣкѣ это было уже второе нашествіе иностранныхъ войскъ на нашу страну, но на этотъ разъ война не захватила такого обширнаго района, какъ въ 1812 году, и носила характеръ приморской войны, и всѣ бѣдствія ея главнымъ образомъ обрушились на Севастополь и его окрестности.

Въ первые восемь мѣсяцевъ Крымской войны съ сентября 1854 года по май 1855 года я жилъ въ Бессарабіи, въ окрестностяхъ Болграда и Измаила, и не былъ очевидцемъ первыхъ военныхъ дѣйствій, а потому, не касаясь военныхъ событій за этотъ періодъ времени, посвящу нѣсколько строкъ описанію настроенія тогдашняго общества въ провинціи.

Еще наканунѣ высадки союзниковъ въ Крымъ, большинство не допускало и мысли, чтобы неприятель осмѣлился ворваться въ наши предѣлы; полагали, что все ограничится нападеніемъ съ моря въ томъ же родѣ, какъ это было сдѣлано противъ Одессы, бомбардированіе которой союзнымъ флотомъ вызвало взрывъ патріотическихъ чувствъ и удвоило увѣренность въ нашей силѣ. Не только въ трактирахъ, гдѣ собирался торговый людъ и зажиточные мѣщане, но и въ лучшихъ гостинныхъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1894 г. іюль.

съ увлеченіемъ читали, а то и знали наизусть бывшее тогда въ большой модѣ патріотическое стихотвореніе:

„Вотъ въ воинственномъ азартѣ,
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ.
Ободренъ его отвагой
И французъ за нимъ туда жъ
Машетъ дядюшкиной шпагой
И кричитъ: *allons courage!*“

и т. д. . . .

Это «стихотвореніе» потому и было въ такомъ ходу, что оно вполне отвѣчало настроенію тогдашняго общества, въ которомъ преобладала увѣренность въ возможности закидать непріятеля шапками.

Вскорѣ послѣ отступленія нашихъ войскъ съ Придунайскихъ княжествъ въ выдающихся по своему положенію и образованію военныхъ кружкахъ ходила по рукамъ рукописная брошюра. Авторомъ этой брошюры называли Погодина, что было весьма правдоподобно, такъ какъ слогъ и тенденціи въ ней были погодинскіе. Было бы интересно воспроизвести здѣсь подлинный текстъ этой рукописи, но я не имѣлъ времени списать ее, такъ какъ она находилась у меня всего два или три часа. Брошюра эта была повидимому написана въ то время, когда Австрія уже начала «удивлять міръ своею неблагодарностью». Авторъ не жалѣлъ горькихъ упрековъ по адресу Австріи, которая, молъ, если хочетъ быть нашей союзницей, то должна идти съ нами въ огонь и въ воду, что это ужъ не союзница, съ которою хлѣбъ-соль води, а камень за пазухой держи... Говорилось объ Ольмюцкомъ свиданіи императора Николая съ Францемъ Іосифомъ, свиданіе, которое не умѣлъ оцѣнить восемнадцатилѣтній юноша (Францъ-Іосифъ). Далѣе доказывалось, что Австрія распадается и что ея славянскія земли давно просятся русскому царю въ руки. При этомъ авторъ брошюры высказывалъ убѣжденіе, что Вевгрія и Придунайскія княжества силою обстоятельствъ должны будутъ войти въ составъ обширнаго славянскаго государства—Россія. Что касается политики нашей въ отношеніи Франціи, то въ этомъ вопросѣ проводилась та мысль, что намъ не слѣдовало обращать вниманіе на то, кто стоитъ во главѣ этой страны — бурбонъ, орлеанъ или Бонапартъ. Во Франціи, по мнѣнію автора, «кто первый всталъ да палку въ руки возьметъ и капралъ», и намъ слѣдуетъ и должно съ ними ладить, коли этого требуютъ интересы Россіи (это былъ намекъ на несочувствіе императора Николая ко второй имперіи во главѣ съ Наполеономъ III) и проч. въ этомъ родѣ, всего теперь не припомню...

Вообще эта брошюра изобиловала громкими фразами, въ которыхъ было много весьма понятнаго въ такое время патріотическаго усердія и увлеченія, но еще болѣе наивности и политической близорукости. Тѣмъ не менѣе брошюра эта возбуждала къ себѣ большой интересъ, и ее съ увлеченіемъ читали даже въ болѣе интеллигентномъ обществѣ. Дѣлать критическую оцѣнку этой брошюры тогда никому не приходило и на мысль, а если кто-либо въ видѣ исключенія находилъ въ брошюрѣ много верхоглядства и пустаго задора, то считалъ болѣе благоразумнымъ не высказывать свое мнѣніе въ обществѣ, и брошюра повсюду въ интеллигентныхъ кружкахъ читалась съ удовольствіемъ, потому что и она, какъ и приведенные выше стихи о воеводѣ Пальмерстонѣ, вполнѣ отвѣчала настроенію огромнаго большинства читающей публики.

Въ то время на югѣ Россіи не существовало ни желѣзныхъ дорогъ, ни даже электрическаго телеграфа, и извѣстія съ театра войны получались нами весьма запоздалыя. Первая вѣсть объ Альминской битвѣ пришла въ Одессу экстраординарнымъ путемъ, а потому поспѣла ранѣе другихъ вѣстей.

Авгліійскій пароходъ привезъ въ Одессу небольшую партію нашихъ раненыхъ на Альмѣ нижнихъ чиновъ, отъ которыхъ одесситы и узнали нѣкоторыя подробности о битвѣ, впрочемъ довольно сбивчивыя.

На всемъ обширномъ югѣ Россіи существовала тогда только одна русская газета «Одесскій Вѣстникъ», ео въ немъ помѣщались военныя извѣстія запоздалыя и крайне сжатыя.

Чтобы дать понятіе современнымъ читателямъ, какими скудными свѣдѣніями могла въ то время дѣлиться съ читающей публикой наша періодическая пресса, привожу ниже выписки изъ «Одесскаго Вѣстника» за 1854 годъ. Кстати замѣчу, что въ то время наши газеты не смѣли и думать о собственныхъ корреспондентахъ, сообщающихъ извѣстія прямо съ театра войны.

О такомъ важномъ событіи, какъ высадка непріятельскихъ войскъ въ Крыму (она началась 1-го сентября) «Одесскій Вѣстникъ» получилъ возможность сообщить читателямъ только 16-го сентября и то лишь нѣсколько строкъ слѣдующаго содержанія:

«По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ здѣсь изъ Крыма, 1-го сентября въ виду Севастополя появился непріятельскій флотъ въ 106 вымпеловъ, за которыми слѣдовало огромное количество транспортных судовъ, расположившихся вдоль западныхъ береговъ полуострова до Евпаторіи. Въ слѣдующіе затѣмъ дни произведена была съ этого флота высадка непріятельскихъ войскъ на пространство между Евпаторіей и устьемъ рѣки Альмы. До 6-го сентября эти войска не предпринимали ничего важнаго (?). Командующій войсками, въ Крыму расположенными, генералъ-адъютантъ, адмиралъ князь Меншиковъ занимаетъ позицію

на рѣкѣ Альмѣ, къ нему присоединился казачьей атаманъ войска Донскаго, генераль-отъ-кавалеріи Хомутовъ съ состоящими въ его распоряженіи войсками».

Въ той же газетѣ отъ 18-го сентября 1854 года напечатано:

«Вчера вечеромъ прибылъ сюда изъ Евпаторіи англійскій транспортный пароходъ «Эванъ» подъ переговорнымъ флагомъ. На немъ были доставлены люди по распоряженію вице-адмирала Дондаса — 34 человекъ русскихъ нижнихъ чиновъ, раненыхъ въ дѣлѣ, происходившемъ 8-го сентября въ Крыму на Альмѣ, между русскими и англо-французскими войсками. Сегодня раненые приняты были съ означеннаго парохода и перевезены на нашемъ пароходѣ «Двѣстръ» въ Одесскій карантинъ».

Официальное извѣстіе о битвѣ при р. Альмѣ появилось въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» только 30-го сентября и ограничивалось слѣдующимъ лаконическимъ сообщеніемъ.

«Генераль-адъютантъ князь Меншиковъ донесъ государю императору, что 8-го сентября англо-французскій корпусъ, высаженный въ Крыму, подступилъ къ позиціи, которая была нами занята на рѣкѣ Альмѣ у деревни Бурлюкъ. Войска наши нѣсколько часовъ отражали упорныя атаки непріятеля, но, угрожаемыя многочисленными его силами съ обѣихъ фланговъ и въ особенности дѣйствіемъ его съ моря, они отведены были къ вечеру за р. Качу, а на другой день расположились впереди Севастополя. Принявъ всѣ мѣры къ оборонѣ, князь Меншиковъ готовится дать непріятелю сильный отпоръ въ случаѣ дальнѣйшаго съ его стороны нападенія».

Эта краткая реляція о первой встрѣчѣ нашихъ войскъ съ союзниками не могла удовлетворить читающую публику, которая должна была довольствоваться слухами, часто преувеличенными; ходили даже вѣсти о взятіи Севастополя, о гибели флота и т. п.

Подробная реляція объ Альминской битвѣ появилась въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» уже въ октябрѣ, 26 числа, т. е. спустя 48 дней послѣ битвы.

Реляція давала близкое къ истинѣ описаніе этого сраженія, умолчавъ, конечно, о хаосѣ, царствовавшемъ въ нашемъ лѣвомъ флангѣ, а также и о томъ обстоятельстве, что сравнительно благополучное отступление нашихъ войскъ совершилось, главнымъ образомъ, благодаря малочисленности кавалеріи у союзниковъ. Но эти подробности сообщать публикѣ было бы неудобнымъ и несвоевременнымъ. Вообще официальное сообщеніе объ Альминской битвѣ насколько можно безпристрастно описываетъ ходъ дѣла и отдаетъ справедливость и непріятелю. Но въ реляціи ни слова не упоминается о томъ, что главною причиною проигранной нами битвы было превосходство союзныхъ войскъ въ дѣлѣ вооруженія; что всѣ они имѣли нарѣзные ружья, тогда какъ наши войска были вооружены гладкоствольными ружьями и располагали только

горстью штуцерныхъ (этимъ оружіемъ была снабжена едва $\frac{1}{10}$ часть всѣхъ нашихъ войскъ на Альмѣ) и были буквально разстрѣливаемы непріателемъ прежде, чѣмъ могли приблизиться къ нему на такое разстояніе, когда огонь нашихъ гладкоствольныхъ ружей могъ быть дѣйствительнымъ.

Такимъ образомъ при первой встрѣчѣ съ непріателемъ оказалось, что мы не имѣли точныхъ свѣдѣній не только о численности десантныхъ войскъ, но не знали даже и того, что всѣ они вооружены нарѣзными ружьями. Мы слишкомъ были заняты маршировкой да всякими мелочными муштрами, а въ дѣлѣ вооруженія крѣпко отстали отъ Европы.

Съ первыхъ дней октября 1854 года, т. е. съ самаго начала осады Севастополя, начали прибывать туда свѣжія войска, и этотъ постоянный приливъ войскъ въ Крымъ продолжался непрерывно въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ до сентября 1855 года. Всѣ эти многочисленныя подкрѣпленія направлялись преимущественно въ Севастополь или окрестности, такъ какъ оборона этого города поглощала у насъ людей, какъ губка воду.

Осень и зима 1854—1855 годовъ были крайне неблагоприятны для передвиженія войскъ. Наши грунтовыя дороги совершенно раскисли, и распутица была ужасная. Это особенно тяжело отзывалось на военныхъ транспортахъ, множество лошадей и воловъ пало отъ изнуренія, а расходы казны на сформированіе и содержаніе всякаго рода перевозочныхъ средствъ были громадны, чему не мало способствовали и злоупотребленія отдѣльныхъ транспортныхъ начальниковъ, изъ которыхъ многіе къ концу кампаніи составили себѣ довольно крупныя состоянія. Въ какомъ жалкомъ положеніи находились въ это время года наши дороги, можно судить уже потому, что даже великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, возвращаясь въ Петербургъ изъ Крыма въ концѣ февраля, вынуждены были сдѣлать въ Крыму нѣсколько станцій на волахъ. Эта борьба съ пятою стихіею—грязью, была вовсе неизвѣстна союзникамъ, такъ какъ они располагали огромнымъ числомъ транспортныхъ судовъ, которыя доставляли морскимъ путемъ все необходимое для арміи, и, слѣдовательно, въ отношеніи перевозочныхъ средствъ на сторонѣ непріателя былъ огромный перевѣсъ. Одинъ большой транспортный пароходъ,—а такихъ у союзниковъ было не мало,—доставлялъ такое количество състныхъ припасовъ или боевыхъ снарядовъ, для перевозки которыхъ сухимъ путемъ, да къ тому же въ распутицу, намъ понадобилось бы употребить не одну тысячу подводъ.

23-го февраля 1855 года союзники прислали парламентаря въ главную квартиру Крымской арміи подъ Севастополемъ съ извѣстіемъ о кончинѣ императора Николая Павловича (союзники получили это извѣстіе по телеграфу). Впредь до полученія официальныхъ свѣдѣній о кончинѣ

императора, въ главной квартирѣ рѣшено было сохранить эту вѣсть въ тайнѣ, но такъ какъ эту тайну знали многіе, то вскорѣ вся севастопольская армія знала и говорила о печальномъ событіи, хотя и по секрету. Въ Бессарабіи, гдѣ я въ то время находился, извѣстіе было получено только въ первыхъ числахъ марта; произвело оно на всѣхъ своею неожиданностью тяжелое впечатлѣніе и вызвало много толковъ и предположеній о возможности скорого окончанія войны. Однако, слухи эти оказались преждевременными, война не прекращалась, а отправка въ Крымъ подкрѣпленій усилилась съ наступленіемъ весны. Въ числѣ этихъ подкрѣпленій былъ и нашъ полкъ.

Въ концѣ мая 1855 года полкъ нашъ былъ уже въ Крыму и направлялся въ Севастополь. На пути между Перекопомъ и Симферополемъ все чаще и чаще попадались намъ на встрѣчу транспорты съ больными и ранеными, состояніе здоровья которыхъ позволяло эвакуировать ихъ изъ Крыма въ болѣе отдаленные отъ театра войны госпитали. На послѣднемъ переходѣ къ Симферополю мы встрѣтили на привалѣ партію французскихъ плѣнныхъ, препровождаемыхъ вглубь Россіи. Ихъ было болѣе ста человекъ нижнихъ чиновъ; всѣ они имѣли бодрый и веселый видъ, стряпали себѣ супъ, распѣвали пѣсни и, повидимому, нисколько не печалились своимъ положеніемъ военно-плѣнныхъ; съ конвойными нашими солдатами французы, какъ казалось, были въ наилучшихъ отношеніяхъ.

— Веселый это народъ — французы, говорили солдаты, и въ плѣну не унываютъ.

— А чего ему горевать. — замѣчали другіе, нешто ему у насъ плохое житье! Сейчасъ, кто поваромъ, кто парикмахтеромъ, а кто, гляди, и въ гувернеры къ господскимъ дѣтямъ попадетъ.

Симферополь въ Крымскую войну представлялъ много интереснаго для наблюдателя. Тихій и малоизвѣстный въ мирное время губернский городъ сталъ неузнаваемъ, и жизнь въ немъ была ключемъ. Тысячи пришлаго люда наполняли городъ, и казалось, точно въ немъ происходить нескончаемая ярмарка, притомъ самая бойкая. Покупатель платилъ наличными, платилъ щедро, хотя цѣны на все стояли бѣшенныя. Купцы, промышленники, спекуляторы, маркитанты и всякій людъ, жаждавшій наживы, стекался въ Симферополь со всѣхъ концовъ Россіи, словно вороны, привлеченные надеждою на обильную добычу. Въ то время, какъ армія съ неслыханнымъ геройствомъ защищала каждую пядь земли подъ Севастополемъ, — здѣсь, въ тылу этой арміи, всякаго рода хищники, рыцари легкой наживы, устроили себѣ притонъ. Одни изъ нихъ обирали армію, а другіе грабили казну. Къ первой категоріи причислялись частные люди, купцы, маркитанты, и т. п., а ко второй служивый человекъ — чиновники военнаго вѣдомства по продовольствен-

ной и комиссариатской части, начальники транспортовъ, смотрителя госпиталей, магазиновъ и проч. и проч. Широко и бойко наживался торговый людъ на счетъ офицера и солдата, получая съ нихъ въ-тридорога за свой товаръ, но спросъ превышалъ предложеніе, а слыханное ли дѣло, чтобы торговецъ или производитель не воспользовались бы этимъ и не обирали насъ, защитниковъ Севастополя, согласно правиламъ всякаго торговаго рынка, а если хотите, то даже согласно съ наукой политической экономіи. Но зато всякій чиновный людъ грабилъ казну въ всякихъ правилъ; многіе казенные миліоны проходили черезъ ихъ руки и крѣпко къ нимъ прилипали. Этимъ людямъ было вѣрнее ближайшее попеченіе о брюхѣ арміи и вообще ея матеріальное благосостояніе; они усердно исполняли свою обязанность, но строго наблюдали правило: «своя рубашка ближе къ тѣлу» и грабили казну съ соблюденіемъ всѣхъ канцелярскихъ формальностей. Представителями этой стаи хищниковъ являлись не только гражданскіе, но и военные чины, умѣвшіе ловко пристроиться къ теплымъ мѣстамъ и грѣть руки. Симферополь былъ главнымъ сборнымъ пунктомъ этихъ господъ, и они здѣсь занимали импонирующее положеніе. Въ числѣ ихъ было не мало широкихъ натуръ, и они сорили деньгами «заработанными» у казны, и прожигали жизнь... въ ресторанахъ, веселыхъ домахъ или за зеленымъ столомъ. Они занимали лучшія помѣщенія въ гостиницахъ, ѣли гастрономическіе обѣды, пили дорогія вина, имъ былъ первый почетъ и привѣтъ отъ торговцевъ и людей, поклоняющихся мамонтъ.

Въ Симферополь стекались также офицеры строевыхъ войскъ всѣхъ родовъ оружія, не только пробѣзжіе, но и вырвавшіеся на нѣсколько дней изъ Севастополя, чтобы здѣсь, въ тылу арміи, вдали отъ военныхъ бѣдъ и ужасовъ, отвести душу и отдохнуть. Понятно, что на этотъ отдыхъ и «отведеніе души» тратились сравнительно большія деньги, которымъ многіе не придавали особаго значенія въ виду вѣроятной возможности послѣдовать не сегодня, такъ завтра за своими боевыми товарищами на кладбище Сѣверной стороны. Въ числѣ навѣщавшихъ Симферополь на нѣсколько дней офицеровъ всѣхъ чиновъ вѣрѣдко встрѣчались люди богатые, не жалѣвшіе денегъ на свои прихоти, а потому неудивительно, что въ гостиницахъ и ресторанахъ «шелъ дымъ коромысломъ». Лавки торговали на славу, и въ Симферополѣ обращались громадныя капиталы, точно на крупной и бойкой ярмаркѣ, и притомъ не кратковременной, какъ это обыкновенно бываетъ, а продолжавшейся цѣлый годъ безъ перерыва.

Въ то время какъ на улицахъ и базарахъ Симферополя кипѣла жизнь, а въ гостиницахъ и ресторанахъ шелъ пиръ горой, въ томъ же городѣ въ военныхъ временныхъ госпиталяхъ (а ихъ было въ немъ не мало) ежедневно умирало довольно много людей отъ изнурительныхъ

болѣзней и отъ ранъ. Медицинскій персоналъ въ войскахъ въ Крымскую войну оказался слишкомъ малочисленнымъ, и врачи приглашались въ армію отовсюду, даже изъ-за границы. Понаѣхало врачей не мало своихъ и иностранныхъ, но почти половина изъ нихъ оказалась не медиками въ лучшемъ значеніи этого слова, а плохими ремесленниками, изъ которыхъ нѣкоторые не умѣли дѣйствовать хирургическими инструментами, и въ госпиталяхъ встрѣчались фельдшера гораздо болѣе опытные въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ наѣзжие врачи. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ Пироговъ высказывалъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ свое негодованіе одному изъ такихъ врачей за отвратительное содержаніе ампутаціонныхъ инструментовъ. Въ Крымскую войну правительство не жалѣло расходовъ на лучшее содержаніе госпиталей, отпуская на этотъ предметъ значительныя суммы, но немалая доля этихъ денегъ оставалась въ карманахъ разныхъ хищниковъ. Для характеристики госпитальныхъ хищниковъ въ Крымскую войну я приведу здѣсь одинъ случай, который произошелъ на моихъ глазахъ, и замѣчу, что онъ былъ явленіемъ чуть не обыденнымъ. Одинъ изъ моихъ полковыхъ сослуживцевъ былъ раненъ пулей въ ногу во время ночной стычки съ непріателемъ въ передовыхъ ложементяхъ втораго бастиона оборонительной линіи Севастополя. Первоначальная помощь была оказана ему на перевязочномъ пунктѣ Павловской батареи, а затѣмъ раненый былъ отправленъ въ одинъ изъ госпиталей въ окрестностяхъ Севастополя. На другой день я навѣстилъ моего товарища и узналъ отъ него, что врачъ осмотрѣвъ рану, признавалъ необходимымъ поставить вокругъ нея пѣвки, но ихъ, по словамъ раненаго, въ госпиталѣ не оказалось. Были, молъ, пѣвки, но всѣ вышли и передохли.

— Но какъ же быть? спрашиваю я фельдшера.

Онъ изображаетъ изъ своей физиономіи недоумѣніе и отвѣчаетъ обычной фразой: «Не могу знать»...

— Но вѣдь пѣвки нужны непременно, а слѣдовательно ихъ нужно достать и если ихъ нѣтъ въ госпиталѣ, то нужно купить.

— Купить можно, но только это очень трудно сдѣлать, дорого будетъ стоить, отвѣчалъ фельдшеръ и исчезъ.

Черезъ полчаса онъ явился съ докладомъ, что пѣвки найдены у одного армянина, но что онъ проситъ по полунимперіалу за каждую. Нечего дѣлать, пришлось согласиться и на эту цѣну, и бѣдный мой товарищъ вынужденъ былъ заплатить 15 полунимперіаловъ изъ числа 25, выданныхъ ему графомъ Віельгорскимъ отъ имени государыни императрицы. Чтобы читатели могли вполнѣ понять и достойно оцѣнить этотъ возмутительный фактъ, который, повторяю, былъ явленіемъ почти зауряднымъ, замѣчу, что промышляли пѣвками лица госпитального персонала, иначе говоря, они прода-

*

вали дороже, чѣмъ на вѣсъ золота, казенныя пивки, для ловли которыхъ во всемъ Новороссійскомъ краѣ были, по распоряженію правительства, организованы многочисленныя партіи рабочихъ, и пивки доставлялись въ военные госпитали въ изобиліи, но это не мѣшало разнымъ хищникамъ вести ими постыдный торгъ.

Боткинъ въ своихъ письмахъ съ театра войны 1877—1878 годовъ (смотри «Вѣст. Европы» за 1892 годъ) осуждалъ госпитальные порядки и удивлялся, что Пироговъ относился къ нимъ оптимистически. Но если бы Боткинъ видѣлъ то, съ чѣмъ приходилось встрѣчаться чуть не ежедневно Пирогову въ Крымскую войну, онъ вѣроятно понялъ бы, что нашъ славный хирургъ, сравнивая военно-госпитальное дѣло прошлаго съ настоящимъ, находилъ послѣднее настолько много выше перваго, что по неволѣ относился снисходительно къ нѣкоторымъ его недостаткамъ. Двадцать два года отдѣляли Крымскую войну отъ послѣдней турецкой кампаніи 1877—78 годовъ, но въ этотъ сравнительно короткій періодъ, мы, благодаря реформамъ императора Александра II, много подвинулись впередъ по пути прогресса; госпитальное и санитарное дѣло арміи въ послѣднюю войну поставлено было несравненно выше, чѣмъ въ Крымскую войну.

Не было у насъ тогда ни желѣзныхъ дорогъ, ни даже улучшенныхъ путей сообщеній, не имѣли мы наръзныхъ ружей, винтовыхъ паровыхъ судовъ, не имѣли электрическихъ телеграфовъ, и даже почтовое дѣло было плохо организовано. Помню, что на другой день по прибытіи въ Симферополь я направился въ мѣстную почтовую контору и, сдавъ письма свои и товарищей, спросилъ, гдѣ можно получить простую корреспонденцію. Миѣ указали на сосѣднюю комнату. Это—была средней величины зала безъ мебели, и на полу ея лежали огромныя груды казенныхъ пакетовъ и частныхъ писемъ. Почтовыхъ чиновниковъ тутъ не было, а нѣсколько военныхъ писарей, сидя на корточкахъ, производили розыски въ этомъ хаосѣ писемъ и пакетовъ.

Писаря миѣ объяснили, что они розыскиваютъ пакеты и письма, каждый для своего полка, и что это дѣло очень копотливое и требуетъ много времени. Въ Крымскую войну, по волѣ государя императора, вся простая корреспонденція нижнихъ чиновъ пересылалась бесплатно, приливъ простой корреспонденціи въ Симферопольскую почтовую контору былъ громаднй, далеко не соответствующій персоналу почтовыхъ чиновниковъ, а потому простая корреспонденція получалась крайне не аккуратно и очень запоздалою. Глядя на эти ворохи писемъ, въ беспорядкѣ разбросанныхъ на полу, я невольно подумалъ, что многіе изъ тѣхъ, которымъ адресованы эти письма, давно уже покоятся въ братскихъ могилахъ, не дождавшись желан-

ной вѣсточки изъ дому... И здѣсь, какъ и во многомъ иномъ, сказывалась наша некультурность и неумѣлость быстро организовать дѣло, примѣниться къ обстоятельствамъ. Рутиня и отсталость давали себя тяжело чувствовать въ теченіе всей Крымской войны.

Въ Севастополь я прибылъ днемъ ранѣе прихода туда нашего полка. Всю дорогу отъ Симферополя до Севастополя я проѣхалъ шагомъ, пробылъ въ пути цѣлый юньскій день, съ ранняго утра до 6 часовъ вечера. Такимъ образомъ я имѣлъ довольно времени вдоволь насмотрѣться на рѣдкое и оригинальное зрѣлище, какое представляла дорога, почти на всемъ протяженіи отъ Симферополя до Севастополя. Непрерывными веренищами въ нѣсколько рядовъ тянулись безконечные обозы по направленію къ Севастополю и обратно. Тутъ были артиллерійскіе парки, чумацкіе валки, провіантскіе обозы, погонцы, транспорты съ больными, ранеными и проч. Рядомъ съ обозами двигался всякій людъ, пѣшій и конный, проходили отряды войскъ. Стукъ колесъ, топотъ лошадей и людской говоръ—все это сливалось въ одинъ общій гулъ. Вся эта масса людей и всякихъ обозовъ помѣщалась на узкомъ полотнѣ дороги... Чувствовалась близость большой арміи, ради которой созданы были эти многочисленныя средства, поглощавшія громадныя капиталы. Не безъ основанія утверждали въ Крымскую войну, что дорога отъ Перекопа до Симферополя была вымощена серебромъ, а до Севастополя золотомъ...

Вотъ и Дуванка. Отсюда остается только одинъ переходъ до Севастополя. Мы остановились здѣсь на часъ, чтобы покормить лошадей, а самимъ пообѣдать въ ближайшемъ трактирѣ. Дорога здѣсь окаймлялась съ одной стороны голыми скалами, одна изъ нихъ высоко поднялась надъ всѣми и стоитъ особнякомъ впереди другихъ, точно сторожевая башня. Узнавъ, что съ этой скалы хорошо виденъ Севастополь, я карабкаюсь по отвѣснымъ бокамъ ея и достигаю вершины. Отсюда глазамъ моимъ представляется обширная и живописная панорама. Далеко на горизонтѣ синѣло Черное море, виденъ былъ Севастополь и очертанія его бухтъ, непріятельскій флотъ и даже бѣлыя облачки дыма пушечныхъ выстрѣловъ, гулъ которыхъ хорошо слышенъ былъ въ Дуванкѣ. Влѣво, почти у самыхъ ногъ моихъ, разстилась глубокая, живописная долина съ роскошной растительностью, а далѣе...

Тамъ трядой нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной
Тянулись горы...

Но время не ждетъ; пора было спуститься внизъ, чтобы очутиться въ болѣе реальной обстановкѣ и продолжать путь къ Севастополю, гдѣ ожидали насъ виды и картины далеко не поэтическія, о чемъ

краснорѣчиво напоминали часто попадающіеся на встрѣчу длинные транспорты раненыхъ...

Солнце стояло уже низко надъ горизонтомъ, когда я прибылъ на Сѣверную сторону Севастополя въ лагерь, предназначенный для временной стоянки нашего полка. Отсюда я поспѣшилъ къ большой бухтѣ, чтобы лучше рассмотретьъ городъ, уже получившій всемірную извѣстность, благодаря славной его защитѣ. Съ высокаго сѣвернаго берега бухты Севастополь выглядѣлъ такъ, какъ будто онъ и не подвергался вотъ уже восемь мѣсяцевъ почти ежедневному бомбардированію.

Разстояніе скрывало отъ глазъ опустошенія, причиненныя непріятельскими бомбами въ разныхъ мѣстахъ города. Громадныхъ размѣровъ Николаевская батарея глядѣла своими многочисленными амбуражами на бухту, на водахъ которой стояли остатки черноморскаго флота, немногіе корабли, фрегаты, пароходы и транспортныя суда. А тамъ далеко у самаго взморья едва замѣтны надъ водою верхушки мачтъ—точно кресты надъ могилой... тамъ на днѣ морскомъ покоилась большая часть черноморскаго флота, загородившаго собою доступъ непріятельскимъ кораблямъ въ бухту роднаго города

Вечерѣло, бомбардировка усиливалась, въ бухту и на Сѣверную сторону летѣли непріятельскія ракеты съ разрывными снарядами; одна изъ такихъ ракетъ упала не далеко отъ меня и показала, что тутъ далеко не безопасно и что будетъ довольно времени лучше и ближе познакомиться съ Севастополемъ и его обстановкой.

Полкъ нашъ прибылъ въ Севастополь въ первой половинѣ іюня, вскорѣ послѣ неудавшагося союзникамъ штурма 6-го іюня. Іюнь, іюль и августъ 1855 года были самымъ тяжелымъ временемъ для защитниковъ Севастополя. Наши передовыя укрѣпленія, редуты Селенгинскій, Волинскій и Камчатскій люнетъ были взяты союзниками еще 27-го мая, и съ того времени осадныя работы непріятеля стали быстро подвигаться впередъ, все болѣе и болѣе приближаясь къ лѣвому флангу нашей оборонительной линіи, то-есть, къ 1. 2 бастіонамъ и Малахову кургану. Цѣпь непріятельскихъ укрѣпленій постепенно все сдвигалась плотнѣе, увеличивалось число батарей, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливался огонь непріятельской осадной артиллеріи. Убыль въ людяхъ у насъ замѣтно увеличивалась, и можно безошибочно сказать, что къ 1-му іюля союзники вполне поквитались съ нами за потери, понесенныя ими при отраженіи ихъ штурма 6-го іюня. Далѣе шло все хуже и хуже, и наконецъ къ августу мѣсяцу Севастополь уподобился настоящей бойнѣ людей.

Слѣдовательно, полкъ нашъ вступилъ въ составъ защитниковъ Севастополя въ самое трудное время для его обороны. Вскорѣ послѣ

поступленія въ составъ Севастопольскаго гарнизона полкъ нашъ былъ назначенъ на 1 и 2 бастіоны; они не имѣли достаточнаго числа блиндажей, а потому убыль въ людяхъ у насъ была очень значительна. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе главнокомандующаго князя Горчакова, который, посѣтивъ нашъ бастіонъ, счелъ нужнымъ ободрить солдатъ и совѣтовалъ имъ временно прекращать работы по исправленію укрѣпленій, если огонь непріятелей будетъ слишкомъ силенъ. Но солдаты отвѣчали, что все равно работать надо — время не терпитъ, и князь Горчаковъ повидямому былъ озадаченъ такимъ отвѣтомъ, крѣпко благодарилъ солдатъ и счелъ своимъ долгомъ объ этомъ случаѣ опубликовать въ приказѣ по арміи.

Однажды начальникъ отдѣленія, генералъ князь Урусовъ обратился къ нашему баталіонному командиру, говоря:

— Вызовите изъ вашего баталіона офицера и нижнихъ чиновъ въ охотники на сегодняшнюю ночь.

— Охотниковъ у насъ нѣтъ, отвѣчалъ баталіонный командиръ.

— Неужели нѣтъ охотниковъ, что это значитъ?

— Это значитъ, что всѣ готовы пойти въ охотники, кого назначать или чья очередь,—тотъ и пойдетъ.

Такъ и ходили наши по очереди въ охотники и по очереди умирали отъ непріятельскихъ пуль или возвращались изувѣченными, и лишь немногіе счастливыцы выходили цѣлыми и невредимыми. Да и какъ могло быть иначе?! На небольшомъ пространствѣ между нашими и французскими укрѣпленіями, отстоявшими другъ отъ друга на нѣскольکو десятковъ шаговъ, пространствѣ, изрытомъ небольшими ямами и ровиками, выходили на ночь десятка два, три солдатъ при офицерѣ, и пробираясь ползкомъ, укрывались кто какъ могъ и затѣмъ наблюдали за непріятелемъ. Въ свою очередь французы продѣлывали то же самое, а потому ни одна ночь не проходила безъ стѣчекъ и жертвъ. Завяжется бывало схватка между нашими и французскими охотниками, и тутъ съ батарей обѣихъ сторонъ открываютъ пушечную пальбу, нисколько не заботясь объ участи горсти людей брошеннымъ между двумя огнями...

Въ первой половинѣ августа мѣсяца полкъ нашъ былъ перемѣщенъ на Малаховъ курганъ, гдѣ и пробылъ до самаго конца осады. Но и на Малаховомъ курганѣ было намъ не легче... Наступили послѣдніе дни Севастополя, и бомбардировка все усиливалась, причѣмъ на Малаховъ курганъ непріятель обращалъ главное вниманіе. Многочисленные разрывные снаряды непріятеля сыпались на насъ въ изобиліи, неся всюду смерть и разрушеніе. Полкъ таялъ, какъ снѣгъ на солнцѣ, и къ 25 августа въ трехъ его баталіонахъ едва-ли насчитывалось 1.200 человекъ. Я не стану описывать кровавыхъ сценъ, которыхъ я былъ сви-

дѣтелемъ. На воспроизведеніе всѣхъ ужасовъ Севастопольской обороны и безъ того потрачено не мало чернилъ, бумаги и времени,—я замѣчу только, что съ 6 по 27 августа (т. е. въ дни самой сильной бомбардировки за все время осады) изъ рядовъ защитниковъ Севастополя убывало среднимъ числомъ ежедневно убитыми, ранеными, контужеными и больными до двухъ тысячъ человекъ, а за 22 дня около 44 тысячъ человекъ или почти цѣлый тогдашній пѣхотный корпусъ!!...

Надъ этой цифрой можно было призадуматься и задаться вопросомъ, что же будетъ дальше? Только какой-нибудь необыкновенный успѣхъ могъ спасти Севастополь и заставить непріятеля снять осаду. Но спрашивается, какими шансами располагали мы для этого? Непріятель не уступалъ намъ въ численности, въ дѣлѣ вооруженія много превосходилъ насъ; кромѣ того, осаждая приморскій городъ, союзники располагали громаднымъ военнымъ флотомъ и множествомъ транспортныхъ судовъ, доставлявшихъ все необходимое для арміи. Одинъ или два большихъ транспортныхъ парохода подвозили союзникамъ такую массу артиллерійскихъ снарядовъ, для транспортировки коихъ сухимъ путемъ требовались у насъ многія тысячи подводъ. Въ послѣдніе три мѣсяца осады наша артиллерія на оборонительной линіи осозательно чувствовала недостатокъ въ снарядахъ, особенно разрывныхъ, да и самый порохъ надо было расходовать съ оглядкой. А между тѣмъ непріятель щедро сыпалъ на городъ и укрѣпленія его всякіе разрывные снаряды, и были дни, когда, по донесенію французскаго военнаго министра, однихъ только разрывныхъ снарядовъ было брошено болѣе 50 тысячъ. Положительно можно сказать, что въ теченіе августа на десять непріятельскихъ выстрѣловъ мы могли отвѣчать двумя, тремя выстрѣлами.

Мы имѣли отличнаго, талантливаго инженера генерала Тотлебена, воздвигнутыя имъ укрѣпленія выросли на виду непріятеля и подъ его выстрѣлами, но на сооруженіе этихъ укрѣпленій былъ употребленъ матеріалъ мало пригодный, какой былъ подъ руками, а потому они не могли отличаться прочностью и не въ состояніи были выдерживать продолжительнаго бомбардированія. Исправленіе поврежденныхъ укрѣпленій требовало отъ нашихъ солдатъ неимовернаго труда, стойкости и геройства и поглотило громадное число жертвъ. А все же мы видѣли, что укрѣпленія, несмотря на всѣ усилія наши, постепенно разрушались, высота брустверовъ уменьшалась, рвы засыпались. Отбивъ 6-го іюня непріятельскій штурмъ и продержавшись затѣмъ въ Севастополѣ почти три мѣсяца, наша армія совершила по истинѣ великій подвигъ!

Насколько положеніе наше измѣнилось не въ нашу пользу за время съ 6 го іюня по 6-е августа, можно судить уже изъ того, что 6-го іюня

передовыя укрѣпленія непріятеля отстояли отъ нашихъ (1, 2 бастіоновъ и Малахова кургана) на 300, 250 и 200 саженой, а къ 6-му августа это разстояніе сократилось почти въ десять разъ, и уже не сотни, а десятки шаговъ отдѣляли непріятеля отъ насъ. Геніальныхъ вождей мы не имѣли. Главнокомандующій князь Горчаковъ былъ осторожный полководецъ, хорошій военный администраторъ, много заботившійся о матеріальномъ благосостояніи арміи, которая любила и уважала его за это, но не за высшіе военные таланты, которыхъ у него не было.

У насъ были отличные боевые генералы, оказавшіе чудеса храбрости и отваги, способные своимъ примѣромъ увлекать за собою массы солдатъ и дѣйствовать на указанный пунктъ съ разрушительной силою тарана, но высшихъ стратегическихъ способностей они не проявляли. Эти богатыри - генералы оказали большую услугу дѣлу обороны Севастополя, но спасти его не могли, тѣмъ болѣе, что ихъ было не много, и они одинъ за другимъ выбывали или убитыми или ранеными. Зато въ арміи не было недостатка въ генералахъ - резонерахъ; они все и всѣхъ критиковали, мнили себя тактиками и стратегами, а на самомъ дѣлѣ не умѣли толково выполнить самый несложный стратегическій планъ.

О муштрѣ - генералахъ и говорить нечего. Эти артисты по части выпячиванія груди, вытягиванія носковъ и равненія, такіе хваты въ манежѣ и на ученіи, оказывались въ большинствѣ случаевъ ниже всякой критики на полѣ битвы. Такихъ генераловъ въ николаевское время расплодилось не мало...

Итакъ, ни стратегіей, ни хитрой фортификаціей, ни геніальностью вождей, ни превосходствомъ силъ и вооруженія, а стойкостью, мужествомъ и самоотверженіемъ русскаго солдата и моряка живъ былъ Севастополь, въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ выдерживая упорную осаду. Много, много тысячъ ихъ легло тутъ костью, не посрамивъ земли Русской!!... Честь оружія была блистательно сохранена, пора было подумать и о сохраненіи людей и прекратить севастопольскую бойню.

Отбивъ штурмъ 6-го іюня, слѣдовало тогда же оставить Севастополь, но мостъ чрезъ бухту на Сѣверную сторону еще не существовалъ въ то время, хотя необходимость его была признана въ принципѣ. Кромѣ того, все еще не теряли надежды на благопріятный случай, а въ Петербургѣ лелѣяли планъ нападенія на союзниковъ со стороны Черной рѣчки.

Но и эта послѣдняя попытка, какъ извѣстно, окончилась полной неудачей, и битва 4-го августа стоила намъ очень дорого — вышло изъ строя болѣе десяти тысячъ человекъ. Эта неудача произвела тяжелое впечатлѣніе на армію, и слухи о выступленіи изъ Севастополя

усилились. Спѣшили окончить наводку моста черезъ бухту, и къ 15-му августа онъ былъ открытъ для движенія подводъ и людей.

Съ 6-го августа непріятель открылъ усиленную бомбардировку города и нашихъ укрѣпленій; эта бомбардировка, съ каждымъ днемъ возрастая, съ 24, 25, 26 и 27 августа, достигла небывалыхъ размѣровъ. На насъ сыпался чугунный дождь артиллерійскихъ снарядовъ, неся всюду смерть и опустошеніе. Укрѣпленія наши быстро разрушались, убитыхъ не успѣвали убирать, едва управляясь съ ранеными, пожары въ городѣ увеличивались и даже на рейдѣ горѣло второе судно, фрегатъ «Коварна». Онъ горѣлъ, какъ спичка, освѣщая зловѣщимъ заревомъ городъ и бухту... А на Сѣверной сторонѣ шла неустанная работа—тамъ рыли братскія могилы и укладывали въ нихъ убитыхъ цѣлыми капральствами... При такой-то обстановкѣ наступали послѣдніе дни Севастополя, или, какъ выражались наши солдаты, «настало настоящее свѣтопреставленіе». Когда въ эти дни бомбардировка достигла своего апогея, тогда ужъ не было слышно отдѣльныхъ выстрѣловъ: пушечная пальба сливалась въ одинъ ужасающій гулъ, ему вторилъ трескъ лопающихся бомбъ и гранатъ, да рокотъ ядеръ. Нашъ огонь далеко не былъ такъ силенъ, какъ непріятеля; пороха и снарядовъ у насъ не хватало, и мы тщательно берегли ихъ на случай штурма, котораго ждали каждый день. Наконецъ, этотъ день наступилъ 27 августа. Съ утра этого дня союзники открыли по городу и укрѣпленіямъ усиленную бомбардировку, а въ полдень пошли на приступъ, котораго мы въ такое время вовсе не ожидали. Извѣстно, что штурмъ этотъ былъ отбитъ на всѣхъ пунктахъ кромѣ Малахова кургана. Въ этотъ день французы 6 разъ штурмовали второй бастионъ и куртину, соединявшую его съ Малаховымъ курганомъ. Три раза англичане брали третій бастионъ и французы атаковали редуты Шварца и Бѣлкина (5-й бастионъ). Нѣсколько разъ наши укрѣпленія переходили изъ рукъ въ руки сражавшихся, но въ концѣ союзники повсюду были отбиты, и только на Малаховомъ курганѣ развѣвалось французское знамя. Въ этотъ день я находился на укрѣпленіяхъ кургана, а потому расскажу нѣсколько подробнѣе о битвѣ или, вѣрнѣе, побойщѣ, происходившемъ въ этомъ пунктѣ. Вслѣдствіе усиленнаго бомбардированія союзниками, Малаховъ курганъ въ послѣдніе дни представлялъ печальную картину разрушенія и имѣлъ наполовину развалившіеся брустверы, засыпанные рвы и въ конецъ разбитую артиллерію.

Этотъ оплотъ и ключъ нашей обороны, въ моментъ штурма 27-го августа, имѣлъ лишь нѣсколько годныхъ къ дѣлу пушекъ, а для своей обороны три полка 15 резервной дивизіи, или, вѣрнѣе, жалкіе остатки этихъ полковъ, такъ что общее число защитниковъ кургана не превышало 1.700 человекъ, считая тутъ и артиллерійскую прислугу, всѣ

полки и часть дружины. Вообще въ послѣдніе дни на Малаховъ курганъ не было обращено того вниманія, какого онъ заслуживалъ, какъ ключъ нашей обороны, какъ пунктъ, на который были направлены всѣ усилія непріятеля. Въ виду этого, слѣдовало усилить гарнизонъ Малахова кургана и поставить генерала наиболѣе опытнаго и пользовавшагося безусловнымъ довѣріемъ солдатъ. Такого вождя въ моментъ штурма на Малаховомъ курганѣ не было. Командовавшій нашей дивизіей генералъ Буссау былъ убитъ въ началѣ штурма, да онъ и не обладалъ необходимыми качествами для выполненія трудной задачи—защиты кургана въ такой опасный моментъ.

Гарнизонъ оказался слишкомъ слабымъ и разрозненнымъ. Французы повели приступъ на Корниловскій бастионъ, наиболѣе подвергшійся разрушенію, и, встрѣтивъ здѣсь горсть солдатъ Модлинскаго полка, вскорѣ отгѣснили ихъ. Въ непродолжительное время до 500 зуавовъ уже были на Корниловскомъ бастионѣ. Съ зуавами вступили въ ожесточенный рукопашный бой артиллеристы и двѣ роты модлинцевъ, всего 250 человекъ или того менѣе. Въ то время, какъ на передовой части Малахова кургана кипѣла жестокая рукопашная свалка съ видимымъ перевѣсомъ на сторону непріятеля, нашъ полкъ (Замосцкій) находился въ части укрѣпленій кургана, прилегающихъ къ горжѣ, и мы и не подозревали, что происходило на Корниловскомъ бастионѣ, ибо внутренность укрѣпленій кургана представляла собою своего рода лабиринтъ, застроенный траверсами, ретрашементами. Когда вѣсть о неожиданномъ нападеніи французовъ долетѣла къ намъ и мы двинулись на помощь товарищамъ, то оказалось, что большая половина кургана уже находилась въ рукахъ французовъ. Чтобы выбить ихъ, приходилось брать приступомъ занятія непріятелемъ пространства. Бой завязался упорный, многіе солдаты и офицеры оказали чудеса храбрости и богатства. Остатки гарнизона смѣшались въ одну общую массу, и геройскія усилія ихъ имѣли характеръ разрозненности, а общаго дружнаго натиска сдѣлано не было. У насъ была замѣтна разрозненность въ дѣйствіяхъ и безначаліе, а это давало большой перевѣсъ французамъ, дѣлая наши усилія безплодными. Мы крѣпко держались на послѣдней площадкѣ, отбивая непріятеля. Въ это время явилось подкрѣпленіе подъ начальствомъ генерала Хрулева. Одушевленные присутствіемъ любимаго генерала, солдаты ринулись за нимъ на бой съ силою всесокрушающаго потока, и французы начали быстро подаваться назадъ. Но успѣхъ нашъ продолжался весьма не долго. Хрулевъ былъ раненъ, его вынесли изъ строя, и волна атакующихъ отхлынула назадъ въ страшномъ безпорядкѣ. Было затѣмъ произведено нѣсколько попытокъ отгѣснить французовъ, но это были послѣднія напрасныя усилія, и фран-

цузы вскорѣ заставили насъ отступить за гору—и весь курганъ находился уже въ рукахъ непріятеля...

Причины паденія Малахова кургана были: малочисленность гарнизона, немѣнне главнаго начальника, вполне способнаго и опытнаго, запоздавшая помощь и внезапность штурма, застигнаго гарнизона врасплохъ. Но спрашивается, какая бы для насъ получилась существенная польза, еслибы намъ и удалось овладѣть курганомъ? У насъ было бы изъ строя еще двѣ-три тысячи человекъ, въ лавровый вѣнокъ многострадальнаго Севастопольскаго гарнизона былъ бы вклетенъ еще одинъ листокъ, а все же пришлось бы намъ чуть-ли не въ ту же ночь покинуть Севастополь, дальнѣйшая защита котораго стала невозможной, по причинамъ, о которыхъ я говорилъ выше.

Въ тотъ же день 27 августа съ наступленіемъ сумерокъ началось отступление нашихъ войскъ изъ Севастополя на Сѣверную сторону. Отступление совершалось всю ночь съ 27 на 28 августа съ семи часовъ утра, безъ малѣйшаго со стороны непріятеля препятствія. Эта памятная въ исторіи ночь навсегда сохранилась въ моей памяти, благодаря всему видѣнному и прочувствованному за это сравнительно короткое время.

Безшумно и постепенно оставляли наши войска оборонительную линію и направлялись частію на наплавной мостъ чрезъ бухту, частію садились на пароходы и гребныя суда у оконечностей южной бухты. Настроеніе войска было далеко не радостное, и я самъ видѣлъ горько плакавшихъ матросовъ и солдатъ... Тяжело было покидать городъ послѣ одиннадцати-мѣсячной обороны, стоявшей такихъ громаднхъ жертвъ и геройскихъ усилій. Я присоединяюсь къ небольшой группѣ матросовъ и солдатъ, направлявшихся къ Павловскому мысу, слушаю ихъ сѣтованія и часто повторяемое слово: «змѣна». Но это слово вырывается у нихъ сильною горестью, а въ душѣ они сами сознаютъ, что тутъ никакой «змѣны» нѣтъ, а одна лишь печальная необходимость. Прислушиваясь къ ихъ рѣчамъ и горькимъ сѣтованіямъ, я невольно подумалъ: что было бы, если бы штурмъ 27 августа былъ отбитъ повсюду? Вѣдь тогда отступление изъ Севастополя вызвало бы въ арміи ропотъ и неудовольствіе, а между тѣмъ дальнѣйшая защита Севастополя стала невозможной.

Въ полночь я уже находился на Сѣверной сторонѣ, а затѣмъ всю ночь до 10 часовъ утра 28 августа пробылъ безъ сна, проведя все это время въ наблюденіи надъ тѣмъ, что происходило въ Севастополѣ и на большой бухтѣ. На большой бухтѣ или такъ называемомъ Севастопольскомъ рейдѣ въ эту ночь происходили печальныя похороны уцѣлѣвшихъ остатковъ славнаго черноморскаго флота.

Большіе линейные корабли, фрегаты, корветы и бриги одинъ за дру-

гимъ погружались на дно бухты, въ преждевременную глубокую могилу... А тутъ по рейду еще сновали пароходы, занятые перевозкою войскъ на Сѣверную сторону... Это была ихъ послѣдняя служба, которую они съ такимъ усердіемъ несли во время обороны Севастополя, ревностно помогая его защитникамъ въ выполненіи трудной задачи... Эти пароходы ожидала та же печальная участь погрузиться на дно бухты.

Еще до разсвѣта начались взрывы пороховыхъ погребовъ на нашей оборонительной линіи, уже покинутой войсками. Пожаръ въ городѣ усиливался, и уже стояли въ огнѣ цѣлыя улицы; запылало адмиралтейство, и огонь тутъ свирѣпствовалъ съ особенной силою, увеличивая тяжелое впечатлѣніе, производимое на насъ ужасною картиною Севастопольскаго пожараща. Съ ранняго утра 28 августа нами было приступлено къ взрывамъ приморскихъ батарей Южной стороны, взлетѣла на воздухъ Александровская, а затѣмъ и другія батареи. Я все еще оставался на сѣверномъ берегу большой бухты и былъ очевидцемъ, какъ громадное зданіе Павловской батареи, стоявшей на оконечности южной бухты, взлетѣло на воздухъ и рассыпалось какъ карточный домикъ. Когда дымъ и пыль, причиненные взрывомъ, разсѣялись, то на мѣстѣ, гдѣ еще такъ недавно возвышалась грозная батарея, видѣлась лишь груда камней... Послѣдній взрывъ былъ произведенъ нами на Николаевской батарее, причемъ взорвана нами была только небольшая часть этого гигантскаго сооруженія, а именно загибъ ея, обращенный къ сѣверовостоку большой бухты. Всѣ эти батареи стоили намъ громадныхъ денегъ, и безъ преувеличенія можно сказать, что вмѣстѣ съ этимъ батареями взлетѣли на воздухъ милліоны денегъ. Тѣ же милліоны пошли на дно бухты, видѣ кораблей и разныхъ ранговъ военныхъ судовъ, затопленныхъ нами въ ночь на бухтѣ. Еще почти новыя 120-ти пушечныя линейныя корабли «Императрица Марія», «Великій князь Константинъ», «Парижъ», «Ягудинъ» и другіе, (всего 6 линейныхъ кораблей) одинъ фрегатъ, одинъ корветъ и пять бриговъ пущено на дно. Затѣмъ, спустя два дня, въ ночь съ 29 на 30 августа, пришлось намъ потопить и всѣ пароходы (числомъ 10) и одно небольшое транспортное судно. Покинувъ Севастополь и оставивъ неприятелю лучшіе въ мирѣ сухіе доки, сооруженіе коихъ стоило намъ огромныхъ денегъ (доки эти такъ же, какъ и Николаевская батарея, были впоследствии совершенно разрушены и въ концѣ уничтожены союзниками),—мы оставили на оборонительныхъ ливняхъ и складахъ годныхъ и негодныхъ къ дѣлу до 2-хъ тысячъ артиллерійскихъ орудій разнаго калибра и около 30 тысячъ пудовъ пороха.

Но всѣ эти великія потери не уменьшаютъ заслугъ арміи и флота, свято выполнявшихъ до конца свой долгъ... Трусами защитниковъ Севастополя плотно устлана вся оборонительная линія на протяженіи

7 версть (3.500 сажений) и притомъ устлана не въ одинъ, а въ нѣсколько рядовъ... Князь Горчаковъ въ своемъ приказѣ по поводу оставленія Севастополя говорить, что 349-дневная оборона его превосходить Бородино, и это сравненіе не только не преувеличено, но даже слабо выражаетъ заслугу Севастопольской арміи и флота. Однако не прошло 18 лѣтъ со времени Бородинской битвы, и память этого событія уже была увѣковѣчена памятникомъ на полѣ этой битвы, но вотъ ужь сорокъ лѣтъ протекло со времени обороны Севастополя, а эта знаменитая эпопея не удостоилась такой чести. Въ 1894 году праздновалась сороковая годовщина защита Севастополя и къ этому времени слѣдовало быть въ Севастополѣ памятнику, достойному ихъ защитниковъ. Малаховъ курганъ былъ бы наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для такого памятника, который воздвигнетъ благодарная Россія—защитникамъ Севастополя.

Неизвѣстный.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Н. А. Тучковой-Огаревой.

— —
VII¹⁾.

1856—1860 г.

Приѣздъ въ Лондонъ. — Александръ Ивановичъ Герценъ и его семейство. — Наемъ квартиры. — Ив. Ив. Савичъ. — Помощники Герцена. — Тхоржевскій и Чернецкій. — Типографія. — Эмигранты. — Луи Бланъ. — Маданни. — Готфридъ Кинкель и его жена. — Орсини. — Энгельсонъ и его жена. — Водвореніе А. И. Герцена. — Столкновение съ Орсини. — Саффи. — Казнь Орсини въ Парижѣ. — Воскресныя собранія у Герцена. — Перемѣна квартиры. — Обычный день. — Герценъ и его сожители. — Начало изданія „Колокола“. — Н. П. Огаревъ. — И. С. Тургеневъ. — В. П. Боткинъ. Докторъ Девиль.

Въ 1856 году, 9-го апрѣля новаго стиля, мы переѣхали изъ Остенде въ Дувръ по очень взволнованному морю; я крѣпилась, чтобъ не захворать. Огаревъ переносилъ очень легко морскія путешествія. Когда пароходъ остановился передъ мрачными, безконечными скалами Дувра, тускло виднѣвшимися сквозь густой, желтоватый туманъ, сердце мое невольно сжалось: я почувствовала кругомъ что-то чуждое, холодное, незнакомый, непривычный говоръ на англійскомъ языкѣ... все поражало и напоминало мнѣ мою далекую сторону, свою семью.

Какая-то толстая англичанка, съ сакъ-воляжемъ на рукѣ, бѣжала къ пароходу, видимо боясь опоздать, но, прежде чѣмъ спуститься на пароходъ, она стала спрашивать всѣхъ пассажировъ, поднимавшихся по лѣстницѣ въ городъ, каковъ былъ переѣздъ, тихо ли было море; узнавъ, что оно было, напротивъ, очень бурливое, она торжественно воскликнула по-англійски: «не поѣду» и пошла

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1890 г., октябрь, стр. 1—80.

поспѣшно назадъ. Моряки и пассажиры смѣялись. Мы отыскали свой багажъ, взяли карету и отправились на желѣзную дорогу, тутъ мы едва успѣли сдать вещи и занять мѣста, какъ поѣздъ тронулся съ неимовѣрной быстротой,—это былъ экспрессъ: предметы по дорогѣ мелькали и производили непріятное ощущеніе на непривычные глаза; мнѣ было досадно, что намъ не удалось позавтракать, потому что это было необходимо для здоровья Огарева, съ которымъ могъ быть припадокъ отъ слабости и отъ нетерпѣнія видѣть своего друга. Часа черезъ четыре мы увидали Лондонъ, величественный, мрачный, вѣчно одѣтый въ туманъ, какъ въ кисейное покрывало, — Лондонъ, самый красивый городъ изъ видѣнныхъ мною; мелкій, частый дождь не умолкалъ. Взявши багажъ и приказавъ поставить его на карету, мы послѣшили сѣсть въ нее и отправились отыскивать Герцена по данному намъ адресу докторомъ Пикулинымъ: Richmond-Chomley lodge. Но кебъ—не желѣзная дорога, и намъ пришлось запастись еще большимъ терпѣніемъ; наконецъ, мы прибыли въ Ричмондъ; несмотря на дождь, городъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе: онъ весь утопалъ въ зелени, дома даже были покрыты плющемъ, дикимъ виноградомъ (vignolia) и другими ползучими растеніями; вдали видѣлся великолѣпный, безконечный паркъ; я никогда не видала ничего подобнаго! Кебъ остановился у калитки Chomley lodg'a; кучеръ, закутанный въ шинель съ множествомъ воротниковъ, одинъ длиннѣе другаго, сильно позвонилъ; вышла превратница; осмотрѣвъ насъ не безъ явнаго любопытства, такъ какъ мы, вѣроятно, очень отличались отъ лондонскихъ жителей, она учтиво поклонилась намъ. На вопросъ Огарева, тутъ ли живетъ мистеръ Герценъ, она обрадованно отвѣчала:

— Да, да, mister Ersen жилъ здѣсь, но давно переѣхалъ.

— Куда? спросилъ уныло Огаревъ.

— Гдѣ теперь? переспросила превратница, — о, далеко отсюда, сейчасъ принесу адресъ.

Она отправилась въ свою комнату и вынесла адресъ, написанный на лоскуткѣ бумаги Огаревъ прочелъ: London Finchley road № 21 Petersbora Villa. Кучеръ нагнулъ надъ бумажкой и, очевидно, прочелъ про себя.

— О... о, сказалъ онъ, качая головой, — я отвезу васъ въ Лон-

донъ, а тамъ вы возьмете другой кебъ, моя лошадь не довезетъ васъ туда, это на противоположномъ концѣ города, а она и такъ устала, сюда да обратно—порядочный конецъ.

Мы вздохнули печально и безусловно подчинились его соображеніямъ. Возвратившись въ Лондонъ, Огаревъ сознался, что желаетъ чего-нибудь закусить наскоро, пока переставляютъ наши чемоданы съ одного кеба на другой; такъ мы и сдѣлали. Усѣвшись въ карету, мы опять покатали по звучной мостовой, дорогой мы молчали и въ тревожномъ состояніи духа смотрѣли въ окно, а иногда обмѣнивались одной и той же мыслью: «ну, а какъ его и тамъ не будетъ?» Наконецъ, мы доѣхали. Кучеръ сошелъ съ козелъ и позвонилъ. № 21 виднѣлся надъ калиткой; домъ каменный, чистый, прозаичный, находился среди палисадника, обнесеннаго кругомъ высокой каменной стѣной, усыпанной сверху битымъ стекломъ, и которому эта стѣна придавала скорѣй видъ глубокой ванны, чѣмъ сада. Герценъ не могъ его выносить и никогда не бывалъ въ немъ. Поваръ Герцена, François, итальянецъ, маленькій, плѣшивый, на видъ среднихъ лѣтъ, отворилъ дверь дома, поглядѣлъ на наши чемоданы и заперъ ее; вѣроятно, онъ ходилъ передавать видѣнное своему хозяину. Нетерпѣливый кебменъ или кучеръ позвонилъ еще сильнѣе. На этотъ разъ François живо вышелъ, добѣжалъ до калитки, развязно поклонился намъ и сказалъ ломанымъ французскимъ языкомъ:

— Monsieur pas à la maison.

— Какъ досадно, отвѣчалъ тихо Огаревъ по-французски, и подалъ мнѣ руку, чтобъ я вышла изъ кареты, потомъ онъ велѣлъ кучеру снять съ кеба чемоданы и внести ихъ въ домъ; за симъ, спросилъ кучера, сколько ему слѣдуетъ, и заплатилъ. François шелъ за нами въ большомъ смущеніи. Войдя въ переднюю, Огаревъ повернулся къ François и спросилъ:

— А гдѣ же его дѣти?

Герценъ стоялъ на верху, надъ лѣстницей. Услыша голосъ Огарева, онъ сбѣжалъ, какъ молодой человѣкъ, и бросился обнимать Огарева, потомъ подошелъ ко мнѣ: «а, Концуэлла?» сказалъ онъ и поцѣловалъ меня тоже.

Видя нашу общую радость, François, наконецъ, пришелъ въ себя, а сначала онъ стоялъ ошеломленный, думая про себя, что эти русскіе, кажется, берутъ приступомъ домъ.

На зовъ Герцена, явились дѣти съ ихъ гувернанткой, Мальвида фонъ-Меузенбургъ. Меньшая, смуглая дѣвочка лѣтъ пяти, съ правильными чертами лица, казалась живою и избалованною; старшая, лѣтъ одиннадцати, напоминала нѣсколько мать темно-сѣрыми глазами, формой крутого лба и густыми бровями и волосами, хотя цвѣтъ ихъ былъ много свѣтлѣе, чѣмъ цвѣтъ волосъ ея матери. Въ выраженіи лица было что-то несмѣлое, сиротское. Она не могла почти выражаться по-русски и потому стѣснялась говорить. Впослѣдствіи она стала охотно говорить по-русски со мной, когда шла спать, а я садилась возлѣ ея кровати, и мы бесѣдовали о ея дорогой мамѣ. Я забыла сказать, что у Герцена былъ сынъ Александръ, который очень намъ обрадовался. Ему было лѣтъ 17. Онъ былъ въ той неопредѣленной порѣ, когда отрочество миновалось, а юность не началась. Я была до его отъѣзда изъ Лондона его старшей сестрой, другомъ, которому онъ повѣрялъ все, что было у него на душѣ.

Первые дни нашего пребыванія въ Лондонѣ Герценъ запретилъ François пускать какихъ бы то ни было посѣтителей; даже присутствіе Мальвиды было ему въ тягость: онъ хотѣлъ говорить съ нами о всемъ томъ, что наболѣло на его душѣ за послѣдніе годы, онъ намъ рассказывалъ со всѣми подробностями всѣ старинные удары, которые перенесъ, рассказывалъ и о болѣзни, и о кончинѣ жены.

Часто дѣти или Мейценбургъ, войдя, мѣшали намъ, прерывали нашу бесѣду, поэтому онъ предпочиталъ начать свои рассказы, когда они всѣ уходили спать; такъ мы провели нѣсколько безсонныхъ ночей, утро насъ заставляло на ногахъ, тогда мы спѣшили разойтись и прилечь. Я беспокоилась только за Огарева, но дѣлать было нечего. Послѣ, успокоенный, облегчивъ себя тяжелымъ воспоминаніемъ, подѣлившись съ нами своими страданіями, Герценъ сталъ опять живымъ и дѣятельнымъ. Онъ ходилъ съ нами по Лондону и показывалъ намъ все, что его раньше поражало, между прочимъ, лондонскія таверны, гдѣ люди отгорожены, какъ лошади въ стойлахъ, ночные рынки по субботамъ съ смолистымъ освѣщеніемъ, гдѣ одни бѣдные дѣлаютъ свои закупки и гдѣ слышно со всѣхъ концовъ: «вай,

вай, вай»¹⁾). Но заниматься Герценъ не скоро собрался. Нѣсколько дней спустя, намъ нашли маленькую квартиру, состоящую изъ двухъ комнатъ, у M-rs Врус, въ двухъ шагахъ отъ дома А. И. Герцена. Кромѣ помѣщенія, мы пользовались еще правомъ послать M-rs Врус купить провизію къ обѣду, а за приготовленіе она, по англійскимъ обычаямъ, ничего не получала. Намъ жилось очень хорошо у этой почтенной особы, но большую часть времени мы проводили въ домѣ Герцена. Тамъ мы встрѣчали эмигрантовъ почти изъ всѣхъ концовъ Европы: были французы, нѣмцы, итальянцы, поляки, изъ русскихъ въ то время былъ одинъ только Иванъ Ивановичъ Савичъ, двоюродный братъ того студента Савича, который пострадалъ за политическій образъ мысли, кажется, когда Герценъ былъ студентомъ, стало быть, очень давно, тѣмъ не менѣе, Иванъ Ивановичъ, потому только, что былъ ему двоюроднымъ братомъ, чувствовалъ себя какъ бы виноватымъ передъ нашимъ правительствомъ и потому побоялся возвратиться въ Россію и сдѣлался эмигрантомъ. Много онъ вытерпѣлъ непріятностей и лишеній, но когда мы пріѣхали, онъ жилъ уроками и уже мало прибѣгалъ къ помощи Герцена, который безусловно помогалъ всѣмъ эмигрантамъ. Прежде всѣхъ другихъ знакомыхъ Герцена мы увидали двухъ помощниковъ его, поляковъ: Тхоржевскаго и Чернецкаго; послѣдній завѣдывалъ типографіей, т. е. и набиралъ, и печаталъ самъ, присылалъ по почтѣ или приносилъ корректуры. Онъ былъ довольно высокаго роста, съ темными волосами и небольшою бородой того же цвѣта и зелеными глазами. Тургеневъ замѣтилъ, съ своей обычной наблюдательностью, что лѣвый глазъ Чернецкаго будто спитъ и безучастенъ ко всему окружающему, и какъ-будто лишній. Чернецкій былъ человѣкъ безъ образованія и посредственнаго ума, обидчивъ и упрямъ до крайности, чтѣ и видно изъ переписки Герцена о немъ. Не разъ Александръ Ивановичъ говаривалъ мнѣ, что еслибъ я не заступалась за него, онъ давно бы съ нимъ разошелся окончательно.

Тхоржевскій во всемъ отличался отъ своего соотечественника, и наружность его была иная: немного пониже ростомъ и поплотнѣе Чернецкаго, онъ былъ блондинъ съ большою, окладистой русой бо-

---

¹⁾ Купите.

родой, очень маленькіе голубые глаза привѣтливо смотрѣли, особенно на нашъ полъ (конечно, въ красивыхъ экземплярахъ), котораго онъ былъ усерднымъ поклонникомъ. Любовь его продолжался далеко за обычные предѣлы и переходилъ въ большую плѣшь, пониже виднѣлись жидкіе бѣлокурые волосы. Какъ и Чернецкій, онъ былъ горячимъ патриотомъ, но не симпатизировалъ съ польской аристократіей, а потому смотрѣлъ довольно безнадежно на польскія дѣла. Вообще, онъ любилъ русскихъ, а къ Герцену и его семьѣ имѣлъ безконечную преданность, хотя Герценъ дѣлалъ для него не болѣе чѣмъ для другихъ. Тхоржевскій имѣлъ въ Лондонѣ крошечную книжную лавку въ Soho Stret City и занимался розничной продажей всѣхъ изданій типографіи Герцена, и давалъ читать разные французскіе романы. Онъ скромно жилъ барышами съ продажи, кромѣ того, онъ былъ въ родѣ кюстода для прїѣзжихъ русскихъ, которые за его услуги угощали его иногда завтраками съ устрицами и бутылкой какого-нибудь вина; платы бы онъ не взялъ. По воскресеньямъ онъ неизмѣнно обѣдалъ у Герцена и исполнялъ не только всѣ порученія Герцена и Огарева, но и наши. Всѣ эмигранты собирались къ Герцену по воскресеньямъ, иные, какъ Боке, наприимѣръ, являлись съ ранняго утра и въ сущности это очень понятно: будничная жизнь ихъ была такъ тяжела, это была дѣйствительная борьба съ англичанами изъ-за куска хлѣба, не мудрено, что они радовались воскресенью, какъ дѣти, отпущенныя домои.

Конечно, между англичанами есть множество прекрасныхъ личностей, но выходцы имѣли дѣло съ нажившимися мѣщанами, а это самый антипатичный классъ вездѣ, и въ особенности въ Англіи.

Между эмигрантами были замѣчательныя личности, какъ, наприимѣръ, Луи Бланъ. Онъ не бѣдствовалъ, зарабатывалъ порядочно перомъ, жилъ скромно и былъ отлично принятъ англійской аристократіей. Луи Бланъ, корсиканецъ, очень маленькаго роста, огромные черные глаза его исполнены ума и находчивости. Онъ любилъ говорить, рассказывать; анекдоты такъ и сыпятся, но въ его слогѣ есть что-то книжное, если я могу такъ выразиться: онъ слишкомъ хорошо говорить. Луи Бланъ не бывалъ у насъ по воскресеньямъ также, какъ и Мадзини, извѣстный итальянскій революціонеръ и глава демократической партіи въ Италиі. Оба они не желали мѣ-

шатся съ простыми выходцами и бывали только въ другіе дни по приглашенію Герцена или по собственной инициативѣ. Луи Бланъ поражалъ необыкновенной памятью и большою начитанностью, особенно въ отношеніи исторіи и литературы. Когда онъ въ разговорѣ вспоминалъ какое-нибудь историческое событіе, то обрисовывалъ его такъ ярко, съ такими подробностями, что, казалось, онъ былъ самъ свидѣтелемъ передаваемаго. Мадзини былъ тоже рѣдко образованный и умный человекъ. Онъ имѣлъ даръ привлекать къ своей партіи мужчинъ и женщинъ, и располагалъ ими вполне деспотически, посылая ихъ иногда на неминуемую опасность. Въ 1856 г. Мадзини было за сорокъ лѣтъ; онъ былъ высокаго роста, очень худой, съ черными выразительными глазами, которые привыкли повелѣвать; аскетъ, онъ почти не употреблялъ пищи, а работалъ очень много: писалъ въ итальянскихъ журналахъ, иногда въ англійскихъ, писалъ разныя предписанія своимъ многочисленнымъ адептамъ и, кромѣ того, писалъ теоретическія статьи. Разъ, на вечерѣ у друзей Мадзини, Герценъ, въ разговорѣ съ послѣднимъ, былъ разнаго съ нимъ мнѣнія и горячо отстаивалъ свой взглядъ; Мадзини тоже спорилъ съ жаромъ. Опеломленному такой настойчивостью со стороны Герцена, Мадзини сдѣлалось чуть не дурно, онъ задышался: дамы засуетились около него, подавали воды, какіе-то порошки... Одна англичанка, страстная мадзинистка, была короче остальныхъ знакома съ Герценомъ; она отвела его въ сторону и сказала ему съ упрекомъ.

— Это вы надѣлали, развѣ можно такъ горячо спорить съ Мадзини, онъ не можетъ этого выносить!

— Я не зналъ, отвѣчалъ Герценъ, смѣясь.

Дѣйствительно, Герценъ не понималъ этого генеральства, важности, напускаемой революціонерами; въ эпоху самой силы и славы «Колокола», Герценъ оставался все тѣмъ же непринужденнымъ, гостепріимнымъ, простымъ, добродушнымъ. Онъ ничего не представлялъ изъ себя и оставался себѣ вѣренъ; это поражало русскихъ не разъ. Но это было не потому, чтобъ Герценъ не понималъ своего вліянія, своей силы, напротивъ, онъ зналъ себѣ цѣну, но находилъ эту аффектацію, позированіе недостойными сильнаго ума.

Изъ нѣмецкихъ выходцевъ самый замѣчательный былъ Готфридъ Кинкель. Онъ занималъ каедру исторіи въ университетѣ, мнѣ кажется, а жена его имѣла классъ пѣнія на дому. Два раза въ недѣлю старшая дочь Герцена ходила туда учиться пѣнію. Кинкель былъ человѣкъ очень высокаго роста, широкій въ плечахъ, видный мужчина. За глаза Герценъ называлъ его Геркулесомъ. Онъ былъ такъ проникнутъ своимъ величіемъ, что не могъ обратиться къ женѣ за кускомъ сахара во время питья чая безъ необыкновенной торжественности въ голосѣ, что намъ, русскимъ, казалось очень смѣшно. Жена ему отвѣчала такъ же торжественно, подавая сахаръ.

Разъ она очень удивила Герцена, который, сидя у нихъ, заговорилъ о кончинѣ Гейне:

— Какъ я рада этой вѣсти, воскликнула г-жа Кинкель. — Я все боялась, чтобъ Гейне не написалъ пасквиль на моего мужа.

Вотъ безличное отношеніе къ поэту, который во всемъ мірѣ сталъ безсмертенъ!

Эти Кинкели были ближайшіе друзья Мальвиды. Вѣроятно, ихъ семейная жизнь была не вполнѣ счастлива, несмотря на всю ихъ торжественность, потому что, года два спустя, жена Кинкеля бросилась на мостовую изъ четвертаго этажа, оставя четверыхъ малолѣтнихъ дѣтей. Едва миновалъ годъ послѣ ея кончины, какъ Готфридъ Кинкель вступилъ въ супружество съ какой-то учительницей, къ которой покойная жена его ревновала. Передъ свадьбой отца, дѣти его собрались, поплакали вмѣстѣ и дали другъ другу слово никогда не жаловаться на мачиху, что бы ни было, и сдержали слово. Мальвида и другіе друзья Кинкелей, изъ приличія, распространяли слухъ, что покойная г-жа Кинкель бросилась изъ окна отъ аневризма, будто она почувствовала такое стѣсненіе въ груди, что голова закружилась и она упала; но эти предположенія ничѣмъ не подтверждались.

Вскорѣ послѣ нашего приѣзда въ Лондонъ, прошла молва, что отважный революціонеръ Орсини, заключенный въ Австрію въ тюрьму, бѣжалъ изъ нея и скоро будетъ въ Лондонѣ. По этому поводу Герценъ вспоминалъ и рассказывалъ намъ, какъ годъ тому

назадъ, на вечерѣ у г-жи Мильнергинсонъ¹⁾, которая только-что вернулась изъ Швейцаріи, онъ слышалъ отъ нея, что тамъ былъ слухъ, что Орсини—австрійскій агентъ. Зная лично Орсини, Герценъ оспаривалъ эту бессмысленную сплетню, говоря, что изъ такихъ людей, какъ Орсини, никогда не выходитъ ни шпионовъ, ни агентовъ. Возвратясь домой, Герценъ разсказалъ Энгельсону слышанное имъ у Мильнергинсонъ.

— Какая глупая клевета, — говорилъ Герценъ, — человекъ страдаетъ въ тюрьмѣ, а негодяи чернятъ его!

Энгельсонъ былъ очень хорошъ съ Орсини, онъ возмущался этимъ слухомъ, взволновался, бранилъ Мильнергинсонъ за распространеніе подобныхъ толковъ и, наконецъ, выразилъ надежду, что этому слуху никто не повѣритъ, такъ они и разошлись спать. Впослѣдствіи разговоръ этотъ былъ забытъ. Энгельсонъ жилъ въ то время съ женой у Герцена въ домѣ. Они познакомились еще въ Ниццѣ, при нихъ скончалась жена Герцена; въ то время Энгельсоны жили тоже въ домѣ Герцена: казалось, что они принимаютъ большое участіе въ Герценѣ и его дѣтяхъ, но на дѣлѣ вышло иначе. Какъ только имъ не удалось завладѣть всѣмъ въ домѣ, какъ они намѣревались, они поссорились съ Герценомъ и переѣхали изъ его дома, затаивъ противъ него страшную ненависть и жажду мести. Нѣсколько дней послѣ этого разговора, возвратясь съ ежедневной прогулки по городу, Герценъ сказалъ намъ, что Орсини пріѣхалъ, что онъ его видѣлъ, и что Орсини завтра будетъ обѣдать у насъ. Я такъ много слышала о немъ, что мнѣ интересно было посмотреть на него.

Въ то время мы уже жили въ домѣ Герцена, вотъ какъ это случилось. Огаревъ и Герценъ пошли однажды вмѣстѣ въ городъ, я была одна на своей квартирѣ. Вдругъ является m-iss Muys, старая горничная, съ дѣтьми Герцена. Старшая изъ нихъ, Наташа, съ веселымъ лицомъ бросилась ко мнѣ на шею и говоритъ: «Она²⁾ уѣхала и всѣ вещи взяла». M-iss Muys подтвердила эти слова. Я ничего не понимала и пошла съ ними къ нимъ домой, намъ встрѣ-

¹⁾ Жена министра; давала вечера, рауты и была мадзинистка; мужъ ея никогда не бывалъ на ея вечерахъ.

Н. О.

²⁾ М-ше Мейценбургъ.

тился ихъ братъ Александръ. Онъ шелъ взволнованный, поднялъ маленькую Ольгу и поцѣловалъ ее, глаза его были полны слезъ.

— Зачѣмъ это? Зачѣмъ это? говорилъ онъ.

Герценъ былъ очень разсерженъ этой чисто нѣмецкой выходкой:

— Можно было объясниться, обдумать, говорилъ онъ.

Идти къ ней и просить ее возвратиться онъ ни за что не хотѣлъ.

Она стала жить на квартирѣ, а мы переѣхали къ Герцену въ домъ и простились навсегда съ милой M^{rs} Вгus. Но возвращаюсь къ своему разсказу.

Въ назначенный часъ Орсини явился. Это былъ чисто итальянскій типъ: высокаго роста, съ черными волосами, съ черными глазами, съ черной, небольшой бородой, съ правильными, но немного крупными чертами лица. Вѣроятно, онъ былъ еще красивѣе въ итальянскомъ военномъ мундирѣ, но въ Лондонѣ онъ былъ въ сюртукѣ и носилъ его съ тѣмъ особеннымъ шикомъ, съ которымъ всѣ военные носятъ штатское платье. Когда онъ говорилъ, онъ поражалъ необыкновеннымъ одушевленіемъ, живостью, горячностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, умѣнѣемъ остановиться, не высказывать больше, чѣмъ хотѣлъ. Я спрашивала его о его побѣгѣ изъ тюрьмы, онъ охотно передалъ мнѣ, что могъ, или хотѣлъ сообщить.

— Вы знаете, вѣроятно, что во всѣхъ тюрьмахъ есть рѣшетки, — говорилъ онъ, улыбаясь, — я буду кратокъ, чтобъ не надоѣдать вамъ моимъ разсказомъ. Мнѣ передали пилу, — такая простая вещь, а требуетъ умѣнья, хитрости и женской преданности. Да, безъ женщины, — говорилъ онъ задумчиво, — никакой побѣгъ не совершится. Я выпилилъ рѣшетку своего окна и вставилъ ее опять, чтобъ незамѣтно было; а въ послѣдній вечеръ распилилъ желѣзо своихъ кандаловъ; знаешь время, когда сторожъ не войдетъ, работаешь, а все думается, а какъ онъ вдругъ придетъ не въ урочный часъ? и сдѣлается нехорошо на душѣ... Мнѣ присланъ былъ свертокъ: полотняная длинная полоса, крѣпкая, по которой я могъ спуститься — должно быть, ошиблись въ вышинѣ тюрьмы, я началъ спускаться въ темную ночь, и мнѣ показалось, что до земли далеко еще, а полоса вся и пришлось на удачу спуститься, какъ можно легче, на землю, или

просто упасть. Я почувствовалъ страшную боль въ ногѣ, но не могъ опредѣлить: сломалъ ли я ногу, или только свихнулъ, но нельзя было этимъ заниматься, надо было спѣшить ко рву хоть ползкомъ, я не могъ вполне стать на ногу, добрался до рва и спустился, какъ могъ; потомъ вышелъ на дорогу, снялъ сапогъ съ ушибленной ноги и пустился бѣжать до условленнаго мѣста, далеко, гдѣ меня ожидало одно преданное существо въ экипажѣ, запряженномъ парой. И вотъ, пролежавши недѣль пять, я цѣль, невредимъ и свободенъ, а во все время бѣгства я былъ на волоскѣ отъ своей гибели: малѣйшій шорохъ — и началась бы тревога, зажгли бы огни, стали бы догонять, стрѣлять... развѣ мало гибнуть удалыя головы, которыя пытаются самовольно выйти на свободу! Солдаты привыкли стрѣлять въ бѣжавшихъ, имъ это нипочемъ.

Орсини былъ очень оживленъ и любезенъ. Черезъ недѣлю онъ опять насъ навѣстилъ; рассказы его были всегда очень оживленны и интересны. Но едва прошло нѣсколько дней послѣ его послѣдняго посѣщенія, какъ Герценъ получилъ отъ него довольно странное письмо: выражая дружбу и довѣріе къ Герцену, Орсини просилъ его, однако, дать ему объясненіе на слѣдующій вопросъ: правда ли, что онъ, Герценъ, распространялъ слухъ, что Орсини — австрійскій агентъ? Онъ кончалъ свое посланіе тѣмъ, что ждетъ отвѣта до двѣнадцати часовъ и вполне вѣрить въ благородство и откровенность Герцена. Послѣдній задумался на минуту, какъ бы недоумѣвая, откуда и зачѣмъ такая страшная клевета? Но онъ скоро догадался, что этотъ ударъ изъ-за угла нанесъ Энгельсонъ.

— А, — вскричалъ онъ, — вотъ она, его месть, которой онъ грозилъ! Энгельсонъ неразборчивъ на средства, онъ только основательно предполагаетъ, что Орсини хорошій дуэлистъ, вдобавокъ онъ оскорбленъ, а не я, стало быть, онъ будетъ первый стрѣлять, а ужъ его пуля не собьется съ дороги... Я не буду ему писать въ отвѣтъ, не стоитъ, а пойду и расскажу ему откровенно, какъ все происходило, тогда увидимъ: если онъ повѣритъ моимъ словамъ — хорошо, а нѣтъ, такъ что жъ, мало ли случайностей окружаютъ насъ постоянно. Теперь хотя дѣти не останутся одни, какъ тогда въ Ниццѣ, вдали отъ родины; теперь я не боюсь за дѣтей, надѣюсь на тебя, Огаревъ.

Послѣдній выразилъ желаніе сопутствовать Герцену къ Орсини.

Въ ту минуту, какъ они собирались выйти, вошелъ Саффи, извѣстный итальянскій революціонеръ и самый благородный и прямой человѣкъ изъ всѣхъ выходцевъ. Онъ былъ когда-то любимымъ ученикомъ Мадзини; въ 1849 году Гарibaldi, Мадзини и Саффи (триумвиратъ) управляли революціонной партіей въ Римѣ, когда французы заняли его. Саффи слушалъ безпрекословно Мадзини и былъ посланъ разъ изъ Лондона съ какимъ-то важнымъ порученіемъ отъ Мадзини¹⁾. Только по чувству долга Саффи исполнилъ порученіе съ большой опасностью для себя, но, отрезвленный на счетъ этой пропаганды, возвратясь въ Лондонъ, онъ заявилъ Мадзини, что болѣе не поѣдетъ съ подобными порученіями, потому что видить ихъ бесполезность:

— Настали другія времена, — говорилъ онъ, — надо умѣть выждать спокойно, будущее укажетъ намъ другіе пути.

Этимъ протестомъ онъ вызвалъ страшную бурю на свою голову со стороны всѣхъ закоснѣлыхъ мадзинистовъ и потому сблизился съ Герценомъ. Такъ какъ онъ былъ необыкновенно образованный человѣкъ, то получилъ кафедру исторіи въ Оксфордскомъ университетѣ и отлично читалъ лекціи по-англійски, съ маленькимъ итальянскимъ акцентомъ. Наши показали Саффи письмо Орсини, тогда первый вспомнилъ, что былъ тоже у Мильнергинсонъ въ тотъ вечеръ и можетъ съ своей стороны засвидѣтельствовать, какъ дѣло происходило. Онъ вызвался ѣхать тоже съ ними, и они отправились втроемъ къ Орсини, который имѣлъ къ Саффи самое глубокое уваженіе. Орсини ихъ ожидалъ. Онъ принялъ ихъ очень хорошо, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ официальнаго тона. Выслушавъ откровенное и безыскусственное объясненіе Герцена, затѣмъ подтвержденіе Саффи, лицо его просіяло, онъ горячо протянулъ руку Герцену:

— Какъ я радъ, — сказалъ онъ, — я такъ и надѣялся, вы этого не могли сказать, простите меня за неумѣстное сомнѣніе.

Герценъ попросилъ его назвать того, кто былъ виной всей этой тревоги.

¹⁾ За поимку его была обѣщана награда, а онъ спокойно ходилъ по улицамъ Турина и читалъ разсѣянно это объявленіе.

— Не могу, — отвѣчалъ Орсини, — да и зачѣмъ?

— Однако, — сказала Герцена, — если я отгадаю, вы мнѣ скажете? Эта клевета передана вамъ Энгельсопомъ, правда?

Орсини слегка улыбнулся.

Какъ велико вліяніе случайностей на крупныя событія; еслибъ дуэль Герцена съ Орсини состоялась, вѣроятно, «Колокола» бы не было; не было бы и всѣхъ изданій русской типографіи въ Лондонѣ.

Сначала мы сильно занимались этимъ происшествіемъ, радовались его счастливому исходу, толковали, толковали о немъ и забыли его и сдали его, наконецъ, въ архивъ нашей памяти; но Орсини не могъ забыть его. Онъ вѣрилъ искренности Герцена, тѣмъ не менѣе, эта клевета оскорбляла его, не давала ему покоя. Слѣдуетъ полагать, что онъ подозрѣвалъ въ ней мадзинистовъ, потому что онъ съ ними не ладилъ, а такое средство употреблялось иногда съ противниками. Орсини рѣдко бывалъ у насъ, но и въ эти рѣдкія посѣщенія замѣтно было, что какая-то мысль неотвязчиво преслѣдовала его, но онъ встряхивалъ докучную *idée fixe* и казался оживленнымъ по-прежнему. Онъ искалъ въ своемъ умѣ блестящаго, геройскаго поступка, который бы служилъ рѣзкимъ опроверженіемъ безсмысленной клеветы, онъ жаждалъ самоотверженія для родины, славы, нравственной побѣды надъ мадзинистами... Онъ побѣдилъ и ихъ, но цѣной побѣды была его голова!

Вѣроятно, и теперь не всѣми забыто покушеніе Орсини съ сообщниками на жизнь Наполеона III, кажется, въ 1858 году. Неудачно брошенная разрывная бомба въ карету Наполеона и подъ ноги ему повредила многимъ, но не императору. Орсини и тутъ не потерялся; раненый осколкомъ бомбы, онъ вернулся на свою квартиру съ подвязанной рукой, рѣзко браня французовъ:

— Я пошелъ искать развлечения, а возвращаюсь съ подвязанной рукой.

Хозяйка квартиры, добрая старушка, ничего не подозрѣвала и ухаживала за его большой рукой. Онъ имѣлъ англійскій паспортъ и разыгрывалъ роль англичанина. Къ его несчастію, сообщники его были безъ всякаго образованія и даже безъ находчивости — ихъ было трое — они разбрелись по разнымъ угламъ послѣ происшествія; одинъ изъ нихъ ходилъ по трактирамъ, видимо, разыскивая

Орсини. Полиція арестовала его и допросила; онъ объяснилъ, что искалъ друга своего, англичанина, и даже далъ его адресъ.

Тогда полиція явилась въ квартиру Орсини; при обыскѣ нашлись у него бомбы; хозяйка не вѣрила своимъ глазамъ.

Послѣ долгаго заключенія (кажется, съ мѣсяць), Орсини былъ приговоренъ къ смертной казни, а также и товарищъ, искавшій его. Онъ писалъ къ Наполеону, но не просилъ о помилованіи, онъ писалъ только о милой родинѣ. Въ день казни, — это было зимой, — рано поутру вывели Орсини и товарища его на площадь. Приговоренные шли босикомъ и подъ чернымъ покрываломъ, какъ за отцеубійство. Орсини шелъ съ полнымъ обладаніемъ духа. На эшафотѣ онъ хотѣлъ сказать что-то, но барабаны забили, и красивая голова его скатилась... Имя его, какъ отдаленный гулъ, пронеслось по Европѣ...

Мнѣ помнится, что мы провели не болѣе полугода въ Petersburgo Villa. Александръ Ивановичъ Герценъ охотно мѣнялъ не только квартиры, но и кварталы: ему скоро были замѣтны всѣ неудобства занимаемаго дома, ему становились невыносимы даже все тѣ же лица въ omnibusaxъ, отправляющихся постоянно по одному направленію: въ центръ города и обратно. Въ добавокъ, Petersburgo Villa имѣла еще одно большое неудобство. Этотъ домъ состоялъ изъ двухъ квартиръ, вполне одинаковыхъ съ одной смежной стѣной. Какъ я уже говорила, по воскресеньямъ у насъ собирались разные изгнанники: Чернецкій съ Тхоржевскимъ обязательно, нѣмцы, французы, итальянцы. Иногда кто-нибудь изъ гостей приводилъ новаго случайнаго посѣтителя. Мало-по-малу всѣ оживлялись, кто-нибудь начиналъ играть на фортепіано, иногда пѣли хоромъ. Дѣти тоже принимали участіе въ пѣніи, раздавался веселый гулъ, смѣхъ, а за стѣной начиналось постукиваніе, напоминающее, что въ Англии предосудительно проводить такъ воскресные дни. Герценъ по этому поводу приходилъ въ сильное негодованіе и говорилъ, что нельзя жить въ Англии иначе, какъ въ домѣ, стоящемъ совсѣмъ отдѣльно. Это желаніе вскорѣ осуществилось. Александръ Ивановичъ поручилъ своему пріятелю Саффи, въ своихъ частыхъ прогулкахъ по отдаленнымъ частямъ города, пріискать для насъ отдѣльный домъ

съ садомъ. Когда Саффи нашель, наконецъ, Tinkler's или Laurel's house, какъ его звали двояко, онъ пригласилъ Александра Ивановича осмотрѣть этотъ домъ вмѣстѣ съ нимъ; они остались оба очень довольны своей находкой.

Laurel's house былъ во всемъ противоположенъ Petersboro Villa. Снаружи онъ скорѣе походилъ, подъ желѣзной крышей, окрашенной въ красную краску, на какую-нибудь англійскую ферму, чѣмъ на городскую домъ, а со стороны сада весь домъ былъ окутанъ зеленью, плющь вился снизу до верху по его стѣнамъ; передъ домомъ простиралась большая овальная луговина, а по сторонамъ ея шли дорожки; вездѣ виднѣлись кусты сирени и воздушнаго жасмина, и другіе; кромѣ того, была пропасть цвѣтовъ и даже маленькая цвѣточная оранжерея.

Милый домъ, какъ хорошо въ немъ было, и какъ все, чѣмъ жили оба друга, развивалось быстро и успѣшно въ то время!

Съ старшей дочерью Герцена каждый день мы дѣлали два букета, помѣщая посрединѣ большую, бѣлую, душистую лилію; одинъ букетъ былъ для гостиной, другой—для комнаты Огарева.

Отъ калитки до входной двери приходилось пройти порядочное разстояніе; дворъ былъ весь вымощенъ дикаремъ, направо была пустая конюшня, а надъ ней сѣноваль и квартира садовника.

Мы переѣхали въ свое новое помѣщеніе и хорошо въ немъ размѣстились. Герценъ могъ ѣздить въ Лондонъ по желѣзной дорогѣ, станція которой находилась въ двухъ шагахъ отъ нашего дома. А когда Александръ Ивановичъ опаздывалъ, онъ могъ сѣсть въ Фулямъ въ омнибусъ, который за Путнейскимъ мостомъ, каждыя десять минутъ, отходить въ самый центръ Лондона.

Герценъ вставалъ въ шесть часовъ утра, что очень рано по лондонскимъ обычаямъ; но, не требуя того же отъ прислуги, онъ читалъ нѣсколько часовъ у себя въ комнатѣ. Ложась спать, онъ тоже подолгу читалъ; а расходились мы вечеромъ въ двѣнадцатомъ часу, а иногда и позднѣе, такъ что Герценъ едва спалъ шесть часовъ. Послѣ обѣда онъ оставался большею частью дома и обыкновенно читалъ вслухъ по-французски или по-русски что-нибудь изъ исторіи или изъ литературы, понятное для его старшей дочери, а когда она уходила спать, то читалъ для сына книги, подходящія къ его воз-

расту. Герценъ слѣдилъ за всѣми новыми открытіями науки, за всѣмъ, что появлялось новаго въ литературѣ всѣхъ странъ Европы и Америки. Въ девять часовъ утра въ столовой подавался кофе. Герценъ выпивалъ цѣлый стаканъ очень крѣпкаго кофе, въ который наливалъ съ ложку сливокъ; онъ любилъ кофе очень хорошаго достоинства. За кофеемъ Александръ Ивановичъ читалъ «Теймсъ», дѣлалъ свои замѣчанія и сообщалъ намъ разныя новости. Онъ не любилъ направленія «Теймса», но находилъ необходимымъ читать его каждое утро. Окончивъ чтеніе «Теймса», онъ уходилъ въ гостиную, гдѣ занимался безъ перерыва до завтрака. Во второмъ часу въ столовой былъ приготовленъ завтракъ (lunch), который состоялъ изъ двухъ блюдъ, почти всегда изъ холоднаго мяса и еще чего-нибудь изъ остатковъ вчерашняго обѣда. На столѣ стояли кружка раі аІ¹⁾ и бутылка краснаго вина или хереса. Герценъ очень любилъ раі аІ и пилъ его ежедневно. Огаревъ опаздывалъ къ кофею; когда онъ сходилъ, наконецъ, въ столовую, Герцена уже не было тамъ. Но въ завтракъ всѣ собирались, дверь была отворена въ садъ, дѣти убѣгали рѣзвиться на свѣжій воздухъ, а большіе оставались одни. Тутъ друзья толковали о своихъ занятіяхъ, о статьяхъ, которыя нужно написать, и пр. Иногда одинъ изъ нихъ приносилъ оконченную статью и читалъ ее вслухъ.

Вскорѣ послѣ нашего переѣзда въ этотъ домъ, однажды Огаревъ, послѣ lunch'a, сказалъ Герцену при мнѣ:

— А знаешь, Александръ, «Полярная Звѣзда», «Бывое и Думы», — все это хорошо, но это не то, что нужно, это не бесѣда со своими, намъ нужно бы издавать правильно журналъ, хоть въ двѣ недѣли, хоть въ мѣсяць разъ; мы бы излагали свои взгляды, желанія для Россіи и пр.

Герценъ былъ въ восторгѣ отъ этой мысли:

— Да, Огаревъ, — вскричалъ онъ съ оживленіемъ, — давай издавать журналъ, назовемъ его «Колоколь», ударимъ въ вѣчевой колоколь, только вдвоемъ, какъ на Воробьевыхъ горахъ мы были тоже только двое, а кто знаетъ, можетъ кто-нибудь и откликнется!

Съ этого дня они стали готовить статьи для «Колокола»²⁾: че-

¹⁾ Свѣтлое пиво.

²⁾ „Колоколь“ началъ издаваться съ 1855 по 1865 г.

резъ нѣкоторое время появился первый номеръ этого русскаго органа въ Лондонѣ. Трюбнеръ (нѣмецъ, книгопродавецъ въ Лондонѣ), который постоянно покупалъ и бралъ на комиссію всѣ изданія Герцена, взялъ и «Колоколь». Онъ разослалъ повсюду его, и скоро узнали и въ Россіи о его существованіи. Въ это время Иванъ Сергѣевичъ пріѣзжалъ изъ Парижа. Огаревъ и Герценъ сообщили ему радостную новость и показали даже ему первый номеръ «Колокола»; но Иванъ Сергѣевичъ ничуть не одобрялъ этого плана. Какъ писатель тонкій, съ рѣдкими дарованіями, съ необыкновенно изящнымъ вкусомъ, онъ радовался изданію «Полярной Звѣзды», «Былое и Думы»; но, всегда далекій отъ политическихъ взглядовъ и стремлений, онъ не допускалъ мысли, чтобъ два человѣка, изолированно стояшіе въ Англіи, могли вести оживленную бесѣду съ своей отдаленной страной, могли найти въ себѣ, что сказать, могли понять, что ей нужно.

— Нѣтъ, это невозможно, — говорилъ Иванъ Сергѣевичъ, — бросьте эту фантазію, не раскидывайте вашихъ силъ, у васъ и такъ много дѣла: «Полярная Звѣзда», «Былое и Думы», а васъ только двое.

— Ужъ теперъ дѣло начато, надо продолжать, — отвѣчали они.

— Удачи не будетъ и не можетъ быть, а литература много потеряетъ, — возразилъ горячо Иванъ Сергѣевичъ.

Но друзья не послушали его совѣта; было ли это предчувствіе, что «Колоколь» разбудить дремоту многихъ и самъ найдетъ себѣ сотрудниковъ, или это была просто какая-то настойчивость съ ихъ стороны.

Въ это же время пріѣзжалъ къ намъ, вмѣстѣ съ Тургеневымъ, Василій Петровичъ Боткинъ, авторъ «Писемъ изъ Испаніи». Я знала его по рассказамъ Герцена, по эпизоду «*Vasile et Argmanse*», но должна признаться, что онъ мнѣ показался еще болѣе оригиналомъ, чѣмъ я думала. Ни о чемъ онъ не говорилъ безъ паэоса, безъ аффектаціи, къ тому же онъ былъ великій гастрономъ и, такъ сказать, умилялся передъ блюдами, которыя ему особенно нравились. Выходилъ совершенный контрастъ съ нашей семьей, гдѣ не находилось охотника даже заказывать обѣдъ ежедневно. François самъ придумывалъ блюда и приготавливалъ ихъ къ обѣду въ восемь часовъ

вечера. Когда что-нибудь было особенно вкусно, мы всё хвалили, а замѣчанія дѣлалъ одинъ Герценъ, и то весьма рѣдко.

Послѣ lunch'a Герценъ и Огаревъ отправлялись гулять, каждыи по своимъ вкусамъ и наклонностямъ. Герценъ доѣзжалъ до многочудныхъ улицъ и тамъ ходилъ пѣшкомъ, заглядывая въ ярко освѣщенные магазины, и на улицѣ онъ многое замѣчалъ и наблюдалъ. Онъ входилъ въ разныя кофейныя, спрашивалъ большею частью очень маленькую рюмку абсента и сифонъ сельтерской воды, и прочитывалъ тамъ всевозможныя газеты. Впослѣдствіи доктора говорили, что сельтерская вода въ большомъ количествѣ безвредна для организма.

Возвращаясь домой, Герценъ нерѣдко привозилъ гѣ закуски или сои, выборъ которыхъ онъ не любилъ довѣрять вкусу *François*. Онъ часто тоже привозилъ намъ что-нибудь особенно любимое нами: омаръ или какой-нибудь особенный сыръ, иногда кирасо, или лакомства для дѣтей: сухіе фрукты или сушенныя вишни. Когда Александръ Ивановичъ бывалъ очень веселъ, онъ любилъ заставлять насъ всѣхъ отгадывать, кого онъ встрѣтилъ въ Лондонѣ. Я такъ приглядѣлась къ его подвижнымъ, выразительнымъ чертамъ, что могла всегда назвать особу, видѣнную имъ; поэтому онъ сталъ меня исключать изъ числа отгадывающихъ, и я оставалась всегда послѣдней.

Выходя послѣ завтрака изъ нашего мирнаго предмѣстья «Fut-ham», Огаревъ шелъ отыскивать еще болѣе пустынные и уединенныя мѣста для своей прогулки. Онъ жилъ самъ въ себѣ, люди ему мѣшали, но онъ ихъ любилъ по-своему; особенно жалѣлъ и былъ до крайности ко всѣмъ снисходителенъ. Инстинктивно онъ удалялся отъ людей; но когда судьба его сталкивалась съ ними, онъ былъ такъ добродушенъ и непринужденъ, что, конечно, никто изъ его собесѣдниковъ не воображалъ, насколько они всѣ были ему въ тягость. Герценъ, напротивъ, любилъ людей, и хотя иногда и сердился, что кто-нибудь не въ-время пришелъ, увлекался впослѣдствіи и былъ весьма доволенъ. Общество было ему необходимо; онъ боялся только скучныхъ людей.

Въ воскресенье все въ Англіи запирается. Весь Лондонъ превращается въ какой-то огромный шкапъ: магазины, булочныя, ко-

фейныя, кондитерскія, даже мелочныя лавки—все заперто. На улицахъ парить безмолвіе, только въ паркахъ движеніе, да и то не какъ въ будни. Кое-гдѣ вдали виднѣются проповѣдники, а вокругъ—густыя толпы народа, слушающія съ напряженнымъ вниманіемъ и въ глубокой тишинѣ. Дѣти чинно гуляютъ, обручей никто не касается, мячики не летаютъ въ воздухѣ—все это раздражало Герцена. Онъ не любилъ по воскресеньямъ выходить со двора и принужденъ былъ прятаться отъ безцеремонныхъ посѣтителей, которые съ утра являлись къ намъ въ домъ на цѣлый день. Въ такіе дни онъ дольше работалъ, а я и старшія дѣти занимали въ саду скучныхъ гостей. Мало-по-малу начинали собираться и не скучные люди, звонокъ не умолкалъ; тогда и Герценъ, наконецъ, являлся къ намъ. Какъ войдетъ, все измѣнится, оживится: польются занимательные разговоры, споры, новости интереснаго свойства, большею частью политическія. Герценъ въ своемъ кругу былъ тѣмъ, чѣмъ солнце бываетъ относительно природы. Александръ Ивановичъ былъ вообще очень хорошаго здоровья. Онъ говорилъ всегда, что умереть ударомъ. Разъ онъ сильно простудился; у него сдѣлался страшный жаръ и колотье въ боку; мы оба съ Огаревымъ очень перепугались и послали тотчасъ за нашимъ докторомъ, другомъ-изгнанникомъ Давилемъ. Последний очень любилъ Герцена, бывалъ по нѣскольку разъ въ день во время его болѣзни и менѣе чѣмъ въ недѣлю поставилъ его на ноги. Двѣ недѣли мы просидѣли надъ больнымъ, въ страшной тревогѣ, боясь оставить его на минуту.

VIII.

«Колоколъ».—Пріѣзжіе въ Лондонъ русскіе: Баронъ Андрей Ив. Д—гъ.—Князь Владиміръ Александровичъ Чер—ій.—«Рыцари промышленности».—Купцы.—И. С. Аксаковъ.—Русскій крестьянинъ.—Профессора: К—вскій и П. В. П—въ.—Ив. Ив. Савичъ, его поѣздка изъ Лондона въ С.-Петербургъ и вывезенія оттуда впечатлѣнія.—Свербеевъ.—Декабристъ князь Сергій Григорьевичъ Волконскій.—Случай съ Мих. Семеновичемъ Щелквинимъ.—Художникъ Ивановъ.—Бахметевъ на пути къ Маркивскимъ островамъ и его приношеніе.

«Колоколъ» продолжалъ издаваться, успѣхъ его все возрасталъ. Иногда пріѣзжали русскіе студенты, ѣхавшіе учиться въ

Германію. Не зная ни слова по-англійски, они ѣхали въ Лондонъ дня на два нарочно. Они привозили рукописи, которыя впрочемъ начинали доходить до Герцена и путемъ почты изъ Германіи. Вѣроятно, русскіе путешественники сдавали ихъ на почту въ разныхъ германскихъ городахъ. Содержаніемъ рукописей были иногда жалобы на несправедливыя рѣшенія суда, или разоблаченіе какихъ-нибудь вопіющихъ злоупотребленій или желаніе какой-нибудь необходимой реформы—обсуждались чисто русскіе вопросы. Герценъ и Огаревъ часто читали вслухъ присланныя статьи и, когда они, по выраженнымъ въ нихъ взглядамъ, не могли быть напечатаны, издавались отдѣльно маленькими брошюрками подъ названіемъ: «Голоса изъ Россіи».

Въ это время русскіе стали пріѣзжать все чаще въ Лондонъ. Тутъ были и люди сочувствующіе убѣжденіямъ двухъ друзей хоть отчасти, какъ князь Д—ъ, Ч—скій и много другихъ, всѣхъ не вспомнишь; но были и такіе, которые пріѣзжали только изъ подражанія другимъ. Вообще въ наступившее царствованіе все, что силой удерживалось при Николаѣ I, ринулось за границу, какъ неуправляемый потокъ. Ёхали учиться въ Германію или Швейцарію, ёхали совѣтоваться съ докторами въ Вѣну, Парижъ и Лондонъ и наконецъ ёхали, потому что это было теперь дозволено каждому. Помню одинъ страшный случай, который насъ очень поразилъ.

Одинъ пріѣзжій русскій офицеръ, по имени Р — хъ, рассказывалъ, какъ онъ бѣжалъ изъ Крыма, потому что тамъ страшныя злоупотребленія. Черезъ недѣлю онъ поселился недалеко отъ насъ и пришелъ съ французенкой, которую рекомендовалъ, какъ свою жену. Они были оба очень любезны; но меня непріятно поразило, что оба нападали на наше юное правительство ¹⁾: при моей горячности, я не могла не остановить ихъ. «Удивляюсь», сказала я, вашимъ жалобамъ на царя, насколько я знаю, строгости въ это время относились только къ недобросовѣстнымъ личностямъ, которыя сами заслуживали кару».

---

¹⁾ Въ началъ царствованія Александра II не было никакихъ преслѣдованій за политическій образъ мыслей. Н. О

Послѣ этого Р—хъ не возобновлялъ этого разговора. Уходя, онъ пригласилъ Герцена и Огарева на обѣдъ, который былъ великолѣпнѣе по отзыву нашихъ. Р—хъ имѣлъ всю обстановку очень богатаго человѣка. Черезъ нѣкоторое время, развертывая русскую газету, Герценъ прочелъ, что офицеръ тотъ бѣжалъ изъ Крыма, захвативъ съ собою ящикъ съ полковой суммой; кража была крупная. Р—ха уже не было въ Лондонѣ, онъ уѣхалъ въ Америку.

Въ этомъ же домѣ былъ у насъ посѣтитель въ томъ же духѣ, какъ Р—хъ, но почему-то Герценъ принялъ его одинъ въ гостиной, такъ что прочіе члены семьи не видали его. Онъ поразилъ Герцена своимъ щегольскимъ безукоризненнымъ костюмомъ и палевыми перчатками. Былъ разъ два у Герцена и назвалъ ему свою фамилію (теперь не помню ее). Онъ рассказывалъ Александру Ивановичу, что намѣренъ пожить въ Лондонѣ, чтобъ заняться изученіемъ какого-то вопроса; но это показалось не серьезно Герцену, потому что этотъ господинъ не спрашивалъ, какъ осуществить этотъ планъ, а говорилъ о будущихъ занятіяхъ весьма неопредѣленно. Два мѣсяца спустя, Герценъ прочелъ въ «Теймсѣ», что этотъ господинъ арестованъ за дѣланіе въ Лондонѣ фальшивыхъ русскихъ ассигнацій и приговоренъ судомъ къ каторжной работѣ, кажется, на десять лѣтъ!

Герценъ былъ въ большомъ негодованіи, что подобныя личности старались сблизиться съ нимъ. Но трудно было ему быть осматрительнымъ съ новыми знакомыми, потому что всѣ русскіе прѣзжали безъ рекомендаціи и большею частью вполнѣ неизвѣстные ему. Господинъ въ палевыхъ перчаткахъ напоминаетъ мнѣ забавный анекдотъ Луи Блана. Однажды въ Лондонѣ является къ нему незнакомый господинъ, который представляется какъ французскій изгнанникъ, потерпѣвшій за родину, и проситъ его высокаго покровительства. Лицо его было крайне несимпатичное; онъ бойко, развязно сказалъ свое имя. Луи Бланъ, знавшій имена многихъ второстепенныхъ революціонныхъ дѣятелей, не могъ вспомнить этого имени и высказалъ это просящему. «Въ какомъ же дѣлѣ вы были замѣшаны?» спросилъ онъ. «О! не трудитесь вспоминать», отвѣчалъ его собесѣдникъ, «вѣроятно вы никогда и не слышали моего имени, хотя я тоже протестовалъ противъ общественныхъ за-

*

коновъ собственности и пр., я былъ приговоренъ за кражу со взломомъ... и бѣжалъ!» Луи Бланъ не могъ удержаться отъ смѣха въ глаза протестующаго.

Пріѣзжали къ Герцену и «кремъ» купечества и промышленности, между которыми помню г-на и госпожу Кан.вѣ. Онъ казался вполнѣ безцвѣтной личностью и пріѣхалъ съ женой отчасти для ея здоровья, отчасти—чтобъ посмотрѣть на Герцена. Она была высокая, видная, полная, молодая женщина съ мелкими, красивыми чертами лица, вѣроятно, не глупая, но страшно занятая собой. Видя меня въ первый разъ, тѣмъ не менѣе она сообщила мнѣ, что пріѣхала совѣтоваться съ какой-то англійской знаменитостью о своемъ здоровьи. «Я совѣтовалась тоже въ Парижѣ, но тамъ лѣчили все *offets* ¹⁾, а здѣсь лѣчатъ *cause* ²⁾, это лѣченье гораздо дѣйствительнѣе», говорила она немного нараспѣвъ. У нея была страсть мѣшать русскія слова съ французскими и выходилъ изъ ея рѣчей презабавный «*rautrougri*».

Пріѣзжали и люди вполнѣ порядочные, развитые, сочувствовавшіе Герцену. Между ними одинъ только въ эту эпоху меня глубоко поразилъ своей благородной, немного гордой наружностью, цѣльностью, откровеніемъ своей натуры. Это былъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. Онъ зналъ Герцена еще въ Москвѣ. Тогда они стояли на противоположныхъ берегахъ. Читая во многихъ иностранныхъ изданіяхъ Герцена о разочарованіи его относительно запада, Аксаковъ вѣроятно захотѣлъ повѣрить лично, ближе ли стали ихъ взгляды, и убѣдился, что они—дѣятели, идущіе по двумъ параллельнымъ линіямъ, которыя никогда не могутъ сойтись...

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, Герценъ и Аксаковъ много спорили, ни одинъ не считалъ себя побѣжденнымъ, но у нихъ было обоюдное уваженіе, даже больше, какая-то симпатія, какое-то влеченіе другъ къ другу; такъ они и разстались бойцами одного дѣла, но съ разныхъ отдаленныхъ точекъ.

Разъ, часовъ въ десять утра, раздался звонокъ, на который никто не обратилъ вниманія кромѣ Герцена, который, слыша свое

¹⁾ Послѣдствія.

²⁾ Причина.

имя, произнесенное 'много разъ по-русски, и обычный отвѣтъ François: «monsieur pas à la maison», положилъ конецъ этому диалогу, попросивъ незнакомца войти въ гостиную. Передъ Герценомъ стоялъ небольшого роста человѣкъ, лѣтъ тридцати пяти, въ русской синей поддевкѣ, изъ-подъ которой виднѣлась красная рубашка, въ шароварахъ и русскихъ сапогахъ, съ мелкими, но некрасивыми чертами лица. Небольшіе сѣрые, живые глаза бойко всматривались въ Герцена.

— Это вы, Александръ Ивановичъ, сказалъ онъ, наконецъ, я тебя узнаю по карточкамъ.

Герценъ былъ въ восторгѣ отъ этого новаго посѣтителя: онъ позвонилъ и велѣлъ François позвать Огарева и насъ всѣхъ. Это былъ настоящій крестьянинъ, теперь не помню изъ какой губерніи. Онъ пробылъ у насъ съ недѣлю; мы не знали, чѣмъ занять дорогаго гостя, такъ мы всѣ обрадовались, увидавъ русскаго крестьянина. Но въ сущности въ немъ мало было хорошаго. Онъ ничѣмъ не интересовался кромѣ разгула, показывалъ мущинамъ фотографическую карточку, гдѣ онъ былъ представленъ у ногъ какой-то красавицы. Герценъ далъ ему сына въ проводники по Лондону, чтобъ онъ могъ осмотрѣть хоть бѣгло все, что особенно замѣчательно въ городѣ. Напрасно мы ждали ихъ до полночи и дольше, наши туристы не являлись. Герценъ былъ весьма недоволенъ этимъ; его сыну (тоже Александру) никогда не случалось ночевать внѣ дома. Уходя спать, Герценъ сказалъ François: «когда бы мой сынъ ни позвонилъ, скажите ему, чтобъ онъ зашелъ ко мнѣ!» Потомъ мы всѣ разошлись по своимъ покоямъ. На другой день часовъ въ одиннадцать, виновные позвонили. Герценъ принялъ крестьянина довольно холодно и сказалъ ему, что онъ напрасно не прислалъ Сашу хоть поздно вечеромъ. Крестьянинъ принялъ добродушно-лукавый видъ и сталъ увѣрять, что побоялся беспокоить поздно вечеромъ, но что они ночевали въ его номерѣ. Саша упорно молчалъ, потупивъ голову. Потомъ крестьянинъ намъ самъ рассказывалъ, что онъ уже сидѣлъ въ Клиши ¹⁾ за долги, что онъ любитъ развеселое житье и

---

¹⁾ Тюрьма въ Парижѣ.

не знаетъ самъ, когда попадетъ въ Россію! Зачѣмъ онъ прїѣзжалъ въ Лондонъ, осталось тоже для насъ загадкой!

Когда по обычаю изгнанники собрались у насъ въ воскресенье, всѣ съ непритворнымъ восхищеніемъ смотрѣли на настоящего русскаго крестьянина, который опрокидывалъ въ ротъ содержимое цѣлой рюмки водки и даже находилъ, что рюмка очень мала. Иностранцы восклицали съ ужасомъ: «Ah! le malheureux, mais il se brûlera, est-ce qu'on boit ainsi l'eau de vie». Но замѣчали съ удовольствіемъ, что никакого вреда не послѣдовало русскому крестьянину, напротивъ, онъ любезно улыбался, и глаза его весело блистали,

Когда онъ ходилъ по лондонскимъ улицамъ, мальчишки бѣгали за нимъ, дивясь его костюму и крича: «русскій!» А онъ бросалъ имъ горсть серебра, снималъ картузъ и кланялся имъ съ улыбкой.

Между прїѣзжими изъ Россіи были также и люди науки. Помню двухъ профессоровъ, которые прочли даже нѣсколько лекцій въ нашемъ домѣ: К—скій и П—въ. Послѣдній былъ, кажется, профессоромъ исторіи въ Кіевскомъ университетѣ. Это была умная, даровитая личность, но, вѣроятно, надломленная гнетомъ той эпохи, которую такъ ярко характеризуетъ Никитенко въ своемъ дневникѣ. Лекціи П—ва были превосходны, увлекательны; но въ разговорѣ онъ производилъ тяжелое впечатлѣніе психически больнаго. Онъ былъ мраченъ и говорилъ постоянно о томъ, что за нимъ слѣдятъ и что это его ужасно утомляетъ. Сначала Герценъ старался его разуверить въ этомъ, говоря, что въ Англии это немыслимо; однако онъ вскорѣ замѣтилъ, что это была манія у П—ва. Послѣдній прожилъ довольно долго въ Лондонѣ, жалуясь постоянно на преслѣдованія русскаго правительства, и подъ этимъ впечатлѣніемъ оставилъ Англию. Полагаю, что онъ недолго прожилъ въ своей ипохондріи, но когда онъ могъ оторваться отъ воображаемой дѣйствительности, онъ говорилъ увлекательно объ историческихъ моментахъ, великолѣпно разработанныхъ имъ.

Не могу вспомнить теперь, съ кѣмъ прїѣзжалъ въ это время еще очень молодой профессоръ П—ъ. Герценъ уже зналъ его по его статьямъ, онъ былъ пріятно пораженъ прекрасной, симпатичной наружностью молодаго профессора. Сынъ Герцена сопровож-

далъ его по Лондону и съ удивленіемъ разсказывалъ о томъ, что молодой ученый предпочиталъ шумнымъ удовольствіямъ большаго города разговаривать съ трех-лѣтнимъ ребенкомъ квартирной хозяйки и отъ души смѣялся его выходкамъ. Слушая этотъ разсказъ, Герценъ сказалъ сыну: «что ты говоришь, Саша, меня вовсе не удивляетъ; выраженіе его лица прекрасно, въ немъ сказывается высоко-нравственная чистота».

Воспоминанія толпятся въ безпорядкѣ въ моей памяти; хочу разсказать объ Иванѣ Ивановичѣ Савичѣ, о которомъ я уже говорила и который невольно возбуждалъ такой юморъ въ Александрѣ Ивановичѣ. Въ это время денежные обстоятельства Савича стали поправляться. Онъ не давалъ уже уроковъ всего на свѣтѣ, какъ прежде: французскаго, нѣмецкаго языковъ, рисованія, чистописанія, исторіи и не знаю чего еще. Мало-по-малу онъ сдѣлался комиссіонеромъ по части каменнаго угля, покупаемаго нашими пароходами. Дѣла его пошли хорошо; онъ уже не ѣлъ сомнительной пищи, продаваемой на лоткахъ, и не питался однимъ картофелемъ, какъ бывало. Бѣдные изгнанники! они всѣ извѣдали этихъ блюдъ; только самые даровитые и настойчивые изъ нихъ завоевали себѣ наконецъ достойную ихъ дѣятельность. Такъ сдѣлали профессоръ медицины Девиль, Саффи, Таландые и нѣкоторые другіе.

Савичъ сблизился съ нѣсколькими англичанами, съ которыми имѣлъ теперь дѣла и часто благочинно проводилъ съ ними праздники, а у насъ рѣдко бывалъ по воскресеньямъ; поэтому мы были крайне удивлены однажды его раннему появленію въ воскресенье. Даже въ его наружности произошла нѣкоторая перемѣна: онъ имѣлъ видъ чинный и немного сдержанный, очевидно выработанный безъ труда для англичанъ. Но какъ только разговорится съ соотечественниками, не можетъ утерпѣть, чтобъ минутами не подниматься на кончики пальцевъ, или не припрыгнуть иногда, какъ каучуковый мячикъ. Герценъ никогда не могъ говорить съ нимъ серьезно, или побѣдить въ себѣ непреодолимое желаніе потѣшиться надъ нимъ: все въ Савичѣ возбуждало въ немъ насмѣшливое расположеніе духа, даже прическа. У Савича были тонкіе темные волосы, которые плохо слушались гребня и какъ-то странно торчали.

Въ это утро Иванъ Ивановичъ Савичъ засталъ насъ въ столо-

вой, мы собирались завтракать и ждали только Огарева. Поздоровались, поговорили, потом Герценъ окинулъ бѣглымъ взглядомъ всю фигуру Савича и сталъ увѣрять его шутя, что онъ по наружности сталъ чистый англичанинъ, только прическа еще не промышленнаго англичанина.

— Позвольте мнѣ, дорогой Иванъ Ивановичъ, дотронуться до вашей головы, сказалъ Герценъ.

Савичъ былъ тоже въ хорошемъ настроеніи, онъ нагнулъ немного голову къ сидящему за столомъ Герцену.

— Боже, воскликнулъ послѣдній, слегка прикасаясь пальцами до головы Савича, вѣдь это не волосы, право. Савичъ, это мездра, какъ это должно быть тепло, продолжалъ онъ серьезно.

Но Савичъ, обидѣвшись, выпрямился и сказалъ въ отвѣтъ: «вы, Александръ Ивановичъ, насмѣшникъ; вы надъ всѣмъ смѣетесь». «Вотъ Николай Платоновичъ, онъ добрый, добрый... а вы насмѣшникъ, надъ всѣмъ смѣетесь»...

— Нѣтъ, право, только надъ тѣмъ, что смѣшно, возражалъ Александръ Ивановичъ, едва удерживаясь отъ смѣха.

Въ дверяхъ показался Огаревъ. Савичъ радостно бросился къ нему, цѣлуя его, по своему обычаю, въ плечо. «Вотъ онъ», говорилъ восторженно Савичъ, «добрый, милый, любящій, ни надъ кѣмъ не насмѣхается».

— Я хотѣлъ, милый Николай Платоновичъ, поговорить о важномъ для меня дѣлѣ съ вами обоими, но съ нимъ невозможно, говорилъ Савичъ, указывая съ досадой на Александра Ивановича. Послѣдній имѣлъ видъ школьника, пойманнаго на мѣстѣ преступленія. Огаревъ посмотрѣлъ на него съ упрекомъ.

— Въ чемъ же дѣло? спросилъ Николай Платоновичъ у Савича.

— Пойдемте въ садъ, отвѣчалъ нашъ соотечественникъ, я вамъ все обстоятельно расскажу.

— Да, что вы, господа, позавтракайте прежде, вѣдь лучше потомъ предаться сердечнымъ изліяніямъ, возразилъ Герценъ. Но Огаревъ, увлекаемый Савичемъ, былъ уже въ саду и не слышалъ послѣднихъ словъ Александра Ивановича, который не началъ завтракать безъ ушедшихъ. Мы сидѣли за столомъ и невольно поглядывали

на разговаривающихъ въ саду. Они ходили вдоль всего сада тихими шагами, возвращаясь къ дому и опять удаляясь отъ него; видно было, что разговоръ былъ весьма серьезный. Огаревъ внимательно смотрѣлъ на Савича, который горячо что-то рассказывалъ; иногда увлекаясь, онъ забѣгалъ впередъ, тогда Огаревъ по неволѣ останавливался. Видно было, какъ Савичъ то хлопалъ его по плечу, то поднимался на кончики пальцевъ, то слегка припрыгивалъ; наконецъ они пошли скорыми шагами и вошли въ столовую.

— Александръ, сказалъ Огаревъ, Иванъ Ивановичъ желаетъ съ нами посоветоваться въ двухъ словахъ, вотъ въ чемъ дѣло. По своимъ дѣламъ ему нужно бы съѣздить въ Россію, но, какъ ты знаешь нерѣшительный характеръ Савича, онъ немного опасается, по-моему нечего, это хорошее дѣло; что ты скажешь?

— Конечно хорошее, согласился Герценъ, но прежде позавтракаемъ, а послѣ за стаканомъ эля или вина поговоримъ обстоятельно.

Послѣ завтрака, оставшись одни, они перешли къ практической сторонѣ вопроса; говорили, что Савичъ долженъ съѣздить къ посланнику и спросить его, можетъ ли онъ (Савичъ) получить паспортъ для поѣздки въ Россію. Оказалось, что Савичъ былъ уже у посланника, что тотъ обѣщалъ справиться въ Россію о томъ, есть ли что-нибудь противъ почтеннаго гражданина всей Россійской имперіи Савича и велѣлъ ему побывать черезъ мѣсяць за отвѣтомъ.

— Я былъ у посланника, вскричалъ Савичъ, отвѣтъ полученъ, препятствій нѣтъ никакихъ, но я боюсь, можно ли вѣрить?...

— Да чего вы боитесь? возразилъ Герценъ съ нетерпѣніемъ.

— Какъ чего, вамъ легко говорить, вскричалъ живо Савичъ, мой двоюродный братъ...

— Знаю, знаю, да вамъ-то что, отвѣчалъ, смѣясь, Александръ Ивановичъ. Ахъ, Савичъ, продолжалъ онъ, шутя, возьмите паспортъ, а я бы съ нимъ съѣздилъ вмѣсто васъ въ Петербургъ; только жаль, что наши прически не совсѣмъ сходны, у меня почти ничего нѣтъ на головѣ, а у васъ лѣсъ, мездра; посмотри, Огаревъ, вѣдь это прелесть.

— Ну, будетъ вамъ, Александръ Ивановичъ, вы все смѣтаетесь; впрочемъ, вы москаль, а я хохоль, москали и хохлы всегда другъ надъ другомъ смѣются, говорилъ Иванъ Ивановичъ, стараясь сохранить хорошее расположеніе духа.

Наконецъ Савича такъ ободрили, что онъ рѣшился ѣхать въ Россію и простился съ нами.

— А жутко, говорилъ онъ, останавливаясь въ дверяхъ.

— Полноте, не вернитесь опять съ поль-дороги, кричалъ ему вслѣдъ Герценъ.

Недѣль шесть спустя, Иванъ Ивановичъ Савичъ вернулся изъ Петербурга. На другой день по утру, онъ явился къ намъ. Несмотря на неурочный часъ его посѣщенія, мы всѣ собрались слушать его рассказы о Петербургѣ. Онъ казался въ восторгѣ, обнималъ то Герцена, то Огарева, цѣловалъ ихъ въ плечо то того, то другаго. Останавливался, отходилъ подальше и издали какъ будто любовался ими: «да, говорилъ онъ таинственно, я тамъ только узналъ... да, да»...

— Что вы тамъ узнали? спросилъ Герценъ, вы меня озадачиваете. Не поручили ли вамъ наблюдать за мной, что вы такъ на меня смотрите?

— Нѣтъ, не то, вы все шутите, отвѣчалъ Савичъ и, подойдя къ Герцену, онъ сказалъ ему вполголоса: «тамъ я узналъ, кто вы.»

— А здѣсь не знали, вотъ что! возразилъ Александръ Ивановичъ, смѣясь.

— Да, не зналъ! воскликнулъ Савичъ съ одушевленіемъ.

Сдѣлалось неловкое молчаніе, но Герценъ первый прервалъ его:

— Полноте, Савичъ, расскажите лучше, что дѣлается въ Питерѣ, что говорятъ.

— Да, да, я самъ хотѣлъ рассказать, да не умѣю, не знаю, съ чего начать, ну, такъ и быть, начну съ моего приѣзда.

— Приѣхалъ я въ Петербургъ, давно тамъ не былъ и нашелъ большія перемѣны. Остановился въ гостиницѣ, отдохнулъ, смылъ дорожную пыль и отправился къ нашему корреспонденту г-ну Р., который принялъ меня очень радушно, просилъ даже переѣхать къ нему, но я изъ деликатности оставилъ все-таки номеръ за собой, впрочемъ, я въ немъ только почевалъ. Г-нъ Р. помогъ мнѣ

розыскать тѣхъ изъ моихъ родственниковъ и знакомыхъ, которые оказались въ Петербургѣ. Онъ меня записалъ гостемъ въ разныхъ клубахъ, возилъ въ оперу, въ русскій театръ и пр., у меня не было ни одной свободной минуты. По средамъ вечеромъ у г-на Р. собиралось много посѣтителей, онъ меня познакомилъ со всѣми. У моихъ родныхъ и давнишнихъ пріятелей были обѣды для меня и для короткихъ знакомыхъ и приемные дни, т. е. вечера, на которые собиралось, какъ всегда у насъ, пестрое общество: чиновный міръ, военные, крупные индустріалы и интеллигенція, какъ теперь говорятъ, и со всѣми я знакомился. Всѣ обращались со мной очень любезно и внимательно вездѣ на вечерахъ. Многіе обмѣнивались со мной визитными карточками и просили къ себѣ. Но вездѣ поговоривъ со мною объ Англіи, преимущественно о Лондонѣ, всѣ по-одиночкѣ спрашивали о васъ съ необыкновеннымъ интересомъ. Я не приготовился къ подобнымъ вопросамъ и сначала такъ оробѣлъ, что просто... не сердитесь на меня, голубчикъ Александръ Ивановичъ, отказался отъ васъ... говорю: «помилитѣ, я коммерческій человѣкъ, гдѣ мнѣ съ такими людьми знаться, какъ онъ», боюсь и имя-то громко сказать. Всѣ улыбнулись и отошли въ сторону, наконецъ и г-нъ Р. началъ меня ободрять наединѣ: «что вы, Иванъ Ивановичъ, не потѣшите этихъ господъ, имъ интересно отъ васъ слышать объ нашемъ изгнанникѣ; вы вѣрно боитесь шпионовъ, будьте покойны, эти господа ихъ сами боятся, вѣдь сознайтесь, Иванъ Ивановичъ, вы знаете Герцена, ну, не лукавьте хоть со мной, говорилъ онъ убѣдительно». И я сознался ему только подъ большимъ секретомъ. Поѣхалъ домой и одинъ подумалъ еще, что дѣлаю величайшую глупость, что тутъ нѣтъ ничего опаснаго. На слѣдующій день, не помню, у кого это было, я сознался, что знаю васъ, даже коротко знаю. Что тогда было — и не знаю, какъ рассказать, говорилъ Савичъ, одушевляясь все болѣе: всѣ подходили ко мнѣ, человѣка по три заразъ не болѣе, вѣроятно чтобъ меня не пугать.

— Милый Иванъ Ивановичъ, скажите, какъ онъ смотритъ, до-ступенъ? говорилъ одинъ.

— Очень просто себя держать, отвѣчаю, принимаетъ очень радушно, какъ истинный русскій.

— Ахъ, Иванъ Ивановичъ, говоритъ другой, какъ вы счастливы, какъ бы охотно съ вами помѣнялся; и вы видите его, когда хотите?

— И мнѣ бы не безвыгодно помѣняться, отвѣчаю съ почтительной улыбкой.

— Другой еще важнѣе подходитъ и, похлопывая меня по плечу, говоритъ: «вы знаете ли, кто Герценъ, милый Иванъ Ивановичъ?»

— Кажется, надворный совѣтникъ, говорю я робко.

— И всѣ стали меня приглашать наперерывъ и вездѣ только объ васъ и разговору; меня на рукахъ носили и все изъ-за васъ, дорогой Александръ Ивановичъ. Ну, и послушался я тамъ диковинныхъ анекдотовъ о васъ, пожалуй вы не повѣрите, а все это истина.

— Что же такое, спросилъ Огаревъ.

— Много рассказывали, много изумительнаго, сказалъ Савичъ. Говорили, напимѣръ, что было приказано переслѣдовать нѣкоторыя дѣла, неправильный ходъ которыхъ былъ обличенъ; вѣрите ли вы этому? а между тѣмъ это правда! Дѣло князя Кочубея съ управляющимъ, въ котораго князь выстрѣлилъ, надѣлало много шума, съ тѣхъ поръ какъ подробный рассказъ этого дѣла появился въ печати. Всѣ удивляются, что въ Лондонѣ извѣстно то, о чемъ въ Петербургѣ еще не слыхали. Незнакомые ваши друзья и почитатели просили меня передать вамъ на память отъ нихъ нѣкоторыя бездѣлицы, долженствующія напоминать вамъ родину: серебряный лапотъ (пепельница), золотой бурачекъ для марокъ, послѣдній, кажется, отъ Кокорева, который тоже восхищенъ вашей дѣятельностью, чернильница изъ сѣраго мрамора, большая ваза изъ горнаго сибирскаго кристала ¹⁾. Каково! вскричалъ Савичъ. «Поднесите ему эту чернильницу отъ русскихъ, гордящихся имъ», говорили мнѣ, отдавая ее. Скажите ему, что въ административныхъ сферахъ говорятъ объ освобожденіи крестьянъ, это его порадуетъ и въ этой важной мѣрѣ есть и его участіе, продолжалъ Савичъ.

— Я не даромъ ѣздилъ въ Петербургъ, дѣла дѣлами, а вѣдь

¹⁾ Вещи, о которыхъ идетъ рѣчь, находятся у сына Герцена, равно и картина, подаренная его отцу русскимъ художникомъ.

я бы ни за что не повѣрилъ всему этому, еслибъ самъ не былъ очевидцемъ. И, говоря это, Савичъ поднялся на кончики пальцевъ. Говорятъ, продолжалъ Савичъ, что лица, занимающія высокіе посты и пользовавшіяся большимъ довѣріемъ государя, испросили у Его Величества позволеніе получать «Колоколь», въ которомъ находятся иногда нужныя для нихъ свѣдѣнія, и государь не разъ разрѣшалъ эти просьбы.

Въ числѣ желающихъ получать «Колоколь» для служебной пользы былъ между прочими мой дядя Павелъ Алексѣевичъ (младшій), тогда московскій генераль-губернаторъ; государь согласился на его желаніе.

Разъ былъ странный случай у дяди за обѣдомъ, на которомъ присутствовало много постороннихъ лицъ. Какой-то господинъ (повидимому, отчаянный катковистъ) сталъ громко нападать на Герцена и Огарева. Слыша его неприличную выходку, Тучковъ сказалъ: «я не знаю Герцена, что касается до Огарева, то я бы васъ просилъ не говорить о немъ въ такихъ выраженіяхъ въ моемъ присутствіи, потому что онъ мнѣ племянникъ». Урокъ былъ хорошъ, господинъ этотъ никогда болѣе не возобновлялъ подобнаго разговора.

Мой дядя былъ прямой, откровенный человекъ. Онъ любилъ государя Александра Николаевича и относился къ нему съ полной искренностью. Передъ назначеніемъ дяди въ Москву, царь хотѣлъ назначить его въ Варшаву, но дядя убѣдительно просилъ Его Величество избавить его отъ этого высокаго поста.

— Моя мать была полька, говорилъ Тучковъ, тамъ я буду чувствовать себя въ ложномъ положеніи, государь, лучше желаю служить Вамъ въ Россіи, гдѣ Вы назначите.

Въ эпоху, о которой я говорю, сынъ Свербеева навѣстилъ Герцена. Свербеевъ пріѣзжалъ съ женой, дочерью декабриста Трубецкаго. Декабристы были тронуты, что Герценъ первый заговорилъ о нихъ. Дѣти ихъ стали пріѣзжать къ Герцену изъ чувства признательности, а изъ самихъ декабристовъ Герценъ видѣлъ, кажется, только князя Волконскаго въ Парижѣ, не помню въ какомъ году, только слышала, что они показались другъ другу очень симпатичными.

Вскорѣ послѣ посѣщенія Свербеева, былъ у насъ Николай Михайловичъ Щепкинъ, и потому я не могу вспомнить, который изъ нихъ рассказывалъ Герцену странный случай, бывшій съ Михаиломъ Семеновичемъ Щепкинымъ.

Дирекція Московскаго театра поручила послѣднему получить въ Петербургѣ слѣдующія ей деньги отъ казны. Пріѣхавъ въ Петербургъ, Щепкинъ не замедлилъ заняться даннымъ ему порученіемъ, но недѣли проходили за недѣлями, а денегъ онъ не получалъ. Ему назначали дни, часы, онъ аккуратно являлся, но администрація придиралась къ какой-нибудь неисполненной формальности, чтобы остановить слѣдующую уплату.

Щепкину наскучило проводить время такъ безцѣльно; онъ потерялъ терпѣніе и сказалъ, наконецъ: «если я завтра опять не получу денегъ, то мнѣ остается только обратиться въ «Колоколь» и ѣхать обратно въ Москву».

Важный чиновникъ, выслушавъ это заявленіе, просилъ его очень мягко не дѣлать этого, увѣряя его, что онъ завтра же получитъ деньги. Но Щепкинъ не вѣрилъ этому обѣщанію, слышанному имъ столько разъ; однако онъ на другой день въ назначенный часъ явился и, къ своему великому удивленію, получилъ тотчасъ всѣ деньги.

Я слышала много такихъ рассказовъ, но большую часть изъ нихъ перезабыла. Когда минулъ годъ нашему пребыванію въ Лондонѣ (весной 1857 года), Огаревъ получилъ черезъ русское посольство вызовъ въ Россію. На эту бумагу онъ отвѣчалъ статьей въ своей газетѣ, говоря, что остается за границей, потому что чувствуетъ, что можетъ приносить болѣе пользы своему отечеству оттуда, чѣмъ въ предѣлахъ имперіи.

Полгода спустя мы прочли въ русскихъ газетахъ, что Огаревъ изгоняется на всегда изъ предѣловъ Россіи.

Между многими русскими художниками, занимавшимися въ Италіи, былъ замѣчательный живописецъ Ивановъ. Онъ провелъ полъ-жизни безвыѣздно въ Римѣ, работая, если не ошибаюсь, двадцать восемь лѣтъ надъ одной картиной¹⁾, которой онъ при-

¹⁾ Явленіе Іисуса Христа Іоанну Предтечѣ.

несъ не мало жертвъ, живя въ страшной бѣдности, тогда какъ, съ его талантомъ, онъ могъ бы много заработать.

Когда онъ задумалъ вернуться въ Россію, онъ сперва пріѣхалъ въ Лондонъ, нарочно чтобъ повидаться съ Александромъ Ивановичемъ Герценомъ и привезъ ему въ подарокъ фотографію съ своей картины, уже отправленной въ Петербургъ, гдѣ онъ намѣревался поднести ее государю Александру Николаевичу. Судя по этой фотографіи, это должна быть замѣчательная картина; вѣроятно, она давно уже въ Эрмитажѣ. Въ ней были представлены необыкновенно живо разнообразные типы еврейскаго племени. Нѣкоторыя лица были очень красивы и выразительны, особенно Іоаннъ Креститель. Но фигура Иисуса, виднѣвшаяся вдали, производила мало впечатлѣнія. Русскіе, видѣвшіе эту картину и понимающіе живопись, передавали Герцену, что кромѣ изящныхъ контуровъ всѣхъ фигуръ, дышащихъ истиной, картина Иванова замѣчательна еще необыкновенно яркимъ колоритомъ. Иванову было уже за пятьдесятъ лѣтъ; онъ казался очень добродушенъ, но привычка къ одиночеству и къ усидчивой работѣ придавала выраженію его лица какую-то сосредоточенность и задумчивость; вообще онъ былъ молчаливъ. Его привела въ Лондонъ давнишняя, завѣтная мысль. Такъ какъ вниманіе русскаго общества въ то время было всецѣло привлечено къ Герцену и къ лондонскимъ изданіямъ, Ивановъ постоянно слышалъ о Герценѣ даже отъ художниковъ и воображалъ, что Герценъ можетъ одинъ разъяснить ему мучающую его задачу. Вотъ въ чемъ она состояла.

Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ христіанской религіи, идеалы ея были руководящей мыслью искусства, она воспроизводила всѣ выдающіеся моменты ея исторіи, она была оплотомъ искусства, говорилъ Ивановъ, удрученный, убитый какъ бы кончиной близкаго ему человѣка; теперь же все измѣнилось, общество стало равнодушно къ религіи, мистическая сторона ея ослабла; какая же новая идея займетъ покинутое мѣсто, что будетъ нынѣ одушевлять искусство, говорилъ онъ, бросая на Герцена вопрошающій взглядъ, на чтò оно будетъ опираться, гдѣ новые идеалы?

Герценъ слушалъ его внимательно, наконецъ онъ отвѣтилъ ему: «ищите новые идеалы въ борьбѣ человѣчества за идею сво-

боды, за челоѣческое достоинство, за его постоянное совершенствованіе, за вѣчный прогрессъ; вотъ гдѣ должна быть вышнѣшая руководящая мысль для искусства, тутъ тоже есть и жертвы, п мученики, воспроизведите выдающіяся явленія этой мрачной исторіи».

Но Ивановъ не былъ убѣжденъ, не былъ вполне доволенъ этимъ рѣшеніемъ вопроса, онъ хотѣлъ инаго и вѣроятно оставилъ этотъ міръ, не додумавшись до своей завѣтной мысли.

Герценъ былъ необыкновенно радъ великому художнику; даже страданіе его, истекающее изъ отвлеченной мысли, было очень симпатично Александру Ивановичу. Ивановъ провелъ около недѣли въ Лондонѣ и не разъ обѣдалъ въ Laugelhouz'ѣ, но кромѣ того, Герценъ пригласилъ его на обѣдъ въ какой-то хорошій лондонскій ресторанъ. Александръ Ивановичъ былъ мастеръ заказывать обѣды, придумывалъ что-нибудь особенное. Напримѣръ, онъ всегда заказывалъ одинъ изъ двухъ характеристическихъ англійскихъ суповъ изъ черепахи, или изъ бычачьихъ хвостовъ, которые были новостью для русскихъ путешественниковъ.

Кстати, вспоминаю особенность англійской жизни. Дома англичане никогда не ѣдятъ супа, вѣроятно потому, что упомянутые два супа требуютъ множества ингредиентовъ и большое кулинарное знаніе. За завтракомъ у нихъ подаютъ иногда бульонъ (beef-tee). Обыкновенный обѣдъ ихъ состоитъ изъ двухъ блюдъ: жареной или разварной рыбы и жареное на вертелѣ мясо; отварной очищенный картофель неизмѣнно. Иногда первое блюдо замѣняется какимъ-нибудь мясомъ, покрытымъ тѣстомъ. Пай, когда пай дѣлается изъ вареныхъ яблоковъ, то подается въ концѣ обѣда, кромѣ того пудинги всѣхъ возможныхъ сортовъ.

Но возвращаюсь къ моему разсказу. Александръ Ивановичъ взялъ особую комнату въ ресторанѣ. Кромѣ Иванова, тутъ были: Тхоржевскій, Чернецкій и не помню кто изъ русскихъ путешественниковъ, находившихся тогда въ Лондонѣ, и все наше семейство.

Обѣдъ былъ очень оживленъ, помню, что всѣ были въ очень хорошемъ настроеніи и очень одушевлены. Были горячіе тосты за

благо Россіи, за ея преуспѣяніе, процвѣтаніе, за русскихъ художниковъ и много другихъ тостовъ.

Въ этотъ же годъ пріѣзжалъ въ Лондонъ молодой человѣкъ по фамиліи Бахметевъ; кажется, онъ былъ уроженецъ Симбирской губерніи. Некрасивый, робкій, молчаливый, онъ казался жалкимъ, одинокимъ, заброшеннымъ. Только гуляя вдвоемъ съ Герценомъ, онъ разговорился наконецъ. Рассказалъ ему, что онъ уѣхалъ навсегда изъ Россіи, что все тамъ безотраднo, безнадежно; а главное онъ уѣхалъ отъ родныхъ, онъ не могъ вспомнить о нихъ спокойно и говорилъ: «только желаю уѣхать подальше, подальше отъ родныхъ».

Потомъ онъ разспрашивалъ Герцена о цѣли, для которой Александръ Ивановичъ печатаетъ «Колоколъ» и прочія изданія. Герценъ отвѣчалъ ему въ короткихъ словахъ, что это была съ дѣтства его и Огарева завѣтная мысль: служить своѣй родинѣ, и вотъ въ Лондонѣ эта мечта наконецъ осуществилась.

— Такъ это не торговое дѣло? спросилъ Бахметевъ.

Герценъ не могъ сдержать улыбки.

— Типографія мнѣ стоитъ въ годъ десять тысячъ франковъ, отвѣчалъ онъ, иногда мои издержки окупаются, а иногда наоборотъ; это для меня довольно безразлично, потому что я свободно могу располагать такой суммой.

— Извините, что я васъ такъ разспрашиваю, сказалъ Бахметевъ, это потому только, что если типографія не коммерческое предпріятіе, то я хочу вамъ оставить двадцать тысячъ франковъ на ваши изданія и другія общія дѣла. Вотъ видите, продолжалъ Бахметевъ, у меня всего пятьдесятъ тысячъ, вамъ оставлю двадцать тысячъ, а тридцать тысячъ возьму съ собой и уѣду на Маркизскіе острова, гдѣ буду въ коммунѣ жить по-братски съ людьми.

— Не дѣлайте этого, возразилъ Герценъ съ жаромъ, не уѣзжайте на Маркизскіе острова, осмотритесь прежде, вы увидите сами, каковы и здѣсь люди. Не спѣшите, вѣдь и тутъ все безотраднo и безнадежно: какое братство, васъ ограбятъ и убьютъ, и мнѣ не давайте этихъ двадцати тысячъ франковъ, мнѣ рѣшительно ихъ не нужно. Можетъ, со временемъ вамъ встрѣтится человѣкъ, который

будетъ въ нихъ нуждаться для какого-нибудь полезнаго дѣла, а у меня хватаютъ средствъ на типографію.

Но Бахметевъ былъ настойчивъ, упрямъ, онъ ни іоты не перемѣнилъ въ своемъ рѣшеніи и говорилъ рѣзко и въ то же время сквозь слезы, какъ ребенокъ: «не дѣлайте мнѣ возраженій, это давно мною рѣшено». Вы не имѣете права отказать въ принятіи двадцати тысячъ франковъ отъ меня, вѣдь я даю ихъ на полезное дѣло, обѣщайте взять ихъ.

Но Александръ Ивановичъ сказалъ, что безъ Огарева ничего не можетъ рѣшить. На это Бахметевъ отвѣчалъ, что будетъ на другой день въ Laugelhouse'ѣ, чтобъ получить окончательный отвѣтъ отъ Герцена.

По возвращеніи домой, Герценъ послѣ обѣда долго толковалъ съ Огаревымъ о предложеніи Бахметева. Николай Платоновичъ смотрѣлъ на пожертвованіе Бахметева нѣсколько иначе, чѣмъ Александръ Ивановичъ.

— По всему, что ты говоришь, Александръ, сказалъ Огаревъ, видно, что Бахметевъ имѣетъ настойчивый характеръ. Онъ рѣшилъ употребить на общее дѣло почти половину своего состоянія, по мнѣ, лучше тебѣ взять эти деньги, чѣмъ кому-либо другому.

— Если я возьму ихъ, отвѣчалъ Герценъ, то съ тобой вмѣстѣ и съ тѣмъ, чтобъ употреблять на общія дѣла только проценты, а капиталъ сберегу для него, если онъ когда-нибудь вернется; вѣдь съ его неопытностью, его навѣрное оберутъ, хоть бы самъ-то уцѣлѣлъ. Однако я постараюсь отклонить его отъ его безумнаго предпріятія.

На другой день часа въ четыре, Бахметевъ пріѣхалъ къ намъ въ Laugelhouse. Сначала Герценъ оспаривалъ его проекты, представлялъ ему всю ихъ несостоятельность, старался его убѣдить, что его мечты неосуществимы, что едва-ли онъ найдетъ нынче такихъ чистыхъ личностей, которыя, какъ первые христіане, откажутся отъ благъ міра сего и будутъ жить въ братской любви другъ къ другу. Но Бахметевъ не допускалъ никакой критики, а сказалъ только въ отвѣтъ:

— Это давно рѣшено, Александръ Ивановичъ... Если ошибаюсь, то мнѣ одному будетъ худо и потому не стоитъ обѣ

этомъ разсуждать, а лучше порадуйте меня, скажите, что вы согласны взять эти двадцать тысячъ франковъ, о коорыхъ мы съ вами вчера говорили.

— Хорошо, сказалъ Герценъ, я возьму ихъ, но только вмѣстѣ съ Огаревымъ и съ тѣмъ, чтобъ употреблять на общія дѣла только проценты, а капиталъ будетъ храниться для васъ у Ротшильда на случай вашего возвращенія. Вы увидите, что я вамъ правду говорилъ, но вы молоды, немного самонадѣянны, не хотите слушать совѣтовъ. Забылъ вамъ сказать, что мы вамъ напишемъ росписку, и оба подпишемся.

— Зачѣмъ, зачѣмъ, вскричалъ Бахметевъ, мнѣ не нужно никакой росписки, я вамъ вѣрю.

Но Герценъ возразилъ, что иначе не возьметъ денегъ, и росписка, подписанная обоими друзьями, была вручена Бахметеву, который на другой день поѣхалъ съ Герценомъ въ лондонскую контору дома Ротшильда ¹⁾. Тамъ деньги Бахметева были обмѣнены на англійское золото; прикащики банка бросали проворно золото на вѣсы и скатывали его свертками. Никогда никто не провѣрялъ этой операціи, вслѣдствіе этого прикащики были не мало удивлены, замѣтя, что Бахметевъ пересчитываетъ каждый свертокъ, и глядѣли на него съ вопросительной улыбкой. Наконецъ, Герценъ сказалъ ему, что это не принято и что банки никогда не обсчитываютъ. Видя всеобщее вниманіе, обращенное на него, Бахметевъ послушалъ Александра Ивановича и пересталъ провѣрять аккуратность банка. За исключеніемъ двадцати ²⁾ тысячъ, которыя онъ вручилъ Герцену, нашъ соотечественникъ, войдя въ свой номеръ, уложилъ всѣ свертки въ большую простыню, въ которой находились его бѣлье и пожитки. Потомъ завязалъ простыню на крестъ двумя узлами, но замѣтно было, что въ простынѣ есть что-то очень тяжелое. Видя это, Герценъ предложилъ Бахметеву купить сакъ-воважъ, на что послѣдній ни за что не согласился, увѣряя, что это ненужная роскошь.

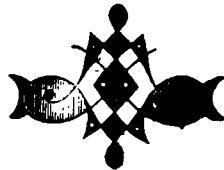
¹⁾ Капиталъ Герцева находился въ парижскомъ домѣ Ротшильда, и всѣ счета производились съ этимъ банкомъ.

²⁾ Герценъ отправилъ ихъ немедленно въ парижскій домъ Ротшильда и до 1868 года употреблялъ только проценты на общія дѣла.

Съ мучительнымъ чувствомъ опасенія за него, Герценъ взялъ для него билетъ на желѣзную дорогу и проводилъ его въ дальнее и по неопытности въ небезопасное путешествіе.

Съ тѣхъ поръ мы ничего не слышали о немъ. Вѣроятно, предположенія Герцена сбылись, и бѣдный Бахметевъ былъ ограбленъ и убитъ можетъ быть даже прежде, чѣмъ достигъ Маркизскихъ острововъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗА ПОЛСТОЛѢТІЯ. 1841—1892.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ.

Доктора А. И. Ильинскаго.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(1864—1892).

ГЛАВА X ¹⁾).

Выходы у графа Берга.—Графъ Бергъ и архіепископъ Іоанникій.—Проектъ газоваго освѣщенія въ церкви.—Іоанникій и Папель.—Минквиць.—Госпитальная комиссія и генераль Радевъ.—Строгій выговоръ.—Интимное порученіе.—Супруга графа Берга.—Пребываніе Коцебу.—Посѣщеніе госпиталя.—Нерасположеніе ко мнѣ Коцебу.—Посѣщеніе госпиталя графиней Коцебу.—Урокъ нѣмецкаго языка.

Въ то время, когда я былъ назначенъ главнымъ докторомъ Уздовскаго госпиталя, въ 1868 году намѣстникомъ Царства Польскаго былъ генераль-фельдмаршалъ графъ Бергъ. Отношенія мои къ нему были весьма отдаленными; приходилось, однако, бывать на всѣхъ выходахъ, которые въ праздничные и высокаторжественные дни происходили въ королевскомъ замкѣ, гдѣ жили обыкновенно намѣстники Царства Польскаго. На этихъ выходахъ всѣ выстраивались въ залахъ замка, причемъ военные чины помѣщались въ колонной залѣ. Всѣ становились по обѣимъ сторонамъ зала, оставляя въ серединѣ проходъ. Появлялся фельдмаршалъ Бергъ, обыкновенно въ сопровожденіи помощника своего генераль-адъютанта Рамзая, состоящихъ при немъ генераловъ и другихъ лицъ. Проходя между рядами выстроившихся военныхъ чиновъ, Бергъ

¹⁾ „См. Русскую Старину“ 1894 года, августъ.

останавливался на одну минуту и неизмѣнно говорилъ: «Господа! Я получилъ письмо отъ государя императора... Онъ и императрица здоровы и поздравляютъ васъ съ праздникомъ... Приглашаю васъ со мною вмѣстѣ въ церковь — помолиться о здравіи и благоденствіи ихъ». Затѣмъ всѣ шли въ замковую церковь, или ѣхали въ соборъ, и по окончаніи молебна прикладывались къ св. кресту и раскланивались фельдмаршалу.

Во время довольно длинныхъ церковныхъ службъ въ царскіе и торжественные дни, графъ Бергъ все время стоялъ, какъ вкопанный, и нужно было удивляться громадной выносливости этого челоуѣка. Однажды только, во время пасхальной заутрени въ соборѣ (за годъ до своей смерти), очень утомленный продолжительной службой, Бергъ почувствовалъ себя дурно и упалъ. Тотчасъ его подхватили и перенесли въ квартиру архіепископа Іоанникія, въ которую шла лѣстница вверхъ, прямо изъ собора. Оказалось, что съ нимъ случился легкій обморокъ, отъ котораго онъ скоро оправился.

А. А. Боголюбовъ, по должности военно-медицинскаго инспектора, былъ членомъ окружнаго совѣта. Онъ рассказывалъ мнѣ, что Бергъ, во время чтенія очень длинныхъ докладовъ, выслушивалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ, но видно было, что онъ уставалъ. Тогда онъ дѣлалъ движеніе рукой и просилъ прервать чтеніе доклада, и тутъ же, при всѣхъ, сидя на стулѣ, или въ креслѣ, опершись на спинку, засыпалъ на 5—10 минутъ, затѣмъ просыпался и просилъ продолжать чтеніе.

Весьма любопытны отношенія православнаго холмско-варшавскаго архіепископа Іоанникія къ графу Бергу. Объ отношеніяхъ этихъ я слышалъ отъ самого высокопреосвященнаго Іоанникія, который пользовался у меня отъ грудной болѣзни. Однажды, въ бытность императора Александра Николаевича въ Варшавѣ, графъ Бергъ пригласилъ къ себѣ Іоанникія и сказалъ ему:

— Если желаете представиться государю императору, то поѣдьте вмѣстѣ со мною въ Бельведерскій дворецъ, и я представлю васъ.

Архіепископъ Іоанникій былъ озадаченъ этимъ предложеніемъ и отвѣчалъ графу Бергу:

— Ваше сіятельство! Православные архіереи имѣютъ право представляться Его Величеству по собственной инициативѣ.

Графъ Бергъ, не ожидавшій подобнаго возраженія и не привыкшій къ возраженіямъ вообще, нѣсколько смутился и сказалъ:

— Какъ угодно! Я предложилъ вамъ ѣхать вмѣстѣ, а тамъ — какъ знаете... Я полагаю, что я, какъ намѣстникъ, имѣю право представлять всѣхъ и каждого государю императору.

Архіепископъ отвѣчалъ ему:

— Ко мнѣ, ваше сіятельство, это не можетъ относиться, такъ какъ я православный, а не иновѣрческій архіерей.

Графъ Бергъ болѣе не настаивалъ, и архіепископъ Іоанникій представлялся государю безъ посредства Берга.

Когда въ Варшавѣ отстроили на Прагѣ церковь во имя Маріи Магдалины, то вздумали сдѣлать въ ней газовое освѣщеніе. Фельдмаршалъ Бергъ въ бытность свою въ Петербургѣ, не посовѣтовавшись съ архіепископомъ Іоанникіемъ, нашелъ возможность доложить объ этомъ государю императору Александру Николаевичу. Когда графъ Бергъ возвратился въ Варшаву, то приказано было проводить къ церкви газовыя трубы и устроить въ ней газовое освѣщеніе. Однажды фельдмаршалъ Бергъ пригласилъ къ себѣ архіепископа Іоанникія и предложилъ ему поѣхать въ упомянутую церковь и посмотреть газовое освѣщеніе въ ней. Архіепископъ не прекословилъ, но въ церкви же доложилъ ему, что газовое освѣщеніе въ православномъ храмѣ не можетъ быть допущено. При этомъ онъ пояснилъ и причины, которыя не были признаны графомъ Бергомъ уважительными, при чемъ послѣдній заявилъ, что уже по этому предмету сдѣланъ докладъ Его Величеству. Возвратившись домой, архіепископъ, какъ самъ мнѣ рассказывалъ, не спалъ всю ночь. Мысль о томъ, что газовое освѣщеніе въ Маріинской церкви можетъ состояться, не давала ему покоя, и онъ не могъ заснуть. Только къ утру онъ, почувствовавъ большое утомленіе, заснулъ. Въ это время онъ видитъ сонъ, что представляется императрицѣ Маріи Александровнѣ, которая ласково говоритъ ему: «не беспокойтесь, преосвященный, все кончится благополучно».

И дѣйствительно, сообщалъ мнѣ преосвященный, въ этотъ

день помогла мнѣ императрица Марія Александровна, и «все это было результатомъ моей усердной молитвы къ Господу Богу, святымъ угодникамъ и Пречистой Матери Ею, въ то время, когда я, поставленный въ затруднительное положеніе прибѣгнувъ къ горячей молитвѣ. Въ тотъ же день я видѣлъ сонъ, въ которомъ императрица ободряла и успокоивала меня. И все случилось такъ: императрица Марія Александровна, узнавъ о томъ, что въ церкви, посвящаемой прославленію ея ангела, предполагается устроить газовое освѣщеніе, просила своего державнаго супруга не допускать этого нововведенія въ православной церкви, и онъ повелѣлъ оставить это намѣреніе, какъ несогласное съ духомъ православія, явивъ себя защитникомъ и покровителемъ церкви православной. Да и самое начало этого дѣла, конечно, не предвѣщало успѣха, потому что, несмотря на докладъ графа Берга Ею Величеству, едва-ли могло оно рѣшиться безъ участія Св. Синода, который ни въ коемъ случаѣ не допустилъ бы введенія газоваго освѣщенія въ православной церкви. Если же государь императоръ на докладъ графа Берга не сдѣлалъ возраженій, то это объясняется только тѣмъ, что онъ, по присущей ему добротѣ, сознавая нелѣпость предложенія, не желалъ огорчить престарѣлаго фельдмаршала, и вѣроятно въ концѣ концовъ передалъ бы на рѣшеніе Св. Синода предложеніе Берга» ¹⁾).

Когда уніаты въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ были возсоединены съ православіемъ, то викарнымъ архіереемъ (люблинскимъ епископомъ, викаріемъ Холмско-Варшавской епархіи) сдѣлался бывший уніатскій священникъ Попель подъ именемъ Маркелла. Этотъ епископъ, какъ рассказывалъ мнѣ архіепископъ Іоанникій, сталъ слишкомъ самостоятельно распоряжаться въ управленіи возсоединеннымъ уніатскимъ духовенствомъ. Все это повлекло къ неудовольствіямъ между архіепископомъ и его викарнымъ архіереемъ. Дѣло, разумѣется, дошло до оберъ-прокурора Св. Синода, которымъ тогда былъ графъ Толстой. По словамъ Іоанникія, оберъ-прокуроръ, графъ Толстой, принялъ сторону епископа Маркелла,

---

¹⁾ Подлинныя слова архіепископа Іоанникія, слышанныя мною изъ устъ его.

умѣвшаго доказать ему, что распоряженія архіепископа Іоанникія могутъ быть поводомъ къ новому отторженію униатовъ изъ лона православной церкви. Результатомъ было неожиданное перемѣщеніе Іоанникія изъ Варшавы въ Одессу. Больной уже архіепископъ Іоанникій, получивъ эту печальную вѣсть, захворалъ по причинѣ сильнаго моральнаго потрясенія и со слезами на глазахъ рассказывалъ объ этомъ событіи тѣмъ, кто его любилъ и навѣщалъ. Ему очень не хотѣлось покинуть Варшаву, гдѣ онъ пробылъ много лѣтъ и былъ очень любимъ своею паствою. Такая уступка викарному епископу могла бы вредно повліять дѣлу только-что совершившагося воссоединенія униатовъ, если бы не воля Провидѣнія, всегда благодѣтельствующаго православію и избравшаго Іоанникію въ высшей степени достойнаго преемника въ лицѣ архіепископа Леонтія (теперешняго митрополита московскаго и коломенскаго). Какъ бы то ни было, а перемѣщеніе въ Одессу сильно опечалило больного архіепископа, которому и самый переѣздъ на такое далекое разстояніе былъ непосиленъ. Онъ страдалъ грудною болѣзнію (хроническимъ воспаленіемъ легкихъ) и, когда я посѣтилъ его въ праздникъ Рождества Христова, онъ былъ весьма грустенъ.

— Грустно мнѣ! сказалъ владыка... Нездоровится крѣпко... Да и сегодняшнее праздничное настроеніе вовсе не гармонируетъ съ моимъ унылымъ и болѣзненнымъ настроеніемъ...

Въ это время скатилась крупная слеза съ его большихъ, окаймленныхъ длинными густыми рѣсницами, глазъ, въ которыхъ дѣйствительно изображалась тяжелая дума и печальное настроеніе. Я ободрялъ его, сколько могъ, доказывая ему, что все дѣлается къ лучшему и часто то, что намъ кажется дурнымъ, бываетъ источникомъ добра; наконецъ, я старался убѣдить больного, что теплый климатъ Одессы значительно подкрѣпитъ ослабленныя силы владыки.

— Нѣтъ! сказалъ владыка, я знаю, что ѣду туда для того, чтобы найти тамъ свою могилу... Да будетъ воля Всевышняго!

Черезъ мѣсяць только онъ могъ оправиться немного и пуститься въ дорогу. Его провожала вся бывшая паства. Когда двинулся поѣздъ желѣзной дороги и онъ благословилъ изъ вагона

всѣхъ присутствующихъ, то всѣ плакали. Такъ онъ былъ любимъ своею паствою!

Предчувствія больного сбылись. Съ небольшимъ черезъ годъ его не стало!

Начальникомъ окружнаго штаба при графѣ Бергѣ былъ генераль-адъютантъ Александръ Ѳедоровичъ Минквицъ, пользовавшійся большимъ авторитетомъ у графа; но Минквицъ скоро былъ назначенъ командующимъ Харьковскимъ округомъ.

Съ Минквицемъ, какъ начальникомъ штаба, отношенія мои были довольно отдаленными. Онъ только однажды посѣтилъ Уяздовскій госпиталь и не оказывалъ мнѣ ни особаго вниманія и благоволенія, но также и не могу сказать, чтобы я испыталъ со стороны его что-либо непріятное.

Въ одинъ день я былъ очень удивленъ и взволнованъ полученною мною изъ штаба запискою, которая гласила, что: «Начальникъ окружнаго штаба проситъ меня прибыть къ нему для объясненія по дѣламъ службы». Весьма естественно, что первую мысль мою было — не случилась ли какая-либо неисправность въ госпиталѣ? Дѣлать было нечего: надѣвъ полную форму, я отправился къ генералу Минквицу. Онъ принялъ меня любезно, просилъ сѣсть и повелъ такую рѣчь:

— У васъ, въ госпиталѣ, находится на испытаніи глазной болѣзни новобранецъ N. Онъ приходится роднымъ братомъ нашей гувернантки... Я хотѣлъ бы знать: подлежитъ ли онъ приему въ службу или будетъ освобожденъ по болѣзни?

— Не могу сказать этого, ваше превосходительство, потому что новобранцы свидѣтельствуются особой комиссіей, отъ рѣшенія которой и зависитъ это дѣло, отвѣтилъ я.

— Я это знаю... Но вы можете его осмотрѣть и сказать ваше мнѣніе — здоровъ онъ или боленъ?

— Я готовъ это сдѣлать.

— Въ такомъ случаѣ потрудитесь его осмотрѣть и сообщите мнѣ письмомъ, заключилъ Минквицъ.

Я удивился подобному объясненію по дѣламъ службы, какъ это значилось въ присланной мнѣ запискѣ; но мнѣ ничего не оставалось, какъ отправиться въ госпиталь и осмотрѣть упомянутого но-

вобранца. Откланявшись генералу, я поѣхалъ въ госпиталь и въ глазномъ отдѣленіи осмотрѣлъ новобранца. Къ крайнему удовольствію моему, оказалось, что у него было разлитое помутнѣніе правой роговицы, по которому онъ подлежалъ увольненію отъ службы по росписанію болѣзней, дѣлающихъ новобранцевъ неспособными къ ней. Я сообщилъ генералу Минквицу о результатѣ моего осмотра весьма осторожно и долгое время безпокоился о томъ, не есть ли это желаніе Минквица — испытать меня — въ какой мѣрѣ я податливъ на просьбы объ увольненіи отъ службы новобранцевъ. Однако, сомнѣнія мои скоро разсѣялись, потому что, при встрѣчѣ съ Минквицемъ въ замкѣ, онъ поблагодарилъ меня за письмо и сказалъ, что очень радъ такому обороту дѣла, вслѣдствіе котораго гурнантка его перестала плакать.

Послѣ назначенія генерала Минквица на другой постъ, мѣсто начальника штаба занялъ генераль-маіоръ князь Имеретинскій. Военнымъ начальникомъ госпиталя въ это время былъ Ив. Ив. Ушаковъ, также генераль, состоявшій при штабѣ. По докладу князя Имеретинскаго графу Бергу, было сдѣлано слѣдующее распоряженіе: для наблюденія за исправнымъ состояніемъ варшавскихъ госпиталей (Уяздовскаго и Александровскаго) назначалось 12-ть генераловъ, изъ состоявшихъ при штабѣ и генераль-фельдмаршалѣ, которымъ вмѣнялось въ обязанность еженедѣльно посѣщать варшавскіе госпиталы, записывать въ особо-заведенныя книги о томъ, какъ былъ найденъ госпиталь при ихъ осмотрахъ; а госпитальному начальству вмѣнялось въ обязанность — доносить въ штабъ округа о результатахъ осмотра, съ приложеніемъ копій того, что было вписано генералами въ заведенныя для этого книги. Вотъ и начались эти еженедѣльные осмотры. Все шло благополучно: генералы пріѣзжали по-очереди, обходили госпиталь, находили все въ порядкѣ и записывали въ книгу. Я, какъ главный врачъ, обремененный множествомъ дѣлъ, не могъ, безъ ущерба службѣ, сопровождать этихъ генераловъ, да и по уставу я освобождался отъ этихъ сопровожденій, такъ какъ, въ случаѣ посѣщеній госпиталя начальствующими лицами, ихъ обязаны были сопровождать дежурный офицеръ и дежурный ординаторъ. Однажды, въ свою очередь, пріѣхалъ для осмотра госпиталя генераль Менгденъ (приходив-

шійся дальнимъ родственникомъ графу Бергу). Онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что я его не сопровождалъ, и старался найти что-нибудь, чтобы записать въ книгу и тѣмъ сдѣлать мнѣ неприятность. Этимъ и кончилось дѣло. Онъ нашелъ, что «тюфяки на госпитальныхъ кроватяхъ коротки, и что это беспокоитъ больныхъ, ноги которыхъ не помѣщаются на тюфякахъ, а на голыхъ доскахъ». Когда было донесено объ этомъ въ штабъ, то, по докладу князя Имеретинскаго, графъ Бергъ назначилъ генерала Радена произвести слѣдствіе по сему предмету. Черезъ два дня генераль Раденъ явился въ госпиталь и потребовалъ меня изъ палаты, которыя я тогда обходилъ, въ канцелярію, куда прибылъ начальникъ госпиталя, генераль Ушаковъ, и смотритель госпиталя.

Когда я, не зная, для чего меня требуетъ генераль Раденъ, вошелъ въ канцелярію, то послѣдній обратился ко мнѣ слѣдующимъ страннымъ образомъ:

— Г-нъ статскій совѣтникъ Ильинскій! (Я былъ тогда статскимъ совѣтникомъ). Я произвожу здѣсь слѣдствіе по повелѣнію фельдмаршала, а вы дерзаете придти сюда безъ шпаги?!

Я отвѣчалъ ему:

— При обходѣ больныхъ, когда я изслѣдую ихъ, полагается быть безъ шпаги... Вашему превосходительству, вѣроятно, это не извѣстно... Притомъ, мнѣ не было извѣстно, что вы назначены производить слѣдствіе по госпиталю... Шпагу сейчасъ принесутъ, и я надѣну ее.

— Но это — неуваженіе къ волѣ фельдмаршала!

— Повторяю, генераль, что я не зналъ о назначеніи слѣдствія по распоряженію фельдмаршала...

— Почему же вы говорите мнѣ теперь «генераль», вмѣсто — «ваше превосходительство». Это также неуваженіе!

— Генераль и титулъ его — ваше превосходительство, по-моему мнѣнію, синонимы... Притомъ же и вы называете меня статскимъ совѣтникомъ.

— Прошу васъ сѣсть, сказалъ Раденъ, обратившись ко мнѣ, начальнику госпиталя и смотрителю, и занявъ при этомъ председательское мѣсто, на которомъ въ комитетѣ госпиталя сидитъ обыкновенно главный врачъ.

Мы сѣли на боковыя кресла и стали внимать Радену.

— Генераль-фельдмаршалъ,—сказалъ онъ,—поручилъ мнѣ про-
извести слѣдствіе—почему тюфяки на госпитальныхъ кроватяхъ ко-
ротки и кто виновенъ въ этомъ?

Обратившись къ начальнику госпиталя, Раденъ продолжалъ:

— Неугодно ли вамъ, какъ начальнику госпиталя, отвѣчать
первому...

— Почему вы говорите мнѣ: «вамъ», вмѣсто — «ваше превосхо-
дительство?» сказалъ генераль Ушаковъ.

— Я вамъ говорю—угодно ли вамъ отвѣчать по приказанію
фельдмаршала—почему у васъ въ госпиталѣ короткіе тюфяки?

Въ эту минуту вошелъ въ канцелярію бухгалтеръ госпиталя,
который подаль смотрителю подписать какую-то бумагу и не обра-
тилъ вниманія на генерала Радена. Послѣдній всталъ съ своего
мѣста и, пригласивъ бухгалтера, сказалъ ему:

— Какъ вы смѣете входить сюда безъ доклада и не кланяться
мнѣ? Знаете ли, что я произвожу здѣсь слѣдствіе по повелѣнію фельд-
маршала?.. Я васъ арестую!

Бухгалтеръ молчалъ, а начальникъ госпиталя, Ушаковъ, ска-
залъ Радену:

— Вы не имѣете права въ моемъ присутствіи дѣлать выговоры
и арестовывать кого-нибудь!

— Какъ вы можете это сказать мнѣ?! возразилъ Раденъ.

— Очень просто: я старше васъ по производству, былъ отвѣтъ
Ушакова.

— Но я, по распоряженію фельдмаршала, произвожу здѣсь
слѣдствіе!

— Это не умаляетъ моего старшинства, и вы обязаны относиться
ко мнѣ съ уваженіемъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь присутствіе, портретъ
императора и зеркало...

— А! я понимаю: вы не хотите, чтобы я производилъ слѣдствіе..
Я ѣду сейчасъ къ фельдмаршалу и доложу ему объ этомъ.

— И я ѣду.

— Ёдемте вмѣстѣ, сказалъ Раденъ и продолжалъ:—но я хо-
тѣлъ бы знать, чтѣ вы имѣете доложить фельдмаршалу?

— То, что я старше васъ по производству и что вы невѣжа!

— Ну, это ужь слишкомъ!.. И вы смѣете сказать мнѣ это въ присутствіи лицъ, надъ которыми я произвожу слѣдствіе по повелѣнію фельдмаршала? Я ѣду къ нему!

— И я ѣду!

— Такъ вы не хотите исполнить воли фельдмаршала? опять спросилъ Раденъ Ушакова.

— Нѣтъ-съ! Я исполню все; но кричать здѣсь и показывать, что вы старше меня, я вамъ не позволю.

Но оба эти генерала только похорохорились и не поѣхали къ фельдмаршалу. Раденъ присѣлъ на кресло и задумался. Немного спустя онъ сказалъ Ушакову:

— Ну-съ, хорошо! Я согласенъ, чтобы вы представили письменное объясненіе.

Затѣмъ, Раденъ обратился ко мнѣ:

— Неудобно ли вамъ, г-нъ статскій совѣтникъ Ильинскій, отвѣчать мнѣ— почему въ госпиталѣ короткіе тюфяки? Этимъ вы исполните волю фельдмаршала, особенно, если разъясните—кто въ этомъ виновать.

— Не можетъ подлежать сомнѣнію то, что я всегда готовъ исполнить волю фельдмаршала, но въ данномъ случаѣ прошу доложить ему, что для обстоятельнаго отвѣта необходимо собрать справки въ дѣлахъ, а потому я прошу его разрѣшить представить письменное объясненіе по этому дѣлу.

— И вы отказываетесь исполнить волю фельдмаршала?

— Повторяю, что я готовъ исполнить все, но для исполненія и вдобавокъ толковаго, необходимы справки въ дѣлахъ, потому что безъ причины тюфяки не могутъ быть коротки, и причину эту нужно отыскать въ дѣлахъ.

Раденъ не настаивалъ больше и обратился къ смотрителю госпиталя:

— Г-нъ смотритель, что вамъ извѣстно по этому дѣлу?

Смотритель отвѣчалъ, что тюфячныя наволоки были заготовлены короткими бывшей Брестъ-Литовской комиссаріатской комиссіей въ значительномъ количествѣ и отпущены госпиталю на сокращенный срокъ, несмотря на то, что короче узаконенныхъ и въ избѣжа-

ніе излишнихъ тратъ и потерь казны, о чемъ имѣется предписаніе инспектора госпиталей.

— Какъ же госпиталь принялъ ихъ, если онѣ не имѣютъ узаконенной длины?

— По предписанію начальства, на сокращенный срокъ.

— Стало быть, виновныхъ нѣтъ, сказалъ Радень.

— Виновные есть, но они уже не живутъ: это — члены Брестъ-Литовской комиссіи, заготовившіе короткія наволочки, сказалъ я.

Всѣ замолчали.

— Подайте сюда тюфякъ! скомандовалъ Радень.

Принесли набитый соломой тюфякъ, и онъ началъ его измѣрять.

— Позвольте сказать, ваше превосходительство, отозвался я, — по моему мнѣнію, для точности измѣренія нужно вытряхнуть солому изъ тюфяка, потому что солома дѣлаетъ тюфячную наволоку еще короче.

Радень неохотно согласился съ этимъ. Вытряхнули солому, и генераль собственноручно измѣрилъ наволоку. Я стоялъ тутъ же и замѣтилъ, какъ онъ уменьшилъ длину наволоки, и я не могъ удержаться, чтобы не сказать:

— Наволока длиннѣе, нежели оказалась по измѣренію вашего превосходительства...

— Такъ что же вы полагаете, что я нарочно уменьшаю длину тюфячной наволоки? сказалъ Радень недовольнымъ тономъ.

— Нѣтъ! Я этого не говорю, а только докладываю вамъ, что вы ошиблись...

— Въ такомъ случаѣ перемѣримъ.

При новомъ измѣреніи я оказался правымъ: наволока была длиннѣе на $\frac{3}{8}$ вершка.

Начальникъ госпиталя, Ушаковъ, и я на другой же день представили свои объясненія. Мнѣ не было извѣстно, какъ объяснилъ дѣло Ушаковъ, а ему не было извѣстно мое объясненіе, но я говорилъ только о тюфячныхъ наволокахъ, излагая дѣло такъ, какъ въ дѣйствительности оно было и какъ объяснено было смотрителемъ, т. е. что наволоки заготовлены бывшей комиссаріатской Брестъ-Литовской комиссіей короче узаконенныхъ и что для избѣжанія

потерь казны онъ отпущены въ госпиталь на сокращенный срокъ. Генералъ же Ушаковъ, какъ я узналъ впоследствии, въ своемъ донесеніи распространился о томъ, о чемъ его вовсе не спрашивали. Между прочимъ, онъ показалъ, что «мясо для больныхъ поставляется не отъ черкасскихъ воловъ, и что, несмотря на неоднократныя напоминанія комитету госпиталя, мясо все-таки поставляется отъ мѣстныхъ воловъ, вслѣдствіе чего лейбъ-медикъ Карелль, посѣщая госпиталь въ прошедшемъ году, нашель, что мясо жесткое и проч.». Дѣйствительно, лейбъ-медикъ Карелль, пробуя пищу, сказалъ, что она хороша вообще, но мясо нѣсколько жестко. Это зависѣло отъ того, что попался нѣсколько жесткій кусокъ, и притомъ Карелль, не имѣя зубовъ, едва-ли бы могъ разжевать и мягкій кусокъ мяса, въ чемъ онъ и сознался тутъ же, добавивъ, что «зубы ему уже давно измѣнили», и на докладъ мой, что дежурные ординаторы усердно бракуютъ мясо, если оно не соответствуетъ кондиціямъ поставки, онъ отозвался, что «пища вообще хороша, и что онъ доволенъ госпиталемъ, о чемъ онъ и будетъ имѣть счастье доложить Его Величеству, поручившему осмотрѣть госпиталь».

Итакъ, въ объясненіи генерала Ушакова видно желаніе набросить тѣнь на комитетъ госпиталя, предсѣдателемъ котораго состоитъ главный врачъ. Это желаніе Ушакова тѣмъ рельефнѣе выступаетъ, что слѣдствіе Раденомъ велось только о тюфякахъ — отчего они короче узаконенныхъ, а о пищѣ не было и вопроса. Результатомъ всего, однако, было то, что мнѣ, какъ предсѣдателю госпитального комитета, былъ объявленъ строгій выговоръ фельдмаршаломъ Бергомъ, который и былъ переданъ мнѣ въ предписаніи военно-медицинскаго инспектора Боголюбова; а о тюфякахъ не упоминалось ни слова. Начальникъ госпиталя, Ушаковъ, однако, былъ смѣненъ, и преемникомъ его сдѣлался командиръ л.-гв. Уланскаго полка, князь Шаховской.

Грустно было мнѣ получить незаслуженный строгій выговоръ, который при фельдмаршалѣ Бергѣ и начальникѣ штаба князѣ Имеретинскомъ долго не былъ бы забытъ...

Все это происходило въ концѣ года, такъ что строгій мнѣ выговоръ подоспѣлъ въ видѣ подарка къ праздникамъ Рождества Христова и къ новому году. Послѣ новаго года фельдмаршалъ Бергъ

поѣхалъ въ Петербургъ, что онъ, какъ извѣстно, дѣлалъ ежегодно, простудился тамъ и скончался отъ воспаления легкихъ, вызвавшего параличъ этихъ органовъ и сердца.

Во всякомъ случаѣ, полученный мною ни за-что, ни про-что строгій выговоръ былъ для меня крайнимъ удивленіемъ, потому что хотя отношенія мои къ графу Бергу были довольно отдаленны, но я все-таки пользовался его расположеніемъ и однажды получилъ отъ него одно, весьма интимное порученіе, а именно, въ 1869 году заболѣла супруга правителя его канцеляріи Пфеля, къ которому Бергъ былъ весьма расположенъ. Болѣзнь г-жи Пфель оказалась весьма серьезною, и рѣшено было помѣстить ее въ одно изъ лѣчебныхъ заведеній за-границей, на Рейнѣ, въ мѣстечкѣ Зайнѣ (близъ Кобленца). Съ нею поѣхалъ и супругъ ея, г. Пфель. Болѣзнь его жены оказалась очень серьезною и даже неизлѣчимою. Мужъ не хотѣлъ оставить своей жены и просилъ соизволенія графа Берга на выходъ въ отставку. Бергъ не хотѣлъ упустить этого полезнаго дѣятеля и рѣшилъ уговорить его возвратиться изъ-за границы на службу. Для достиженія этой цѣли нашли нужнымъ послать на Рейнъ, къ г-ну Пфелю, врача, который убѣдилъ бы его, что, въ виду неизлѣчимости болѣзни жены, ему излишне оставаться за-границей, что графъ Бергъ ждетъ его возвращенія въ Варшаву съ тѣмъ, чтобы онъ вступилъ въ свою должность и оставилъ бы мысль объ отставкѣ, но что графъ доставитъ ему возможность ѣздить на Рейнъ и посѣщать жену нѣсколько разъ въ годъ, если къ тому встрѣтятся надобность.

Выборъ для исполненія порученія палъ на меня. А. А. Боголюбовъ объявилъ мнѣ, что фельдмаршалъ проситъ меня съѣздить на Рейнъ и подѣйствовать на Пфеля въ желаемомъ смыслѣ, и чтобы я отправился къ начальнику штаба, генералу Минквицу, который мнѣ подробно объяснитъ все дѣло. Я отправился къ Минквицу и между нами состоялся слѣдующій разговоръ:

— Фельдмаршалъ проситъ васъ отправиться на Рейнъ. Тамъ живетъ директоръ его канцеляріи, Пфель, жена котораго очень больна и находится въ лѣчебномъ заведеніи въ м. Зайнѣ (близъ Кобленца). На васъ возлагается порученіе: уговорить г-на Пфеля возвратиться въ Варшаву и оставить мысль объ отставкѣ. Вы уви-

дите, конечно, его больную жену и дадите ваше заключеніе, что, по неизлѣчимости ея болѣзни, излишне ему оставаться при ней, и что, въ случаѣ нужды, онъ всегда можетъ съѣздить къ ней... Фельдмаршалъ надѣется на васъ, что вы исполните это порученіе и возвратите намъ Пфеля. Согласны ли вы на эту поѣздку?

— Я готовъ исполнить волю фельдмаршала, но за успѣхъ не могу поручиться, отвѣчалъ я.

— На нѣтъ и суда нѣтъ! Но, можетъ быть, это удастся вамъ... Фельдмаршалъ рассчитываетъ на ваше краснорѣчіе, и что, приложивъ къ дѣлу ваши медицинскія познанія, вы сумѣете убѣдить Пфеля въ неизлѣчимости болѣзни его супруги, а слѣдовательно и въ томъ, что ему излишне тамъ оставаться, а еще болѣе выходить въ отставку.

— Но я опасаюсь, что, если миссія моя будетъ неудачна, я могу подвергнуться неудовольствію фельдмаршала...

— Этого не бойтесь! Фельдмаршалъ пойметъ хорошо, что вы не виноваты въ неудачѣ... А можетъ быть вамъ это удастся, и тогда фельдмаршалъ будетъ весьма доволенъ... Онъ непремѣнно желаетъ сохранить Пфеля для службы...

— Въ такомъ случаѣ я согласенъ отправиться на Рейнъ и подѣйствовать на Пфеля.

— Ваша поѣздка будетъ облечена въ форму командировки... Такъ какъ теперь строится новое зданіе въ Уяздовскомъ госпиталѣ и фельдмаршалъ желаетъ, чтобы оно было устроено вполне современно, то вы и осмотрите лѣчебныя заведенія на Рейнѣ и примѣните, чтò будетъ нужно, и къ вашему госпиталю. Вы получите на поѣздъ туда 300 рублей изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи фельдмаршала... Обо всемъ этомъ мы сдѣлаемъ распоряженіе, а завтра въ 12 часовъ дня потрудитесь быть въ замкѣ и представитесь передъ отъѣздомъ фельдмаршалу.

На другой же день я получилъ предписаніе отправиться на Рейнъ и осмотрѣть тамъ извѣстнѣйшія всѣ лѣчебныя заведенія, съ цѣлію примѣнить устройство ихъ къ устройству водолѣчебнаго заведенія въ строящемся зданіи Уяздовскаго госпиталя. Въ этотъ же день я представлялся фельдмаршалу Бергу. Онъ подаль мнѣ руку, и затѣмъ между нами состоялся слѣдующій разговоръ:

— Вамъ извѣстна цѣль поѣздки вашей на Рейнъ?

— Точно такъ, ваше сіятельство! Мнѣ извѣстна эта цѣль.

— Прошу васъ исполнить аккуратно это порученіе. Я желаю, чтобы водолѣчебное заведеніе въ Уяздовскомъ госпиталѣ было вполнѣ современно и для этого командирую васъ на Рейнъ... Счастливымъ путь!

И фельдмаршалъ подалъ мнѣ опять руку на прощанье. Я хотѣлъ-было сказать, что имѣю еще другое порученіе на Рейнъ; но быстро сообразилъ, что если фельдмаршалъ о немъ умалчиваетъ, то и мнѣ слѣдуетъ молчать. Притомъ, подавъ мнѣ руку и пожелавъ счастливаго пути, фельдмаршалъ такъ быстро скрылся изъ глазъ моихъ, что я почти приросъ къ мѣсту и не успѣлъ вымолвить ни одного слова.

Я вышелъ изъ замка какъ опаренный. Какъ! Меня употребляютъ для такого порученія, и фельдмаршалъ ни слова о немъ... Въмѣсто того говорятъ о какомъ-то водолѣчебномъ заведеніи въ Уяздовскомъ госпиталѣ, которое, какъ мнѣ извѣстно, вовсе не предполагается устраивать въ новомъ зданіи госпиталя... Вотъ такъ политика; не даромъ говорятъ, что графъ Бергъ великій тактикъ и политикъ, подумалъ я. И все стало ясно для меня...

Для полученія денегъ на проѣздъ я отправился въ окружное интендантское управленіе и направился прямо къ окружному интенданту генералу Хоментовскому. Мнѣ выдали талонъ на полученіе изъ Варшавскаго губернскаго казначейства 300 рублей. Въ талонѣ этомъ значилось: «Выдать главному доктору Уяздовскаго госпиталя статскому совѣтнику Ильинскому триста рублей для надобности, лично мнѣ извѣстной». Затѣмъ слѣдовала собственноручная подпись фельдмаршала графа Берга. На заголовкѣ же талона стояло: «Смѣта такого-то года § такой-то — «суммы, ассигнуемая на высшую полицію». Въ казначействѣ на меня смотрѣли съ любопытствомъ и быстро удовлетворили меня.

Необходимо здѣсь добавить, что миссія моя не удалась: г. Пфель твердо рѣшился выдти въ отставку, и все мое краснорѣчіе — убѣдить его въ противномъ, — осталось напраснымъ. Я возвратился съ Рейна и представился генералу Минквицу, который сказалъ мнѣ, что

излишне теперь мнѣ представляться графу Бергу и что онъ ему доложить обо всемъ.

Живя двѣ недѣли въ Кобленцѣ, на Рейнѣ, близъ Зайна, я отъ скуки занялся осмотромъ тамошнихъ лѣчебныхъ и водолѣбныхъ заведеній и сдѣлалъ хорошо: вскорѣ послѣ возвращенія моего я получилъ предписаніе—донести объ исполненіи командировки по осмотру водолѣбныхъ заведеній и представить отчетъ.

Такимъ образомъ, поѣздка моя облеклась въ форменную командировку, но безъ внесенія въ послужной списокъ.

Вотъ, по всѣмъ этимъ соображеніямъ, мнѣ кажется, что строгій выговоръ объявленъ мнѣ графомъ Бергомъ не по его инициативѣ, но по сильному настоянію неблаговолившаго ко мнѣ начальника штаба, назначеннаго на эту должность послѣ Минквица, получившаго высшее назначеніе—командующаго войсками Харьковскаго военного округа.

Въ Харьковѣ, на должности командующаго войсками, генераль Минквицъ оставался очень короткое время, и причины этого, какъ я слышалъ, были слѣдующія:

Минквицъ прибылъ въ Харьковъ незадолго до того времени, какъ въ этомъ городѣ совершилось убійство генерала Крапоткина. Такъ какъ семейство Минквица находилось въ Остзейскихъ провинціяхъ, то вскорѣ онъ поѣхалъ изъ Харькова за семьей. Бывши по пути въ Петербургъ, онъ представлялся государю императору Александру Николаевичу. Какъ разъ, въ промежуткѣ времени между выѣздомъ Минквица изъ Харькова и прибытіемъ въ Петербургъ, случилось въ Харьковѣ убійство генерала Крапоткина, о которомъ Минквицъ, представляясь государю, не зналъ. Говорили, что государь спросилъ Минквица: «скоро ли онъ поѣдетъ въ Харьковъ». Будто бы Минквицъ отвѣчалъ Его Величеству, что «прежде поѣдетъ за семьей въ Остзейскія провинціи». Говорили, что подобный отвѣтъ командующаго войсками, который въ такое время, когда совершилось убійство генерала Крапоткина, естественно долженъ быть на мѣстѣ службы, не понравился Его Величеству, и это было причиною увольненія Минквица съ должности командующаго войсками и перечисленія его въ члены военного совѣта. Въ этомъ, послѣднемъ, званіи онъ вскорѣ и умеръ. Говорятъ, что онъ очень былъ

пораженъ всѣмъ случившимся и, будучи гордымъ и самолюбивымъ, не могъ равнодушно перенести столь неожиданнаго событія.

Къ характеристикѣ генерала Минквица долженъ я здѣсь добавить, что онъ пользовался большимъ расположеніемъ фельдмаршала Берга и имѣлъ большое вліяніе на него. Вообще это была эпоха господства нѣмецкаго элемента въ Варшавѣ: Минквицъ, Пфель, генераль Рамзай, баронъ Корфъ (начальникъ 3-й гвардейской дивизіи) и многіе другіе были тогда самыми вліятельными лицами.

Не буду здѣсь много говорить о фельдмаршалѣ графѣ Бергѣ, какъ объ административномъ дѣятелѣ на столь высокомъ посту намѣстника Царства Польскаго и главнокомандующаго войсками, потому что это мнѣ мало извѣстно; да притомъ же все это уже описано людьми, близко стоявшими при покойномъ фельдмаршалѣ. Не могу, однако, не упомянуть о томъ, что, по общему мнѣнію, господствовавшему тогда въ Варшавѣ, графъ Бергъ былъ большимъ политикомъ и дѣйствовалъ съ большимъ тактомъ и большою осторожностію. Послѣ Паскевича, это — былъ одинъ изъ лучшихъ и дѣльнѣйшихъ намѣстниковъ въ Царствѣ Польскомъ, принесъ, несомнѣнно, большую пользу въ дѣлѣ замиренія края послѣ мятежа, вспыхнувшаго тамъ въ шестидесятыхъ годахъ. Говорили, однако, тогда, что дѣйствія графа Берга къ подавленію мятежа сдѣлались болѣе успѣшными съ той поры, когда, послѣ бывшаго на его жизнь покушенія изъ дома Замойскаго, онъ сталъ принимать тѣ же мѣры, которыя принимались въ Вильнѣ генераломъ Муравьевымъ. Величайшая заслуга графа Берга состояла въ томъ, что супруга его, графиня Бергъ, рѣшительно не вмѣшивалась ни въ какія дѣла. Она, какъ извѣстно, «была итальянка и ярая католичка, и ни о чемъ не хлопотала столь сильно, какъ объ обращеніи своего супруга въ лоно католической церкви. Домашнимъ врачомъ графини Бергъ былъ ординаторъ Узядовскаго госпиталя, А. Ф. Бухгольцъ, который посѣщалъ графиню ежедневно въ утренніе часы, когда фельдмаршалъ заходилъ на ея половину. Бухгольцъ, какъ домашній врачъ и довѣренное лицо, часто былъ свидѣтелемъ многихъ сценъ, происходившихъ между супругами по поводу религіозныхъ вопросовъ. Такимъ образомъ, онъ рассказывалъ мнѣ, что графиня неоднократно говорила своему супругу, что онъ уже старъ и что пора ему поду-

мать о спасеніи своей души, которое возможно только въ лонѣхъ католической церкви. Графъ Бергъ находилъ излишнимъ возражать своей супругѣ и спорить съ нею о преимуществахъ той или другой религіи. Онъ хорошо зналъ, что убѣдить графиню въ невозможности для него перейти въ католическую религію не было средствъ, а потому онъ обыкновенно отвѣчалъ, что «онъ давно объ этомъ думаетъ и скоро приведетъ въ исполненіе ея желаніе, которое вмѣстѣ есть и его желаніе». И она тѣшилась этимъ обѣщаніемъ и радовалась, что онъ пришелъ къ такому заключенію. Въ то время, когда графъ уѣхалъ въ Петербургъ, незадолго до своей кончины, графиня говорила окружающимъ ее близкимъ лицамъ, что очень рада его поѣздкѣ, послѣ которой онъ обѣщалъ немедленно перейти въ католицизмъ. Когда же онъ скончался въ Петербургѣ, смерть его долго скрывали отъ графини, говоря, что его задержали дѣла въ Петербургѣ. Она при этомъ извѣстіи высказывала, что пусть онъ остается тамъ, сколько нужно, но только бы не обманулъ ее и по возвращеніи исполнилъ бы обѣщанное, т. е. переходъ въ католицизмъ. Наконецъ, въ то время, какъ она уже теряла терпѣніе и собиралась отправиться въ Петербургъ, несмотря на ея болѣзнь и старческое изнеможеніе, послѣ подлежащихъ подготовленій, должны были объявить ей печальное извѣстіе о кончинѣ его. И что же? Къ общему изумленію, печальная вѣсть эта была принята графиней весьма хладнокровно: она сожалѣла только о томъ, что покойный супругъ ея не успѣлъ осуществить завѣтной мечты своей супруги и тѣмъ спасти свою душу. Она находила теперь утѣшеніе въ томъ, что графъ, ея супругъ, теперь не будетъ уже ухаживать за женщинами... Здѣсь необходимо замѣтить, что графиня, несмотря на преклонную старость свою и супруга своего, все-таки ревновала его...

Все это я слышалъ отъ доктора Бухгольца, бывшаго домашнимъ врачомъ графини Бергъ, который былъ очень любимъ ею и которому она нерѣдко высказывала свои сокровенныя мысли, добавляя, что всѣ упомянутыя выше заботы не даютъ возможности поправиться ей въ здоровьи, а потому, дескать, лѣкарства его не принесутъ пользы.

Какъ ни хладнокровно, повидимому, графиня приняла извѣстіе о кончинѣ своего супруга, но послѣ этого силы ея начали быстро

падать, всѣ явленія старческаго изнуренія и мазама ожесточились, и въ непродолжительномъ времени послѣдовала кончина ея.

Во все время, Бергъ только однажды посѣтилъ Уяздовскій госпиталь (т. е. въ то время, когда я при немъ былъ главнымъ докторомъ госпиталя), и именно по поводу открытія новаго госпитального зданія (лѣваго флигеля). Осмотрѣвъ это зданіе, графъ Бергъ пожелалъ видѣть офицерское отдѣленіе, гдѣ помѣщалось рядомъ и отдѣленіе для душевно - больныхъ офицеровъ. Когда я доложилъ объ этомъ отдѣленіи, онъ приказалъ себя вести туда. Вошли въ одну палату. Я сообщилъ о болѣзняхъ, которыми одержимы двое находившихся тамъ умственно - больныхъ офицеровъ. Фельдмаршалъ подошелъ къ одному изъ нихъ и спросилъ:

— Что у васъ болитъ?

Офицеръ вытянулся во фронтъ и, приложивъ руку ко лбу, какъ бы отдавая честь, сказалъ:

— Честь имѣю представиться: фельдмаршалъ Туркестанскаго линейнаго батальона прапорщикъ такой-то.

— Что это значить? обратился ко мнѣ графъ Бергъ. Я доложилъ ему, что офицеръ помѣшанъ на томъ, что онъ фельдмаршалъ.

Графъ ничего не сказалъ и просилъ вести его къ выходу, замѣтивъ, что онъ не желаетъ видѣть другихъ душевно - больныхъ офицеровъ.

Преемникомъ покойнаго графа Берга былъ командующій войсками Одесскаго округа и одесскій генераль - губернаторъ генераль - адъютантъ (впослѣдствіи графъ) Павелъ Евстафьевичъ Коцебу; но онъ былъ уже не намѣстникомъ, а только варшавскимъ генераль - губернаторомъ и командующимъ войсками Варшавскаго округа.

По прибытіи Коцебу въ Варшаву, всѣ чины представлялись ему въ королевскомъ замкѣ. Съ каждымъ днемъ послѣ этого, мы ожидали посѣщенія Уяздовскаго госпиталя новымъ начальникомъ. Прошло, однако, около трехъ мѣсяцевъ, и онъ не удостоилъ госпиталя своимъ посѣщеніемъ. Наконѣцъ, въ одинъ день, около 4 часовъ по-полудни, дали мнѣ знать, что командующій войсками ходитъ по госпиталю. Я немедленно отправился и нашелъ его въ

старомъ, полуразвалившемся зданіи, извѣстномъ подъ названіемъ Радзивилловскаго.

Послѣ подачи мною рапорта, Коцебу спросилъ меня:

— Какимъ образомъ такое старое зданіе можетъ служить для помѣщенія больныхъ?

Я объявилъ, что давно уже идетъ переписка о перестройкѣ этого зданія, что въ бытность въ Варшавѣ военнаго министра, генераль - адъютанта Милютина, при посѣщеніи имъ госпиталя, я докладывалъ ему о необходимости немедленной перестройки этого зданія; на что онъ отвѣтилъ мнѣ совѣтомъ не настаивать на перестройкѣ, потому что другіе госпитали, напримѣръ Кіевскій, еще хуже и что, наконецъ, въ виду обремененія государственнаго казначейства, въ настоящее время и думать нельзя о капитальной перестройкѣ огромнаго Радзивилловскаго зданія и проч. Между прочимъ я доложилъ Коцебу, что новое зданіе госпиталя (лѣвый флигель) устроено по всѣмъ правиламъ гигиены. Вскорѣ мы перешли туда. Обходя палаты внутренняго отдѣленія и читая надписи на доскахъ, Коцебу остановился предъ однимъ больнымъ, у котораго на кроватной доскѣ было написано: *Catarrhus chronicus intestinalium*.

— Я желалъ бы знать, спросилъ меня Коцебу, какое лѣкарство принимаетъ этотъ больной.

Конечно, я не могъ знать, что принимаетъ каждый изъ 1.500 больныхъ, бывшихъ въ госпиталѣ, а палатнаго ординатора не было. Поэтому я справился въ исторіи болѣзни. Оказалось, что больной принимаетъ настоячку челибухи (*T-ra nucis vomicae*), о чемъ я и доложилъ Коцебу.

— Легче ли тебѣ? спросилъ онъ больного.

— Точно такъ, ваше высокопревосходительство! Совершенно поправляюсь.

Коцебу на это замѣтилъ.

— Знаете ли, что я также былъ боленъ и тою же болѣзнію, какъ и этотъ больной, и мнѣ помогло именно это же лѣкарство... Я вижу, что у васъ лѣченіе больныхъ правильное.

Новое зданіе госпиталя произвело прекрасное впечатлѣніе.

Изъ него направлены мы въ офицерское отдѣленіе, гдѣ все было найдено также въ образцовомъ порядкѣ.

Когда мы сходили по лѣстницѣ изъ офицерскаго отдѣленія, то Коцебу остановился и сказалъ мнѣ:

— Благодарю васъ! Я нашель у васъ во всемъ образцовый порядокъ...

Онъ подалъ мнѣ руку, на которую была надѣта бѣлая офицерская перчатка, и продолжалъ:

— Я отдамъ приказъ по округу о найденномъ мною отличномъ порядкѣ въ госпиталѣ и объявлю вамъ въ приказѣ по округу мою признательность. Затѣмъ, онъ направился къ выходу и, поблагодаривъ меня еще разъ, сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ.

Послѣ полученнаго мною отъ предмѣстника Коцебу, графа Берга, строгаго выговора, конечно, такой результатъ осмотра госпиталя командующимъ войсками былъ для меня весьма радостнымъ событіемъ.

Онъ приказалъ начальнику штаба князю И. составить проектъ приказа по округу. Въ этомъ проектѣ предлагалось объявить мнѣ благодарность, но Коцебу поправилъ приказъ собственноручно и замѣнилъ благодарность — признательностію. Не прошло и недѣли, какъ я получаю приглашеніе на балъ къ Коцебу. Нужно здѣсь замѣтить, что списки для приглашенія на балы и вечера къ генераль-губернатору и командующему войсками составлялись въ штабѣ округа, и что при Бергѣ я никогда не попадалъ въ эти списки и ни разу не былъ на балахъ и вечерахъ у намѣстника, хотя другія лица, стоявшія ниже меня на іерархической ступени, попадали на упомянутые балы.

Тутъ же, при Коцебу, вдругъ я получаю приглашеніе, что меня очень удивило. Прибывъ на балъ, я откланялся стоявшему посреди пріемной залы Коцебу, который, подавъ мнѣ руку, просилъ проходить дальше. Затѣмъ, я расхаживалъ по замку и любовался портретами высочайшихъ особъ и картинами, въ изобиліи развѣшанными по стѣнамъ замка. Внезапно ко мнѣ подходит комендантъ генераль-лейтенантъ (впослѣдствіи графъ) Разводовскій и говоритъ мнѣ, что меня спрашиваетъ графъ, причемъ совѣтуетъ идти на встрѣчу ему, приближающемуся въ сопровожденіи на-

чальника штаба и состоящихъ при немъ генераловъ. Я направился прямо и встрѣтилъ Коцебу, окруженнаго упомянутой свитой. Онъ остановился и, когда я подошелъ къ нему, онъ сказалъ:

— Очень радъ видѣть васъ у себя. Пользуюсь случаемъ поблагодарить васъ еще разъ за тотъ образцовый порядокъ, который я нашелъ при посѣщеніи ввѣреннаго вамъ госпиталя.

Я раскланялся и благодарилъ за честь, оказанную мнѣ приглашеніемъ на балъ. При этомъ я замѣтилъ, какъ вытянулись лица нѣкоторыхъ, позавидовавшихъ такому вниманію ко мнѣ командующаго войсками.

Не прошло и мѣсяца послѣ этого, какъ Коцебу вновь посѣтилъ Уздовскій госпиталь. На этотъ разъ онъ подробно осмотрѣлъ аптеку госпиталя, нашелъ ее въ совершенномъ порядкѣ, поблагодарилъ меня и дня черезъ два отдалъ приказъ по округу, въ которомъ объявлялась мнѣ новая признательность командующаго войсками. Между тѣмъ подоспѣло представленіе къ наградамъ. Однажды я зашелъ къ А. А. Боголюбову, и онъ сообщилъ мнѣ, что командующій войсками приказалъ представить меня за отличіе по службѣ къ слѣдующему чину — дѣйствительнаго статскаго совѣтника, который я и получилъ 30-го августа 1876 года.

Между тѣмъ совершился вскорѣ прїездъ въ Варшаву Его Величества императора Александра Николаевича, и я удостоился приглашенія на балъ, данный по этому случаю генераль-губернаторомъ и командующимъ войсками Коцебу.

Давно уже ходили по Варшавѣ слухи о натянутыхъ отношеніяхъ между Коцебу и начальникомъ окружнаго штаба. Причиной этого была гордость супруги Коцебу, которая свысока смотрѣла на супругу князя И., и, какъ тогда говорили, во время одного визита послѣдней, не подала ей руки, которую подала тутъ же бывшимъ графинямъ и нагнаткамъ. Княгиня И. перестала бывать у супруги Коцебу и не прїезжала даже на пригласительные балы и вечера. Какъ все происходило, мнѣ достовѣрно неизвѣстно и общаю здѣсь то, что говорили тогда по преимуществу въ военныхъ кружкахъ. Достовѣрно извѣстно только то, что, въ бытность въ Варшавѣ императора Александра II-го, Коцебу просилъ Его Величество объ отчисленіи князя И. отъ должности начальника окруж-

наго штаба. Коцебу, какъ утверждали тогда, испросилъ князю И. высочайшую награду, но, несмотря на то, просилъ объ отчисленіи его, мотивируя эту просьбу тѣмъ, что онъ и его жена не сошлись съ княземъ И. и его супругою въ семейныхъ отношеніяхъ, и что такую размолвку Коцебу, какъ генераль-губернаторъ и командующій войсками, находить неудобною. Дѣйствительно въ то же время былъ назначенъ начальникомъ окружнаго штаба командиръ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка, князь Шаховской, а князь И. получилъ другое назначеніе и уѣхалъ въ Петербургъ.

Доброе расположеніе ко мнѣ Коцебу, сдѣлавшагося вскорѣ графомъ, послѣ всѣхъ описанныхъ выше событій, стало нарушаться и мало-по-малу замѣнилось не только полнымъ нерасположеніемъ, но даже и желаніемъ удалить меня изъ Уздовскаго госпиталя. Нашлись личности, завидовавшія расположенію ко мнѣ графа Коцебу, и начали писать анонимныя письма и доносы, въ которыхъ доводили до свѣдѣнія графа, что будто-бы я распространяю слухи о томъ, что все расположеніе Коцебу ко мнѣ покоится на желаніи сдѣлать противное князю И., который дѣйствительно до назначенія Коцебу, при графѣ Бергѣ, былъ ко мнѣ нерасположенъ и даже настоялъ на объявленіи мнѣ строгаго выговора послѣ слѣдствія, произведеннаго Раденомъ, о которомъ упомянуто выше. А. А. Богомолвъ, какъ военно-медицинскій инспекторъ, также передавалъ мнѣ, что начальникъ штаба совѣтуетъ мнѣ позаботиться о другомъ мѣстѣ. Объ этихъ доносахъ шепнулъ мнѣ домашній врачъ графа и графини Коцебу, ординаторъ Уздовскаго госпиталя Вильде, который приходился родственникомъ извѣстнаго варшавскаго дѣктора (и бывшаго профессора главной школы) Холубинскаго. Послѣдній былъ женатъ на сестрѣ Вильде и, по его рекомендаціи, Вильде попалъ въ домашніе врачи къ Коцебу.

Вскорѣ я замѣтилъ сильное охлажденіе ко мнѣ графа Коцебу. Пріѣхавъ однажды въ госпиталь, Коцебу былъ очень сухъ въ отношеніи меня и, хотя госпиталь по-прежнему былъ въ порядкѣ, онъ не только не изъявлялъ своего удовольствія, но былъ холоденъ и даже крутъ въ обращеніи со мною. Между тѣмъ, подоспѣла послѣдняя турецкая кампанія.

Въ Варшавѣ существовалъ дамскій комитетъ Краснаго Креста,

предсѣдательницей котораго была баронесса Меллеръ-Закомельская, супруга начальника гвардейской дивизїи генераль-адъютанта барона Меллеръ-Закомельскаго. Я былъ членомъ этого комитета. Когда началась турецкая кампанія, то множество раненыхъ съ поля сраженія и съ театра военныхъ дѣйствій, между прочимъ, было эвакуировано въ Уяздовскій госпиталь. Прибывали транспорты по 100 — 150, 200 и болѣе человекъ раненыхъ, число больныхъ въ госпиталѣ перешагнуло за 2.000. Зданія госпиталя не вмѣщали больныхъ, почему были отведены помѣщенія въ придворномъ зданїи, извѣстномъ подъ названіемъ «Раздрожья», въ другомъ придворномъ зданїи и въ частныхъ домахъ. Однажды, въ засѣданїи дамскаго комитета, баронесса Меллеръ-Закомельская поставила ребромъ слѣдующій вопросъ:

— До меня, сказала она, дошли слухи и даже мнѣ сдѣланы намеки, что графиня Коцебу, по случаю военныхъ дѣйствій и присылки раненыхъ съ театра войны въ военные госпитали Царства Польскаго, желаетъ быть теперь предсѣдательницей дамскаго комитета Краснаго Креста... Какъ вы полагаете, господа, должна ли я уступить ей предсѣдательство или нѣтъ?

Мнѣнія раздѣлились. Я молчалъ и не подавалъ голоса. Однако, нашлись люди, которые шепнули графинѣ Коцебу, что будто бы я и нѣкоторые другіе убѣждали баронессу Меллеръ-Закомельскую не уступать предсѣдательства графинѣ Коцебу. Этого было достаточно, чтобы на меня обрушился гнѣвъ послѣдней. Однако, такъ какъ противъ теченія плыть нельзя, баронесса Меллеръ-Закомельская сложила съ себя званіе предсѣдательницы, а графиня Коцебу сдѣлалась предсѣдательницей дамскаго комитета.

Вскорѣ послѣ этого случилось, что графиня Коцебу, не предупредивъ никого, прїѣхала въ Уяздовскій госпиталь—посѣтить раненыхъ, въ послѣобѣденное время, около 3 часовъ по-полудни, когда больные большею частію отдыхали, а служителя дѣлали уборку корридоровъ. Графиня вошла въ госпиталь, и первое встрѣтившее ее лицо—былъ госпитальный служитель, убравшій нижній корридоръ. Онъ, не зная графини, не обратилъ на нее никакого вниманія и, когда она обратилась къ нему ломанымъ русскимъ языкомъ, отвѣчалъ ей: много васъ тутъ ходитъ; я ничего не знаю, и,

занятый вытряхиваніемъ половика, сдѣлалъ это столь неосторожно, что пыль попала ей въ лицо. Меня въ это время не было дома, но дежурный офицеръ и смотритель съ дежурнымъ ординаторомъ явились спустя нѣсколько минутъ, но такъ какъ графиня не знала почти вовсе по-русски, то обратилась къ нимъ на нѣмецкомъ языкѣ.

Къ сожалѣнію никто изъ нихъ, въ свою очередь, не понималъ по-нѣмецки и потому не могли отвѣтить на ея вопросы. Недовольная всѣмъ этимъ, графиня немедленно уѣхала изъ госпиталя и пожаловалась своему супругу! Часовъ въ шесть вечера, въ тотъ же день, графъ Коцебу потребовалъ къ себѣ военно-медицинскаго инспектора А. А. Боголюбова, а послѣдній, возвратясь отъ него, призвалъ меня и заявилъ мнѣ, что графъ Коцебу весьма недоволенъ моимъ отсутствіемъ во время посѣщенія раненыхъ его супругой, что онъ объявляетъ мнѣ полнѣйшее свое неудовольствіе и приказываетъ на будущее время встрѣчать и провожать графиню, точно такъ же, какъ если бы онъ самъ пріѣхалъ въ госпиталь, такъ какъ попеченіе о раненыхъ онъ передалъ своей супругѣ.

Я отвѣчалъ А. А. Боголюбову, что не виноватъ во всемъ случившемся, такъ какъ меня не было дома и что, по точному смыслу госпитальнаго устава, посѣтителей обязаны провожать дежурные по госпиталю офицеръ и ординаторъ, и они были на своихъ мѣстахъ. А. А. Боголюбовъ, хотя и соглашался со мною, что я правъ, но, для избѣжанія непріятностей, просилъ меня на будущее время провожать графиню. Я обѣщалъ ему исполнить его желаніе, если буду дома или въ стѣнахъ госпиталя, но отказался дежурить и ждать, пока она надумается пріѣхать. При этомъ я предложилъ посоветовать ей увѣдомлять о времени посѣщенія раненыхъ и обѣщалъ ждать ее при этомъ условіи. Черезъ нѣсколько дней графиня опять пріѣхала въ госпиталь, но довольно рано, около 12-ти часовъ дня. Я былъ въ госпиталь и провожалъ ее. Встрѣча съ ея стороны была сухая и, въ разговорѣ на нѣмецкомъ языкѣ, она стала меня поправлять. Подойдя къ одному раненому, спросила она, — что онъ принимаетъ? Я отвѣчалъ по-нѣмецки и, между прочимъ, перечисляя все, что онъ принимаетъ, я сказалъ, «er bekommt auch Wein». На это графиня Коцебу сказала: «bekommt ist nicht richtig; er krigt Wein». Я промолчалъ на это замѣчаніе, не желая ее раздра-

жать. Слѣдующія посѣщенія раненыхъ графинею были еще хуже въ отношенія ко мнѣ. Я замѣтилъ это изъ того, что графиня при прощаніи подала руку старшей сестрѣ милосердія и благодарила ее за найденный порядокъ, какъ будто она завѣдывала госпиталемъ, а не я. Мнѣ же на мой поклонъ она даже не отвѣчала при отъѣздѣ изъ госпиталя. Такова была супруга русскаго командующаго войсками и генералъ-губернатора Привислянскаго края. Вскорѣ я заплатилъ за этотъ урокъ пѣмецкаго языка.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Баронъ Николай Александровичъ Корфъ

въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ.

IV ¹⁾.

Заслуги барона Корфа въ дѣлѣ народнаго образованія.

3. Переписка съ лицами официальнаго педагогическаго міра.

Подобно народнымъ учителямъ, даже лица, занимающія видныя посты на разныхъ ступеняхъ служебно-педагогической іерархіи, относились къ барону Н. А. Корфу, какъ къ высшему авторитету въ дѣлѣ народнаго образованія. Испытывая на себѣ благотворное вліяніе того оживленія въ общей педагогической дѣятельности, которое вносилъ баронъ Корфъ своимъ починомъ—и они спѣшили засвидѣтельствовать инициатору объ этомъ въ обширной перепискѣ полуофициальнаго, а нерѣдко даже и прямо оффиціального характера. Къ сожалѣнію, и переписку этого рода, въ виду ея обширности, мы не имѣемъ возможности привести здѣсь цѣлкомъ и ограничимся лишь наиболѣе характерными письмами.

Какъ было уже указано въ первомъ нашемъ очеркѣ (см. кн. IV «Русской Старины» за нынѣшній годъ), бывший директоръ екатеринославской гимназіи, г. Коленко, вѣдѣнію котораго были подчинены первоначально народныя училища мѣстной губерніи, былъ съ барономъ Корфомъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. Въ дѣлѣ завѣдыванія народными училищами, г-на Коленко смѣнилъ инспекторъ народныхъ училищъ, г. Н. Середа, высоко цѣнившій заслуги барона Корфа на пользу народнаго образованія, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ его писемъ.

20 апрѣля 1870 г.

Екатеринославъ.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ.

Послѣдняя поѣздка моя для ознакомленія съ положеніемъ народнаго образованія въ нашей губерніи надѣлила меня такими разнообразными впечатлѣніями, что я и теперь не могу избавиться отъ гнета нѣкоторыхъ изъ нихъ. Свѣтлое и отрадное настроеніе духа, съ какимъ я выѣхалъ изъ Вашего

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1894 г., августъ.

истинно-Нескучнаго, скоро должно было бороться съ самыми мрачными и безотрадными впечатлѣніями. Переходъ слишкомъ рѣзокъ уже потому, что очень скоро послѣдовалъ послѣ того, какъ я оставилъ Вамъ благодатный уѣздъ, гдѣ такъ хорошо поняты значеніе и дѣлъ общественной дѣятельности, и самая дѣятельность такъ добросовѣстна и разумна.

Собственно говоря, въ Павлоградскомъ и Новомосковскомъ уѣздахъ я не нашелъ ничего утѣшительнаго. Напротивъ, я встрѣтилъ здѣсь такія несообразности, убійственно вліяющія на развитіе народныхъ училищъ, съ какими никакъ нельзя мириться при какихъ бы то ни было условіяхъ. Павлоградскій и Новомосковскій училищные совѣты, какъ видно, поставили себѣ задачей—открывать возможно большее число училищъ; не заботясь о томъ, кто въ нихъ будетъ учить, какъ и по какимъ учебникамъ. Да и самое существованіе этихъ совѣтовъ только номинальное, потому что училища остаются безъ всякаго надзора и руководства, и—можно сказать—существуютъ только для того, чтобы окончательно убить всякое довѣріе крестьянъ къ школь.. Однѣмъ словомъ, я нашелъ въ этихъ уѣздахъ извѣстныя своимъ классическимъ достоинствомъ гнилыя болота, безмятежно покоющіяся подъ своею въсковою плѣсенью... И меня глубоко поразило такое явленіе: новомосковскимъ и павлоградскимъ дѣятелямъ такъ легко было бы провести изъ сосѣдняго имъ уѣзда струю живою, чистой воды и омыть у себя залежавшюся плѣсень; легко было бы пропустить къ себѣ изъ того же уѣзда и животельный лучъ свѣта, чтобы сколько-нибудь осушить свои классическія болота.. Что же мѣшаетъ имъ? Не барскій ли эгоизмъ, тяготящій въ этихъ захолустьяхъ? Къ сожалѣнію, въ своихъ поѣздкахъ я часто наткнулся на это нравственное юродство, нерѣдко драпирующееся въ почтенную хламиду Земства!.. Теперь, когда я уже болѣе проникъ въ лабиринтъ нашихъ губернскихъ интересовъ и довольно ознакомился съ положеніемъ у васъ училищнаго дѣла, я чувствую потребность въ нравственномъ подкрѣпленіи, — и всѣ мысли мои, надежды и желанія стремятся къ Вашему Нескучному.

На дняхъ я намѣренъ отправиться прямо на Бахмутъ, Славяносербскъ и Ростовъ; потомъ уже чрезъ Таганрогъ и Мариуполь направлю путь свой въ Нескучное, къ этому центру благодатнаго свѣта Полагаю, что придется быть у Васъ около 18 мая.

Вместѣ съ этимъ письмомъ я посылаю Вамъ тюкъ съ книгами. Полагаю, что „Сборникъ статей“ Вы найдете хорошимъ подаркомъ для сельской школы—какъ книгу, чтеніе которой—по доступности ея содержанія—можетъ быть и занимательно для крестьянъ, и полезно въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Журналъ „Народная Школа“ также будетъ нелишнимъ въ бібліотекѣ сельскаго училища: учитель найдетъ въ этомъ журналѣ повемногу всего того, что интересуетъ мыслящаго человѣка...

Съ глубочайшимъ уваженіемъ душевно-преданный Вамъ, баронъ,
Вашъ покорнѣйшій слуга
Н. Серeda.

5 октября 1870 г.
Екатеринославъ.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ.

Пользуюсь случаемъ побесѣдовать съ Вами: Михаилъ Андреевичъ Черновъ, съ которымъ я вчера встрѣтился у г. Коленко, былъ такъ добръ, что ваялся доставить Вамъ это письмо.

Я общалъ сообщить Вамъ о томъ, какъ сойдутъ учительскіе сѣзды, предстояшіе мнѣ въ г. Новомосковскѣ и Ростовѣ. Изъ Ростова я еще не получилъ никакого увѣдомленія, и вѣроятно въ настоящемъ году уже не состоятся сѣзды учителей Ростовскаго уѣзда.

Въ г. Новомосковскѣ, напротивъ, сѣздъ учителей состоялся, хотя, какъ видно, судьба въ лицѣ г. Курилина намѣревалась сыграть маленькую шутку. Объ этомъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Въ Новомосковскѣ я прибылъ 15 числа въ 5 час. по-полудни и немедленно отправился къ г. Курилину. Въ этотъ день, оканчивались засѣданія мирового сѣзда, и я засталъ у него человѣкъ восемь гостей, какъ видно, членовъ мирового сѣзда. При входѣ моемъ, довольно оживленный разговоръ прервался; его замѣнили отрывистыя, случайно возникавшія фразы. Курилинъ молчаливѣе всѣхъ: о сѣздѣ ни слова. Наконецъ, я завожу рѣчь о сѣздѣ: надо же было знать: приглашены ли учителя, прибыли ли уже и сколько ихъ? Узнаю, что ведѣлю тому назадъ посланы приглашенія, но что ему, г. Курилину, еще не извѣстно, прибылъ ли кто изъ учителей. Программа сѣзда не была разослана учителямъ. Общалъ на другой день послать человѣка развѣдать, сколько прибыло учителей, и дать мнѣ знать. Отъ Курилина захожу къ Гроссгейму. „Были, говорить, у меня утромъ три учителя, — спрашивали, зачѣмъ ихъ вызвали, — и кажетъ ся, отправились обратно домой въ деревню“. Отправляюсь и я къ себѣ въ номеръ; возлагая всѣ свои надежды на завтрашній день. Утромъ 16 сентября, около 10 часовъ, являются ко мнѣ два учителя, отъ которыхъ я узнаю, что всѣхъ ихъ собралось до 15. По выходѣ этихъ двухъ учителей отъ меня, является человѣкъ Курилина, развѣдывавшій объ учителяхъ, и доноситъ, что во всемъ городѣ нѣтъ ни одного изъ сельскихъ учителей...

Въ 11 часовъ собралось у меня 17 учителей. О томъ, что происходило дальше, Вы увидите изъ программы (это — копія съ донесенія моего г. попечителю о сѣздахъ, бывшихъ въ Гуляй-полѣ и Новомосковскѣ), которую я предлагаю при этомъ, надѣясь, что для Васъ не безынтересно будетъ узнать, что дѣлалось на Новомосковскомъ сѣздѣ. Къ величайшему удовольствію моему, въ большинствѣ учителей я нашелъ молодыхъ людей довольно способныхъ и во всѣхъ — искреннее желаніе послѣдовать тѣмъ совѣтамъ, которыми я успѣлъ надѣлать ихъ. Г-нъ Курилинъ былъ только на одномъ засѣданіи — послѣдемъ, и — какъ Вы увидите изъ программы — очень кстати. Жаль только, что въ немъ не установилось надлежащаго понятія объ учительскомъ сѣздѣ. Но, тѣмъ не менѣе, это не помѣшало ему, послѣ всего, сдѣлать мнѣ вопросъ: „не правда ли, теперь никто не можетъ сказать, что мы отстаемъ отъ Александровскаго уѣзда?“

Съ чувствами глубочайшаго уваженія, остаюсь
искренно преданный Вамъ
Н. Середа.

Р. S. Ожидаемъ новаго архіерея и новаго губернатора. Около 15 числа этого мѣсяца я намѣренъ отправиться въ Одессу на 6 дней.

30 ноября 1870 г.
Екатеринославъ.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

Обязательное письмо Ваше отъ 15 ноября мнѣ было особенно пріятно получить въ настоящее время: оно принесло мнѣ новое доказательство того, что Вы не считаете меня чуждымъ вашему дѣлу и, кажется, не относите меня къ числу столь не милыхъ земскимъ людямъ „чиновниковъ“, какъ это сдѣлалъ В. Бунницкій въ своей статьѣ, помѣщенной въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“

Что касается до интереса, возбуждаемаго въ Васъ моими усиліями водворить толковое обученіе тамъ, гдѣ его нѣтъ, то я никогда не сомнѣвался въ наилучшихъ отношеніяхъ Вашихъ къ дѣлу, которому Вы сами, съ такимъ самопожертвованіемъ, отдаете столько труда и времени. Какъ ни медленно вѣнчаются успѣхами мои усилія, все-таки я имѣю отраду видѣть, что во многихъ захолустьяхъ губерніи нашей подымается понемногу завѣса, открывающая видъ на „новую школу“. До сего времени, мнѣ удалось помѣстить въ разные училища до 15 молодыхъ людей изъ воспитанниковъ педагогическихъ курсовъ, которыхъ я предварительно ознакомилъ съ условіями и потребностями „новой школы“. Также изъ числа 18 учителей, бывшихъ на съѣздѣ въ Новомосковскѣ, большая часть подають самыя лучшія надежды: по всему видно, что новая школа возбудила въ нихъ живѣйшія симпатіи къ себѣ, и они мало по малу отрѣшались отъ тѣхъ веригъ, въ которыхъ подвизались до сего времени. Болѣе быстрого превращенія нельзя и требовать отъ такихъ учителей — особенно въ виду фактической невозможности одному мнѣ наблюсти своевременно за всѣми ими. И вы правы, желая, чтобы у меня хватило силъ (прибавлю — и времени).

Съ живѣйшимъ интересомъ ожидаю отъ Васъ „инструкцій народнымъ училищамъ Александровскаго уѣзда“. Я увѣренъ, что эти инструкціи внесуть новыя разъясненія въ сферу училищнаго дѣла, уже столько разъясненнаго Вами въ Вашихъ предшествовавшихъ трудахъ и особенно въ „Русской начальной школѣ“ (за которую — кстати замѣчу — не одна тысяча соотечественниковъ скажетъ Вамъ, если еще не сказала, душевное русское спасибо).

Я всегда былъ того убѣжденія, что толковая грамотность, образование, можетъ успѣшно развиваться между сельскимъ населеніемъ только тогда, когда въ числѣ народныхъ учителей появятся личности изъ самой среды народа, когда на той самой почвѣ, на которой нынѣ прозябаетъ сельское населеніе, возникнутъ дѣятели родные, а не занесенные извнѣ. Между тѣмъ всѣ наши педагогическія курсы или даже и учительскія семинаріи, при настоящемъ ихъ устройствѣ, доступны исключительно для молодыхъ людей изъ всѣхъ другихъ сословій, кромѣ крестьянскаго. Не отвергая пользы отъ этихъ учрежденій, я однако думаю, что существенную пользу они принесутъ, во-первыхъ, тѣмъ, что дадутъ городскимъ училищамъ учителей, соответствующихъ потребностямъ городского населенія, и, во-вторыхъ, возникающей у насъ контингентъ кандидатовъ на пролетаріевъ будутъ они пристроивать пока къ дѣлу. Но сельское населеніе, при его настоящемъ нравственномъ положеніи и настроеніи, мало выиграетъ отъ такихъ учителей: они — по большей части — недоступны для его средствъ и вообще чужды ему по своимъ склонностямъ и характеру. Другое дѣло — ягода своего поля: она всегда придется народу болѣе по вкусу, чѣмъ занесенная съ другаго поля.

Увѣренный, что придуманное Вами „средство“ (относительно подготовленія народныхъ учителей) перейдетъ немедленно въ дѣйствительность, мнѣ остается только пожелать, чтобы у Васъ хватило матеріальныхъ средствъ на приготовленіе всѣхъ тѣхъ молодыхъ людей, которые, какъ я полагаю, готовы будутъ воспользоваться такимъ средствомъ. А такихъ личностей окажется немало, судя по тому влиянію, которое Вы имѣете какъ на учителей, такъ и на сельское населеніе...

Что касается до желанія Вашего знать, какъ отнесся г. попечитель округа къ моему отчету вообще и къ вашему училищному дѣлу въ особенности, то объ этомъ я оградилъ въ настоящемъ письмѣ только краткимъ сообщеніемъ. Г-нъ попечитель увѣдомилъ меня, что отчетъ мой представленъ г. министру, который распорядился напечатать его въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“. Выѣстъ съ тѣмъ Сергій Платоновичъ даетъ мнѣ знать, что г. министръ требуетъ, чтобы всѣ отчеты инспекторовъ — какъ годовые, такъ и объ осмотрѣ нми училищъ, — были немедленно представляемы ему, съ свѣдѣніями о томъ, сколько расходуется земствомъ и другими лицами на устройство и содержаніе училищъ.

Послѣдствія отчета моего болѣе всего ошутительны для меня, потому что мнѣ предписано „немедленно принять зависящія (отъ меня) мѣры къ устраненію зашѣченныхъ (мною) недостатковъ“ и пр. И я жалѣю, что не обладаю чудодѣйственной силой.

Вы не можете сомнѣваться въ уваженіи и симпатіи г. попечителя къ Вашему училищному дѣлу. Объ этомъ предметѣ я, безъ сомнѣнія, могъ бы больше сообщить Вамъ, но — къ сожалѣнію — мнѣ не удалось побывать въ Одессѣ и лично поговорить объ этомъ.

Искренно уважающій Васъ и душевно преданный Вамъ
Н. Серeda.

8 марта 1871 г.
Екатеринославъ.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ.

Со времени послѣдняго моего свиданія съ Вами, Вы — по своему обыкновенію — понесли немало трудовъ и, между прочимъ, подарили нашу тощую педагогическую литературу нѣсколькими статьями. Я читалъ всѣ ихъ, начиная со статьи, появившейся въ „Народной Школѣ“, до статей, напечатанныхъ въ „С-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Вѣстникѣ Европы“. Я не могъ не читать ихъ съ живѣйшимъ интересомъ и удовольствіемъ, потому что въ наше время, когда появляется немало руководителей въ дѣлѣ народнаго образованія, и когда изъ числа ихъ значительное большинство не владѣетъ надлежащимъ пониманіемъ этого дѣла и его потребностей, — будетъ всегда благотворнымъ появленіе такихъ статей, въ которыхъ проводятся взгляды, вытекающіе изъ живой, осмысленной дѣйствительности, а не изъ одного теоретическаго знакомства съ дѣломъ. Если такое знакомство преобладаетъ въ лицахъ, вѣдающихъ начальными училищами, то оно всегда налагаетъ на эти послѣднія особый отпечатокъ, — и вотъ почему, читая Ваше описаніе харьковскихъ училищъ, я не могъ не видѣть въ нихъ поразительное подобіе училищамъ одесскимъ, николаевскимъ и многимъ др.

Начавъ свое письмо съ статей, появившихся въ послѣднее время и имѣющихъ особый интересъ для педагогическаго міра, я не могу не вспомнить

*

здѣсь о статьяхъ, помѣщенныхъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Вѣстникѣ Европы“, и касающихся нѣкоторыхъ дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія. Упоминаю объ нихъ, потому что появленіе ихъ не осталось безъ нѣкотораго вліянія. Министръ народнаго просвѣщенія пожелалъ имѣть отъ государственнаго контролера подробныя свѣдѣнія о томъ, сколько по каждой губерніи было остатковъ суммы, не израсходованной на народное образованіе и переданной въ государственное казначейство. Получивъ эти свѣдѣнія, онъ теперь требуетъ отъ попечителей округовъ объясненій, почему навѣстная сумма не была вся израсходована на предметы назначенія... Между тѣмъ сдѣлано распоряженіе о передачѣ всей суммы, назначенной на начальное народное образованіе, въ вѣдѣніе инспекторовъ народныхъ училищъ съ предоставленіемъ имъ права расходовать эту сумму съ разрѣшенія попечителей учебныхъ округовъ. По этому поводу я уже отнесся и въ Вашъ училищный совѣтъ съ просьбою доставить мнѣ свѣдѣнія о томъ, какими сельскими училищамъ и учителямъ считаетъ совѣтъ полезнымъ выдать денежное пособіе въ текущемъ году, и въ какомъ размѣрѣ. Всей суммы, падающей на долю Екатеринославской губерніи, — 5 тыс. руб.

Вамъ, безъ сомнѣнія, пріятно будетъ узнать, что есть предположеніе открыть въ нашей губерніи учительскую семинарію. Г-нъ Голубцовъ требовалъ отъ меня свѣдѣній о томъ, въ какомъ селѣ и можно было бы учредить эту семинарію съ наибольшими удобствами, — и я указалъ на с. Петропавловку, Павлоградскаго уѣзда.

Изъ числа новостей сообщу Вамъ еще одну, которая особенно пріятна для меня. Она состоитъ въ томъ, что дѣло о приличномъ награжденіи Васъ за понесенныя Вами полезнѣйшіе труды по народному образованію — получило ходъ. Такъ какъ представленіе къ наградѣ лицъ, служащихъ по земскимъ выборамъ, должно слѣдовать чрезъ генераль-губернатора, поэтому отъ г. Коцебу полученъ былъ нашимъ губернаторомъ запросъ: нѣтъ ли препятствій со стороны его на представленіе Васъ къ наградѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ требовалось мнѣніе его о заслугахъ Вашихъ по народному образованію. Губернаторъ обратился ко мнѣ, — и я, кромѣ особой записки, доставилъ ему извлеченіе изъ отчета моего (этотъ отчетъ уже напечатанъ въ № 12 „Циркуляръ по управленію Одесскимъ учебнымъ округомъ“ за 1870 годъ) о состояніи народнаго образованія въ Екатеринославской губерніи, предупредивъ его въ своей запискѣ, что все то, что въ отчетѣ моемъ я отношу къ дѣйствіямъ Александровскаго училищнаго совѣта, должно быть отнесено къ личной инициативѣ Вашей.

Еще новость: окружной инспекторъ, князь Дабиза, прогостилъ у насъ около трехъ недѣль; онъ осмотрѣлъ всѣ училища екатеринославскія и остался всѣмъ ими, большею частью, доволенъ. Между прочимъ, во время бесѣды со мною объ Васъ, онъ поручилъ мнѣ передать Вамъ, въ первомъ же письмѣ, его искрениѣйшее почтеніе и живѣйшее сочувствіе къ Вашимъ трудамъ на пользу народнаго образованія.

Душевно преданный Вамъ
Н. Серeda.

Въ связи съ приведенными письмами г. Середы, необходимо замѣтить, что попечитель Одесскаго учебнаго округа, С. П. Голубцовъ, отношеніемъ отъ 18 мая 1870 г. за № 1.595, увѣдомилъ барона Корфа, что онъ «предлагаетъ директорамъ гимназій и инспекторамъ народныхъ»

училищъ Одесскаго учебнаго округа приобрести «Русскую Начальную школу» для библиотекъ подвѣдомственныхъ имъ училищъ». При этомъ нелишне замѣтить, что тѣ же, въ сущности, мотивы, по которымъ г. Середа, какъ инспекторъ народныхъ училищъ, такъ горячо относился къ печатнымъ трудамъ барона Корфа въ началѣ 70-хъ годовъ, ровно черезъ десять лѣтъ, нашли довольно яркое отраженіе и въ письмѣ директора народныхъ училищъ Херсонской губерніи, г. А. Князева, отъ 17 сентября 1831 года (изъ Одессы). Свидѣтельствуя барону Н. А. Корфу «сердечное уваженіе», г. А. Князевъ, въ доказательство того, какъ онъ высоко цѣнитъ труды его на пользу народнаго образованія, увѣдомлялъ барона Корфа, что «ни одно училище Херсонской губерніи не будетъ лишено удовольствія пользоваться его трудами. Всѣхъ же училищъ въ Херсонской губерніи было въ то время болѣе 500.

Вся эта переписка заслуживаетъ особеннаго вниманія въ томъ отношеніи, что письма принадлежатъ лицамъ, занимавшимъ офиціальное служебное положеніе въ томъ именно учебномъ округѣ, гдѣ барону Корфу исключительно приходилось практически работать на поприщѣ народнаго образованія, то въ роли земскаго дѣятеля, то въ видѣ руководителя временныхъ земскихъ учительскихъ курсовъ въ разныхъ мѣстностяхъ, то въ качествѣ учредителя «воскресныхъ повторительныхъ школъ» и проч. Но точно такая же оживленная переписка у барона Корфа была и съ офиціальными педагогами другихъ учебныхъ округовъ, занимавшими разные служебные посты.

Вотъ, на примѣръ, два офиціальныхъ письма инспектора народныхъ училищъ Новгородской губерніи, г. В. Можайскаго (одно—отъ 14 января 1870 года за № 17, другое—отъ 28 апрѣля того же года за № 139), въ которыхъ онъ трогательнѣйшимъ образомъ проситъ барона Н. А. Корфа выслать ему «по одному экземпляру всѣхъ напечатанныхъ трудовъ» его. Не приводя здѣсь этихъ писемъ г. Можайскаго, обратимся къ болѣе характернымъ письмамъ директоровъ учительскихъ семинарій. Начнемъ съ письма барона М. О. Косинскаго (умершаго уже), бывшаго директоромъ Новгородской земской учительской семинаріи и игравшаго очень видную роль въ с.-петербургскомъ педагогическомъ обществѣ и въ комитетѣ грамотности.

Милостивый Государь

баронъ Николай Александровичъ!

Позвольте мнѣ, Милостивый Государь, искренно поблагодарить Васъ за присланный Вами отчетъ по Александровскому училищному совѣту. Въ томъ благосклонномъ вниманіи, которое внушило Вамъ мысль отправить ко мнѣ отчетъ о полезной дѣятельности Вашей, я не могу не усмотрѣть совнанія, что рѣдкіе труженики дѣла образованія сельскаго сословія въ Россіи, по единству своихъ цѣлей, стремленій и дѣятельности не должны быть чужды

другъ другу, но, съ разныхъ концовъ Россіи, подкрѣпляютъ одинъ другаго братскимъ сочувствіемъ, если можно—дѣломъ, если нѣтъ, то по крайней мѣрѣ сообщеніемъ того, что случилось выработать личною практикою. Я позволю себѣ надѣяться, что приписка ко мнѣ этой книги будетъ началомъ давно желаннаго мною, хотя заочнаго, знакомства съ человѣкомъ, почтенное имя котораго приобрѣло уже уваженіе большинства хорошихъ людей въ Россіи.

Отчетъ, ко мнѣ присланный, я прочту съ тѣмъ же глубокимъ вниманіемъ, съ которымъ я изучалъ прочіе труды Ваши, насколько мнѣ извѣстно, первые по времени труды нашей сельско-учительской литературы. Я заранѣе знаю, что въ немъ я найду нѣсколько дѣльныхъ мыслей, подобныхъ тѣмъ, которыя я почерпнулъ изъ Вашихъ сочиненій и, въ теченіе трехъ земскихъ учительскихъ курсовъ, уже проведенныхъ мною, сдѣлалъ достояніемъ лучшихъ сельскихъ учителей Новгородской губерніи. Въ теченіе этихъ трехъ шести-недѣльныхъ сѣздовъ мнѣ удалось передать звуковой способъ преподаванія слишкомъ 200 сельскимъ учителямъ, причемъ, въ основаніе ознакомленія ихъ съ разумнымъ методомъ обученія чтенію и письму, было положено Ваше руководство по этому предмету. Слѣдовательно, если, изъ числа по меньшей мѣрѣ 3.000 дѣтей, приобретающихъ ежегодно грамотность подъ руководствомъ этихъ учителей, для большинства грамотность эта переставеть быть мучительною буюю, то эти дѣтки, въ значительной степени, обязаны облегченіемъ ученія Вамъ, глубокоуважаемый нами педагогъ Екатеринбургской губерніи.

Я позволялъ бы себѣ теперь же побесѣдовать съ Вами о многихъ вопросахъ, относящихся до нашего общаго дорогаго дѣла. Къ моему сожалѣнію, я не въ правѣ въ настоящее время дать себѣ необходимое для этого время... Позвольте мнѣ надѣяться, что впоследствии Вы не откажете школьному дѣлу въ Новгородской губерніи въ Вашемъ просвѣщенномъ содѣйствіи.

Глубоко и искренно уважающій Васъ сотрудникъ по дѣлу народнаго образованія

Баронъ Михаилъ Косинскій,

начальникъ Новг. зем. учительской школы, членъ совѣта Сиб. педагогическаго общества.

21 октября 1870 года.

Большою горячностью отличается дѣльное письмо директора Московской учительской школы, г. П. Цейдлера, очевидно понимавшаго истинное значеніе барона Корфа для отечественнаго нашего народнаго образованія и искренно негодовавшаго, въ виду несправедливаго отношенія къ нему въ печати, со стороны узкихъ теоретиковъ педагогій, не уяснившихъ, впрочемъ, себѣ, чего именно хотятъ они отъ народной школы и барона Корфа, какъ ея организатора, руководителя и неутомимаго распространителя.

27 января 1872

с. Полпваново.

При первой, появившейся въ „Голосѣ“, хулѣ на „Нашего Друга“, мнѣ хотѣлось, многоуважаемый Николай Александровичъ, заявить и мое мнѣніе о томъ, что въ нашей педагогической литературѣ нѣтъ ни одной книги, ко-

торую бы можно было не только приравнять, а хотя близко поставить къ „Нашему Другу“ въ библиотекѣ или въ классномъ столѣ народной школы.

Если мы говоримъ о необходимости образованія для народа, если заботимся объ устройствѣ народныхъ школъ, то, конечно, потому только, что образованіе, школа есть самое сильное, самое лучшее средство для достиженія важнѣйшей государственной цѣли—поднять уровень нравственнаго развитія и улучшить матеріальный бытъ народа. Но гдѣ же та книга, которая бы прямо вела къ этой цѣли?—Только одна и есть—„Нашъ Другъ“. Указываютъ на книгу Водовозова,—но въ ней, какъ и во многихъ такъ-называемыхъ „народныхъ“ книжкахъ, есть нѣсколько статей, которыми сумѣетъ воспользоваться хорошій учитель, то-есть учитель, какихъ почти нѣтъ въ нашихъ школахъ... Между тѣмъ „Нашъ Другъ“ удовлетворяетъ цѣли отъ первой страницы до послѣдней и сподрученъ для каждаго мало-мальски грамотнаго крестьянина.

Вотъ въ чемъ—существенное, великое значеніе Вашей книги, Николай Александровичъ, и человѣкъ, сколько-нибудь знакомый съ сельскою школою, никогда не рѣшится предпочесть этой книгѣ кабинетную городскую стряпню педагоговъ, валежѣвшихъ свои теоріи въ гимназіяхъ и женскихъ институтахъ, а иногда небрежно отнормившихся и къ этимъ послѣднимъ, на томъ основаніи, что ихъ теоріи не оправдывались на практикѣ, или—точнѣе—потому, что ихъ практика не совпадала съ ихъ теоріями...

Ваши критики, не замѣчая существеннаго капитала въ „Нашемъ Другѣ“, тыкаютъ пальцами на мелочные недосмотры, чуть не на опечатки... Но эти критики, говоря о Мольтке, тоже, вѣроятно, сумѣли бы сказать о немъ только то, что у него усы прекрасны, ногти на ногахъ кривые и т. п.

Все это, только подробнѣе и арче, хотѣлось бы мнѣ сказать публично; но не въ формѣ газетной статейки, или заявленія à la Новгородская семинарія, которыя могутъ пройти незамѣтно или безслѣдно (а пожалуй вызовутъ и подозрѣніе въ стачкѣ или кумовствѣ)¹⁾. У меня зрѣетъ нѣчто о современномъ состояніи нашихъ народныхъ школъ вообще:—тамъ и отзвѣтъ о „Нашемъ Другѣ“, наряду съ Вашею „Народною Школою“, получать болѣе рельефное выраженіе, какъ отзывъ о единственныхъ плодотворныхъ результатахъ всего многолѣтняго разглагольствованія объ этомъ предметѣ безчисленныхъ просвѣтителей народа...

Такъ мнѣ представляется дѣло.

Впрочемъ, доказавъ великость Вашихъ заслугъ названными двумя трудами, а въ той же статьѣ возстану и противъ того ученія, которое—увъ!—и въ Васъ вашу сильнаго защитника: противъ ученія объ обязательномъ обученіи... На мой взглядъ, образованіе и обязательность суть два понятія, прямо противоположныя; и если германская школа даетъ скудный, сухой и безжизненный плодъ, то именно вслѣдствіе того, что государственная сила, вѣшняя сила принужденія, выдавила благотворную, освѣжающую, всеживляющую влагу, нектаръ свободной науки. И какаѣ для государства необходимы гнать людей въ школу, когда оно не имѣетъ порядочныхъ школъ

¹⁾ При посѣщеніи барономъ Корфомъ Новгородской учительской семинаріи въ 1871 году, воспитанниками ея былъ устроенъ ему восторженный приемъ. Они вышли ему на встрѣчу, держа у себя на груди книгу его—„Нашъ Другъ“.

для охотниковъ до ученія?.. О! какимъ ожесточеннымъ врагомъ выйду я противъ Васъ, Николай Александровичъ, на арену обязательнаго обученія!!.. Впрочемъ, и въ этой враждѣ не забуду, что обязательное обученіе есть только Ваше слово, Ваше мнѣніе; а „Народная Школа“ и „Нашъ Другъ“—Ваши дѣла, внушающія каждому признательность, уваженіе и преданность.

П. Цейдлеръ.

Насколько извѣстно, почтенному г. Цейдлеру такъ и не пришлось выступить противникомъ обязательнаго обученія. И онъ хорошо сдѣлалъ. Какъ извѣстно, съ общей философской точки зрѣнія, вопросъ объ обязательномъ обученіи, дѣйствительно, вызвалъ большой и продолжительный споръ, который, однако, Фихте рѣшилъ просто, коротко и ясно: «государство, имѣющее право вѣшать, имѣетъ право и учить». Въ настоящее время даже смѣшно уже протестовать противъ обязательнаго обученія, такъ какъ невѣжество повсемѣстно признается опаснѣйшимъ внутреннимъ государственнымъ врагомъ,—опаснѣе всѣхъ внѣшнихъ враговъ, вмѣстѣ взятыхъ. Признать это въ настоящее время даже и у насъ, въ Россіи...

Инаго характера и тона письмо третьяго директора учительской семинаріи, А. И. Забѣлина, бывшаго сначала директоромъ Молодечненской семинаріи (въ Виленской губерніи), а потомъ ставшаго во главѣ учительскаго института, основаннаго Е. Д. Нарышкинымъ, удостоившимся въ настоящее время Высочайшаго награжденія орденомъ св. Владимира первой степени за особыя заслуги, «связанныя съ щедрыми пожертвованіями на пользу народнаго образованія».

25 апрѣля 1871. Тамбовъ.

Милостивый Государь,
Николай Александровичъ.

Извините, что я такъ долго не отвѣчалъ на Ваше любовное письмо. Разныя заботы и хлопоты по устройству новаго учебнаго заведенія отнимаютъ много душевнаго покоя и мѣшаютъ взяться за перо. Мы еще до сихъ поръ не знаемъ, гдѣ мы будемъ жить, несмотря на самую дѣятельную помощь со стороны основателя института Е. Д. Нарышкина, не жалѣющаго для него никакихъ жертвовавій. Дворянство и земство попеременно предлагаютъ намъ превосходное помѣщеніе въ бывшемъ здѣсь кадетскомъ корпусѣ на разныхъ условіяхъ, но вслѣдствіе разныхъ бюрократическихъ формальностей, мы и доселѣ не знаемъ, получимъ ли мы въ-время это помѣщеніе. А безъ него намъ придется бѣдствовать на бивакахъ еще цѣлый годъ. Дѣло въ томъ, что это помѣщеніе требуетъ капитальныхъ исправленій тысячъ на пятнадцать рублей, а въ самомъ счастливомъ случаѣ мы его можемъ получить не ранѣе конца юня. Что мы можемъ сдѣлать въ остальное время нашего короткаго лѣта?

Вторая моя забота и тревога та, что, несмотря на мое объявленіе о приѣмѣ воспитанниковъ въ институтъ, еще ни одинъ крестьянскій мальчикъ не прислалъ прошенія и не явился; присылаютъ же прошенія и являются одни семинаристы, уволенные изъ своихъ учебныхъ заведеній за малоуспѣшность, или лѣность. Что прикажете дѣлать съ такимъ милымъ элементомъ? Я цѣлый годъ уже вознясь съ нимъ однимъ, а если успѣлъ что-нибудь сдѣлать, т. е. нѣсколько его улучшить, то единственно благодаря единодушнѣй, горячѣй дѣятельности двоихъ своихъ сотрудниковъ учителей и пабытку у нихъ въ настоящемъ году свободнаго времени. Но когда будетъ больше учениковъ, больше классовъ и меньше свободнаго времени у учителей, то съ этими избранными недалеко уйдешь. Вы вѣроятно знаете, что у исключенныхъ семинаристовъ притуплено и забито все: нѣтъ ни любовательности, ни трудолюбія, ни искренности. Ихъ нужно и переучивать, и перевоспитывать! И когда же? Когда у нихъ уже пробилась усы и борода! У меня въ Молодечвенской семинаріи были одни крестьянскія дѣти, поступавшія съ самымъ слабымъ приготовленіемъ изъ народныхъ училищъ. И между тѣмъ эти свѣжія, неиспорченныя натуры привнесли самыя здоровыя и пріятныя плоды. Двое изъ моихъ бывшихъ учениковъ служатъ у меня здѣсь: одинъ надзирателемъ института, другой — учителемъ лѣнія. Врядъ-ли что-нибудь подобное можетъ выдти изъ исключенныхъ семинаристовъ. Крестьянскихъ же дѣтей я, кажется, не буду имѣть еще нѣсколько лѣтъ. Если наши народныя училища еще молоды, то здѣшнія еще и не родились, ибо существованіе ихъ на бумагѣ, или спонъ учениковъ къ приѣзду ревизоровъ есть не болѣе, какъ пріятная иллюзія, которою забавляются разные училищныя совѣты, земскія собранія и управы.

Вашей безцѣнной „Русской Начальной Школой“ я воспользуюсь вдвойнѣ, когда буду знакомить своихъ учениковъ съ главными основаніями педагогики. Это будетъ въ слѣдующемъ году. Благодарю Васъ за обѣщаніе прислать „Нашего Друга“.

Вашъ преданный слуга и почитатель

А. Забѣлинъ.

«Сгонъ учениковъ», «существованіе» школъ только «на бумагѣ» — все это принадлежности школъ именно до-реформеннаго періода. Г-нъ Забѣлинъ непростительно ошибается, утверждая, будто бы училищныя совѣты, земскія собранія и управы «забавлялись» подобными «иллюзіями». Напротивъ, именно они и разсѣяли эту вредную «иллюзію», вызвавъ, наконецъ, къ жизни раціональную народную школу въ Россіи.

Изъ всей обширной переписки барона Н. А. Корфа съ официальнымъ педагогическимъ міромъ особенно выгодно выдѣляются письма Января Михайловича Невѣрова, бывшаго въ то время попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа. Письма эти, несмотря на ихъ дружественно-задушевный тонъ, имѣютъ однако официальный характеръ и написаны на форменныхъ казенныхъ бланкахъ, за номерами. Эти письма служатъ, между прочимъ, убѣдительнымъ доказательствомъ, какъ много

занимствовали въ свое время отъ барона Корфа всѣ, кто только желалъ этого.

18 марта 1869 г.

Тифлисъ.

Милостивый Государь,

баронъ Николай Александровичъ.

Изъ моей долгой педагогической дѣятельности я вынесъ убѣжденіе, что, безъ правильной подготовки учителей для начальныхъ и вообще низшихъ учебныхъ заведеній, разливаемое въ высшихъ слояхъ общества просвѣщеніе никогда не можетъ проникнуть въ низшіе его слои, а всегда будетъ поверхностно и односторонне, потому что лишится самыхъ питательныхъ соковъ, которые оно можетъ черпать только въ непосредственно-народной средѣ. При такомъ убѣжденіи, естественно, что я съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за Вашею благотворною и просвѣщенною дѣятельностію на поприщѣ народнаго образованія. Убѣдившись изъ напечатаннаго Вами въ №№ 48 и 49 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ отчета, что она уже принесла отрадные плоды, я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи выразить Вамъ по этому случаю мое искреннее сочувствіе, въ знакъ коего прошу принять прилагаемые при семъ циркуляры по моему управленію, изъ коихъ Вы усмотрите, что, несмотря на открытіе въ окрестностяхъ Тифлиса правильной учительской семинаріи, — носящей названіе Александровской учительской школы (первый отчетъ о ней Вы найдете въ циркулярахъ за прошлый годъ). — я счелъ необходимымъ, для удовлетворенія насущной потребности обученія, прибѣгать къ тѣмъ же мѣрамъ, какія были съ успѣхомъ принимаемы и Вами, какъ-то: съѣзды начальныхъ учителей и проч.

Уваженіе къ Вашей истинно замѣчательной дѣятельности на поприщѣ народнаго образованія раздѣляють и многіе изъ моихъ сослуживцевъ, по желанію коихъ я имѣю честь приложить при семъ нѣкоторые изъ печатныхъ ихъ трудовъ, появившихся въ свѣтъ во время моего управленія здѣшнимъ учебнымъ округомъ.

Желая Вамъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ столь блистательно начатомъ Вами дѣлѣ, съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть Вашимъ,

Милостивый Государь

покорнымъ слугою

Ян. Невѣровъ.

14 августа 1869 г.

Пятигорскъ.

Милостивый Государь,

баронъ Николай Александровичъ.

Принося Вамъ мою искреннѣйшую благодарность за письмо Ваше отъ 15 минувшаго мая и присланный мнѣ вмѣстѣ съ нимъ отчетъ Вашъ, который я прочелъ съ особеннымъ вниманіемъ и самымъ теплымъ сочувствіемъ къ благимъ результатамъ столь блистательно начатаго Вами важнаго дѣла. Честь и слава Вамъ: Вы доказали, что правильная школа возможна на русской почвѣ и что народъ не только не чуждается ея, но вполне ей сочувствуетъ. Вмѣстѣ съ нимъ я дѣлаю распоряженіе, чтобъ всѣ начальные училища вѣреннаго мнѣ округа снабжены были издаваемымъ Вами руководствомъ къ обученію грамотѣ, а также и экземпляромъ Вашего отчета, который служить наилучшимъ

комментаріемъ къ этому руководству, а потому обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою выслать мнѣ въ Тифлисъ 50 экземпляровъ руководства и столько же экземпляровъ Вашего отчета и увѣдомить, сколько слѣдуетъ выслать за нихъ денегъ, считая и пересылку. Деньги будутъ высланы немедленно.

Я получилъ извѣстіе, что проектъ мой объ открытіи второй учительской семинаріи въ моемъ округѣ поступаетъ въ Государственный Совѣтъ и будетъ утвержденъ въ началѣ слѣдующаго года. Тотчасъ по полученіи утвержденія, я непремѣнно командирую будущаго директора въ Вашъ уѣздъ для ознакомленія съ Вашими школами. Руководитель будущихъ народныхъ учителей долженъ на мѣстѣ ознакомиться съ правильною русскою школою и научить всѣ особенности и условія ея быта. Я надѣюсь, что Вы и училищный совѣтъ не откажете въ содѣйствіи этому лицу.

Примите, баронъ, увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ къ Вамъ почтеніи и совершенной преданности
Ян. Невѣровъ.

13 ноября 1869 г.
Тифлисъ.

Милостивый Государь,
баронъ, Николай Александровичъ.

Возвратившись на-дняхъ изъ моей поѣздки по округу, я имѣлъ удовольствіе найти въ Тифлисѣ письмо Ваше отъ 25 сентября и 50 экземпляровъ Вашего руководства ¹⁾, которые я распорядился тотчасъ же разослать по училищамъ. Слѣдующія за него деньги будутъ высланы вслѣдъ за симъ.

Крайне сожалею, что опоздалъ просьбою о высылкѣ 1-го Вашего отчета и покорнѣйше Васъ прошу выслать мнѣ столько же экземпляровъ Вашего послѣдняго отчета, съ обозначеніемъ цѣны, по которой онъ будетъ продаваться.

Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ къ Вамъ почтеніи и преданности.
Ян. Невѣровъ.

Командировка директора учительской семинаріи, о чемъ попечитель Кавказскаго округа сообщалъ барону Корфу въ 1869 году, состоялась въ 1871 году. Вотъ официальное отношеніе по этому предмету директора кубанской учительской семинаріи, извѣстнаго педагога Д. Д. Семенова.

23 февраля 1871 г.
Ст. Полтавская.

Члену Училищнаго Совѣта,
барону Николаю Александровичу Корфу.

Въ ноябрѣ прошлаго 1870 года я былъ приглашенъ изъ Петербурга попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа для устройства и открытія въ Кубанской области учительской семинаріи, которая и открыта мною въ настоящее время въ Полтавской станицѣ.

Проѣздомъ изъ Петербурга въ Тифлисъ, чрезъ Екатеринодаръ, попечитель выразилъ желаніе, чтобы я нынѣшней весной осмотрѣлъ существующія въ Россіи учительскія семинаріи, и въствѣ съ тѣмъ обратилъ бы особенное вниманіе на сельскія школы Александровскаго уѣзда, возникшія п процвѣтающія подъ Вашимъ просвѣщеннымъ руководствомъ.

Директоръ учительской семинаріи Д. Семеновъ.

¹⁾ Здѣсь говорится о „Руководствѣ къ обученію грамотъ“.

Отчетъ Д. Д. Семенова о командировкѣ былъ напечатанъ въ «Циркулярахъ по Кавказскому учебному округу», въ январской книжкѣ за 1872 годъ. Значительно позже, въ 1887 году, въ брошюрѣ «Русскіе педагогическіе дѣятели», г. Семеновымъ помѣщенъ очеркъ: «Баронъ Николай Александровичъ Корфъ». Въ этомъ очеркѣ, вспоминая о своей побѣдѣ для осмотра школъ и характеризуя блестящіе результаты пятилѣтней дѣятельности александровскаго уѣзднаго земства по народному образованію, г. Д. Семеновъ очень кстати приводитъ слѣдующую цитату изъ статьи В. С. Кашина въ «Современной Лѣтописи» М. Н. Каткова:

„Когда въ апрѣлѣ 1867 года александровскій уѣздный училищный совѣтъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, то школъ приходскихъ, государственныхъ крестьянъ, нѣмецкихъ, греческихъ колонистовъ и казацкихъ на бумагѣ оказалось 40, на дѣлѣ же, хоть немного сносныхъ, только двѣ! При объѣздѣ этихъ школъ членами совѣта всплыли наружу невѣроятныя вещи. Такъ, въ одной изъ школъ нашелся ученикъ, посѣщавшій ее шестой годъ, но не выучившійся совсѣмъ читать по-русски и плохо читающій по-церковно-славянски; въ другой школѣ ученикъ второй годъ училъ азбуку; въ третьей изъ 43-хъ учениковъ ни одинъ не умѣлъ писать, и только двое кое-какъ читали. На одну школу, въ теченіе 13-ти лѣтъ, истрачено 4.000 руб., а грамотныхъ за все это время вышло только 5 человѣкъ, такъ что каждый грамотный обошелся въ 800 рублей. Случалось и такъ, что школа на бумагѣ существуетъ и вѣдомости даже присылаются, а на дѣлѣ ея и съ фонаремъ не отыщешь“.

Затѣмъ г. Семеновъ добавляетъ отъ себя:

„Не то мы видимъ черезъ пять лѣтъ по вступленіи барона Корфа въ члены училищнаго совѣта. Въмѣсто двухъ сносныхъ школъ, въ уѣздѣ открывается до 70 прочно организованныхъ, обеспеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи, съ приспособленными къ ученію школьными зданіями, съ дѣльными учителями, съ хорошими учебниками, наглядными пособіями, библіотеками и книжными складами“.

Мы привели эту справку, чтобы сдѣлать вполне понятнымъ значеніе слѣдующаго письма попечителя Кавказскаго учебнаго округа:

11 декабря 1871 г.

Тифльсь.

Милостивый Государь,
баронъ Николай Александровичъ.

Я только-что прочелъ officialный отчетъ Дмитрія Дмитріевича Семенова о командировкѣ его въ Александровскій уѣздъ и подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго на меня подробнымъ описаніемъ того, что видѣлъ Семеновъ у Васъ, берусь за перо, чтобы выразить Вамъ, баронъ, то глубокое сочувствіе къ Вашей общественной дѣятельности, по истинѣ заслуживающей уваженія не отдѣльныхъ только, симпатизирующихъ Вамъ, лицъ, но и всего народа русскаго, которому Вы показали возможность существованія въ средѣ его правильной школы. Благодаря Вашему благому примѣру, теперь смѣло можно, съ полною надеждою на успѣхъ, приниматься за великое дѣло народнаго образованія.

Вашъ, баронъ, покорнѣйшій слуга Яв. Невѣровъ.

Нужно отдать справедливость Кавказскому учебному округу въ томъ, что, благодаря истинно-просвѣщенному руководству своего прекраснаго попечителя, этотъ округъ извлекъ наибольшую для себя пользу изъ дѣятельности барога Корфа, въ смыслъ практическаго ознакомленія тамъ, на мѣстѣ въ Александровскомъ уѣздѣ, цѣлаго ряда должностныхъ лицъ, со всѣми распорядками народнообразовательнаго дѣла. Такъ, напримѣръ, независимо отъ командировокъ, о которыхъ сказано уже выше, были еще и другія, — что видно изъ слѣдующаго письма:

12 февраля 1872 г.

Ст. Ладовская.

Возвратившись со сѣзда директоровъ въ Тифлисъ, я нашелъ Ваше письмо, многоуважаемый Николай Александровичъ. На этомъ сѣздѣ, между прочимъ, рѣшено было послать къ Вамъ въ началѣ марта моего образцоваго учителя г. Фролова, который ко мнѣ ѣдетъ изъ Петербурга, и инспектора народныхъ школъ Кубанской области (Блюдова). Вѣроятно, оба они сѣдутся у Васъ въ одно и то же время (вѣроятно въ началѣ марта), и притомъ въ самое благоприятное время, когда Вы обыкновенно дѣлаете весенніе объѣзды и ревизіи школъ. Было бы особеннымъ счастіемъ для нихъ обоихъ и для Кубанской семинаріи въ особенности, если бы Вы, Николай Александровичъ, придали своимъ объѣздамъ тотъ же характеръ, который имѣли эти объѣзды, когда я посѣщалъ Ваши школы, т. е. не только бы провозили общія испытанія, но и взяли бы на себя трудъ дать образцовые уроки по всѣмъ предметамъ обученія, заставляя бы какъ моего образцоваго учителя, такъ и своихъ учителей, дать по нѣскольку пробныхъ уроковъ и въ заключеніе показали бы, какъ совмѣстно съ тремя отдѣленіями долженъ заниматься учитель въ теченіе цѣлаго дня.

Въ заключеніе я былъ бы весьма признателенъ Вамъ, если бы Вы откровенно написали мнѣ о томъ, чего еще недостаетъ для будущаго моего образцоваго учителя.

Что касается до статьи о Вашихъ школахъ въ „Вѣстникѣ Европы“, то глубоко навиняюсь, такъ какъ до сихъ поръ не собрался написать ее, ибо, по совѣсти говорю, не имѣю времени. Лѣтомъ занятъ былъ переводомъ семинаріи изъ ст. Полтавской въ Ладовскую, осенью устранялъ семинарію на новомъ мѣстѣ, зиму провелъ въ Тифлисѣ, а теперь занятъ составленіемъ годоваго отчета. Фроловъ и Блюдовъ привезутъ мнѣ еще новыя свѣдѣнія о Вашихъ школахъ, — и тогда статья выйдетъ и полизе, и основательнѣе.

О Вашей книгѣ жена моя написала довольно длинную статью еще въ началѣ декабря и послала ее въ „Отечественныя Записки“, но до сихъ поръ ее еще не напечатали. Въ „Вѣстникѣ Европы“ критическихъ статей учебниковъ не принимаютъ, а для газеты онѣ слишкомъ велики. Я же лично тогда могу сказать въ литературѣ о Вашей книгѣ, когда проштудирую ее съ семинаристами и кромѣ того въ своей образцовой школѣ. А что дѣло школы у Васъ стоитъ прочно и правильно, это доказываетъ то, что оба Ваши ученика идутъ въ нашей семинаріи несравненно выше, нежели даже окончившіе курсъ въ уѣздныхъ и духовныхъ училищахъ. Это — фактъ, который свидѣтельствуется всѣ мои учителя, и приносятъ Вамъ глубокую благодарность. Семь-

нарія никогда не желала бы имѣть лучшихъ воспитанниковъ. При случаѣ уполномочиваю Васъ выразить мое мѣвнѣе печатно.

Искренно Васъ уважающій

Д. Семеновъ.

Въ связи съ этимъ документомъ, необходимо привести также и письмо инспектора кубанскихъ народныхъ училищъ г. Н. Блюдова, такъ какъ оно существенно дополняетъ приведенную выше характеристику школь Д. Д. Семеновымъ.

15 апрѣля 1872 г.

Екатеринодаръ.

Душевно уважаемый

Николай Александровичъ!

Письмо Ваше Семенову я отправилъ Дмитрію Дмитріевичу вчера по почтѣ; я предполагалъ сначала вручить письмо лично; но поѣздка моя въ Ладовскую ст. отложена на нѣкоторое время, вслѣдствіе предложенія генерала Цакни ѣхать въ Кубанскую семинарію съ нимъ вмѣстѣ; тогда же отвезу и Ваши книги.

Я написалъ Л. М. Невѣрову письмо, въ которомъ благодарилъ за командировку; обѣщалъ ему выслать отчетъ до поѣздки моей въ Москву, которая разрѣшена намѣстникомъ кавказскимъ, но боюсь, по недостатку времени (въ отсутствіе мое накопились много бумагъ), не выполнить своего обѣщанія. Теперь пишу попечителю представленіе о будущемъ учительскомъ съѣздѣ, подъ главенствомъ Семенова. Будутъ вызваны на три мѣсяца (съ 15 августа) 20 учителей, которые предварительно будутъ снабжены „Русскою Начальною Школою“, Вашимъ же руководствомъ къ обученію грамотѣ и др., впрочемъ, многими книгами; въ своемъ представленіи добавляю и „Нашъ Другъ“, такъ какъ книга эта вполне соответствуетъ условіямъ, въ которыхъ находятся наши школы, и есть для нихъ лучшая книга для чтенія. Глушую статью Мѣдникова прочиталъ съ сожалѣніемъ. Почему простые смертные не должны вѣрить заявленію педагогическаго учрежденія, а вѣрять литературнымъ клеветамъ? Какой смыслъ имѣетъ фраза Мѣдникова о преподавателяхъ Новгородской семинаріи, которыхъ обозвалъ никому неизвѣстными лицами; кому же неизвѣстны педагоги „Отечественныхъ Записокъ“ и „Голоса“ (будьте любезны, сообщите ихъ имена)? Чѣмъ, наконецъ, неизвѣстенъ самъ г. Мѣдниковъ, по-генеральски распекающій Новгородскую семинарію?

Искренно уважающій Васъ Н. Блюдовъ.

Чтобы закончить обзоръ писемъ къ барону Корфу со стороны администраторовъ по учебно-воспитательной части, приведемъ еще два письма бывшаго попечителя Кавказскаго учебнаго округа.

Милостивый Государь,

баронъ Николай Александровичъ.

Согласно выраженному Вами въ письмѣ ко мнѣ отъ 2 сего января желанію Вашему имѣть мой портретъ, препровождая его къ Вамъ, я позволяю себѣ надѣяться, что Вы исполните Ваше намѣреніе и пришлете мнѣ Вашъ, который я давно желаю имѣть, но не считалъ себя въ правѣ высказать это же-

ланіе. Оно было такъ сильно, что, для осуществленія его, я позволилъ себѣ даже маленькую интригу: съ недавняго времени, у насъ, въ Тифлисѣ, поселилось одно почтенное семейство, состоящее къ Вамъ въ какомъ-то дальнемъ родствѣ — именно семейство Бенкендорфъ. Узнавъ отъ Елизаветы Андреевны, что она въ перепискѣ съ Вашими родными, я просилъ ее чрезъ нихъ достать мнѣ Вашу карточку, — какъ Ваше любовное письмо отъ 2 января дало мнѣ возможность уже прямо получить ее отъ Васъ, что, конечно, для меня возвышаетъ цѣну этого приобрѣтенія.

Въ настоящее время я очень занятъ: сюда созваны всѣ директоры Кавказскаго учебнаго округа для составленія новаго положенія, вызваннаго какъ быстрымъ расширеніемъ здѣсь учебнаго дѣла, такъ равно и вопросомъ о примѣненіи здѣсь новаго устава гимназій. Мы просимъ при этомъ, чтобы наши реальныя гимназіи остались при прежнемъ курсѣ, такъ какъ онъ оказался вполне пригоднымъ для здѣшняго туземнаго населенія. Въ числѣ вызванныхъ находятся также и Семеновъ, директоръ кубанской семинаріи, который свидѣтельствуеетъ Вамъ свое почтеніе и съ восторгомъ вспоминаетъ о времени, проведенномъ имъ у Васъ. Отчетъ его о командировкѣ къ Вамъ печатается теперь въ нашихъ циркулярахъ, и Вы получите его въ особой брошюрѣ.

Инспекторъ народныхъ училищъ Кубанской области въ отчетѣ своемъ пишетъ мнѣ, что онъ требовалъ отъ Глазунова Вашу книгу: „Русская Начальная Школа“ 20 экземпляровъ и получилъ въ отвѣтъ, что ея нѣтъ въ продажѣ. Вѣроятно, Вы уже печатаете ее, а потому будьте такъ добры, по отпечатаніи прикажите Вашему комиссіонеру выслать тотчасъ 20 экземпляровъ инспектору народныхъ училищъ Кубанской области, Вязову, въ Екатеринодаръ. Слѣдующія за нее деньги онъ немедленно вышлетъ по адресу.

При засвидѣтельствованіи Вамъ моего совершеннаго почтенія и искренней преданности, остаюсь

Душевно Васъ уважающій
Ян. Невѣровъ.

27 февраля 1872 г.
Тифлясь.

Милостивый Государь,
баронъ Николай Александровичъ.

Прилагаю при семъ въ отдѣльномъ оттискѣ отчетъ директора Кубанской семинаріи объ осмотрѣнныхъ имъ Вашихъ школахъ, напечатанный въ январской книжкѣ мопкъ циркуляровъ за текущій годъ, имѣю честь уведомить Васъ, баронъ, что вмѣстѣ съ симъ я распорядился, чтобы вызываемый изъ Петербурга на службу въ Кубанскую семинарію учитель Фролковъ захватилъ бы къ Вамъ, съ цѣлью ознакомленія съ правильнымъ устройствомъ сельской школы. Для него достаточно будетъ видѣть одну, много двѣ школы по Вашему указанію. вполне увѣренъ, что Вы не откажете въ этой покорнѣйшей просьбѣ.

Вашъ покорнѣйшій слуга
Ян. Невѣровъ.

Какъ извѣстно, усилія почтеннаго Ян. М. Невѣрова о поднятіи образованія на Кавказѣ не остались безплодными. Благодаря тому энергическому толчку, который данъ былъ тамъ атому дѣлу во время управле-

нiя Невѣровымъ, оно неуклонно преуспѣвало и продолжаетъ преуспѣвать въ этомъ округѣ. Закваска, умѣло и старательно положенная руками Ян. М. Невѣрова, умершаго уже, оказалась какъ нельзя болѣе благотворною: какъ это ни странно можетъ казаться, но несомнѣнный, давно уже общепризнанный фактъ, что Кавказскiй округъ, самый молодой и притомъ о к р а и н н ы й, не имѣющiй никакого высшаго учебнаго заведенiя, оказывается, тѣмъ не менѣе, однимъ изъ наиболѣе передовыхъ во всѣхъ отношенiяхъ. Въ этомъ мы видимъ одно изъ естественныхъ послѣдствiй тѣхъ разумныхъ школьныхъ началъ и основъ, которыя такъ своевременно и умѣло, съ такою полнотою и искренностью, были заимствованы Кавказскимъ учебнымъ округомъ у барона Н. А. Корфа.

М. Песковскiй.

(Продолженiе слѣдуетъ).

НАШИ МИСТИКИ-СЕКТАНТЫ.

Александръ Федоровичъ Лабзинъ и его журналъ «Сіонскій Вѣстникъ».

I.

Отношеніе философіи XVIII вѣка къ религіи. — Французская революція и ея послѣдствія. — Мистицизмъ, какъ противодѣйствіе невѣрію. — Основы и сущность его ученія.

Философамъ и энциклопедистамъ XVIII вѣка не трудно было разрушить религіозный деспотизмъ католическаго духовенства, основанный лишь на внѣшнихъ формахъ, отжившихъ свой вѣкъ и непригодныхъ для тогдашняго общества.

Религія, обратившаяся въ одну обрядность, даже въ ремесло духовенства, сама собою вела къ безвѣрію, матеріализму и упадку нравственности. Философы воспользовались такимъ состояніемъ общества для своихъ цѣлей, и XVIII вѣкъ въ исторіи европейской цивилизаціи извѣстенъ, какъ вѣкъ невѣрія и антирелигіозности, вѣкъ Вольтера и энциклопедистовъ, предъ которыми преклонялась вся Европа и въ томъ числѣ Россія, начиная съ императрицы Екатерины II. Общество дошло до полного отрицанія: вѣрить въ Бога считалось признакомъ невѣжества, а кощунство — образованностью. «Жизнь образованнаго общества представляла изъ себя что-то въ родѣ пира Валтасара, гдѣ оно прокучивало всѣ свои и матеріаль-

ныя, и нравственные силы». Вся философія XVIII вѣка, а подѣя вліяніемъ и вся литература стремились только къ удовлетворенію личнаго счастья человѣка, а о любви къ ближнему не было и помина. Наслаждайся самъ—вотъ тогдашняя мудрость, споспѣшествуй собственному наслажденію—вотъ добродѣтель. Этотъ девизъ старались приложить ко всѣмъ случаямъ общественной жизни и даже основать на немъ воспитаніе дѣтей того времени. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи ученики не слѣдовали даже и словамъ своего учителя. Вольтеръ говорилъ имъ, что «напрасно стали бы мы заботиться о воспитаніи и развитіи толпы при помощи философіи, потому что никогда вліяніе и воздѣйствіе мыслей философа не переходило за стѣны его жилища». Къ этому Жанъ-Жакъ Руссо прибавлялъ, что «нѣтъ такой глупости, нѣтъ такого абсурда, котораго не имѣли бы достойнаго защитника въ средѣ философвъ»¹⁾.

Послѣдніе въ своемъ отрицаніи зашли слишкомъ далеко: пошатнувъ зданіе нравственной религіи и даже вѣру въ Бога, они, взамѣнъ того, не дали ничего для души и внутренней жизни человѣка. Напротивъ, они доказывали, что вѣра въ бытіе Божіе есть «я до в и т ѣ й ш и й» предрассудокъ; что безбожіе есть единственное средство, могущее сдѣлать человѣка свободнымъ и счастливымъ (см. «Систему Натуры»); что духъ и душа не что иное, какъ самолюбіемъ вымышленныя слова; что, пока еще мы доберемся до души, надобно позаботиться о тѣлѣ, душу же питать только для того, чтобы доставить больше выгодъ тѣлу (см. «Разсужденія о счастливой жизни»). По книгѣ «Нравы» сынъ не обязанъ ничѣмъ отцу, ибо при рожденіи его отецъ не имѣлъ въ намѣреніи ничего, кромѣ собственнаго наслажденія, а что дѣлается родителями для дѣтей послѣ ихъ рожденія, то не оцѣнивалось и въ расчетъ не принималось. Въ книгѣ «Разумъ» говорилось, что весьма хорошо бы было разорвать между людьми всѣ узы родства и что истинная философія допускаетъ только временное блаженство.

Философія Вольфа, положившая основаніе предопредѣленности (determinismus) и неизбѣжной судьбѣ (fatalismus) потрясла нравственно-благочестивыя побужденія, уничтожила мо-

¹⁾ „Христіанское Чтеніе“ 1889 г., № 1, 84.

литву, вѣру и упованіе на Бога. Вольтеръ своими сатирическими остротами и колкими насмѣшками привелъ въ презрѣніе Библию и христіанство. Многіе теологи присоединились къ нему и, такъ называемою библейскою критикою, возбудили сомнѣніе въ божественности св. писанія. Философы находили, что религія непонятна, не доказательна для разума, и поставили себѣ правиломъ не принимать ничего, что не можетъ быть доказано. Вслѣдъ затѣмъ явилось ученіе Канта и Фихте, говорившихъ, что въ каждой человѣческой душѣ находится глаголющее живое слово Божіе, т. е. естественная совѣсть, которую они называютъ началомъ или чувствомъ моральнымъ. Ниспровергая христіанство и замѣняя его даже не деизмомъ, а совершеннымъ безбожіемъ, Кантъ старался доказать, что ни пророки, ни апостолы не были боговдохновенны, и Христа можно допускать только въ аллегорическомъ смыслѣ, т. е. почитать его не болѣе, какъ идеаломъ. Въ замѣнъ церкви христіанской Кантъ вводитъ церковь чистаго разума, въ которой никто не вѣритъ бытію Божію и въ безсмертіе души, гдѣ нѣтъ никакихъ обязанностей въ отношеніи къ Богу, а слѣдовательно, молиться некому и не для чего. По ученію Канта, присяга вѣрности къ государю есть суевѣрный обрядъ, одни добродѣтели — суть свободныя дѣйствія человѣка, а всякій поступокъ, грѣхомъ почитаемый, есть невольное дѣйствіе¹⁾. Исходя изъ такого положенія, философы отрицали пользу Библии, находя, что, пока родъ человѣчскій былъ еще въ ребячествѣ, то Библия оказывала ему услуги, но теперь, когда ребенокъ пришелъ въ совершенный возрастъ, въ Библии нѣтъ надобности, и «довольно учить людей одной морали»²⁾. Библия потеряла свое значеніе, и большая часть людей, даже и между теологами, стали во всемъ сомнѣваться.

Все это произвело въ обществѣ путаницу, смѣшеніе понятій, и результатомъ ученія философовъ были всѣ ужасы второй половины французской революціи. Говоримъ второй потому, что революціонное движеніе во Франціи раздѣляется на два совершенно противо-

¹⁾ Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей 1859 г., кн. II, Чстр. 124. См. также „Ученіе Канта о церкви“ А. Кириловича. „Вѣра и Разумъ“ 1893 г., № 13—15.

²⁾ „Сіонскій Вѣстникъ“, 1806 г., февраль, стр. 212.

положные періода: въ первомъ (съ 1789—1791 г.), во главѣ движенія стояли люди глубоко религіозные, тогда какъ во второмъ (съ 1792—1799 гг.) демократія, объявившая себя врагомъ христіанства и вообще религіи, задалась цѣлью провести въ жизнь принципы атеизма и матеріализма. Въ то время, когда первый періодъ революціи, не вызывая никакихъ кровавыхъ столкновеній, направлялъ народъ на путь прогресса и усовершенствованій, второй вступилъ на путь беззаконія и соціальныхъ злодѣяній.

Въ первый двухъ-лѣтній періодъ революціи вожаки движенія, вводя въ жизнь равенство и братство, стремились къ тому, чтобы не было столкновеній между общественной реформой и религіей. Когда, въ октябрѣ 1790 г., одинъ изъ членовъ конвента указалъ на утвержденныя послѣднимъ нѣкоторыя мѣры и назвалъ ихъ анти-религіозными, то Мирабо энергически протестовалъ противъ этого.

— Вамъ осмѣлились бросить въ лицо тяжелый упрекъ, сказалъ онъ, обращаясь къ собранію. — Васъ дерзнули назвать вѣроненавистниками, преслѣдователями религіи. — Какая клевета! — Вы, которые, во всѣхъ наиболѣе важныхъ рѣшеніяхъ и постановленіяхъ вашихъ, всегда выказывали и высказываете такое искреннее, такое возвышенное уваженіе къ церкви; вы, которые добровольно и охотно втиривали столь значительные кредиты на содержаніе клира и храмовъ Божіихъ, въ видахъ пристойности и благолѣпія церковнаго культа; вы, распорядившіеся поставить повсюду при дорогахъ, на границахъ общинъ и провинцій, святую эмблему христіанства; вы, наконецъ, глубоко сознающіе, что непоколебимое убѣжденіе въ существованіи Бога служитъ необходимою основой свободы и общественнаго преуспѣянія народовъ, — вы, нечестивцы и гонители вѣры?! — Какая ужасная, несправедливая клевета! Но пусть же знаютъ тѣ, кто осмѣливается чернить это собраніе такою незаслуженною клеветой, — пусть знаютъ они, что мы смотримъ на Евангеліе и на свободу личности, какъ на два главнѣйшіе, неразрывно одинъ съ другимъ связанные камня того фундамента, на которомъ одномъ можетъ быть построена прочная, здоровая и совершенная организція государственнаго общежитія.

Таковы были взгляды на религію въ первый періодъ революціи.

Но, спустя два года, материалисты, атеисты, якобинцы, личности въ родѣ Марата, Дантона и Робеспьера и вообще «всѣ темные» элементы французскаго народа захватили власть въ свои руки. Во главѣ движенія стали теперь люди, задушевнымъ желаніемъ которыхъ было — разрушить общественныя и семейныя начала и подать въ народѣ стремленіе ко всему честному и благородному. Первымъ и необходимымъ успѣхомъ для этого было, конечно, уничтоженіе всѣхъ религіозныхъ чувствъ и вѣрованій.

— Граждане, говорилъ депутатъ Жакъ Дюпонъ, — если вы хотите упрочить зданіе демократіи, то вы должны воздвигнуть новые алтари, новые жертвенники. Природа и разумъ — вотъ истинные боги челоуѣчества, вотъ боги, которымъ поклоняюсь я. Поспѣшите ввести во всѣхъ училищахъ преподаваніе этой новой религіи.

Проповѣдь эта была услышана, религіозные предметы были исключены изъ программъ всѣхъ школъ Франціи и противъ всѣхъ, кого можно было заподозрить въ вѣрности къ религіознымъ догматамъ, было воздвигнуто открытое гоненіе. Народъ подпалъ господству принциповъ, отвергающихъ религію, не признающихъ существованіе Творца и возможность божественнаго откровенія. Парижскій соборъ Богоматери (Notre Dame de Paris) былъ посвященъ философіи, и въ немъ устроено громадное трехдневное пиршество, въ сообществѣ публичныхъ женщинъ всего Парижа. Вслѣдъ затѣмъ въ тотъ же соборъ были приведены 200 священнослужителей и, въ стѣнахъ святаго храма, преданы насильственной смерти; трупы несчастныхъ брошены въ одну общую яму и безъ всякихъ дальнѣйшихъ церемоній засыпаны землею.

Новый конвентъ призналъ необходимымъ учредить, въ столицѣ и провинціяхъ, 178 революціонныхъ судилицъ, съ цѣлью преслѣдованія лицъ, прязверженныхъ аристократическимъ принципамъ и религіознымъ убѣжденіямъ. Изъ числа этихъ судовъ 40 были организованы по системѣ странствующихъ трибуналовъ и, въ сопровожденіи палачей, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, напоминали населенію объ ужасахъ террора. Вожаки революціи набрасывались на все, что оставалось еще въ администраціи честнаго, благороднаго и достойнаго уваженія. Трибуналы осудили на смерть 63 женщины за то только, что онѣ присутствовали въ частномъ домѣ при бого-

служеніи переодѣтаго священника. Самый судъ производился не болѣе 5 минутъ и тутъ же, безъ письменныхъ приговоровъ, приводился въ исполненіе. Въ своемъ увлеченіи конвентъ обнародовалъ декретъ, коимъ существованіе Бога признавалось недействительнымъ и, такъ сказать, отмѣнялось. Толпа, нарядивши жену типографа въ своеобразный костюмъ, внесла ее на плечахъ въ зданіе національнаго собранія, провозгласила богиней матеріализма и новой философіи и въ ея лицѣ стала поклоняться человѣческому разуму.

Все, что носило признакъ аристократизма, изящества, таланта, — все, что стояло выше бушующей толпы, было предано осужденію, и даже 400 невинныхъ дѣтей, отъ 6—11 лѣтъ, были казнены потому только, что родились отъ богатыхъ и зажиточныхъ людей. Когда разъяренная чернь не находила уже жертвъ для своего насилія, она обратилась къ Марату съ вопросомъ, кого слѣдуетъ казнить?

— Всякій, — отвѣчалъ онъ, — кто ѣздитъ въ экипажѣ, кто надѣваетъ на себя шелковую одежду, кто посѣщаетъ театры и общественныя увеселенія, — тотъ достоинъ смерти и долженъ погибнуть подъ ножомъ гильотины.

Среди потоковъ крови и насилій, Франція находилась въ это время въ самомъ печальномъ состояніи. «Христіанство было отмѣнено декретами правительства и святыя храмы частью были разрушены до основанія, частью отведены для употребленія, не имѣющаго ничего общаго съ церковью и религіею. Граждане, оставшіеся вѣрными религіозному благочестію, либо заплатились жизнью за свою преданность Всевышнему, либо принуждены были покинуть отечество и въ чужихъ странахъ укрываться отъ воздвигнутаго противъ нихъ на родинѣ безпощаднаго гоненія»¹⁾).

Междоусобная война была въ полномъ разгарѣ, и безпорядки, со всѣми ужасами безвластія, достигли крайнихъ предѣловъ. Сами виновники террора стали считать свое положеніе небезопаснымъ и поняли, что идти далѣе по этому пути невозможно; что возбуж-

¹⁾ „Христіанство и французская революція“. „Христіанское Чтеніе“ 1889 г., январь—февраль, стр. 71 и 80.

денная толпа легко могла обратить свое раздраженіе и ярость противъ мнимыхъ благодѣтелей народа, оказавшихся на самомъ дѣлѣ обманщиками. Необходимо было вернуть Францію на путь гражданственности и снова приучить ее къ повиновенію закону и общественнымъ властямъ. То и другое могло быть достигнуто лишь нравственнымъ и духовнымъ перевоспитаніемъ народа. И вотъ Робеспьеръ, такъ много отличившійся въ преслѣдованіи христіанства, отправившій на эшафотъ тысячи жертвъ за вѣру въ Бога, въ своей рѣчи 7-го мая 1794 г. открылъ гоненіе противъ эрбенистовъ и послѣдователей Дантона, обвиняя ихъ въ атеизмѣ.

— Вы фанатики невѣрія,—говорилъ Робеспьеръ въ засѣданіи конвента, — преслѣдуете суевѣріе и предрасудки. Но пусть же вѣруютъ народы, что атеизмъ представляетъ собою систему пригодную только для аристократіи. Убѣжденіе въ реальности бытія Высшаго Существа, руководящаго судьбами человѣчества и покровительствующаго слабымъ, есть убѣжденіе народное, демократическое, и толпа должна постоянно придерживаться его, такъ какъ только въ немъ одномъ она можетъ почерпнуть силу для поддержанія и развитія въ себѣ гражданскихъ доблестей и любви къ отечеству. Пускай аристократы и тираны будутъ атеистами. Но мы не должны быть ими. И кто возложилъ на эрбенистовъ заботу объ умерщвленіи въ народѣ идеи о существованіи Бога, — этой идеи, вполнѣ согласной съ основами философской истины? Развѣ убѣжденіе въ томъ, что человѣкъ послѣ смерти уничтожается, исчезаетъ безслѣдно, — развѣ убѣжденіе это болѣе способно внушить гражданину любовь къ родинѣ и уваженіе къ правамъ его согражданъ, чѣмъ можетъ сдѣлать это философски доказанная истина о безсмертіи души? Нѣтъ, безумцы тѣ, что хотятъ изгнать изъ зданія общественной системы понятіе о божествѣ, потому что съ этимъ понятіемъ неразрывно связана нравственность народовъ.

Рѣчь Робеспьера была покрыта шумными рукоплесканіями, и 11-го мая 1794 г. послѣдовалъ декретъ, въ которомъ было сказано, что французы «принимаютъ и признаютъ бытіе Высшаго Существа и безсмертіе души». Дантонъ и многіе эрбенисты были осуждены на смерть за то, что позорили революцію своимъ образомъ мыслей и покушались основать демократію

на развалинахъ атеизма и мусоръ философской лжи. Вслѣдъ затѣмъ во всей Франціи были открыты публичные курсы для преподаванія спиритуалистической философіи и научно-метафизическихъ теорій о божествѣ и душѣ человѣка.

Но храмы не были открыты, клиръ не былъ возстановленъ, и народъ ничего не понялъ изъ прочитанныхъ ему лекцій, не могъ уяснить себѣ, какая разница существуетъ между религіей и философскимъ деизмомъ. «Народъ потѣшался надъ своими ораторами, подымалъ на смѣхъ своихъ проповѣдниковъ и свисталъ учителямъ метафизическихъ теорій». Этимъ воспользовались противники Робеспьера и 8-го іюля 1794 года онъ и 72 человѣка его единомышленниковъ сложили свои головы подъ ножомъ гильотины.

Главаря революціи погибли, и народъ ясно увидѣлъ печальные результаты атеистическаго безумія. Національное собраніе, издавая законы объ отмѣнѣ религіозныхъ гоненій и провозглашая полную свободу совѣсти и исповѣданій, все же продолжало тайную борьбу съ христіанствомъ, стараясь о замѣнѣ его свободною доктриною соціальной нравственности. Евангельскія истины предполагалось замѣнить предписаніями демократическихъ заповѣдей, и съ этою цѣлью составить учебники или катехизисы научной морали. Авторы такихъ учебниковъ должны были проповѣдовать народу нравственность, независимо отъ какихъ бы то ни было религіозныхъ идей, и отрѣшиться отъ всякихъ доктринъ, признающихъ существованіе духовныхъ и сверхъестественныхъ силъ. Представленные учебники противорѣчили другъ другу, не удовлетворяли своему назначенію и не заслуживали вниманія какъ руководство для преподаванія морали въ общественныхъ школахъ. Приходилось повернуть на иной путь и указать на настоящую причину бѣдствій народа.

— Философы-законодатели! — говорилъ Мерсье въ засѣданіи Совѣта Пятисотъ; — вы, господа, съ презрѣніемъ отзывающіеся обо всемъ касающемся божества; вы, распатавшіе народную религіозность и убившіе въ гражданахъ вѣру, безъ которой никакія хорошія начала не могутъ нравиться обществу, — вы, господа, — и только вы дѣйствительные виновники всѣхъ соціальныхъ невзгодъ и преступленій, свидѣтелями коихъ мы должны быть въ настоящее время. Вы разрушили всѣ коренныя опоры общественной нравственности

и низвели человѣка до степени животнаго, послушнаго только голосу своихъ инстинктовъ. О, нечестивая философія невѣрія! Ты засушила всѣ человѣческія чувства въ сердцахъ нашихъ палачей, ты внушила имъ убѣжденіе, что будто-бы въ мірѣ не существуетъ ни Бога, ни другой, какой бы то ни было, духовной силы. Но развѣ люди, проникнутые подобнымъ ученіемъ, въ состояніи уважать свой долгъ по отношенію къ родинѣ и человѣчеству ¹⁾).

Смѣлая рѣчь эта значительно пошатнула довѣріе общества къ атеизму и заставила правительство принять энергическія мѣры къ восстановленію здравыхъ началъ народной нравственности. Мало по малу, въ обществѣ и правительствѣ, стало появляться сознаніе, что всѣ бѣдствія происходятъ отъ насильственного подавленія въ народѣ религіознаго чувства. Это сознаніе явилось и у такихъ лицъ, какъ Ривароль, который прежде утверждалъ, что положительная религія вовсе не составляетъ необходимаго условія для сознанія народомъ своихъ нравственныхъ обязанностей. Теперь, наученный опытомъ, Ривароль принужденъ былъ отказаться отъ своихъ убѣжденій.

«Величайшее преступленіе совершаетъ тотъ,—писалъ онъ ²⁾),—кто внушаетъ толпѣ сомнѣніе въ истинности ея религіозныхъ убѣжденій. Народъ безъ вѣры, это — народъ безъ страха и безъ надежды. Самая несовершенная религія болѣе соотвѣтствуетъ природѣ человѣка, чѣмъ какая бы то ни была философская система, потому что философія обращается только къ разсудку личности, между тѣмъ какъ вѣра, воздѣйствуя непосредственно на врожденное сердцу каждаго религіозное чувство, ведетъ толпу къ возвышеннымъ понятіямъ и идеямъ, недоступнымъ низкому, сравнительно, уровню ея умственнаго развитія. Религія внушаетъ народу благочестіе, неразрывно связанное съ его нравственностію, тогда какъ философія не можетъ оказывать хотя сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на убѣжденія толпы. Всякая общественная власть должна смотрѣть на себя, какъ на судно, которое только тогда можетъ считать себя въ безопасности, когда ему удастся закинуть свой якорь

¹⁾ „Moniteur“, 14 Mai 1796.

²⁾ „Nouveau Dictionnaire“.— Discours préliminaires.

на небеса. Гражданская доблесть и смѣлость состоятъ, въ настоящее время, не въ томъ, чтобы бороться противъ религіи и церкви. Напротивъ, намъ нужна смѣлость и доблесть для того, чтобы сознать и провозгласить ту истину, что именно ослабленію въ народѣ религіознаго чувства и искусственному возбужденію въ немъ животныхъ страстей и appetitовъ, — что именно этому Франція обязана раздирающимъ ее нынѣ терроромъ. Лицемерные законодатели! Своими насмѣшками надъ общественною моралью и презрительнымъ отношеніемъ къ религіи, вы нанесли человѣчеству глубокія неизлѣчимыя раны. Счастье ваше, Дидеро, Гельвеціусъ и ла-Метри! счастье ваше, что судьба благосклонно позволила вамъ въ-время сойти съ арены жизни, потому что, иначе, вамъ неминуемо довелось бы испытать на самихъ себѣ ненависть толпы, когда-то рукоплескавшей вамъ въ отвѣтъ на ваши фантастическія увѣренія и обѣщанія, и вы погибли бы плачевною смертію отъ рукъ палачей, которыхъ вы сами подготавливали къ дѣятельности заплечныхъ мастеровъ своими матеріалистическими ученіями».

Горькій и притомъ кровавый опытъ заставилъ наконецъ Францію сознать всю необходимость религіи ¹⁾).

— Священныя понятія религіи, — говорили съ кафедры Порталисъ ²⁾, — столь же необходимы для умственного міра, какъ идея творенія для міра физическаго. Мораль, безъ церковнаго ученія, есть тѣло безъ души и правосудіе безъ судилищъ. Народъ уважаетъ болѣе то, что велятъ ему именемъ Бога, нежели то, что доказываютъ ему именемъ разсудка. Суевѣріе и фанатизмъ бывають слѣдствіемъ невѣжества; но религія есть плодъ ума и просвѣщенія. Полу-философія рождаетъ безбожниковъ, совершенная философія ведетъ къ благочестію.

Христіанская идея стала снова распространяться среди населенія; въ школахъ введено обязательное преподаваніе Закона Божія, и мало по малу возстановлялось публичное богослуженіе. Духовныя училища были открыты, и духовенство получило право на свое существованіе.

¹⁾ Торжественное возстановленіе католической религіи во Франціи. „Вѣстникъ Европы“ 1802 г., ч. III, № 9, стр. 79.

²⁾ Одинъ изъ консульскихъ совѣтниковъ

Потрясенія, вызванныя французской революціей, въ большей или меньшей степени отразились во всѣхъ государствахъ Европы. Общество очнулось и пришло къ убѣжденію, что только религія просвѣщаетъ и созидаетъ прекраснѣйшее зданіе внутри человѣка, а напротивъ, безвѣріе разрушаетъ все.

— Какая жалкая тварь человѣкъ, не воспособляющійся небесными средствами,—говорилъ Монтань въ той же Франціи.

Міръ узокъ для людей живущихъ безъ религіи, понятія ихъ ограничены, цѣли ничтожны, и жизнь незавидна. Человѣкъ безъ религіи—«жалкое твореніе, имѣетъ одни низкія только чувства, низкія желанія, и все стремленіе его ограничено только землею, на которой онъ пресмыкается»¹⁾. Въ сердцѣ каждаго человѣка живетъ чувство и сознаніе божества, и религія служитъ надежною опорой для слабыхъ силъ въ борьбѣ со зломъ. «Гдѣ духъ Господень, тамъ свобода», тамъ порядокъ, тамъ уваженіе ко всему честному и благородному, тамъ исполненіе долга и нравственныхъ обязанностей. Народъ, состоящій изъ однихъ атеистовъ и матеріалистовъ, не вѣрующій въ свободную жизнь духа, ни въ загробное существованіе души, живетъ лишь одною животною жизнью и не въ состояніи прогрессировать и цивилизоваться. «Христіанство,—писалъ Ламартинъ,—впервые провозгласило на землѣ принципы свободы, братства и равенства». Философія же XVIII вѣка, отвергая религіозные догматы, не изобрѣла ни одного слова болѣе истиннаго, болѣе совершеннаго и болѣе святаго, чѣмъ ученіе Христа. Отъ того ни соціальныя смуты, ни анти-религіозное движеніе не въ состояніи были вырвать съ корнемъ изъ сердца человѣка врожденное ему стремленіе къ божеству, не могли убить въ немъ потребность и способность допытываться причины мірозданія²⁾. Тяжело состояніе человѣка, который томится внутреннею жаждою божественной истины и не находитъ ея. «Жалкая работа сочинять себѣ вѣру»,—говоритъ И. В. Кирѣевскій³⁾.

Люди, съ огорченіемъ смотрѣвшіе на распущенность правовъ и

¹⁾ „Сіонскій Вѣстникъ“ 1806 г., апрѣль (№ 4), стр. 72.

²⁾ „Христіанское Чтеніе“ 1889 г., № 2, стр. 322, 328.

³⁾ „Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго“. Изд. 1861 г., II, 322, 323.

на упадокъ церкви, не могли оставаться на перекресткѣ двухъ путей — вѣры и безвѣрія. Они не могли примириться съ холоднымъ матеріалистическимъ отрицаніемъ религіи, не питали сочувствія и къ церкви римско-католической, профанируемой на Западѣ самимъ духовенствомъ, осмѣянной философи XVIII вѣка и совершенно упавшей въ общественномъ мнѣніи; они видѣли въ ней смѣшеніе преданія истиннаго съ неистиннымъ, божественнаго съ человѣческимъ; они съ недовѣріемъ относились къ ограниченности и сухости протестантства, отвергающаго преданіе и дающаго слишкомъ мало питательнаго для сердца.

«Вѣришь ли ты бытію самаго (ангела) хранителя? — спрашивалъ М. М. Сперанскій свою дочь ¹⁾. — Есть нѣчто столь привлекательное, — продолжаетъ онъ, — столь идеальное въ сей мысли имѣть всегда съ собою домашняго друга, что еслибы она и не была справедлива, то для утѣшенія принять ее должно... Какъ груба, какъ мертва религія безъ нихъ. Посуди изъ сего, какъ жалки лютеране и все то, что называютъ реформою. Религія душъ холодныхъ, чувствъ матеріальныхъ, между тѣмъ какъ они хвалятся чистотою. Еще бы лучше было все привести въ математическія исчисленія и линіи».

Одного отрицанія оказалось недостаточно для полноты человѣческой жизни; утомленная пустотою матеріализма, душа требовала пищи, искала нравственнаго удовлетворенія, покоя и нашла его въ мистицизмѣ.

Мистика происходитъ отъ слова *mysterium*, т. е. таинство. Отсюда мистицизмъ есть религіозно-философское ученіе, состоящее въ непосредственномъ созерцаніи или внутреннемъ чувствѣ, стремящемся къ общенію съ Богомъ, созидающемъ въ сердцѣ человѣка храмъ свой, въ которомъ живетъ духъ его. Мистицизмъ проповѣдывалъ религію чувства, непосредственное соединеніе съ божествомъ и совершенно отрицалъ участіе въ томъ разума. Ученіе это существовало давно и будетъ существовать всегда, какъ протестъ противъ матеріализма и преобладанія внѣшнихъ формъ религіозности надъ внутренними порывами и стремленіями духа къ общенію съ Богомъ. Онъ привле-

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1868 г., стр. 1726.

каеть къ себѣ тою простотою и легкостью, съ какою, по убѣжденію его послѣдователей, всякій человѣкъ можетъ пріобрѣсти душевный покой въ самомъ тѣсномъ единеніи съ Христомъ. Отличительная черта мистическихъ сочиненій есть вѣра въ озареніе свыше, съ помощью котораго мистикъ можетъ проникать въ загробный міръ и созерцать тайны природы ¹⁾). Увлекая читателя въ таинственный міръ и порывая связи съ дѣйствительною жизнью, мистическія сочиненія естественно вызвали въ немъ сильнѣйшую внутреннюю борьбу и преобразовывали все духовное существо человѣка.

Исторія христіанской церкви свидѣтельствуетъ, что въ ней съ самаго начала христіанства находились люди, которые, не довольствуясь познаніями о Богѣ и путемъ спасенія, указаннымъ Христомъ, старались проникнуть сокровенныя тайны божества и стремились къ единенію и сообщенію съ Богомъ. Такіе сектанты во II и III вѣкахъ назывались гностиками, т. е. обладающими истиннымъ вѣдѣніемъ, а съ X вѣка они стали называться мистиками, т. е. таинственниками, обращающимися къ области сокровеннаго и постигающими тайны ²⁾). Первые слѣды мистицизма видны въ Александріи и вообще въ Египтѣ. Оригенъ и его школа любили таинственное изъясненіе св. писанія. Писатель IV вѣка Макарій Египетскій упоминаетъ о различныхъ степеняхъ духовнаго созерцанія и описалъ созерцательное состояніе. Гностики внесли въ христіанское ученіе многое изъ греческой философіи, преимущественно Пифагора и Платона, а также изъ философіи персидской и халдейской. Въ средніе вѣка мистицизмъ особенно развился въ Германіи, какъ противодѣйствіе сухой и безжизненной схоластики, стремившейся превратить религію въ научную систему.

Мистическое направленіе продолжалось черезъ всѣ средніе вѣка, имѣло въ числѣ своихъ представителей весьма много достойныхъ людей и привлекало къ себѣ множество лицъ разныхъ состояній, не находившихъ удовлетворенія въ сухихъ формахъ католической догматики и обрядности. Первымъ классическимъ представителемъ

¹⁾ Ф. Терновскій „Матеріалы для исторіи мистицизма въ Россіи“. Труды Кіевской духовной академіи, 1863 г., т. III, 162.

²⁾ Русскіе мистики—плюмбикаты. „Духовная Бесѣда“, 1863 г., т. XIX № 50.

средневѣковой мистики былъ Бернардь Клервосскій, по наиболѣе высокое и притомъ методическое развитіе христіанская мистика получила со времени Эккарта и Таулера въ XIV вѣкѣ. Унижая и устраняя разсудочныя силлогистическія формы знанія, они обратились къ живому чувству вѣры, какъ единственному способу постиженія божественной истины. Практическимъ выраженіемъ и примѣненіемъ идей этой мистики была книжка, приписываемая Оомѣ Кемпійскому (1380—1471): «О подражаніи Христу», явившаяся въ первый разъ въ 1494 году и имѣвшая на языкахъ всѣхъ образованныхъ народовъ столько изданій, сколько ни одна книга въ мірѣ. Наконецъ послѣднимъ представителемъ германской мистики среднихъ вѣковъ, уже въ періодъ возрожденія наукъ, былъ Яковъ Бэмъ (1575—1614 г.)¹⁾.

Послѣдователи этихъ учителей мистицизма дѣлились на разныя группы и были извѣстны подъ наименованіемъ: братьевъ и сестеръ свободнаго духа, братьевъ розоваго креста, тамплиеровъ или храмовниковъ и проч.

Въ XV вѣкѣ изъ среды мистиковъ выдѣлились иллюминаты—озаренные, или мужи разумѣнія, учившіе, что безъ озаренія свыше никто не можетъ совершенно уразумѣть св. писаніе и что можно достигнуть откровенія гораздо болѣе совершеннаго, чѣмъ слово Божіе Ветхаго и Новаго Заветъ. Но въ наибольшей силѣ мистицизмъ проявился въ послѣднія два столѣтія, когда масоны (каменщики), франкъ-масоны (свободные каменщики), карбонары (угольщики) стали проповѣдывать свободу религіи и открывали свои масонскія ложи. Въ это время появилось множество мистическихъ писателей, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны: Францискъ Ла-Комбъ, ученица его Марія де ла-Мотъ-Гюнь, знаменитый ея другъ и защитникъ—епископъ Францискъ Солиньякъ-Фенелонъ и англичанка Анна Лида, извѣстная своими предсказаніями и основательница филадельфійскаго общества²⁾.

Трудно, да вѣтъ и надобности перечислять всѣ мистическія сочиненія, книги и брошюры, появившіяся въ теченіе XVIII и первой

¹⁾ Н. Чистовичъ „Въ память графа М. М. Сперанскаго“, „Христіанское Чтеніе“, 1871 г., т. 160, № 12, стр. 1012.

²⁾ „Духовная Бесѣда“, 1863 г., т. XIX, № 50, стр. 645—647.

четверти XIX вѣка, тѣмъ болѣе, что большинство нашихъ мистиковъ не усвоило себѣ ясныхъ понятій объ этомъ ученіи въ чистомъ его значеніи. Переводчики и издатели наши были часто настолько незнаючи, что сочиненія западныхъ мистиковъ являлись въ неточныхъ переводахъ и неточныхъ толкованіяхъ ¹⁾. Издатели сами не имѣли опредѣленныхъ свѣдѣній о предметѣ, ихъ интересовавшемъ, и постоянно смѣшивали мистику съ теософіей, піетизмомъ, алхиміей, кабалистикой и другими предметами. Кромѣ печатныхъ изданій, мистики оставили потомству множество рукописей, свидѣтельствующихъ, какъ мало понимали предметъ сами писавшіе, какъ запутаны были мысли и стремленія доказать то, что, въ сущности, не подчиняется доказательствамъ и чувствуется только сердцемъ. Вотъ почему писавшіе о мистицизмѣ стремились къ одной и той же цѣли, но пути, ими избранные, и способы толкованій были настолько разнообразны, что нужно было много времени, чтобы понять и усвоить истины, ими проповѣдываемыя. «Вся наша духовность, писалъ М. М. Сперанскій ²⁾, сводилась къ теософіи: къ ней же относятся творенія Бема, С. Мартена, Сведенборга и т. п. Это лишь азбука. Десять лѣтъ провелъ я въ изученіи, и когда я думалъ, что овладѣлъ всѣмъ, я трудился лишь надъ начатками. Это было преддверіе царства Божія». Сколько же времени нужно было употребить на то, чтобы перечитать всѣхъ мистическихъ писателей, усвоить ихъ ученіе и стать истиннымъ мистикомъ?.. Отвѣчать на этотъ вопросъ крайне трудно и, чтобы убѣдиться въ этой трудности, достаточно познакомиться съ подробнымъ обзоромъ мистической литературы, сдѣланнымъ А. Д. Галаховымъ ³⁾. Изъ этого обзора ясно видно, что большинство нашихъ мистиковъ, читая самыя разнообразныя сочиненія, не понимало ихъ сущности и довольствовалось только внѣшней стороной ученія, которое сводится къ слѣдующимъ общимъ положеніямъ:

1) Сущность души человѣческой происходитъ черезъ истечение изъ самой сущности божества.

¹⁾ Лабзинъ рассказываетъ, что въ одной книгѣ титулъ римскаго сената — *Patris conscripti* былъ переведенъ отцы сонанаписаные.

²⁾ Цейеру въ 1814 году, „Русскій Архивъ“, 1870 г., стр. 176.

³⁾ Въ его „Исторіи русской словесности древней и новой“, изд. 1830 г., стр. 392—460.

2) Душа, по отдѣленіи отъ сущности божественной, обложилаь густымъ мракомъ, который связалъ ея силы и сомкнулъ внутри ея небесный свѣтъ.

3) Этотъ свѣтъ, заключенный въ душѣ, есть внутреннее слово, Духъ Божій, Христось въ насъ.

4) Троиственнымъ путемъ: очищенія, просвѣщенія и единенія душа опять, даже въ настоящей жизни, можетъ достигнуть прежняго обоженія или внутренняго, совершеннаго слиянія съ божественною сущностью.

5) Какъ внутренній свѣтъ врожденъ всѣмъ и просвѣщаетъ каждаго человѣка, то и путь къ соединенію съ Богомъ, по природѣ, всѣмъ открытъ и извѣстенъ, такъ что безъ внѣшняго познанія о Христѣ можно каждому спастись во всякой религіи—языческой, іудейской, магометанской и проч.

6) Посему св. писаніе, воплощенный—Искупитель, церковь Христова и внѣшніе обряды въ религіи полезны, но не нужны ко спасенію человѣка, когда каждый можетъ внутреннимъ свѣтомъ просвѣщаться и внутреннимъ словомъ научиться къ единенію съ Богомъ.

Переходя отъ этихъ общихъ положеній къ частностямъ, мистики говорятъ, что недостаточно исповѣдывать Христа устами, но надобно имѣть его въ сердцѣ; чтобы быть вполне религіознымъ, надо воспитать въ себѣ внутренняго человѣка независимаго отъ тѣлеснаго, ибо духъ и плоть—это свѣтъ и тьма, золото и грязь, жизнь и смерть.

Одинъ изъ наиболѣе выдающихся нашихъ государственныхъ дѣятелей, блестящій питомецъ С.-Петербургской духовной академіи, получившій богословское образованіе и отдавшій дань идеямъ первой половины XIX вѣка, графъ М. М. Сперанскій, подъ именемъ истиннаго христіанина понималъ человѣка, который, пройдя путь очищенія и обновленія, ищетъ соединиться съ Христомъ и воспріять его въ себя такъ, чтобъ Онъ въ немъ жилъ, дѣйствовалъ, располагалъ и управлялъ его мыслями, движеніемъ, волею,—словомъ, чтобъ Христось былъ въ немъ и онъ во Христѣ.

«Вы признаетесь,—писалъ Сперанскій епископу калужскому

Оеофилакту ¹⁾), что внутренній сей путь весьма различенъ отъ внѣшняго, коему большая часть христіанъ нынѣ слѣдуютъ. Я называю внѣшнимъ путемъ сію нравственную религію, въ которую стѣснили мірскіе богословы ученіе божественное; я называю внѣшнимъ путемъ сіе обезображенное христіанство, покрытое всѣми цвѣтами чувственнаго міра, соглашенное съ политикою человѣческихъ обществъ, ласкающее плоти и страстямъ, или по крайней мѣрѣ ихъ не умерщвляющее; христіанство слабое, уклончивое, самоугодливое, точно такое, каковы были люди, его образовавшіе; христіанство, которое одно почти теперь мы видимъ на землѣ, которое отъ языческаго нравственнаго ученія различно только словами, которое мѣста трудныя св. писанія изъясняетъ тропами и фигурами и истинный ихъ разумъ насилуетъ тщательнымъ разумомъ суемудрія. Въ семь христіанствѣ самыя обряды потеряли ихъ истинный смыслъ и превратились въ мертвую букву.

«Вы признаетесь, что переходъ отъ сего внѣшняго пути къ внутреннему не близокъ, и на семь-то переходѣ должность пастырей есть поддержать, наставить, просвѣтить и укрѣпить христіанъ благомыслящихъ».

Эти христіане признавали, что однимъ внѣшнимъ исповѣданіемъ, однимъ внѣшнимъ богослуженіемъ, внѣшнею молитвою невозможно угодить Богу, такъ какъ ни отецъ, ни царь не будутъ довольны одними увѣреніями о покорности своихъ дѣтей и подданныхъ, если покорность эта не будетъ подтверждена дѣломъ. Христіанство, говорятъ мистики, состоитъ не въ частныхъ добродѣтеляхъ, а и того менѣе въ наружномъ видѣ какой-нибудь одной добродѣтели, а состоитъ въ общеніи, соединеніи, дружествѣ или связи внутренности нашей, нашего сердца съ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ ²⁾).

Отрицая внѣшнюю обрядность, мистики считали установленныя и совершаемыя церковью таинства дѣйствіями мало значащими и ненужными. Причащаться можно всякою пищею, говорили они, но необходимо только принимать ее съ мыслию, что въ ней присут-

¹⁾ Отъ 5-го сентября 1804 г. „Въ память графа М. М. Сперанскаго“. Изданіе Императорской публичной бібліотеки, стр. 373.

²⁾ „Сіонскій Вѣстникъ“ 1806 г., ч. II, іюнь, стр. 242.

„русская старина“ 1894 г., т. LXXXII. сентябрь.

ствууетъ духовная тѣлесность Христа. Тайнство крещенія было, въ глазахъ мистиковъ, лишь обрядовымъ символомъ внутренняго крещенія духомъ, а подь покаянiемъ они разумѣли простой процессъ самоиспытанiя совѣсти, сопровождаемый перемѣною жизни, послѣ чего всѣ грѣхи уничтожаются всеочищающею любовью Божiей.

Эта вѣра въ благость Творца, снисходительность Его къ проступкамъ и протестъ противъ догматическихъ и обрядовыхъ требованiй внѣшней церкви увлекалъ въ мистицизмъ людей самыхъ противоположныхъ религiозныхъ убѣжденiй. Указывая на пути къ спасенiю, «на которыхъ не было необходимости утруждать себя разными подвигами, добродѣтелями и обрядомъ, а достаточно было лишь предаваться спасительнымъ размышленiямъ, въ родѣ размышленiя о безконечной любви Спасителя къ грѣшному міру,— мистицизмъ оказывалъ особенно большую услугу тому роду людей, которые, съ одной стороны, страшатся труднаго религiознаго подвига, а съ другой боятся вѣчнаго наказанiя за грѣхи и желали бы насколько возможно дешевле застраховать себя отъ вѣчныхъ мученiй. Предаваясь, по совѣту мистиковъ, разнымъ благочестивымъ размышленiямъ, эти люди не оставляли и обычныхъ свѣтскихъ удовольствiй, служили въ одно и то же время двумъ господамъ и думали, что одинаково угождаютъ обоимъ»¹⁾.

По мнѣнiю мистиковъ, религiя должна стоять выше всѣхъ условныхъ правилъ церкви. Молясь, говорятъ они²⁾, наружно о соединенiи всѣхъ, церковь «внутренно ищетъ покоренiя себѣ всѣхъ, себя величаетъ, себя надъ всѣми превозноситъ, осуждая всѣхъ прочихъ своихъ соперниковъ. Собственно вѣра Христова не знаетъ никакихъ раздѣленiй вѣрующихъ отъ невѣрующихъ, ветхаго человѣка отъ новаго».

Мистики считали возможнымъ утвердить всю жизнь человѣка на внутреннемъ, а не наружномъ взаимоотношенiи между Богомъ и человѣкомъ. Отсюда проявленiе въ мистицизмѣ религiи независимой отъ внѣшней церкви, той религiи, которую церковь, искаженная обрядностями, не могла сохранить во всей ея чистотѣ.

¹⁾ И. Катетовъ. „Графъ М. М. Сперанскій, какъ религiозный мыслитель“ „Православный Собесѣдникъ“, 1889 г., № 6, стр. 312.

²⁾ „Сiонскій Вѣстникъ“, 1817 г., т. VI, стр. 1.

Истинный мистицизмъ,—говорять его послѣдователи,—есть сущность христіанства, которое отвергаетъ всякій фанатизмъ и признаетъ только созерцательное состояніе внутренняго человѣка.

«Сомнѣніе и религія внѣшняя суть два пути къ благочестію, говоритъ М. М. Сперанскій ¹⁾). Имѣвъ счастье пройти эти пути, находишься или, точнѣе, считаешь себя внутри храма, сознаешь, что есть религія внутренняя, богочитаніе болѣе чистое, и радуешься этому открытію. Разсматривая съ нѣкоторою строгостію сумму свѣдѣній, которыми обладаешь въ этомъ состояніи, находишь, что всѣ сводятся къ одной истинѣ, а именно къ той, что Іисусъ Христосъ въ насъ.

«Сообразно съ этими степенями духовнаго совершенства, различаются три вида молитвы: молитва словесная, когда мы своими мыслями слѣдимъ за чужими словами; умная—когда мы мысленно слѣдимъ за собственными своими словами; чисто созерцательная—безъ словъ. Такова молитва «Господи, помилуй!» которую называютъ молитвою духа, молитвою безъ образа, молитвою мистическою ²⁾).

«Молитва самая совершенная, писалъ Сперанскій дочери ³⁾), есть самая простѣйшая, а именно, чтобъ сомкнувъ глазами, или утвердивъ ихъ на одномъ предметѣ, многократно повторять въ умѣ: «Господи, помилуй!» Но въ состояніи созерцанія и эта молитва прекращается. Огонь, разъ возженный, горитъ самъ собою и никому неизвѣстно, чѣмъ онъ питается. Въ этомъ и состоитъ тайна. Находишь вновь «Господи, помилуй!» въ мысляхъ своихъ лишь въ ту минуту, когда придешь въ себя ⁴⁾). Сіе состояніе восточные отцы называютъ безмолвіемъ, а западные—*suspension des facultés de l'ame* ⁵⁾). И вотъ почему молитва сія именуется духовною. Она-то и есть молитва въ духѣ и истинѣ, а не то, что нѣкоторые, впрочемъ, благочестивые люди подъ симъ разумѣють. Кратко: она состоитъ въ отсутствіи всего того, что на-

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1870 г., стр. 180.

²⁾ „Русскій Архивъ“, 1870 г., стр. 186.

³⁾ „Русскій Архивъ“, 1868 г., стр. 1110.

⁴⁾ Тоже, 1870 г., стр. 125.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 201.

зываютъ какимъ-либо понятіемъ, всего того, что есть духъ Христовъ, ибо духъ ни понятій, ни словъ не имѣеть.

«Невидимые слѣды сей молитвы сокрыты во всѣхъ почти религіяхъ, исключая тѣхъ, коихъ духъ міра сего совершенно исказилъ и обезобразилъ: ею молятся въ Индіи и здѣсь въ Саровской пустынѣ, ибо о Христѣ Иисусѣ нѣтъ ни іудей, ни еллинъ, но все нова тварь» ¹⁾.

Но, ни вѣра, ни добрая дѣла еще не верхъ совершенства для мистика, если они не проникнуты идеею самозабвенія и соединенія съ Богомъ всѣмъ сердцемъ и всею душою ²⁾.

«Какимъ образомъ, спрашивалъ М. М. Сперанскій преосвященнаго Теофилакта ³⁾, можно любить Бога для себя, когда Онъ одинъ именно и составляетъ то, что мы въ самихъ себѣ любить можемъ, и что такое мы, чтобы ставить себя средоточіемъ того самаго начала, изъ коего мы приходимъ, коимъ движемся и есмь. Это все равно какъ бы хотѣть обращать солнце вокругъ угля, горящаго въ каминѣ.

«Итакъ не унижайте понятія божественной любви, подчиняя ее мелкому самолюбію. Не называйте даже любовію къ Богу сію любовь своекорыстную, относящую все къ личнымъ нашимъ пользамъ. Любовь сія есть или смѣшеніе и игра словъ, или идолопоклонство.

«Она есть идолопоклонство, если мы будемъ любить Бога, какъ средство къ счастію, а не конецъ Его. Тогда подъ именемъ Бога мы будемъ обожать наши собственныя мысли и желанія, будемъ любить самихъ себя, будемъ прилагать образъ Его къ тварямъ, а сіе то и есть сущее идолопоклонство.

«Изъ сего уже удобно заключить вы можете, въ какомъ состояніи находится нынѣ внѣшняя церковь и чѣмъ различна отъ внутренней.

¹⁾ Письмо М. М. Сперанскаго С. М. Броневскому отъ 13-го февраля 1818 г. изъ Пензы. „Въ память графа Сперанскаго“. Изд. Имп. пуб. бібліотеки, стр. 488.

²⁾ „Духовный Вѣстникъ“, 1862 г., т. II, 381.

³⁾ Въ письмѣ отъ 20-го ноября 1805 г. „Въ память графа М. М. Сперанскаго“. Изд. Имп. пуб. бібліотеки, стр. 391—393.

«Изъ сего тоже познать можно, для чего во внутренней церкви, во всѣхъ ученіяхъ истинныхъ мистиковъ, первымъ и единымъ существеннымъ догматомъ полагается самоотверженіе и любовь чистая: два слова, почти одно и то же означающія.

«Изъ сего также открывается, почему ученіе сіе всегда казалось столь страннымъ для міра и называлось таинственнымъ. Оно странно потому, что испровергаетъ всѣ почти принятыя понятія, испровергаетъ разумъ физическій и ставитъ на мѣстѣ его совсѣмъ другой разумъ духовный. Оно таинственно потому, что уразумѣть его иначе невозможно, какъ опытомъ и внутреннею, сокрытою отъ всѣхъ внѣшнихъ глазъ, работою. Въ немъ дѣло идетъ не менѣе, какъ о преобращеніи всѣхъ почти нашихъ понятій, о преложеніи ветхаго человѣка въ новаго, о ниспроверженіи царства идоловъ и возстановленіи царства Божія. Царство же Божіе, по слову Христову, въ насъ есть и нигдѣ болѣе искать его не должно. Оно откроется, какъ скоро падетъ въ насъ царство лжи и мрака».

Это царство лжи и мрака, по мнѣнію современниковъ, находилось въ ученіи философовъ и энциклопедистовъ. Испуганные ихъ идеями, мистики бросились въ противоположную сторону и впали въ крайность. Они отвергли разумъ, знаніе, ученость и вступили на путь отвлеченныхъ идей и экзальтированнаго блаженства.

«Когда естественный человѣкъ, говорили они ¹⁾, слѣдующій водительство одного разума, утопаетъ въ недоумѣніяхъ, тогда духовно-просвѣщенный, утвердя якорь свой въ невидимомъ и вѣчномъ, возносится надъ всѣмъ земнымъ и преходящемъ, плаваетъ въ пространствахъ безконечныхъ, зреть подъ ногами своими мнѣнія и заблужденія человѣческія и съ соболѣзнованіемъ смотритъ на тщетныя усилія чувственнаго человѣка, ищущаго непрестанно спокойствія и блаженства въ томъ, что ни отрады, ни покоя душѣ дать не можетъ. Невозможно разуму быть просвѣтителемъ человѣчества: просвѣтитель онаго долженъ непременно быть въ тѣсной связи съ вѣчнымъ и незаходимымъ свѣтомъ,—Богомъ, и отъ него почерпать озаренія свои».

¹⁾ „Сіонскій Вѣстникъ“, 1817 г., т. VI, 148.

По мнѣнію мистиковъ, науки испортили человѣка и удалили его отъ первобытной блаженной простоты. Ученому трудно отречься отъ усвоенныхъ имъ идей и дѣтски предаться «водительству Св. Духа». Господь же сказалъ: аще не будете яко дѣти, не увидите въ царствіе небесное. Дѣти охотно принимаютъ всякое наставленіе; ученые не любятъ совѣтовъ и отвергаютъ все, что несогласно съ ихъ доводами и доказательствами. «Передъ Бога же намъ должно явиться, говорятъ мистики ¹⁾, чистою чертежною доскою, на которой бы Духъ Святой могъ начертать все, что хочетъ. Потому-то Господь и не избралъ никого изъ ученыхъ въ апостолы свои, ибо они примѣшали бы къ ученію Духа свои понятія изъ разума и черезъ то исказили бы оное».

Тогда зачѣмъ же данъ человѣку разумъ?

— Для двойной цѣли, отвѣчаютъ мистики: для служенія человѣку въ потребностяхъ здѣшней жизни и для указанія пути къ высшему свѣту. Первую должность онъ исполняетъ весьма исправно: съ искусствомъ подбираетъ все, что льститъ чувствамъ, и этого дѣла онъ мастеръ. Но назначеніе человѣка не ограничивается одною временностію, разумъ же далѣе предѣловъ чувственности ни пяди ступить не можетъ. Разумъ можетъ руководствовать человѣка и въ нравственномъ его ходѣ и, когда бываетъ свободнымъ отъ страстей, то руководствуетъ его довольно порядочно, особенно въ ребячествѣ и въ молодыхъ лѣтахъ. Онъ начинаетъ воспитаніе человѣка, но довершить его не можетъ; кругъ дѣйствія его ограниченъ временностію, а назначеніе человѣка выше. Разумъ можетъ довести человѣка до дверей святилища, но ввести его въ оное не можетъ, ибо самъ не разумѣетъ яже суть Духа Божія. Онъ не имѣетъ чудодѣйственной силы вѣры, коей Христосъ научалъ; не имѣетъ того духа, который испытуетъ и глубины Божества. Служеніе разума, подобно служенію левитскому, которое очищало людей съ внѣшней стороны, но внутренняго освѣщенія дать не могло ²⁾.

Истинный мистикъ не допускаетъ познанія Бога путемъ разсужденія и дѣятельности ума, но признаетъ, что только сердце

¹⁾ „Духовный Вѣстникъ“, 1862 г., т. II, 392.

²⁾ См. статью „Духъ и Истина“, „Сіонскій Вѣстникъ“, т. IV, 148.

можетъ ощущать присутствіе Божіе, и потому «престолъ души» находится въ сердцѣ. Душа есть причина нашей жизни и находится въ сердцѣ—источникъ любви. Самая высшая любовь есть самый высшій разумъ и обратно самый высшій разумъ есть самая высшая любовь, но разумъ передъ сердцемъ—ничтожество.

«Мистицизмъ, говоритъ митрополитъ Евгеній ¹⁾, есть высшее христіанское ученіе, но хилое, безъ основы практическаго христіанства и опасное для фанатиковъ».

Отвлеченныя идеи вообще недоступны большинству и объясняются каждымъ по-своему, смотря по способности мышленія, философской подготовкѣ и по особенностямъ внутренняго настроенія душевныхъ силъ. Научить другаго молиться такъ, какъ я молюсь, невозможно, потому что теплота и сила молитвы зависятъ отъ большей или меньшей способности возвышаться надъ уровнемъ житейской суеты и уходить въ міръ идеальныхъ стремленій. Отвлеченныя идеи трудно поддаются толкованію, еще труднѣе усвоенію, и рѣшеніе ихъ можетъ быть лишь внутреннее, единоличное, не передаваемое и понятное только самому рѣшающему.

Что такое Царствіе Божіе и въ чемъ состоитъ оно? спрашивалъ М. М. Сперанскій своего друга Цейера и отвѣчалъ: «никто не можетъ ни описать вамъ его, ни дать о немъ понятія. Его чувствуешь, но оно несообщимо. Это такое состояніе, при которомъ начинается развиваться внутренняя благодать и составляетъ то, что называется мистическимъ богословіемъ».

«Это не книжное ученіе, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ ²⁾. Наставникъ въ немъ самъ Богъ, и Онъ сообщаетъ свое ученіе душѣ непосредственно, безъ словъ и способомъ, который невозможно объяснить словами».

Трудность передачи собственнаго пониманія другому и была причиною того, что въ мистическихъ сочиненіяхъ встрѣчается крайнее разнообразіе толкованій, объясненій и доказательствъ однѣхъ и тѣхъ же истинъ. Читателей мистическихъ книгъ было очень много, но понимающихъ ихъ вполнѣ—очень мало.

¹⁾ Въ письмѣ В. Г. Анастасевичу отъ 3-го сентября 1820 г. „Русскій Архивъ“, 1889 г., № 7, стр. 369.

²⁾ „Русскій Архивъ“, 1870 г., стр. 174—177.

Каждый усваивалъ великія истины по-своему и можно безошибочно сказать, что разнообразныхъ толкованій было столько, сколько было послѣдователей мистицизма.

«Хотя я, говорить современникъ ¹⁾, весьма мало понималъ въ «Приключеніяхъ послѣ смерти» и въ «Тоскѣ по отчизнѣ» (Юнга Штиллинга), но это-то самое и подстрекало меня. Мнѣ хотѣлось добиться смысла аллегорій, которыми наполнено второе сочиненіе, отыскать ключъ къ таинственному содержанію перваго. Третья книга оказалась доступнѣе моему уму-разуму. Это было одно изъ твореній г-жи Гюнь, розданное въ награду лучшимъ гимназистамъ на экзаменѣ, «Легчайшій способъ молиться». «Божественная философія» дю-Туа, данная мнѣ Петровымъ (студентомъ богословскаго курса Рязанской семинаріи) была истиннымъ сокровищемъ. Мистическій паеосъ автора поразилъ меня. Я погрузился въ ея чтеніе, тщетно стараясь понять смыслъ ея содержанія такъ же легко и удобно, какъ понималъ гимназическіе уроки. Особенно искушалъ мою пытливость «звѣздный духъ», часто упоминаемый въ книгѣ. Сколько разъ ни перечитывалъ я страницы, гдѣ встрѣчается это выраженіе, сколько ни ломалъ головы надъ его уразумѣніемъ, ничего не помогало. Я обращался за помощью къ Петрову... Увы, и онъ сознался въ своей несостоятельности на этомъ пунктѣ: звѣздный духъ такъ и остался для меня загадкой сфинкса».

Большинство увлекавшихся мистицизмомъ не понимало тѣхъ идей, которыя развивались мистиками, и довольствовалося одною поверхностью, которая привлекала своею кажущеюся простотою, снисходительностью ко всѣмъ вѣрованіямъ и предоставленіемъ полной свободы отдаваться теченію внутреннихъ чувствъ и увлеченій.

Увлеченія и заблужденія въ такихъ случаяхъ весьма возможны. и люди часто стремятся къ цѣли окольнымъ путемъ, не видя прямого и кратчайшаго. Въ христіанскую жизнь, говоритъ Василій Великій, вводятъ насъ, конечно, священныя писанія, «но пока по возрасту, не можемъ изучить глубину смысла ихъ, мы и въ другихъ писаніяхъ, не вовсе отъ нихъ далекихъ, упражняемъ на время ду-

---

¹⁾ „Время школьнаго ученія“. Сто-одного. „Русскій Вѣстникъ“, 1876 г. № 10, 826.

ховное око, какъ въ нѣкоторыхъ тѣняхъ и зеркалахъ... Посвятивъ себя предварительному изученію сихъ внѣшнихъ писателей, потомъ уже начнемъ слушать священные и таинственные уроки и, какъ бы привыкнувъ смотрѣть на солнце въ водѣ, обратимъ, наконецъ, взоры къ самому свѣту»¹⁾. Другими словами, люди часто и долго довольствуются таинственнымъ полумракомъ и, пріучивши мало-по-малу свое зрѣніе къ свѣту, обращаютъ его потомъ къ лучезарному ученію Христа, всѣхъ примиряющему и успокоивающему.

Не то ли же самое было во Франціи во время революціи?...

II.

Краткая характеристика общества въ религіозно-правственномъ отношеніи.—Нашигь эмигрантовъ и вліяніе ихъ на русскіе нравы и обычаи.—Французоманія.—Мѣры правительства противъ иностранныхъ учителей и гувернеровъ —Религіозная пропаганда противъ православія и ея послѣдствія.

Вѣрующіе и невѣрующіе французы,—всѣ тѣ, которые во время революціи желали избавить свою голову отъ гильотины, искали спасенія внѣ предѣловъ отечества. Въ первый періодъ революціи бѣжали невѣрующіе, люди пропитанные ученіемъ философовъ и энциклопедистовъ, разносившіе повсюду безвѣріе и сомнительную нравственность. Во второй періодъ покинула Францію вся знать: графы, маркизы и виконты, съ ихъ тонкими аристократическими манерами и изящнымъ вкусомъ. Самыя громкія французскія фамиліи: принцесса де-Тарентъ, герцоги: Грамонъ, Ришелье, Полиньякъ, Бролье, графы: Блакасъ, Дама, Шуазель-Гуфье, Сенъ-При и многіе другіе появились въ Россіи.

Ближайшая сосѣдка Франціи—Германія не только недоброжелательно смотрѣла на чуждыхъ ей выходцевъ, но, напуганная ученіемъ Каанта, заставила многіхъ и своихъ профессоровъ закрыть кафедры философіи и удалиться въ Россію²⁾. — Въ числѣ такихъ выходцевъ были: Фесслеръ, приглашенный въ С.-Петербургскую духов-

¹⁾ Бесѣды Василія Великаго. „Творенія“, ч. IV, изданія 1892 г., стр. 320.

²⁾ Чтенія въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей 1859 года. Кн. II, 124.

ную академію для преподаванія еврейскаго языка и древностей греческой, римской и російской церквей; Буле—въ Московскій университетъ; Парротъ—въ Дерптскій, Якобъ—въ Харьковскій и другіе. Харьковскому университету въ особенности посчастливилось въ этомъ отношеніи, и въ самомъ началѣ его существованія многіе изъ профессоровъ были иностранцы, преимущественно выходцы: Шадъ былъ бѣжавшій бенедектинскій монахъ католическаго монастыря, въ монашествѣ патеръ Рóманъ; профессоръ Дюгуръ, передѣлавшій свою фамилію въ Дюгурова, былъ французъ, бѣжавшій изъ Парижа¹⁾.—Между ними попадались люди сомнительныхъ знаній и нравственности. «Отовсюду пишутъ, говоритъ преосвященный Евгеній²⁾, что профессора спились съ кругу и отъ большаго жалованья не хотятъ думать объ успѣхахъ. Даже и на Московскій университетъ въ этомъ же жалуются».

Подобныя лица были удалены впослѣдствіи, но въ началѣ столѣтія приняты какъ желанные гости и подходящіе наставники для возрастающаго поколѣнія. Нуждаясь въ профессорахъ и не имѣя своихъ, русское правительство принуждено было искать ихъ въ иностранныхъ государствахъ. Люди вполне образованные, ученые и нравственные рѣдко соглашались оставить свое отечество, и потому только люди посредственные и часто порочные являлись въ Россію, чтобы предложить за деньги свою мнимую ученость. Но воспитаніе, писалъ неизвѣстный намъ современникъ³⁾, есть основаніе частнаго и государственнаго благоленствія, а у насъ не будетъ совершеннаго моральнаго образованія, пока не будетъ русскихъ хорошихъ учителей, которые единственно могутъ вселять въ юное сердце чувства и правила добраго россиянина. Никогда иностранецъ не пойметъ нашего естественнаго или народнаго характера и слѣдственно не можетъ сообразоваться съ нимъ въ воспитаніи; никогда онъ съ чувствомъ не скажетъ слова о Россіи, объ ея герояхъ, народной чести и не воспалитъ въ ученикѣ искры патріотизма. Иностранцы весьма рѣдко отдаютъ намъ справедливость. Мы

¹⁾ Записки Роммеля. „Южный Сборникъ“ 1859 г. № 10, стр. 47 и 48.

²⁾ Въ письмѣ В. И. Македонцеву „Русскій Архивъ“ 1870 г. Т. I, стр. 861.

³⁾ „О новыхъ благородныхъ училищахъ, заводимыхъ въ Россіи“. Письмо изъ Т. „Вѣстникъ Европы“ 1802 года № 8, стр. 363.

ихъ ласкаемъ, награждаемъ, а они, выѣхавъ за курляндскій шлагбаумъ, смѣются надъ нами или бранятъ насъ, выдумываютъ соблазнительные анекдоты и печатаютъ нелѣпости о русскихъ».

Изыскивая средства, какъ бы замѣнить иностранныхъ учителей русскими, современникъ предлагалъ воспитывать для этой цѣли мѣщанскихъ дѣтей при кадетскомъ корпусѣ, а до тѣхъ поръ, говорилъ онъ, «не будетъ надежды когда-нибудь обойтись безъ иностранцевъ». Предложеніе это, болѣе чѣмъ справедливое, могло дать плодъ только въ будущемъ, а въ то время, когда оно высказывалось, Россія покрывалась «пѣною», которую выбрасывали въ нее «политическія бури сосѣднихъ странъ».

«Перебѣжчики эти, писалъ графъ Іосифъ де-Местръ ¹⁾, приносятъ сюда (въ Россію) одну наглость и пороки. Неимѣя ни любви, ни уваженія къ странѣ, безъ связей домашнихъ, гражданскихъ или религіозныхъ, они смѣются надъ тѣми непрозорливыми русскими, которые поручаютъ имъ все, что есть дорогаго у нихъ на свѣтѣ, т. е. своихъ дѣтей».

Но Россія, по ѣдкому замѣчанію миссъ Вильмотъ, была еще тогда настолько неразвита, что отличалась добродѣтелью гостепріимства и сдѣлалась убѣжищемъ всѣхъ, кто не находилъ себѣ пріюта на Западѣ. Въмѣстѣ съ знаменитостями политическими и литературными, явились парикмахеры, модистки, преступники, побывавшіе на галерахъ, бѣглые солдаты, лакеи и проч.

«Послѣ чумы, говоритъ Бантышъ-Каменскій, вспоминая то время, на Москву напала другая зараза—французолобіе; много французовъ и французенокъ наѣхали съ разныхъ сторонъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ ихъ были люди очень вредные», находившіе для своей пропаганды давно уже подготовленную почву. Французскіе эмигранты съ удивленіемъ нашли у насъ людей, которые лучше ихъ самихъ знали дѣла ихъ родины, изучали Руссо и рѣчи Мирабо.

Вмѣстѣ съ французскимъ языкомъ и литературою проникли въ Россію и современныя идеи философовъ и энциклопедистовъ и на-

---

¹⁾ Министру народнаго просвѣщенія графу Рауумовскому въ іюнь 1810 г. Васильчиковъ. „Семейство Рауумовскихъ“. Т. II, 253.

шли себѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, поклонниковъ-фанатиковъ и самыхъ ярыхъ послѣдователей.

Французская философія давала излишнее довѣріе къ человѣческимъ силамъ и убѣжденіе, что человѣкъ самъ по себѣ можетъ достигнуть счастья и быть устройтеlemъ собственной судьбы, если обладаетъ только разумомъ. — Проповѣдникъ этихъ идей—Вольтеръ, пользовался у насъ большимъ уваженіемъ и популярностью и, къ сожалѣнію, преимущественно среди тѣхъ, которые знали о немъ по наслышкѣ и не были достаточно знакомы съ его произведеніями. Издали все кажется привлекательнѣе и интереснѣе; съ приближеніемъ или знакомствомъ многое измѣняется. Графъ Шуваловъ прожилъ въ Фернеѣ у Вольтера болѣе двухъ недѣль и послѣ того много убыло у него уваженія къ французскому философу¹⁾. Тѣмъ не менѣе, большинство русскихъ преклонялось передъ Вольтеромъ, и библиотеки образованнѣйшихъ русскихъ людей того времени, занимавшихъ важныя государственныя должности, были переполнены книгами французскихъ писателей XVIII вѣка.

Императоръ Павелъ старался изгнать французовъ изъ Россіи, усилилъ цензуру и въ апрѣлѣ 1800 года запретилъ ввозъ иностранныхъ книгъ и даже нотъ. Тогда же было воспрещено отправлять за границу молодыхъ людей для воспитанія, и часть общества, послушная велѣніямъ императора, перестала хвастаться вольнодумствомъ. «Вліяніе повелителя, говоритъ г-жа Сталь, здѣсь (въ Россіи) до того сильно, что съ переменою царствованія могутъ измѣниться понятія о всѣхъ предметахъ». Въ литературѣ хотя и говорили теперь о Вольтерѣ, но уже объ «изобличенномъ» или «обнаженномъ», и стали появляться переводы разныхъ религіозныхъ сочиненій; но рядомъ съ ними, при помощи контрабанды, проникали въ Россію и запрещенныя книги. «И такъ какъ идти на такой рискъ, говоритъ Шторхъ, какой связывался съ ввозомъ книгъ, стоило только для самыхъ пикантныхъ вещей, то строгость мѣръ была причиной, что изъ всѣхъ литературныхъ произведеній приходили въ имперію только такія, по поводу которыхъ запрещеніе и было главнымъ образомъ сдѣлано. Нѣкоторые

¹⁾ „Мое опредѣленіе на службу“. О. Тимковскаго, „Москвитянинъ“ 1853 г. № 20, стр. 61.

букинисты, въ числѣ которыхъ были также и эмигранты, занимались этимъ опаснымъ, но прибыльнымъ промысломъ съ неслышанной смѣлостью. Ихъ склады были извѣстны почти всякому и однако не нашлось ни одного доносчика¹⁾.

Книгъ нѣмецкихъ или англійскихъ въ нашихъ библиотекахъ было мало, а русскихъ и еще того менѣе. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляла библиотека графа Федора Андреевича Толстаго, въ которой находилось много славяно-русскихъ рукописей и старопечатныхъ славянскихъ и русскихъ книгъ. Къ сожалѣнію, владѣлецъ библиотеки составлялъ ее исключительно изъ тщеславія и самъ не понималъ значенія своего собранія²⁾.

Въ извѣстной Салтыковской библиотекѣ считалось отъ 4 до 5 тысячъ сочиненій, большею частью на французскомъ языкѣ, содержанія историческаго, по разнымъ наукамъ и словесности (между прочимъ многотомная энциклопедія); понадались кое-какія нѣмецкія и англійскія сочиненія, а русскихъ книгъ въ этой библиотекѣ, принадлежавшей одному изъ древнѣйшихъ и славныхъ русскихъ домовъ, едва набиралась какая-нибудь сотня³⁾. За знатію тянулось дворянство и среднее состояніе. Приѣзжавшіе на Макарьевскую ярмарку помѣщицы, слѣдуя тогдашней модѣ, запасались не только чепцами, но и книгами; дворяне, имѣвшіе дохода не болѣе 500 руб., собирали библиотеки⁴⁾, но, конечно, безъ всякой системы, что попадалось подъ руку. Покупались преимущественно романы и притомъ переводные: Лафонтенъ и Крамеръ, Грандисонъ и Клариса составляли содержаніе библиотеки. «Странный былъ составъ маленькой библиотеки молодыхъ Пещуровыхъ, пишетъ Ф. Вигель⁵⁾: полное собраніе сочиненій Флоріана, всѣ творенія Дорота, маленькій томъ Буффлера, театръ Мариво, письма къ Эмилиіи о миѳологіи г. Демутье, Шолье и Лафоръ, Бернисъ и Жанти Бернаръ;

¹⁾ А. Н. Пыпинъ. „Общественное движеніе при Александрѣ“ стр. 69.

²⁾ „Русская Старина“ Т. VII, стр. 124.

³⁾ Воспоминанія А. П. Бутенева. „Русскій Архивъ“ 1881 г. Кн. III (1), стр. 33.

⁴⁾ О книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи. „Вѣстникъ Европы“ 1802 г., № 9, стр. 59.

⁵⁾ „Русскій Архивъ“ 1891 г. № 8, 148. См. также „Русскій Архивъ“ 1875 г. Т. I, стр. 19.

все легкое, розовое, амурное, ни одной русской книги. Въмѣстѣ съ версальскими предрасудками вошла у насъ въ моду французская литература», и часто иностранныя книги наполняли библіотеки такихъ владѣльцевъ, которые не знали ни одного изъ иностранныхъ языковъ. Ряжскаго уѣзда, Рязанской губерніи помѣщикъ А. С. Сербинъ, хотя и не владѣлъ языками, но имѣлъ у себя библіотеку, составленную преимущественно изъ твореній французскихъ литераторовъ XVIII вѣка. Въ ней преобладали энциклопедисты, особенно Вольтеръ, и самъ А. Сербинъ былъ горячимъ его послѣдователемъ.

«Знакомство дѣда съ сочиненіями Вольтера, конечно въ русскомъ переводѣ, говоритъ современникъ ¹⁾, не осталось безъ послѣдствій. Онъ заразился религиознымъ невѣріемъ, сдѣлался безбожникомъ. «Я ничему не вѣровалъ, сказалъ онъ мнѣ однажды въ откровенномъ разговорѣ,—хотя съ малолѣтства былъ строго держанъ въ правилахъ церковнаго ученія».

«Проводя въ деревнѣ болѣе половины года, говоритъ другой современникъ ²⁾, безъ особаго занятія по хозяйству, я занимался чтеніемъ, но выборъ книгъ былъ для меня вредный. Читалъ я съ жадностью сочиненія такъ называемыхъ философовъ XVIII столѣтія, пиронизмъ коихъ столь во мнѣ запечатлѣлся, что въ послѣдующую жизнь мою даже и въ преклонности лѣтъ моихъ, много мнѣ стоило исправить впечатлѣнія и покорить разумъ къ послушанію вѣры».

Пропитанные книжными идеями философовъ, наши дѣды и отцы, съ наплывомъ эмигрантовъ, стали еще болѣе воспринимать эти идеи при помощи живаго и увлекательнаго слова. Своимъ лоскомъ и свѣтскимъ образованіемъ французы скоро подчинили себѣ тогдашнее общество и явились въ качествѣ занимательныхъ собесѣдниковъ, учителей-наставниковъ, содержателей пансіоновъ не только въ городахъ, но и въ селахъ ³⁾, содержателей модныхъ

¹⁾ Дѣдъ мой помѣщикъ Сербинъ, „Русскій Вѣстникъ“ 1875 г. № 11, стр. 65—71.

²⁾ Князь А. П. Оболенскій въ своихъ воспоминаніяхъ. „Хроника недавней старины изъ архива князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго“, стр. 91.

³⁾ Въ селѣ Никольскомъ, въ 50 верстахъ отъ Симбирска, принадлежащемъ Н. А. Дурасову, содержался французомъ пансіонъ для дворянскихъ дѣтей. („Русскій Вѣстникъ“ 1875 г. № 5, стр. 181).

магазиновъ и даже распорядителей имѣній. Пользуясь авторитетомъ представителей передовой націи, французы своимъ изяществомъ легко заслуживали расположеніе женщинъ, становились друзьями дома и черезъ женъ имѣли вліяніе на ихъ мужей, дѣтей и все семейство. Изъ обветшалой Франціи нахлынуло къ намъ волокитство, въ модныхъ домахъ появились дамскіе будуары съ мягкими диванами, а съ ними истерики, мигрени, спазмы и другія болѣзни ¹⁾). Большинство стало подражать во всемъ французамъ, этимъ остроумнымъ, живымъ и болтливымъ людямъ, образцамъ вкуса и прогресса.

Русская женщина, обнаживъ свою талію, утонула во французской болтовнѣ и, увлекшись кокетствомъ, проводила время среди танцевъ, въ разсѣянной и пустой жизни.

— Смотрю въ публичныхъ собраніяхъ на молодыхъ красавицъ XIX вѣка, говорилъ В. Мулатовъ ²⁾), и думаю, гдѣ я? въ Мильтоновомъ ли раю, въ которомъ милая натура обнажалась передъ взоромъ блаженнаго Адама, или въ кабинетѣ живописца, гдѣ красота являлась служить моделью для Венерина портрета во весь ростъ? Наши стыдливыя дѣвицы и супруги оскорбляютъ природную стыдливость свою, единственно для того, что французенки не имѣютъ ея, безъ сомнѣнія тѣ, которыя прыгали контрдансы на моголахъ родителей, мужей и любовниковъ! Мы гнушаемся ужасами революціи и перенимаемъ моды ея! — Какія женщины дають нынѣ тонъ въ Парижѣ? Роскошныя супруги банкировъ и подрядчиковъ, женщины низкаго состоянія, не имѣющія понятія о любезности прежнихъ знатныхъ французенокъ, которыя всего болѣе отличались игрою ума и кокетничали нѣжнымъ чувствомъ пристойности.

— Увы! говорилъ другой современникъ ³⁾), французскій языкъ дѣлается господствующимъ въ русскомъ образованномъ обществѣ и даже въ провинціальномъ. И что удивительнѣе всего теперь—воюя съ французами, имѣя тысячу причинъ брезгать ими, мы не

1) Записки С. Н. Глинки. „Русскій Вѣстникъ“ 1863 г. № 4, стр. 397.

2) Въ статьѣ „О легкой одеждѣ модныхъ красавицъ XIX вѣка“. „Вѣстникъ Европы“ 1802 г., № 7, апрѣль, стр. 250--256.

3) В. Н. Карзининъ, въ запискѣ, поданной императору Александру въ ноябрѣ 1806 года.

оставляемъ своего пристрастія.—Мы не хотимъ видѣть, что это походить уже на начало владычества надъ нами, ибо, слѣдуя исторіи всѣхъ временъ, только побѣдителямъ было свойственно передавать пробѣжденнымъ свой языкъ и обычай.

Высшее общество и большая часть средняго были вполнѣ въ иновемныхъ рукахъ. Матужки торопились отдавать своихъ дочерей за титулованныхъ эмигрантовъ, чтобы имѣть удовольствіе называть ихъ графинями, маркизами и герцогинями; батюшки щеголяли вольнодумствомъ и безвѣріемъ, а сынки кинулись въ развратъ, руководимые во всемъ выходцами-иностранцами ¹⁾. Не было ни сговора, ни свадьбы, ни развода, ни похоронъ, ни завѣщанія, ни крестинъ, гдѣ бы французъ тѣмъ или другимъ образомъ не принималъ участія. Семейные праздники, спектакли, гдѣ почти всегда играли французскія пьесы—все находилось въ распоряженіи французовъ ²⁾. Въ знатныхъ домахъ, по словамъ Погожева ³⁾, няньки, даже горничныя и барскій камердинеръ говорили по-французски. Русская рѣчь была забыта ⁴⁾ и русскіе обычай были въ загонѣ. Въмѣсто прежняго, исполненнаго достоинства привѣтствія легкимъ наклоненіемъ головы, русскія барыни цѣловались въ обѣ щеки, потому что такъ дѣлали французженки, говорили кучу любезностей, не сочувствуя собственнымъ словамъ. Подражая во всемъ французамъ, онѣ наивно бранили Наполеона и французовъ, забывая, что не могутъ похвастаться обѣдомъ, если онѣ не были приготовленъ поваромъ-французомъ.—«Русскіе переносятъ васъ во Францію, писала миссъ Вильмотъ ⁵⁾, не сознавая ни мало, насколько это унижительно для ихъ страны и для нихъ самихъ». Національные костюмы, танцы и музыка были покинуты и сохранились только среди простаго народа.

¹⁾ Для біографіи И. П. Сахарова „Русскій Архивъ“. 1873 г. Т. I, стр. 903.

²⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1823 г. № 5, стр. 11—20. Барсуковъ, жизнь Погодина, кн. I, стр. 223.

³⁾ „Историческій Вѣстникъ“ 1893 г. № 6, стр. 702.

⁴⁾ Обѣдая однажды у графа Остермана, С. Н. Глинка былъ пораженъ тѣмъ, что за столомъ не слыжалъ ни одного французскаго слова. (Записки Глинки. „Русскій Вѣстникъ“ 1865 г. № 7, стр. 264).

⁵⁾ Письма изъ Россіи въ Ирландію 1805—1807 гг. „Русскій Архивъ“ 1873 г. Т. II, 1842.

« Все то, — писалъ А. С. Шишковъ — что собственное наше, стало становиться въ глазахъ нашихъ худо и презрѣнно. Французы учатъ насъ всему: какъ одѣваться, какъ ходить, какъ стоять, какъ пѣть, какъ говорить, какъ кланяться и даже какъ сморкать и кашлять. Мы безъ знанія языка ихъ почитаемъ себя невѣждами и дураками. Пишемъ другъ къ другу по-французски. Благородныя дѣвицы наши стыдятся спѣть русскую пѣсню. Мы кликнули кличь, кто изъ французовъ, какого бы роду, званія и состоянія онъ ни былъ, хочеть за дорогую плату, сопряженную съ великимъ уваженіемъ и довѣренностію, принять на себя попеченіе о воспитаніи нашихъ дѣтей. Явились ихъ пристрашныя толпы, стали насъ брить, стричь, чесать. Научили насъ удивляться всему тому, что они дѣлаютъ, презирать благочестивыя нравы предковъ нашихъ и насмѣхаться надъ всѣми ихъ мнѣніями и дѣлами. Однимъ словомъ, они запрягли насъ въ колесницу, сѣли на оную торжественно и управляютъ нами, а мы ихъ возимъ съ гордостью, и тѣ у насъ въ посмѣяніи, которые не снѣшаютъ отличать себя честью возить ихъ. Не могли они истребить въ насъ свойственнаго намъ духа храбрости; но и тотъ не защищаетъ насъ отъ нихъ: мы учителей своихъ побѣждаемъ оружіемъ; а они побѣдителей своихъ побѣждаютъ комедіями, романами, пудрою и гребенками ».

Побѣжденные ими наши маменьки, дочки и внучки, одѣтыя по послѣдней модѣ, цѣлые дни проводили въ роскошныхъ будуарахъ, окруженныя гостями. Ихъ туалетъ, языкъ и манеры напоминали что-то французское; но при всемъ томъ онѣ не могли назваться благовоспитанными, а исключительно подражательницами, далеко не усвоившими себѣ той гармонической прелести въ обращеніи, которая преобладаетъ и такъ плѣняетъ во Франціи. « Когда московскія барыни, — писала миссъ Вильмотъ, — оглядѣли васъ съ головы до ногу, перецѣловали васъ раза четыре или разъ шесть вмѣсто двухъ, поручили себя вашей вѣчной дружбѣ, въ шутивомъ тонѣ и прямо вамъ въ лицо провозгласили, что вы прелестны, разспросили о цѣнѣ cadaго предмета въ вашемъ нарядѣ и выразили свои предположенія на счетъ бѣльшей или меньшей удачи предстоящаго бала въ благородномъ собраніи, — болѣе отъ нихъ уже ожидать нечего. Едва-ли мысли ихъ могутъ простираться далѣе, развѣ только,

чтобы бранить русскихъ ювелировъ и восхищаться искусству французскихъ»¹⁾.

По словамъ современника, высшее русское общество, воспитанное французами, съ дѣтства пріобрѣтало предпочтеніе къ этому народу, узнавало Францію только *en beau* и считало ее отечествомъ вкуса, свѣтскости, искусства и изящныхъ наслажденій. Она же считалась «убѣжищемъ свободы и разума, очагомъ священнаго огня, гдѣ они (русскіе) нѣкогда зажгутъ свѣтильникъ, долженствующій освѣтить ихъ отечество»²⁾.

Моды, безвѣріе и даже привычки французовъ стали образцомъ для русскаго человѣка, а французскіе пансіоны и даже іезуитская коллегія — учебными заведеніями, куда отдавалось молодое поколѣніе лучшаго общества. Сюда поступали знатные русскіе юноши: Голицыны, Гагарины, Толстые, Шуваловы, Строгоновы, Вяземскіе, Одоевскіе и другіе. Чтобы привлечь къ себѣ исключительно одну аристократію, содержатель пансіона, аббатъ Николь, назначилъ за пансіонера огромную по тогдашнему времени сумму и, несмотря на то, встрѣтилъ всеобщее къ себѣ сочувствіе. Княгиня Юсупова одна изъ первыхъ отдала своего сына въ іезуитскую коллегію, поддерживала ее деньгами и убѣдила сестру свою, княгиню Голицыну, отдать и своихъ дѣтей туда же³⁾. «Здѣсь юные представители древнихъ родовъ нашихъ молились по-латыни, по-латыни же читали Евангеліе, учились закону Божію по латинскому катехизису и во время латинской мессы аколитами (*enfants de chœur*) прислуживали священнодѣйствующимъ патерамъ»⁴⁾. Несмотря на все это, родители надѣялись, что въ заведеніи этомъ сохранится нравственность ихъ дѣтей, а главное, дано будетъ воспитаніе, необходимое для свѣта, т. е. свѣтскаго общества. Высшее свѣтское образованіе

¹⁾ Письма изъ Россіи въ Ирландію 1805—1807 гг. „Русскій Архивъ“ 1873 г. Т. II, стр. 1860, 1861.

²⁾ А. Н. Пыпинъ. „Общественное движеніе при императорѣ Александрѣ“ стр. 68.

³⁾ Записки Ф. Ф. Вигеля. „Русскій Архивъ“ 1891 г., № 8. Приложение, стр. 139

⁴⁾ Васильчнковъ. „Семейство Разумовскихъ“, т. II, стр. 79.

того времени состояло исключительно въ знаніи иностранныхъ языковъ, особенно французскаго и въ умѣннн танцовать ¹⁾). «Натирали ребятъ наружнымъ блескомъ», готова ихъ для удовольствія, а не для пользы общества, учили говорить и писать легко по-французски, декламировать стихи, играть свободно на сценѣ пьесы, ловко танцовать минуэтъ или французскую кадрили — вотъ чтò называлось получить окончательное воспитаніе, т. е. домашнее воспитаніе, такъ какъ другаго воспитанія въ то время почти что не было ²⁾).

Относясь неуважительно къ русскому ученому сословію и не довѣряя природнымъ учителямъ, дворянство предпочитало имъ иностранныхъ гувернеровъ и домашнее воспитаніе своихъ дѣтей. Последніе отдавались въ гимназіи весьма рѣдко, а въ университетъ поступали еще того рѣже. Гимназіи и университетъ были открыты для дѣтей «разночинцевъ» и людей всякаго состоянія, а столбовое дворянство не считало возможнымъ сажать своихъ дѣтей рядомъ съ ними. Сыновья небогатыхъ дворянъ воспитывались въ кадетскомъ корпусѣ, люди болѣе достаточные отдавали сыновей въ Московскій благородный пансіонъ, бывшій при университетѣ, въ Царскосельскій лицей и Пажескій корпусъ, но большинство предпочитало воспитывать ихъ дома ³⁾).

Въ то время хорошее или дурное воспитаніе было дѣломъ случая и прекрасно охарактеризовано стихомъ Пушкина:

Мы всё учили понемногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь,
Такъ воспитавшемъ, слава Богу,
У насъ не мудрено блеснуть.

По словамъ великаго поэта, домашнее воспитаніе въ Россіи было тогда самое недостаточное и самое безнравственное. Домашній бытъ помѣщиковъ въ первое двадцати-пяти-лѣтіе нашего вѣка сохранялъ еще многія черты провинціального дворянства Екатерининскаго времени. Большая часть дворянъ состояла изъ людей мало

¹⁾ Хропика недавней старины изъ архива князя Оболенскаго-Неледннскаго-Мелецкаго, стр. 88.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1883 г., кн. III, стр. 17; 1889 г., № 3, стр. 399.

³⁾ Изъ Прошлаго. „Русскій Вѣстникъ“ 1868 г., № 4, стр. 444.

достаточныхъ, не получившихъ никакого образованія и слѣдовательно не имѣвшихъ возможности дать его дѣтямъ. Жившіе вѣчно въ деревняхъ, удаленные отъ всякаго сообщества и почти всегда пренебрегаемые богатыми своими сосѣдами, дворяне эти не только не могли доставить дѣтямъ своимъ самыхъ первыхъ началъ образованія, но и указать имъ на обязанности благороднаго человѣка ¹⁾. Ребенокъ, говорилъ А. С. Пушкинъ, будучи окруженъ одними холопами, «видитъ одни гнусные примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести» ²⁾. Имѣя передъ глазами примѣры злоупотребленія господской власти, часто буйства, неумѣренности и даже разврата родителей, этотъ полудикій питомецъ лѣсовъ и степей развивалъ свои инстинкты и характеръ въ этомъ направленіи.

Какъ въ вѣкъ Екатерины, такъ и въ началѣ настоящаго столѣтія дѣти съ раннихъ лѣтъ поручались попеченію нянекъ, на обязанности которыхъ лежало водить ихъ по праздникамъ въ церковь и раза два въ недѣлю возить на поклоны къ наиболѣе почетнымъ и вліятельнымъ родственникамъ. Съ семи-лѣтняго возраста ребенокъ поступалъ на руки дядьки, изъ крѣпостныхъ грамотныхъ людей, и его начинали учить. Воспитаніе ограничивалось, если представлялась къ тому возможность, изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ-нибудь однимъ нанятымъ учителемъ.

Русской грамотѣ по Псалтирю и Часослову учили крѣпостные и дьячки, иногда матери, но отцы рѣдко. Науками занимались подъячіе и семинаристы высшихъ классовъ, которые или сами мало знали, или не обладали искусствомъ преподаванія. «Науки мысленныя, — писалъ преосвященный Евгений ³⁾, — у насъ еще не въ модѣ. Да и обо всѣхъ почти наукахъ твердятъ Иппократово слово: наука — трудное, долгое дѣло, а жизнь коротка; притомъ важное

¹⁾ Записка о недостаткахъ нынѣшняго воспитанія російскаго дворянства. По нѣкоторымъ даннымъ записка эта принадлежитъ графу Вятту и подава императору Николаю въ 1826 году.

²⁾ Исслѣдованія и статьи М. И. Сухомлинова, т. II, стр. 239.

³⁾ В. И. Македонцеву 16-го мая 1804 г. „Русскій Архивъ“ 1870 г., т. I, стр. 838.

дѣло — случай, а знаніе — опасная вещь (*Arg longa, vita brevis, occasio momentosa, experientia periculosa*)».

Извѣстный нашъ дипломатъ А. П. Бутеневъ съ грустью вспоминаетъ о томъ, что дѣти не получали почти никакого наставленія въ правилахъ религіи и даже рѣдко учились церковно-славянскому языку. Если бывали исключенія, то и они выражались въ самой первобытной формѣ. Братья Тимковскіе учились церковно-славянскому языку и закону Божию у свойственниковъ ихъ дяди, монахини Анфисы. Послѣ обѣда, лежа на постели, Анфиса рассказывала дѣтямъ библейскія повѣсти или «поставя насъ рядомъ, — говорить И. О. Тимковскій, — велѣла пѣть съ нею духовные распѣвы, поводя рукою въ тактъ, пока потомъ засыпала»¹⁾. Для изученія Часослова Тимковскій былъ отданъ въ школу сосѣдняго дьячка Василя. Школа состояла «изъ довольно просторной комнаты, въ которой были поставлены столы для трехъ разрядовъ учениковъ: букваря, Часослова и Псалтиря; послѣдніе два съ письмомъ. Писали начально разведеннымъ мѣломъ на опаленныхъ съ воскомъ черныхъ дощечкахъ неслоистаго дерева, съ простроченными линейками; а пріученные уже писали чернилами на бумагѣ. Изъ третьяго же отдѣленія набирались охотники въ особый ирмолойный классъ для церковнаго пѣнія, чтѣ производилось раза три въ недѣлю: зимою въ комнатѣ дьячка, а по веснѣ — подъ навѣсомъ».

Въ воспитаніи Тимковскихъ не было никакой системы, и учителя мѣнялись часто. Для классическаго образованія, какъ тогда говорилось, былъ взятъ риторъ семинаріи, сынъ священника Шпаковского. «Утромъ всякій день, — говоритъ Тимковскій, — мы читали ему изъ Псалтири по каѳизмѣ. Потомъ было чтеніе и письмо русское, а день — латинское». Этимъ домашнее воспитаніе было окончено и, когда ученикъ познакомился съ латинскою грамматикою Бантышъ-Каменскаго, тогда его отдали въ Переяславльскую семинарію.

Къ тогдашнему воспитанію можно было еще вполне приложить слова Державина: учили языкамъ — безъ грамматики, числамъ и

¹⁾ „Мое опредѣленіе въ службу“. И. О. Тимковскаго. „Москвитянинъ“ 1852 г., № 17, стр. 6. См. также Воспоминанія Е. О. Тимковскаго. „Кіевская Старина“ 1894 г., № 3.

измѣреніямъ—безъ доказательствъ, музыкѣ—безъ нотъ и вѣрѣ—безъ катехизиса ¹⁾). Съ чистыми истинами религіи не знакомили вовсе, но наружные обряды соблюдались строго: ходили въ церковь и содержали всѣ посты. «Чистый понедѣльникъ, сочельникъ, великій пятокъ считались такими днями, въ которые не только ѣсть, но и подумать о чемъ-нибудь не очень постномъ считалось грѣхомъ. Мяса въ великій постъ, — говоритъ Пироговъ ²⁾), — не получала даже моя любимица-кошка Машка». Обрядовая сторона религіи соблюдалась такъ строго, что даже атеисты считали своею обязанностію слѣдовать общему теченію. Ни во что не вѣровавшій помѣщикъ А. С. Сербинъ ежегодно исповѣдывался и причащался, ходилъ каждый праздникъ въ церковь, служилъ у себя на дому молебны, читалъ во время службы и подтягивалъ дьячку ³⁾).

«Отецъ мой, — говоритъ современникъ ⁴⁾), — считался человѣкомъ очень религіознымъ въ церковно-обрядномъ смыслѣ этого слова». Онъ твердо зналъ чинъ богослуженія, но едва-ли понималъ и могъ объяснить то, что совершалось передъ его глазами. Большинство, не зная церковно-славянскаго языка, не понимало книгъ религіознаго содержанія. «Значеніе славянскихъ словъ, — говоритъ Н. И. Пироговъ ⁵⁾), — мнѣ иногда объяснялось; но и въ школѣ отъ самаго законоучителя я не узналъ настолько, чтобы понять вполне смыслъ литургіи, молитвъ и т. п. Заповѣди, Символь вѣры, Отче нашъ, катехизисъ — все это заучивалось наизусть, а комментаріи законоучителя хотя и выслушивались, но считались чѣмъ-то не идущимъ прямо къ дѣлу и не существеннымъ... Слова молитвъ такъ же, какъ и слова Евангелія, слышавшіяся въ церкви, считались сами по себѣ словами святыми, исполненными благодати Св. Духа; большимъ грѣхомъ считалось переложить ихъ и замѣнить другими; духъ старообрядчества, только уже Никоновскаго старообрядчества, былъ

¹⁾ Сочиненія Державина, т. VIII, стр. 59.

²⁾ Посмертныя записки Н. И. Пирогова. „Русская Старина“ 1884 г., № 11, стр. 270.

³⁾ „Дѣдъ мой помѣщикъ Сербинъ“. „Русскій Вѣстникъ“ 1875 г., № 11, стр. 70.

⁴⁾ „Время школьнаго ученія“. „Русскій Вѣстникъ“ 1876 г., № 10, стр. 825.

⁵⁾ Посмертныя записки Н. И. Пирогова. „Русская Старина“ 1884 г., № 11, стр. 270 и 271.

господствующимъ. Самые слухи о переложениі священныхъ книгъ или молитвъ на общепонятный русскій языкъ многими принимались за грѣховное навожденіе».

Такое понятіе хранили въ себѣ лица самыя религіозныя, такъ что, когда 15-ти-лѣтній Лабзинъ переложилъ въ стихи плачь Іереміи, то юный стихотворецъ былъ наказанъ матерью за то, что читалъ Библію. Не подозрѣвая, что Библія можетъ служить къ просвѣщенію разума, религіозная женщина считала ее книгою, потребою только для священниковъ и вредною для сына. Въ то время самыя набожныя лица были увѣрены, что отъ чтенія Библіи люди съ ума сходятъ ¹⁾).

Незнаніе церковно-славянскаго языка заставляло многихъ знакомиться съ евангельскими истинами по иностраннымъ сочиненіямъ. «Теперь большую заботу мнѣ дѣлаетъ, — писалъ Филаретъ ²⁾), — предпринятое по Высочайшей волѣ изъяснительное переложеніе Новаго Завѣта на російское нарѣчіе, частью для простаго народа, частью для просвѣщенныхъ нынѣшняго вѣка, которые, не разумѣя славянскаго нарѣчія, читаютъ Евангеліе на французскомъ».

При полномъ отсутствіи изданій священныхъ книгъ на отечественномъ языкѣ, люди, даже вполне образованные, были вовсе незнакомы съ основными догматами православной церкви. Князь Алексѣй Ширинскій-Шихматовъ встрѣтилъ въ своемъ сосѣдѣ по имѣнію такое извращенное понятіе о вѣрѣ, которое превосходило всѣ ереси, имя христіанъ на себѣ носящія. Когда Шихматовъ разъяснилъ сосѣду его заблужденія, то тотъ пришелъ въ ужасъ отъ ошибочности своего вѣрованія. Онъ полагалъ, что Творца составляютъ Богъ-Отецъ, Богъ-Сынъ и Пресвятая Богородица. Когда Шихматовъ спросилъ сосѣда, откуда такое нехристіанское мнѣніе, то получилъ отвѣтъ, что о св. Троицѣ онъ никогда не имѣлъ евангельскаго понятія.

— А какъ въ письмахъ, получаемыхъ отъ лицъ набожныхъ и благочестивыхъ, — говорилъ помѣщикъ, — я всегда видѣлъ Божию Ма-

¹⁾ „Сіонскій Вѣстникъ“ 1818 г., февраль, стр. 223.

²⁾ Въ письмѣ дѣду, отъ 20-го мая 1816 года. Письма Филарета роднымъ, стр. 211.

терь непрестанно упоминаемую со Спасителемъ, то и не смѣлъ о ней иначе мыслить, какъ почитая ее равною съ Нимъ.

«По многимъ признакамъ видно, писалъ князь А. Шихматовъ брату,—что многіе изъ невѣжествующихъ въ вѣрѣ почитаютъ Божию Матерь больше Спасителя. Да оно и очень естественно, ибо они, не слыхавъ и не зная ничего о таинствѣ искупленія и воплощенія, и не имѣя никакого понятія основательнаго о божествѣ, слыша въ поклоняемыхъ Матерь и Сына, безъ сомнѣнія, по порядку земныхъ вещей, предпочитаютъ ее Сыну...

«Невѣдѣніе Бога есть первѣйшая вина зла и корень золь частныхъ и общественныхъ. Это есть источникъ всѣхъ нравственныхъ болѣзней, которыми недугуетъ наша невѣжествующая братія; эта болѣзнь такъ распространившись, что ее можно даже назвать духовною эпидеміей».

При такихъ понятіяхъ религія, не дававшая нравственнаго удовлетворенія, сводилась къ одной внѣшней формальности. Знать наизусть псалмы, тексты изъ священнаго писанія—считалось необходимымъ; но о внутреннемъ содержаніи ихъ никто понятія не имѣлъ. Отсюда происходило весьма странное отношеніе къ церкви и молитвѣ. Одинъ изъ современниковъ того времени говоритъ, что бабушка его твердо знала церковную службу и часто сама читала молитвы во время молебновъ, которые служили ей на дому въ праздничные дни. Это чтеніе не мѣшало ей, однакоже, развлекаться предметами, совершенно чуждыми богослуженію, «такъ что мы не могли удержаться отъ смѣха при вопросѣ или замѣчаніи, которыми неожиданно прерывался псаломъ или молитва. — «Отче нашъ, и же еси на небесахъ», читала бабушка, и вдругъ, взглянувъ въ окно, кричала: дѣвка, посмотри, кто тамъ пріѣхалъ. «Помилуй мя, Боже, по величѣй милости Твоей» — дѣвка, бѣги скорѣе въ садъ, выгони корову»¹⁾).

Тотъ же современникъ рассказываетъ, что когда, однажды, священникъ вздумалъ сказать проповѣдь и дьячекъ взялся за аналой, то стоявшее противъ царскихъ вратъ вліятельное лицо, махнувъ рукой, проговорило: «Не надо, батюшка! Ужь поздно, пора обѣдать». Такое нарушеніе благочинія и несоблюденіе благопристойности въ

¹⁾ „Первые годы жизни до поступленія въ школу“ „Русскій Вѣстникъ“, 1876 г., № 5, стр. 105.

церквахъ встрѣчались довольно часто. Во время богослуженія многіе входили въ алтарь, громко разговаривали, мѣшали священнослужителямъ отправлять службу; нѣкоторые становились спиною къ иконамъ и мало обращали вниманія на то, что происходило въ церкви. Все это заставило императора Александра I, бывшаго нѣсколько разъ личнымъ свидѣтелемъ подобнаго нарушенія благочестія, поручить митрополиту Амвросію сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія. Въ октябрѣ 1804 года послѣдовалъ указъ Синода, чтобы, на основаніи Кормчей книги¹⁾, никто не входилъ въ алтарь и не закрывалъ передъ алтаремъ мѣста, необходимаго для священнослужителей; чтобы никакихъ разговоровъ въ церкви и хожденія съ мѣста на мѣсто не было. Нарушителей благочестія поручалось приводить въ порядокъ, на основаніи устава Благочинія²⁾, въ городахъ посредствомъ полицейскихъ чиновъ, а въ селеніяхъ — черезъ сельскихъ начальниковъ.

Нѣтъ надобности говорить, что распоряженіе это не исполнялось, и, спустя много лѣтъ, архіепископу Филарету, впослѣдствіи митрополиту московскому, пришлось указывать на странное отношеніе многихъ къ церкви и религіи вообще.

«Нѣкоторые, говорилъ онъ³⁾, въ темномъ ощущеніи познаютъ важность алтарей и, повидимому, не чуждаются дома Божія, но не разумѣютъ ни того, какъ должно въ него входить, ни того, какъ обращаться въ немъ. Поставивъ тѣло въ храмъ, увѣряютъ себя, что уже пребываютъ съ Богомъ, но находящіяся въ семъ положеніи не болѣе иногда принадлежатъ дому Божію, какъ, — если позволено такъ выразиться, — истуканы, украшающіе только наружность его.

¹⁾ Въ первой части Кормчей книги, въ правилѣ 69-мъ, шестаго Вселенскаго собора, сказано: „Не достойно никому же отъ всѣхъ въ мірѣхъ жити живущихъ внутрь священнаго Алтара входить, токмо же сіе нѣкако же не возбранено естъ царстѣй власти и господству, егда хошетъ принести дары создавшему его Богу, по нѣкоему предавію древнихъ отецъ“.

²⁾ Въ 57-мъ параграфѣ устава Благочинія было сказано: „Управа Благочинія миръ и тишину православныя Святыя церкви сохраняетъ“, и въ пунктѣ 59-мъ— „Управа Благочинія имѣетъ бдѣніе, дабы всикъ въ церкви Божіей почтителейъ былъ, да войдутъ въ храмъ Божій со благоговѣніемъ и да пребываютъ въ ономъ во время службы Божіей со страхомъ, въ молчаніи, тишинѣ и во всякомъ почтеніи“.

³⁾ Въ 1814 году, въ бесѣдѣ на 24 недѣлѣ по Пятидесятницѣ. См. Сочиненія Филарета, т. I, стр. 199.

Служать Богу, какъ рабы, не столько для того, чтобы совершить волю Его, сколько для того, чтобы уклониться отъ гнѣва Его. Работаютъ Ему въ уреченное время, какъ наемники, дабы получить отъ Него плату земныхъ благословеній и потомъ на враговъ Его, — на мѣръ и плоть — иждивать дары Его. Какое несообразное съ величествомъ и благостию Божіею богослуженіе! »

Но тогда объ истинномъ богослуженіи мало кто думалъ, и въ образованномъ обществѣ существовало убѣжденіе, что можно быть добродѣтельнымъ, набожнымъ и благочестивымъ, не заходя въ церковь, не зная никакихъ догматовъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же было идти въ разрѣзъ съ убѣжденіями менторовъ-эмигрантовъ, которымъ мы добровольно подчинялись и которые приняли на себя роль руководителей и воспитателей общества. Въ то время каждый, даже небогатый дворянинъ самой отдаленной губерніи, считалъ необходимымъ имѣть своего маркиза-гувернера или хотя «одну штуку изъ этого волчьего стада», какъ выразился позднѣе М. П. Погодинъ. Помѣщикъ Пензенской губерніи Жедринскій, у котораго было всего 300 душъ, обремененныхъ долгами, поручилъ воспитаніе своего сына виконту де-Мельвилю ¹⁾.

— Не было у насъ для французовъ середины, говорить Ф Вигеля, *ils devenaient outchitels ou grand seigneurs*.

Необходимость добывать себѣ хлѣбъ заставила эмигрантовъ рассыпаться по всей Россіи и соглашаться исполнять то, что имъ предлагали. Обладая самыми поверхностными знаніями, они не затруднялись брать на себя обязанности учителей въ учебныхъ заведеніяхъ и были разбираемы довѣрчивымъ дворянствомъ въ должности воспитателей и гувернеровъ къ дѣтямъ. Званіе учителей въ нашихъ глазахъ казалось немного выше холопа-дядьки, вѣчнаго соперника м у с ѣ и, и потому учителей брали въ домъ, не справляясь объ ихъ нравственности и о томъ, что они знаютъ, лишь бы былъ французъ, а если его добыть было нельзя, то хоть какой-нибудь иностранецъ.

« Не странны ли покажутся безпристрастному созерцателю на-

¹⁾ „Записки Ф. Вигеля“. „Русскій Архивъ“, 1891 годъ, № 8 Приложение, стр. 131.

шего образованія, — писалъ И. Богдановичъ¹⁾, — непостоянство наше и переменны вкуса. Давно ли было время, когда во всемъ мы подражали нѣмцамъ? Пользуясь ихъ свѣдѣніями, мы воспитывали дѣтей нашихъ по ихъ формѣ, старались быть хладнокровны, какъ они, и въ самыхъ даже бездѣлкахъ мы хотѣли германиться. Ихъ столъ, обхожденіе, кривлянье въ танцахъ — все называлось у насъ изящнымъ.

«Но коль скоро появились французы — исчезло очарованіе. Ихъ веселый нравъ, свободное обхожденіе, скорыя и острыя выдумки, проворство и гибкость вскружили всѣмъ головы. Всякъ хотѣлъ имѣть учителемъ француза, всякъ хотѣлъ сдѣлать дѣтей французами. Бѣдные нѣмцы, которые не знали моднаго языка, принялись за ремесла, и мы выиграли гораздо больше. Въ теченіе нѣкотораго числа лѣтъ всѣ заговорили по-французски и природный языкъ свой такъ смѣшали, что трудно было угадать, какой націи мы болѣе принадлежали. Все, что называлось парижскимъ, сдѣлалось намъ общимъ. Мы желали, чтобы воспитаніе произвело чудо, чтобы мы отъ оригиналовъ не были различны.

«Слухъ сей, какъ видно, вездѣ распространился: со всѣхъ сторонъ, подъ названіемъ *Paris*, не только загрузили насъ модными товарами, но, сверхъ чаянія, учителя начали пріѣзжать къ намъ цѣлыми колоніями. Довольно, когда они говорили по-французски, намъ больше было не нужно».

Графъ Шуваловъ, для занятія должности лакеевъ въ Пажескомъ корпусѣ, выписалъ изъ Парижа восемь французовъ, и они скоро всѣ разошлись учителями по домамъ²⁾. Тогда существовало убѣжденіе, что воспитаніе и преподаваніе совершенно не зависятъ отъ нравственности воспитателя. Если попадался преподаватель физики, всѣмъ извѣстный за человѣка развратнаго или атеиста, то весьма часто говорили, что же это имѣетъ общаго съ физикою. Такимъ образомъ, въ Россію сметался весь соръ Европы, и она дорого платила выходящимъ за порчу молодаго поколѣнія.

Безграмотный отецъ ловилъ перваго попавшагося ему нѣмца

1) „О воспитаніи юншества“, Москва, изд. 1807 г., стр. 7—9.

2) „Мое опредѣленіе въ службу“, Ф. Тимковскаго. „Москвитянинъ“, 1852 г. № 20, стр. 62.

или француза, который за русскія деньги вселялъ въ сына сѣмена иноземнаго разврата и не замѣнялъ ему потерю нравственности (если можно замѣнить ее) никакими научными свѣдѣніями¹⁾. Пробывъ нѣкоторое время въ домѣ и сознавая безсиліе въ дальнѣйшемъ образованіи своего питомца, такой наставникъ легко переходилъ въ томъ же домѣ на должность берейтора или садовника.

Въ октябрѣ 1800 года харьковскій помѣщикъ, подполковникъ К., нанялъ выходца изъ Пруссіи, Фридриха Лота, учить своихъ дѣтей нѣмецкому языку и ариметикѣ. Въ заключенномъ съ нимъ контрактѣ, между прочимъ, было сказано: «И по прохожденіи зимнихъ мѣсяцевъ, мнѣ, Лоту, за его сыномъ болѣе уже не смотрѣть и дѣтей не учить, а вступить мнѣ въ должность садовничью и стараться сдѣлать два англійскіе сада, завести теплицы, цвѣтники, парники, крытую аллею, оранжерею и огородню; пересаживать деревья и дѣлать прививки, колеровки и отводы самымъ искуснымъ образомъ. По сей должности стараться нелѣпно дѣлать приобрѣтенія разныя къ размноженію фруктовыхъ деревьевъ, дабы неуспыннымъ раченіемъ моимъ и трудами заслужить могъ себѣ награжденіе и похвалу»²⁾.

Такого сорта лицъ, болѣе садовниковъ, чѣмъ учителей, приходилось часто мѣнять, тѣмъ болѣе, что и нравственность ихъ, въ большинствѣ случаевъ, не соответствовала обязанностямъ воспитателей. Обыкновенно, отправляя стараго учителя, поручалось искать и «привести на той же повозкѣ новаго», конечно, на удачу, какой попадется. Если таковой не попадался, то выписывали черезъ корреспондента, печатно увѣрявшаго въ газетахъ о своей честности и добросовѣстности³⁾. Въ Москвѣ это производилось нѣсколько иначе: въ воскресный день одинъ изъ крѣпостныхъ отправлялся на Кузнецкій мостъ или становился у входа въ католическую церковь и разспрашивалъ тамъ, нѣтъ ли охотниковъ поступить въ учителя, и

¹⁾ Записка о недостаткахъ нынѣшняго воспитанія, поданная императору Николаю въ 1826 году.

²⁾ „Молодикъ“ на 1844 годъ. Украинскій литературный сборникъ, издаваемый И. Бедкимъ, стр. 226. Контрактъ этотъ вторично напечатанъ въ „Русской Старинѣ“, 1873 г., № 6, стр. 858.

³⁾ Очеркъ помѣщичьяго быта въ началѣ нынѣшняго вѣка. „Русскій Архивъ“, 1868 г., стр. 530.

записывалъ адреса желающихъ ¹⁾). Если здѣсь поиски были неудачны, то въ Охотномъ ряду былъ большой трактиръ, извѣстный подъ именемъ «Цареградскаго». Это былъ, по нынѣшнимъ понятіямъ, родъ кофейной, куда стекались всѣ иностранцы, въ особенности учителя, родъ биржи рынка, куда приходили панимать домашнихъ учителей ²⁾). Послѣ небольшого испытанія, неизвѣстно. впрочемъ, какого и въ чемъ, происходила торговля относительно цѣны, заключался контрактъ, и затѣмъ въ домъ водворялась учительница мадамъ или учитель, нерѣдко съ мадамой. Такимъ образомъ, у Н. Г. Левшина пребывало шесть учителей и двѣ учительницы ³⁾; въ семействѣ Вигеля перемѣнилось три француза ⁴⁾). У князя П. А. Вяземскаго и Д. Н. Блудова (впослѣдствіи графа) пребывало нѣсколько учителей, не имѣвшихъ никакихъ достоинствъ и выучившихъ ихъ только французскому языку, да и то кое-какъ ⁵⁾).

Частая перемѣна учителей приводила къ печальнымъ результатамъ: каждый изъ нихъ вносилъ свою методу преподаванія и всегда осуждалъ своего предшественника. «Ученіе было плохое, — говорить Н. Г. Левшинъ, — и примѣровъ добронравія отъ учителей занять было невозможно. Не зная еще отечественнаго языка, меня, по модѣ XVIII вѣка, съ самыхъ малыхъ лѣтъ стали учить иностранному, — по-французски и по-нѣмецки. Французскій языкъ знали родители мои и бабушка: говорить всѣ учили меня, и, какъ я, такъ и всѣ братья и сестры, какъ попугай, выучились поговаривать изрядно. Вмѣсто систематическаго толковаго ученія, я большею частью развлекаемъ былъ домашними новостями, а болѣе всего — по охотѣ псовой».

Учитель Н. И. Греча, Delagarde, заставлялъ своего ученика

¹⁾ Домашній памятникъ Н. Г. Левшина. „Русская Старина“ 1873 года, т. VIII, стр. 830.

²⁾ Сочиненія кн. Вяземскаго, т. I, стр. XV.

³⁾ Домашній памятникъ Левшина. „Русская Старина“ 1873 г., т. VIII, стр. 830—833.

⁴⁾ Записки Вигеля. „Русскій Архивъ“, 1891 г., № 6. Приложение, стр. 40; № 8, стр. 132.

⁵⁾ Сочиненія кн. Вяземскаго, т. I, стр. XV. — См. также статью: „Изъ бесѣды графа Блудова“. „Русскія Вѣдомости“ 1864 г., № 117.

читать изъ азбуки, поправляяль произношеніе и тѣмъ оканчивалъ свои урски. Другой учитель, де-Моренкуръ, всѣ уроки ограничивалъ чтеніемъ и письмомъ; о языкѣ и грамматикѣ французской не было ни слова, и Н. И. Гречъ изучилъ ихъ при помощи русскаго учителя, Я. М. Бородкина¹⁾. Н. Н. Муравьева-Карскаго училъ эмигрантъ Деклозе, самъ не твердый въ знаніи французскаго языка и его грамматики²⁾. А. П. Бутеневъ научился отъ своего гувернера-француза бѣгло болтать по-французски, очень мало грамматики, да писать подъ диктовку³⁾. Воспитательная дѣятельность гувернера Ф. Вигеля заключалась въ предоставленіи полной свободы своему воспитаннику и въ разсказахъ самыхъ непристойныхъ и даже отвратительныхъ анекдотовъ. Одинъ изъ многочисленныхъ учителей кн. П. А. Вяземскаго былъ горькій пьяница. Учитель Н. Г. Левшина, г. Риперъ, науки зналъ плохо, «а дѣтей рожалъ часто и всегда самъ ихъ крестилъ»; другой — Ронси, «вѣроятно, прибылъ въ Россію съ канарейками, сурками или собаками». Третій—Шине, былъ французъ изъ простаго званія, грамматики и прочихъ наукъ не вѣдалъ, а мадамъ жила въ домѣ нѣсколько мѣсяцевъ, и всѣ рады были, когда ее отпустили⁴⁾.

«Просвѣщеніемъ дворянства, говоритъ И. П. Сахаровъ, завѣдывали гувернеры и гувернантки, люди безъ всякаго образованія въ наукахъ. Съ ними входили въ деревенскіе семейные круги развратъ, нахальство, неуваженіе къ родителямъ, пренебреженіе къ вѣрѣ отцовъ и постыдное вольнодумство». Вообще, по словамъ Вигеля, когда между французами-эмигрантами встрѣчался человѣкъ благоразумный, просвѣщенный, скромный, съ религіознымъ чувствомъ и строгою нравственностью, то можно было указывать на него, какъ на диковинку.

Къ числу такихъ диковинокъ и исключеній принадлежали два учителя графа Д. Н. Блудова, ученый Реми и графъ де-Фонтень,

¹⁾ Записки Н. И. Греча, стр. 128 и 135.

²⁾ Записки Муравьева. „Русскій Архивъ“ 1886 г., № 2, стр. 80.

³⁾ Воспоминанія А. П. Бутенева. „Русскій Архивъ“ 1881 года, кн. III, стр. 15.

⁴⁾ Домашній памятникъ Н. Г. Левшина. „Русская Старина“ 1873 г., т. VIII, стр. 831 и 832.

человѣкъ блистательнаго ума и глубокаго образованія. Въ семействѣ кн Голицына былъ губернаторомъ Шевалье де-Роленъ-де-Бельвиль, у котораго воспитывался и Ф. Вигель. Восхваляя свое отечество, Бельвиль съ состраданіемъ, болѣе чѣмъ съ презрѣніемъ, отзывался о нашемъ варварствѣ.

«Какъ я ни старался припомнить прошедшія впечатлѣнія, пишетъ М. А. Бестужевъ, изъ этой толпы ничтожностей, составлявшихъ тогда сословіе нашихъ образователей, я не припомню ни одной личности, которая бы теперь не порождала улыбки презрѣнія» ¹⁾).

Не въ укоръ отцу, говоритъ князь Вяземскій, «не себѣ въ оправданіе, а для соблюденія истины, скажу, что мое ученіе ни въ какомъ случаѣ не могло быть успѣшно, потому что не было правильно... Не знаю, чѣмъ объяснить себѣ, но выборы наставниковъ, губернаторовъ, учителей моихъ были вообще неудачны. Не въ деньгахъ было дѣло. Много перебивало при мнѣ французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, но ни одинъ изъ нихъ не былъ способенъ приучить меня къ ученію, а это главное въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія. О русскихъ наставникахъ и думать было нечего. Ихъ не было, — не знаю, много ли ихъ теперь. Надо было ловить иностранцевъ на удачу» ²⁾).

Если такъ трудно было достать хорошаго учителя въ Москвѣ, то каковы же должны были быть наставники въ провинціальныхъ городахъ и въ отдаленныхъ имѣніяхъ помѣщиковъ, куда затащить ихъ было весьма трудно. Туда шли люди совершенно незнакомые съ воспитаніемъ, невѣжды въ наукѣ, а главное безнравственные и антирелигіозные, расшатававшіе русскую семью и вносявшіе въ нее безвѣріе и развратъ.

Вспоминая свое воспитаніе и сравнивая его съ тѣмъ, которое давалось въ началѣ настоящаго столѣтія, графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ говоритъ, что хотя въ его время воспитаніе и не было столь дорогое и блестящее, но имѣло много хорошаго. Тогда не относились съ пренебреженіемъ къ русскимъ нравамъ и

¹⁾ Записки М. А. Бестужева. „Русская Старина“, т. 32, стр. 603.

²⁾ Сочиненія кн. Вяземскаго, т. I, стр. XIV и XV.

русскому языку, который не входилъ въ планъ воспитанія въ началѣ XIX вѣка. «Можно сказать, пишетъ гр. Воронцовъ ¹⁾, что Россія единственная страна, гдѣ пренебрегаютъ изученіемъ своего роднаго языка, и все то, что относится къ родной странѣ, чуждо настоящему поколѣнію. Лицо съ претензіей на просвѣщеніе въ Петербургѣ и въ Москвѣ заботится научить своихъ дѣтей по-французски, окружаетъ ихъ иностранцами, нанимаетъ для нихъ за дорогую цѣну учителей танцевъ и музыки и не поучаетъ ихъ отечественному языку, такъ что это прекрасное и дорогое воспитаніе ведетъ къ совершенному невѣжеству относительно своей страны, къ равнодушію, можетъ быть даже презрѣнію къ той странѣ, съ которой связано собственное существованіе, и къ привязанности ко всему тому, что касается чужихъ нравовъ и странъ, въ особенности же Франціи»

Многіе родители должны бы были спросить свою совѣсть, не обличаетъ ли она ихъ въ томъ, что при выборѣ воспитателей и наставниковъ они совсѣмъ не думали, могутъ ли они быть примѣромъ добродѣтели для ихъ дѣтей. Неразборчивость эта привела къ тому, что молодое поколѣніе оказывалось неспособнымъ ни къ хозяйственной и семейной жизни, ни къ частной, ни къ публичной службѣ, — однимъ словомъ ни къ чему ²⁾.

«Благовоспитанный молодой человѣкъ, говоритъ современникъ ³⁾, есть полуученный или даже совершенный невѣжда, который не имѣетъ позволенія оставаться невѣждою (только) для однихъ своихъ согражданъ, но долженъ еще казаться невѣждою в тѣмъ народамъ, на языкѣ которыхъ онъ изъясняться можетъ. Онъ есть невѣжда, исполненный самоувѣренности и самолюбія, мечтающій усвоенными звуками языка иноземнаго изумлять слушателей выученными отрывками стиховъ, или выкраденными каламбурами стяжать удивленіе моднаго свѣта. Однимъ словомъ, такъ называемый благовоспитанный человѣкъ есть полуиноземецъ, не имѣющій ня-

¹⁾ Въ своей автобіографіи, писанной въ 1805 г. „Арх. кн. Воронцовъ“, кн. V, стр. 12.

²⁾ „Другъ Юношества“, 1808 г., № 11, стр. 70.

³⁾ Въ запискѣ о недостаткахъ нынѣшняго воспитанія, поданной императору Николаю въ 1826 году.

какого основательнаго свѣдѣнія, но только пемногія поверхностныя познанія, которыя умѣеть онъ употреблять съ успѣхомъ для ослѣпленія бдльшихъ противъ него невѣждъ; космополитъ, научавшійся нравственности у Дидеро, религіи—у Вольтера, мечтающій о переворотахъ и свободѣ, неспособный ни къ какому занятію, ни къ какой службѣ».

Незнакомая ни съ русскимъ языкомъ, ни съ русскою литературою молодежь не могла развить въ себѣ чувства національнаго достоинства и гордости. Впослѣдствіи А. С. Пушкинъ, въ письмѣ къ брату признавался, что онъ принужденъ былъ изученіемъ русскихъ сказокъ вознаграждать недостатки «проклятаго своего воспитанія». Прискорбно было то, что все русское было забыто, и знаніе иностранныхъ языковъ и обычаевъ было промѣнено на дѣдовскую любовь къ родинѣ¹⁾. Кн. П. А. Вяземскій и другіе современники оспариваютъ справедливость такого приговора и въ доказательство приводятъ всеобщій патріотизмъ, вызванный отечественною войною. Но объ этомъ рѣчь впереди, и историку этой эпохи предстоитъ еще рѣшеніе вопроса, въ комъ лежитъ начало этого патріотизма, гдѣ его проявленіе и главнѣйшее развитіе. Здѣсь же нельзя отрицать того, что жизнь тогдашняго общества имѣла антинаціональное направленіе.

Такое направленіе порицалось сначала только единицами, да и то втихомолку, гдѣ-нибудь въ укромномъ углу гостиной; но по мѣрѣ развитія рабскаго подражанія всему иностранному, число недоброжелателей моды возрастало и сначала рѣдко, а потомъ и чаще стали появляться статьи, спрашивавшія, почему въ обществѣ принято называть моду проклятой? Назрѣло, наконецъ, время, когда можно было высказаться въ самой рѣзкой формѣ, и вотъ, въ 1807 году появились «Мысли въ слухъ въ Красномъ крыльцѣ» графа Ѳ. В. Ростопчина.

«Господи помилуй! говорилъ онъ устами своего героя Силы Андреевича Богатырева²⁾), — да будетъ ли этому конецъ? Не пора

¹⁾ Исслѣдованія и статьи М. И. Сухомлинова, т. II, 238, „Другъ Юношества“ 1810 г. № 10. Письмо гр. Ростопчина графу Воронцову, 23 августа 1803 г. „Русскій Архивъ“ 1887 г., № 2, 176.

²⁾ Сочиненія гр. Ростопчина, изданіе Смирдина, 1853 г., стр. 8.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1894 г., т. ЪХХІІ. СЕНТЯБРЬ.

ли опомниться, приняться за умъ, сотворить молитву и, плюнувъ, сказать французамъ: згинь ты, дьявольское навожденіе! ступай въ адъ или во-своеси, все равно, только не будь на Руси.

«Прости Господи! Неужели Богъ Русь на то создалъ, чтобы она кормила, поила и богатила всю дрянъ заморскую, а ей, кормилицѣ, и спасибо никто не скажетъ. Приѣдетъ французъ съ висѣлицы, всѣ его на перехватъ, а онъ еще ломается; говоритъ либо принцъ, либо богачъ, а онъ, собака, либо холопъ, либо купчишка, либо подъячій, либо попъ разстрига отъ страха убѣжалъ изъ своей земли. Поманерится недѣли съ двѣ, да и пустится либо въ торгъ, либо въ воспитаніе, а иной и грамоту-то плохо знаетъ».

Далѣе графъ Ростопчинъ рѣзко рисуетъ тогдашнее направленіе общества, упрекаетъ его за то, что дѣтей прежде всего учать выговаривать чисто по-французски, вывертывать ноги и всколочивать голову. «Тотъ и уменъ и хорошъ, — говоритъ онъ, — который француза за своего брата принимаетъ. Какъ же имъ любить свою землю, когда они русскій языкъ плохо знаютъ? Только и видишь молодежь одѣтую, обутую по-французски и словомъ, дѣломъ и помышленіемъ французскую. Отечество ихъ на Кузнецкомъ мосту, а царство небесное — въ Парижѣ. Родителей не уважаютъ, стариковъ презираютъ и, бывъ ничто, хотятъ быть все. Завелись филантропы и мизантропы. Филантропы любятъ людей, а разоряютъ мужиковъ; мизантропы отъ общества людей убѣгаютъ въ трактиры. Старухи и молодья сошли съ ума. Все стало каша кашей. Бѣгутъ замужъ за французовъ и гнушаются русскими. Одѣты, какъ мать наша Ева въ раю, — суція вывѣски торговой бани, либо мяснаго ряда».

«Мысли въ слухъ на Красномъ крыльцѣ» въ свое время надѣлали много шума, облетѣли всю тогдашнюю читающую Россію ¹⁾ и приняты были съ восторгомъ мелкимъ и бѣднымъ дворянствомъ, чиновничествомъ, не имѣвшими возможности, при всемъ своемъ желаніи, слѣдовать за общимъ потокомъ и потому смотрѣвшими недоброжелательно на тогдашнихъ львовъ и львицъ полу-французскаго воспитанія.

¹⁾ Въ одной Москвѣ „Мысли въ слухъ“ разошлись болѣе чѣмъ въ семь тысячачъ экземпляровъ. См. Описаніе жизни сановниковъ, управлявшихъ министерствъ. иностр. дѣлъ Тершенки, изд. 1837 г., ч. II, 218.

Голосъ графа Ростопчина не былъ единственнымъ и не остался вопіющимъ въ пустынь. Правительство сознало, наконецъ, необходимость вмѣшательства въ воспитаніе юношества. Министръ народнаго просвѣщенія, графъ Разумовскій, прежде всего обратилъ вниманіе на то, что во всѣхъ, тогда существовавшихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Законъ Божій вовсе не преподавался и ученики оставались безъ всякаго внушенія имъ правилъ и основъ религіи. Только въ іюлѣ 1812 года постановлено было кореннымъ и неизмѣннымъ правиломъ, чтобы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ было введено обязательное преподаваніе Закона Божія съ тѣмъ, чтобы публичныя испытанія начинались всегда съ этого предмета, какъ заключающаго въ себѣ главную и существенную цѣль образованія. Усмотрѣвъ, что во многихъ училищахъ науки преподаются безъ всякаго вниманія къ пользѣ учащихся, употребляются излишнія строгости и даже тѣлесныя наказанія, министръ народнаго просвѣщенія поручилъ подлежащему начальству обратить на это вниманіе. Онъ требовалъ, чтобы въ учителя назначались люди знакомые съ методомъ преподаванія, такіе, которые не затрудняли бы учениковъ затверживаніемъ уроковъ наизусть, а приводили бы ихъ къ ясному пониманію преподаваемаго; чтобы тѣлесныя наказанія отнюдь не употреблялись, и жестокіе наставники, начальники училищъ и содержатели пансіоновъ, были удаляемы. Рядомъ съ этимъ было обращено особое вниманіе и на домашнее воспитаніе.

«Въ отечествѣ нашемъ, писалъ графъ Разумовскій во всеподданнѣйшемъ докладѣ въ маѣ 1811 года ¹⁾, далеко простерло корни свои воспитаніе, иноземцами сообщаемое. Дворянство, подпора государства, возрастаетъ нерѣдко подъ надзоромъ людей, одною собственною корыстью занятыхъ, презирающихъ все неиностранное, не имѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаній. Слѣдуя дворянству, и другія сословія готовятъ медленную пагубу обществу воспитаніемъ дѣтей своихъ въ рукахъ иностранцевъ. Любя отечество, не можно безъ прискорбія взирать на зло, толь глубоко въ ономъ виѣдрившееся. Поставленъ будучи бодрствовать надъ

---

¹⁾ Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, т. I, 632.

воспитаніемъ согражданъ своихъ, священнымъ чту долгомъ изыскивать всѣ способы къ содѣланію ихъ истинными сынами отечества. Не отъ меня зависить преломить духъ важнѣйшей части гражданъ, внеся въ семейства ихъ счастливое недовѣріе къ чуждымъ воспитателямъ, но, подѣ высокимъ вліяніемъ Монарха, я могу дѣйствовать орудіями, мнѣ предоставленными. Быть можетъ, мѣра правительства послужитъ образцомъ и для каждаго частнаго гражданина. Всѣ почти пансіоны въ имперіи содержатся иностранцами, которые весьма рѣдко бываютъ съ качествами, для званія сего потребными. Не зная нашего языка и гнушаясь онымъ, не имѣя привязанности къ странѣ, для нихъ чуждой, они юнымъ россіянамъ внушаютъ презрѣніе къ языку нашему и охлаждаютъ сердца ихъ ко всему домашнему, и, въ нѣдрахъ Россіи, изъ россіянина образуютъ иностранца. Сего не довольно, и для преподаванія наукъ они избираютъ иностранцевъ же, что усугубляетъ вредъ, воспитаніемъ ихъ разливаемый, и скорыми шагами приближаетъ къ истребленію духа народнаго. Воспитанники ихъ и мыслятъ и говорятъ по-иноземному; между тѣмъ не могутъ нѣсколько словъ правильно сказать на языкѣ отечественномъ».

Чтобы измѣнить установившійся порядокъ воспитанія, графъ Разумовскій считалъ необходимымъ давать разрѣшеніе открывать пансіоны, не иначе, какъ удостовѣрившись, что лица, желающія содержать ихъ, не только обладаютъ знаніями, но и доброю нравственностью; чтобы обращено было вниманіе на изученіе русскаго языка и всѣ предметы преподавались не иначе, какъ на отечественномъ языкѣ, и чтобы, наконецъ, иностранные учителя допускались къ преподаванію только по полученіи отъ русскаго училищнаго начальства письменныхъ свидѣтельствъ о своихъ способностяхъ, познаніяхъ и нравственности. Къ сожалѣнію, пристрастіе къ иностранцамъ было настолько сильно, что комитетъ министровъ, на обсужденіе котораго былъ переданъ докладъ графа Разумовскаго, не нашелъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ министра. Комитетъ находилъ, что мѣра эта стѣснительна и неудобна какъ для учителей-иностранцевъ, находящихся въ провинціяхъ, отдаленныхъ отъ университетовъ и гимназій, такъ и для родителей, которые выписываютъ учителей изъ-за границы и ввѣряютъ имъ воспитаніе

своихъ дѣтей, предпочитая нравственное ихъ образованіе ученію языкамъ и наукамъ. Комитетъ пошелъ на полумѣру и предложилъ внушить родителямъ, черезъ предводителей дворянства, чтобы они выбирали въ наставники людей, которые съ необходимыми знаніями соединяли бы въ себѣ и правила строгой нравственности ¹⁾.

Графъ Разумовскій не согласился съ мнѣніемъ комитета министровъ и указывалъ на то, что еще 5-го мая 1757 года послѣдовалъ указъ императрицы Елисаветы Петровны, чтобы всѣ иностранные учителя имѣли отъ училищнаго начальства свидѣтельства о своихъ способностяхъ и познаніяхъ.

«Почему же, — спрашивалъ Разумовскій, — мѣра, которая признавалась удобною въ то время, когда повелѣно было со всей имперіи являться на экзамены въ С.-Петербургскую академію и Московскій университетъ, считается стѣснительною теперь, когда у насъ существуетъ пять университетовъ и въ каждомъ губернскомъ городѣ гимназія, уѣздное, приходское, а въ иныхъ городахъ и другія училища? Правительство наблюдаетъ мѣры относительно учителей отечественныхъ.... для чего же долженъ быть изъятъ изъ сего иностранецъ, пріѣзжающій въ страну, его незнающую или вовсе, или по одной славѣ? Если онъ съ должными познаніями, то ни мало не страшень для него экзамень; если онъ безъ познаній, то безжалостно долженъ быть отринуть, какъ пожелавшій обманъ поставить въ замѣнъ свѣдѣніямъ... Къ сожалѣнію, я долженъ почти согласиться въ томъ, что родители ввѣряютъ иностранцамъ дѣтей своихъ болѣе для нравственнаго образованія, нежели ученія языкамъ и наукамъ: ибо родители ввѣряютъ имъ воспитаніе дѣтей и ученіе. Но кому не извѣстно, что большая часть родителей не понимаетъ, что такое есть нравственное образованіе; что ученіемъ языковъ и наукъ они всегда почти замѣняютъ понятія совершеннаго воспитанія, и отыскивать образцы для нашей нравственности въ чужихъ краяхъ есть заблужденіе, давно уже чувствуемое и истинными сынами отечества истребляемое, или, по крайней мѣрѣ, порицаемое... Если всѣ вышеприведенныя мѣры и притѣснительны, то и тогда бы онъ дол-

---

¹⁾ Васильчиковъ. „Семейство Разумовскихъ“, т. II, стр. 88.

женствовали быть наблюдаемы. Лучше поставить преграду злу, чѣмъ равнодушно взирать на пагубное его вліяніе» ¹⁾).

Государь согласился съ мнѣніемъ министра народнаго просвѣщенія, и мѣра, предложенная графомъ Разумовскимъ, была принята съ восторгомъ всѣмъ обществомъ. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» появилась статья, въ которой издатель его, С. Н. Глинка, писалъ, что наконецъ монархъ и правительство услышали искреннѣйшее желаніе всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества истребить зло, которое быстрыми шагами приближало насъ къ уничтоженію «народнаго духа» и всего того, чѣмъ природа отдѣлила русскихъ отъ другихъ племенъ запада.

О, сколь монархъ благополученъ,
Кто знаетъ россами владѣть;
Онъ будетъ въ свѣтѣ славою звученъ,
И всѣхъ сердца въ рукѣ имѣть! ²⁾

Предпринимаемая правительствомъ мѣра могла оказать свое полезное дѣйствіе только въ далекомъ будущемъ, и пристрастіе взростаго поколѣнія къ иностранцамъ продолжалось во все царствованіе императора Александра I. Путаница въ понятіяхъ, дѣляхъ и интересахъ общества была такъ велика, что въ ней трудно было разобратъ. Даже отечественная война, встряхнувшая всѣ состоянія, не въ силахъ была помочь дѣлу. Правда, что во время военныхъ дѣйствій явилось было самосознаніе, достойное великаго русскаго народа, но буря утихла, и поклоненіе всему иностранному возобновилось. Въ № 72 «Московскихъ Вѣдомостей» 1822 г. было напечатано: «Егеръ изъ Германіи желаетъ опредѣлиться егеремъ или въ гувёрнеры. Спросить на Моросейкѣ». Это объявленіе, не различающее дѣтей отъ собакъ, возмутило юнаго М. П. Погодина, и онъ сталъ мечтать о составленіи особаго общества для гражданской войны противъ преобладанія у насъ французмани, а его товарищъ и другъ, Кубаревъ, былъ того мнѣнія, что намъ нуженъ Великій Петръ, который однимъ ударомъ могъ бы «очистить моральный нашъ воздухъ» ³⁾. Зло сдѣлалось общимъ.

¹⁾ Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, т. I, 696.

²⁾ „Русскій Вѣстникъ“ 1811 года, часть XV, № 7, стр. 119—121.

³⁾ Н. Барсуковъ. „Жизнь М. П. Погодина“, кн. I, 88.

Лучшіе люди въ государствѣ преклонялись передъ французами, и дѣти, составлявшія цвѣтъ русскаго юношества, по-прежнему ввѣрялись пришельцамъ, не имѣвшимъ нравственныхъ правилъ и стремившимся поколебать вѣру нашихъ отцовъ. Прежде всего заботились объ этомъ, конечно, іезуиты, успѣвшіе пріобрѣсти къ себѣ полное довѣріе. Для воспитанія юношества, какъ мы видѣли, была устроена ими коллегія, а въ петербургскихъ гостиныхъ появились аббаты Николи, Розавены, Гривели, Журданы, и во главѣ ихъ всталъ представитель изгнаннаго короля сардинскаго, графъ де-Местръ. Своимъ умомъ и тактомъ онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе и въ короткое время занялъ видное мѣсто въ петербургскомъ обществѣ. Большой балагуръ и любезный собесѣдникъ, де-Местръ былъ желаннымъ гостемъ и ежедневнымъ посѣтителемъ лучшихъ столичныхъ гостиныхъ. Одаренный замѣчательнымъ, хотя и парадоксальнымъ умомъ, начитанный и веселый, онъ говорилъ увлекательно и сильно. «Мысли свои, — говоритъ Васильчиковъ ¹⁾, — вполне чуждыя и вѣку и странѣ, въ которой онъ жилъ, излагалъ онъ крайне оригинально. Самая чужеземность этихъ мыслей была по вкусу нашему обществу, а стойкость убѣжденій сильно дѣйствовала на кичливыхъ слушателей, которыхъ де-Местръ съ своей стороны полюбилъ за гостепрѣимство и благодушіе. Успѣхи и вліяніе де-Местра въ гостиныхъ ими однако не ограничивались. Его стали зазывать въ свои кабинеты люди государственные и съ свойственнымъ русскимъ администраторамъ чистосердечіемъ, не стѣсняясь, открывали ему государственныя тайны, повѣряли ему всю неурядицу внутренняго строя и съ благодарностью принимали его совѣты».

Де-Местръ скоро увидѣлъ, что верхніе слои общества безсильны противународнымъ и легкомысленнымъ (*frivole*) воспитаніемъ, и ихъ не трудно будетъ увлечь въ лоно римской церкви. Народъ, думалъ де-Местръ, послѣдуетъ примѣру высшаго общества, какъ нѣкогда принялъ крещеніе по примѣру бояръ. И вотъ возникла пропаганда способомъ наиболѣе пригоднымъ, т. е. черезъ женщинъ. Знатныя дамы съ увлеченіемъ читали Массильона, Бурдалу и услужливыми

¹⁾ „Семейство Рааумовскихъ“. Т. II, 69.

аббатами приготовлялись къ принятію католицизма ¹⁾. Въ гостиной у г. Свѣчиной или Головиной часто слышалась бесѣда графа де-Местра. То онъ ловко опровергалъ невѣріе, то насмѣхался надъ русскимъ духовенствомъ и какъ бы наивно спрашивалъ, отчего его никогда не видно въ русскихъ салонахъ. Въ своихъ шуткахъ графъ заходилъ иногда такъ далеко, что православное крещеніе, черезъ погруженіе ребенка, называлъ рыбьимъ (*la baptême poissonique*) ²⁾. Всѣ его слушали и восторгались. Если бы де-Местръ, — говоритъ Стурдза, — былъ Феншеломъ или Флери, то не имѣлъ бы успѣха, но, съ своимъ догматизмомъ, онъ шель какъ нельзя лучше и обращенія въ католичество были довольно часты. Голицыны, Протасовы, Головины, Куракина, Свѣчина и многіе другіе перешли въ латинство. Адмиралъ Чичаговъ, по своимъ близкимъ связямъ съ іезуитами и особенно съ де-Местромъ, питалъ надежду, что русская церковь въ близкомъ будущемъ присоединится къ римской, и изо всѣхъ силъ старался помочь іезуитамъ въ этомъ смѣломъ замыслѣ. Великосвѣтскія дамы открыто выражали свои симпатіи къ католичеству и между іезуитами искали себѣ руководителей ихъ совѣсти ³⁾. «Среди великосвѣтскихъ праздниковъ заканчивалось отпаденіе отъ православной вѣры, уже заранѣе отчужденныхъ отъ родины, отступницъ. На балахъ и раутахъ, — какъ свидѣтельствуешь Свѣчина, — прошептывали свои отреченія и лепетали первую свою латинскую исповѣдь новопросвѣщенные овцы іезуитскаго стада. Это было ново, заманчиво, романтично и рѣзко отличалось отъ безхитростныхъ приемовъ родной вѣры» ⁴⁾.

Полупросвѣщенная молодежь, воспитанная въ незнаніи роднаго вѣроисповѣданія, проповѣдывала безбожіе, клялась Вольтеромъ и Дидеро и въ лучшемъ случаѣ была индифферентна къ вопросамъ религіи. Шестнадцатилѣтній молодой человекъ говорилъ издателю «Друга Юношества» М. Невзорову, что его религіозно-нравственный журналъ годится только для стариковъ, «а старикамъ-де нынѣ не вѣкъ; ибо нынѣ во всѣхъ состояніяхъ блестятъ большею ча-

¹⁾ Записки Ф. Вигеля. „Русскій Архивъ“ 1891 г., № 8, 148.

²⁾ „Православное Обозрѣніе“ 1862 г. Т. VII, № 1, Замѣтки, стр. 29.

³⁾ Изъ записокъ графини Эделингъ. „Русскій Арх.“ 1887 г., № 2, стр. 200.

⁴⁾ Васильчиковъ. „Семейство Раумовскихъ“. Т. II, стр. 68.

стью молодые». Одна дѣвушка была увѣрена, что Невзоровъ принялся за свое изданіе потому только, что былъ несчастливъ въ любви. Были и такіе, которые говорили: «Максимъ Невзоровъ, писатель вздоръ» ¹⁾).

Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія было переведено съ французскаго на русскій много книгъ, распространявшихъ пренебреженіе къ религіи и отчасти къ православной. Тогдашняя благопристойность требовала, чтобы въ обществѣ не говорилось ничего о благочестіи даже и въ шутку ²⁾). Большинство бредило философами и, не понимая сути ихъ ученія, видѣло въ немъ одно отрицаніе религіи. Но съ однимъ отрицаніемъ челоуѣку жить трудно, и онъ инстинктивно ищетъ опоры, нравственной поддержки, которая и находитъ въ одной только религіи; она всегда съ нами, всегда примиряетъ насъ съ неравенствомъ судьбы, съ несправедливостями, часто встрѣчаемыми въ жизни, и даже раскаявшійся преступникъ только въ ней одной находитъ свой покой и утѣшеніе. Исторія прошлой жизни указываетъ, что невѣріе всегда влекло за собою безпорядки, тяжелые для общества, и часто ниспровергало могущественныя царства. Напротивъ, дни благоденствія народовъ были вмѣстѣ съ тѣмъ и днями торжества религіи. Вотъ отчего многіе изъ нашихъ отступниковъ инстинктивно ощущали внутреннюю потребность такъ или иначе удовлетворить религіозному чувству и въ этомъ отношеніи легко поддавались чужому вліянію. Россія представляла тогда картину самаго разнообразнаго религіознаго движенія, гдѣ представители разныхъ исповѣданій спорили за преобладаніе и приобрѣтеніе бѣльшаго числа послѣдователей.

Конечно, несправедливо было бы обвинять поголовно все образованное русское общество того времени въ безвѣріи и отступничествѣ. Были и тогда люди истинно религіозные, полезные семьѣ и преданные отечеству, но они жили особнякомъ, отдѣльною жизнью, не сходились съ атеистами и съ подражателями модныхъ идей ³⁾). Они строго исполняли завѣтъ родителей — чтить и хранить

¹⁾ „Другъ Юношества“ 1809 г., № 1.

²⁾ „Сіонскій Вѣстникъ“ 1816 г., февраль, стр. 212; 1817 г., ч. VI, октябрь, стр. 54 и 55.

³⁾ Для біографіи Сахарова. „Русскій Архивъ“ 1873 г., т. I, 902.

православную вѣру, т. е. ходить аккуратно въ церковь, исполнять ея уставы и обряды, не ѣсть въ посты скоромной пищи и проч. Ско- ваные одною наружною обрядностью церкви и лишенные возмож- ности познакомиться съ внутреннимъ содержаніемъ религіи, они нашли его въ мистицизмѣ и увлеклись его ученіемъ. «Исторія ми- стики показываетъ, что возникновеніе послѣдней всегда было вы- звано тѣмъ состояніемъ, въ какомъ находилась господствующая церковь. Мистика развивалась обыкновенно какъ противоѣдѣствіе формализму и разсудочной теологіи. Духъ вѣрующаго, стѣсненный внѣшностью культа и оцѣпенѣлой догматикой, стремился освобо- диться отъ того и другаго, и находилъ свое освобожденіе въ чи- стой, внутренней, духовной религіозности: онъ погружался въ ми- стическое созерцаніе ¹⁾).

Одно наше духовенство могло поставить это созерцаніе въ рамки православія, но, какъ увидимъ, оно отличалось бездѣятель- ностью и полною терпимостью ко всѣмъ ученіямъ ²⁾). Терпимость благоразумна, но если она переходитъ въ полное равнодушіе, то служить доказательствомъ презрѣнія къ собственному исповѣданію, всегда гибельнаго для власти и общества.

«Правда, — писалъ В. Н. Каразинъ ³⁾), — есть у насъ церкви, такъ какъ есть театры, есть и духовенство, яко особый класъ лю- дей. Но все это, признаемъ, держится у насъ не иначе, какъ старинный обычай изъ уваженія къ предрассудкамъ черни, — *c'est toujours un frein pour le peuple* — говорятъ министры, я разумѣю европейскіе вообще, ни мало не указывая ни на чье лицо въ Россіи...

«Но въ Россіи многіе начали думать, будто Святѣйшій Св- нодъ для того только существуетъ, чтобы дѣлать опредѣленія о скуфьяхъ и разбирать обстоятельства брачныхъ разводовъ. Впро- чемъ, не могу винить мыслящихъ такимъ образомъ, вспоминая смѣшныя анекдоты, разносимые молвою о дѣлахъ, которыя-де со-

¹⁾ А. Галаховъ. „Исторія русской словесности древней и новой“, изд. 1880 г., т. II. стр. 163.

²⁾ Записки Роммеля. „Южный Сборникъ“ 1859 г., № 10, стр. 47.

³⁾ Во всеподданѣйшей запискѣ, поданной императору Александру I въ ноябрѣ 1806 года.

ставляють большею частію упражненіе сего почтеннаго мѣста¹⁾; мѣста, коего назначеніе есть блюсти надъ нравственнымъ состояніемъ сорока милліоновъ народа, управлять христіанскимъ его просвѣщеніемъ или паче воспитаніемъ. Такое попеченіе, составляющее должностъ многочисленнаго класса людей, непрестанно обращающагося съ народомъ, если бы оно надлежащимъ образомъ было управляемо, для благосостоянія общества, безъ сомнѣнія, должно быть дѣйствительнѣе полиціи. Просвѣщеніе одного ума, или обыкновенное наше, такъ называемое просвѣщеніе, облегчаетъ только способы, надумляетъ только уклоняться отъ строгости законовъ, изостривъ между тѣмъ страсти и открывъ имъ пространнѣйшее поле.

«Предоставляя духовенству самому говорить за себя, оплакивать свое незаслуженное уничтоженіе, которое рѣшительно ведетъ къ уничтоженію проповѣдуемыхъ имъ истинъ, прибавлю здѣсь только, что въ Россіи пренебреженіе всего отечественнаго вообще, соединяясь съ пренебреженіемъ религіи, еще усилили сіе послѣднее».

Жившему особнякомъ, въ крайней бѣдности и притомъ почти неграмотному сельскому духовенству было не подъ силу бороться съ учителями Запада, и потому оно не могло оказывать никакого вліянія на дворянство, а среди болѣе образованнаго чернаго духовенства было много такихъ лицъ, которыя слѣдовали общему европейскому теченію и, какъ увидимъ, сами увлекались мистицизмомъ.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Когда назначенный въ 1803 году оберъ-прокуроромъ Св. Синода князь А. Н. Голицынъ пришелъ первый разъ въ засѣданіе, то слушались такія дѣла, „которыя во всякомъ случаѣ могли служить богатою конвою для самой соблазнительной хроникки. На тотъ разъ предложены были процессы о прелюбодѣвіяхъ во всѣхъ ихъ подробностяхъ“.—(Разказы кн. А. Н. Голицына, „Русская Старина“ 1884 г. № 1, стр. 127).

АВТОБІОГРАФІЯ

Юрьевскаго архимандрита Фотія.

Книга вторая.

ПОВѢСТВОВАНІЕ священно-архимандрита отца Фотія

ГЛАВА II ').

Искушеніе Иннокентія и его изгнаніе изъ столицы за истину, болѣзнь и смерть его.—Путешествіе о. Фотія по озеро Ладого во св. Коневскую обитель.—Обычай чухонъ и шведовъ, и нечистота какъ вловѣрныхъ, такъ и между пни вѣрныхъ испортившихся.—Пребываніе въ обители Коневской.—О аввѣ Никонѣ, игуменѣ бывшемъ Отенскомъ и Коневскомъ.—О аввѣ Иларіонѣ, строителѣ Коневскомъ.—О благочиніи церковномъ.—О пѣвнн столповомъ церковномъ.—О неуспѣшномъ моленіи и синодикахъ.—О трапезѣ общей и общежитіи.—Вообще объ обители сей Коневской.—О прельщенномъ старцѣ.—Обратное путешествіе изъ обители Коневской въ С.-Петербургъ.—О умноженіи всакихъ отраслей вловѣрія, нечестія, беззаконія въ С.-Петербургѣ и всей Россіи.—О сектѣ подъ властію Лабзина.—О лицахъ духовныхъ бывшихъ въ сектѣ Лабзина.—Въ секту Лабзина были принимаемы богатые, ученые и знатные.—Благоволеніе императоръ имѣлъ Лабзину по содѣйствію князя Голицына.—О изданіи книгъ еретическихъ и нечестивыхъ подъ руководствомъ Лабзина и иныхъ того же духа.—Вредность въ книгахъ болѣе сокровенна есть.—Вредность нечестивыхъ книгъ четырехъ родовъ.—О сектѣ подъ вліяніемъ Р Кошелева.—О библейскомъ обществѣ.—Переводъ библіи, мѣсто собранія и лица отступленіе отъ истины въ переводѣ Евангелія.—О вліяніи методистовъ на ученіе православія и иныхъ въ превращеніи.—Роды сектъ новыхъ въ Санкт-Петербургѣ.—О сектѣ Г. Татариновой въ С.-Петербургѣ.—О Хвостовой.—Резвость и ученіе отца Фотія противу ученія и секты Лабзина и прочихъ.—Способы, какъ тайныя беззаконія были раскрываемы отцу Фотію.—Благоволеніе боярыни дѣйст. тайн. совѣтницы Дарьи Державиной, супруга славнаго ученаго стихотворца Державина.

ЛѢТО 1819-е.

Почему вскорѣ послѣдовало искушеніе веліе на праведнаго мужа Иннокентія, исповѣдника Христова. Нѣкто Евстафій Станевичъ сочинилъ книгу подъ названіемъ: «Бесѣда надъ гробомъ младенца». Въ ней между прочимъ обличилъ заблужденія, разсѣяныя въ книгахъ еретическихъ и противу книги подъ названіемъ: «Божественная и Христіанская Философія»¹⁾, нѣкое обличеніе написалъ, огласивъ, что оныхъ книгъ ученіе есть—языкъ зміевъ на вредъ святой церкви и всякой власти

¹⁾ См. „Русскую Старину“ июль 1894 г.

²⁾ Соч. Дю-Туа. Книга была издана на счетъ государя или кн. Голицына.

оня книги всё весьма нечестивы. Иннокентій цензороваль книгу сію; и издана была въ печать оная книга; лишь нѣсколько экземпляровъ было переплетено, нѣкіимъ были розданы, въ томъ числѣ и Фотію была прислана. Тайныя общества сильно возстали на Иннокентія, яко врага явнаго ихъ всѣхъ злодѣйскихъ обществъ. Министерство духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, въ одномъ лицѣ совмѣщаемое, исполнено было людей нечестивѣйшихъ, агентовъ нечестія; положено изгнать при семъ случаѣ Иннокентія. Доложено было императору, что Иннокентій противу благочестія сочиненіе новое пропустилъ. Неправда взяла верхъ правды; книги отобраны; Иннокентій осужденъ, яко злодѣй¹⁾. Другъ Иннокентія, бывшій всегда Филаретъ, между прочимъ ходя въ лаврѣ, Иннокентію сказалъ, что будто книга есть противу сѣмвола вѣры; тогда отецъ сказалъ: «ахъ, Филаретъ, ужели я сѣмвола вѣры не знаю?» Филаретъ же, врагамъ вѣры и церкви угождая напрасно, единъ дерзнулъ осудить Иннокентія²⁾; его судъ былъ принятъ. Михаилъ же митрополитъ, прочитавъ книгу, не нашель особаго противнаго ничего, молчалъ и дивился искушенію, нападшему на Иннокентія; любилъ онъ Иннокентія, жалѣлъ о немъ при семъ случаѣ. Иннокентій Фотію сказывалъ самъ, что Филаретъ при разсматриваніи книги изданной, призвавъ Иннокентія, говорилъ ему, что написано въ книгѣ противу сѣмвола вѣры; а Иннокентій на сіе Филарету отвѣчалъ: «преосвященный, неужели я сѣмвола вѣры не знаю»³⁾.

¹⁾ Архимандриту Иннокентію, какъ цензору, былъ сдѣланъ Высочайшій выговоръ.

²⁾ Трудно сказать, о какомъ судѣ Филарета говорится здѣсь. Очень можетъ быть, что Фотій имѣеть здѣсь въ виду дурной отзывъ о книгѣ Станевича, сдѣланный Филаретомъ („Прав. Обзор.“ 1868 г. Августъ. Сушковъ. Записки о жизни Филарета, 111—115). Съ точки зрѣнія выполненія своихъ полемическихъ противомстическихъ задачъ книга Станевича не находила себѣ одобренія даже въ той средѣ, изъ которой она вышла. А. С. Стурдза книгу Станевича называетъ хотя и благонамѣренною, но несладкою („Русская Старина“ 1876 г. Февраль). Такой же отзывъ о ней сдѣлалъ и Филаретъ черниговскій („Обзоръ русск. дух. литературы“ кн. II).

³⁾ Самъ же Филаретъ въ своихъ воспоминаніяхъ въ слѣдующемъ видѣ излагаетъ судьбу, постигшую книгу Станевича и ея цензора. „Въ 1818 году, рассказываетъ онъ, была представлена въ цензуру книга Станевича: „Бесѣда на гробѣ младенца“. Въ ней заключалось много выражений, оскорбительныхъ для преержащей власти и вообще для духа правленія того времени. Иннокентій былъ цензоромъ этой книги и лежалъ больной, а потому не обратилъ должнаго вниманія на тетради, которыя постепенно посылалъ ему Станевичъ. Черезъ нѣсколько дней книга явилась въ свѣтъ и пропавела много шума. Въ тотъ самый день, когда я получилъ ее отъ автора, князь Голицынъ потребовалъ меня къ себѣ и съ негодованіемъ показалъ мнѣ экземпляръ этой книги, весь исчерченный замѣтками; какъ видно, кто-нибудь заблаговременно постарался поднести ему такой экземпляръ. „Знаете ли вы эту книгу?“ спросилъ меня князь, она исполнена непріязненныхъ мнѣній, и я хочу доложить объ

Вотъ до чего другъ его Филаретъ, изъ угожденія челоуѣкамъ, доходилъ ¹⁾ въ обвиненіи Иннокентія за книгу, кою онъ цензоровалъ по обычаю. Императоръ Александръ, бывъ приведенъ въ неудовольствіе на Иннокентія чрезъ министра духовныхъ дѣлъ князя Голицына, вскорѣ повелѣлъ удалить Иннокентія, т. е. послать, яко преступника, изъ столицы на епархію послѣднѣйшую—въ Оренбургъ ²⁾.

ней государю. Какъ могъ Иннокентій пропустить ее?" Я старался извинить моего товарища предъ княземъ его нездоровьемъ и просилъ удержаться отъ доклада государю для того, чтобы мнѣ дать время просмотрѣть ее и исправить погрѣшности, перепечатавъ листы. Съ трудомъ согласился на это князь, потому что онъ сильно былъ предубѣжденъ. Дѣйствительно, я самъ изумился тому, что нашелъ въ этой книгѣ, и поспѣшилъ къ Иннокентію. Онъ отвѣтилъ мнѣ коротко, что готовъ претерпѣть за правду всякое гоненіе. Я пошелъ къ митрополиту просить его, чтобы онъ какъ-нибудь помогъ этому дѣлу. Митрополитъ оставилъ у себя книгу и два дня не раскрывалъ ее; на третій день я опять пришелъ къ нему и почти насильно заставилъ выслушать нѣкоторые отрывки. Митрополитъ осуждалъ почти каждое слово. Я же сказалъ ему: оставимъ то, что безтолково, исправимъ только то, что можетъ принести намъ вредъ... Митрополитъ опять оставилъ у себя книгу, и прошла еще недѣля, а между тѣмъ князь Голицынъ доложилъ государю и въ праздникъ Богоявленія объявилъ назначеніе архимандрита Иннокентія, во уваженіе его заслугъ, епископомъ Оренбургскимъ". (Сушковъ, Записки о жизни м. Филарета, 110—111. „Прав. Обозрѣніе“ 1868 г. № 8, 524—525).

¹⁾ Фотій настойчиво проводитъ мысль объ участіи Филарета въ паденіи Иннокентія. П. И. Мельниковъ также рѣшительно высказывается въ пользу участія Филарета въ удаленіи изъ столицы Иннокентія, какъ своего опаснаго соперника („Русскій Архивъ“ 1873 г. кн. 11, 1442, въ примѣчаніи); Бодянской колеблется признать Филарета врагомъ Иннокентія, но и не высказывается въ пользу перваго (Письма Иннокентія къ кн. Мещерской, предисловіе I—III, М. 1875 г.). Только пресвященный Филаретъ, архіепскопъ черниговскій, отрицаетъ участіе Филарета Дроздова въ удаленіи Иннокентія изъ Петербурга. (Иннокентій, еп. певзевскій, стр. 115, въ примѣчаніи). Несомнѣнно извѣстно, что между архимандритомъ Иннокентіемъ, ректоромъ С.-Петербургской академіи, поддерживались искреннія и вполне дружественныя отношенія („Русская Старина“, 1883 г., апрѣль, т. XXXVIII, 45—54). О своихъ сердечно-дружественныхъ отношеніяхъ къ Иннокентію Филаретъ сообщалъ и своимъ роднымъ. („Письма м. Филарета къ роднымъ“. 186, 191). Но все-таки многіе современники, даже до того времени почитатели Филарета (папирмѣръ княгиня С. С. Мещерская), и тѣ обвиняли его въ недоброжелательствѣ къ Иннокентію. Даже самъ Иннокентій сталъ недовѣрчиво относиться къ Филарету. (Иннокентій, еп. певзевскій, стр. 115—116).

²⁾ Раздраженіе князя Голицына противъ Иннокентія такъ было сильно, что онъ одновременно съ Высочайшимъ выговоромъ выхлопоталъ у государя повелѣніе о назначеніи его епископомъ въ отдаленнѣйшій городъ Оренбургъ. При чемъ князь Голицынъ не соблюлъ даже законныхъ формальностей: это назначеніе состоялось безъ всякаго суподальнаго набранія, вопреки установленнымъ церковнымъ порядкамъ. Кромѣ своей отдаленности, Оренбургская епархія, какъ епархія недавно открытая (въ 1799 году), не отличалась благоустройствомъ. Иннокентій, еп. певзевскій, 112—113.

Княгиня Софія Мещерская, жена благочестивая, мудрая, любила Иннокентія за святость житія его; имѣлъ къ ней императоръ Александръ вниманіе и благоволеніе великое за ея истину и мудрость; часто къ ней приходилъ на бесѣду духовную, какъ царь мудрый, праведникъ, дабы чрезъ то извлекать о духовенствѣ и происшествіяхъ по духовной части нужное нѣчто. Княгиня, яко мудрая женщина, не могла ничего инаго бесѣдовать, какъ достойное царя и Богу угодное, при случаѣ внушила объ Иннокентіи императору, что онъ невинно изгоняется. Потребованъ Михаилъ къ императору, коему онъ, яко святитель и учитель истины, объявляетъ невинность Иннокентія, гоненіе воздвигнутое отъ людей нечестивыхъ, тайныхъ враговъ церкви Христовой и законной власти. А посему Высочайше повелѣно Иннокентія посвятить во епископа вмѣсто Оренбурга въ Пензу и Саратовъ. Почему вскорѣ Иннокентій былъ посвященъ во епископа, отправился на епархію въ великомъ посту по худой дорогѣ; и на пути въ Москву онъ заболѣлъ. Въ Москвѣ онъ впалъ въ тяжкую болѣзнь. Духовныя лица, пастыри и учителя, всѣ оставили Иннокентія страдать; утѣшенія ему никакого не подавали. Въ сіе время свѣтлая родомъ и житіемъ, графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, дѣвица лѣтъ 35 отъ чрева матери, Богомъ призванная и избранная въ честь, славная чистотою и милостію, услышавъ объ Иннокентіи страждущемъ, пріѣхала посѣтить его; видѣвъ его въ ѹбожествѣ безъ прирѣнія, сжалилась надъ нимъ, яко челоувѣкомъ Божиимъ. Дѣвица Божія приложила все попеченіе ему доставить облегченіе и утѣшеніе. Все нужное въ изобиліи ему доставляла. Когда же пришелъ въ состояніе Иннокентій ѣхать на престолъ своя паствы,—дѣвица сія—ангелъ во плоти Господень, всѣмъ его снабдила, людей дала ему на путь и врача, и пріѣхалъ святитель Божій въ паству свою въ городъ Пензу, гдѣ срѣтеніе ему было сдѣлано, яко исповѣднику вѣры Христовы¹⁾.

Фотій скорбѣлъ много и непрестанно объ Иннокентіи, что сей свѣтильникъ сдвинуть съ своего мѣста и сокрыть отъ врага подъ спудомъ. удалевъ изъ столицы вмѣсто ссылки въ дальнюю паству, и нѣтъ болѣе въ царственномъ градѣ челоувѣка²⁾, который бы возмогъ пли восхотѣлъ по пути его свѣтлому идти, и брань имѣть со врагами церкви и вѣры Христовой. Скорбѣлъ Фотій и жалѣлъ вельми сердцемъ; но не зналъ,

¹⁾ Прибылъ въ Пензу 21 іюня 1819 года, а скончался 10 октября того же года.

²⁾ Вскорѣ послѣ выѣзда Иннокентія изъ Петербурга, Фотій написалъ ему въ Пензу письмо, въ которомъ, сильно скорбя о разлукѣ съ дорогимъ учителемъ, въ то же время паливалъ свое негодованіе противъ мистиковъ. Иннокентій счелъ нужнымъ поуѣрить пылъ своего ученика и въ письмѣ къ Фотію совѣтовалъ ему не вдаваться въ пренія, а умирить самого себя, свои чувства. („Русскій Архивъ“, 1868 г. 944—945).

что во утѣшеніе души своя дѣлать, гдѣ и отъ кого искать отрады въ горести сердца своего. Казалось ему, врагъ верхъ взялъ надъ всѣми; ему сѣть готовилъ вскорѣ, да и онъ, уловленъ бывъ въ нее, изгнанъ будетъ или явно или лестію удаленъ изъ Питера. Имѣя же въ уединеніи своемъ въ мірѣ Единого Бога Создателя себѣ отраду, утѣшеніе и на будущее время крѣпкое упованіе, помощника, заступника и вседѣтеля въ словѣ и дѣлѣ за церковь и вѣру, не токмо сердцемъ не уклонился онъ отъ ревности за слово и дѣло православія во дни сея скорби, но болѣе и болѣе возгарался, какъ бы, гдѣ, чрезъ кого дѣйствовать и чѣмъ на созиданіе ближнихъ—духовныхъ и мірскихъ и во славу Христа Бога. Въ оное время митрополитъ Михаилъ отправляться хотѣлъ въ сѣверный край своя паствы въ Финляндію и общалъ съ собою Фотія взяты, пришедшаго проситься для посѣщенія пустыни Коневскія, славныя во время оно благочестіемъ, сущія на водахъ Ладожскихъ, на островѣ; но не исполнилъ своего слова, боялся, можетъ быть, молвы мірской; онъ хотя любилъ Фотія, но отклоняя свое намѣреніе, далъ ему паспортъ на нѣсколько дней посѣтитъ обитель Коневскую. 5-го іюня съ Богомъ онъ, взявъ солдата своего, коего имѣлъ отъ команды для келейной прислуги, единъ край хлѣба малъ, отправился къ вечеру въ путь, шель опираясь на палку, бывъ облеченъ въ убогое иноческое одѣяніе; ибо онъ не имѣлъ многого, а ветхое единое и другое получше для приличія ко времени на службу Божію одѣяніе имѣлъ. Отшедъ около двадесяти верстъ, имѣлъ ночлегъ въ селеніи бѣдномъ, гдѣ ему ѣсть вовсе нечего было. Фотій не хотѣлъ требовать, желая тѣло свое трудомъ путнымъ и постомъ удручить, и любя весьма постное и воздержное житіе. Поутру рано онъ въ путь пошелъ паки, идя по дорогѣ, гдѣ не было ни единого селенія православнаго; при ней селенія были кое-гдѣ вдали отъ дороги, но оныя населяли люди-крестьяне лютеранскаго зловѣрія, кои видомъ своимъ и безобразіемъ свое неблагочестіе являли. Люди простые, которые во срѣтеніе ему попадались, въ постные дни ѣли мясо; по пути, яко невѣрные, то табакъ иные курили, а иные обычаи другіе являли несвойственные вѣрнымъ. Не видѣлъ Фотій никого, чтобы, по обычаю православныхъ, предъ нимъ духовнымъ челоуѣкомъ и другъ предъ другомъ кто поклонъ сотворилъ, или благословеніе пріялъ, или кое-либо благоговѣніе собою явилъ. Ему казалось, что предъ православными русскими крестьянами и крестьянками сіи иновѣрцы-чухны, колонисты и другіе шведы совѣмъ на людей непохожи душею и нравомъ, а однимъ видомъ тѣлеснымъ казались челоуѣки. Отъ нихъ духъ ему казался противенъ: видъ ихъ неисполненъ любви, гостепрїимства и страннолюбія въ нихъ не было. Шель Фотій по пути почти безъ отдыха весь день и дошелъ къ вечеру поздно до селенія единого, гдѣ хижины убогія, весьма нечистыя, неопрятныя стояли, и называлось то селеніе почтовое мѣсто, гдѣ коней пере-

мѣняютъ вѣдушіе. Здѣсь единъ былъ домъ, гдѣ жило семейство православныхъ; въ немъ съ своимъ сопутникомъ старикомъ Фотіемъ почилъ отъ пути, не зная куда идти по пути къ обители Коневской. Нечистое, неопрятное обращеніе касательно ястія и питія, по обычаю иновѣрныхъ, въ семь домѣ не давало ему силы нужное вкусить и пить. Будучи всѣ, яко свиньи, нечисты душевно и тѣлесно, такъ ведутъ нечисто все, что въ которыхъ сосудахъ руки моютъ, помои льютъ, и скота изъ нихъ же поятъ, въ тѣхъ млеко приносятъ и прочее ястіе и питіе. Душа Фотія гнушалася сего нечистаго обычая, несвойственнаго вѣрнымъ. Рано поутру, узнавъ о пути, куда слѣдуетъ идти, рѣшился онъ идти въ путь ближній къ обители, а не по пути почтовому дальнѣйшему: восхотѣлъ чрезъ проселочные пути, болота и мхи, чрезъ лѣса великіе и горы идти, скорѣе желая достигнуть до обители. Здѣсь на пути онъ видѣлъ озеро на 30 верстѣ длины, называемое Ш у л а н д ы, которое не за долго предъ тѣмъ временемъ ушло изъ естественныхъ своихъ береговъ и много опустошенія надѣлало. Страшное дѣло и зрѣлище являло сіе озеро; перетѣхалъ онъ оно съ трудомъ близъ Нѣмецкой кирки. Не вѣдалъ Фотіемъ путей и языка людей сихъ вовсе не могъ разумѣть, а посему совратился съ пути, блуждалъ много до отчаянія по дебрямъ и лѣсамъ; и едва могъ обрѣсти старца, который могъ, пятнадцать верстѣ ведя его, довести за цѣну денежную на берегъ озера, гдѣ увидѣлъ онъ домъ рыбаковъ, на озерѣ и обитель Коневскую, и до крайняго изнеможенія уставъ, онъ вошелъ отдохнуть въ домъ рыбаковъ, а товарищъ, едва живъ будучи, упалъ на землю голую близъ рыбацкія хижинны. Въ домѣ хозяинъ и все семейство являли къ Фотію всякое уваженіе своею любовью, желали всѣмъ его утѣшить, просили, дабы онъ ѣлъ и пилъ. Прислуживала же ему дѣвица, яко лѣтъ двадцати, простая, но благо-разумная и благочестивая; а паче всего, какъ ему показалось, весьма сердобольна она была и желала ему услужить. Видя Фотіемъ едва дышащаго отъ блужданія по лѣсамъ, утомленнаго, упросила горячаго питія принять, и онъ отъ рукъ ея принялъ; испилъ, почувствовалъ такую сладость отъ онаго, что казалось, во всю жизнь дотолѣ тоже питіе ему никогда не бывало такъ сладко и пріятно. Воспріявъ скорѣе потомъ оживленіе въ тѣлѣ и веселіе въ сердцѣ, просилъ какъ-нибудь подкрѣпить силы чѣмъ-нибудь стараго своего товарища слуги; Богъ помогъ и того подкрѣпить пріятіемъ вина; воды же не давали, дабы отъ нея не получить ему недуга въ жару. Старцу же проводнику въ нѣсколько кратъ воздалъ Фотіемъ плату и koliko радъ былъ Фотіемъ, что не погибъ въ блужденіи по неизвѣстнымъ мѣстамъ; толко иновѣрецъ проводникъ радъ былъ дару многому отъ него, яко бѣденъ человекъ. Наконецъ, нужно было, какъ уже къ вечеру былъ день, переплыть въ обитель, но никто не хотѣлъ ни за какія деньги везти его, по недосугамъ своимъ; а посему дѣвица, при-

служивавшая ему, едина чрезъ большое разстояніе, несмотря на вѣтръ и волненіе водное, яко версть седмь восхотѣла въ обитель его съ товарищемъ перевезти за озеро. Итакъ въ старую и малую ладью сѣли они и дѣвица двумя веслами гребла и вмѣстѣ правила, продолжая плыть по водамъ, отъ волненія вода многократно наливалась въ ладью: какъ это было ему плаваніе не обычно и состояніе весьма его сокрушало. Хотя довольно ей было перевозить Фотія трудно, но оная дѣвица добрѣ съ Богомъ его доставила на берегъ; Фотій втрое ей вмѣсто цѣны договоренной за перевозъ заплатилъ и поклонился, за трудъ благодаря ее. Вышедъ же на берегъ шелъ ко вратамъ св. обители, радуясь и веселяся духомъ, крестился, взирая на блестящіе верхи и кресты св. церкви и обители, бѣлизну зданій и прекрасный видъ собою съ озера представляющихъ.

Обитель святая Коневская во имя Рождества Богородицы стоитъ на возвышенномъ сухомъ мѣстѣ; отъ берега озера до вратъ ея постепенно возвышенное мѣсто на скать, сухое, песчаное. Видъ съ прихода къ обители прекрасенъ; и мнѣ казалось, повѣдалъ отецъ Фотій, яко на небесахъ оная, а не на землѣ; идя я помышлялъ, что иду какъ бы въ обитель небесную; радость разливалась по всѣмъ моимъ составамъ, и слезы отъ умиленія у меня на очахъ были; прихожу къ обители и вопроесть желаю у старца, дома ли настоятель отецъ строитель Иларіонъ? Старець поспѣшно исходитъ изъ вратъ обители, подходитъ и благословляется съ отцемъ Фотіемъ. На вопросъ его о строителѣ отвѣщаетъ, что дома его нѣтъ въ кельи, а онъ на работахъ и вскорѣ имѣеть быть. Старець сей кроткій и любовный пустынножитель приглашаетъ его къ себѣ въ келью съ пути для отдыха. Кто же сей отъ трудовъ посѣдѣвшій мужъ былъ? Любый страннолюбіе отецъ казначей Никонъ, который былъ послѣ игуменомъ близъ Великаго Нова-града въ обители, нарицаемой О т е н с к о й, и паки былъ игуменомъ въ прежней своей обители Коневской: въ 1832 году, по преклонности лѣтъ своихъ, удалился отъ должности, переселился на время отъ скорбей пожить въ Новѣ-градѣ въ обители святаго великомученика Георгія въ Юрьевъ монастырь; а въ 1833 году навсегда переселился опять на островъ Коневецъ на покой, старъ будучи довольно.

Родомъ онъ изъ купечества; былъ на Валаамѣ сперва, живя съ старцами подвижными; отъ тѣхъ онъ наученъ былъ житію и всякому послушанію иноческому. Послушаніе имѣлъ служить больнымъ старцамъ и отпирать ихъ ко Господу. Здѣсь великое онъ терпѣніе имѣлъ, равно и попеченіе оказалъ; отсюда переселился на островъ Коневецъ, гдѣ какъ церковное, такъ и прочее зданіе все было ветхое и безпорядочное: вся обитель была въ запустѣніи. Содѣлавшись авва Никонъ казначеемъ, а Иларіонъ строителемъ, трудились вмѣстѣ для обители день и ночь:

Иларіонъ въ обители исправлялъ дѣла, а Никонъ внѣ обители собиралъ все нужное отвсюду на возобновленіе и устроеніе обители церквей, и на всѣ потребности приобрѣталъ. Человѣкъ сей старецъ безкорыстный, любитель монашества и благолѣпія церковнаго, жизни воздержной, Богу содѣйствующу много пользы обители приобрѣлъ, былъ единственный сотрудникъ аввѣ Иларіону въ устроеніи обители Коневскія, житіемъ и благоустроеніемъ прославившіяся во дни оныя.

Пока бесѣда была со отцомъ Никономъ, явился самъ авва Иларіонъ, принялъ Фотія вселюбезно, яко знаемъ за друга ему и собрата, далъ ему для пребыванія келью, и указалъ прочее нужное имѣть. Видѣлъ его отецъ Фотій внѣ церкви просто ходяща въ бѣломъ одѣяніи и ремнемъ препоясаннаго; а въ церковь онъ входилъ въ черномъ одѣяніи, въ мантии. Монахи малаго образа, манатейные и простые, иные въ бѣлыхъ приходили, и надѣвши мантию входили въ церковь, а иные въ рясахъ, не имущіе мантий. Во всемъ онъ видѣлъ по обители изобиліе, нужное въ пустыни приличіе, простоту, чистоту; во всѣхъ братскую любовь, усердіе, страннولیбіе; у всѣхъ лица были постныя и благочестивыя; по образу настоящаго одежды, то-есть, хитона не видѣлъ, а всѣ въ извращенныхъ рубищахъ, кафтанахъ и прочихъ.

Пріятнѣе всего было видѣть въ первый самый разъ въ жизни своей въ обители Коневской великое безмолвіе, тишину, порядокъ во всемъ по церкви и благочестіе въ братіи. Всѣ входили въ мантияхъ малосхимники, а простые въ рясахъ, сотворяли поклоны при входѣ посреди церкви, и метаніе творили другъ другу на десную и шуюю сторону; одни становились на клиросы для пѣнія, а другіе старцы по мѣстамъ своимъ въ церкви; чтеніе, каждевіе, пѣніе и все церковное служеніе совершали съ великимъ благоговѣніемъ, такъ, какъ доселѣ не видалъ отецъ Фотій нигдѣ подобнаго чина обители.

Отцу Фотію, какъ удивительно, такъ и пріятно весьма было слышать въ первый разъ въ жизни своей пѣніе древнее церковное, называемое столповое или знаменное. Оно совершенно его изъ чувства въ чувство благоговѣнія приводило: стоя въ церкви и послушая пѣнія сего, мнилъ онъ быти на небеси; церковь во время служенія ему небомъ казалась; радовался онъ, что Богъ сподобилъ его достигнуть до святой сей обители. Пѣніемъ же правилъ неученый старикъ Никонъ, стоя и поя на первомъ мѣстѣ.

Сверхъ службъ церковныхъ въ оное время совершалось неусыпное моленіе; день и ночь читалась псалтирь на гласъ отъ нѣсколькихъ братьевъ; для испытанія онъ приходилъ въ полночи назирать, совершается ли точно, и всегда видѣлъ исправнымъ чинъ неусыпнаго моленія въ церкви; помянники на ономъ за усопшихъ завѣщавшихъ благодѣтелей, и христіанахъ, и братіяхъ сей обители были въ свое время прочиты-

*

ваемы. Сіе ему весьма было сладко видѣть, яко дѣло истинно иноческое, пустынь приличное, Богу пріятное, и по примѣру св. отецъ и преданіямъ составленное и заведенное.

Въ пустынной сей обители житіе всѣхъ было общее ¹⁾, по примѣру святыхъ отецъ, по уставу обители, написанному отъ Иларіона строителя, гдѣ было у всѣхъ все общее: одѣяніе, пища, служба, трудъ, умъ, сердце и душа, и все было едино и общее. Утѣшительно было видѣть предивное безмолвіе и благоговѣніе на трапезѣ всѣхъ братій; трапеза же была простая, достаточная, пріятная; излишняго не было ни въ чемъ; все было дѣлаемо съ благочиніемъ. Всякъ, начиная ясти каждую пищу, прежде себя знаменовалъ знаменіемъ креста, потомъ начиналъ ясти и пити; братъ же единъ чередный производилъ на гласъ умиленно чтеніе Житій Святыхъ. Предъ трапезою и послѣ обычныхъ молитвъ были благодарныя. Все по подобію святыхъ отецъ и обителей ихъ въ обители сей онъ находилъ исправляемо въ первый разъ житія своего, и посему на него великое имѣло вліяніе.

Былъ также въ скитѣ ²⁾ во время храмоваго праздника Казанскія Богородицы; такъ же на Змѣиной горѣ, у камня коня ³⁾, въ пустынкахъ, хижинахъ; ходилъ по лѣсамъ, по берегу озера, на рыбной ловлѣ; ходилъ по кельямъ братій, по всѣмъ заведеніямъ въ обители, постѣпалъ боголюбивыхъ старцевъ, особенно имѣлъ словесное назиданіе отъ духовника обители старца. По всѣмъ частямъ видѣлъ порядокъ, устройство и благочиніе внутреннее и внѣшнее.

Въ оное время былъ старецъ въ обители изъ военныхъ людей. Слы-

¹⁾ Возобновитель и устроитель Коневскаго монастыря о. Иларіонъ, которому всецѣло обявана своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ благоустройствомъ обитель, составилъ особый общежительный уставъ для Коневскаго монастыря, изданный въ 1824 году. Кромѣ того онъ оставилъ въ руководство своимъ инокамъ цѣлый рядъ сочиненій о монашеской жизни—напр. «Взаимныя обязанности общаго монашескаго житія» (напечатано въ 1816 году), «Полезное напоминаніе иноку въ началѣ его подвиговъ» (напечатано въ 1822 году) и др. Въ Коневской обители, благодаря трудамъ отца Иларіона, находили себѣ примѣненіе всѣ три вида монашества—общежитіе, скитство и пустынножителство. Истор. стат. свѣдѣнія о Спб. епархіи, томъ I, отд. III, стр. 33—34.

²⁾ Въ одной верстѣ отъ обители.

³⁾ Конь—камень, находящійся на сѣверо-западной сторонѣ острова и въ полутора верстѣ отъ монастыря, получилъ такое названіе потому, что прибрежные жители, во времена язычества, перевозили на сей островъ свои стада для прокормленія и оставляли на немъ цѣлое лѣто безъ присмотра; осенью же, по возвращеніи скота, они оставляли одного коня на островѣ у камня въ жертву духамъ какъ бы за сохраненіе въ цѣлости всего ихъ скота, въ теченіе лѣта. Отъ этого камня—коня получилъ и самый островъ названіе Коневца. Въ 1815 году строитель Иларіонъ устроилъ на конѣ—камени деревянную часовню. Истор. стат. свѣдѣнія о Спб. епархіи, томъ I, отд. III, стр. 4, 49.

шалъ отецъ Фотій отъ настоятеля и отъ братіи, что уже много лѣтъ, какъ не приобщается онъ Святыхъ Таинъ, въ великой прелести бѣсовской находяся: видитъ нѣкія отъ бѣса видѣнія, вѣрить и учить, что бѣсовъ нѣтъ на свѣтѣ, а діаволы суть люди, что онъ самъ совершенно святъ; на исповѣдь не ходитъ и утверждаетъ, что ему нѣтъ надобности ходить. Священное же писаніе и книги отеческія очень знаетъ и читаетъ твердо наизусть. Когда встаетъ на колѣни, то простираетъ руки и весьма долго держитъ не упуская. Слышавъ все сіе восхотѣлъ видѣть онъ старца въ прелести. Оный старецъ Андрей никого не выпускалъ къ себѣ, окна имѣлъ совершенно закрыты, и дверь имѣлъ на заперти. Имѣлъ къ нему входъ и доступъ братъ обителя монахъ Зосима просфородѣлатель; съ симъ-то Зосимою тайно взошелъ Фотій въ келью, такъ какъ старецъ прельщенный слѣпъ былъ и глухъ тако, что едва-едва онъ могъ слышать самое громкое слово, реченное во уши его, и видѣлъ сего старца. Онъ такъ старъ казался, что почти ни одного волоса не было на головѣ: совершенно слѣпъ, и такъ же почти глухъ; блѣденъ какъ смерть, отъ поста совершенно иссохъ весь; кожа и кости однѣ были почти на немъ: просфоры въ недѣлю не могъ съѣдать, а прочаго ничего не ѣлъ; въ рѣчахъ былъ весьма гнѣвенъ, сварливъ, сквернословился всяко; грозилъ и билъ прислужника монаха, ежели что не по праву ему покажется: искалъ палки или инаго чего, дабы ударить его. Благословія онъ не бралъ ни у кого. Какъ узналъ онъ, что нѣкто посторонній пришелъ въ келью, то началъ говорить ему: не пришелъ ли ты увѣрять меня, что діаволы есть, и мука вѣчная есть? Послушай меня, ученый человекъ, нѣтъ діаволовъ и муки вѣчной нѣтъ; а діаволы люди. Тогда Фотій началъ ему говорить отъ писанія противу его, онъ же то грозилъ его бить и оцупью искалъ орудія ударить его; многократно онъ входя и сѣдя тайно, старался вразумить старца прельщенного, поколебалъ сердце его въ ожесточеніи, и онъ далъ слово исповѣдаться и Святыхъ Таинъ приобщиться. Но не дожидъ до того отецъ Фотій, чтобы очами видѣть исполненіе обѣщанія и покаяніе старца сего при послѣднихъ дняхъ жизни его. Слышалъ же, что послѣ предъ самою смертію имѣлъ онъ видѣніе ада, рая Божія, видѣніе бѣсовъ, а посему призывалъ отца духовнаго, исповѣдался, приобщился Святыхъ Таинъ и съ миромъ отшелъ ко Господу. Тако ему повѣдали самые его ближніе назиратели.

Пребывъ дней семь въ обители сей, напштавъ душу свою пищею благочестія, получилъ отецъ Фотій въ благословіе отъ обителя образъ Коневскія Пресвятыя Богородицы и службу Нерукотворенному образу Спасу. Съ пріятіемъ чего имѣлъ онъ въ сердцѣ своемъ желаніе, когда Господь сподобитъ, Спасу Нерукотворенному образу и Богородицѣ храмъ воздвигнуть, гдѣ будетъ самъ отцемъ обителя, и заведетъ обще-

житіе и чинъ весь благій. Отправилъ Фотія настоятель авва Иларіонъ чрезъ озеро въ малой ладѣ толь ветхой, что едва онъ не потонулъ. Часто наливалась до половины ладьи вода отъ волнъ и ветхости. Но Богомъ хранимый прецлѣлъ озеро и пустился въ путь; провождалъ же его чрезъ воды братъ обители Іаковъ, монахъ простой, который былъ послѣ имъ постриженъ въ Новѣ-градѣ въ Деревенцахъ, нареченъ Петръ былъ въ Юрьевѣ монастырѣ намѣстникомъ, послѣ игуменомъ въ Отенскомъ и Клопскомъ монастыряхъ, гдѣ и скончался отъ болѣзни холеры 17 сентября 1831 года.

Время было уже къ вечеру, какъ Фотій со старцемъ товарищемъ шелъ отъ озера въ путь: хотя имѣлъ отъ обители проводника юношу, но не зналъ пути и тотъ вѣрно, а посему едва также не заблудился по лѣсамъ вторично. Прибывъ на прежнее мѣсто селенія, пребылъ ночь покоясь, и принужденъ былъ нанять проводника до Санкт-Петербурга. На коняхъ доставили его съ Божіею помощію въ Санкт-Петербургъ, и прибылъ въ мѣсто своего жилища, весьма пользовался отъ странствованія во Святую обитель Коневскую. Никогда отселъ обитель сія не выходила изъ его ума, и онъ весьма желалъ многому научиться, что видѣлъ и слышалъ въ обители сей.

Вотъ первое его путешествіе для богомоленія въ обитель Коневскую; ибо онъ доселѣ отъ роду нигдѣ, викагда, ни въ какой обители не бывалъ для богомоленія. Сему странствованію было виною желаніе обрѣсти хотя нѣкое утѣшеніе по разлукѣ съ отцомъ и наставникомъ, святителемъ Иннокентіемъ.

Во время оно великую силу воспріали въ столицѣ Царской въ Санкт-Петербургѣ, въ Москвѣ, по главнымъ городамъ, мѣстамъ разныя зловредныя общества, тайныя и явныя. Русское царство наводняемо было весьма отъ потоковъ нечестія и зловѣрія. Было въ разныхъ мѣстахъ до тридцати главныхъ ложъ масонскихъ подъ разными именами¹⁾, но всѣ оныя общества и скопища бѣсовскія анти-Христовы были, прямо или косвенно, тайно или явно противу вѣры Христовой, Св. Церкви, противу благочестія христіанскаго, противу всякаго правительства и порядка гражданскаго. Сверхъ масонскихъ ложъ и обществъ, были разныя секты, расколы и скопища многія гнусныя и нечестивыя. Никто вниманія не обращалъ на потокъ невѣрія и нече-

¹⁾ Въ 1805 году съ высочайшаго соизволенія въ Петербургѣ открыта была масонская ложа „Пеликана“, которая скоро стала называться ложею Александра, коронованнаго къ Пеликану; въ 1809 году образовались двѣ ложи: „Елизаветы къ добродѣтели“ и „Петра къ истинѣ“; съ 1811 — по 1813 годъ явились новыя ложи: „Соединенныхъ друзей“, „Палестины“, „Издѣ“ и „Нешуна къ Надеждѣ“, „Петра къ истинѣ“ др. Подробности см. „Русская Старина“ 1877 г. томъ XVIII, 462—463—475.

стія явнаго: министръ г. Викторъ Кочубей ¹⁾ всёмъ споспѣшествовалъ. Свѣдѣнъ о семъ, но молчалъ; всѣ епархіальныя власти слышали и видѣли вредъ происходящій, но хладнокровные зрители всего были: не токмо не пресѣкали успѣховъ зловѣрія, но еще дружбу, хлѣбъ и соль имѣли съ начальниками тайныхъ обществъ нечестивыхъ, помышляя отъ того себѣ нѣкоторыя выгоды имѣть мірскія для достиженія чести и славы міра. Я не буду говорить здѣсь о сектѣ подъ названіемъ: братья свиньи ²⁾, гдѣ были ученые, даже врачи иностранныя, и скверною плотію себя мазали. Скажу о нѣкихъ, явно допускаемыхъ, скопищахъ безбожныхъ и нетерпимыхъ.

Боляринъ Лабзинъ, съ ученіемъ и смѣлостію имѣя дерзкій характеръ, имѣлъ скопище по ночамъ у себя, подъ видомъ чистаго ученія о вѣрѣ христіанской, но въ самой вещи множилъ одно невѣріе и нечестіе. Заключалась въ семъ обществѣ премудрость земная, бѣсовская: онъ, дѣйствуя открыто, подъ видомъ изъясненія Священнаго Писанія, дѣлалъ свои толкованія произвольно на оное, якоже отъ бѣса способъ былъ принимать, излеживалъ ядъ ученія отъ сердца своего всюду и отравлялъ сердца многихъ, подъ видомъ ученія вѣры Христовой давалъ ученія лжехристіанскія, и подъ видомъ умноженія духовныхъ книгъ для духовныхъ и мірскихъ людей, на русскомъ нарѣчій писалъ чисто, ясно, сочинялъ и переводилъ книги нечестиваго всякаго еретическаго ученія разнаго съ нѣмецкаго языка, французскаго и съ прочихъ нарѣчій, и печатію все издавалъ; выдумывалъ разныя чудеса новыя, ложныя, прославлялъ какъ Божественное дѣйствіе—магнетизмъ, сущее бѣсовское дѣло и упражненіе постыднѣйшее для христіанъ, а особенно людей просвѣщенныхъ. Всякими способами сей врагъ вѣры и благочестія пакости чинилъ Церкви и вѣрѣ православной, ученію истины, благочестію вѣрныхъ, и духъ прелести, ереси и заблужденія всеусильно вливалъ въ сердца неопытныхъ всѣхъ, и отвращалъ въ пути нечестія и святотатства. Его многіе называли: апостолъ и пророкъ сатанинъ ³⁾.

¹⁾ Министръ внутреннихъ дѣлъ.

²⁾ „Общество свиней“ такъ названо въ официальной бумагѣ с.-петербургскаго генералъ-губернатора графа Милорадовича въ 1824 году; одно общество, дѣйствія и цѣли котораго остаются для насъ совершенно неизвѣстными. Членами этого общества, какъ видно изъ подлиннаго дѣла о выслажѣ ихъ за границу, были французы-иноземцы и лишь одинъ русскій. Всѣ они отличались крайней безарравственностію, что впрочемъ не мѣшало имъ быть воспитателями дѣтей при домахъ нашихъ аристократовъ. „Русск. Старина“ 1881 г. Январь. „Русск. Старина“ 1881 г., томъ XXXI, 298 - 299.

³⁾ Какъ ни рѣзки обвиненія Фотія противъ Лабзина, но въ нихъ есть значительная доля истины. Нечего говорить о переводахъ мистическихъ книгъ, въ которыхъ заключалось много противоправославнаго и противохри-

Въ ересь его многіе были увлечены: книги, сочиненія его почти всѣ ученые читали съ удовольствіемъ, въ семинаріи выписывали, хвалили и превозносили его, яко учителя вѣры. Изъ челоуѣкоугодія или по заблужденію архіереи, ректоры, архимандриты, протоіереи и прочіе многіе изъ духовныхъ, князья, бояре, ученые потворствовали и желали имѣть, какъ бы нѣкую тайну, ученія и просвѣщенія отъ него; многіе, такъ сказать, въ Лабзинѣ ¹⁾ и его послѣдователяхъ искали обрѣсти Бога и святость всю, какъ бы того нигдѣ и не было, кромѣ его. Сему идолу-челоуѣку кланялось начальство Санкт-Петербургскія духовныя академіи, и Синодъ его чтилъ. Нѣкоторые въ общество его вступали и клятвы давали и принимали духа нечистаго, даже духовные; а нѣкоторые письменно себя причисляли; изъ каковыхъ былъ самъ ректоръ академіи духовной Филаретъ ²⁾. Изъ поступившихъ въ сонмъ бѣсовскій, земный извѣстны были во дни сіи: законоучитель перваго кадетскаго корпуса іеромонахъ Теофилъ; потомъ бывший при Одесскомъ лицѣ архимандритъ законоучителемъ, который тамъ ложу свою имѣлъ; законоучитель морскаго корпуса іеромонахъ Іовъ, который 1818-го года маія 7-го вступилъ, не могъ утѣиться долго, сряду лишился ума, всбѣсился, и по долговременномъ своемъ смущеніи былъ

стѣнскаго. Если взять одні статьи издававшагося Лабзинимъ „Сіонскаго Вѣстника“, то и въ нихъ найдется много противнаго православію. По статьямъ „Сіон. Вѣстника“, истинное христіанство состояло только въ полномъ отреченіи отъ себя и во внутреннемъ соединеніи сердца нашего со Христомъ, за православною церковію не признавалось значенія истинной церкви, она называлась церковію, подверженною заблужденіямъ; въ „Сіонскомъ Вѣстникѣ“ печатались статьи, въ которыхъ прямо отрицалось значеніе благодати Божіей, отвергались таинства крещенія, евхаристія и священство, отвергалось все внѣшнее богослуженіе, вѣчность мученій и под. Филаретъ черниговскій. Обзоръ русск. дух. литературы, т. II, изд. 2, стр. 448. Знаменскій. Чтенія по исторіи русской церкви въ царствованіе Александра I, стр. 160—165. Записка о крамолахъ враговъ Россіи. „Русскій Архивъ“, 1868 г., 1332—1337.

¹⁾ „Сіонскій Вѣстникъ“ встрѣченъ былъ на первый разъ съ большимъ сочувствіемъ со стороны самаго духовенства. Митрополитъ Амвросій далъ объ немъ хорошій отзывъ, архіереи стали выписывать его для своихъ епархій и духовныхъ училищъ. Архіепископъ рязанскій Теофилактъ разомъ подписался на тридцать экземпляровъ „Сіонскаго Вѣстника“. Знаменскій. Чтенія по исторіи русской церкви въ царствованіе Александра I, 150.

²⁾ Былъ періодъ въ жизни митрополита Филарета, когда и онъ нѣсколько увлеклся мистическими воззрѣніями своего времени, но конечно его мистическія увлеченія не доходили до крайнихъ предѣловъ. Любопытныя данныя, свидѣтельствующія о наклонности митрополита Филарета къ мистицизму, находятся въ дневникѣ квакера Гренъе, бывшаго въ Россіи въ 1818—1819 годахъ „Русская Старина“ 1874. Январь. Сушковъ. Записки о жизни митрополита Филарета, стр. 258. Приложение 104—105.

лишенъ монашества, священства; законоучитель и священникъ академіи художествъ Сперанскій; священникъ втораго кадетскаго корпуса Евенховъ и прочіе. О мірскихъ же я считаю за излишнее всѣхъ или многихъ писать: домъ секты и сборища былъ на Васильевскомъ островѣ, домъ купца Антонова былъ также мѣстомъ сборища.

Лабзинъ, врагъ вѣры Христовой, правительства всякаго, не всѣхъ въ свое общество принималъ, а богатыхъ, знатныхъ, ученыхъ и имѣющихъ какое-либо вліяніе къ умноженію злаго ученія новаго. Юныя дѣти лишь въ общественныхъ гдѣ-либо заведеніяхъ совершали свое ученіе и получали чины, то старался онъ ихъ уловить въ свои сѣти, отцы дѣтей своихъ прельщали. И тако поступали даже изъ учащихся у Фотія закову Божію его дѣти духовныя, которыя ему послѣ раскрыли тайны ученія секты Лабзина и другихъ. Самые первые купцы Кусовъ ¹⁾, Марбелевъ и другіе были въ масонскихъ сектахъ.

Прелестъ и лукавство общее послѣдователей ученію Лабзина достигали до того, что министръ духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія князь Александръ Николаевичъ Голицынъ былъ ему споспобникъ, отличія ему изъ рукъ царскихъ испрашивалъ, похвалы громкія, какъ нѣкому апостолу, царская рука писала въ рескриптахъ. Чему любящіе славу и честь міра дивились, Лабзина боялись, ему угождали, подражали и такъ сказать поклонялись идолу нечестивому и безумному Лабзину. Первые изъ архіереевъ и учителей духовныхъ юношей не смѣли устъ отворить для загражденія джц, когда Лабзинъ изблеывалъ на вѣру Христову и благочестіе явно въ домахъ духовныхъ, при собраніяхъ у митрополита Амвросія и Михаила ²⁾. Многіе дивились дерзости явной Лабзина и потворству духовныхъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“ 1878 года.

²⁾ Фотій ясно не представлялъ себѣ затруднительнаго положенія митрополита Михаила и потому впалъ въ ошибку, обвиняя его въ потворствѣ Лабзину и другимъ мистикамъ. Митрополитъ Михаилъ былъ кроткимъ и уступчивымъ въ своихъ личныхъ дѣлахъ, но онъ умѣлъ быть настырѣмъ твердымъ, когда дѣло касалось интересовъ православія. (Собраніе мѣстной печати митрополита Филарета, томъ III, стр. 134. Знаменскій. Чтенія по исторіи русской церкви при Александрѣ I, 53). Митрополитъ Михаилъ началъ борьбу противъ мистиковъ, но всѣ выгоды и преимущества борьбы были на сторонѣ князя Голицына. Въ самомъ Синодѣ митрополитъ стоялъ одиноко, благодаря тому, что министръ духовныхъ дѣлъ всегда умѣлъ подобрать такой составъ членовъ Синода, какой болѣе всего соотвѣтствовалъ его видамъ. Будучи креатурами Голицына, эти члены Синода нисколько не поддерживали митрополита. На первыхъ порахъ Михаилъ старался дѣлать уступки князю Голицыну, и это онъ дѣлалъ даже въ проповѣдяхъ („Русскій Архивъ“ 1892 г., кн. 12, 384), конечно въ такихъ предѣлахъ, которые нисколько не противорѣчили духу православія (см. Бесѣды митрополита Михаила, изданныя въ 1817—1824 годахъ въ девяти томахъ). Что же касается до административной

Лабзинъ, какъ ученый человекъ, вельможа, отличіемъ почтенъ былъ, славу снискалъ о своей учености и ревности подъ видомъ благочестія, въ самомъ же дѣлѣ будучи нечестивъ, издалъ переводомъ и сочиненіемъ многія книги, исполненныя явно и тайно нечестія, зловѣрія, ко вреду общества гражданскаго, всякой власти, противу истины, церкви и вѣры; вообще объ нихъ можно сказать, какія книги имъ самимъ, или по его вліянію, или его единомышленниковъ, и современныхъ подобныхъ сектъ тайныхъ напечатаны были, и во множествѣ разосланы. Сверхъ книжныя, ежемѣсячно издаваемой подъ названіемъ Сіонскаго Вѣстника, собственно сочиненія отъ самого Лабзина, зналъ и читалъ многія, изъ коихъ сіи вредоносныя и скверныя книги: Торжество вѣры или Мученики; Совѣты души; Божественная Философія; Христіанская Философія; Путь ко Христу, І. Бема; Письма къ другу объ ордень свободныхъ каменщиковъ; Краткія разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ жизни Христіанской, Наставленіе ищущимъ премудрости; Побѣдная повѣсть; Вліяніе свободнаго каменщичествова; Прославленная любовь; О истлѣніи и сожженіи всѣхъ вещей; всѣ книги Штилинга, Эккартсгаузена, Гюнъ; Христіанскія изысканія въ Азіи; Торжество Евангелія; Законъ Божій или размышленія о важнѣйшихъ истинахъ; Религія Іерузалема, поднесенная самому министру духовныхъ дѣлъ князю А. Н. Голицыну; Іоанна масона, древній и новый Астрономическій телескопъ, древній и новый Оракулъ; Сердце человѣческое есть храмъ Божій, Магнетизмъ животный; Послѣдніе дни Ю. Штилинга; Зеркало внутренняго человѣка; Истина религіи; Размышленія о религіи; Опытъ дѣятельнаго ученія; О дѣйстви Святаго Духа въ душахъ, съ французскаго—Хожденіе предъ Богомъ, Христіанская религія, ручная книжка; проповѣди Линделя; Правила жизни; Духъ—или мысли Руссо; Мартынъ Задека; Мысли избранныя Руссо; Мысли на досугъ; Прогулки Руссо; Уединенныя прогулки Руссо; Чародѣй или оракулъ, и прочіе въ разныхъ мѣстахъ, градахъ и типографіяхъ были издаваемы. Всѣ оныя или его трудами, или его содѣйствіемъ были изданы, или его послѣдователями.

Скажу то едино въ осторожность православнымъ на будущее время, что ядъ смертный для души и духа во многихъ книжкахъ и сочиненіяхъ сихъ сокрытъ: кто свыше не имѣетъ дара испытывать духи злыя и знать кое есть ученіе отъ Бога, и кое есть не отъ Бога, а отъ діавола, тотъ не можетъ постигнуть и усмотрѣть всю злобу вдругъ и хи-

---

дѣтельности, то здѣсь митрополитъ Михаилъ старался, по возможности ограждать интересы православной церкви и противодействовать мистическимъ затѣямъ князя Голицына. (См. отзывъ Голицына о митрополитѣ Михаилѣ въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1893 г., кн. IV, 420—421).

тлость вражю въ книгахъ краснорѣчиво писанныхъ. Подъ названіями христіанскими и божественными именами истины, Бога и Святыни прикрыты имена ученія отъ врага. Онѣя книги заключаютъ въ себѣ вредность едину, а не пользу. Не ищи словесности отъ нихъ научиться; тотъ хлѣбъ не насытитъ, который смѣшанъ съ ядомъ смертнымъ. Взглянувъ на полный каталогъ русскихъ книгъ, легко можно увидѣть, какъ духъ времени развращаетъ русскую литературу и ищетъ подъ видомъ ея потрясти во всѣхъ классахъ народное почтеніе къ нравственности, православной вѣрѣ, попечительному правительству и истинному просвѣщенію. Министерство духовныхъ дѣлъ и преобладаніе власти обер-прокурора надъ Святѣйшимъ Синодомъ — источникъ всего зла того необъятнаго.

Дѣлятся всѣ вредныя книги, на нашемъ языкѣ изданныя, на четыре главные рода: 1) Наполненыя англійскаго матеріалнама, ученія возмутительнаго и сквернословія, французскаго вольнодумства; 2) масонскія и магическія; 3) книги, представляющія съ разными приправами весь ядъ германской философіи Канта, Фихте и Шеллинга; 4) Книжки, изъясняющія методистовъ и ученіе квіетизма, то-есть, того же якобинизма и философіи, личиною закрытыхъ христіанства, въ которыхъ, на русское нарѣчіе издаваемыхъ, все тщаніе прилагалъ Александръ Лабзинъ, предшественники его Новиковъ, Тургеневъ и прочіе современники-сподвижники и споспѣшники явные и тайные. Подробное описаніе нѣкоторыхъ книгъ имѣеть быть въ своемъ мѣстѣ впредь ¹⁾.

Вѣрнѣе сатанѣ и дѣйствительнѣе Лабзина былъ Родіонъ Кошелевъ ²⁾, нѣкто изъ придворныхъ ласкателей генералъ. Сей вельможа

¹⁾ Въ сборникѣ бумагъ архимандрита Фотія (книга I, №№ 40 и 41) помѣщенъ длинный перечень мистическихкихъ книгъ съ отмѣткою его противъ каждой книги объ ея характерѣ. Отмѣтки эти чрезвычайно законичны: така-то книга еретическая, така-то революціонная, така-то бѣсовская, или скверная и под. Нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ Фотія о мистическихкихъ книгахъ напечатаны въ обзорѣ русской духовной литературы Филарета черниговскаго, кн. II. Кроме того Фотій составилъ болѣе обстоятельный критическій разборъ нѣкоторыхъ мистическихкихъ сочиненій (сборникъ бумагъ Фотія, кн. I, № 1), озаглавивъ его: „Выписка азовредныхъ и душепагубныхъ ученій, обрѣтающихся въ разныхъ нечестивыхъ книгахъ, издаваемыхъ и издаваемыхъ на Россійскомъ языкѣ въ семь столѣтій“. Въ бумагахъ Фотія (кн. I, № 19) имѣеться еще документъ, касающійся мистическихкихъ изданій и озаглавленный имъ: „Списокъ нѣкоторыхъ книгъ, противныхъ св. православной вѣрѣ Христовой и правительству, издаваемыхъ или вторично или вновь съ 1817 по 1824 годъ на Россійскомъ языкѣ“. Этотъ списокъ заключаетъ въ себѣ точное оглавленіе, мѣсто, время и имя автора или подателя, или переводчика каждой упомянутой въ немъ книги.

Подробности см. въ концѣ главы.

²⁾ Генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, другъ князя Голицына и приближенный императора Александра I. Онъ былъ самымъ закоренѣлымъ мистикомъ

хитрый, пустосвятъ, лицемеръ, придворный ласкатель, прибравъ къ себѣ въ руки министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія к. Голицына, болѣе всѣхъ въ свое время сдѣлалъ вреда и зла Церкви православной и духовному сословію. Онъ единъ умъ, едино сердце съ к. Голицынымъ имѣлъ. Онъ Кошелевъ былъ ему яко отецъ, а сей ему яко сынъ, одинъ безъ другаго быть не могли, когда былъ докладъ по духовнымъ дѣламъ царю Александру, то имѣлъ доступъ Кошелевъ съ к. Голицынымъ вмѣстѣ приходитъ и разсуждать о такихъ дѣлахъ: въ свободное время иногда, какъ царь былъ малосвѣдущъ въ истинѣ вѣры православныя ¹⁾. Кн. Голицынъ и Кошелевъ занимали его Александра царя чтеніемъ книгъ духовныхъ, вновь изданныхъ и еретическихкихъ, всѣ дѣла, мысли, желанія и распоряженія по церкви, духовному сословію, духовной учености, старались, имѣя всякъ случай, направлять къ своей злой и вредной цѣли. Сіе продолжалось нѣсколько лѣтъ. Они имѣли вліяніе сдѣлать преобразование училищъ духовныхъ съ примѣненіемъ многихъ излишнихъ мудростей. Они содѣйствовали сдѣлать переводъ Библии, и успѣли Новый Заветъ перевести неистово безъ нужды на русское простое нарѣчіе; они были виною заведенія Библейскаго общества, духовнаго министерства, и соединенія онаго съ просвѣщеніемъ мірскимъ. Они были виною потрясенія Церкви и вѣры до того, что Святѣйшій Синодъ силы не имѣлъ; правила Синодальными и прочими духовными дѣлами канцеляція министра духовныхъ дѣлъ, директоръ Тургеневъ ²⁾. Безъ вѣдома и суда Синодальнаго, верѣдко архіереи были низвергаемы, православные были удаляемы, а иные гонимы до гроба ³⁾.

и состоялъ великимъ мастеромъ одной изъ главныхъ масонскихъ ложъ— „Астрей“. См. „Русская Старина“ 1877 года. Мартъ и апрѣль. Слово Фотія о Кошелевѣ подтверждаетъ и Стурдза. „Русск. Старина“, 1876 г. Февраль.

¹⁾ Насколько императоръ Александръ I дѣйствительно былъ мало свѣдущъ въ религиозныхъ вопросахъ и мало зналъ православіе, къ которому онъ принадлежалъ, это видно изъ того, что онъ въ бесѣдѣ съ мистикомъ Ю. Штилингомъ спрашивалъ его: какая изъ христіанскихъ церквей стоитъ ближе къ истинному ученію Христову. Статья Невѣдомскаго о Крюднеръ въ „Русск. Архивѣ“, 1885 г., кн. I.

²⁾ Александръ Ивановичъ Тургеневъ съ 1817 года занималъ мѣсто директора департамента духовныхъ дѣлъ и былъ лично извѣстенъ императору. Одинъ изъ почитателей его характеризуетъ Тургенева, какъ человѣка легкомысленнаго, съ нѣкоторою долею шарлатанства, враждебнаго къ православной церкви. Вообще о характерѣ его и дѣятельности, см. „Русск. Стар.“ 1875 г., 1881 и 1882 гг., а также „Русскій Архивъ“ 1863 и 1875 гг.

³⁾ Примѣровъ самаго жестокаго деспотизма князя Голицына надъ духовными людьми можно видѣть много въ другихъ мѣстахъ автобиографіи Фотія. Достаточно указать на печальную судьбу Иннокентія, епископа пензенскаго, который, по совнанію самихъ сторонниковъ князя Голицына,

Подъ вліяніємъ Р. Кошелева, во время владычества кн. Голицына, яко министра духовныхъ дѣлъ, іерархія церковная вещь самую была совершенно разрушена. Будучи неполный еще генералъ, а тайный совѣтникъ, князь Голицынъ имѣлъ первосѣдательство въ собраніяхъ, на Библейскомъ обществѣ, предъ митрополитами и всѣми архіереями, въ Синодѣ особый столъ, какъ глава всѣхъ, митрополиты сидѣли у него по десную и лѣвую сторону вездѣ, а онъ яко патриархъ¹⁾ былъ всѣхъ. Стыдъ и срамъ было слышать и видѣть сіе неслыханное въ Россіи кознодѣйство и посмѣявіе вѣрѣ святой въ лицѣ пастырей и учителей. Книги и сочиненія съ дерзостію возмутительныя были составляемы, переводимы, печатаемы и рассылаемы по всѣмъ краямъ Россіи и даже по церквамъ²⁾.

былъ изгнанъ послѣднимъ папъ столицы и умеръ съ печалю. Облагодѣтельствоваанный Голицынымъ, А. Ф. Лабанъ сообщаетъ слѣдующій любопытный фактъ. Пребывавшій въ Петербургѣ въ 1820 году по званію члена Синода архіепископъ ярославскій Антоній (Знаменскій) на поучевіе ему отъ князя Голицына о томъ, что церковь должна быть въ сердцѣ, отвѣтилъ простодушно: „то-то и бѣда, ваше сіятельство, что часто вмѣсто церкви находишь только колокольню: благовѣстятъ, благовѣстятъ, а какъ подойдешь къ мнимой церкви, то ни Божіей службы, ни того, кому бы совершать оную, не найдешь; одни колокола, въ которые звонятъ мальчишки“. Князь Голицынъ почелъ себя обиженнымъ такимъ отвѣтомъ и жестоко отплатилъ архіепископу Антонію: послѣдній не только немедленно удаленъ былъ изъ Синода, по 12 іюля того же 1820 года удаленъ на покой въ бѣднѣйшій монастырь Новгородской епархіи (Деревяницкій), гдѣ и умеръ въ 1824 году. „Русскій Архивъ“ 1892 г., кн. 12, 361. Лабанъ и тотъ осуждалъ князя Голицына за нетерпимость мнѣній противниковъ.

¹⁾ Патриархомъ князя Голицына называли и его сторонники. („Русскій Архивъ“ 1892 г., кн. 12, стр. 360. „Не странны ли, не смѣшны ли въ библейскихъ обществахъ наши митрополиты и архіереи, пишутъ въ своихъ запискахъ Шишковъ, засѣдающіе въ противность апостольскихъ постановленій вмѣстѣ съ лютеранами, католиками, квакерами? Они съ сѣдою головою въ своихъ рясахъ и клобукахъ сидятъ съ мирянами всѣхъ націй и имъ чловѣкъ во фракѣ проповѣдуетъ слово Божіе. Гдѣ же приличіе? Гдѣ церковь?“ Чтенія въ общ. исторіи и древн. 1863 г., кн. III, 73.

²⁾ А. С. Стурдза говоритъ въ своихъ запискахъ о судьбѣ православной церкви въ царствованіе Александра I: „почти всѣ мистическія изданія переводились и издавались, по мысли кн. Голицына, лицами къ нему приближенными, большею частію состоявшими при немъ чиновниками; по отпечатаніи книги эти разсылались на имя епархіальныхъ преосвященныхъ при письмахъ князя, въ которыхъ онъ рекомендовалъ, а иногда предписывалъ выписку этихъ изданій“. „Русск. Старина“ 1874 г. февраль. Для того, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ щедро князь Голицынъ разсылалъ мистическія книги по церквамъ—можно судить по тому, что наприимѣръ книга: „Воззваніе къ чловѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова“ разслана была въ количествѣ 3.083 экземпляровъ. Подробнѣе см. ст. II. Барсова: „Къ исторіи мистицизма въ Россіи“. „Христ. Чтеніе“ 1876 г. январь, февраль, 128—142. Чистовичъ. „Христ. Чтеніе“ 1872 г. т. I, 690—709.

Въ оное время Библейское общество въ великой было силѣ: царь и вся царская фамилія были соучастники и содѣйствователи: князь Голлицынъ былъ предсѣдатель, президентъ, архіереи—вице-президенты и помощники его, директоры и члены: по одной лестной молвѣ и многія большія деньги жертвовали на распространеніе Библіи, печатаніе оныхъ и переводъ. Во всѣхъ градахъ губернскихъ или уѣздныхъ ¹⁾ почти были заведены Библейскія собранія, или повелѣно было завести собранія Библейскія, дѣйствія свободныя и корреспонденція. Общество Библейское, сей духовный Вавилонъ смѣшенія, составляли люди всѣхъ сословіи сектъ и крамоль: православные архіереи, архимандриты, игумены, монахи, священники и прочіе духовные, такъ же вмѣстѣ люди католической религіи и нѣмецкаго зловѣрія, духовные и мірскіе люди ²⁾. Сіе общество было смѣшеніе добрыхъ и злыхъ во-едино: а отъ такового общаго смѣшенія въ вѣрѣ, въ ученіи, духѣ и безпорядкѣ, чего другаго можно было ожидать, кромѣ общаго развращенія и заблужденія? По глаголу предсѣдателя или директора все трепетало, слушало, въ духовныхъ всѣ молчали, писаніе Божіе, вѣру и благочестіе явно предавали въ обиду тѣ изъ сильныхъ ученыхъ, архіереевъ, архимандритовъ и учителей церковныхъ, коимъ бы надлежало возвысить гласъ яко трубу и огласить общее заблужденіе; вредъ явный былъ церкви и царства. Врагъ діаволь вошедъ во всѣхъ вращалъ умами и сердцами всѣхъ, какъ хотѣлъ въ свою цѣль. Дѣйство духа вражія сильно распростра- няло заблужденіе въ духовномъ сословіи.

Переводъ Новаго Завѣта розданъ былъ дѣлать ученикамъ академіи, въ томъ числѣ и отцу Фотію, бывшему нѣкогда студентомъ Санктъ-Петербургской духовной академіи. Что могло быть добраго отъ такого перевода дѣтскаго, отъ людей, не имѣющихъ божественной благодати въ себѣ ³⁾. Послѣ переводъ сей поступилъ къ учителямъ акаде-

¹⁾ Въ 1813 году открыты были отдѣленія библейскаго общества въ нѣкоторыхъ городахъ, въ 1814 году—еще были открыты въ другихъ, а въ 1819 году было уже 53 отдѣленія.

²⁾ Въ 1813 году членами библейскаго общества на ряду съ православными были слѣдующія лица изъ иповѣрцевъ: митрополитъ римско-католическихъ церквей въ Россіи Сестренцевичъ-Богущъ, генералъ-суперъ интендентъ Рейнботъ, пасторъ англиканской церкви Питтъ, Сарептскаго евангелическаго общества пасторъ Шейерль, голландскій пасторъ Янсенъ. Сборникъ по случаю юбилея митрополита Филарета, томъ II, стр. 224. Пыпинъ. Россійск. библейское общество. „Вѣстникъ Европы“ 1868 г. августъ, 661—662.

³⁾ Шнишковъ А. С. выражался по этому поводу еще рѣзче. Переводъ Свящ. Писанія, писалъ онъ, былъ брошенъ нѣсколькимъ студентамъ академіи съ приказаніемъ сдѣлать оный какъ можно скорѣе“. Официально извѣство, что въ переводѣ Свящ. Писанія трудились тогда: Филаретъ, ректоръ академіи, Григорій Постниковъ—инспекторъ академіи, іеромонахъ Кирилл,

міи, а отъ нихъ въ руки главныхъ перелагателей Священнаго Писанія; и прежде всего переводъ дѣлался Евангелія. Собранія для сего были въ Санктъ-Петербургѣ, въ Невской лаврѣ, въ домѣ самаго митрополита Амвросія, потомъ Михаила, а послѣ Серафима; были же сотрудники въ семь болѣзненнымъ и вредномъ переводѣ Евангелія митрополиты: Михаилъ, Серафимъ, Филаретъ ¹⁾, архіепископы: Филаретъ ²⁾ и прочіе духовные мірскіе люди и враги истины: директоръ Библейскаго общества Василій Михайловичъ Поповъ, Александръ Лабзинъ и иные; подписывались же для напечатыванія немногіе изъ главныхъ архіереевъ ³⁾, а мірскіе скрывали себя. Наконецъ общество Библейское успѣло Новый Заветъ перевести, удаляясь явно отъ духа истины во многихъ мѣстахъ: какъ бы то ни было переводимо, но сила была перевода такова, что догматы церковнаго ученія явно испровергала или сумнѣніе давала на истину церковнаго ученія и преданій ⁴⁾. А между тѣмъ врагъ чрезъ своихъ сподвижниковъ Лабзина и Попова, всѣвая слова или реченія отъ истины уклоняющія въ переводѣ на русскій языкъ,

---

впослѣдствіи архіепископъ подольскій, іеромонахъ Моисей, впослѣдствіи экзархъ Грузіи. Очевидно, студентамъ академіи поручено было перевести нѣкоторыя книги Свящ. Писанія на русскій языкъ въ качествѣ подготовительной работы, которая потомъ шла на разсмотрѣніе переводнаго комитета. „Христ. Чтеніе“ 1872 г., ноябрь, 397. „Сборникъ по поводу юбилея митроп. Филарета, т. II, 236—237.

¹⁾ Подъ митрополитомъ Филаретомъ разумѣется Филаретъ Дроздовъ, который въ описываемое время (въ 1819—1820 г.) былъ только еще архіепископомъ сначала тверскимъ, а потомъ ярославскимъ. Фотій писалъ автобіографію въ тридцатыхъ годахъ, когда Филаретъ давно уже (съ 1826 года) занималъ кафедру митрополита московскаго, и потому допустилъ такую неточность.

²⁾ Подъ архіепископомъ Филаретомъ имѣется въ виду Филаретъ Амфиатовъ, который въ 1819—1820 годахъ былъ только епископомъ калужскимъ, а санъ архіепископа получилъ въ 1826 году, когда онъ занималъ кафедру въ Рязани. Хотя преосвященный Филаретъ, въ силу своего officialнаго положенія, какъ лицо подначальное министру духовныхъ дѣлъ, и содѣйствовалъ въ своей Калужской епархіи дѣлямъ библейскаго общества (Сборникъ по поводу юбилея митрополита Филарета, т. II, участіе митрополита Филарета въ переводѣ библіи на русскій языкъ, 247), но въ душѣ онъ не сочувствовалъ ему и даже прямо высказывался противъ библейскихъ комитетовъ („Прав. Обзорѣніе“ 1872 г., июль—августъ, приложение, стр. 22. Письма архіепископа Симеона).

³⁾ Дѣйствительно, въ обращеніи къ читателямъ, напечатанномъ при первомъ изданіи четвероевангелія на русскомъ языкѣ, подписались только члены Синода.

⁴⁾ Въ собраніи бумагъ Фотія (кв. 11, № 24) помѣщенъ: „Разборъ нѣкоторыхъ стиховъ новаго перевода евангельскаго для показанія, какъ оный несправенъ и вреденъ“. Въ этомъ разборѣ сначала берется текстъ греческій, а затѣмъ параллельно разсматривается степень точности и правильности славянскаго, а потомъ русскаго переводовъ.

не медливъ на новый переводъ новое и толкованіе издавать и назвать Торжество Евангелія¹⁾, а послѣ готовилось: сочиненіе Духъ и жизнь Евангелія²⁾, на все Евангеліе, гдѣ самыя главные догматы съ корня были срублены, оное сочиненіе 856 страницъ на 25 главъ Маттея написано и издано подъ названіемъ пастора Госнера. Симвъ вскорѣ врагъ силится поспѣшно пожаръ въ Церкви и мятежъ ввергнуть посредѣ вѣрныхъ духовныхъ и мірскихъ въ Россіи и еретиковъ. На переводѣ Евангелія на русское варѣчіе и церковное, какъ на фундаментѣ еретики опираясь смѣло, дерзали на новое свое ученіе и толкованіе. Имѣя въ себѣ Духъ Божій, явно возгнушается перевода русскаго и проклинаеть начало злое онаго и всѣхъ въ немъ трудившихся. Явно богопротивенъ онъ есть. Кто имѣетъ ключъ къ уразумѣнію тайны беззаконія дѣемой, тотъ видѣть подъ видомъ дѣемое священныхъ писаній.

Сверхъ двухъ сектъ Лабзина и Кошелева и иныхъ шаекъ, явно и тайно ратовавшихъ противу Православныя церкви, противу сословія духовнаго и противу всякаго благочестія, подъ видомъ святости христіанской, набожности, просвѣщенія духовнаго, благополучія христіанъ, были менѣ касающіяся секты до церкви Россійской и іерархіа церковной, вѣры и благочестія: это было общество иллюминатовъ, масоновъ, квакеровъ³⁾ и прочихъ; методисты же, секта лжепророковъ, скопцовъ и прочихъ толки явные почти единственно были направлены и поддерживаемы для вреда церкви Православныя. Чему виною сами правители духовные, учителя и пастыри церковные, приходскіе священники и благочинные въ столицахъ обѣихъ и вездѣ. На всякія бездѣлицы Синодъ обращаетъ вниманіе, а на потокъ нечестія нямало.

¹⁾ Торжество Евангелія или записки свѣтскаго челоуѣка, обратившагося отъ заблужденія новой философіи. Это сочиненіе издано было первоначально на испанскомъ языкѣ, переведено на французскій, а съ него А. Лабзинъ на русскій и издано въ С.-Петербургѣ, въ 1821 году. „Христ. Чтеніе“ 1872 г., апрѣль, стр. 692. По отъаву одного лица, разсматривавашаго сочиненіе, „Торжество Евангелія“ далеко не соотвѣтствуетъ своему названію и далеко отстоитъ отъ духа Православной церкви. Тамъ же, стр. 696.

²⁾ Подъ названіемъ „Духъ и жизнь Евангелія“ Фотій разумѣетъ сочиненіе Госнера, изданное имъ на нѣмецкомъ языкѣ въ 1823—1824 годахъ, имѣющее слѣдующее заглавіе: „Духъ жизни и ученія Иисуса Христа“.

³⁾ Въ бытность свою въ Лондонѣ въ 1814 году императоръ Александръ I имѣлъ длинную бесѣду съ депутаціей квакеровъ; въ 1818—1819 годахъ одинъ изъ квакеровъ—Грелье, прибылъ въ Петербургъ, имѣлъ аудіенцію у государя, который при этомъ три раза молился съ нимъ молчаливой молитвой съ колѣнопреклоненіемъ въ чашии сошествія на обонхъ Св. Духа. Сущковъ. „Записки о жизни митрополита Филарета“, приложение 105—106. „Русск. Старина“ 1874 г., февраль. Въ квакерскихъ богомоленіяхъ принималъ участіе и князь Голицынъ. „Истор. Вѣстникъ“ 1882 г., май, 243.

Въ Санктъ-Петербургѣ были извѣстны секты подѣ названіемъ: общество Татаряновой дворянки, г-жи Криднеръ, ученіе Хвостовой, секта братьевъ свиней, секта скопцовъ ¹⁾, секта Линделя ²⁾, Феслера ³⁾, Госнера ⁴⁾, безумнаго разстриги католичкаго и иныхъ.

Врагъ дьяволъ чего не дѣлаетъ во дни иные? Министръ духовныхъ дѣлъ князь А. Н. Голицынъ былъ во всемъ споспѣшникъ Татаряновой. Ей было дано мѣсто для пребыванія въ Михайловскомъ замкѣ среди столицы: къ ней собирались духовные и мірскіе: лестію своею она привлекала къ себѣ даже пустынныхъ монаховъ; въ жилищѣ ея близъ Дворцовой церкви, и даже почти надъ мѣстомъ церковнымъ, или близъ бывшемъ, былъ Святый у ней Духъ написанъ, да видятъ, что надъ нею нантие Святаго Духа бываетъ. По ночамъ собирались у нея и днемъ дѣвицы и прочіе и дѣйствовали, какъ нѣкое священное дѣйство свое, обычай круженія дѣлать, вертѣлись, падали потомъ на землю отъ безумія, демонъ же входилъ въ нихъ, производилъ глаголы, предсказанія, и потому называлась секта сія пророковъ и пророчицъ, а Татарянова главою всѣхъ ⁵⁾. Пѣты были разныя смѣшныя пѣсни, стихи,

¹⁾ Основателемъ скопческой секты былъ крестьянинъ Селивановъ, въ 1772 г. былъ сосланъ въ Сибирь, откуда убѣжалъ. Въ царствованіе Павла I былъ заключенъ въ больницу умалишенныхъ; въ 1802 г. получилъ свободу, и съ этого времени скопчество въ Петербургѣ достигло высшаго развитія. Селиванова однажды посѣтилъ Александръ Павловичъ и неоднократно посѣщали кн. Кочубей, Голицынъ и другіе. Въ 1820 г. его выслали изъ Петербурга въ Суздальскій монастырь, гдѣ онъ и умеръ въ 1823 году. Подробн. см. „Секты хлыстовъ и скопцовъ“. Кутеповъ, Казань, 1883.

²⁾ Линдль, прибывшій изъ Баваріи и благосклонно принятый государемъ и Голицыннмъ, проповѣдывалъ какую-то смѣсь мистицизма съ католичествомъ. Удаленный изъ Петербурга въ Одессу съ правами католическаго епископа, онъ получалъ шесть тысячъ казеннаго жалованья, тогда какъ лучшій изъ столичныхъ православныхъ священниковъ получалъ только пятьсотъ рублей. См. „Вѣст. Европы“ 1867 г., „Р. Архивъ“ 1867 и 1892 годовъ.

³⁾ Феслеръ былъ вызванъ въ Россію Сперанскимъ профессоромъ въ Петербургскую духовную академію; проповѣдывалъ какой-то туманный мистицизмъ; былъ удаленъ изъ академіи вслѣдствіе обстоятельнаго разбора его философской системы архіепископомъ рязанскимъ Теофилактомъ Чистовичъ. „Исторія С.-Петербургской духовной академіи“.

⁴⁾ Католическій пасторъ Госнеръ явился въ Петербургъ въ 1820 году и попалъ въ милость къ князю Голицыну и другимъ мистикамъ. Пріемъ, оказанный Госнеру въ Петербургѣ, былъ самый блестящій. Жители всѣхъ исповѣданій, не исключая и православныхъ, толпами собирались въ католическую церковь слушать проповѣди Госнера, которыя, кромѣ мистицизма, отзвучивались еще религіознымъ либерализмомъ, которымъ возмущались истинные католики. Госнеръ былъ высланъ изъ Россіи въ 1824 году. См. „Русск. Архивъ“ 1868 г., „Христ. Чтеніе“ 1872 г., „Вѣстникъ Европы“ 1867 г.

⁵⁾ Общество Татаряновой въ равное время носило различныя названія. Оно называлось братствомъ во Христѣ, потомъ союзомъ братства, общества

безъ толку сочиненные, гдѣ духовное съ плотскимъ было смѣшано и болѣе имѣлось плотское, любодѣйное, нежели иное весьма смѣшное составленіе и понятіе. Отецъ Фотій много таковыхъ имѣлъ безумныхъ и гнусныхъ пѣсней—изъ простыхъ пѣсней и пѣвній мірскихъ любодѣйныхъ онѣ взяты всѣ, и мало нѣчто приноровлены были къ сектѣ: явно любодѣйство и прелесть воспѣвались въ нихъ: голосъ мірскихъ пѣсней любодѣйный былъ. Фотій всѣ оныя уничтожилъ для того, что стыдно читать ихъ и имѣть; такъ явно любодѣйны и крайняго безумія были исполнены; ему оныя вручилъ простой монахъ Косма, котораго изъ Ко-невскаго монастыря прельститель Пилецкій ¹⁾ и Дубовицкій ²⁾ увлекли и ввели въ секту; сей Косма Семеновъ нѣсколько лѣтъ былъ въ оной сектѣ, а потомъ возвратился, проклявъ заблужденіе, и собственноручно подписалъ отверженіе отъ секты, и вручилъ при томъ книгу неподобныхъ и любодѣйныхъ бѣсовскихъ пѣсней и сочиненій сія невѣжественныя секты.

Къ сему же въ таковыя времена врагъ началъ чрезъ лжеподвижниковъ своихъ лукавыхъ прославлять г-жу Хвостову подъ именемъ христіанки, печатались въ библии глупыя письма и были съ усердіемъ

адамистовъ и пр. Почти всѣ изслѣдователи секты Татариновой причисляютъ ее къ хлыстовщицѣ. Особенностью, отличающею татаринское общество отъ обыкновеннаго хлыстовства, служитъ то, что до сихъ поръ неизвѣстно о догматическомъ ученіи, составляющемъ принадлежность собственно этой секты.

¹⁾ Статскій совѣтникъ Мартыиъ Степановичъ Урбановичъ - Пилецкій, человѣкъ весьма образованный, благочестивый, беззавѣтно преданный духовному союзу Татариновой и принадлежавшій къ числу самыхъ выдающихся его членовъ. Въ 1838 году Пилецкій препровожденъ былъ въ Суздальскій Спасо-евиміевскій монастырь. Подробности см. „Русск. Арх.“ 1873 г. и „Что въ общ. исторіи и древ. Рос.“ 1868 г.

²⁾ Александръ Петровичъ Дубовицкій, подполковникъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, орловскій помѣщикъ, принадлежалъ къ числу послѣдователей мистической секты Татариновой, авторъ многихъ религиозныхъ расцѣвцевъ, употреблявшихся въ Татаринскомъ обществѣ. Въ 1824 году Дубовицкій за распространеніе своей секты между крестьянами сосланъ былъ въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь; въ 1826 году, послѣ принесенія раскаянія и данной имъ на вѣрность православія подписки, получилъ свободу и поселился въ Москвѣ. Здѣсь онъ намѣнилъ данному имъ обѣщанію и не только сталъ держаться своей секты, но и началъ распространять ее между другими. Онъ, между прочимъ, совратилъ въ свою секту одного изъ послушниковъ Чудова монастыря. „Письма митроп. Филарета къ Антонію“, том. 1, 49, 62, 65, 152. „Письма митр. Филарета къ Высочайшимъ Особамъ“, т. 1, стр. 120. По другимъ историческимъ свидѣтельствамъ, Дубовицкій былъ пропавшимъ скочества, и скочества между женщинами, въ видахъ распространенія котораго онъ двухъ своихъ дочерей отдалъ въ акушерки. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ Дубовицкій сосланъ былъ въ Саровскую пустынь. „Русскій Архивъ“ 1873 г., кн. II, 1447-

отъ многихъ читаны: самъ великій мужъ, бывшій ректоръ семинаріи Санктъ-Петербургской Иннокентій, читая нѣкогда, восхвалялъ письма ея и называлъ ее христіанкою примѣрною. Фотій же ему сказалъ: отче! мы здѣсь на землѣ живемъ, а не въ рап Божіемъ; святая праматерь Евва отъ змія была уловлена, а змій чрезъ нее уловлялъ праотца: то ужели Хвостову сатана не можетъ уловить, а чрезъ нее ученыхъ и духовныхъ? Развѣ мы мудрѣе и святѣе Адама? Едино знаю то, что Хвостова есть лже-христіанка, духъ ученія ея происходитъ отъ діавола; надобно ей воспретить ученіе яко ученицѣ Лабзина безбожнаго. На что былъ великій Иннокентій согласенъ и оттолкъ не имѣлъ уже вѣры ея ученію, и началъ находить заблужденія явно вредныя Церкви и ученію христіанскому истинному.

Явный потокъ зловѣрія и нечестія, разливавшійся чрезъ ложи масонскія, чрезъ секты, расколы и книги и прочіе соблазны, прободали душу отца Фотія; чѣмъ пастыря и учителя церкви были хладнокровнѣе ко всему, власти невнимательнѣе, тѣмъ ревность благочестивая его болѣе свѣдала. На мѣстѣ своего заковоучительства, имѣя учащихся взрослыхъ юношей и мужей многихъ ученію вѣры отъ устъ его, до нѣсколькихъ тысящъ, предстоя онъ въ церкви, съ кафедрой проповѣднической вопіялъ противу всѣхъ тайныхъ умысловъ нечестія и вредностей, какія церкви, вѣрѣ и благочестію отступники отъ вѣры, еретики и безбожники старались сотворить; непрестанно обличалъ внѣ церкви во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ училъ благородныхъ юношей, проклиналъ, на основаніи ученія церковнаго, Слова Божія и правилъ вѣры, всѣ лже-ученія, книги и сочиненія и заведенія. Когда книги изданныя ему въ руки попадались, публично при всѣхъ ученикахъ, закону Божію учащихся у него, дѣтихъ духовныхъ, открывъ ложь и изъяснивъ, предавалъ раздиранію и огню ¹⁾), произнося сіи слова въ слухъ всѣмъ публично: А н а е м а. Сіе онъ дѣлалъ для того, что толикое множество благородныхъ юношей, исходя изъ корпуса въ неучебные дни и часы въ столицу къ роднымъ и знаемымъ своимъ, могутъ о семъ возвѣщать. Такимъ образомъ вся столица исполнилась понятія, какое обличеніе дерзновенно онъ дѣлалъ противу Лабзина, тайныхъ обществъ, сектъ, расколовъ и книгъ вредныхъ. Ересіархъ А. Лабзинъ, слыша таковой слухъ о себѣ и ученіи, нигдѣ не смѣлъ съ нимъ встрѣтиться, дабы преніе имѣть о вѣрѣ и ученіи: колико искалъ его, толико онъ убѣгалъ. Случилось, что въ великіе

¹⁾ По свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ, Фотій не щадилъ ничего для покупики особенно дорогихъ книгъ масонской премудрости, скушалъ цѣлыя падашія, только-что выходившія изъ типографій, и жегъ ихъ, чтобы не допустить ихъ расходиться въ народѣ. „Русск. Старина“ 1876 г. т. XVI, изд. 2. 313.

дни торжественные А. Лабзинъ бывалъ у митрополита въ Лаврѣ и въ домѣ съ гостями, гдѣ тогда срѣтался отецъ Фотій таможе, то ему дѣлалъ духъ нечистый такое смущеніе, что онъ отъ дурноты трепеталъ, унывалъ и боясь пасть на землю при всѣхъ и взбѣситься, скрывался отъ очей своихъ и другими путями тайно уходилъ скоро въ домъ свой. Покупался Лабзинъ то дружбу съ нимъ возымѣть, присылая своихъ искреннихъ и убѣждая въ любовь къ себѣ, то, не успѣвши старался разносить о немъ, негодуя на него, что напрасно противу его ученія возстаютъ. Болѣе всего онъ, Лабзинъ, усиливался его разными образами вовлечь въ секту свою подъ предлогомъ достиженія чести и отличій; но все было тщетно. Когда сподвижники ересіарха Лабзина, люди ученые, профессеры, учителя, чада Волтеровы и чада діавола и разныхъ новыхъ безбожныхъ отраслей, входили въ рѣчь съ нимъ и преніе, то у нихъ не доставало ни словъ, ни смысла говорить съ Фотіемъ; въ церкви, на пути, въ садахъ, въ кельи и въ домахъ, гдѣ токмо Фотій срѣтался съ еретиками и нечестивыми, не проходило случая, чтобы осталось безъ пренія. Имѣя единого Бога помощника и наставника, будучи самъ еще не со всѣмъ запечатлѣнъ въ духѣ разума вѣры, отецъ Фотій съ ревностію въ простотѣ сердца побѣждалъ свободно всѣхъ состязующихся. Отъ чего не дерзали съ нимъ входить мняшіеся быти мудры и сильны въ рѣчи, дабы не потерпѣть обличенія. Митрополитъ, власти духовныя и власти военныя хотя не всѣ, но многіе за сіе ревнованіе любили Фотія и подкрѣпляли.

Не рѣдко случалось, что власти духовныя и ученые люди, любящіе Фотія сродники и знаеміи отъ жалости убѣждали престать вооружаться противу тайныхъ обществъ, сектъ и всѣхъ нечестивыхъ, представляя ему, что онъ можетъ великія зла отъ нихъ имѣть, что ихъ безчисленное множество, и уже истребить ихъ не можно. Таковое человѣческое мечтаніе не токмо его въ робость не приводило, но во всю горячность повергало, и онъ какъ бы забывалъ себя, весь страхъ и опасность; непрестанно въ слухъ вездѣ болѣе училъ, обличалъ соблазны и вредность тайныхъ обществъ, сектъ, книгъ издаваемыхъ отъ Лабзина и иныхъ; на книги писалъ опроверженія; а катехизисъ масонскій рукописный, получивъ отъ духовнаго сына своего, сдѣлавъ надпись на немъ отъ Слова Божія, что ученіе въ немъ не отъ Бога, а отъ діавола есть, и подписавъ на немъ проклятіе: А н а о е м а, далъ ученикамъ въ руки, которые списали его и распространили по столицѣ; отъ него ему было немалое искушеніе, кое на него наводилъ міръ и духъ злобы ¹⁾, но Божією

¹⁾ Ходили своевременно по Петербургу слухи, насколько только достовѣрные, не извѣстно, о томъ, что послѣдователи тайныхъ обществъ задумывали даже умертвить Фотія. „Русск. Старина“. 1876 г. т. XVII, изд. 2, 307.

помощію все сіе преодолѣлъ терпѣніемъ, имѣя въ умѣ своемъ православіе вѣры, благо церкви и отечества и собственное свое блаженство. Неоднократно ему было видѣніе и откровеніе, одушевляющее свыше его, что служилъ въ церкви службу всепошную съ отверстыми царскими вратами единъ; когда видѣлъ, что Лабзинъ вбѣгаетъ прямо въ отверстыя врата, то обратився отъ лица Божія и схвативъ ересіарха онаго за рамена, повернувъ вспять, въ тылъ десницею своею тако толкнулъ, что онъ изъ церкви какъ бы духомъ былъ восхищенъ и низвергнутъ. Тако укрѣпився въ тайнѣ, въ ревности своей укрѣплялся; въ успѣхѣхъ надѣялся совершенно на единого Бога, въ свое время имѣющаго увѣнчать труды и подвижничество, аще на то будетъ Святая Его воля.

Здѣсь хочу упомянуть то, что при всей сокровенности тайныхъ обществъ Фотій имѣлъ такихъ людей, которые, будучи приставлены при переводѣ издаваемыхъ книгъ и сочиненій въ сектахъ, тѣ сами открывали ему источники, изъ коихъ почерпали гнусное и зловредное ученіе для изданій; нѣкоторые христіанскіе и православные мужи, посѣщая его, возлюбили его и ему доставляли книги разныя, дабы яснѣе увѣдать ему о тайныхъ обществахъ и заблужденіяхъ сектъ, и какъ старцы, такъ и мужи почтенные и опытные, что знали сами, ему объясняли, и средства доставляли къ тому.

Имѣлъ онъ страннолюбіе, а посему, будучи бѣденъ, почти кромѣ хлѣба и воды у себя ничего не имѣя, принималъ подъ кровъ свой странныхъ иноковъ и подвижниковъ. Сіи ему также раскрывали разныя обстоятельства, имъ извѣстныя, изъ коихъ нѣкто раскрылъ ему все о сектѣ и дѣйствіи ея подъ властію Татариновой въ Михайловскомъ замкѣ, гдѣ онъ отецъ Фотій былъ во время ночи, самъ своими очами видѣлъ бѣснованіе, круженіе, лжесловіе и прорипаніе демонское¹⁾. Еще два простыхъ монаха Коневскаго монастыря бывали также—Михаилъ и Іаковъ, и тѣ не мало ему повѣдали, что видѣли. Нѣкогда единъ старецъ въ лаврѣ Георгій²⁾, въ лаврѣ бывъ единъ изъ заблудшихъ яко скопецъ, осмѣ-

¹⁾ Одинъ изъ современниковъ Фотія говоритъ о немъ, что онъ неусыпно слѣдилъ за всѣмъ движеніемъ масонства, подкупалъ дорогою цѣною служителей домовъ, въ которыхъ бывали масонскія засѣданія, чтобы изъ скрытнаго гдѣ-нибудь мѣста самому все высмотрѣть, для сего служители пролазили иногда стѣны подъ самымъ сводомъ или верхнимъ накатомъ и дѣлали небольшія отверстія, сквозь которыя о. Фотій, будучи невидимъ никѣмъ, могъ самъ все видѣть и слышать, что дѣлалось внизу. („Русская Старина“ 1876 г. томъ XVII, изд. 2, 313).

²⁾ Пропагандистъ скопчества въ С.-Петербургѣ камергеръ Елянскій въ 1804 году ходатайствовалъ предъ московскимъ митрополитомъ о хлмствѣ іеромонахѣхъ Георгіи и двухъ скопцахъ, бывшихъ послушниками въ Невской лаврѣ. Объ этомъ Георгіи вѣроятнѣе всего и говорить здѣсь Фотій. Кутеповъ. Секты хлмстовъ и скопцовъ, 195.

лился убѣждать Фотія въ секту сію скопцовъ, любя его и жалѣя, дабы онъ не впалъ въ блудъ, будучи юнъ; на что Фотій ему сказалъ, разженъ будучи ревностію: Господь хранитъ меня доселѣ отъ блуда, и жены не позналъ вовсе; но такъ ненавижу злочестіе и скверность скопчества, что лучше мнѣ быть сквернителемъ, грѣшникомъ отъ края земли до другаго, идя блудить, со всѣми блудницами согрѣшить, нежели отрѣзать уды моя, яже Богъ мнѣ создалъ, и тако на созданіе Божіе худу пзнести: изблнчивъ сего старца, проклялъ дѣло и ученіе предъ нимъ о скопчествѣ. Серебряные ряды, или мѣнялы, люди купцы серебряныхъ вещей суть; во время оно были почти всѣ скопцы мужи и жены; женъ скопляли нѣчто перерѣзывая подъ сосцами. Когда же Фотій по назначенію торжественно слово учительное долженъ былъ говорить въ Казанскомъ соборѣ всенародно, то оное всегда старался противу духа времени составлять; за что любимъ былъ отъ многихъ православныхъ.

Подвизаясь въ Санкт-Петербургѣ въ должности корпуснаго законоучителя и настоятеля, Фотій прежде всѣхъ любимъ сталъ быть весьма отъ митрополита Михаила, архіепископа Сумсона, оберъ-священника Державина, протоіерея Петропавловскаго Стахія и Товія архимандрита. Но благоволеніе и пособіе выѣшнее въ послѣднее время житія своего въ корпусѣ имѣлъ и выѣ корпуса у боголюбивой и богомудрой боярыни Дарьи Державиной¹⁾: она его любовію своею весьма много утѣшала, яко вдовица; въ корпусѣ же была благочестивая боярыня Ольга Семеновна жена Петра А. Дружинина; въ столицѣ же обрѣлися токмо едины въ сіе время любящіе его словомъ и дѣломъ: бояринъ Петръ Андреевичъ Ниловъ²⁾ и Михаилъ Александровичъ Барановъ и его Анастасія супруга. Впрочемъ, любя уединеніе, Фотій пребывалъ въ своей кельи, занимался ученіемъ и жизнію учениковъ, дѣтей своихъ духовныхъ, кадетъ и дворянъ; никуда не исходилъ для посѣщенія въ гости. За неимѣніемъ приходскихъ священниковъ, случалось ему быть звану къ умирающимъ мужеска и женска пола; то онъ поспѣшно ходилъ пѣшкомъ исповѣдывать и приобщать Святыхъ Таинъ, и ничего за труды не бралъ никогда. Во все житіе въ корпусѣ ни за службы, ни за требы, ни за погребеніе никогда никакой платы не бралъ себѣ, какъ бы великъ трудъ ни былъ имъ подъятъ; но тутъ все исполнялъ, хотя бы служба была для знатныхъ и богатыхъ каковыя особы. Первенства въ служеніи при собраніяхъ не домогался: было то, что протоіереи простые брали у него первенство и прочее, онъ же все за ничто почитая, съ удовольствіемъ тамъ стоялъ,

¹⁾ Вдова поэта Гавріила Романовича Державина, умершаго въ 1816 году. Записки Панаева. „Вѣстникъ Европы“ 1867 г. т. III.

²⁾ Петръ Андреевичъ Ниловъ въ 1812 году былъ тамбовскимъ губернаторомъ. „Русская Старина“. 1876 г. январь.

гдѣ его поставляли они, не нища своея, но ближняго пользы; подвизался противу сектъ, тайныхъ обществъ, ересей и соблазновъ, а посему и старался собою ни въ чемъ не подавать, а со всѣми миръ и любовь имѣть, гдѣ токмо было возможно по Апостолу.

Невозможно все подробно описать, что было сдѣлано, говорено и писано во дни ревности и подвиговъ, когда Фотій жилъ въ корпусѣ съ 1817 года 20 февраля до 1820 года сентября 1, четыре лѣта непрестанно имѣлъ брань съ учеными и всякаго рода еретиками нечестивыми и безбожными явно и съ дерзостью соблазны дѣлающими.

Симъ сокращу проишествія, бывшія при жизни законо-учительской отца Фотія; что же все писалъ, то для того писалъ, дабы послѣ видѣть отъ сего скорбнаго житія, какія важныя проишествія случились въ церкви и въ государствѣ въ послѣднія лѣта жизни императора Александра и святительства Серафима, митрополита с.-петербургскаго.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вредоносныя и скверныя книги, о которыхъ упоминаетъ Фотій, суть слѣдующія:

1) «Торжество вѣры», сочин. Шатобриана, переводъ съ французскаго, три части, М. 1818 г.

2) «Совѣты душѣ моея», твореніе христіанки, тоскующее о горнемъ своемъ отечествѣ. Изд. 1816 года. Авторомъ сочиненія была извѣстная Хвостова. Галаховъ. Обзоръ мистической литературы. Журн. мин. нар. проsv. 1875, ноябрь, 111.

3) «Божественная философія», переводъ съ французскаго сочиненія швейцарскаго пастора Дю-Туа. Первое изданіе сдѣлано было въ Москвѣ въ 1812 году, второе—въ 1819 году—въ шести частяхъ. Переводъ сдѣланъ былъ Каряжевнымъ. Современные мистики «Бож. философію» Дю-Туа цѣнили чуть не выше Евангелія. Второе изданіе книги посвящено было высочайшему имени. «Христ. Чтеніе» 1872 г. т. 1, стр. 707.

4) «Христіанская философія», бесѣды Дю-Туа, автора «Божественной философіи», собранныя въ пяти книгахъ. Галаховъ. Обзоръ мистической литературы въ журн. мин. нар. проsv. 1875, ноябрь, 104.

5) «Путь ко Христу». Якова Бема—переведенъ на русскій языкъ Лабзиннымъ и изданъ въ 1815 году, а потомъ въ 1818. Въ этомъ сочиненіи неправильно объясняются: твореніе міра, паденіе ангеловъ, тріединство Божіе и др., «Христ. Чтеніе» 1872 г. т. 1, 702—703.

6) «Письма къ другу объ орденѣ свободныхъ камешниковъ»; переве-

дены на русскій языкъ съ нѣмецкаго Лабзиннымъ и изданы въ Спб. въ 1816 году. Это сочиненіе есть панегирикъ масонству. «Христ. Чтеніе» 1872 г. т. 1, 704.

7) «Краткія разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ жизни христіанской»; это сочиненіе принадлежитъ Таулеру и написано въ духѣ квиетизма. Оно имѣло два изданія, изъ которыхъ послѣднее сдѣлано было въ 1821 году. «Христ. Чтеніе» 1872 г. т. 1, 705.

8) «Наставленіе ищущимъ премудрости» — переводное сочиненіе съ нѣмецкаго.

9) «Побѣдная повѣсть», сочиненіе Ю. Штилинга; съ нѣмецкаго языка оно было переведено на русскій языкъ Лабзиннымъ и издано въ 1815—1816 годахъ. «Побѣдная повѣсть» содержитъ въ себѣ толкованіе апокалипсиса, но въ духѣ совершенно противномъ православію. «Христ. Чтеніе» 1872 г. т. 1, 703.

10) «Прославленная любовь» или разсужденія объ истинной премудрости и истинномъ счастіи, переводъ съ французскаго Я. Бардовскаго. М. 1818.

11) Разсужденіе «Объ истлѣніи и сожженіи всѣхъ вещей по чудесамъ онаго въ царствѣ природы и благодати относительно къ большому и малому міру». Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1816.

12) Сочиненія Ю. Штилинга, изданныя въ Россіи на рускомъ языкѣ, были слѣдующія: 1) «Побѣдная повѣсть»; 2) «Угрозы Свѣтостоковъ» въ переводѣ Лабзина, въ тридцати книжкахъ въ 1806—1816 годахъ; 3) «Тоска по отчизнѣ» 1806 г., а въ 1816 г. издано по высочайшему повелѣнію; 4) «Феобальдъ» или мечтатели; 5) «Приключеніе по смерти», Спб. въ трехъ частяхъ, въ переводѣ Лабзина; 6) «Жизнь Гевриха Штилинга», двѣ части, въ переводѣ Лабзина. Спб. 1816 г. и 7) «Послѣдніе дни Ю. Штилинга», Спб. 1818.

13) Сочиненія Экартсгаузена, переведенныя на русскій языкъ, были слѣдующія: 1) «Омировы наставленія», 2 части. М. 1818; 2) «Терпимость и человеколюбіе». 2 ч. 1816—1818 гг.; 3) «Кодексъ Экартсгаузена»; 4) «Молитвы, почерпнутыя изъ псалмовъ Давидовыхъ для христ. души». Спб. 1817 г.; 5) «Наставленіе мудраго испытанному другу», въ переводѣ Лабзина, Спб. 1813 г.; 6) «Ночи» или бесѣды мудраго съ другомъ, переводъ Лабзина, М. 1804 г.; 7) «Облако надъ святилищемъ», переводъ Лабзина, Спб. 1803 г.; 8) «Богъ есть чистѣйшая любовь». Спб. 1817 г.; 9) «Ключъ къ тайнствамъ природы». 4 ч. Спб. 1820—1821 г.; 10) «Религія, разсматриваемая какъ основаніе всякой истины и премудрости», М. 1818 г.; 11) «Путешествіе молодого Костиса отъ востока къ полудню», Спб. 1801 и М. 1816 г.; 12) «Наставленіе жреца природы», въ переводѣ Лабзина, Спб. 1811 г.; 13) «Важнѣйшіе іероглифы человѣческаго сердца». 2 части.

14) Сочиненія Гіонъ въ переводѣ на русскій языкъ: 1) «Душеспасительныя христіанскія поученія», 2 части, М. 1821 г.; 2) «Избранныя сочиненія г-жи Гіонъ». М. 1821 и 1823 г.; 3) «О послѣдованіи младенчеству І. Христа», Спб. 1821 г.; 4) Изъясненія: на Дѣянія Апостольскія, три тома, М. 1821; Изъясненія на Апокалипсисъ, М. 1822 г. Изъясненія на Евангелія. 4 ч. М. 1822 г.; Изъясненія на притчи Соломона, Экклезиастъ и Пѣснь Пѣсней. М. 1823 г.; 5) «Душеспасительныя поученія юности», 2 ч. М. 1822 г.; 6) «Краткій способъ молиться», Спб. 1821 г. и 7) «Правила жизни», 1823 г.

15) «Христіанскія изысканія въ Азін». — Это есть сочиненіе Клавдія Буканана, переводъ съ англійскаго. Спб. 1815 г.

16) «Торжество Евангелія» или записки свѣтскаго человѣка, обратившагося отъ заблужденій новой философіи. Переводъ съ французскаго Лабзина. 4 ч. Спб. 1821—1822.

17) «Законъ Божій» или размышленія о важнѣйшихъ истинахъ религіи Іерузалема, поднесенная самому министру духовныхъ дѣлъ князю Алек. Н. Голицыну, Іоанна Массона; 18) «Древній и новый астрономическій телескопъ»; 19) «Древній и новый оракулъ»; 20) «Сердце человеческое есть храмъ Божій»; 21) «Магнетизмъ животный»; 22) «Послѣдніе дни Ю. Штиллинга»; 23) «Зеркало внутренняго человѣка»; 24) «Истина религіи»; 25) «Размышленія о религіи»; 26) «Опытъ дѣятельнаго ученія о дѣйствіи св. Духа въ душахъ», съ французскаго; 27) «Хожденіе предъ Богомъ», переведено на русскій языкъ Тургеневымъ. М. 1786—1800, три части, 2 изд. Спб. 1819 г.

28) «Христіанская религія» ручная книжка; 29) «Проповѣди Линделя»; 30) «Правила жизни». 31) «Духъ» или мысли Руссо; 32) «Мартынъ Задека»; 33) «Мысли избранныя Руссо»; 34) «Мысли на досугъ»; 35) «Прогулки Руссо»; 36) «Уединенныя прогулки Руссо»; 37) «Чародѣй» или оракулъ и прочія въ разныхъ мѣстахъ, градахъ и типографіяхъ были издаваемы.

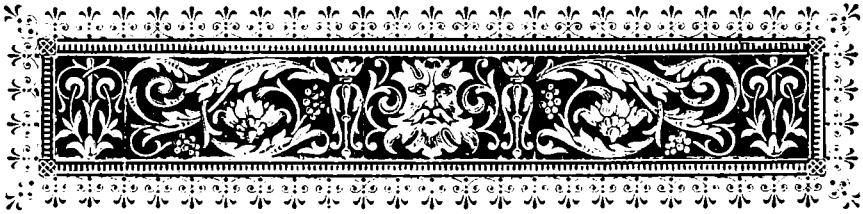

П о п р а в к а.

Полковникъ Мезенцовъ убитъ на 3-мъ бастионѣ оборонительной линіи при штурмѣ Севастополя 27 августа 1855 года, команда не Александровскімъ полкомъ, какъ сказано въ запискахъ генерала Ольшевскаго (полкомъ, находившимся въ это время на I отдѣленіи оборонительной линіи), — а Селевгинскімъ пѣхотнымъ полкомъ 11-й пѣхотной дивизіи.

Алабинъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Матеріалы и замѣтки.

Письма В. Ушакова И. И. Сосницкому.

I.

Москва 9 февраля 1837 года.

Вѣрите, любезнѣйшій Иванъ Ивановичъ, что я умѣю цѣнить ваше расположеніе. Вы вспомнили обо мнѣ при свиданіи съ Куликовымъ и препоручили ему сказать мнѣ ваше слово привѣтливое. Но объ этомъ до меня дошли только слухи, потому что Куликовъ вопреки пословицъ, употребленной въ старинной комедіи Копьева, какъ поѣхалъ въ чужіе края поросенкомъ, такъ поросенкомъ и возвратился. Конечно, хорошо, что не большою свиньей, да пора бы выйти изъ четвероногихъ. Все дѣло въ томъ, что онъ до сихъ поръ не потрудился самъ исполнить вашего порученія, которое впрочемъ я почитаю мною исправно выполненнымъ.

Книгопродавецъ Лисенковъ доставить вамъ экземпляръ моего послѣдняго сочиненія. Я говорю послѣдняго, а не новаго, потому что оно было написано еще въ 1835 году и не печаталось по причинѣ моей болѣзни,—потрудитесь у него же взять и доставить экземпляръ Матвѣю Михайловичу Пинскому, котораго адреса я теперь не знаю. О вашихъ петербургскихъ театрахъ—вѣсти самыя благопріятныя. Раздѣленіе труппы—важный шагъ къ совершенству. Исполненіемъ всѣ довольны — кромѣ меня, ничего не издавашаго. А недоволенъ я пьесами, которыя у васъ играютъ. Грѣшно вамъ, господа! Какія богатства, какія сокровища для сцены есть въ репертуарахъ нѣмецкомъ и англійскомъ! А вы угощаете публику Киномъ! *Fi donc!*.. Теперь ваша чередъ управлять вкусомъ публики, и повѣрьте, что если вы приметесь за дѣльное, вы увлечете ее. Да чего зѣваетъ (съ позволенія ска-

затѣ) ваша дирекція? Зачѣмъ не переманиваетъ она къ себѣ нашу Савицкую, отличную пѣвицу, которая здѣсь занимаетъ должность оперной подставки или затычки, при самомъ скудномъ жалованьи? Еще три-четыре года, и талантъ ея пропадетъ понапрасну! жаль будетъ! Но вотъ глупая привычка: мѣшаться не въ свои дѣла. Мое дѣло теперь увѣрить васъ, что я все по-прежнему истинно вамъ преданный В. Ушаковъ.

II.

Москва 10 марта 1837 года

Пріятное письмо ваше, любезнѣйшій Иванъ Ивановичъ, обязываетъ меня тѣмъ большею благодарностью, что вы оправдали Куликова. Для меня нѣтъ ничего большаго, какъ быть о комъ-нибудь худаго мнѣнія. Мнѣ кажется, я охотно согласился бы по совѣсти признать себя низшимъ изъ всей живущей брати, лишь бы только другихъ былъ обязанъ уважать. Это желаніе болѣе оказываетъ эгоизма, нежели христіанскаго смиренія, но по крайней мѣрѣ оно не обижаетъ никого.

Кстати о христіанскомъ служеніи! Въ письмахъ вашихъ ко мнѣ вы такъ себя унижаете, что если бы я не зналъ вашихъ благородныхъ свойствъ, то, право, подумалъ бы, что вы меня дурачите!—Повторяю вамъ то, что неоднократно говорилъ: какъ человека, я не могу васъ не любить, и это чувство дѣлать со мною всѣ знающіе васъ. Какъ съ артистомъ—ваше знакомство для меня лестно, въ полномъ смыслѣ. Сосницкихъ не много на свѣтѣ. А я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые умѣютъ цѣнить отличный талантъ, образованный собственнымъ стараніемъ и безкорыстною любовью къ искусству. Къ этому должно прибавить и то, что если я что-нибудь значу въ моемъ литературномъ ремеслѣ, то конечно значу вдесятеро менѣе, нежели вы въ вашемъ сценическомъ искусствѣ. А ежели я превосхожу васъ познаніями, то вся честь моей образованности принадлежитъ не мнѣ, а покойному отцу, который объ этомъ заботился съ истинно родительскою любовью. Будь я лишень такихъ пособій въ моемъ дѣтствѣ, то можетъ быть остался бы неучемъ на всю жизнь.

Вызовъ вашъ написать оригинальную комедію подкрѣпленъ желаніемъ такой особы, что я и на смертномъ одрѣ принялся бы за работу, если бы на то достаточно было моей доброй воли. Но.. по-русски слово но значитъ: здѣсь есть крючекъ!

Объ этомъ-то крючкѣ намѣренъ я потолковать съ вами пространно, хотя бы мое многословіе и наскучило вамъ—пространно и откровенно, какъ еще ни съ кѣмъ не говаривалъ. Да будетъ мое сознаніе новымъ доказательствомъ моего къ вамъ уваженія.

Что я приобрѣлъ навыкъ въ литературномъ производствѣ (какъ говорятъ въ Москвѣ), это не подлежитъ никакому сомнѣнiю; что я могу писать свободно, легко, чистымъ разговорнымъ языкомъ—это мною доказано; что я имѣю понятiя, и очень основательныя, о сценѣ и о драматическомъ искусствѣ—это признають и враги мои. Но самое это понятiе до сихъ поръ и удерживало меня отъ всякой попытки сочинять для театра. Въ романѣ, въ повѣсти—придуманное происшествiе во всѣхъ частяхъ своихъ легко связывается разговоромъ самого автора, описанiями дѣйствiя и мѣста онаго—и, такимъ образомъ, идетъ до конца непрерывною цѣпью. Но въ драматическомъ произведенiи такихъ средствъ употреблять нельзя. Тутъ самое дѣйствiе должно идти безостановочно, и всегда съ одинакою занимательностью, такъ сказать, ровнымъ шагомъ. Это искусство требуетъ уже совсѣмъ особеннаго навыка. Остановимся на словѣ навыкъ.

Мнѣ справедливо замѣтятъ, что каждый драматическiй, да и всякiй писатель, я въ томъ числѣ,—начиналъ же когда-нибудь безъ навыка. Конечно! только безъ генiя (прошу замѣтить: безъ генiя, съ однимъ талантомъ) никто не начиналъ этого шествiя иначе, какъ по пути, уже проложенному другими. Не мудро было Скрибу сочинять свои водевилы, разыгрывая партiю въ бильярдѣ: слишкомъ за сто лѣтъ до него дорога была проложена, и не давалъ ей ни заглухнуть, ни зарости, словомъ, предшествующихъ образцовъ была тѣма, а знакомство съ ними съ малыхъ лѣтъ есть тотъ же навыкъ. Малолѣтнiй сынъ музыканта, еще не учившись, разыгрываетъ небольшiя штучки довольно вѣрно. Дочь хорошей пѣвицы шутя беретъ Ia второй октавы. Тутъ является еще возраженiе, основанное на общемъ мнѣнiи, гибельномъ для нашей литературы и даже для промышленности. «Развѣ эти иностранные образцы не могутъ служить и намъ? Развѣ намъ воспрещено знакомство съ ними? Хочешь писать комедiю—изучай Мольера, Реняра, Шекспира и проч.!» — Смѣло могу сказать, что я, нижеподписавшiйся, изучалъ всѣхъ драматическихъ писателей извѣстныхъ мнѣ иностранныхъ языковъ, и изучалъ до того, что знаю ихъ наизусть. Назовите мнѣ дѣйствующее лицо, повторите замѣчательную фразу, я безошибочно скажу вамъ, какой пьесѣ они принадлежать. Но это знанiе не только не окрыляетъ меня, а напротивъ, заставляетъ смиренно поджать крылья. Это изученiе ясно показываетъ мнѣ, что всякiй иностранный писатель принадлежитъ своему народу, изображаетъ свой бытъ, дѣйствуетъ въ своей сферѣ, воздѣлываетъ свою почву. И все это у насъ не годится. Намъ нужно свое.—«Вотъ вздоръ какой! страсти и предрасудки одни и тѣ же у всѣхъ народовъ». — Все равно, еслибъ я сказалъ: физиономiи однѣ и тѣ же, или еще вѣрнѣе: климатъ вездѣ одинаковъ, потому что вездѣ бываетъ вѣдро и ненастье! Вотъ, любез-

ный другъ, то, чего мы упорно не хотимъ понимать и даже въ понимающемъ называемъ предубѣжденіемъ. Что я говорю! Во дни оны, князь Вяз... не шутя убѣждалъ, что русскаго покроя (его выраженіе) въ словесности быть не можетъ, потому что онъ вовсе не существуетъ! Въ томъ-то и бѣда, что существуетъ, только не отысканъ. А не отысканъ потому, что лѣнливо ищуть. Русскій — мастеръ все перенять. Покажите образецъ; а ось и мы какъ-нибудь смастеримъ! А думать, изобрѣтать—не наше дѣло! Не надѣлалъ насъ Богъ заморскою хитростью! Да и на что она? и проч.—Вы вѣрно сами это слышали не одинъ разъ. Замѣтите, что слово а ось и какъ-нибудь эти основанія всякаго дѣла въ Россіи—суть коренныя русскія и равносильныхъ не имѣютъ ни на одномъ иностранномъ языкѣ. Такъ-то у насъ все и дѣлается, съ безпрестанными ссылками на иностранные образцы. Да дѣло идетъ не о образцахъ, а о путяхъ, о дорогахъ. Что мнѣ прибыли отъ того, что около Парижа превосходныя шоссе, когда у насъ въ Сусевской части послѣ дождей проѣзду нѣтъ? Князь Шах... перетаскилъ и перекрестилъ въ русское значительную часть иностранныхъ репертуаровъ, да что проку?

Эти новые пути, на родной почвѣ—пролагаются, какъ я выше замѣтилъ, геніями, являющимися разъ, два, три въ цѣлое столѣтіе. Были ли они у насъ? Проложили ли пути? Сдѣлали ли какое-нибудь начало? Создали ли что-нибудь національное? Къ счастью, можно сказать: были и именно въ комедіи. Вотъ четыре произведенія, которыя могутъ назваться геніальными попытками. Исчисляю ихъ по хронологическому порядку: 1) Недоросль. 2) Ябеда. 3) Горе отъ ума. 4) Дворянскіе выборы. Да не болѣе и не другое что! Наша чопорная, обезьянная и вмѣстѣ безмозглая критика можетъ говорить, что хочетъ; но поименованныя мною комедіи суть точно геніальныя попытки, которыя были бы въ послѣдованіи чисто геніальными твореніями, если бы... А въ чемъ состоитъ это: если бы?

Вамъ ли мнѣ рассказывать, любезный другъ, когда вашимъ усиліямъ мы обязаны сохраненіемъ одной изъ этихъ комедій? Какая была ихъ судьба? Недоросль—игранъ по настоянію князя Потемкина и по велѣнію безсмертной Екатерины. Ябеда надписана собственною рукою императора Павла. Горе отъ ума въ клочкахъ и въ отрывкахъ выпрошено, вымолено, осмѣлюсь сказать—вымучено у Вѣнценоснаго Покровителя талантовъ! Дворянскіе выборы, не имѣвшіе сильной защиты, при самомъ рожденіи задавлены какими-нибудь предводителями. Сколько было сопротивленій! и какихъ? Похожихъ на отчаянную борьбу безумныхъ поляковъ!! Кто это такъ жестоко возставалъ? Тотъ, та или то, кто у насъ еще въ большой силѣ, и въ такой силѣ, что пошевелъ находишь пощаду. Это—не въ жество.

Недоросль почитался оскорбленіемъ въ сему дворянству: Ябеда свято-татственно посягала на законы и на блюстителей ихъ; Горе отъ ума— не иное что, какъ пасквиль на древнюю столицу, а Дворянскіе выборы—явная, непростительная дерзость противъ одной изъ важнѣйшихъ привилегій высшаго русскаго сословія! Все это говорилось! Все это утверждалось! Все это неистово вопіялось и выдавалось за любовь къ отечеству и законному порядку! Если бы все это происходило не отъ невѣжества, то какъ бы оно было низко, подло, отвратительно! И кому охота посвящать нѣсколько лѣтъ трудолюбивой жизни на созданіе предмета такихъ ужасныхъ гоненій? Въ заключеніе этой сѣтующей авторской выходки, напомню вамъ то, что вы лучше меня знаете: что досталось Гоголю за его комедію «Ревизоръ», одобренную самимъ Государемъ Императоромъ! Уважено ли было это священное поощреніе, не кретиною—та имѣеть свои права! а могущественнымъ невѣжествомъ, которое оскорбляется толчкомъ, даннымъ его дворной собакой?.. Довольно, и слишкомъ довольно—о могущественномъ невѣжествѣ. Перейдемъ къ другому, не такъ сильному. Какъ не догадаться, что рѣчь дошла до нашей матушки голубушки, до ненаглядной нашей умницы, госпожи Ценсуры? Какимъ-то уставомъ она руководствуется? А вотъ какимъ: почему я знаю? Какъ неравно это не понравится, то мнѣ бѣда! Лучше не пропускать!—Объ этомъ благомъ правилѣ я кое-что знаю. Не одну такую пилюлю я проглотилъ! Повѣрите ли, что въ одной моей статьѣ ценсура вымарала утвержденіе взяточника, что наживаться отъ мѣста есть дѣло позволительное, ежели концы въ воду спрятаны? «Это-де оскорбляетъ все многочисленное и почтенное сословіе господъ взяточниковъ!! Да неужели вы не знаете, что этихъ почтенныхъ господъ первый началъ оскорблять самъ Государь Императоръ, предавшій ихъ преслѣдованію законовъ и всеобщему презрѣнію?—Да! такъ! Государь Императоръ можетъ это дѣлать, а не ты! «Кессе, кессе, кессе ля?? Что-за дерзкія сужденія? Вредныя мысли! Либеральныя правила!! Скорѣе разорвать, сжечь это письмо! Неравно попадешь въ бѣду!...»

Не боюсь! Этого не скажетъ мой милый, мой почтенный Иванъ Ивановичъ. Скорѣе онъ тяжелымъ вздохомъ подтвердитъ справедливость моихъ непріятныхъ показаній!.. Въ любви къ отечеству и къ законному порядку, въ преданности къ престолу, въ обожаніи Особы Императора Николая и въ непримиримой враждѣ къ гнусному безумному либерализму—я не только никому не уступаю, но даже превосхожу многихъ и многихъ. Я фанатикъ на этотъ счетъ, когда угодно. И доказываю это жизнью моею и сочиненіями. Но посему не считаю себя лишеннымъ права негодовать на невѣжество и говорю это

всегда смѣло, хотя и не всенародно. Я увѣренъ, что и слушающій меня не постыдится.

Однако я еще не покончилъ моей диссертациі. Остается взглянуть на современную критику, которая также бываетъ порядочно помѣхово въ каждомъ дѣльномъ начинаніи. Вы читаете русскіе журналы. Скажите, по совѣсти, гдѣ вы нашли постоянно—доброе совѣстную критику? Появилось сочиненіе съ яркими, разительными красотами—начинаются возгласы: это превосходно! неподражаемо! становится на ряду съ лучшими произведеніями всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ! Это наша національная гордость! Словомъ—пойдутъ такія безусловныя похвалы, что самому автору бываетъ и тошно, и стыдно. Такая пѣсня была пропѣта и Горю отъ ума, до сихъ поръ порядочно и дѣльно не разобранному и не оцѣненному. — Вотъ другое сочиненіе, безъ блескокъ, съ прочными достоинствами, съ неподдѣльными красотами, хотя и не поражающими съ перваго взгляда—это что? мы этого не понимаемъ! Мы тутъ ничего не видимъ? Съ чѣмъ это идетъ въ сравненіе? По какому образцу создано? Нѣтъ! это не по насъ! мы не того потребуемъ (!)—Чего же вы требуете?—чего? Того, что мы хотимъ!—А чего вы хотите?—Мы хотимъ. Je veux, mais sitot que je pense, je ne sais pas ce que je veux ¹⁾!—Изъ французскаго романа вѣрный девизъ нашихъ критическихъ требованій!..

А между тѣмъ надобно блеснуть своимъ умомъ, своими познаніями! Никуда не годится—вотъ самый справедливый приговоръ, который выражается большею частью парижскою статейкою, передѣланною на русскіе нравы. Пожалуй и германскою, основанною на теоріи изящнаго, которая, какъ башмакъ Сандрильоны, никому не въ пору, кромѣ самого критика!.. А что еще дѣлается—объ этомъ совѣство и говорить! Укажу вамъ только на работѣпный ѳиміамъ, воскуренный недѣпой комедіи Заг... («Недовольные»), для возженія котораго безсмертное твореніе Грибоѣдова было употреблено вмѣсто уголья!

Все это такъ мнѣ опротивѣло, что я рѣшительно отказался отъ литературы, которой большой пользы принести не могу. А трудиться безъ пользы—дѣло непростительное! Отнынѣ, мои занятія по части словесности будутъ ограничиваться одною или двумя пустыми статьями въ «Сѣверной Пчелѣ», которыя буду посылать туда, какъ увѣдомленіе знакомымъ и незнакомымъ пріятелямъ, что я еще нахожусь въ живыхъ.

Однако, я былъ бы слишкомъ неблагодаренъ предъ людьми благомыслящими, лестно ободравшими мои труды, еслибы предался совершенному бездѣйствію. Отрекаясь отъ легкой, романической и журнальной

¹⁾ Я хочу, но какъ подумаю, такъ и не знаю, чего хочу.

словесности, этой поживы книгопродавцевъ и журналистовъ—я непрепятственно могу избрать другой путь. И знаете ли? Вашъ вызовъ подстрекнулъ меня! Но не авторское самолюбіе, нѣтъ! Вотъ чѣмъ я это докажу.

Назадъ тому лѣтъ шесть, я приступилъ было къ созданію русской комедіи, т. е. одной только пьесы. Объ этомъ я вамъ и говорилъ. Но причины, изложенныя выше и вамъ первому открытыя—заставили меня бросить это намѣреніе.

Планъ и ходъ комедіи сохранились въ моей головѣ. Нѣкоторыя сцены совершенно улажены—въ воображеніи. И я могу сказать, какъ Расинъ: поздравьте меня! Я сочинилъ пьесу. Стоитъ только ее написать.

И напишу. И къ вамъ пришлю на разсмотрѣніе. И если вами одобрится (разумѣется, и ценсурю), то предоставлю вамъ право назначить ее къ представленію. Имя же автора будетъ извѣстно только вамъ и откроется другимъ въ томъ случаѣ, когда можно будетъ за пьесу получить плату. Трудиться безъ возмездія—было бы безумно. Вотъ вамъ мое обѣщаніе, исполненіе коего зависитъ отъ воли Божіей. Я человѣкъ больной.

Вообразите! Я теперь только замѣтилъ, что дописываю седьмую страницу. Вѣдь въ печати это составило бы пятнадцатую. Виновать, любезнѣйшій Иванъ Ивановичъ! Но и то сказать—сами вы задѣли мои литературныя дрожжи. Онѣ и давай бродить. Немножко просто-народно я заговорилъ, да вѣдь недавно рѣчь шла о Заг... видно отъ него и ко мнѣ привилась. Винюсь вторично, и оканчиваю мое длинное посланіе отвѣтомъ на другіе пункты вашего письма.

Что я вамъ очень благодаренъ за рекомендацію Государю Императору—объ этомъ и говорить нечего. Вы, можетъ быть, немного увлеклись предубѣжденіемъ дружбы, поставивши меня выше другихъ,—но кто же за это сердится? Ваша похвала въ такомъ важномъ случаѣ неоспоримо была самая чистосердечная. Не мѣста или не милости какой вы мнѣ выпрашивали, а назвали меня по совѣсти и зная, что я ничего не домогаюсь при дворѣ. За это нельзя не быть благодарнымъ. Журнальныя похвалы не въ силахъ болѣе возвысить писателя. Сочиненіе мое, какъ по справкамъ оказалось, послано не къ Лисенкову, а къ Смирдину. Отъ него и благоволите получить. Киргизъ-Кайсака отправилъ бы и съ этимъ письмомъ. Но если онъ вамъ такъ угоденъ, то вѣрно займетъ мѣсто въ вашей библіотекѣ. Не ловко же туда явиться безъ приличнаго костюма. Званый гость! Какъ только выйдетъ отъ переплетчика, то доставится прямо къ вамъ.

Еленѣ Яковлевнѣ—мое почтеніе. Куликовъ сказываетъ, что она сдѣлала премилую попытку въ роляхъ старухъ. Поздравляю, отъ души

поздравляю и хвалю по совѣсти. Она воскресить и Сандунову, и Лисицыну, и даже покойницу Бра. Если Елена Яковлевна помнитъ—я ей совѣтовалъ это, разумѣется, на предбудущее время. Съ тѣхъ поръ прошло девять лѣтъ! Нелас! Увы!...

Даже и перо отказывается. Прощайте, любезнѣйшій Иванъ Ивановичъ! Если жизнь моя продлится, то я непременно буду въ Петербургѣ, не далѣе какъ къ будущей веснѣ. Мнѣ хочется взять съ собою Самарина, у котораго большая охота побывать въ резиденціи; да и нужно для хорошаго артиста. Если это сбудется, то, разумѣется, я и на костыляхъ моихъ взберусь къ вамъ. Продолжайте быть украшеніемъ и поддержкою русской сцены. Только, ради Бога, оберегайте ее отъ нелѣпостей, даже и въ обставкѣ пьесъ. Не допускайте безобразныхъ париковъ для означенія старости; неприличны распусканія волосъ для выраженія горести; неумѣстныхъ шлейфовъ и токовъ съ перьями ради ливрен знатности; въ особенности щеголевато модныхъ костюмовъ и причесокъ у служанокъ и у крестьянокъ. О, да объ этомъ надобно написать еще восемь страницъ. Прощайте!

Душевно васъ любящій В. Ушаковъ.

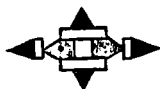
З а м ѣ т к а.

Въ I книгѣ журнала „Русская Старина“, въ текущемъ году была помѣщена интересная статья г. Шварсалона: „Итальянскіе историческіе документы о Россіи“. По поводу находящагося въ „Ватиканскомъ сборникѣ“ документа: „Любопытнѣйшіе прѣдѣлы господъ московскихъ пословъ, которые находятся теперь въ Ливорно, проѣздомъ въ Венецію“, г. Шварсалонъ совершенно справедливо укоряетъ издателя „Ватиканскаго {Сборника“, г. Карина, въ томъ, что онъ не разъясняетъ вопросовъ, касающихся этого посольства: что это было за посольство, съ какою цѣлью оно посѣтило Италію, каковъ былъ результатъ его? Это тѣмъ болѣе удивительно, что такіе „авторитеты“, какъ о. Пирлингъ, должны бы знать русскіе обнародованные документы, касающіеся пребыванія русскихъ посольствъ въ Италіи.

Въ Ливорно останавливалось два посольства: стольникъ Иванъ Чемодановъ съ дьякомъ Алексѣемъ Посниковымъ и боровскій намѣстникъ Василій Ивановичъ Лихачевъ съ дьякомъ Иваномъ Ѳоминымъ. Несомнѣнно, что извѣстія „Ватик. Сборника“ относятся къ Чемоданову и Посникову, потому что проѣздомъ въ Венецію они останавливались въ Ливорно. Лихачевъ и Ѳомиръ изъ Ливорно, направились во Флоренцію. При Чемодановѣ находился „крестовый попъ“, описаніе котораго встрѣчается въ документѣ „Ватик. Сборника“. Когда посольство 1659—60 года, В. И. Лихачевъ и Ѳомиръ—были уже въ Пизѣ, то послѣдній, въ рѣчи къ Фердинанду II, сказалъ: „отъ Его Царскаго Величества посланы были къ Венеційскому Францискусу князю посланники стольникъ Иванъ Чемодановъ, да дьякъ Алексѣй Посниковъ и имъ случилось ѣхать вашей честности владѣніемъ“. Далѣе, изъ словъ дьяка Ѳомина видно, что цѣлью посольства Чемоданова было—сообщеніе, что царь Алексѣй Михайловичъ, исполняя желаніе герцога, готовъ ссылаться съ нимъ посольствами и т. д.

Это извѣстіе находится въ „Русскомъ Историч. Сборникѣ“, изд. М. Погодинымъ, М. 1838 г., стр. 326, 327, въ интересной статьѣ А. Черткова, озаглавленной: „Описаніе посольства, отправленнаго въ 1659 г. отъ Царя Алексѣя Михайловича къ Фердинанду II, великому герцогу Тосканскому“.

Е. Пономаревъ.

Вышелъ и разосланъ подписчикамъ ШЕСТОЙ томъ
и принимается подписка
на слѣдующіе томы
иллюстрированнаго роскошнаго изданія:

„ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ“ БРЭМА.

Переводъ подъ редакціею магистра зоологіи М. М. Сентъ-Илера.
Изданіе Товарищества „Общественная Польза“.

Съ хромолитографированными рисунками отъ 15 до 20 красокъ и со множествомъ политипажей въ текстѣ. Вновь переработано профессоромъ Пехуэль-Леше, при содѣйствіи доктора Гаака.

— ПЕРЕВОДЪ ПОЛНЫЙ, безъ всякихъ пропусковъ или произвольныхъ сокращеній и сдѣланъ съ новаго третьяго измѣднаго изданія.

На ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ, ТРЕТІЙ, ЧЕТВЕРТЫЙ, ПЯТЫЙ и ШЕСТОЙ ТОМЫ подписка прекращена, а продаются по 6 р., съ перес. 6 р. 50 к. каждый томъ.

Все изданіе будетъ въ ДЕСЯТИ ТОМАХЪ, и подписка принимается на каждый томъ отдѣльно.

Лица, желающія подписаться на полученіе СЕДЬМАГО тома, который будетъ разосланъ въ декабрь 1894 года, высылаютъ книгу же 5 руб., съ пересылкой 5 руб. 50 коп. Въ отдѣльной продажѣ ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ, ТРЕТІЙ, ЧЕТВЕРТЫЙ, ПЯТЫЙ и ШЕСТОЙ ТОМЫ стоятъ по 6 руб., съ пересылкою 6 руб. 50 коп.

— Чтобы дать возможность каждому приобрести это капитальное сочиненіе, не затрачивая разомъ значительной суммы, издатель предлагаетъ подписчикамъ седьмой томъ получать и выпусками, не ожидая выхода полнаго тома, а потому:

1) При подпискѣ вносится 1 руб.—2) При высылкѣ 1, 2, 3, 4 и 5 выпусковъ на каждый изъ нихъ будетъ наложенъ платежъ по 1 р., а послѣдній ШЕСТОЙ выпускъ будетъ разосланъ ВЕЗПЛАТНО. —

Для служащихъ допускается рассрочка со взносомъ 1 руб. въ мѣсяцъ, за поручительствомъ кавначеевъ.

На тѣхъ же условіяхъ будетъ открыта подписка и на слѣдующіе томы.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА въ С.-Петербургѣ въ Товариществѣ „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39 и въ Москвѣ, въ магазинѣ Картографическаго заведенія А. Ильина, Петровскія линіи, № 17.

— Подписывающіеся на VII томъ изъ склада Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39, на полученіе полнаго тома, за пересылку не платятъ, по выпускамъ же никакихъ уступокъ не дѣлается. Подписавшіеся на полученіе тома выпускамъ не получаютъ —

— Подписывающіеся теперь же на седьмой томъ могутъ подписаться и на первые шесть томовъ, при чемъ какъ за первый, такъ за второй, третій, четвертый, пятый и шестой томы высылаютъ по 5 руб. 50 коп. съ пересылкою.

— Желающіе получать томы въ одинаковыхъ прочныхъ переплеткахъ съ кожаннымъ корешкомъ и углами приплачиваютъ: городскіе по 1 р. за каждый томъ, иногородные по 1 р. 25 к., выписывающіе же изъ Азиатской Россіи уплачиваютъ по почтовому тарифу за 5 фув.

ТОВАРИЩЕСТВО „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“

ПРИБРѢЛО ПРАВО НА ИЗДАНИЕ И

ВЫПУСТИЛО 1, 2 И ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ 3-й КНИГИ, т. е. I—XII Т.

ИСТОРИИ РОССИИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНИЕ

Сергѣя Михайловича Соловьева.

Стоить при подпискѣ 18 руб., съ перес. 18 руб.

Полное сочиненіе безъ всякихъ сокращеній и измѣненій въ 20 томахъ; въ немъ будетъ приложенъ указатель и гравированный на деревѣ портретъ автора съ факсимиле (чего до сихъ поръ при изданіи не было).

Всѣ 20 томовъ и указатель около 5000 страницъ или до 10000 столбцовъ будутъ помѣщены въ 6-ти книгахъ четкой убористой, большого формата въ два столбца, печати, въ каждой книгѣ по пяти томовъ, въ послѣдней книгѣ четыре тома и указатель.

Всѣ 20 томовъ и указатель по подпискѣ стоятъ 18 руб., съ пересылкою 18 руб. (вмѣсто нынѣ существующей цѣны за 20 томовъ 58 р. безъ пересылки). По выходѣ же въ свѣтъ всего изданія подписка прекратится и въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить 22 руб.

Подписка принимается только на все изданіе, которое выйдетъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ.

Подписывающіеся на полученіе всего изданія 20 томовъ, въ 6-ти книгахъ, при подпискѣ высылаютъ 3 р., при высылкѣ каждой книги будетъ наложенъ платежъ на 1-ю, 2-ю, 3-ю, 4-ю и 5-ю по 3 р. и за наложенный платежъ, и за заказъ по 20 к., а 6-я книга будетъ выслана бесплатно. Высылающіе же при подпискѣ 18 руб. сполна, при полученіи книгъ, какъ за наложенный платежъ, такъ и за заказъ ничего не платятъ.

Чтобы еще болѣе облегчить каждому приобрести знаменитое сочиненіе ИСТОРИИ РОССИИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ Серг. Михайл. Соловьева въ 20 т., Товарищество допускаетъ также подписку и съ меньшими взносами, а именно: можно подписываться на полученіе всего изданія выпусками, въ каждомъ выпускѣ будетъ до 25 печатныхъ листовъ. При подпискѣ на полученіе выпусками вносить 1 р. 50 к.; при высылкѣ первыхъ одиннадцати выпусковъ будетъ наложенъ платежъ по 1 р. 50 к. и за наложенный платежъ, а также и за заказъ по 15 к. на выпускъ, а остальные выпуски и указатель будутъ высланы бесплатно.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ исключительно въ Товариществѣ „Общественная Польза“, СПб., Б. Подъяч., 39.

Будутъ изготовлены прочные переплеты и крышки на всѣ 6-ть книгъ одинаковаго вида; за каждую книгу приплачиваютъ по 1 р., съ пересыл. по 1 р. 25 к., кромѣ Азіатской Россіи и заграничн. подписч., каковымъ пересылка производится за ихъ счетъ.

Григорій де-Волланъ. По бѣлу свѣту. Путевыя замѣтки. Часть первая. Испанія.—Египеть.—Цейлонъ и Индія Сиб. 1894 г. 368 стр. Ц. 2 р. 25 к.

Авторъ интересной книги, заглавіе которой нами приведено выше, задался скромною цѣлью — исполнить роль страстнолюбящаго фотографа-любителя, и нарисовалъ въ своей книгѣ не мало прекрасныхъ картинъ.

Первыя три главы посвящены Испаніи. Начинаетъ авторъ свое повѣствованіе съ самаго прозаическаго предмета — съ испанской таможи. Багажъ осматривали на границѣ въ Ирунѣ, въ Санъ-Себастьянѣ, въ Бургосѣ, однимъ словомъ во время каждой остановки. Не поврались автору и почтовые порядки испанцевъ. За то желѣзная дорога въ Бильбао, по его словамъ, составляетъ чудо инженернаго искусства: поѣздъ мчится на всѣхъ парахъ по головокружильнымъ высотамъ, по карнизамъ горъ, а сбоку зіяютъ пропасти, на днѣ которыхъ видны деревни, утонувшія въ зелени. Соборъ въ Бургосѣ — чудо архитектурнаго искусства. Отдѣлка, тонкость работы изумительны, но, рядомъ съ художественными произведеніями Леонардо да-Винчи, Мурилло, изваяніями Петра Бургоскаго, изображающими страданія Спасителя, есть и безвкусица — въ родѣ деревянной статуи Христа. Сказавъ о Cartuja de Miraflores и о Las Huelgas (аристократическомъ женскомъ монастырѣ), о желѣзнодорожныхъ порядкахъ, по дорогѣ въ Сантандеръ, авторъ болѣе подробно останавливается на Эскориалѣ, говоритъ о Мадридѣ, Толедо и Аранхуедѣ. Въ третьей главѣ говорится объ Андалузій, Кордовѣ, Севильѣ, Гренадѣ, Генералифтѣ и Альгамбрѣ.

Египту авторомъ посвящены также три главы. Говоря о Суэзѣ, куда онъ пріѣхалъ на прекрасномъ французскомъ пароходѣ «Осѣаніен», авторъ приводитъ, между прочимъ, не лишеныя интереса статистическія данныя, напр. акціи, стоявшія 500 фр., колебались отъ 165 фр. (1871 г.) до 3.550 (1882 г.) и даютъ дохода 71 процентъ. Описавъ Каиръ, его окрестности и Булакскій музей, авторъ переходитъ къ пирамидамъ. «Очень интересны могилы. Эти массивныя постройки представляютъ неистощаемое богатство для археолога. На стѣнахъ могилы нарисовано все семейство умершаго и масса жанровыхъ картинокъ, которыя такъ живо рисуютъ намъ жизнь древняго Египта... Къ несчастью, большинство изъ этихъ памятниковъ занесены пескомъ». Посѣтивъ Эль-Асхаръ, авторъ отправился въ Абу-Серпой — древній коптскій храмъ, побывалъ въ Мемфисѣ, Серапеумѣ, домѣ Маріетта и Александріи. «Александрія послѣ Каира представляется не интересною и не оригинальною», поэтому, говоритъ авторъ, когда вы ѣдете въ Египеть, но непременно надо начать съ Александріи. Это смѣшеніе Европы съ мусульманскимъ Востокомъ, новыя типы, которые вы видите въ первый разъ, базаръ съ восточными товарами, пестрая уличная жизнь, полная

колоритности и движенія, — все это производитъ довольно сильное впечатлѣніе на новичка. Въ шестой главѣ г. де-Волланъ говоритъ о поѣздѣ въ Верхній Египеть, гдѣ онъ посѣтилъ Сіутъ, Ассуанъ, храмъ въ Филе, Эдфу, Эсне, стовратныя Фивы, Луксорскій храмъ и Карнакъ.

Послѣдующія главы повѣствуютъ намъ о Индіи и Цейлонѣ. Прежде всего авторъ подробно говоритъ о прошломъ Цейлона, его кофейныхъ и чайныхъ плантаціяхъ, о муниципальномъ устройствѣ Коломбо и Банди, бывшей столицы Цейлона. По поводу религіи Индіи и Цейлона, г. де-Волланъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что большинство нашей публики (за исключеніемъ ученыхъ и спеціалстовъ) — имѣетъ очень смутное понятіе о религіяхъ Индіи и Цейлона. Многие изъ побывавшихъ въ этихъ мѣстахъ твердо убѣждены въ томъ, что въ Индіи господствуетъ буддизмъ, тогда какъ процвѣтавшій нѣкогда буддизмъ уже давно отступилъ передъ торжествующимъ брахманизмомъ. Далѣе говорится объ административномъ устройствѣ Индіи, индійскихъ храмахъ (Мадурскій храмъ), пагодахъ въ Срирингамѣ и о Танджорскомъ дворцѣ. Въ десятой и одиннадцатой главахъ сообщаются свѣдѣнія о нѣкоторыхъ городахъ (Пондичерри, Мадрасъ, фортъ Св. Георгія, Голконда, Гайдерабадъ), о жизни индусовъ, предразсудкахъ и повѣртіяхъ, мѣстной прессѣ и образованіи. По словамъ «Times of India», изъ 253 милліоновъ 217 не умѣютъ читать и писать, а между тѣмъ для высшаго образованія сдѣлана, сравнительно, не мало: въ Мадрасѣ, Бомбей, Калькуттѣ и Лагорѣ существуютъ университеты, созданные по образцу англійскихъ. Въ главѣ двѣнадцатой говорится о Бомбей. «Мнѣ посовѣтовали посѣтить базаръ, какъ одно изъ самыхъ роскошныхъ зданій въ Бомбей. Глядя на каменную громаду, построенную изъ желѣза и камня, я думалъ: когда-то въ нашихъ городахъ будутъ такіе рынки». Въ слѣдующей главѣ описывается Аурангабадъ (когда-то величественная и роскошная столица Аурангзеба — одного изъ Великихъ Моголовъ), крѣпость Даулатабадъ, Элнора, Кайласъ. Въ Ахмедабадѣ г. де-Волланъ видѣлъ индусскую свадьбу и подробно говоритъ о брачной церемоніи и о положеніи женщины въ Индіи, о сектѣ жайновъ. Въ слѣдующихъ четырехъ главахъ авторъ говоритъ о главныхъ городахъ Индіи: Амберѣ (прежняя столица — оставленная потому, что старое преданіе запрещаетъ династіи жить въ одномъ городѣ больше тысячи лѣтъ), Агрѣ, Делѣ, Лагорѣ, Амритсарѣ, съ золотымъ храмомъ, построеннымъ на четырехугольной площадкѣ, въ серединѣ пруда, о Калькуттѣ и др.

Въ общемъ книга г. де-Воллана производитъ пріятное впечатлѣніе: написана она прекраснымъ литературнымъ языкомъ, напечатана на хорошей бумагѣ и четкими шрифтомъ; рисунки, — къ сожалѣнію немногочисленные, — воспроизведены вполне удовлетворительно.

Н. И-шъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА
1894 г.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портре-
тами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **ГОРОДСКИХЪ** подписчиковъ: въ С.-Петер-
бургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка д. № 145, и въ книжномъ ма-
газинѣ **А. О. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К^о). Невскій просп.,
д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ:
Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова**
(Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн.
магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный
дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова**
(Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ,
въ Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и
разказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, пре-
имущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ
биографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ,
учоныхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художни-
ковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка,
автобиографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. От-
зывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разказы и пре-
данія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго обще-
ства прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1876 г., второе изд. (40 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1877 г., 12 книгъ (22 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1878 г., 12 книгъ (20 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1879 г., второе изд. (3 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1880 г., 12 книгъ (40 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1881 г., 12 кн., изд. второе (14 экз.),	съ портр.,	9 руб.
«Русская Старина»	1884 г., 12 книгъ (40 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1885 г., 12 книгъ (32 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1886 г., 12 книгъ (3 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1888 г., 12 книгъ (41 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1889 г., двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1890 г., двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1891 г., 12 книгъ (30 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1892 и 1893 гг., 12 книгъ,	съ портретами,	9 руб.

Редакторъ-издатель: **С. Зыковъ**.

